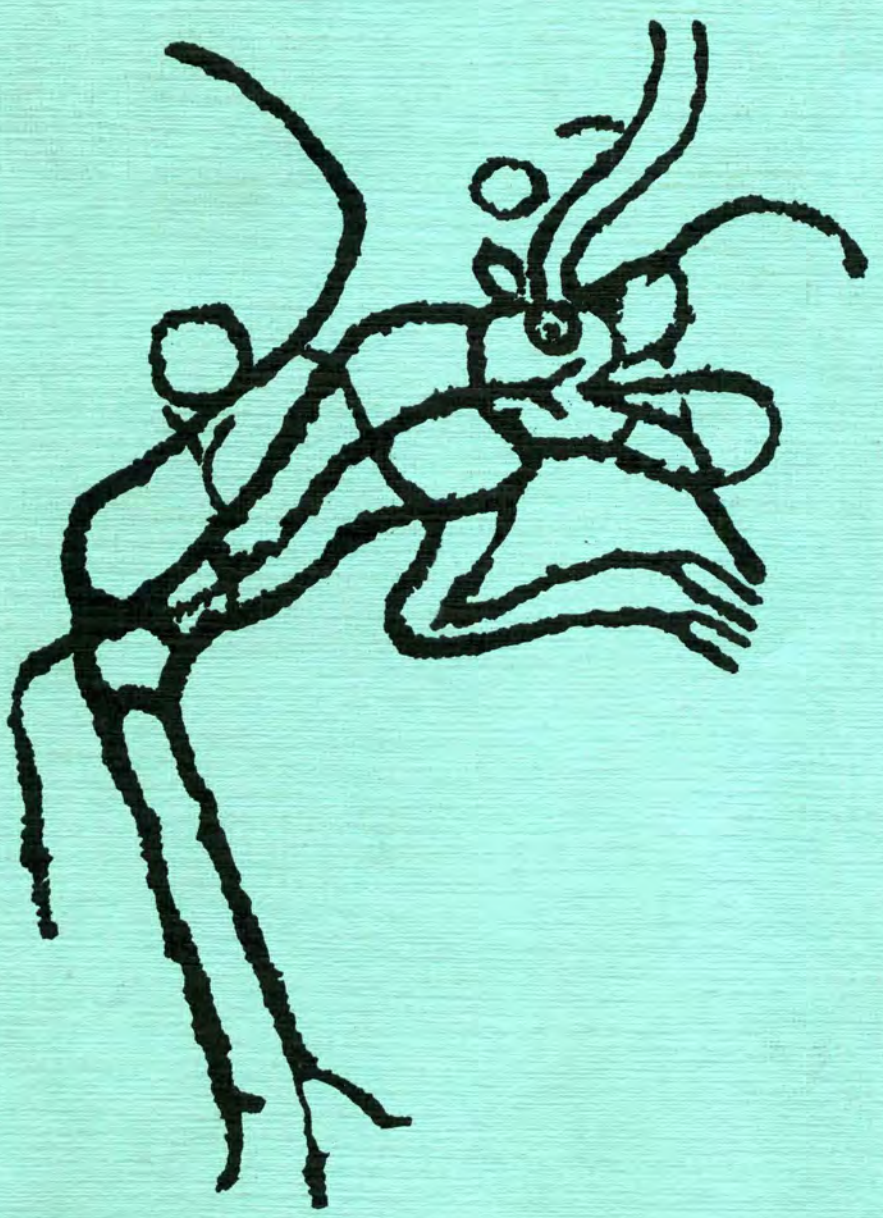
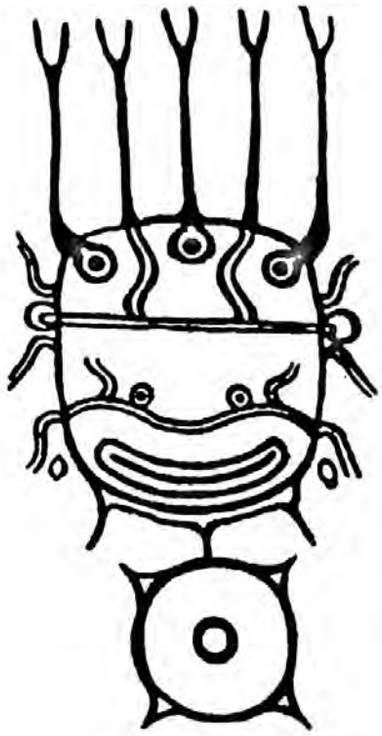
ОКУНЕВСКИЙ СБОРНИК

Культура и ее окружение

2

Санкт-Петербург
2006

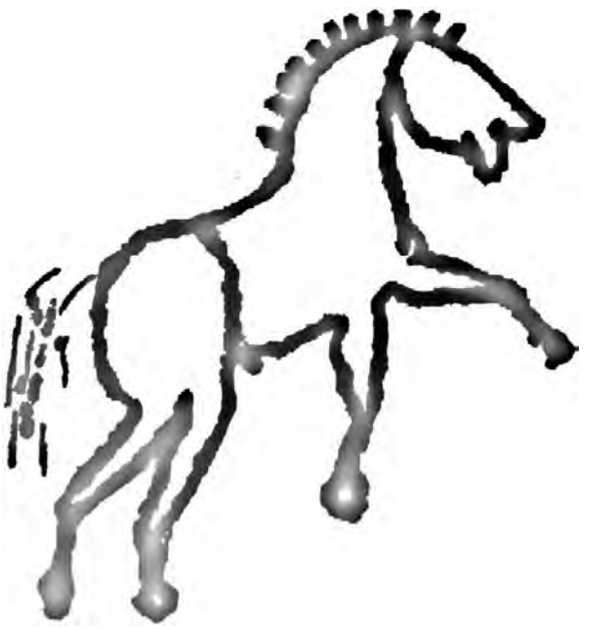

Deutsches Archäologisches Institut
Staatliche Universität Sankt-Petersburg

Okunev-Sammelband 2

Kultur und ihre Umgebung

Redaktion:
D.G. Savinov, M.L. Podolskij, A. Nagler, K.V. Čugunov

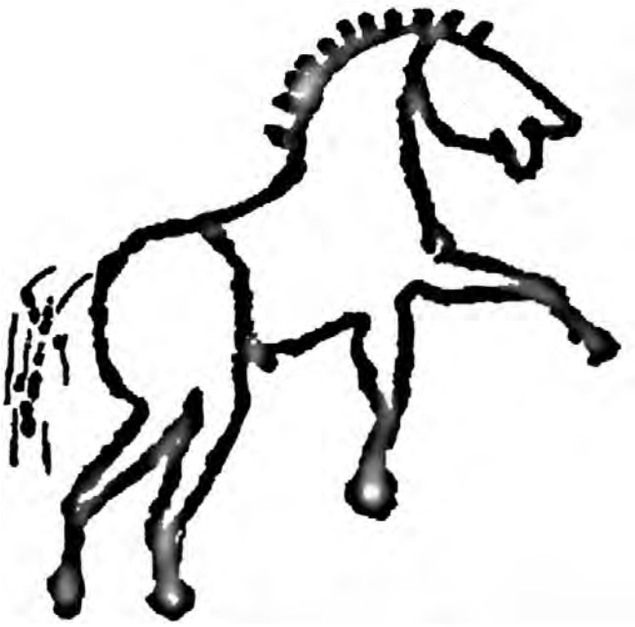
Sankt-Peterburg
2006

Германский археологический институт
Санкт-Петербургский государственный университет

ОКУНЕВСКИЙ СБОРНИК

Культура и ее окружение 2

Редакционная коллегия:
Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский, А. Наглер, К.В. Чугунов

Санкт-Петербург
2006

Составители и редакторы:
Д.Г.Савинов, М.Л.Подольский

На обложке: фигура фантастического хищника на плите
из ограды тагарского кургана Есино IX (по: Савинов, Подольский, 1995)

Предлагаемый читателю Окуневский сборник 2, как и первый Окуневский сборник (1997 г.), посвящен важнейшему периоду в истории Южной Сибири и Центральной Азии – эпохе распространения и становления на этих территориях степного скотоводства. В Минусинской котловине расположен крупнейший культурный центр того времени – окуневский. Ярче всего окуневская культура проявилась в памятниках изобразительного искусства, прежде всего, в так называемых минусинских каменных изваяниях.

Парадоксальный факт. Об изваяниях острова Пасхи знает весь мир. А о минусинских изваяниях до сих пор мало кто слышал. Хотя они много древнее, сложнее и богаче композиционно, стилистически и по содержанию.

Публикуются материалы археологических раскопок полувековой давности, по разным причинам ранее не нашедшие соответствующего отражения в археологической литературе, а также результаты раскопок последних лет в Минусинской котловине (Республика Хакасия). Публикуются материалы, перекликающиеся с окуневскими, которые происходят с сопредельных территорий: Ангара, Тува, Алтай, Кузнецкая котловина, Западная Сибирь; приводятся китайские аналогии. Все это дает широкую и яркую картину культурной жизни Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху ранней бронзы.

Издание рассчитано на археологов, историков, антропологов, этнографов, искусствоведов и всех, интересующихся древней культурой и искусством народов Центральной Азии и Южной Сибири.

ISBN 5-98683-038-5

© Германский археологический институт,
Санкт-Петербургский государственный университет, 2006

Содержание

Введение (*Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский*) 7

А.Н. Липский, Э.Б. Вадецкая. Могильник Тас Хазаа 9

М.П. Грязнов, М.Н. Комарова. Сыда V – могильник окуневской культуры 53

Комментарий к статье М.П. Грязнова и М.Н. Комаровой «Сыда V – могильник окуневской культуры» (*Л.А. Соколова*) 59

А.Н. Липский, Э.Б. Вадецкая. Афанасьевские и окуневские погребения в могильнике Бельтыры 73

М.Н. Пшеницына, Б.Н. Пяткин. Курган Разлив X – памятник окуневской культуры 82

Я.А. Шер, С.П. Грушин. Могильник раннего бронзового века Черемушный лог I 95

А. Наглер, Г. Парцингер. Новые памятники окуневской культуры в центральной части Минусинской котловины 104

С.Б. Гультов, М.Л. Подольский, И.Н. Цыганков. Окуневский курган «94-й километр» . . .120

Изображение на костяном гребешке из кургана «94-й километр» (*М.Л. Подольский*) 124

Д.А. Кириллова, М.Л. Подольский. Све Кызыл хая на севере Хакасии 130

Д.А. Кириллова, М.Л. Подольский. Све Хазынхыр – горное святилище на реке Аскиз 146

Д.Г. Савинов. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства 157

Е.А. Миклашевич. Окуневские лошади: к проблеме появления одомашненной лошади в Южной Сибири 191

Ю.И. Ожередов. Некоторые дополнения к сюжетам двух памятников окуневского искусства 212

С.В. Студзицкая. Специфические черты мелкой пластики окуневской культуры 219

Н.В. Леонтьев, С.Н. Леонтьев. Материалы эпохи бронзы Казыро-Кизирского междуречья 228

С.В. Красниенко, А.В. Субботин. Окуневские памятники на территории Назаровской котловины 235

С.В. Хаврин. Металлические изделия окуневской культуры 242

А.В. Громов. Об особом типе детских погребений в могильниках черновского этапа окуневской культуры 245

Я.А. Шер. Была ли окуневская культура? 248

Л.А. Соколова. Типология погребальных сооружений окуневской культуры 251

С.Н. Леонтьев. К вопросу о керамической традиции окуневской культуры Среднего Енисея 260

В.И. Молодин. Каракольская культура 273

О.А. Митько. Памятники «окуневского круга» в долине р. Ус (Западные Саяны) 283

Э.У. Стамбульник, К.В. Чугунов. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг 292

К.В. Чугунов, А. Наглер, Г. Парцингер. Аржан-2: материалы эпохи бронзы 303

В.И. Матющенко. О северо-западных границах самусьско-окуневской общности 312

В.В. Бобров. Окуневские реминисценции в культуре поздней бронзы Кузнецкой котловины 322

М.А. Дэвлет, Е.Г. Дэвлет. Антропоморфные личины как маркеры путей древних миграций 325

А.Л. Заика. Антропоморфные личины Нижней Ангары в контексте развития наскального искусства Азии 330

Н.Ю. Кузьмин. Окуневский код в семантике тесинско-таштыкской раскраски масок 343

Литература 352

Inhaltsverzeichnis

Einleitung (*D.G. Savinov, M.L. Podolskij*) 7

A.N. Lipskij, E.B. Vadeckaja. Das Gräberfeld Tas-Chasaa. 9

M.P. Grjaznov, M.N. Komarova. Syda V – ein Gräberfeld der Okunev-Kultur 53

Kommentare zum Aufsatz von M.P. Grjaznov und M.N. Komarova (*L.A. Sokolova*) 59

A.N. Lipskij, E.B. Vadeckaja. Die Bestattungen der Okunev,- und Afanas'evo-Kulturen vom Gräberfeld Beltyry 73

M.N. Pšenicyna, B.N. Pjatkin. Der Kurgan Razliv X – ein Denkmal der Okunev-Kultur 82

J.A. Šer, S.P. Grušin. Das Gräberfeld der Frühbronzezeit Čeremušnyj log I 95

A. Nagler, H. Parzinger. Neue Denkmäler der Okunev-Kultur im mittleren Teil des Minusinsker Beckens 104

S.B. Gultov, M.L. Podolskij, I.N. Cygankov. Der Okunev-Kurgan «94. Kilometer» 120

Die Darstellung auf dem Knochenkamm aus dem Kurgan «94. Kilometer» (*M.L. Podolskij*) 124

D.A. Kirillova, M.L. Podolskij. *Sve* Kyzyl Chaja im Norden Chakassiens 130

D.A. Kirillova, M.L. Podolskij. *Sve* Chazynchyr – ein Bergheiligtum am Fluss Askiz 146

D.G. Savinov. Zur Aussorderung der Stile und ikonegrafischen Gruppen der Darstellungen der Okunev-Kunst 157

E.A. Miklaševič. Die Okunev-Pferde: zum Problem der Erscheinung des domestizierten Pferdes im Südsibirien 191

J.I. Ožeredov. Einige Ergänzungen zu Motiven der zwei Denkmäler der Okunev-Kunst 212

S.V. Studzickaja. Spezifische Merkmale der Kleinplastik der Okunev-Kultur 219

N.V. Leont'ev, S.N. Leont'ev. Materialien der Bronzezeit im Kazyr-Kizir-Zwischenstromland 228

S.V. Krasnienko, A.V. Subbotin. Die Okunev-Denkmäler im Nazarovo-Becken 235

S.V. Chavrin. Die Metallerzeugnisse der Okunev-Kultur 242

A.V. Gromov. Zum besonderen Typ der Kinderbestattungen der Černovskij-Stufe der Okunev-Kultur 245

J.A. Šer. Gab es Okunev-Kultur? 248

L.A. Sokolova. Typologie der Grabanlagen der Okunev-Kultur 251

S.N. Leont'ev. Zur Frage der keramischen Tradition der Okunev-Kultur am mittleren Enisej 260

V.I. Molodin. Die Karakol'-Kultur 273

O.A. Mit'ko. Denkmäler des Okunev-Kreises im Flusstal von Us (West-Sajan) 283

E.U. Stambulnik, K.V. Čugunov. Die Bestattungen der Bronzezeit vom Gräberfeld Ajmyrlyg 292

K.V. Čugunov, A. Nagler, H. Parzinger. Aržan-2: Materialien der Bronzezeit 303

V.I. Matjuščenko. Zur nord-westlichen Grenzen der Samus'sko-Okunevo-Gemeinsamkeiten 312

V.V. Bobrov. Die Okunev-Reminiszenzen in der spätbronzezeitlichen Kultur des Kuznezk-Beckens 322

M.A. Devlet, E.G. Devlet. Die anthropomorphen Masken als Marker der alten Migrationwege 325

A.L. Zaika. Die anthropomorphen Masken des unteren Angara im Kontext der Entwicklung der Felskunst Asiens 330

N.J. Kuz'min. Der Okunev-Kode in der Semantik der Tes'-Taštyk-Maskenbemalung 343

Literaturverzeichnis 352

Введение

Второй Окуневский сборник, как и первый, посвящен чрезвычайно важному периоду истории Южной Сибири – эпохе распространения и становления там степного скотоводства. Естественно, в разных регионах этот процесс проходил различно, но при всех вариациях в нем сохранялось что-то общее. Скорее всего именно этим объясняются явно прослеживаемые многочисленные переклички между культурами так называемого окуневского круга, а также в более широком плане – в рамках самусьско-окуневской культурной общности.

Наиболее наглядно эта эпоха отражена в археологических материалах Минусинской котловины. Ее положение в Сибири уникально. Потому и возник здесь один из самых замечательных историко-географических феноменов древности. С одной стороны, котловина не отрезана жестко от соседних территорий – все основные процессы, характерные для евразийских степей, имели место и здесь. С другой – она достаточно изолирована, опасность случайных вмешательств извне здесь минимальна. То, что происходило в этом регионе, отражало общие исторические тенденции, однако следовало внутренней логике процесса. Здесь возникли условия для стабилизации культур и для кристаллизации культурных явлений.

Недаром именно здесь в XVIII в. были проведены первые в России научные раскопки, а позднее типологические и хронологические разработки С.А. Теплоухова стали образцом и эталоном для всей сибирской археологии. Что касается рассматриваемой эпохи, то в Минусинской котловине расположен один из крупнейших культурных эпицентров того времени – окуневский.

Предыдущий «Окуневский сборник» (с подзаголовком «Культура. Искусство. Антропология.») вышел в 1997 г. В одной из представленных в нем статей были подробно освещены историография и проблемы изучения окуневской культуры (Савинов, 1997). Что было достигнуто на этом поприще за прошедшие с тех пор 10 лет? Самым значительным событием этого периода можно считать, пожалуй, предпринятое Германским археологическим институтом издание нового, наиболее полного Свода каменных изваяний и рисунков на плитах из окуневских погребений (Leont'ev, Kapel'ko, 2002). Тем самым создана источниковая база для изучения окуневского искусства с учетом современных требований науки. Был раскопан курган Черновая XI (Леонтьев С., 2000, 2001), материалы которого выявили новые грани развития окуневской изобразительной традиции. Продолжались исследования горных сооружений – *све*, благодаря чему наши знания об эпохе ранней бронзы Минусинской котловины, основанные почти исключительно на исследовании погребальных памятников, пополняются альтернативными источниками (Gotlib, 1999; Готлиб, 2002; Кириллова, Подольский – см. статьи в настоящем сборнике). В сопредельных регионах были открыты и исследованы памятники, содержавшие материалы, перекликающиеся с окуневскими (см. соответствующие публикации в настоящем сборнике). Кроме того, появился ряд небольших статей, посвященных отдельным сюжетам окуневского искусства; можно отметить работы Е.А Миклашевич (2002, 2003–2004), Ю.Н. Есина (2004, 2005), Л.А. Соколовой (2001, 2004) и др.

Однако переворота в изучении феномена окуневской культуры и искусства не произошло. В целом, проблемы, о которых шла речь 10 лет назад, сохраняют актуальность. Возвращение к ним можно считать вполне своевременным.

Предлагаемый вниманию читателей «Окуневский сборник 2», как и предыдущий, имеет определенную композиционную и методологическую направленность, которая отражена в подзаголовке – «Культура и ее окружение». Такую формулировку в 1970 г. предложил Г.А. Максименков, назвавший одну из своих работ «Окуневская культура и ее окружение». Она, пожалуй, наиболее точно отражает содержание настоящего сборника. Материалы собственно окуневской культуры представлены в нем, в первую очередь, давно исследованными и уже ставшими классическими, но не опубликованными полностью (или в достаточной мере) памятниками. Это Тас Хазаа (А.Н. Липский, Э.Б. Вадецкая), Сыда V (М.П. Грязнов, М.Н. Комарова; материал подготовлен к публикации Л.А. Соколовой), Бельтыры (А.Н. Липский, Э.Б. Вадецкая), Разлив X (М.Н. Пшеницына, Б.Н. Пяткин), Черемушный лог I (Я.А. Шер, С.П. Грушин). Публикуются также результаты раскопок наиболее интересных памятников последующих лет (А. Наглер, Г. Парцингер; С.Б. Гультов, М.Л. Подольский, И.Н. Цыганков). Ряд статей, как и в Окуневском сборнике 1997 года, посвящен материалам горных сооружений – *све* (Д.А. Кириллова, М.Л. Подольский), анализу произведений окуневского искусства

(Д.Г. Савинов; Е.А. Миклашевич; Ю.И. Ожередов; С.В. Студзицкая; М.А. Дэвлет, Е.Г. Дэвлет), антропологии (А.В. Громов) и металлургии (С.В. Хаврин). Тенденции дальнейшего изучения археологических источников представлены типологическими разработками, касающимися погребальных сооружений и керамики (С.Н. Леонтьев; Л.А. Соколова). Идет речь и о возможных реминисценциях окуневских традиций в поздних культурах (Н.Ю. Кузьмин). В целом, материалы окуневской культуры и искусства Минусинской котловины нашли в публикуемом сборнике достаточно полное отражение.

К периферии и к ближайшему окружению окуневской культуры относятся впервые открытые недавно памятники Восточных Саян в Казыро-Кизирском междуречье (Н.В. Леонтьев, С.Н. Леонтьев); Назаровской котловины (С.В. Красниенко, А.В. Субботин); возможно, Усинской долины в Западных Саянах (О.А. Митько). Это, так сказать, ближний круг. Ряд статей характеризует дальнее окружение окуневской культуры. Охвачены, если следовать с востока на запад: район Нижней Ангары (А.Л. Заика); Центральная Тува, могильник Аймырлыг (Э.У. Стамбульник, К.В. Чугунов) и находки эпохи бронзы на месте раскопок кургана Аржан-2 (К.В. Чугунов, А. Наглер, Г. Парцингер); Горный Алтай, каракольская культура (В.И. Молодин); Кузнецкая котловина и Западная Сибирь (В.И. Матющенко; В.В. Бобров). В целом, этими работами очерчивается окуневский культурный круг или фон.

Необходимость публикации результатов раскопок прошлых лет назрела давно. О них все знают, на них ссылаются, то есть они, вроде бы, уже были введены в научный оборот. Но полноценными археологическими источниками они до сих пор не были. Мало кто из археологов, занимающихся окуневской тематикой, мог воспользоваться архивными материалами. Теперь эта лакуна ликвидирована. Не менее актуальна публикация материалов сравнительно недавних раскопок.

Позиции авторов сборника в некоторых случаях противоречивы. В теоретических статьях и при интерпретации публикуемого фактического материала иногда высказываются прямо противоположные и даже взаимоисключающие точки зрения. Так и должно быть. Идет поиск и, чтобы не зайти в тупик, его нужно вести в разных направлениях. Читателю предстоит сопоставить разные концепции и решить, какая из них, по его мнению, более убедительна.

Отметим один показательный и отрадный факт. Оба Окуневских сборника формировались в Санкт-Петербурге. Но если первый был преимущественно домашним, представляя, за редкими исключениями, петербургскую археологию, то во втором, напротив, петербуржцам принадлежит не более половины статей. Авторы остальной части сборника живут и работают в других городах. В этом смысле география сборника очень широка: это, помимо Санкт-Петербурга, – Москва, Новосибирск, Кемерово, Красноярск, Омск, Томск, Минусинск, Барнаул, Берлин.

Мы надеемся, что издание «Окуневского сборника 2» изменит ситуацию в отношении перспектив разработки окуневской проблемы. Речь идет, с одной стороны, о расширении информационного поля для изучения окуневского культурного феномена (в широком пространственно-временном понимании этого термина), с другой – о необходимости более тщательного источниковедческого анализа материалов собственно окуневской культуры.

Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский

А.Н. Липский, Э.Б. Вадецкая

Могильник Тас Хазаа

Введение

Альберт Николаевич Липский (1890–1973 гг.) был профессиональным этнографом, изучавшим тунгусо-маньчжурские народы Амура и Приморья. Но он с юности стремился овладеть профессиями этнографа, археолога и антрополога. Поэтому, прослушав лекции по этнографии и антропологии в Петербургском Университете (с 1909 по 1912 гг.), поступил в Московский Археологический институт, который окончил в 1915 г. С 1917 г. А.Н. Липский поселился на Дальнем Востоке, чтобы заниматься полевой этнографической работой. Однако там ему пришлось работать больше в качестве профессионального военного, а затем и сотрудника НКВД, принимая участие в затянувшейся в крае гражданской войне. Лишь в 1935 г. он перебирается в Ленинград и вместе со своей женой, этнографом Н.А. Липской-Вальирод дважды выезжает в экспедиции на Амур. Во время третьей экспедиции (1938 г.) его арестовали и оставили там же в ссылке до 1943 г. Оттуда он, уже потерявший во время войны всю свою семью, приезжает работать в Хакасский краеведческий музей г. Абакана, сначала директором, а с 1949 г. археологом (Вайнштейн, 2003, с. 461–479). Большая заслуга А.Н. Липского на последней должности состоит в том, что он стал бороться с беспредельным уничтожением древних кладбищ на территории сельских застроек, строительства индустриальных объектов, оросительных систем. При этом сам, хотя и на мизерные средства, в течение около 20 лет (с 1946 по 1964 гг.) производил спасательные археологические раскопки. Они касались разновременных памятников, для изучения которых у него сначала не было ни опыта раскопок, ни достаточного знания материалов археологических культур. Работы проводились на юге Хакасии, в местах, где ранее археологических исследований практически не было, и их результаты не всегда совпадали с ожидаемыми в соответствии с опытом раскопок в других районах. Поскольку методика его раскопок вызывала заслуженные нарекания, то и появление необычных находок вызывало сомнения. Примером того и другого является, в частности, могильник Тас Хазаа.

Сильной стороной археолога А.Н. Липского было знание этнографии и антропологии. Благодаря этому, с одной стороны, его отчеты о раскопках насыщены подробными описаниями предметов и их сравнительной характеристикой с этнографическими материалами. С другой – он сам определял пол погребенных и замечал разницу в их физическом типе. Он первым выявил среди населения, считавшегося афанасьевским, три черепа с монголоидными чертами: мужчины из захоронения в каменном ящике у с. Аскиз (1946 г.), а также мужчины и женщины в афанасьевском могильнике у с. Бельтыры (см. статью о Бельтырском могильнике в настоящем сборнике). Его наблюдения подтвердила графическая реконструкция аскизского черепа, выполненная М.М. Герасимовым (Липский, 1961, рис. 4); а точность описания черепов – их антропологическая характеристика, сделанная В.П. Алексеевым (Алексеев, 1961, с. 138).

Дискуссия о культурной принадлежности могильника Тас Хазаа

Могильник расположен на второй надпойменной террасе правого берега р. Абакан, в 8 км к востоку от улуса Чаптыкова. (против устья р. Камышта). Ограда хорошо видна на поверхности. По внешнему виду у русского населения 19 в. она получила название "чудской двор", а у хакасского – Тас Хазаа, что в переводе означает "каменный двор". Впервые памятник был обозначен на археологической карте Минусинского уезда, составленной в 1888 г. Д.А. Клеменцем и опубликованной В.В. Радловым (Радлов, 1888, приложение). Тогда же Тас Хазаа, вместе с другими древними памятниками, была показана Клеменцем участникам Финской экспедиции (под руководством И.Р. Аспелина), которые сделали ее план и описание (Appelgren-Kivalo, 1931, рис. 292).

К весне 1957 г. ограда была опахана, а ее юго-восточный угол в значительной степени уничтожен. Благодаря хлопотам А.Н. Липского, разрушение было приостановлено, и от водного хозяйства области (ограда находилась рядом с трассой строящегося Койбальского канала) были выделены средства на раскопки. В них приняли участие 24 студента педучилища и исторического пединститута г. Абакана, преимущественно девушки, а также преподаватели истории (А.Д. Гринь и М.М. Зыкова).

Квадратной формой ограда отличалась от круглых афанасьевских оград. Но большинство могил по конструкции (грунтовые ямы), положению в них покойников (на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на запад и юго-запад) и покрытию (в виде плит) были схожи с небольшими афанасьевскими могилами. В них были найдены типично афа-

насьевские сосуды яйцевидной и сферической формы, каменная колотушка, нижний камень зернотерки. При этом медных изделий было значительно больше, чем в афанасьевских могилах, – топорик, ножи, шилья, игольники. Рядм с ними баночные сосуды и множество украшений из зубов диких животных выглядели неолитическими. Особый интерес вызвали рисунки на плитах, перекрывавших могилы. С одной стороны, плиты были использованы, как правило, в разбитом состоянии и, следовательно, должны были относиться ко времени более раннему, чем ограда. С другой – среди изображений (помимо ранее не встречавшихся человеческих фигур) были личины, хорошо известные по изображениям на стелах и датируемые тогда, напротив, более поздним, чем Тас Хазаа, временем карасукской культуры. Именно с рисунками на плитах была связана основная интрига в открытии этого памятника, принадлежность которого в целом к афанасьевской культуре тогда сомнения не вызывала. Последнее показало обсуждение доклада А.Н. Липского "Новое в афанасьевской эпохе" на заседании секции энеолита и бронзы Института истории материальной культуры АН СССР 11 апреля 1958 г. под совместным председательством С.В. Киселева и М.П. Грязнова (в присутствии В.Н. Чернецова и М.М. Герасимова). Выступления на нем наиболее видных специалистов представляют несомненный научный интерес.

Из выступления Сергея Владимировича Киселева: «Можно было предположить что угодно в этом каменном квадрате – не совсем обычное либо тагарское, либо таштыкское надмогильное сооружение или памятник кыргызов (типа чаатас), но полагать, что здесь окажется афанасьевский некрополь, было абсолютно немыслимо. Сенсацией для всей сибирской археологии является находка из могильника первого восточного варианта проушного топора, поскольку мы с трудом признавали для Сибири проушную форму тагарского топора. И вдруг появляется ранняя форма проушного топора, правда, весьма архаического, такого, которого ни в Азии, ни в Китае мы не знали. В поисках аналогов, мне кажется, нужно идти в юго-западном направлении. Абсолютно новыми для науки и неизвестными до настоящего доклада являются рисунки на песчаниковых плитах из могильника. Насколько я вспоминаю, в этих рисунках найдется много сходного с собранными Вами альбомами шаманов и шаманских изображений. Альберту Николаевичу, сведущему в сибирском шаманстве, предстоит огромная, почетная и ответственная работа осмысления прекрасных и таких неожиданных находок. Пока трудно говорить об истоках этих замечательных рисунков, но теперь совершенно ясно, что они являются источником того пластического искусства андроновско-карасукских стел, которое широко известно. Поразителен один рисунок на маленькой плите, изображающий личину карасукских стел. Пока нет основания утверждать, что все стелы относятся к афанасьевскому времени, но, видимо, лица на афанасьевско-андроновских костяных пластинках, найденных в г. Абакане, у церкви, говорят о возможности сохранения традиций "каменного двора" в более позднее время и передаче их в карасукскую эпоху, в которой они получили свое, так сказать, классическое выражение. Таким образом, через ряд этапов, различных по своим этническим характеристикам, протягивается эта струя. Рисунки "Тас Хазаа" представляют большой интерес также с источниковедческой точки зрения. И, в частности, в вопросе зарождения грифонового стиля, так как в них есть то, что мы будем иметь позже в "зверином орнаменте скифо-сибирского времени". Образцы фантастических животных, представленные в скифо-сибирском искусстве, теперь это хорошо видно, имеют гораздо более глубокие и, несомненно, более древние истоки и традиции, чем это предполагалось до сих пор».

Из выступления Валерия Николаевича Чернецова: «Открытие Альберта Николаевича повергает нас в полное изумление и восхищение. У меня нет уверенности в том, что рисунки на плитах синхронны погребениям, в которых они найдены. Рисунки ряда изображений на плитах вырезаны в противоположных один другому направлениях, что свидетельствует о том, что плита при их вырезании не стояла, а лежала. Создается впечатление, что плиты с уже нанесенными рисунками использовались позже в качестве строительного материала. Таким образом, рисунки на плитах из могильника "Тас Хазаа" следует датировать более ранним временем, с чем согласен и Альберт Николаевич. На представленных нам изображениях четко видны два хронологических слоя: один – это изображения выбитых "солнечнообразных", как их называет Альберт Николаевич, личин, которые здесь, видимо, зарождаются, а другие изображения процарапанные. В этом случае они покрывают первоначальное изображение. Можно предположить, что первые изображения – это искусство отживающее. Что представляют рисунки и как понимать эти процарапанные на плитах личины и фигуры? Я не могу согласиться с тем, что нанесенный на камень рисунок изображает фигуру шамана. Дело в том, что как эта фигура на камне, так и собственно шаман изображают какое-то существо. Таким образом, речь идет об изображении фантастического существа какого-то облика, а не шамана. На представленных рисунках, очевидно, изображены полулюди, полуптицы, а бахрома – это изображение перьев, которые мы знаем из этнографии в костюмах для "птичьих танцев".

Очень любопытен среди вещей банковидный сосуд, с широкими орнаментальными полосками, идущими вниз, чередуясь (см. табл. XIII, *1*). На сосуде не афанасьевский орнамент, но мы знаем его в неолитической керамике трех-четырех тысячелетий до н.э. Возможно, что в этом случае мы натолкнулись на более древний субстрат, поглощенный афанасьевцами».

Из выступления Михаила Петровича Грязнова: «Я не буду повторять те похвалы, которые были высказаны, только скажу, что к ним присоединяюсь. Очень существенно хронологическое соотношение изображений и погребений, в которых они найдены. Первое впечатление, что изображения никакого, так сказать, генетического отношения к погребениям не имеют. Несомненно, что они предшествуют могильнику. В нескольких могилах повторяется одна и та же картина использования плит с рисунками в качестве строительного материала. Вряд ли они были использованы по своему первичному назначению перед погребением. Однако заслуживает внимания и то обстоятельство, что все рисунки на плитах в очень хорошей сохранности. Особенно следует в этом отношении обратить внимание на охристую роспись. Если бы камни, расписанные охрой, оставались долгое время на воздухе, то едва ли роспись сохранилась бы так хорошо, как это видно по покраске "солнечного божества". С другой стороны, большая выщелоченность краски в изображениях "сетки" на плитах показывает, что эти плиты долго оставались на воздухе, прежде чем попали в погребения. Несомненно, не все плиты с рисунками стояли и в таком положении использовались художником, у некоторых нет ни верха, ни низа. Это не стоящие плиты. Наконец, то, что плиты найдены в неразграбленных погребениях, также позволяет сделать целый ряд интересных заключений.

Еще одно частное замечание по другому поводу: о погребении в первой могиле живой женщины, пытавшейся, по словам докладчика, встать. Покойницу, вероятно, посадили в могиле. Вот чем объясняется необычная подобранность под себя ног и рук. Затем, очевидно, она упала на грудь. Такие примеры известны».

А.Н. Липский согласился с последним замечанием, добавив, что большая плита, покрывающая погребальную яму, образовала пустоту, в которой могла сидеть погребенная женщина (табл. V, *1*, *2*). Он также согласился с мнением В.Н. Чернецова в том, что на плитах изображены не просто шаманы, а перевоплощенные в какос-либо существо, и привел следующий пример. Шаман и на Амуре, и на Енисее, когда надевает шапку или костюм, несущие на себе части какого-либо животного или птицы, теряет свое собственное, как личное, так и шаманское имя и приобретает имя того животного или птицы, чья голова находится на его костюме.

Суммируя основные суждения по заслушанному докладу, можно сказать следующее. Согласно общему мнению, плиты с рисунками древнее могил и, возможно, принадлежат к более раннему историческому периоду. При этом сами рисунки разновременны: одни выполнены раньше, а другие поверх них чуть позже. Одни плиты с охристыми рисунками почти не использовались по назначению и вскоре попали в могилы, у других охра успела выветриться. Рисунки на плитах Тас Хазаа свидетельствуют о зарождении тех иконографических традиций, которые в дальнейшем проявляются на карасукских (окуневских – *Э.В.*) стелах и в скифо-сибирском искусстве. Наиболее понятные изображения, видимо, показывают перевоплощенных в животных и птиц людей, как это делали шаманы. Вещи из могильника привлекли меньшее внимание, чем плиты, несмотря на явную несочетаемость первого (по указанию С.В. Киселева) известного в это время в Сибири "бронзового" проушного топора с сосудом из могильника, по мнению В.Н. Чернецова, "неолитического облика".

По заслушанному докладу от имени секции С.В. Киселев и М.П. Грязнов написали обращение к Хакасским областным организациям и Министерству культуры РСФСР, чтобы А.Н. Липскому, в виду исключительности открытия, были созданы условия для обработки материалов могильника и их скорейший публикации. Но Липский ограничился статьей "Новые данные по афанасьевской культуре", в которой суммировал основные неожиданные результаты своих работ на могильнике Бельтыры, оградах Большое Кольцо и Тас Хазаа, в одиночных могилах с курильницами на ст. Аскиз и в предустьевом пространстве р. Есь (Липский, 1961, с. 271–276).

Какое место все перечисленные памятники занимают в хронологии афанасьевской культуры? Тогда это был актуальный вопрос, которому была посвящена в 1960 г. моя дипломная работа "Периодизация памятников афанасьевской культуры и вопрос о ее происхождении (Алтай и Минусинская котловина)". В ней я отнесла могильник Тас Хазаа и все известные к тому времени погребения (Бельтыры, Аскиз, Есь), схожие с ним по вещам и иным признакам, (ныне окуневские) к третьему, позднему этапу афанасьевской культуры. Для моего научного руководителя С.В. Киселева и оппонента Л.Р. Кызласова приведенная в работе аргументация выглядела убедительной. Что касается А.Н. Липского, то, прочитав работу, он вернул мне ее вместе с письмом следующего содержания.*

16-V-61 Абакан.

Уважаемая Эльга Борисовна!

Вот я и в Абакане. Выбрался 15-V.

По дороге прочел Вашу работу.

По вопросам датировки ничего не скажу. – Чтобы сказать что-либо внятное, необходимо самому проработать весь материал, как это сделали Вы, а материал, все же, большой. На такую работу у меня сейчас нет времени. Правда, с некоторыми Вашими положениями я не могу вполне согласиться.

Мои немногие замечания, что сделал я, относятся к совершенно второстепенным для Вашей темы вопросам. По этим "второстепенным" я мог бы сказать значительно больше. Не делаю этого по двум причинам: потому, что они "второстепенны"

* Фотокопия письма дана в приложении.

для Вас сегодня и потому, что пришлось бы испи-сать добрую тетрадь. А на это у меня (опять!) нет сейчас времени.

Что касается Вашей просьбы о рисунках свети-лен, о карте Хакасии – так выполню ее в самое ближайшее время.

С уважением А. Липский.

Таким образом, мнение Липского было уклончивым, и дело не только в том, что он, по собственному признанию, не владел материалом настолько, чтобы судить о моих выводах. Полагаю, ему была уже известна позже опубликованная гипотеза В.П. Алексеева (с которым он переписывался) о локальных, а не хронологических (как мне представлялось) особенностях памятников афанасьевской культуры. Дело в том, что антрополог, исследовав семь черепов из Тас Хазаа, обнаружил их сходство с уже известными черепами с монголоидной примесью из других южных могильников (Аскиз и Бельтыры). Основываясь на этом, В.П. Алексеев пришел к следующим выводам. Во-первых, население афанасьевской культуры было неоднородным и включало представителей как европеоидного, так и монголоидного расового типа. Во-вторых, брахикранный монголоидный тип прослеживается только в южных районах Минусинской котловины и происходит, вероятно, от местного более древнего монголоидного населения, в то время как основная масса афанасьевцев является европеоидами западного происхождения (Алексеев, 1961а, с. 116–129). В свете этой гипотезы А.Н. Липский предполагал, что носителями афанасьевской культуры были племена не только палеоевропейского типа, но прежде всего древние монголоиды, на неолитической основе которых сложилась афанасьевская культура (Липский, 1961, с. 178). Поэтому он не мог ни согласиться с моими доводами в пользу позднего возраста новых афанасьевских могильников, ни опровергнуть их.

После открытия Г.А. Максименковым окуневской культуры (Максименков, 1964; 1965; 1965а), носителями которой оказались люди с монголоидной примесью, в нее вошли все памятники, ранее считавшиеся поздними афанасьевскими. Культурная принадлежность лишь двух из них (Тас Хазаа и Большое кольцо) продолжала дискутироваться. Ограда Тас Хазаа отличалась не только от афанасьевских (как указывалось), но и от других окуневских – размерами, конструкцией, характером могил (ямы, а не ящики), ярусным расположением погребений, наличием в них афанасьевских сосудов. Да и сами рисунки на плитах Тас Хазаа отличались от открытых тогда окуневских (Черновая VIII). И хотя было приведено уже много доказательств того, что вторично использованные в окуневских могильниках плиты с рисунками относятся к периоду жизни самих погребенных, и, следовательно, в этом отношении памятник Тас Хазаа не был исключением (Вадецкая, 1965), А.Н. Липский продолжал настаивать на неолитическом возрасте рисунков на его плитах (Липский, 1970а). Однако исследователей в основном интересовали отличительные особенности памятника в рамках уже окуневской культуры. Их пытались объяснить либо тем, что могилы в ограде разновременны, либо тем, что смешанный (афанасьевский и окуневский инвентарь) в них оказался случайно.

Дискуссия о культурной принадлежности ограды Тас Хазаа и отнесение рисунков на ее плитах к окуневским побудили А.Н. Липского ускорить публикацию материалов. В архиве МАЭ, где хранятся личные полевые отчеты А.Н. Липского и иные документы (которые были куплены у его вдовы) имеется рукопись "Тас Хазаа. Могильник энеолита (медекамня) и рисунки в его погребениях в низовье реки Абакана", датированная 1970 годом (МАЭ, ф. 5, оп. 7, № 75). Рукопись состоит из двух частей: погребения и рисунки могильника. Вместо предисловия даны выдержки из протокола заседания секции энеолита и бронзы Института археологии, не отличающиеся от публикуемых в начале данной статьи, но с личными подписями С.В. Киселева, В.Н. Чернецова и М.П. Грязнова под своими выступлениями. К общим замечаниям отнесены расположение ограды, методика раскопок, а также статистика – число одиночных, парных и тройных захоронений, процентное соотношение количества погребенных мужчин, женщин и детей. Последнее включает и все сомнительные случаи определения пола по единичным костям в разрушенных могилах. Согласно этим сведениям предполагается, что ограда была семейным кладбищем, на котором при захоронении мужчины-хозяина убивали его жену с грудным ребенком (л. 21). В более осторожной форме эта мысль уже высказывалась Липским раньше (Липский, 1961, с. 272). Но теперь приведены доказательства убийства младенцев с помощью кожаной петли, в двух случаях плотно облегавшей шейные позвонки. Так, в могиле 4 на шейных позвонках ребенка нескольких месяцев обозначились остатки кожи (л. 48), а в могиле 5 на 3-м и 4-м шейных позвонках догодовалого ребенка была рыхлая коричневая полоска и на ней на равном расстоянии 7 стеатитовых бусин. "Плотность, с которой эта полоска облегала шейные позвонки, вызывает сомнение в принадлежности ее к вороту костюма ребенка. Невольно кажется, что это удавка, с помощью которой ребенка вместе с матерью отправляли в загробный мир" (л. 62). В отчете ни о каких остатках кожи или бусин не сказано, нет бус и среди материалов этих могил, а на планах изображены младенцы с раздавленными черепами.

Важное уточнение внесено в описание девяти неглубоких полностью разграбленных могил, о которых в отчете сказано, что в них было обнаружено лишь большое количество обломков костей. Поверхность пяти из них, находящихся в западной половине ограды, была полностью кем-то очищена от булыжника. Остальные имели вид круглого пятна, окруженного булыжником. Внутри находились овальные ямы размерами 120×80 см, глубиной око-

ло 1 м. В трех из них найдены песчаниковые плиты – остатки покрытия. На одной плите сохранились следы рисунков – пятна и полосы, нарисованные охрой. Кроме обломков человеческих костей в двух ямах найдены фрагменты керамики с "каплевидными оттисками елочного типа и шагающего штампа". Здесь же находились фрагменты резцов сурка. В одной яме найдены два чечевицеобразных камня, прошлифованных с одной стороны и окрашенных охрой с другой (л. 65–67). Вероятно, это были окуневские могилы, но их описание спустя более 10 лет со времени раскопок, без материала и лишь по памяти, не может не вызывать сомнений.

Новым в рукописи является раздел "К вопросу о датировке могильника Тас Хазаа", в котором А.Н. Липский указывает на существование трех точек зрения на культурную принадлежность и дату могильника. Первая – его собственная, согласно которой могильник является энеолитическим афанасьевским, а плиты с рисунками более древними, чем могильник. Вторая – Г.А. Максименкова, Э.Б. Вадецкой и других, относящих могильник к новой окуневской культуре эпохи бронзы, с синхронными этой культуре рисунками. Третья точка зрения – Л.А. Ивановой, "доказывающей сосуществование афанасьевской и окуневской культур, не решая вопросов о генезисе последней и датировки рисунков в окуневских погребениях". С позиций Л.А. Ивановой, А.Н. Липский выделяет черты обеих культур в материалах Тас Хазаа, как это делают и другие исследователи, но при этом чисто окуневские изделия (баночные сосуды, курильницу с камерой, мраморные шары, аргиллитовые бусы, игольники, подвески из зубов хищных животных) считает "общими". В результате этого оказывается, что только большая квадратная ограда и центральное погребение в каменном сооружении отличают Тас Хазаа от других афанасьевских могильников (л. 54–57). В разделе затрагиваются также вопросы вторичного использования окуневцами афанасьевских оград и своих плит с рисунками. То и другое, по мнению автора, невозможно, если смотреть на это с позиции обычаев народов Дальнего Востока. Липский относит Тас Хазаа к тому периоду афанасьевской культуры, когда индивидуальные кольцевые надмогильные сооружения стали, по его мнению, объединяться общей кольцевой или прямоугольной оградой. Это Большое Кольцо (диаметром 36 м), оконтуривавшее 19 могил, ограда Ниня (диаметром 25 м) с десятками могил, ограда у Аскиза, против ул. Демидова (диаметром 40 м). Все они, включая ограду Тас Хазаа, видимо, являются подобием жилища большой семьи. В том же разделе Липский критикует датировку окуневским временем хищника, выбитого поверх личины на плите могильника Черновая VIII (Вадецкая, 1965), поскольку плита с аналогичным изображением была найдена им в каменном завале тагарской могилы на рч. Есь, а также опираясь на рецензию С.И. Руденко на книгу "Древние идолы Енисея". Вторая часть рукописи содержит общие замечания, описание рисунков и заключение. Описание рисунков и сами рисунки даны по отчету. Указывается, что в течение 3-х лет плиты с рисунками находились в Эрмитаже в связи с обещанием М.П. Грязнова сделать с них более точные, чем у А.Н. Липского, копии. Однако это не было сделано, и плиты были возвращены в Абаканский музей. Все графические рисунки на плитах трактуются однозначно и безоговорочно. Изображены мужчины. Оригинальный костюм (с хвостом), сакральный головной убор, птицеголовые маски, раскраска лица, позы пляшущего человека показывают в них шаманов. Орлы, сопровождающие шамана, маски птиц на головах – духи-покровители шамана, тотемы, мифические предки рода. Изображения названы А.Н.Липским "местным тасхаазинским вариантом сибирских шаманов" В целом, ничего нового здесь, сравнительно с отчетом, не содержится. Найдена лишь фотография недостающего в отчете афанасьевского сосуда из могилы 2, нижнее погребение (МАЭ, ф. 5 оп. 7, № 77а, рис. 19), включенная в общую таблицу афанасьевских сосудов (см. табл. XII, 5).

В 1975 г. (по договору ЛОИА АН СССР с ХакНИИЛИ) был подготовлен и утвержден к печати сборник "Памятники окуневской культуры", куда вошел краткий отчет о раскопках А.Н. Липского "Тас Хазаа – могильник афанасьевской эпохи". Задолго до этого М.П. Грязновым были осмотрены коллекции из Тас Хазаа, хранящиеся в Абаканском музее, получен от А.Н. Липского уточненный план ограды Тас Хазаа, а сотрудниками Красноярской экспедиции зарисованы сосуды и перерисованы планы могил из отчета А.Н. Липского. Сборник (под редакцией Г.А. Максименкова) предполагалось опубликовать в 1977 г. в Хакасском отделении Красноярского книжного издательства в г. Абакане. Публикация не состоялась; в дальнейшем большинство статей сборника вошло в другие издания.

Предлагаемая публикация Тас Хазаа является отредактированным сокращенным вариантом отчета А.Н. Липского, отличающимся от полного отчета лишь тем, что здесь нет отступлений, не имеющих прямого отношения к раскопкам данного памятника. При этом все ссылки на рисунки и описание материала в публикуемом тексте даны по полному отчету Липского, первый экземпляр которого хранится в архиве Института археологии за № 1476. Погребальные ямы и плиты с рисунками описываются, как у автора, в соответствии с очередностью раскопок. Изменен лишь порядок описания погребений внутри ям: сначала описываются нижние погребения, затем – верхние. Но это касается лишь достоверных случаев наличия верхних погребений. Кроме того, после описания каждой могилы дается комментарий (интерпретация), с учетом методологических замечаний Г.А. Максименкова, изложенных в неопубликованной заметке "О научном значении Тас Хазаа". Введены некоторые уточнения. Так, в

тексте отчета А.Н. Липский металлические колечки-серьги, иглы и игольники называет медными, а шилья, ножи и проушной топорик – бронзовыми. Химический анализ двух ножей, двух игольников, одного шила, топора, иглы и двух колечек показал, что за исключением одного игольника, где устанавливается примесь мышьяка в количестве 1,4%, все остальные изделия выполнены из металлургически чистой меди. (Сергеева, 1981, 39, 82). Поэтому все металлические изделия в работе называются медными. То же самое касается рельефных колечек, которые в отчете названы изделиями, вырезанными из трубчатых костей животных, а на самом деле являются стеатитовыми, как и находящиеся в могилах бусы. Количество тех и других дается по подсчетам как А.Н. Липского, так и М.П. Грязнова. Чертежи планов и разрезов могил восстановлены по отчету, но алфавитные обозначения погребений внутри ям заменены арабскими цифрами (это сделано при копировании чертежей, на которых имеются подписи М.П. Грязнова). Публикуемые рисунки на плитах могильника являются копиями, сделанными самим А.Н. Липским, но к ним добавлены новые копии, выполненные художниками В.Ф. Капелько и Л.Н. Пономаревой. Рисунки сосудов выполнены по оригиналам, других изделий – по фотографиям с экспозиции Абаканского музея. В подготовке иллюстративного материала в разное время принимало участие много людей, а при подготовке данной статьи мне помогали Л.А. Соколова и А.В. Поляков. Основной текст, касающийся материалов раскопок (за исключением комментариев после некоторых могил) принадлежит А.Н. Липскому. Мною, на основании этих материалов, написаны разделы: Основные выводы по материалам ограды Тас Хазаа; Версия о социальном статусе людей, погребенных в ограде; Заключение.

1. Материалы раскопок могильника Тас Хазаа

Ограда Тас Хазаа, как указывалось, расположена на второй надпойменной террасе правого берега р. Абакан, в 8 км от улуса Чаптыков (табл. I). Точнее, у подошвы небольшого хребта и чуть ниже отходящего от него скального выступа. Последний замедлял поток древнего Абакана, что послужило причиной отложения здесь мощного слоя песка, перекрытого затем незначительным почвенным покровом. Поверхность террасы слабо понижается к берегу Абакана, поэтому при сооружении ограды для выравнивания площадки древними строителями был подсыпан грунт. В результате в пределах ограды было достаточно легко выкапывать глубокие ямы. Проведенная местным топографом инструментальная нивелировка (табл. IV) показала наибольшую подсыпку грунта в восточном углу (высота 117,30) и общее понижение поверхности у северного угла (116,90). Квадратная ограда, площадью почти 1600 кв. м (40×39 м, ССВ–ЮЮЗ) сложена из гранитных блоков длиной от 60–80 до 120 см. Над поверхностью камни ограды выступали на 20 см, но ее высота от основания достигала 60 и даже 80 см. (табл. II). Юго-восточный угол ограды, в значительной степени разрушенный до раскопок, на плане реконструирован. Внутри ограды после снятия почвенного слоя в центральной части и вдоль стенок было заиксировано нагромождение булыжника. В направлении от центра к южной стенке камни образовывали видимость планировки. Однако, скорее всего, это были следы деятельности грабителей, которые разбросали камни в разные стороны в поисках захоронений (табл. III). Грабительские раскопки проводились внутри ограды неоднократно, и еще в 1888 г. она описана как "четырехугольная каменная кладка, внутри которой видны лишь отдельные погрузившиеся в землю камни" (Appelgren-Kivalo, 1931, с. 292). Значит, к тому времени надмогильные сооружения уже были разрушены. Между тем, по словам А.Н. Липского, "над всеми погребениями могильника были возведены надгробия из массивных булыжников в виде продолговатой усеченной пирамиды" (Липский, 1961, с. 272). Видимо, к этим словам, а также к приложенным к отчету чертежам разрезов исследованных покрытий следует относиться лишь как к предполагаемой реконструкции.

Методика раскопок. Было выявлено основание ограды, для чего с двух противоположных сторон частично убраны плиты. На уровне древней поверхности ограда оконтурена с внешней стороны бульдозером на ширину его ножа. Площадь ограды разбита на квадраты, в пределах которых снимались камни, находящиеся на поверхности земли. В местах, где камни частично уходили в землю, производилась зачистка для поисков могил. Таким способом были обнаружены могилы 1–3, а центральная могила (4) проявилась по большой впадине. После их раскопок участки разрушенной ограды восстановлены, а вся площадь внутри ограды срезана бульдозером на глубину 30 см и по единичным выступающим плитам обнаружены еще две могилы (5–6). Сколько всего было могил, и как обнаружены другие, неизвестно. Не исключено, что мелкие могилы были нанесены на план в основном уже после раскопок. Об этом позволяют думать следующие наблюдения. В отчете на первом плане ограды (еще содержавшем неубранные камни) показано всего 10 могил (табл. III). На втором плане (после уборки камней) обозначены 15 могил: 5 глубоких и 10 мелких (табл. IV). Если же исходить из их предварительной нумерации, согласно которой первоначально (по отчету) центральная могила 4 имела номер 21, то получается, что всего раскопано не 15 могил, а 21. Нумерация их, видимо, неоднократно менялась. Это следует из того, что мелкие могилы обнаружены при разборке камней внутри ограды, вместе с четырьмя глубокими (1–4). Соответственно, их номера не могут быть ранее № 5. Но под №№ 5 и 6 обозначены две могилы, раскопанные позже всех, которые, как указывалось, обнаружены уже при зачистке бульдозером контрольного слоя внутри ограды. Сведения о содержании могил огра-

ничиваются пятью ямами глубиной от 130 до 200 см и одной мелкой, глубиной 60 см. Относительно других мелких указано, что они "содержали только признаки захоронений – большое количество обломков костей, перемешанных с заполнявшими яму камнями". При такой фиксации среди мелких могил могли быть погребения любого времени.

Нет сомнения в том, что сначала на площадь, отведенную для ограды, подсыпали грунт, затем сложили ограду и в ее центре выкопали первую могилу для особо знатного человека, "главы рода" (Липский, 1961, с. 273). Она отличалась монументальностью надмогильного сооружения и была приметна по большой заполненной камнями впадине. Было бы логичным начинать с нее нумерацию могил, но, поскольку она имела номер 4 (а первоначально 21), видимо, номера основных могил присваивались в процессе раскопок.

Могила 1 расположена у середины восточной стенки ограды. При снятии грунта обозначился край массивной плиты трапециевидной формы (152×107–61 см, толщина 13–15 см), уходящей в землю. Плита оказалась покрытием ямы (150×80 см; ЮЮЗ-ССВ), глубиной 175 см, зауженной книзу (табл. V, *1*). Она была сброшена на глубину 100–120 см грабителями, а первоначально поверх нее, предположительно, находилась кладка из булыжника. Рисунки скопированы и опубликованы А.Н. Липским (Липский, 1961, с. 273, рис. 2; Вадецкая, 1980, табл. XLVII, *90*). В 1987 г. они были уточнены художниками В.Ф. Капелько и Л.Н. Пономаревой и вновь опубликованы (Leont'ev, Kapel'ko, 2002, рис. 90). На внутренней стороне плиты, почти по ее середине глубоким (3–5 мм) рельефом выбита личина (17×16 см). Глаза обозначены круглыми выемками (диаметр 15 мм) и обведены каплевидными фигурами (длиной около 10 см) с округлыми выемками внизу. Рот обозначен овальной выемкой (4×1,2 см). От контура лба выбита вниз полоска (длиной около 3 см), а вверх – два луча длиной 13 см с точками диаметром 15 мм по концам. Справа, почти вплотную к лучу, отходящему от личины, тонким штрихом вырезано изображение птицы типа ястреба или коршуна, а за ней композиция из двух фигур птицеголовых людей. Одна из них – полуптица-получеловек (высотой 30 см) с большим раскрытым клювом. Плечи и туловище изображены анфас, а голова, бедра и ноги – в профиль. Правая нога, слабо согнутая, вытянута вперед. Руки несколько согнуты в локтях (откуда спускаются завязки) и вынесены вперед. Согласно рисунку А.Н. Липского, левая рука непропорционально короткая (табл. XVI, *1*), но уточненная прорисовка, выполненная В.Ф. Капелько, это не подтверждает (табл. XVI, *2*). От головы расходятся в стороны 2 луча, изображенные параллельными линиями. Туловище испещрено вертикальными черточками, видимо, имитирующими оперенье. Второе птицеголовое "божество", переданное в основном в профиль тонкими штрихами, меньшего размера (высотой 22 см), с одной рукой, с которой спускаются непонятные ромбовидные фигуры. На груди треугольниками изображен нагрудник. С двух сторон туловища и от затылка вверх поднимается ряд линий, имитирующих лучи либо перья или даже, по мнению А.Н. Липского, привески шаманского костюма (Липский, 1961, с. 275). На копии А.Н. Липского показан "орлообразный" раздвоенный клюв; на копии В.Ф. Капелько – закрытый клюв, аналогичный ястребиному, как у первого "божества", а также изображены хвост и высокий луч, отходящий от лба. Слева от личины вырезана еще одна пара человекообразных фигур, одна из которых имеет на голове высокую шапочку, в основании схожую с клювом птицы (Leont'ev, Kapel'ko, 2002, рис. 90); по первым расшифровкам напоминала голову чайки (Липский, 1961, с. 275). От затылка вверх тонкими черточками показаны лучи. Вторая фигура неотчетлива (табл. XVI, *1*, *2*).

Нижнее погребение (табл. V, *3*, *4*). На дно могилы (120×60 см), под тонкой плитой серого песчаника, положена женщина (определение А.Н. Липского), головой на юго-запад, в скорченном положении на правом боку, с кистями против лица. Возраст и антропологический тип погребенной не определены. Между ее ступнями и стенкой ямы – разбитый сосуд реповидной формы (высота 25 см, диаметр 18 см) с небольшим (высотой до 15 мм) слабо отогнутым венчиком диаметром 8,5 см. Толщина стенок 8–15 мм. Изнутри сосуд заглажен скребком, а затем травой. Внешняя поверхность заглажена и орнаментирована оттисками зубчатого штампа, образующего четыре полосы "елочки" и три полосы "шагающей гребенки". Бортик венчика с внешней стороны зубчато изрезан (табл. XII, *1*) Против лба покойницы положен медный нож длиной 114 мм (конец ножа обломан), с остатками деревянной ручки на черенке (табл. XIV, *1*). Под грудью (в органике темно коричневого цвета) лежали украшения нагрудника или верхней части одежды: 82 стеатитовые цилиндрические бусинки, 15 целых колечек и несколько фрагментов (по подсчетам М.П.Грязнова, всего 34), а также, вперемежку, 22 левых и 22 правых резцов сурка, 3 левых и 3 правых клыка и 3 коренных зуба хищника с просверленными отверстиями в корневой части (табл. XV, *4*, *7*). Диаметр стеатитовых колечек по наружному обрезу 12–20 мм. Их края плоские изнутри и рельефные снаружи, так как имеют поперечные нарезки (табл. XV, *3*). У грудной кости был найден медный игольник длиной 95 мм с костяной иглой и остатками органической массы внутри (табл. XIV, *2*).

Плита, закрывавшая нижнее погребение (107–95×64 см, толщина 3 см), находилась выше него на 25 см. К моменту раскопок она осела на 10–15 см и переломилась почти посередине, ее края находились выше линии перелома. В средней части плиты изображена фигура человека высотой (вместе с головным убором или прической) 55 см. Голова показана анфас и слева вверх направо пересечена прямой линией. Туловище, посередине которого

круг, одето в короткую куртку. Ожерелье изображено косыми крестами, а украшения куртки (внизу) показаны треугольниками. Ноги длинные и тонкие; рельеф икры на одной ноге выражен резче, чем на другой. У колен показаны подвязки. Правая рука опущена, левая поднята вверх, от нее опускаются тонкие линии, разветвляющиеся на концах. На голове высокая конусообразная шапка, заканчивающаяся расширением. Справа и слева от ее основания расходятся лучами две линии. От правого луча отходят вверх 13 наклонных штрихов, от левого – 2. От правого бока фигуры косо вниз идут две линии, четыре другие свисают сзади от нижнего обреза куртки. По мнению А.Н. Липского, на рисунке изображен шаман в пляске или в движении. Слева от первой фигуры вырезана вторая, меньшего размера. Лицо овальное, на высоте скул пересечено линией, рот показан продолговатой бороздкой. Туловище без рук, но с расширением в плечах и бедрах. Ноги изображены по-разному: правая схематично, левая – с изгибом колена и рельефом икры. На груди находится треугольник вершиной вниз, прочерченный четырьмя линиями, изображающий либо нагрудник, либо борта одежды. От головы вверх отходит высокая конусообразная шапка, с расширением на конце. Под ногами человеческих фигур вырезаны три крупные орлообразные птицы. У правой и левой птиц показаны ноги. Обе птицы изображены в позе посадки после полета или в момент, когда они хватают добычу. В когтях левой птицы показан такой же круг, как на груди центральной фигуры. Средняя птица, с раскинутыми крыльями, показана в стремительном полете (табл. XVII).

Верхние погребения (табл. V, 2). Плита, сброшенная в яму, разделила по диагонали ее верхнюю часть. Между плитой и восточной стенкой ямы сохранился женский (определение А.Н. Липского) ненарушенный скелет, лежавший спиной, тазом и затылком вверх; а ноги и руки, согнутые в коленях и локтях, подобраны под туловище. Позвоночник в верхней части несколько выгнут кверху. Под грудью найдено несколько сильно разрушенных резцов сурка. Первоначально А.Н. Липский (что сохранилось в отчете о раскопках) предположил, что женщину похоронили, когда она была живой, и она пыталась встать. Эту версию о насильственном захоронении использовала М.Д. Хлобыстина в своей реконструкции общества энеолита (Хлобыстина, 1972, с. 35). Однако, как уже говорилось, А.Н. Липский согласился с мнением М.П. Грязнова, что необычная подобранность ног и рук объясняется тем, что покойную посадили в могиле, а затем, очевидно, она упала вперед. Антропологический тип женщины не определен. В заполнении ямы среди булыжника и гальки встречены единичные позвонки, обломки ребер и длинных костей человека, а в западной половине массивная лобная кость, предположительно мужчины, и тонкая нижняя челюсть, предположительно женщины (определения А.Н. Липского).

Интерпретация захоронений в могиле. По мнению А.Н. Липского, все погребения совершены последовательно, и, вероятнее всего, единовременно, поскольку контуры вырытой в песчаном грунте ямы не были нарушены последующим ее вскрытием для новых погребений. Это подтверждается и размерами плиты перекрытия (152×61–107 см), превышающими размеры самой ямы (150×80 см). Автору раскопок представлялось, что сначала на дно уложили женщину и закрыли могилу тонкой плитой, поверх которой на грунтовой подсыпке усадили вторую женщину, а еще выше, на неизвестной глубине, уложили мужчину и женщину. Таким образом, три могилы оказывались расположенными в три яруса. Грабители, по его мнению, отбросили камни с основной плиты покрытия ямы, сдвинули саму плиту и выбросили на борта ямы кости верхних скелетов вместе с находящимися там камнями и землей. После ограбления они засыпали яму в обратном порядке: сбросили вниз плиту, которая уперлась нижним концом в ненарушенное дно могилы второго яруса; затем плиту засыпали грунтом, в котором оказались единичные поломанные кости и наконец в яму свалили булыжники, ранее находившиеся на плите покрытия.

Г.А. Максименков обратил внимание на два противоречащих этому предположению факта. С одной стороны, сброшенная вниз плита должна была нарушить кости скелета сидящей женщины, чего не произошло. С другой стороны, если наклонная плита все же не нарушила верхний скелет, то значит, женщина была похоронена непосредственно после ограбления могилы и прикрыта диагонально поставленной плитой. Следовательно, это впускное захоронение. Что же касается реконструкции верхнего парного погребения (по обломку мужской лобной кости и по обломкам нижней женской челюсти), то она вызывает сомнение, поскольку эти единичные кости могли принадлежать нижним погребенным или же попасть из других могил. О том, что нижнее погребение могло быть частично нарушено, свидетельствуют, по его мнению, немногочисленные украшения из зубов сурка, найденные в верхней части могилы. В целом ясно, что в яме находились максимум два последовательных захоронения, разделенные плитой, а не три.

По моим представлениям, яма, во-первых, не имела таких ровных стенок, как они изображены на разрезе. Приблизительно на глубине 70 см была выкопана яма меньшего размера, на "заплечики" которой могли быть положены жерди, а поверх них плита с рисунками. Во-вторых, единая манера изображения птиц на верхней и нижней плитах перекрытия может служить доказательством их одновременного использования. В-третьих, предположение Г.А. Максименкова о впускном характере погребения женщины, усаженной под наклонной плитой, объясняет сохранность ее скелета и сознательную вторичную засыпку ямы. В-четвертых, малочисленность костей, найденных в заполнении верх-

ней ямы, не позволяет судить о том, кому они принадлежали и как там оказались. Таким образом, достоверным является только основное, нижнее погребение женщины неизвестного физического облика, положенной в богато расшитой одежде, с окуневскими ножом и игольником, но с афанасьевским сосудом. При этом четкое расположение в могиле каждого предмета, особенно украшений нагрудника, не позволяет согласиться с мнением Максименкова о возможной нарушенности этого погребения.

Могила 2. К северу от центральной могилы (4) под развалом камней на площади 170×150 см (ССВ-ЮЮЗ) были выявлены камни, уходящие в землю и пересыпанные более темным, чем вокруг, грунтом. Разборка каменного завала в пределах этой площади обозначила захоронения верхнего яруса. Дальнейшие раскопки велись только в пределах ямы этого погребения, оставляя нетронутыми отложения предыдущего захоронения. Такой порядок работы, по словам А.Н. Липского, давал возможность хорошо оконтурить яму изучаемого погребения. Здесь, по его мнению, располагалось 5 могил на четырех ярусах (табл. VI, *1*). Размеры могил и их ориентировка описываются по чертежам, поскольку они не всегда совпадают с указанными в тексте.

Нижнее погребение (№ 5). У южной и западной стенок ямы (размеры 170×130 см; глубина 150–160 см, ЮЗ-СВ) лежало по рогу марала так, чтобы они копировали свое положение на голове животного. Восточную часть ямы занимали скелеты мужчины и женщины зрелого возраста, окуневского физического типа (Алексеев, 1961а, с. 119–122, рис. 1, *3*), на спине с согнутыми коленями, головами на юго-запад. В процессе разложения туловище женщины повернулось направо, куда упали и поднятые колени обоих погребенных. Хотя яма просторная, покойники были уложены так тесно, что правое плечо мужчины прикрывало левую половину груди женщины. Руки согнуты в локтях, причем обе кисти женщины лежали на животе, а у мужчины только левая кисть, а правая положена на грудь (табл. VII, *1*). В ногах между голенями покойников и северо-восточной стенкой ямы находился раздавленный упавшим сверху булыжником сосуд реповидной формы (высота и диаметр 18–20 см, диаметр венчика 10–11 см). Орнамент – расположенные по горизонтали оттиски "шагающего" штампа, местами образующие елочный узор (табл. XII, *5*). У правого локтя женщины положен медный нож длиной 99 мм (табл. XIV, *3*), а на правой лопатке находился мраморный шарик диаметром 27 мм со сквозным отверстием (табл. XV, *1д*). Второй шарик, диаметром 48 мм, лежал слева в 3 см от позвоночника мужчины на уровне нижнего ребра (табл. XV, *1б*). Под правой скулой женщины сохранились два медных височных кольца с обломанными концами (табл. XV, *2*). Поверх грудной кости и около нее разбросаны стеатитовые бусинки и подвески из клыков марала и резцов сурка, украшавшие нагрудник (табл. XV, *4*, *5*, *7*). Согласно реконструкции А.Н. Липского, 100 бусинок были собраны в 5 нитей, а на концах двух из них нанизаны еще резцы сурка. По реконструкции М.П. Грязнова, в центре всей низки была биконическая бусина, с двух ее сторон 106 овальных, а на концах – 1–2 четырехугольные бусины. Ниже этого ожерелья к нагруднику по вертикали были пришиты 5 клыков марала и 23 резца сурка (табл. VIII, *4*).

В изголовье могилы стояла плита (58×60 см), на которой нарисована охрой полоса с четырьмя незакрашенными продолговатыми пятнами (табл. XVIII, *5*). Длинное овальное пятно было и на другой стороне плиты. За плитой лежали два обломка той же или другой плиты с рисунками, сделанными охрой. На одном из них (21×15 см) – отрезки двух дуг и пятно внутри одной дуги (очевидно, часть личины с глазом – табл. XVIII, *4*). На другом (23×18,5 см) – часть дуги, внутри которой в шахматном порядке нанесены точки (табл. XVIII, *3*). Оба рисунка опубликованы в 2002 г. (Leont'ev, Kapel'ko, 2002, рис. 221).

Погребения среднего яруса. Нижняя могила, видимо, была перекрыта жердями и тонкими плитками, служившими одновременно "полом" для покойников, расположенных на 13–20 см выше. По мнению А.Н. Липского, они располагались в трех отдельных могилах, изолированных друг от друга тонкой прослойкой более плотного песчаного грунта: две (№№ 3–4) на одном уровне, а третья (№ 2) – чуть выше.

Погребение 4 (табл. VII, *4–5*). В овальной яме (120×70 см, ССВ-ЮЮЗ) скелет женщины, на спине, головой на ЮЮЗ, с согнутыми в коленях ногами, позже упавшими на две стороны. Правая рука вытянута, левая согнута в локте. За правым плечом – скелет ребенка нескольких месяцев. В ногах женщины находился сосуд – банка со слабо профилированными стенками (высота 13 см, толщина стенок 7 мм, диаметр по венчику 11 см, по дну 7 см). Орнамент расположен тремя зонами. Вдоль венчика и дна – полосы шириной около 25 мм, заполненные четырьмя рядами отпечатков уголков палочки длиной 3–7 мм. На тулове – 12 вертикальных рядов четырех–пяти отпечатков уголков палочки и между ними короткие резные бороздки (табл. XIII, *1*). Слева от грудины был найден медный игольник длиной 93 мм, внутри которого находилась бронзовая иголочка с ушком, обернутая лоскутком кожи (табл. XIV, *4–5*). Справа от игольника, на грудной кости (месте предполагаемого нагрудника) лежало более 20 резцов сурка, а ниже вдоль позвоночника свыше 40 (по М.П. Грязнову, 36) стеатитовых колечек (аналогичных тем, что и в могиле 1), расположенных в 4–5 рядов (табл. VIII, *3*; XV, *3*). Возраст и физический облик женщины неизвестны.

Погребение 3 (табл. VII, *2–3*). В овальной яме (размеры 90×45 см, глубина 128–130 см, ССВ–ЮЮЗ) лежал скелет женщины, головой на ЗЮЗ, на спине с согнутыми в коленях ногами, которые упали ромбом. Правая рука вытянута, левая согнута в лок-

те, кисть положена на живот. В ногах раздавленный сосуд сферической формы с высоким слабо отогнутым венчиком (высота 21 см, диаметр тулова 21 см, диаметр венчика 15 см, высота венчика 3 см, толщина стенок 10 мм). Сосуд на 3/4 покрыт 16 рядами глубоких оттисков косого зубчатого штампа, образующих ребристую поверхность, а внизу резными линиями, соединенными в "елочку" (табл. XII, *3*). На предполагаемый нагрудник (в области грудины и позвоночника) нашито не менее пяти рядов низок из 82 стеатитовых бусинок и 12 резцов сурка (табл. VIII, 2). Аналогичные 3–4 низки из 42 бусинок и 20 резцов сурка лежали поверх запястья правой руки (табл. VIII, *1*). По мнению А.Н. Липского, это не украшение рукава одежды, а остатки упавшей сюда части нагрудника. Физический тип женщины также не установлен.

Погребение 2 (табл. VI, *5–6*). В овальной яме (135×90 см, Ю–С), расположенной на 20–30 см (или больше, судя по разрезу) выше предыдущей, находился полуразрушенный скелет женщины, на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на юг. В ногах сохранились две трети раздавленного сосуда реповидной формы с небольшим отогнутым венчиком. Орнаментирован чередующимися полосами, состоящими из двух рядов овальных оттисков палочки и трех горизонтальных резных линий (табл. XII, *4*) В области груди – 10 резцов сурка. Физический тип женщины не установлен.

Погребение 1 (табл. VI, *2–4*). В яме (размеры 150×80–100 см, глубина 50–65 см) находились два скелета, кости которых были нарушены обломками двух упавших на них плит и булыжников перекрытия ямы. Третий обломок плиты, очевидно, составлял дно верхней могилы, поскольку закрывал самый верхний из женских скелетов среднего яруса. На трех обломках (96×60, 80×54, 68×56 см) одной плиты находились выполненные охрой рисунки в виде "сетки" На одном обломке рисунок состоит из 16 перекрещивающихся линий шириной 9–17 мм с ячейками ромбовидной формы (табл. XVIII, *1*). На втором обломке "сетка" в значительной степени стерта, но ее идентичность с рисунком на первом обломке несомненна, а на третьем обломке "сетка" уцелела или была нанесена только на половине плоскости (табл. XVIII, *2*). Один из скелетов был положен скорченно на правом боку, головой на юго-запад. В области таза находились три сильно разрушенных резца сурка. От другого скелета остались только бедренные кости и таз. По мнению А.Н. Липского, судя по разной толщине костей, здесь были похоронены мужчина и женщина. В заполнении ямы найден фрагмент сосуда с оттисками "шагающего" зубчатого штампа (табл. VI, *2*), а в южном конце на плите лежала орнаментированная ручка сосуда, окрашенная охрой (табл. VI, *3*). Подобные ручки встречаются у афанасьевских курильниц (Вадецкая, 1986а, с. 53–56).

Интерпретация захоронений в могиле. Могила очень сложная; правильность методики раскопок вызывает много сомнений, в том числе неестественно точными чертежами ярусных захоронений и слишком детальными наблюдениями А.Н. Липского.

По мнению Г.А. Максименкова, яма после первого захоронения оставалась какое-то время пустой, видимо, перекрытой деревом и небольшими плитами, поверх которых было возведено надмогильное сооружение из обломков гранита. Дальнейшая история могилы предполагает два варианта. В первом случае, вторичные захоронения произведены до того, как бревенчатое перекрытие сгнило и камни, лежавшие на нем, провалились в могилу. Тогда эти камни должны были находиться над могилами, так как три яруса погребений, по данным А.Н. Липского, не нарушены. На самом же деле (согласно разрезу) камни сплошь заполняют яму. Во втором случае, впускные могилы выкапывали после того, как перекрытие сгнило и камни заполнили яму. Тогда проследить границы верхних могильных ям невозможно, поскольку камни крупные и края могильных ям не имели точных очертаний. Тем более, невозможно было проследить прослойку песка толщиной несколько сантиметров. В этих условиях ее быть не может – хотя бы потому, что камни по размерам больше толщины прослойки. Следовательно, здесь имеют место явные несообразности.

Соглашаясь с замечаниями Г.А. Максименкова, хочу дополнить, что две ямы, находившиеся на одном уровне и почти соприкасавшиеся друг с другом, были, возможно, искусственно созданы школьниками, участвовавшими в раскопках, при расчистке скелетов в песчаном грунте, поскольку кости на чертежах выходят за контуры ям. Не исключено, что и третья женщина, расположенная всего лишь на 15 см выше двух других, была захоронена в одной яме с ними, общая площадь которой (170×135 см) тогда была бы почти равна площади нижней основной могилы. Если мои предположения верны, то прежде, чем верхняя часть ямы заполнилась камнями, в ней выкопали вторую могилу для двух или трех женщин, а позже уже заполненную провалившимися камнями яму использовали для следующих захоронений, подвергшихся ограблению. Таким образом, нет доказательства, что хотя бы одна из женщин среднего яруса была захоронена одновременно с основными, нижними покойниками. Однако нет сомнения в целостности нижних погребений, благодаря сохранности первоначального расположения не только вещей, но и украшений нагрудника

Могила 3 (табл. IX, *1–2*) расположена у северного угла ограды в самой низкой (согласно нивелировке) точке современной поверхности. Под скоплением камней была обнаружена яма (размеры 170×80 см, глубина более 130 см, З–В), заваленная булыжником. На дне находились остатки двух скелетов. От первого, лежавшего вдоль северной стенки, остались на месте кости левой руки и стопы, кости ног смещены. От второго, лежавшего вдоль южной стенки, сохранились на месте кости рук, часть позвонков и ребер, среди которых найдено

несколько резцов сурка. Смещены ключица, половина таза и бедренные кости. По определению А.Н. Липского, южный скелет принадлежал женщине (по тазу и наличию украшений), а северный – мужчине, так как его кости были толще, чем у первого скелета. Мужчина положен на спине, с согнутыми и поднятыми коленями, головой на запад, а женщина головой на ЗЮЗ. В ногах сохранились два обломка баночного сосуда (высота 12–13 см, диаметр 14,5 см, толщина стенок 10 мм). Венчик плоский, с оттисками штампа по верхнему срезу. Вдоль венчика 6 рядов оттисков круглой палочки, а ниже четыре ряда косых оттисков гребенчатого штампа. Изнутри сосуд покрыт значительным слоем сажи и, по мнению А.Н. Липского, некоторое время использовался в качестве светильника (табл. XIII, *2*). За головами погребенных была вкопана плита длиной 78 см и толщиной 3–5 см.

Интерпретация захоронений в могиле. На мой взгляд, могила заслуживает внимания по двум обстоятельствам. Во-первых, в изголовье могилы, как и в нижнем богатом погребении могилы 2, стояла плита, которая могла ассоциироваться со знатностью покойников. Во-вторых, хотя могила ограблена, многие кости скелетов оказались на месте. Возможно, грабители не выбрасывали специально кости скелетов и в других могилах, а единичные, найденные в заполнении, могли быть случайными.

Могила 4 (табл. X, *1–6*). В центре ограды после удаления грунта обозначилась продолговатая западина (5×2 м, 3–В), заполненная камнями. При разборке заполнения в разных местах (больше всего на глубине около 1 м от поверхности) среди камней и плит, наклонно уходящих в яму, найдены немногочисленные кости трех скелетов: нижняя челюсть и обломки еще двух, поломанные кости рук, бедер, голени. Среди них собраны обломки баночного сосуда (высота и диаметр 18 см, диаметр дна 8 см, толщина стенок 7–9 мм), кремневый наконечник стрелы, несколько резцов сурка, просверленный клык кабарги, коготь медведя. Сосуд, включая дно, орнаментирован прямыми оттисками гребенчатого штампа (табл. XIII, *3*). Наконечник стрелы со слегка вогнутым основанием и длинными сторонами, с мелкими выемками у основания. Под западиной была яма глубиной около 2 м, верхняя половина которой была сплошь заполнена камнями. На глубине 1 м находилось бревенчато-каменное покрытие могилы. Концы бревен и плит провалились до дна ямы, одна плита частично закрыла один из скелетов, лежавших на дне (табл. X, *4*). А.Н. Липский представил следующую детальную реконструкцию погребальной камеры.

Вдоль северной и южной стенок ямы площадью 7,5 кв. м. (300×250 см) была сооружена кладка из булыжника, в 2 ряда шириной и в 7 – высотой. Изнутри камеры северная стенка облицована одним рядом вкопанных тонких плит песчаника высотой 35 см, а южная – двумя рядами высотой 55 и 30 см. (табл. X, *6*). Вдоль западной и восточной стенок на дне ямы поставлены массивные плиты песчаника (200×96×12 и 188×97×13 см), края которых закреплены кладкой (из булыжника) длинных стен. Для большей устойчивости на полу вдоль восточной плиты уложен один ряд булыжников (в среднем 25×25 см), а пустоты между стенками ямы и вертикально установленными плитами заполнены кладкой из крупного булыжника. При этом менее ровная восточная стенка ямы была подперта двумя узкими и короткими плитками (табл. X, *5*). На внутренние и наружные камни уложено 15 березовых и лиственничных бревен толщиной 12–18 см, а поверх них – не менее трех слоев плоских плит (табл. X, *5–6*). Внутренняя площадь камеры 3,2 кв. м (2×1,6 м), высота 95 см. В камере похоронены взрослые мужчина и две женщины окуневского типа, а также младенец. Антропологические определения сделаны В.П. Алексеевым (Алексеев, 1961а, с. 119–121, рис. 4).

Вдоль северной стенки камеры положен мужчина, на спине, головой на запад. Руки согнуты в локтях и уложены кистями на живот. Ноги, согнутые в коленях, упали таким образом, что голень левой ноги оказалась поверх правой (табл. X, *1*). У левого бедра лежали: литой медный топорик (табл. XII, 7); крупный мраморный шар (диаметр 56 мм, вес 215 г; табл. XV, *1а*) с просверленным отверстием (диаметр 5–6 мм); курильница в виде чаши на поддоне (высота чаши 11 см, диаметр 12,5 см, глубина 4,6 см, высота поддона 4 см) с внутренней перегородкой длиной 6,1–8,8 см. На поверхности чаши прочерчены две горизонтальные линии, а между ними 7 концентрических кружков, диаметром 1–2,6 см. На поддоне прочерчены 11 вертикальных черточек с развилкой вверху, промежутки между которыми заполнены оттисками острия палочки (табл. XIII, *5*). Поверх орнамента курильница окрашена охрой, а внутри чаши сохранились копоть и следы охры (Вадецкая, 1986а, рис. 32). Топорик асимметричный, небрежно отлитый в двусторонней форме, с втулкой для насаживания на рукоятку. Рабочая часть плоская, широкая, клиновидная. Общая длина топорика 10,5 см, лезвия – 4,5 см; наибольшая ширина 3,8 см, толщина 7–12 мм. Втулка (30×34 мм) несколько выступает за грани топора, небольшой обушок (25×28×24 мм) сужается к втулке. Рабочей изношенности топорика не видно, хотя один угол лезвия обломан (табл. XIV, *7*). К поясу мужчины, очевидно, в мешочке, были подвешены медные нож (длина 13,7 см, ширина до 4 мм, толщина 2 мм) и квадратное в сечении шило (длина 12,7 см, толщина около 3 мм). Нож вытянутой ромбической формы с черенком длиной 4,1 см, плотно обмотанным берестой и вставленным в деревянную рукоятку (табл. XIV, *9*). Шило (табл. XIV, *8*), лежавшее под лезвием ножа, с остатками круглой деревянной ручки. В углу камеры, у стоп мужчины, положены два куска говядины (левое бедро, голень) и кусок баранины (бедро).

Центральное место в могиле занимал скелет женщины, которая была положена на спине с согну-

тыми и поднятыми коленями. Справа от него – скелет младенца. Тело покойной либо при разложении, либо когда на него упала сверху плита перекрытия, чуть повернулось вправо, поэтому ноги упали на ребенка, а правая рука приняла такое положение, словно женщина его обнимает. Очевидно, при перемещении рука потянула за собой часть нагрудника, к которому были пришиты медный игольник с несколькими резцами сурка и клыками собаки или волка. В результате игольник и украшения нагрудника оказались между локтем женщины и раздавленным черепом младенца (табл. X, *1*). Игольник (длина 18,5 см, диаметр отверстия 6,5–8,5 мм) согнут из пластинки толщиной около 1 мм. А.Н. Липский его разрезал, чтобы извлечь две иголки – костяную и медную, воткнутые в кусочек кожи (табл. XIV, *6*). Игольник был "завернут в полоску спирально охватывающей его кожи". На правой половине таза женщины лежал мраморный уплощенный шарик (диаметр 28,5–35 мм, вес 43 г) с просверленным отверстием (диаметр 9–10 мм), окрашенный охрой, поверх которой он был покрыт слоем извести толщиной 2 мм (табл. XV, *1г*). В южном углу камеры, справа от женщины, положен нижний камень зернотерки и на него яйцевидный афанасьевский сосуд (табл. X, *1*, *3*). Зернотеркой служила песчаниковая трапециевидная плита (длина 56,5 см, ширина 26 см, толщина 6 см) с закругленными концами. Внешняя поверхность обработана грубыми сколами, рабочая выровнена мелкой ретушью. Сосуд (высота 29 см, диаметр 15–21 см, толщина стенок 8–12 мм) с заостренным дном и едва намеченным венчиком высотой 7–10 мм. Стенки заглажены и покрыты косыми оттисками гребенчатого штампа (табл. XII, *2*).

Вторая женщина лежала в восточном углу камеры, скорченно, на левом боку. Ноги сильно согнуты в коленях, пятки прилегали к ягодицам, руки вытянуты вдоль тела. Левая рука находилась под туловищем, правая – поверх него. Судя по расположению костей, труп, возможно, был усажен, а позже упал, приняв вышеописанное положение (*Э.В.*). На груди женщины ровной полосой лежали резцы сурка (очевидно, были пришиты к нагруднику), у правой части таза найден мраморный шарик (диаметр 42,5 мм, вес 97 г, диаметр отверстия 5–6 мм), за спиной находилась каменная колотушка, у колен сосуд. А.Н. Липский распилил шарик (табл. XV, *1в*), чтобы определить материал, из которого он сделан. Колотушка (длина 26,5 см) изготовлена из крупной речной зеленоватой гальки сиенита. Один ее конец отбит, другой обработан мелким пунктиром в виде ручки (длина 11,5 см, ширина 6,5 см, толщина 5,5–7,5 см), чтобы было удобнее держать ее в руке. Сосуд бочонковидной формы с уплощенным дном (высота 17,8 см, диаметр тулова 14,5–15,5 см, диаметр дна 11 см, толщина стенок 10 мм, толщина дна 15 мм). Стенка вдоль венчика подрезана, в результате чего образовался плоский валик (шириной 10 мм и высотой 4–5 мм) со слабым наклоном наружу. Внутри и снаружи стёнки тщательно заглажены, а снаружи еще залощены. На поверхности сосуда охрой нарисовано 15 вертикальных полос (шириной 1 см), соединенных между собой вверху и внизу арками. Сосуд сильно закопчен со всех сторон, поэтому роспись видна плохо (табл. XIII, *4*)

Интерпретация захоронений в могиле. Версии о разновременных захоронениях (Иванова, 1966, с. 90) либо одновременных, но с разным этническим составом покойников (Хлобыстина, 1972, с. 39; 1973, с. 28) противоречат единому антропологическому (окуневскому) типу погребенных. Мнение Л.А. Ивановой, что бочонковидный сосуд является таштыкским, так как его стенки залощены, не обосновано. Охрой бывают окрашены и расписаны афанасьевские и окуневские сосуды, но не таштыкские. Сосуд не имеет полных аналогов, но по отдельным деталям, в частности, по уплощенному дну, схож с другими окуневскими; а по подрезанному по стенке венчику – с не менее редким сосудом (на резном поддоне) из могильника Черновая VIII (Максименков, 1980, табл. XXIX, *8*). Этот оригинальный окрашенный, но сильно закопченный сосуд мог быть ритуальным.

Г.А. Максименков высказал сомнение в том, что гробница не была потревожена. Он предположил, что часть костей из нижнего погребения попала в верхний ярус, мотивируя это тем, что плиты перекрытия нижней ямы провалились на скелеты, а указанное количество верхних скелетов (по нижней челюсти и обломкам двух других) совпадало с числом нижних. На мой взгляд, ничто не свидетельствует об ограблении основной могилы. Упавшая плита закрыла только часть центрального захоронения, вероятно, еще в период до разложения связок, при этом тело женщины чуть повернулось вправо. При перемещении рука, как указывалось, потянула за собой часть нагрудника, к которому были пришиты медный игольник и несколько резцов сурка и клыков собаки или волка. При ограблении были бы смещены вещи и других покойников. Что же касается верхнего погребения, то нет уверенности, что оно вообще существовало, так как происхождение единичных человеческих костей скелетов, обломков сосуда и украшений, найденных в каменном завале, неясно. Если было верхнее погребение, из которого грабители выбросили кости трех скелетов и вещи, то часть из них обязательно попала бы и в нижнюю камеру. А если грабители не собирались проникать в нижнюю часть ямы, то оставили бы на месте части скелетов, как это было в ограбленной могиле 3. Обращает на себя внимание и то, что обширная западина над могилой раскапывалась, судя по плану, не одним, а двумя раскопами, под которыми были могила 4 и мелкая могила 15, о которой ничего не известно, но она, безусловно, была выкопана в разрушенном надмогильном сооружении центральной могилы. Отдельные кости, наконечник стрелы и обломки сосуда, обнаруженные среди булыжника в верхней

части центральной ямы, могли попасть туда из этого погребения.

Могила 5 (табл. XI, *1–2*). Расположена у северного угла ограды, между могилами 2 и 3. Обнаружена при контрольной зачистке бульдозером поверхности внутри ограды. Под небольшой плиткой было выявлено пятно, окруженное кольцом камней. В пределах пятна вскрыта яма (130×110 см, ЮЗ–СВ) с отвесными стенками, заполненная булыжником вперемешку с грунтом, среди которых уже в верхних слоях встречались кусочки резцов сурка и обломки человеческих костей. На глубине 80–90 см найдена голень, а на 10–15 см ниже – левая половина таза, 2 бедренные и 2 берцовые кости, нижняя челюсть, несколько позвонков и ребер. Наличие трех берцовых костей позволяет полагать, что были захоронены два человека. Судя по большей массивности и длине костей, найденных внизу, и более тонкой голени, найденной наверху (с резцами сурка), А.Н. Липский предположил, что погребены были мужчина и женщина – либо совместно, либо на разных уровнях. Хотя, как и в других случаях, нельзя исключать их принадлежности однополым покойникам разного возраста.

На дне ямы (размеры 130×110 см; глубина 135–150 см) вдоль северной стенки находился скелет мужчины, а вдоль южной – женщины. Погребенные были уложены на спине, с поднятыми и согнутыми в коленях ногами, головой на юго-запад. Мужчина зрелого возраста и окуневского антропологического типа (Алексеев, 1961а, с. 119–121, рис. 2). Возраст и физический облик женщины не установлен. Руки мужчины и левая рука женщины согнуты в локтях, кисти положены на живот. Правая рука женщины вытянута, кисть находится под бедром. Под головами и плечами сохранились куски бересты, видимо, от подушек. Черепа раздавлены и чуть повернуты налево упавшими на них плитами. Между мужчиной и женщиной уложен младенец в возрасте до года. У головы мужчины находился, видимо, колчан с 12-ю стрелами, кремневые наконечники которых лежали кучкой. Наконечники трех форм: 5 листовидных (длина 33–43 мм, ширина 18–20 мм, толщина 4–5 мм) с выпуклыми длинными сторонами и овальным основанием; 5 ромбических (длина 37–38 мм, ширина 20–21 мм) и 2 усеченно-ромбических с прямым основанием (длина 37–38 мм, ширина 20–21 мм, толщина 4–5 мм; табл. XV, *6*). У головы женщины положены 13 нижних челюстей соболя (определения В.И. Цалкина) В гональной части каждой из них просверлено круглое отверстие, с помощью которого эти украшения прикреплялись к костюму или носились как ожерелье. В верхней части грудной клетки женщины лежало бронзовое кольцо с несомкнутыми концами диаметром 18–20 мм и толщиной 4–5 мм (табл. XV, *3а*). Видимо, вместе с несколькими резцами сурка (сохранились их фрагменты) оно крепилось к нагруднику.

В нижней части яма, очевидно, имела "заплечики", на которые опирались концы плит перекрытия. Судя по разрезу, было не менее трех слоев провалившихся плит. Верхние из них находились на глубине 116–118 см среди булыжника, а концы нижних опирались на дно ямы. На пяти крупных плитах и на нескольких мелких обломках были обнаружены рисунки.

Плита № 1 – верхняя (90×43 см). На ее нижней стороне – часть выбитой и окрашенной личины с лучами, поверх которой тонкими линиями вырезаны фигурки "шаманов" (табл. XIX, *1*). От личины сохранился отрезок дуги (длина 45 см, ширина около 2,5 см, глубина выемки 3 мм), внутри которой выбито округлое пятно (глаз божества, по А.Н. Липскому) диаметром 7–7,5 см. Над глазом, вверх и несколько вправо от дуги отходят изображения бычьего рога и лучей. Абрис лица, глаз, рог и лучи поверх выбивки покрашены охрой. Между рогом и ближайшим лучом находится рисунок человеческой фигуры, широкой в плечах и сужающейся к бедрам. Ноги изображены реалистично, от колен спускаются линии – завязки, а чуть выше ног двумя поперечными линиями показан край короткой одежды. Сзади вниз от этих линий вырезано что-то вроде хвоста. Голова несколько наклонена влево и оконтурена относительно широкой протертой полоской. Лицо пересекается горизонтальной линией под глазами и протертой дугообразной линией выше рта. От головы отходят полоски (по паре с каждой стороны), очерченные параллельными линиями. От концов полосок над левым плечом спускаются вниз два вытянутых ромба. Над головой видны еще 4 линии. Изображена только правая рука, полусогнутая в локте и держащая связку каких-то продолговатых предметов с заостренными концами. Наклон туловища, постановка ступней и отставленная правая рука представляют человека в движении. Сложный головной убор в сочетании с хвостом, по мнению А.Н. Липского, "заставляет видеть в этом изображении шамана в пляске". Под этой фигурой и вокруг нее видны тонкие резные линии, идущие в разных направлениях, которые трудно разобрать. Внутри абриса личины также множество тонких резных линий, которые не осмысляются. Среди них выделяется только человекообразная фигура, согнутая в поясе, широкоплечая и с узкой талией. Голова дана в профиль. Правая рука, слегка согнутая в локте, держит предмет в форме очень вытянутого ромба, видимо, лук. На обратной стороне той же плиты много тонких резных линий, среди которых различается фигура человека, широкого в плечах и с узкой талией. На его голове очень высокий убор в виде петли (табл. XIX, *2*).

Плита № 2. Часть плиты толщиной 4 см, на которой сохранились выбитые и окрашенные охрой фрагменты личины с лучами; состоит их четырех обломков. Три из них находились ниже верхней плиты, а четвертый упал глубже и лежал на скелете женщины. Длина сохранившейся части абриса личины 73 см, от него отходят 8 лучей и "бычий рог" Внутри дуги – выбитая и окрашенная плоскость.

Поверх личины нанесено много тонких резных линий, но читаются только два рисунка – птица, похожая на орла, с крючковатым клювом и верхняя часть фигуры человека в очень высоком головном уборе. Лицо под глазами пересечено поперечной линией; от подбородка спускается удлиненный треугольник, возможно нагрудник, верх головного убора раздваивается (табл. XIX, *3–4*). Вторично эти рисунки были скопированы В.Ф. Капелько и Л.Н. Пономаревой (Leont'ev, Kapel'ko, 2002, рис. 220).

Плита № 3 (75×45×4 см) лежала поперек могилы на глубине 120 см. На ней выбита полоса, покрашенная охрой, возможно часть контура личины (табл. XX, *2*). Поверх нее нанесен целый ряд штриховых рисунков, среди которых читается лишь несколько. Во-первых, слева от крашеной полосы человеческая фигура высотой 29 см, наклоненная влево. Голова почти круглая, рот показан легким контуром. Туловище с широкими плечами сужается к талии, а у бедер чуть расширяется. Ноги показаны с коленями и икрами, ступни не просматриваются. От головы вверх и вправо отходят две линии – контуры головного убора. На груди треугольник – нагрудник или ворот одежды. Во-вторых, фигура высотой 25 см с головой, похожей на конскую, пересеченная ногами первой фигуры. Голова повернута влево, пасть открыта. Туловище наклонено влево, ноги широко расставлены и даны в движении. Показаны небольшие ступни и одна рука, слегка согнутая в локте и держащая ромбовидный предмет. Над головой этого существа вырезаны два округлых лица (одно над другим) диаметром 28–34 и 29–35 мм. Обозначены рты. От нижнего лица в разные стороны расходится пара полос, по концам которых свисают ромбовидные фигуры. Слева от человека-коня, на уровне его поясницы, видна левая половина еще одной головы с аналогичным убором, поверх которого, по мнению А.Н. Липского, штрихами изображен "шалаш". Его основание – горизонтальная линия, пересекающая фигуру человека-коня, а вершина, образованная пересечением двух линий, находится около ее голени. Внутри треугольного "шалаша" двумя параллельными изогнутыми линиями показан дугообразный вход в "шалаш" или второй "шалаш", но сферической формы. С правой стороны от окрашенной полосы вырезана еще одна человеческая фигура высотой 35,5 см, с длинным туловищем и длинными ногами. Одна нога вынесена вперед и согнута в колене, что свидетельствует об изображении человека в движении. Лицо продолговатое, с прогибом у щек и острым подбородком, изображен рот. Плечи округлые, талия узкая. Поверх бедер этой фигуры нарисована теменная дуга головы с правой частью головного убора. Здесь же много других не совсем ясных рисунков.

Плита № 4. На небольшом обломке плиты вырезана фигура человека, широкая в плечах и сильно зауженная к талии. Лицо круглое, под глазами пересечено линией. На груди показан вырез одежды или треугольный нагрудник; на уровне пояса – два креста. На голове очень высокая шапка, расширяющаяся на конце (табл. XX, *1*).

Плита № 5. На небольшом обломке плиты прочерчено много штрихов и несколько фигур (табл. XX, *3*). Самая четкая фигура человека находится у правого края обломка. Она имеет яйцевидное туловище, сужающееся к талии. Лицо круглое, глаза-ямочки, тонким штрихом показаны ноздри. Рот в виде продолговатого овала с опущенными книзу уголками. Под глазами прочерчена горизонтальная линия. На голове высокий конусовидный убор. Справа от этого изображения находится другая фигура человека – с овальным лицом, широкими плечами и сильно сужающимся к талии туловищем, без четко обозначенных ног. Глаза – круглые точки, рот – продолговатый овал, под глазами лицо пересекает горизонтальная линия. От головы вверх поднимаются лучи, некоторые из них дугообразной формы. Ниже шеи показан треугольник нагрудника или края одежды. Справа от этой фигуры глубокими штрихами вырезана третья, видимо, голая мужская фигура, у которой голова с плечами отбиты, а туловище и одна нога наклонены вперед, как в широком, спокойном шаге. На плите также просматриваются штриховые рисунки птиц и едва намеченные контуры личин.

Интерпретация захоронений в могиле. Г.А. Максименков обратил внимание на то, что упавшие с перекрытия плиты покрывали только верхние части скелетов, до пояса. Между тем в верхней половине ямы найдены как раз кости ног, таза, несколько ребер и резцы сурка от нагрудника. В связи с этим он предполагает, что нижнее погребение было частично нарушено, а верхнее вообще отсутствовало. На мой взгляд, это могло бы объяснить отсутствие ножа и сосуда в погребении. Но по разрезу могилы, с большим числом упавших плит ,трудно понять, какие части скелетов они прикрывали, а какие нет. В любом случае, А.Н. Липский не настаивал на одновременности верхних и нижних погребений.

Могила 6 (табл. XI, *3–5*). Расположена почти вплотную к восточной стене ограды, вблизи могилы 1. Была обнаружена (как и могила 5) при снятии бульдозером контрольного (толщиной 30 см) слоя земли внутри ограды. Указание на место расположения могилы дала плита песчаника трапециевидной формы (85–64×80–75 см), один конец которой лежал на другой плите почти прямоугольной формы (112–85×72–64 см), наклонно спускавшейся в землю. Вокруг плит прослеживалась более темная окраска грунта. В пределах пятна раскопана яма 100×80 см, глубиной 30–45 см от плит перекрытия, поверх которых, согласно реконструкции А.Н. Липского, была кладка из булыжника. К моменту раскопок широкие концы плит лежали на противоположных бортах ямы, а узкий конец нижней плиты находился на костях скелетов мужчины (определение А.Н. Липского) и женщины 18–20 лет окуневского антропологического типа (Алексеев, 1961а,

с. 119–121). Покойники очень тесно втиснуты в яму, при захоронении были согнуты их туловища и очень сильно подогнуты ноги. А.Н. Липский определил их положение на правом боку, головой на юго-запад, причем мужчина лежал за спиной женщины. (На мой взгляд, судя по положению костей, они могли быть усажены либо уложены на спине с коленями вверх, а в процессе разложения их тела повернулись на правый бок.) На груди женщины, между правой рукой и позвоночником, находилось значительное количество резцов сурка, среди них 25 хорошо сохранившихся. У локтя правой руки лежал медный нож длиной 93 мм и толщиной 1–1,3 мм с отломанным черенком (табл. XIV, *10*).

На обеих плитах перекрытия тонкими линиями вырезаны прямоугольники и квадраты, а поверх них человеческие фигурки. На *верхней плите* трапециевидной формы (85–64×80–75 см) три квадрата, каждый разделен внутри продольными и поперечными линиями. Плита не была зарисована А.Н. Липским, а только сфотографирована. К настоящему времени рисунки скопированы В.Ф. Капелько и Л.Н. Пономаревой, при этом часть изображений соответствует описанию автора раскопок, а другие расшифровываются иначе (табл. XXI). Поверх геометрических фигур нанесено много штриховых рисунков, среди которых четко выделяются фигурки двух человек, нарисованные почти параллельно, но головами в противоположные стороны. Круглые головы человечков посажены непосредственно на широкое туловище, переходящее в узкую талию и длинные ноги, правая из которых вынесена вперед, как при движении. На головах высокие конические колпаки, глаза изображены кружками, рот – продолговатым овалом. Лицо одной фигурки перекрещено двумя линиями, а другой – пересечено горизонтальной линией под глазами. У фигурки с перекрещенным лицом в левой руке находится удлиненный треугольный предмет – видимо, изображение колчана со стрелой. Поверх груди второй фигурки еле заметными пересекающимися линиями показаны украшения костюма. Поверх фигурок нарисованы, по А.Н. Липскому, ноги очень крупного человека: одна нога изображена ступней почти в профиль и на ней меховые унты, другая спереди заканчивается овалом. Но, согласно копии В.Ф. Капелько и Л.Н. Пономаревой (хранится в Абаканском музее), это изображение головы с глазом и ухом и передней части туловища очень крупного животного. Показана раскрытая пасть, без зубов; два острых клыка находятся поверх носа, как у носорога. В верхней части плиты поверх прямоугольника нарисована еще одна фигурка человека с широко расставленными ногами, круглой головой и полосой, проведенной на уровне скул.

На *нижней плите*, почти прямоугольной (112–85×64–72 см), нарисованы три прямоугольника разного размера, разделенные поперек 10–12 полосками и очерченные двумя и более линиями. Из них два верхних, возможно, вписаны в еще один более крупный прямоугольник. Их перекрывает крупная фигура человека, с большой головой, узким туловищем и длинными выдвинутыми влево ногами, с завязками поверх колен. На голове показан остроконечный убор с двумя (с каждой стороны) широкими параллельными полосами, с концов которых свисают длинные заостренные фигуры. Глаза помечены кружками, у рта показаны "уголки". Под подбородком на груди обозначены треугольники и вертикальные полосы, образующие ворот одежды и ее складки. Изображена только одна рука – левая, согнутая в локте и поднятая вверх, с нее свисает такой же предмет, как и от головного убора. Рядом с этой крупной фигурой и частично поверх нее, имеется еще несколько фигурок меньшего размера, расположенных головами в разные стороны, с вытянутыми туловищами, с ногами и без ног, в высоких конических головных уборах. Внутри прямоугольников и между ними вырезано много других еле видимых изображений, среди которых читаются контуры личин и крупная петля, очерченная двойными параллельными линиями (табл. XXII).

2. Основные выводы по материалам ограды Тас Хазаа

Несмотря на то, что по мере исследования окуневских оград различия между Тас Хазаа и другими памятниками уменьшаются, первая сохраняет ряд своих особенностей. Она очень крупного размера. Большинство из первых погребенных (не только в центральной могиле), видимо, принадлежало к знати. Все мужчины захоронены с женщинами, занимавшими в обществе почти равное с ними положение. Конструкции погребальных ям отражают хронологические особенности, а художественный стиль рисунков на плитах – локальные. А.Н. Липским установлен не только определенный стандарт в расположении вещей (ножи у плеча, игольники пришиты сбоку нагрудника, шарики подвешены к поясу и лишь однажды на грудь, сосуды в ногах), но и система пришитых к передней части одежды украшений. Физический тип погребенных, установленный в парных погребениях, для женщин и мужчин совпадает. Обращусь к конкретизации этих общих выводов.

После сооружения в ограде ям, выкопанных с древней поверхности, производились захоронения как внутри этих ям (могилы 2, 5), так и между развалившимися надмогильными сооружениями. Полностью сохранились лишь те погребения, которые к моменту ограбления были под обвалившимися плитами перекрытия и булыжником. Сколько всего было первоначально могил в ограде, не установлено. Это касается не только поздних мелких, но, возможно, и первых, глубоких погребений. Следует иметь в виду, что контрольная зачистка внутри ограды производилась на глубину лишь 30 см и ранее невидимые могилы обнаружены у восточной стенки, где поверхность была более пологой и подсыпка под ограду меньшей толщины, чем в других местах. По-

этому, не зная истории создания захоронений в ограде, делать какие-то окончательные заключения на основании данных раскопок следует с большой осторожностью. Практически представление о похоронной практике отражают лишь пять могил в нижней части ям.

Ямы выкопаны в один прием, но не с ровными стенками, как это представляет автор раскопок. Внутри ям с глубины 0,7–1 м выкапывали вторую, меньшего размера, и на образовавшиеся заплечики укладывали плахи и плиты перекрытия. Клали ли поверх перекрытия нижних погребений одновременно с ними дополнительных покойников, в которых можно было бы видеть жертвенные захоронения, или все могилы вторых и более высоких ярусов являются впускными? Ничто не подтверждает одновременности этих захоронений, поэтому А.Н. Липский об этом умалчивает. Более того, этот вопрос может относиться лишь к могилам №№ 2 и 3, где находились либо полностью, либо частично непотревоженные скелеты на уровне разных ярусов. Однако то обстоятельство, что в верхней части этих ям были, безусловно, впускные захоронения, позволяет предполагать их впускной характер и в других случаях. К этому выводу склонялся и А.Н. Липский. Первоначально свободное пространство между покрытием нижнего погребения и перекрытием всей ямы зафиксировано в могилах №№ 1, 4, 5. С какой целью оно оставлялось? На мой взгляд, либо это конструктивные особенности, либо сюда укладывали дополнительные, в том числе мягкие и деревянные вещи для покойников. Подобное разделение было характерно для афанасьевцев, которые часто двух и более покойников клали в одну половину ямы, а вещи, в том числе из несохраняющихся материалов, в другую. Это могло быть одним из многих заимствований у афанасьевских племен (наряду со скотоводством, курильницами, формой ножей и т.д.), которые окуневцы приспособляли для новых бытовых условий и в соответствии со своими религиозными представлениями.

Ограда Тас Хазаа всегда считалась одним из ранних окуневских памятников из-за наличия здесь афанасьевских сосудов. Ранними признаками являются также захоронения в грунтовых ямах и широкое использование для амулетов и вышивки одежды зубов диких животных Вертикальные плиты, позже образующие окуневские ящики-гробы, здесь встречены только в качестве двух стенок центральной камеры. Стелы, вкопанные в изголовье двух пар покойников (могилы №№ 2, 3) имели не конструктивное, а знаковое значение. Обращает внимание стандартность использования зубов животных – преимущественно резцов сурка и зубов марала.

Медные ножи, аналогичные тасхазинским – с черенком и относительно широким и длинным лезвием – отсутствуют в поздних окуневских могильниках, но имеются в окуневских могилах, расположенных на афанасьевских кладбищах: Моисеиха (Вадецкая, 1986, с. 38, № 23); Красный Яр II (Вадецкая, 1989, рис. 4, *4*); Барсучиха IV (Грязнов, 1999, рис. 23, *11*). Ножи такого же типа найдены в афанасьевско-окуневском слое поселения Гляден VIII у г. Шарыпово (Красниенко, 2002, рис. 12) и в центральной могиле афанасьевско-окуневской ограды Большое Кольцо (Семенов, 1997, рис. 4, *10*). Это позволяет предполагать одновременность Тас Хазаа с этими памятниками. Среди афанасьевских сосудов из Тас Хазаа имеется реповидный с высоким (высотой 3 см) слабо отогнутым венчиком (табл. XII, *5*). Такие сосуды встречены в афанасьевских могилах указанных выше кладбищ: Красный Яр, огр. 14, м. 2 (Вадецкая, 1981, рис. 12, *2*); Афанасьева Гора, м. 27 и Барсучиха 4, огр. 22, м. 1 (Грязнов, 1999, рис. 13, *3*; 46, *14*). Бочонковидный сосуд из Тас Хазаа по форме тулова схож с сосудом из афанасьевского могильника Афанасьева Гора (Грязнов, 1999, рис. 11, *4*), а по росписи (в виде вертикальных полос охры) с сосудом из афанасьевского могильника Бельтыры (Вадецкая, 1986, с. 26, № 28; см. также статью в настоящем сборнике).

Самые ранние окуневские сосуды Тас Хазаа – это курильница и бочонковидный сосуд, найденные на дне центральной могилы. К ранней форме керамики относится также небольшая (14×14 см) толстостенная (10 мм) банка с прямо расходящимися стенками, найденная в могиле 3 (дно не сохранилось). Орнамент нанесен здесь по зонам: вдоль венчика и, вероятно, дна – полосы рядов оттисков края палочки, а между ними длинные вертикально расположенные оттиски прямоугольного гребенчатого штампа (табл. XIII, *2*). К чуть более позднему времени, видимо, относится банка того же размера (13,2×13,9–12,8 см), но с тонкими (7 мм) и слегка профилированными стенками. Она была помещена в могилу, впущенную в яму № 2. Орнаментирована также по зонам: вдоль венчика и дна – полосы рядов оттисков угла палочки, между ними – вертикальные ряды оттисков палочки, перемежающиеся с полосками резных горизонтальных линий. Дно не орнаментировано (табл. XIII, *1*). Одновременна ей, даже, может быть, несколько позже, третья банка, крупного размера (высота, диаметр тулова и венчика 18 см), сплошь, включая дно, покрытая оттисками длинного гребенчатого штампа (табл. XIII, *3*). Ее обломки найдены в заполнении верхней части центральной могилы, но, вероятно, происходят из могилы № 15, вырытой уже в насыпи над центральной ямой. Возможно, не случайно, что состав теста третьей банки, с примесью мелких кварцевых зерен, отличается от состава теста двух других банок, где много примеси песка.

Как говорилось во "Введении", при обсуждении результатов раскопок этого памятника наибольший интерес вызвали рисунки на плитах перекрытия ям и погребений. У большинства присутствовавших на докладе не вызвало сомнения, что плиты с рисунками из Тас Хазаа предшествовали не только времени сооружения могил, но и всей афанасьевской культуре, к которой тогда была отнесен

этот памятник. Неолитический или, по меньшей мере, ранний энеолитический возраст рисунков предложил А.Н. Липский (Липский, 1961, с. 277). На этом до сих пор продолжает настаивать Л.Р. Кызласов (Кызласов Л., 1986). Лишь М.П. Грязнов уже при обсуждении доклада высказал сомнения в принадлежности изображений к предшествующему времени, указав на хорошую сохранность рисунков на плитах, особенно расписанных охрой. Хронологические отличия между основными и вторичными рисунками предположил В.Н. Чернецов. Первичные изображения (личины), по его мнению, относятся к отживающему искусству, а нанесенные поверх них (антропоморфные фигурки) к новому, зарождающемуся. Однако анализ всех изображений Тас Хазаа свидетельствует об их относительной одновременности.

По технике изображения разделяются на выбитые (иногда поверх выбивки протертые и прокрашенные), нарисованные охрой, а также вырезанные глубокими или прочерченные тонкими линиями. По тематике среди них выделяются личины, антропоморфные фигурки в маскировочных костюмах (иногда с головой птицы или животного), а также декоративная роспись. Семантически в них видят изображения божеств, шаманов, мифологических персонажей; в геометрических рисунках – имитации циновок и других плетеных изделий.

К первичным, то есть самым ранним, изображениям относятся две целые, но небольшие выбитые личины и обломки трех крупных. К сожалению, о личине, находка которой представляла наибольшую научную ценность и которая, видимо, демонстрировалась во время доклада А.Н. Липского, в отчете нет сведений. В публикации о ней сообщено следующее: «На небольшом фрагменте плиты была личина, представляющая удивительную копию, лишь чрезвычайно уменьшенную, типично "карасукской" личины на енисейских стелах» (Липский, 1961, с. 276). Напомню, что "карасукскими" тогда назывались трехглазые личины с несколькими полосами на лице и звериноподобным головным убором, позже выделенные нами в группу сложных нереалистических (Вадецкая, 1980, с. 49, рис. 4, группа III). Это самая многочисленная группа окуневских изваяний, как находящихся в степи, так и найденных в окуневских могилах после раскопок Тас Хазаа. Значение находки такой личины в Тас Хазаа отметил сам А.Н. Липский. Личина, по его словам, явилась свидетельством зарождения личин этого типа на Енисее, которые не представляли собой подражание образу Таотье, будто бы экспортированному из Китая (Липский, 1961, с. 276). Идея происхождения данного образа из Китая принадлежала С.В. Киселеву, поэтому важно, что и он нашел поразительное сходство рисунка на маленькой плите из Тас Хазаа с личинами "карасукских" стел. Вторая небольшая личина с двумя лучами и каплевидными очертаниями глаз выбита посередине массивной плиты (табл. XVI). Полных аналогов ей нет, но частичное сходство прослеживается с петроглифами и изображениями на некоторых других камнях. Так, по трактовке глаз она схожа с личиной, нарисованной охрой на горе Тепсей, но у последней показана горизонтальная линия выше рта, а над головой – три луча (Леонтьев Н., 1978, рис. 3). По двухлучевому наголовью личина перекликается с выбитыми на камне в могиле ограды Большое Кольцо (Вадецкая, 1980, табл. LIII, *134*) и на скале у разъезда Бельтыры, но и та и другая имеют более сложную роспись. От трех других личин Тас Хазаа, выбитых и затем прокрашенных, сохранились только небольшие фрагменты. От одной – часть лба с отходящими от него тремя лучевидными полосами и рогом, а также левый глаз (табл. XIX, *1*). От другой, по мнению А.Н. Липского, – контур левой половины лица с отходящими от него вбок 9 лучами и часть плеча (Липский, 1961, с. 273; Leont'ev, Kapel'ko, 2002, рис. 220). На мой взгляд, это изображение, если его перевернуть, не отличается от первой личины – с лучами и рогом (табл. XIX, *3*). От третьей личины сохранилась только одна полоса – луч от головного убора (табл. XX, *2*). По этим фрагментам тип личины не устанавливается, но вероятнее всего они были переходными от простых к сложным, либо сложными, поскольку у них обозначены рога (Вадецкая, 1980, XLIII, рис. 76). Что касается лучей на голове, то они бывают не только у простых личин, но и у сложных (Leont'ev, Kapel'ko, 2002, рис. 169, 174, 227, 228).

К вторичным рисункам относятся вырезанные или прочерченные на плитах с имевшимися ранее изображениями. Они находятся на разных местах на разбитых стелах с "солнечными божествами", в том числе поверх них в могиле 5, и поверх первичных изображений геометрических фигур на плитах из могилы 6. Поскольку в отчете они подробно описаны, достаточно дать их суммарную характеристику. Среди многочисленных вторичных рисунков на плитах из могилы 5 А.Н. Липским расшифровано 14 изображений: 11 целых фигурок и 3 наброска головы. В профиль показаны три фигурки мужчин без головного убора: один, наклонившись вперед, опирается рукой на лук; другой изображен в маске в виде головы коня и с двумя фаллосами, третий обнажен. Остальные фигурки переданы анфас и различаются головными уборами: очень высокий треугольный колпак, солнцеподобные линии или без убора. Пять законченных рисунков людей помимо головных уборов имеют два глаза, рот и поперечную полоску на уровне скул, а в одном случае еще одну линию выше рта. Незавершенные рисунки (личины-маски или фигурки без головных уборов) не имеют глаз. У них показан только рот, либо две полоски поперек лица. Одна личина-маска перечеркнута наискось тремя параллельными линиями. Незавершенные рисунки производят впечатление набросков, пробных изображений и расположены поверх друг друга. Не исключено, что все рисунки выполнены одним и тем же художни-

ком, поскольку у всех глаза одинаково обозначены точками, а рты – полоской. В целом антропоморфные фигурки (с круглыми головами, вдавленными в туловище, широкое в плечах и узкое в талии, с длинными ногами, где подчеркнуты согнутые колени и икры) стандартны. Их лица с масками относятся к простой, по моей типологии, группе личин, у которых кроме глаз и рта обозначена только одна пересекающая скулы полоса (Вадецкая, 1980, с. 48, рис 4). Таким образом оказывается, что на плитах из одной могилы личины "сложной" группы перекрыты рисунками фигурок с личинами "простой" группы. Но это хронологическое соотношение не может быть перенесено вообще на все изображения окуневских личин. В двух других ранних окуневских курганах (Уйбат III, Уйбат V, к. 1) обнаружены плиты с первичными рисунками личин простой группы (Лазаретов, 1997, табл. XI, *1–4*), а в более поздних (Черновая VIII, Лебяжье, Верх. Аскиз и др.) явно преобладают изображения сложных личин.

В могиле 6 на двух плитах первичными изображениями были тонко прорезанные четырехугольники, а вторичными – шесть антропоморфных фигурок. Глаза и рот выполнены по-разному: желобки, точки и желобок, желобки и полоска-рот. Все фигурки в высоких колпаках, но у самой нарядной и крупной с двух сторон колпака нарисованы по две параллельные полоски – лучи с отходящими от них подвесками. Ворот одежды обозначен треугольниками. Фигурки расположены одна поверх другой, иногда головами в разные стороны, причем у нижних и, следовательно, более ранних лица перечеркнуты косыми линиями, что, по аналогии с этнографическими материалами, могло означать прекращение магического действия этого изображения. Наиболее четко прослеживается детализация лица одной поперечной полосой, но встречается полоска "усиков" выше рта и полоса на лбу и на щеках. Среди двух-трех незаконченных рисунков есть личины как простой, так и сложной групп. Манера выполнения деталей лица фигурок позволяет считать, что они нарисованы разными художниками (табл. XXI, XXII).

Две фигуры, аналогичные изображениям на плитах из могил 5 и 6, но тщательнее выполненные, представлены на плите, перекрывавшей нижнее погребение могилы 1 (табл. XVII). Крупная фигура интерпретируется А.Н. Липским как изображение шамана в куртке и колпаке. Куртка имеет ворот с подвесками и свисающими жгутами. На груди – крупная бляха или личина. Колпак украшен лучеобразными жгутами или перьями. Колени чем-то перевязаны. В руке посох. Глаза незаметны, а с каждой стороны лица намечены три черточки, подобно трем линиям, пересекающим нос некоторых окуневских изваяний сложной группы (Вадецкая, 1980, табл. XLVII, *91*; LII, *114*; Leont'ev, Kapel'ko, 2002, рис. 182, 222, 228). Лицо перечеркнуто косой линией. Фигура меньшего размера показана без рук и глаз Лицо поперек скул пересечено одной линией. Изображен нагрудник в виде двух треугольников, обращенных вершинами вниз. Возможно, магическое значение крупной фигурки было прекращено зачеркиванием лица, а малая фигурка его еще не приобрела, так как осталась незаконченной. Подобные манипуляции, как указывалось, известны в сибирской этнографии (Вадецкая, 1980, с. 54).

Плита с самыми оригинальными рисунками, опубликованная еще А.Н. Липским, неоднократно тиражировалась с разными вариантами их интерпретации. В середине плиты, как говорилось выше, выбита личина с двумя лучами, а с двух сторон от нее вырезаны три фигурки людей с птичьими головами, в которых видят ибиса (центральная фигура), орла или сокола (левая фигура), а также чайку (правая фигура). Толщина плиты и ее размеры (152×107–61×13–15 см) позволяют предполагать, что она была выломана из скалы с уже имевшейся личиной, а композиция из птицеголовых людей выгравирована позже (табл. XVI).

Интерпретация двух наиболее четких фигур людей с птичьими головами была сложной и противоречивой. Еще в 1957 г,, скопировав изображения, А.Н. Липский прислал рисунки С.И. Вайнштейну и поделился своими соображениями относительно их расшифровки. Он увидел в крупной фигуре (с двумя лучами над головой) "ибисообразное существо" поразительно, по его мнению, похожее на древнеегипетского Тота, бога мудрости, счета и письма (Мифологический словарь, 1990, с. 534). Сходство состояло в изображении в профиль птичьей головы с длинным изогнутым книзу клювом (ибиса), помещенной на человеческом туловище с развернутыми плечами и в полоборота. В другой фигурке с птичьей головой, меньшего размера и расположенной перед "Тотом", он увидел "шамана в наголовнике" (табл. XVI). Признавая, что в известной степени "дико" думать о какой-то культурной связи Древнего Египта с Енисеем (Вайнштейн, 2003, с. 485), Липский ничего не сказал об этом сходстве при обсуждении доклада о раскопках, а оба изображения назвал "шаманами". В качестве примера он привел шапку хакасского шамана, на которой пришита голова ястреба-перепелятника (Липский, 1961, с. 275), и даже поместил ее рисунок в отчете. Эта интерпретация была поддержана В.Н. Чернецовым с уточнением, что изображены шаманы, перевоплощенные в облик каких-то птиц. Лучевидные линии, отходящие от туловища одного из птицеголовых людей, он считал перьями, которые в этнографических костюмах, (изготовляемых для "птичьих танцев") заменялись бахромой.

Через несколько лет в двух могилах окуневских "шаманов" были найдены остатки масок, для которых использованы подлинные клювы журавлей, что явилось серьезным аргументом в пользу предложенной интерпретации изображений (Вадецкая, 1980, с. 68–69). Но еще раньше в статье с краткой информацией об ограде Тас Хазаа А.Н. Липский все же рискнул высказать свое мнение о сходстве крупного

изображения с Тотом, а небольшого – с Хонсу (богом луны, времени и счета), хотя отходящие от его груди линии-лучи по-прежнему считал привесками шаманского костюма (Липский, 1961, с. 274). В Египте бог Хонсу изображался юношей с серпом и диском луны на голове, но иногда отождествлялся с Тотом (Мифологический словарь, 1990, с. 578), что, вероятно, имел в виду А.Н.Липский, находя отдаленное и частичное сходство изображений некоторых окуневских "шаманов" с египетскими богами. Поскольку в этом сходстве иногда усматривают факт проникновения древнеегипетской мифологии на Енисей (Кызласов Л., 1986, с. 234), следует разобраться в степени этого сходства. Длинные, изогнутые клювы наголовников обоих персонажей действительно схожи с клювом ибиса, но значительно толще – как у коршуна. Поэтому, видимо, это вымышленный образ, тем более, что ибисы обитают в теплых краях. Поза сибирского "Тота" – с приподнятой рукой и ногой – характерна для большинства антропоморфных фигурок с простыми масками-личинами. Помимо птицеголовых людей, на плитах Тас Хазаа в профиль изображены, как указывалось, антропоморфные персонажи с головой козла, коня и без каких-либо масок-наголовников (табл. XIX, *1*; XX, 2). При всем разнообразии их объединяет наличие нагрудников, завязок на локтях и ногах, а иногда хвостов (табл. XIX, *1*; XVII; XXI; XXII). Эти атрибуты шаманского костюма отсутствуют у египетских богов, изображения которых стандартны: в стоячей или сидячей позе, увенчанные солнечным и лунным диском (Тураев, 1935, рис. на с. 284–285; Токарев, 1965, рис. на с. 348). Все это позволяет полагать, что сходство в манере изображения, скорее всего, случайно.

В изголовье мужчины и женщины в могиле 2 была вкопана плита, являвшаяся частью более крупной, с малопонятными рисунками, нарисованными охрой. Хорошая сохранность охры свидетельствует, что плита с рисунками мало использовалась до погребения. В отличие от нее, большая выщелаченность краски в изображениях "сетки" на обломках плиты в верхнем впускном погребении показывает, что эта плита была окрашена задолго до того, как попала в погребение. Возможно, первоначально эта плита использовалась с бытовыми, а не с культовыми целями. К настоящему времени охристые рисунки аналогичной сетки встретились на вторично использованных плитах в более позднем, чем Тас Хазаа, могильнике Верх. Аскиз (Хаврин, 1997, с. 73, рис. 4). Это свидетельствует о длительном сохранении данного декоративного мотива, видимо, имитирующего плетеные циновки.

3. Версия о социальном статусе людей, погребенных в ограде

Практически во всех раскопанных могилах (кроме мелкой могилы 6 и впускных в яму 2) похоронены не рядовые люди. Доказывается это прямыми или косвенными признаками погребений. Ограда и земляная подсыпка под ограду были сделаны для сооружения центральной могилы (м. 4), для покойника, сочетавшего в себе власть вождя и "жреца", по-сибирски, "шамана" или иного служителя культа высокого ранга. О статусе вождя свидетельствуют необычная монументальность погребальной камеры и особый символ власти – медный литой топорик, который, судя по отсутствию рабочей изношенности, предназначался для парадных церемоний. Окрашенная охрой курильница, в которой в процессе ритуальных действий сжигали ароматические вещества, поставлена в ноги вождю как исполнителю этих ритуалов. Ее солярный характер отражает орнаментация – 7 двойных кружков, прочерченных на внешней стороне чаши (Вадецкая, 1986а, с. 56–58, рис. 32). К поясу мужчины был подвешен самый крупный из известных окуневских мраморных шаров (диаметр 5,6 см, вес 215 г), который первоначально был окрашен охрой. Культовое назначение шара подтверждается аналогичным шаром, найденным у пояса мужчины в могильнике Черновая VIII (курган 8, мог. 21). Он почти того же размера (диаметр 5,5 см) и сочетался с набором явно культовых предметов: роговые жезл (со скульптурной головой зверя) и "ритон" (с резным орнаментом), каменные топор и крупная луновидная подвеска, остатки маски журавля и т.д. (Максименков, 1980, с. 10, табл. XXI, *10*). Две женщины, похороненные с вождем, также имели знаки отличия. Женщина, которой был поставлен бочонковидный ритуальный сосуд, возможно, также служивший курильницей (расписанный охрой и закопченный внутри), имела у пояса крупный шарик (диаметр 4,2 см, вес 97 г). Женщина с младенцем (поблизости от которой находились зернотерка и афанасьевский остродонный сосуд) имела у пояса чуть уплощенный шарик (диаметр 2,8–3,5см, вес всего 43 г). Он был первоначально окрашен охрой, но позже, для увеличения объема, покрыт слоем извести толщиной 2 мм. Видимо, размер шарика имел знаковый характер. Украшения нагрудников составляли только десятки резцов сурка.

Как и в других окуневских оградах, между надмогильным сооружением центральной могилы и стеной ограды с уровня древней поверхности были выкопаны ямы с последующими захоронениями. Первой из них и даже, возможно, сооруженной одновременно с центральной, была могила 2, расположенная параллельно ей на 4–5 м севернее. В нижней, основной могиле захоронены мужчина и женщина зрелого возраста, то есть после 40 лет. Поскольку средняя продолжительность жизни мужчин окуневской культуры составляла 33 года, а женщин 29 лет (Максименков, 1975, с. 25), это была пожилая пара. Их принадлежность к служителям культа доказывают два массивных корневых конца рога марала, положенные у стен выше покойников (как на голове животного), а также мраморные шары. У мужчины шар (диаметр 4,8 см, вес 130 г) был подвешен к поясу. Чуть уплощенный и меньшего размера шар (диаметр 2,7 см) находился на груди жен-

щины, рядом с которой был поставлен афанасьевский реповидный сосуд. В изголовье этой пары вкопана плита, шириной в 60 см и сохранившаяся на ту же высоту. Назначение стелы неясно.

Могила 3, расположенная у восточного угла ограды, ограблена; все вещи, кроме крупной части банки, являвшейся, вероятно, светильником (судя по толстому слою сажи внутри), и нескольких резцов сурка, из нее вытащены. О высоком статусе покойников, помимо светильника, косвенно свидетельствует то, что в изголовье мужчины и женщины была вкопана плита, как и в могиле 2, шириной 78 см и толщиной 3–5 см. Сохранившаяся высота плиты не указана.

Могила 5, видимо, выкопана позже могил 2 и 3, поскольку расположена между ними. Ее особый статус выражен не столь отчетливо, но и здесь найдены 12 стрел с кремневыми наконечниками разных типов, находившимися, очевидно, в колчане, положенном у головы мужчины, а также очень архаичное ожерелье (из 13 нижних челюстей соболя) на женщине. То и другое относится к числу крайне редких находок. Лишь однажды в ранней окуневской могиле (Уйбат I, м. 1) было найдено ожерелье из четырех нижних челюстей соболя (Леонтьев Н., 1995, с. 28).

Среди всех глубоких могил выделяется одна (могила 1), на дне которой находилось не парное захоронение, а индивидуальное – женщины, уложенной скорченно на боку. Хотя физический тип покойницы не определен, инвентарь практически не отличается от инвентаря при окуневской женщине с шариком на груди из основной могилы 2. Там и здесь: реповидный сосуд, нож с черенком, десятки резцов сурка и стеатитовых бусин на нагруднике. Украшения в могиле 1 даже богаче, поскольку к ним добавлено еще 34 стеатитовых колечка. На высокий социальный статус погребенной указывают также глубина ямы (2 м) и ее расположение среди наиболее древних могил (напротив могилы "вождя"). Но, главное, над могилой, видимо, было возведено монументальное каменно-земляное сооружение; она была закрыта плитой толщиной 18 см, в то время как плиты перекрытия в других могилах имели толщину в среднем 4 см. К сожалению, неясна связь с погребенной выгравированной на плите композиции с птицеголовыми людьми. Известно только, что плита не была обломана и была обращена рисунками внутрь ямы.

Таким образом, пять глубоких могил сооружены для знатных людей, которые по крайней мере в четырех случаях относились к "жреческому" сословию. Первыми в их ряду были погребенные с мраморными шарами, могилы которых расположены в центре ограды (м. 2, 4). А.Н. Липский был первым археологом, который обнаружил в окуневских могилах (Тас Хазаа, Верх. Аскиз) каменные шары, и пока единственным, кто не только измерял их диаметр и диаметр отверстия, но взвесил, определил материал (мрамор), установил их окрашенность охрой и сознательное увеличение размеров другими материалами. На фоне столь тщательного исследования его интерпретация шаров выглядит поверхностной. Он предположил, что эти шары, независимо от диаметра (2–6 см), подвешивали к косам женщин и мужчин, и видел в них аналог современным хакасским "сур" (Липский, 1961, с. 272). При этом он оставил без внимания то обстоятельство, что шары у мужчин крупнее женских, хотя косы мужчин всегда тоньше. Г.А. Максименков по размерам разделил шары на мужские и женские и предположил для них разный смысл. По его мнению, мужские шары использовались в качестве навершия булавы или жезла, либо крепились на ремне как кистень (Максименков, 1980, с. 25). Небольшие женские шарики он называл бусами, которые носили на шее на ремешке или на шнурке, и видел в них символы женских культов (Максименков, 1975, с. 30). Однако по материалам Тас Хазаа видно, что женщины тоже чаще носили шары у пояса. Кроме того, у мужчин и женщин встречаются шары одинакового размера, а в единичных случаях они найдены у детей. Иными словами, семантика шаров не зависит от пола покойного. При малом диаметре отверстий (до 5–6 мм) шары не могли быть навершиями.

На окуневских кладбищах (состоящих из ограды с несколькими могилами или нескольких оград) людей с этими знаками отличия захоронено очень мало, за исключением Тас Хазаа, где пять шаров принадлежали двум мужчинам и трем женщинам. Среди десятков других кладбищ шары имели лишь один взрослый мужчина, подросток и младенец. О мужчине с яркими культовыми изделиями (Черновая VIII, к. 8, м. 21) уже говорилось. Подросток 10–12 лет похоронен в каменном ящике того же могильника (Черновая VIII, к. 11, м. 6) с шариком диаметром 3,5 см без отверстия (Максименков, 1980, табл. XX, *1*). Ему положены 62 астрагала и нож-кинжал (Максименков, 1980, с. 13). Мраморный шарик диаметром 2 см найден в северо-восточном углу подбоя в яме ограды 1 раннего могильника Уйбат. С ним найдены отполированная костяная пластинка трапециевидной формы и 6 зубов марала с просверленными отверстиями. В юго-восточном углу стоял орнаментированный баночный сосуд, окрашенный охрой, а в западном углу находились обломки истлевшего черепа младенца и кости животных (Леонтьев Н., 1995, с. 27; Naglcr, 1999, рис. 10–12), которые не в меньшей степени, чем остальные находки, свидетельствуют о своеобразии захоронения, так как мясо в могилы окуневцам, как правило, не клали. Если в подбое действительно был захоронен только младенец, то можно предполагать, что будущих служителей культа выбирали уже с детства.

За пределами крупных окуневских кладбищ погребенных с шариками в целом встречено значительно больше, но места их захоронения делятся на две группы: либо в одиночных сооружениях, либо на территории афанасьевских могильников.

Представления о конструкции одиночных сооружений на севере Хакасии дают памятники Карасук II и VIII, на юге – Пистах. Их планиграфия отражает солярный знак. На севере в центре квадратной ограды (12,5×12,5 и 10,5×10,5 м) расположена яма под "куполом", к которому с каждого угла ограды по диагонали выложены каменные дорожки-лучи (Комарова, 1981, рис. 1, 7). На юге – внутри квадратной ограды (10×10 м) выложено большое кольцо, почти вплотную к стенкам ограды, а в центре расположена яма под "куполом" (Подольский М., 1997а, рис. 2). Могилы неоднократно использовались для захоронения, поэтому первоначальные погребения были сильно разрушены. Лишь в одной сохранился первичный скелет "шаманки" (Карасук II), на поясе которой, видимо, в мешочке находились четыре каменных шарика диаметром 2,3–2,5 см без отверстий. Три из них упали к ступням, а один – под поднятое вверх колено. От одежды сохранились остатки сумочки с нашитыми 40 клыками марала, каменной треугольной подвеской и бисеринками, туфелек с вышивкой из зубов соболя, завязок у колен (как у человечков на плитах), к которым подвешено 5–6 клыков марала. В разных местах могилы были найдены подвески с изображением медведя или его головы. Очевидно, к предметам культа относятся два обработанных отростка рога косули и костяной стержень с шипом на боку. Лишь два сосуда и нож из кости оленя можно отнести к бытовым изделиям. (Комарова, 1981, рис. 4–6). Яма в другой ограде (Карасук VIII) была полностью разрушена. На дне и в заполнении находились кости двух пожилых мужчин (40–60 лет) и двух детей, а также костяной игольник, два обломка небольшой банки и около 20 фрагментов крупного реповидного афанасьевского сосуда (корчаги).

Могила ограды Пистах содержала остатки разновременных захоронений, но на дне сохранились части скелетов трех мужчин и женщины. Помимо обычных вещей (банка, два шила, костяные колечки), одному из мужчин поставили курильницу, а другому к поясу подвесили просверленный мраморный шарик диаметром 2,7 см. Возможно, ему принадлежала вторая курильница, обломки которой были найдены в заполнении могилы (Подольский М., 1997а, с. 115–116).

В большинстве случаев надмогильные конструкции одиночных могил со служителями культа (судя по наличию в них курильниц либо мраморных шариков) были разрушены спустя тысячелетия (тагарцами) при строительстве нового кургана. Так, безусловное сходство прослеживается между могилами в ограде Пистах и раскопанной близ с. Полтаков (Есино IV), где были похоронены (возможно, не одновременно), судя по вещам, две женщины и мужчина. В заполнении могилы встречены два просверленных мраморных шарика диаметром 4 и 5 см. Более крупный из них принадлежал, видимо, мужчине, кости которого находились на дне ямы. Шарик меньшего размера – одной из женщин, вероятнее той, которая была в богато украшенной одежде, с амулетами из зубов животных. Нижняя часть рукавов была расшита костяным бисером и бусинкой из листового золота; а нагрудник – резцами и клыками марала, косули, собаки, лисы. К правому боку нагрудника был пришит бронзовый игольник, обмотанный двумя слоями кожи. Это третий по величине игольник (длина 15 см) из числа известных. Длина игольников, которые тоже были обмотаны кожей или зашиты в чехол, найденных с особо знатными покойницами в центральных могилах оград Уйбат III (Лазаретов, 1997, с. 20) и Тас Хазаа составляла 16 и 18,5 см. Обе женщины в могиле Есино IV имели ожерелье из костяных колечек (Паульс, 1997, 121–125).

Семантику могил Пистах и Есино IV подтверждают два давно открытых погребения под тагарскими курганами, но не с шариками, а с вазочками-курильницами. В 5 км от улуса Федорова (между рч. Есь и Тея) в яме с подбоем стояла вазочка, орнаментированная как одна из курильниц могилы Пистах – горизонтальными оттисками прямого штампа, расположенными вертикальными рядами (Вадецкая, 1986а, рис. 34; Подольский М., 1997а, рис. 7, *10*). Специальное отделение внутри чаши было заполнено охристой глиной, а дно чаши покрыто тремя слоями глины с прослойками сажи. Очевидно, "курильница" в быту использовалась для размешивания охры, которой разрисовывали лицо и тело. Но в яму она поставлена с горевшим охристым веществом, что, возможно, вызвало горение самой камеры, в результате чего осталась кучка обожженных костей подростка. Кроме костей и "курильницы" в могиле были найдены 18 стеатитовых колечек с рельефной поверхностью, аналогичных колечкам из Тас Хазаа, и биконическая каменная бусина (Вадецкая, 1986а, с. 58, рис. 34; Липский, 1954). В каменном ящике около устья р. Аскиз был захоронен мужчина, головой на каменной подушке, около которой была наклонно поставлена курильница, пропорциями и наличием резных узоров схожая с курильницей из Тас Хазаа. Несмотря на небольшую закопченность внутренней поверхности чаши, по мнению А.Н. Липского, в камере эта курильница символизировала источник солнечного света (Вадецкая, 1986а с. 58, рис. 32; Липский, 1952). На внешней стороне чаши и поддона курильницы из Аскиза прочерчены косые кресты, между которыми сделаны ямочные углубления, а на внутренней поверхности чаши – солнечный знак (круг с 8-ю лучами). Таким образом, все перечисленные могилы имеют те или иные особенности, позволяющие отнести их к числу погребений служителей культа (дорожки-лучи в виде солярного знака, наибольшее количество амулетов, вазочки-курильницы разного назначения, мраморные шарики, богатое оформление костюма) и синхронизируются по времени с оградой Тас Хазаа.

В шести могилах, расположенных на афанасьевских кладбищах, найдены просверленные каменные шарики. Эти могилы не были впущены в афа-

насьевские ограды или могилы: Моисеиха, к. 5, Верх. Аскиз, к. 2, Барсучиха IV, к. 22, Летник VI ограда 30, Уйбат-Хулган к. 1, 2 (Вадецкая, 1986, с. 37–40, №№ 8, 23, 32, 36, 41). Остановимся на них подробнее. В пади между горами Моисеиха и Безымянная в разрушенной ограде под погребением тагарской культуры находилась окуневская грунтовая яма с мужчиной среднего возраста, уложенным на спине с поднятыми вверх коленями. У черепа лежало литое медное копье, у плеча шило, около левого тазобедренного сустава белый мраморный шарик (диаметр 3,8 см, диаметр отверстия 0,7 см), в ногах сосуд (Зимина, 1966, рис. 2). Группа из трех примыкающих друг к другу каменных выкладок булыжника (диаметром по 4 м) раскопана в 1959 г. А.Н. Липским на мысе второй надпойменной террасы р. Аскиз, около улуса Верх. Аскиз. Под каждой выкладкой находилась грунтовая яма, перекрытая лиственничными бревнами. Центральная окуневская могила содержала скелет мужчины "монголизированного" антропологического типа с сосудом в виде вытянутой банки, бронзовым листовидным черешковым ножом, аналогичным ножам из Тас Хазаа, и мраморным просверленным шариком (диаметр 2,5 см) у левого бедра. Под выкладками, примыкающими к центральной и сооруженными одновременно с ней, были афанасьевские погребения. В одном из них похоронена женщина с двумя реповидными сосудами, в другом – взрослый и ребенок до 1 года с миниатюрным яйцевидным сосудиком (Вадецкая, 1986, с. 26, № 27, с. 40, № 36; Липский, 1959, с. 16). Внутри афанасьевского кургана под горой Барсучиха, вблизи стенки ограды была выкопана грунтовая яма для мужчины около 50 лет окуневского типа. Ему были положены бронзовый нож листовидной формы с узким черешком, банка и бронзовое шило. К поясу был подвешен мраморный просверленный шарик диаметром 3 см. На черепе сохранились следы красной росписи (Грязнов, 1999, рис. 23, *15*). У пос. Летник, между берегом Енисея и дорогой Абакан–Майна, к одной из афанасьевских оград, разрушенной тагарским курганом, был пристроен каменный ящик, в котором со скелетом человека находились шарик и подвески из зубов хищников, а за пределами могилы были найдены каменный топор, обломок бронзового ножа, курильница (Вадецкая, 1986, с. 40, № 41). Афанасьевская ограда на левом берегу р. Уйбат, в 300 м к северо-востоку от горы Хулган, использовалась окуневцами неоднократно. В афанасьевскую могилу впущены одно или последовательно два окуневских погребения, еще одна окуневская могила выкопана почти вплотную к ограде с ЮЮВ (Кызласов Л., 1962, с. 112–118; 1986, 245–251). В двух могилах найдены просверленные шарики диаметром 3 и 3,5 см. Один из них – во впускной могиле (курган 1) с разрушенным женским скелетом, вместе с костяным игольником и кремневым отщепом. Однако шарик мог принадлежать и мужчине, поскольку раздавленный череп женщины находился под плитой, в ногах расположенного выше мужчины. Другой шарик был на шее женщины, у таза которой найдены костяной игольник с двумя иглами и резец грызуна (курган 2). Верхний (мужской) скелет находился в сильно скорченном положении на правом боку. Возможно, первоначально погребенный был захоронен в сидячем положении. Ниже находился скелет женщины. Оба покойника окуневского физического типа. За плитой ящика, в котором произведены захоронения, найдены два обломка афанасьевского сосуда (Кызласов Л., 1962, с. 114–118, рис. 3, *б*).

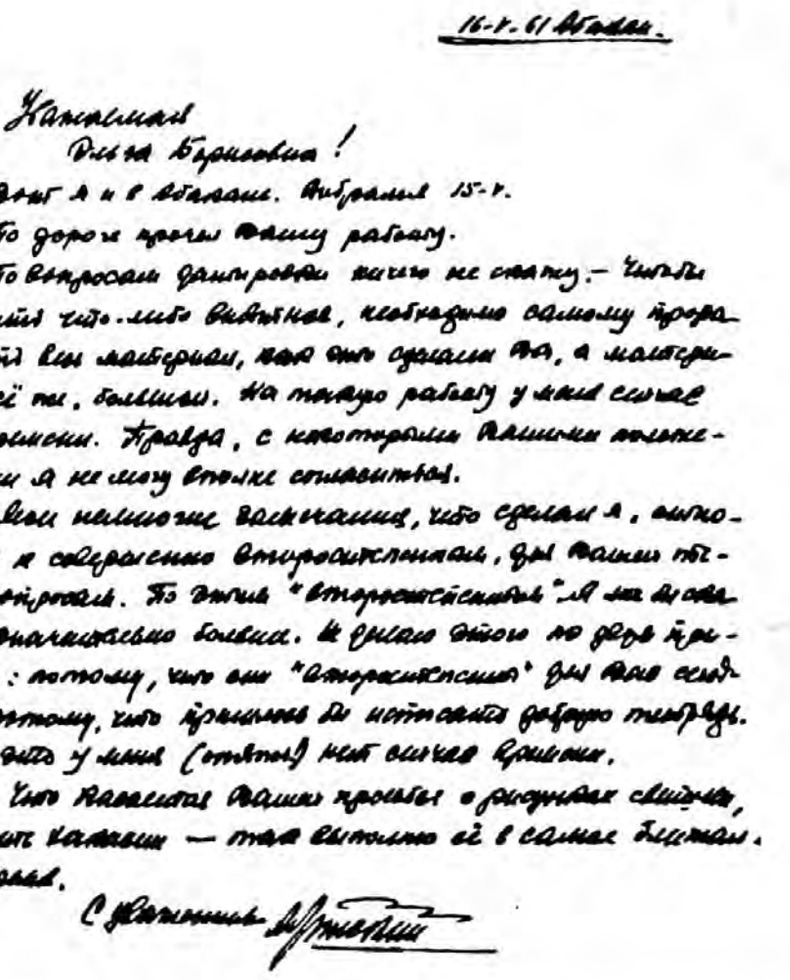
Несмотря на скромный инвентарь этих могил, они явно имеют престижный и, возможно, культовый характер. В одном случае об этом свидетельствует копье (Моисеиха, к. 5), схожее по очертаниям с копьями в руках "божества" на окуневской плите из могильника Черновая VIII (Вадецкая, 1980, табл. LII, *114*). В другом – каменный топор и курильница (Летник VI, ограда 30). В остальных – либо наличие раскраски на лице (Барсучиха IV), либо явно подчиненное положение расположенных рядом афанасьевских погребений (Верх. Аскиз). В женской могиле с шариком (Уйбат-Хулган) особый статус покойницы подчеркнут расположением и позой захороненного с ней мужчины, а также, возможно, афанасьевским сосудом.

Повторяемость таких окуневских могил на афанасьевских кладбищах свидетельствует о том, что люди с шариками на них захоронены не случайно. Эти окуневцы могли проживать в поселках афанасьевцев либо поблизости в качестве "администрации" или "миссионеров", распространявших свое влияние на афанасьевцев. Возможно совмещение обеих функций – тогда шарик был отличительным знаком не только "шамана", но и символом власти. Местные афанасьевцы в той или иной степени участвовали в похоронной церемонии, хотя бы в погребальных тризнах, для которых готовили пищу в собственной посуде. Если же покойника вывозили на специальное место захоронения, с ним отправлялись приношения не только от окуневцев, но и от афанасьевцев. В свете высказанной версии получает объяснение особый статус погребенных в Тас Хазаа. Видимо, ограда сооружена для захоронения "вождя" не только окуневцев, но и подчиненных им афанасьевцев. Таким образом, все необычное для окуневцев, но характерное для афанасьевцев, приобретает смысл определенного знакового приношения. В могиле "вождя" к ним относятся положенные женщинам яйцевидный сосуд, нижней камень зернотерки, колотушка. Возможно, возникнув в связи с похоронами "вождя", ограда использовалась для дальнейших погребений особо важных лиц, которых могли свозить из тех мест, куда распространялось влияние окуневской "элиты". Такая версия объясняет необычно большое число погребенных в Тас Хазаа людей солидного возраста, в том числе с мраморными шариками (5 человек), наличие афанасьевских сосудов в качестве приношений, уникальность находок, а также то обстоятельство, что количество

стеатитовых украшений не определяло статуса погребенных, но обязательными были амулеты из зубов животных. Конечно, и эта версия многого не объясняет. Например, по какому признаку подбирали женщин при захоронении с мужчиной, приобретали ли они свой высокий статус лишь при захоронении или имели его при жизни?

Заключение

Ношение мраморного шарика как религиозного символа и атрибута власти было распространено в ранний период окуневской культуры, когда контакты между местным афанасьевским населением и новым окуневским еще не привели к их механическому смешению. Очевидно, ограда Тас Хазаа долгое время использовалась для элитных захоронений, о чем свидетельствуют первые впускные погребения в могилу 2 (№№ 4 и 5). Позже в насыпях над старыми могилами и между ними стали, видимо, хоронить рядовое население. Имеются сведения только о двух таких захоронениях – могила 6 и верхнее впускное погребение в могиле 2. В обоих случаях в небольшую мелкую ямку втиснуто по два покойника, практически без вещей (табл. XI, *3–5*; VI, *1*, *4*). Окуневская принадлежность могилы 6 фиксируется физическим типом одного из погребенных и обломанным ножом. Культурная принадлежность впускного погребения неясна, единственные находки – черепок и ручка от одного или двух афанасьевских сосудов, которые могли попасть в него случайно из нижних погребений. Если сосуды находились там первоначально, то верхние погребения ограды хронологически соответствуют афанасьевскому могильнику Бельтыры и окуневской ограде Большое кольцо, отражающих период механического смешения этих племен и их проживание уже в единых поселках, что, как правило, часто подтверждается наличием афанасьевской и окуневской керамики в одном культурном слое. Публикация материалов Бельтырского могильника представлена в настоящем сборнике. Ограда Большое кольцо расположена на правой береговой террасе р. Ниня, против с. Камышта, на восточном пологом склоне в долину рр. Ниня и Камышта. В литературе ограда получила название "Большое кольцо", поскольку до раскопок представляла собой плоскую круглую площадку диаметром 42 м, сплошь покрытую камнями разных размеров. Частичные раскопки производились А.Н. Липским в 1969 г. и Г.А. Максименковым в 1973–1974 гг. К сожалению, материалы, полученные на этом интереснейшем памятнике, до сих пор не опубликованы.

Приложение. Фотокопия письма А.Н. Липского

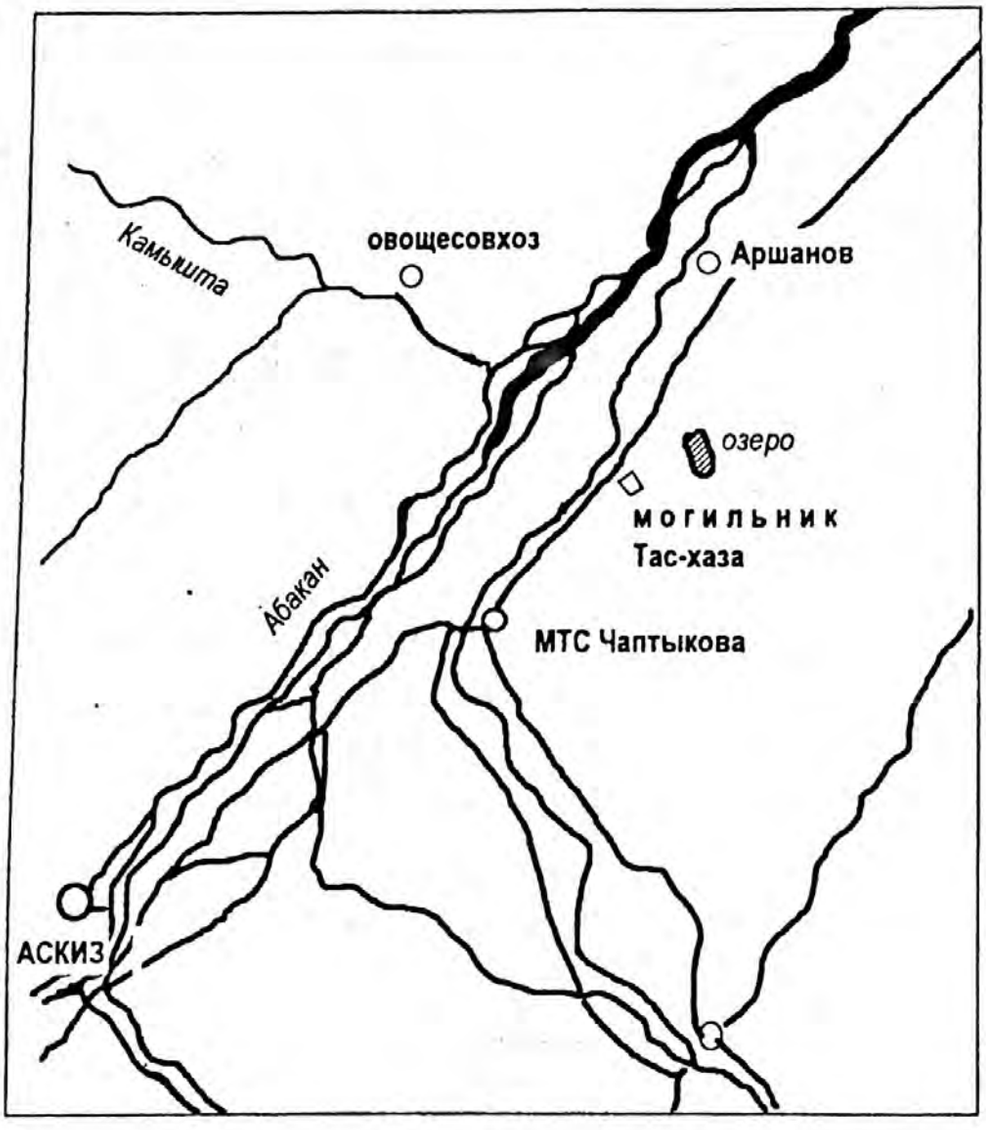

Табл. I Местоположение могильника Тас Хазаа

Табл. II Каменная кладка ограды после снятия насыпи. Раскопки 1957 г. (по фото)

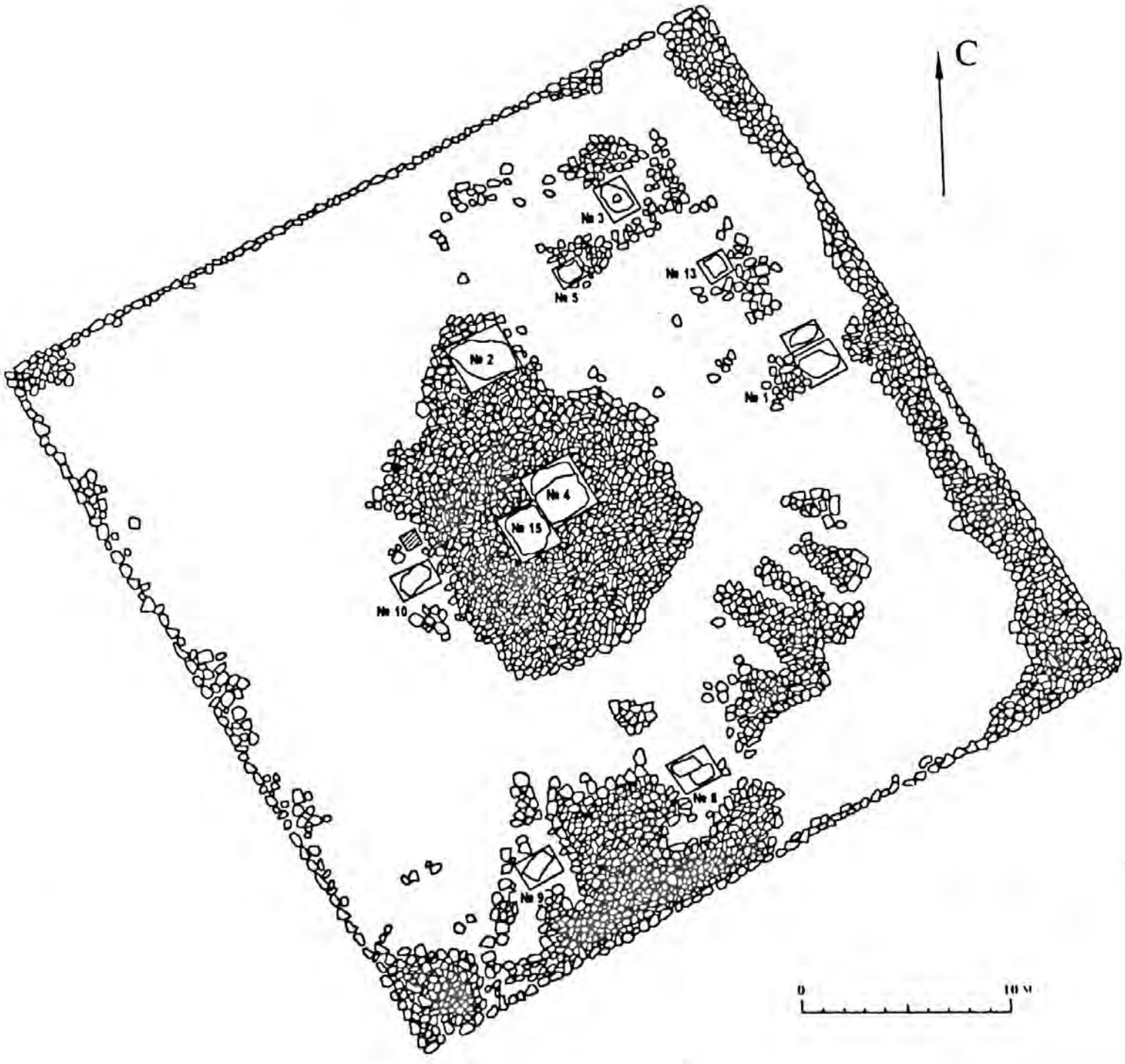

Табл. III Ограда Тас Хазаа после снятия насыпи

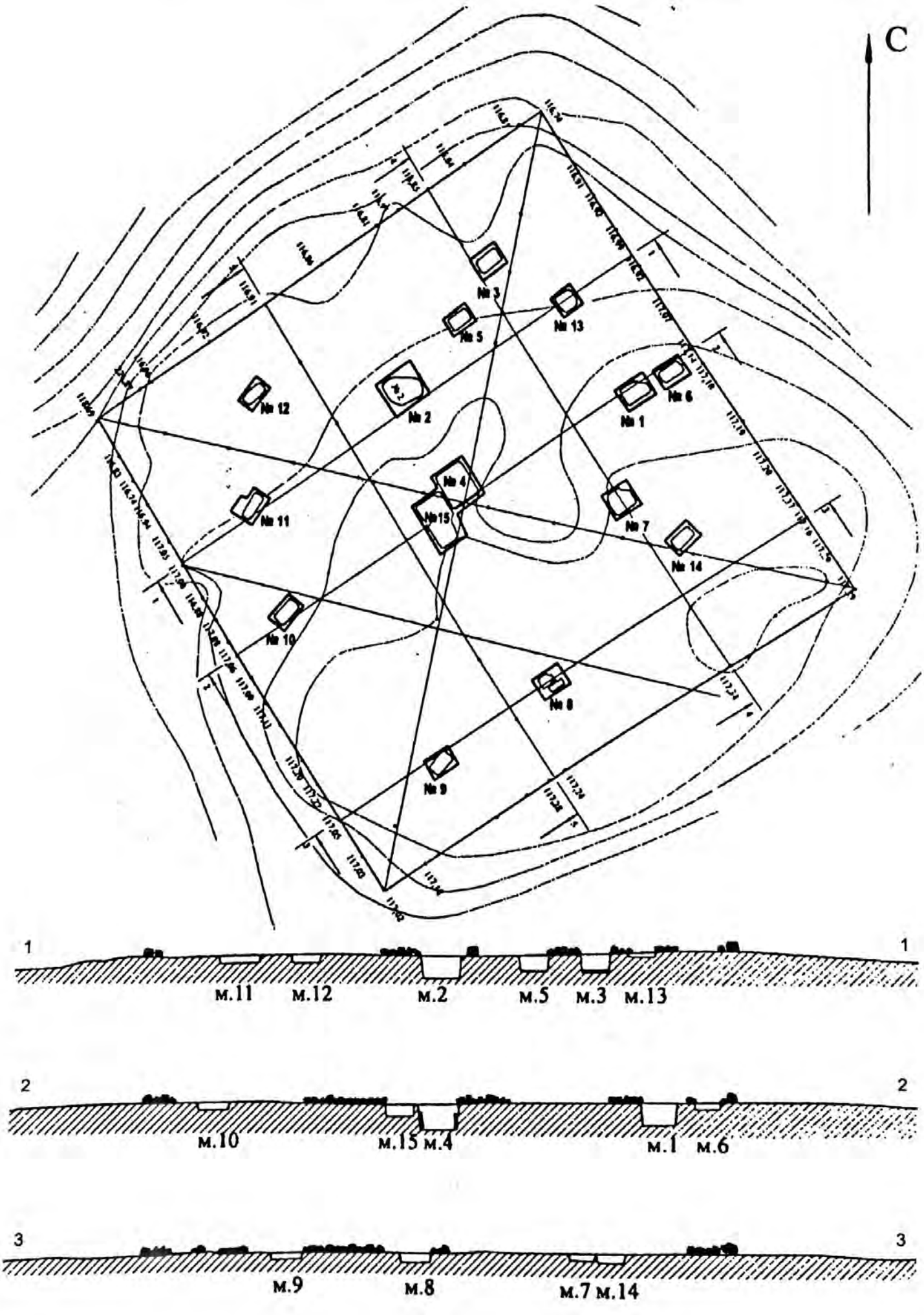
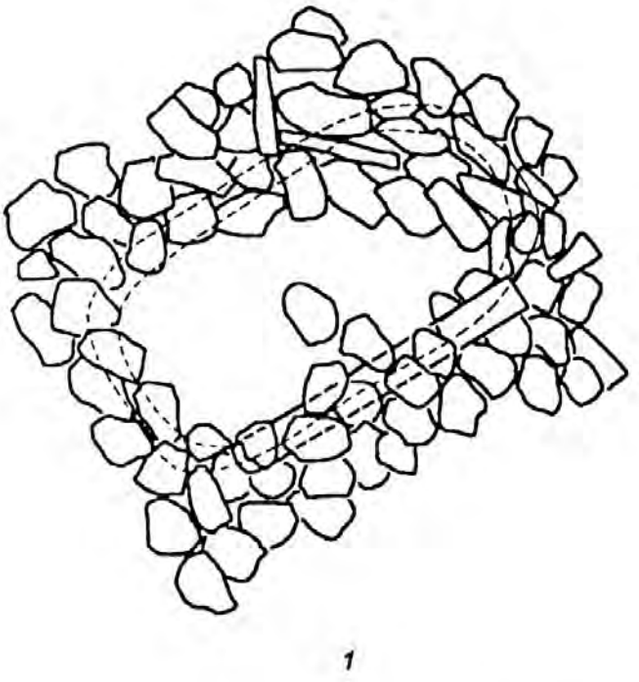
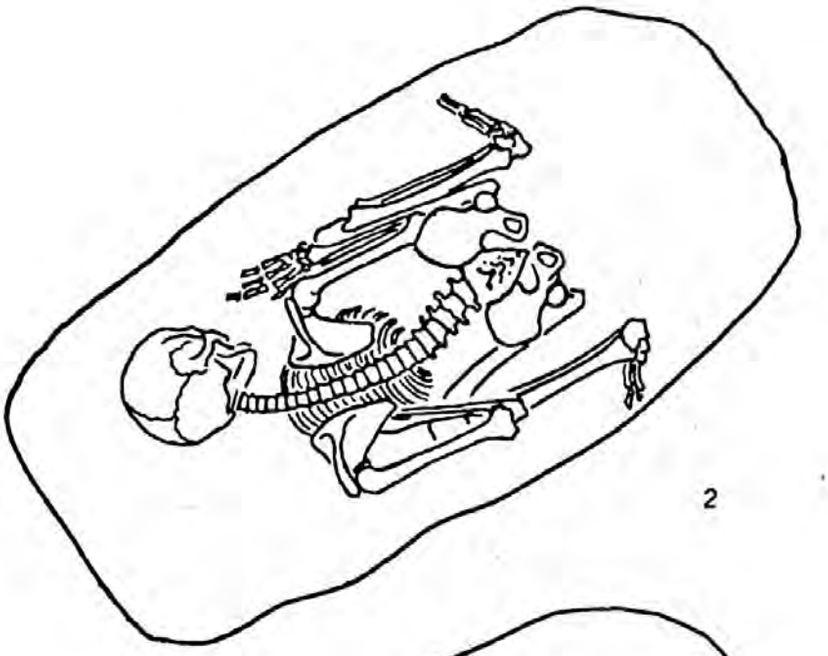

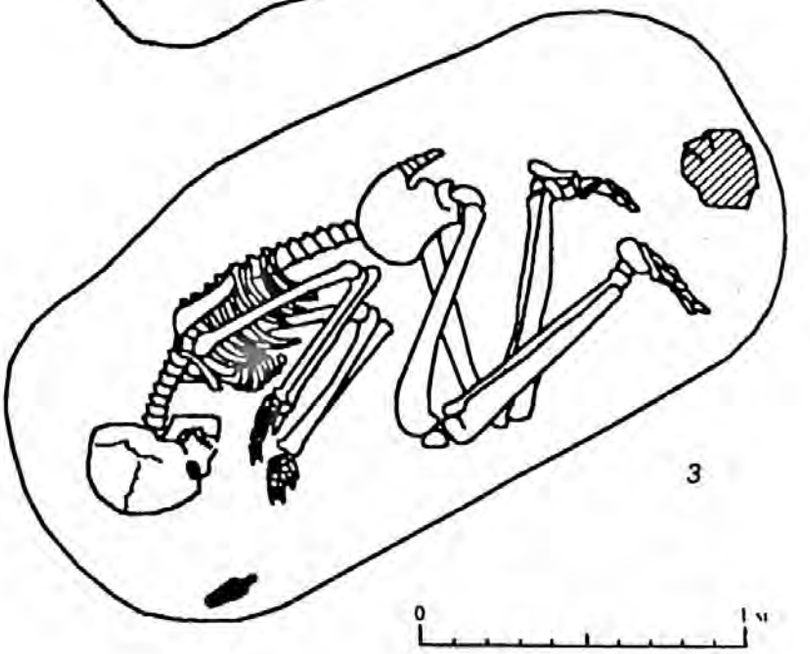
Табл. IV Схема и разрезы ограды Тас Хазаа

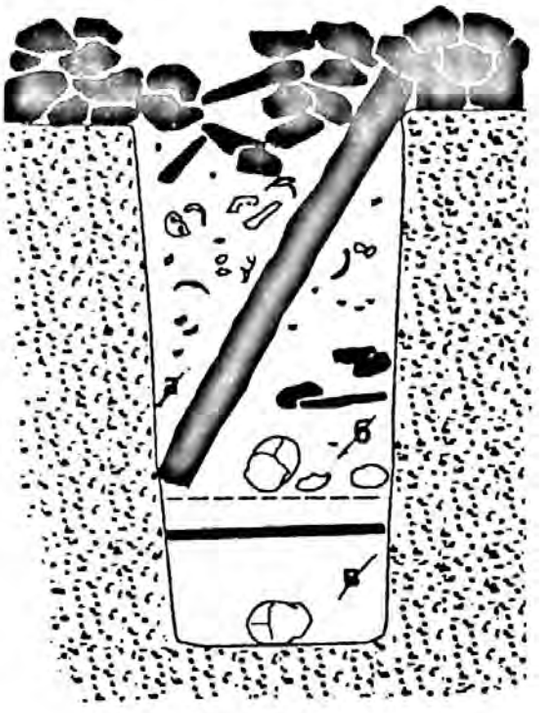
1

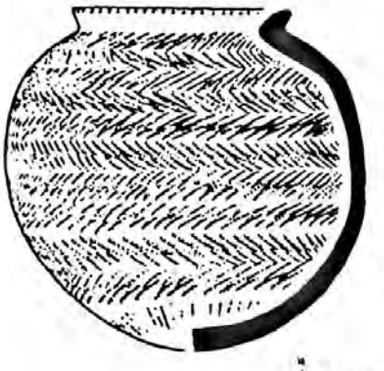

2

3

4

Табл. V Тас Хазаа, могила 1. *1* – покрытие и разрез; *2* – верхнее погребение; *3–4* – нижнее погребение

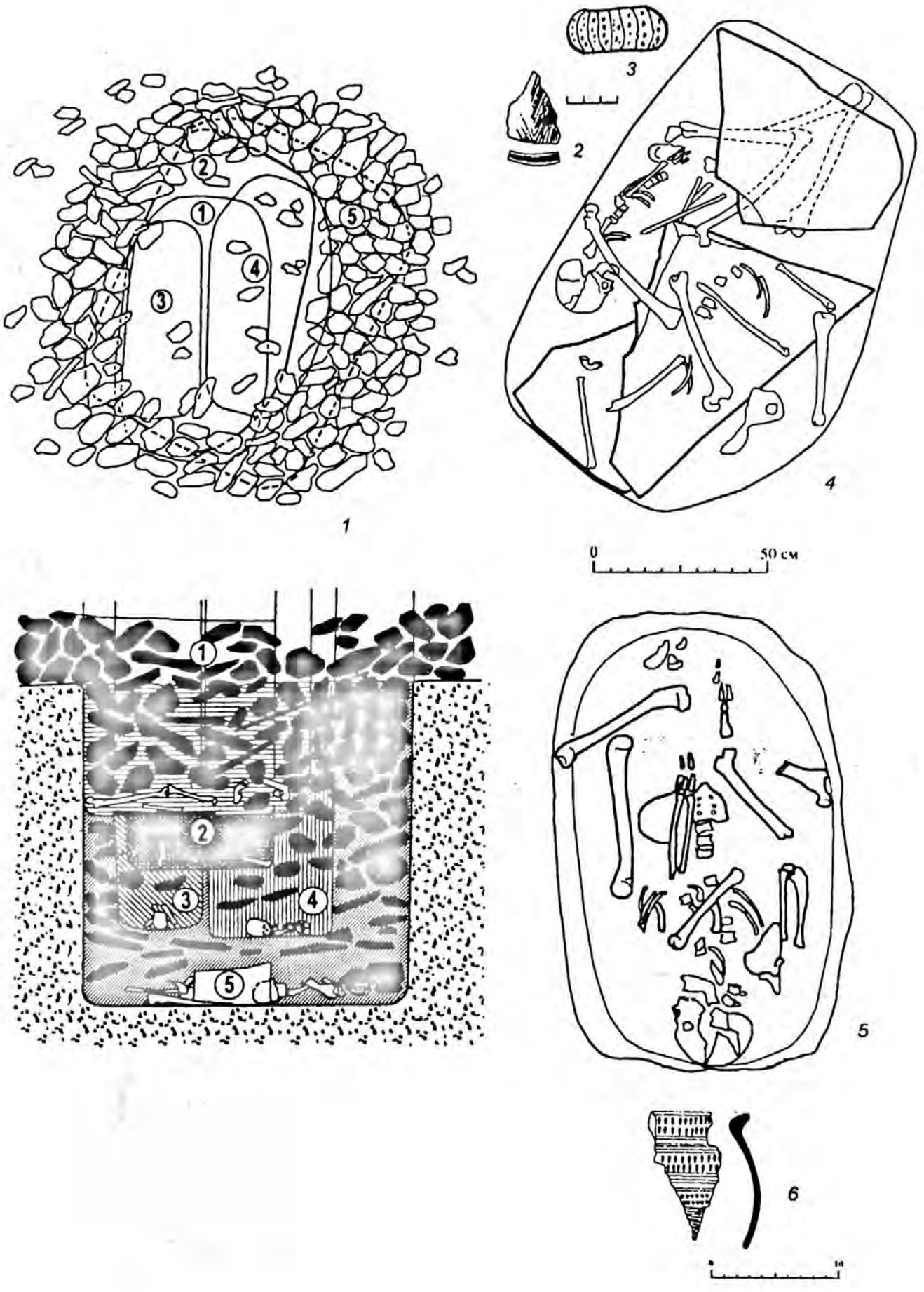

Табл. VI Тас Хазаа, могила 2. *1* – покрытие и разрез; *2–4* – погребение 1; *5–6* – погребение 2

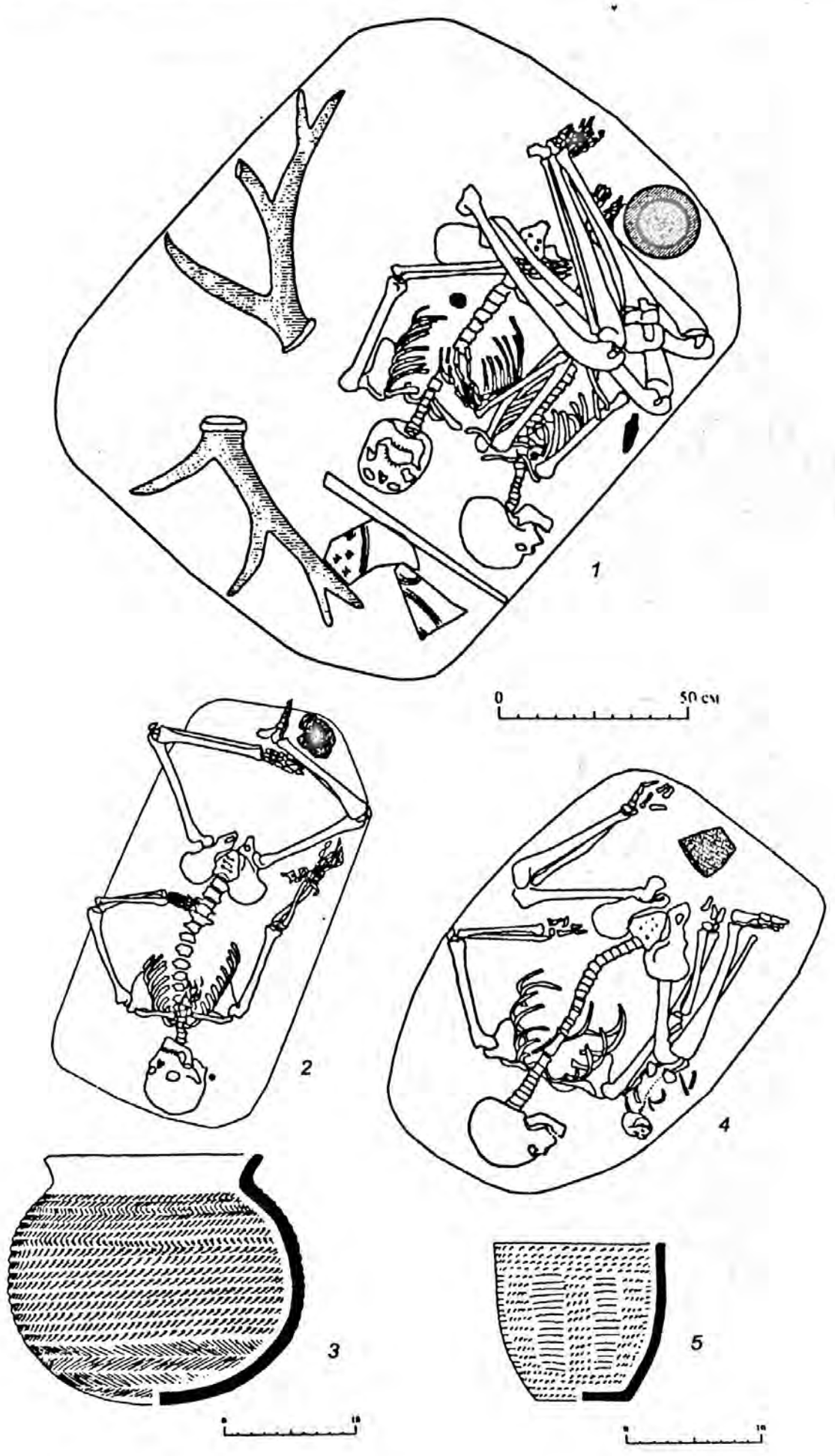

Табл. VII Тас Хазаа, могила 2. *1* – погребение 5; *2–3* – погребение 3; *4–5* – погребение 4

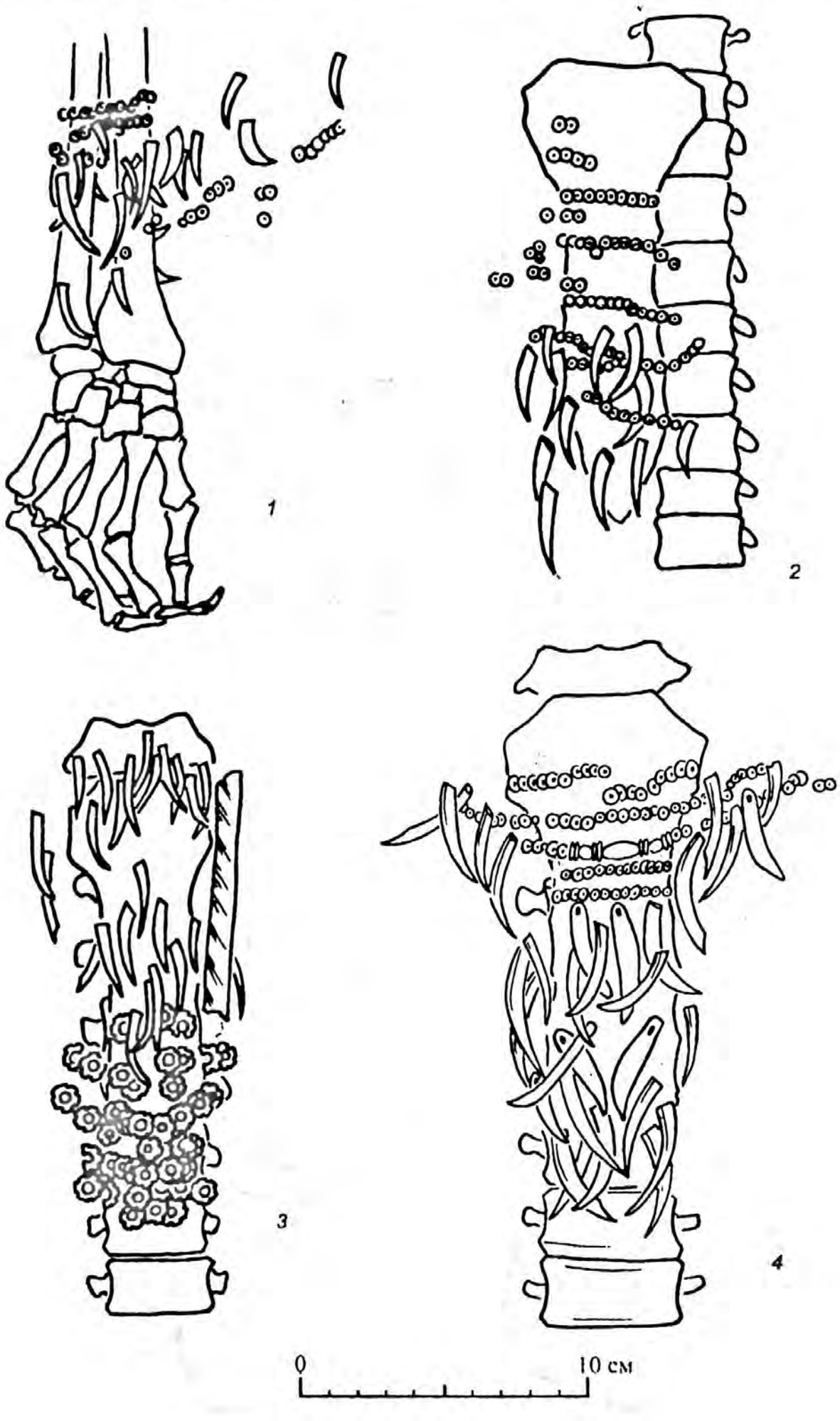

Табл. VIII Тас Хазаа. Расположение стеатитовых бусин, костяных колечек и клыков марала на одежде из погребений могилы 2 (*1–2* –погребение 3; *3* – погребение 4; *4* – погребение 5)

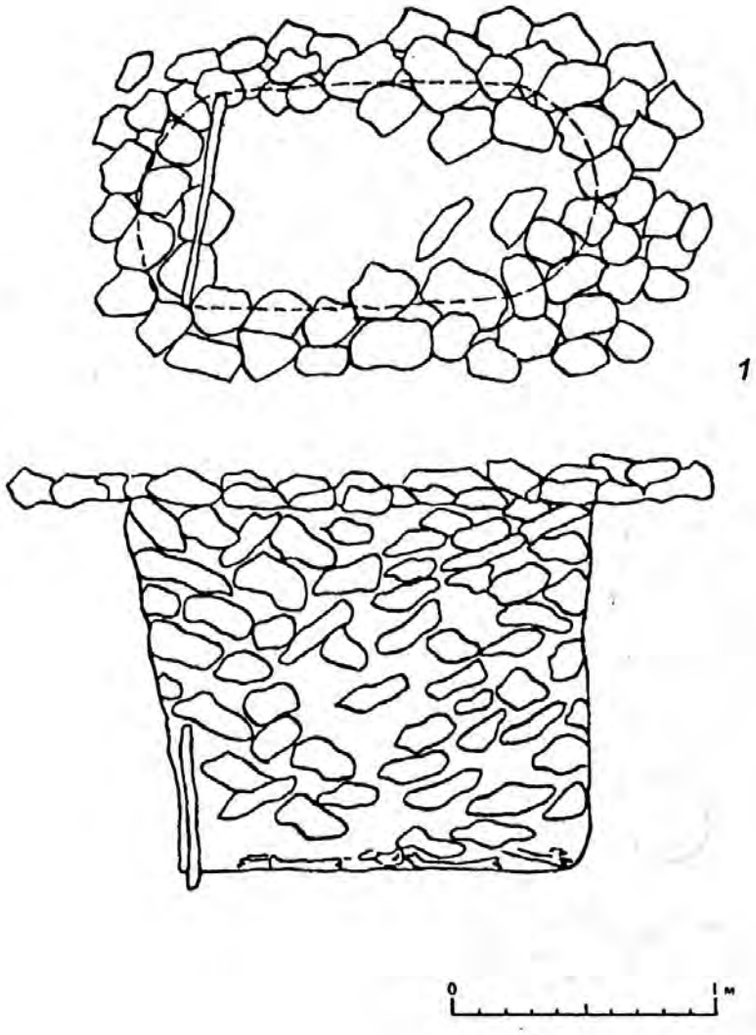

Табл. IX Тас Хазаа, могила 3. *1* – покрытие и разрез; *2* – погребение

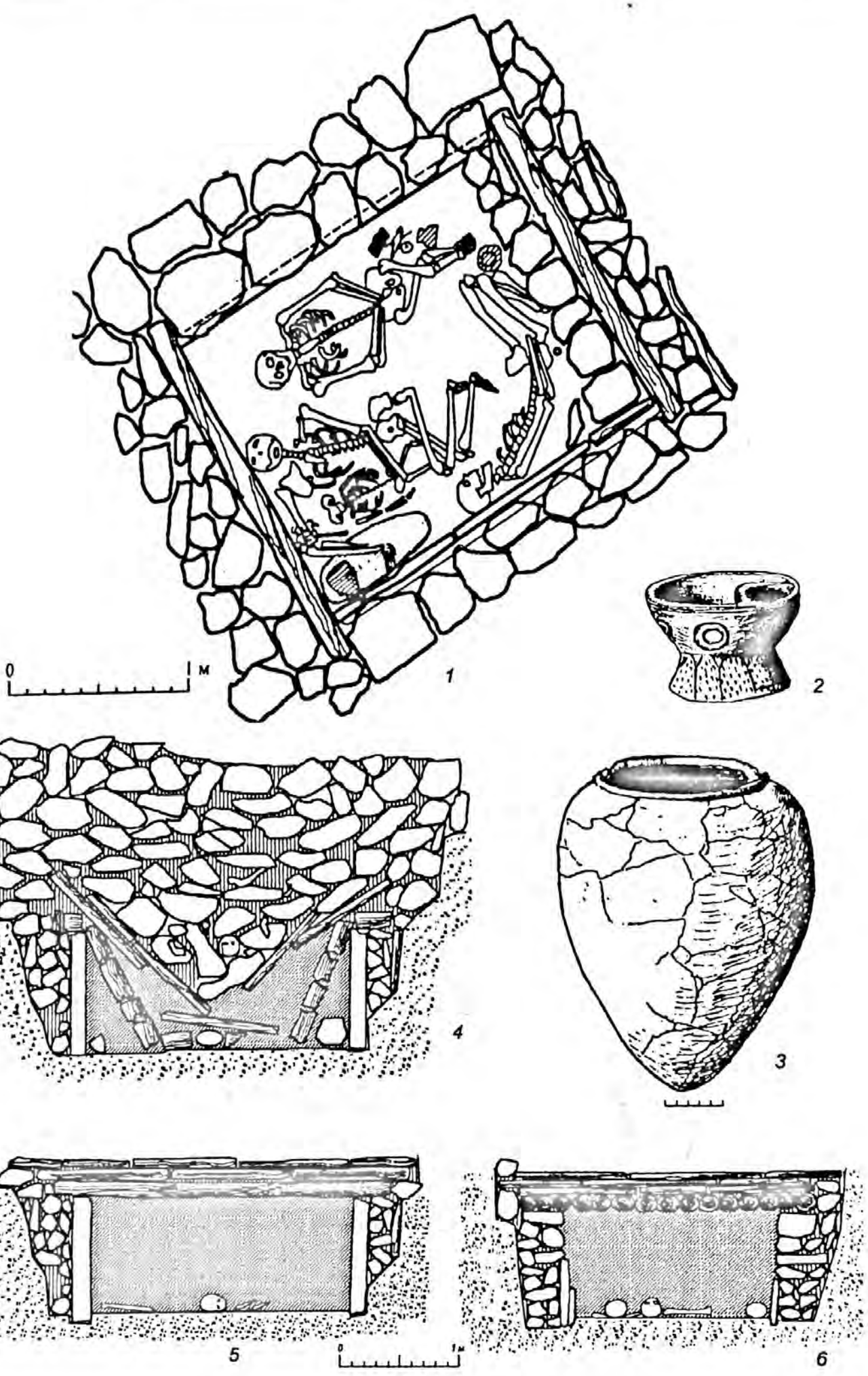

Табл. X Тас Хазаа, могила 4. *1, 4* – план и разрез; *2–3*– сосуды; *5–6* – реконструкция

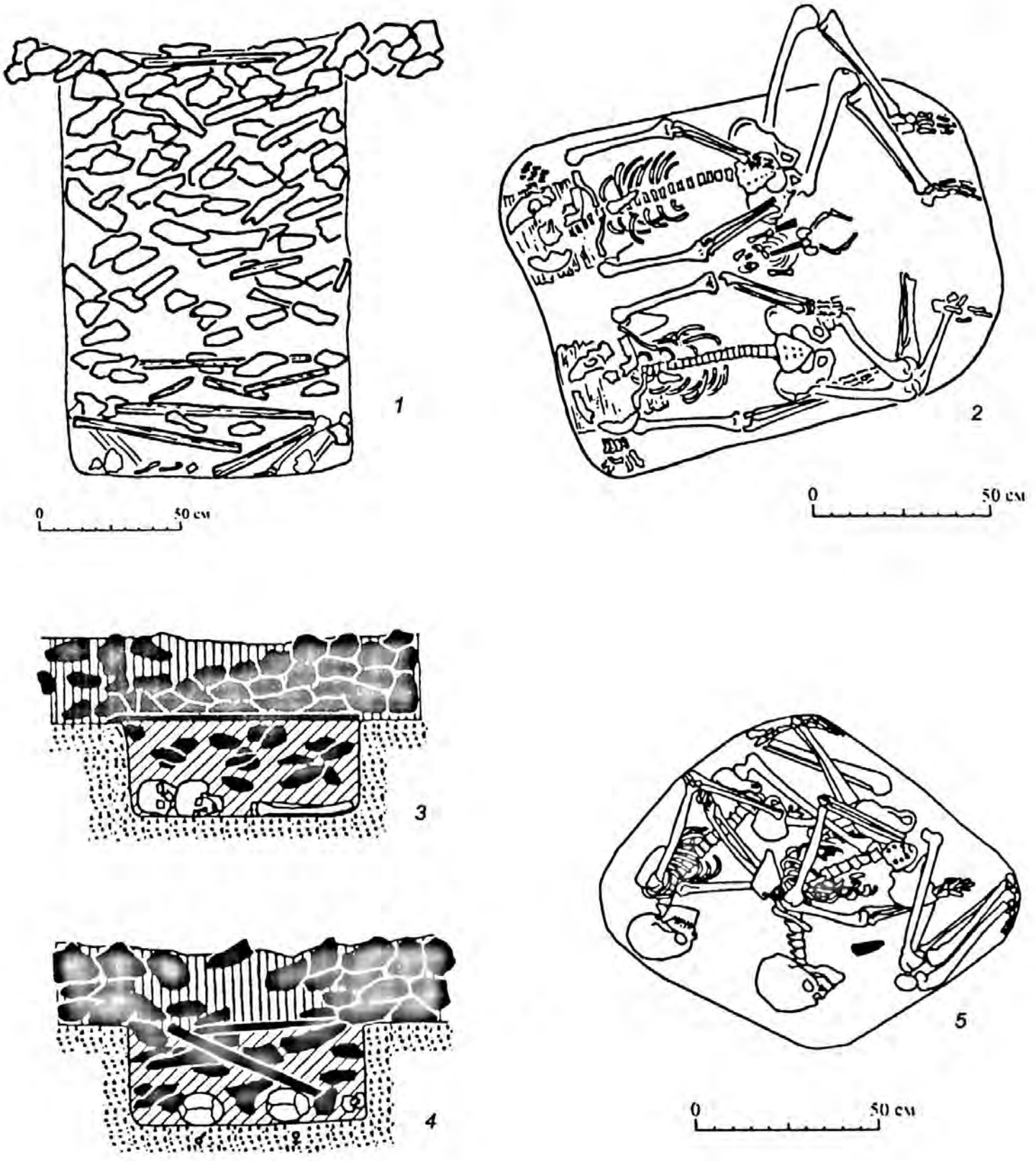

Табл. XI Тас Хазаа, могилы 5 и 6. *1–2* – план и разрез могилы 5; *3–5* – план и разрезы могилы 6

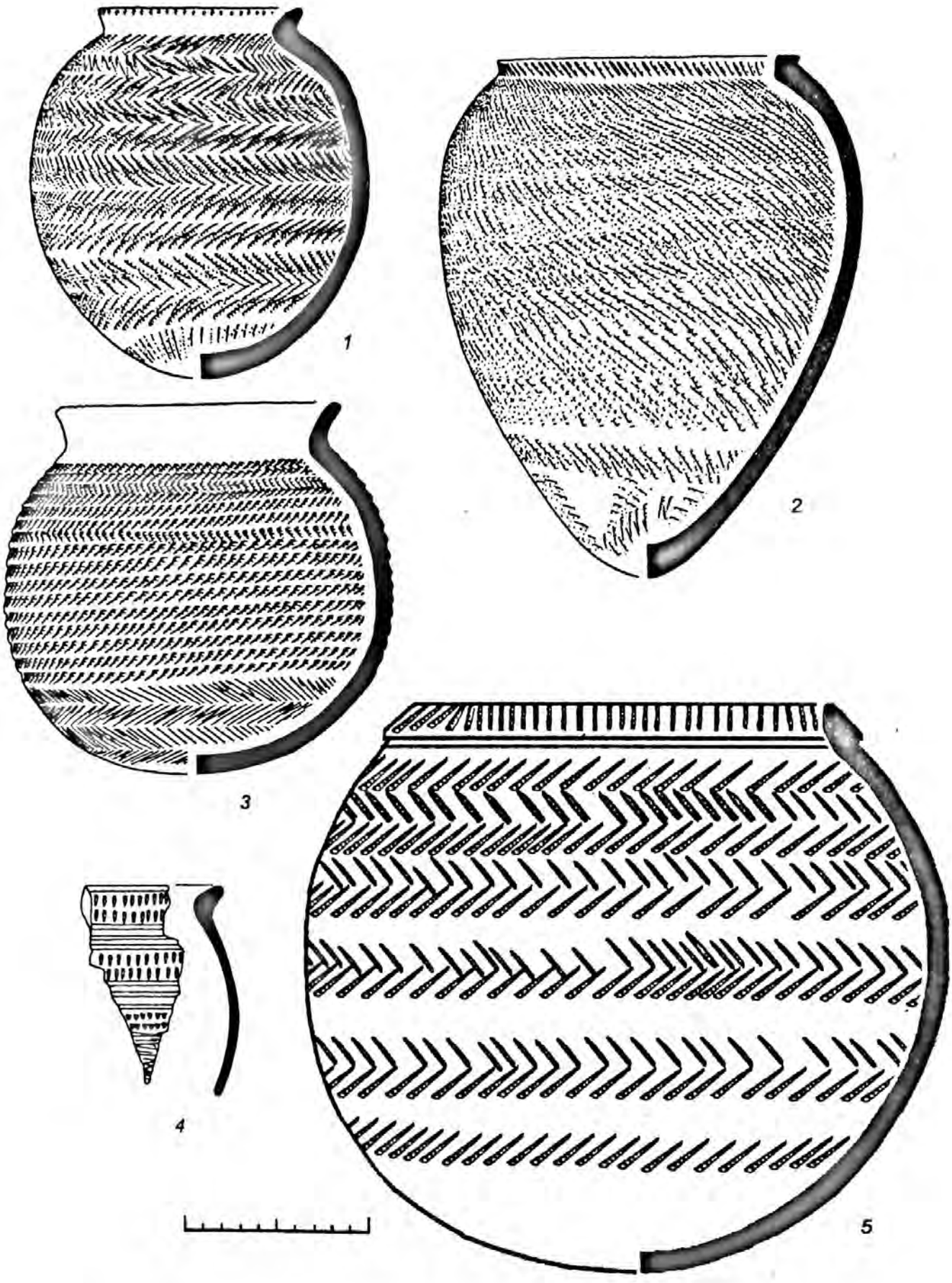

Табл. XII Афанасьевская керамика могильника Тас Хазаа
(*1* – мог. 1; *2* – мог. 4, нижнее погр.; *3* – мог. 2, погр. 3; *4* – мог. 2, погр. 2; *5* – мог. 2, погр. 5)

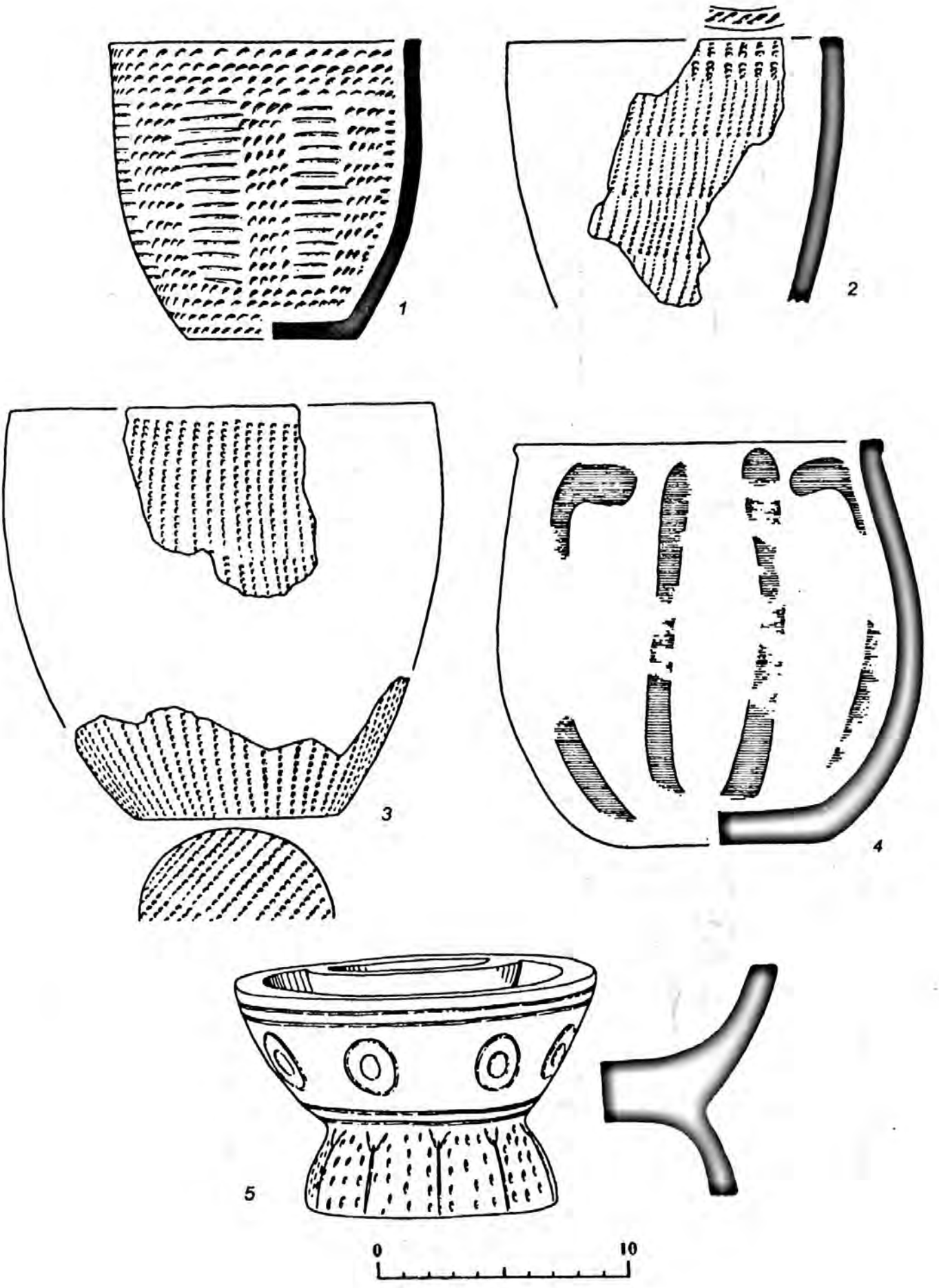

Табл. XIII Окуневская керамика могильника Тас Хазаа
(*1* – мог. 2, погр. 4; *2* – мог. 3; *3* – мог. 4, верхнее погр.; *4–5* – мог. 4 , нижнее погр.)

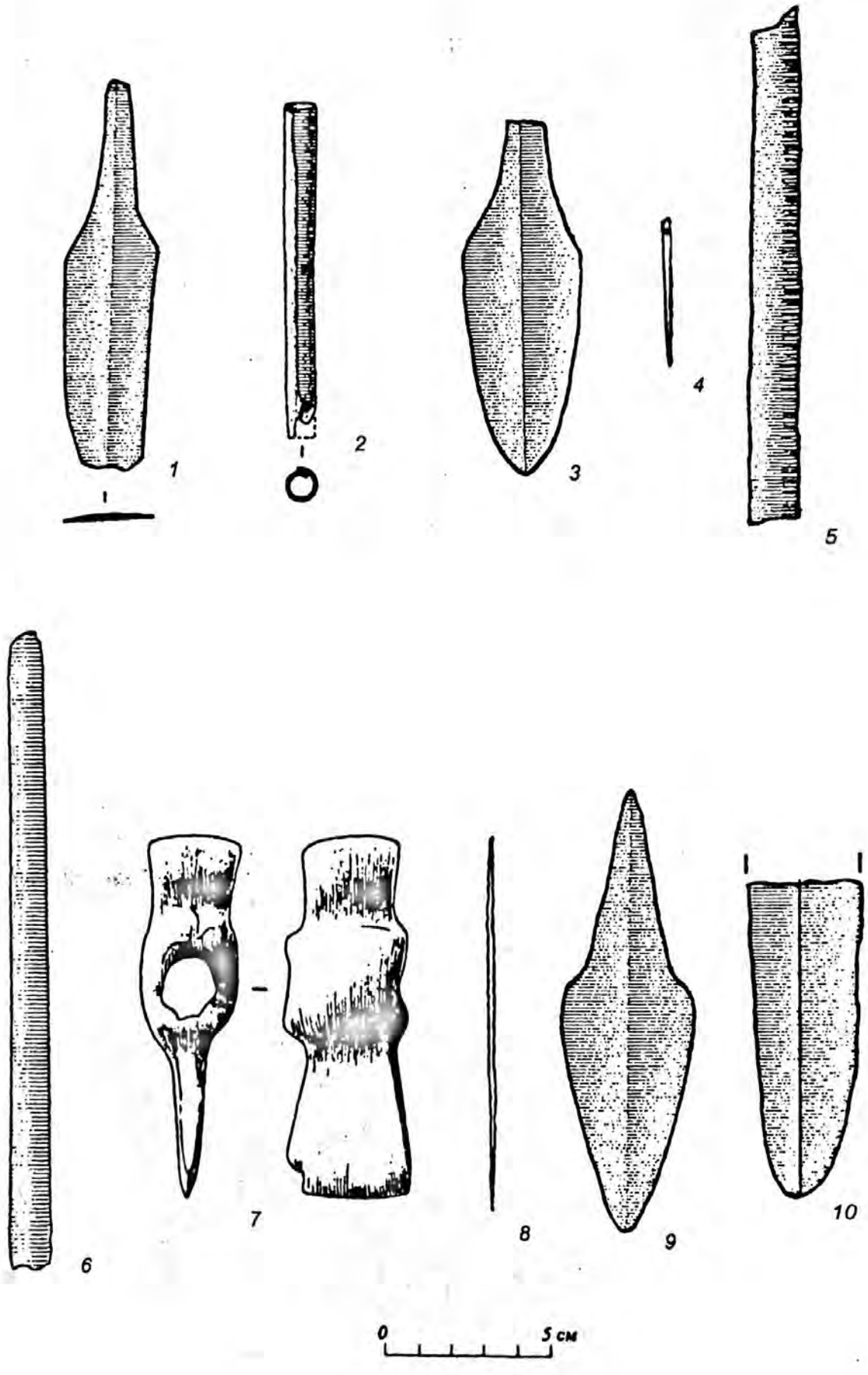

Табл. XIV Металлический инвентарь могильника Тас Хазаа
(*1–2* – мог. 1; *3* – мог. 2, погр. 5; *4–5* – мог. 2 погр. 4; *6–9* – мог. 4; *10* – мог. 6)

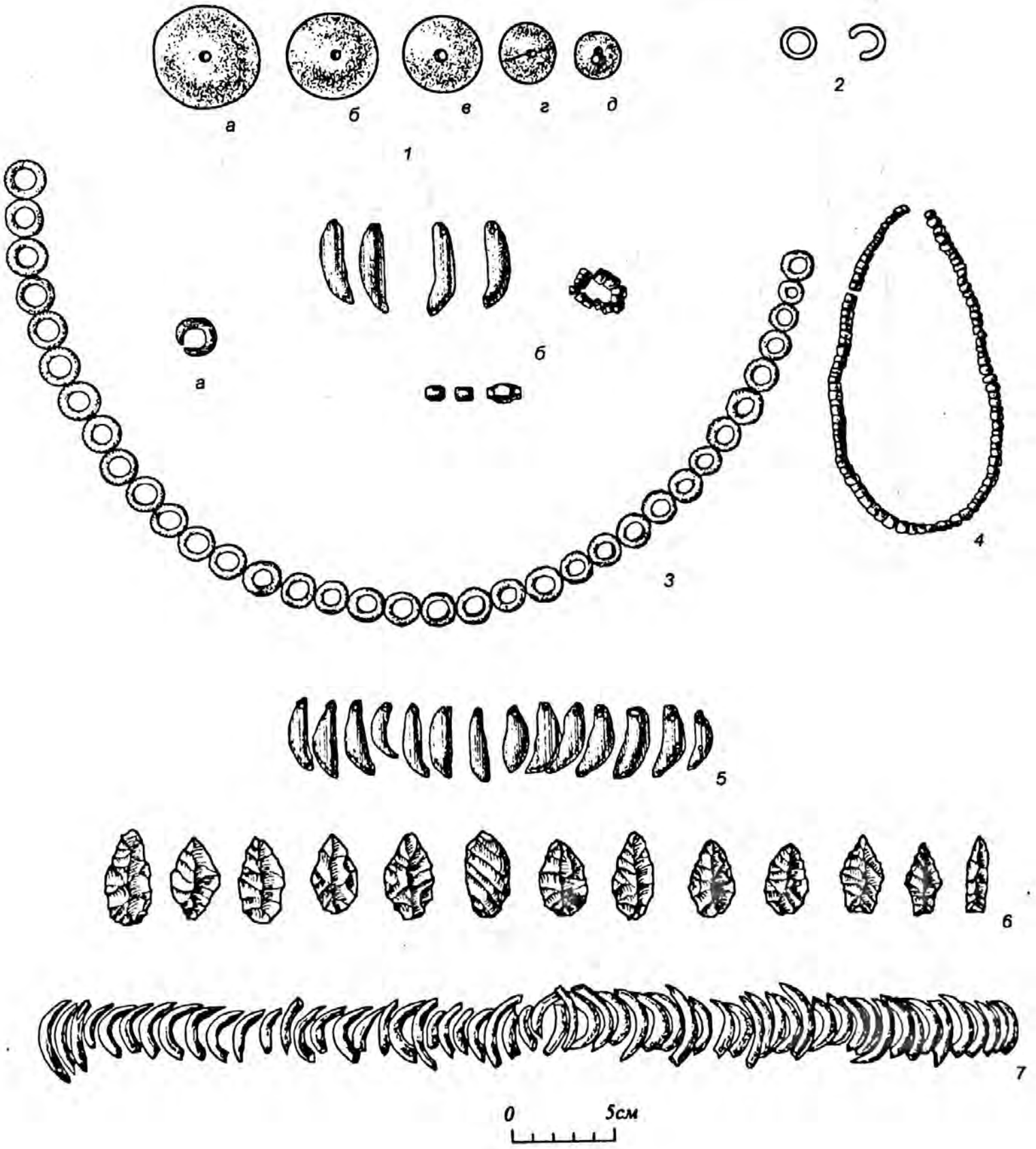
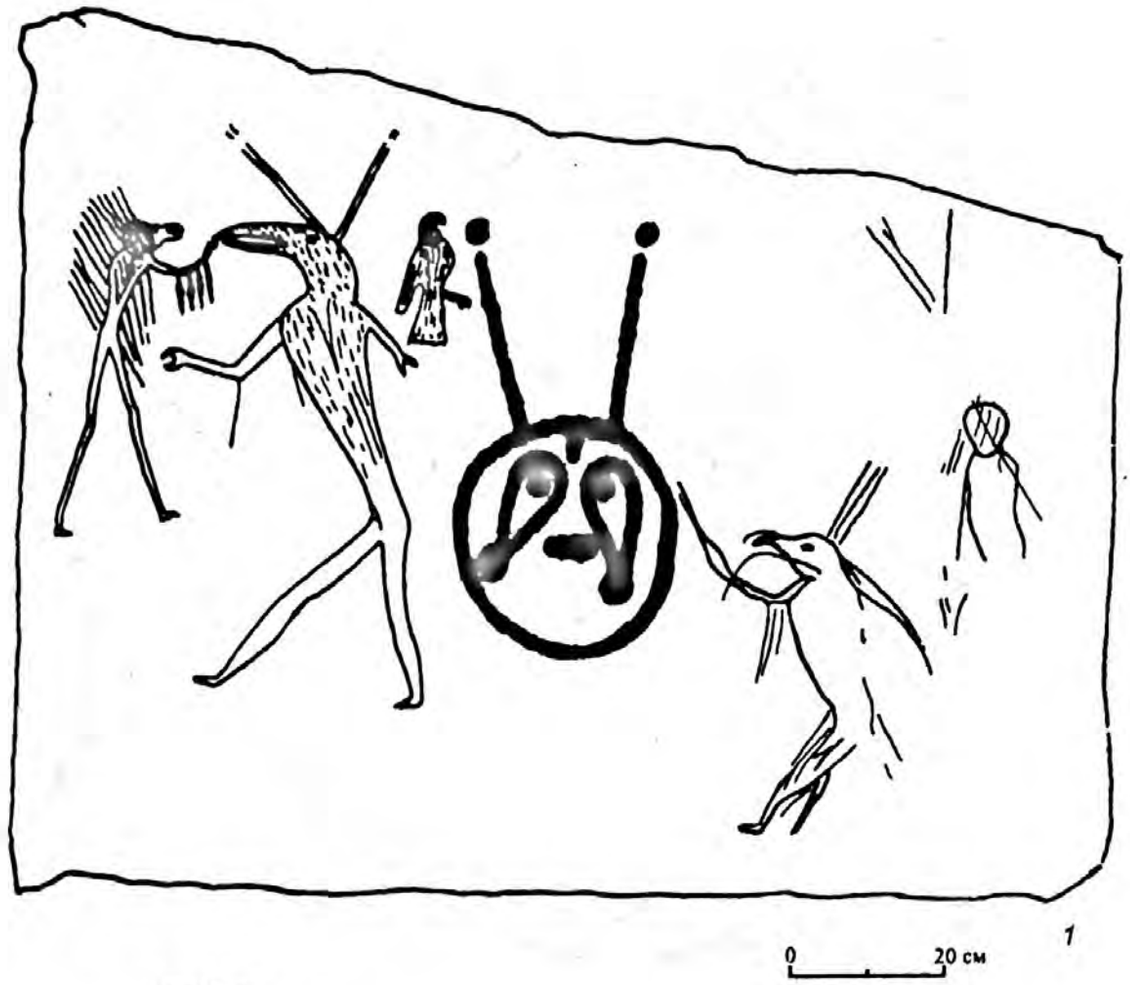

Табл. XV Мраморные шарики, украшения и наконечники стрел
(прорисовка по фотографиям экспозиции Абаканского музея):
1а, 1в, 1г – мог. 4; *1б, 1д, 2, 3б, 5* – мог. 2; *3, 4, 7* – мог. 1, 2; *3а, 6* – мог. 5

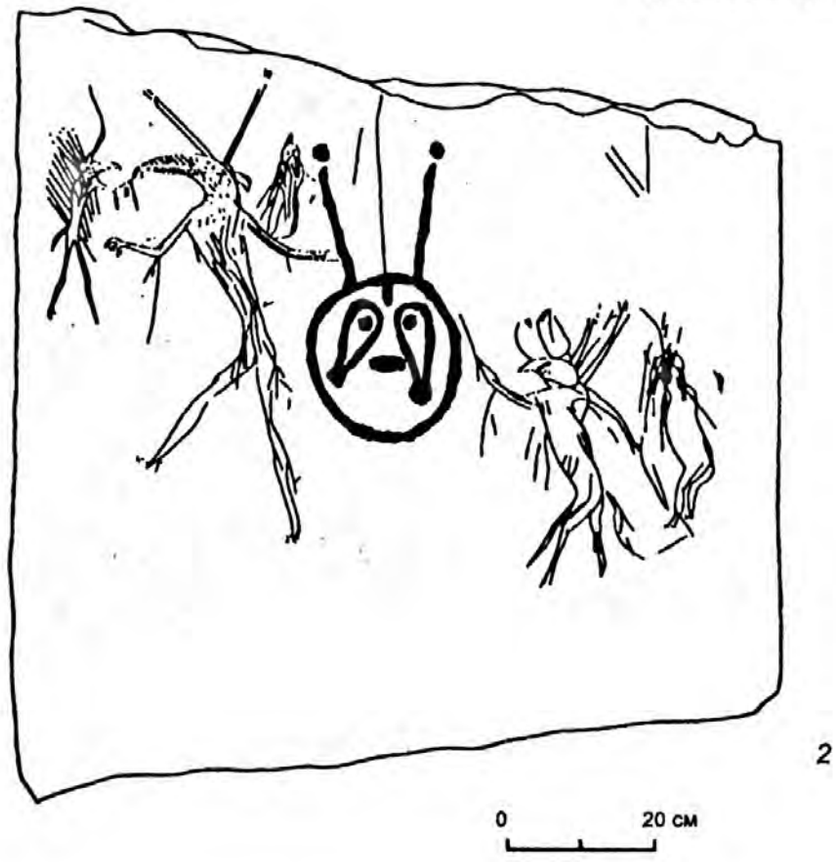

Табл. XVI Тас Хазаа. Верхняя плита из мог. 1
(1 – по А.Н. Липскому; 2 – по В.Ф. Капелько)

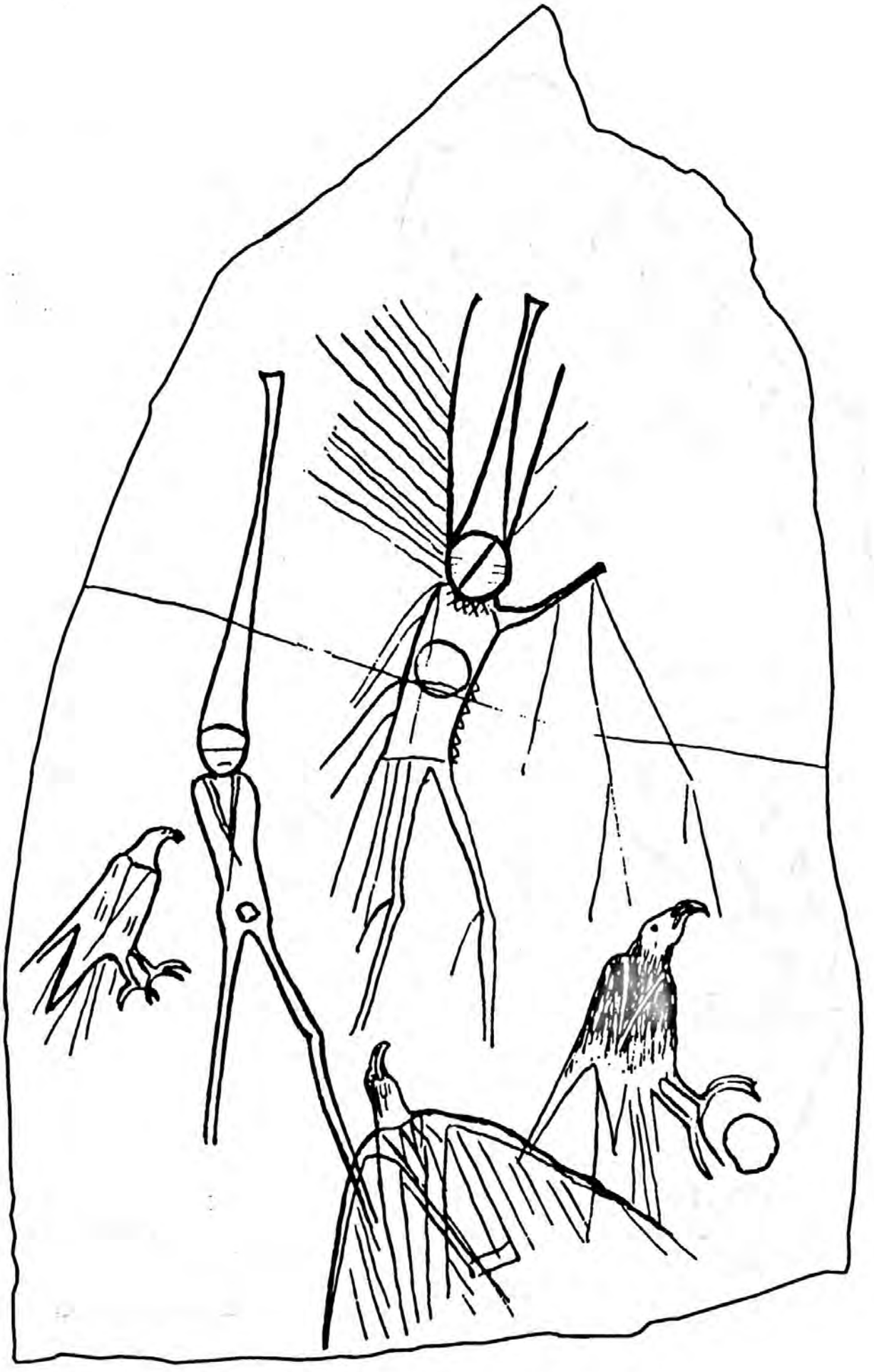

Табл. XVII Тас Хазаа. Нижняя плита из мог. 1

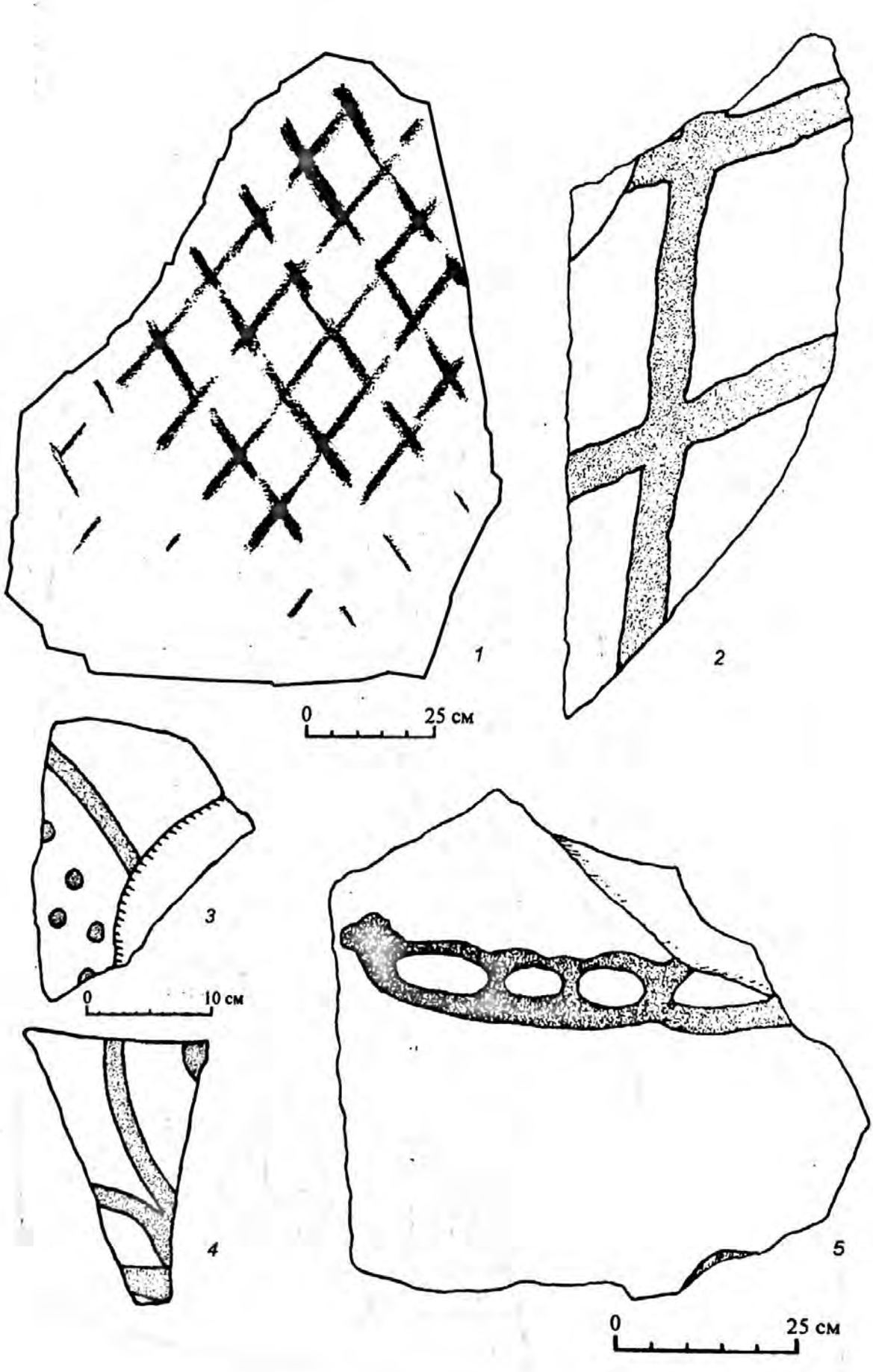

Табл. XVIII Тас Хазаа. Плиты с рисунками охрой из мог. 2
(*1–2* – погр. 1; *3–5* – погр. 5)

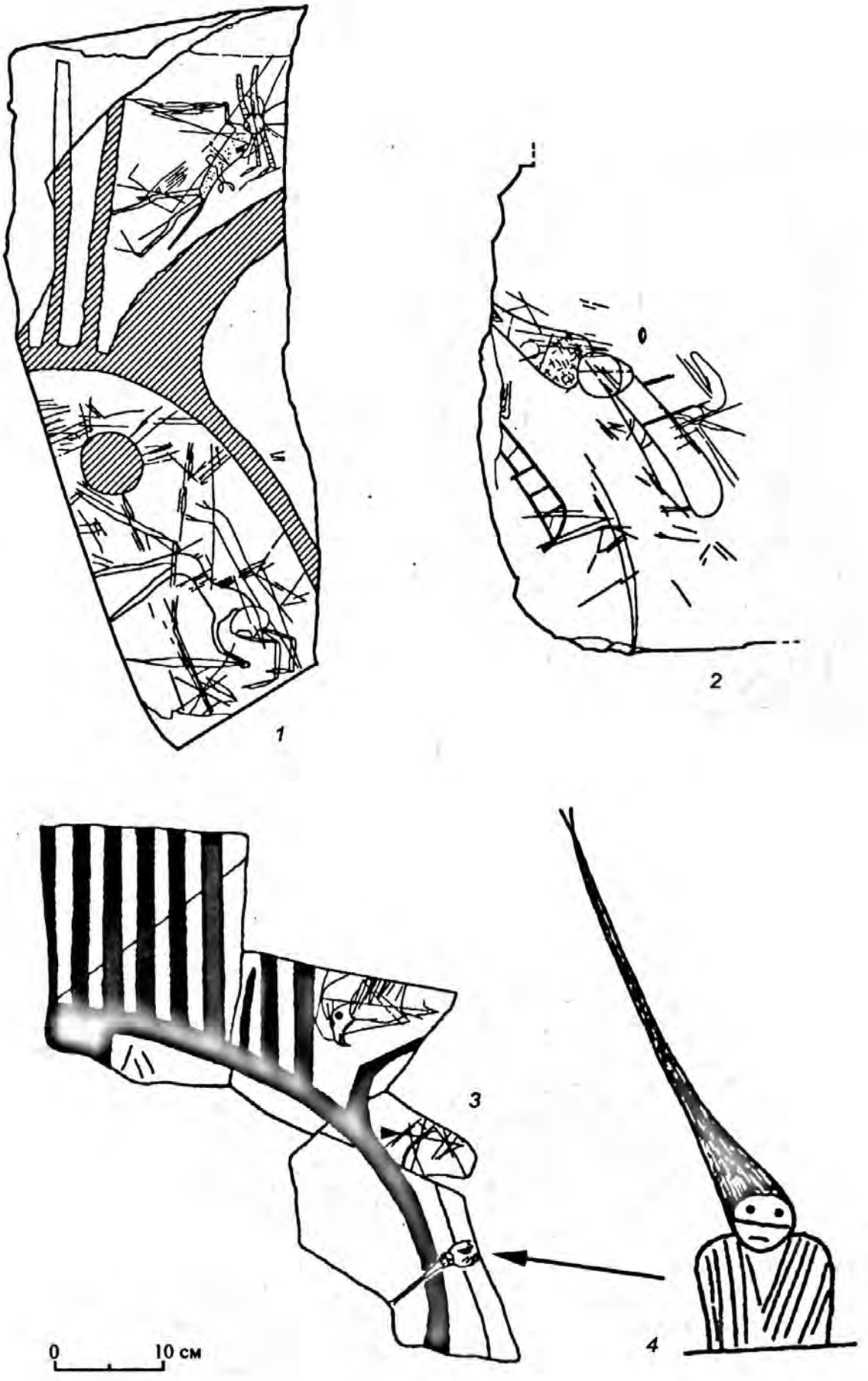
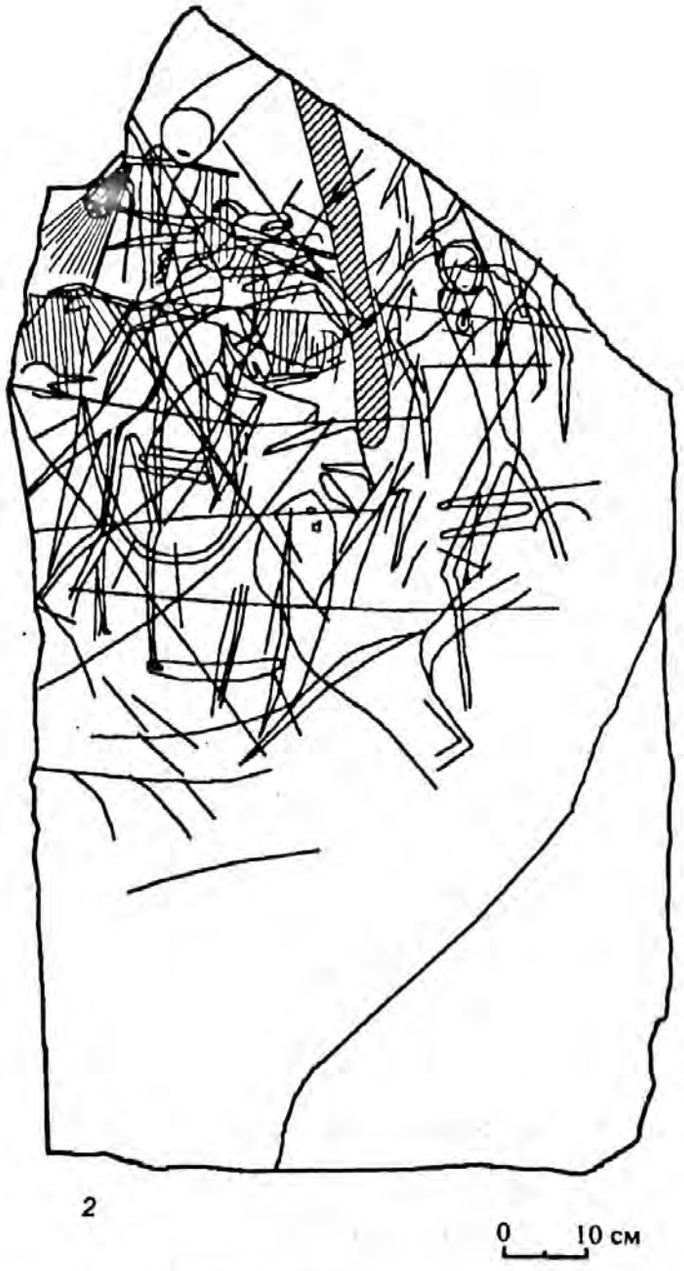

Табл. XIX Тас Хазаа. Плиты с рисунками из мог. 5
(*1* – плита 1; *2* – рисунок на оборотной стороне плиты 1; *3* – плита 2; *4* – рисунок на плите 2, фрагмент)

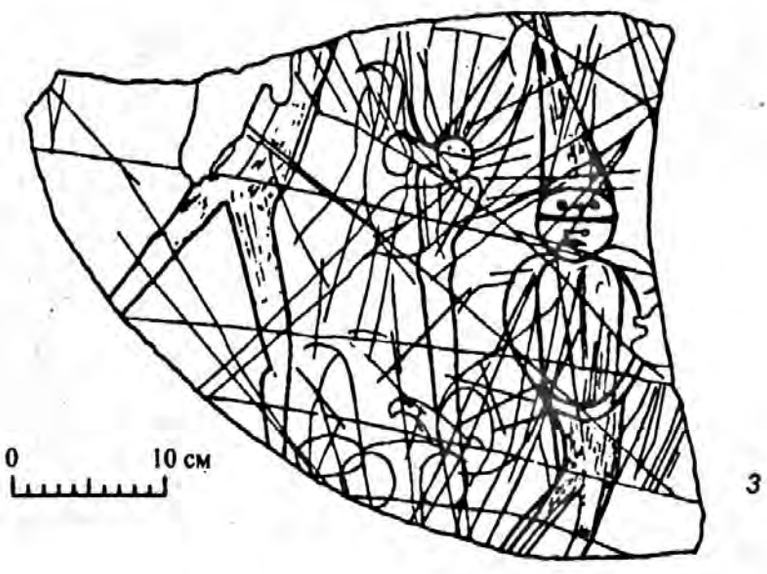

Табл. XX Тас Хазаа. Плиты с рисунками из мог. 5
(*1* – плита 4; *2* –плита 3; *3* – плита 5)

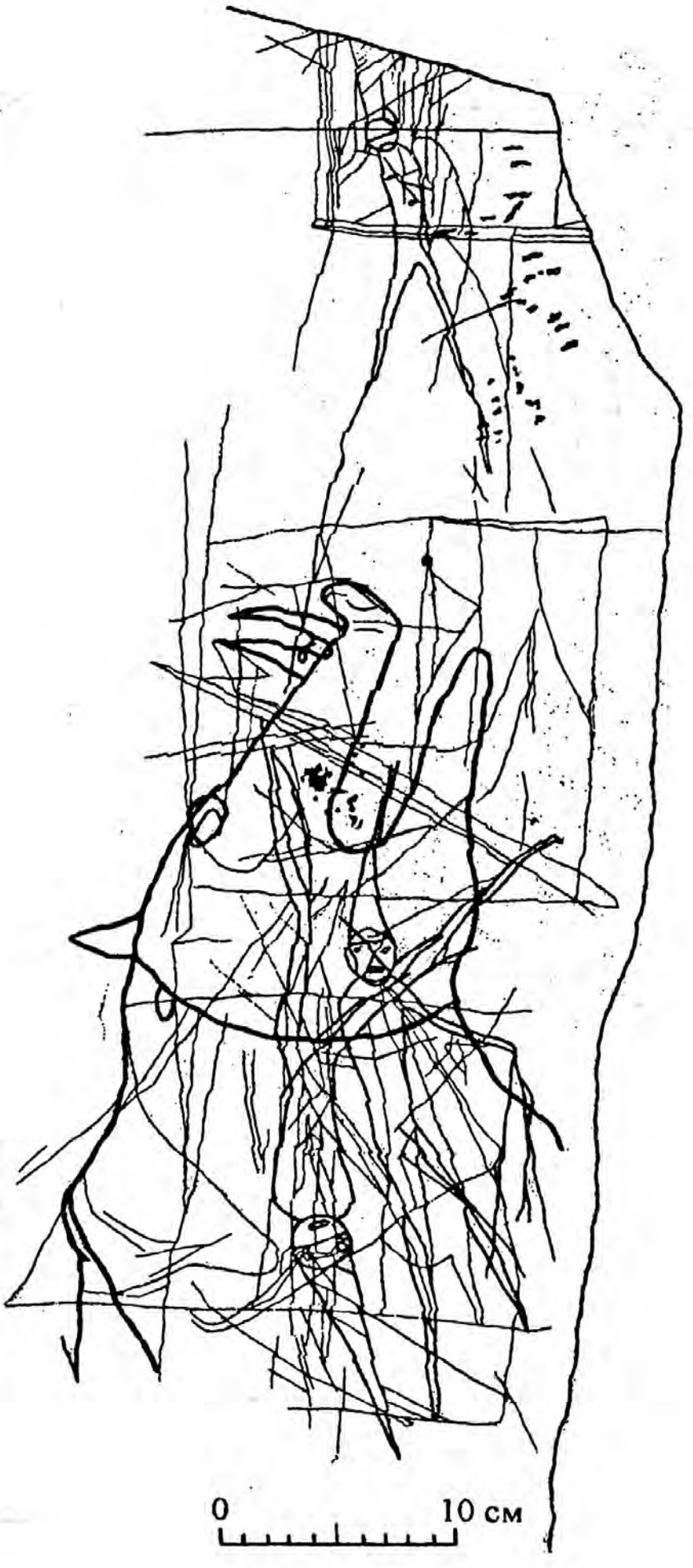

Табл. XXI Тас Хазаа. Плита 1 из мог. 6

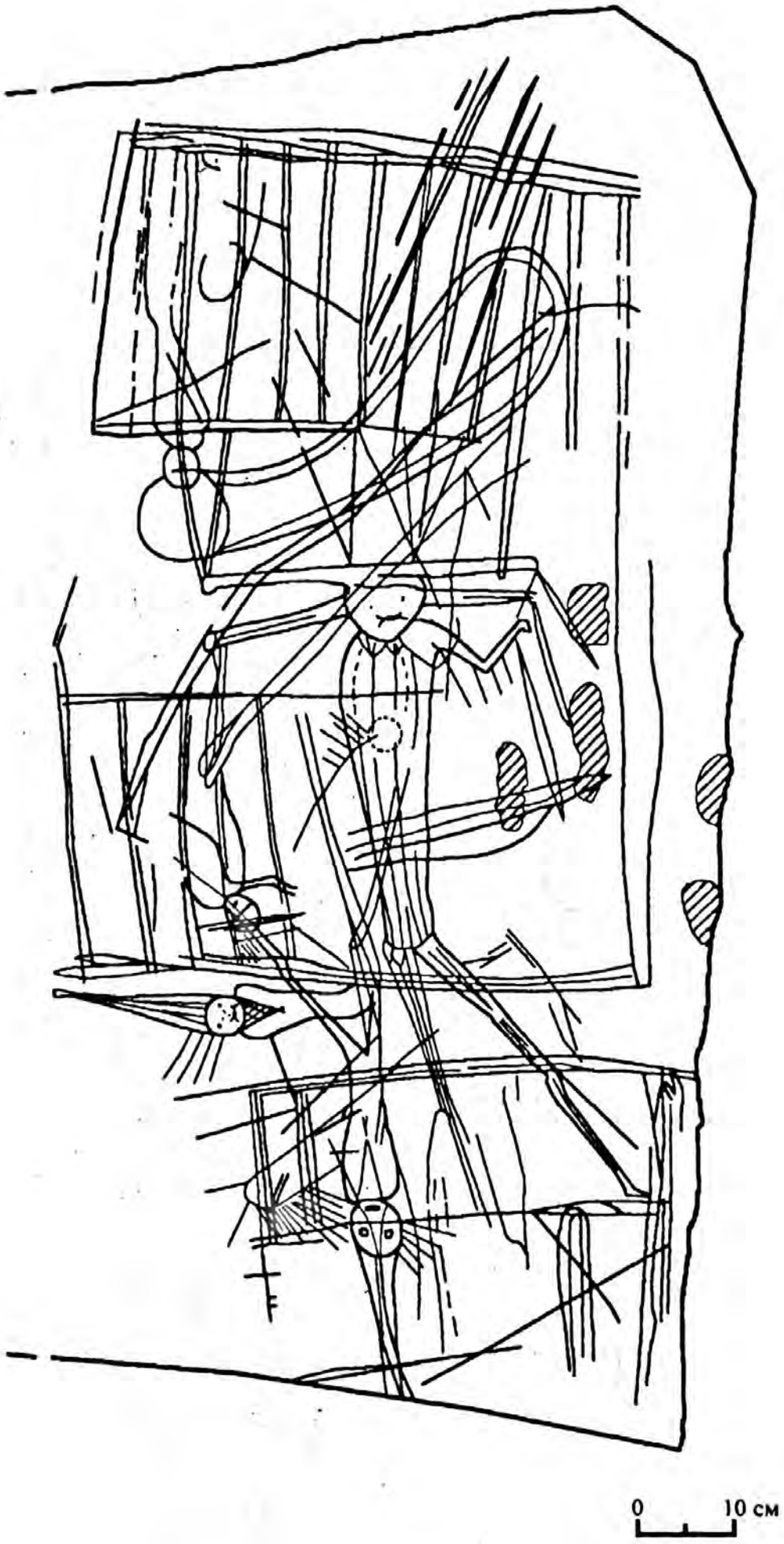

Табл. XXII Тас Хазаа. Плита 2 из мог. 6

М.П. Грязнов, М.Н. Комарова

Сыда V – могильник окуневской культуры

В 1965 г., во время проведения разведок в районе реки Сыда, Красноярская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР, руководимая М.П. Грязновым, получила информацию о том, что в центре с. Сыда имеются археологические памятники. В 1963 г. здесь при расчистке спортивной площадки школьниками была потревожена древняя могила. Из этой могилы происходил сосуд, по характерным признакам которого было определено, что он относится к окуневской культуре. Раскопки могильника, получившего название Сыда V, проводились в том же, 1965 г. Начальником объекта была назначена М.Н. Комарова. Текст Отчета составлен совместно с М.П. Грязновым. Антропологические определения сделаны М.П. Грязновым. Определения костей животных произведены зоологом ЛОИА Н.М. Ермоловой. В работах отряда принимали участие: ст. науч. сотр. Эрмитажа Е.И. Лубо-Лесниченко, лаборант ЛОИА Б.Н. Пяткин, студент ЛГУ А.С. Загородний, М.Н. Пшеницына, художник Л.Н. Баранов. Краткую информацию о раскопках см.: Грязнов, Комарова, 1966, с. 14–15. Данная статья по Отчету М.П. Грязнова подготовлена к публикации Л.А. Соколовой.

Могильник Сыда V был расположен на первой надпойменной террасе правого берега р. Сыды около устья впадающей в него р. Узы, в 150 м от края террасы и в 300 м от р. Узы, в центре с. Сыда (табл. 1, *1*). Могильник находился в самом центре села на площади перед домами, в которых размещались школа, правление колхозной фермы и медпункт колхоза (табл. 1, 2). Около могилы, раскопанной школьниками, виднелись верхние края вертикально врытых плит, по которым можно было предполагать наличие могильной ограды; однако без раскопок определить её форму и размеры было невозможно. Впоследствии оказалось, что здесь находятся две ограды (курганы 1 и 2). Неподалеку, к югу от них, располагался курган с отчетливо прослеживаемой квадратной оградой, внутри которой в некоторых местах были видны верхние кромки плит каменных ящиков (курган 3). Еще один курган без видимых каменных конструкций находился в усадьбе медпункта (курган 4). Были раскопаны все 4 кургана. Курганы 1 и 2 не имели насыпи и были обнаружены лишь по видневшимся нескольким плитам оград. Посередине ограды кургана 1 наблюдалось едва заметное повышение (на 10 см) над окружающей поверхностью. С помощью большой серии траншей шириною 50 см и глубиной 20–25 см (до уровня материка) была исследована обширная площадь, но другие ограды так и не были обнаружены. Хотя не исключена возможность, что курганы находились под домами и усадьбами, расположенными к югу от раскопанных оград. Раскопанные памятники были условно названы курганами, но только два из них (курганы 3 и 4) имели хорошо заметную насыпь, в то время как другие два были совершенно плоскими.

Курган 1

Едва заметное возвышение на поверхности земли (10–15 см) рядом с раскопанной школьниками могилой, к югу от нее. С восточной и северной сторон этого возвышения были едва заметны края плит, вертикально врытых в материк. По ним угадывались очертания прямоугольной ограды. Однако раскопки показали, что только восточный ряд плит относится к этому кургану, а северный составляет часть южной стены ограды другого кургана, расположенного рядом. После расчистки выявилась квадратная ограда, размерами 6×6 м из вертикально поставленных плит, ориентированная по линии ЗЮЗ–ВСВ. Многие плиты ограды не сохранились, оставшиеся были сильно отклонены наружу. Внутри ограды оказалось шесть могил, расположенных примерно посередине.

Могила 1. Каменный ящик из четырех вертикально поставленных плит. Размеры: 60×30 см, высота 30 см. Ориентирован с востока на запад. Покрытие состояло из двух тонких плит. Плиты в средней части пробиты. Глубина могилы 50 см. На дне у восточной и южной стенок фрагменты черепа и косточки младенца одного года. У южной стенки 16 мелких аргиллитовых бусинок (табл. 3). В заполнении продолговатая каменная бусина. В верхней части заполнения могилы насколько костей запястья взрослого человека.

Могила 2. Каменный ящик из 6(?) вертикально поставленных плит. Плиты на южной стенке, частично на восточной и северной отсутствуют. Размеры могилы 160×50 см. Высота 40–30 см. Ориентирована с юга на север. Покрытие разрушено, отдельные плитки от него находились в заполнении могилы. Глубина могилы 55 см. Кости взрослого мужчины находились в заполнении на разной глубине. На дне в анатомическом порядке кости сильно согнутых в коленях ног (бедренная и берцовые), в южном конце могилы в сочленении находились пя-

точные и таранные кости. Черепа и многих костей недостает. В заполнении могилы найдена часть челюсти и локтевая кость шестимесячного младенца (табл. 3).

Могила 3. Ящик подпрямоугольной формы из семи плит. Северная стенка одновременно служила стенкой смежной с ней могилы 4. Размеры ящика по дну 120×60 см, высота 60 см. Ориентирована с востока на запад. Покрытие из плит нарушено. Западная часть ящика прикрыта развалом плит. Глубина могилы 70 см. Погребение потревожено в древности. Кости мужчины 40–60 лет (череп, плечевой пояс, длинные кости правой руки и плечевая левой) в западной половине могилы сохранились в сочленении в первоначальном положении. В восточном конце ящика в анатомическом порядке лежали кости стоп. Судя по размещению этих костей, погребенный лежал на спине с поднятыми вверх коленями (табл. 3). Слева от скелета, около локтя, на каменной плитке среди ребер находились: медный нож (табл. 3, *2*) и 3 астрагала косули с отверстиями для подвешивания (табл. 3, *3–5*). В заполнении – обломок медной трубочки, возможно игольника (табл. 3, *1*).

Могила 4. Прямоугольный ящик из 11 вертикально поставленных плит. Южная стенка частично общая с могилой 3. Размеры ящика 150×90 см, высота 60 см. Ориентирован с ВСВ на ЗЮЗ. Покрытие нарушено, часть плит покрывала восточную половину ящика. Глубина могилы 75 см. Дно выложено плитками. Погребение потревожено, по всей видимости, еще в древности. Кости мужчины 40–60 лет находились в беспорядке, многие отсутствовали. Эпифизы большой берцовой кости, плечевой и ключицы имели отчетливые отпечатки клыков волка или собаки(?). Череп в сочленении с нижней челюстью находился в опрокинутом виде у южной стенки. В могиле найдено также насколько косточек новорожденного и ребенка 2 лет (табл. 3).

Могила 5. Прямоугольный ящик из вертикально поставленных плиток. Южная стенка не сохранилась. Дно выложено плитками. Размеры ящика 45×30 см. Ориентирован с СВ на ЮЗ. На дне обнаружен фрагмент черепа младенца.

Могила 6. За плитами северной стенки могилы 4 под грудой плит на глубине 40 см были найдены кости ребенка 4 лет в полном беспорядке и среди них большая берцовая кость новорожденного. Могила представляла собой разрушенный каменный ящик, от которого сохранились лишь плиты южной стенки. Размеры около 100×45 см, глубина 40 см (табл. 3).

Курган 2

Представлял собой квадратную ограду из вертикально поставленных плит. Ограда сохранилась лишь частично. Все плиты отклонены наружу. Внутри ограды, посередине, тесной группой беспорядочно расположено пять могил в виде ящиков, сложенных из каменных плит. Плиты покрытия ящиков смещены грабителями и разбросаны над могилами (табл. 4).

Могила 1. Раскопана школьниками в 1963 г. На поверхности были видны следы недавнего перекопа и плиты южной и восточной стенок ящика. Плиты северной и западной стенок отсутствовали. Могила была расчищена. Размеры ящика 145×75 см, высота 70 см, глубина могилы 85 см. Ориентировка запад-восток. От покрытия остались мелкие обломки плит. Под ними находились в полном беспорядке кости мужчины 18–20 лет, взрослой женщины и кости трех детей – двухлетнего и двух новорожденных (табл. 4). Из инвентаря сохранился целый орнаментированный сосуд (табл. 5) и два фрагмента другого сосуда.

Могила 2. Ящик из 4 плит, поставленных на ребро. Плита восточной стенки отсутствовала. Плиты продольных стенок массивные, до 10 см толщиною. На торце одной из них, южной, обнаружены остатки рисунков, выбитых точечной техникой. Размеры ящика 135×70 см, высота 65 см, глубина могилы 80 см. Покрытие разбито и отброшено к северной стенке ящика. Положение скелетов нарушено. На разной глубине обнаружены в беспорядке кости неполного скелета мужчины 40–60 лет; нижняя челюсть и некоторые кости другого скелета, тоже 40–60 лет; череп с нижней челюстью и несколько костей трехлетнего ребенка; бедренная и берцовые кости годовалого ребенка. Следовательно, всего в могиле было погребено не менее четырех человек: двое взрослых и два ребенка. Черепа мужчины и старшего ребенка лежали в сочленении с нижней челюстью (табл. 5), также в сочленении лежали кости ноги мужчины, сильно согнутой в колене (бедренная, коленная чашечка, берцовые). Среди костей в заполнении 2 фрагмента от одного сосуда (табл. 5).

Могила 3. Ящик из 6 вертикально поставленных плит. Размеры 115×80 см, высота 50 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие сохранилось в восточной части ящика. Глубина могилы 50 см. В заполнении были найдены кости неполного скелета мужчины 40–60 лет, причем 4 поясничных позвонка и 3 ребра находились в сочленении. Несколько мелких костей, по-видимому, женщины и незначительное число костей двух новорожденных были в полном беспорядке (табл. 5). Среди костей найдена небольшая продолговатая речная галька (табл. 5, *1*) и череп выдры. В юго-восточном углу ящика такая же галька (табл. 5, *2*) и плечевая кость журавля. Керамика представлена одним целым сосудом (табл. 5, *3*) двумя фрагментами (табл. 5, *4–5*).

Могила 4. Ящик из 7 вертикально поставленных плит. Восточная стенка общая с могилой 2. Размеры 75×35 см, высота 30 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие сохранилось в восточной части. Дно покрыто плитками. Отдельные кости мужчины (позвонки и ребра) сохранились в сочленении. В восточной части могилы найден орнаментированный сосуд (табл. 5), две бронзовые и две пастовые бусинки.

Могила 5. Плиты ящика не обнаружены, видимо, это грунтовая яма. Южной стороною могила примыкает к западному концу могилы 2. Ориентировка север-юг. Размеры приблизительно 135×55 см. От покрытия сохранилось насколько обломков плиток. Кости мужчины(?) старческого возраста находились в беспорядке, многих костей и черепа нет. В северном конце могилы в положении in situ найдены кости стопы, а посередине могилы в полном анатомическом порядке позвоночник, ключица, лопатка и часть ребер правой стороны грудной клетки.

Курган 3

Квадратная ограда, ориентированная по сторонам света, размером 12×11 м. Восточная стена несколько короче, около 10 м. По плитам, сохранившим неповрежденный верхний край, можно судить, что ограда была невысокой – 10–20 см. По углам в виде столбов поставлены более толстые и высокие плиты. Юго-восточный столб имел высоту 40 см над поверхностью и 50 см под землей. Северо-западный столб отсутствовал. Остальные были только видны на поверхности. Ограда сохранилась довольно хорошо. Недоставало лишь нескольких плит южной стены и северной части западной стены. Все плиты ограды отклонены наружу. Внутри ограды находилось 22 каменных ящика. В них погребено не менее 52 человек разного возраста. В расположении могил, в отличие от курганов 1 и 2, можно видеть некоторый порядок. Посередине расположено 6 могил в ряд по линии с юга на север (или наоборот?). Намечаются, как будто, еще два параллельных ряда. К востоку от центрального ряда – могилы *18*, *1*, *7*, *8*; к западу – могилы *16*, *6*, *20*, *21*, *12*. Большая часть могил ориентирована в направлении запад-восток, некоторые с незначительным отклонением в ту или иную сторону. Четыре могилы, все около восточной стены ограды, ориентированы по линии север-юг с некоторыми отклонениями. Погребения здесь совершались на протяжении долгого времени. На разрезе кургана хорошо видно, что, например, могилы 6, 12 и 21 сооружены с уровня древней поверхности. Могила 5 устроена несколько позже, а могилы 2, 3 и 4 добавлены, когда уровень поверхности кургана был близок к современному или даже несколько выше. Края ящиков могил 1, 2, 4 были видны на поверхности (табл. 6).

Могила 1. Прямоугольный ящик из 4 плит, поставленных на ребро. Размеры: 130×60 см, высота 55 см. Покрытие отсутствует. Верхние края плит выступали над поверхностью кургана. Ориентировка запад-восток. На глубине 20 см от поверхности, в верхнем ярусе заполнения могилы, находились несколько черепов и другие кости человека. Расчистку этой могилы вели особенно тщательно. Каждую кость нумеровали, и номер ее ставился на чертеже. По окончании раскопок кости были определены, распределены по скелетам, а затем по чертежам уточнялось, где и как лежали кости отдельных скелетов.

На дне могилы находились останки мужчины старческого возраста. В положении in situ сохранились позвоночник с ребрами с правой стороной грудной клетки, тазовый пояс, кости ног и кости рук ниже локтя. Погребенный лежал на спине с поднятыми вверх ногами, головой на запад. Справа, между его ногами и стенкой могилы, находились длинные кости ног скелета взрослой женщины (правая бедренная и большая берцовая). Ее лопатка и лучевая кость лежали на тазе нижнего скелета; две лучевые были найдены в верхнем ярусе могилы под черепами. Кости ног взрослого мужчины (2 бедренных и одна большая берцовая) находились слева между ногами нижнего скелета и стенкой могилы, причем правые бедренная и большая берцовая кости сохранились в сочленении. Вторая большая берцовая лежала между костями ног нижнего скелета. Возможно, что к этому же скелету относятся найденные наверху среди черепов крестец, тазовая кость, лопатка, локтевая и две ключицы. Над нижним скелетом найдены косточки новорожденного. В верхнем ярусе заполнения находилось 8 черепов и немного отдельных разрозненных костей (позвонки, ребра и разные мелкие). Последние, вероятно, принадлежали двум скелетам, кости которых положены рядом с нижним скелетом. Все черепа, кроме одного, без нижней челюсти: 6 женских, два мужских. Возрастной состав их таков: мужчина 40–60 лет, мужчина старческого возраста; три женщины 40–60 лет, одна 20–25 лет, одна старческого возраста, череп с нижней челюстью женщины(?) 40–60 лет. Возможно, что среди них были три черепа от скелетов, находившихся на дне могилы.

Таким образом, в могиле погребено не менее 9 человек: шесть женщин, двое мужчин и один младенец. В могиле найдены два фрагмента двух разных сосудов (табл. 7, *1*, *2*) и обломок ребра овцы.

Несмотря на всю тщательность работ при фиксации человеческих останков, последовательность их захоронения остается неясной. Несомненно, что последним был захоронен мужчина, скелет которого лежал на дне могилы. Он положен в могилу, когда трупы ранее погребенных мужчины и женщины уже полностью разложились (только кости правой ноги мужчины еще держались на связках). Остатки предшествовавших захоронений были частично сдвинуты к стенам, частично переложены поверх последнего умершего. Время захоронения младенца неясно. Неясно и захоронение черепов без нижней челюсти. Если они принадлежат еще более ранним погребениям, то куда делись их кости? Если одновременно с тремя нижними погребены головы умерших, то где их нижние челюсти? Если в могиле погребены не головы, а черепа, освобожденные от мягких тканей, то почему они отделены от нижних захоронений довольно толстым слоем земли? Также не ясно, была ли эта могила ограблена, и какие нарушения произведены в ней грабителями? Ясно лишь то, что в эту могилу хоронили несколько раз на протяжении довольно длительного времени (табл. 7).

Могила 2. Каменный ящик прямоугольной формы. Размеры 120×80 см, высота 55 см. Ориентировка запад-восток. Перекрытие отсутствовало. Края ящика выступали над поверхностью. Могила сильно потревожена. Кости двух взрослых и одного юноши находились в беспорядке. Многие кости отсутствовали. Черепов нет, есть только одна нижняя челюсть взрослого (табл. 7). В заполнении, среди костей человека, обломки бронзового височного кольца (табл. 7, *2*), продолговатая бусинка из камня (табл. 7, *1*) и позвонок молодого барана. Близко к поверхности в заполнении найдены два фрагмента татарских сосудов.

Могила 3. Два ящика. Ящик Б относится к погребению окуневской культуры, ящик А, впущенный в Б, принадлежит более позднему времени (табл. 7).

Ящик А из 7–6 вертикально поставленных плит. Восточная стенка общая с ящиком Б. Неправильно прямоугольной формы. Ориентировка восток-запад. Размеры: 100×50 см, высота 35–50 см. Могила нарушена. В центре могилы часть скелета: тазовые с правым бедром сохранили первоначальное положение, что указывает на положение скелета головой на восток.

Ящик Б. Прямоугольный из 7–8 плит, поставленных на ребро. Размеры 135×75 см, высота 50 см. Ориентировка восток-запад. Перекрытие разрушено, отдельные плитки лежали около северо-восточного угла ящика. Края ящика частично были видны на поверхности. Могила потревожена. Отдельные немногочисленные кости женщины(?) 40–60 лет, взрослого мужчины(?) и юноши находились в беспорядке, только кости правой руки с лопаткой, принадлежавшие женщине, лежали in situ вдоль южной стенки ящика.

Могила 4. Ящик из четырех толстых плит, поставленных на ребро. Размеры: 90×60 см, высота 50 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие отсутствовало. Северная плита ящика выступала над поверхностью кургана. Могила разрушена. Немногочисленные кости подростка 12 лет лежали в беспорядке. В юго-западном углу на дне находился череп молодой коровы. Среди костей найден астрагал овцы (табл. 7, *2*).

Могила 5. Ящик прямоугольный из четырех больших и двух добавочных маленьких плит, поставленных на ребро. Размеры: 150×75 см, высота 70 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие из двух больших плит толщиной до 14 см. Глубина могилы 90 см. Могила потревожена. Кости скелетов одного мужчины и двух женщин 40–60 лет. Среди них разрозненные кости трех детей – новорожденного, годовалого и двухлетнего. Всего 6 человек, из них только кости одного частично сохранились на месте в анатомическом порядке. Вдоль южной стенки лежала верхняя часть скелета женщины, начиная от тазовых костей. Положение – на спине, с раскинутыми по сторонам руками, головой на восток. У правой руки – стеатитовая рифленая подвеска (табл. 7, *11*). Под тазовыми костями медное шило (табл. 7, *5*). У запястий скопление мелких аргиллитовых бус (табл. 7, *7*). У правой руки между предплечьем и грудной клеткой – костяной игольник с костяной иглой (табл. 7, *2*); снизу от него – аргиллитовые бусинки, как бы нашитые на какую-то тесемку (в которую был продет игольник?) поперечными рядами по 7 бусинок в ряду (табл. 7, *4*). Всего в могиле собрано 105 мелких аргиллитовых бусинок и 7 более крупных, из других пород камня (табл. 7, *7*). Около северной стенки могилы на уровне кистей женского скелета – в анатомическом порядке кости двух стоп мужского(?) скелета. У южной стенки, на уровне предплечья женского скелета – кости стопы другой женщины(?). Погребенные были уложены в могилу по антитезе – мужчина и женщина лежали в ряд на спине, головой на запад, с поднятыми вверх коленями. Другая женщина посередине между ними – в том же положении, но в обратном направлении, головой на восток (табл. 7). В северо-восточном углу могилы стоял маленький горшок (табл. 7, *1*). В разных местах могилы находились бронзовый широкий нож без черенка (табл. 7, *3*) и 4 стеатитовые подвески (табл. 7, *9*, *11–13*).

Могила 6. Прямоугольный ящик из четырех вертикально поставленных плит. Размеры 80×45 см, высота 50 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие отсутствует. Глубина могилы 70 см. Могила потревожена. На дне – большая плита. На ней в анатомическом порядке бедро и голень левой ноги трехлетнего ребенка. Судя по ним, скелет лежал на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на запад. Если так, то лежавшие на плите тазовая кость, три поясничных позвонка в сочленении и 4 ребра, тоже в сочленении, сохранились на своих местах. Кроме того, в заполнении в разных местах, в беспорядке найдены кости годовалого ребенка и несколько костей взрослого (табл. 7).

Могила 7. Трапециевидный ящик из 6 плит, у западной стенки плита отсутствует. Размеры 130×70(55) см, высота 50 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие не сохранилось. Могила разграблена. На дне у восточной стенки находились в сочленении кости ступней взрослого мужчины(?). Судя по их положению, погребенный лежал на спине с поднятыми коленями, головой на запад. Остальные кости в беспорядке (табл. 7).

Могила 8. Прямоугольный ящик из 5 плит, плита восточной стенки отсутствовала. Размеры могилы: 155×55 см, высота 70 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие не сохранилось. Могила разграблена. На дне в беспорядке кости двух взрослых человек. Многих костей нет. В западной части могилы вертикально поставлена невысокая плитка.

Могила 9. Прямоугольной ящик из четырех вертикально поставленных плит. Восточная плита общая с могилой 8. Размеры 120×50 см, высота 45 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие не сохранилось, вокруг ящика лежали разбитые плитки.

Глубина могилы 50 см. В могиле в беспорядке разрозненные кости женского(?) скелета. В заполнении могилы найден череп лошади.

Могила 10. Прямоугольный ящик из 5 вертикально поставленных плит. Размеры 110×65 см, высота 50 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие из большой плиты толщиной 10 см и маленьких плиток. Могила разграблена. На дне и в заполнении кости пяти скелетов: двух мужчин – взрослого и старческого возраста, женщины 25–40 лет, подростка 12 лет и годовалого ребенка. Многие кости отсутствовали. У восточной стенки на дне сохранились in situ кости правой стопы взрослого, у северной стенки – кости предплечья и кисти правой руки подростка. По их положению можно предположить, что по крайней мере три человека: два взрослых и подросток лежали на спине, скорченно, головой на запад. Остальные кости находились в беспорядке на разной глубине (табл. 8). В центре могилы на глубине 25 см от поверхности найден костяной игольник (табл. 8, *2*). В юго-восточном углу ящика, между черепами, несколько бусинок и бронзовое шильце (табл. 8, *3*). Всего в могиле собраны 104 мелкие аргиллитовые бусинки и 2 крупные, из других пород камня. Около середины северной стенки на дне каменная (стеатитовая) головка женщины (табл. 8, *1*).

Могила 11. Прямоугольный ящик из четырех поставленных на ребро плит. Размеры 110×55 см, высота 50 см. Ориентировка восток-запад. В западной половине могилы плиты покрытия разбиты на мелкие части. В восточной части сохранилась на месте большая массивная плита. Глубина могилы 90 см. Могила разграблена. Отдельные кости взрослой женщины(?) в беспорядке в небольшом количестве.

Могила 12. Трапециевидный ящик из шести вертикально поставленных плит. Ориентировка восток-запад. Размеры 120×65(50) см, высота 50 см. Покрытие состоит из нескольких больших плит. Могила не потревожена. На дне в полном порядке находились два скелета. Вдоль южной стенки – плохо сохранившийся скелет женщины 40–60 лет, вдоль северной, частично поверх первого скелета – женщины 25–40 лет. Обе на спине головой на запад, с поднятыми коленями, которые затем упали к южной стенке (табл. 8). В головах первого скелета, в самом углу стоял небольшой горшок баночной формы (табл. 8, *1*). Другой такой же сосуд, но больших размеров, вероятно, относившийся ко второму скелету, лежал на груди у первого (табл. 8, 2).

Могила 13. Прямоугольный ящик из небольших плиток, поставленных вертикально. Размеры: 45×20 см, высота 25 см. Ориентировка север-юг. От покрытия остались разбитые плиты, лежавшие вокруг ящика. В заполнении могилы в беспорядке косточки новорожденного и среди них сильно окислившаяся бронзовая пластинка (возможно, нож) (табл. 8).

Могила 14. Прямоугольный ящик из четырех вертикально поставленных плит. Размеры 70×40 см, высота 30 см. Ориентировка восток-запад. Разбитые плиты покрытия провалились в могилу. Могила разрушена. Отдельные кости годовалого ребенка на дне в беспорядке (табл. 8).

Могила 15. Трапециевидный ящик из вертикально поставленных плит. По южной стороне и части восточной плиты отсутствовали. Размеры 145×90(75) см, высота 45 см. Ориентировка север-юг. Покрытие разрушено. В северной части могилы находилось значительное количество обломков разбитых плит. Могила разграблена. Большое количество костей не менее чем от 5 взрослых и одного ребенка 2 лет находились в беспорядке. Удалось выявить скелет женщины(?) 40–60 лет и скелет другой женщины 25–40 лет (табл. 8). Среди костей найдено 5 орнаментированных фрагментов сосудов (табл. 8, *1–2*).

Могила 16. Прямоугольный ящик из 4 плит, поставленных вертикально. Размеры 45×25 см, высота 25 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие из нескольких небольших плит. Могила потревожена, по всей видимости, в древности. На дне в беспорядке находились часть позвоночника, тазовые кости и бедро правой ноги ребенка одного года. Остальные кости разбросаны в разных частях могилы (табл. 8).

Могила 17. Трапециевидный ящик из четырех вертикально поставленных плит. Плита северо-западной стенки отсутствовала. Размеры 80×45(30) см, высота 40 см. Ориентировка СЗ–ЮВ. Покрытие из плит разбито. Могила потревожена. Кости не менее трех скелетов (один взрослый и два детских) находились в беспорядке. В центре могилы – костяная бусина. В юго-восточном конце могилы лежал орнаментированный сосуд баночной формы (табл. 8).

Могила 18. Ящик прямоугольной формы из четырех поставленных на ребро плит. Размеры 45×20 см, высота 30 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие нарушено. В могиле в беспорядке кости новорожденного.

Могила 19. Квадратный ящик из осколков вертикально поставленных плит. Размеры 60×60 см, высота 35 см. Ориентировка восток-запад. Плиты покрытия провалились внутрь ящика. Дно могилы выложено плитками. Остатков погребения не обнаружено.

Могила 20. Прямоугольный ящик из пяти вертикально поставленных плит. Размеры 80×40 см, высота 55 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие состояло из небольших плиток. Дно могилы выложено плитками. В заполнении и на дне разрозненные остатки скелетов двух новорожденных.

Могила 21. Прямоугольный ящик из 5 плит, поставленных вертикально. Размеры 80×40 см, высота 55 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие из двух плит толщиной до 10 см. Глубина могилы 90 см. Могила потревожена. Кости подростка 10 лет в беспорядке, многих костей не хватает. Среди костей подростка найдена метаподия ноги взрослого.

Могила 22. Прямоугольный ящик из четырех плит, поставленных вертикально. Три плиты сохра-

нились. Плита южной стенки отсутствовала. Размеры 95×60 см, высота 40 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие из двух плит. На дне скелет подростка на спине, головой на запад. Ноги сильно согнуты в коленях и упали вправо. У левого предплечья обнаружена костяная игла. Под голову погребенного положена небольшая плита.

Курган 4

Небольшое, по виду чисто земляное возвышение диаметром 11 м, высотой до 30 см. Первоначально на поверхности не было видно ни плит ограды, ни могил. После удаления насыпи и слоя погребенной почвы была выявлена и расчищена прямоугольная ограда из вертикально поставленных плит размерами 9×8 м, ориентированная по сторонам света. Параллельно восточной стене, в двух метрах к западу, прослеживалась вторая стена из вертикально поставленных плит. Назначение ее неясно. Можно предположить, что это остатки первоначальной восточной стены. Потом ограда была расширена: сооружена новая восточная стена, а также продлены южная и северная. Однако в этом нет полной уверенности. На середине этой стены лежит столбик или толстая узкая плита, на одной из сторон которой точечной техникой выбито изображение женщины в стиле, характерном для окуневской культуры. Это, вероятно, повалившаяся плита ограды. Верхние края у многих плит ограды сохранились неповрежденными, и можно видеть, что здесь, как и в кургане 3, ограда была невысокой, всего 20–25 см над древней поверхностью. Плита с изображением (толщина 10–12 см при ширине 20–23 см), по-видимому, не была вкопана в землю, а просто поставлена на ребро на ровную поверхность земли. В ограде помещалось 12 могил в виде ящиков, сооруженных из тонких плит красного девонского песчаника. Расположены они без видимого порядка, покрытия из плит того же песчаника во всех случаях нарушены. Плиты смещены, частью разбиты, многих недостает. Лишь в редких случаях некоторые более крупные плиты сохранились на своих первоначальных местах. При расчистке ограды и надмогильных сооружений в разных местах найдены разрозненные кости: нижняя челюсть человека, бедро, большая берцовая, таранная и обломок черепа лошади (табл. 9).

Могила 1. Трапециевидный ящик из четырех вертикально поставленных плит. Размеры 120×70(50) см, высота 50–60 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие из плит в западной части разобрано, плиты разбиты. Могила потревожена. Скелет женщины 40–60 лет, почти полный, но черепа нет. Кости верхней части скелета выше тазовых в беспорядке. В западной части могилы сохранились на своих местах в анатомическом порядке кости обеих ног – левая коленом вверх, правая – в сильно согнутом положении, упавшая или брошенная грабителями рядом. Обе тазовые кости лежат около своего первоначального места. Погребенная, видимо, лежала на спине, головой на восток, с поднятыми вверх коленями. Среди костей женщины найдено также несколько косточек новорожденного (табл. 10).

Могила 2. Ящик отсутствовал. Западной стенкой могилы служила плита внутренней ограды. Над погребенным лежала большая плита и несколько маленьких. Под плитой, на глубине 20 см от нее находился скелет ребенка 5 лет, на спине, головой на север. Кости ног смещены и частично отсутствуют. Контуры могильной ямы проследить не удалось (табл. 10).

Могила 3. Трапециевидный ящик из трех вертикально поставленных плит. Восточной стенкой служили плиты внутренней ограды. Размеры 60×50(40) см, высота 35 см. Глубина могилы 45 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие отсутствует. Могила разграблена. В заполнении найдены незначительное число костей скелета младенца одного года и метаподия большого пальца ноги и ребро взрослого человека. Кости взрослого в эту маленькую могилку попали, вероятно, случайно из какой-нибудь другой могилы. Среди костей человека найден обломок бедренной кости овцы. На дне могилы лежали плиты.

Могила 4. Трапециевидный ящик из четырех вертикально поставленных плит. Размеры 115×85(70) см, высота 59–60 см. Глубина могилы 100 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие из плит разрушено. Над северной частью могилы лежали отдельные небольшие плитки. Могила нарушена. На глубине 30–35 см от верха ящика лежали плиты, возможно, от покрытия. Под ними в заполнении и на дне, в беспорядке кости двух или трех взрослых, возможно, все женщины (один таз определенно женский) и обломки черепа и несколько костей новорожденного. Около восточной стенки ящика в двух местах (в северном углу и посередине) находились в сочленении кости двух стоп, возможно, двух человек. Судя по их положению, погребенные лежали на спине, с поднятыми вверх ногами, головой на запад. В юго-восточном углу ящика были найдены фрагменты орнаментированного сосуда (табл. 10).

Могила 5. Прямоугольный ящик из 6 поставленных на ребро плит. Размеры 115×50 см, высота 60 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие из одной толстой плиты, поверх которой лежало несколько малых обломков. Глубина могилы 100 см. На дне, выстланном тонкими плитами, в полном порядке скелет женщины 18–20 лет на спине, головой на запад, с поднятыми вверх коленями. Кости ног несколько наклонились к западной стенке. У правой височной кости бронзовое проволочное кольцо (табл. 10). На дне в разных местах кости новорожденного.

Могила 6. Подпрямоугольный ящик из 9 или 10 плит, поставленных на ребро. Размеры 145×70 см, высота 85 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие нарушено, много разбитых плит лежало вокруг

ящика. Глубина могилы 90 см. В северной стенке ящика пробит лаз в соседнюю могилу 7. На глубине 50–60 см обнаружены кости нескольких скелетов в полном беспорядке. Они заполнили всю могилу до дна. Здесь оказались три черепа с нижней челюстью, принадлежавшие двум мужчинам 40–60 лет и женщине 25–40 лет. Кроме того, отдельно три нижние челюсти, принадлежавшие мужчине 25–40 лет, женщине(?) 14–18 лет и женщине(?) старческого возраста. Три полных таза (два мужских и один женский) и три левых половинки таза (двух мужских и одного женского).

Среди костей находились 7 правых бедренных, 7 левых плечевых, 7 правых локтевых, и 7 правых лучевых. Отсюда следует, что в могиле погребено 6 взрослых человек (4 мужчины, 2 женщины) и один юношеского возраста (женщина?). Кроме того, в могиле найдены косточки годовалого ребенка.

На дне могилы перегородки из плиток высотой 10–15 см, разделяющие могилу на 4 отсека.

Могила 7. Ящик неправильной четырехугольной формы, пристроенный к предыдущей могиле. Южная стенка его общая с могилой 6. В ней пробито отверстие (грабительский ход). Северная стенка короче южной. Сооружен из 6 вертикально поставленных плит (не считая плит южной стенки). Размеры 150–110×60 см, высота 60 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие нарушено, сохранились отдельные разрозненные плитки. Глубина могилы 60 см. На глубине 40 см от верха ящика находилась толстая плита, занимавшая собой всю восточную половину могилы. Могила опустошена. В заполнении найдены лишь обломки черепа, несколько мелких костей взрослого человека, плечевая и большая берцовая ребенка (табл. 11).

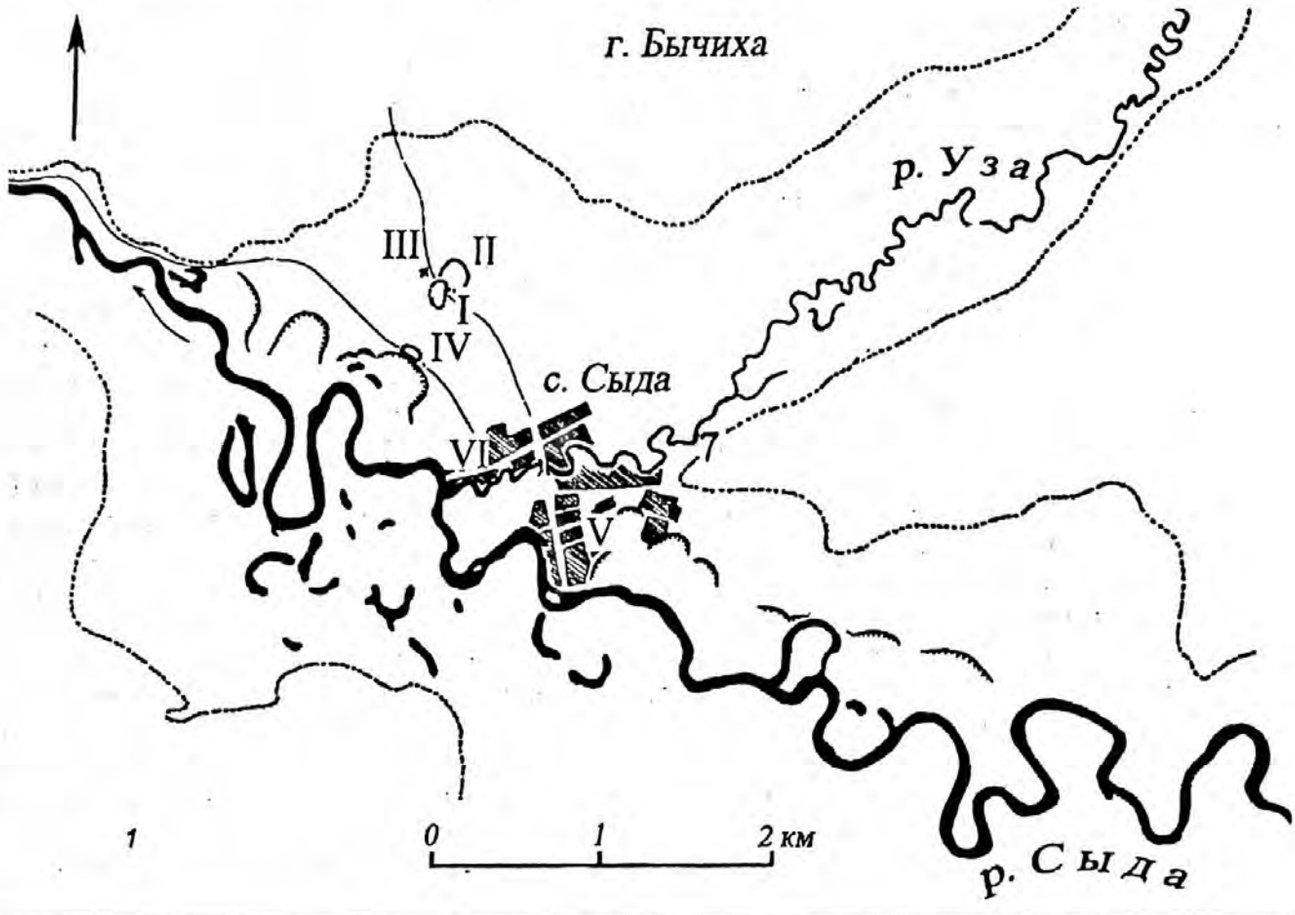
Могила 8. Прямоугольный ящик из вертикально поставленных плит. Размеры 140×60 см, высота 40 см. Глубина могилы 80 см. Ориентировка север-юг. Покрытие разрушено. Отдельные обломки плиты находились вокруг ящика. В заполнении на глубине 30–35 см от верха ящика находилось незначительное количество разрозненных, преимущественно мелких костей скелета взрослого мужчины (в том числе нижняя челюсть) и нижняя челюсть женщины(?). В южном конце ящика под костями лежали разбитые плиты.

Могила 9. Прямоугольный ящик из пяти вертикально поставленных плит. Размеры 65×50 см, высота 30 см. Глубина могилы 45 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие не сохранилось. В могиле обломки берцовой и плечевой кости взрослого человека очень плохой сохранности.

Могила 10. Трапециевидный ящик из 5 вертикально поставленных плит. Размеры 120×60(50) см, высота 45 см. Глубина могилы 70 см. Ориентировка ЗЮЗ–ВСВ. Покрытие из плит разрушено. Несколько плит в восточном конце прикрывали ящик, остальные разбросаны по сторонам ящика. В восточном конце ящика под плитой покрытия находились, сохраняя анатомический порядок, кости ног, таза, 5 поясничных позвонков и 7 ребер взрослого мужчины. Ноги сильно согнуты в коленях и подняты вверх. Погребенный лежал скорченно на спине, головой на ЗЮЗ. В разных местах могилы находились кости второго мужского скелета – правая бедренная кость была найдена слева под тазом первого скелета, локтевая и лопатка лежали справа в промежутке между первым скелетом и стенкой ящика. По-видимому, как и в могиле 1 кургана 3, при повторном погребении могилу расчищали, помещали в нее нового покойного, а кости первого погребенного смещали к стенкам ящика. В могиле погребены двое взрослых мужчин. Могила потревожена в древности, многих костей не хватает. Сохранились: череп с нижней челюстью и обломки другого, 3 ключицы, лопатка, плечевая, 3 локтевых, 3 лучевых, 4 бедренных, 3 больших берцовых, 2 малых берцовых и другие кости. В заполнении найдено несколько фрагментов одного баночного орнаментированного сосуда (табл. 11).

Могила 11. Прямоугольный ящик из 4 вертикально поставленных плит (табл. 11). Размеры 40×30 см, высота 15 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие состояло из тонких разрозненных плиток. В заполнении лежали отдельные плитки. Остатков костей не обнаружено.

Могила 12. Прямоугольный ящик из 5 вертикально поставленных плит. Размеры 65×40 см, высота 30 см. Ориентировка восток-запад. Покрытие из тонких плиток. В могиле в беспорядке кости новорожденного. Кроме того – пястная кость и обломок ключицы взрослого человека, которые попали в детскую могилу, очевидно, из другого погребения. Посередине могилы крупный баночный сосуд, вероятно, переброшенный грабителями, и фрагмент другого сосуда (табл. 11).

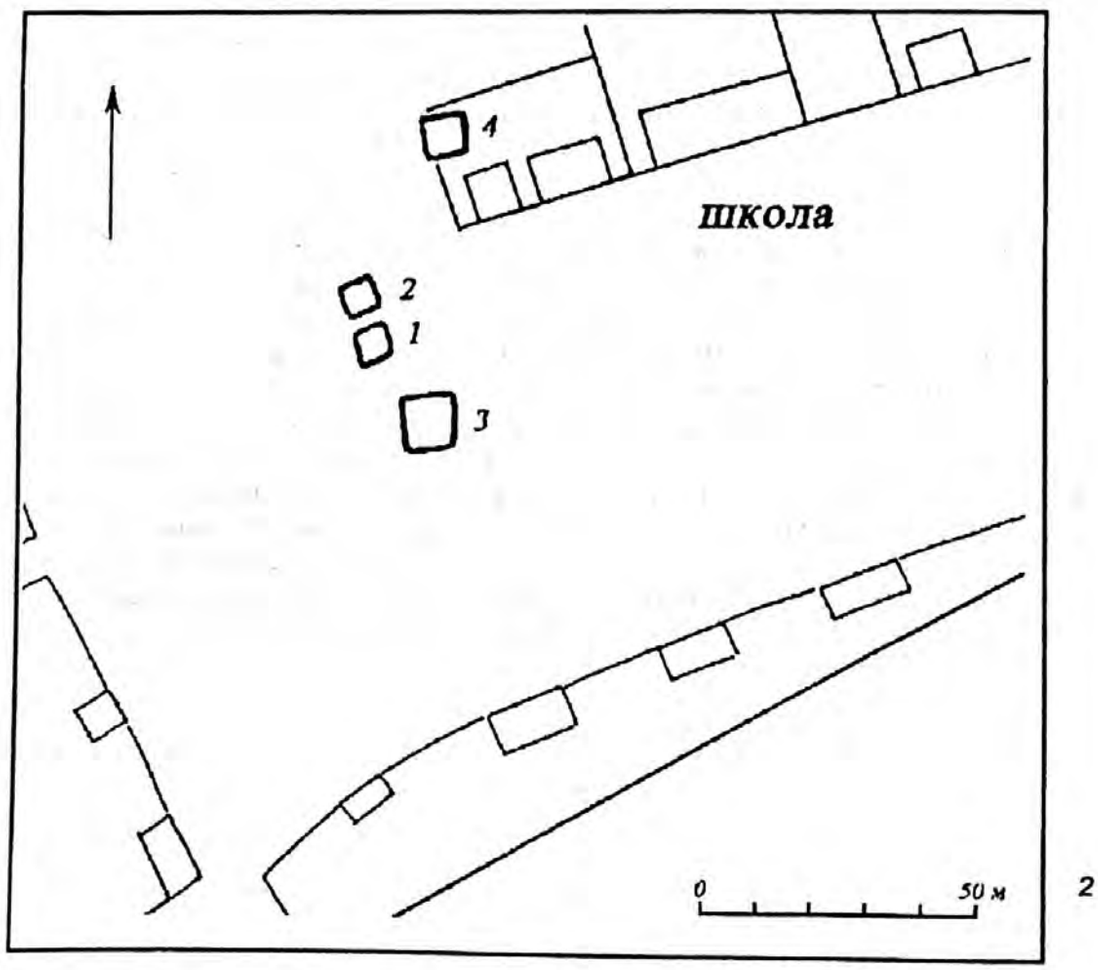

Табл. 1 Могильник Сыда V: *1* – местонахождение могильника, 2 – план

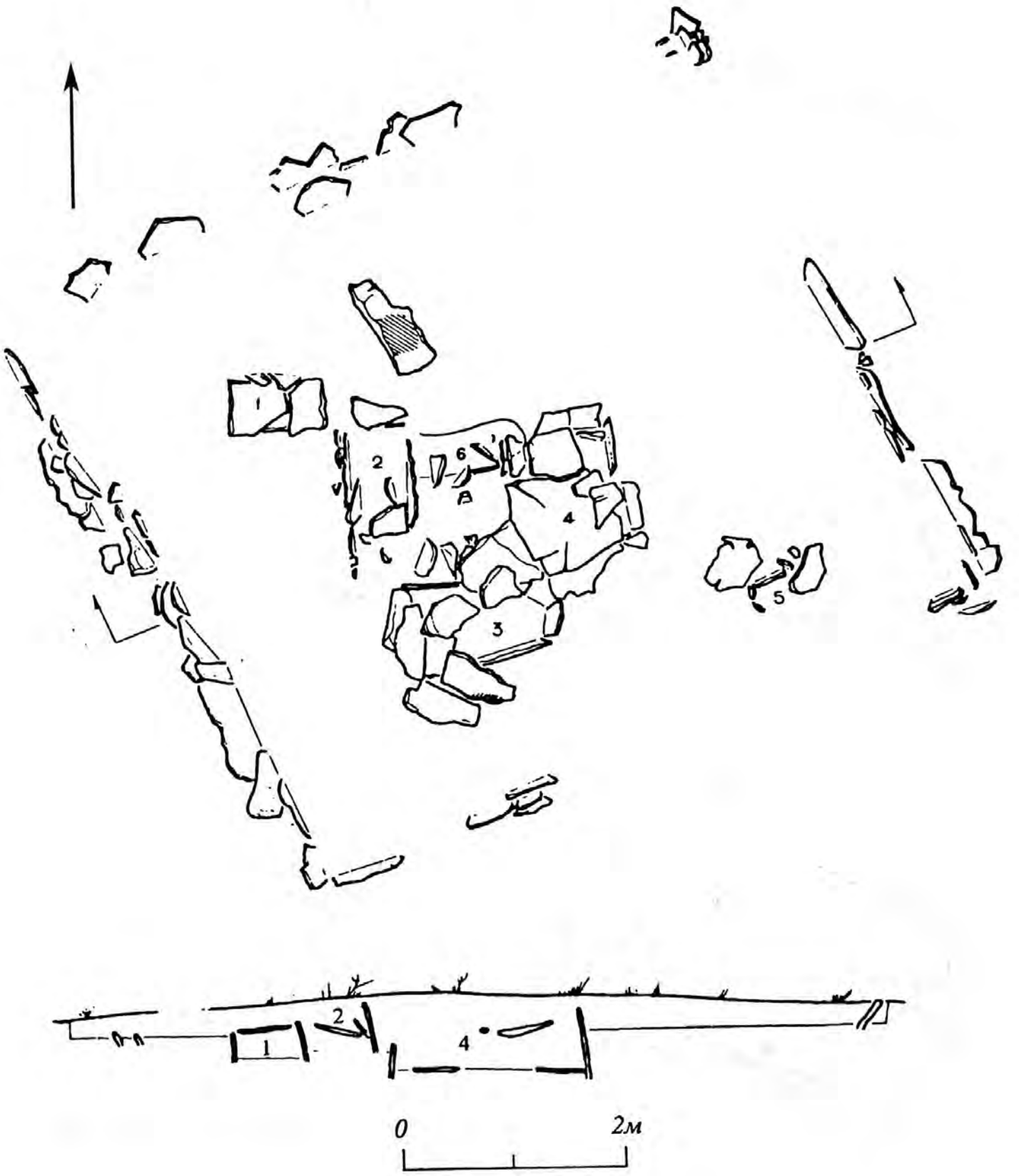
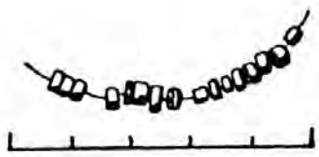
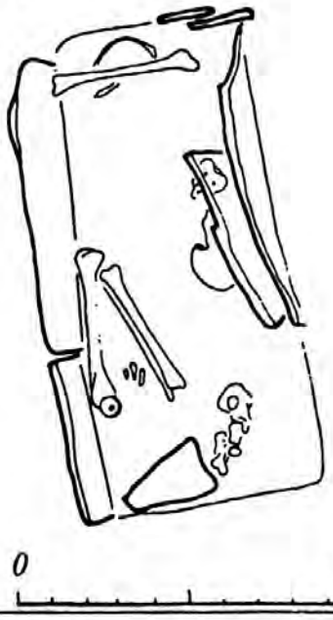

Табл. 2 Сыда V, курган 1. План, разрез

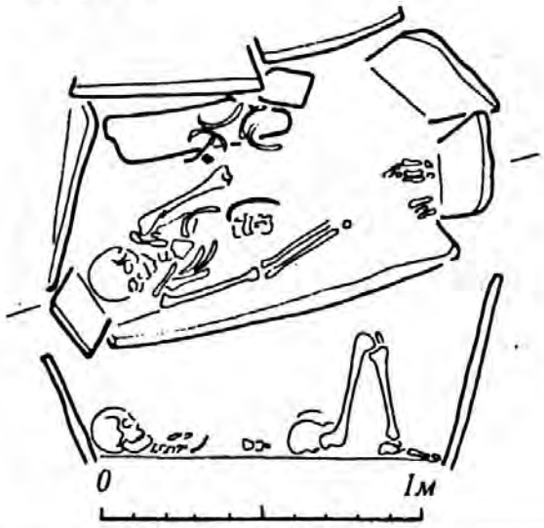
к.1, м.1

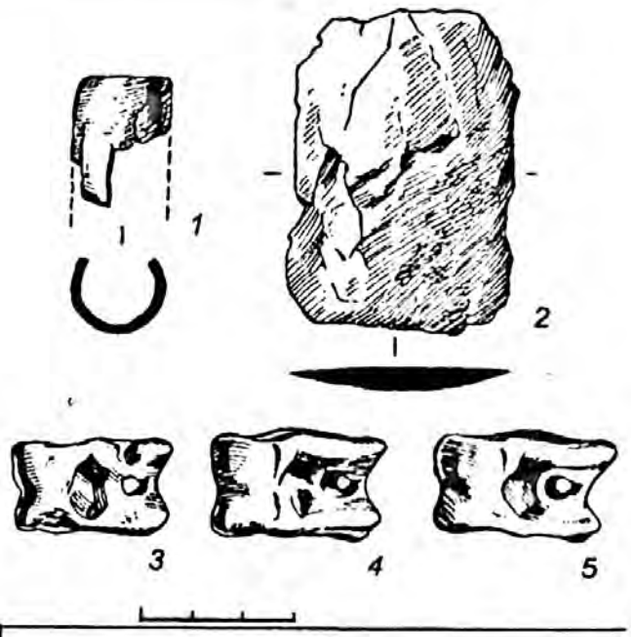

к.1, м.2

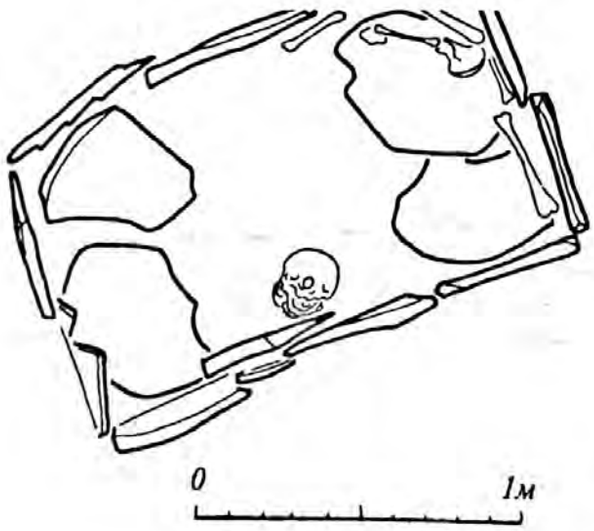

к.1, м.3

к.1, м.4

к.1, м.6

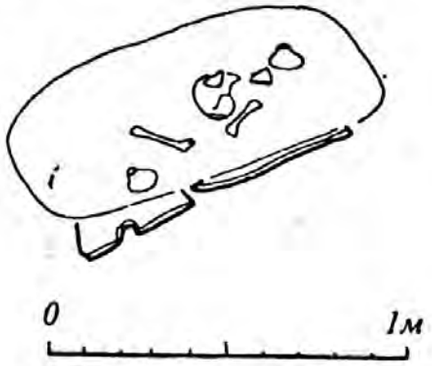

Табл. 3 Сыда V, курган 1. Могилы *1–4, 6*

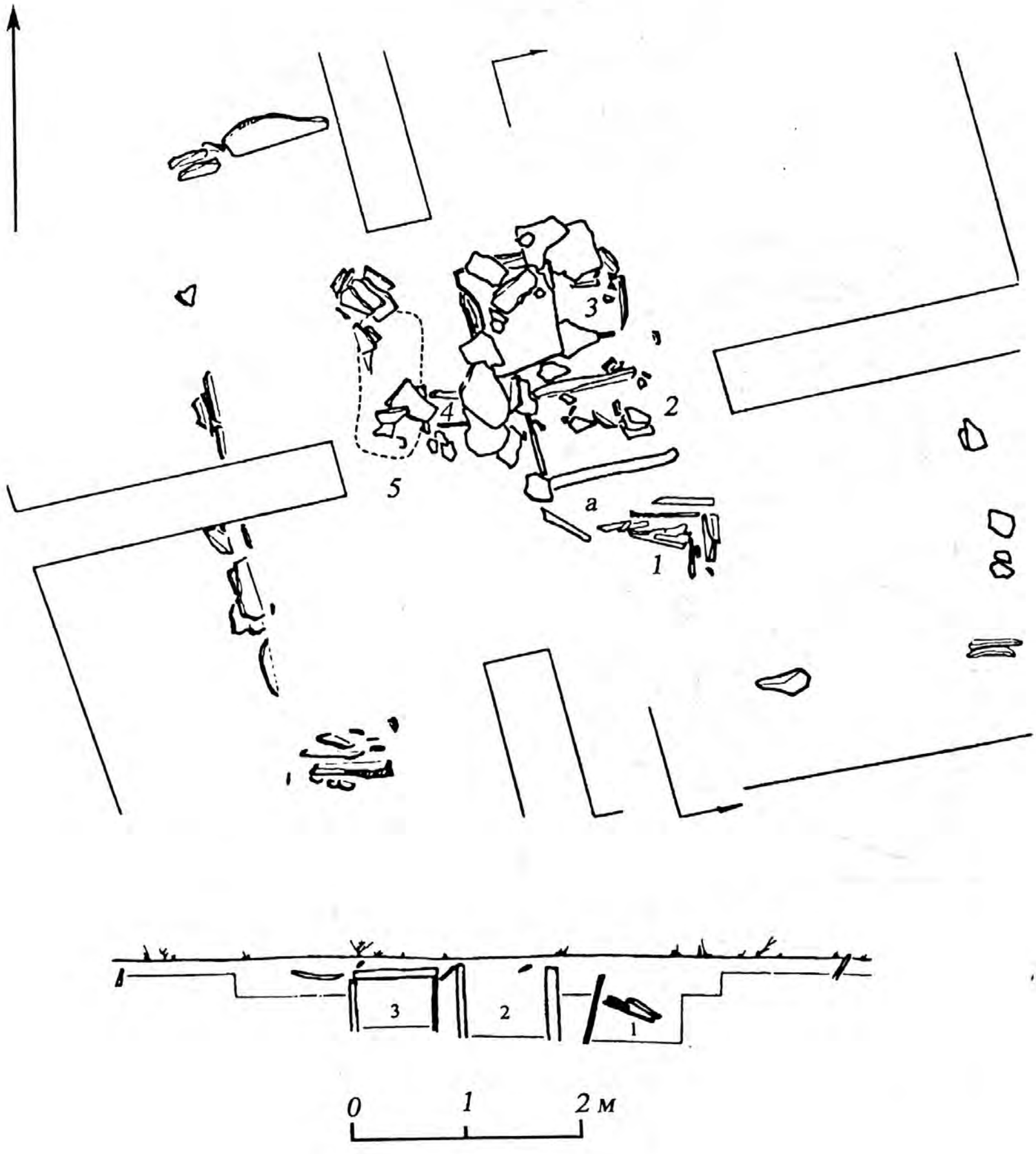
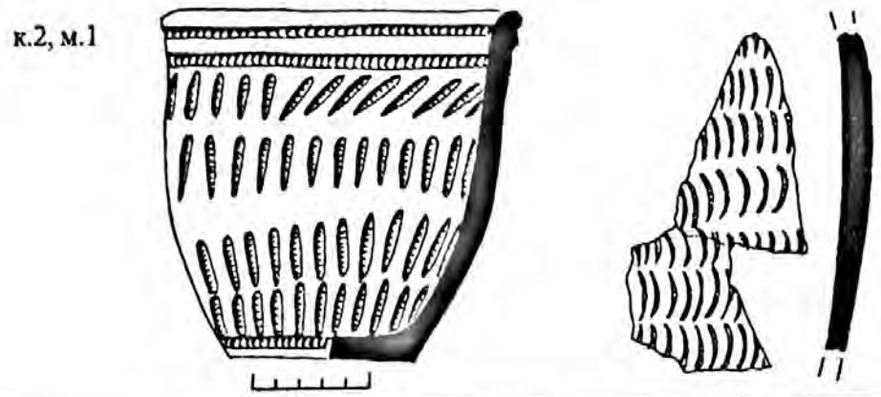
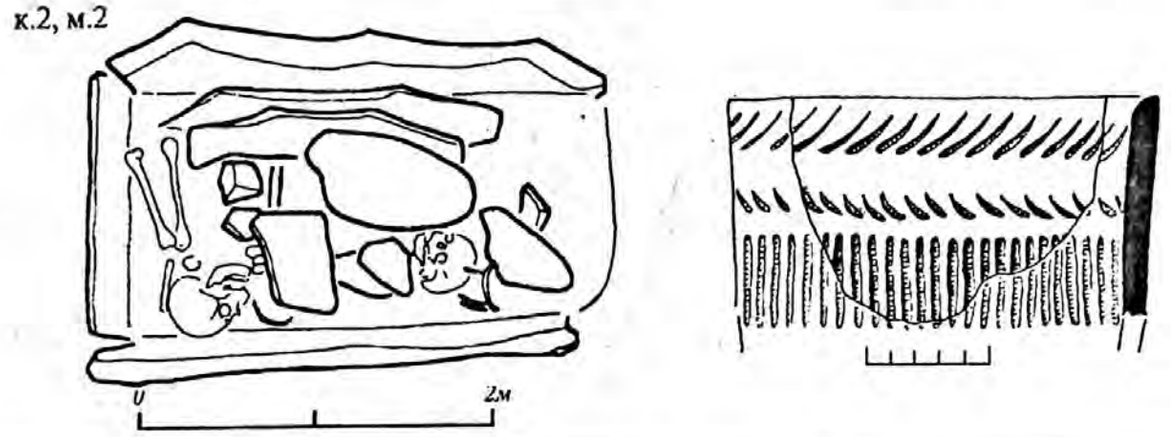
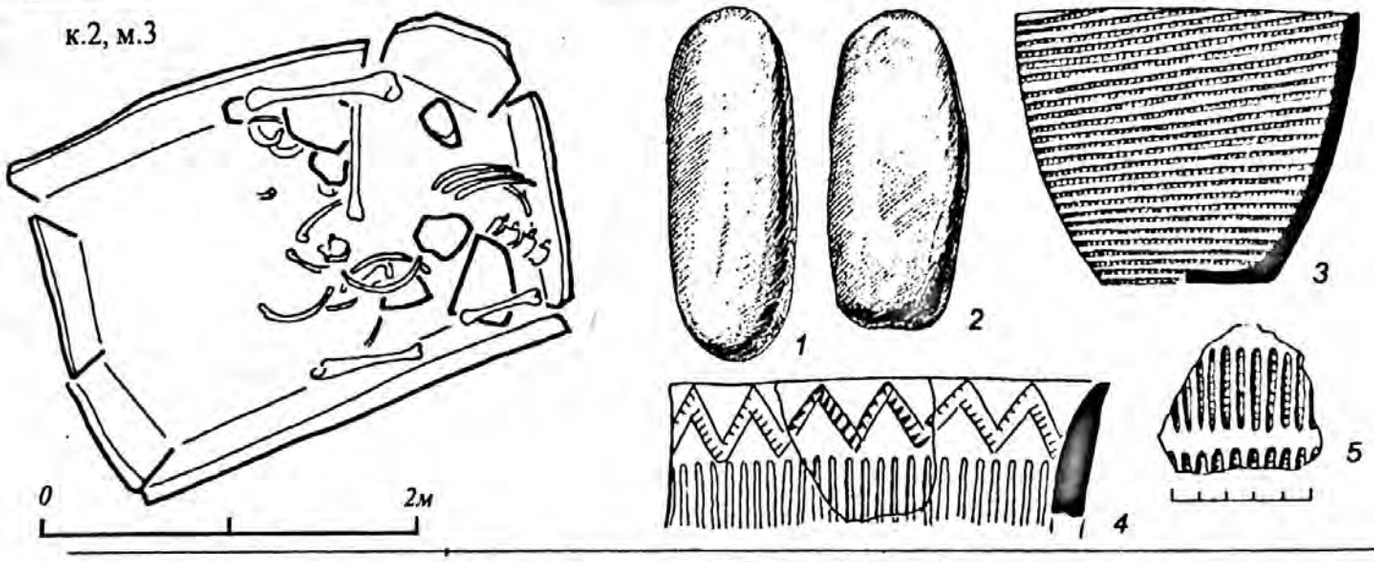

Табл. 4 Сыда V, курган 2. План, разрез

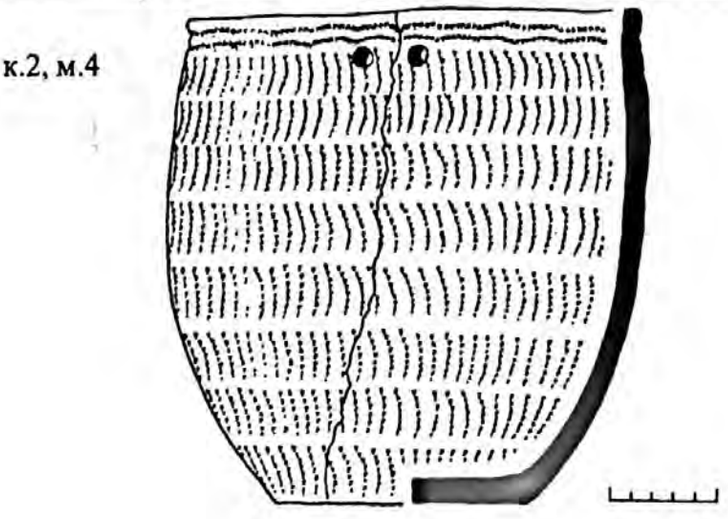

Табл. 5 Сыда V, курган 2. Могилы *1–4*

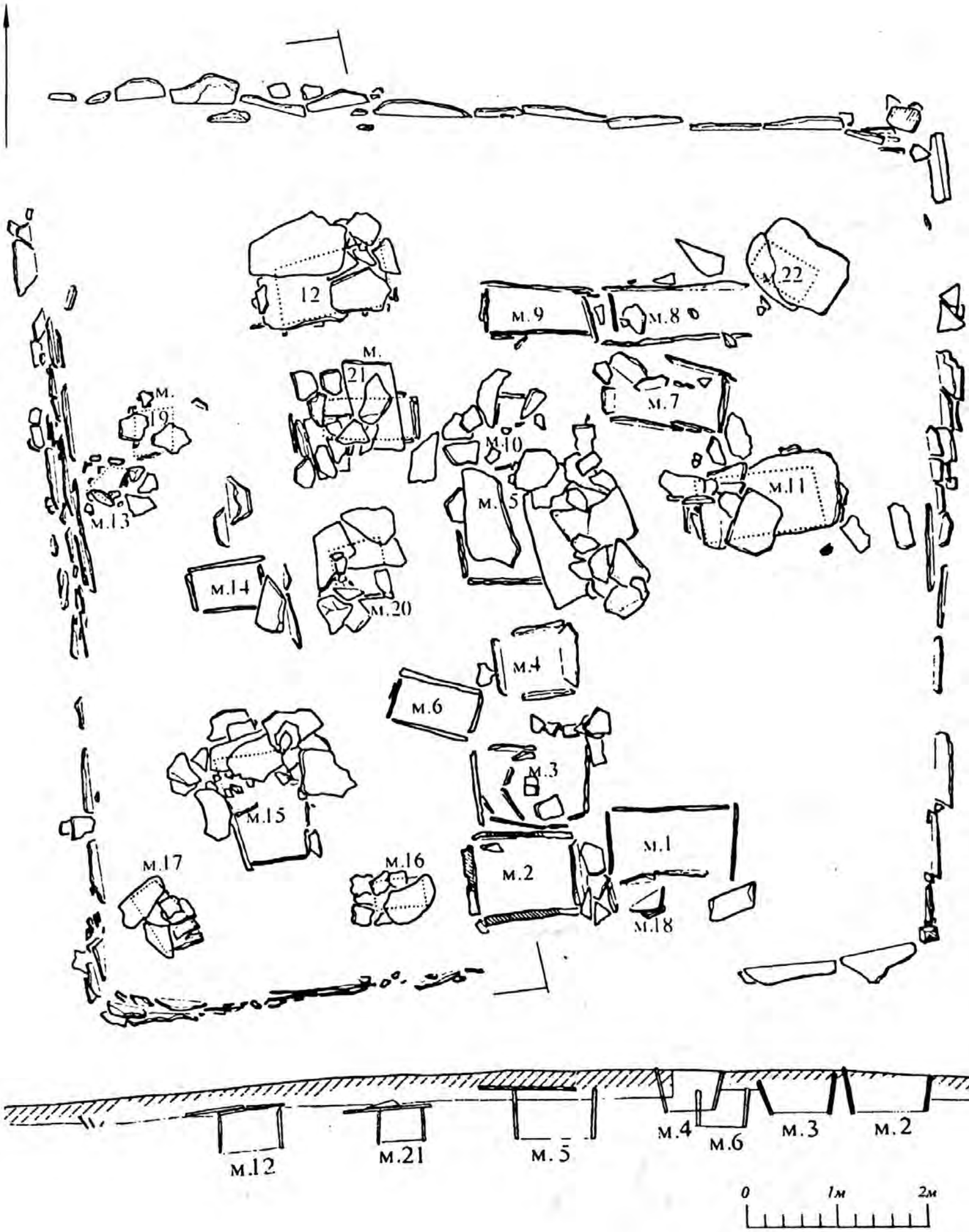

Табл. 6 Сыда V, курган 3. План, разрез

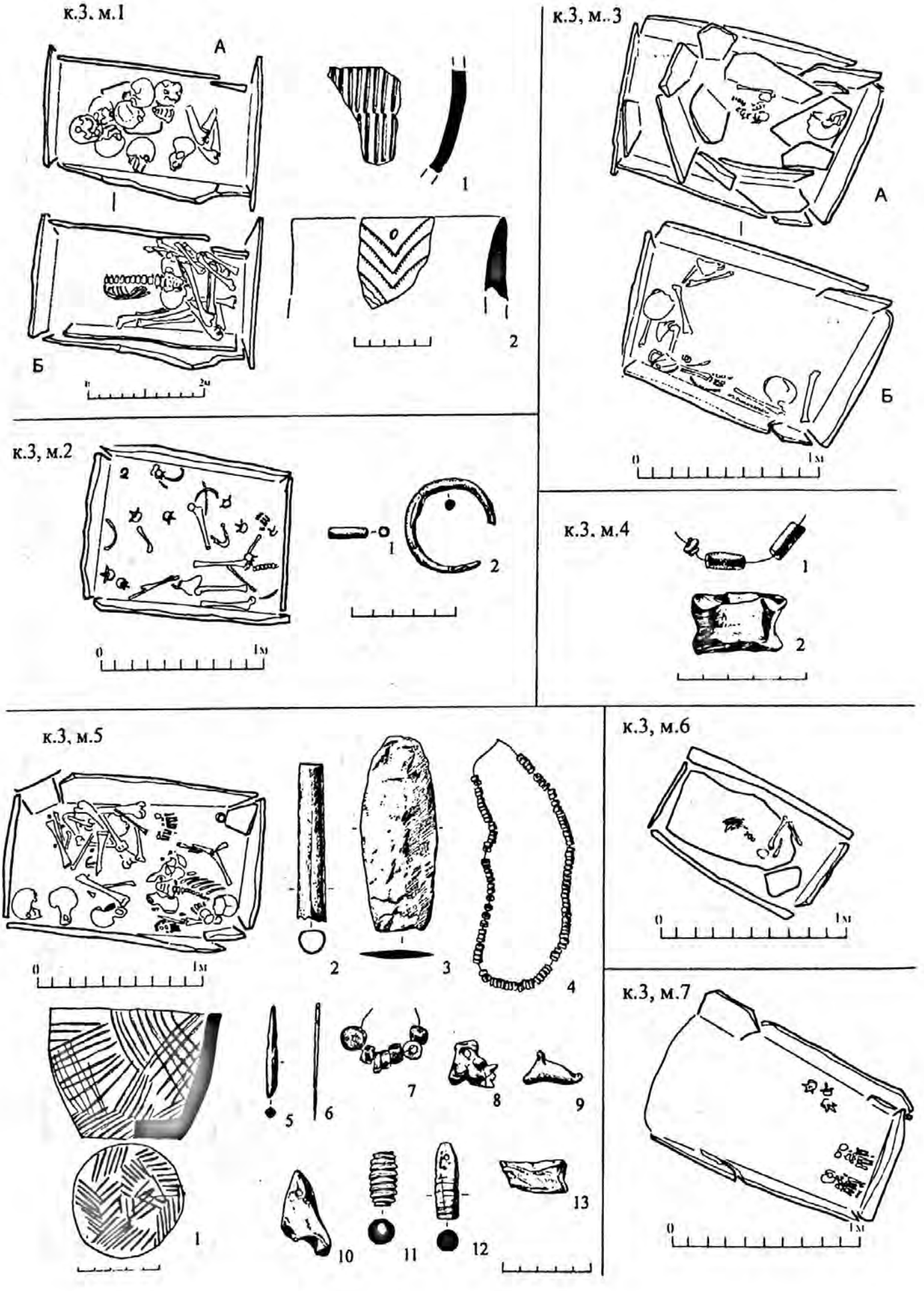

Табл. 7 Сыда V, курган 3. Могилы *1–7*

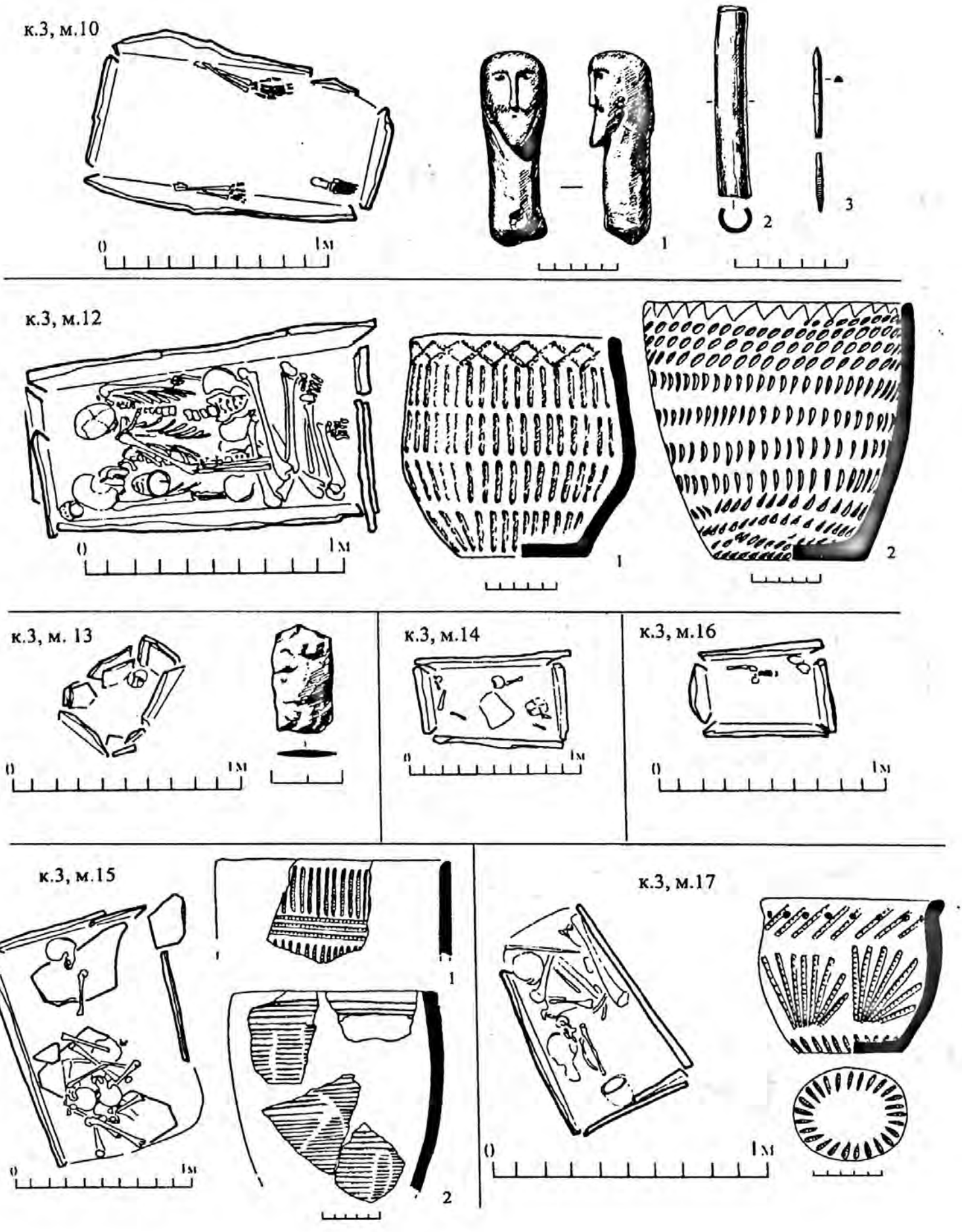

Табл. 8 Сыда V, курган 3. Могилы *10, 12–17*

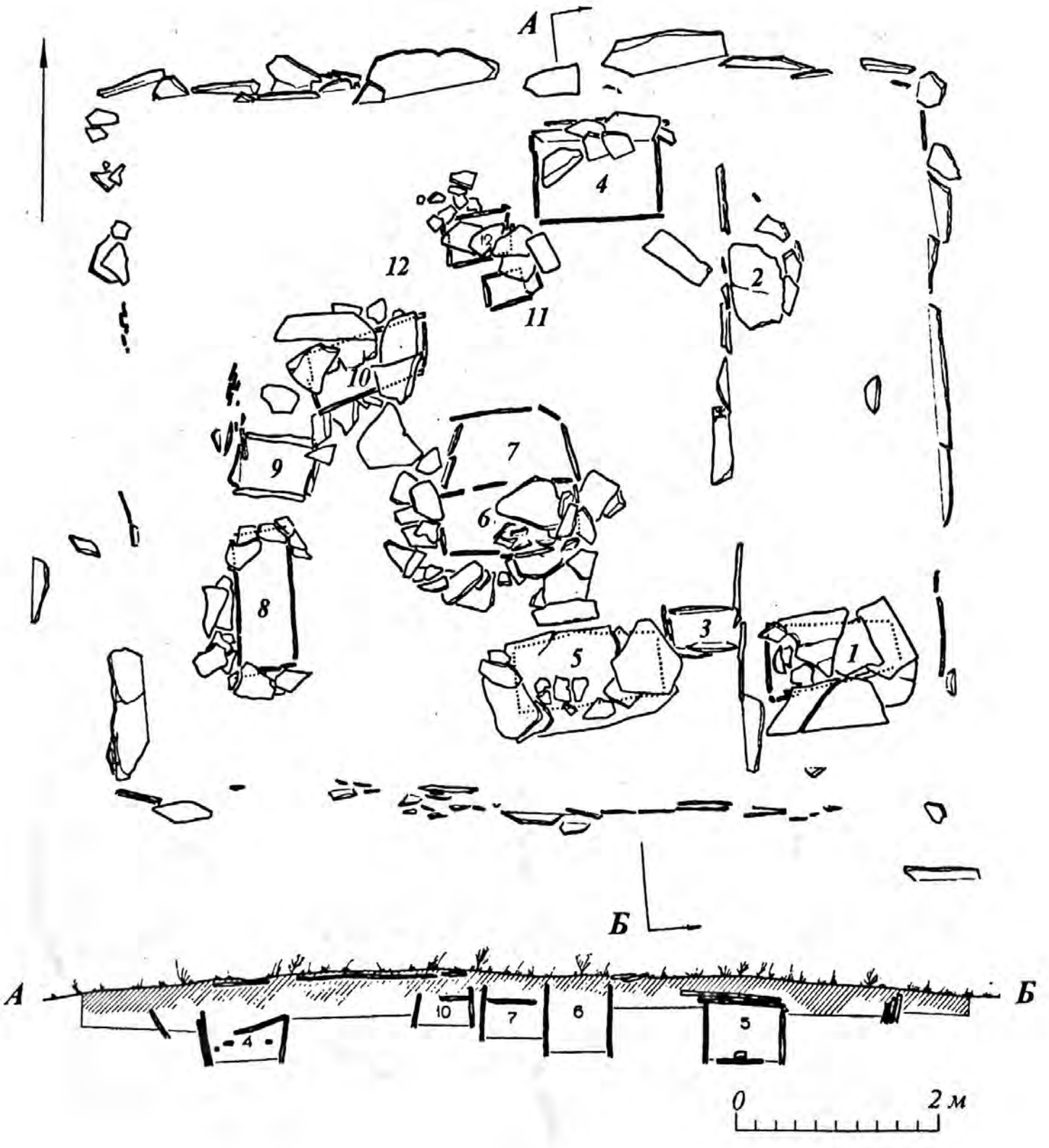
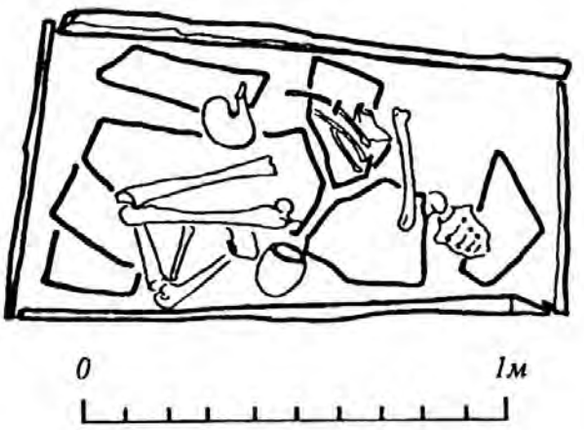
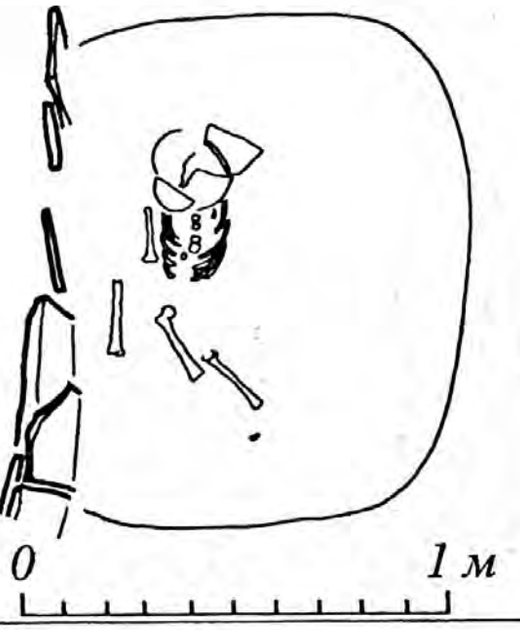

Табл. 9 Сыда V, курган 4. План, разрез

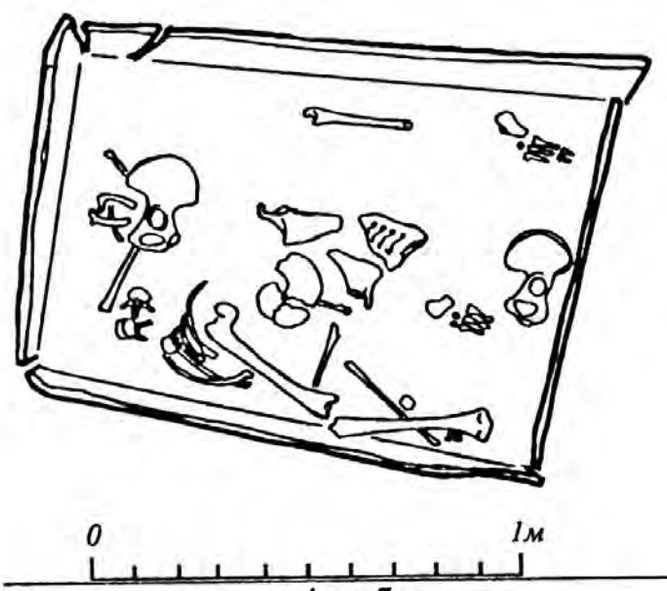
к.4, м.1

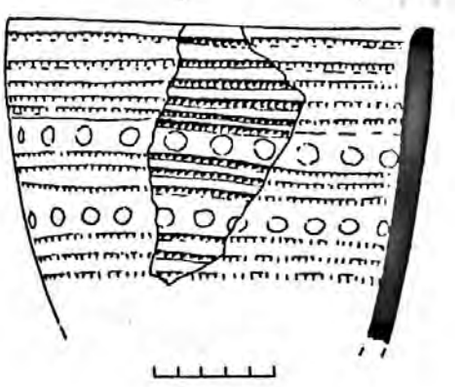

к.4, м.2

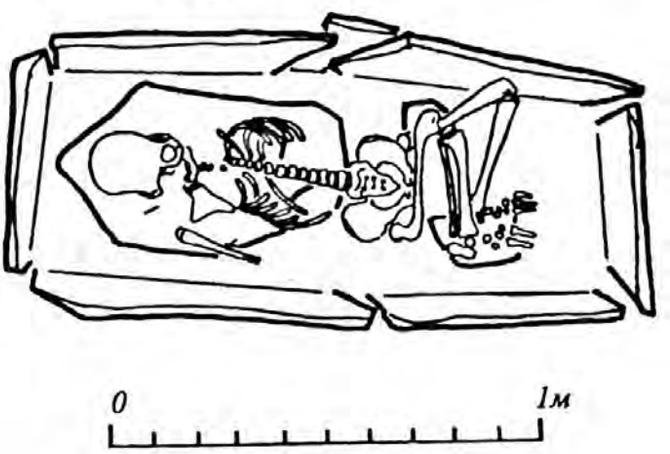

к.4, м.4

к.4, м.5

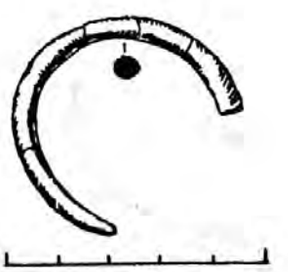

Табл. 10 Сыда V, курган 4. Могилы *1–2, 4–5*

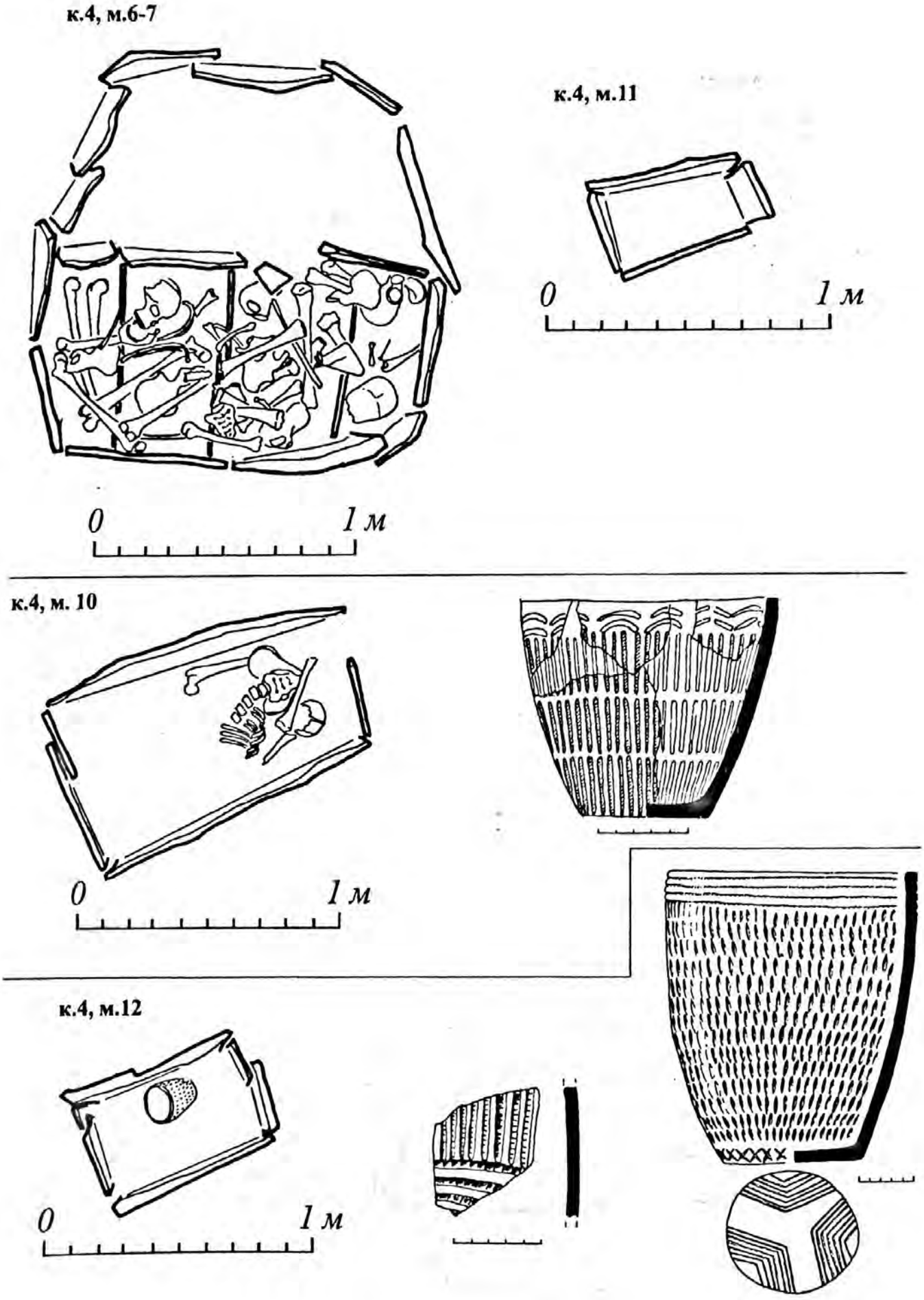

Табл. 11 Сыда V, курган 4. Могилы *6–7, 10–12*

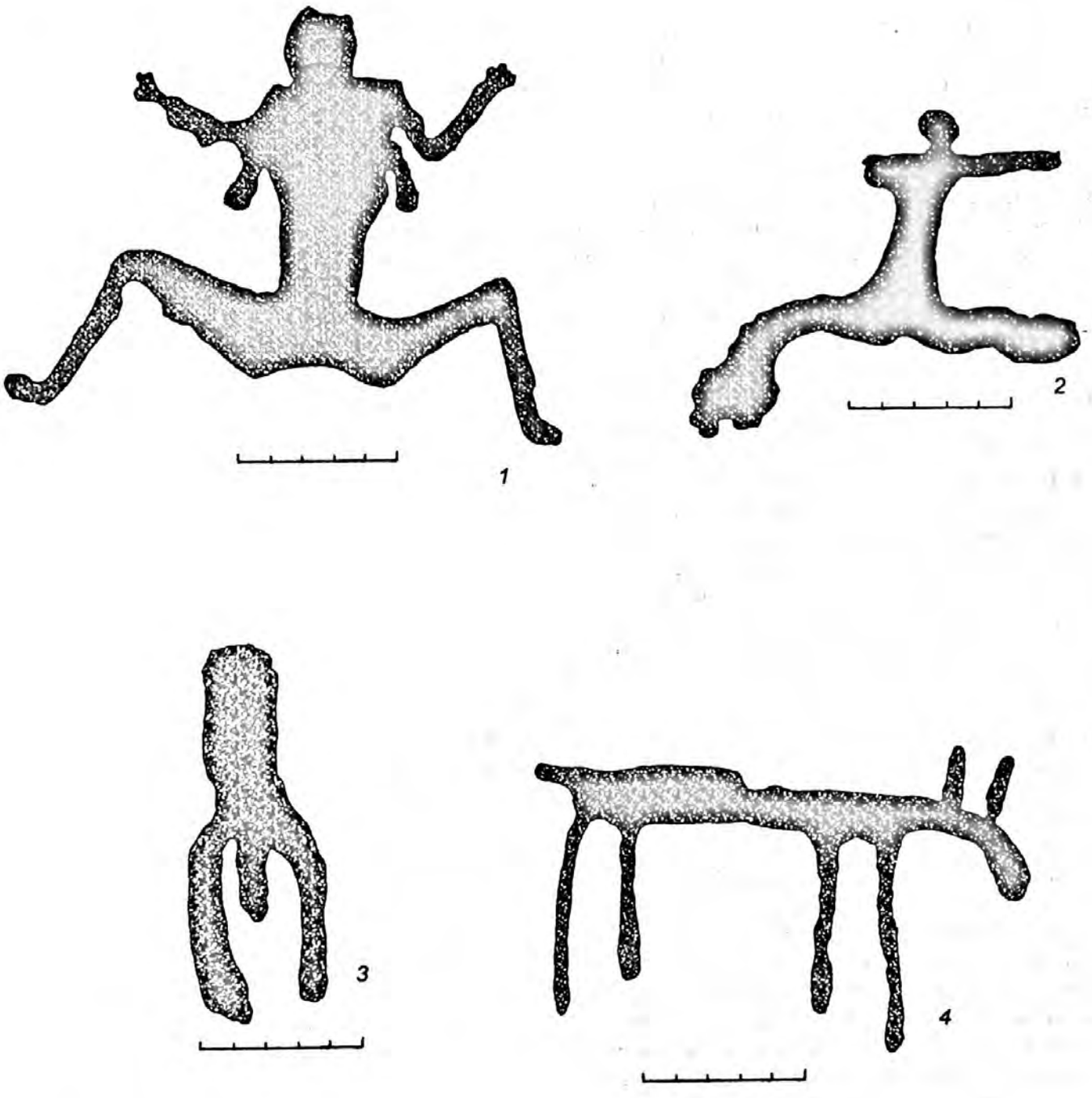

Табл. 12 Сыда V, рисунки на плитах

Комментарий к статье М.П. Грязнова и М.Н. Комаровой «Сыда V – могильник окуневской культуры»

Могильник Сыда V – памятник классического этапа окуневской культуры, известного по могильнику Черновая VIII (Максименков, 1980). Для этого этапа характерна конструкция могил в виде каменных ящиков, впущенных в материк или в насыпь. В четырех курганах могильника Сыда V, в 45 могилах было погребено не менее 106 человек.

Эти четыре кургана близки по размерам и конструкции. Размеры курганов 1 и 2 – 6×6 м. Количество могил соответственно 6 и 5. Курган 1 имел невысокую насыпь, которая расплылась и со временем перекрыла ограду. Над оградой кургана 2 насыпи практически не было (не сохранилась?). Курганы 1, 2 и 4 относятся к типу IV-а, так как могилы в них ориентированы в разных направлениях, как на запад (большинство), так и на север, параллельно западной стене ограды, хотя надо отметить, что западная ориентировка на данном могильнике решительно преобладает.*

В связи с обрядом скорченных погребений установился стандартный размер могил для взрослых покойников – длиной 130–150 см. Характерно многократное использование могил для новых захоронений. В одном ящике размерами 130×70 см и высотой 60 см хоронили до 8–9 человек. Возможно, что в ряде случаев происходило перезахоронение отдельных костей скелетов. В могильнике Сыда V в одной могиле захоронены: 1–2 человека (30 случаев), от 3 до 6 человек (11 случаев), 8–9 человек (2 случая). Один ящик был разделен тремя вертикальными плитами на 4 отсека (к. 4, м. 6–7). И только одно детское захоронение (к. 4, м. 2) было совершено в грунтовой яме вплотную к дополнительной стенке ограды.

Курган 3 – самый большой и насыщенный в этой курганной группе. Относится к типу IV-б, ориентирован стенами по сторонам света, в углах – массивные угловые камни. В планировке можно выявить 6 рядов могил, параллельных западной стене ограды. Крайний западный ряд представлен детскими могилами (17, 13, 19). Второй ряд – двумя могилами (14 и 15), ориентированными соответственно на запад и северо-запад. Третий ряд – 5 могил (16, 6, 20, 21, 12), которые ориентированы строго на запад. Интересно, что согласно наблюдениям М.П. Грязнова и представленному стратиграфическому разрезу первым заполнялся третий ряд, а следующий центральный ряд могил (2, 3, 4, 5, 10, 9) впускался уже в насыпь на более высоких уровнях. Пятый ряд могил (1, 11, 7, 8, 22) ориентирован почти строго на запад. В этом кургане представлены дополнительные детали погребений типа II-г и II-д: трапециевидная форма (могилы 7, 10, 12, 13, 15, 17); вымостка дна плитами песчаника (могилы 6, 15, 19, 20, 22); «подушка» под головой погребенного (могила 15); вертикальная плитка в головной части ящика (м. 8, м. 22). Можно предположить, что курган 3 был сооружен несколько позднее остальных, хотя и в небольшом хронологическом диапазоне.

Керамика всех курганов относится к третьей хронологической группе, которая маркирует данный тип курганов.

Существует мнение, что в окуневских могилах не бывает костей домашних животных, но материалы могильника Сыда V опровергают его. В могиле 2 кургана 3 был найден позвонок молодого барана, в могиле 4 – череп молодой коровы и астрагал овцы, в могиле 9 – череп лошади. В кургане 4 при расчистке ограды также был найден череп лошади, а в могиле 3 среди костей младенца – обломок бедренной кости овцы.

В материалах отчета имеются оригинальные копии петроглифов на плитах могильника Сыда V (табл. 12). В тексте М.П. Грязнова есть указание, что в к. 2, м. 2 на торце южной плиты были обнаружены остатки рисунков, выбитых точечной техникой. М.П. Грязнов считал, что они создавались, когда торец этой плиты был частью скальной поверхности.

Однако можно предположить, что массивные торцы плит, возвышаясь над поверхностью кургана, использовались для нанесения рисунков в более позднее время. Во всяком случае, изображение стоящего животного (табл. 12, *4*) вызывает ассоциации с «карасукскими лошадками», а антропоморфные фигурки (табл. 12, *2*, *3*) – с рисунками на плитах тагарских курганов. Не исключено, что эти изображения не имеют непосредственного отношения к окуневскому комплексу.

Женская фигура (табл. 12, *1*) «в позе роженицы» соотносится с целой серией аналогичных риунков безусловно окуневского происхождения. Сама плита, изображение на ней и декор в нижней части плиты (они опубликованы полностью – Leont'ev, Kapel'ko, 2002, Abb. 11, *4*) являют собой единую композицию. По всей видимости, это изображение было семантически отмечено, так как находилось в необычной ситуации: в середине дополнительной восточной стены кургана 4. По наблюдению М.П. Грязнова, эта плита не была вкопана в землю, а просто поставлена на ребро на ровную поверхность земли.

* Здесь и далее обозначение типов даны в соответствии с предлагаемой типологией погребальных сооружений окуневской культуры (см. статью Л.А. Соколовой в настоящем сборнике).

Л.А. Соколова

А.Н. Липский, Э.Б. Вадецкая

Афанасьевские и окуневские погребения в могильнике Бельтыры

В 1951–1954 гг. А.Н. Липский проводил раскопки разновременных могильников около с. Бельтыры. Один из них был расположен в 3 км к ССЗ от села на левом берегу р. Абакан, у борта конуса выноса из лога Чагыз-той (табл. I, *1*). Могильник состоял из 16 видимых на поверхности плоских выкладок булыжника (диаметром 2–4, 6–8, 10–12 м), как индивидуальных, так и с пристройками. Выкладки тянулись цепочкой от долины реки на ССЗ к подошве плато. Первые две, в середине цепочки (№№ 5, 6) были раскопаны в 1951 г.; одна около них (№ 3) в 1952 г.; четыре выше них (№№ 7–10) в 1953 г. Работы завершились в 1954 г. раскопками пяти выкладок (№№ 11–15) в верхней части могильника и двух (№№ 1, 2) – в нижней. Под 11-ю выкладками были обнаружены могилы, 9 из которых можно датировать афанасьевско-окуневским временем.

Несмотря на то, что почти все могилы были нарушены грабителями, могильник Бельтыры давно вызывает особый интерес своими особенностями, не характерными для афанасьевской культуры, а также наличием в нем окуневских захоронений. Еще при раскопках А.Н. Липский отметил монголоидную примесь у двух черепов (мужского и женского), что в дальнейшем подтвердил В.П. Алексеев, принимавший участие в раскопках в 1952 и 1954 гг. и опубликовавший сведения о 9-ти черепах из этого могильника (Алексеев, 1961, с. 138–139, рис. 3–4, табл. 14). Некоторые из окуневских материалов могильника, интерпретированных первоначально как афанасьевские, породили дискуссию о возможной генетической связи афанасьевской и карасукской культур (Липский, 1963, с. 57–81). Однако сами афанасьевские погребения остались непонятыми в силу примененной методики раскопок. Дело в том, что видимые на поверхности выкладки или, как их называет в своем отчете А.Н. Липский, "лепешкообразные кладки", образовались из оград и развалившихся каменно-земляных надмогильных сооружений. Очевидно, все пространство внутри оград было заложено плитами как куполом. Об этом свидетельствуют наблюдения самого Липского, который отмечает внутри оград панцирное налегание плит друг на друга (№№ 5, 10), ширину оград до 2–3 м (№№ 8, 11) и, напротив, не отмечает какого-либо не заполненного плитами пространства между оградой и надмогильным сооружением. Подобные куполообразные конструкции известны на афанасьевском могильнике Красный Яр (Вадецкая, 1981, с. 51–52, рис. 11).

Бельтырские ограды были двух видов. Преобладали ограды из вкопанных на ребро плит песчаника. Меньшее число оград было сложено из нескольких рядов булыжника; они развалились особенно сильно. Методику раскопок определили ограды из вертикальных плит, хотя полностью сохранилось лишь несколько из них, от большинства осталось от 5 до 11 плит. Внутри этих оградок все камни и земля снимались до основания вкопанных в материк плит. Получались круглые котлованы, выкопанные ниже уровня древней поверхности, внутренние стенки которых были облицованы плитами высотой от 40 до 70 см. Если тризны или захоронения совершались в древней почве, то на дне этих котлованов от них сохранялись лишь следы прокала земли или обломки немногих костей (полусгнивших либо полусгоревших) и вместе с ними зола и угли. Время сооружения таких выкладок (ограды №№ 1, 7, 9, 12) неизвестно, поскольку керамики в них не найдено. Если же на дне котлованов оказывались ямы, то их глубина определялась не от древней поверхности, а от верха сохранившейся ограды. В оградках из вертикальных плит измерялась их высота, к которой прибавлялась глубина ямы. При плоских оградках отсчет велся, видимо, от основания нижнего ряда сохранившейся камней. В результате в первом случае реальная глубина ям была завышена (до 150–180 см), а во втором занижена (до 1 м). Но главная ошибка заключалась в искусственной реконструкции котлованов, внутри которых якобы либо выкапывали яму, либо просто на глубине 50–70 см укладывали покойников (Липский, 1951–1954). Позже, возможно, под влиянием раскопок афанасьевских оград, которые проводила Красноярская экспедиция ЛОИА АН СССР, А.Н. Липский понял ошибочность такой методики раскопок. Он прислал М.П. Грязнову для публикации небольшую статью (5 страниц) с кратким типовым, по его словам, описанием бельтырских могил, где не упоминает котлованы, а "плоские лепешкообразные кладки" называет оградами. О вертикальных оградках говорится неопределенно, как о камнях, находившихся за пределами оград. Вместе с тем, глубина могил указана та же, что в отчете, то есть преимущест-

венно от верхнего края вертикально установленных плит, образующих ограду.

Эта работа А.Н. Липского положена в основу предлагаемого описания материалов могильника. Однако в ней отсутствуют сведения о большинстве могил, раскопанных в 1954 г. (ограда 11, могила 2; ограды 12–15), которые дописаны по отчету Липского в соответствии с его схемой изложения. Кроме того, указаны дополнительные сведения: год раскопок ограды; ее расстояние на плане могильника от другой или других; дано описание найденных в каждой ограде изделий, включая высоту и орнаментацию сосудов. Это особенно важно в тех случаях, когда сосуды либо не реставрированы, либо известны только по нечетким фотографиям, в силу чего не могут быть опубликованы. Также использованы опубликованные В.П. Алексеевым антропологические данные, а также рисунки вещей, имевшиеся в личных архивах М.П. Грязнова и Г.А. Максименкова.

Материалы раскопок

Ограда 1 (1954 г.). Диаметр 10 м, высота10 см. Внутри ограды камни. Пять камней высотой 30 см расположены по периферии. В центре небольшое понижение. Под ним на глубине 30 см слой обожженной земли и углей диаметром около 3 м.

Ограда 2 (1954 г.). Диаметр 11 м, высота 50 см. Внутри ограды и частично за ней камни. В центре небольшое понижение. Под ним на глубине 120 см прямоугольная яма, 250×160 см, ЮЗ–СВ, стенки которой обставлены массивными песчаниковыми плитами высотой 60 см. Яма покрыта настилом из тонких лиственничных бревен и корой, а поверх них тонкими плитами песчаника. Остатки этого покрытия найдены по бортам ящика-гроба. Вдоль северной стенки скелет афанасьевской женщины 20–35 лет (Алексеев, 1961, табл. 14), на правом боку с согнутыми в коленях ногами. Справа от нее в вытянутом положении скелет ребенка 5 лет. Оба головой на юго-запад. Интенсивно окрашены охрой, комки которой были рассыпаны и по дну ящика. На самом дне подстилка из коры, сохранившаяся в изголовье женщины, под ее коленями и под всем скелетом ребенка. В ногах женщины (за ступнями) стоял прямоугольный плоскодонный узкогорлый сосуд (высота 15,5 см, ширина 22,8–23,5 см), у которого орнаментированы не только стенки, но и дно. Верхняя половина сосуда украшена штампом, образующим фестоны, а нижняя – "елочным" орнаментом (табл. I, *3*). Напротив этого сосуда, в ногах ребенка стоял реповидный сосуд высотой 14,4 см. Он покрыт оттисками гребенчатого штампа, поверх которого от шейки ко дну красной охрой нанесены шесть полосок шириной 10–15 мм (табл. I, *2*).

Ограда 3 (1952 г.). Диаметр 12 м. Каменная кладка сохранилась лишь по периферии, образуя местами прерывающееся кольцо, достигающее ширины 1 м. В центре незначительное понижение. Под ним прямоугольная яма, 200×180 см, глубиной 180 см, ЮЗ–СВ. В заполнении ямы встречены обломки костей двух взрослых человек и мелкие фрагменты глиняного сосуда. Судя по положению на дне отдельных костей ног, обломков черепов и сосуда, погребенные лежали головой на юго-запад, а в северном углу могилы стоял шаровидный(?) сосуд и лежали два поясничных позвонка годовалого теленка. Сосуд орнаментирован по плечикам крупнозубчатой гребенкой – широкий зигзаг и поперечные полоски (не отреставрирован).

Ограда 4 (1952 г.). Диаметр 2, вплотную примыкала к ограде *2*. Внутри немного камней и яма глубиной 170–180 см. В ней остатки дерева, среди них – части черепа, обломок бедра, несколько ребер и позвонков человека. Обломки костей встречались в разных местах заполнения ямы.

Ограда 5 (1951 г.). С пристройкой в виде ограды *4*. Диаметр 11 м, высота кладки в центре до 30 см. В пределах ограды каменная кладка (панцирная, так как, по указанию А.Н. Липского, «лежавший ближе к центру камень хотя бы частично покрывался следующим камнем с наклоном к периферии»). В центре прямоугольная яма, 210×200 см, глубиной 120 см, ЮЗ–СВ. На ее бортах и на дне остатки поперечных бревен (диаметром до 15 см) от перекрытия. У юго-западной поперечной стенки стояла песчаниковая плита высотой около 60 см и длиной около 1 м. Почти в середине ямы наклонно лежала плита (100×60 см), очевидно, от покрытия могилы.

На дне несколько костей в беспорядке и непотревоженные кости четырех стоп – одна пара (южная) предположительно взрослого мужчины, другая женщины или юноши. Их положение указывает, что погребенные лежали головой на юго-запад. Около середины северо-западной стенки найдены куски остродонного сосудика с елочным орнаментом, левый рог косули и каменный (из порфировидной зеленоватой породы) пестик или терка – удлиненная четырехугольная галька (120×70 мм) со следами работы на концах (табл. I, *4*). Наибольший диаметр сосуда 14,4 см, диаметр венчика 11,5 см, высота не устанавливается. Сосуд (не отреставрирован) покрыт в верхней части "каплевидными выемками", выстроенными в 13 рядов, а в нижней – "елочным" орнаментом. В разных местах собраны просверленные зубы: 4 клыка и 6 резцов нижней челюсти лисы или собаки (табл. II, *7*).

Ограда 6 (1951 г.). В 3 м к ССВ от ограды *5*. Диаметр 6 м. Внутри вдоль стены ограды кладка из плитняка шириной до 50 см. Середина, заполненная камнем, возвышалась над поверхностью на 20 см. В центре яма, 200×100 см, глубиной 130 см, ЮЗ–СВ. На глубине 70 см две плиты покрытия, размерами 105×80 и 80×60 см. На торцевых концах ямы поставлены большие плиты. Продольные стены без облицовки плитами. На дне – остатки двух погребенных.

1-й скелет. Женщина 20–35 лет (Алексеев, 1961, табл. 14) лежала на спине, кисти рук на тазе, ноги сильно согнуты в коленях и повернуты направо. Череп, плечевые кости, ключицы, лопатки, верхние ребра и позвонки смещены и сложены кучкой в западном углу могилы. Череп (окуневского типа, – *Э.В.*) с монголоидными чертами (Алексеев, 1961, рис. 8). Вместе с черепом, вплотную к нему, сложены (в вертикальном положении) медные нож и шило, оба с роговыми рукоятками (табл. II, *4*, *6*). Нож составной, сделан следующим образом. Стержень рога косули распилен вдоль на 8 см. В распил вложена под углом 110–115° широкая и короткая медная пластинка (длина 10,4 см, ширина 3,2–3,8 см, толщина 1,5–2 мм). Со стороны режущего края угол пластинки несколько закруглен: одна сторона пластинки плоская, другая слегка выпуклая (Липский, 1953, с. 73, рис. 23; 1963, табл. 4а, *2*). По своему типу нож сходен с прибайкальскими ножами глазковского времени (Липский, 1961, с. 270–271). Шило бронзовое, длиной 6,2 см и толщиной 0,4 см, квадратного сечения, к концу заостренное. Закреплено в ручку (из рога косули) длиной 9,2 см. По обе стороны грудной кости женщины лежали две стеатитовые фигурки птиц (головками кверху). Судя по тому, что в груди птичек имеются по два круглых отверстия (табл. II, *3*), они были пришиты к костюму на груди женщины. Рядом игольник из птичьей кости, видимо, лебедя (длиной 11,8 см и диаметром 8–9 мм) с костяной иглой в нем. Почти посередине игольник переломан пополам. У колен, в восточной части могилы, небольшой перевернутый плоскодонный сосуд баночной формы (высота 13,5 см), сплошь, включая дно, орнаментированный. Венчик покрыт вдавлениями ("бисер"). Полоса около венчика шириной 12–15 мм украшена вертикальными оттисками мелкозубчатого штампа. Под ней вплотную линия мелких выпуклостей. Тулово покрыто горизонтальными линиями отпечатков зубчатого штампа (табл. II, *2*).

2-й скелет. На месте сдвинутых костей первого скелета, поперек него, лежал скелет подростка (девочки?), на правом боку, головой на северо-запад, ноги сильно согнуты и прижаты коленями к груди, руки вытянуты вперед. Под черепом два проволочных колечка (серьги), видимо, из сплава меди с цинком (табл. II, *5*). Рядом с черепом (прижатый к темени) большой плоскодонный сосуд, сплошь, включая дно, орнаментированный; относительно высокий (18,3 см) и узкий (диаметр по шейке 13,6 см, у дна 5,2–6 см) Венчик нарезан поперечными, иногда пересекающимися линиями. По шейке ряд выпуклостей, образованных протыканием стенки изнутри. Тулово сосуда покрывают неровные линии зубчатого штампа, преимущественно наклоненные слева вверх направо (табл. II, *1*). По предположению А.Н. Липского, девочка была захоронена спустя девять лет после женщины.

(Согласно замечанию А.Н. Липского, эта могила представляет исключительный случай, когда горшки окуневского типа встречены в могиле, совершенно такой же, как и другие могилы афанасьевской культуры, в ряду которых она находится. Следует добавить, что окуневскими оказались и все другие вещи из этого погребения, а также тип взрослой покойницы. Однако могила все же конструктивно выделяется наличием каменных плит на перекрытии и у двух стенок ямы, – *Э.В.*).

Ограда 7 (1953 г.). В 4 м к ССЗ от ограды *6*. Диаметр 7 м. Стены сложены из плитняка. В центре незначительное понижение. На глубине 40 см немного золы, угольки, полусгоревшие куски костей человека и разбросанные черепки маленького (высотой 10,8 см) яйцевидного сосуда. Поверхность сосуда покрыта оттисками штампа в поперечном направлении, в результате чего возникли дугообразные линии, но вылеплен он небрежно (табл. I, *5*).

Ограда 8 (1953 г.). В 6 м к ССЗ от ограды *7*, выше по рельефу местности. Диаметр 8 м, высота 30 см. Ограда шириной до 3 м сложена из плитняка. В центре на глубине 120 см на прокаленной земле три скелета черепами на юго-запад: два взрослых и один детский.

Северный скелет предположительно на правом боку, с сильно согнутыми в коленях ногами. Череп и кости правой руки отсутствуют. По другим костям скелет мужской (определения А.Н. Липского) В ногах плоская чаша (высотой 8,6–8,8 см) без орнамента, с перегородкой дугообразной формы, разделяющей сосуд почти пополам (табл. II, *8*). Ее обломки лежали в разных местах могилы. Под правым плечом кремневый наконечник стрелы (видимо, застрявший в теле, – *Э.В.*) асимметричной формы (табл. II, *11*).

Южный скелет женский, на спине, со слегка согнутыми в коленях ногами, повернутыми налево. Череп смещен. Правая рука вытянута вдоль тела, левая запрокинута за голову. В ногах яйцевидный сосудик (высотой 9,3 см) с двумя отверстиями на противоположных бортиках для подвешивания. Он сплошь орнаментирован горизонтальными полосами "елочки", включая дно, покрытое теми же оттисками, образующими круг (табл. II, *9*). Часть его обломков выброшена в верхние слои заполнения могилы. Между скелетами взрослых, около их ног, среди золы и угольков обожженные кости и череп ребенка. Около них верхняя часть сосудика (высотой 5,5 см) с овальным дном, без шейки. Толщина стенок у венчика до 8 мм, у дна до 1,3 см (табл. II, *10*)

Ограда 9 (1953 г.). Примыкает к северо-восточной части ограды *8*. Диаметр 4 м. Сложена из плитняка. На дне небольшой ямки в беспорядке немного поломанных костей человека.

Ограда 10 (1953 г.). Расположена в 5 м к северо-западу от ограды *8*. Диаметр 7 м, высота 20 см. В ненарушенной части внутри ограды камни уло-

жены "чешуйчато" – один край камня наложен на другой. В центре, на глубине 90 см, скелеты мужчины и женщины, головами на юго-запад. В ногах у женщины скелет годовалого ребенка, головой на ЮЮВ. Скелет мужчины – на спине, ноги слегка согнуты в коленях и повернуты влево. В ногах большой шаровидный сосуд (высотой 20 см) с чуть заостренным дном. На переходе от стенки к плечикам гребенчатым штампом оттиснуты три короткие линии и две точки. Остальная поверхность без орнамента (табл. III, *1*). Скелет женщины – тоже на спине, ноги согнуты в коленях и упали "ромбом". Около ступней реповидный сосуд (высотой 14,3 см) с елочным орнаментом: длинные слабо-гребенчатые оттиски получены покачиванием косо поставленного штампа (так называемой шагающей гребенки, – *Э.В.*), образуя горизонтальные полосы, которые примыкают друг к другу (табл. III, *3*). Между сосудами череп теленка. Скелет ребенка – на спине, левая нога согнута в колене, правая вытянута. Около ступней остродонный сосудик (высотой 8,5 см), на котором кое-где видны слабые штрихи (табл. III, *2*).

Ограда 11 (1954 г.). Расположена в 2-х м к ССЗ от ограды *10*. Диаметр 6 м, высота 20 см. Стенки ограды шириной 1–2 м сложены из плитняка. Посередине, на глубине 85 см, остатки скелета мужчины – раздавленный череп, несколько ребер и позвонков, части таза и бедер, мелкие кости обеих стоп. Мужчина окуневского физического типа (череп аналогичен женскому черепу из окуневской ограды *6* – Алексеев, 1961, табл. 14; Липский, 1963, табл. 12, *3*). Судя по положению стоп, погребенный был положен головой на юго-запад. Около ступней каменный пестик – галька (длиной 60 мм) из мелкозернистой серо-зеленой породы четырехугольная в сечении (табл. III, *4*). Поперечные плоскости пестика благодаря обработке чуть выпуклые, со следами использования. Здесь же раздавленный на мелкие куски остродонный сосудик (высотой 13,1 см). Он орнаментирован длинными оттисками "шагающего штампа" (табл. III, *5*). Справа у бедер мужчины скелет младенца меньше года, на спине, со слегка согнутыми в коленях ногами, головой на юго-запад.

Ниже этих скелетов, под слоем грунта толщиной 20 см, оказалась прямоугольная яма (200×100 см), глубиной 150 см, ЮЗ-СВ, обставленная грубыми каменными плитами. Ее покрытие состояло из трех массивных плит, уложенных на борта ямы и частично сдвинутых. На дне ящика частично сохранилась берестяная подстилка, поверх которой лежали скелеты предположительно женщины и ребенка. Очевидно, кости нарушены, по ним устанавливается лишь ориентировка покойников головами на юго-запад и вытянутое положение ног. В ногах женщины стоял сферический сосуд со слабо уплощенным дном (высотой 21,5 см), покрытый преимущественно широкими слегка наклонными полосами оттисков длинного штампа, образующих "елочку" (табл. III, *6*). По предположению А.Н. Липского, сначала были захоронены мужчина с ребенком, позже прорыли шурф, нарушив верхний скелет, и отступив несколько к юго-востоку, углубились в нетронутый грунт. (Но это мнение ничем не подтверждается. Около ВСВ части ограды уже на поверхности выделялась подквадратная выкладка из булыжника размерами 1,5×1,3 см, ориентированная ЮЗ-СВ. Ее, видимо, Липский считал 16-ой раскопанной оградой. Под ней находился каменный ящик, заполненный камнями и землей. По мнению Липского, это более древнее сооружение, разрушенное оградой. На самом деле ящик либо соответствует времени могильника, либо поздний, – *Э.В.*).

Ограда 12 (1954 г.). Расположена в 2 м от ограды *11*. Диаметр 3 м, высота 15 см. Сложена из обломков песчаника. На глубине 70 см, на дне ямы диаметром около 2 м, среди сброшенных сюда камней и грунта были найдены обломки костей человека.

Ограда 13 (1954 г.). Расположена в 5 м к востоку от ограды *12*. Диаметр 3 м, высота до 30 см. Сложена из обломков песчаника. В середине подквадратная яма (180×200 см) глубиной 90 см. Ее стенки были обложены булыжником, на бортах сохранились остатки покрытия из лиственничных бревен. В яме, среди земли и камней найдены лишь куски поломанных костей взрослого человека, по мнению А.Н. Липского «более кажущихся женскими», и ребенка.

Ограда 14 (1954 г.). Расположена в 8 м к северу от ограды *13*. Является самой верхней по рельефу местности. Диаметр 6 м, высота 25 см. Сложена из обломков песчаника. В середине почти квадратная яма 192×200 см, глубиной более 50 см, стенки которой обложены крупными обломками песчаника. Яма была закрыта лиственничными бревнами, покрытыми тонкими плитами песчаника. На дне подстилка из коры. В заполнении ямы поломанные кости, по словам А.Н. Липского, «как будто женские и среди них определенно детские». На борту ямы выброшенный из нее реповидный орнаментированный сосудик (высотой 6,3 см) со слабо уплощенным дном. По мнению Липского, он выдавлен из одного комка глины. Посередине тулова сосудик прочерчен тремя горизонтальными полосами, изрезанными вертикальными штрихами. Верхняя часть сосудика (от шейки до первой полосы) и нижняя (от третьей полосы) покрыты рядами одного и того же штампа, поставленного под разными углами (табл. III, *7*). Внутри сосудика находился фрагмент венчика чуть более крупного сосуда, имевшего горизонтальное ушко – ручку с отверстием. Венчик покрыт поперечными "вдавлинками", а по шейке, ручке и части стенки (под ручкой) косыми относительно короткими и широкими оттисками. Видимо, от него же зарисовано плоское орнаментированное донышко с нижней частью стенок. Ба-

ночной формой и орнаментацией плоского дна сосуд похож на окуневские банки (табл. III, *8*).

Ограда 15 (1954 г.). Месторасположение ограды на могильнике не указано. Диаметр около 8 м. Сложена из булыжника песчаника. В средней части ограды почти квадратная яма (185×200 см), глубиной 160 см, З-В. По бортам она небрежно обложена небольшими булыжниками. Здесь же остатки покрытия из лиственничных бревнышек и песчаниковых плит. Положение скелетов и их пол предположительно определены А.Н. Липским по отдельным костям нарушенных скелетов. Скелет мужчины лежал у северной стенки на правом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-запад. В его ногах, в северо-восточной части ямы, собраны куски круглодонного сосуда (не отреставрирован) высотой 18 см с еле просматривающимся орнаментом: следы оттисков гребенчатого штампа, нанесенных группами (по три оттиска в группе), образующих три более или менее горизонтальных ряда. Скелет женщины лежал у южной стенки, на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на запад. Между ног взрослых лежал ребенок нескольких месяцев; на спине, с вытянутыми ногами, головой на юго-запад.

* * *

Афанасьевские могильники, как правило, единообразны. Они состоят из круглых оград с одной-двумя грунтовыми ямами глубиной 100–150 см с неровными стенками и закругленными углами. Большие ямы перекрыты бревнами, меньшего размера – плитами. Помимо сферических и яйцевидных сосудов, инвентаря очень мало – колотушки, камни зернотерок и терок. Ожерелья самые простые – из чешуи и позвонков рыб, ракушек. Редко люди носили проволочное спиральное кольцо в одном ухе. Могилы индивидуальные или со случайным подбором одновременно захороненных людей (Вадецкая, 1986, с. 16–21). Бельтырский могильник на фоне других афанасьевских памятников выделяется разнообразием погребальных сооружений, наличием значительного числа парных погребений и необычных вещей, включая сосуды. Но в свете анализа результатов раскопок число отличительных признаков могильника уменьшается, они получают свое объяснение. Как уже говорилось, первые представления о вырытых для могил круглых котлованах не подтвердились. На самом деле могилы выкапывали с древней поверхности, как и в других могильниках. Глубина могил, установленная формально от верха сохранившихся плит ограды, а не от древней поверхности, часто оказывалась больше обычной. Вызывает сомнения и высокий процент парных погребений. Половые определения погребенных сделаны А.Н. Липским часто лишь по костям ног и даже одних стоп. Между тем, определения по черепам, сделанные А.Н. Липским и позже В.П. Алексеевым, совпадают лишь трижды (ограды №№ 2, 6, 11, верхний) и отличаются даже по числу годных для определения черепов. В отчете Липского указано всего 6 найденных черепов (включая обломки), среди которых 4 женских и 2 мужских; а Алексеевым определены 9 черепов, среди которых 6 мужских и лишь 3 женских. К сожалению, идентифицировать те и другие определения сложно, поскольку Липский указывает номера раскопанных могил, а Алексеев лишь год раскопок. Так или иначе, определения не совпадают даже в мало потревоженных могилах, а достоверных парных погребений нет вовсе. Например, в могиле 8 убитый мужчина положен, по мнению Липского, вместе с женщиной и ребенком. Однако он был захоронен без головы, а череп от второго покойника либо был мужским, либо разрушен и поэтому отсутствует в антропологической коллекции могильника. То же касается захоронения в могиле 10 якобы мужчины и женщины с ребенком – двух мужчин, по Алексееву (Алексеев, 1961, табл. 14). Наконец, после открытия окуневской культуры стало ясно, что могила в ограде 6, отличающаяся от других инвентарем (нож, шило в костяной ручке) и баночными сосудами, принадлежит не к афанасьевской, а к окуневской культуре. По конструкции данная могила отличалась от других тем, что была перекрыта плитами; вдоль поперечных стенок ямы здесь также были поставлены каменные плиты. Однако это не единственная яма под плитами с частично укрепленными стенками. Помимо простых ям афанасьевского типа, перекрытых бревнами, в Бельтырах имеются ямы, у которых стенки обставлены камнями или плитами, и даже каменные ящики, как у окуневцев. Они закрыты либо бревнами, либо плитами, либо тем и другим. Может быть, конструктивные различия между могилами отражают захоронения на одном кладбище двух этнических групп населения, афанасьевцев и окуневцев? Для такого предположения имеются прямые и косвенные свидетельства.

Мужчина того же типа, что и окуневская женщина из ограды 6, похоронен вместе с младенцем в могиле 11 поверх каменного ящика, закрытого плитами. С ним положены типичные афанасьевские изделия – небольшой яйцевидный сосудик и пест. Физический тип первой захороненной здесь женщины не ясен, так как от скелета сохранились лишь ноги. В пользу ее возможной принадлежности к афанасьевцам свидетельствует найденный здесь реповидный сосуд, а в пользу принадлежности к окуневцам – конструкция погребения в виде каменного ящика с берестяной подстилкой на дне (дно других могил покрывала кора). Очевидно, мужчина уложен именно в этой яме не случайно, и между покойниками существовала какая-то родственная связь. Во всяком случае, безусловен факт нахождения афанасьевского сосудика в могиле окуневского мужчины, хотя последний мог быть положен для ребенка.

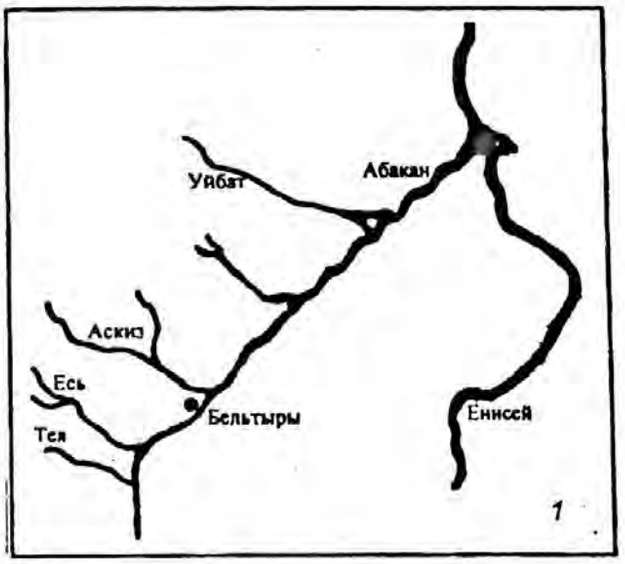
Отличные от афанасьевских конструкции могил обнаружены еще в трех оградах (№№ 2, 13, 14).

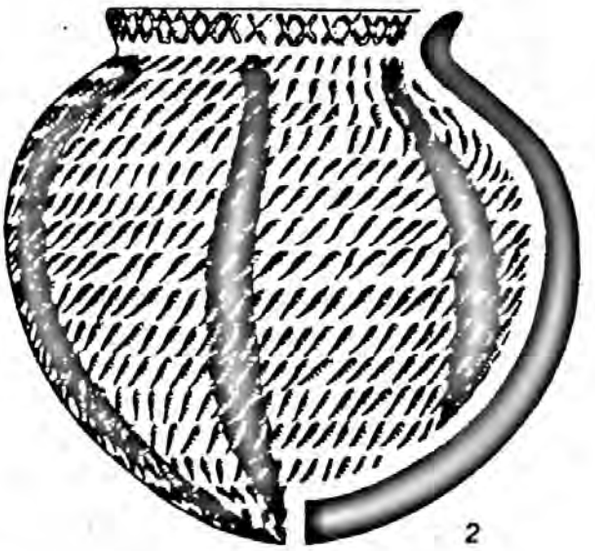
Стенки двух ям обставлены обломками плит (м. 14) или булыжником (м. 13), а сами ямы покрыты бревенчатым накатом (м. 13) или поверх него еще и тонкими плитами (м. 14). Обе могилы совершенно разграблены, но в одной из них (м. 14) помимо миниатюрного яйцевидного афанасьевского сосуда найдена нижняя часть маленького плоскодонного окуневского. Таким образом, в могиле сочеталась керамика двух культур. В ограде 2 в могилу поставлен каменный ящик, схожий с теми, что сооружены в окуневских могилах, но он перекрыт бревнами лиственницы и корой, как афанасьевские могилы. В ящике захоронена афанасьевская (по физическому типу) женщина 20–35 лет с ребенком. Ее деятельность была явно связана с религиозными обрядами. Об этом свидетельствуют интенсивная засыпка тел покойников охрой и два поставленных ей ритуальных сосуда. Один – необычной для обеих культур прямоугольной формы с узкой шейкой и афанасьевской орнаментацией, но его дно орнаментировано, как у окуневских сосудов (табл. I, *3*). Второй – обычный круглодонно-сферический, но расписанный широкими вертикальными полосами охры поверх уже нанесенного штампом орнамента (табл. I, 2). Конструкция могилы в виде ящика, а не ямы, видимо, отражает престижный характер данного погребения.

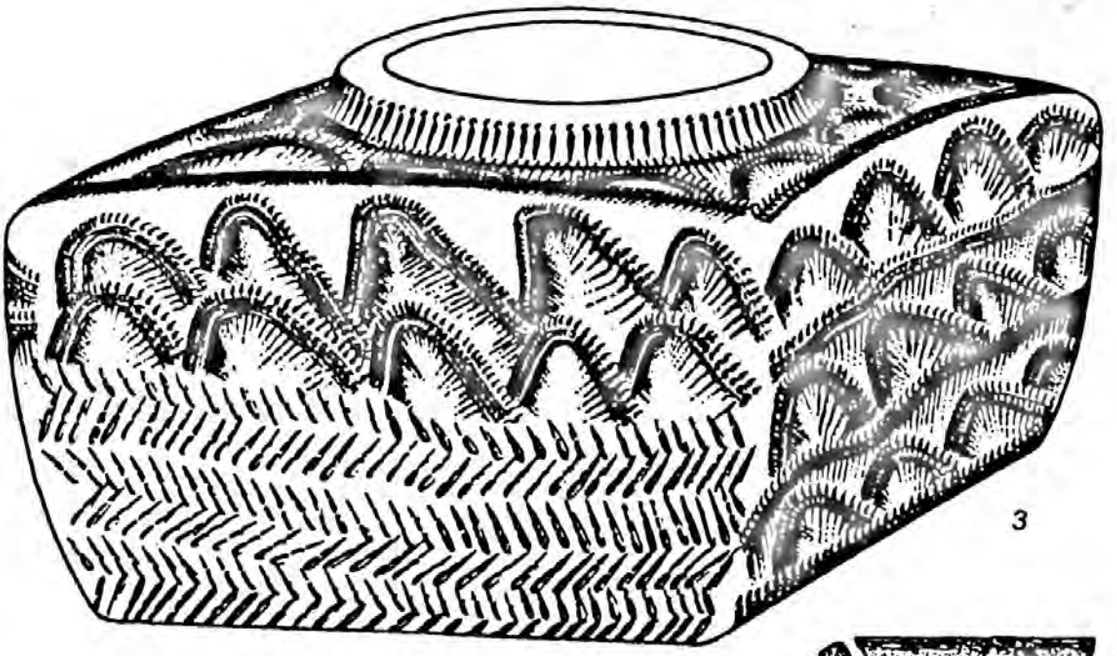
Деятельность еще одного покойника (м. 8), видимо, была связана с исполнением не афанасьевских, а окуневских культов. Речь идет о застреленном (стрелой) мужчине, похороненном без головы. В ноги ему поставлена овальная плоскодонная чаша, разделенная пополам перегородкой, что делает эту чашу семантически схожей с окуневскими вазочками-светильнями, а не афанасьевскими курильницами (Вадецкая, 1986а, с. 57–58, рис. 29). Особый характер данного захоронения отражен не только в обезглавленном покойнике и ритуальном сосуде. Здесь же в ноги мужчине и захороненной с ним (предположительно) женщине положены останки сожженного на стороне младенца. Его череп и обожженные кости перенесены в могилу вместе с золой и угольками. Конструкция могилы не установлена, а сосуд, поставленный женщине, – обычный яйцевидный афанасьевский.

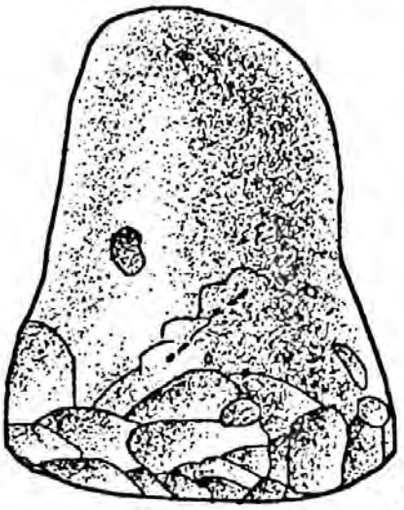
В могиле, расположенной в непосредственной близости от окуневской (м. 5), найдено 10 клыков и резцов нижней челюсти лисы от типично окуневского ожерелья. Яма была перекрыта плитой и бревнами, а одна ее стенка укреплена вертикальной плитой. В могиле похоронен афанасьевский мужчина (25–35 лет) и человек юношеского возраста, тип которого неясен, так как сохранились только ноги. Яйцевидный сосуд, пест и рог косули лежали вместе, у стенки рядом с мужчиной. Ожерелье, видимо, принадлежало молодому погребенному, скелет которого был разрушен, поэтому клыки и резцы найдены в разных местах.

Таким образом, помимо двух окуневцев, физический тип которых установлен по черепам, можно предполагать наличие еще не менее трех-четырех человек окуневского происхождения. Кроме того, в большинстве конструкций могил сочетаются детали, присущие как афанасьевским, так и окуневским могильникам. Поэтому можно предполагать, что это место служило совместным кладбищем афанасьевцев и окуневцев, проживавших в одном поселке.

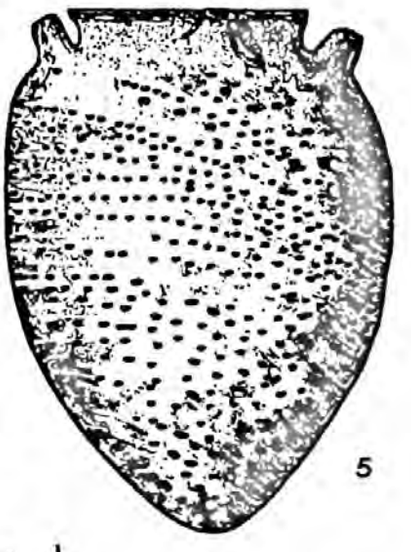

Табл. I Могильник Бельтыры. *1* – местонахождение могильника; находки: *2–3* – ограда 2; *4* – ограда 5; *5* – ограда 7

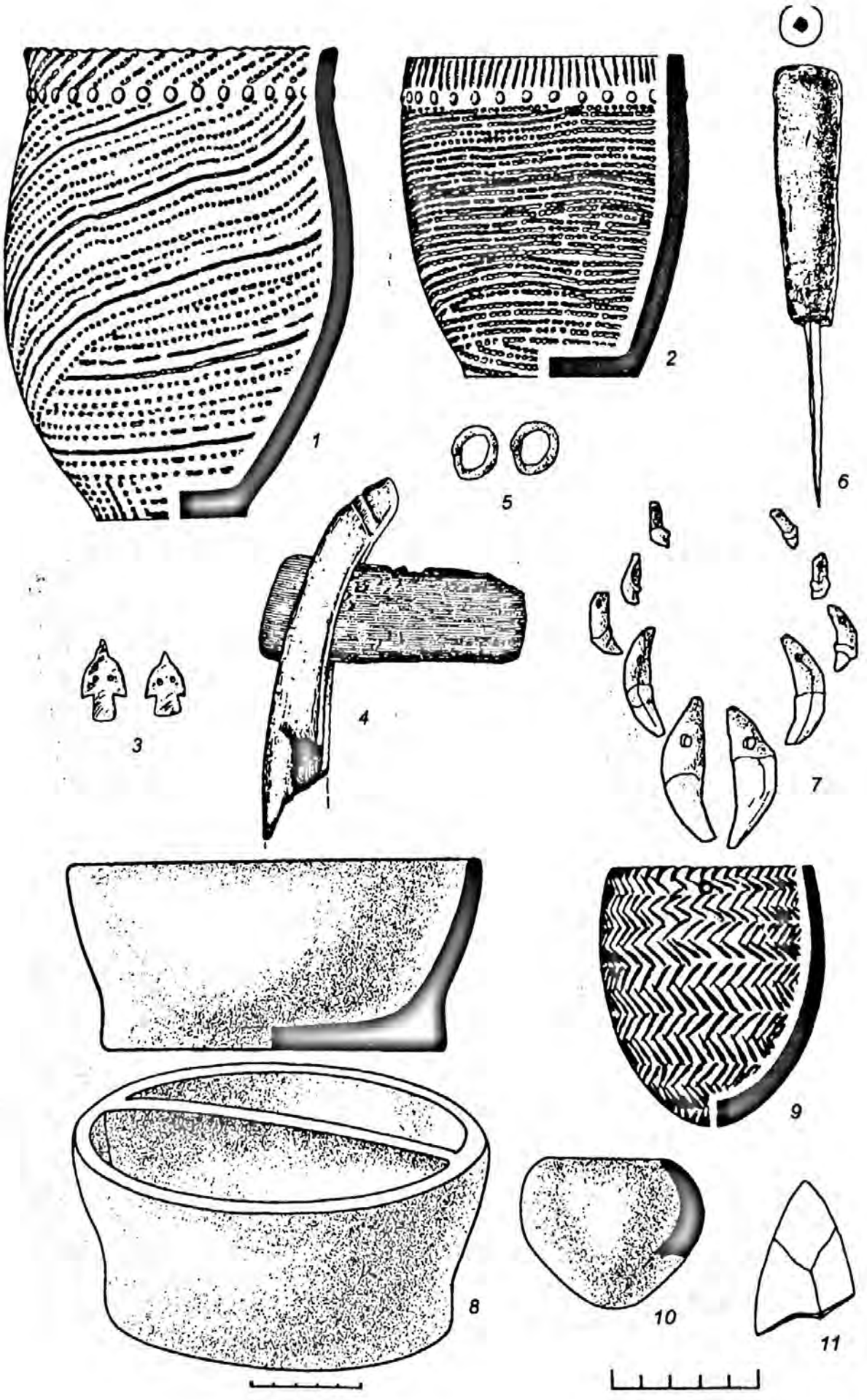

Табл. II Могильник Бельтыры.
Находки: *1–6* – ограда 6; *7* – ограда 5; *8–11* – ограда 8

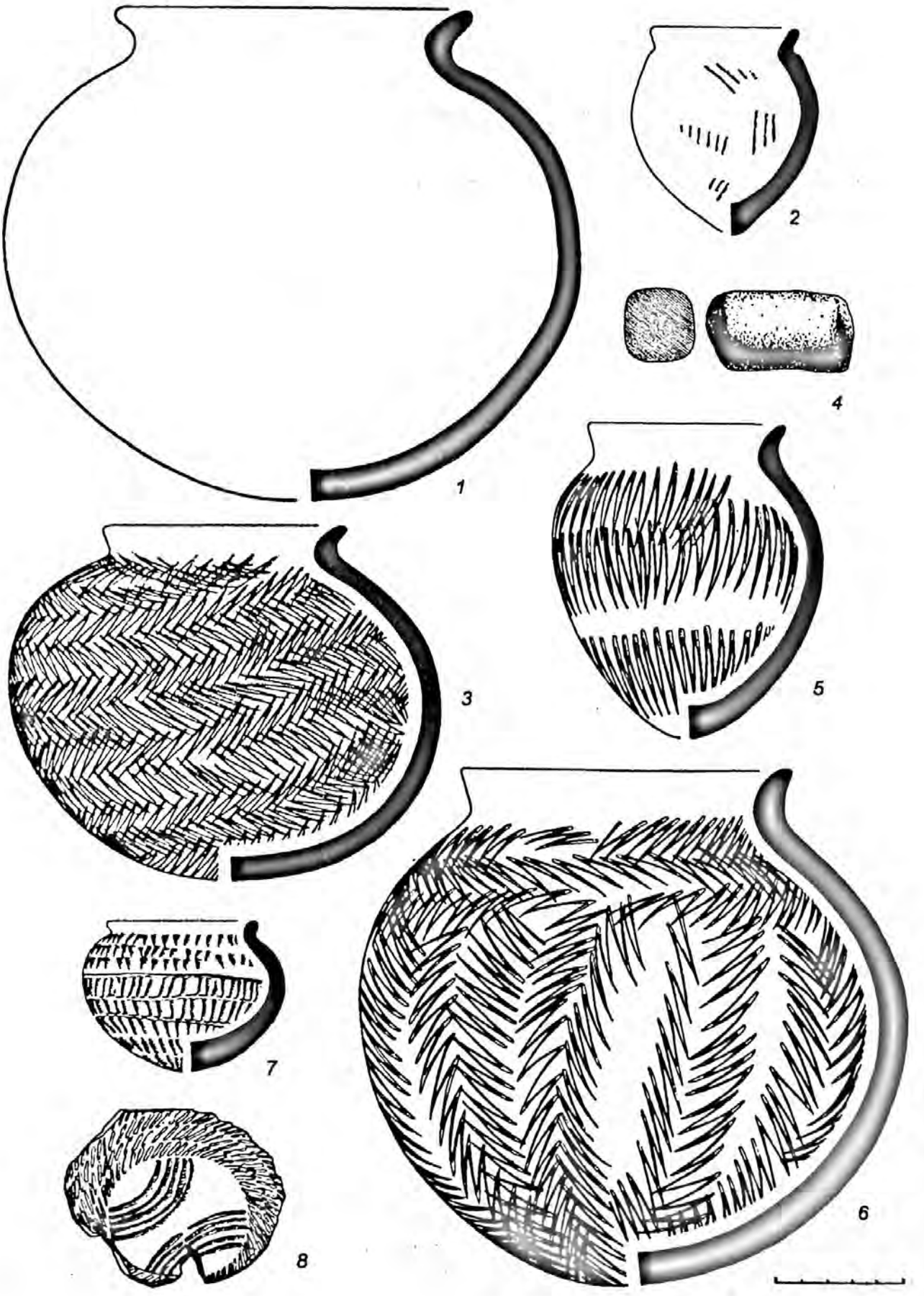

Табл. III Могильник Бельтыры.
Находки: *1–3* – ограда 10; *4–6* – ограда 11; *7–8* – ограда 14

М.Н. Пшеницына, Б.Н. Пяткин

Курган Разлив X – памятник окуневской культуры

В прибрежной зоне Красноярского водохранилища, на его левом берегу (в 500 м к северо-востоку от пос. Разлив в Боградском районе Хакасии), в 1973–1974 гг. одним из отрядов Красноярской экспедиции был исследован размытый курган окуневской культуры (Пшеницына, 1974, с. 219–220; Пшеницына, Завьялов, Пяткин, 1975, с. 228–230)[1]. В этом кургане найдена серия плит с изображениями быков, лосей, женских фигур в головных уборах и одежде, с ниспадающими на плечи волосами, «сложнореалистической» антропоморфной личины[2]. Это – яркий и во многом уникальный материал для изучения изобразительного искусства окуневской эпохи, что уже нашло неоднократное отражение в специальной литературе.

Предлагаемая статья посвящена публикации всех материалов раскопок кургана Разлив X[3].

До раскопок на поверхности, среди гальки и песка обнажившегося дна водохранилища, выступали верхние края вертикально поставленных каменных плит северо-восточной стены ограды кургана и края плит каменных ящиков, расположенных внутри нее. В связи с тем, что курган в течение нескольких лет регулярно покрывался водой, насыпь его полностью разрушилась. Всего внутри ограды кургана, от которой сохранились только части ее северо-восточной и северо-западной стен, находилось 11 могил, представлявших собой, за исключением одной (могила 11), каменные ящики. Три из них покрыты массивными плитами. Устойчивой закономерности в ориентировке ящиков не наблюдалось. Все могилы, кроме трех (могилы 2, 4, 9), потревожены. Кроме того, в ограде кургана было обнаружено два небольших каменных ящичка с костями животных (рис. 1).

Могила 1 (рис. 2, *7*). Ящик 165×35×80 см из девяти плит, ориентированный с северо-востока на юго-запад. Покрыт пятью массивными плитами толщиной до 6 см. На дне ящика несколько небольших плиток. На одной из плит юго-восточной стенки ящика, с внутренней стороны, тонкими гравированными линиями по всей площади нанесены изображения быка, человеческих фигур в одеждах и с ниспадающими на плечи волосами, отдельные тонкие линии и геометрические фигуры неопределенного значения (рис. 3). На другой плите юго-восточной стенки ящика с внешней стороны выбиты косая полоса и изображения двух трезубцев, покрытые охрой. Здесь же незаконченные изображения крупных рогатых животных и антропоморфных фигурок с прическами в разнообразных головных уборах, нанесенные техникой гравировки (рис. 4). Одна из плит юго-западной стенки ящика с внутренней стороны украшена гравированными рисунками быков, изображенных в различных ракурсах (рис. 5, *2*). На внутренней стороне одной из плит северо-западной стенки ящика, в нижней ее части, выбиты две фигуры копытных животных (лоси?) в позе «летучего» галопа. За ними расположена незаконченная фигура быка. На рисунках следы охры (рис. 5, *1*). В могиле погребено не менее 8 человек, взрослых и подростков. Состав погребенных следующий: трое мужчин – один 40–60 лет, другой 20–25 лет, у третьего возраст не определяется; мужчина(?) 14–15 лет, женщина 14–15 лет, двое юношеского возраста 14–15 лет и подросток 9 лет[4]. Черепа пяти захороненных (женщины 14–15 лет, трех мужчин: 40–60, 20–25, 14–15 лет и подростка 9 лет) трепанированы в затылочной части. В заполнении могилы найдены кости коровы и мелкого рогатого скота (локтевая, лучевая, большая берцовая, лопатка)[5]. Здесь же обнаружен кремневый наконечник стрелы (рис. 6, *2*).

Могила 2 (рис. 2, *2*). Каменный ящик 100×50×70 см из четырех плит, ориентированный с севера на юг. Покрытие не сохранилось. Дно выстлано небольшими каменными плитками. В могиле погребено двое. На дне скелет мужчины 25-40 лет в сидячем положении. Здесь же полный скелет младенца полутора лет. Череп мужчины трепанирован: в верхней половине его затылочной кости овальное отверстие (25×15 мм). В северо-западном углу ящика под крестцом мужского скелета найдена женская фигурка из стеатита (рис. 6, *1*). На его тазовых костях и в юго-восточном углу ящика обнаружены две

---

[1] Пшеницына М.Н. Отчет о работах Курганного отряда Красноярской экспедиции в 1973–1974 гг. // Архив ЛОИА. Ф. 35. Оп. I. Д. 556–560.

[2] Определения изображений на плитах сделаны к.и.н. Б.Н. Пяткиным. Прорисовки изображений и рисунки находок выполнены художником-графиком Л.Н. Барановым, их перевод в цифровой формат – Л.А. Соколовой.

[3] В отличие о предшествующей публикации (Пшеницына, Пяткин, 1993), в данной статье приводятся все гравировки на плитах из кургана Разлив X.

[4] Определения пола и возраста погребенных сделаны М.П. Грязновым и И.И. Гохманом.

[5] Остеологические определения здесь и далее сделаны Н.М. Ермоловой.

костяные пластинки – заготовки антропоморфных фигурок (рис. 6, *3*).

Могила 3 (рис. 2, *9*). Каменный ящик 195×105×100 см из семи плит, ориентированный с северо-востока на юго-запад. Покрыт массивными плитами в два слоя. Покрытие нарушено грабителями. На дне и в заполнении разрозненные кости 4 погребенных: мужчины 20-30 лет, юноши (?), новорожденного и мужчины старше 60 лет. Череп последнего трепанирован в затылочной кости и правой теменной. Находок нет.

Могила 4 (рис. 2, *1*). Ящик 50×30×20 см из пяти плит, ориентированный с северо-востока на юго-запад. На дне скелет ребенка на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток. Находок нет.

Могила 5 (рис. 2, *2*). Каменный ящик 150×85×60 см из пяти плит, ориентированный с северо-запада на юго-восток. На внутренней стороне плиты юго-западной стенки ящика техникой выбивки нанесены косые линии. На их нижних концах видны следы охры, которая, вероятно, покрывала все линии полностью (рис. 7, *2*). От покрытия сохранились два обломка плит с такими же линиями, с одной стороны, и с изображением хищника – на другой. На дне, выстланном небольшими плитами, лежал череп погребенного 14–15 лет с трепанацией в затылочной кости. В заполнении кости скелета взрослого 25–40 лет. Находок нет.

Могила 6 (рис. 2, *6*). Каменный ящик 170×100×70 см из четырех плит, ориентированный с севера-северо-запада на юг-юго-восток. Плиты покрытия сохранились в обломках. На восточной стенке ящика с внутренней стороны техникой гравировки нанесено изображение коровы(?), закрашенное охрой (рис. 8, *2*). На другой стороне плиты изображен хищник. В заполнении и на дне разрозненные кости и черепа не менее 12 погребенных: двух мужчин 40–60 лет и двух 25–40 лет; шести женщин – 40–60 лет, 25–40 лет, 20–25 лет, 14–18 и 12 лет; двух детей 8 лет. Черепа двух из них (юношеского возраста – 14–18 и 12 лет) трепанированы в затылочной части. Находок нет.

Могила 7 (рис. 2, *8*). Каменный ящик 150×90×70 см из четырех плит, ориентированный с востока на запад. От покрытия, нарушенного грабителями, сохранились обломки крупных плит. В заполнении и на дне черепа и кости не менее пяти погребенных: детей от 7 до 10 лет и младенца. В лобной части черепа ребенка 8–10 лет пробито отверстие. Находок нет.

Могила 8 (рис. 1). Каменный ящик 70×35×30 см из четырех плит, ориентированный с востока на запад. Покрытие не сохранилось. На северной стенке ящика, с внутренней стороны, прочерчены четыре фигуры идущих друг за другом коров и быков. Пятая фигура изображена очень тонкой гравировкой. На туловищах и мордах животных резными линиями нанесены знаки (рис. 8, *1*). Дно выстлано плитами. Могила пуста.

Могила 9 (рис. 2, *4*). Ящик из пяти тщательно подогнанных плит, 150×65×50 см, ориентированный с северо-востока на юго-запад. Покрыт массивной плитой, на которой лежал череп мелкого копытного животного. На ее внутренней стороне выбито изображение антропоморфной личины. Под ней морда хищного зверя, ниже – "солярный знак". Изображение покрыто охрой (рис. 9, *1*). На обратной стороне плиты – фигуры крупных рогатых животных, различно ориентированные на плоскости. Они гравированы или вырезаны с последующей подшлифовкой по контуру. Почти в центре плиты тонкими резными линиями изображена повозка (рис. 9, *2*). На торце плиты прочерчены треугольники с точками в свободном пространстве[6]. На внутренней стороне юго-восточной стенки ящика тонкими линиями нанесены стоящие друг против друга в разных концах плиты фигуры копытных (быки?) и остатки какой-то фигуры между ними (рис. 7, *1*). Дно выстлано плитами. В могиле погребено трое. На дне скелет подростка 12–14 лет, на спине, с сильно подогнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на северо-восток-восток. В головах глиняный сосуд (рис.6, *4*) и своеобразный «амулет» из рога лося, густо покрытый охрой (рис. 6, *5*). В ногах погребенного остатки скелета ребенка 6 лет, на спине, головой на ССЗ. Здесь же раздавленный череп новорожденного и костяной игольник.

Могила 10 (рис. 1). Каменный ящик из мелких плиток, что не характерно для могил окуневского времени, 140×90×55 см, ориентированный с северо-востока на юго-запад. В заполнении несколько длинных костей взрослой женщины(?). Находок нет.

Могила 11 (рис. 2, *3*). На горизонте под остатками каменного покрытия лежал скелет женщины 40–60 лет на спине, с сильно подогнутыми ногами, головой на север. Под ним остатки двух скелетов женщин старческого возраста. Вещей нет.

В 3 м к востоку от могилы 1, на расстоянии 70 см друг от друга расположены два маленьких ящика из вертикально поставленных плит. Их размеры 30×30 см, один из них покрыт небольшой плиткой. В нем оказались череп с нижней челюстью и две метаподии животного.

Конструкция ограды и могил, обряд погребения, немногочисленный сопроводительный инвентарь, плиты с рисунками – все это позволяет отнести исследованный курган к числу памятников окуневской культуры (Максименков 1968, с. 165–170). Могилы внутри квадратной ограды, кроме одной (могила 11), устроены в виде ящиков из тщательно подобранных вертикально поставленных плит с ровными краями. Высота ящиков в среднем 60–70 см, длина от 70 до 190 см, ширина от 50 до 130 см.

[6] Первая публикация этой плиты – в каталоге международной выставки, проходившей в Париже с 6 февраля по 30 апреля 1979 г. в Лувре (Piotrovsky, Smirnova, Joffroy, 1979 , p. 138–139).

Сверху они были покрыты массивными каменными плитами в один или несколько слоев. В шести могилах плитами выстлано дно. В тех случаях, когда это удавалось установить, погребенных укладывали, как правило, на спину с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями. В могиле 2 скелет мужчины находился в сидячем положении, необычном для окуневских захоронений (Максименков, 1975, с. 8).

Размеры могил не зависят от числа погребенных в них. Общее количество людей, похороненных в 11 могилах кургана, – взрослых разного пола и возраста и детей – 41. В двух могилах было захоронено не менее 20 взрослых, подростков и детей (могилы 1 и 6). Очевидно, такое количество погребенных нельзя было вместить в две могилы одновременно. Умерших хоронили, скорее всего, в течение длительного времени, трупы ранее погребенных успевали разложиться, и в могилу можно было помещать новые. В остальных девяти могилах погребен еще 21 человек: взрослые и дети. Состав их таков: в одной могиле – один ребенок, еще в одной – женщина 40–60 лет, в двух могилах – по два человека (в одной мужчина 25–40 лет и 14–15 лет), еще в двух могилах по три человека (в одной – три женщины: 40–60 лет и старческого возраста, в другой – подросток 12–14 лет и двое детей: 6 лет и новорожденный); в одной могиле – четыре человека (двое мужчин: 20–30 лет и старше 60 лет, юноша и новорожденный) и еще в одной – захоронено по нескольку человек, костяки уложены обычно один поверх другого (могилы 1 и 11). Четкой закономерности в ориентировке погребенных не наблюдается.

В пяти могилах кургана было обнаружено 10 черепов погребенных (мужчин, женщин и подростков), в верхней половине затылочной кости которых имелось овальное отверстие размерами в среднем 45×25 мм, что свидетельствует о появлении у племен окуневской эпохи обычая посмертной трепанации черепов умерших.

Классифицируя могилы кургана по количеству погребенных в них, а также по их полу и возрасту, можно выделить три вида погребений: взрослые с детьми (могилы 2 и 9), «коллективные» (могилы 1, 3, 6, 11) как результат разновременного последовательного захоронения в одну и ту же могилу (Максименков, 1980, с. 18)[7], детские (4, 7, 8). Группа погребений взрослого и ребенка представлена захоронением мужчины 25–40 лет и ребенка 1,5 лет в могиле 2. Второй случай захоронения взрослого с детьми наблюдается в могиле 9. В ней погребен, по-видимому, не просто взрослый полноправный член коллектива (хотя и юный, с нашей точки зрения), а человек, вероятно, имевший непосредственное отношение к каким-то обрядово-ритуальным сторонам деятельности группы людей, захороненных в этом кургане. Шестилетний ребенок никак не мог быть ребенком погребенного в могиле 9, так как ему самому было не более 14 лет. Скорее всего, между ними должны были существовать какие-то другие связи, характер которых в настоящее время не установлен. Череп третьего погребенного принадлежал новорожденному, который вполне мог быть ребенком похороненного здесь взрослого. По косвенным признакам, выделенным Г.А. Максименковым, в могиле была погребена женщина с новорожденным и ребенок 6 лет (Максименков, 1980, с. 18–19).

В кургане Разлив X четыре могилы, в которых погребено от 3 до 12 человек. Такое большое количество «коллективных» захоронений не известно в других окуневских могильниках, кроме Тас-Хазаа. Число погребенных в таких могилах женщин и мужчин приблизительно одинаково. В могиле 1 из восьми погребенных – трое мужчин и три женщины, в могиле 6 из 12 человек – четверо мужчин и шесть женщин. Несколько особняком стоят две другие «коллективные» могилы: третья и одиннадцатая. В могиле 3 похоронены двое мужчин (20–30 лет и старше 60 лет), юноша и новорожденный. Вполне возможно, что здесь были погребены двое мужчин и молодая женщина с младенцем. В могиле 11 захоронены три женщины 40–60 лет и старше. Последовательность подхоронения не устанавливается. Третья группа погребений – детские захоронения – представлена тремя могилами. В могиле 4 отдельное погребение ребенка – вариант, широко распространенный в окуневское время. Могила 8 отнесена к этой же группе захоронений, исходя из размеров ящика. В могиле 7 похоронено четверо детей от 7 до 10 лет и младенец. Отличительной особенностью кургана Разлив X является отсутствие в нем одиночных взрослых погребений (за исключением сомнительного случая в могиле 10), хотя именно этот способ захоронения получает широкое распространение в окуневское время (Максименков, 1975, с. 6, 27).

Новым признаком следует считать посмертную трепанацию черепов погребенных из кургана Разлив X. Подобное явление для окуневской культуры было отмечено впервые, причины его неясны, но, скорее всего, они могут быть связаны с необходимостью длительного хранения голов умерших.

Отличается курган Разлив X от других известных окуневских могильников и наличием плит с рисунками в погребениях не только женщин или женщин с детьми (Максименков, 1980, с. 18). В четырех из пяти могил, где найдены плиты с изображениями, захоронены женщины, мужчины и дети. Исключение составляет могила 8, в которой не обнаружено останков умершего, но, судя по размерам, она относится к разряду детских.

Вещи, сопровождавшие погребенных, найдены лишь в трех могилах. Они крайне малочисленны, однако некоторые из них заслуживают особого внимания. В могиле 1 найден кремневый наконечник стрелы листовидной формы (рис. 6, *2*), аналогичный наконечникам стрел из погребений могильников Черновая VIII (Вадецкая, Леонтьев, Максименков,

[7] В этой работе Г.А. Максименков отказался от концепции «коллективных» погребений.

1980, табл. XX, *6–7*), Лебяжье (Максименков, 1981, рис. 3, 2) и др. В неграбленой могиле 2 обнаружена женская фигурка из мягкого желтоватого стеатита (рис. 6, *1*). В отличие от известных подобных изображений женщины из могильников Сыда V (Вадецкая, 1986, с. 32, рис. 4) и Черновая VIII (Вадецкая, Леонтьев, Максименков 1980, табл. XXIV, *1–10*) фигурка из Разлива X представляет собой не просто цилиндрический столбик, а имеет моделированные шею, плечи, торс, резко сужающийся книзу, тщательно проработанные черты лица. В точечных углублениях бровей сохранились мельчайшие остатки охры. В той же могиле у пояса погребенного находились две костяные пластинки с незавершенными антропоморфными изображениями (рис. 6, *3*).

В могиле 9 в головах погребенного стоял глиняный баночный сосуд, украшенный по тулову и дну косыми полосами зубчатого штампа и круглыми вдавлениями по венчику (рис. 6, *4*). Этот горшок, несмотря на некоторое своеобразие, не выпадает из многочисленной серии окуневских сосудов, найденных в курганах других могильников. Рядом с сосудом, за головой покойного был найден «амулет» из рога лося. Внешняя сторона его украшена рельефным орнаментом из ритмически повторяющихся волнистых линий. Внутренняя (полая), на которой хорошо видны следы обработки, густо покрыта охрой. На одном из отростков рога просверлено отверстие для подвешивания (рис. 6, *5*). Эта уникальная находка, являющаяся, скорее всего, культовой вещью, прямых аналогов не имеет. Следы охры сближают этот «амулет» с роговым предметом («ритон») из погребения 21 кургана 8 могильника Черновая VIII (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, табл. XXIII, *2*). Костяной игольник, найденный в этом же погребении, и пластинки из могилы 2 имеют многочисленные аналогии в Черновой VIII, Сыде V и других окуневских могильниках (там же, табл. XVIII, *9–17*; XXIV, *12–13*, *16–17*). Малое количество инвентаря в кургане Разлив X не совсем обычно даже для грабленых погребений окуневского времени.

Особенностью кургана Разлив X является большое количество плит с изображениями, выполненными различной техникой: выбивкой по контуру, выбивкой с последующей протиркой по всей плоскости изображения, гравировкой и прочерчиванием. Кроме того, на некоторых плитах встречается сочетание перечисленных выше технических приемов с последующей прокраской охрой или просто полосы, нанесенные охрой. Необычны гравированные рисунки людей и животных, выполненные тончайшими резными линиями. Особого внимания заслуживают этнографические черты одежды, реалистически воспроизведенные древними художниками: покрой одежды, меховые(?) аппликации, различного фасона головные уборы, украшения для волос, разнообразные прически от сложных укладок до свободно ниспадающих на плечи длинных прядей. Здесь же представлена большая серия копытных животных. Совершенно определенно устанавливаются изображения коров и быков. Их экстерьер резко отличен от известного до сих пор по рисункам на плитах из других могильников. Своеобразие иконографии, проработка мельчайших деталей, «раскрашенность» морд и туловищ составляют основу нового стиля в традиционной, казалось бы, окуневской изобразительной манере.

Вместе с тем курган в пункте Разлив X, несмотря на некоторые особенности погребального обряда, не противоречит общей характеристике известных памятников окуневской культуры, а дополняет полученные ранее выводы. Умерших мужчин несколько меньше, чем женщин; средняя продолжительность жизни такая же, как и по материалам других окуневских могильников; квадратная ограда и могилы сооружены из вертикально поставленных каменных плит.

Несмотря на ограбленность кургана Разлив X, получена серия типичных окуневских вещей: сосуд, игольник, стеатитовая фигурка, пластинки с антропоморфными изображениями, наконечник стрелы и многочисленные плиты с рисунками. Их сюжеты и мотивы не отличаются от известного набора персонажей на плитах из других могильников. Однако и здесь имеются свои особенности. В первую очередь это относится к реалистическим изображениям людей. Ничего подобного до раскопок кургана Разлив X не было известно. После открытия своеобразной манеры изображения животных на его плитах стало возможным отнесение к этой группе отдельных рисунков Сулекской писаницы, животных с плиты из Аскиза и др. (Леонтьев, 1978, рис. 12). Дата комплекса Разлив X определяется в границах окуневской культуры, может быть ее финальной стадии (Вадецкая, 1986, с. 36). По мнению Н.В. Леонтьева, антропоморфная личина из могилы 9 относится к третьей подгруппе черновской стадии развития окуневского искусства, завершая его классический период (Леонтьев, 1978, рис. 92–95).

Не противоречит этой дате и сосуд, наиболее близкий по своей форме и орнаментации сосуду из окуневской могилы памятника «Стрелка» (Савинов, 1981, с. 116).

Таким образом, материалы, полученные при раскопках кургана в пункте Разлив X, подтверждают крайнюю необходимость дальнейших поисков и раскопок памятников окуневской культуры. Продолжение их исследования в Минусинской котловине и на сопредельных территориях, несомненно, даст новый материал по этой культуре, который позволит ответить на ряд нерешенных и спорных вопросов.

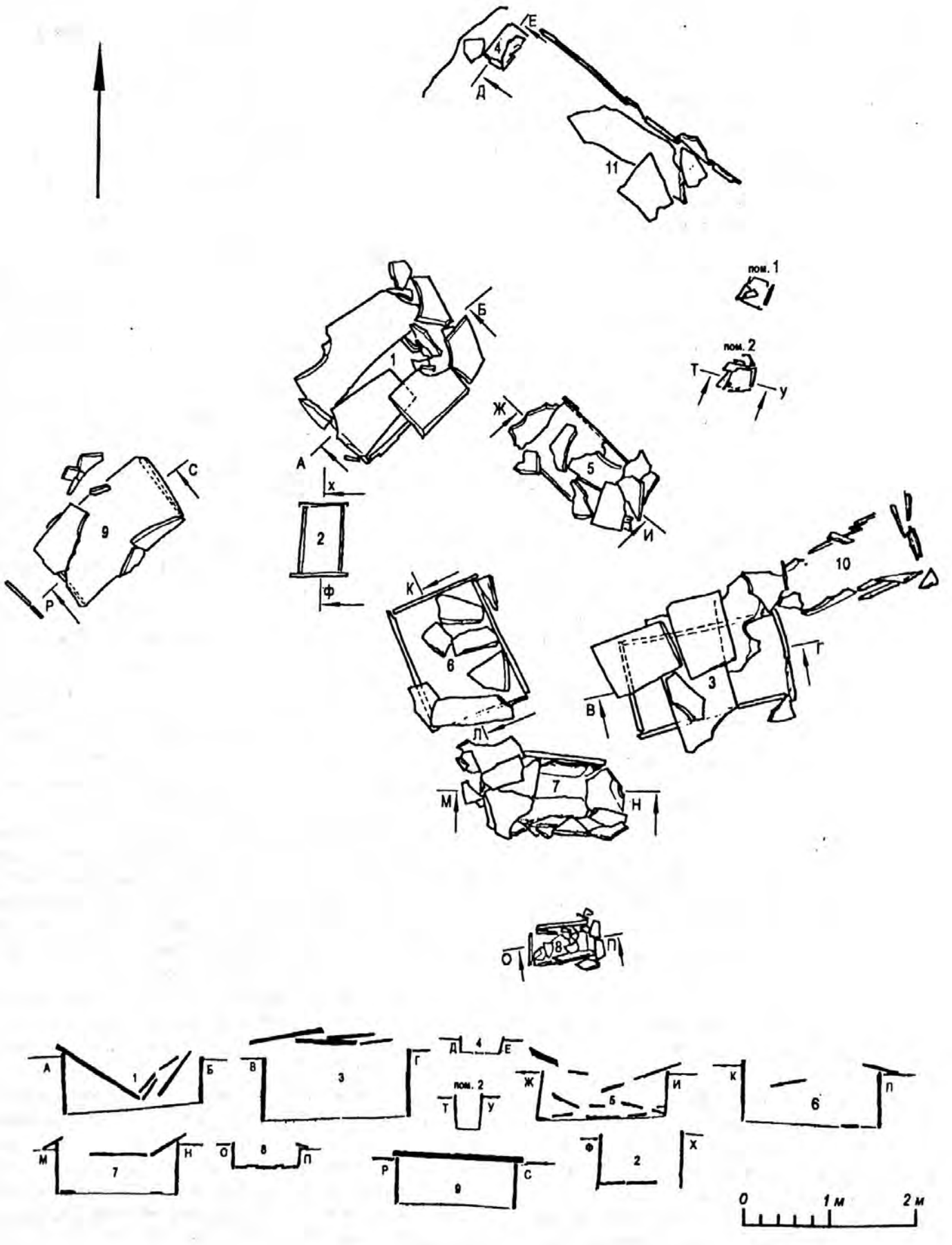

Рис. 1 План ограды кургана Разлив X после расчистки

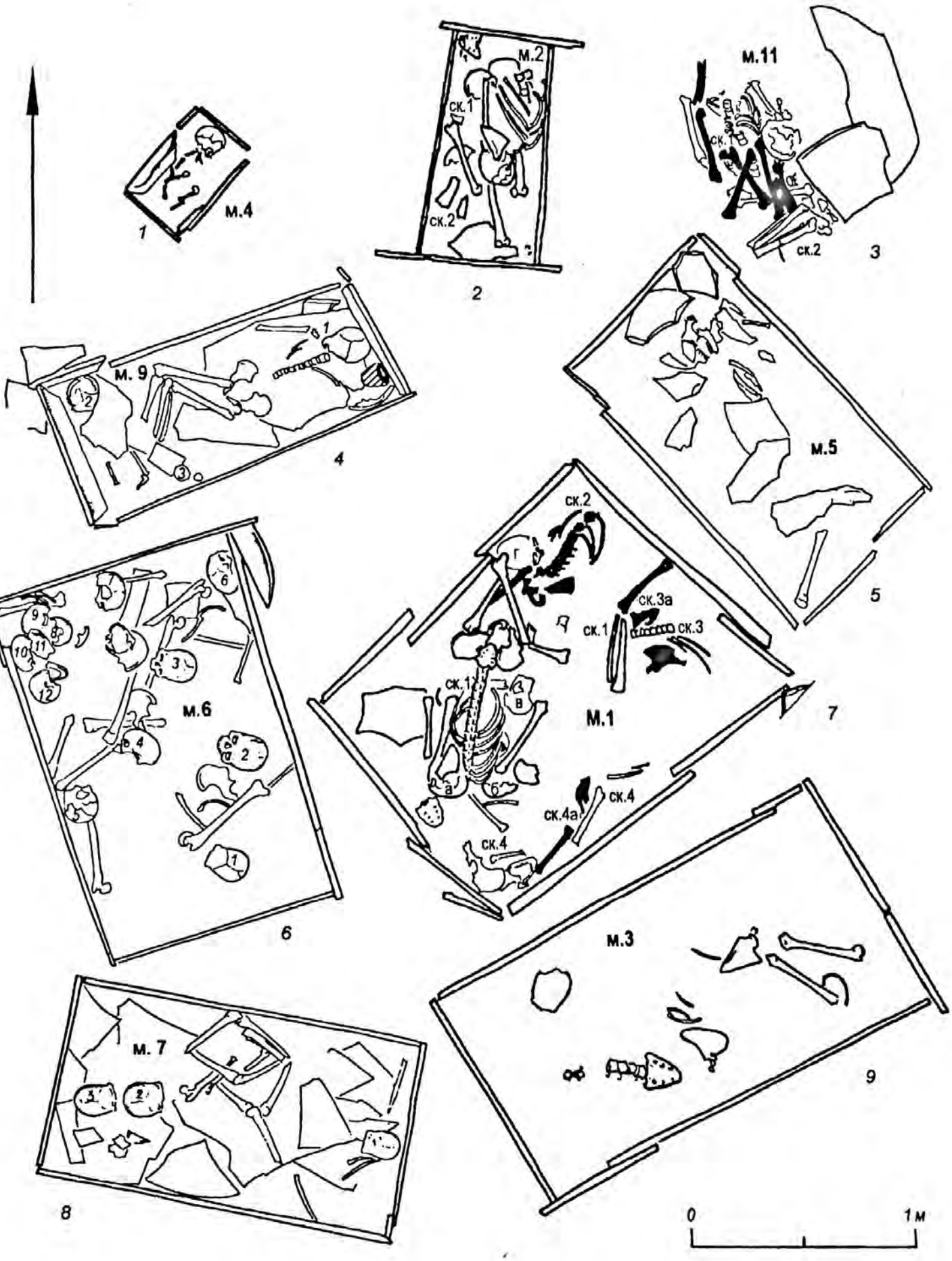

Рис. 2 Планы могил кургана Разлив X:

1 – мог. 4; *2* – мог. 2; *3* – мог. 11; *4* – мог. 9; *5* – мог. 5; *6* – мог. 6; *7* – мог. 1; *8* – мог. 7; *9* – мог. 3

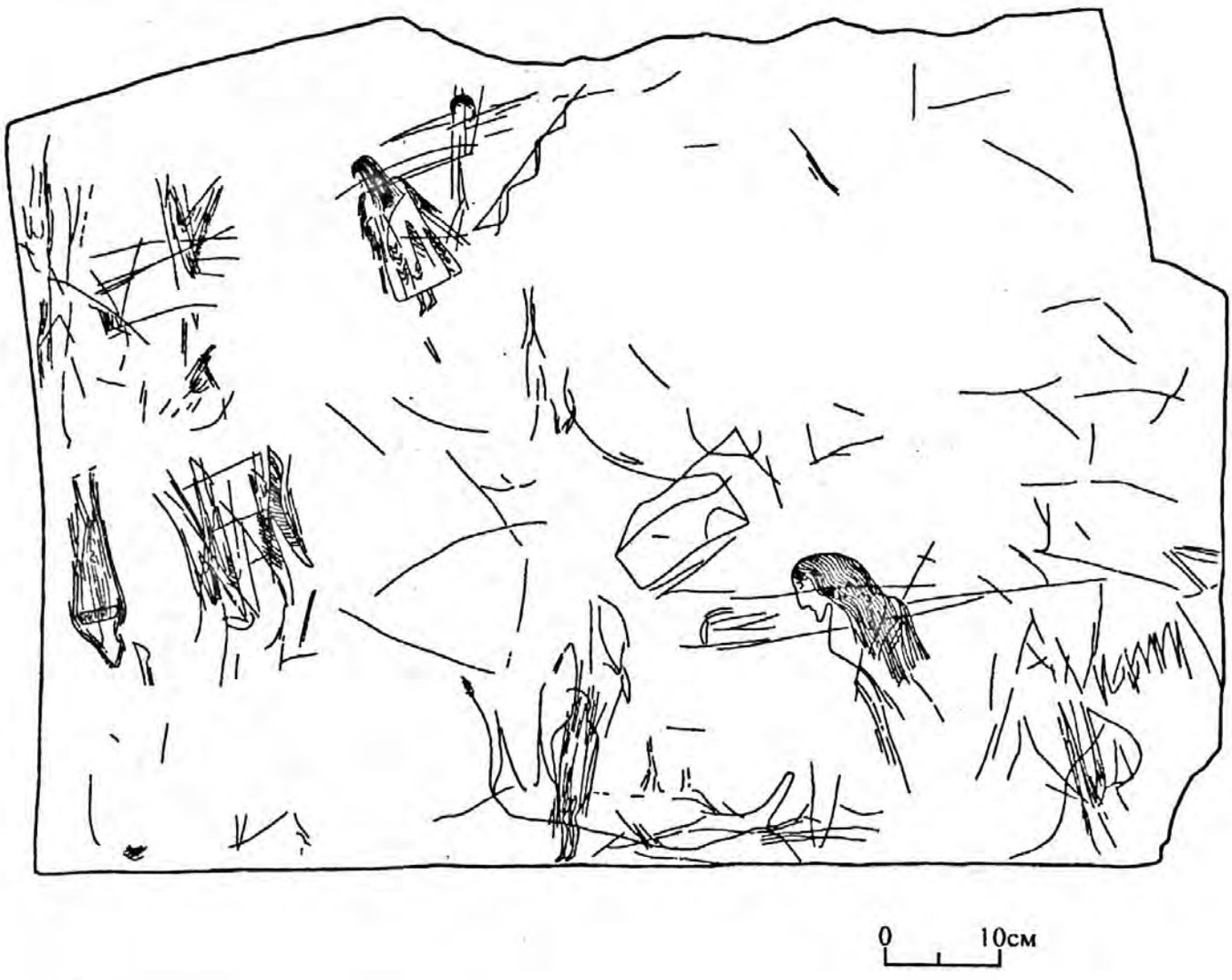
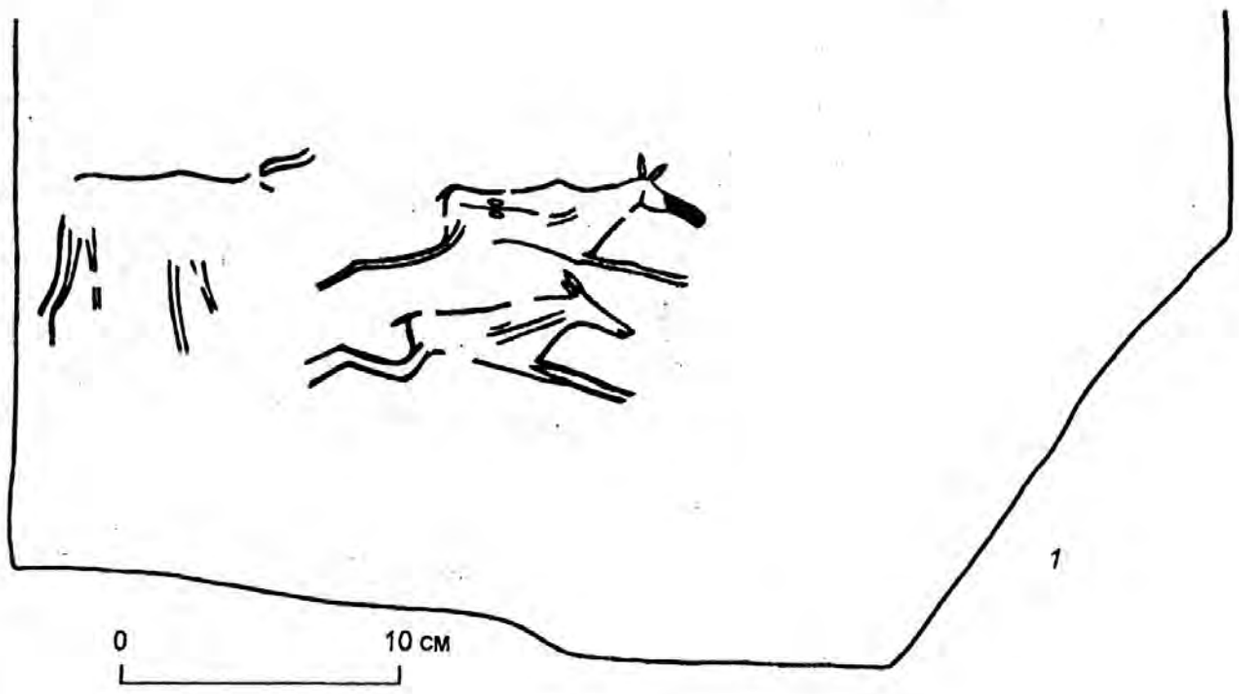

Рис. 3 Изображения на внутренней стороне одной из плит юго-восточной стенки ящика могилы 1

Рис. 4 Изображения на внешней стороне одной из плит юго-восточной стенки ящика могилы 1

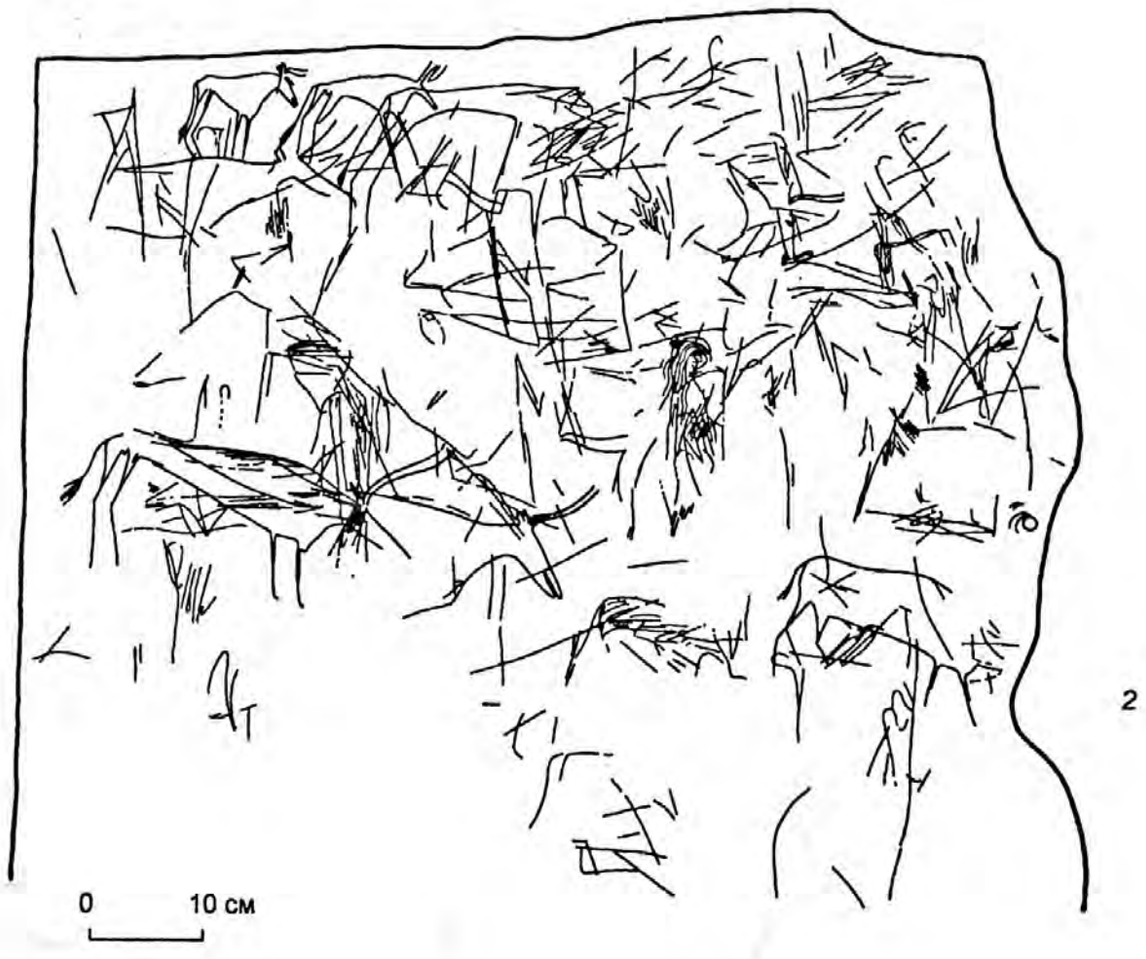

Рис. 5 *1* – изображения копытных животных на внутренней стороне одной из плит северо-западной стенки ящика могилы 1; *2* – изображения на внутренней стороне одной из плит юго-западной стенки ящика могилы 1

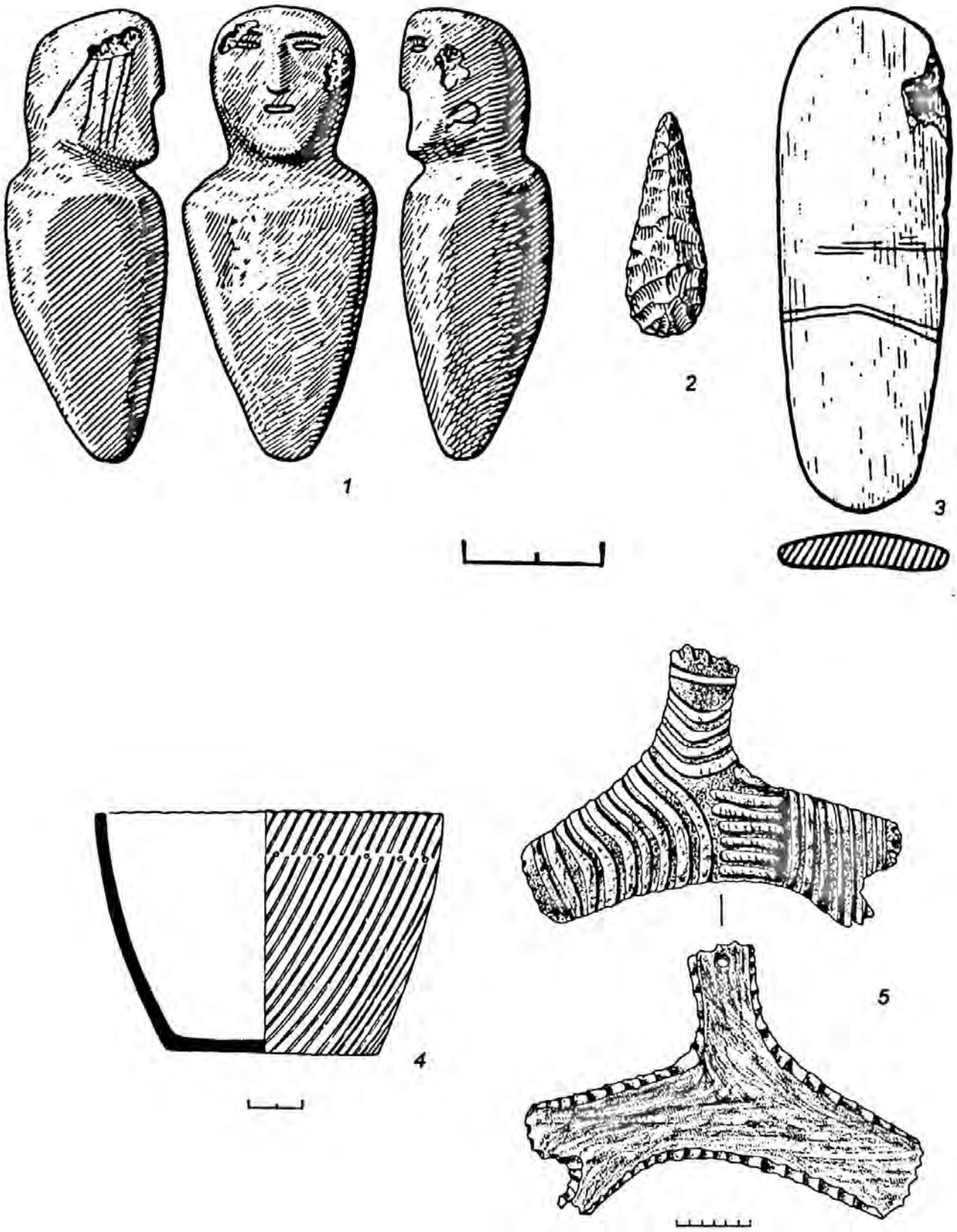
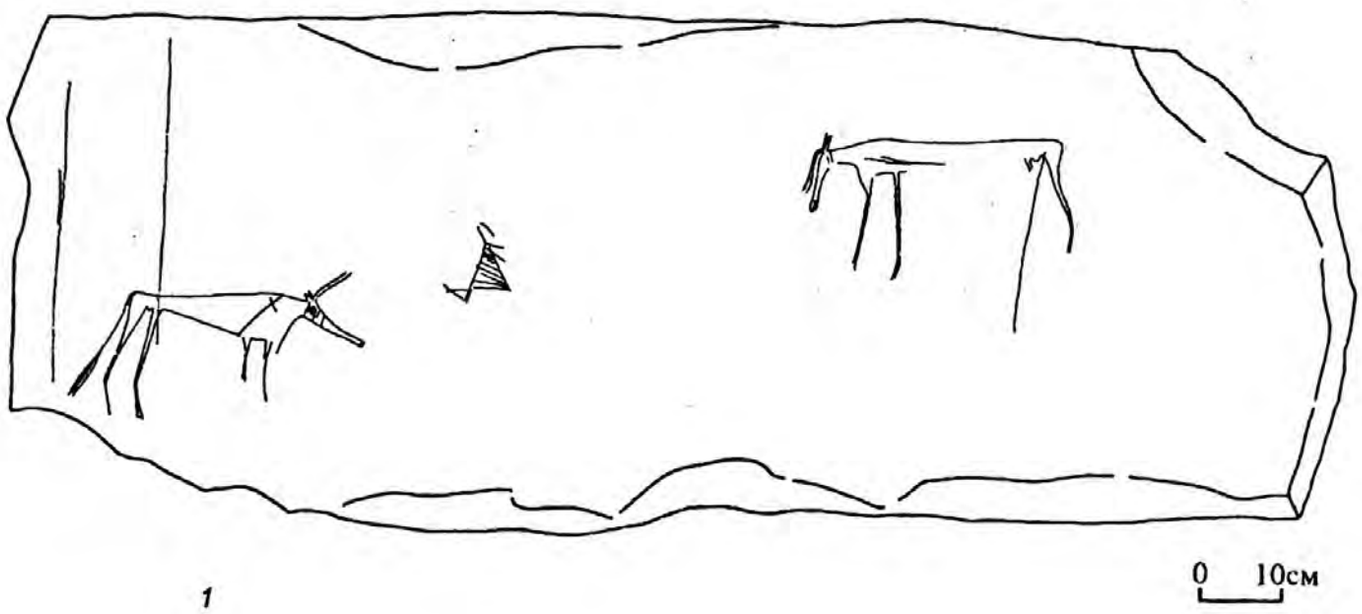
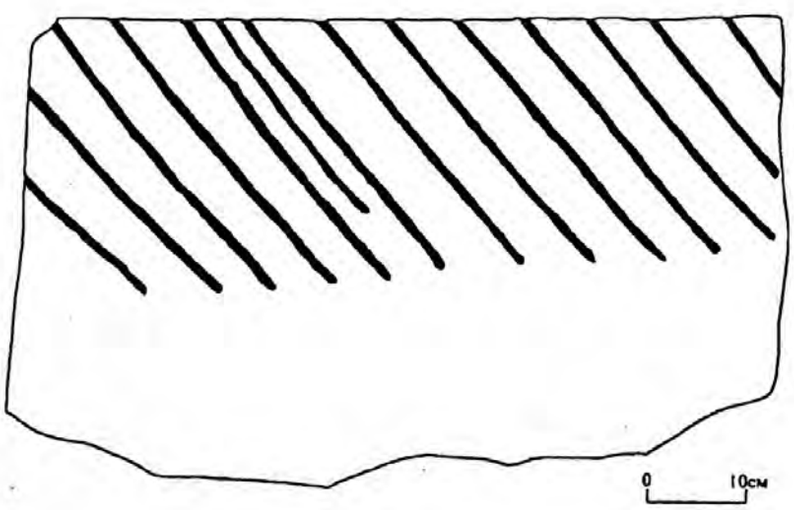

Рис. 6 *1, 3* – стеатитовая фигурка и костяная пластинка из могилы 2;
2 – кремневый наконечник стрелы из могилы 1;
4, 5 – глиняный сосуд и «амулет» из рога лося, покрытый охрой, из могилы 9

1

2

Рис. 7 *1* – изображения фигур копытных животных на внутренней стороне юго-восточной стенки ящика могилы 9; *2* – изображение косых линий со следами охры на плите юго-западной стенки ящика могилы 5

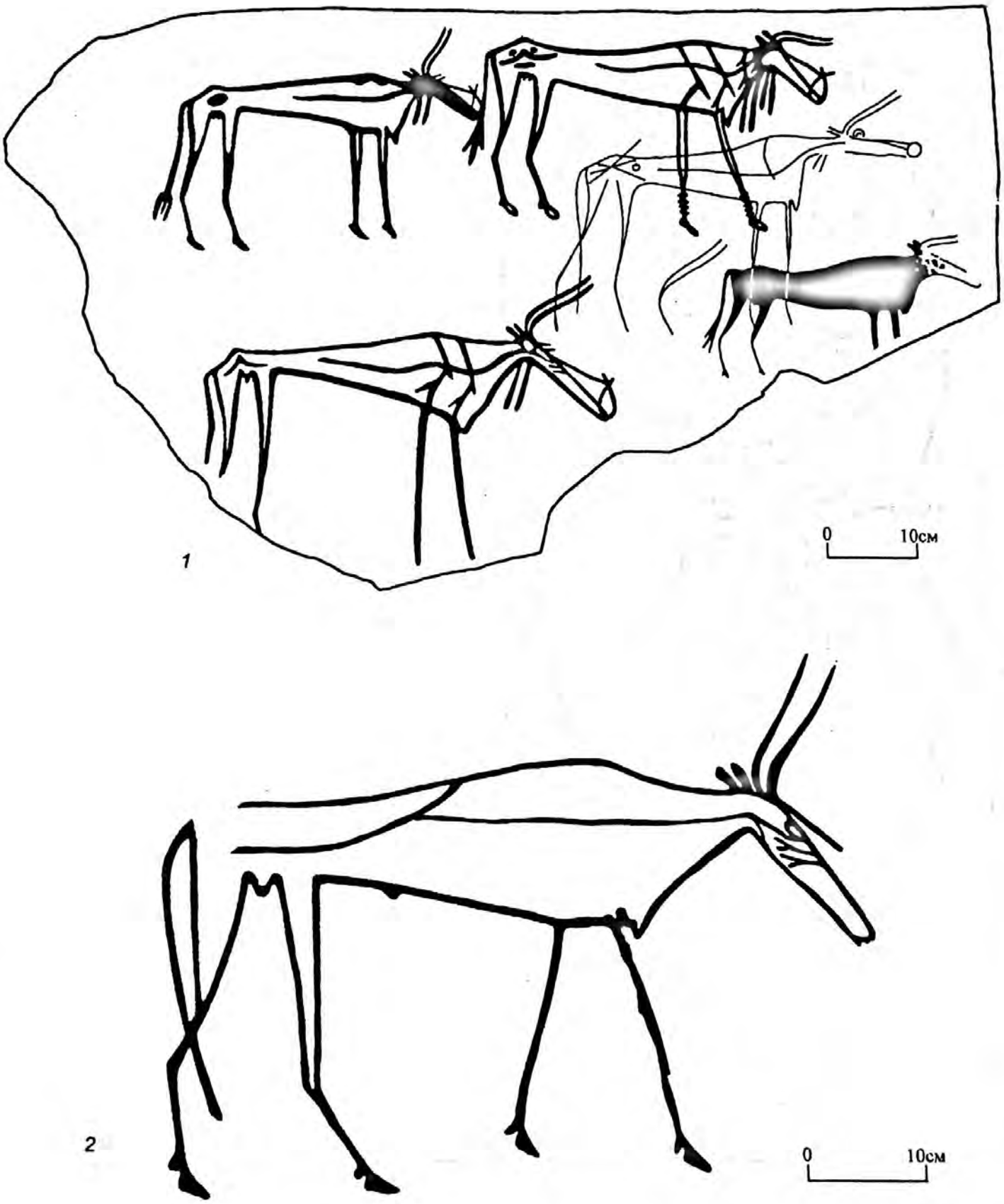

Рис. 8 *1* – изображения коров и быков на северной стенке ящика могилы 8;
2 – изображение коровы(?) на восточной стенке ящика могилы 6

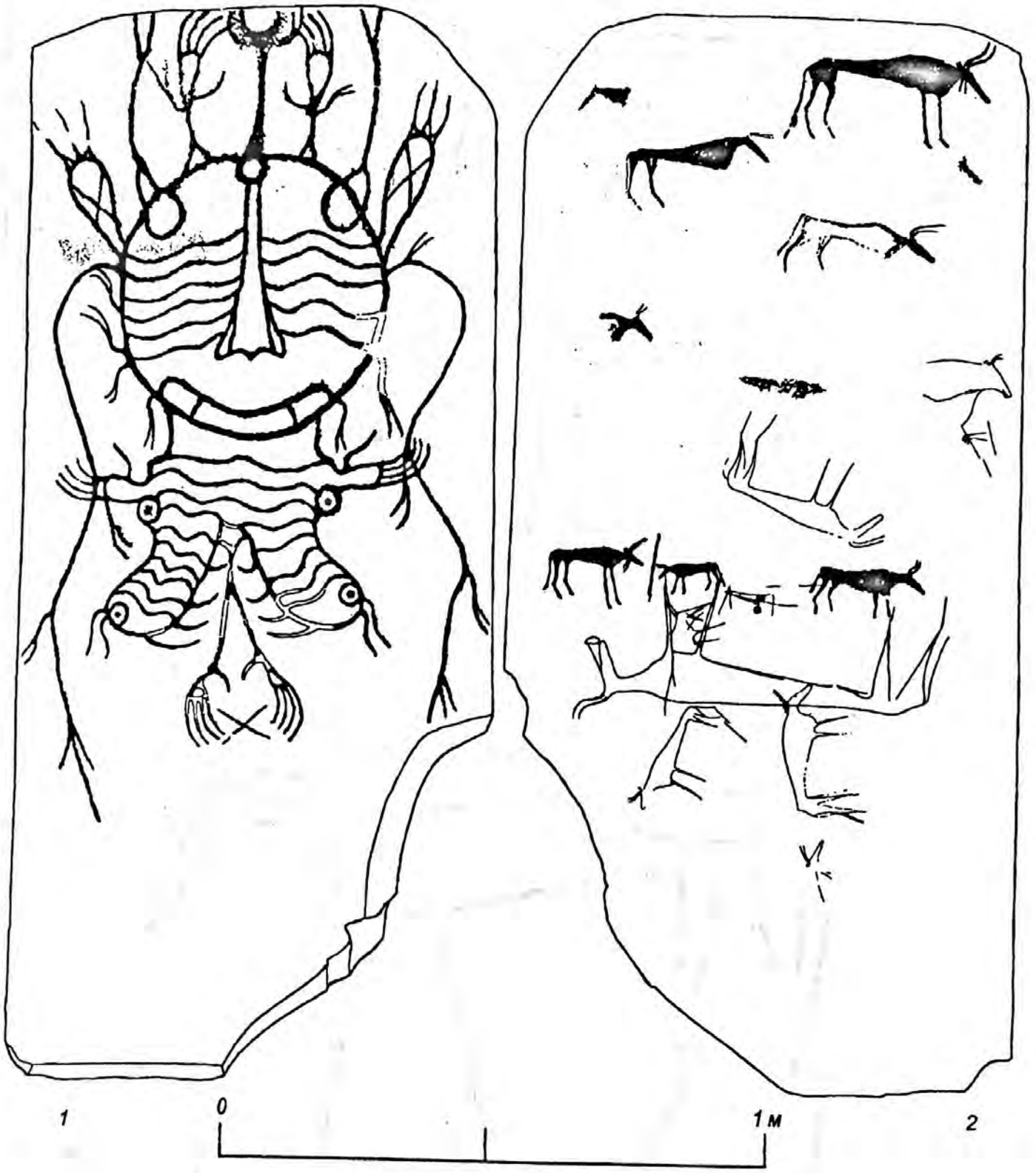

Рис. 9 Изображения на плите покрытия могилы 9:
1– антропоморфная личина с хищным зверем на внутренней стороне;
2 – фигуры крупных рогатых животных и повозки на внешней стороне

Я.А. Шер, С.П. Грушин

Могильник раннего бронзового века Черемушный лог I

В 1960–1972 гг. в связи с сооружением водохранилища Красноярской ГЭС на территории Хакасско-Минусинской котловины проводились масштабные археологические раскопки, главная задача которых состояла в том, чтобы исследовать древние памятники, уходящие под воду. Сроки и средства были весьма ограничены, раскопки велись в "пожарном" порядке. В таких условиях обработка, анализ и публикация новых данных существенным образом отставали от высоких темпов накопления археологических материалов. Часть из них, несмотря на то, что с момента раскопок прошло уже около полувека, до сих пор либо не опубликована, либо опубликована с ошибками. Введение в научный оборот этих материалов безусловно актуально, тем более что в данном случае речь идет о древностях, связанных с одной из самых интересных культур раннего бронзового века Южной Сибири – окуневской.

Могильник Черемушный Лог-I расположен на правом берегу Енисея в 4 км выше дер. Байкалово. В отчете А.В. Адрианова 1904 г. это место названо «Третий лог вверх от деревни Байкалово». В отчете о раскопках 1963 г. этот памятник фигурировал под тем же названием. Впоследствии местные жители сообщили настоящее название лога. В этом месте берег Енисея, сложенный девонским песчаником, высокий, обрывистый. В настоящее время Черемушный лог затоплен настолько, что на поверхности видна только его верхняя часть. Глубина водохранилища в июле-августе достигает здесь 40 м (Широков и др., 1974, с. 131).

До затопления на отвесных скальных выходах нижней части лога еще сохранялись разновременные наскальные рисунки[1], в том числе изображение антропоморфной фигуры в маске хищника, известное по ряду публикаций (Шер, 1980, с. 166–167), которое тоже обычно связывают с окуневской культурой (Вадецкая и др., 1980, табл. LIII, *128*). Часть этих петроглифов находилась на подножии скалы, образующей мыс в устье Черемушного лога, у его правого склона. На пологой вершине мыса, соответствующей восьмиметровой террасе, были обнаружены остатки древней стоянки, каменный инвентарь которой (скребки, чешуйчатые пластины, нуклеусы), по заключению З.А. Абрамовой, относится к верхнему палеолиту. В эпоху ранней бронзы вершина мыса была использована для устройства могильника (рис. 1).

В 1963 г. здесь была раскопана ограда, в которой исследовано 12 захоронений разного времени (рис. 2. *1, 2*). Наиболее древнее из них – неолитическое (могила № 7) – было опубликовано (Хлобыстин, Шер, 1966). Данная статья посвящена материалам, обнаруженным при раскопках остальных могил. Найденные вещи хранятся в фондах Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (оп. 22, кол. 2378/1–23)[2], отчет и полевая документация в рукописном архиве (РА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 143; РА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 79) и в фотоархиве ИИМК РАН (ФА, о. 2543). Все антропологические определения принадлежат З.Б. Альтману и Д.Г. Рохлину, функциональные – С.А. Семенову и Г.Ф. Коробковой, определение костей животных выполнено Н.М. Ермоловой.

Ограда была расположена на краю террасы, у кромки обрыва берега (рис. 1). Над поверхностью почвы выступали края прямоугольных каменных ящиков, ориентированных по-разному (рис. 2, *2*). Размеры ограды 25×10 м, ориентировка длинной стороной по линии С–Ю. Сохранились только северо-западный угол и часть восточной стенки ограды из свалившихся песчаниковых плит, поставленных когда-то на ребро (рис. 2, *1*).

Могила № 1. Каменный ящик из поставленных на ребро плит. Сохранились северная и западная стенки. Размеры – 160×70×20 см (последовательность размеров: длина, ширина, высота), ориентировка – длинной осью по линии ВЮВ–ЗСЗ. На дне остатки настила из плиток. В восточной части могилы – кости подростка 14–16 лет.

Могила № 2. От каменного ящика сохранилась часть северной стенки. Вероятные размеры камеры 110×60×55 см, ориентировка – длинной осью по линии ВЮВ–ЗСЗ. В могиле был скелет ребенка 10–12 лет. Сохранность костей плохая. Судя по ним, погребенный был уложен на спину головой на ВЮВ. Ноги согнуты в коленях, которые сначала были приподняты, а позже свалились.

Могила № 3. Каменный ящик из поставленных на ребро плит. Размеры: 90×70×60 см, ориентировка – длинной осью по линии ВЮВ–ЗСЗ. На дне были остатки настила из мелких плиток. Края

[1] Полную публикацию см.: Sher, 1999.

[2] Авторы выражают благодарность сотруднику Государственного Эрмитажа К.В. Чугунову за помощь в подготовке данных материалов к полной публикации.

ящика разрушены. В могиле – обломки костей ребенка 6–8 лет и несколько фрагментов керамики, украшенной оттисками "шагающей гребенки" (рис. 3, *7, 10*).

Могила № 4. Каменный ящик из поставленных на ребро четырех плит. Размеры камеры 50×45×35 см, ориентировка – длинной осью по линии СВ–ЮЗ. На дне остатки настила из мелких плиток. В могиле были кальцинированные кости и фрагменты керамического сосуда баночной формы, украшенного оттисками гребенчатого штампа в виде вертикальной "елочки" (рис. 7).

Могила № 5. Каменный ящик из массивных плит, поставленных на ребро. За пределами ящика прослеживались остатки двух параллельных стенок. Размеры камеры 140×80×70 см, ориентировка – длинной осью по линии В-З. В заполнении встречались остатки покрытия из мелких плиток. В могиле были обломки костей, среди которых две нижние челюсти взрослых людей и мелкие фрагменты керамики, орнаментированные оттисками "шагающей гребенки" (рис. 3, *1*). За пределами могилы, возле ее юго-восточного угла находилась еще одна нижняя челюсть взрослого человека.

Могила № 6. Каменный ящик из поставленных на ребро плит. Размеры камеры 150×80×45 см, ориентировка – длинной осью по линии ВСВ–ЗЮЗ. В могиле в беспорядке находились обломки черепа, берцовой и других костей подростка в возрасте 14 лет, двадцать обломков подъязычных костей оленя от нескольких особей (рис. 5), на концах трех из них просверлены отверстия (рис. 5, *11–13*), четыре кости os penis взрослых медведей, две подвески из зубов медведя, размерами 1,9×1,3 см и 2,0×1,4 см, с просверленными отверстиями для подвешивания и другими следами обработки (рис. 4, *1*, 2).

Могила № 8. Каменный ящик из поставленных на ребро четырех плит. Сохранилась часть покрытия из крупных плит. Размеры камеры 200×100×70 см, ориентировка – длинной осью по линии СЗ–ЮВ. В могиле находились разрозненные кости и череп мужчины 40–45 лет, а также девять пястных и три плюсневых кости косули от шести особей: трех взрослых и трех – молодых.

Могила № 9. Каменный ящик из развалленных мелких и крупных плит, среди которых были найдены обломки костей и черепа ребенка 7–9 лет.

Могила № 10. Каменный ящик из поставленных на ребро плит. Размеры камеры 170×80×45 см. Сооружение ориентировано длинной осью по линии В–З. В могиле обнаружены разрозненные кости ног и таза мужчины 40–50 лет. Погребальный инвентарь представлен фрагментами керамического сосуда, стенки которого были украшены ямочными вдавлениями, под венчиком – ряд "жемчужин", дно орнаментировано прочерченными параллельными и перпендикулярными линиями (рис. 8). В нескольких местах на стенке сосуда заметны следы охры. В ящике обнаружена сердоликовая бусина оранжевого цвета, цилиндрической формы, длинной 1,8 см, со сквозным биконическим отверстием (рис. 4, *3*) и костяной черешковый наконечник стрелы длинной 3,8 см с ромбическим сечением пера (рис.4, *4*).

Могила № 11. Каменный ящик из поставленных на ребро плит. Размеры камеры 130×70×40 см. Сооружение ориентировано длинной осью по линии ССЗ–ЮЮВ. На дне могилы отмечены остатки настила из каменных плиток. В ящике были найдены разрозненные неопределимые кости человека и фрагменты сосуда баночной формы, с округлым дном, орнаментированного горизонтальными лентами из оттисков лопаточки, разделенных прочерченными линиями. Под венчиком пояс из сформированных пальцами "жемчужин" (рис. 6, *4*). Особо необходимо отметить находку миниатюрной глиняной курильницы на поддоне (рис. 6, *1*). Ее диаметр 3,2 см, высота – 2,2 см, сбоку имеются два сквозных отверстия (рис. 6, *2*). Курильница орнаментирована волнистой прочерченной линией (рис. 6, *3*). В восточном углу могилы, на дне обнаружены кости трех взрослых волков: восемь плюсневых и одна пястная. Кости располагались компактным скоплением, в виде Т-образной фигуры.

Могила № 12. Каменный ящик из поставленных на ребро плит, из которых сохранилось три стенки. Размеры: 120×80×30 см, ориентировка длинной осью по линии С–Ю. Находок нет.

Такие характеристики захоронений, как погребальный инвентарь, положение погребенных, керамический комплекс из могильника Черемушный лог I имеют аналогии в окуневских памятниках Хакасско-Минусинской котловины. Подобные формы сосудов и орнаментальные композиции на керамике встречаются в материалах могильника Черновая VIII (Вадецкая и др., 1980, табл. XXVII, *6*) и Уйбат III (Лазаретов, 1997, табл. XVII, *2*; XVIII, *1, 2, 7*; XIX, *1*; XXI, *1, 3, 4, 5, 7*). Подвески из зубов медведя, аналогичные обнаруженным в могиле № 6, были найдены в могиле № 21 кургана № 8 могильника Черновая VIII (Вадецкая и др., 1980, табл. XXI, *4*) и в могильнике у с. Лебяжье (Максименков, 1981, с. 94–102). Семь заполированных подъязычных костей косули, четыре из которых с отверстиями, были встречены в могильнике Верх. Аскиз I, курган № 2, могила № 21 (Ковалев, 1997, табл. XI, *31*), аналогичные две кости животного – лося (?) со следами охры обнаружены на могильнике Уйбат V, курган № 1, могила № 3 (Лазаретов, 1997, с. 23; табл. XV, *3, 4*).

Уникальной можно считать находку керамической модели курильницы из могилы № 11 (рис. 6, *1, 2*). Сибирские курильницы, имеющие сходство с изделиями из восточноевропейских и северокавказских комплексов энеолита и бронзового века, на территории Минусинской котловины представлены в материалах афанасьевской и окуневской культур (Теплоухов, 1927, с. 75; 1929, с. 53; Вадецкая, 1986; Ковалев, Резепкин, 1995).

Однако точные аналогии находке из могильника Черемушный лог I пока неизвестны. К сожалению, могила в которой была найдена курильница, разрушилась задолго до раскопок, что не дает возможности достоверно определить первоначальное положение предмета и высказать обоснованные предположения относительно особенностей его использования. Можно только отметить, что два сквозных отверстия в курильнице могли использоваться для подвешивания.

Подводя итог рассмотрению материалов из могильника Черемушный лог I, можно сделать вывод, что его отдельные элементы имеют сходство с афанасьевскими памятниками, однако совокупность признаков, прежде всего особенности керамики, характер погребальных конструкций позволяют соотнести основной комплекс с окуневскими древностями. Исключение, на наш взгляд, может составлять могила № 4, в которой обнаружен сосуд, по форме и орнаментации близкий к андроновским керамическим традициям (рис. 7). Данное захоронение отличается от остальных наличием кальцинированных костей, что указывает на обряд кремации. Такая особенность погребального обряда зафиксирована в андроновских памятниках Хакасско-Минусинской котловины (Максименков, 1978, с. 60).

Таким образом, на могильнике Черемушный лог I исследованы разновременные захоронения трех культурно-хронологических периодов: неолита (могила № 7), окуневского времени (могилы №№ 1–3, 5, 6, 8–12) и андроновской эпохи (могила № 4). Безынвентарные захоронения в могилах № № 1, 8, 9, 12 отнесены к окуневскому времени условно.

Культурно-хронологическая интерпретация результатов раскопок всегда связана с определенными трудностями, – особенно, когда памятник подвергся разрушению еще до раскопок. Прежде всего, напомним, что восстановить первоначальный вид и состав могильника было невозможно еще до затопления, поскольку большая часть ограды была разрушена уже тогда. Сохранился только ее северо-западный угол и небольшая часть восточной стенки. Какое место в ограде занимала могила № 7 (неолит) – неясно по той же причине. Ее датировка в свое время вызвала споры. Обсуждение доклада Я.А. Шера и Л.П. Хлобыстина в секторе палеолита ЛОИА АН СССР было более подробным, чем отражено в публикации (Хлобыстин, Шер, 1966, с. 54). М.П. Грязнов и Г.А. Максименков считали эту могилу окуневской, А.П. Окладников, Н.Н. Гурина и Л.Я. Крижевская – неолитической. Вместе с тем более поздние могилы достаточно цельно вписаны в рамки ограниченной сохранившейся территории ограды, и случаев перекрывания их друг другом не отмечено; это касается и андроновского захоронения. Такое расположение могил может свидетельствовать о том, что их устроители в окуневский и андроновский периоды узнавали в более ранних объектах именно захоронения и обустраивали свои могилы с учетом уже имеющихся. Аналогичная ситуация отмечалась исследователями при рассмотрении планиграфии древних и средневековых могильников Горного Алтая: пристройка к афанасьевским объектам курганов в раннескифское время (Абдулганеев, Ларин, 1992, с. 32) или, например, в Малталу IV: захоронения эпохи ранних кочевников расположены рядом с насыпью крупного кургана эпохи бронзы. Такая же ситуация подмечена и в планировке других могильников на реках Юстыд и Уландрык (Кубарев, 1992, с. 9). Вероятнее всего, ограда на могильнике Черемушный лог I была сооружена в окуневское время, на которое приходится постройка большинства объектов, позднее к ним был пристроен андроновский ящик.

При интерпретации археологических фактов и наблюдений необходимо рассматривать разные гипотезы. Исходя из тех противоречий, которые сопровождают феномен окуневской культуры с момента его появления (см. статью Я.А. Шера в данном сборнике), представленные здесь материалы могут получить и другое объяснение. В публикации, обобщающей результаты раскопок окуневских могил (Максименков, 1965), было указано на наличие скотоводства у окуневцев, а также на то, что многочисленные изваяния со сложной символикой тоже относятся к окуневской культуре (см. также: Вадецкая, 1965). О наличии скотоводства обычно судят по находкам костей домашних животных в могилах, то есть по остаткам заупокойной пищи. Ни в одной из окуневских могил Черновой-VIII, в устье Черновой и в Лебяжьем костей домашних животных нет[3]. Астрагалы баранов и косуль нельзя считать остатками пищи, поскольку многие из них имеют знаки. К тому же косуля – не домашнее животное. При этом нередки находки клыков и зубов медведя с просверленными отверстиями, плюсневых и пястной костей взрослых волков, а также черепов журавля и других диких птиц.

Что касается изваяний и рисунков на могильных плитах, то их символика и изображения домашних быков и коров, а также повозок и колесниц как раз напрямую указывают на развитое скотоводство с преобладанием крупного рогатого скота и лошадей. Предположения о неоднородности материалов, объединенных под наименованием окуневской культуры, и особенно о неоднородности изваяний, которые уже высказывались

[3] Это утверждение не может быть столь категоричным. По Э.Б. Вадецкой, «в самих могилах редко встречаются кости домашних животных: коровы, овцы, лошади. Зато они, как и кости косули, найдены на поселении Кадат VI. В культовых ямах под г. Минусинском были захоронены шкуры (с головами и ногами) быка, барана, лошади» (Вадецкая, 1986, с. 341). См. также статью А. Наглера и Г. Парцингера в настоящем сборнике. – *Редакторы.*

более 35 лет назад (Формозов, 1969, с. 190–210) и позднее (Шер, 1980, с. 216–229), пока не опровергнуты. Окуневские могилы внутри афанасьевских курганов (Максименков, 1965а, с. 204–211) можно объяснить не только как впускные и, следовательно, более поздние, но и как результат экзогамных отношений между соседними культурами: пришлыми скотоводами-афанасьевцами и местными жителями поймы Енисея. Подобные захоронения наблюдались при раскопках афанасьевского могильника Красный Яр и на других памятниках (Вадецкая, 1981, с. 61–62). Единственный случай в Черновой-VI, когда окуневский каменный ящик углом перекрывает разложившееся дерево перекрытия афанасьевской могилы, не означает, что он относится к другому этапу. Разница во времени могла быть в 10–20 лет.

В свете этих замечаний исследованную часть разрушенного могильника Черемушный лог I можно объяснить и так, что это было единственное удобное в данном логу место для кладбища и использовалось оно неоднократно. Сначала в неолите или в раннем энеолите, затем в афанасьевско-окуневское и еще позднее – в андроновское время. Какова продолжительность интервалов времени между ними, без абсолютных дат сказать невозможно.

Прибрежные лога и пойма Енисея в целом во все времена изобиловали дичью и рыбой. Еще в конце 50-х – начале 60-х годов XX в. мы встречали здесь маралов, кабанов, медведей. В реке ловились стерлядь, таймень, ленок и множество другой рыбы, на островах и протоках гнездились утки, гуси. Много птицы было и на прибрежных склонах. Пришедшие с запада скотоводы (афанасьевцы) не конфликтовали с местными жителями поймы, поскольку, живя рядом, эксплуатировали разные экологические ниши (Шер, 1991), но не могли обойтись без различных форм обмена с аборигенами, в том числе и без смешанных браков.

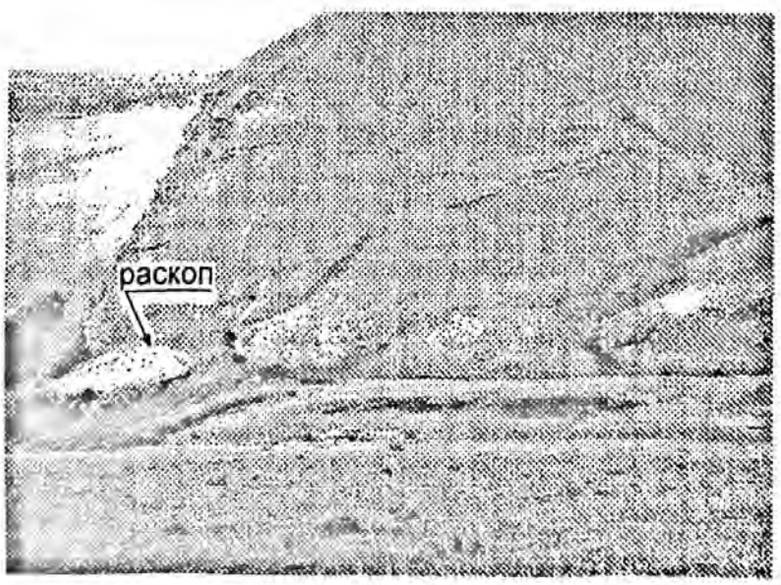

Рис. 1 Могильник Черемушный Лог-I. Вид с юга

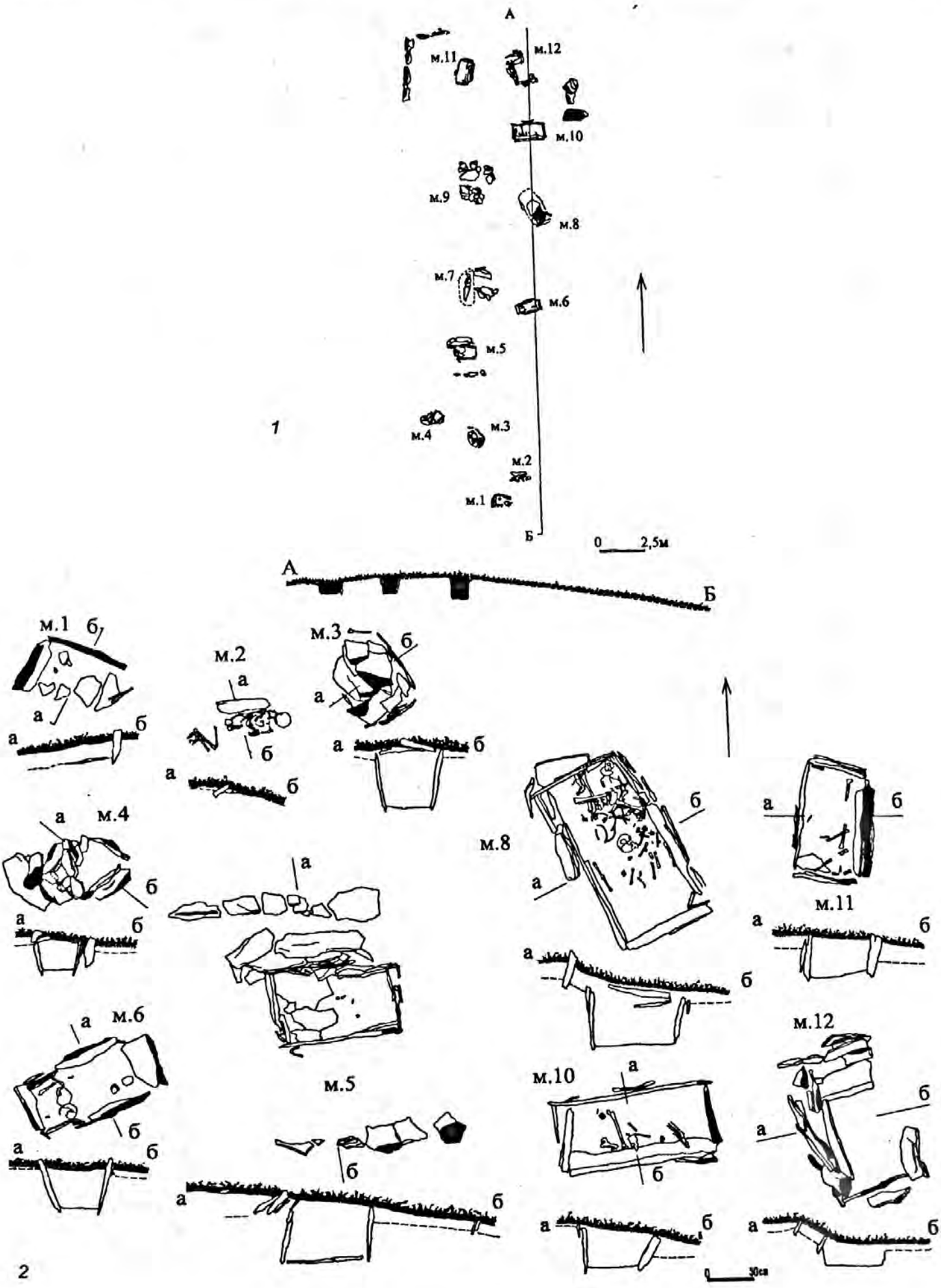

Рис. 2 Могильник Черемушный Лог-I:
1 – план и разрез исследованной ограды; *2* – планы и разрезы погребений

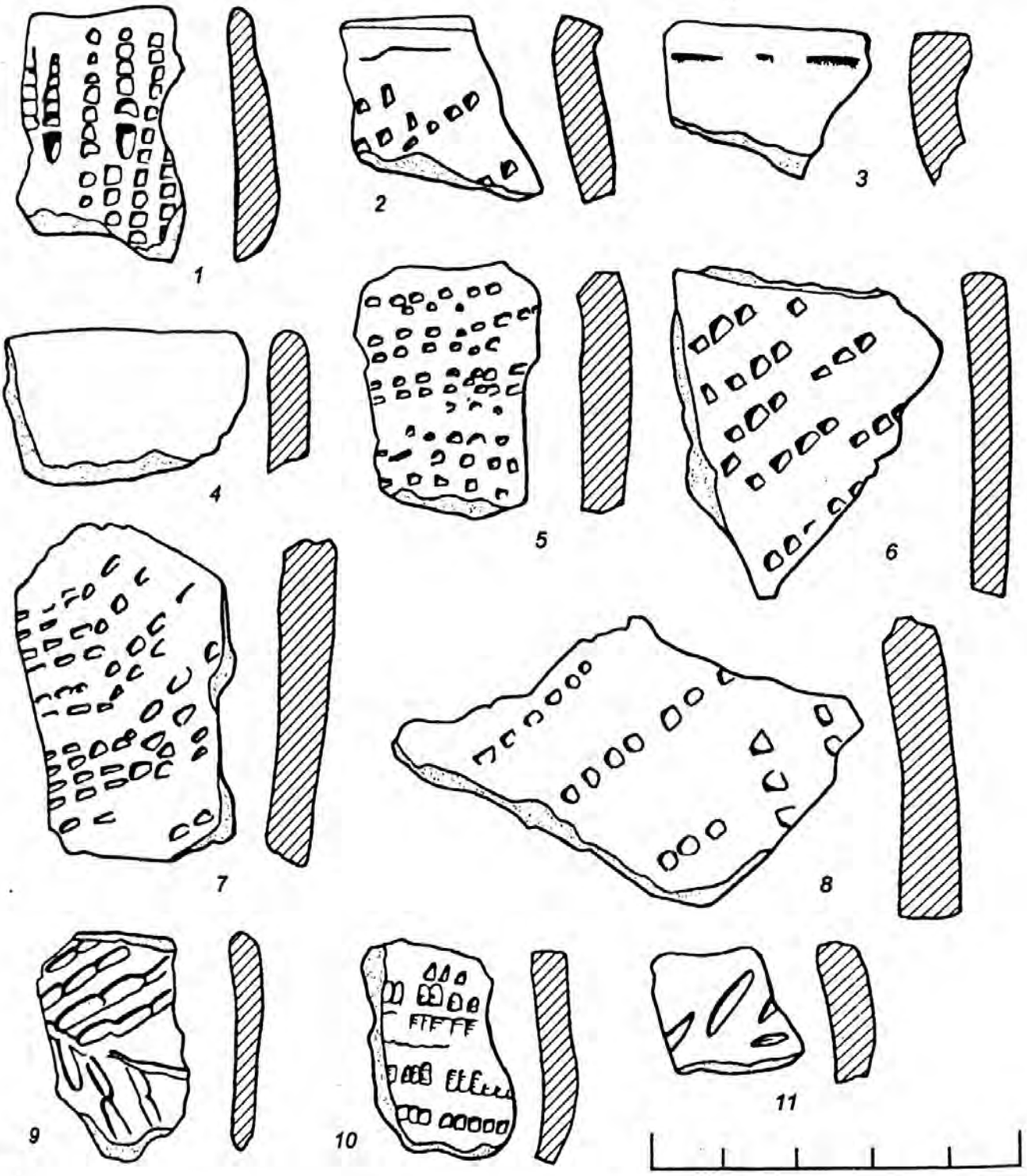

Рис. 3 Могильник Черемушный Лог-I. Керамика из погребений:
1 – могила № 5; *2*, *6* – могила № 4; *7*, *10* – могила № 3

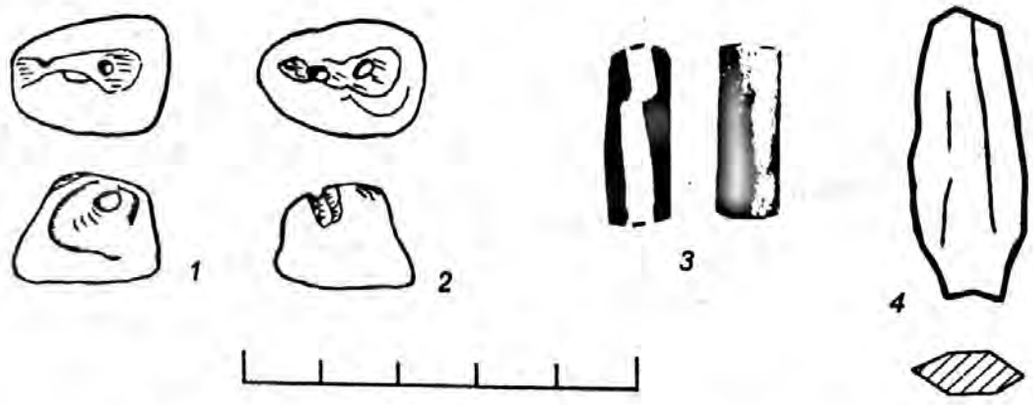

Рис. 4 Могильник Черемушный Лог-I. Находки из погребений:
1, *2* – могила № 6; *3*, *4* – могила № 10 (*1*, *2* – подвески из зубов медведя; *3* – камень, *4* – кость)

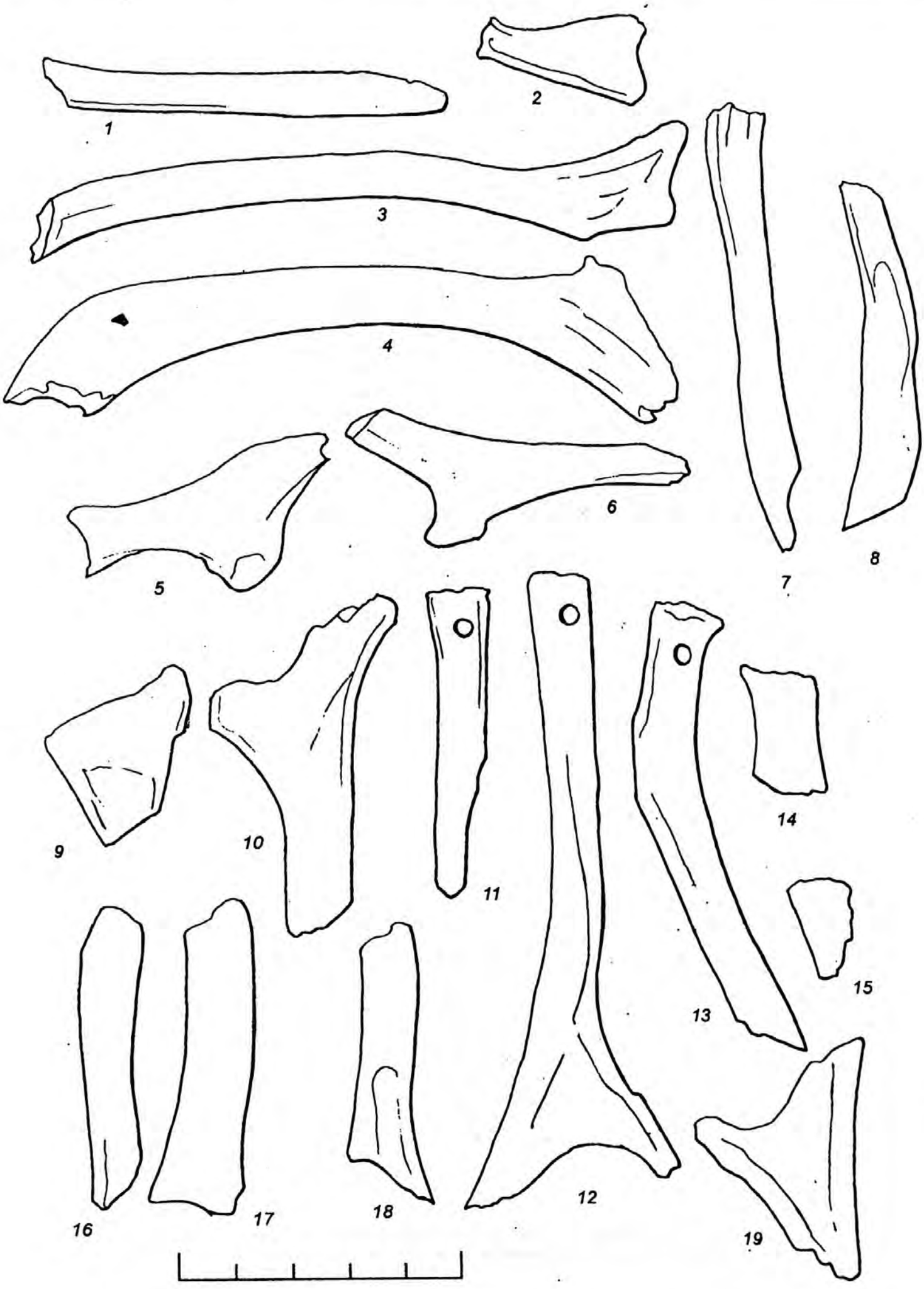

Рис. 5 Могильник Черемушный Лог-I. Подъязычные кости оленя из могилы № 6

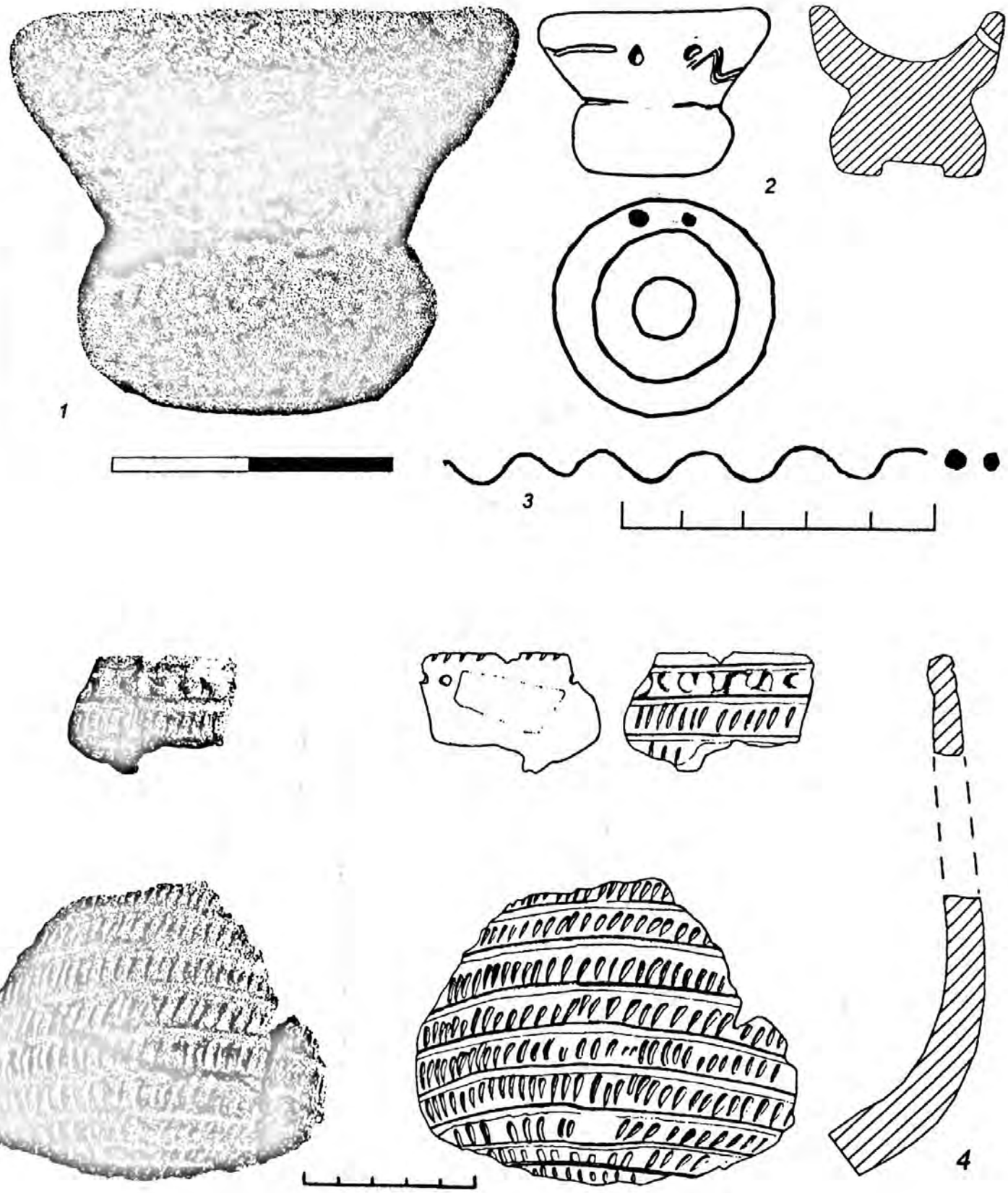

Рис. 6 Могильник Черемушный Лог-I. Находки из могилы № 11:
1, 2 – глиняная модель курильницы; *3* – развертка орнамента на модели курильницы; *4* – керамика

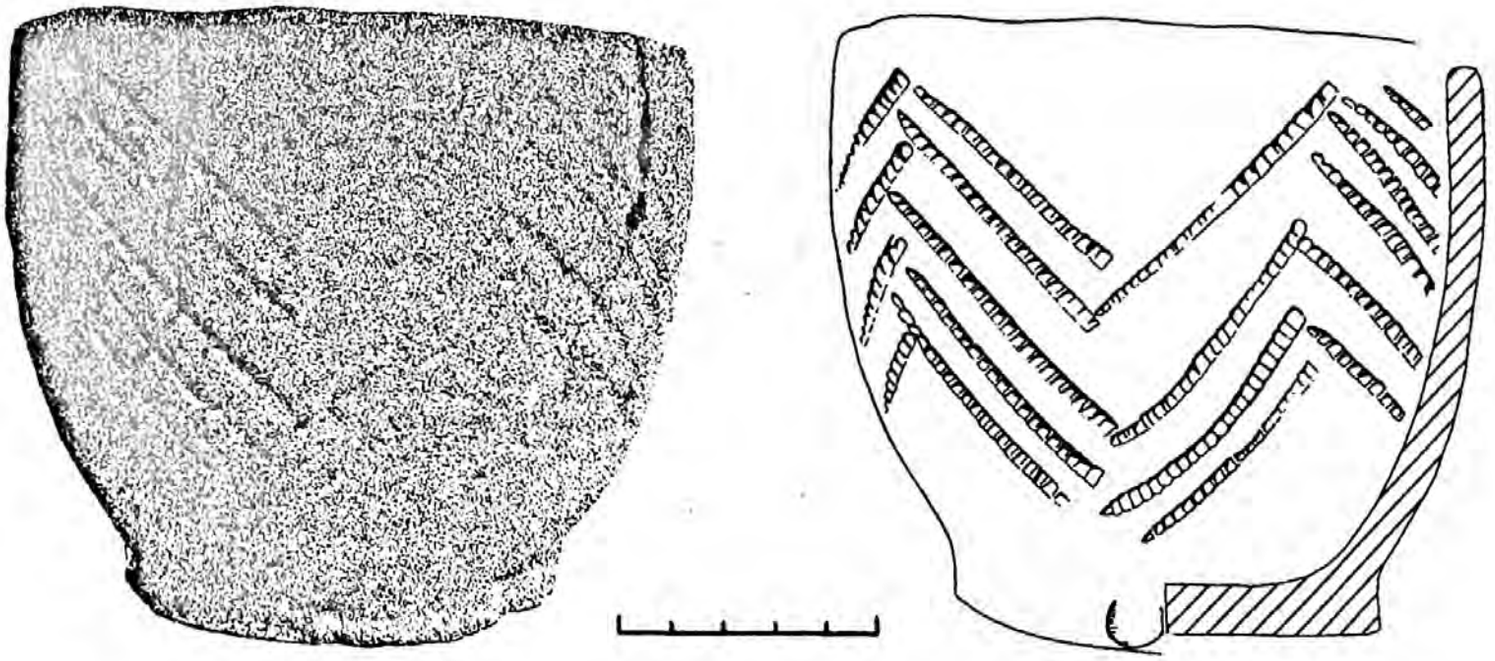

Рис. 7 Могильник Черемушный Лог-I. Керамический сосуд из могилы № 4

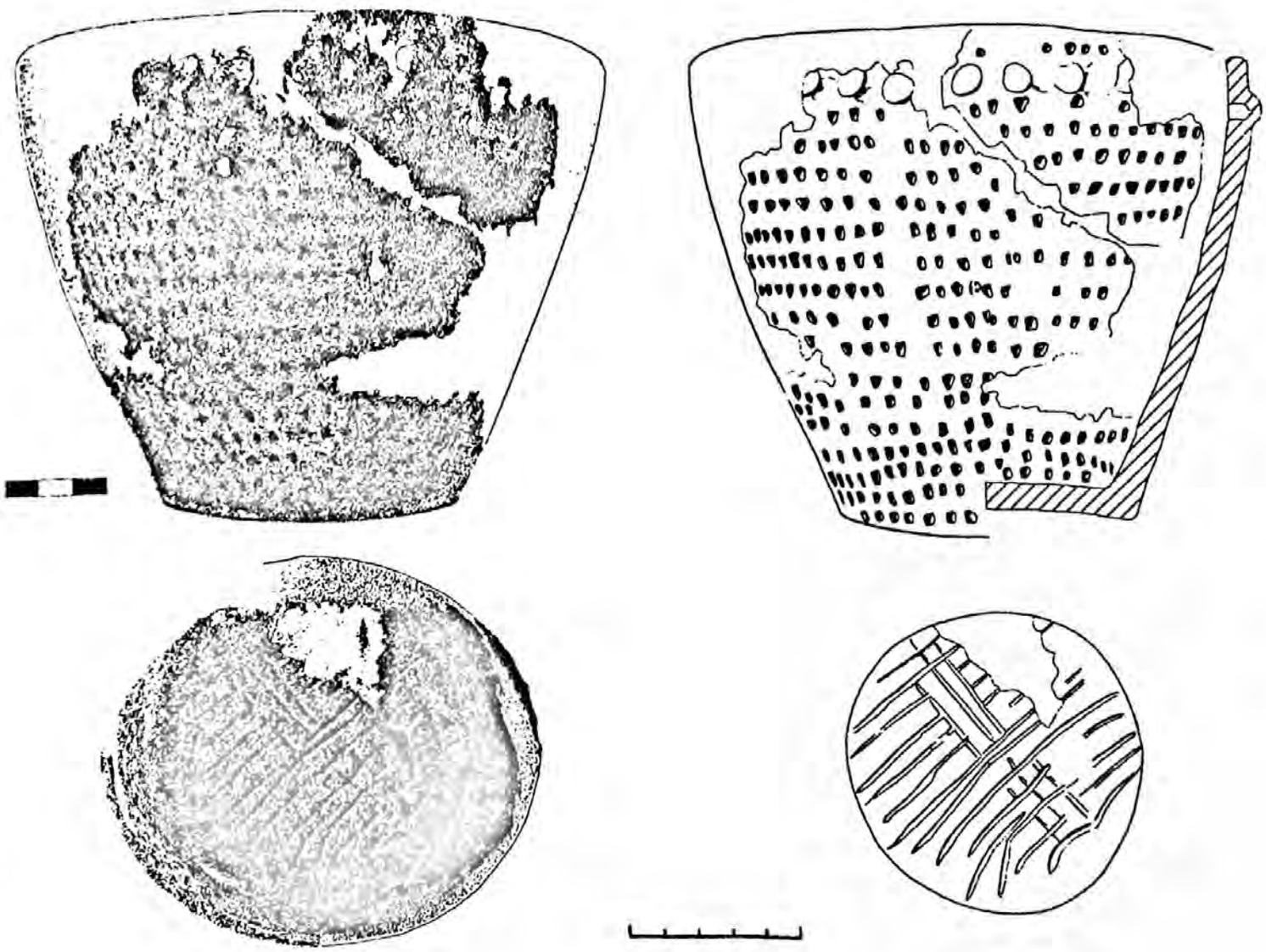

Рис. 8 Могильник Черемушный Лог-I. Керамический сосуд из могилы № 10

А. Наглер, Г. Парцингер

Новые памятники окуневской культуры в центральной части Минусинской котловины

В 1999 г. в ежегоднике Евроазиатского отдела Германского археологического института были опубликованы материалы трех окуневских памятников – могильников Уйбат, Уйбат–Тибик и База Минторга (Nagler, 1999). К сожалению, эта статья мало известна российскому читателю. Аналитическая часть, посвященная постановке вопроса о типе хозяйства окуневских племен, с некоторыми дополнениями и изменениями была опубликована в 2002 г. в Новосибирске (Наглер, 2002). Окуневская тематика и сегодня остается недостаточно разработанной. Хотя в последние годы в этом направлении сделано немало, ее источниковедческая база нуждается в пополнении, чему и служит данная публикация.

Уйбат

В 1963 г. археолог Минусинского музея Н.В. Леонтьев[1] при поисках стел окуневской культуры в долинах рек Уйбат и Бюрь обнаружил два кургана, которые выглядели несколько необычно. Оба они находились в 2 км от железнодорожной станции Уйбат, у дороги, ведущей из совхоза Степной к деревне Усть-Бюрь, на первой правой террасе реки Уйбат. Курган 1 имел обширную каменную ограду из крупных плит. Расположенный рядом курган 2 не имел ограды. На его поросшей травой поверхности были различимы лишь не имеющие четких очертаний скопления камней. В 1966 г. курган 1 был раскопан.

Курган 1 (рис. 1) имел невысокую насыпь, сложенную из камня и ограниченную прямоугольной оградой (размерами 22×20 м) из крупных плит, которая была ориентирована ЗЮЗ–ВСВ. После расчистки поверхности кургана было установлено, что высота плит ограды достигала 0,6 м, а каменная насыпь была возведена на древней поверхности. В центре кургана она состояла из трех слоев камня, по краям – из двух. В центре кургана, а также в северо-западном и юго-западном углах каменная насыпь отсутствовала. Курган содержал 7 могил.

Могила 1 (рис. 2, *1*) была выявлена в южной части кургана по темному пятну, имевшему четкие границы. Заполнение могильной ямы содержало камни и фрагменты детских костей. Южная стенка переходила в ступеньку высотой 0,4 м, ведущую в овальную катакомбу размером 1,3×0,8 м с круглым сводом. На ровном дне катакомбы были расчищены фрагменты детских костей – бедренных, плечевых, ребер и черепа. Инвентарь в погребении отсутствовал.

Могила 2 (рис. 2, *2*). Прямоугольная яма размерами 2,55×1,8 м и глубиной 1,2 м была ориентирована по линии запад – восток, с небольшим отклонением к ЮЮЗ–ССВ. Ее заполнение содержало фрагменты человеческих костей, а также фрагменты челюсти и тазовых костей животного. На дне ямы были расчищены отдельные кости, принадлежавшие трем скелетам. По лежавшим in situ плечевым костям, ребрам и позвонкам можно предположить, что один из погребенных лежал на спине, головой на запад. В восточной части могилы расчищены фрагменты сосуда (№ 1).

Инвентарь: 1 – сосуд, светло-серый, поверхность заглажена, орнаментирована насечками и местами окрашена охрой. Высота 18,5 см; диаметр дна 8,5 см; диаметр венчика 16,4 сантиметра (рис. 3, *1*).

Могила 3 (рис. 2, *3*) была обнаружена по темному пятну. В его западной части был расчищен сосуд (№ 1), который, видимо, был извлечен из могилы во время ее ограбления в древности. В северо-восточной части пятна были расчищены череп и фрагменты костей ребенка. Прямоугольная яма размерами 2,85×1,96 м и глубиной 1,0 м была ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ. В заполнении обнаружены камни, фрагменты челюсти животного и человеческие кости плохой сохранности. In situ сохранились плечевая и бедренная кости, часть позвоночника и таза. Судя по их положению, погребенный лежал скорченно на животе, головой на запад.

Инвентарь: 1 – сосуд с круглым дном, серо-коричневый. Внешняя поверхность орнаментирована отпечатками штампа, под венчиком – "жемчужины". Высота 7,2 см; диаметр тулова 11,2 см; диаметр венчика 9,8 сантиметра (рис. 3, *2*).

Могила 4 (рис. 2, *4*) располагалась в центре кургана. Яма с закругленными углами размерами 3,2×2,3 м и глубиной 1,4 м была ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ. В заполнении были найдены остатки деревянного перекрытия(?) и фрагмент челюсти животного. Могила была ограблена в древно-

[1] Мы глубоко признательны г-ну Н.В. Леонтьеву за дружески предоставленную возможность публикации материалов его раскопок.

сти и содержала лишь отдельные человеческие кости. Инвентарь в погребении отсутствовал.

Могила 5 (рис. 2, *5*). Прямоугольная яма размерами 1,59×0,96 м и глубиной 0,3 м была ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ. Погребение было ограблено в древности. На дне ямы сохранились in situ остатки скелета: лопатка, несколько ребер и часть позвоночника. Судя по их расположению, погребенный лежал на спине, головой на ЗЮЗ. Инвентарь в погребении отсутствовал.

Могила 6 (рис. 2, *6*) была обнаружена в северо-западной части кургана. Овальная яма размерами 1,85×1,1 м и глубиной 0,75 м была ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ. В заполнении были найдены небольшие куски дерева и плит песчаника, видимо от разрушенного перекрытия. Скелет лежал скорченно на правом боку, головой на ЗЮЗ. Одна рука лежала перед лицом, другая у колен. У правого предплечья были найдены маленькие бусы (№ 3 а–в) и подвески из зубов сурка (№ 4). У левого локтя среди остатков органики (кожа?) лежал игольник (№ 1) с иглой (№ 2) и шерстяной нитью. В юго-восточном углу могилы лежал кусок красной охры.

Инвентарь: 1 – игольник, трубочка из медной пластины. Длина 7,8 см; диаметр 0,7 см; толщина 0,3 см (рис. 3, *8*). 2 – игла, бронза. Острие отсутствует. Длина 2,5 см; диаметр 0,2 см; диаметр отверстия 0,1 см (рис. 3, *3*). 3 – бусы: а) боченковидные, белая паста (4 экз.); диаметр 0,4 см; длина 0,4–05 см; диаметр отверстия 0,1 см (рис. 3, *7а*); б) дисковидные, камень; диаметр 0,45 см; толщина 0,1 см; диаметр отверстия 0,1 см (рис. 3, *7б*); в) продолговатые, белая паста (95 экз.); диаметр 0,2 см; длина 0,25–0,15 см; диаметр отверстия 0,1 см (рис. 3, *7в*). 4 – подвески(?). Зубы сурка, окрашенные охрой (рис. 3, *4–6*).

Могила 7 (рис. 2, *7*) была найдена по перекрытию из каменных плит в северо-восточном углу кургана. После удаления плит была выявлена овальная яма размерами 1,25×0,8 и глубиной 0,8 м, заполненная камнями. На дне ямы расчищены остатки органики и небольшие фрагменты дерева. Северная стенка переходит в ступеньку глубиной 0,15 м, ведущую в овальную катакомбу размерами 1,25×0,8 м с круглым сводом. Вход в катакомбу был закрыт каменной плитой. В западной части катакомбы лежали фрагменты детского черепа и костей животного. В юго-восточной части катакомбы найден сосуд (№ 1). В северо-восточной части катакомбы лежала костяная пластина (№ 2), мраморный шарик (№ 3) и подвески из зубов оленя (№ 4).

Инвентарь: 1 – керамический сосуд. Внешняя поверхность окрашена охрой, внутренняя – черного цвета. Тулово орнаментировано вертикальными вдавленными линиями и круглыми точками, дно – концентрическими линиями. Высота 12,6 см; диаметр дна 7,5 см; диаметр венчика 12 см (рис. 3, *12*). 2 – обработанная костяная пластина трапециевидной формы. У основания просверлены два отверстия. Длина 5,6 см; ширина до 4 см; толщина до 0,6 см; диаметр отверстий 0,1 см (рис. 3, *11*). 3 – мраморный шарик. Диаметр 2,2 см; диаметр отверстия до 0,5 см (рис. 3, *10*). 4 – подвески из зубов оленя (6 экз.). Длина 2,6–2,4 см; диаметр отверстия 0,2 сантиметра (рис. 3, *9*).

Уйбат-Тибик

Состоящая из 40 курганов курганная группа Уйбат-Тибик расположена в 5 км к ЮЮВ от железнодорожной станции Усть-Бюрь на правой террасе реки Уйбат, в 300 м южнее устья впадающей в нее реки Тибик (рис. 4). Два кургана отличались от остальных отсутствием высоких угловых камней каменной ограды. Они были раскопаны в 1968 году.

Курган 1 (рис. 5) представлял собой ориентированную по линии ЮЮВ–ССЗ большую каменную ограду, возведенную из крупных камней высотой до 0,5 м, лежавших на древней поверхности. Внутри ограда была заполнена камнем, уложенным в 2–3 слоя. Между ними были найдены фрагменты таштыкской керамики, 9 костей овцы, 5 костей лошади, 2 кости коровы и около 30 фрагментов неопределимых костей. После удаления камней и зачистки древней поверхности были выявлены четыре темных могильных пятна. Кроме того, внутри ограды был расчищен ровик глубиной 0,15–0,3 м, длина которого составляла у северной стены ограды 0,85 м, у южной, восточной и западной – 0,95 м. В его заполнении встречались отдельные небольшие камни, что позволяет сделать предположение о том, что ровик был определенное время открытым и постепенно заполнялся землей. Некоторые погребения были ограблены в этот период, о чем свидетельствуют фрагменты керамики и кости овцы, найденные в ровике у северной и западной стенки ограды. Большая часть фрагментов керамики, найденных внутри и вне ровика, принадлежала сосуду на массивном поддоне (№. 1). В ровике были также найдены фрагменты курильницы (№ 3) и два фрагмента сосуда афанасьевского времени (№ 2).

Инвентарь: 1 – сосуд (фрагменты), коричневый с черными пятнами. Массивный, слегка вогнутый поддон. Внешняя поверхность орнаментирована прочерченными линиями и вдавленными треугольниками. Высота 15,6 см; диаметр поддона 6,3 см; диаметр тулова 12 см; диаметр венчика 8,4 см (рис. 6, *3*). 2 – фрагменты керамики, розовые (рис. 6, *2*). 3 – фрагмент керамики, темно-коричневый. Часть края курильницы, орнаментированной вдавлениями (рис. 6, *1*).

Могила 1 (рис. 7, *1*). Яма размерами 2,2×1,6 м и глубиной 1,05 м была ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ. Заполнение содержало камни, фрагменты керамики (№ 2) и человеческих костей. В северо-восточной части могилы были найдены

четыре каменных диска (№ 1). Ближе к дну заполнение содержало фрагменты дерева, видимо от разрушенного перекрытия. Здесь же были найдены зуб коровы, кости овцы и фрагмент рога козы. На дне ямы были обнаружены подвески из челюсти соболя (№ 3), две подвески из зубов сурка (№ 4), 9 подвесок из зубов оленя (№ 5), подвеска из зуба лося (№ 9), 11 подвесок из костей косули (№ 6), 10 подвесок из костей птицы (№ 7) и сердоликовые бусы (№ 8). Судя по фрагментам костей, погребение изначально содержало два скелета, один из которых принадлежал женщине 30–40 лет.

Инвентарь: 1 – диски, гранит (3 экз.), песчаник (1 экз.). Поверхность обработана, гладкая. Диаметр 13,5–14,2 см; толщина до 6,8 см (рис. 7, *8*). 2 – сосуд (фрагменты). Диаметр дна до 7,5 см (рис. 7, *13*). 3 – подвески (4 экз.). Нижняя челюсть соболя с просверленным отверстием (рис. 7, *2*). 4 – подвески(?), 2 экз. Зубы сурка (рис. 7, *9*). 5 – подвески (8 экз.). Зубы оленя. Длина 2–3 см; диаметр отверстия 0,1–0,2 см (рис. 7, *4*). 6 – подвески (11 экз.). Графитная кость косули, орнаментированная прочерченными линиями, с просверленным отверстием. Длина 5–3,3 см; диаметр отверстия 0,1–0,2 см (рис. 7, *7*). 7 – подвески(?), 10 экз. Птичья кость с просверленным отверстием. Длина 3,1–3,35 см (рис. 7, *6*). 8 – бусы, дисковидные (13 экз.). Сердолик. Диаметр 0,4 см; толщина 1,5–2,5 см; диаметр отверстия 0,1 см (рис. 7, *3*). 9 – подвеска. Зуб лося. Длина 3 сантиметра (рис. 7, *5*).

Могила 2. Прямоугольная яма размерами 1,1×0,8 м и глубиной 0,6 м была ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ. В заполнении – камни. Инвентарь в погребении отсутствовал.

Могила 3. Прямоугольная яма с закругленными углами размерами 0,9×0,5 м и глубиной 0,25 м была ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ. В заполнении – камни и фрагменты костей ребенка. Инвентарь в погребении отсутствовал.

Могила 4. Прямоугольная яма с закругленными углами размерами 2,1×1,2 м и глубиной 0,8 м была ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ. В заполнении – камни, фрагменты человеческих костей и фрагмент медной пластинки (нож?; № 1).

Инвентарь: 1 – нож? (фрагмент). Медь. Длина 3,6 см; ширина до 1,4 см; толщина до 2,5 сантиметра (рис. 7, *10*).

Курган 2, относящийся к тагарскому времени в данной публикации не рассматривается. В заполнении могилы 1 этого кургана были найдены фрагменты окуневской керамики (рис. 7, *11*, *12*).

База Минторга

Могильник База Минторга расположен в 4 км к юго-востоку от г. Минусинска и в 1,5 км северо-восточнее автодороги Минусинск–Кызыл на 1-й террасе Енисея. Весной 1978 г. во время строительных работ в проложенной бульдозером траншее были обнаружены погребения (рис. 8), исследованные Н.В. Леонтьевым в ходе спасательных раскопок.

Могила 1 (рис. 9, *1*) была обнаружена на глубине 0,6 м от современной поверхности. Перекрытие могилы состояло из массивной плиты песчаника размерами 1,7×0,6 м и толщиной до 0,3 м. Овальная могильная яма размерами 2,1×1,05 м ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Мягкое рыхлое заполнение содержало кости животного и крупные камни. Нижняя часть стенок была выложена вертикально установленными плитами песчаника. Стенки ямы сужались ко дну размерами 1,1×0,7 м. Скелет лежал на спине, головой на юго-запад. Руки согнуты, кисти уложены на нижнюю челюсть. Колени опирались на южную стенку ямы. Под ними находился сосуд (№ 1).

Инвентарь: 1 – сосуд, серый. Внешняя поверхность заглажена гребенкой, по венчику – "жемчужины" и вдавления. Высота 14,0 см, диаметр дна 8,2 см; диаметр венчика 13 сантиметров (рис. 9, *2*).

Могила 2 (рис. 9, *5*) располагалась в 9,3 м к ВСВ от могилы 1. Была перекрыта каменными плитами. После их удаления был выявлен каменный ящик, сооруженный из вертикально установленных плит. Его восточная стенка разрушена в древности при сооружении ямы 1. В заполнении были обнаружены отдельные камни, кости подростка и ребенка, астрагал и фрагмент костяной пластины (№ 1). На дне ящика сохранились бедренные кости подростка in situ. Вероятно, погребенный лежал на спине, с подогнутыми ногами, коленями вверх. У средней части южной стенки ящика были найдены бусы (№ 2).

Инвентарь: 1 – пластина, кость. Края обломаны. Длина до 8,0 см; ширина до 2 см (рис. 9, *4*). 2 – бусы (43 экз.), дисковидные. Белый аргиллит. Диаметр 0,3–0,6 см; толщина 0,1–0,2 см; диаметр отверстия 0,1–0,2 сантиметра (рис. 9, *3*).

Могила 3 (рис. 9, *7*). Прямоугольная яма размерами 1,75×1,1 м и глубиной 0,45 м. Граничила с восточной стенкой ямы 1. Остатков захоронения и инвентаря не содержала.

Могила 4. Прямоугольная яма размерами 1,1×0,55 м и глубиной 0,3 м была ориентирована по линии СВ–ЮЗ. В заполнении найдены человеческие кости и астрагал.

Могила 5, расположенная юго-восточнее ямы 7, представляла собой крупную плиту песчаника. На ее юго-восточном углу лежали детские кости и фрагменты керамики.

Ограда 1 (рис. 8). До начала раскопок на поверхности были видны отдельные вертикально стоявшие каменные плиты. После расчистки была выявлена прямоугольная ограда размерами 7,6×4,9 м. В восточной части она была разделена

вертикально установленными плитами на две "камеры". У северной стены найден фрагмент каменной плиты с выгравированным рисунком животного (№ 6). На площади внутри ограды найдено более 70 зубов животных и два астрагала, один из которых был просверлен. В юго-восточном углу были найдены гальки со следами использования, в северо-восточном – фрагменты сосуда (№ 4). У середины восточной стенки ограды найдено кремневое орудие (№ 1), у северной стенки – фрагменты керамики (№ 5). Видимо, с оградой связаны каменная бусина (№ 2) и кремневый наконечник стрелы (№ 3), найденные в заполнении ямы 11, впущенной своей восточной частью в ограду. Каменная плита размерами 0,9×0,2 м является, вероятно, фрагментом стелы одновременной со всем комплексом. В этом случае можно предполагать, что внутри ограды 1 довольно долгое время располагалась культовая площадка.

Инвентарь: 1 – скребок(?), серо-зеленый кремень. Обе стороны покрыты ретушью. Длина 7,7 см; ширина до 3,4 см; толщина до 0,8 см (рис. 10, *8*). 2 – бусина, цилиндрическая. Белая паста. Длина 0,6 см; диаметр 0,4 см; диаметр отверстия 0,1 см (рис. 10, *6*). 3 – наконечник стрелы. Желтый кремень. Края покрыты ретушью. Длина 2,6 см; ширина до 1,1 см; толщина 0,3 см (рис. 10, *2*). 4 – сосуд (фрагменты), серый с желтыми пятнами. Орнаментирован штампом. Диаметр дна 10 см; диаметр венчика около 26 см (рис. 10, *9*). 5 – фрагменты светло-коричневой керамики, орнаментированные "гребенкой" (рис. 10, *7*), серо-коричневой, орнаментированной штампом (рис. 10, 3, *4*), и коричневой (рис. 10, *5*). 6 – каменная плита (фрагмент). На лицевой поверхности прошлифованными и процарапанными линиями нанесены изображения быков. Длина до 19,3 см; ширина до 18,7 сантиметра (рис. 10, *1*).

Яма 1 (рис. 9, *6*), круглая, диаметром 0,9 м и глубиной 0,45 м. Была заполнена камнями. На дне найдены черепа лошади и овцы (по одной особи), на которых лежали кости передних конечностей и нижние челюсти.

Яма 2, овальная, размерами 1,1×0,65 м и глубиной 0,1 м. В заполнении – астрагал и неопределимая кость животного.

Яма 3 располагалась в 2,7 м к юго-востоку от могилы 4. Была разрушена бульдозером во время строительных работ. Стенки ямы не определялись. В заполнении – две нижних челюсти, позвонки и кости ног овцы.

Яма 4 располагалась в 5,3 м к западу от могилы 4. Диаметр 0,9 м, глубина 0,3 м. В заполнении найдены фрагменты костей животного.

Яма 5 (рис. 11, *1*), круглая, диаметром 1,65 м и глубиной 0,45 м. Расположена в 3,3 м к ЮЮЗ от ямы 4. В заполнении среди камней найдены 8 галек со следами использования, череп быка и орнаментированная каменная плитка (№ 1). На дне ямы – 6 черепов и кости ног быков, аккуратно уложенные кругом и направленные носами и копытами к центру.

Инвентарь: 1 – каменная плитка. Орнаментирована глубоко прошлифованными линиями (рис. 11, *2*).

Яма 6, овальная, размерами 1,1×0,8 м и глубиной 0,7 м. Была расположена в 3,3 м к юго-востоку от могилы 4. В заполнении среди камней найдены фрагменты костей животных.

Яма 7 (рис. 12, *1*), овальная, размерами 1,1×0,95 м, глубиной 0,45 м. Находилась в 3,8 м к востоку от могилы 4. Ориентирована по линии восток–запад. На восточном краю ямы лежали кости животных, на дне расчищены 4 ориентированных на ВСВ черепа и кости ног быков.

Яма 8, овальная, размерами 1,0×0,6 м, ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ. Располагалась на 1,7 м севернее ямы 7. Была заполнена камнями, среди которых обнаружены фрагментированные кости животных.

Яма 9 (рис. 12, *2*) была расположена в 3,3 м к ЗСЗ от могилы 4. Стенки ямы выявить не удалось. На глубине 0,35 м найдены 2 черепа и 5 нижних челюстей овцы.

Яма 10 (рис. 12, *3*) обнаружена в 13,2 м к западу от могилы 4 по каменной вымостке размерами 0,84×0,6 м, ориентированной по линии СВ–ЮЗ. Под вымосткой было расчищено небольшое углубление без четких контуров, в котором лежали нижняя челюсть и кости ноги овцы.

Яма 11 (рис. 12, *4*) была обнаружена в восточной части могильника по темному пятну. Овальная яма размерами 2,2×0,8 м и глубиной 0,18 м была ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ. В заполнении найдены зубы животных, а также бусина и наконечник стрелы, относящиеся, как уже упоминалось выше, к ограде 1.

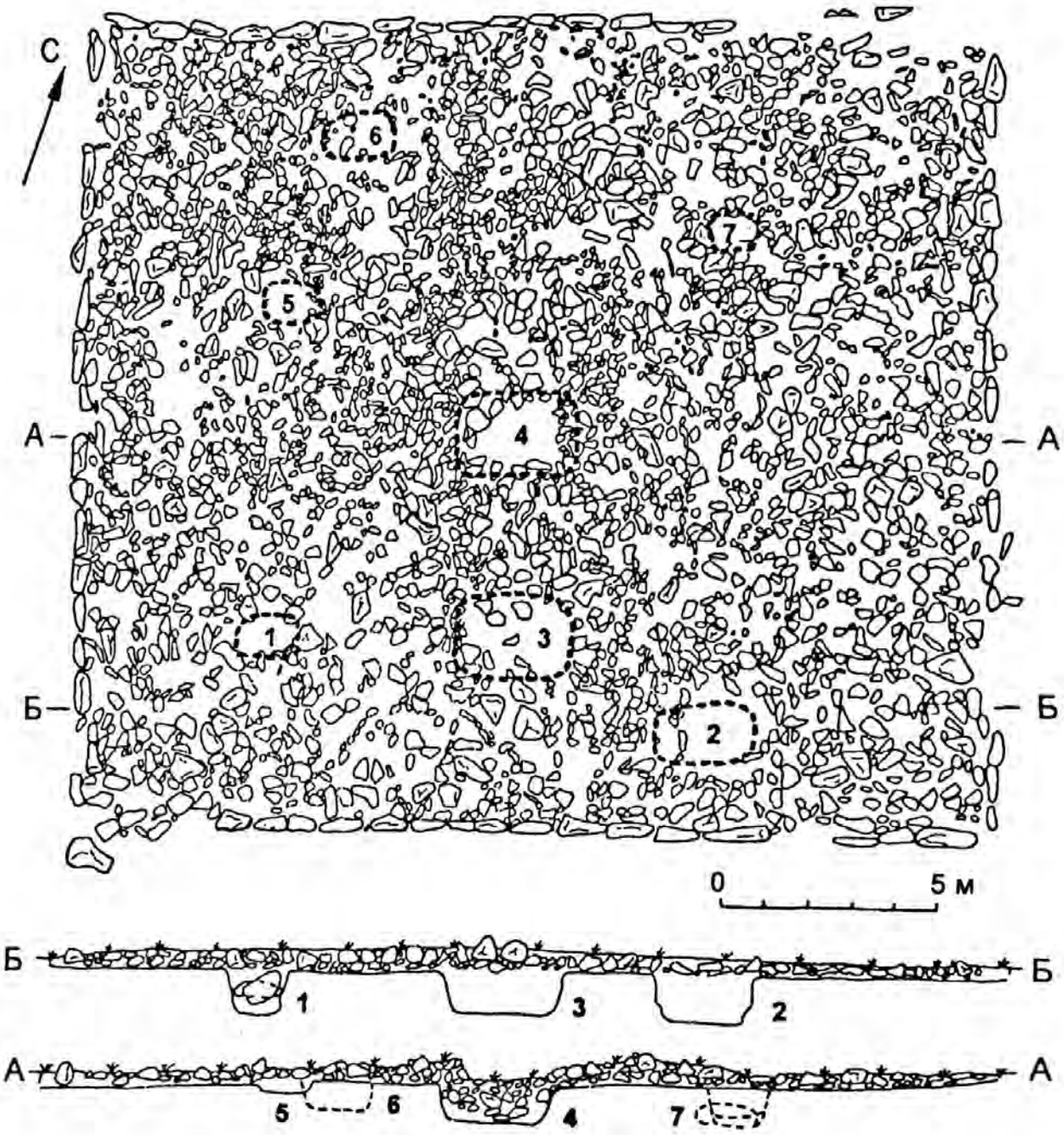

Рис 1. Уйбат, курган 1. План, разрезы

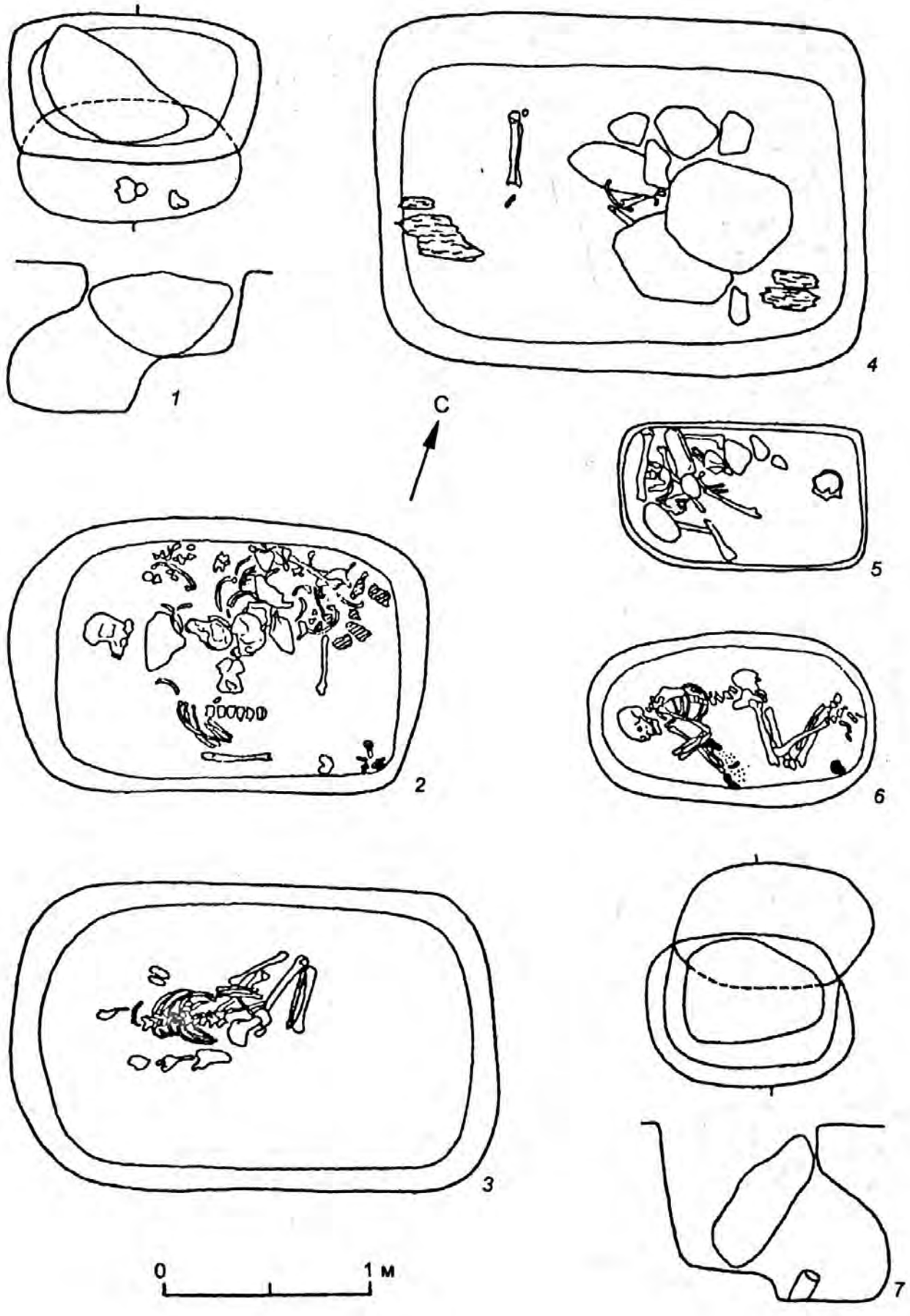

Рис. 2 Уйбат, курган 1. Планы могил: *1* – могила 1; 2 – могила 2; *3* – могила 3; *4* – могила 4; *5* – могила 5; *6* – могила 6; *7* – могила 7

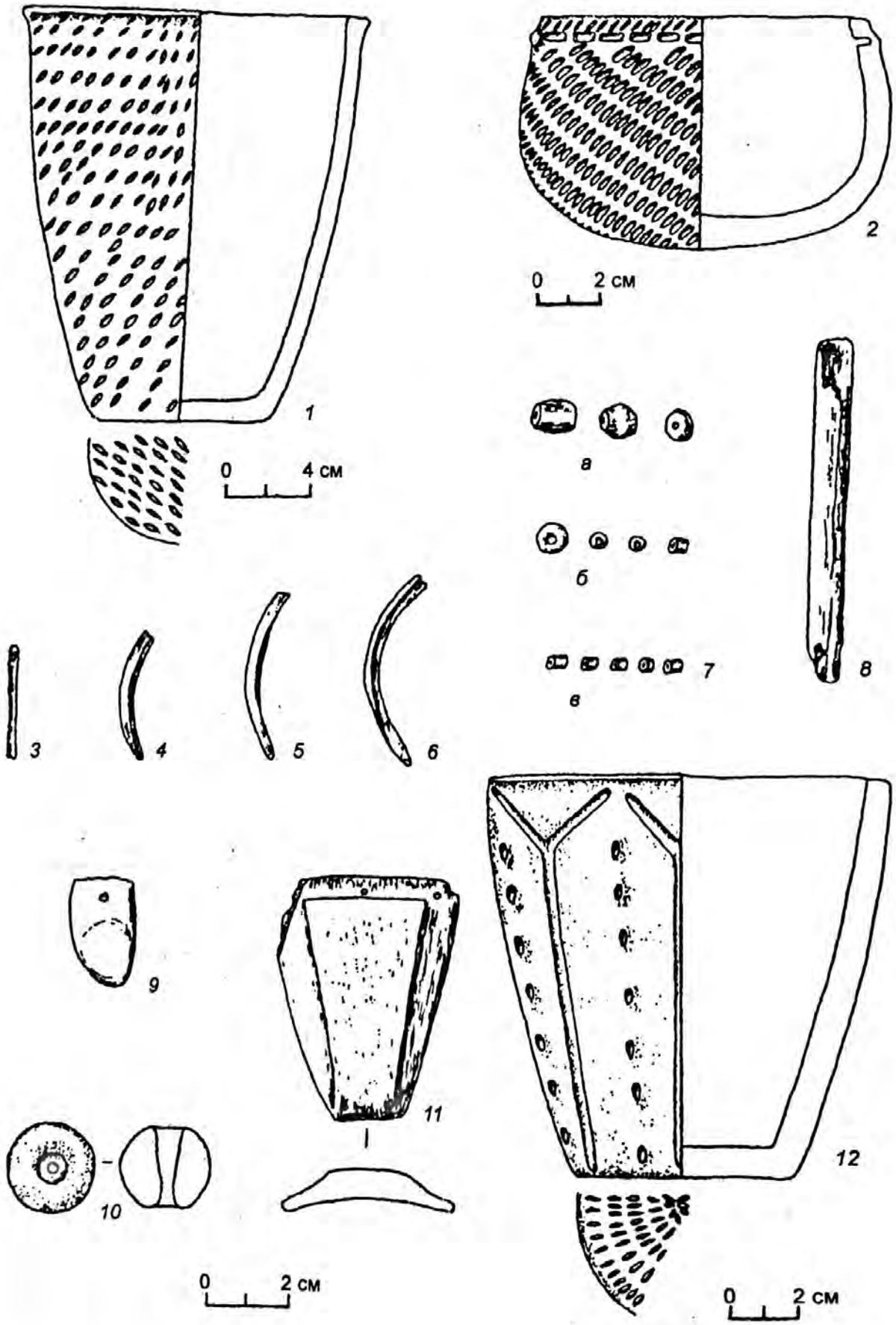

Рис. 3 Уйбат, курган 1. Находки: *1* – могила 2; *2* – могила 3; *3–8* – могила 6; *9–12* – могила 7 (*1*, *2*, *12* – керамика; *3*, *8* – бронза; *4–6*, *9*, *11* – кость; *7*, *10* – камень, паста)

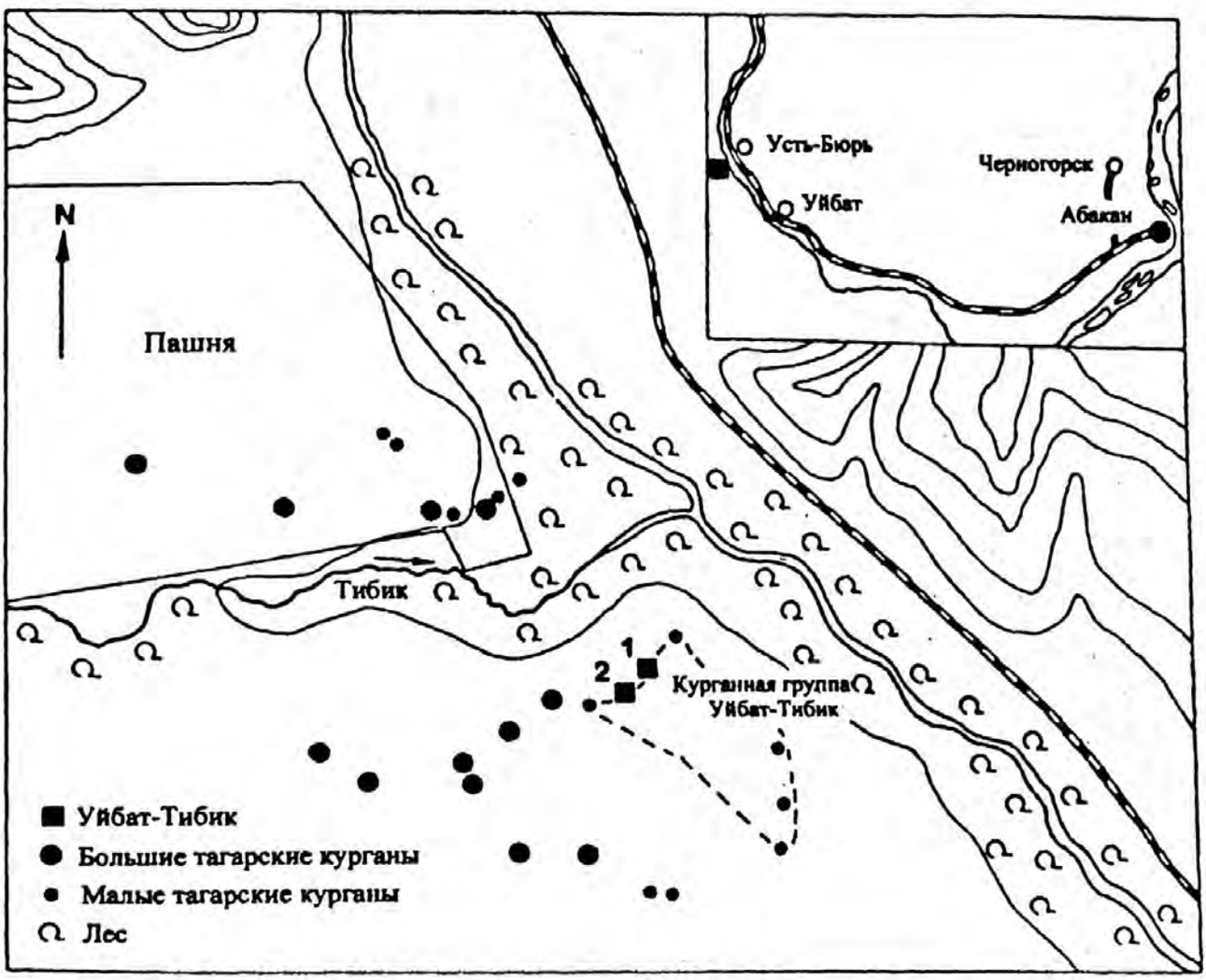

Рис. 4 Курганная группа Уйбат-Тибик

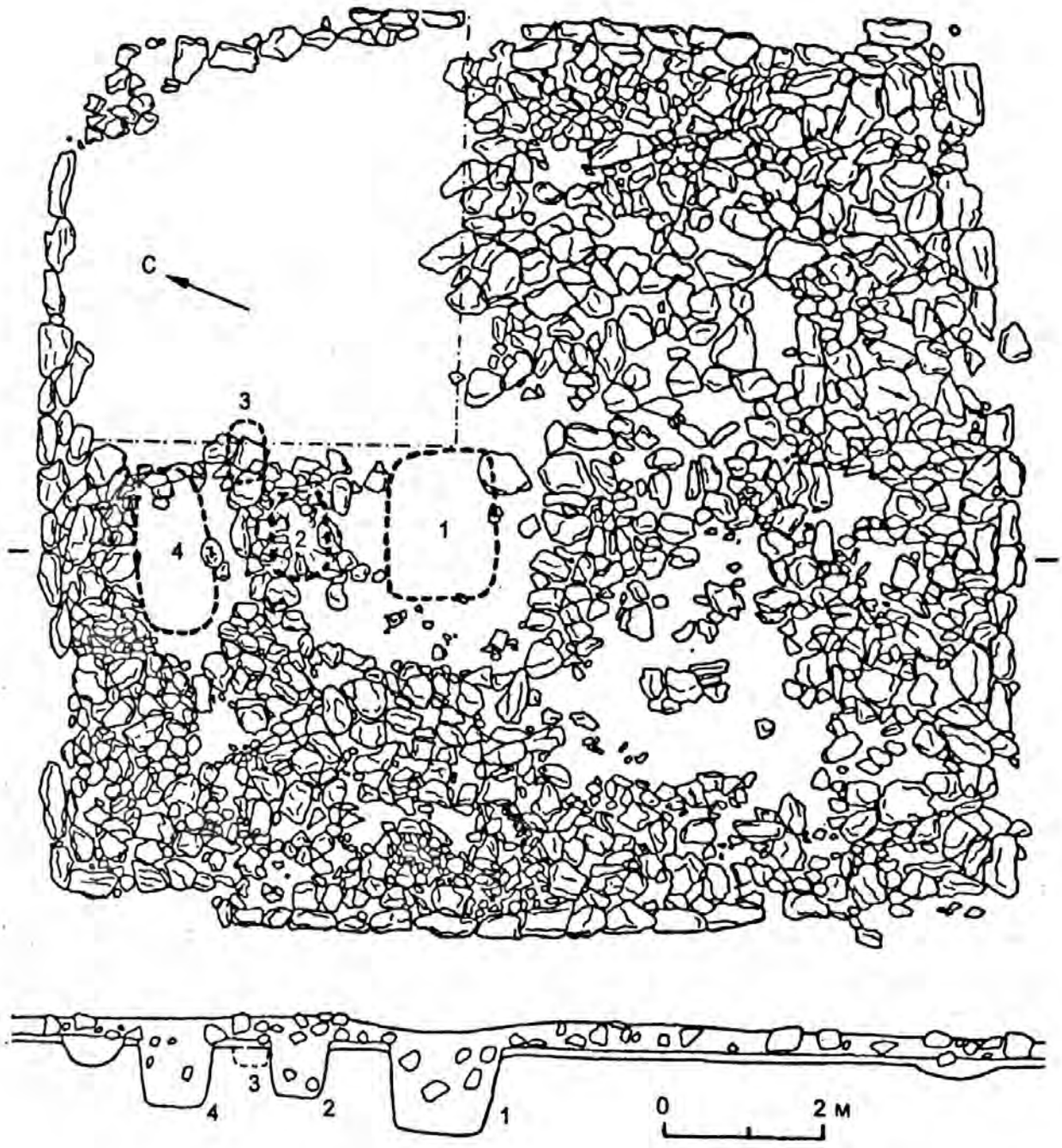

Рис. 5 Уйбат-Тибик, курган 1. План, разрез

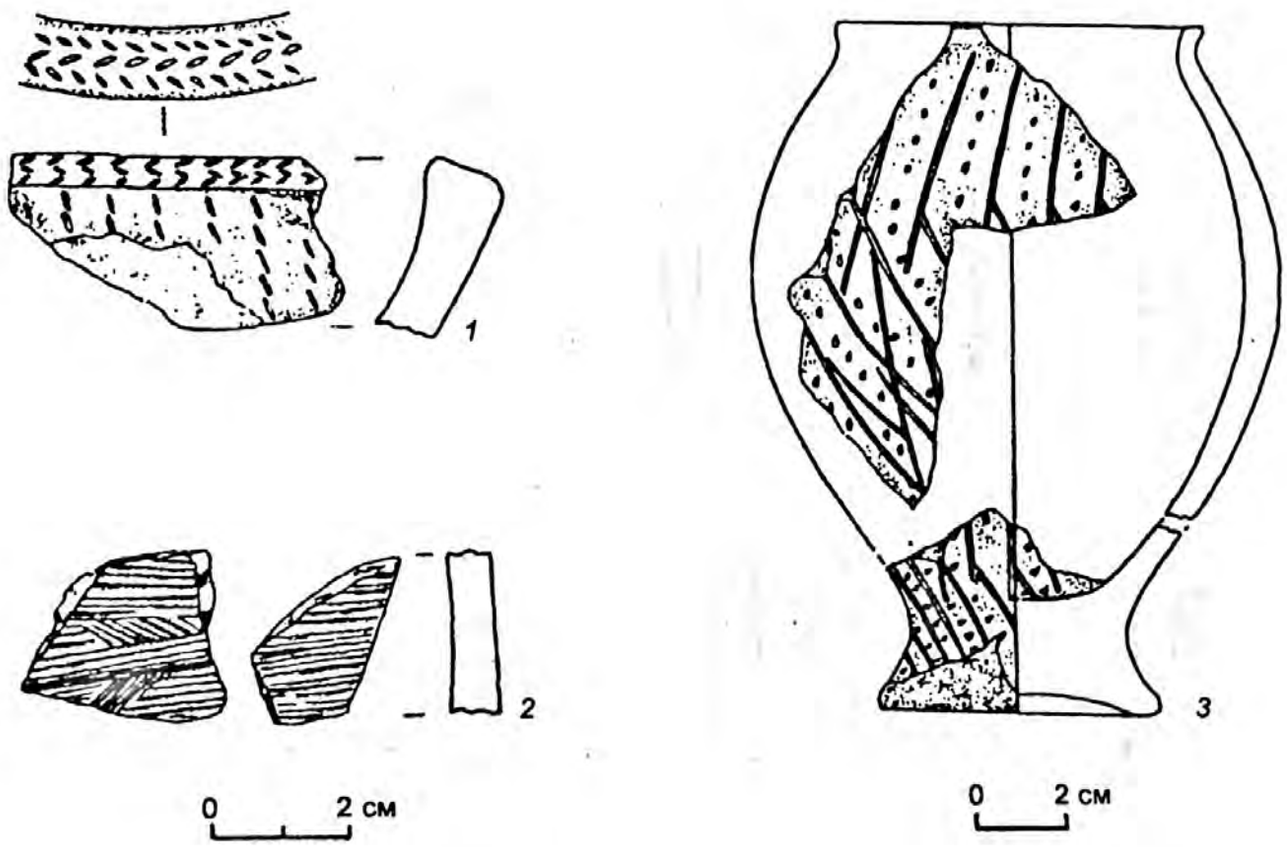

Рис. 6 Уйбат-Тибик, курган 1. Керамика из насыпи

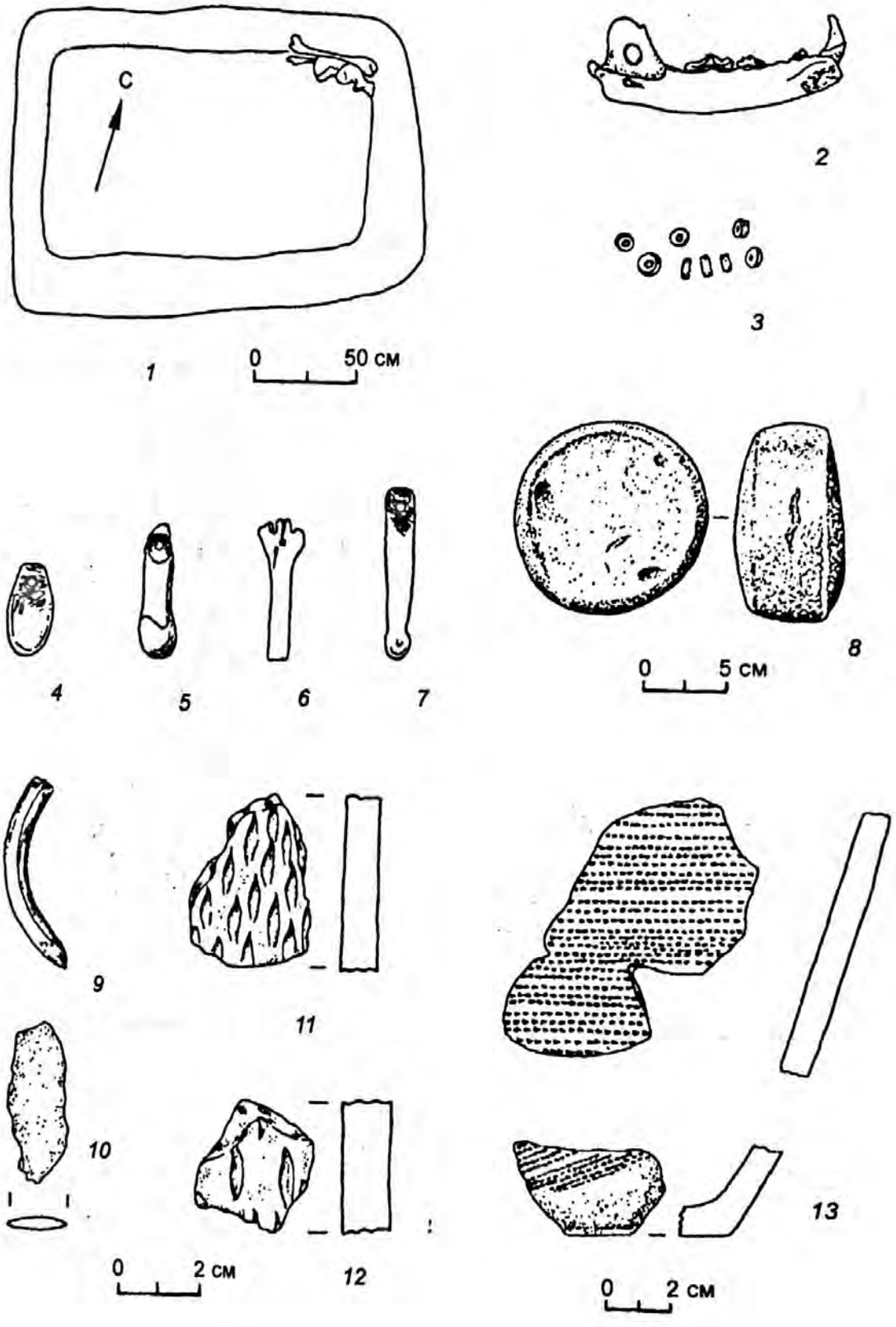

Рис. 7 Уйбат-Тибик. *1* – курган 1, могила 1. План.
2–10, 13 – курган 1, находки: *2–9, 13* – могила 1; *10* – могила 4
(*2, 4–7, 9* – кость; *3, 8* – камень; *13* – керамика; *10* – бронза);
11–12 – курган 2, керамика из насыпи

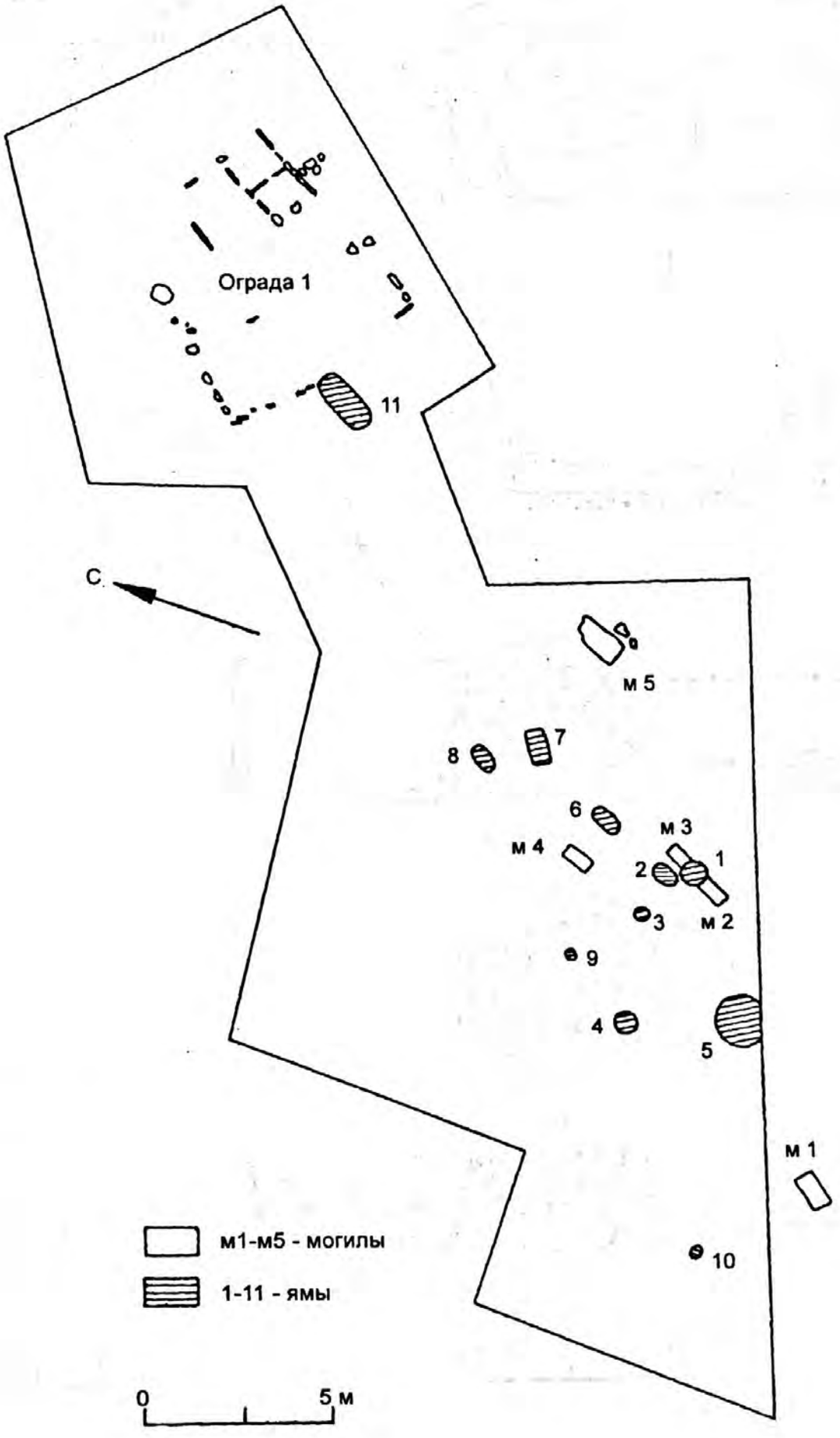

Рис 8 Могильник База Минторга. План

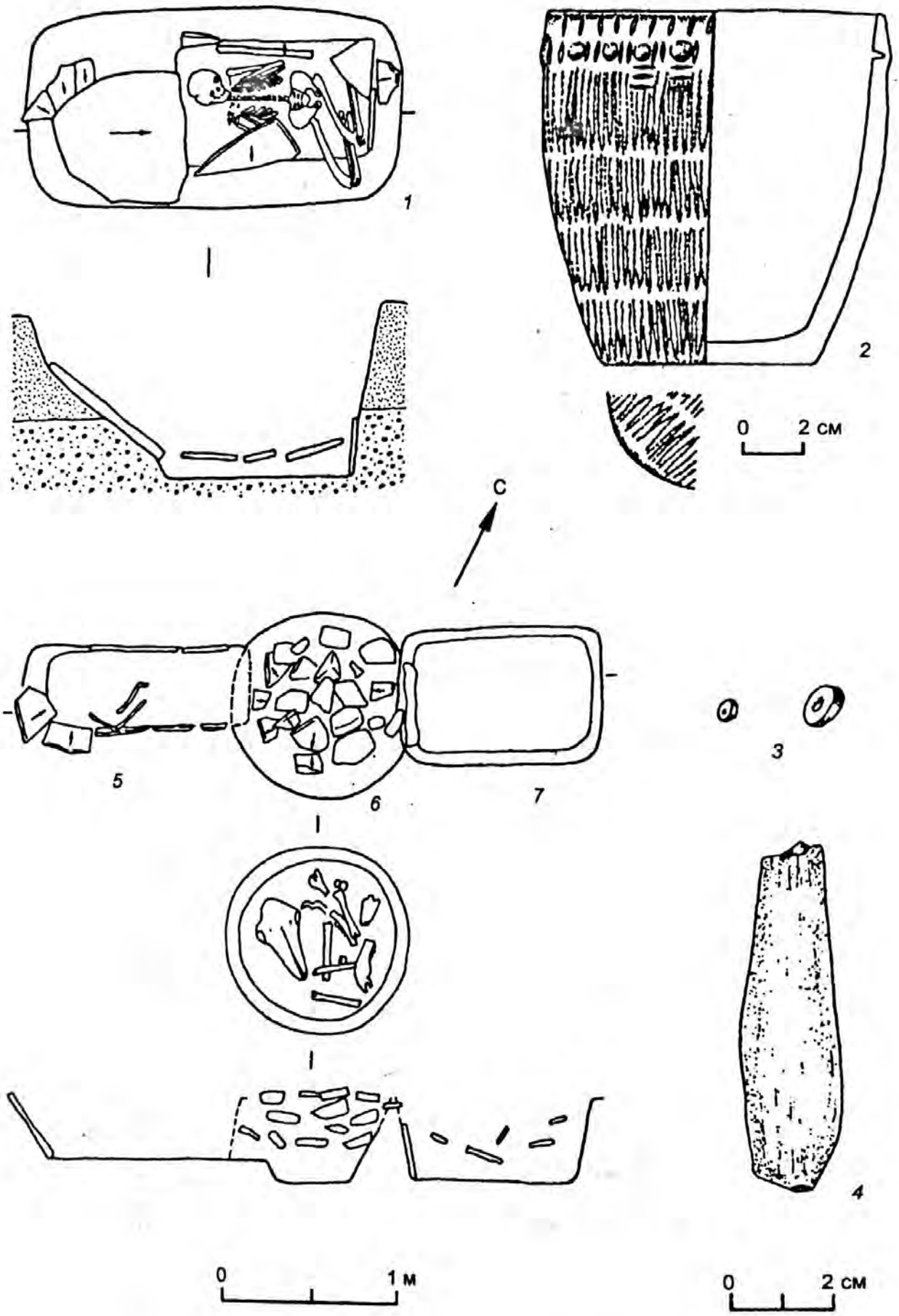

Рис. 9 База Минторга. *1*, *5–7* – планы: *1* – могила 1; *5* – могила 2; *6* – яма 1; *7* – могила 3. Находки: *2* – могила 1, *3–4* – могила 2 (*2* – керамика, *3* – камень, *4* – кость)

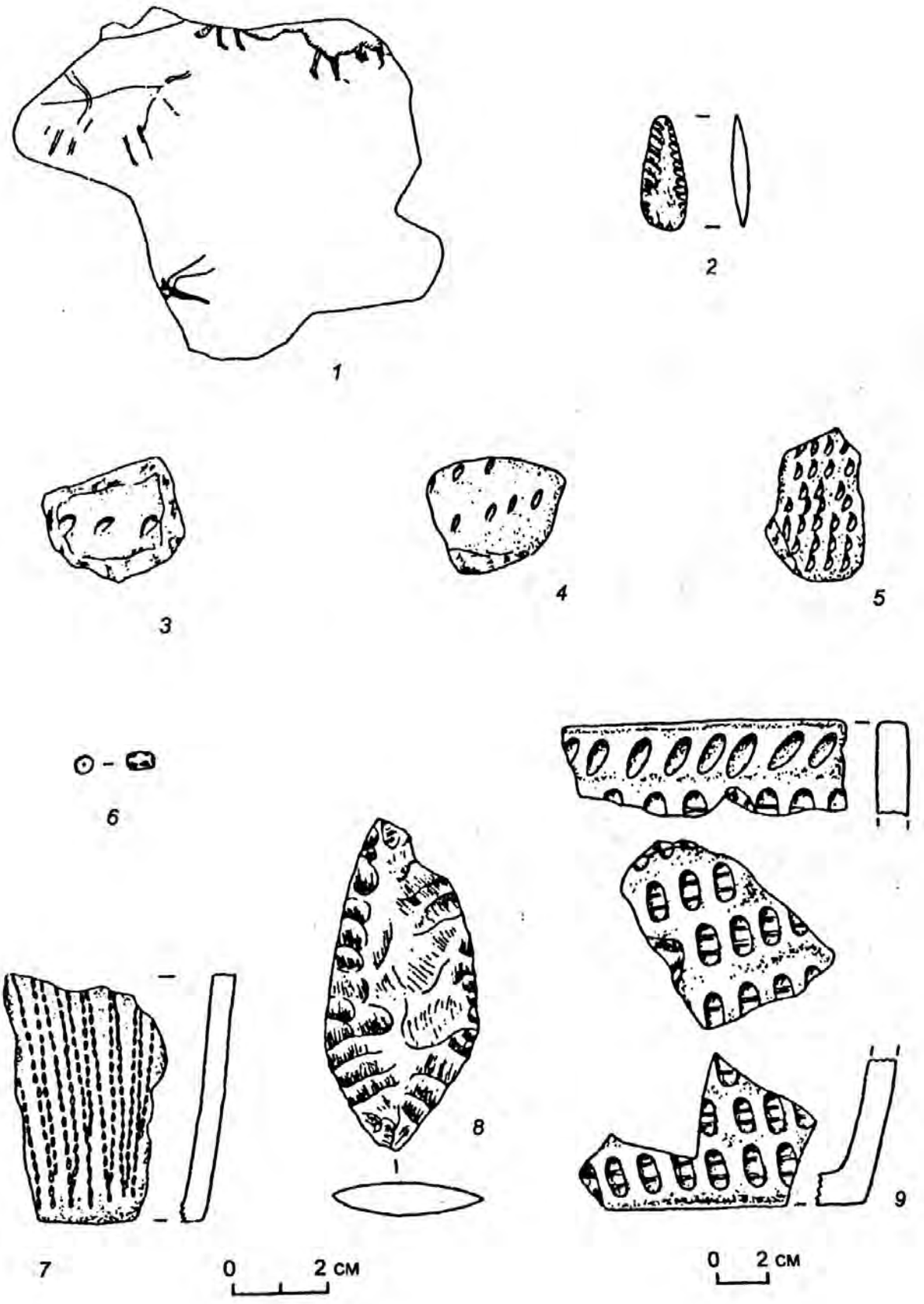

Рис. 10 База Минторга. Ограда 1. Инвентарь
(1, 2, 8 – камень; 6 – паста; остальное – керамика)

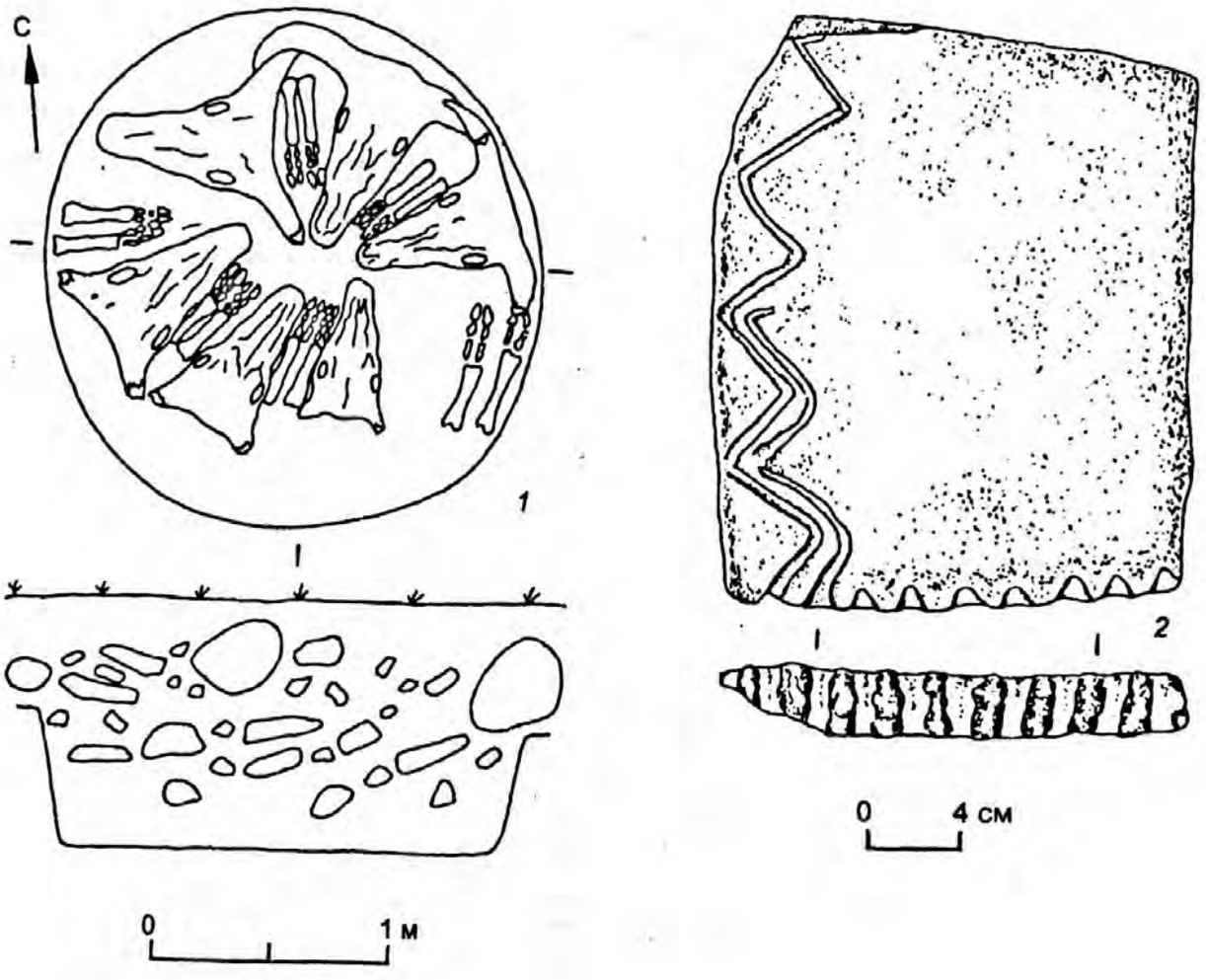

Рис. 11 База Минторга. Яма 5. *1* – план; *2* – каменная плитка из заполнения ямы

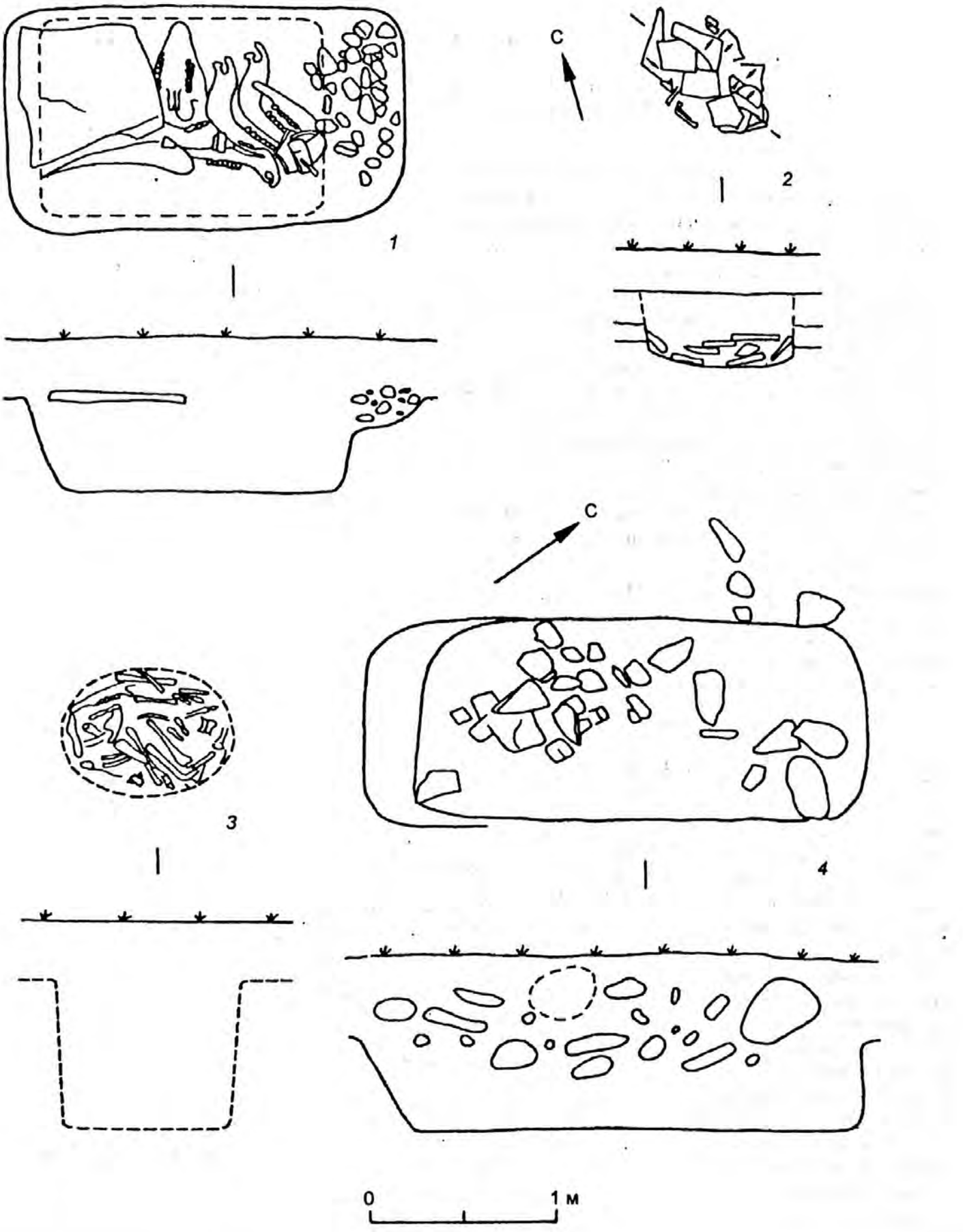

Рис. 12 База Минторга. Планы: *1* – яма 7; *2* – яма 9; *3* – яма 10; *4* – яма 11

С.Б. Гультов†, М.Л. Подольский, И.Н. Цыганков

Окуневский курган «94-й километр»

Около автотрассы Абакан–Сорск, в 420 м к югу от пикета «94-й км», зафиксирована небольшая компактная группа курганов (рис. 1). Они расположены на восточном склоне сопки, полого спускающемся к берегу реки Уйбат. Один из курганов (показан на плане сплошной заливкой) был исследован вторым отрядом Среднеенисейской экспедиции в 1994 году.

Едва заметная земляная насыпь перекрывала невысокую ограду трапециевидной формы, ориентированную по сторонам света (рис. 2). Западная и восточная стены ограды были сооружены из плит серо-зеленого гранита, южная и северная – из мелких плит красного песчаника. Те и другие были вкопаны вертикально в древний дерновый слой и лишь незначительно заглублены в материк. Западная часть насыпи бала уничтожена траншеей, пробитой при дорожных работах (на плане рис. 2 показаны ее границы). На поверхности были видны верхние кромки плит каменных ящиков (могилы 1 и 2).

Рис. 1 Курганная группа у пикета «94-й километр»

Внутри ограды было сооружено 5 могил, которые концентрировались в ее юго-западной четверти. Восточная половина огороженной площадки, как и северная, оставались свободными. Кроме того, в ограде обнаружены 4 небольшие ямы, заполненные плитами, крупными камнями и землей: одна около северной стены (ближе к северо-западному углу) и три – около середины западной стены. Возможно, в них когда-то были установлены стелы или столбы.

Могила 1 (рис. 3). Ящик из плит светло-зеленого гранита, расположенный в 3 м от западной стены ограды, ориентированный в направлении запад-восток. Его

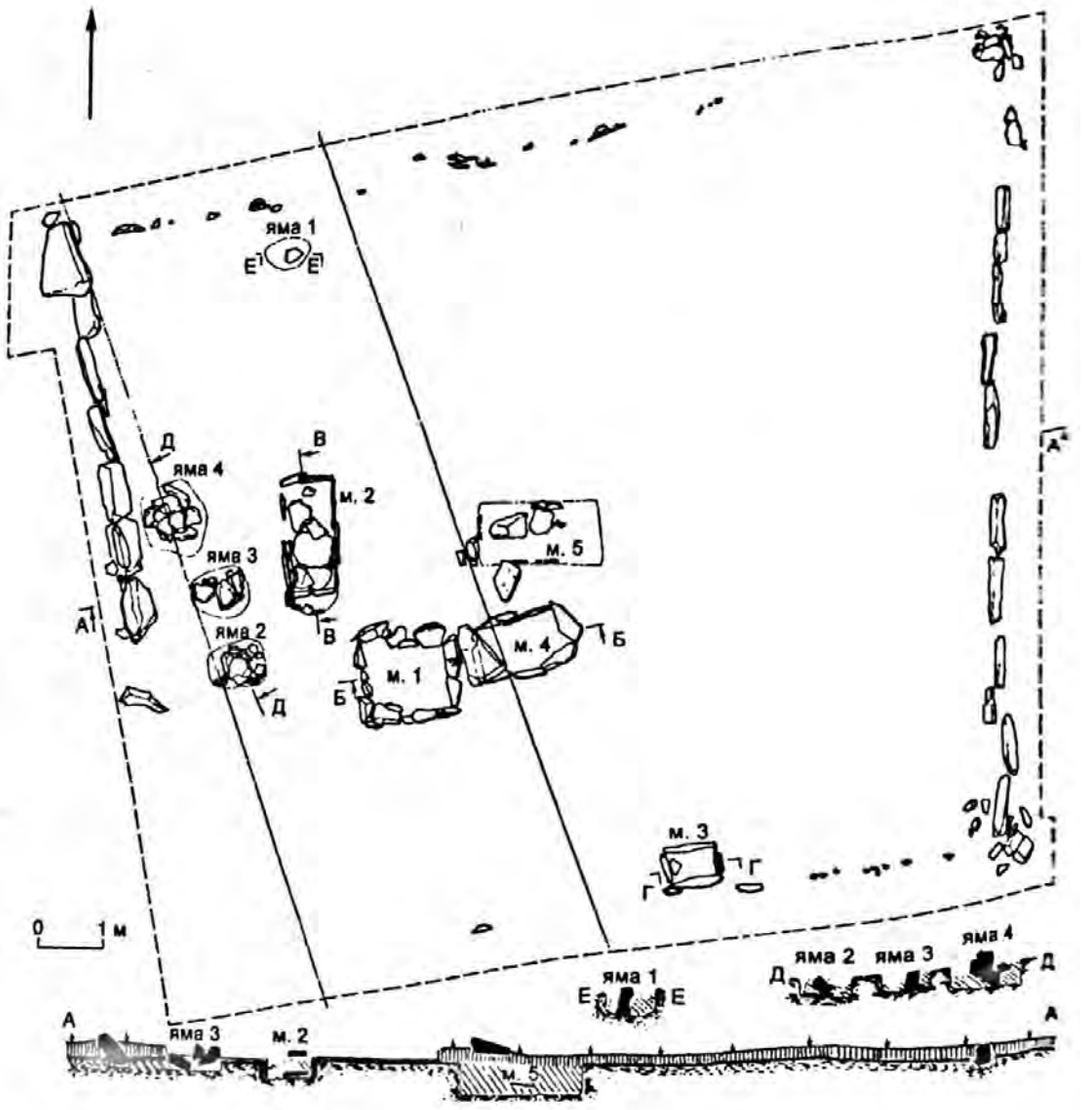

Рис. 2 Курган «94-й километр». План, разрезы

размеры – 1,75×1,4 м. Глубина могилы – 0,3 м. В заполнении встречались мелкие человеческие кости: ребра, фаланги. У северо-восточного угла обнаружено скопление костей взрослого человека: тазовые, бедренная, лучевая, а также позвонки. Предметы сопроводительного инвентаря отсутствовали.

Снаружи, рядом с восточной стенкой ящика на поверхности погребенной почвы лежал обломок каменной плиты (стелы?) с фрагментом изображения. Сохранились: часть овального абриса личины(?), рог(?), глаз(?), три лунки, поперечная полоса (рис. 4).

Могила 2 (рис. 5) расположена к северо-западу от могилы 1, на расстоянии 0,75 м от нее. В яме был установлен ящик из плит красного песчаника, ориентированный в направлении север-юг. Его размеры – 1,65×0,8 м. Глубина могилы – 0,35 м. В заполнении, помимо мелких обломков каменного перекрытия, обнаружено три человеческих зуба, а также подвеска – костяная имитация резца марала (рис. 6)[1]. Еще две подобные подвески найдены на дне могилы у западной стенки ящика.

Снаружи, рядом с южной стенкой ящика зафиксирована неглубокая яма овальной формы, стенки которой были выложены плитками красного песчаника. Внутри ничего не обнаружено. Возможно, в этой яме находилось несохранившееся детское погребение.

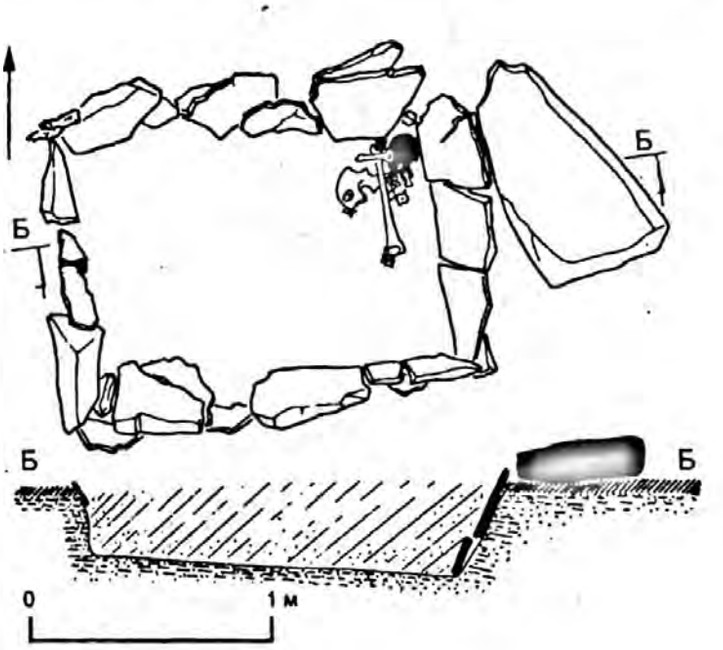

Рис. 3 Курган «94-й километр». Могила 1

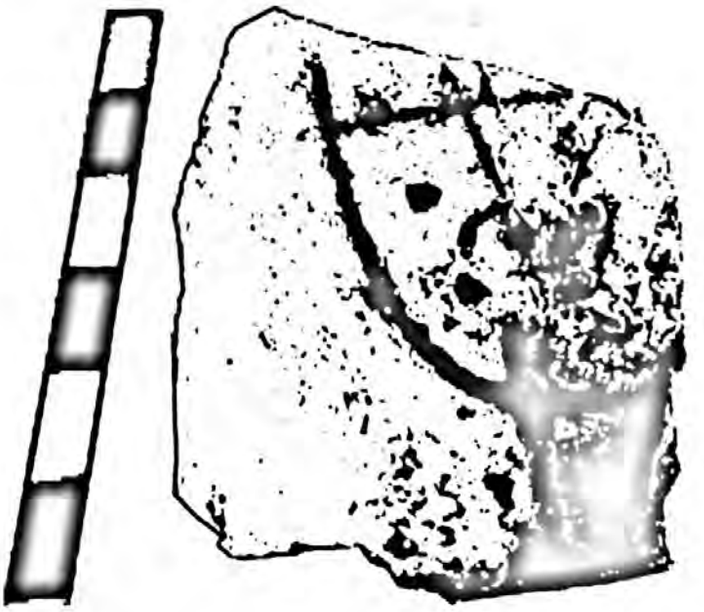

Рис. 4 Курган «94-й километр». Обломок плиты с изображением, лежавший рядом с могилой 1 (сфотографирован в ракурсе)

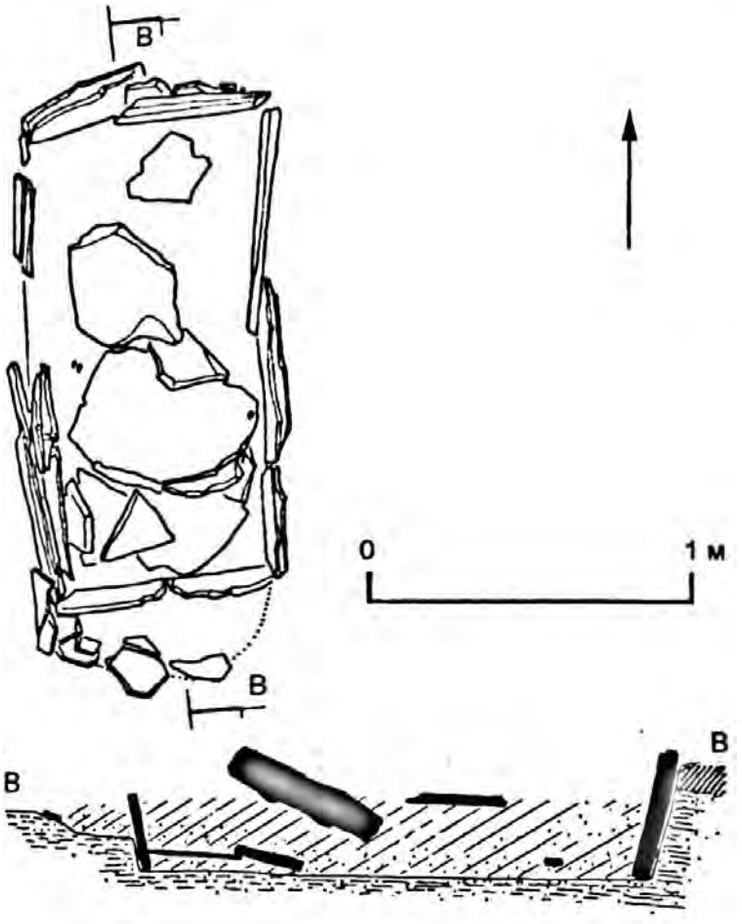

Рис. 5 Курган «94-й километр». Могила 2

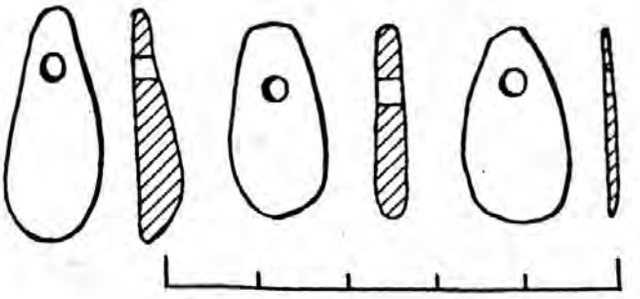

Рис. 6 Курган «94-й километр». Могила 2. Костяные подвески (имитация резцов марала)

[1] Бусы из могилы 3 (рис. 8) нарисованы Л. Соколовой, остальные находки – Д. Кирилловой.

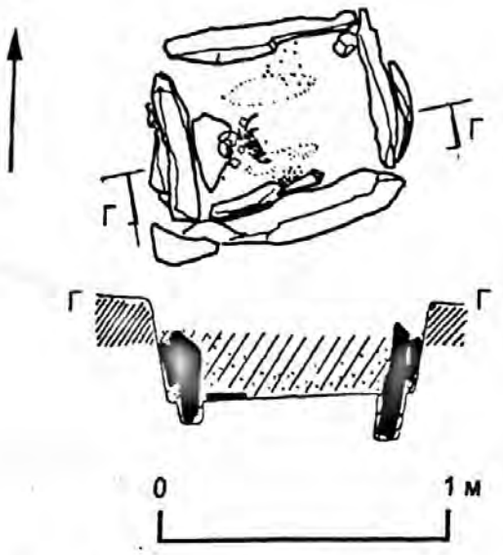

Рис. 7 Курган «94-й километр». Могила 3

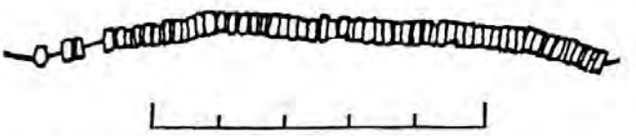

Рис. 8 Курган «94-й километр». Могила 3. Костяные бусы

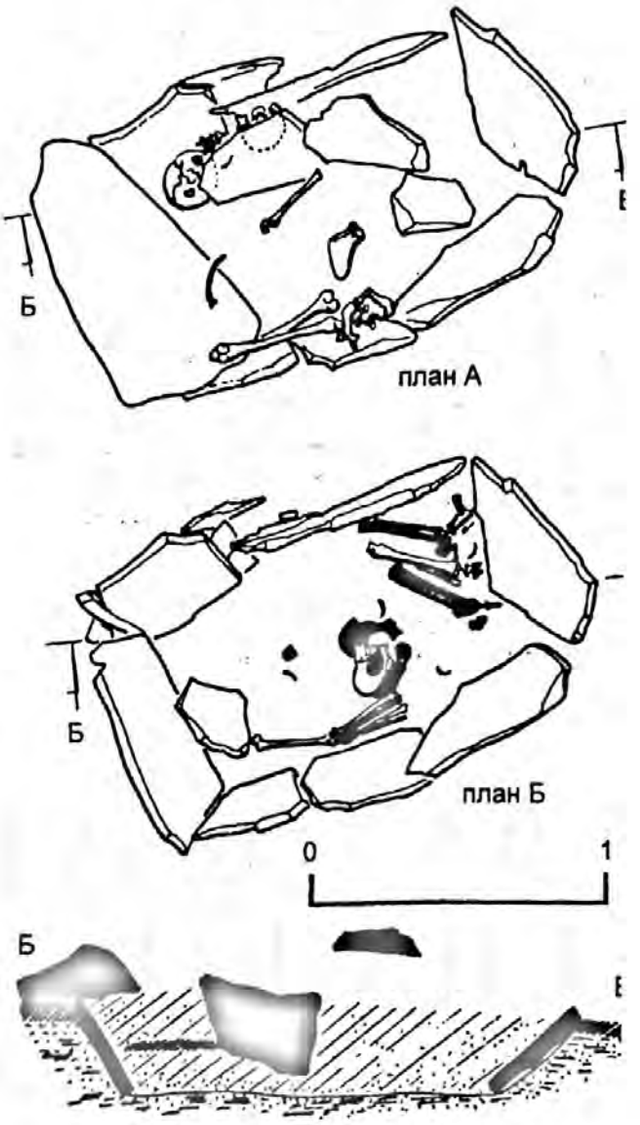

Рис. 9 Курган «94-й километр». Могила 4

Могила 3 обнаружена у южной части ограды. В яме был установлен ящик из плит красного песчаника, ориентированный в направлении запад-восток. Его размеры – 0,75×0,4 м. Глубина могилы – 0,2 м. На дне найдены остатки скелета ребенка: фрагменты черепа, правая плечевая кость, ребра. Погребенный был уложен на спине, головой на запад. У южной стенки ящика обнаружено скопление мелких костяных бус – около 70 штук (рис. 8).

Могила 4 (рис. 9) расположена в 20 см к востоку от могилы 1. В яме был установлен ящик из плит светло-зеленого гранита, ориентированный в направлении запад-восток. Его размеры – 1,6×0,5 м. Глубина могилы – 0,3 м. В заполнении могилы и на дне кости двух взрослых: два черепа с нижними челюстями, ребра, позвонки. На дне у южной стенки ящика сохранились in situ кости правой руки, тазовые и левая голень со стопой одного погребенного, у северной стенки – правая локтевая и обе голени со стопами другого. Судя по положению этих костей, покойные были уложены на спине с поднятыми вверх коленями, головами на запад. На дне найдены: в центральной части могилы – орнаментированный костяной гребешок; в северо-восточном углу – игольник из свернутого трубкой толстого медного листа (внутри – две костяные иглы), бронзовое обоюдоострое шило квадратного сечения, бронзовая пластинка (лезвие?); в средней части могилы, вокруг тазовых костей – три подвески из клыков кабарги, около восточной стенки ящика – еще две.

Изящный костяной гребешок (рис. 10) – находка уникальная. Он семизубый (один крайний зуб утрачен в древности). Основание (спинка) обрезано по полуокружности. В нем у края просверлено отверстие, очевидно, для подвешивания. На свободной лицевой поверхности изображена фигура, состоящая из трех прорезанных и прошлифованных концентрических круглых колец и четырех заостренных лучей, отходящих в стороны от внешнего кольца.

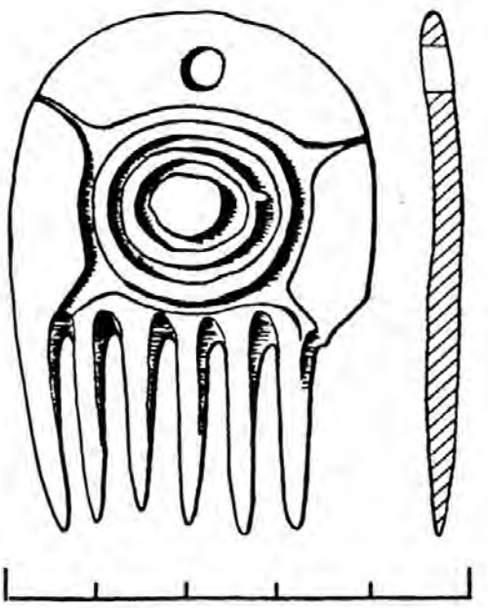

Рис. 10 Курган «94-й километр». Могила 4. Костяной гребешок

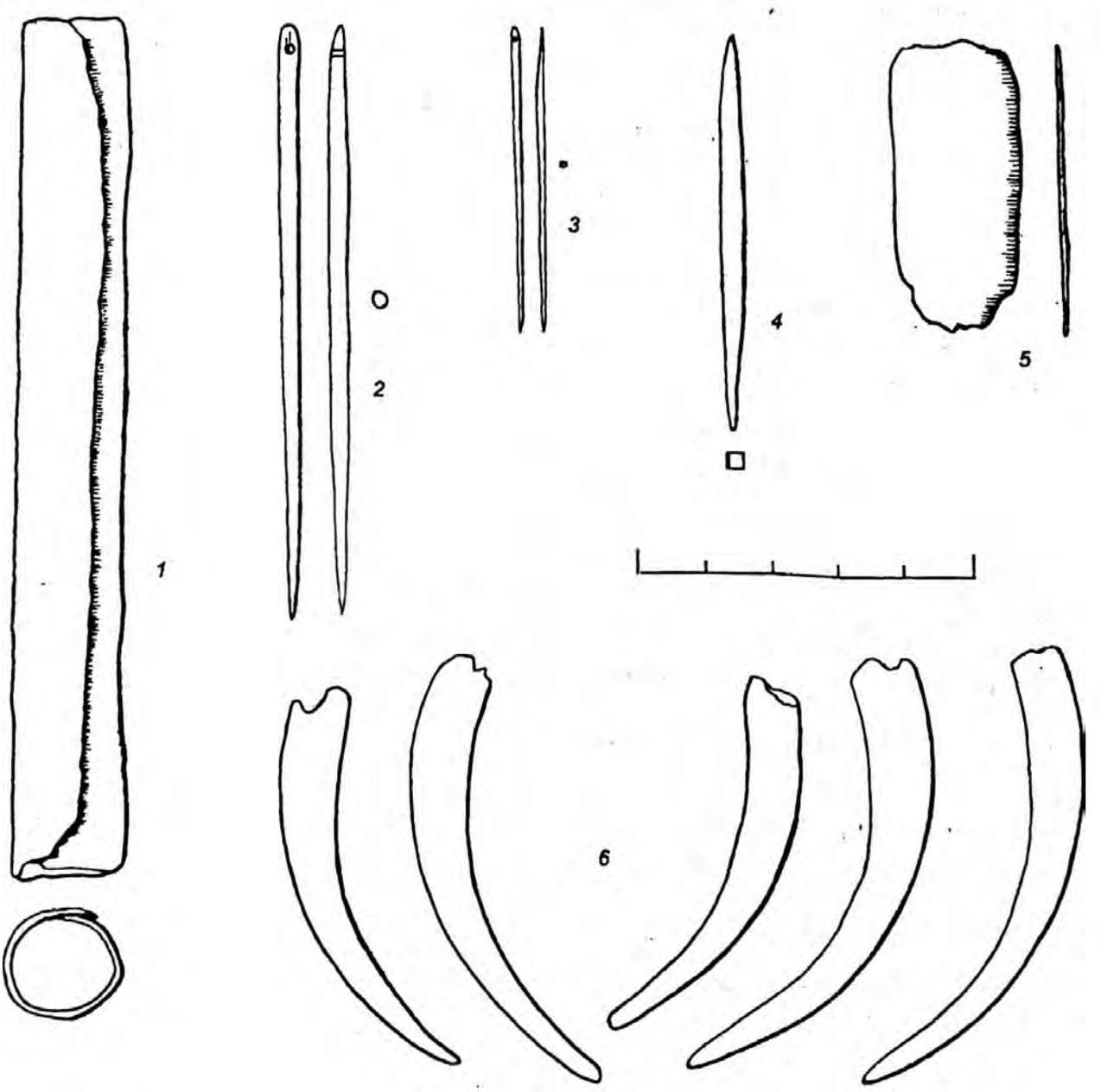

Рис. 11 Курган «94-й километр». Находки из могилы 4 (*1* – медь; *2*, *3*, *6* – кость; *4*, *5* – бронза)

Орнамент выполнен аккуратно и тщательно. Металлический игольник (рис. 11, *1*) изготовлен фактически из чистой меди, что, впрочем, характерно для всех окуневских игольников и объясняется технологическими требованиями – медь, в отличие от бронзы, пластична. Шило (рис. 11, *4*) и металлическая пластинка или лезвие (рис. 11, *5*), напротив, отлиты из сплава, явно легированного оловом (см. статью С.В. Хаврина в настоящем сборнике). Костяные иглы, лежавшие внутри игольника, тщательно оформлены и великолепно зашлифованы и залощены. Диаметр отверстия в ушке большой иглы (рис. 11, *2*) – около 1,5 мм, у маленькой (рис. 11, *3*) – меньше 1 мм. Наконец, 5 клыков кабарги (2 левых и 3 правых)[2] названы здесь подвесками условно. Ни у одного из них не сохранилась корневая часть, в которой обычно сверлилось отверстие (рис. 11, *6*). Однако с большой долей вероятности можно предположить, что отверстия для подвешивания на них были.

Могила 5 занимала в ограде центральное положение. В яме был установлен ящик из плит светло-зеленого гранита, ориентированный в направлении запад-восток. Его размеры – 1,8×1,1 м. Могила практически полностью разграблена. В заполнении встречались отдельные человеческие кости. Других находок не было.

Заканчивая описание материала, добавим еще одну находку, не имеющую непосредственного отношения к кургану, но сопоставимую с ним эпохально. Это каменное изделие (рис. 12) происходит из долины реки Уйбат (в его среднем течении). Такие орудия, не совсем ясного назначения, принято называть выпрямителями стрел. Иногда они изготовлены из плотной вязкой породы, тщательно обработаны и орнаментированы (как, например, находки со стоянки Унюк, хранящиеся в Музее искусства Востока). Рассматриваемый экземпляр сделан из

[2] Определение ст. научн. сотр. Зоологического института РАН М.В. Саблина.

рыхлого, слабо сцементированного песчаника (в изломе крошится под пальцами), обработан грубо.

Итак, в кургане было погребено не менее пяти взрослых и один или два ребенка.

Перечислим основные конструктивные и обрядовые особенности этого небольшого кладбища. Конфигурация кургана, его ориентировка, устройство стен ограды и каменных ящиков в могильных ямах, обломок плиты с изображением, лежавший под насыпью, типичны для окуневских курганов. Локализация могил на небольшом участке внутри ограды, при которой основная часть огороженной площадки оказывается свободной от погребений, также типична. То же можно сказать и об отсутствии жестко регламентированной ориентировки погребений. Четыре могилы вытянуты в широтном направлении, одна – в меридиональном. Позы погребенных, когда их удалось определить, типично окуневские: на спине с поднятыми коленями, упавшими впоследствии вбок.

Находки немногочисленны и, в основном, обычны. Единственная уникальная и чрезвычайно значимая вещь среди них – орнаментированный костяной гребешок.

Несколько удивляет полное отсутствие керамики. Но керамическая посуда не была, очевидно, обязательным элементом окуневского погребального инвентаря. В кургане Разлив X, к примеру, на 11 могил, в которых погребен 41 человек, найден всего один сосуд.

Медный игольник длиной 13 см входит в серию наиболее крупных из числа найденных в окуневских могилах. Бронзовое шило, костяные иглы, мелкие костяные бусы относятся к категории находок, хорошо известных по другим окуневским памятникам. Подвески из клыков кабарги в окуневских погребениях встречаются, пожалуй, не столь уж часто. Они более характерны для скифского времени, в частности, для тагарских погребальных памятников. Окуневцы в качестве амулетов и украшений предпочитали зубы хищников, а также сурка.

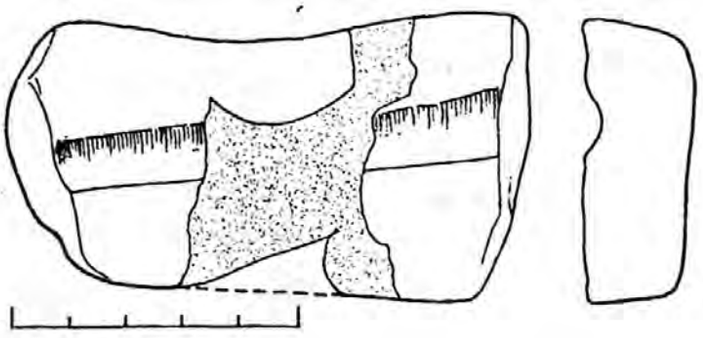

Рис. 12 "Выпрямитель стрел" (песчаник)

Не совсем обычная находка – вырезанные из кости подвески, имитирующие резцы марала. Подобные имитации были широко распространены в тагарское время. В окуневских курганах встречаются подвески из натуральных зубов марала. Это естественно. Марал в этих местах водится с древности поныне. Начиная с неолита, очевидно, на него охотились постоянно. Соответственно, можно было использовать его натуральные зубы. Поэтому непонятно, чем мотивировалось появление моды на их костяные имитации. В любом случае, это добавляет небольшой штрих к пока еще только намечающейся картине окуневско-тагараских перекличек.

Изображение на костяном гребешке из кургана «94-й километр»

В археологической литературе фигуры, подобные той, что изображена на гребешке из кургана «94-й километр», принято называть солярными знаками. Начало этому положила, видимо, интерпретация известного рисунка на Шишкинских скалах: животное неясной видовой принадлежности, несколько напоминающее то ли носорога, то ли крокодила, а перед ним – перечеркнутый кружок (Окладников, 1964, рис. на с. 82). «Смысл рисунка, изображающего клыкастое чудовище с кружком перед пастью, совершенно ясен: мифическое чудовище собирается проглотить кружок – солнце, а может быть, луну, – писал А.П. Окладников и далее пояснял, – образ мифического чудовища встречен не только в Центральной Азии, но проник оттуда и в Китай. Еще в конце прошлого столетия его изображения встретил во время своего путешествия в Западный Китай известный русский путешественник, историк и этнограф Г.Е. Грум-Гржимайло. Грум-Гржимайло писал: "Тап – рисунок, составляющий вывеску всякого присутственного места в Китае. Тап изображает мифического зверя. Благодаря четырем талисманам, которыми он владеет, ни одна из окружающих его стихий: огонь, вода и воздух – не страшны тапу. Но, обладая всем, он все же томится желанием проглотить солнце. С разинутой пастью стоит он перед ним, испытывая танталовы муки, потому что – увы! – одна только попытка схватить солнце должна повлечь за собой потерю талисмана и смерть самую ужасную, какую только может представить человеческое воображение"» (там же, с. 82–83).

Позднее истолкование шишкинского петроглифа было автоматически перенесено на сколь-нибудь схожие окуневские рисунки. Фигуры типа той, что изображена на гребешке, безоговорочно стали "солярными знаками", то есть, если понимать этот термин буквально, символами солнца. Судя по всему, преобладает именно буквальное понимание: в описаниях изображений у разных авторов часто фигурирует хищник, глотающий или пытающийся проглотить этот символ. Правда, глотать "знак" или "символ" – бессмысленно. Очевидно, подразумевается, что хищник собирается заглотить светило.

Но если перед нами символ солнца, то стоит, видимо, задуматься над вопросом: почему в этом качестве устойчиво использовалась четырехлучевая фигура (зачастую просто косой крест), мало для этого подходящая? Иногда она становится восьмилучевой – к примеру, на донцах некоторых сосудов баночной формы или на дне чаши тасхазинской курильницы. Можно, конечно, толковать термин "солярный" не буквально, а расширительно – как "космический". Но тогда его употребление теряет смысл, ибо в этом случае перед нами космограмма, у которой есть традиционное наименование – *мандала*. Действительно, четырехугольная или четырехлучевая (как и восьмилучевая) фигура идеально подходит для того, чтобы зримо представить радиально-концентрическую модель как вселенной в целом, так и ее проекцию на обитаемую людьми земную поверхность (Окладников, 1975, с. 62; Подольский М., 1987, с. 128; 1997, с. 183–184).

В Китае ранние круглые монеты (V–III вв. до н.э.) имели в центре круглое же отверстие. Позднее был выработан тип монет с квадратным отверстием – *цянь*, сохранившийся фактически до современности (Ивочкина, 2003, с. 61–65). Причем сопоставление двух разных форм – внешнего контура и отверстия – осмыслялось вполне определенным образом. По воззрениям китайцев, начиная как минимум с эпохи Шан (XVI–XI вв. до н.э.), круг символизировал небо, а квадрат – землю. Круг в сочетании с вписанным в него квадратом «представляет собой частный случай базовой бинарной классификационной схемы *инь-ян*» (там же, с. 63).

Еще явственнее интересующие нас представления отражены в индийской и, позднее, в тибетской традиции. «В исходном своем значении "мандала" означает круг, и в сфере религиозной практики, действительно, к лейтмотивным образам мандалы относят обычно различные круговые образы. В некоторых тибетских книгах мандала переводится как "центр", а иногда как "то, что окружает". Но однозначному определению понятие манндалы не поддается, это слишком глубокий и семантически энергоемкий образ. Считается, что прототипом всех мандал, как и вообще всех центрированных систем духовных практик, служит лотос, но эта общая иконографическая схема имеет множество вариаций. <...> Графически она представляет собой восьмилепестковые лотосы, круги и квадраты, вписанные друг в друга. <...> Мандала огораживает священное пространство и обозначает путь к священному центру, разумеется, внутреннему, духовному. Нам важнее подчеркнуть, что мандала служит моделью и образом мира и используется в разных сферах духовной жизни. В самом общем виде она воспроизводит схему странствия духа к священному центру и во внутреннем мире, и во внешнем его воплощении» (Альбедиль, 2003, с. 115).

Приведенные свидетельства позволяют заключить, что зримое воплощение мандалы играло важнейшую роль в ритуальной и медиативной практике широкого круга культур Древнего Востока. В частности оказывается, что она регулярно воспроизводилась на минусинских изваяниях (и не только на изваяниях) эпохи бронзы. И это очень важный для нас отправной пункт, если мы хотим в какой-то мере проникнуть в духовный мир людей, оставивших памятники, которые сейчас принято относить к числу окуневских. Важный в самых разных аспектах. Коснемся вкратце некоторых из них.

Первый аспект: амплуа хищника на изваяниях. Очевидно, китайские вывески конца XIX в. нельзя использовать в качестве основы для корректной интерпретации окуневских изображений. Окуневские хищники не глотают и даже не стремятся проглотить светило. Если фигура или пасть хищника объединена композиционно с мандалой, то это означает, что он теснейшим образом связан со структурой мироздания, а точнее – включен в нее. К тому же его "космический" статус обычно подчеркнут дополнительно: четырехлучевые фигуры (косые кресты, иногда – элементы личины) изображены на его крупе либо на морде или, как на Аскизской стеле, под лапами.

Общепризнано, что окуневские изваяния имеют многоярусную структуру, в основе – трехчастную. Причем нижний ярус исследователи соотносят, как правило, с подземным миром. Поскольку в нижней части изваяния изредка помещена голова хищника, то он оказывается в этом случае чудовищем преисподней, исчадьем ада. Казалось бы, такая интерпретация авторитетно подкреплена семиотическим анализом: «Тройное членение мирового дерева по вертикали идеально отвечает представлению о динамической целостности и в силу этого может рассматриваться как модель любого динамического процесса. <...> Эти три части мирового дерева в соответствующих текстах семантизировались таким образом, что верхняя часть соотносилась с положительно отмеченным признаком, а нижняя – с отрицательно отмеченным признаком [разрядка автора, – *М.П.*]» (Топоров, 1972, с. 94). В этом отрывке содержится одна неточность (или ошибка), причем принципиальная. Троичная система, периферийные зоны которой отмечены противоположными знаками (типа небо–земля–преисподняя), ни в коем случае не является динамичной. Она представляет собой результат механического наложения по антитезе двух бинарных оппозиций (в указанном случае земля–небо и земля–преисподняя) и потому статична. Шаман камлает или верхним духам, или нижним. Олимп никакой динамикой не связан с царством Аида. Сатанизм – всего лишь попытка найти альтернативу ортодоксальному христианскому поклонению Богу. Чистилище в «Божественной комедии» Данте играет роль промежуточного пункта, откуда путь ведет либо в Рай, либо в Ад, которые между собой никак не взаимодействуют, тем более динамично. Они композиционно противопоставлены по принципу антисимметрии. Динамичная троичная система всегда начинается на

земле, включая в себя некоего адепта, обращающегося к внеземным силам, медиатора (посредника) и субъекта или субъектов, являющихся адресатами обращения. А вот они могут быть отмечены знаком "плюс" или "минус", к примеру, при камлании верхним или нижним духам. Динамика процесса осуществляется посредником. Им может быть священнослужитель – скажем, шаман со своими помощниками, жертвенное животное или какое-либо другое жертвоприношение, жертвенный огонь (бог Агни), в погребальном обряде – покойник и т.д. Для достижения динамической связи с иными мирами могли использоваться самые разные опосредующие действия и приемы: молитвы, исполнение священных гимнов, произнесение символических слов, изобразительное воспроизведение священных символов, всевозможные магические акты и многое другое.

Яркий образец динамичной троичной структуры дает картина мироздания в индоарийской традиции. Вселенная делится по вертикали на небо, воздушное пространство и земной мир (преисподней нет или она остается за кадром). Все боги распределены по этим трем сферам. Ситуация сходного типа представлена, очевидно, и на окуневских изваяниях. Медиатор, типологически сопоставимый отчасти с Пурушей, отчасти с Индрой (Подольский М., 1997, с. 180–181), представлен личиной, которая помещена в центральной по высоте зоне. Соответственно, образ хищника, расположенный под ней, должен быть соотнесен с нижней сферой – еще раз подчеркнем: отнюдь не с преисподней, а с *обитаемым людьми земным миром*. Вполне возможно, что это его *хозяин*. Разные авторы неоднократно подчеркивали, что голова животного на изваяниях напоминает медвежью. Что ж, ассоциация образа медведя с представлением о *хозяине* была распространена в Сибири широко. Иногда хищник изображен не под личиной, а над ней. Скорее всего, суть его от этого принципиально не меняется. Хотя в этой позиции он может быть заменен фигурой лося, как на изваянии из улуса Сартыгой, или фигурами быков, как на Знаменской стеле.

Второй аспект: соотношение планировки минусинских курганов (разных эпох) с моделью мироздания, представляемой мандалой. Обратимся к ведическим текстам. Шатапахта брахмана содержит комментарии к гимнам Ригведы, в том числе к гимнам, сопровождавшим похоронный ритуал, и, в связи с этим, дает некоторые указания относительно формы и устройства погребальных сооружений (Подольский М., 2001а, с. 18–19). «Четырехугольным /должен быть погребальный курган/. Боги и асуры, те и другие происходящие от Праджапати, соперничали в /четырех/ сторонах /четвертях/. Боги изгнали асуров, своих соперников и врагов изо всех сторон, и, оставшись без них, те были побеждены. Поэтому люди, почитающие богов, делают свои курганы четырехугольными, а те, которые имеют природу асуров, – жители Востока и другие – /делают их/ круглыми, так как они /боги/ прогнали их из всех сторон. Он[3] устраивает его так, чтобы он лежал между двумя сторонами – восточной и южной, так как в этой стороне расположен мир Отцов: таким образом он заставляет его войти в мир Отцов; и посредством /четырех/ углов он /покойный/ утверждает себя в этих сторонах, и посредством другого тела /могилы/ – в промежуточных сторонах[4], он таким образам утверждает себя во всех сторонах» (*Шатапатха брахмана, XIII, VIII, 1, 5*)[5].

Можно воспринимать этот текст как богословскую спекуляцию, но сам факт противопоставления двух форм кургана чрезвычайно важен для осмысления древней ситуации в Минусинской котловине. Совершенно очевидно, что речь идет о вариациях конфигурации мандалы, а если смотреть глубже, то о различных моделях (образах) мира. Процитированный отрывок может послужить мостиком между мифологией и историей. Поначалу боги и асуры сосуществовали мирно и даже сотрудничали: вместе пахтали океан, чтобы добыть *амриту* – напиток бессмертия. Из-за права исключительного обладания им и началась, по сути дела, непримиримая вражда. Это – миф. С другой стороны – история раскола арийской общности, видимо, некогда существовавшей. Когда и где он произошел – вопрос дискуссионный. Однако нам известно, что в какой-то момент в арийской среде возникли две взаимоисключающие системы приоритетов. Если в индоарийской мифологии отрицательно отмеченными стали асуры, то в иранской традиции (то есть, терминологически, в собственно арийской) возобладало диаметрально противоположное распределение ролей. Ахуры (асуры) олицетворяли здесь благое начало, а боги, почитаемые индоарийцами, оказались злокозненными существами – дэвами.

В курганной архитектуре Минусинской котловины, начиная с момента ее возникновения, в основу планировки погребальных сооружений были положены те фигуры, о которых идет речь в Шатапатха брахмане: круг и квадрат (прямоугольник). Впрочем, поскольку они являются общекультурными универсалиями, это, само по себе, еще не дает повода для каких-либо серьезных выводов.

Но мы видим, что за счет разного сочетания этих фигур были выработаны две конкурирующие планировочные схемы. Возьмем в качестве примера могильник Пистах на ручье Узунчул (Подольский М., 1997а, рис. 1, 2). Каменные выкладки афанасьевского кургана 1 представляли собой два концентрических круглых кольца. В центре – подпрямоугольная могильная яма; иначе говоря, здесь пря-

[3] Тот, кто совершает погребальный обряд.

[4] То есть посредством сторон могилы, которые ориентированы по промежуточным направлениям компаса.

[5] Отрывок из Шатапатха брахманы цитируется в моем переводе с английского издания (The Sacred Books of the East, 1900). Пояснения к тексту принадлежат переводчику с санскрита на английский.

моугольник вписан в круг. В расположенном рядом окуневском кургане 3, наоборот, в квадратную ограду вписана круглая кольцевая каменная выкладка. В планировке афанасьевских оград повсеместно доминирует круг, в окуневских курганах – четырехугольник. В некоторых случаях окуневцы подчеркивали четырехлучвую планировку дополнительными средствами: диагональными каменными выкладками или установкой столбообразных камней по углам ограды. Следовательно, образ мира, запечатленный в мандале на рассматриваемом гребешке, как и на изваяниях и стелах, соответствует той модели, которая легла в основу планировки именно окуневских курганов (а не афанасьевских).

Кстати, высокие угловые камни эпизодически встречаются не только в окуневских, но и в каменноложских курганах, а потом становятся обязательным компонентом раннетагарских погребальных сооружений. Это еще одна деталь, демонстрирующая окуневско-тагарские переклички.

Становление степного скотоводства в Минусинской котловине и формирование афанасьевской и окуневской культур было связано с проникновением в этот регион каких-то групп переселенцев, очевидно, с запада. Поскольку мы не знаем и, скорее всего, никогда не узнаем, на каком языке или языках они говорили, то непосредственно связывать этот процесс с расселением ариев нет оснований. Однако появление в планировке здешних курганов конкурирующих схем (стало быть, образов мироздания) вполне могло быть отголоском или реминисценцией того исторического раскола, который зафиксирован в Шатапатха брахмане. Соответствующие планировочные традиции продолжали сосуществовать на Среднем Енисее в течение всей эпохи бронзы. Но как бы четко ни разделялись эти два варианта ритуальной теории и практики, очевидно, обрядовые различия не препятствовали контактам их адептов, в том числе и брачным, а также совместному проживанию и даже появлению смешанных кладбищ (Тасхазаа, Бельтыры, Камыштa "Большое кольцо"). Позднее эти варианты, вроде бы конкурирующие, вполне могли сочетаться в единой планировке андроновских и карасукских погребальных сооружений, где зачастую прямоугольные ограды пристраивались к округлым и наоборот.

Находка гребешка с изображением мандалы очень важна еще в одном аспекте, позволяя вернуться к пока еще окончательно не преодоленным разногласиям относительно культурной атрибуции минусинских изваяний. Не буду вдаваться в суть разногласий – они отражены в некоторых статьях как первого Окуневского сборника, так и настоящего. Защищая свои позиции, авторы привлекают аргументы, обладающие разной степенью доказательности. Во-первых, прямые свидетельства, во-вторых, косвенные и, в-третьих, умозрительные концепции.

К числу прямых свидетельств относятся артефакты, которые, с одной стороны, дают четкие (я бы сказал, безукоризненные) аналогии, с другой – находятся в контексте памятника явно "со смыслом", не давая повода предполагать, что они оказались здесь случайно. Какие же прямые свидетельства мы имеем? Перечислим основные. Первое: те редкие случаи, когда можно утверждать, что плиты с изображениями, идентичными тем, что встречаются на изваяниях, вписаны в структуру окуневского кургана. Наиболее убедительный из них – стела в кургане 1 могильника Уйбат III (Лазаретов, 1997, с. 35, табл. XI, *1*). Второе: изображения мандалы, по конфигурации и начертанию совершенно аналогичные тем, которые в большом числе встречаются на изваяниях и стелах. Одно – на каменной пластине (пряжке?) из могилы 21 кургана 1 могильника Уйбат V (там же, табл. XIV, *3*), другое – на рассматриваемом сейчас гребешке[6]. Третье прямое свидетельство обнаружено в андроновском могильнике Сухое озеро I (Максименков, 1978, рис. 4). Могила 7 в кургане 430 «... была перекрыта одной плитой размером 280×100×15 см, которая оказалась окуневской стелой, лежавшей изображением вниз» (там же, с. 27). Четвертое свидетельство – каменный блок с изображением личины, стоявший в стенной нише жилища 1 на карасукском поселении Торгажак (Савинов, 1996, рис. 5), который, возможно, «был вырублен из более раннего окуневского изваяния» (там же, с. 29).

Косвенных свидетельств больше. Перечислим основные. Первое и самое массовое – многочисленные плиты с изображениями (изредка – целые, чаще – в обломках), в том числе использованные при сооружении каменных ящиков в могильных ямах, которые были найдены под насыпями окуневских курганов. Второе – плиты с изображениями из смешанных афанасьевско-окуневских памятников. Самый яркий случай – Тас хазаа (см. статью А.Н. Липского и Э.Б. Вадецкой в настоящем сборнике). Третье – изображения на стенах каракольских могил, которые, судя по всему, создавались специально для погребального ритуала (см. статью В.И. Молодина в настоящем сборнике). Для каракольских памятников это прямое свидетельство, для окуневскких – косвенное, поскольку дает всего лишь типологическую параллель. Хотя довольнотаки убедительную: каракольцы были современниками и, возможно, алтайскими родственниками окуневцев. Четвертое – конфигурация некоторых окуневских курганов, перекликающаяся с начертанием мандалы (об этом речь шла выше), которая многократно – по сути дела, неисчислимо – воспроизведена на минусинских изваяниях. Пятое – изваяния и стелы, на которых мы видим напластование рисун-

[6] Иногда ссылаются на миниатюрную костяную подвеску с личиной из могильника Черновая VIII, но это спорная аналогия. Столь же спорно сопоставление Усть-Есинской Кыс-таш и костяных пластинок с гравированными женскими лицами из окуневских погребений. К тому же иконография Кыс-таш совершенно не типична для минусинских изваяний.

ков. Отсюда следует, что эти объекты использовались в ритуальной практике длительное время, изображения на них эпизодически подправлялись и дополнялись. Шестое, самое общее, но очень существенное: наличие произведений изобразительного искусства в окуневских курганах и их отсутствие в памятниках других доскифских культур Минусинской котловины – за исключением уже упомянутых рисунков на плитах из смешанных афанасьевско-окуневских кладбищ и очень редких карасукских (каменноложских) литых анималистических изображений на навершиях бронзовых ножей и кинжалов.

Наконец, умозрительные концепции. В археологической литературе они представлены в разных вариантах. Отмечу две основные версии (причем взаимоисключающие). Первая: изваяния восходят к местной неолитической традиции, но исходные образцы нам неизвестны, поскольку изготавливались из плохо сохраняющегося материала (дерева?). Вторая: окуневцы были таежными охотниками и рыболовами, поэтому те сложные и детально разработанные представления о мироздании, которые отражены на изваяниях, были им недоступны. Единственно достойными претендентами на роль создателей изваяний могут быть пришлые скотоводы афанасьевцы, которые принесли в Сибирь новую идеологию. По поводу этих версий (как, впрочем, и других) заметим, что гипотезы и теоретические концепции при осмыслении археологических материалов необходимы, спора нет. Но они не должны предварять анализ источников, в противном случае это ведет к сознательной или подсознательной фальсификации фактов.

Итак, какая же культурная атрибуция минусинских изваяний, из числа предлагавшихся, наиболее правдоподобна?

Неолитическая эпоха. В пользу этого варианта нет ни прямых, ни косвенных свидетельств. Есть только общие соображения. К тому же в археологических материалах Минусинской котловины, по сравнению с соседними регионами, неолит вообще проявлен неотчетливо.

Афанасьевская культура. Прямых свидетельств нет. Косвенное свидетельство только одно: рисунки на плитах из могильников типа Тас хазаа. Но здесь афанасьевские и окуневские материалы не распределяются четко по культурно-хронологическим пластам, как это чаще всего и бывает на смешанных памятниках, что существенно снижает доказательность этого факта. Очень важно также, что композиционно, образно и стилистически эти рисунки, вообще говоря, не сопоставимы с изображениями на минусинских изваяниях. Что касается общих соображений, то при корректных археологических реконструкциях они, как только что говорилось, не должны предварять анализ источников.

Окуневская культура. Есть прямые свидетельства, есть и косвенные (основные из них перечислены выше). Из числа косвенных подробнее остановимся на двух, которые, как ни странно, используются исследователями для обоснования диаметрально противоположных выводов.

Первый факт, который дает повод для противоречивых толкований: многочисленные плиты с изображениями, обнаруженные под насыпями окуневских курганов. Чаще всего для его объяснения привлекаются аналогии, почерпнутые из этнографии. Известно, что при проведении некоторых обрядов использовались специально изготовленные изображения, куклы и другие поделки, которые затем выбрасывались – за ненадобностью. Отсюда якобы вытекает, что минусинские плиты с рисунками, потеряв в какой-то момент свой сакральный статус, при сооружении окуневских курганов применялись в качестве *простого строительного материала*. К этому иногда добавляется еще одно предположение, довольно-таки наивное: окуневцы имели маниакальное пристрастие к тому, чтобы воровать строительный материал у предшественников, то есть, надо полагать, неолитических и афанасьевских. Причем осуществляли это столь последовательно и столь упорно, что в конце концов все (подчеркнем – *все*!) ранние изображения на плитах перекочевали в их курганы. Что можно сказать в связи этим?

Некорректное использование этнографических аналогий неоднократно оказывало археологии плохую услугу. Те поделки, о которых говорится в этнографии, предназначались для конкретных магических обрядов, для разовых действий. Вполне естественно, что *post factum* они теряли смысл. На минусинских изваяниях и стелах воспроизведены основополагающие религиозные образы и символы, композиционно отображены базовые представления о структуре мироздания (Подольский М., 1997; см. также соображения, высказанные выше). Они не могли потерять свою значимость. Известно, что у разных народов, исповедовавших различные религии, пришедший в негодность ритуальный инвентарь или, скажем, обветшавшие рукописи часто не выбрасывали, а *захоранивали*.

Подсказку для интерпретации рассматриваемого факта можно найти в особенностях планировки некоторых окуневских погребальных сооружений. Яркий и очень типичный пример – курган "94-й километр", о котором сейчас идет речь. Могилы размещались в углу, на одной четверти его площади. Для чего же предназначалась основная часть огороженной территории?

В курганной архитектуре Минусинской котловины (ограничимся этим регионом, хотя можно было говорить и о степи в целом) всегда преобладал концентрический принцип планировки: могила в центре ограды. Затем, поскольку курган уже имел сакральный статус, в него можно было впускать дополнительные погребения. В ряде андроновских, карасукских и раннетагарских погребальных памятников эта традиция была модифицирована. Зачастую очередные ограды пристраивались к более ран-

ним. Появились как цепочки оград, так и сооружения весьма сложной конфигурации. Однако в центре каждой ограды, каждой пристройки расположена могила, то есть концентрический принцип планировки в них сохраняется.

А вот в некоторых окуневских курганах (не во всех) он нарушен. Может быть, в среде их создателей по неизвестной причине не имел распространения концентрический образ вселенной? Но такое предположение тут же опровергается находкой нашего гребешка с классическим изображением мандалы. Надо искать другое объяснение.

Г.А. Максименков предложил следующую модель для могильника Черновая VIII: «В могильнике существовали три разновидности оград. Первая группа курганов представлена целиком заполненными оградами. <...> Вторую группу составляют функционирующие ограды, где продолжали хоронить взрослых и детей. Что касается третьей группы, то это были вновь построенные ограды, где только начинали погребать» (Максименков, 1980). Иная точка зрения высказана И.П. Лазаретовым: «Возникновение в этой среде идеи кургана-ограды, как замкнутого сакрализованного пространства, предназначенного для многочисленных последовательных захоронений, маловероятно и едва ли возможно в принципе» (Лазаретов, 1997, с. 39). Быть может, в последней цитате говорится конкретно о местной неолитической среде. Тогда надо уточнить: что такая "идея", видимо, вообще была неприемлема для обитателей древней степи. Практика огораживания "пространства, предназначенного для многочисленных последовательных захоронений" – стереотип современной похоронной индустрии. В древности, очевидно, количество могил в ограде не планировалось. Погребения совершались "по случаю" – либо на уже сакрализованной ранее территории, либо на новой, которой с помощью соответствующих обрядов придавался сакральный статус.

По поводу планировки курганов рассматриваемого типа остается одно разумное предположение. В этих случаях огороженная ритуальная площадка предназначалась не только для похорон и поминок, но и для обрядов более широкого профиля. Это – площадки-храмы. Такая "идея" древним степнякам была вполне доступна. Этим объясняется и смещение могил в сторону от центра, и их отсутствие в основной части ограды. Также находит объяснение наличие в насыпи и в могилах обломков плит с изображениями. Это не *просто строительный материал* или его отходы, а побочный результат проведения каких-то ритуалов (Подольский М., 2000). Тогда отпадают сомнения в окуневской принадлежности этих стел.

Второй факт, опять-таки порождающий разноречивые выводы: случаи напластований рисунков на изваяниях в сочетании с их стилистическими различиями. Иногда это дает повод попытаться выявить внутреннюю хронологию окуневской эпохи. Иногда – довольно жестко распределить изваяния между разными эпохами: неолитической, афанасьевской, окуневской. Не вдаваясь здесь в нюансы, отметим один существенный момент. При подновлении изваяния оно в любом случае воспринималось не просто как каменная болванка, более или менее подходящая для размещения новых изображений, а как памятник, сохраняющий знаковый смысл и ритуальное значение.

Что из этого вытекает? Предположим, что весь корпус минусинских изваяний не вмещается в те рамки окуневской культуры, которые очерчиваются на основании изучения окуневских погребальных комплексов. Но все же он, за очень редкими исключениями, укладывается в более широкие рамки *окуневского культурного фона*, который мог быть старше собственно окуневской культуры и, судя по всему, продолжал существовать после ее заката.

В пользу последнего предположения есть прямые свидетельства – упомянутые выше изображения окуневского типа из ***андроновского и карасукского*** комплексов. Нет полной уверенности в том, что они были изготовлены окуневцами. Действительно ли огромная и сравнительно тонкая плита была притащена на могильник Черновая VIII с чужого кладбища? К тому же личина нарисована на ней с помощью прямых линий и циркульных окружностей (известно еще несколько подобных изображений), что совершенно не характерно для пластики окуневского рисунка. А вот андроновцы, судя по их керамике, были склонны к геометризму. Что касается торгажакской личины, то она настолько проста, что заново выбить ее было, вполне возможно, легче, чем откалывать с величайшей аккуратностью кусок стоявшего в степи каменного изваяния.

Но это дискуссионные вопросы. Главное – то, что обе находки вписаны в соответствующий ритуальный контекст. Кто бы их ни изготавливал, они являются наглядным подтверждением существования мощного *окуневского культурного фона.*

Резюмируем: минусинские изваяния и стелы эпохи бронзы так или иначе связаны с *окуневским культурным феноменом*, во всем многообразии и богатстве его проявлений.

М.Л. Подольский

Д.А. Кириллова, М.Л. Подольский

Све Кызыл хая на севере Хакасии

В пределах Хакасии бассейн Черного Июса наиболее насыщен *све*. На карте Минусинской котловины он занимает сравнительно небольшую площадь. Однако здесь находится свыше 20% всех известных памятников этого типа. Некоторые из них стоят непосредственно по берегам реки. На участке долины около поселков Устинкино и Подкамень, где Черный Июс, спустившись с восточного склона Кузнецкого нагорья, выходит на степную равнину, зафиксировано пять древних укрепленных пунктов (рис. 1). Конечно, они функционировали не одновременно. Судя по результатам разведочных работ и раскопок, эти крепостные сооружения относятся к разным эпохам – от начала бронзового века до рубежа между Древностью и Средневековьем.

Очевидно, тогда это было стратегически важное место. С каждого из этих *све* открывается широкая панорама прилегающей территории, что давало возможность контролировать выход речной долины с гор на равнину.

Горная гряда Кызыл хая (Красная скала) расположена на правом берегу р. Черный Июс (рис. 2*а*). О существовании там каменного сооружения сообщили местные жители, но нам удалось найти его только недавно. От реки к горе ведет полого повышающаяся широкая надпойменная терраса. Высота подъема от подножья к цитадели немного более 160 метров.

Выбор площадки для сооружения *све* диктовался, видимо, разными соображениями. Отметим,

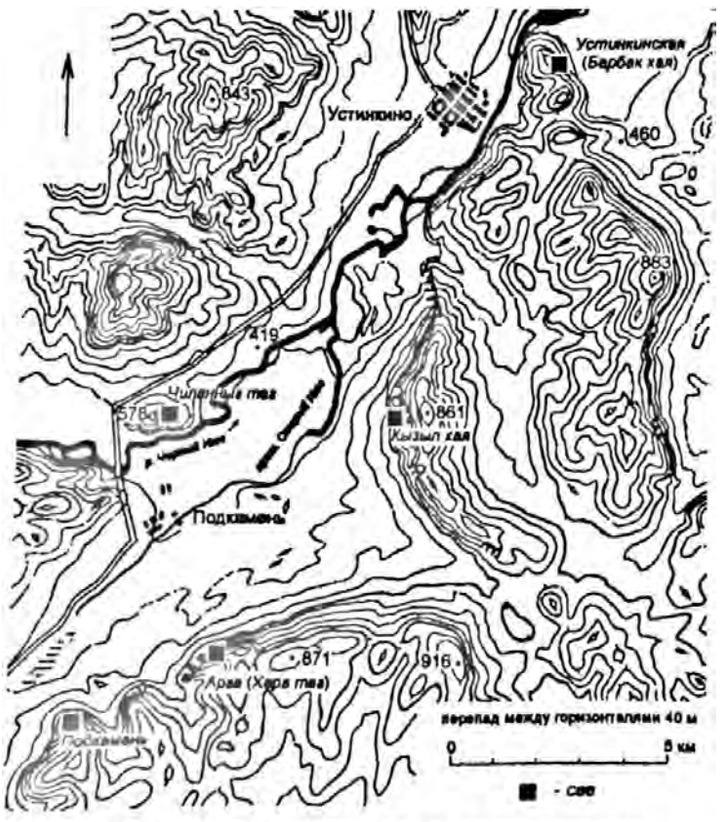

Рис. 1 Долина Черного Июса в районе поселков Устинкино и Подкамень

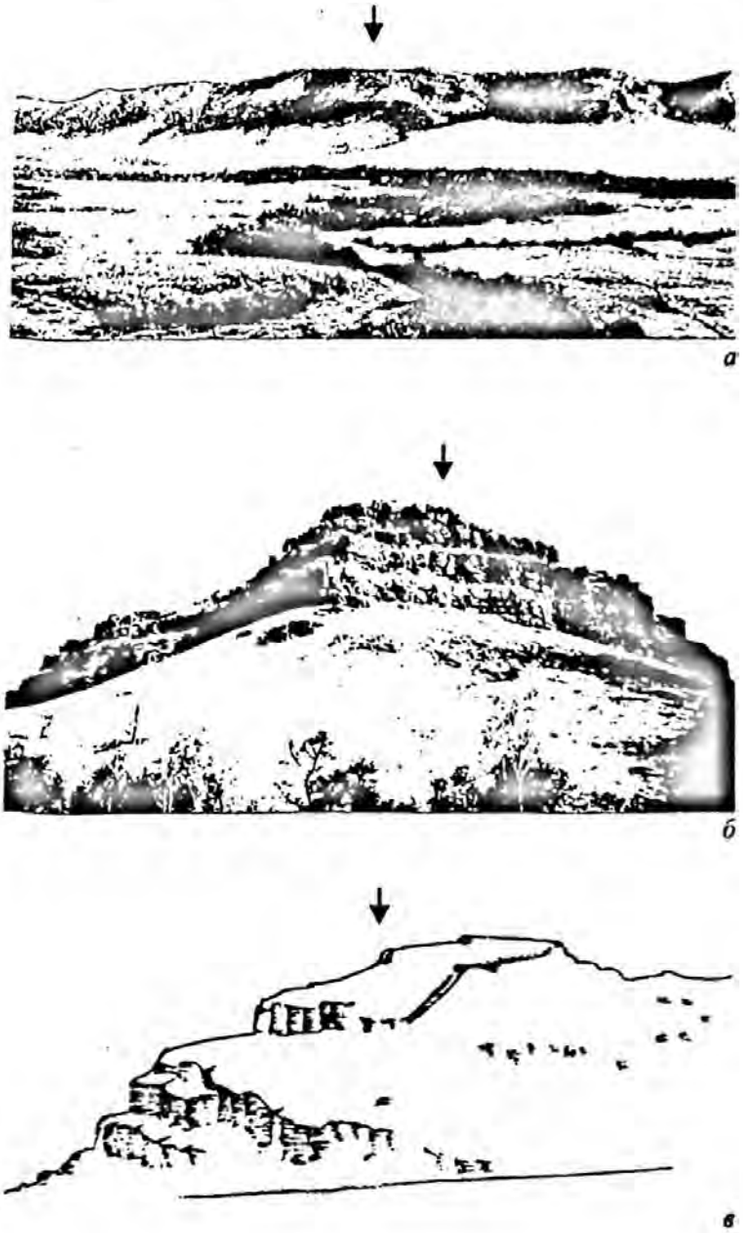

Рис. 2 *Све* Кызыл хая:
а – вид на горную гряду с крепости Чиланныг таг;
б – вид на *све* с запада; *в* – вид сверху (с юго-востока).
Площадка цитадели показана стрелкой

как кажется, наиболее вероятные. Это не вершина горы, а скала на склоне, обращенном к реке. Она немного выступает заостренным углом за общий контур склона и заметна даже с противоположного берега (со стороны с. Устинкино). Важно, видимо, было то, что отсюда открывается широкая панорама речной долины.

Скала чрезвычайно эффектна. Когда приближаешься к ней со стороны реки, возникает впечатление, что это созданный природой огромный неприступный замок (рис. 2*б*).

Ситуация очень выигрышна с фортификационной точки зрения. С юго-востока скала отделена от основного горного массива глубоким логом. По большей части периметра идут многометровые каменные обрывы. Стену пришлось строить только с восточной стороны, где природа о неприступности не позаботилась. Со склона, ведущего сюда от господствующей вершины, внутреннее пространство цитадели хорошо просматривалось и, видимо, простреливалось (рис. 2*в*).

Площадка цитадели ориентирована необычно. На *све*, как правило, она вытянута вдоль горизонталей, здесь же спускается по склону. Впрочем, эта особенность объясняется просто: она была предопределена конфигурацией скалы. Приблизительные размеры площадки в плане – 100×25 м (максимальная ширина – до 40 метров).

Поразительна сохранность стены. Местами она поднимается над

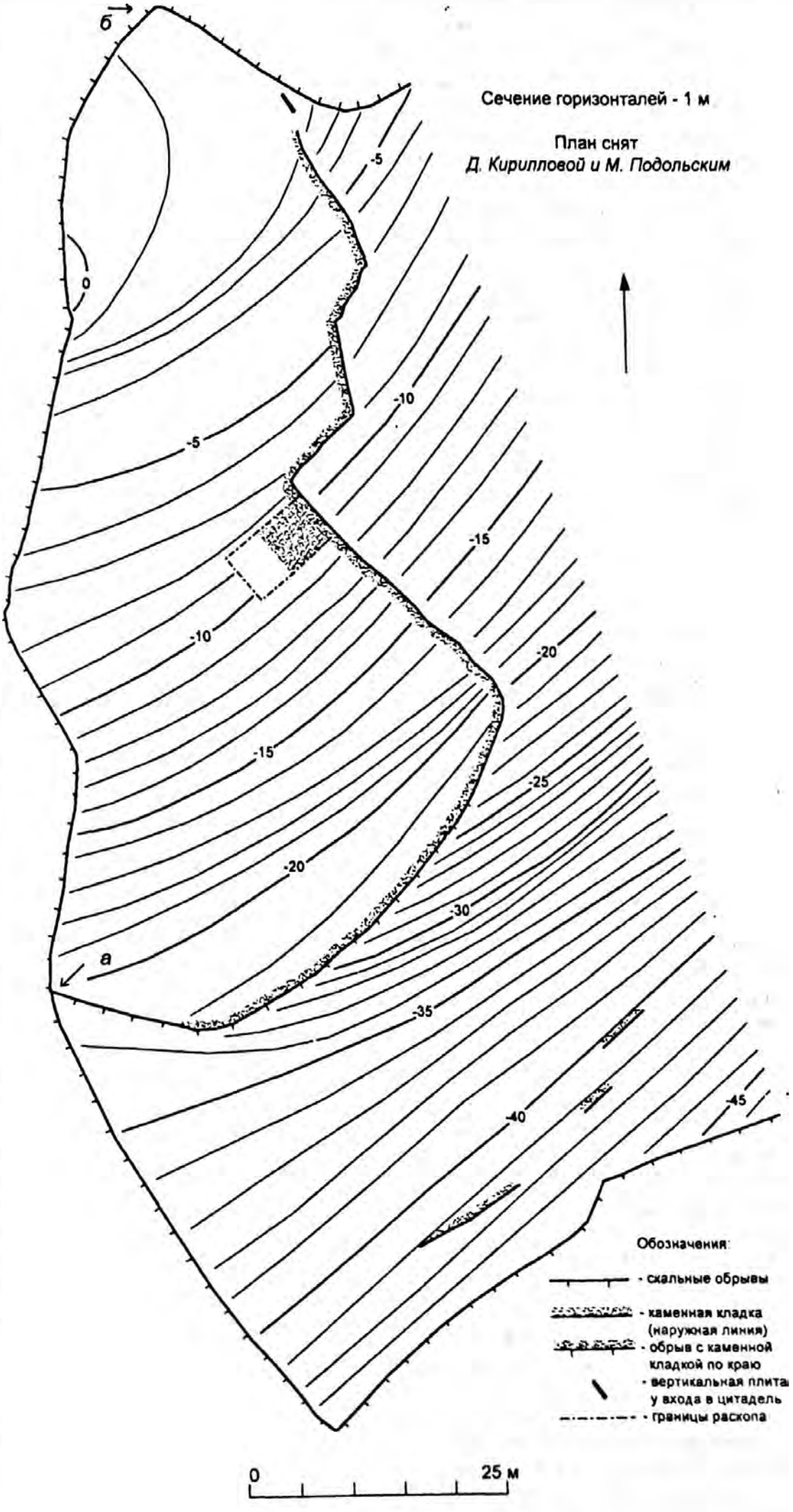

Рис. 3 План цитадели Кызыл хая

современной поверхностью на высоту до 2,5 м. Как показал внешний осмотр, стена строилась участками длиной по 5–6 м, которые стыковались между собой. Основные разрушения произошли на стыках, особенно в углах. Характерно, что та часть кладки, которая возвышается сейчас над поверхностью, мало подверглась грунтовым наносам. Между плитами, лежащими одна на другой, до сих пор остались пустоты, что существенно отличает Кызыл хая от других известных нам *све* (обычно щели между плитами заполнены землей).

Стена начинается на северо-востоке в нескольких метрах от обрыва (рис. 3). Очевидно, в цитадель входили именно здесь. Вход был фланкирован вертикально установленными плитами. Одна из них, сохранившая свое положение наиболее четко, показана на плане.

От входа стена спускается к югу (длина этого участка – немного больше 60 м), но не по прямой линии, а зигзагом. Судя по всему, с особенностями рельефа это не связано – понижение идет здесь более или менее равномерно. Скорее всего, такая сложная конфигурация диктовалась оборонительными соображениями. Углы в какой-то мере играли роль бастионов, позволявших простреливать внешнее пространство вдоль стены.

Внизу стена поворачивает к западу, где начинается скальный уступ. Постепенно повышаясь, он превращается в обрыв. Здесь стена сменяется дополнительной выкладкой по краю скальника. Закладывались преимущественно трещины между каменными блоками. Там, где высота обрыва достигает 12–13 м, такой дополнительной выкладки уже нет.

Ниже этого обрыва, в 25 метрах от него, снова прослеживается кладка из плит песчаника. Она не так монументальна, как на цитадели, и видна только местами. Что это? Внешняя линия обороны? Устраивать ее здесь смысла не было. Ниже, максимум в 10 метрах, идет очередной многометровый каменный обрыв. Какие-то конструкции жилых помещений? Возможно. Или это форпост, предназначенный для того, чтобы вести наблюдение за проходом к цитадели по логу? До раскопок трудно сказать по этому поводу что-либо определенное. Однако несомненно, что эта кладка каким-то образом связана с цитаделью.

Верхняя часть площадки цитадели почти горизонтальна и представляет собой скальную поверхность. С запада

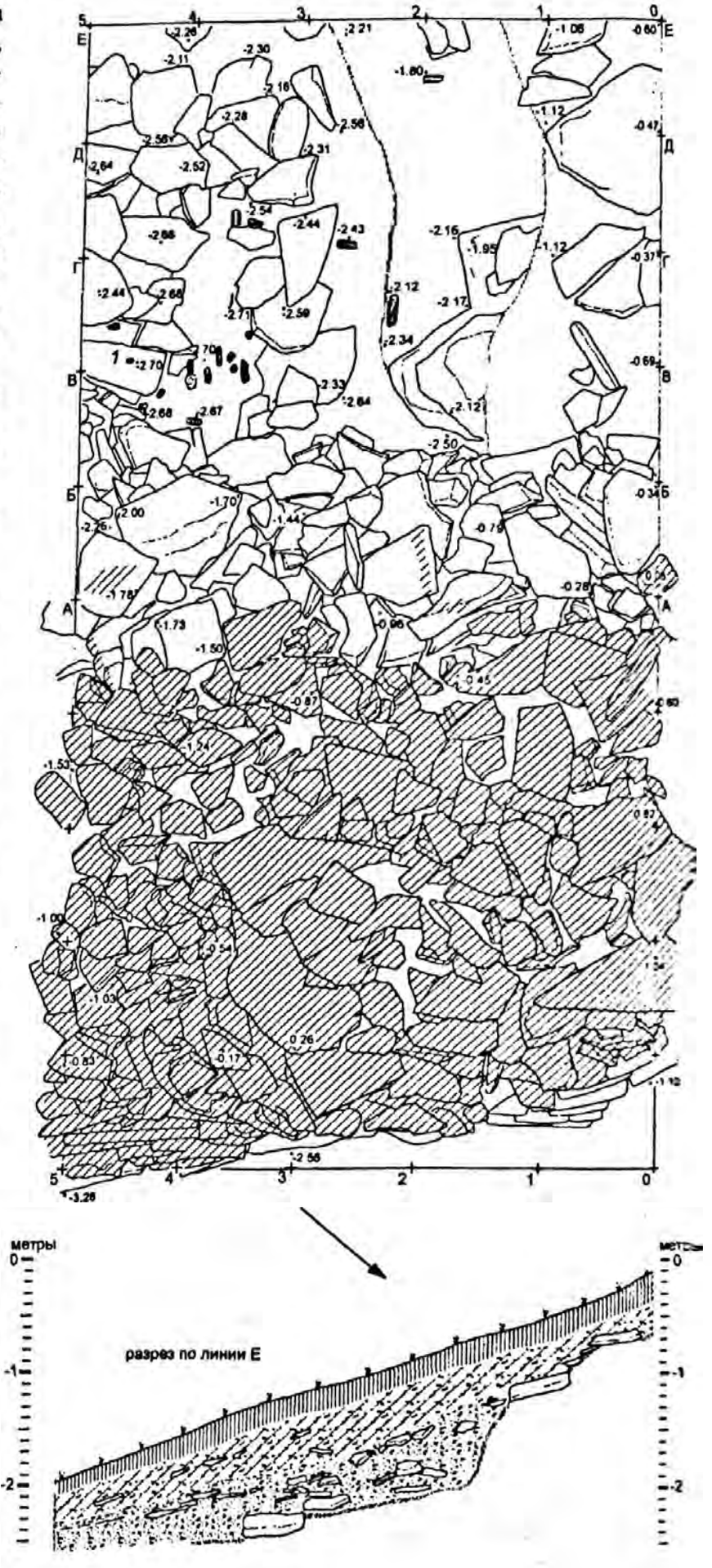
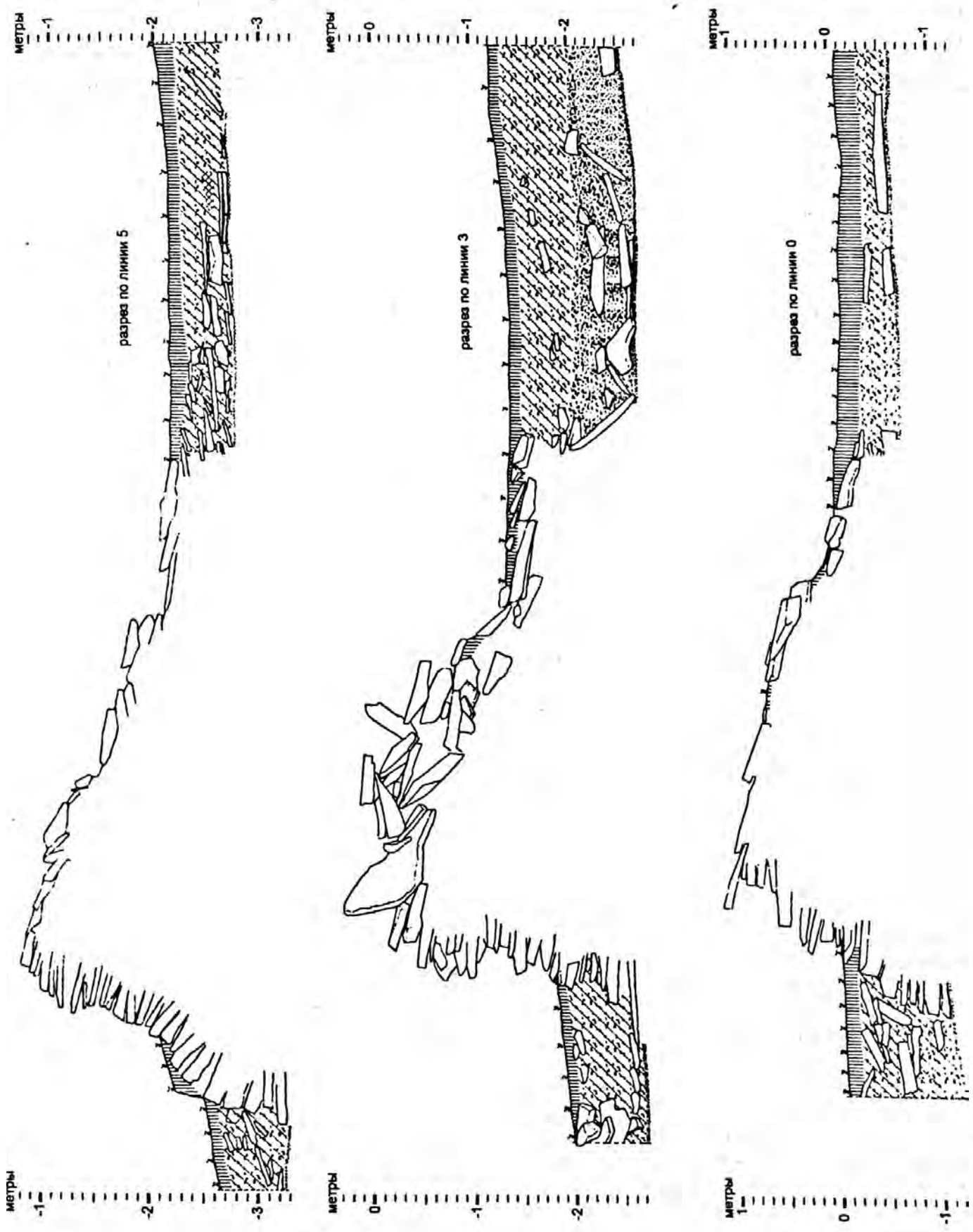

Рис. 4 Цитадель Кызыл хая.
Раскоп 1. План и разрезы.
Сторона квадрата разметочной сетки – 1 м
(полевые чертежи выполнены Д. Кирилловой)

метры
разрез по линии 5
разрез по линии 3
разрез по линии 0
условные обозначения:
- камни, видимые на поверхности
- современный дерн
- глина со щебнем
- гумусированная прослойка
- углистые прослойки
- материк

скальные выходы широкой полосой тянутся вдоль обрыва вниз, занимая местами более половины ширины цитадели. Получается, что для размещения жилой зоны оставалась сравнительно узкая полоса с востока, вдоль стены. В пользу такого предположения свидетельствует еще одно наблюдение. С внутренней стороны стены есть отдельные относительно ровные участки поверхности, на которых растительность выше и пышнее, чем вокруг. Это позволяет предполагать наличие там культурного слоя. На одном из таких участков был заложен небольшой раскоп[1]. И действительно, в нем удалось выйти на край жилого помещения.

Раскоп 1, стена

Нынешняя высота стены в пределах раскопа – до трех метров. Очень существенно отсутствие снаружи сколь-нибудь серьезного скопления упавших камней (рис. 4, разрезы 3, 5; плиты, показанные на разрезе 0, входят в массив развала, который спускается конусом от сильно разрушенного угла оборонительного сооружения, расположенного чуть выше). Можно предположить, что на этом участке стена сохранила конфигурацию близкую к первоначальной.

Оказалось, что общая ширина сплошной каменной кладки достигает 6 м. Трудно себе представить столь толстую каменную стену. До появления стенобитных орудий толщина укреплений не имела значения. Она диктовалась необходимостью создать устойчивую конструкцию при заданной высоте. Естественно, она зависела от строительной техники. По этому поводу мы можем сослаться на наблюдения, полученные при раскопках *све* Чиланныг таг, расположенного на левом берегу против Кызыл хая. Там, при общей ширине оборонительного сооружения 5,5–6 м, около 4 м приходилось на грунтовый вал и до 2 м на каменную облицовку его внешней стороны. Очевидно, нечто подобное имело место и здесь, только в этом случае, помимо наружной облицовки, вал был перекрыт плитами сверху.

Профиль стены подтверждает это предположение. Стены известных нам *све* построены, как правило, с небольшим наклоном внутрь – видимо, из соображений надежности. Здесь такой наклон характерен только для нижней части кладки. Выше фасадные плиты явно завалены много сильнее, вне пределов разумного (разрез 5). Самые верхние слои кладки нависают над лежащими ниже (разрез 3). Нависающие карнизы для стен *све* совершенно не характерны. Эти особенности профиля находят простое и убедительное объяснение, если при строительстве основу сооружения составлял вал из рыхлого грунта. Со временем он утрамбовался и осел, и тогда фасадная облицовка в верхней части завалились внутрь, а выкладка, которая лежала сверху, будучи менее податливой, нависла карнизом.

С внутренней стороны каменной кладки на полосе шириной около 2 м плиты лежат практически в уровень с современной поверхностью. В поперечном разрезе эта терраска горизонтальна. Вряд ли плиты, падая со стены на пол помещения, ложились так аккуратно. Очевидно, это была галерея, по которой можно было перемещаться вдоль стены. Без нее защитники цитадели были бы беспомощны. Наклон галереи вдоль стены – 22°, что соответствует уклону как современной, так, очевидно, и древней поверхности и, следовательно, уклону стены.

Снаружи верхняя часть каменной кладки должна была играть роль парапета. Сейчас в пределах раскопа его возвышение над галереей по линии 0 – около 1 м, по линии 3 – около 1,5 м, по линии 5 – 1,3 м[2]. Это как раз та высота парапета, при которой можно из укрытия наблюдать за подходами к цитадели и в случае необходимости отстреливаться. Это дополнительное свидетельство того, что на этом участке стена разрушилась мало.

* * *

Суммируя все факты и соображения, можно предложить следующую модель структуры и последовательности возведения стены. Насыпали вал, для чего, скорее всего, использовали грунт из котлована прилегающего жилого помещения. С внутренней стороны вала надстраивали и выстилали плитами галерею. Снаружи к валу приставляли кладку из плитняка, а выше возводили парапет.

Конечно, это гипотеза. Но она объясняет зафиксированную ситуацию. Разбирать для ее подтверждения стену, так хорошо сохранившуюся, мы считали нецелесообразным. При дальнейших раскопках можно будет осуществить проверку на каком-либо участке плохой сохранности.

Возникает вопрос: почему здесь, сравнительно с другими *све*, стена сохранилась так хорошо? Скорее всего это объясняется необычной ориентировкой площадки цитадели, что было отмечено выше. Стена вытянута вниз по склону. На нее не давил своей массой ни вал, ни сползавший сверху грунт. Да, каждый участок кладки находился под напором тех плит, которые лежали на стене выше по склону. Но при этом его подпирали плиты, лежавшие ниже. Имело место более или менее устойчивое равновесие. Хотя происходили какие-то сдвиги и разрушения, но там, где кладка представляла собой единую конструкцию, она успешно выдержала испытание временем. В тех местах, где это единство нарушалось, – на стыках и особенно в углах – стена разваливалась.

Раскоп 1, помещение 1

Котлован жилого помещения примыкает к стене. Грунт, в котором он выкопан, – глина крас-

[1] В раскопках принимали участие студенты ХГУ А. Арбузов и Э. Танбаев, а также Л. Шалин.

[2] Для сопоставления: на некоторых древнерусских крепостях возводился глухой парапет высотой чуть менее метра (Носов, 2003, с. 57).

ного цвета с отдельными плитами песчаника. Ситуация неожиданная. С внутренней стороны цитадели от помещения к обрыву идет скальник. Материк за стеной тоже скальный. А здесь глина! Каким образом могла возникнуть такая структура? Вероятно, когда-то, в процессе формирования современного рельефа, между утесом, на котором расположено *све*, и основным горным массивом появилась трещина, заполнившаяся глиной и плитами. Строители *све* всегда приспосабливались к ландшафту. В данном случае копать котлован в глинистом грунте было проще, чем вырубать его в скальнике.

Раскопки помещения 1 пока не закончены. Хотя исследована значительная его часть – около 14 кв. м (по опыту работ на Чиланныг таг площадь жилых помещений на *све* – от 15 до 25 кв. м). В южном углу (кв. Е4–5) лежали плиты с наклоном внутрь жилища, частично уходившие в борта раскопа. Их мы не снимали, здесь нижняя часть слоя не разобрана.

Зафиксированы только две границы помещения: северо-восточная – вдоль крепостной стены и северо-западная – борт котлована между линиями 1 и 2 (рис. 4). К юго-западу на сравнительно небольшом расстоянии от раскопа начинается сплошной скальник. С юго-восточной стороны, судя по уклону рельефа, габариты котлована не могли выходить за пределы раскопа более чем на 1,5 м. Так что общая площадь помещения не могла быть более 20 кв. метров.

Характеристика насыщенности культурного слоя по квадратам представлена в таблицах 1–3.

Табл. 1 Кости животных (целые и фрагменты)

	5	4	3	2	1
Е	120	53	1100	130	
Д	460	72	290	280	13
Г	35	164	380	140	59
В	63	84	180	170	6

Табл. 2 Керамика (число фрагментов)

	5	4	3	2	1
Е	20	22	107	14	
Д	25	31	28	30	1
Г	5	53		22	15
В	5	50	30	18	10

Табл. 3 Кремневые отщепы

	5	4	3	2	1
Е	10	10	57	6	
Д	1	11	15	13	14
Г	1	15	3	19	23
В	1	12	9	14	19

Стратиграфические наблюдения

Под современным дерном (толщина 10–20 см) начинался слой материковой глины со щебнем мощностью до 70 см. В нем встречались фрагменты керамики, обломки костей животных и – в большом количестве – кремневые отщепы. Здесь же были найдены три наконечника стрел.

Ниже шла се́рая прослойка, с включением угольков, толщиной до 20 см. От этой прослойки включительно до пола помещения культурный слой максимально насыщен (мощность до 0,7 м). Здесь слой состоит из глины и щебня и слабо гумусирован. Характерная его особенность – большое количество крупных костей животных.

В заполнении встречались фрагменты горелого дерева очень плохой сохранности, ориентированные по отношению к стенам жилища продольно и поперек. Некоторые из них лежали непосредственно на полу. Видимо, это остатки жердей, из которых строились стены и крыша помещения.

Пол котлована выстлан тонкими плитами песчаника (рис. 4). Непосредственно на нем находок было мало. Фрагменты сгоревшего дерева и обрывки бересты. Развал обломков керамического сосуда (кв. В4–Г4; рис. 10, *4*). Каменное грузило (кв. В5; рис. 5, *8*).

Очевидно, культурный слой от пола до серой прослойки, который содержал в основном кости животных и керамику, относится к периоду функционирования жилища. Серая прослойка фиксирует момент прекращения его существования (может быть, после пожара). Что касается кремневых отщепов и наконечников стрел, а также той керамики и костей, которые были найдены в дерновом слое и верхней части заполнения котлована и за его пределами, то это, видимо, результат процессов, происходивших позднее. Керамика и кости могли сползти сюда из жилищ, расположенных выше.

А кремень? Можно предположить, что производственной деятельностью обитатели цитадели занимались преимущественно не в жилищах, а на верхней почти горизонтальной скальной площадке. Когда *све* было покинуто жителями, отходы производства и некоторые изделия постепенно сползали вниз – шли дожди, дул ветер...

Кости животных (состав)

Определение костей животных проводилось поквадратно[3]. Мы даем здесь суммарную сводку по всей площади раскопа.

Косуля: фрагменты черепа – 28; верхние челюсти – 39; нижние челюсти – 53; 1-й шейный позвонок – 1; 2-й шейный позвонок – 1; лопатки – 84; плечевые – 6; локтевые – 6; лучевые – 8; тазовые – 4; бедренные – 3; коленные чашечки – 16; большие берцовые – 9; таранные – 43; пяточные – 12; метаподии – 8; кости запястья – 14; кости заплюсны – 2; копытные фаланги – 30.

Всего, судя по числу лопаток, не менее 42 особей.

Овца: фрагмент черепа – 1; нижняя челюсть – 1; лопатки – 4; плечевая – 1; коленная чашечка – 1; таранные – 3.

По лопаткам и таранным костям – минимум 2 особи.

Корова: фрагмент черепа – 1; верхняя челюсть – 1; нижняя челюсть – 1; 1-й шейный позвонок – 1;

[3] Определения костей сделаны старшим научным сотрудником Зоологического института РАН М.В. Саблиным.

локтевая – 1; коленная чашечка – 1; большие берцовые – 4; таранная – 1; пяточная – 1; метаподии – 2; кость запястья – 1; кости заплюсны – 2.
По большим берцовым костям – минимум 2 особи.

Марал: верхняя челюсть – 1; нижняя челюсть – 1; локтевые – 2; лучевая – 1; бедренная – 1; большая берцовая – 1; таранная – 1; пяточные – 2; кости запястья – 4; кость заплюсны – 1; фаланги – 8; копытные фаланги – 2.
Возможно, 1 особь.

Кабан: верхняя челюсть – 1; кость запястья – 1; метаподии – 2.
Видимо, 1 особь.

Птица: две кости (одна плечевая), видимо, от двух особей.

Куница: клык – 1.

Собака: три метаподии передней ноги – 1 особь.

Таким образом, в мясном рационе обитателей цитадели безусловно преобладали дикие животные, хотя присутствовали и домашние.

Изделия из камня и кости

Каменный инвентарь очень показателен (рис. 5): наконечники стрел (*1–3* – кв. Е3); обломок лезвия шлифованного топора (*4* – кв. В3); скребла (*5* – кв. Д5; *6* – кв. Е2); скребок (*7*); пест (*12* – кв. Д4); «молоточки» (*10* – кв. Е4; *11* – кв. Д3); грузила (*8* – кв. В5; *9* – кв. Д4).

Грузила такого типа (плоские гальки овальной формы с выбитыми с двух сторон углублениями

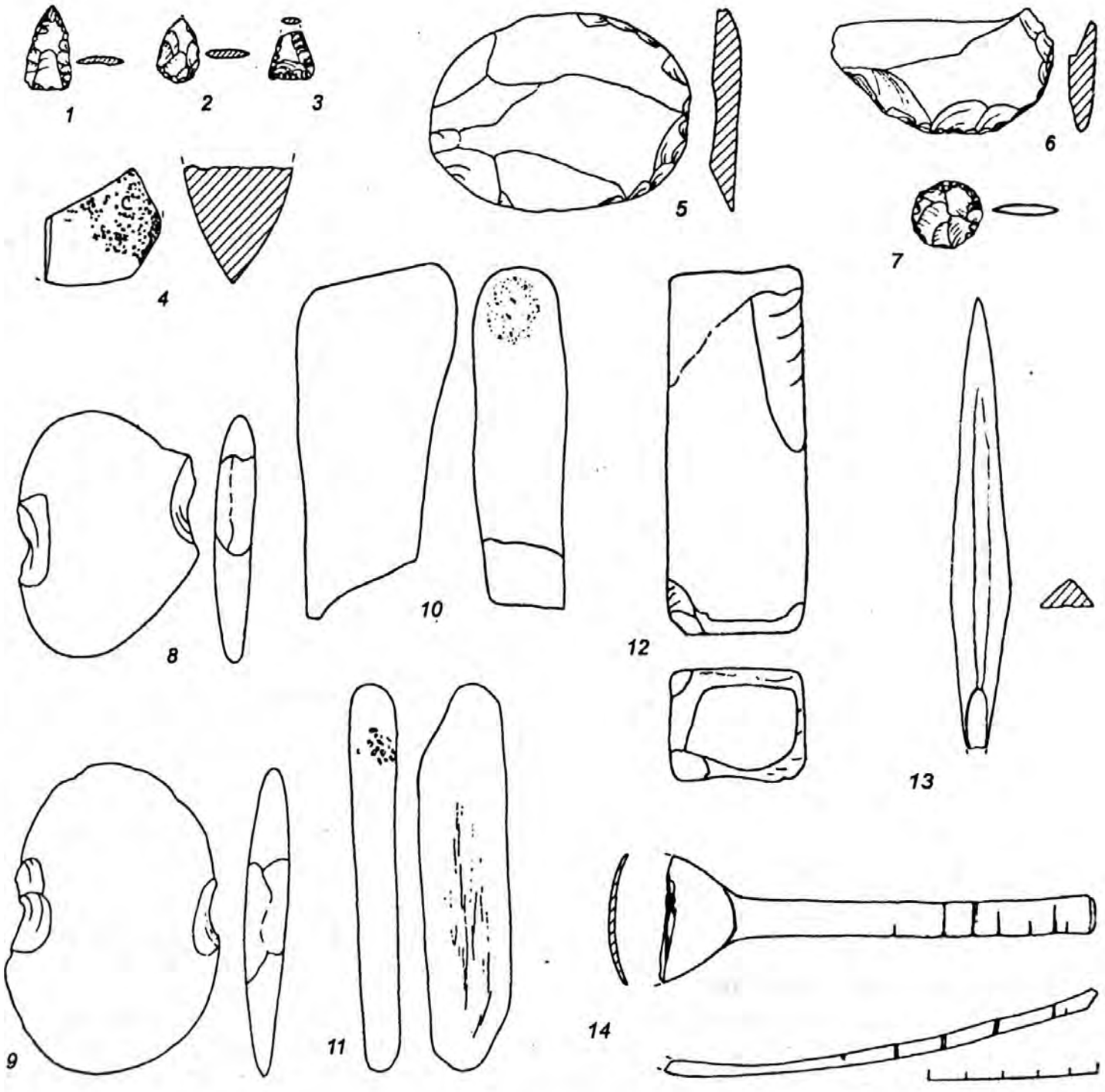

Рис. 5 Цитадель Кызыл хая. Раскоп 1. Изделия из камня (*1–12*) и кости (*13–14*). Прорисовка находок, включая керамику (см. рис. 6–10), выполнена Д. Кирилловой

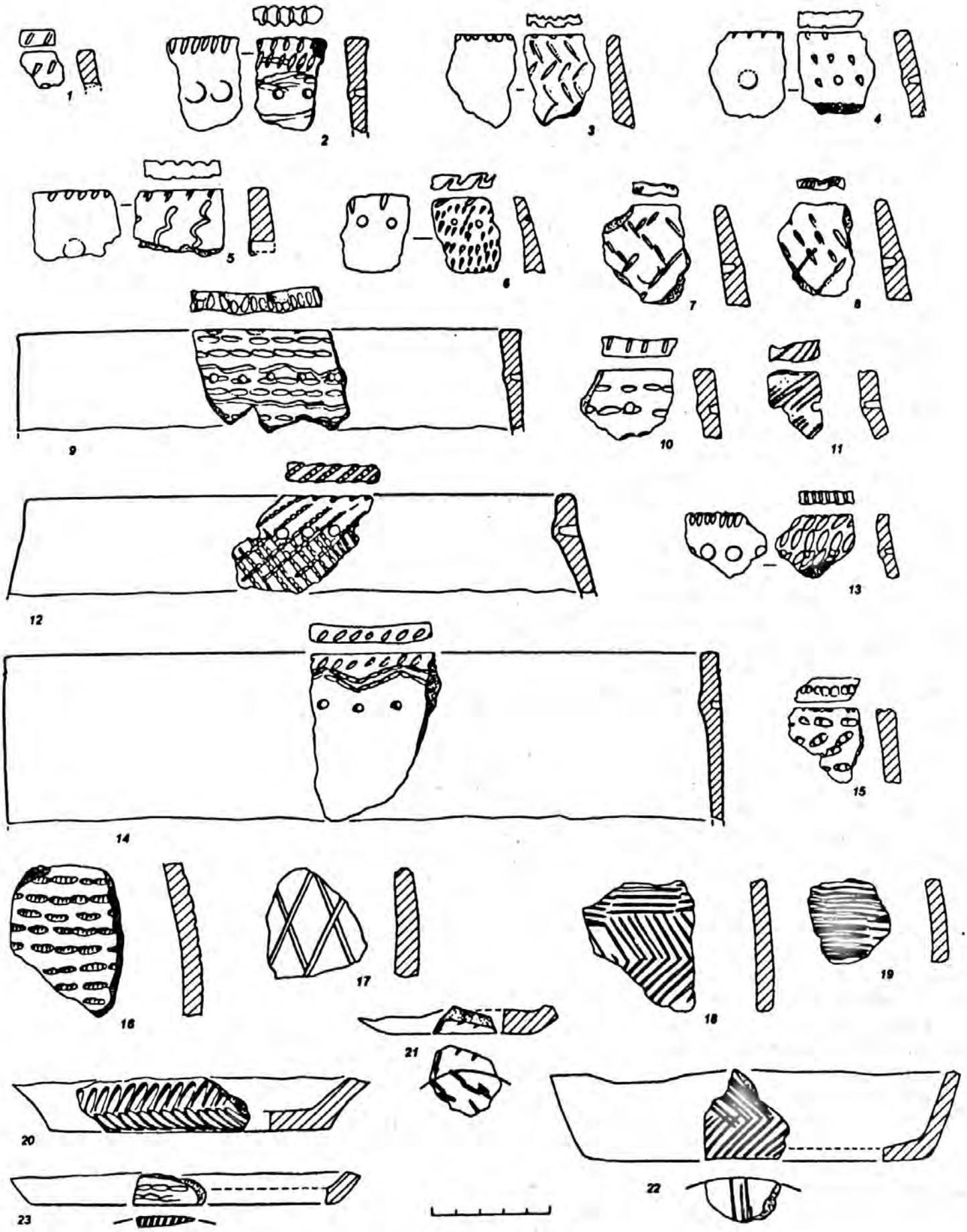

Рис. 6 Цитадель Кызыл хая. Раскоп 1. Керамика окуневского облика:
1 – кв. В2; *2*, *4*, *5*, *9*, *15*, *18*, *19*, *22* – кв. Е3; *3* – кв. Е5; *6* – кв. Е4; *7*, *14* – В3; *8* – кв. Г4;
10, *20* – кв. Г2; *11* – кв. Д1; *12* – кв. Д4; *16* – кв. Д2; *17* – кв. Д3; *21* – кв. В4

для обвязывания ремешком или веревкой) были распространены очень широко в пространстве и времени: практически по всем евразийским степям – от неолита до начала железного века. В археологической литературе их часто называют грузилами для сетей. Судя по нашим находкам на *све* Чиланныг таг[4] и Кызыл хая, такая интерпретация сомнительна. В каждом помещении мы находим два–три грузила, изредка – немного больше. Возможно, это было охотничье орудие типа бола.

«Бола (*исп.* шар), метательное охотничье оружие у индейцев степей Южной Америки – один или несколько шаров (из камня, позднее – из металла), прикрепленных к ремням. Шары раскручивались над головой так, чтобы при броске ремни опутывали ноги или шею животного. Бола птичьи, метательное оружие при охоте на птиц у народов крайнего северо-востока Сибири: связка ремней с камнями на концах, которые опутывали птиц в полете» (Народы и религии мира). Малая Советская Энциклопедия уточняет, что оружие, аналогичное бола или болас (*шары*), встречается у чукчей и коряков (МСЭ, т. 1).

Так что вполне допустимо предположить, что подобное охотничье оружие было известно степнякам бронзового века.

Изделия из кости представлены двумя находками. Первая – изящная костяная ложка (или лопаточка), сохранившаяся неполностью (рис. 5, *14*; кв. В3). На ручке хорошо видны следы обработки – поперечные надрезы ножом.

Вторая находка – костяной наконечник, судя по размерам, не стрелы, а дротика (рис. 5, *13*; кв. Д5). Основание черешка обломано. Длина боевой части – почти 12 сантиметров!

Керамика

Состав керамики противоречив. Если исходить из сложившихся представлений о минусинских археологических культурах, то она относится к окуневскому, андроновскому и каменноложскому (карасукскому) периодам. Однако выделение всех этих культур разработано на базе погребальных памятников. У нас нет уверенности в том, что поссленческий материал точно соответствует такой классификации. Поэтому наше соотнесение керамики Кызыл хая с погребальной несколько условно.

Основную массу составляют фрагменты окуневского облика (рис. 6). Они поражают богатством орнаментальных фантазий, а иногда и изысканностью в использовании привычных рапортов. Например, излюбленный мотив волны играет совершенно по-разному в зависимости от композиции (*5*, *9*, *14*).

Зачастую в облике сосуда существенную роль играет ряд ямок или «жемчужин» под венчиком. Скорее всего, это технологический прием, позволявший обеспечить надежную связь верхней ленты с туловом, но он давал и декоративный эффект. В комплексе Кызыл хая преимущественно использовались

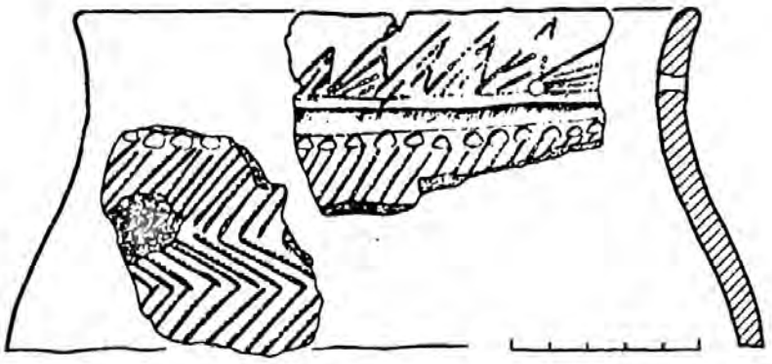

Рис. 7 Сосуд из квадрата Е4

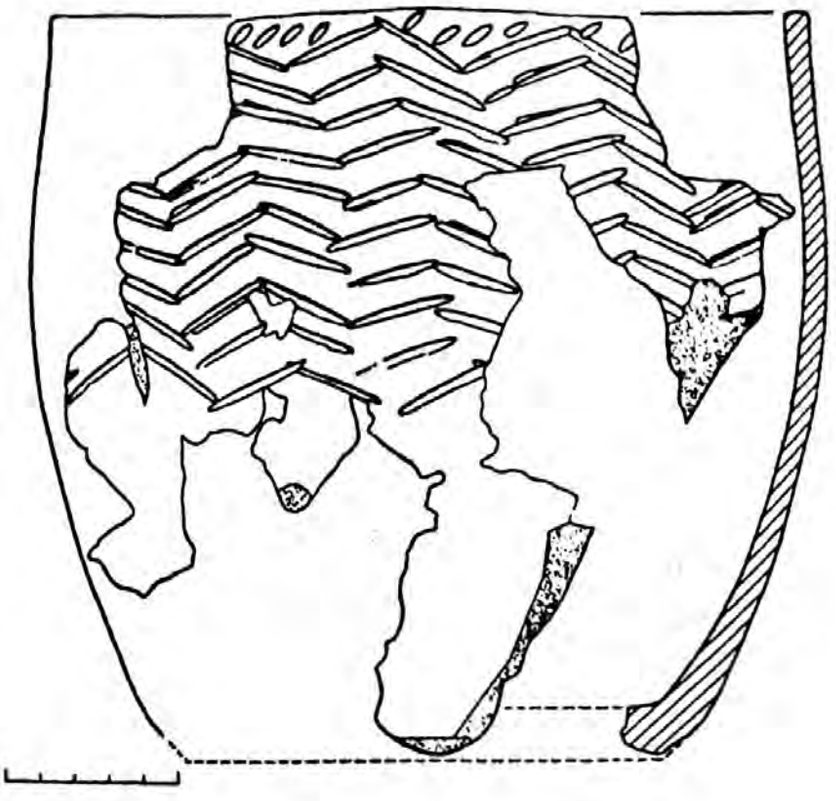

Рис. 8 Сосуд из квадрата Е3

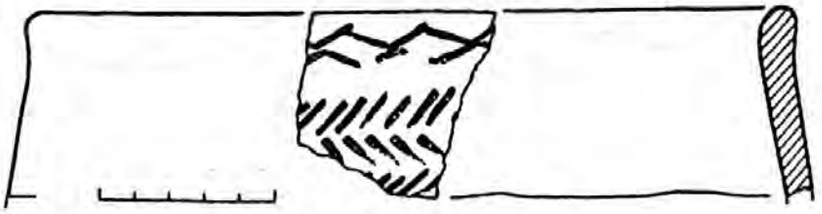

Рис. 9 Фрагмент сосуда, найденный за стеной

[4] Материалы *све* Чиланныг таг готовятся к изданию. Пока опубликована только краткая информация об этом памятнике (Подольский М., 2001).

ямки, выдавленные снаружи (*2, 4–6, 9–14*), "жемчужины" встречаются редко (*1, 7–8*, возможно, последние два фрагмента относятся к одному сосуду).

Верхний срез венчика, как правило, орнаментирован – тем же штампом, что и стенки. Иногда отпечатками или нарезками украшен и его внутренний край (*2–6, 13*). В некоторых случаях при окончательной формовке венчик сминался пальцами так, что приобретал при виде сверху волнистые контуры (*7–8, 9, 11*). Нанесенный ранее орнамент при этом иногда затирался.

Донце, судя по сохранившимся фрагментам, обычно орнаментировалось (*21–23*).

Техника нанесения орнамента разнообразна: зубчатый штамп, гладкий штамп, насечки, резные линии. Есть так называемые гусенички – отпечатки небольшого зубчатого штампа овальной формы.

Аналогии орнаментальной композиции и технике исполнения описанной выше керамики можно найти в окуневских могильниках. Но много больше перекличек с керамикой из культурного слоя других *све* – Чебаки, Устанах (Готлиб, 1997; Gotlib, 1999). В частности, для погребальных комплексов характерны небольшие сосуды, орнаментированные по всей высоте, возможно, предназначенные специально для обрядов. На *све* мы находим не только такую, но и бытовую керамику: горшки большой емкости, в которых можно было варить пищу. Их облик иной. Иногда их декор редуцировался, превращаясь в узкий орнаментальный поясок под венчиком (*14*).

* * *

Каменноложской керамики (по Н.Л. Членовой, лугавской) меньше (рис. 10). По облику она довольно однообразна и орнаментирована только в верхней части сосуда. Как правило, орнамент резной, хотя использовался и зубчатый штамп. Иногда они сочетаются. Горизонтальные линии во всех случаях резные. Что касается орнамента под венчиком и на плечике, то это отпечатки как гладкого (*2–4, 6, 7*), так и зубчатого (*1*) штампа. Иногда вместо горизонтальных резных линий идут желобки, напоминающие оформление раннетагарских сосудов (*2*). Найден фрагмент невысокого поддона (*5*). Непосредственно на полу помещения были обнаружены фрагменты только одного сосуда (*4*), который находит аналогии в материалах могильника Федоров улус.

При раскопках *све* выявить поблизости могильники, которые можно было бы с ними соотнести, пока не удавалось. В данном случае такая возможность появляется. Ниже по течению на правом берегу Черного Июса, в 7 км от *све* Д.Г. Савиновым был исследован Устинкинский могильник. При сравнении керамики из погребений этого могильника и из культурного слоя Кызыл хая напрашиваются некоторые ассоциации. Авторы публикации материалов могильника характеризуют его керамику следующим образом: «Анализ керамики позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, по форме, орнаментации, утолщенному венчику сосуды Устинкинского могильника имеют аналогии прежде всего среди материалов мо-

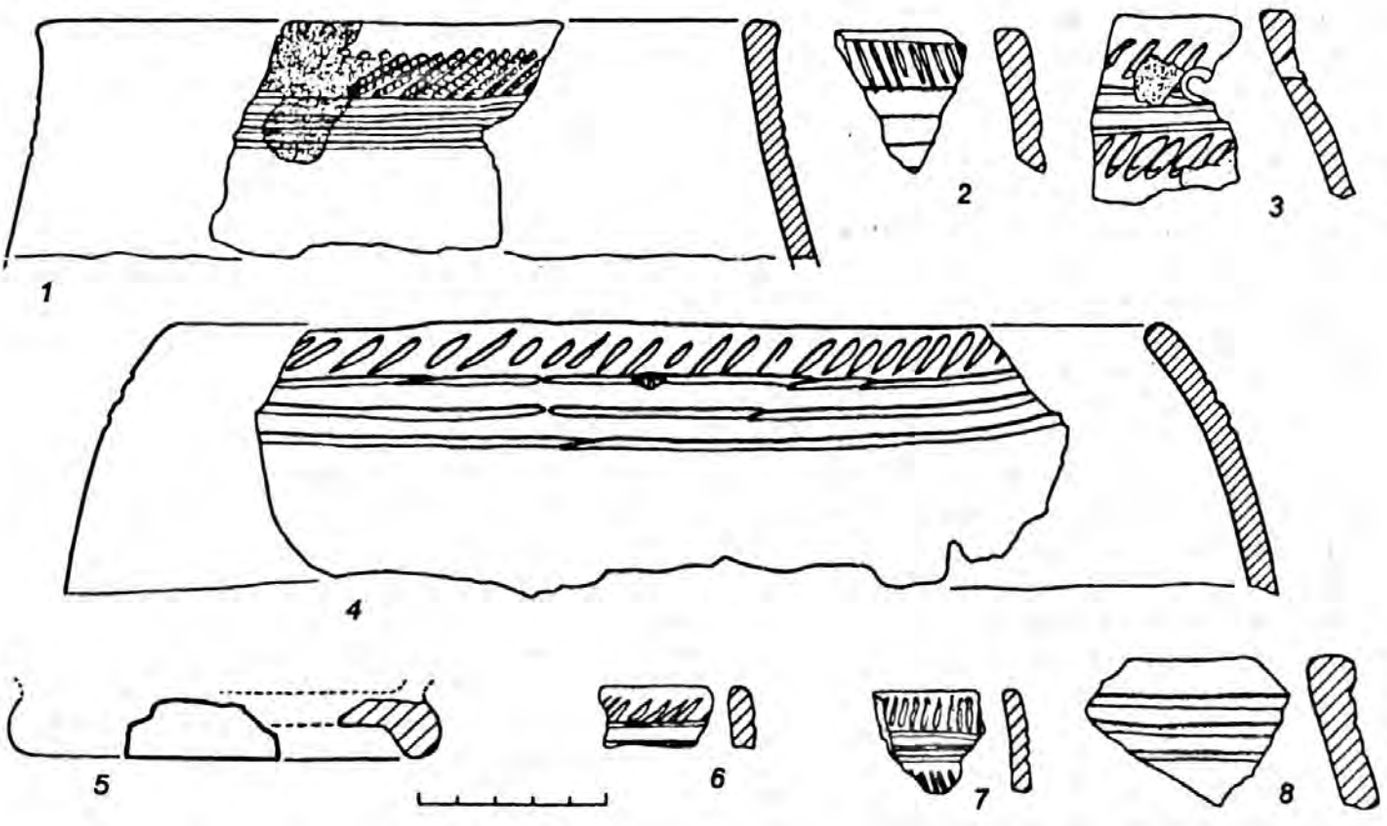

Рис. 10 Цитадель Кызыл хая. Раскоп 1. Керамика лугавского (каменноложского) облика:
1, 7 – кв. за стеной; *2* – кв. В3; *3* – кв. Е3; *4* – кв. В4–Г4; *5, 8* – кв. В4

гильника Федоров Улус и поселения Лугавское, что, вероятно, свидетельствует о культурной и хронологической близости этих памятников. Во-вторых, в орнаментации посуды из могильника известное место занимают элементы и черты, характеризующие посуду ирменской культуры. В-третьих, в орнаментации сосудов появляются черты, которые получают широкое распространение в раннетагарское время» (Савинов, Бобров, 1983, с. 52).

Эту характеристику в полной мере можно распространить на керамику, о которой идет речь.

* * *

Впервые на *све* обнаружена андроновская керамика!

Прежде всего, это фрагменты горшка федоровского типа, найденные в культурном слое жилища, в серой прослойке (рис. 7). Он декорирован по венчику косыми треугольниками, по шейке идут узкие желобки и горизонтальный ряд неглубоких ямок, ниже по тулову – горизонтальная елочка. Треугольники на венчике и елочка на тулове сделаны оттисками одного и того же мелкозубчатого штампа.

Другой горшок был найден в верхнем слое заполнения котлована. Его форму, размеры и орнаментальную композицию удалось восстановить полностью (рис. 8). Верхняя половина тулова оформлена зигзагами, составленными из отпечатков гладкого штампа. Хорошо видна последовательность нанесения орнамента – справа налево. В некоторых местах мастер, зафиксировав правый край штампа, поначалу неудачно выбирал его положение, а затем корректировал направление оттиска. Нижняя часть сосуда не орнаментирована.

В могильнике Сухое озеро I зафиксировано несколько сосудов с подобной орнаментальной композицией. Наиболее близкую аналогию дает горшок из могилы 1 кургана 16 (Максименков, 1978, табл. XLVIII, *1*). Один существенный момент. Свободное пространство между срезом венчика и верхним зигзагом и там и тут заполнено отпечатками мелкого штампа. Такая дополнительная орнаментальная деталь завершала создание композиции, поскольку эти отпечатки перекрывают линию зигзага.

Возможно, к кругу андроновской керамики нужно отнести и фрагмент венчика сосуда, найденный под стеной снаружи (рис. 9). Орнамент выполнен коротким мелкозубчатым штампом. Наверху идет поясок из ромбов, небрежно скомпонованных, ниже – горизонтальная елочка.

Наскальные рисунки

Внутри цитадели найдена писаница, что, как нам известно, раньше не встречалось. В юго-западном углу площадки находится каменный уступ, образующий маленькую террасу (на плане рис. 3 она показана стрелкой *а*). В этом укромном уголке расположено небольшое панно, выполненное тончайшей гравировкой. Оно обращено на восток (то есть не в сторону долины, а внутрь цитадели). Его можно увидеть только при косом вечернем освещении. Изображения начинаются от основания нависающей поверхности скального блока, так что рассматривать их приходится сидя или, еще лучше, лежа.

Изображены быки и лошади. Из-за ограниченности средств и, соответственно, сроков работы мы не успели скопировать писаницу полностью. Приводим здесь предварительную прорисовку одной фигуры быка (рис. 11).

Рога изображены анфас, что среди известных петроглифов Минусинской котловины уникально. Хотя подобный прием распространен и в долине Енисея (Мугур-Саргол), и на Алтае. Географически удаленные параллели есть как в Средней Азии, так и далее на запад, вплоть до берегов Нила.

Еще более необычна форма рогов. Они изгибаются практически по идеальной окружности.

Близкую аналогию дают наскальные рисунки у кишлака Лянгар на Западном Памире (рис. 12)[5]. В.А. Ранов включает их в раннюю группу петроглифов комплекса, которая, по его мнению, «может относиться к сако-усуньской или скифо-сарматской эпохе и характеризуется стилем, близким к знаменитому скифскому звериному стилю» (Ранов, 1960, с. 26).

Относительно интересующих нас фигур автор отмечает: «Судя по патине и характеру рисунка, к этой группе можно отнести и два изображения фантастических животных, которые не имеют аналогий в других наскальных рисунках Средней Азии. Как первое, так и второе животное[6] имеют вытянутые очертания тела, хорошо выраженную пятнистость, небольшой горб и рога, изображенные в виде круга. Отличает эти два рисунка несколько различная трактовка тела, иначе сделанная морда и присутствие в одном случае короткого хвоста.

Зоологи, к которым мы обращались, не могли сколько-нибудь уверенно определить вид этих животных и считают, что мы имеем здесь какую-то фантастическую смесь признаков, присущих различным животным. Следует обратить внимание на характер передачи рогов. Этот же прием повторяется еще в одном незаконченном рисунке[7].

Среди известных нам наскальных изображений Средней Азии эта манера изображения рогов не встречается. В столь ярко выраженной форме нет их и среди подробно изданных петроглифов Тувы, Алтая, Сибири. В одном случае морда зверя напоминает великолепные изображения Древнего Египта, вероятно, аналогии можно искать и в рисунках Индии» (там же, с. 32–33).

---

[5] Благодарим Д.Г. Савинова, указавшего нам эту аналогию.

[6] На рис. 14 в нашей публикации они обозначены цифрами 1 и 2.

[7] На рис. 14 он обозначен цифрой 3.

Рис. 11 Кызыл хая. Гравировка на скале в юго-западном углу площадки цитадели (прорисовка Д. Кирилловой)

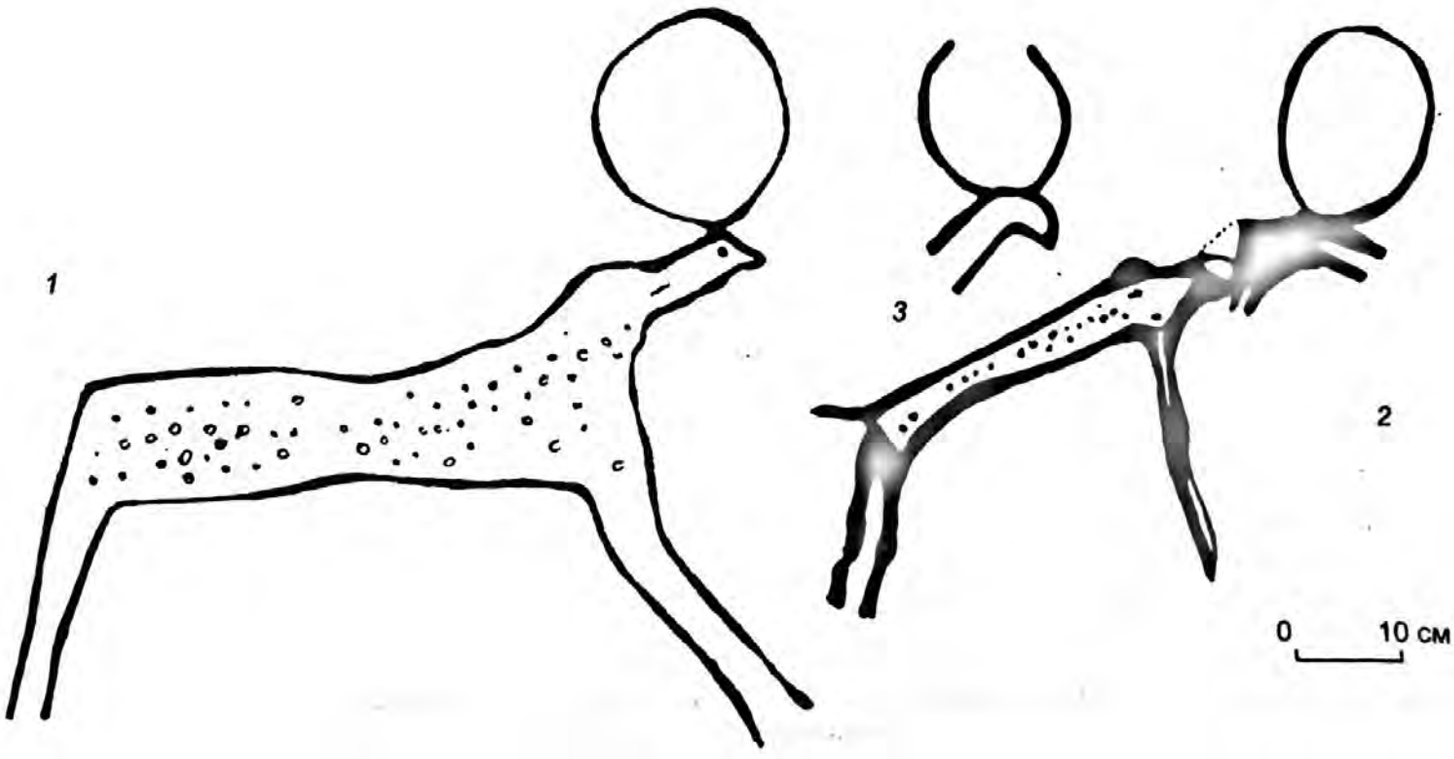

Рис. 12 Наскальные рисунки у кишлака Лянгар на Западном Памире (по В.А. Ранову)

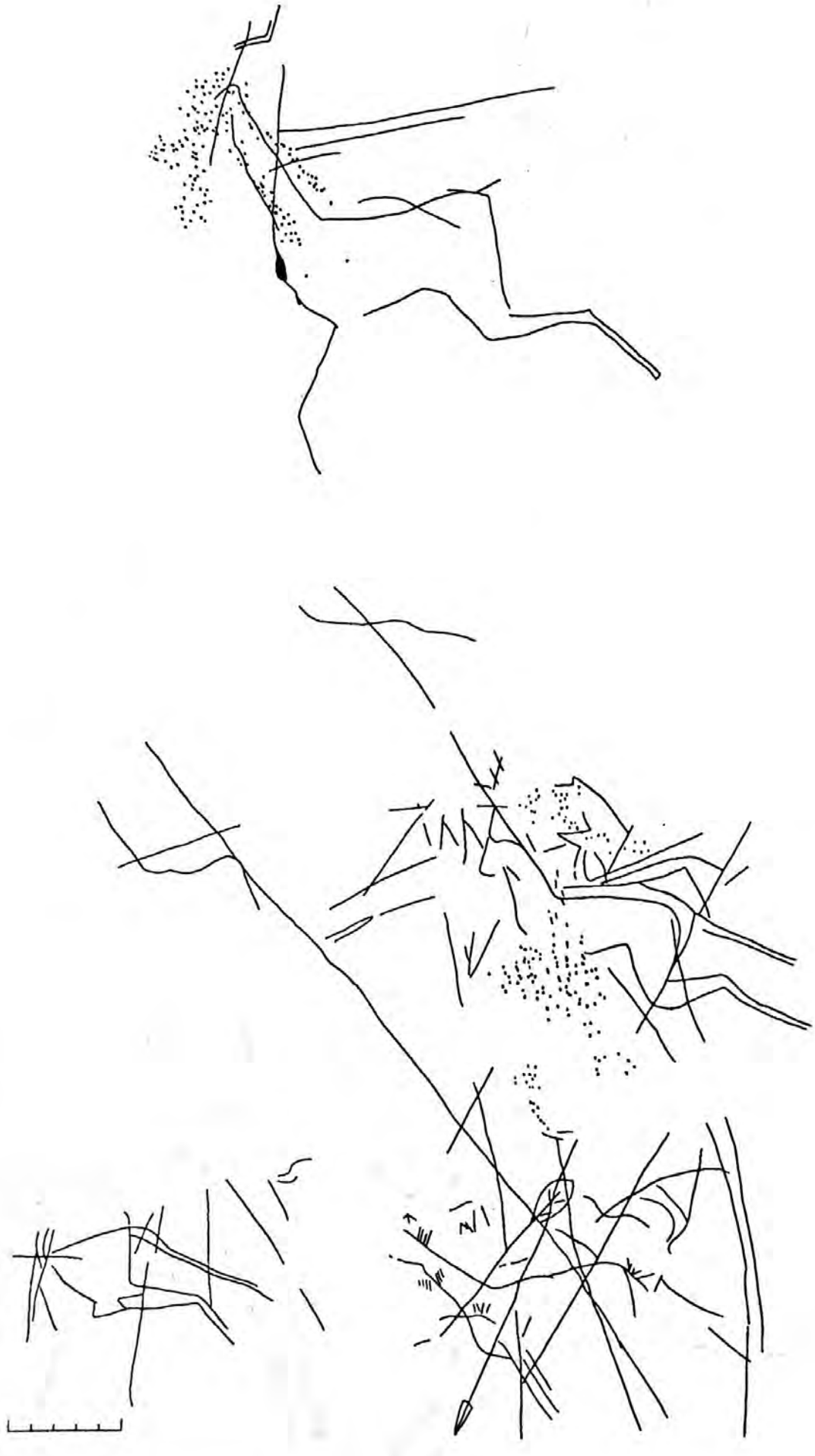

Рис. 13 Кызыл хая. Гравированное панно на террасе у подножия скалы (прорисовка Д. Кирилловой)

Поскольку западнопамирские аналогии нашему изображению оказываются практически единственными, они очень важны. Поэтому выскажем несколько замечаний по их поводу.

Первое. Если среди наскальных рисунков у кишлака Лянгар ранняя группа в целом как-то соотносится со скифским звериным стилем, то на рассматриваемые изображения это явно не распространяется.

Второе. Мнение зоолога по поводу видовой принадлежности животного ценно, но не всегда играет решающую роль. Петроглифы – не иллюстрации к справочнику или определителю. Искажение пропорций, дополнительные (фантастические) детали и прочее могли объясняться стремлением мастера к максимальной выразительности художественного образа. На Кызыл хая, во всяком случае, изображен, вне сомнения, бык.

Третье. Индийские аналогии в данном случае не могут нам помочь, поскольку речь идет о рисунках из Хошангабада IX–X вв. (там же, с. 33, сноска 1), то есть заведомо более поздних.

Возвращаясь в пределы Минусинской котловины, отметим, что здесь известные наскальные тонкие гравировки относятся к окуневской и таштыкской эпохам (в таштыке есть также гравировки на деревянных дощечках).

Что можно сказать о культурной атрибуции нашего изображения? Пластика рисунка иная, нежели в окуневском искусстве.

Что касается таштыка, приведем для сравнения прорисовку другого панно, обнаруженного на этом же памятнике.

С северо-запада ниже цитадели по скальному обрыву тянется несколько узких террас и карнизов. На самом нижнем ярусе, практически у основания скального массива, обнаружены древние рисунки, стилистически разнообразные. Все они обращены в сторону долины реки. Некоторые из них, выполненные довольно грубой выбивкой, явно относятся к позднему времени – в частности изображение "шамана с бубном". Эти петроглифы мы здесь не приводим.

Превосходная композиция исполнена, как и изображение быка, тонкой гравировкой (рис. 13). Она расположена на северном выступе обрыва, на нижнем карнизе (на плане рис. 3 это место показано стрелкой *б*). Изображены бегущие влево лани (косули). Кроме того, есть довольно много линий, не поддающихся расшифровке. Верхняя фигура сохранилась практически полностью, остальные – частично. Тело нижней косули пронзено стрелами.

Культурная атрибуция этого панно не вызывает сомнений. Стилистика рисунков находит очевидные параллели на таштыкских писаницах Сулек и Талкин ключ, расположенных в долине Черного Июса (вниз и вверх по течению соответственно) на довольно близком расстоянии от Кызыл хая. Даже такая деталь, как пятно около головы животного, заполненное точечной выбивкой, неоднократно воспроизведена на Сулеке. Хотя между окуневскими и таштыкскими рисунками существуют определенные переклички (Подольский М., 1998, с. 200), в данном случае сомнений нет – это таштык.

А вот сопоставление рисунков 11 и 13 позволяет сделать вывод, что изображение быка стилистически к таштыку не относится.

Так что вопрос о его культурной принадлежности и датировке остается открытым. Нет даже уверенности в том, что оно создавалось в период функционирования цитадели.

Несомненно одно. К какой бы эпохе ни относился этот замечательный по пластике рисунок, в художественном отношении фигура быка чрезвычайно выразительна. Прежде всего, поражает его устремленность вперед и ввысь. Возникает впечатление, что он плывет по воздуху, олицетворяя собой движение солнца по небосводу – как бы неся его на голове.

Заключение

Хотя объем раскопок на Кызыл хая незначителен (20 квадратных метров культурного слоя), их результаты снова ставят перед нами проблемы, которые уже возникали при исследовании других *све*.

Первая из них: для чего предназначались эти очень трудоемкие сооружения?

Памятники того типа, к которому принадлежит Кызыл хая, относятся к эпохе становления и утверждения в Минусинской котловине степного скотоводства.

Сначала, очевидно с запада, появились первые группы переселенцев с определенными традициями и навыками, которые легли в основу сложившихся здесь афанасьевской и окуневской культур. Позднее пришли андроновцы. Судя по аналогиям из более поздних западных памятников (к примеру, ирменских), перемещение отдельных групп населения продолжало идти в этом направлении перманентно. Степной проход в Хакасию пролегает на северо-западе, через долину Черного Июса, чем и объясняется стратегическое значение этого региона.

Взаимоотношения разных групп скотоводов далеко не всегда были мирными. Можно себе представить, что, особенно в засушливые годы, остро стоял вопрос выживания. С необходимостью возникала жесткая (или даже жестокая) борьба за скот.

Как отмечалось в начале статьи, *све*, расположенные на Черном Июсе, позволяли контролировать выход речной долины с гор на равнину. Можно было отслеживать перемещение людей со скотом вдоль берегов реки и осуществлять внезапные набеги на них. При неудаче (или в ожидании нападения) можно было укрыться за крепостными стенами.

У нас нет прямых свидетельств того, что какое-либо из этих *све* в действительности подвергалось штурму. Однако их обитатели были к нему готовы. Крепости спланированы и сооружены в соответствии как с ландшафтной ситуацией, так и с фортификационными требованиями.

В связи с этим возникает еще один вопрос. С самого начала крепости строились «грамотно». Судя по всему, традиции сооружения каменных горных укреплений сложились не здесь, а были принесены с запада (вспомним памятники типа Мешоко). Местные истоки сооружений такого рода в археологических материалах Минусинской котловины не прослеживаются.

Функция *све* как крепостей отражает лишь один из аспектов проблемы. С другой стороны, существенную роль, очевидно, играло особое отношение человека к горам, которое прослеживается от палеолита до современности. У хакасов и сейчас существует понятие родовых гор. Можно полагать, что в эпоху бронзы для обитателей Минусинской котловины *све* служили средством самоутверждения, фиксируя право на обладание прилегающей территорией.

Третий аспект уже отмечался в литературе (Готлиб, Паульс, Подольский, 1996). В ландшафтно-архитектурных комплексах типа *све* реализовалась идея *восхождения*. Горы объединяют землю и небо. Подъем на гору – путь к небу, в вышнюю сферу.

* * *

Вторая проблема – состав костей животных (пищевых отходов) в культурном слое. На всех *све*, которые раскапывались, преобладают кости диких животных. На равнинных поселениях эпохи бронзы (Каменный лог I, Торгажак) наблюдается обратное соотношение (Савинов, 1996, с. 32).

Люди, которые строили и заселяли цитадель, как и жители равнины, были, безусловно, скотоводами. Конечно, они не пренебрегали охотой. Косуля и марал сохранились в этой местности до нашего времени. В древности их, видимо, было много больше. Но это не объясняет столь резких различий в рационе.

Можно предположить, что горные укрепленные поселения обладали особым статусом. Быть может, в силу этого предпочтительное употребление в пищу мяса диких животных на *све* регламентировалось традицией?

* * *

Третья проблема связана с противоречивостью находок из культурного слоя *све*. Это относится в первую очередь к керамике. Устанах – афанасьевская, окуневская, каменноложская; Чебаки – окуневская, каменноложская (Готлиб, 1997, Gotlib, 1999); Кызыл хая – окуневская, андроновская, каменноложская (лугавская).

По общепринятой ныне периодизации и хронологии эта керамика относится к разным эпохам, растянувшимся на несколько сот лет (если принять точку зрения некоторых исследователей, удревняющих начало эпохи бронзы в Минусинской котловине, – более тысячелетия!). Представить себе, что жилища существовали так долго, по меньшей мере, нелепо.

С другой стороны, стратиграфические наблюдения на *све* Кызыл хая не дают оснований для предположения о перестройке жилого помещения и его неоднократном заселении новыми обитателями через значительные промежутки времени. И вообще, восстанавливать или перестраивать подобное жилище было нецелесообразно и много сложнее, чем построить новое (что подтверждается и этнографическими свидетельствами, в частности. чукотскими). К тому же керамика, которая ассоциируется с разными культурами, послойно не разделяется.

Значит, совместному залеганию разнородной керамики, которое стабильно фиксируется при раскопках *све*, нужно искать нетрадиционное объяснение. До сих пор классификация, периодизация и хронология археологических культур Минусинской котловины были основаны на материалах раскопок погребальных памятников. Здесь мы имеем дело с иной ситуацией.

Отношения между разнородными группами скотоводов, как мы отмечали выше, зачастую бывали, очевидно, непримиримыми. Но не всегда. Налаживались контакты. Во взаимоотношениях людей в быту этнические и религиозные различия не обязательно играют решающую роль. Это мы можем наблюдать и в современности. Погребальный обряд, как и всякий ритуал, консервативен. Тут эти различия проявляются максимально.

Люди, оставившие после себя на Кызыл хая окуневскую, андроновскую и каменноложскую керамику, вполне могли сосуществовать. Пришлые племена не уничтожали местное население, поэтому предшествующие традиции могли сохраняться очень долго.

Примечательно, что во всех упомянутых случаях в качестве одного из ранних компонентов культурного слоя присутствует керамика окуневского облика. Представление о четкой последовательной смене археологических культур, к тому же зажатых географически, к окуневскому материалу явно неприложимо. Как писал Д.Г. Савинов, «помещение окуневской культуры в жесткие рамки периодизации между афанасьевской и андроновской культурами "отрезает" (или ограничивает) возможности исследования как начальных этапов ее формирования, так и выявления окуневских реминисценций в последующих археологических культурах» (Савинов, 1997, с. 10–11).

Действительно, накапливающиеся материалы позволяют предполагать, что явление, которое при-

нято называть окуневской культурой, не исторический эпизод, но, так или иначе, проходит стержнем сквозь колоссальный по времени период освоения скотоводами Саяно-Алтая. Эта ситуация археологически фиксируется здесь в виде *окуневского культурного фона* (Подольский М., 1995, с. 9). Этим, возможно, и объясняется совместное залегание керамики окуневского облика и с афанасьеской, и с андроновской, и с лугавской или каменноложской.

Что касается вопроса о широких пространственных и временных рамках этого *фона*, то ему посвящен ряд статей настоящего сборника. В частности, В.И. Матющенко определяет границы самусьско-окуневской общности следующим образом: на западе – Приуралье, на востоке – Прибайкалье (Глазково). Это границы. Нас сейчас больше интересуют культурные эпицентры. Один из них, судя по материалам, которыми мы располагаем, находится в Минусинской котловине. Именно здесь ярко проявляется культурное явление, которое вполне заслуживает наименования *окуневского феномена* (Подольский М., 1995).

Речь идет, собственно, о местном колорите. Повсюду в степи происходили в чем-то сходные процессы, но по-разному. К примеру, в Приуралье смена культур проходила в это время под знаком андроновских традиций. Есть основания полагать, что *окуневский феномен* в какой-то степени определяет специфику всей истории Минусинской котловины (Саяно-Алтая?) эпохи бронзы, а точнее, периода становления и утверждения здесь степного скотоводства.

Д.А. Кириллова, М.Л. Подольский

Све Хазынхыр – горное святилище на реке Аскиз

Све находится в Аскизском районе Хакасии около поселка Анчилчон[1] на левом берегу реки Аскиз (рис. 1). Оно расположено на южных отрогах горного массива Хазынхыр (Березовая гряда), на высоте 170 м от уровня берега. Это далеко не самая высокая точка гряды. Ближайшая вершина Хазынхыр возвышается над *све* на 90 м, господствующая вершина Улугхазынхыр – на 135 метров.

Каменное сооружение возведено на почти голой скале подтреугольной формы, направленной острым утесом на север (рис. 2, 3). На склоне сохранились две линии каменной кладки. Расстояние от пика скалы до самых нижних остатков каменных конструкций – около 100 м. Перепад высот между этими точками – около 40 м. С запада и востока скала ограничена глубокими логами, которые начинаются у подножья горы и сходятся к седловине, расположенной чуть выше вершины утеса.

При первом знакомстве с общей ситуацией напрашивалось предположение, что две линии кладки представляют собой две оборонительные стены. В этом случае верхняя из них была бы предназначена для защиты цитадели, а нижняя – для внешней обороны.

Однако такая интерпретация сразу казалась сомнительной. Потребовалось тщательное и детальное визуальное обследование как всей картины в целом, так и ее отдельных компонентов. После этого для проверки результатов предварительных наблюдений, а также для выяснения культурной принадлежности *све* на территории сооружения были заложены три небольших раскопа[2].

Общая ситуация

Верхняя стена, вытянутая с запада на восток, лучше всего сохранилась в восточной своей части – на высоту более 2,5 метров. Судя по всему, этот участок кладки просуществовал до нашего времени практически в первоначальном виде. Ниже на несколько десятков метров идет голый скальник (средний угол уклона почти 30°), и на нем нет плит и обломков, которые могли упасть сверху. Иначе говоря, стена с самого начала не возвышалась с внутренней стороны над поверхностью сколь-нибудь существенно и, следовательно, не могла служить укрытием для обороняющихся.

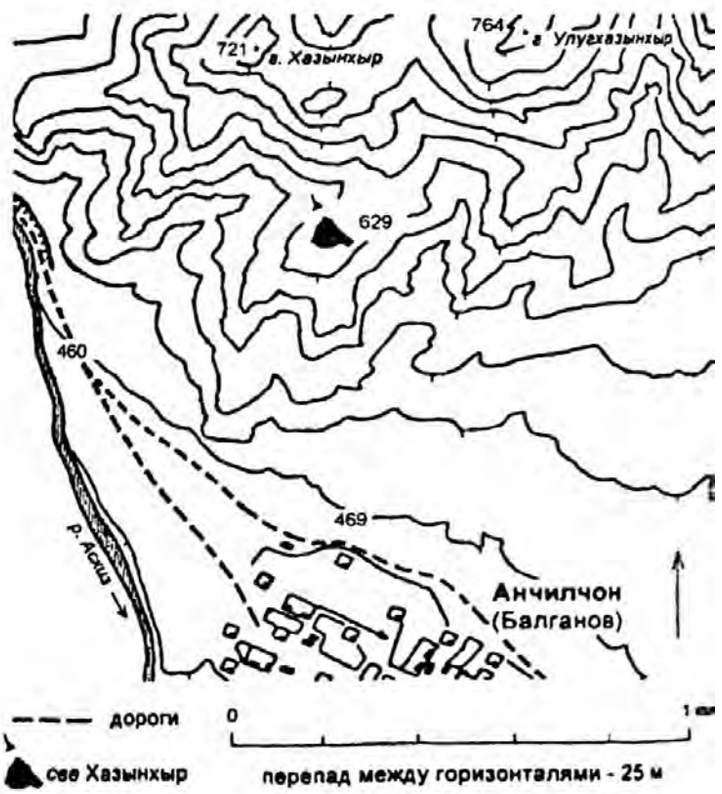

Рис. 1 Местоположение *све* Хазынхыр

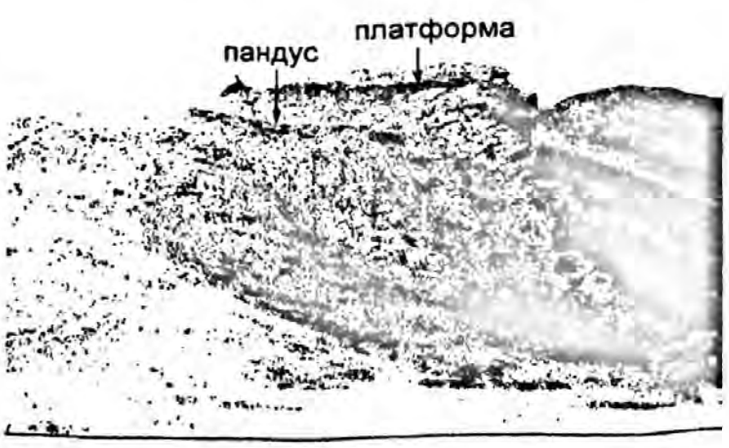

Рис. 2 Све Хазынхыр (вид с юго-востока)

[1] На некоторых картах этот поселок называется Балганов.

[2] В раскопках принимали участие выпускник Кафедры археологии СПбГУ К. Агеев, студент Исторического факультета ХГУ А. Арбузов, а также О. Табаткина, А. Казанцева, Д. Ковалюк и Л. Шалин.

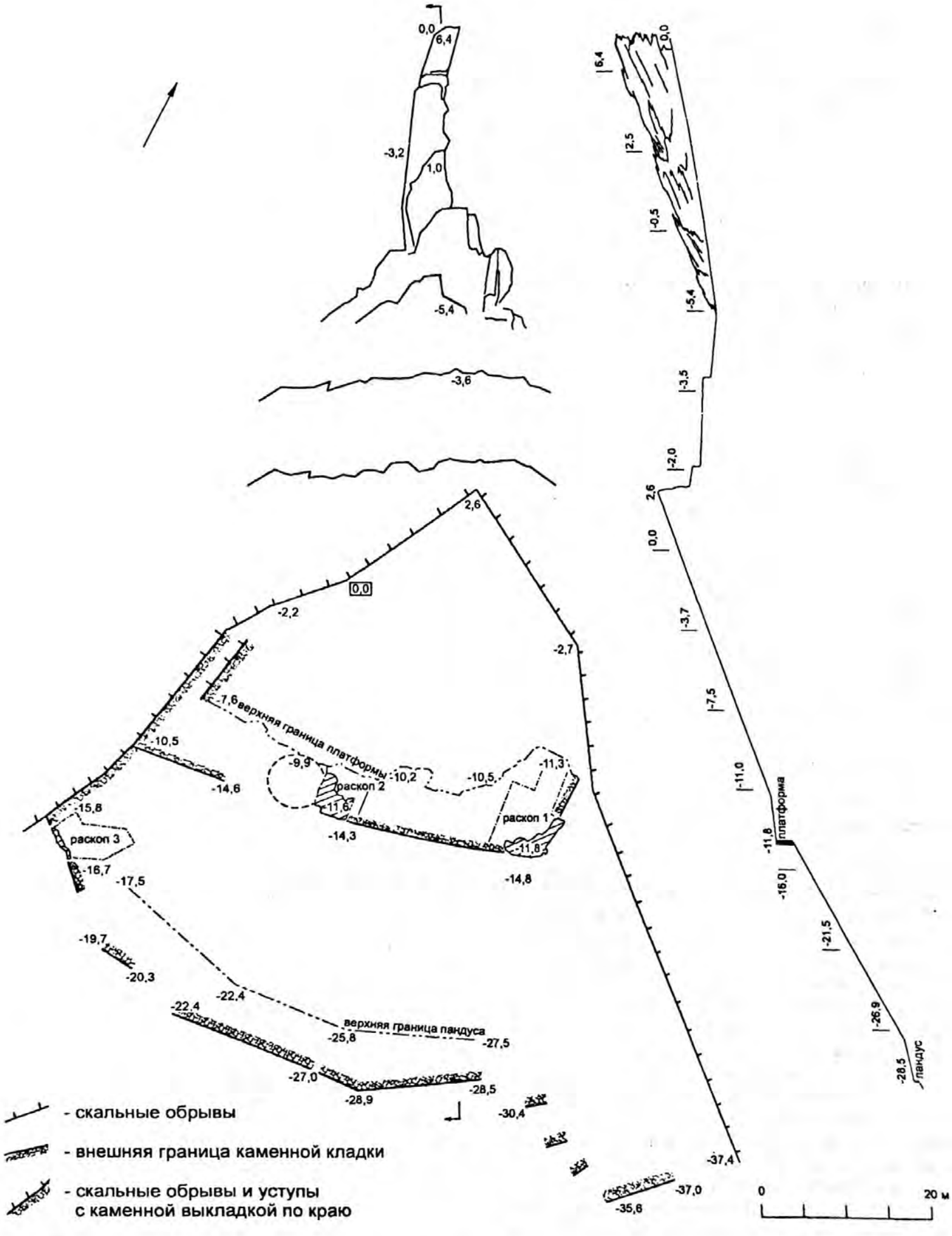

Рис. 3 *Све* Хазынхыр. План-схема и профиль.
Съемка Д. Кирилловой и М. Подольского

Собрав воедино все частные наблюдения, можно было вполне обоснованно заключить, что верхней стене была присуща не оборонительная, а какая-то иная функция. По наиболее правдоподобной версии она служила облицовкой или, точнее, крепидой фундамента *платформы*.

На строительство шли в первую очередь огромные плиты песчаника, которые можно было отколоть тут же, наверху. С востока вдоль верхней кромки обрыва и сейчас лежат несколько заготовленных, но по какой-то причине не востребованных плит того же типа. Они встречаются и ниже – по борту лога и на его дне. Поэтому не исключено, что эта древняя каменоломня функционировала не только при создании *све*, но и позднее, став одним из источников строительного материала для сооружения тагарских оград на обширном предгорном курганном поле.

После возведения стены или, скорее всего, в процессе строительства с ее внутренней стороны, то есть вверх по склону, были подсыпаны мелкий плитняк и щебенка, а местами сделана вымостка из больших плит песчаника. В результате здесь была создана более или менее горизонтальная площадка, хотя и очень узкая (рис. 3, 5).

Выше платформы поднимается остроконечный голый утес, на котором трава пробивается только по трещинам между каменными блоками. Собственно, и оборонять-то здесь было нечего. Расстояние между платформой и вершиной утеса – около 40 м, перепад высот – приблизительно 14 м, средний угол уклона – немного меньше 20°.

С севера, со стороны седловины, отделяющей пик скалы от склона вершины Хазынхыр, подняться на утес совсем просто. Однако никаких попыток обеспечить прикрытие *све* с этой стороны предпринято не было (именно потому, вероятно, что оборонять здесь действительно было нечего).

К северу от вершины скалы сохранился каменный останец оригинальной формы, напоминающий лежащего сфинкса (рис. 3, 4). Он отстоит от пика утеса приблизительно на 20 м. Длина останца – около 35 м. Его северная оконечность возвышается над пиком утеса на 4 м, при этом высота над поверхностью седловины постепенно нарастает с юга на север от 0 до 6,5 м. Ширина, наоборот, уменьшается от 15–20 до 5–6 метров.

Невозможно определить однозначно, какую роль этот останец-сфинкс играл в комплексе памятника. Однако создатели *све* не могли оставить без внимания столь живописную и выразительную причуду природы. На южных склонах массива Хазынхыр есть другие скалы, не менее подходящие для сооружения стен. Поэтому не исключено, что именно эта уникальная ландшафтная деталь имела важнейшее значение при выборе места для строительства.

Останец-сфинкс не смотрит точно на север, зато четко направлен на вершину горы Хазынхыр (рис. 1). Он явно подчеркивает общую устремленность сооружения в северном направлении и вверх. Тем самым он вносит решающий акцент в ландшафтно-архитектурную композицию *све*.

Рис. 4 Каменный останец к северу от утеса (с юга). Набросок Д. Кирилловой

Что касается нижней стены, то она прослеживается только местами (рис. 3). Если даже учитывать развал плитняка ниже по склону, можно утверждать, что высота кладки была невелика. На участках, где кладка отсутствует, нет и каменного развала внизу. Зато здесь есть, как правило, природные каменные уступы. Очевидно, перед строителями стояла задача оформить наружную кромку прохода, ведущего к платформе снизу, и они сделали это с максимальным использованием естественных особенностей рельефа. Будем называть (пускай несколько условно) эту часть сооружения *пандусом*. Его ширина 10–20 м, перепад высот от низа до верхней площадки около 25 м. И еще одна существенная деталь: пандус начинается не от подножья горы, а немного выше середины склона.

Платформа

Платформа (рис. 3, 6) представляет собой более или менее горизонтальную узкую площадку, вытянутую с запада на восток. Ее длина – около 50 м, ширина – 5–7 м. Она полого понижается с запада на восток (средний уклон – 2–3°) и с севера на юг, то есть от скального утеса к стене (средний уклон – 8–10°).

В восточной части платформы, исследованной почти полностью (раскоп 1; рис. 7), в основании лежит сравнительно неширокая (до 1,5 м) стена, сложенная из крупных плит и блоков песчаника. На южном участке она сохранилась с наружной стороны на высоту более 2,5 м (рис. 5; 7, разрез по линии 0). В углу она плавно поворачивает к северу и, постепенно понижаясь, через 6–7 м сходит по высоте на нет.

Насколько позволяет судить внешний осмотр фасада стены, угол укладки плит по высоте меняется. Внизу они лежат параллельно поверхности скальника, то есть с большим уклоном наружу. За счет подбора конфигурации камней и использования в качестве прокладок мелких плит строители посте-

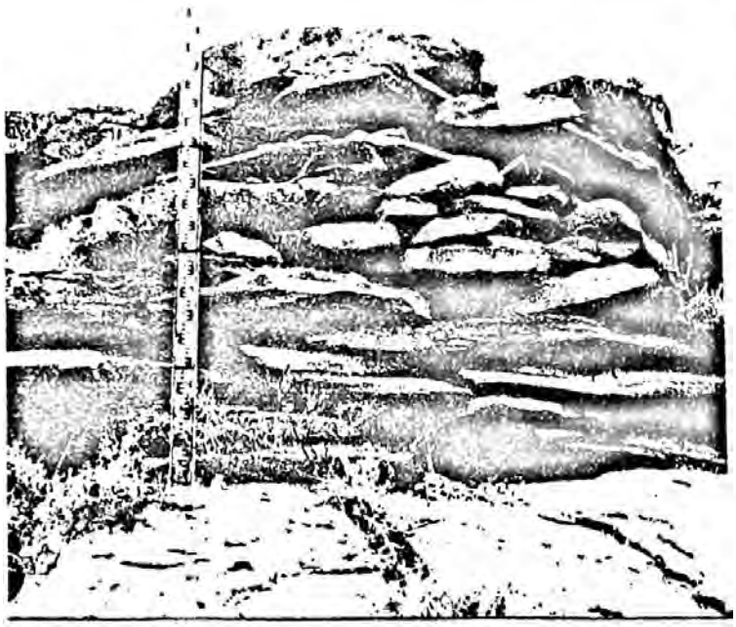

Рис. 5 *Све* Хазынхыр.
Каменная кладка в юго-восточном углу платформы (вид с юга)

пенно переходили к горизонтальной кладке, а наверху камни уложены уже с наклоном внутрь. Для верхнего слоя кладки выбирались плиты и блоки вытянутой формы, которые располагались перпендикулярно линии фасада.

В пределах раскопа 1 под дерном шел практически стерильный слой (20–25 см) щебенки и суглинка, затем слабо гумусированная прослойка (5–15 см) сероватого цвета. Еще ниже, до скальника – снова стерильный слой: мелкий плитняк со щебенкой и суглинком (рис. 7, разрезы).

Немного отступя от стены, чтобы не подкапываться под нее, рядом с бровкой был заложен небольшой шурф. На разрезе по линии 0 хорошо видно заполнение пространства между стеной и скальной основой. Плитки расположены здесь горизонтально. Значит, это не плитняк, сползший по склону естественным образом, а выкладка или забутовка фундамента платформы. Он, видимо, возводился в процессе строительства стены.

В средней части платформы картина аналогичная (раскоп 2; рис. 8). Только тут с внутренней стороны стены добавлен еще один ряд кладки: общая ширина стены достигает трех метров. На участке между раскопами 1 и 2 ситуация, судя по всему, несколько иная. Здесь крупные плиты и каменные блоки прослеживаются не только по стене, но по всей ширине платформы. Применение сплошной выкладки диктовалось, возможно, условиями надежности сооружения. Если это так, то принятые меры все равно не помогли. На этом участке стена и платформа сохранилась хуже всего.

Западная граница платформы идет по кромке скального обрыва, дополненного выкладкой из плитняка. Эта выкладка продолжается ниже платформы и выходит на край верхней площадки пандуса. В верхней части платформы на расстоянии около 3 м от обрыва есть скальный уступ, на краю которого сохранились остатки второй линии каменной кладки. По поводу ее назначения можно только строить догадки.

Ближе к центру платформы над ее поверхностью возвышается развал какого-то каменного сооружения округлой формы диаметром 6–7 м (условно назовем это сооружение *башней*). На чертежах (рис. 3, 6) его приблизительные контуры показаны штриховой линией. К западу от развала на участке длиной 4–5 м стена не прослеживается. Также вниз по склону нет плит, которые можно было счесть остатками полностью разрушившейся кладки. Возможно, что это был проход от верхней

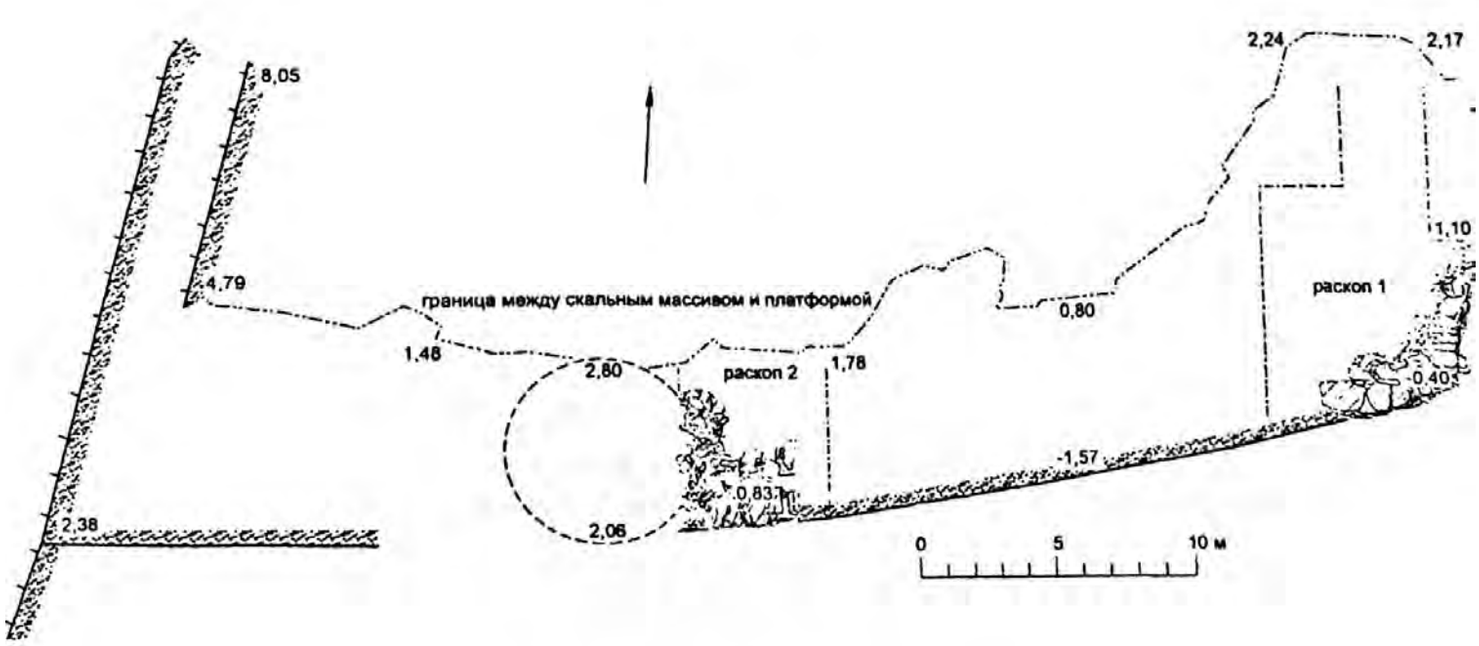

Рис. 6 Све Хазынхыр. План платформы

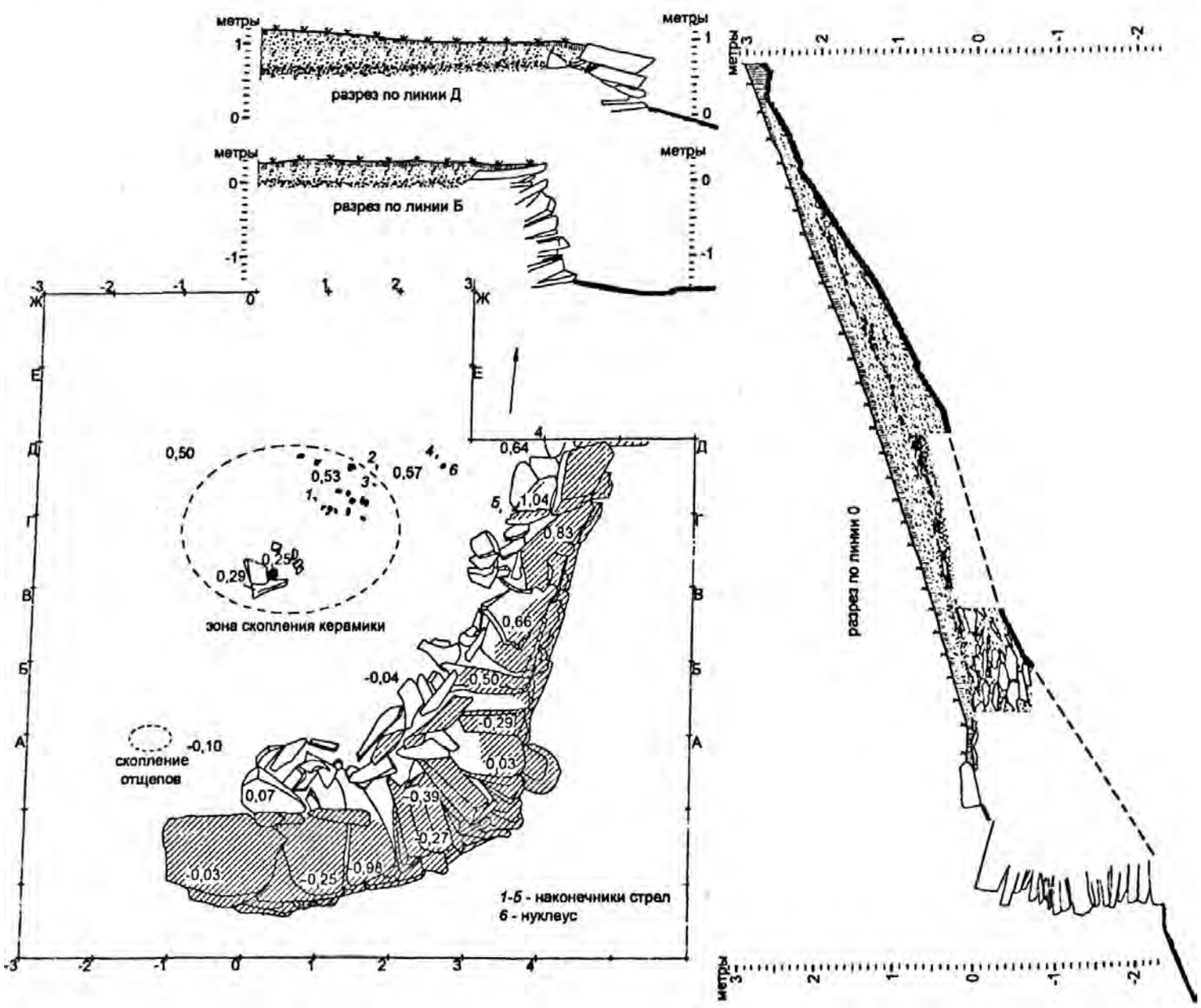
площадки пандуса на платформу (здесь и сейчас подъем наиболее легок).

Раскоп 1

Этот участок платформы был выбран для исследования первым из тех соображений, что на нем стена сохранилась лучше всего. Поэтому здесь было больше шансов выявить основные конструктивные особенности сооружения. Об устройстве стены речь шла выше, при описании платформы. Там же упоминаются стратиграфические наблюдения. Поскольку они очень важны, вернемся к ним.

Как уже говорилось, дерн подстилался практически стерильным слоем щебенки и суглинка красно-коричневого цвета толщиной 20–25 см. Никаких находок в нем не было. Ниже шла слабо гумусированная прослойка сероватого цвета кое-где с углистыми включениями, толщиной 5–15 см (рис. 7, разрезы). Местами она прослеживалась очень четко, местами практически терялась. При этом она локализовалась в пределах лишь части раскопа – от стены вверх немного более 4 м (в квадратах, обозначенных буквами Б, В, Г, Д).

Под гумусированной прослойкой снова залегал стерильный слой: мелкий плитняк со щебенкой и суглинком. Чтобы прояснить его происхождение и общую ситуацию, во-первых, в нижней части раскопа (квадраты Б1 и В1) был заложен шурф 1,5×1 м,

в раскопах 1-3 сторона квадрата разметочной сетки - 1 м

условные обозначения:
- камни, видимые на поверхности
- современный дерн
- суглинок со щебнем
- гумусированная прослойка
- углистые прослойки
- скальная основа

Рис. 7 Све Хазынхыр. Раскоп 1 (план, разрезы).
Полевые чертежи выполнены Д. Кирилловой

о котором уже шла речь при описании платформы. Находок не было. Вплоть до скальной основы заполнение состояло в основном из лежавших горизонтально плиток песчаника. Это, очевидно, часть фундамента платформы, сооруженного с внутренней стороны стены.

Во-вторых, в верхней части раскопа была пробита траншея шириной 3 м и длиной 5 м – от бровки по линии Д до границы между современным дерновым слоем платформы и утесом, возвышающимся над ней. Находок тоже не было. Заполнение от дерна до скальника здесь, вообще говоря, однородно – мелкий плитняк, щебенка, суглинок. Но по высоте оно разделяется на два слоя тонкой прослойкой плиток, располагавшихся по склону более или менее упорядоченно. Причем (очень интересная деталь) она является как бы продолжением сероватой прослойки из нижней части раскопа.

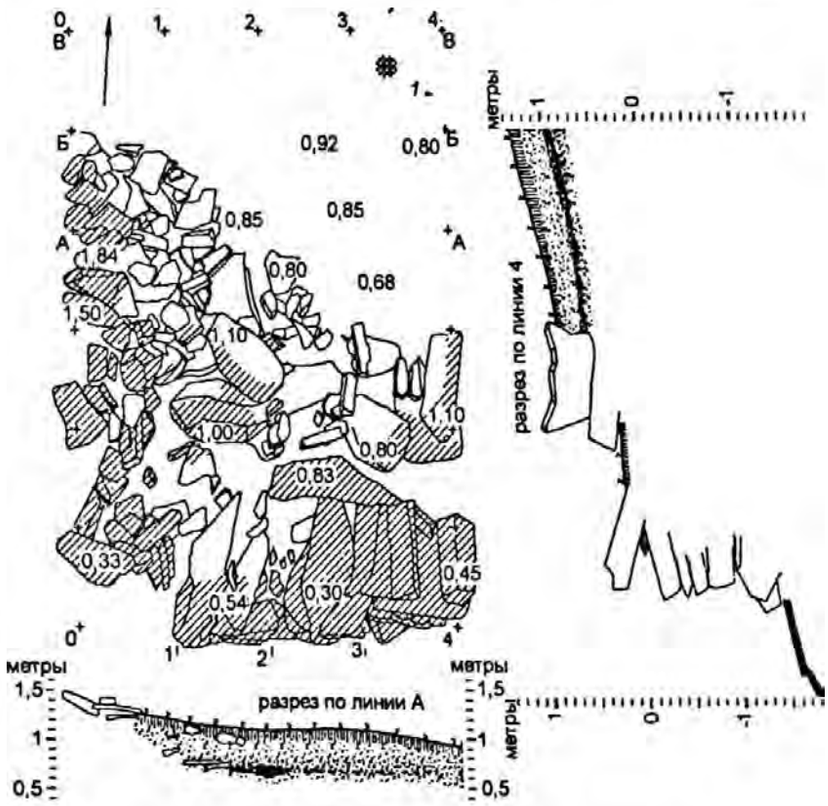

Рис. 8 Све Хазынхыр. Раскоп 2 (план, разрезы)

Суммируя стратиграфические наблюдения, подчас мелкие, можно гипотетически наметить историю создания платформы и ее дальнейшего существования. Судя по всему, стена и фундамент платформы сооружались на практически голой скале. И сейчас выше и ниже платформы дерн встречается только в щелях между каменными блоками и на небольших естественных террасках. Нет основания предполагать, что в древности скала была задернована сильнее. До строительства стены здесь не было преграды, способной обеспечить накопление на крутом склоне (в среднем по ширине платформы около 25°) щебня и мелкого плитняка, которые могли сползать и ссыпаться сверху.

Очевидно, одновременно со строительством стены с ее внутренней стороны насыпался, а местами выкладывался, фундамент платформы. На это скорее всего шли отходы, которых – при колоссальном объеме каменных работ – наверняка было много. Именно поэтому, видимо, заполнение фундамента практически стерильно.

У строителей, судя по всему, не было цели создать идеально горизонтальную площадку, но они существенно снизили уклон: в пределах освоенной площадки, то есть там, где прослеживается гумусированная прослойка, он меньше 10°. По каким причинам платформа была освоена не по всей площади, а лишь на половину ширины вдоль стены, непонятно.

По окончании строительства началось естественное накопление щебня. Теперь здесь появилась преграда, способствовавшая этому, – стена. Стал накапливаться верхний стерильный слой (потому что наверху фактически нет гумуса) – особо интенсивно, видимо, когда *све* было заброшено. Это был, бесспорно, длительный процесс, но ведь с тех пор прошло несколько тысяч лет. Со временем процесс стабилизировался, поверхность платформы задернovалась.

Конечно, это всего лишь гипотеза. Но по результатам раскопок, хотя и небольших по объему, она представляется наиболее правдоподобной.

Теперь о находках. Все они обнаружены в той тонкой гумусированной прослойке, о которой речь шла выше, на полосе с квадратами, обозначенными на плане буквами А (только на границе с Б), Б, В, Г и Д. Всего в раскопе найдено более 200 фрагментов керамики. Причем большинство из них было сосредоточено на сравнительно небольшом участке чуть больше четырех квадратных метров. На плане (рис. 7) он очерчен штриховой линией. Здесь же, в квадрате Г1, был обнаружен небольшой очажок, обложенный мелкими плитками песчаника, внутри которого зафиксирован углистый слой толщиной до 10 см. Помимо керамики на том же участке были найдены три кремневых наконечника стрел. Еще два наконечника и нуклеус (рис. 115, *б*) обнаружены в соседних квадратах Д3 и Д4. В небольшом количестве встречались кремневые отщепы. Но основное место их скопления располагалось ближе к стене: более 150 отщепов на участке размером полметра в поперечнике (на плане он тоже показан штриховой линией). Незначительная часть керамики тоже найдена у стены. Возможно, это фрагменты, скатившиеся сюда сверху.

Костей животных в слое не было.

Раскоп 2

Раскоп 2 был заложен в центральной части платформы с востока от развала каменного сооружения (башни). Основная цель заключалась в том,

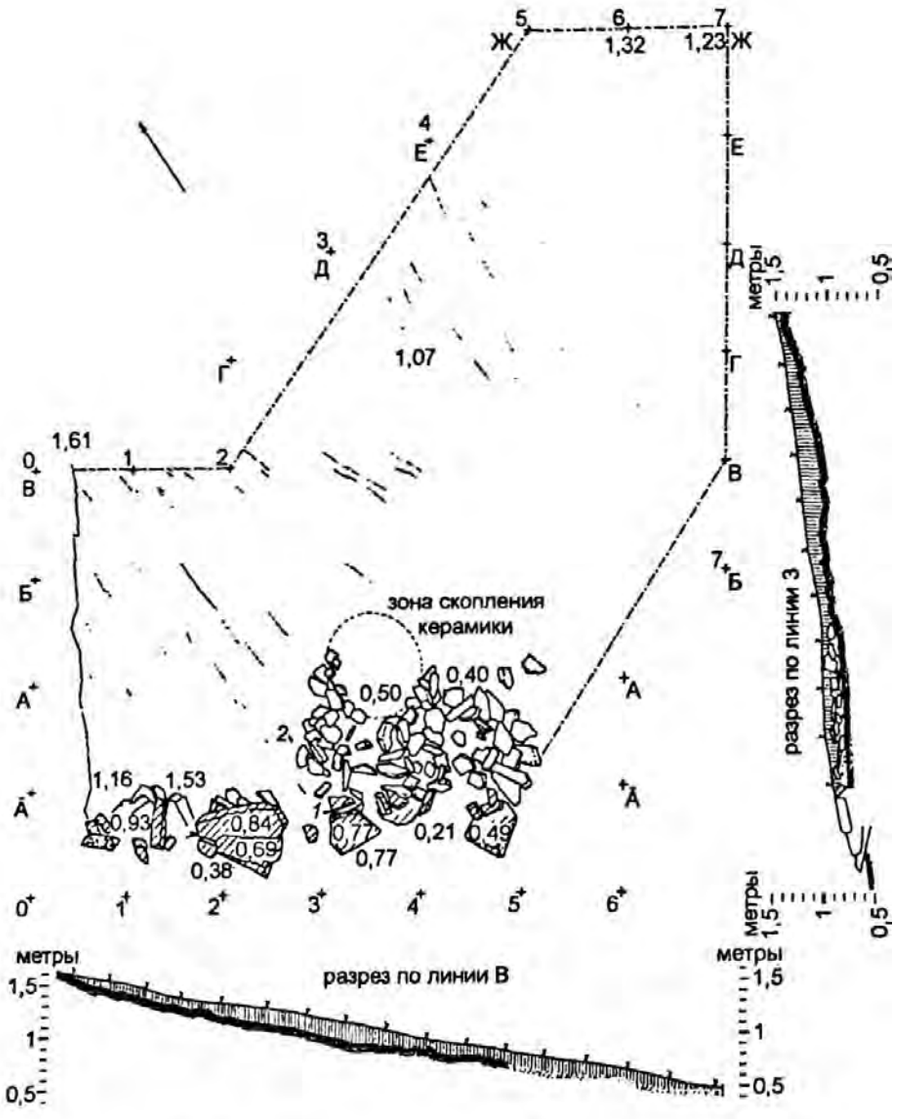

Рис. 9 Све Хазынхыр. Раскоп 3 (план, разрезы)

несколько кремневых отщепов и галечных сколов (возможно, заготовок для производства).

Костей животных в слое не было.

Раскоп 3

Раскоп 3 был заложен на верхней площадке пандуса. Площадка ограничена с северо-запада и юго-запада низкой каменной выкладкой, сильно разрушенной. Причем с северо-запада это продолжение той дополнительной кладки по краю обрыва, которая начинается на платформе, а затем, выйдя за ее пределы, спускается к пандусу. Только здесь она идет уже не по обрыву, а по невысокому скальному уступу.

Площадка сравнительно ровная. Вдоль пандуса, то есть в направлении СЗ–ЮВ, уклон не больше 9°, а поперек (СВ–ЮЗ) еще меньше – около 7° (рис. 9, разрезы).

Говорить о стратиграфии здесь, по сути дела, не приходится. Нами был снят дерновой слой толщиной до 25 см, который лежал непосредственно на материке. Это в основном скальник, только в юго-восточной части раскопа – смесь щебенки и суглинка. Лишь в южной части раскопа на площади около двух квадратных метров шел развал мелкого плитняка (рис. 9, план).

Находки – почти исключительно керамика – распределялись по площади раскопа очень неравномерно, как и в раскопе 1. Всего найдено более 250 керамических фрагментов. Из них подавляющее большинство – на небольшом участке рядом с юго-западной стенкой. На плане он очерчен штриховой линией. Керамика лежала как между плитками развала, так и под ними. Очень характерный факт: значительная часть фрагментов из этого скопления принадлежала всего одному сосуду (рис. 12).

Здесь же найдены два кремневых наконечника стрел (на плане они обозначены цифрами *1* и 2). Встречались кремневые отщепы.

Костей животных среди находок не было.

Плотность находок по мере удаления от основной зоны скопления резко убывает. В квадратах, обозначенных буквой В, это уже единичные фрагменты керамики. Дальше к северо-востоку их нет вообще. Фрагменты, найденные на периферии, в большинстве сильно окатанные и заветренные (в некоторых случаях трудно понять, каков был орнамент). Такое бывает, когда керамика долго лежит на поверхности. Вероятно, так оно и было, – особенно если здесь начинался проход от пандуса на платформу (такое предпо-

чтобы выяснить, насколько ситуация на этом участке соответствует той, которая была зафиксирована в раскопе 1.

Стена здесь шире (рис. 8) – она дополнена изнутри вторым рядом кладки. Что касается стратиграфических наблюдений, то они аналогичны. Под дерном также идет практически стерильный слой щебенки и суглинка красно-коричневого цвета (20–30 см). Ниже прослеживается тонкая сероватая гумусированная прослойка с углистыми включениями (5–10 см). Под ней – опять красно-коричневый слой щебня и суглинка.

Находок мало. Происходят они из тонкой гумусированной прослойки (только один неорнаментированный обломок стенки глиняного сосуда лежал в дерновом слое).

Несколько невыразительных фрагментов керамики, которые сползли, очевидно, сверху, найдено около стены в квадрате А4.

В квадрате В4 обнаружены остатки небольшого костра. Рядом – кремневый наконечник стрелы. На плане он обозначен цифрой *1*. Также найдено

ложение было высказано при описании платформы).

Находки

В культурном слое найдено несколько кремневых наконечников стрел (рис.10): в раскопе 1 – пять экземпляров (*1*, *4–6*, *8*), в раскопе 2 – один (*2*), в раскопе 3 – два (*3*, *7*). Только два из них целые (*1*, *2*), остальные обломаны. Еще один обломок (*9*) подобран на поверхности скалы при подъеме на платформу. Очевидно он так или иначе тоже относится к этому комплексу.

Все наконечники подтреугольной формы, но с некоторыми различиями в конфигурации и размерах. Типологически они не противоречат друг другу. Все они оформлены ретушью, кроме, пожалуй, одного (*7*), который представляет собой грубо обработанную заготовку.

Еще одна находка – нуклеус (*10*) из культурного слоя раскопа 1.

Основная часть материала – керамика (рис. 11). Один сосуд из раскопа 1 удалось реконструировать полностью (*9*), другой, из того же раскопа, – только в верхней части (*8*), хотя к нему относилось большинство фрагментов из культурного слоя. Остальная посуда представлена единичными или несколькими фрагментами.

Все сосуды баночной формы. Размеры сильно варьируют. Есть крупные банки с диаметром венчика около 30 см (*3*). Есть маленькие – диаметром меньше 10 сантиметров (*4*).

На подавляющем большинстве фрагментов есть орнамент. Надо полагать, что вся или почти вся внешняя поверхность сосудов декорировалась. Орнамент наносился как зубчатым штампом, так и резными линиями, а в некоторых случаях отпечатками гладкого штампа.

Штамп часто мелкозубчатый (*4–5*, *9*). Но встречаются и сравнительно крупные зубчатые отпечатки (*3*, *6–7*; последние два фрагмента венчика и донца относятся, возможно, к одному сосуду).

Под венчиком, как правило, идет ряд "жемчужин", что существенно отличает этот комплекс от керамики Кызыл хая (см. нашу статью в настоящем сборнике). Там безусловно преобладали ямки, выдавленные снаружи. Здесь же ямки встречены лишь в одном случае, причем в необычном варианте. Они расположены двумя параллельными рядами (*4*).

Верхний срез венчика обычно орнаментирован косыми или поперечными линиями (единственное исключение – миниатюрный сосуд *4*). Для этого использовался тот же штамп, что и на тулове, или резные линии. Донца орнаментированы, как минимум, в двух случаях (*7*, *10*).

Орнамент на тулове композиционно однообразен – горизонтальная елочка. В одном случае – горизонтальные ряды отпечатков штампа (*6*).

На общем фоне керамического комплекса выделяются два сосуда. Первый – миниатюрный сосуд из раскопа 1 (*4*), о котором уже говорилось,

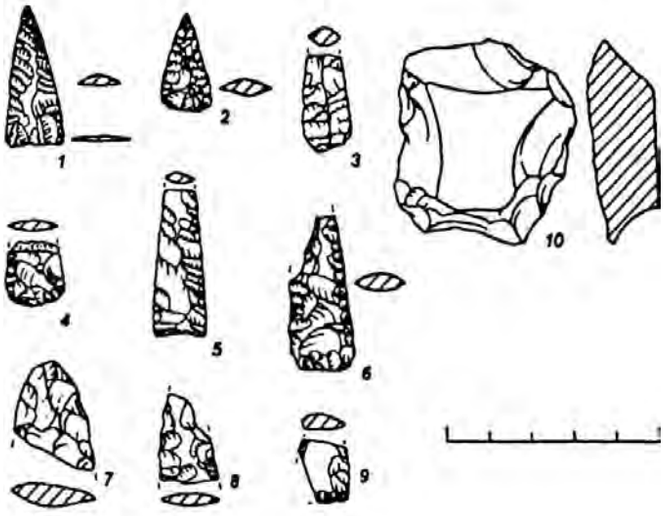

Рис. 10 Све Хазынхыр. Каменный инвентарь. Прорисовка находок, включая керамику (см. рис. 11–12), Д. Кирилловой

необычный по ряду параметров. Округлый профиль венчика. Двойная полоса ямок. Резкое утончение стенки сверху вниз. Вольная орнаментальная композиция, построенная по вертикали, но с плавным отклонением линий вниз вправо. В некоторых местах оттиски штампа очень четкие, где-то, возможно, он протаскивался – здесь отпечатки смазаны. Похоже, что мастер старался прочертить кривые определенной конфигурации.

Второй нестандартный сосуд (рис. 12) был обнаружен в раскопе 3 (ему принадлежала значительная часть фрагментов из культурного слоя). По размерам он относится к числу средних – диаметр венчика около 20 см. Восстановить его не удалось, в публикации приводится графическая реконструкция (высота предположительна).

На донце двойными резными линиями изображена крестообразная фигура, видимо, восьмилучевая.

По тулову прочерчены ромбы (или вертикально вытянутые косые кресты). В отличие от дна – тройными линиями. В верхней части тулова они расположены регулярно. В нижней трети проведена горизонтальная полоса. Здесь периметр тулова резко уменьшается, потребовалась перебивка рисунка орнамента.

Сначала прочерчивались полосы, идущие снизу вверх налево. Они пересечены линиями, идущими направо. Причем, судя по сдвигу глины в местах пересечения, линии велись от донца к венчику. И те и другие полосы не доведены до верха, там расположен самостоятельный орнаментальный поясок.

Под венчиком на полосе шириной 2–2,5 см были прочерчены частые линии с наклоном влево. Затем, с большими интервалами, были прорезаны (опять-таки, судя по сдвигу глины в местах пересечения, снизу

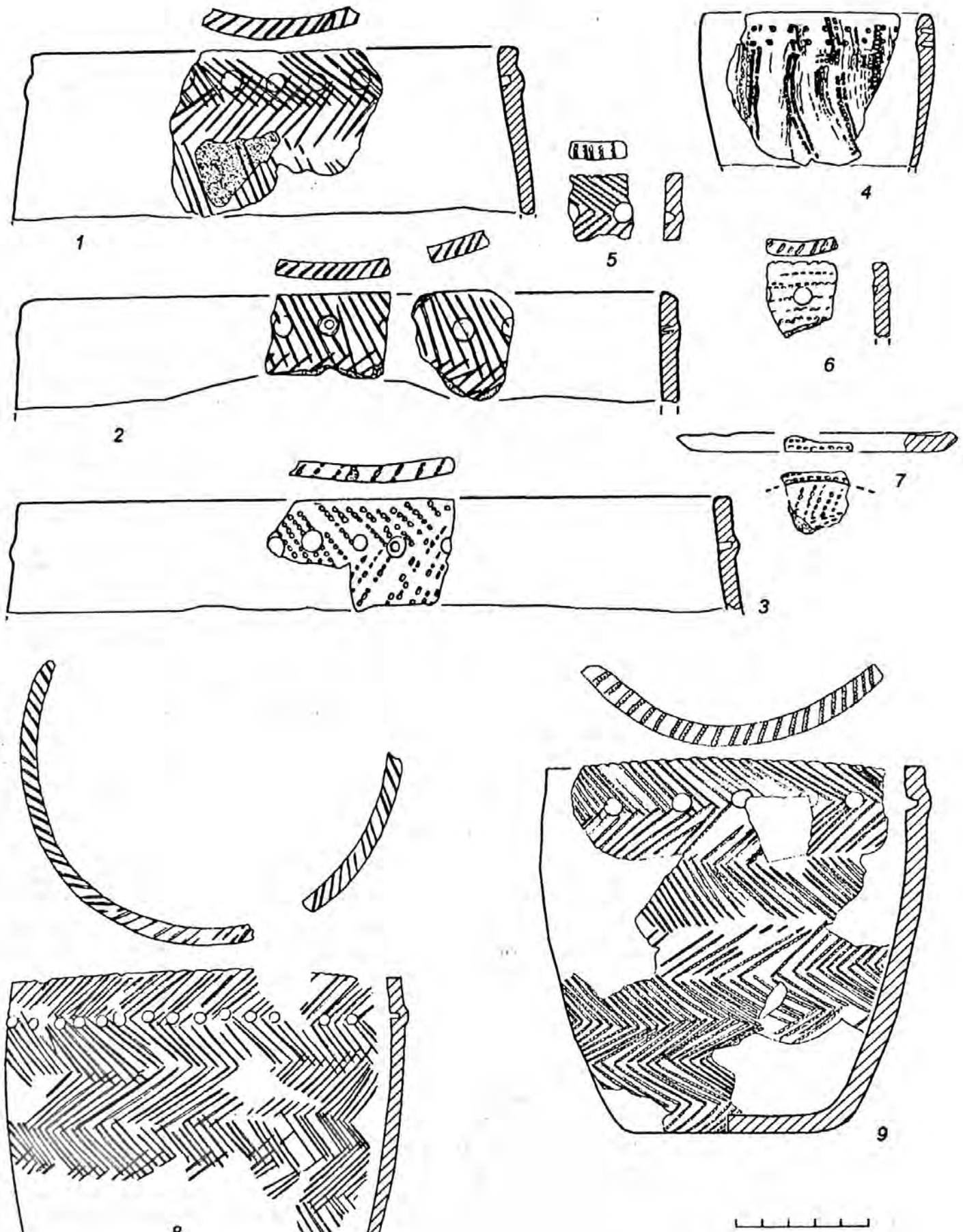

Рис. 11 Све Хазынхыр. Керамика из раскопа 1

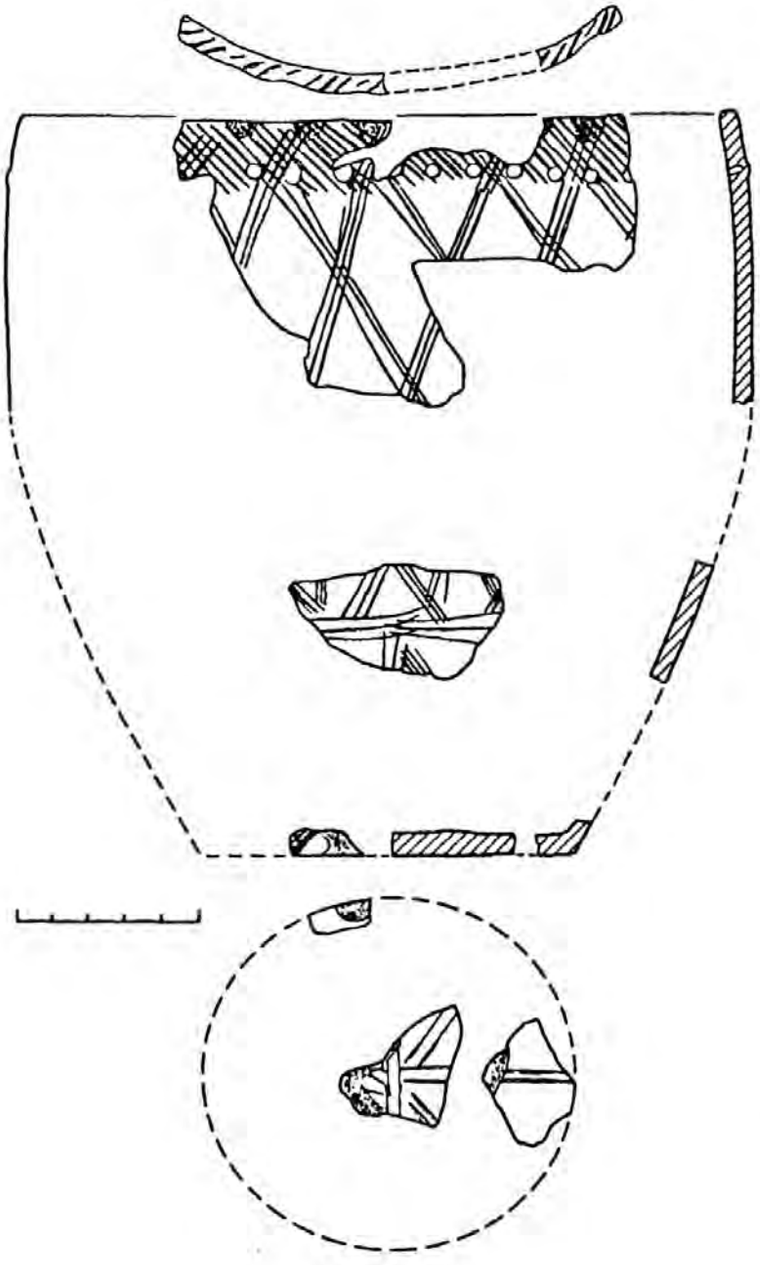

Рис. 12 Све Хазынхыр. Сосуд из раскопа 3

вверх) перечеркивающие их линии, сгруппированные по три.[3] Зрительно они продолжают линии ромбов (крестов). Однако они чертились заново и иногда начинаются поверх орнамента на тулове. Затем у нижней границы орнаментального пояска были выдавлены «жемчужины» (резные линии на их поверхности замяты или вообще отсутствуют). Таким образом, венчик декорировался в последнюю очередь.

Верхний срез устья сосуда тоже украшен резными (или штампованными) косыми линиями. При окончательном оформлении венчик был смят пальцами так, что он, если смотреть сверху, приобрел волнистый контур. В местах отпечатков пальцев орнамент затерт. На Кызыл хая такая обработка венчика встречалась неоднократно. В комплексе Хазынхыр этот прием зафиксирован единожды.

Описанная последовательность создания декора – от донца к венчику – обычна для окуневских сосудов (Подольский М., 1997а, с. 119).

Заключение

Све Хазынхыр датируется достаточно надежно. Это ранняя бронза или, иначе, время становления скотоводства в Хакасии. Керамический комплекс находит аналогии в памятниках окуневской культуры. Не противоречат этому и кремневые наконечники стрел. При этом нужно учитывать одно обстоятельство. Наше представление об окуневской культуре основано на погребальном материале. Керамика Хазынхыра не находит полного соответствия ни в одном из курганов. Речь идет только о сходном облике, аналогичных орнаментальных мотивах и приемах декорирования. Поэтому, быть может, пока корректнее говорить об окуневском культурном круге.

По поводу культурного соотнесения нужно отметить еще одну важную деталь. На других *све*, где раскопки дали керамику окуневского облика, она была лишь одним из компонентов керамического комплекса. На Чебаках ей сопутствовала каменноложская (лугавская) керамика, на Устанахе – афанасьевская и лугавская, на Кызыл хая – андроновская и лугавская. Здесь же материал однороден. Таким образом, Хазынхыр по своей культурной принадлежности оказывается пока единственным *чистым* памятником.

Структурно Хазынхыр занимает особое место среди древних горных каменных сооружений Хакасии. Во-первых, во многих случаях на них даже визуально можно проследить фортификационную систему. Продуманную систему, которая, с одной стороны, максимально учитывала ландшафтную ситуацию и рельеф, с другой – обеспечивала реальную возможность обороны при осаде. На Хазынхыре есть кладка, есть стены, но категорически нет фортификации.

Во-вторых, на тех немногих *све*, где проводились раскопки, обнаружены места обитания гипотетических защитников крепости или даже выявлены изолированные жилища. Самые массовые находки при раскопках – кости животных, то есть пищевые отходы. Следовательно, люди там жили и были готовы к обороне.

На Хазынхыре нет мест не только приспособленных, но даже попросту пригодных для жилья.

[3] Такой вариант оформления венчика известен на лугавской керамике.

Жить на скальном склоне в 25–30°, не вырубая террас, невозможно. А здесь таких вырубок нет. Нет и костей животных (ни единой!). Предполагать, что скотоводы и охотники той эпохи были вегетарианцами, нелепо. Иначе говоря, люди здесь не ели и, следовательно, не жили.

Еще одна деталь. Костей животных нет не только в сероватой культурной прослойке, но и в заполнении фундамента платформы. Для сравнения: на *све* Чиланныг таг в материковом грунте, который использовался для отсыпки вала, пищевых отходов много. Очевидно, они появились там в процессе строительства. А здесь такого не было. Чем это объясняется? Вряд ли санитарно-гигиеническими нормами. Может быть сакральным статусом площадки, которую нельзя было замусоривать (осквернять)?

Итак, сооружение Хазынхыр не было предназначено ни для обитания, ни для обороны. Для чего же велось столь трудоемкое строительство? Рассмотрим то, что было зафиксировано в раскопах, с ситуативной точки зрения.

Юго-восточный угол платформы. Небольшой очажок, рядом скопление обломков керамики. Значит, здесь стояли сосуды – видимо, с каким-то напитком. Тут же оставлено несколько наконечников стрел. Невдалеке – скопление кремневых отщепов. Кто-то занимался тут изготовлением, возможно, таких же наконечников. Конечно, это не синхронная сцена, все было растянуто во времени.

Центральный участок платформы. Костер, рядом наконечник стрелы.

Верхняя площадка пандуса. Около наружной кромки стояли сосуды – тоже, видимо, с напитком. Рядом наконечники.

Добавим: и с платформы, и с пандуса открывается впечатляющая панорама. Расстояние от горы Хазынхыр до горного массива, разделяющего речные долины Абакана и Аскиза, который виден на заднем плане фотографии (рис. 13), – около 15 километров.

Очевидно, сооружение Хазынхыр предназначалось для периодического посещения. С какой целью? Для проведения каких-то ритуалов, обрядов, для жертвоприношений. Или, скажем, для медитации. Более конкретное определение будет относиться уже к области фантазирования.

Раньше уже была высказана мысль о том, что горные каменные сооружения реализуют идею *восхождения* (Готлиб, Паульс, Подольский, 1995).

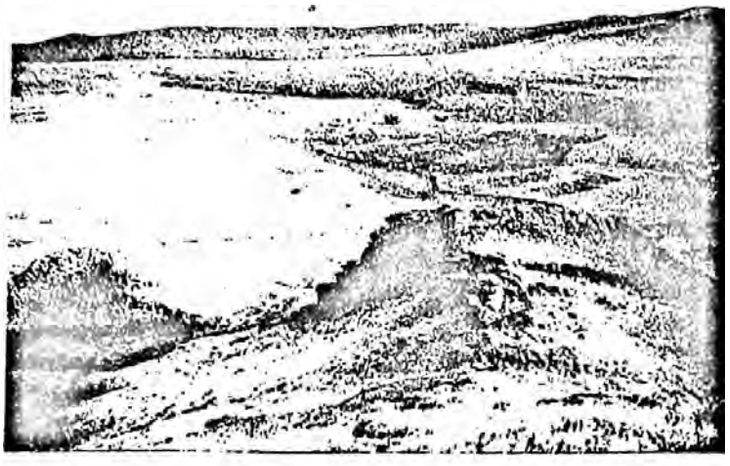

Рис. 13 Вид со склона горы Хазынхыр (с севера).

На переднем плане – останец-сфинкс;
за ним – утес, на котором сооружено *све*.
В долине: поселок Анчилчон;
далее – пойма реки Аскиз.
На заднем плане – горный массив,
разделяющий речные долины Абакана и Аскиза

Здесь это находит предельно наглядное подтверждение. Сначала – подъем от подножья горы. На середине склона начиналось организованное и, следовательно, ритуализованное движение по пандусу. Затем – подъем на платформу. Если взойти на пик утеса, впереди виден останец причудливой формы. Останец-сфинкс, устремленный к вершине горы Хазынхыр, как бы участвует в общем движении, подхватывая и продолжая его. Все это не просто перемещение на север. Это путь наверх, к Небу.

Поэтому хакасский термин *све* (крепость), заимствованный из монгольского, в применении к этому памятнику становится весьма условным. Хотя вряд ли его нужно менять. В Хакасии все древние горные сооружения принято называть *све*. Это слово долгое время сохранялось фольклорной традицией, а впоследствии было усвоено археологической литературой. К тому же, вполне возможно, что внешнее сходство сооружения с крепостью играло какую-то роль и в сознании его создателей.

Но функционально Хазынхыр – горное святилище. И в этом смысле это уникальный архитектурно-ландшафтный комплекс. Хотя, видимо, далеко не единственный в Хакасии памятник такого рода. К числу святилищ могут относиться и некоторые другие *све*, к примеру Онло или Тарпиг.

Д.Г. Савинов

О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства

Введение

Окуневские изобразительные памятники: каменные изваяния и стелы, гравировки на плитах и красочные росписи, предметы мелкой пластики, – это уникальные произведения древнего искусства, сконцентрированные по воле исторических обстоятельств в бассейне Среднего Енисея, на территории Минусинской котловины. Вопросы их происхождения, культурной атрибуции и хронологии, стилистического и семантического анализа вызывают неизменный интерес у всех исследователей, так или иначе занимающихся древней историей и культурогенезом Центральной Азии и Южной Сибири. Одним из таких вопросов является распределение всего имеющегося и в целом разнохарактерного изобразительного материала, где на первое место должны быть поставлены сюжетные, композиционные и стилистические особенности изображений. Наиболее существенный вклад в решение этого вопроса внесли специальные исследования сторонников их безусловной окуневской атрибуции Н.В. Леонтьева (Леонтьев Н., 1978) и Э.Б. Вадецкой (Вадецкая, 1980); ряд новых и точных наблюдений содержится и в работах противников монокультурности всех изображений, называемых «окуневскими» (Шер, 1980; Кызласов, 1986; и др.). Однако данная тема не только не является закрытой, но требует самого пристального внимания, в том числе и возвращения к «истокам», то есть к первоисточнику.

При этом необходимо оговорить несколько общих положений, которые будут использованы в настоящей работе.

1. В последнее время, после раскопок могильников Уйбат III и V (Лазаретов, 1997) в литературе утвердилось деление памятников окуневской культуры на два последовательных этапа: *уйбатский* – название, постепенно вытесняющее прежнее наименование памятников «тасхазинского типа»; и *черновский*, эталонным памятником которого остается могильник Черновая VIII (Максименков, 1980). С каждым из этих этапов развития окуневской культуры связан свой круг проблем: с уйбатским (или тасхазинским) этапом – начальный процесс формирования окуневской изобразительной традиции; с черновским – характеристика сложившегося окуневского искусства, а также выделение позднеокуневской традиции в последующее время.

2. В работе намеренно не используются абсолютные даты, предложенные для отдельных археологических комплексов, с которыми связаны находки тех или иных изображений. Относительная хронология рисунков определяется как по особенностям типологического развития, так и по условиям нахождения в палимпсестах.

3. Я.А. Шер определяет категорию «стиль» следующим образом: «Стиль в пластических искусствах любой эпохи представляет собой совокупность устойчиво повторяющихся изобразительных инвариантов» (Шер, 2004, с. 13), то есть «неизменяющихся элементов изображения» (там же, с. 12). Вместе с тем, особенно применительно к изображениям на окуневских изваяниях и плитах из погребений, весьма существенно добавление, сделанное И.В. Ковтуном: «Инвариантность кардинальных элементов, визуально воспринимаемая как воспроизводство стиля, в сущности, символизирует воспроизведенный смысл» (Ковтун, 2005, с. 14). В этом плане предложенный ниже дифференцированный подход имеет, наряду с классификационной направленностью, и определенную семантическую основу. Однако вопросы семантики изображений, которым посвящено много интересных работ, в том числе многостороннее исследование М.Л. Подольского (Подольский М., 1997), специально не рассматриваются.

1. О стилистическом разнообразии изображений окуневской культуры

Тасхазинский стиль (рис. 1). В одной из лучших работ, посвященных анализу произведений окуневского искусства (Леонтьев Н., 1978), выделены три группы антропоморфных изображений – тасхазинская, черновская (или «классическая») и джойская. Из них наиболее четко выраженными стилистическими особенностями обладает ранняя (тас-хазинская) группа, что позволяет говорить о существовании тасхазинского стиля в окуневской изобразительной традиции. По словам Н.В. Леонтьева, «изображения тасхазинской группы (или стиля, – *Д.С.*) отличает от более поздних своеобразная трактовка поясных и полных фигур. Голова их словно вдавлена в плечи, туловище и голова показаны в фас, в то время как ноги почти у всех – в профиль» (там же, с. 91). По классификации Э.Б. Вадецкой, памятники с личинами подобного типа входят в «простую» группу окуневских изваяний (Вадецкая, 1980, с. 48, рис. 4, *1*). На ту же группу изображений обратила внимание Л.А. Соколова, предложившая способ определения изваяний «по выде-

признаку». В качестве такого признака для этой группы изваяний была принята «радиальная корона окуневского божества»; при этом около половины изображений «выявили дополнительные соответствия – характерную черту – втянутую в плечи голову» (Соколова, 2004, с. 243).

На наш взгляд, основным стилистическим приемом, характерным для данной группы изображений (радиально расположенные «лучи» скорее следует рассматривать как семантический признак) является «вдавленная» в плечи голова округлой формы, одинаково встречающаяся как в наскальных изображениях – рис. 1, *2–4* (Кантегир, Пора-Тигей, Усть-Туба), так и в гравировках на каменных плитах из погребений – рис. 1, *1, 7, 8* (наиболее многочисленны в Тас Хазаа; см. статью А. Н. Липского и Э.Б. Вадецкой в настоящем сборнике), а также при оформлении отдельно стоявших каменных изваяний – рис. 1, *9, 10* (Leont'ev, Kapel'ko, 2002, Taf. 1, *3*; 2, *7*; 11. *32*; 61, *174*) [1]. Как правило, на изваяниях подобные изображения нанесены на широкой лицевой поверхности камня. К тому же кругу изображений следует отнести рисунки антропоморфных личин на обломках глиняного сосуда из кургана на ст. Аскиз (Паульс, 1997, рис. 4). Из других стилеобразующих признаков следует отметить высокие конусовидные головные уборы (преимущественно в гравировках) и расходящиеся над головой веерообразно расположенные линии-«лучи», на концах которых иногда показаны отдельные «точки».

Схема передачи человеческого лица в изображениях тасхазинского стиля предельно проста: показаны глаза – точками, рот – черточкой, горизонтальная линия поперек лица; в гравировках лицо иногда пересечено наклонной линией или «перекрещено». На некоторых личинах посередине лба показана короткая вертикальная линия, соединяющаяся с абрисом головы. Иногда по сторонам лица нанесены симметричные полукружия (как на фрагментах керамики из кургана на ст. Аскиз). Возможно впрочем, такие рисунки следует выделить в отдельную группу раннеокуневских изображений. Ни разу не встречены изображения «третьего» глаза или каких-либо других дополнительных атрибутов, характерных для большинства окуневских изваяний и рисунков на плитах из погребений черновского этапа. Внешняя лаконичность рисунков тасхазинского стиля компенсируется динамичностью передачи персонажей в высоких конусовидных головных уборах, чаще всего показанных в движении (ритуального танца?). Позы составленных из «изломанных» линий танцующих фигур, иногда переданных без рук и под разными углами по отношению друг к другу, чем-то напоминают шарнирные соединения героев «театра марионеток», хотя это наблюдение носит чисто визуальный характер.

О том, что два основных персонажа, выполненных в тасхазинской стилистической традиции, – в высоких конусовидных головных уборах и в «солнечной короне» – существовали одновременно, свидетельствует, например, писаница из Кантегира, где они расположены рядом, в одной и той же композиции (L.–K., 2002, Abb. 5; Кызласов, 1986, рис. 146). Изображенный ниже медведеподобный хищник, заглатывающий (?) «солярный знак» – возможный предшественник окуневских фантастических хищников (Студзицкая, 1997, с. 253). Можно предполагать, что изображения тасхазинского стиля предшествовали «классическим» (черновским) и с точки зрения семантики. Однако в композиционном отношении они более развернуты, повествовательны; каждый из действующих персонажей занимает присущее ему место, как, например, в большой композиции (камень 53) на Шалаболинской писанице (Пяткин, Мартынов, 1985, рис. 68). Здесь же изображена фигура лося с вонзившимся в спину дротиком, выполненная в ангарском стиле, что говорит о каком-то периоде сосуществования ангарской и тасхазинской изобразительных традиций (подробнее об этом ниже).

Наиболее близкие аналогии изображениям тасхазинского стиля – росписи каракольских гробниц на Горном Алтае, особенно загадочные фигуры в параболоидных головных уборах (Кубарев, 1988, рис. 22, 25, 37). Здесь же встречаются и другие характерные элементы этого стиля: веерообразные линии-«лучи» над головой, иногда с отдельными «точками» (там же, рис. 27, 36, 54); поперечные линии, пересекающие лицо, и вертикальная черточка на лбу (там же, рис. 19, 36); полукружия по сторонам лица (там же, рис. 29, 49). О синхронности (или общих истоках) тасхазинской и каракольской изобразительных традиций ярко свидетельствуют случаи совместного нахождения антропоморфных фигур в высоких конических и параболоидных головных уборах. «В целом ряде композиций эти два персонажа (один в островерхом, другой в параболоидном головных уборах) встречаются обязательно вместе: Шалаболино, Кантегир» (Советова, Миклашевич, 1999, с. 59, табл. 3). Каракольско-окуневская сихронизация прослеживается и по другим элементам каракольской и окуневской культур (Кубарев, 1998).

Другой круг уже давно установленных параллелей – отдельные антропоморфные личины на керамике из поселения Самусь IV около Томска. Не вдаваясь в детали ставших традиционными сопоставлений, отметим, что речь в данном случае должна идти не об окуневском искусстве вообще, а только о нескольких специфических деталях, характерных, в первую очередь, для изображений тасхазинского стиля. Это – отдельные «точки» над веерообразно (в Самусь IV также и параллельно) расположенными линиями-«лучами»; вертикальная черточка на месте лба, соединяющаяся с абрисом головы; округлые симметричные линии по сторонам

[1] *В дальнейшем ссылка на эту основополагающую работу дается сокращенно:* L.–K., 2002.

лица (Косарев, 1974, рис. 11, 12). Однако в свете последних работ Ю.Н. Есина (Есин, 2002, 2004 и др.), становится очевидным, что отдельные выборочные окуневские паралели, во-первых, не определяют всего многообразия самусьского очага изобразительного искусства; во-вторых, могут быть сопоставлены в первую очередь с изображениями тасхазинского стиля, то есть на том же хронологическом срезе, что и окуневско-каракольские.

Таким образом, изображения тасхазинского стиля представляют собой определенный изобразительный пласт, к которому относятся (примыкают?) также росписи из Каракола и фигурная орнаментация самусьской керамики. Участие его в сложении «классического» (черновского) варианта окуневского искусства возможно, главным образом, в качестве субстратного основания, а не непосредственного типологического «предшественника».

Вопрос о происхождении тасхазинского стиля, открывающего яркую страницу окуневского искусства, по существу остается открытым. Л.А. Соколова, подробно рассмотревшая подобные изображения, пришла к выводу о том, что они отражают «влияние чуждой иконографической традиции, которая, находясь в непосредственном контакте с окуневской, создала гибридные формы и образы». Поскольку в раннеокуневских памятниках (тасхазинского типа) «зафиксирован физический контакт окуневского и афанасьевского населения, то мы вправе предположить, что отмеченное влияние отождествляется с афанасьевской изобразительной традицией» (Соколова, 2004, с. 245). Собственно же афанасьевские рисунки могут так и остаться неизвестными, так как каменные ящики, на стенках которых обычно находятся изображения, в погребальном обряде афанасьевцев не использовались. Возможно, предполагает Соколова, афанасьевская изобразительная традиция «существовала только в изделиях из органических материалов». При этом контакт афанасьевцев и окуневцев «привел к появлению гибридных комплексов, сочетающих признаки обеих культур» (там же). В свете такого прочтения изображения тасхазинского стиля представляют собой симбиоз местных окуневских и воспринятых, но не известных в оригинале афанасьевских традиций.

На наш взгляд, это интересная, хотя и небесспорная попытка выделения афанасьевской изобразительной традиции, инкорпорированной в окуневскую. Изображения «вдавленных» в плечи голов действительно один из наиболее характерных признаков каменных изваяний ямной культуры, так или иначе связанной с афанасьевской. О том, что прототипами рисунков тасхазинского стиля могли быть изображения, выполненные из органических материалов, свидетельствуют некоторые косвенные обстоятельства. Так, передача «вдавленной» в плечи головы вполне естественна для деревянной скульптуры. О том, что деревянная скульптура культового назначения, несомненно, использовалась в это время, свидетельствуют некоторые изображения (деревянные столбы с антропоморфными навершиями, украшенными бычьими рогами) в каракольских композициях (Савинов, 2000, с. 201–203, рис. 2). Высокие, иногда очень высокие (относительно человеческого роста – до 1 м и более), конические головные уборы, скорее всего, делались из свернутых кусков коры или бересты на деревянном каркасе (?), о чем свидетельствуют расширения в верхней части таких головных уборов. То и другое затем могло воспроизводиться в гравировках по камню. Но были ли эти прототипы афанасьевскими? Деревянная скульптура и пр. более характерны для жителей лесных районов, чем открытых степных пространств, в которых обитали носители афанасьевской культуры. Кроме того, остается неясным, что представляло собой предшествовавшее искусство, собственно окуневское, на которое оказала влияние афанасьевская традиция?

Постановка последнего вопроса возвращает нас к материалам могильников Уйбат III и Уйбат V, кург. 1 – бесспорно ранних памятников, где, во-первых, нет никаких следов влияния афанасьевской культуры; во-вторых, впервые каменные стелы с изображениями окуневского типа были найдены в контексте погребального обряда, что является важнейшим аргументом в пользу их окуневской атрибуции (Лазаретов, 1997). Изображения эти очень просты: на одной плите показаны только глаза и рот; на двух других – глаза, рот и горизонтальная полоска посередине лица (там же, табл. XI, *1*, *3*, *4*). Такие же «простые» личины без выделенного абриса лица, с одной поперечной полосой, встречаются и среди «наземных» окуневских изваяний (L.–K., 2002, Taf. 1, *1*, 2). Наибольший интерес представляет одна уйбатская стела – остроугольной формы, как бы передающей высокий конический головной убор, и очерченным по кругу лицом с поперечной полосой посередине – рис. 1, *6* (Лазаретов, 1997, табл. XI, 2), по этим признакам соответствующая изображениям антропоморфных фигур тасхазинского стиля. Вероятно, именно такие рисунки следует считать собственно окуневскими. Такие же личины с остроугольным верхом, очерченным абрисом лица и поперечной полосой известны и среди «наземных» изваяний окуневской культуры; причем на некоторых из них лицо уже имеет не круглую, а яйцевидную форму, а само изображение «перемещается» на узкую (торцевую) сторону камня, предвосхищая композиционные особенности «классических» окуневских изваяний (L.–K., 2002, Taf. 2, 3, 8, 9, 10).

В дальнейшем именно на стелах уйбатского типа появляются знаковые обозначения (или идеограммы), характерные для антропоморфных изображений следующего (черновского) этапа – «третий глаз», яйцевидный абрис лица и четырехлучевые солярные знаки (L.–K., 2002, Taf. 6, *17*; 8, *25*). Что касается тасхазинского стиля, то, по-видимому, на этом он кончает свое существование. Можно назвать только два памятника, непосредственно про-

должающих данную изобразительную традицию, но они уже рассматриваются как «атипичные». Первый – это известное каменное изваяние из улуса Чарков, на котором показаны руки и «вдавленная» в плечи голова – рис. XV, *1* (L.–K., 2002. Taf. 9, *27*). Другой – изображение на плите с р. Тибик (ibid., Taf. 110, *277*), представляющее своеобразное сочетание личины тасхазинского стиля с композиционным оформлением типа рисунков на плитах из могильника Лебяжий – рис. XV, *2* (ibid., Taf. 65, *181, 182*), которые в любом случае не ранее изображений на плитах из Черновой VIII.

Ангарский стиль (рис. 2). Изображения ангарского стиля (или ангарской изобразительной традиции) были выделены Н.Л. Подольским (Подольский Н., 1973, с. 268–271) и Я.А. Шером (Шер, 1980, с. 187–190) по нахождению наиболее характерных петроглифов, открытых А.П. Окладниковым на р. Ангаре. Впоследствии оказалось, что подобные изображения в большом количестве представлены на Среднем Енисее (например, Шалаболинская писаница – Пяткин, Мартынов, 1985, табл. 24–30), а крайний западный пункт их распространения находится на р. Томь (знаменитая Томская писаница). Область распространения окуневской культуры – Минусинская котловина – находится как бы внутри этого обширного ареала, что уже само по себе предполагает возможность проникновения ангарского стиля в окуневскую изобразительную традицию. «Н.Л. Подольский и Я.А. Шер объясняют сходство между ангарскими и енисейскими изображениями перемещением отдельных групп неолитических охотников с Ангары на Енисей, предположив, что рассматриваемая изобразительная традиция зародилась в Приангарье в эпоху неолита, а в Минусинскую котловину проникла ко времени распространения там скотоводческой афанасьевской культуры» (Советова, Миклашевич, 1999, с. 55). Однако не исключена возможность, что подобные изображения на Енисее, не менее многочисленные, чем на Ангаре, «представляют собой результат развития древнейшего "минусинского" стиля» (там же, с. 57).

Основной сюжет изображений ангарского стиля – фигуры свободно шагающих (чаще всего слева направо и немного вверх) лосей с тяжелой передней частью туловища, выделенным «горбом», с вытянутой вперед головой; изображения рогов, как правило, нет, но обычно показаны серьга и нависающая верхняя губа. Это совершенно сложившийся канонический образ, во множестве «тиражированный» на прибрежных скалах сибирских рек – Верхней Лены и Ангары, Енисея с притоками и Томи. Одна из наиболее ярких особенностей этого стиля – своеобразная передача ног, две из которых раскинуты, а две как бы соединены в одной «точке», благодаря чему ощущается пружинящая экспрессия шагающего животного. Н.Л. Подольский очень точно назвал этот стиль «динамично-реалистическим» (Подольский Н., 1973, с. 270).

Несколько таких изображений известны в памятниках окуневской культуры и ее ближайшего окружения. Наиболее близки описанному канону фигуры шагающих лосей на плитах из могильника Каракол на Горном Алтае – рис. 2, *6* (Кубарев, 1988, рис. 27, 47, 51); причем, судя по перекрыванию их другими рисунками, они относятся к самому раннему пласту каракольских изображений (там же, с. 39–41). Также близки к «оригиналу» красочные изображения лосей на Турочакской писанице (р. Бия), отнесенные сначала к периоду расцвета местного неолита – «кузнецко-алтайская культура» (Окладников, Молодин, 1978, с. 20, рис. 4, 5, 9), а затем передатированные эпохой бронзы, окуневским временем (Молодин, 1993).

В окуневской наскальной традиции Минусинской котловины одно из наиболее ранних изображений лося в ангарском стиле представлено на уже упоминавшейся выше наскальной композиции из Пора-Тигей рядом с зооантропоморфной фигурой с «вдавленной» в плечи головой (см. статью Е.А. Миклашевич в настоящем сборнике, рис. 7). К этому же времени относится и фигура лося с вонзившимся в его спину дротиком (?) в левой части Шалаболинской писаницы (Пяткин, Мартынов, 1985, рис. 14, табл. 27, *8*), изображенная рядом с антропоморфной фигурой с параболоидным головным убором (тасхазинского типа).

На изваянии из улуса Сартыгой выше основной личины, аналогичной одной из найденных в Черновой VIII (Вадецкая, 1980, табл. LII, № 116), «тем же техническим приемом очерчена фигура лося... с широко расставленными ногами», которая «появилась на стеле либо одновременно с личиной, либо позже нее, поскольку по расположению рисунков можно сделать вывод о том, что стела первоначально предназначалась лишь для антропоморфной личины» (Леонтьев Н., 1978, с. 100, рис. 7; 11, *1*). Н. В. Леонтьев отнес это изображение к окуневской культуре, но отметил, что она «стилистически очень близка или даже тождественна многочисленным изображениям лося на скалах Минусинской котловины и Томи» (там же, с. 102). К окуневским отнесла это изображение и М.А. Дэвлет (Дэвлет, 1982, с. 56–57). В опубликованной позднее копии этого рисунка фигура лося показана с раскинутыми на две стороны рогами – рис. II, *5* (L.–K., 2002, Taf. 26, *70*). По ряду признаков (наличие рогов, облегченные пропорции туловища, элементы «скелетного стиля») данное изображение отходит от ангарской «модели», хотя выполнено в той же изобразительной традиции. То же самое можно сказать о гравированном рисунке лося на плите из кургана 1 могильника Верх. Аскиз I – рис. II, *4* (Хаврин, 1997, рис. 2), являющемся прекрасной иллюстрацией того, как окуневский художник приспособил известный ему оригинал к своей технике и привычной манере исполнения. Фрагмент головы лося, выполненной прошлифованными линиями, сохранился и на од-

ной из плит могильника Черновая VIII (Леонтьев Н., 1980, табл. XXX, *3*).

Приведенные примеры показывают, что ангарский стиль вошел на раннем этапе в окуневскую (точнее каракольско-окуневскую) изобразительную традицию, но затем (на черновском этапе) трансформировался или растворился в ней в соответствии с появлением новых образов и их стилистических решений. Пожалуй, самое позднее изображение, в котором ощущается влияние ангарского стиля – фигура «бегущего» лося на костяной пластине из позднеокуневского могильника «Стрелка» на севере Хакасии (Савинов, 1981, рис. 5). Вместе с тем, одна из наиболее ярких особенностей ангарского стиля – способ передачи ног, соединенных в одной точке, – оказалась чрезвычайно устойчивой и была перенесена на изображения других животных, в первую очередь, лошадей и фантастических хищников.

Н.Л. Подольский первым провел убедительное сравнение двух известных изображений фантастических хищников – «зверя-божества» из Черновой VIII (Вадецкая, 1965) и на Сулекской писанице (по эстампажу А.В. Адрианова) с изображениями ангарского стиля, показав, что «основой окуневских фигур является характерный контур лося ангарской традиции» (Подольский Н., 1973, с. 237, рис. 8). «Независимо от того, где и при каких обстоятельствах в окуневское искусство проникли черты ангарской традиции, – отмечает Н.Л. Подольский, – гравировки с Черновой не могут быть древнее времени ее широкого распространения» (там же, с. 275). В свете приведенных выше материалов (изображения лосей из Каракола и в одних композициях с рисунками тасхазинского стиля) можно утверждать, что ангарский стиль включается в формирование окуневской традиции значительно раньше, чем один из его самых выразительных приемов был перенесен на изображения черновского этапа.

В завершение этого раздела следует остановиться на трех замечательных наскальных композициях, включающих изображения, выполненные в традициях ангарского стиля. На одной из них, расположенной в устье р. Тубы, показаны лоси и олени в той же характерной позе, а также фигура лося с бычьими рогами, которые Н.В. Леонтьев относит к раннему этапу окуневской культуры – рис. 2, *2* (Леонтьев Н., 1997, с. 225, рис. 6). На другой (Большой фриз на горе Суханиха) представлены фигуры лосей, широко шагающих на длинных тонких ногах, две из которых соединены в одной точке (рис. 2, *3*). Здесь же находятся более мелкие рисунки лошадей, показанных в таком же размашистом шаге, но сделанные не так умело, другой рукой и как будто скопированные с более крупных изображений лосей (Дэвлет, 1982, рис. 1). По заключению М.А. Дэвлет, все они относятся к окуневскому времени. Еще на одной известной петроглифической композиции (Ызырых-Тас или «Пьяный камень») изображена вереница идущих друг за другом лошадей с плавно изогнутыми «лебедиными» шеями – рис. 2, *1* (там же, рис. 5). Головы лошадей опущены, в двух случаях показана свисающая на лоб «челка» – прием, характерный для сейминско-турбинской изобразительной традиции (Пяткин, Миклашевич, 1990). Ноги лошадей перекрыты находящимися ниже личинами тасхазинского типа, композиционно не связанными с изображениями лошадей (лучшие прорисовки двух последних композиций см. в статье Е.А. Миклашевич в настоящем сборнике, рис. 8, 9). Точное время нанесения этих рисунков неизвестно, но, так или иначе, в них совершенно определенно отражена преемственность с изображениями ангарского стиля, воспринятого окуневской традицией. Скорее всего, их надо располагать именно в такой последовательности: Усть-Туба – Суханиха – Ызырых-Тас.

Декоративный стиль (рис. 3). Название «декоративный стиль» было введено Э.А. Новгородовой для определения изображений животных, связанных с рисунками колесниц эпохи бронзы. По Новгородовой, этот стиль «отличается заполнением фигуры животного (неважно, копытного или хищника) правильными и неправильными фигурами: треугольниками, квадратами, ромбами, прямоугольниками, квадратами с точкой в середине и т. д.» (Новгородова, 1984, с. 82). На территории Монголии такие изображения представлены главным образом среди петроглифов Чулуута (там же, рис. 21, 30). В некоторых случаях в рисунках декоративного стиля показано «чешуеобразное» расположение геометрических фигур (там же, рис. 30). На Горном Алтае изображения в декоративном стиле представлены в основном среди петроглифов Калбак Таша (Кубарев, 2002, с. 89, 109, 110), где они также относятся к эпохе бронзы. В целом, по отношению к основному массиву алтайских и монгольских петроглифов эпохи бронзы, рисунки животных, выполненные в декоративном стиле, немногочисленны.

В изобразительных памятниках окуневской культуры Минусинской котловины также известны несколько таких изображений. Одно из них – на плите из кург. 5, мог. 2 могильника Черновая VIII – рис. 3, *1*, *2* (Вадецкая, 1980, табл. LII, № 119); два других – на каменных плитах, найденных при случайных обстоятельствах на р. Аскиз – рис. 3, *3*, *4* (L.–K., 2002, Taf. 85, № *216*; 87, № *219*). Поверхность одной из этих плит (№ 216) сильно разрушена, и нанесенные на ней рисунки сохранились фрагментарно. Другая плита (№ 219) – с изображением двух стоящих друг над другом фантастических животных, выполненных в декоративном стиле, сохранилась прекрасно и представляет собой один из наиболее ярких образцов окуневского искусства. Семантическому анализу изображений на этой плите посвящена специальная статья Н.В. Леонтьева (Леонтьев Н., 1997). При этом Н.В. Леонтьев отметил, что «чешуйчатое оформление туловища верхнего чудовища и передней части его у нижнего аналогично таким же образом украшенному туловищу одного из быков Черновой VIII» (там же, с. 223).

Изображения быков на плите из Черновой VIII (всего 7 рисунков; из них 5 законченных фигур) детально проанализированы Л.А. Соколовой (Соколова, 2001). Из них четыре фигуры бегущих быков выполнены в характерном черновском стиле (Леонтьев Н., 1980); фигура пятого стоящего быка (по нумерации Соколовой – № 3) «выполнена в совершенно иной манере и более широким резцом» (Соколова, 2001, с. 130, рис. 1). Показаны массивное туловище, расположенные анфас короткие ноги, крупная голова. Туловище украшено нанесенными чешуеобразно геометрическими фигурами. Соколова образно назвала такую «избыточную» орнаментацию «окуневским барокко», отметив при этом, что «наиболее ярко этот стиль проявился в изображениях на недавно опубликованной Н.В. Леонтьевым плите с р. Аскиз» (там же, с. 131).

Фигура стоящего быка на плите из Черновой VIII, выполненная в декоративном стиле (№ 3) перекрывает и перекрывается рисунками бегущих быков, выполненных в черновском стиле (№ 2, 4), что можно оценить как инокультурное включение в местную (черновскую) изобразительную традицию. Изображения аскизских «чудовищ» также нанесены поверх условно переданной антропоморфной личины, наиболее близкой изображениям на окуневских плитах из Черновой VIII (Вадецкая, 1980, табл. LII, *113*, *116*). В свете этих наблюдений о какой-либо трансформации стиля – черновского в «декоративный» – при условии взаимного перекрывания тех и других рисунков на одной и той же плите (Черновая VIII) не может быть и речи. Очевидно, рисунки декоративного стиля – это «разовое» включение в искусство черновского этапа. Место «исхода» этого стиля – горно-степные районы Монголии и Горного Алтая. В дальнейшем в окуневской изобразительной традиции декоративный стиль развития не имеет.

Стиль «абаканских пластинок» (рис. 4). В 1945 г. в городе Абакане в одном из погребений не выделенной тогда еще окуневской культуры были найдены две костяные пластинки с изображением своеобразно стилизованных женских лиц (Левашова, 1975, рис. 5). Подобные рисунки, сейчас уже достаточно многочисленные, могут быть определены как изображения в стиле «абаканских пластинок». В основе представленных на них гравировок лежит определенный изобразительный канон: рисунок, как правило, помещается на одном конце пластинки; показаны вытянутые очертания женского лица, острый подбородок, длинные распущенные на две стороны волосы; по бокам кольца-серьги, в некоторых случаях показано ожерелье (рис. 4, *5–7*). В стилистическом отношении очень близки к ним пестикообразные фигурки из стеатита, происходящие из одних и тех же погребений, которые по одной из первых находок на р. Таштып могут быть названы фигурками «таштыпского типа».

В настоящее время серия изображений, аналогичных абаканским пластинкам, найдена в наиболее известных памятниках черновского этапа: в Черновой VIII (Максименков, 1980, табл. XXIV, *12*, *13*, *15*); Уйбат V (Лазаретов, 1997, табл. XIV, *8*, *9*); Верхний Аскиз I (Хаврин, 1997, рис. 1, *1–6*; Ковалев, 1997, рис. 1, *1–3*). Ни одного подобного изображения в погребениях более раннего времени не обнаружено. В позднеокуневском кургане Черновая XI найдены две пластинки абаканского типа. Одна из них отличается от всех остальных изображением роскошного головного убора, ниспадающего по обеим сторонам лица женщины, с четырьмя подвесками-серьгами – рис. 4, *1* (Леонтьев С., 2000, рис. 1, *3*). Другая – с изображением треугольного абриса лица и схематично показанными прямыми волосами (рис. 4, *1*) очень близко напоминает иконографию одной из групп антропоморфных галек из карасукского поселения Торгажак (Савинов, 1996, табл. XX–XXIV). По своим стилистическим особенностям данное изображение из Черновой XI даже ближе к торгажакским галькам, чем к гравировкам на абаканских пластинках.

К этому же времени относится костяная пластинка абаканского типа, найденная А.И. Готлибом на *све* Чебаки – рис. 4, *2* (Готлиб, 2002, рис. на с. 131). Изображение на ней отличается обилием дополнительных деталей: многочисленные поперечные линии, в которые как бы «завернута» фигурка (в этом отношении она напоминает другую группу антропоморфных галек из Торгажака); ожерелье из вертикальных черточек; двойные кольца-серьги по сторонам лица, на котором нанесены короткие поперечные линии (возможно, татуировка?). Как и на других пластинках абаканского типа, показаны расчесанные на две стороны волосы; но скорее всего это не волосы, а "парик", так как на месте «пробора» нанесены несколько поперечных черточек, как бы соединяющих две части этого парика. Из другого позднеокуневского кургана (Разлив X) происходит плита с замечательными гравировками, представляющими профильные фигуры стоящих женщин в длинных одеяниях, с распущенными волосами, передающие тот же образ, что и на абаканских пластинках (Пшеницына, Пяткин, 1985, рис. 1; см. также статью М.Н. Пшеницыной и Б.Н. Пяткина в настоящем сборнике).

К изображениям того же стиля относятся и два статуарных памятника – Усть-Есинская Кыс-Таш и Ар-Хая. В том и другом случае изображения нанесены на верхней лицевой стороне каменной плиты, то есть в композиционном отношении соответствуют пластинкам абаканского типа. Различные варианты изображения Усть-Есинской Кыс-Таш публиковались неоднократно; последняя публикация, на которой переданы кольца-серьги (L.–K., 2002, Taf. 5, *16*), показывает полную идентичность данного изображения с пластинками абаканского типа (рис. IV, *8*). По классификации Э.Б. Вадецкой, Усть-Есинская Кыс-Таш отнесена к группе реалистических изображений, с которых берет свое начало традиция создания окуневских изваяний (Вадецкая, 1980, с. 39–49).

Совершенно справедливое сомнение в этом было высказано Я.А. Шером, отметившим, что «из опубликованных памятников к первой группе – реалистической – относится только одно изображение (Усть-Есинская Кыс-Таш, – *Д.С.*)». При этом «стилистическое подобие обнаруживается только между изображениями на костяных пластинках и усть-есинском изваянии. Но изваяние "Кыс-Таш" было найдено вне комплекса. Его этнокультурная атрибуция неизвестна» (Шер, 1980, с. 220–221). Судя повсему, Усть Есинская Кыс-Таш современна пластинкам абаканского типа. Во всяком случае, особенно в свете торгажакских аналогий, нет никаких оснований ставить это изображение в начало типологического ряда. Каменное изваяние из Ар-Хая (рис. 4, *3*), скорее всего, относится к несколько более позднему времени. Их хронологическое соотношение такое же, как могильников Черновая VIII и Черновая XI. На изображении из Ар-Хая нет расчесанных на две стороны волос, но показаны тот же остроугольный абрис лица и подвесные кольца-серьги (по три) с обеих сторон; а ниспадающие по плечам узорчатые ленты очень близко напоминают парадный «платок» на одной из пластинок из Черновой XI (Савинов, 1997а, табл. XIV).

Очевидно, что все изображения в стиле «абаканских пластинок» связаны с передачей совершенно определенного канонизированного женского образа и имеют смысловую нагрузку, отличную от «обычных» окуневских изваяний. Представляется немаловажным, что подобные изображения представлены различными видами изобразительной деятельности: гравировка по кости (абаканские пластинки) и по камню (Разлив X); мелкая пластика (фигурки «таштыпского типа»); плоскостные статуарные памятники (Усть-Есинская Кыс-Таш и Ар-Хая). По некоторым особенностям изображений можно проследить их развитие от более ранних (Абакан, Черновая VIII и др.) к более поздним (Черновая XI, Чебаки); причем последние, возможно, выходят за установленные хронологические рамки окуневской культуры и находят продолжение в иконографии антропоморфных галек из Торгажака (Савинов. 2003, рис. 15). В погребениях раньше черновского этапа они неизвестны, и, следовательно, нет никаких оснований связывать с ними начало «простых» и «сложно-нереалистических» (по классификации Э.Б. Вадецкой) изваяний окуневской культуры, имеющих совершенно иную изобразительную символику.

Изображения в стиле «тощих быков» (рис. V). Особое место в окуневской изобразительной традиции занимают изображения, получившие название «тощих быков» (по Л.Р. Кызласову) или рисунков «разливского стиля» (по Н.В. Леонтьеву). Для них характерны вытянутые, в некоторых случаях даже подтреугольные очертания туловища, фас-профильная передача крупа и задних ног, горб на спине, вытянутая морда и длинные плавно изогнутые рога. На некоторых фигурах обозначены дополнительные детали: подвески-«колокольчики» на шее, антропоморфные личины на крупе, поперечные полосы (раскраска?) на морде, иногда с «развилками» на концах, как на антропоморфных рисунках джойского типа (см. ниже). Изображения в стиле «тощих быков» достаточно многочисленны и образуют очень компактную стилистическую группу. Образно это выразил Я.А. Шер, сравнивая наиболее известные рисунки (стела из с. Знаменка, писаница с оз. Биле и рисунки на плитах из кургана Разлив X): «Вот уж поистине тот случай, когда ЭВМ на вопрос о мере сходства даст ответ "единица"!» (Шер, 1980, с. 225).

Изучение изображений в стиле «тощих быков» шло в основном по линии определения их семантики и характера связи с окуневской изобразительной традицией. Основные позиции при этом были сформулированы следующим образом. «Контраст между черновскими и разливскими рисунками настолько разителен, – писал Н.В. Леонтьев, – что до находок в Разливе X они производили впечатление произведений другой эпохи... Последние, очевидно, знаменуют начало упадка реалистического направления в окуневском искусстве» (Леонтьев Н., 1980, с. 33). Несколько иначе подходил к решению этого вопроса Б.Н. Пяткин, считая, что «рисунки черновского и разливского стилей одновременны»; причины их различия «лежат за рамками классификационных возможностей и связаны с семантикой образов, их культово-религиозными функциями» (Пяткин, 1992, с. 85). Рассматривая рисунки «тощих быков» на Знаменской стеле, М.Л. Подольский отмечает, что эти «рисунки, выполненные в другой технике, сделаны, видимо, позднее. Авторы у них, несомненно, разные. Авторы, но не эпохи... "подновление" изваяния шло исключительно в рамках первоначального замысла» (Подольский М., 1997, с. 191). Близкое объяснение дано в более поздней работе Н.В. Леонтьева, по мнению которого «поздние вставки сравнительно легко различимы, благодаря строгой архитектонике изобразительного пространства, и при необходимости легко могут быть вычленены» (L.–K., 2002, s. 4). Причем «новые» рисунки, среди которых преобладают изображения в стиле «тощих быков», выбивали, «не считаясь с основным изображением, но с целью продления культовой роли старых памятников» (ibid., s. 12). На наш взгляд, в этом утверждении скрыто определенное противоречие. Скорее, именно энергетическая заряженность «старых памятников» притягивала создателей «новых» изображений, скорее всего, более поздних, и, возможно, наполненных иным внутренним содержанием.

Вслед за Н.В. Леонтьевым И.В. Ковтун выделил подобные рисунки в отдельную (разливскую) группу окуневской изобразительной традиции и привел интересные параллели между подвесками-«колокольчиками», изображенными на шеях «тощих быков» с предметными находками из погребений карасукской культуры (Ковтун, 2001, с. 59–62,

табл. 42). Связывая изображения разливского стиля с выделенной им «старшей тувино-алтайской» группой в окуневской изобразительной традиции (плита из Озерного, Хайыаракан и др.), Ковтун отметил, что «вычурные формы (изображений разливского стиля, – *Д.С.*), как правило, имеют стилистические прототипы более естественных пропорций. Следовательно, и разливская группа "стилистически моложе" тувино-алтайской» (там же, с. 57). Другой точки зрения придерживается Ю.Н. Есин: «Само выделение разливского канона в отдельную культурно-хронологическую группу неоправданно... "тучные" и "поджарые" животные являются различными иконографическими канонами в рамках одной культурно-хронологической группы, связанной с кругом памятников типа Черновая-VIII. Различия между ними объясняются семантикой образов, не учитывающейся И.В. Ковтуном» (Есин, 2002, с. 51). Нетрудно заметить в этом утверждении повторение точки зрения Б.Н. Пяткина.

Публикация нового, наиболее полного свода изваяний окуневской культуры (L.–K., 2002) позволяет еще раз вернуться к этой дискуссии, обратив особое внимание на условия нахождения рисунков в стиле «тощих быков». Всего в своде Н.В. Леонтьева и В.Ф. Капелько опубликованы более 170 изваяний и плит окуневской культуры (имеются в виду только те памятники, окуневская атрибуция которых сомнения не вызывает). Из них изображения в стиле «тощих быков» нанесены на 12 изваяниях. Для сравнения: в предшествующем своде памятников Э.Б. Вадецкой представлены только два таких изваяния – Знаменка и Усть-Есь (Вадецкая, 1980, табл. XLIII, *74*; L, *108*). Обращает на себя внимание, что подобные изображения, чаще всего расположенные по несколько фигур друг над другом, то есть в определенной композиции, нанесены только на изваяниях со сложно-нереалистическими личинами (по классификации Э.Б. Вадецкой) или на изваяниях с изображениями «тазминской группы» – рис 6, *1–4* (см. ниже). Их нет на изваяниях с «простыми» и «реалистическими» личинами, на плитах из могильников Тас Хазаа, Уйбат III и V; Черновая VIII, Верхний Аскиз I и других памятников черновского этапа. Общее количество изваяний со сложными нереалистическими личинами, представленных в своде Н.В. Леонтьева и В.Ф. Капелько, – около 70; то есть по меньшей мере на каждом шестом из них есть такие изображения. Это количество существенно увеличивается за счет рисунков на каменных плитах из позднеокуневских погребений (Разлив X, Черновая XI) и (в меньшей степени) наскальных изображений (оз. Биле, Сулек и др.). Совершенно очевидно, что как в стилистическом отношении, так и по условиям нахождения изображения в стиле «тощих быков» образуют самостоятельный и, по всей видимости, самый поздний пласт в развитии окуневской изобразительной традиции.

В связи с этим особое значение приобретают плиты с такими изображениями, происходящие из погребений (Разлив X, Черновая XI). Оба памятника занимают особое положение среди всех остальных погребений окуневской культуры; обнаруженные в них антропоморфные изображения – объемные фигурки и гравировки на костяных пластинках абаканского типа, как уже говорилось, отличаются от найденных в погребениях черновского этапа (Черновая VIII, Уйбат V и др.). Поэтому имеются основания считать курганы Разлив X и Черновая XI наиболее поздними в ряду известных в настоящее время памятников окуневской культуры. Относительно кургана Разлив X это уже отмечалось в статье М.Н. Пшеницыной и Б.Н. Пяткина, датировка которого была определена «в границах окуневской культуры, может быть, ее финальной стадии» (Пшеницына, Пяткин, 1993, с. 66). Скорее всего, именно к этому времени, следующему за черновским этапом[2], относится распространение изображений в стиле «тощих быков». Поэтому такие рисунки ни разу не были встречены на плитах из погребений черновского этапа и как правило нанесены на каменных изваяниях поверх основных изображений со сложно-нереалистическими личинами.

Изображения в стиле «тощих быков» и соответствующие им реалии вторичны по отношению к изваяниям окуневской культуры и в семантическим плане (подробнее об этом см.: Савинов, 2004, с. 251–253), хотя отдельные дополнительные элементы изображений быков, выполненных в этом стиле (кольца, продетые через нос; схематические личины на крупе; поперечные линии, иногда с «уголками», на морде), несомненно, окуневские и связывают эти изображения с атрибутикой «тучных быков» черновского этапа. Прежняя идея могла реализоваться с учетом новой стилистической традиции.

Происхождение стиля «тощих быков» пока остается неясным. Точные аналоги этим изображениям за пределами Минусинской котловины неизвестны. Фигуры быков, выполненные в этом стиле, настолько каноничны, что могут быть либо результатом длительного местного генезиса, что не находит отражения в фактическом материале, либо появиться в сложившемся виде в качестве инокультурного заимствования, после чего должна была произойти определенная контаминация этих образов и в семантическом плане. На наш взгляд, последняя версия предпочтительнее, хотя место присхождения стиля «тощих быков» остается неопределенным.

Некоторое развитие стиля «тощих быков» происходило уже в самой Минусинской котловине. Так, фигуры быков на плитах ограды кургана баиновского этапа из Бырганова V (Лазаретов, 1995, рис. 2), особенно одна из них, переданы в еще более схематической манере, чем, например, фигуры из

[2] Проблеме выделения позднего этапа развития окуневской культуры, ранее названного нами *разливским*, посвящена отдельная статья (Савинов, 2005).

Разлива X (рис. V; ср. № *1* и *7*). Однако какое место в окуневско-карасукском «интерстадиале» занимают подобные изображения, пока сказать трудно. Не исключено, что их дальнейшая схематизация привела к появлению карасукского (по Б.Н. Пяткину) или варчинского (по Н.В. Леонтьеву) стиля, характерного уже для эпохи поздней бронзы.

2. Иконографические группы окуневских личин

Антропоморфные изображения на каменных изваяниях и плитах из погребений – основной источник изучения художественного наследия окуневской культуры. В виду разнообразия окуневских личин, передающих, в принципе, один и тот же образ, говорить об их стилистических особенностях можно лишь в том плане, что при исполнении подобных изображений чаще всего использовались, в соответствии с определенной схемой, одни и те же изобразительные элементы. Как уже говорилось, данную ситуацию лучше всего характеризует удачное выражение И.В. Ковтуна: «Инвариантность кардинальных элементов, визуально воспринимаемая как воспроизводство стиля, в сущности, символизирует воспроизведенный смысл» (Ковтун, 2005, с. 14). «План содержания», пользуясь терминологией Я.А. Шера (Шер, 1980, с. 41–42), доминирует над «планом выражения», хотя полностью и не исключает его. Однако сама передача обусловленного этим образа могла реализоваться по-разному (в зависимости от времени, места, характера использования в ритуале и т. д.). Эти особенности изобразительного воплощения могут быть определены как иконографические элементы (или признаки). По словам Я.А. Шера, «своей устойчивостью иконографические элементы сближаются с элементами плана выражения» (там же, с. 42), хотя «участие» их в сложении «стиля» опосредованно, через внутреннее (мифологическое) содержание образа в целом.

Исходя из этого, можно выделить несколько иконографических групп окуневских личин (за исключением ранних – тасхазинского стиля, рассмотренных выше). В количественном отношении они охватывают бо́льшую часть всех известных антропоморфных изображений на каменных изваяниях и плитах из погребений. Бо́льшую часть, но не все; приведенная выборка ограничена изображениями с четко выраженными иконографическими признаками. За пределами предложенной группировки остались изображения, где эти признаки отсутствуют, единичны или смешаны, представляя контаминацию разнохарактерных изображений [3]. Основным источником для этого послужила иллюстративная часть Свода изобразительных памятников окуневской культуры, опубликованных Н.В. Леонтьевым и В.Ф. Капелько (2002). На основании сказанного, начиная с черновского этапа и позже, можно выделить несколько групп окуневских антропоморфных изображений: тазми́нскую, черновскую (с разделением на два варианта), лебяжинскую, джойскую, кок-хаинскую и тейскую, обладающих наиболее устойчивыми иконографическими признаками.

Тазминская группа (рис. 7). Основной («классический») вид окуневских каменных изваяний. Считаем необходимым сохранить для этой группы название «тазминская», данное Л.Р. Кызласовым по улусу Тазмина, из окрестностей которого происходит целая серия подобных изваяний (Кызласов, 1986, с. 85–86, 100–102). Произведенные Л.Р. Кызласовым раскопки связанных с ними археологических объектов показали исключительно культовое назначение этих памятников, хотя, к сожалению, найденные при этом артефакты не могут служить основанием для более точного определения их культурной и хронологической атрибуции (там же, с. 87–135).

Изваяния тазминского типа обладают наиболее сложной иконографией и насыщенной изобразительной символикой: яйцевидный абрис лица, «третий глаз», поперечные линии, пересекающие лицо, изображения ушей и рогов с расположенным между ними вертикально украшением из волнистых линий в виде узорчатой ленты с S-образными отростками, образующими «корону» и др. Из дополнительных элементов чаще всего встречается четырехлучевой солярный знак; на некоторых изваяниях ниже личины расположены головы фантастических хищников, переданные по принципу билатерального сечения. Вариации отклонений от данной схемы могут быть весьма значительными, но в целом они укладываются в рамки одного изобразительного канона. Ни одного подобного изображения в погребениях окуневской культуры не обнаружено. Их функциональное и идеологическое назначение отлично от изображений на каменных плитах, найденных в погребениях. Приводимая Э.Б. Вадецкой в качестве доказательства культурной целостности «наземных» изваяний и рисунков на плитах каменная подвеска с «нереалистической трехглазой личиной» из кург. 9 Черновой VIII – рис. 8, *7* (Максименков, 1980, табл. XXIV, *11*; Вадецкая, 1980, с. 52) – с «уголками» около рта и полукружиями вокруг глаз – к тазминской группе каменных изваяний имеет весьма косвенное отношение. Кроме всего прочего, верхнее отверстие (поскольку это подвеска) вполне может быть не «третьим глазом», а иметь чисто утилитарное назначение (для подвешивания?). По особенностям своего оформления подвеска из кург. 9 Черновой VIII более всего соответствует изображениям первого варианта черновской группы, найденным на плитах из этих же погребений (см. ниже). Однако сказанное не дает оснований сомневаться в окуневской принадлежности тазминской группы каменных изваяний. У всех антропоморфных изображений окуневской культуры очень много пересекающихся мотивов. Одно из первых достоверных подтверждений этого – каменная пластина (пряжка?) из могильника Уйбат V, мог. 21 (Лазаретов, 1997, табл.

[3] Во всех рисунках (1–20) приведены только наиболее характерные изображения.

XIV, *3*), на лицевой стороне которой изображен прямоугольник с парными S-образными отростками по углам, такими же, как на каменных изваяниях. Второе – изображение четырехлучевого знака на костяном гребне из погребения в Уйбатской степи (см. статью С.Б. Гультова, М.Л. Подольского, И.Н. Цыганкова в настоящем сборнике). Подобные находки являются достаточно веским аргументом против точки зрения, согласно которой каменные плиты с изображениями из погребений окуневской культуры рассматриваются только в качестве строительного материала.

Черновская группа. Представлена двумя вариантами изображений.

Первый вариант (рис. 8): без обозначенного абриса лица, с одной поперечной полосой, «уголками» около рта и тремя глазами, «вписанными» в расширяющиеся основания трех вертикально расположенных «лучей». К этому варианту относятся три плиты из могильника Черновая VIII (Вадецкая, 1980, табл. LII, *113, 116*; LIII, *123*), вероятно, упоминавшаяся выше каменная подвеска из кург. 9 и несколько каменных изваяний (L.–K., 2002, Taf. 13, *41*; 21, *61*; 24, *66*; 26, *70*; 30, *82*; 75, *197*; 106, *263*; 120, *298*). Такое же изображение происходит из могильника Верхний Аскиз I, кург. 2 (Ковалев, 1997, табл. VII, *1*). К этой же группе относится основное изображение на плите с р. Аскиз, поверх которого нанесены фигуры фантастических хищников, выполненные в декоративном стиле (Леонтьев Н., 1997, рис. 1).

Второй вариант (рис. 9–10): с обозначенным (круглым или подовальным) абрисом лица с отходящими от него парными S-образными отростками, одной или несколькими поперечными прямыми или волнистыми линиями и сложной «короной» (ладьевидной формы, в виде копьеобразных наверший или прямых линий с развилками на концах). Иногда на груди помещается один крупный четырехлучевой солярный знак. В основном изображения этого варианта представлены на каменных плитах, найденных в погребениях могильников Черновая VIII (Вадецкая, 1980, табл. LII, *114*), Верхний Аскиз I, кург. 2 (Ковалев, 1997, табл. VII, *2, 3*), Усть-Бюрь (Кызласов, 1986, рис. 112), но подобные изображения, возможно, более поздние, известны и на отдельно стоящих стелах (рис. 9, *2, 3*). Очевидно, что внутри этого варианта следует выделять две подгруппы личин – с волнистыми (рис. 10) и прямыми (рис. 9) поперечными линиями. Отдельные личины с поперечными волнистыми линиями «живут» достаточно долго – от известного изображения «божества с копьями» из Черновой VIII (рис. 10, *3*) до рисунка на каменной плите из кургана Разлив X (рис. 10, *1*).

Точных аналогов личинам черновской группы среди каменных изваяний нет, но по целому ряду элементов количество совпадений весьма значительно (L.–K., 2002, Taf. 9, *28*; 10, *31*; 20, *59*; 26, *72*; 31, *85*; и др.). То обстоятельство, что плиты с изображениями обоих вариантов найдены в составе одних и тех же могильников и даже погребений (Черновая VIII, Верхний Аскиз I, кург. 2) позволяет считать их одновременными. К более поздним изображениям этой группы, по-видимому, можно отнести изваяние с р. Нени – рис. 9, *1* (ibid., Taf. 107, *266*), на котором сначала (в верхней части) было нанесено изображение первого варианта, а ниже – второго, по ряду элементов совпадающее с изображениями лебяжинской группы.

Лебяжинская группа (рис. 11), по-видимому, представляет непосредственное развитие второго варианта изображений черновской группы (личины с обозначенным абрисом лица). В основном представлены гравировками на каменных плитах; на каменных изваяниях известно всего несколько таких изображений (ibid., Taf. 16, *50*; 20, *59*; 52, *147*; и др.); однако, в отличие от тазминской группы, это в основном рисунки на стелах, а не объемные статуарные памятники. К этой же группе можно отнести и отдельные находки миниатюрных каменных «изваяний» (ibid., Taf. 43, *122*; 54, *157*; 91, *225*), а также центральную личину в наскальной композиции на горе Ашпа – рис. 11, *5* (ibid., Abb. 17, *1*). По одной плите происходит из могильников Черновая VIII (ibid., Taf. 41, *115*) и Соленоозерная (ibid., Taf. 47, *137*). Н.В. Леонтьев определил такие рисунки как «сложнореалистические», занимающие «промежуточное положение между личинами реалистическими и сложными нереалистическими» (Леонтьев Н., 1978, с. 95).

В целом, для изображений лебяжинской группы характерна большая схематизация рисунка и как бы некоторая «скоропись» в передаче центрального антропоморфного персонажа и присущих ему атрибутов. Особенно это видно по исполнению головы хищника, переданной по тому же принципу билатерального сечения, но уже узнаваемой, главным образом при сравнении с «оригиналом», а в некоторых случаях приобретающей характер своего рода идеограммы (рис. 11, *2*). Как правило, отсутствуют или сведены до минимума роскошные головные уборы-«короны». Самостоятельное значение приобретает четырехлучевой солярный знак, который делается иногда в виде простого круга с перекрестием и помещается непосредственно под личиной (рис. 11, *1–3*). По этим, а также некоторым другим признакам, изображения лебяжинской группы типологически более поздние, чем тазминские(?) или черновские. Это соответствует предполагаемому хронологическому соотношению могильников Лебяжий и Черновая VIII, хотя существенной разницы во времени между ними, скорее всего, нет. Несколько обособленное положение занимает примыкающее к этой группе изображение из позднеокуневского кургана Разлив X (Пшеницына, Пяткин, 1993, рис. 4, *1*). Как уже говорилось, именно отсюда происходит серия изображений в стиле «тощих быков», что позволяет синхронизировать с ними наиболее поздние рисунки лебяжинской группы.

Джойская группа (рис. 12). Единственная группа изображений окуневской культуры, своеобразие которой с самого начала не вызывало сомнений ни с точки зрения техники исполнения (наскальные рисунки охрой), ни с точки зрения местонахождения (главным образом, в окраинных горно-таежных районах Минусинской котловины), ни с точки зрения особенностей иконографии. К настоящему времени крупные скопления подобных изображений известны в четырех местах: Кундусук, Усть-Туба, Джой и Арбаты. По образному выражению Н.В. Леонтьева, они названы «иконостасами» (Леонтьев Н., 1978, с. 97). Антропоморфные изображения джойской группы – все без выделенного абриса лица, с несколькими (до 10 и более) поперечными (иногда «разорванными» или образующими скобкообразные фигуры) линиями с развилками на концах, «уголками» около рта, без «третьего» глаза и других дополнительных деталей, характерных для каменных изваяний (Леонтьев, 1978, рис. 8; Шер, 1980, рис. 116, *1–7*; Кызласов, 1986, рис. 108; Дэвлет, 1997, рис. 1–2; L.–K., 2002, Abb. 6). Как правило, серии личин джойского типа встречаются совместно, нанесены на одних и тех же плоскостях без видимого порядка, часто под углом или даже перпендикулярно друг другу; среди «полных» изображений расположены сделанные таким же образом парциальные рисунки (рис. 12, *1–3, 6*). Наиболее яркий пример подобного рода композиции – Джойский навес, по которому дано название всей этой группы изображений (Дэвлет, 1997, рис. 1, 2).

Своеобразие изображений джойской группы объясняется исследователями по-разному. По Н.В. Леонтьеву, причина этого, скорее всего, хронологическая. «Личины джойской группы отражают прогрессирующий процесс упадка стиля антропоморфных изображений». Их местонахождение (в глубине горно-таежных районов) «позволяет связать время создания подобных личин с конечным этапом степной окуневской культуры» (Леонтьев Н., 1978, с. 97). М.А. Дэвлет считает, что, наряду с высказанными точками зрения о причинах своеобразия изображений джойской группы – «хронологическими или локальными различиями... возможна и другая трактовка, связанная с семантическим аспектом подхода к памятникам». Они «могли передавать раскраску лиц участников ритуального действа..., играть роль своеобразных "учебных пособий", закрепляя и передавая последующим поколениям правила ритуальной раскраски» (Дэвлет, 1997, с. 245). Последнее предположение, подкрепляемое условиями нахождения рисунков (на отдельных скальных навесах бессистемными скоплениями) представляет несомненный интерес (достаточно вспомнить знаменитые «отпечатки рук» – знаки присутствия – на сводах верхнепалеолитических пещер), хотя и не исключает остальных. Вместе с тем обращает на себя внимание, что, вопреки устоявшемуся мнению, подобные (или типологически близкие) рисунки встречаются не только в виде наскальных росписей, но – иногда – и на каменных изваяниях и стелах окуневской культуры, в основном в пределах той же предгорной зоны – рис. XII, *4, 5, 6* (L.–K., 2002, Taf. 4, *14*; 84, *215*; 113, *284*). К ним относится и уникальное каменное изваяние из улуса Бутрахта, на котором выше личины находятся многочисленные рисунки летящих (?) птиц – рис. 12, *8* (ibid., Taf. 45, *129*), что придает изображениям джойской группы какое-то особое внутреннее содержание. Назначение их может быть таким же или иным, чем в наскальных «иконостасах». С типологической точки зрения изображения джойской группы, скорее всего, более поздние по сравнению с первым вариантом черновской группы (также без обозначенного абриса лица и с «уголками» около рта).

Кок-хаинская группа (рис. 13). Каким-то образом может быть связана с изображениями джойской группы: также нет абриса лица, глаза переданы концентрическими кружками, около рта показаны «уголки», в верхней части личины находятся дугообразные линии с развилками на концах (ibid., Taf. 26, *71*; 29, *80*; 160, *250*; 113, *283*). К ним относится каменное изваяние, найденное на могильнике Кок-Хая на юге Хакасии – рис. 13, *1* (Савинов, 1997а, табл. 1), по которому дано название данной группы. Такое же изображение нанесено на одной стороне каменной плиты из Аскиза, на другой стороне которой находится плохо сохранившееся изображение фантастического хищника (?) в декоративном стиле – рис. 13, *3* (ibid., Taf. 85, 216), что, возможно, свидетельствует об их хронологической близости. Обломок плиты с подобным изображением и крупным солярным знаком, как на изображениях лебяжинской группы, происходит из позднеокуневского кургана Черновая XI (ibid., Taf. 119, *296*), что определяет верхнюю границу их бытования. Близко к ним одно из каменных изваяний, найденных И.Р. Аспелиным в Боградском районе (в настоящее время не сохранилось) (Вадецкая, 1980, табл. XLIV, *80*; L.–K., 2002, Taf. 29, *80*).

Тейская группа (рис. 14). Отдельная иконографическая группа каменных изваяний, отличающаяся от остальных изображением высоких головных уборов из трех вертикально расположенных параллельных «лучей» (L.–K., 2002, Taf. 4, *13*; 16, *48*; 40, *112*; 53, *151*; 80, *206*). Все они найдены на юге Хакасии; три – на р. Тее, в том числе обнаруженное нами в 1989 г. (Савинов, 1997а, рис. 1), что послужило основанием для названия данной группы. В одном случае плита с таким изображением была использована при сооружении ограды кургана баиновского этапа – рис. 14, *4* (Лазаретов, 1995, рис. 3, 4). Скорее всего, это локальная группа окуневских изваяний, характерная для южных районов Хакасии. Передача абриса лица округлой формы, отсутствие «третьего глаза» и одна поперечная полоса сближают их с изображениями тасхазинского стиля. На одном изваянии из Аскизского района (L.–K., 2002, Taf. 102, *253*) даже показан высокий конический головной убор. Возможно, что именно тей-

ская группа каменных изваяний является «прямым наследником» прежней тасхазинской традиции. Что касается датировки, то, скорее всего, они современны первому варианту черновской группы (с изображением трех вертикально расположенных «лучей»), оказавшему (по этому признаку) влияние на иконографические особенности тейской локальной группы каменных изваяний.

Помимо выделенных групп антропоморфных изображений существует еще несколько рисунков на каменных плитах, которые условно могут быть названы схематическими. Основу их составляют три кружка с точками посередине (условная передача глаз) и две черты, соединенные кружками на концах (рот); иногда дополнительно нанесены прямые и округлые параллельные линии, как на вышеописанных изваяниях типа Кок-Хая (L.–K., 2002, Taf. 29, *80*; 42, *119*; 53, *152*; 117, *293*). К ним относятся плита с изображением быков, один из которых выполнен в декоративном стиле из Черновой VIII (рис. 16, *1*); Черновая XI – рис. 16, *3* (основное изображение перекрыто фигурами в стиле «тощих быков»); Сухое озеро – рис. 16, 2 (без дополнительных рисунков, служило перекрытием в погребении андроновской культуры). Исходя из этого, можно предположить, что такие крайне условные изображения существовали в окуневской традиции достаточно долгое время, начиная с черновского этапа.

Выделенные группы окуневских личин с точки зрения археологической периодизации могут быть практически одновременны. Отношения между ними носят характер взаимодействия, где возможны как эволюционные, так и контактные условия развития. Изображения тазминской группы (собственно изваяния), по всей видимости, существуют на всем протяжении окуневской культуры (кроме раннего, уйбатского этапа) и имеют особое семантическое и функциональное назначение. Как правило, такие изображения связаны со святилищами и на плитах из погребений не встречаются. На черновском этапе, то есть в период расцвета окуневской культуры, вариабельность антропоморфных изображений наиболее велика: по сути дела, сюда «укладывается» большинство изображений окуневской культуры. С первым вариантом черновской группы каким-то образом (типологически или хронологически?) связаны изображения джойской группы; со вторым – лебяжинской группы (Разлив X). В изображениях кок-хаинской группы, возможно, одной из наиболее поздних, видно сохранение признаков изображений джойской группы. Изображения тейской группы представляют собой локальный (южный) вариант и, скорее всего современны первому варианту черновской группы. При этом ни одну из выделенных групп нельзя рассматривать изолированно, так как отдельные из характеризующих их особенностей встречаются в изображениях других, «соседних» групп, как бы цементируя весь пласт антропоморфных изображений в рамках единой, хотя и очень разветвленной, изобразительной традиции.

3. О генезисе образа фантастического хищника

Особую группу изображений окуневского искусства представляют так называемые фантастические хищники, то есть существа, наделенные чертами различных животных, а также различными дополнительными атрибутами, сочетание которых, несмотря на вариабельность отдельных изображений, довольно устойчиво. По словам С.В. Студзицкой, наиболее подробно рассмотревшей этот персонаж (Студзицкая, 1997), «обобщенный образ фантастического зверя с оскаленной пастью, высунутым языком и торчащими зубами не только занимает одно из центральных мест в окуневском искусстве, но и является его своеобразной «визитной карточкой». Распространен он был чрезвычайно широко и представлен многообразием форм: известны его скульптурные изображения; составной частью он входит в композиции некоторых изваяний; рисунки хищника выгравированы на плитах, найденных в погребениях, выбиты и нарисованы на скалах (там же, с. 251). Такая распространенность предполагает, что наблюдения за трансформацией данного образа могут оказаться весьма существенными, если не решающими, при рассмотрении формирования окуневской изобразительной традиции в целом.

Наиболее ранний пласт подобного рода изображений, несомненно, связан с образом медведя, чаще всего представленного вполне реалистически, в сочетании с солярным знаком (Шалаболинская писаница, Кантегир I, Суханиха и др.). Подробный анализ этих изображений дан в работах Н.В. Леонтьева, Б.Н. Пяткина и А.И. Мартынова, С.В. Студзицкой (Леонтьев Н., 1978, с. 113–115; Пяткин, Мартынов, 1985, с. 124–128; Студзицкая, 1997, с. 251–253). По мнению этих исследователей, в основе данных изображений лежит миф о «космической погоне», имевший в древности чрезвычайно широкое распространение (Дэвлет Е., Дэвлет М., 2005, с. 116–123). Подобные изображения лишены каких-либо признаков антропоморфности и в стадиальном плане могут быть соотнесены с рисунками ангарского стиля, знаменующего ранний, в своей основе – неолитический, пласт в формировании окуневской изобразительной традиции.

Первое из известных нам зооантропоморфных изображений этого цикла – наскальный рисунок на г. Пора-Тигей, данные о котором были опубликованы В.Ф. Капелько, отметившим, что «на этой писанице... прослеживаются три слоя изображений, что позволяет проследить порядок нанесения рисунков на плоскость» (Капелько, 1987, с. 79). Писаница на г. Пора-Тигей в обобщенном виде опубликована на задней стороне обложки книги Л.Р. Кызласова «Древнейшая Хакасия» (Кызласов, 1986), где достаточно отчетливо видны отмеченные В.Ф. Капелько «слои»: один, более ранний –

личины тасхазинского типа и фигуры фантастических хищников; другой – перекрывающие их рисунки «тучных» быков типа Черновой VIII, что соответствует установленной в настоящее время периодизации окуневской культуры.

Одно из изображений фантастических хищников с г. Пора-Тигей представляет собой уже упоминавшееся выше зооантропоморфное существо с круглой расположенной анфас личиной, выполненной в тасхазинском стиле (Леонтьев Н., 1997, рис. 18; Студзицкая, 1997, рис. 2); другое – незаконченное(?) – фигура волкоподобного существа с крупной головой и длинным высунутым раздвоенным на конце языком (рис. 17, *1*). Такая же крупная голова волкообразного хищника с медвежьими ушами представлена на одной из плит могильника Тас Хазаа – рис. 17, *2* (см. статью А.Н. Липского и Э.Б. Вадецкой в настоящем сборнике, табл. XXI). По некоторым признакам близко к ним изображение идущего зооантропоморфа, также с длинным высунутым «змеиным» языком, на писанице из улуса Сулекова, рядом с которым сохранилась часть изображения лося, выполненного в ангарской традиции – рис. 17, 3 (Леонтьев Н., 1978, рис. 14). В одном случае подобное изображение выполнено в виде круглой скульптуры (рис. 17, *4*). Приведенные примеры (Пора-Тигей, Тас Хазаа, улус Сулекова) демонстрируют одну линию развития изображений фантастического хищника, сочетающихся с рисунками ангарского и тасхазинского стилей. Условно назовем эту группу *пора-тигейской* (рис. 17). Образ действительно фантастического хищника, полностью оторвавшегося от реальности, здесь еще не сложился. Возможно, самым поздним в этом ряду можно считать рисунок хищника с волчьей пастью, медвежьими ушами и длинным «полосатым» языком из могильника Верхний Аскиз I, кург. 2 (Ковалев, 1997, табл. IX, *1*).

Другую линию развития представляют профильные изображения «присевших» зооантропоморфных фигур. Наиболее показательное и, повидимому, одно из наиболее ранних из них – изображение на плите из тагарского кургана на р. Черновой – рис. XVII, *4* (Черновая IX), использованной в качестве покрытия каменного ящика (Вадецкая, 1980, табл. LII, *120*; L.–K., 2002, Taf. 42, *120*). Это загадочное зооантропоморфное существо с изогнутым туловищем и «тюленеобразной» головой как будто скопировано с одной статуэтки из Базаихи – рис. 17, *7* (Окладников, 1957, рис. 12, *8*), хотя окуневцы, изобразив длинный хвост и изогнутую переднюю лапу, хотели придать ему ореол фантастического зверя. Здесь же позднее были нанесены три фигуры в стиле «тощих быков» (L.–K., 2002, Taf. 42, *120*). Точных аналогов этому изображению нет, но именно изогнутая полуприсевшая профильная фигура послужила основой для многочисленных вариаций изображений фантастического хищника, дополненных рядом выразительных и семантически значимых деталей (ibid., Taf. 34, *98*; 77, *200*). По нескольким характерным изображениям из южных районов Хакасии можно назвать эту группу *аскизской* (рис. 18–19).

С точки зрения особенностей иконографии, данная группа может быть разделена на два варианта – профильные зооантропоморфные изображения: 1) одноногих и 2) двуногих фигур. Большинство одноногих фигур, продолжающих традицию «пятнистого» зверя из Черновой IX, ориентированы направо. К ним относится и уникальная красочная композиция из двух противопоставленных одноногих фигур на плите из могильника Верх. Аскиз I, кург. 2 – рис. 18, *5* (Ковалев, 1997, табл. VIII). Большинство двуногих «присевших» фигур, возможно, типологически более поздних, ориентированы налево (L.–K., 2002, Taf. 45, *128*; 50, *141*; 102, *254*), что, по-видимому, отражает и какие-то изменения в содержании данного образа. К подобного рода изображениям, очевидно, следует отнести и известную фигуру «сидящего» хищника из Черемушного Лога – рис. 19, *3* (Шер, 1980, рис. 94). Как правило, рисунки двуногих «присевших» хищников отличаются наибольшим количеством дополнительных деталей, соответствующих другим изображениям, принадлежность которых к «классическому» (черновскому) этапу сомнения не вызывает.

Образ стоящего (или идущего) фантастического хищника с длинным высунутым языком, «перекрывающий» в изобразительном (но не содержательном?) плане «местный» образ медведя, скорее всего, имеет западное происхождение (подробнее об этом см.: Савинов, 1998) и затем «доживает» до эпохи поздней бронзы и раннескифского времени (см. статью К. В. Чугунова, А. Наглера и Г. Парцингера в настоящем сборнике, рис. 10, 11). Наиболее раннее изображение подобного рода (середина II тыс. до н.э.) известно в Средней Азии на стеатитовых печатях-амулетах мургабского стиля из Маргианы (Савинов, 1998, рис. 2, *6*). Вместе с этим образом в окуневское искусство, очевидно, входят четырехлучевые солярные знаки; представленные пока единичными находками геральдические композиции (Верх. Аскиз I, кург. 2) и сцены терзания (или заглатывания) головы копытного животного (Черновая VIII, кург. 8); возможно, «третий глаз» и синкретические персонажи тазминской группы каменных изваяний. То есть именно то, что отличает изображения черновского этапа от более ранних уйбатских (или тасхазинских). Вероятно, все эти изобразительные элементы следует рассматривать в одном потоке западных инноваций, сыгравших решающую роль в дальнейшем развитии окуневской изобразительной традиции.

При переходе от уйбатского этапа к черновскому происходит контаминация всех исходных иконографических компонентов и складывается «классический» образ окуневского хищника, наиболее ярко представленный тремя изображениями: фигура «зверя-божества» из Черновой VIII (Вадецкая, 1965, рис. 1); изображения на плитах из мо-

гильников Есино IX (Савинов, Подольский, 1995, рис. 1; см. также рисунок на обложке настоящего сборника) и Бырканово (Курочкин, 1995, рис. 1). Эту небольшую, но самую выразительную группу изображений можно назвать *классической* (рис. 20). Внешне как будто очень похожие, они отличаются по ряду признаков, отражающих различные истоки формирования данного образа. Фигура шагающего «зверя-божества» из Черновой VIII выполнена по схеме (две ноги, соединенные в одной «точке»), характерной, как уже говорилось, для ангарского стиля (рис. 20, *1*). Морда и уши у него типично медвежьи, явно наследованные от «местной» изобразительной традиции. Данное изображение нанесено на плите вместе с личиной первого варианта черновской группы антропоморфных изображений и, по всей видимости, современно ей. В ангарской традиции выполнена и фигура «шагающего» хищника из открытого А.В. Адриановым местонахождения на г. Тюря, на что уже обратил внимание Н.Л. Подольский (Подольский Н., 1973, рис. 8).

Поза фантастического хищника из Есино IX скорее всего продолжает традицию «присевших» фигур (при том условии, что все они могут быть относительно одновременны). Новыми элементами здесь являются изображения длинных изогнутых рогов и двупалых передних конечностей, отражающие еще более синкретический характер данного персонажа (рис. 20, *2*). Изображение на плите из Быркановa – самое насыщенное дополнительными атрибутами (личина на крупе; хвост и язык, переданные в виде древовидных разветвляющихся побегов; рога с подвешенными к ним «колокольчиками»), по-видимому, может относится к несколько более позднему времени (рис. 20, *3*). Никаких традиционных элементов (ангарского стиля и пр.) здесь уже не наблюдается. Об этом также свидетельствуют манера передачи задних ног, близкая к стилю «тощих быков», и расположенная рядом личина, более всего соответствующая лебяжинской группе антропоморфных изображений. Таким образом, как будто прослеживаются две линии генезиса образа фантастического хищника: одна из них связана своими истоками с изображениями медведя в местной традиции и «наследием» ангарского стиля (Черновая VIII, Верх. Аскиз I, кург. 2, гора Тюря и др.); другая – с последовательной трансформацией одноногих, а затем двуногих зооантропоморфных «присевших» фигур (Черновая IX, Черемушный Лог, Есино IX и др.).

Особое место занимают изображения «чудовищ» на плите с р. Аскиз, выполненные в декоративном стиле (Леонтьев Н., 1997, рис. 1). По некоторым признакам (фас-профильное изображение головы, условная передача костей таза) они совпадают с быркановским хищником, но отличаются излишне грузными пропорциями туловища (рис. III, *4*). Возможно, это объясняется тем, что их прототипом могли послужить изображения быков в декоративном стиле, для которых такая передача туловища была наиболее характерна. Фигура верхнего из аскизских «чудовищ» перекрывает личину первого варианта черновской группы антропоморфных изображений, что уже рассматривалось выше как свидетельство включения инородных изображений декоративного стиля в окуневскую изобразительную традицию.

На определенном этапе (тазминская группа изваяний) появляются парциальные (парные) изображения голов фантастических хищников, переданные по принципу билатерального сечения – рис. 7, *1*, 7; 10, *1*, *4*; 11, *2* (L.–K., 2002, Taf. 36, *103*; 40, *111*; Кызласов, 1986, рис. 139; и др.). На плитах из Черновой VIII они неизвестны, но в очень схематическом виде представлены на плитах из могильника Лебяжий (L.–K., 2002, Taf. 65, *181*, *182*). С тазминской, более реалистической группой подобных изображений связана голова хищника на плите из Разлива X, также переданная по принципу билатерального сечения: его язык и когтистые лапы слились в нечто единое, держащее крест (Пшеницына, Пяткин, 1993, рис. 4, *1*). Данное изображение, судя по всему, современно найденным здесь же, в том числе и на другой стороне этой плиты (там же, рис. 4, *2*) изображениям в стиле «тощих быков», завершающим, на наш взгляд, развитие окуневской изобразительной традиции.

Заключение

Проведенный выборочный анализ значительной части известных в настоящее время изображений окуневской культуры позволяет сделать следующие выводы.

1. Феномен окуневского искусства заключается, в первую очередь, в необычном сочетании сравнительно небольшого количества канонизированных образов и чрезвычайной пластичности их изобразительного воплощения. На каждом этапе сосуществуют различные стили и иконографические группы изображений, включающие как традиционные, воспринятые от предшествующей традиции, так и инновационные элементы, которые, адаптируясь в местной среде, также становятся традиционными.

2. Наиболее ощутимые трансформации происходят в начале сложения окуневской культуры и при переходе от уйбатского этапа к черновскому. При этом искусство уйбатского этапа в большей степени связано с местным субстратом (тасхазинский стиль, ангарский стиль, пора-тигейская группа); а искусство черновского этапа – с инновациями (два варианта черновской группы, тазминская группа памятников и др.).

3. Дальнейшее развитие сложившегося на черновском этапе окуневского искусства носило уже более плавный, эволюционный характер. При этом ничего не пропадало и не возникало вновь, переходя в виде устойчивых элементов из одной группы изображений в другую, с течением времени трансформируясь, но сохраняя свою семантическую нагруз-

ку. Один и тот же образ представлялся в различных иконографических вариантах и имел свои специфические особенности в зависимости от назначения данного изображения – на каменных изваяниях, устанавливаемых в древних святилищах или на плитах из погребений.

4. В качестве органических включений в окуневскую (черновскую) изобразительную традицию можно рассматривать изображения в декоративном стиле (вероятно, более ранние) и изображения в стиле «тощих быков» (скорее всего, более поздние). Изображения в стиле «абаканских пластинок» представляют особую категорию произведений окуневского искусства и имеют свои «эквиваленты» в статуарных памятниках (Усть-Есинская Кыс-Таш и Ар-Хая); никакого отношения к начальному этапу генезиса окуневских изваяний они не имеют. Все это не противоречит выделенным ранее аспектам формирования окуневской изобразительной традиции (Савинов, 1997б), а может рассматриваться как их дальнейшая конкретизация и обоснование.

5. Совершенно правильно сформулированный Я.А. Шером тезис о «неоднородности окуневских стел» (Шер, 1980, с. 219) отнюдь не означает, что они должны относиться к разным археологическим культурам и эпохам. Окуневское искусство едино и цельно во всем многообразии своих проявлений, как, очевидно, и стоящая за ним мифология (или несколько взаимодействующих мифологем), определявших в целом мировоззрение и ритуальную практику населения окуневской культуры.

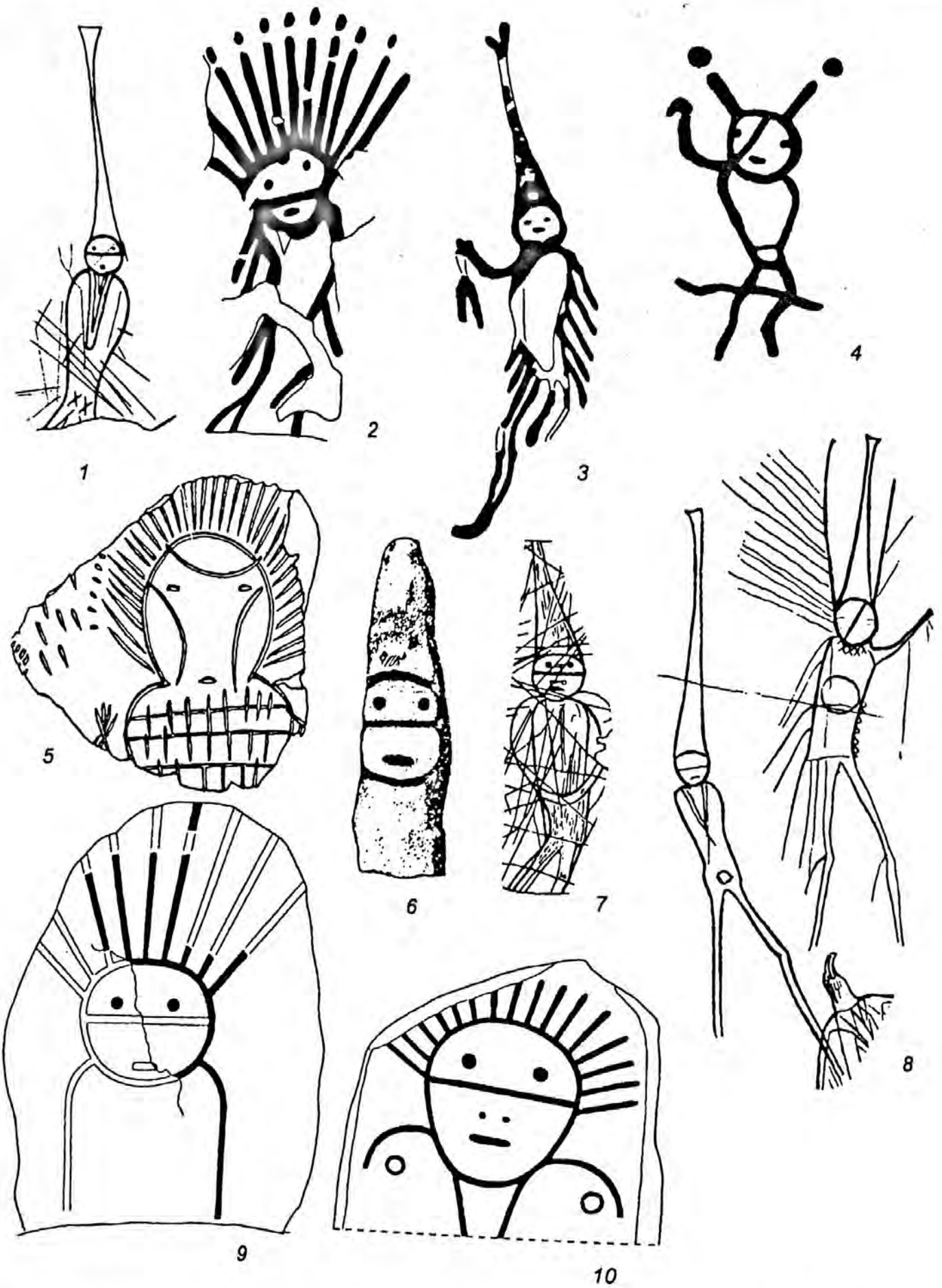

Рис. 1 Изображения тасхазинского стиля. *1, 7, 8* – Тас Хазаа (по А.Н. Липскому и Э.Б. Вадецкой; см. статью в настоящем сборнике); *2, 3* – Кантегир (по Н.В. Леонтьеву); *4* – Усть-Туба (по Я.А. Шеру); *5* – ст. Аскиз (по Е.Д. Паульсу); *6* – Уйбат III (по И.П. Лазаретову); *9* – улус Чарков, *10* – оз. Шира (по Э.Б. Вадецкой). *1, 7, 8* – гравировки; *2–4* – наскальные изображения, охра; *5* – рисунок на керамике; *6, 9, 10* – каменные изваяния

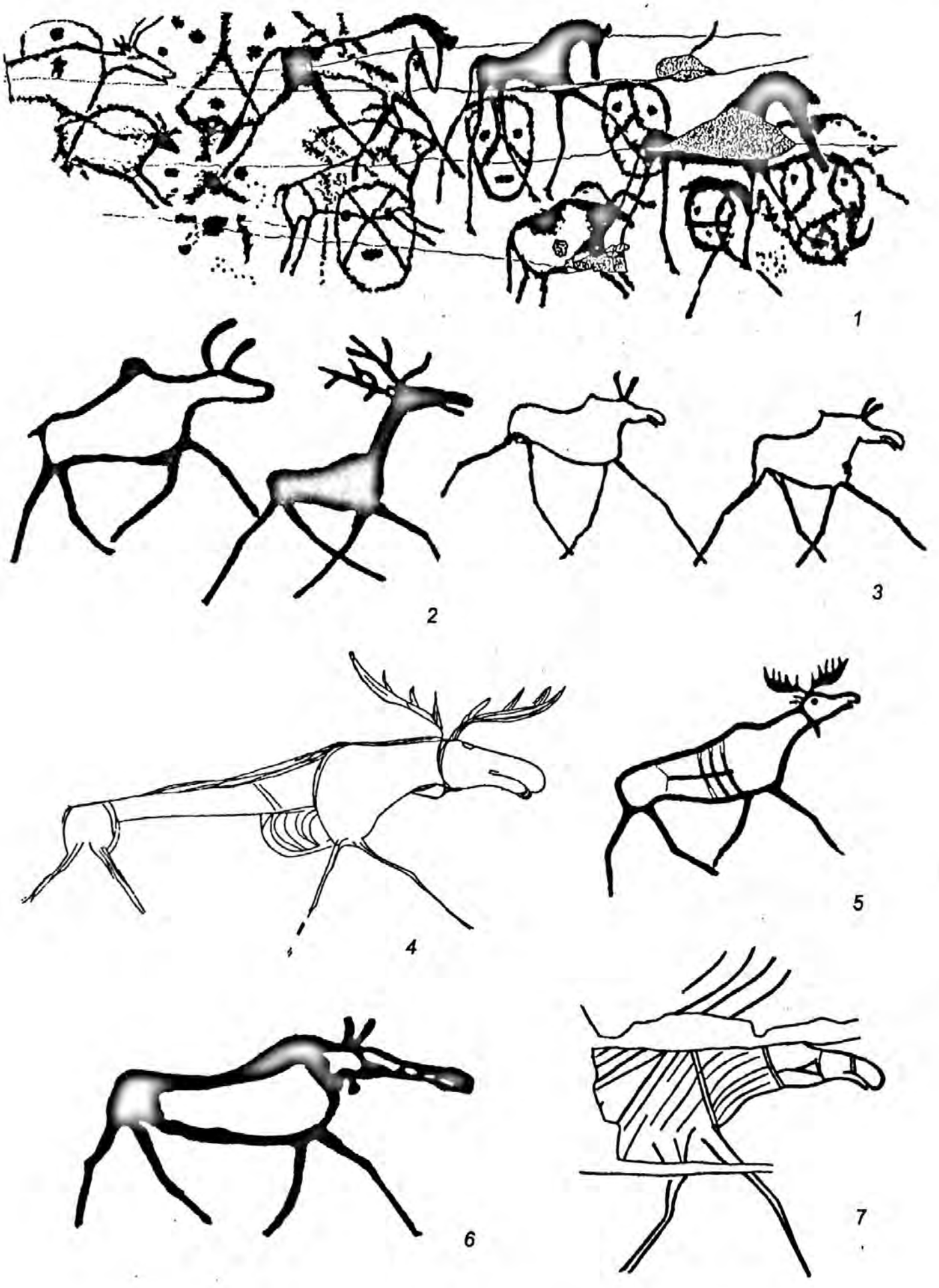

Рис. 2 Изображения ангарского стиля. *1* – Ызырых-Тас («Пьяный камень»), *2, 3* – Суханиха, Большой фриз (по Е.А. Миклашевич; см. статью в наст. сборнике); *4* – Верхний Аскиз I, кург. 1 (по С.В. Хаврину); *5* – улус Сартыгой (по Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько); *7* – Сулеек (по Н.В. Леонтьеву); *6* – Каракол – Горный Алтай; остальное – Минусинская котловина

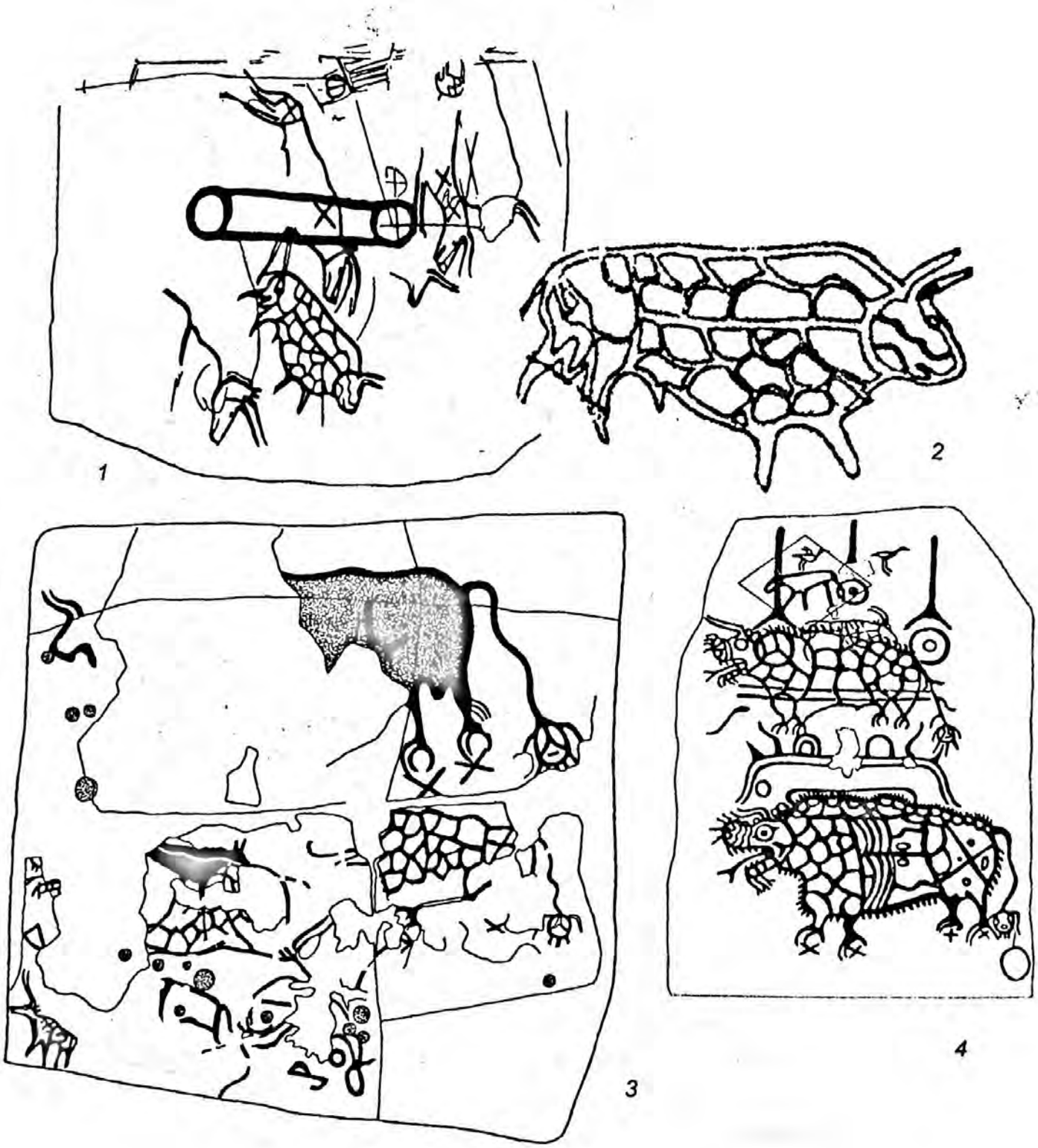

Рис. 3 Изображения декоративного стиля.
1, 2 – Черновая VIII (по Э.Б. Вадецкой); *3, 4* – р. Аскиз (по Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько)

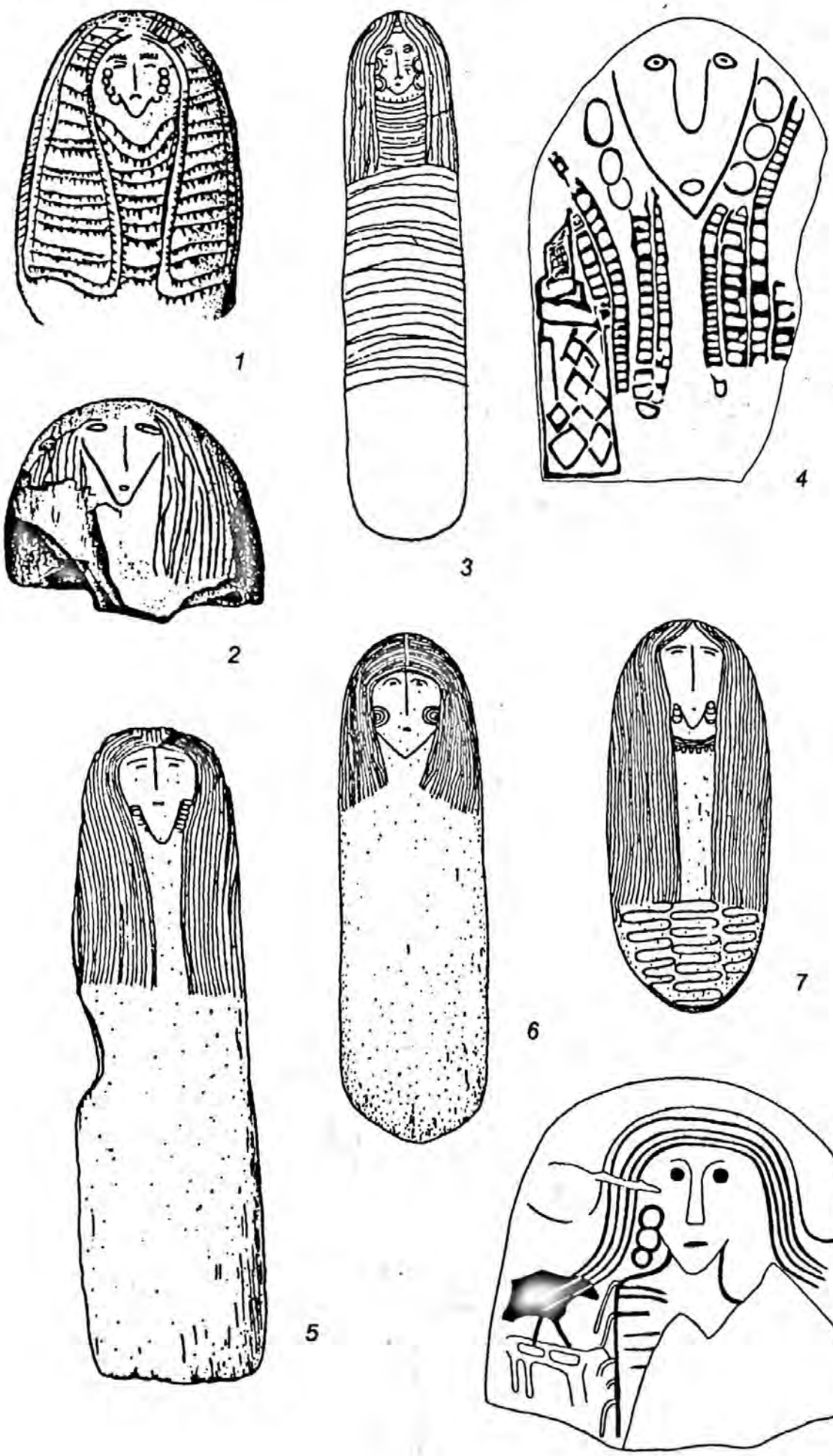

Рис. 4 Изображения в стиле «абаканских пластинок». *1, 2* – Черновая XI (по С.Н. Леонтьеву); *3* – Чебаки (по А.И. Готлибу); *4* – Ар-Хая (по Д.Г. Савинову); *5* – Уйбат V (по И.П. Лазаретову); *6* – Верх. Аскиз I, кург. 1 (по С.В. Хаврину); *7* – Верх. Аскиз I, кург. 2 (по А.А. Ковалеву); *8* – Усть-Есинская Кыс-таш (по Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько). *1–3, 5–7* – кость; *4, 8* – камень

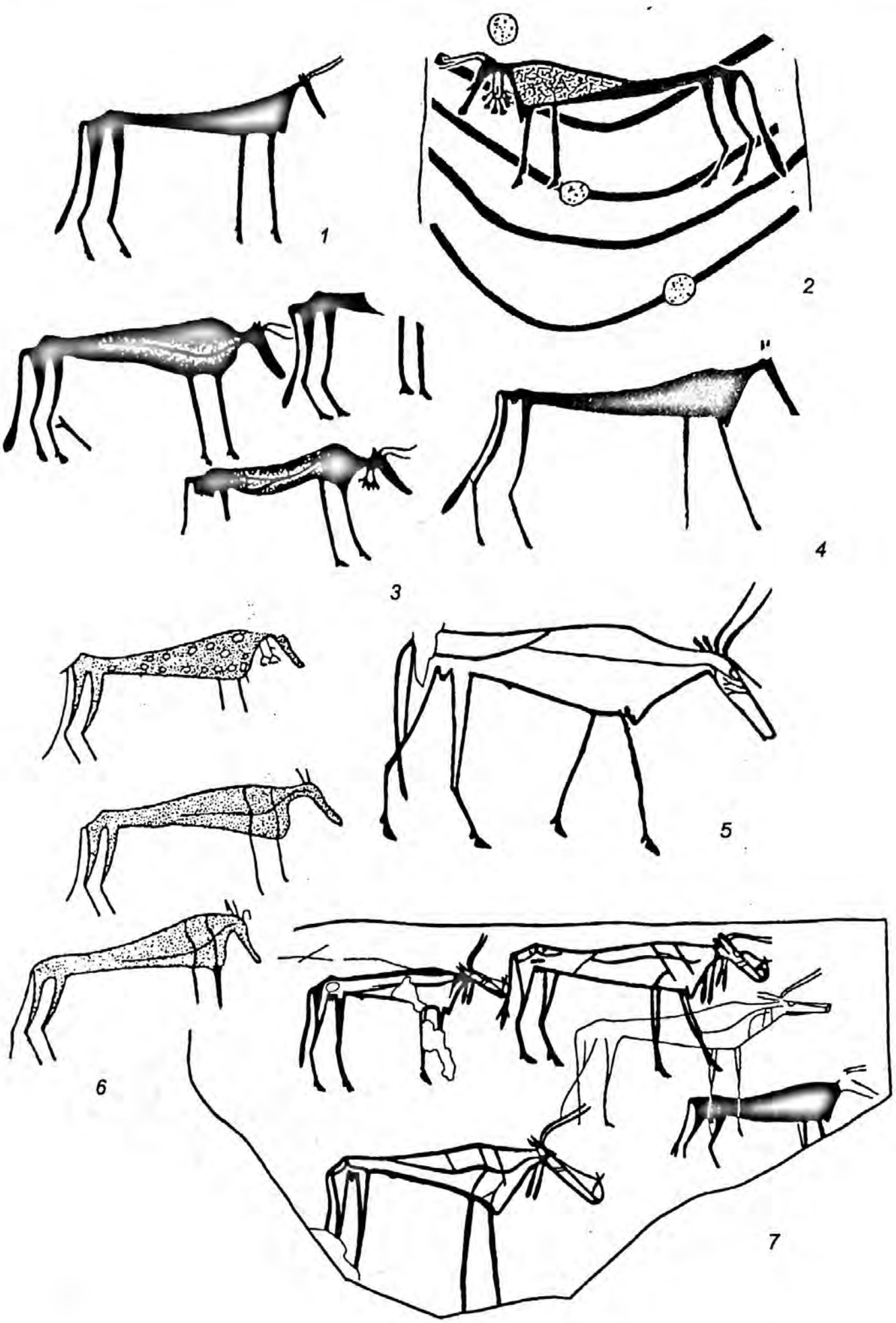

Рис. 5 Изображения в стиле «тощих быков». *1* – Бырганов V (по И. П. Лазаретову); *2* – Уйбат-Хулган (по Л. Р. Кызласову); *3* – чаатас Кызлас, *4* – р. Аскиз (по Н. В. Леонтьеву и В. Ф. Капелько); *5, 7* – Разлив X (по М. Н. Пшеницыной и Б. Н. Пяткину); *6* – оз. Беле (по Э. Р. Рыгдылону)

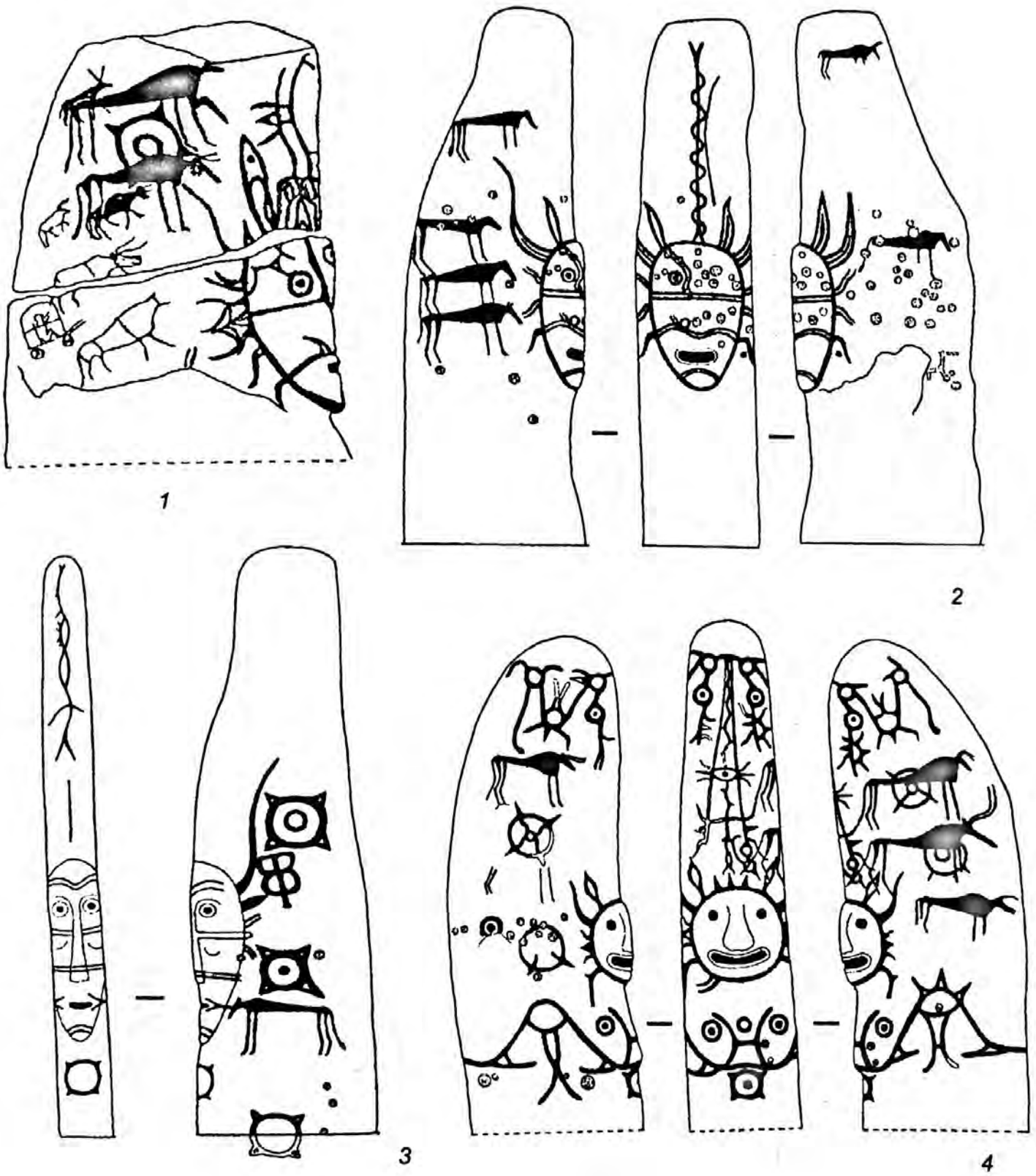

Рис. 6 Изображения в стиле «тощих быков» на изваяниях тазминской группы.
1 – Знаменка (по Б.Н. Пяткину и Е.А. Миклашевич); *2* – оз. Черное, *3* – Усть-Есь, *4* – Троицкое (по Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько)

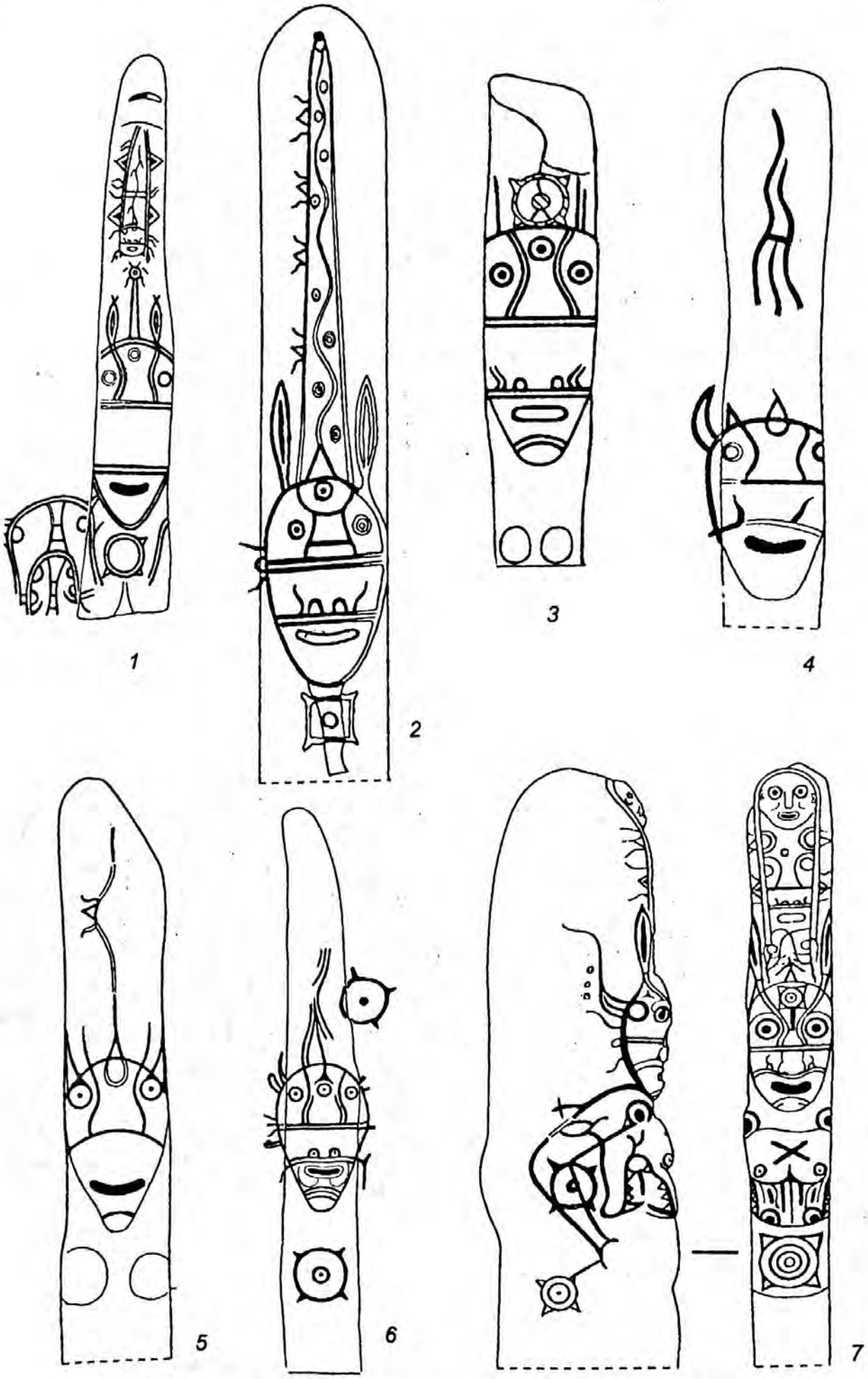

Рис. 7 Тазминская группа изваяний. *1* – чаатас Усть-Бюрь, *2* – Курган Тигей, *3* – Усть-Есь, *4* – Усть-Бюрь, *5* – Ербинское, *6* – Чалхыс-оба, *7* – оз. Шира (по Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько)

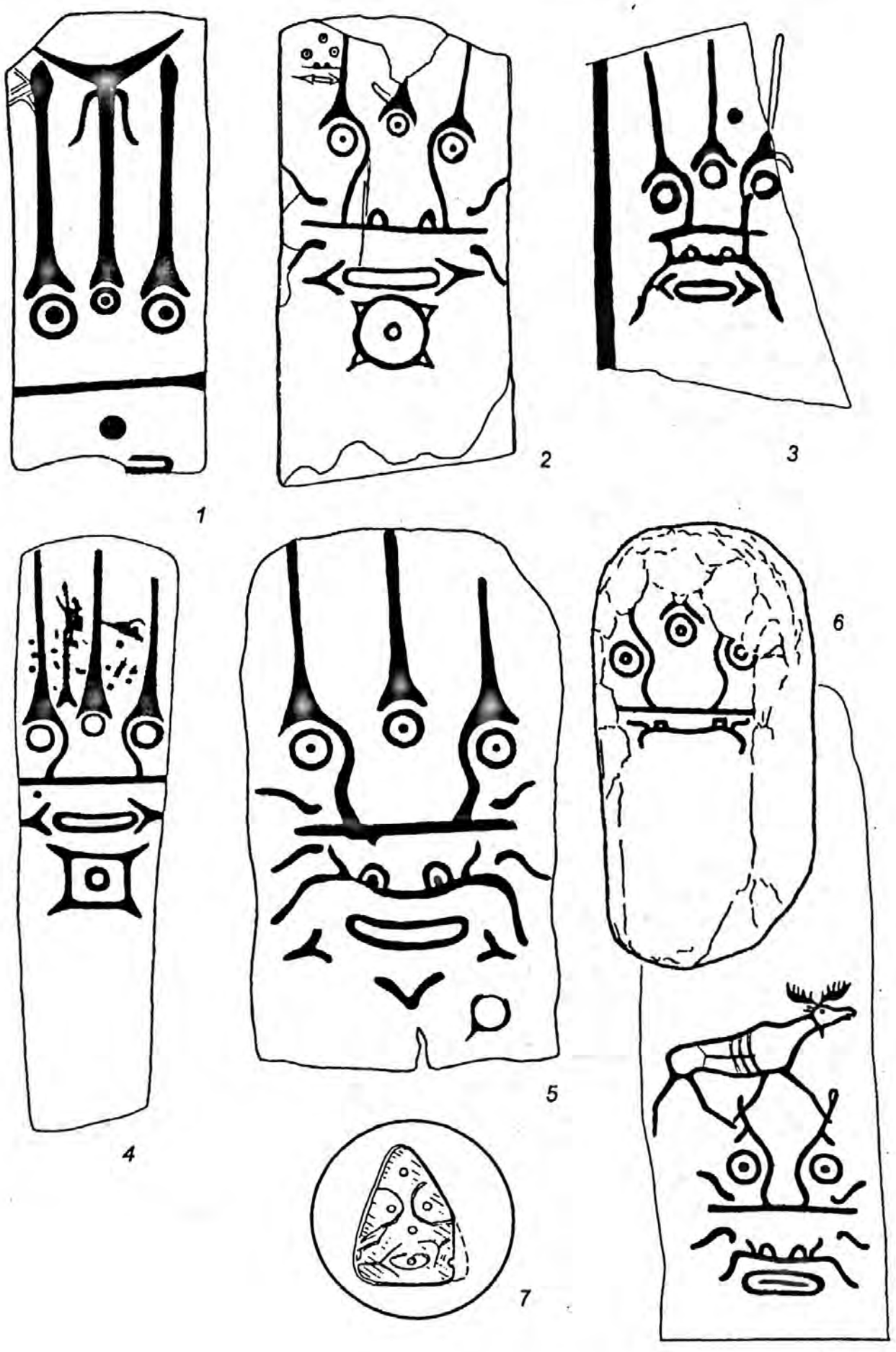

Рис. 8 Черновская группа изображений. Первый вариант. *1–3, 7* – Черновая VIII (по Э.Б. Вадецкой); *4* – правый берег р. Абакан (по Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько); *5* – Верхний Аскиз I, кург. 2 (по А.А. Ковалеву); *6* – Тустух-Кол (по Ю.С. Худякову); *8* – улус Сартыгой (по Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько). *1–5* – изображения на плитах; *6, 8* – каменные изваяния; *7* – подвеска

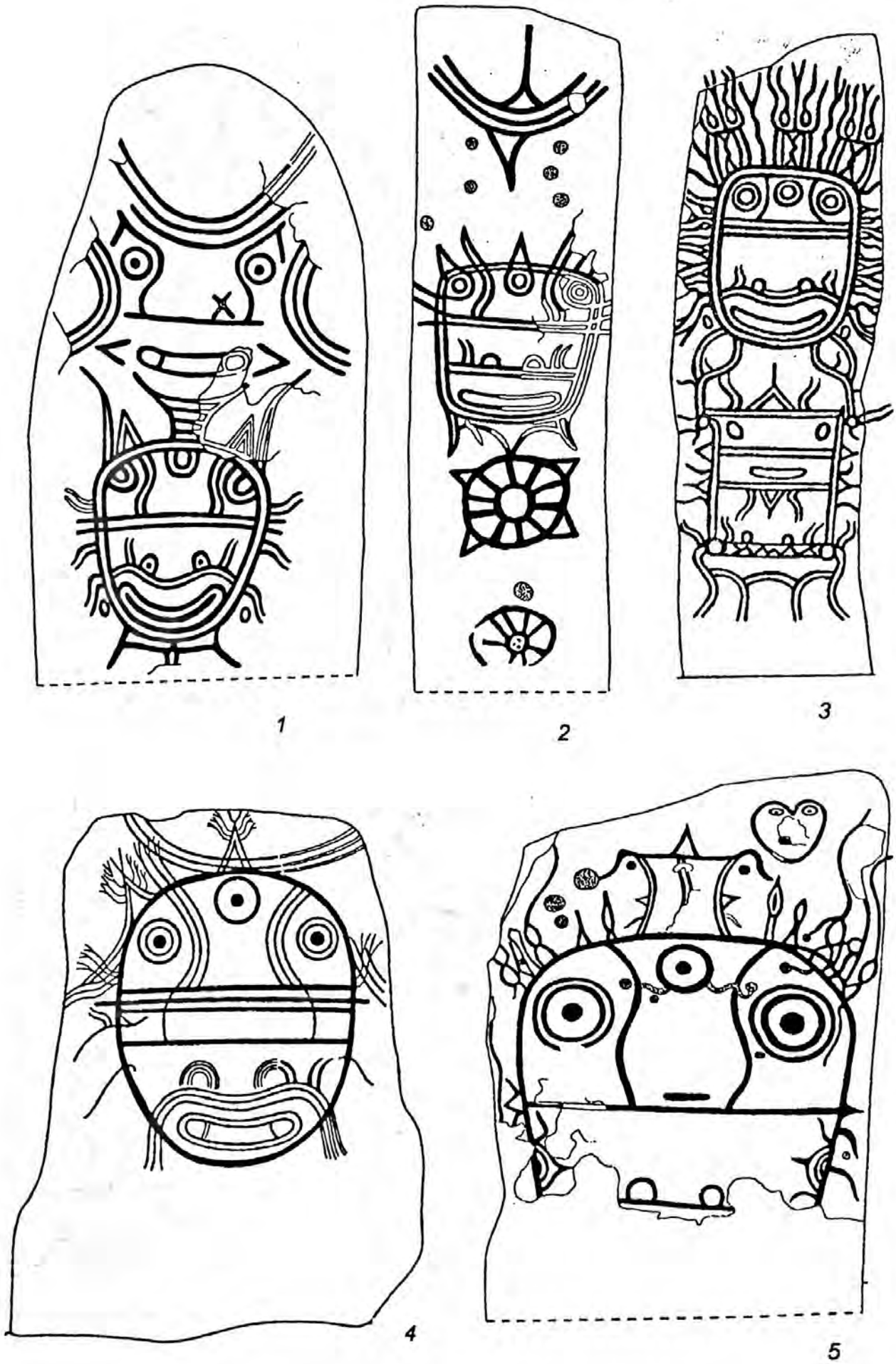

Рис. 9 Черновская группа изображений. Второй вариант.
1 – Усть-Абакан (по Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько); *2* – Арбан II (по Д.Г. Савинову); *3* – улус Тазмина; *4* – р. Черновая, *5* – оз. Шира (по Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько)

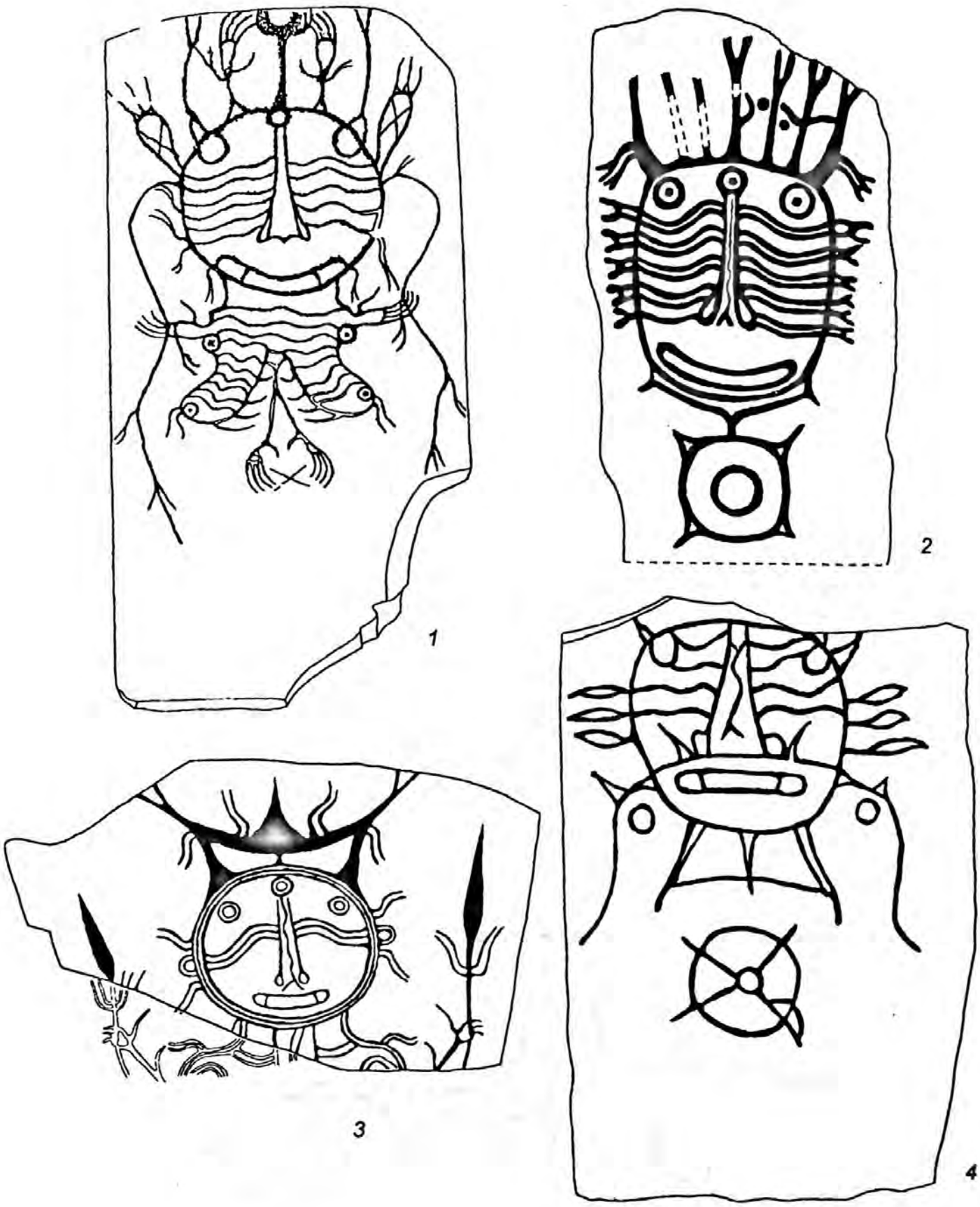

Рис. 10 Антропоморфные изображения с поперечными волнистыми линиями.
1 – Разлив X (по М.Н. Пшеницыной и Б.Н. Пяткину); *2* – Верх. Аскиз I, кург. 2 (по А.А. Ковалеву); *3* – Черновая VIII (по Э.Б. Вадецкой); *4* – Лебяжье (по Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько)

Рис. 11 Лебяжинская группа изображений. *1* – Черновая VIII (по Э.Б. Вадецкой); *2, 4* – Лебяжье, *3* – Соленоозерное, *5* – г. Ашпа (по Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько). *1–4* – рисунки на каменных плитах; *5* – наскальное изображение

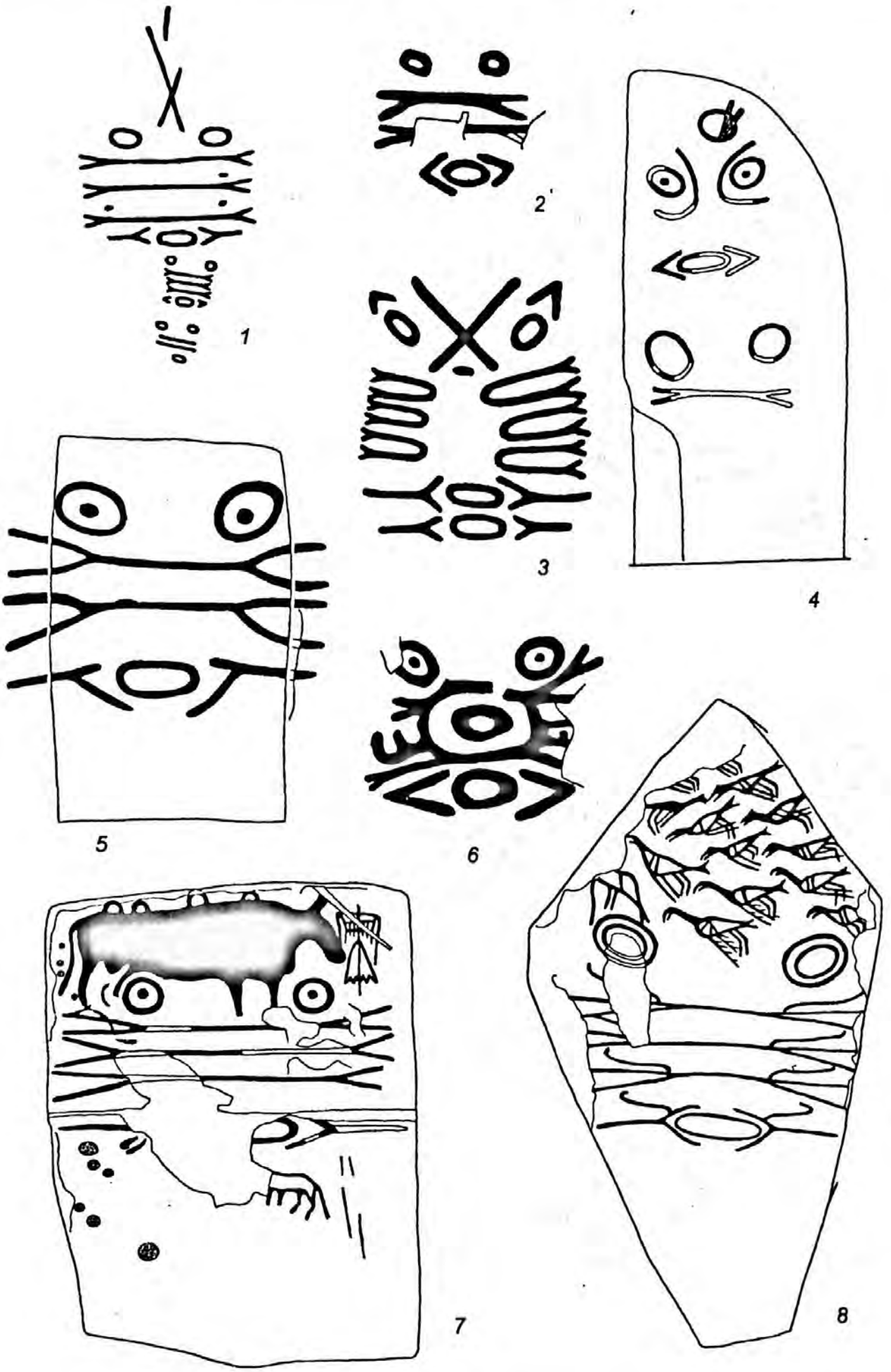

Рис. 12 Джойская группа изображений. *1, 3* – Кундусук, *2* – Арбаты, *4* – Аскиз, *5* – База, *6* – Усть-Туба, *7* – Аскиз, *8* – Бутрахта (по Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько). *1–3, 6* – наскальные изображения, охра; *4, 5, 7, 8* – изваяния

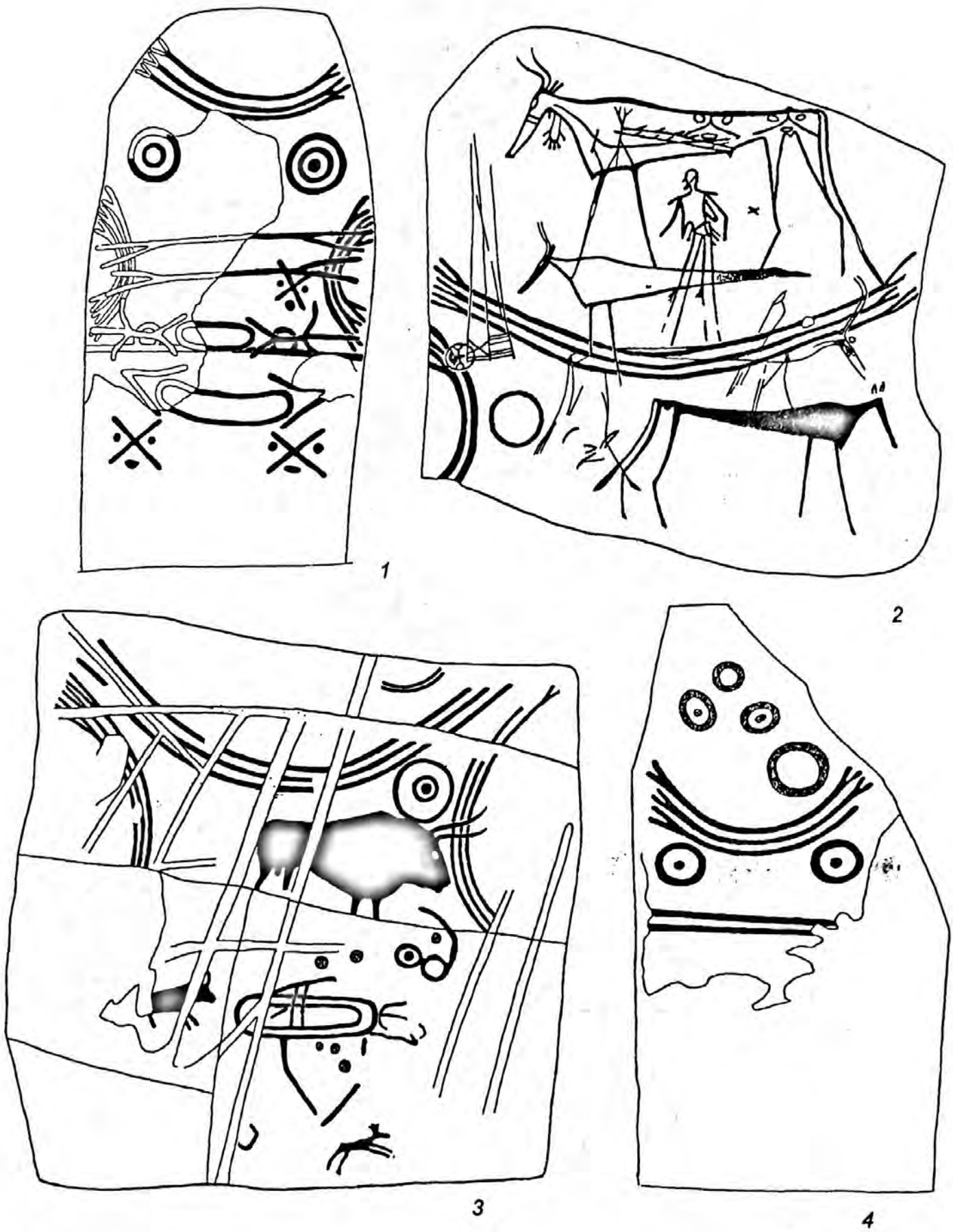

Рис. 13 Кок-Хаинская группа изображений.
1 – Кок-Хая (по Д.Г. Савинову); *2*, *3* – Аскиз,
4 – Бейка (по Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько)

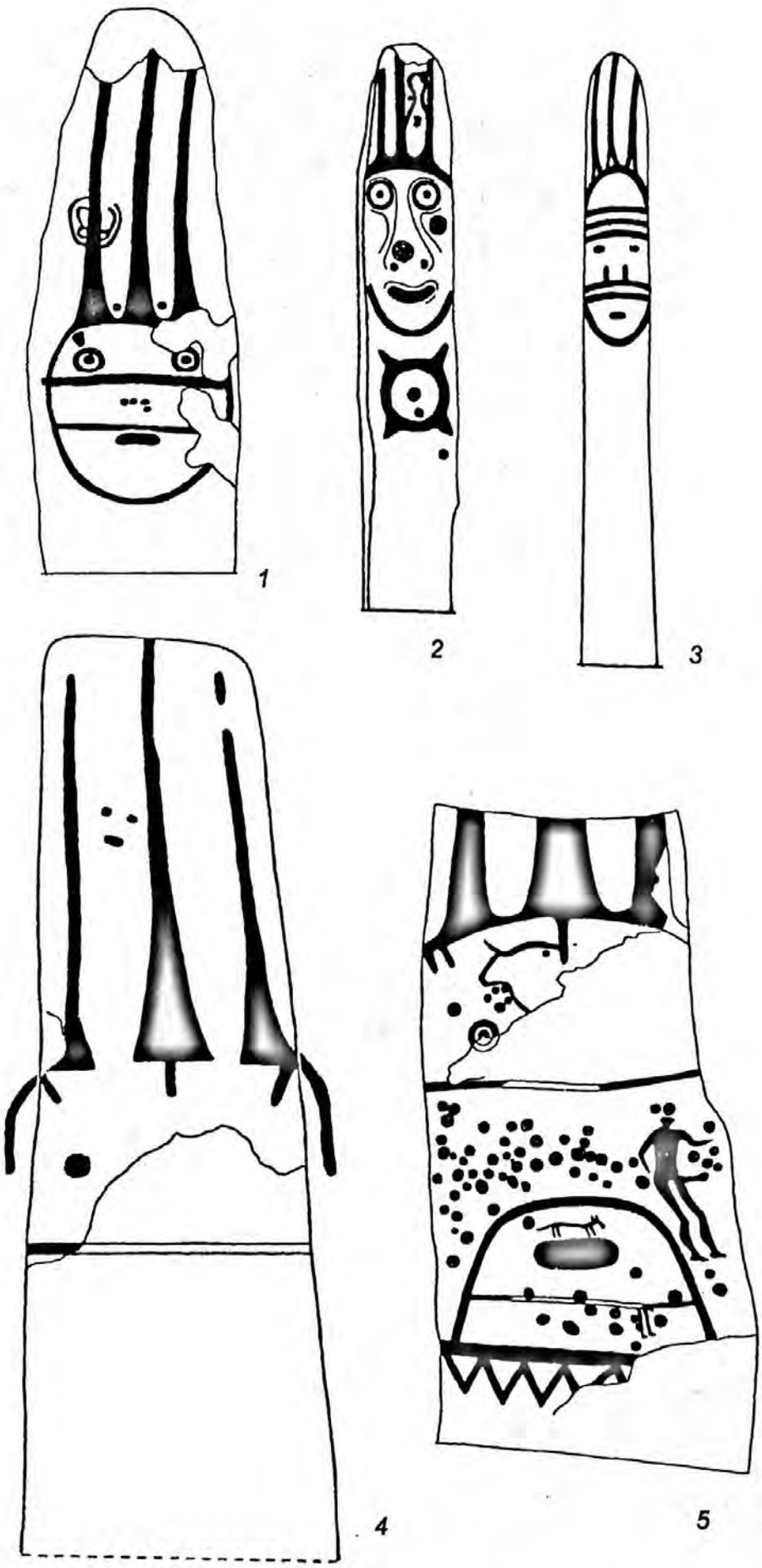

Рис. 14 Тейская руппа изображений.
1 – Таштык; *2* – Уйбат; *3* – Немир (по Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько);
4 – Быргано в V (по И.П. Лазаретову); *5* – р. Тея (по Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько)

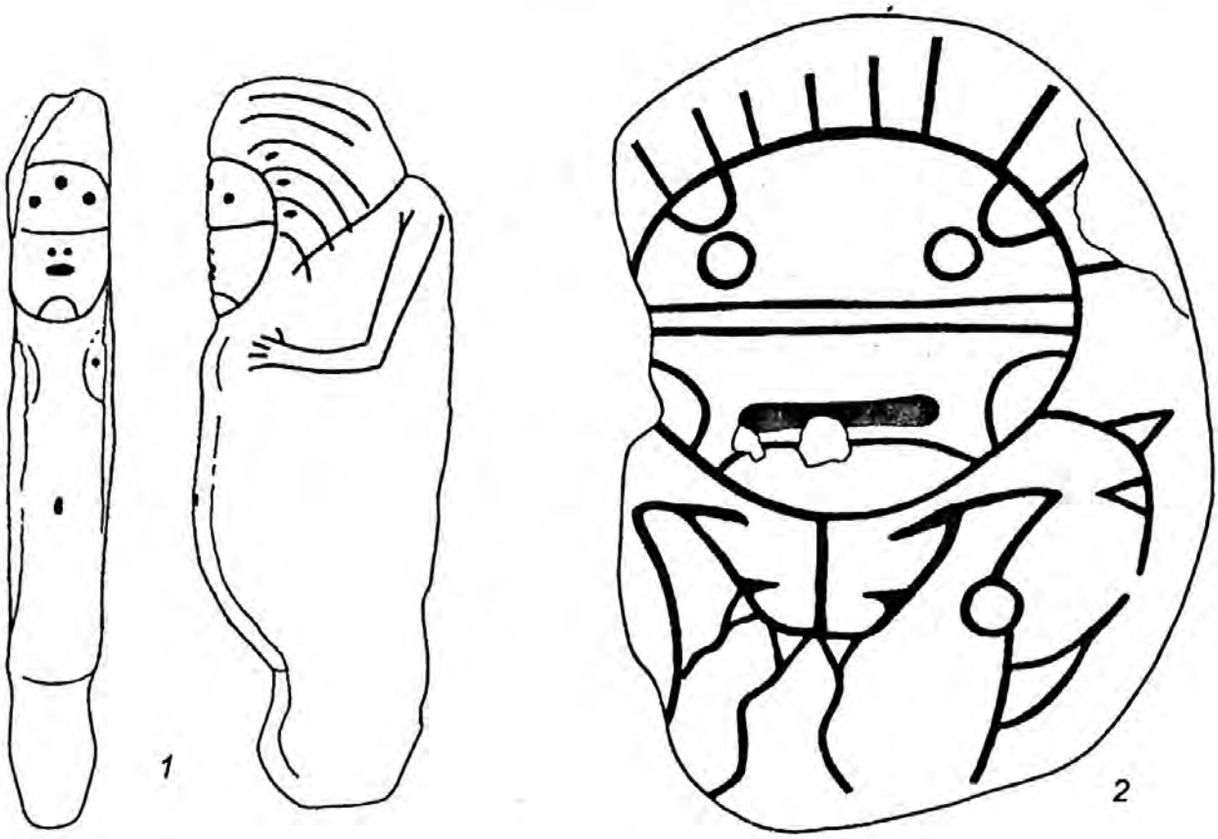

Рис. 15 Реминестенции тас-хазинского стиля. *1* – улус Чарков (по М.П. Грязнову); *2* – Тибик (по Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько)

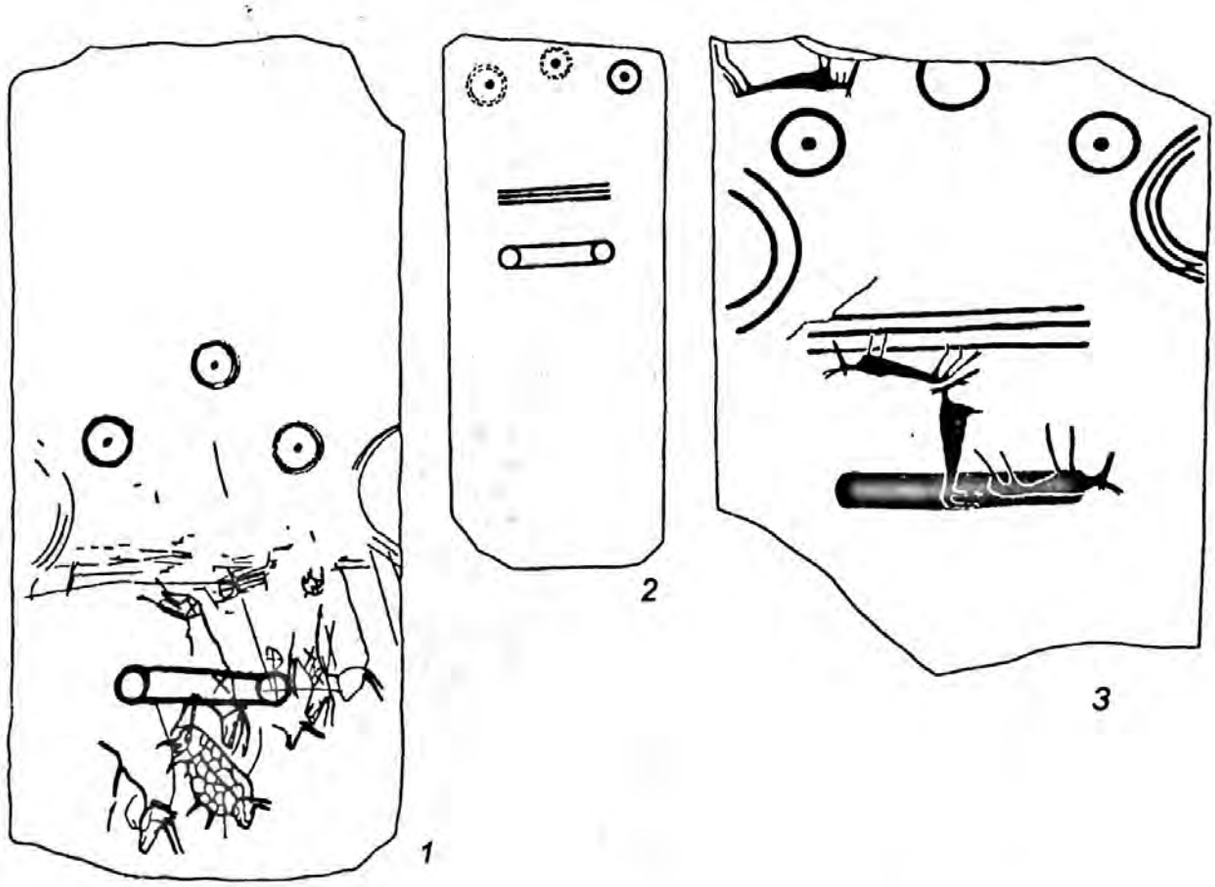

Рис. 16 Схематические изображения. *1* – Черновая VIII (по Э.Б. Вадецкой); *2* – Сухое озеро; *3* – Черновая XI (по Н.В. Леонтьеву и В. Ф.Капелько)

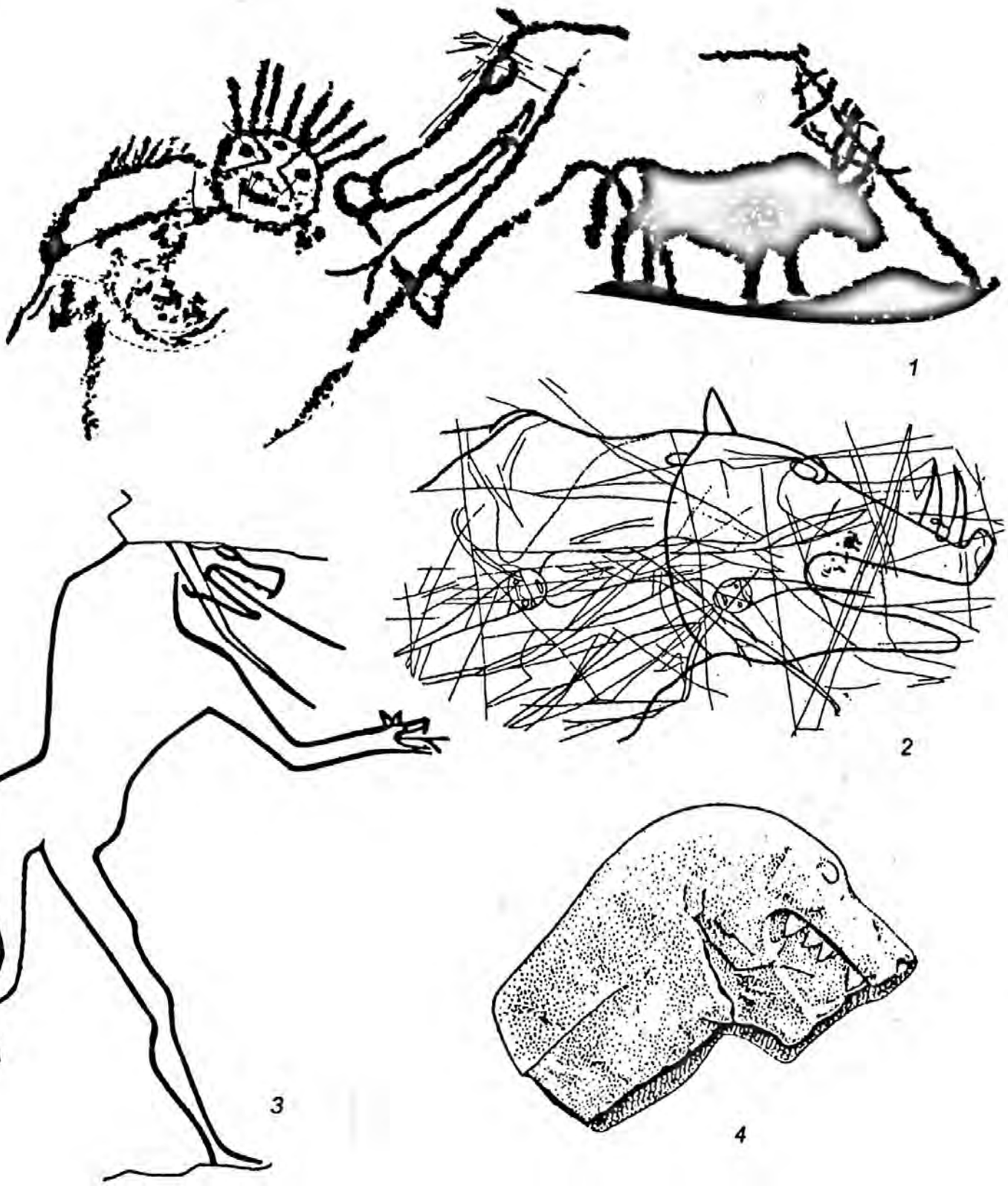

Рис. 17 Изображения фантастических хищников. Пора-Тигейская группа.
1 – Пора-Тигей (по Е.А. Миклашевич; см. статью в наст. сборнике);
2 – Тас-Хазаа (по А.Н. Липскому и Э.Б. Вадецкой; см. статью в наст. сборнике);
3 – улус Сулекова (по Н.В. Леонтьеву); *4* – Знаменка (по Э.Б. Вадецкой).
1, 3 – наскальные изображения; *2* – гравировка на каменной плите; *4* – скульптура

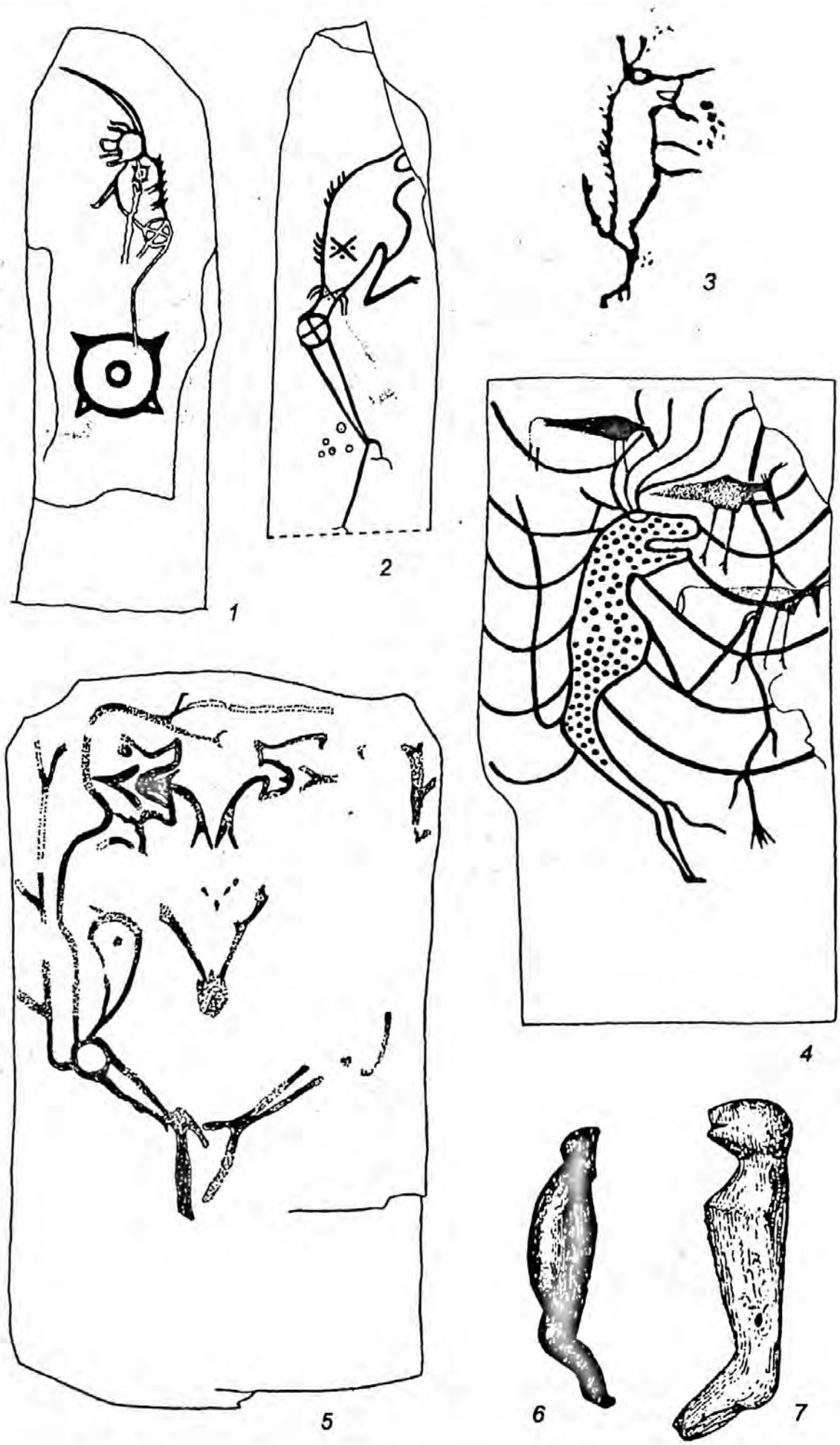

Рис. 18 Изображения фантастических хищников. Одноногие фигуры.
1 – улус Тазмин, *2* – Усть-Есь, *3* – г. Тюря, *4* – Черновая XI (по Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько); *5* – Верхний Аскиз I, кург. 2 (по А.А. Ковалеву); *6, 7* – Базаиха (по А.П. Окладникову). *1, 2* – изваяния; *3* – наскальное изображение; *4, 5* – рисунки на плитах; *6, 7* – мелкая пластика

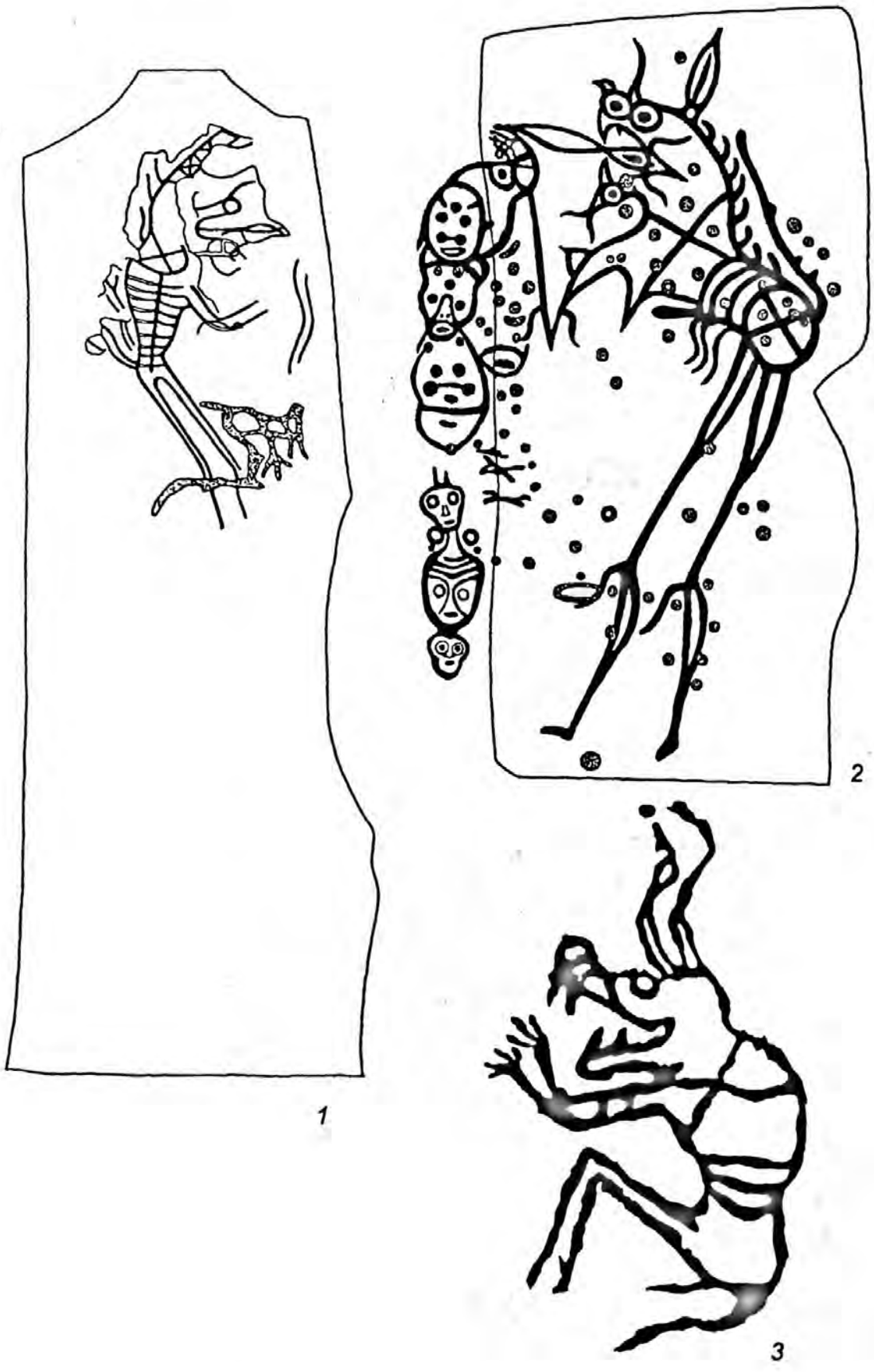

Рис. 19 Изображения фантастических хищников. Двуногие фигуры.
1 – чаатас Кызлас, *2* – Белый Июс (по Н.В. Леонтьеву и В.Ф. Капелько);
3 – Черемушный Лог, наскальное изображение (по Я.А. Шеру)

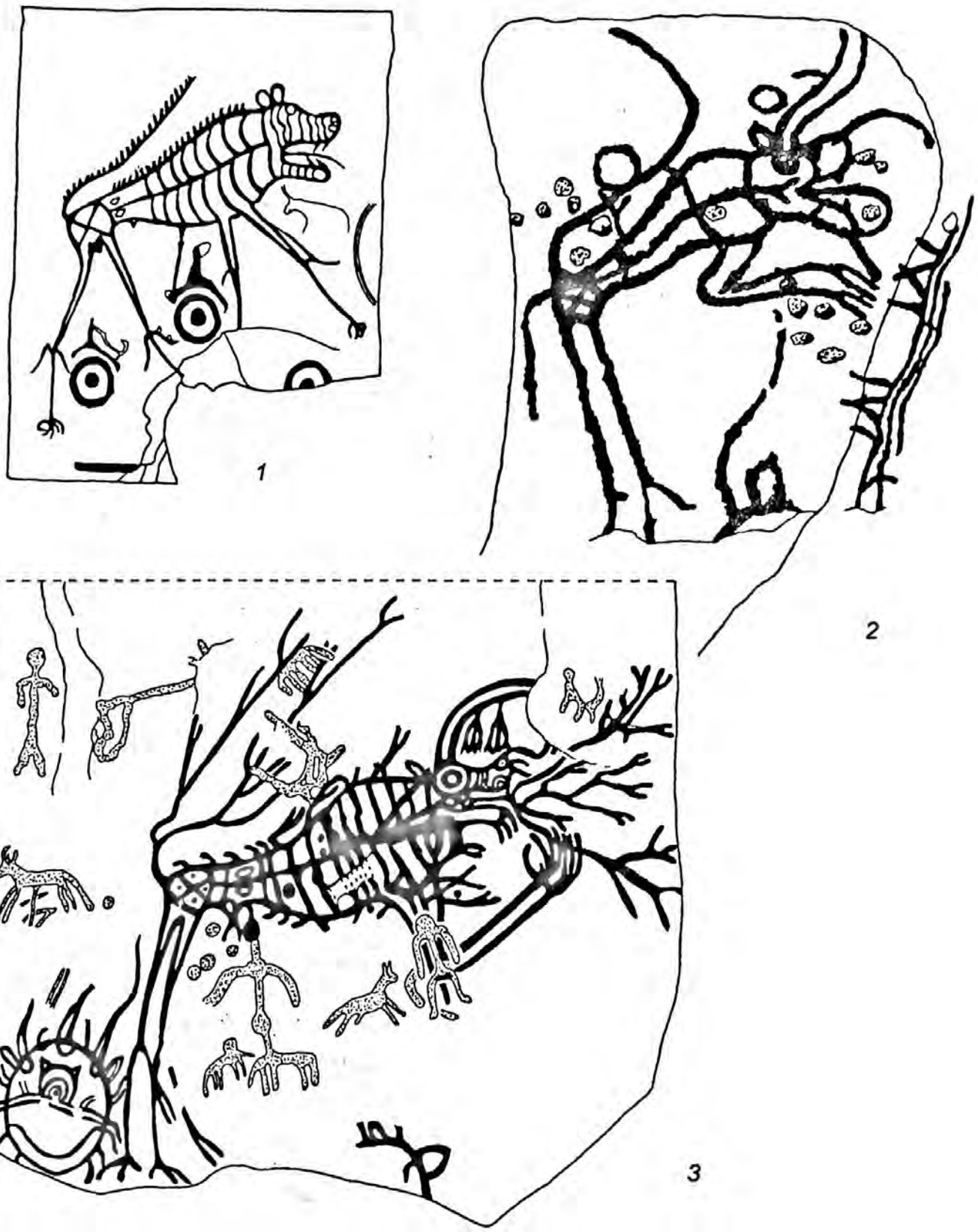

Рис. 20 Изображения «классических» окуневских хищников.
1 – Черновая VIII (по Э.Б. Вадецкой); *2* – Есино IX (по Д.Г. Савинову и М.Л. Подольскому); *3* – Быркапов (по Г.Н. Курочкину)

Е.А. Миклашевич

Окуневские лошади: к проблеме появления одомашненной лошади в Южной Сибири

Наиболее выразительный и самый популярный анималистический образ в окуневском искусстве, несомненно, бык (корова). Это связано с тем, что «разведение крупного рогатого скота, видимо, стало ведущей отраслью хозяйства, что, конечно, не могло не найти отражения в религиозных представлениях той поры» (Леонтьев Н., 1978, с. 110). Тем интереснее выявить и проанализировать изображения других животных, в частности, лошади, образ которой, хотя и редок в окуневском искусстве, но в совокупности с другими археологическими свидетельствами имеет огромное значение в свете актуальности проблемы доместикации этого животного.

Нет необходимости говорить о важности вопроса возникновения и распространения коневодства в евразийских степях. Эта проблема остро интересует как археологов, так и палеозоологов, к ее решению привлекаются данные этнографии, истории, лингвистики, палеопатологии, палеоэкологии, биомолекулярный анализ и другие естественнонаучные методы (Levine, 1999, p. 54), и при всем том до сих пор нет единого мнения, когда и где была одомашнена лошадь. В условиях, когда остеологически разница между дикой и домашней лошадью не определяется, а большинство свидетельств использования лошади как упряжного или верхового животного (средства управления, сделанные из дерева, кожи, веревок и т.п. материалов) не могло сохраниться, очень большую роль играют изобразительные источники. На них, например, основано большинство реконструкций этого процесса на Ближнем Востоке. Однако такая категория изобразительных источников, как наскальное искусство, пока не играет большой роли в этих исследованиях. Между тем, петроглифические памятники Средней и Центральной Азии, особенно Казахстана, содержат очень большое количество изображений и сцен с участием лошади, отражая как раз период конца III–II тыс. до н.э. – время перехода от охоты на диких лошадей к их контролю, приручению и затем использованию в качестве тяглового и верхового животного. На скалах Минусинской котловины в эту эпоху образ лошади не столь популярен, хотя в предшествующее время дикая лошадь была довольно распространенным персонажем наскального искусства. По мнению Н.М. Ермоловой, дикая плейстоценовая лошадь Южной Сибири не связана генетически с поздно появившейся здесь домашней формой этого вида (Ермолова, 1983, с. 105; 1983а, с.189–191). Если это так, то широко распространившийся во второй половине II – I тыс. до н.э. образ уже безусловно одомашненного коня – запряженного в колесницу, освоенного под верх, персонажа многочисленных мифологических сцен – это результат «пришлого» коневодства? В этом аспекте крайне важно рассмотреть все свидетельства существования лошади в предшествующих культурах энеолита и бронзы – афанасьевской и окуневской.

В памятниках афанасьевской культуры на территории Минусинской котловины отдельные кости лошади встречены лишь в нескольких случаях: два раза в могилах (могильники Афанасьева Гора и Летник VI), три раза в насыпи курганов (Карасук III, Малые Копены II и Красный Яр I – Вадецкая, 1986, с. 24–26) и один раз на поселении Тепсей X (Грязнов, Комарова, 1980, с. 25). При этом нет никаких свидетельств, что это кости именно домашней лошади, да и само их нахождение в афанасьевском слое подвергалось сомнению. Кости в насыпи курганов могли быть занесены позже, а единственный резец лошади на Тепсее X «мог провалиться вниз по кротовинам из верхних, таштыкских слоев» (Ермолова, 1983, с. 105). Сенсационная атрибуция обработанных отростков рогов оленя с отверстиями, найденных в афанасьевских могилах, как псалиев (Кожин, 1970), оценена как «недоразумение» (Вадецкая, 1986, с. 18) или слишком преждевременный вывод (Нестеров, 1990, с. 107). Было высказано другое объяснение, что эти стержни – навершия посоха, так как трассологический анализ М.П. Грязнова показал, что они надевались на палку (Вадецкая, 1986, с. 18). Изобразительных материалов для этого времени мы не имеем, афанасьевский пласт в петроглифах Минусинской котловины не выделен. Таким образом, наличие у афанасьевцев лошади вообще, и одомашненной в частности, пока остается под вопросом.

Для окуневской культуры имеется гораздо большее количество свидетельств, в том числе, что особенно важно, существенная серия изобразительных материалов. Рассмотрим эти свидетельства подробнее.

Кости лошади в археологических памятниках. Поскольку мясо в могилы окуневцы не клали, а поселения окуневской культуры почти не раскапывались, то не следует ожидать большого количества археологических подтверждений знакомства окуневцев с лошадью. Тем не менее, некоторые находки все же имеются. Наибольшую ценность представляет находки костей лошади в могилах. Таких случаев два: череп лошади, находившийся среди костей скелета человека в могиле 9 ограды 3 могильника Сыда V (см. статью М.П. Грязнова и М.Н. Комаровой в настоящем сборнике), и нижний конец метаподии лошади, найденный в могиле 10 кургана 1 могильника Верхний Аскиз I (Хаврин, 1997, с. 66). Находки костей в насыпях курганов – менее ценный факт, но и их нельзя не принимать во внимание. Плечо, астрагал и вторая фаланга лошади (левые) найдены в насыпи кургана 1 могильника Верх. Аскиз I (там же). Обломок нижней челюсти лошади и обломок тазовой кости найдены в пос. Усть-Бюрь в насыпи кургана 5, фаланга лошади, кость голени и обломок сустава в разных местах насыпи ограды 5 пос. Ербинский (Кызласов Л., 1986, с. 272–273, 283–284).

Кости лошади найдены и в культовых памятниках. Так, на окраине Минусинска Н. В. Леонтьевым был раскопан окуневский могильник, состоявший из пяти одиночных могил и 11-ти грунтовых ям, расположенных рядом с могилами. В одной яме были найдены шесть черепов быков, положенных мордами к центру, между ними лежали попарно кости их передних ног; в другой – четыре бычьих черепа головой к востоку, сверху – их нижние челюсти и кости передних ног. Три ямы содержали черепа и кости ног барана, а одна – эти же части скелета лошади и барана (Леонтьев Н., 1979). Видимо, это ритуальное захоронение шкуры лошади с головой и ногами, или жертвоприношение. Кроме того, при раскопках мест установки изваяний и менгиров было выявлено, что «ямы, в которые устанавливались изваяния, подвергались предварительному ритуальному освящению. В них найдены остатки жертвенных животных», в том числе и лошади (Кызласов И., 1984, с. 14–15). Кости лошади были обнаружены и в ямах-жертвенниках, которые располагались рядом с изваяниями (там же), но эти случаи не бесспорны, поскольку жертвенники могли иметь более позднее происхождение, в некоторых из них зафиксированы хакасские материалы.

На единственной пока окуневской стоянке Кадат VI, раскопанной Г. Н. Курочкиным в 1981 г., в числе прочих были найдены и кости лошади (Курочкин, 1983, с. 58). При раскопках культурного слоя *све* Чебаки на севере Хакасии был обнаружен значительный фаунистический материал – около 12,5 тысяч обломков костей животных, из которых 1204 оказались определимыми, а из них 17 принадлежали лошади. Большое количество фрагментов окуневской керамики, в том числе курильниц, наряду с другими находками, позволили связать этот слой с окуневским периодом функционирования све (Готлиб, 1997, с. 145). К сожалению, ценность этого свидетельства снижается тем фактом, что там тбыли найдены и фрагменты каменноложской керамики, причем они встречались совместно с окуневской во всех горизонтах (там же, с. 143).

Таковы археологические свидетельства знакомства окуневцев с лошадью. Обратимся к изобразительным источникам – плитам из погребений, рисункам на скалах и случайным находкам.

Плиты из погребений. В могильнике Лебяжье, раскопанном в 1972 г., в разрушенном кургане 1 найдена плита (рис. 1) с одним из самых ярких окуневских изображений лошади (рис. 1, *а*). Плиту занимает выбитая личина и солярный знак, в левой нижней части плиты – «перекрытый личиной прочерченный рисунок лошади с короткой вертикальной гривой и кольцом на шее» (Максименков, 1981, с. 106). Изображение опубликовано Н. В. Леонтьевым (Leont'ev, Kapel'ko, 2002, Taf. 65) и Э.Б. Вадецкой (Вадецкая, 2003–2004, рис. 1, *1*). Исследователи отмечают уникальность этого рисунка – к тому времени он был единственным, найденным в окуневских могильниках и одним из двух известных изображений лошади у окуневцев (вторым было изображение на г. Тюря, известное по эстампажу Адрианова). Как писал Г.А. Максименков: «Теперь наличие у окуневцев лошади не вызывает сомнения» (Максименков, 1981, с. 110).

Однако, как оказалось, этот рисунок лошади не был единственным даже для могильника Лебяжье. При осмотре и повторном копировании той части плит из Лебяжьего, что хранится в Музее Института археологии и этнографии СО РАН в Новосибирске, нам удалось выявить еще одно изображение лошади на другой плите из этого же кургана – рис. 2 (Миклашевич, 2003–2004). Сохранились только голова и шея лошади, прочерченные тонкой поверхностной линией. Грива показана в виде ряда вертикальных столбиков, на морде намечены линии узды и характерная окуневская петля в носу (рис. 2, *а*).

При повторном копировании плит из другого окуневского могильника Черновая VIII, хранящихся в Эрмитаже, также было выявлено (в числе прочих новых рисунков) гравированное изображение лошади – рис. 3 (Миклашевич, 2002, с. 199–200). Туловище и ноги животного не различаются из-за скола плиты и переплетения линий других рисунков, но голова и шея видны очень четко. Показаны глаз и уши лошади, длинная морда с моделированной нижней губой, петля в носу, линии поводьев и узды (рис. 3, *а*).

В Хакасском республиканском краеведческом музее хранится обломок плиты с выбитыми изображениями голов быка и коня (рис. 4). К сожалению, происхождение этой плиты неизвестно, но принадлежность рисунков к окуневским не вызывает со-

мнения. Они изображены в одном стиле, явно одной рукой, а голова быка находит многочисленные аналогии в изображениях этого животного на плитах из окуневских могильников. Особенно близкие ассоциации эти образы вызывают с наскальными изображениями двух отдельных бычьих голов на горе Ильинской (Leont'ev, Kapel'ko, 2002, Abb. 16, *5*). Конечно, нет полной уверенности, что изображение справа – это лошадь, поскольку то место, где могли бы быть изображены уши и/или рога в случае, если это голова быка, не сохранилось. И все же общие очертания морды, отличающиеся от очертаний морды быка, и особенно изображение двойных линий узды, не характерной для быков, убеждают в том, что правое изображение – это лошадь.

Других изображений лошадей на плитах из могильников нам пока не известно, хотя есть упоминания еще о двух случаях: «человеческая фигура с головой коня, наделенная двумя фаллосами» на плите из могильника Тас Хазаа (Леонтьев Н., 1978, с. 108) и «изображение лошади» среди гравировок на наружной стороне плиты покрытия могилы 4 кургана 2 могильника Верх. Аскиз I (Ковалев, 1997, с. 83).

Наскальные рисунки. Самое известное из окуневских наскальных изображений лошади и обнаруженное самым первым – рисунок на горе Тюря в Хакасии (памятник также известен под названием «Сулекские девки»; нами он включен в Сулекский комплекс памятников под названием Сулек VII (Миклашевич, 2004, с. 27). На северном склоне этой горы находится единственная плоскость, на которой выбиты изображение фантастического зверя, лошади, масок-личин и неопределенных животных, выгравированы фигуры быков (рис. 5). Плоскость была обнаружена А.В. Адриановым в 1909 г. (Адрианов, 1910, с. 42), сделанный им эстампаж хранится в Музее антропологии и этнографии в Петербурге. Впервые фотография эстампажа была опубликована в статье М.П. Грязнова и Е.Р. Шнейдера (Грязнов, Шнейдер, 1929, рис. 9), прорисовка с него приводится в работе Э.Б. Вадецкой (Вадецкая, 1980, табл. LIII, *127*) и уточненная копия, дополненная гравированными изображениями быков, опубликована в книге Н.В. Леонтьева и В.Ф. Капелько (Leont'ev, Kapel'ko, 2002, Taf. 45, *127*). Интересующее нас изображение лошади находится в левой части композиции (рис. 5), оно выбито глубоким желобком по контуру, хорошо заметны следы первоначального гравированного эскиза, гравировкой был выполнен и хвост лошади (не показанный на опубликованных прорисовках), который затем начали выбивать, но не закончили. Короткая торчащая грива показана отдельными столбиками, точно так же, как на второй плите из Лебяжьего, с той лишь разницей, что здесь она выбита, а на плите из Лебяжьего гравирована. Небольшие ушки показаны такими же столбиками, но направленными немного вперед (рис. 5, *а*). К сожалению, из-за сильного чешуйчатого отслоения скальной корки невозможно определить, было ли что-то показано на морде и шее лошади (глаза, узда и т.п.) или нет.

В этом же комплексе, на памятнике, определенном нами как Сулек V (Миклашевич, 2004, с. 27), известном под названиями «скала в окрестностях улуса Сулекова», Озерная, Сульфат, находится другая хорошо известная плоскость с окуневскими рисунками (рис. 6). Она была открыта в 1974 г. В.Ф. Капелько и скопирована Н.В. Леонтьевым (Леонтьев Н., 1978, с. 114, рис. 14). На ней в технике гравировки изображены бегущими фантастическое зоо-антропоморфное существо и три животных – «лось, лань или олень и какое-то животное, напоминающее коня, но с необычно трактованной мордой» (рис. 6, *а*) (там же).

Еще одно изображение лошади – на сопке Пора-Тигей у деревни Малый Спирин. Здесь на северо-восточном склоне есть выходы серого камня, на одном из которых, покрытом слабым серовато-коричневым загаром, выбиты и выгравированы изображения окуневской культуры и более поздние. Резные линии – темно-серого цвета, такого же, как и патина; выбивка отличается более светлым тоном и видна лучше. Но в целом изображения видны нечетко, так как на очень твердой породе камня они были выбиты неглубоко; кроме того, изображения перекрывают друг друга, что затрудняет их прочтение, и ко всему прочему сохранность памятника, находящегося практически в деревне, крайне неудовлетворительная: части рисунков стерты, некоторые зачерчены светлыми линиями и даже видны следы от пуль. Памятник был обследован и скопирован нами с Б.Н. Пяткиным в 1989 г. Изображения эти также копировались В.Ф. Капелько, а прорисовка всей композиции опубликована на форзаце книги Л.Р. Кызласова «Древнейшая Хакасия» (1986). Прорисовка эта не совсем точная, поэтому мы приводим здесь свой вариант (рис. 7). Наиболее важное уточнение – фигура «сидящего» в позе окуневских фантастических зоо-антропоморфных существ коня в правой нижней части композиции (рис. 7а). Изображение это вырезано довольно глубокой линией и контуры его читаются уверенно, несмотря на то, что оно перекрыто изображениями лошадей карасукского геометрического стиля и современными подновлениями. Абрис тела и головы, согнутые ноги, уши, примыкающий к линии морды глаз, две продольные линии на морде выгравированы глубоко и четко. Линия, пересекающая шею, две поперечные линии на морде и хвост прорезаны более тонко и поверхностно. На плоскости прослеживаются такие же выгравированные фигуры лося, частично быка и личина. Несмотря на то, что изображения плоскости так разнообразны и перекрывают друг друга, они все же составляют единую композицию, относящую-

ся к окуневской культуре (за исключением двух фигур карасукских лошадей).

Среди петроглифов горы Суханиха, которая расположена на правом берегу Енисея, выше устья р. Тубы, есть так называемый Большой фриз, выделяющийся своими размерами и концентрацией рисунков – на огромном блоке красного девонского песчаника более 12 м длиной и 1.5 м шириной сосредоточено более 130 разновременных изображений (рис. 8, *а*). Петроглифы этого фриза, как и памятника в целом, были впервые скопированы и описаны А.В. Адриановым в 1904 г. Изображения частично опубликованы в статье М.А. Дэвлет (1982), посвященной анализу изображений этого выдающегося памятника. Среди них есть группа рисунков, скорее всего, по мнению ряда исследователей, относящихся ко времени существования окуневской культуры (Дэвлет М., 1982, с. 59; Леонтьев Н., 1997, с. 225; Советова, Миклашевич, 1999, с. 58–59; Miklashevich, Pyatkin, 1998, p. 20–21). Это изображения стремительно бегущих вправо лосей, лошадей, волка, оленя и быка в левой части фриза и противостоящего им медведеподобного хищника – в правой (рис. 8, *б*). Все скальное пространство между этими рисунками занято многочисленными изображениями разных эпох, но эта композиция выделяется общностью стиля, иконографии и техники (аккуратная контурная выбивка с последующей прошлифовкой). Интересующие нас изображения лошадей (рис. 8, *в*), без сомнения, входят в эту композицию (две из них выбиты в общей массе бегущих животных, а одна – на некотором удалении от нее, на отдельной грани в левой части скального выхода), и поэтому культурно-хронологическая атрибуция их зависит от атрибуции группы в целом. На первый взгляд, эти рисунки не производят впечатления окуневских, существенно отличаясь от привычных изображений быков и фантастических хищников, но при сопоставлении отдельных иконографических и стилистических деталей, в первую очередь таких, как общие очертания туловища и манера изображения длинных «сухих» перекрещенных в беге ног (Дэвлет М., 1982, рис. 4), становится ясным, что они входят в круг изображений окуневского времени. Особенно поразительно это сходство проявляется при сравнении фигур лосей Большого фриза и фантастического хищника с горы Тюря (Сулек VII). По мнению Н.В. Леонтьева, композиция на Суханихе относится к раннему этапу окуневской культуры, поскольку изображены животные без признаков ирреальности, и даже хищник, хоть и имеет «неестественно длинные тонкие трехпалые ноги», все же больше напоминает реального медведя (Леонтьев Н., 1997, с. 225). М.А. Дэвлет нашла аналогии бегущим животным Суханихи не только в рисунках окуневского круга, но и среди изображений «ангарской» традиции, приходя к выводу, что «выполненные по контуру глубокими линиями наиболее древние изображения бегущих лосей на панно Суханихи были созданы в доокуневское время, возможно в неолите. Основную же часть изображений животных с пересекающимися в беге ногами следует отнести к окуневской эпохе» (Дэвлет М., 1982, с. 59). На наш взгляд, вся эта группа изображений относительно одновременна, и, вслед за Леонтьевым, мы считаем возможным отнести ее к раннеокуневскому времени, когда в наскальном искусстве еще сильны были традиции предшествующего «ангарского» стиля, в котором основными персонажами были реальные дикие животные – объекты охоты. В свете этого, рассматриваемые изображения, видимо, представляют *дикую* лошадь (или какой-то другой вид эквидов), бегущую вместе с другими дикими животными – лосями, быком, волком и оленем.

Другая группа бегущих лошадей изображена на скале Изирих Тас (известной также под названиями «Изрых Тах», «Пьяный камень») в районе с. Бельтыры на юге Хакасии. Памятник впервые обследован А.Н. Липским в 1950-х гг. и позднее им опубликован (Липский, 1970, рис. 6). Нами эта плоскость была сколирована в 1990 г. (с Б.Н. Пяткиным) и дополнительно обследована в 2004 г. Это большой выход серого песчаника, покрытый желтоватой коркой скального загара, расположенный в нижней части небольшой горной гряды. На плоскости длиной более 5 м сохранились изображения десятка масок-личин и их фрагментов, а также фигуры лошадей, быков и других животных (рис. 9). Состояние плоскости очень плохое, изображения повреждены трещинами, сколами, отслоениями скальной корки, некоторые фигуры лишь угадываются по остаткам выбивки; совершенно очевидно, что до нас дошла лишь центральная часть некогда большой композиции. Выбивка неглубокая, изображения наслаиваются друг на друга, а некоторые были подновлены, что также затрудняет их прочтение. По всей плоскости выбиты изображения простых оконтуренных масок-личин с двумя глазами и ртом. В левой части плоскости их перекрывают сохранившаяся частично фигура типичного окуневского быка с направленными вперед рогами и три фигуры быков (?) с раскинутыми вперед и назад ногами и необычно трактованными рогами. Их, в свою очередь, перекрывают фигуры трех бегущих вправо лошадей с длинными тонкими ногами и хвостами (рис. 9, *а*). Головы их изящно опущены, показаны нависающие челки. Ноги первой лошади пересекаются в беге, у второй они поставлены близко друг к другу, а у третьей лишь слегка расставлены. Все они выбиты тонкой выбивкой по контуру, у первой лошади прошлифована грива и челка, а у двух других – все туловище и голова. В правой части плоскости изображены еще четыре лошади, две идущими вправо, две – влево. Они выбиты линией по контуру, а контур заполнен более редкой выбивкой. Ноги этих лошадей (там, где это определяется) показаны так же, как и у быков (?). А.Н. Липский в своей статье ос-

новное внимание уделил только личинам Изирихтаса, лишь вскользь заметив, что они «перекрываются изображениями животных: быка, козы и лошадей типично «тагарского» вида» (Липский, 1970, с. 166). Но М.А. Дэвлет, также исследовавшая этот памятник, обратила внимание на явное сходство трех изображений лошадей с бегущими животными Суханихи и отметила взаимосвязь изображений животных и личин: «фигуры лошадей выбиты поверх личин окуневского типа, имеющих близкие аналогии среди личин-масок Саянского каньона Енисея» (Дэвлет М., 1982, с. 58). Это стратиграфическое наблюдение является дополнительным аргументом в пользу отнесения группы бегущих животных Суханихи к окуневскому времени.

Других изображений лошадей на скалах Минусинской котловины, которые можно было бы отнести к рассматриваемому периоду, нам не известно. Нет достоверно определяемых изображений лошадей и на изваяниях. Я.И. Сунчугашевым была опубликована стела из Нижней Теи, животных на которой он назвал конями (Сунчугашев, 1985), но при более точном копировании (Leont'ev, Kapel'ko, 2002, Taf. 96, *241*) оказалось, что эти животные больше похожи на типичных «тощих» окуневских быков. Точно определить их видовую принадлежность все же невозможно, поскольку изображения голов сохранились очень плохо. На нескольких других стелах также есть похожие изображения «быков» без рогов (ibid., Taf. 30, *84*; 38, *108*), которые, в принципе, вполне могут быть и лошадьми, но эти случаи мы учитывать не будем.

Скульптура. Очень интересная каменная голова лошади хранится в Минусинском музее (рис. 10). По сведениям Н.В. Леонтьева, она была найдена в 1923 г. на дне осушенного искусственного водоема близ улуса Тугужекова на р. Ташебе. Видимо, это фрагмент верхней части изваяния из серого песчаника, представляющий собой скульптурно моделированную голову лошади (ibid., s. 97, Taf. 120, *300*). Глаза и ноздри животного переданы округлыми лунками; на морде выбиты две линии, одна проходит между ушами, другая перпендикулярно к ней; между ноздрями прослеживается желобок, и такой же линией показан рот; поверх поперечной линии на левой стороне морды выбита окружность, такая же окружность расположена над правым глазом. Две небольшие продолговатые лунки выбиты выше глаз, в том месте, где должны были быть уши. Эта скульптура включена Леонтьевым в свод памятников окуневской культуры, и я не вижу никаких оснований к тому, чтобы не согласиться с такой атрибуцией. По способу моделировки объема, по сочетанию скульптурных и плоскостных способов создания изображения, по иконографии и стилю это произведение очень походит на скульптурные детали окуневских изваяний, в том числе и на зооморфные окончания некоторых из них, особенно большое сходство можно отметить с головой барана на изваянии из Усть-Бюрьского чаатаса (ibid., Abb. 28). Кроме того, эта скульптура явно входит в круг каменных скульптурных изделий, распространенных на территории Северного и Восточного Казахстана, Западной и Южной Сибири в конце III – II тыс. до н.э., среди которых есть и изображения конских голов (Леонтьев Н., 1975; Ченченкова, 2004).

Таким образом, изображения лошадей есть на плитах из окуневских могильников, в петроглифах и скульптуре; костные их остатки найдены в погребениях этой культуры, на поселении, в культовых памятниках и све. Не все из вышеперечисленных случаев могут быть достоверно отнесены к окуневской культуре, но в любом случае ясно, что образ лошади – не случаен, и это животное занимало свою нишу в хозяйстве и культуре окуневцев.

Первый же вопрос, который возникает при рассмотрении этих данных, дикие это лошади или домашние? Судя по литературе, кажется само собой разумеющимся, что в 1-ой половине II тыс. до н.э. – времени существования окуневской культуры – не могло быть никакой другой лошади, кроме домашней. Обычно находимые при раскопках кости лошадей a priori относятся к группе домашних животных (Грязнов, Комарова, 1980, с. 25; Готлиб, 1997, с. 145; и др.). Это, кстати, касается не только Минусинской котловины и не только окуневской культуры – если кости лошади найдены на памятнике позже каменного века, то это почти автоматически воспринимается как свидетельство коневодства. Связано это с некоторыми утвердившимися в литературе представлениями. Как верно отметил П.Ф. Кузнецов, «вокруг тематики процесса и времени одомашнивания лошади сложились некоторые стереотипы, в основе которых находятся не факты, а мнения, переходящие из публикации в публикацию и создающие впечатление устойчивой и доказанной теории» (Кузнецов, 2002, с. 83). Такими, повторяющимися во множестве изданий утверждениями являются, в частности, следующие: 1) дикая лошадь вымерла в Южной Сибири в конце плейстоцена; 2) пригодных для одомашнивания форм лошадей в этом регионе не было, а первые домашние лошади пришли сюда с афанасьевцами в III тыс. до н.э.; 3) лошадь была одомашнена в Восточной Европе уже в IV тыс. до н.э., а в урало-казахстанских степях – в III тыс. до н.э. (о чем свидетельствует массовость костных остатков лошади на поселениях – 63% от общего числа костных остатков в Дереивке, 99,9 % в Ботае), причем табуны уже управлялись всадниками (находки стержневидных костяных предметов, похожих на псалии); 4) сложение культа коня (о чем свидетельствуют захоронения коня или его головы, или шкуры – череп, ноги, а также изображения коня или его головы) связано с развитием коневодства; 5) к середине II тыс. колесный транспорт с лошадиной запряжкой в степях Евразии прошел уже длительный и сложный путь развития. Если все эти утверждения принять за аксиому, то лошадям оку-

невской культуры не остается "другого выбора", как только быть домашними, причем происходящими из западных регионов.

Между тем, не все так определенно и однозначно в вопросах взаимоотношения человека и лошади в рассматриваемую эпоху. Если последнее из перечисленных утверждений, будучи основанным на огромном количестве археологических, изобразительных, текстуальных, лингвистических и других источников, не вызывает сомнений, то все остальные по меньшей мере дискуссионны. Об афанасьевском «коневодстве» уже было упомянуто выше, на проблеме существования дикой лошади мы остановимся позже, а сейчас хотелось бы подробнее остановиться на ключевом вопросе о месте и времени доместикации лошади. Разумеется, третье утверждение – о месте и времени одомашнивания лошади – сформулировано нами в очень упрощенной форме. Система его доказательств основана на намного большем количестве фактов, памятников, анализов и т.п. Четкое изложение основных теорий доместикации лошади, подробный разбор «мифа о Дереивке» и убедительные контраргументы к каждой из его составляющих содержатся в работе английского археолога Марши Левин «Происхождение коневодства в степях Евразии» (Levin, 1999). Позволю себе привести здесь в моем изложении некоторые фрагменты из этой работы, так как многие ее положения не только важны и интересны, но и имеют прямое отношение к рассматриваемой теме.

Поиск места самой ранней доместикации лошади, – пишет М. Левин, – стал чем-то вроде Святого Грааля для археологов и палеозоологов. В ходе состязания многие исследователи не устояли перед тем, чтобы «срезать углы». Неадекватные данные и неудовлетворительные методики иногда использовались как доказательство самой ранней доместикации лошади в том или ином месте (ibid., p. 5–6). Есть два вида свидетельств раннего коневодства: прямые и косвенные. Прямые – это изобразительные, текстуальные и погребальные (захоронения лошадей со сбруей, повозками или колесницами) источники, относительно которых нет сомнений как по поводу того, что это действительно лошади, так и по поводу того, что они использовались как верховые или тягловые. Косвенные свидетельства подразумевают характеристику костных остатков и артефактов, включающую доказательства, добытые аналитическими методами – структура популяции, остеометрический анализ, биогеографическое распространение, относительные пропорции в археологических слоях, снашиваемость зубов от удил, палеопатология и т.д. Любой единичный вывод, полученный этими методами, будет иметь более чем одно объяснение. Поэтому сам по себе никакой тип данных не может обеспечить удовлетворительное доказательство доместикации лошади. Косвенные свидетельства должны иметь подтверждения с самых разных сторон (ibid., p. 9).

Далее М. Левин приводит «прямые свидетельства». Самые ранние из не допускающих разных толкований и надежно датируемых текстовых и изобразительных свидетельств доместикации лошади относятся только к концу III тыс. до н.э., а лошади в погребениях, сопровождаемые артефактами, недвусмысленно свидетельствующими об их использовании как тягловых или верховых, к еще более позднему времени. К середине II тыс. до н.э. лошади широко использовались в колесницах. Что же касается использования коня под верх, то ранее конца II тыс. до н.э. нет ни одного надежного текстового или изобразительного источника в доказательство этого. На Ближнем Востоке есть более ранние изображения, показывающие человека верхом на эквидах, но поскольку по изображениям не всегда возможно отличить лошадь от осла, онагра, кулана, то и невозможно идентифицировать самые ранние свидетельства использования верховой лошади. Понятно, что коневодство должно было развиться несколько ранее того времени, как появились первые свидетельства этому в искусстве и ритуальной практике. Как отметил С. Пиготт, «эти репрезентации не просто картинки повседневной жизни; они тесно связаны с отображением власти и престижа» (Piggott, 1992, p. 69). Если бы езда на лошади в начальной стадии ее развития не имела высокого статуса, вряд ли бы это было представлено в искусстве и погребальном обряде. Фактически не осталось бы никаких прямых свидетельств. Это отсутствие видимых свидетельств позволяет предположить, что, какова бы ни была практическая ценность лошади, ее политическая и социальная ценность отсутствовала или была минимальной до конца III тыс. до н.э. (Levine, 1999, p. 9–10).

Затем рассматриваются «ложные прямые свидетельства», такие как: 1) жезлы с головой коня; 2) захоронения коней без узды; 3) так называемые псалии; 4) следы использования удил. Эти свидетельства были провозглашены прямыми доказательствами коневодства, но на самом деле таковыми не являются. Относительно найденных в Восточной Европе так называемых жезлов с головой коня, связываемых с доместикацией лошади и провозглашаемых символами власти, М. Левин замечает, что не все из них имеют сходство с головами коней, что даже если и изображены кони, то они могут быть и дикими (в позднепалеолитическом искусстве Европы дикая лошадь – самый популярный образ), что нахождение жезлов никак не связано со свидетельствами доместикации или использования коня.

Факты нахождения отдельных костей или даже целых черепов лошади в энеолитических погребениях также не являются свидетельством доместикации. «То, что люди эпохи энеолита и ранней бронзы захоранивали лошадей, может быть свидетельством их символической значимости, но никак не доместикации. Зайцев также находят в могилах ямной и катакомбной культур, но никто не

провозглашает, что они были доместицированы». Роговые стержни с отверстиями, найденные в Дереивке и других памятниках и интерпретированные как псалии, использовались как доказательство существования всадничества в энеолите. Но таковым они являться не могут, поскольку эти предметы никогда не были найдены в контексте, подтверждающем, что это – части узды, а форма их настолько распространенная, что они могли использоваться в самых разных целях. Предположение, что эти предметы *могли* использоваться как псалии, не означает, что именно так они и использовались (ibid., p. 10–11).

И, наконец, один из самых мощных аргументов, выдвинутых Д. Энтони и Д. Брауном в пользу того, что всадничество существовало уже в 4000 г. до н.э., до появления колеса и, следовательно, лошадь была уже одомашненной – это следы использования удил на зубах лошадей из Дереивки. Исследователи определили, что когда лошадь грызет удила, на жевательных поверхностях вторых премоляров появляются следы изношенности (Anthony & Brown, 1991). С помощью сканирующего электронного микроскопа они нашли такие следы на 2 из 6 зубов лошади из Дереивки, и на 5 из 19 из Ботая. Кроме того, были проведены эксперименты на современных лошадях. Но даже этим, казалось бы, неоспоримым аргументам, М. Левин находит убедительные контраргументы и, признавая ценность и необходимость предложенной методики, обосновывает ее ограниченность. Микроскопическое свидетельство не всегда работает в археологическом контексте из-за недостаточной степени сохранности; следы изношенности на нижнем премоляре могут быть вызваны патологией на верхнем; по результатам экспериментов с разными видами удил у современных лошадей оказалось, что не у всех проявились следы изнашивания; удила могут быть надеты и на укрощенную дикую лошадь, не обязательно на одомашненную; наконец, на лошади можно ездить и без удил (Levine, 1999, p. 11–12). Таким образом, эти факты, интересные сами по себе, ни наличия, ни отсутствия доместикации лошадей не доказывают.

Относительно появления всадничества М. Левин замечает, что вряд ли лошадь использовалась вначале как тягловое животное, а только потом была освоена под верх, скорее наоборот, потому что управлять табунами невозможно ни «пешком», ни с помощью колесниц и повозок. Опрашивая казахских и монгольских скотоводов, она всегда сталкивалась с их изумлением: как вообще можно предположить возможность пасти лошадей без верхового коня? (ibid., p. 10). Большинство исследователей, однако, эту возможность не отвергают. Например, А.К. Нефёдкин приводит в пример, что чукчи пасли полудиких оленей, «не имея никакого другого средства передвижения, кроме своих быстрых ног» (Нефёдкин, 2001, с. 50). Также нельзя не учитывать то, что по материалам изобразительных источников, как ближневосточных, так и центральноазиатских, в том числе и наскальных, изображения всадников появляются намного позже, чем изображения колесного транспорта. Трудно предположить, что если бы конь был освоен под верх раньше, это прошло бы незамеченным в мифологии, ритуале, и, следовательно, в изобразительной деятельности.

Поскольку ни одно из действительно «прямых свидетельств» доместикации не относится к тому времени, относительно которого идут наиболее горячие споры, приходится ограничиваться «косвенными свидетельствами», чтобы реконструировать взаимоотношения человека и лошади, имевшие место на тысячу лет раньше, чем первые прямые свидетельства коневодства. Большинство гипотез, высказанных по этому поводу, М. Левин признает неудовлетворительными; при этом основными ошибками являются: 1) смешение интенсификации и доместикации; 2) использование только какого-либо одного типа свидетельств в доказательство доместикации, например, географическое распространение или изменчивость размеров; 3) неадекватная проверка теорий (Levine, 1999, p. 12). Основные критерии различения дикой и домашней лошади были сформулированы Ш. Бёкёни: «Наличие полных скелетов, отсутствие старых животных и превосходящее большинство кобыл – признаки доместицированной популяции. Отсутствие костей позвоночника и грудины, наличие старых животных и равные пропорции жеребцов и кобыл указывают на дикую популяцию» (цит. по: Levine, 1999, p. 12). Ни один из этих критериев нельзя назвать удовлетворительным. Нахождение целых скелетов лошади, неважно дикой или домашней, по тафономическим причинам почти невозможно (кроме, конечно, случаев ритуальных захоронений). Кости позвоночника и грудины по причине их хрупкости практически всегда мало представлены. Отсутствие костей старых животных – скорее признак охоты, чем пастушества. Домашних лошадей используют так долго, как долго они могут работать или воспроизводиться, и человек защищает их от естественных врагов. Дикие лошади реже доживают до старости, к тому же в табуне большинство особей относительно молоды, значит, при охоте число старых особей тоже было бы небольшим. При охоте на диких лошадей число убитых самцов может превосходить число самок, если охота велась на группу «холостяков» или если убивали жеребцов, защищавших гарем. В одомашненных табунах, как показывает этнография, соотношение самцов и самок бывает разным и зависит от культурных традиций. Но в любом случае обычно невозможно точно реконструировать это соотношение, так как по размеру кобылы мало отличаются от жеребцов, а тазовые кости чаще всего слишком фрагментарны, чтобы установить пол. Также мало удовлетворительны и такие факторы, как морфологическая вариабельность и изменчивость размеров.

Ни один из этих типов косвенных свидетельств не может считаться доказательством доместикации лошади, – заключает М. Левин, – на самом деле, некоторые из них более вероятно указывают на охоту, нежели на пастушество. И самый главный критерий – высокий процент костей лошади на поселении – тоже имеет не единственное объяснение. К примеру, это может быть вызвано развитием методов охоты или климатическими изменениями (ibid., p. 12-17).

Анализируя «миф о Дереивке», а также данные по Ботаю (в том числе, по результатам раскопок, специально проведенных для обеспечения аналитических методов М. Левин) с привлечением этноархеологических методов анализа структуры популяции, исследовательница приходит к выводу, что и Дереивка, и Ботай соответствуют охотничьей модели, а не пастушеской, а разница между ними заключается в разных методах охоты на диких лошадей: население Дереивки использовало метод преследования, а ботайцы – коллективную загонную охоту с уничтожением табуна (ibid., p. 41–44; Кисленко, Levine, 2002).

Таким образом, гипотезы одомашнивания лошади в Восточной Европе в IV тыс. до н.э. и в Западной Азии в III не подтверждаются. По крайней мере, бесспорными их считать нельзя. Если одомашненная лошадь и была приведена в Южную Сибирь, то откуда – пока неизвестно. Правомерно вообще поставить вопрос – так ли уж необходимо обязательно искать некую «прародину» коневодства, из которой оно потом распространилось? Некоторые археологи и большинство иппологов склоняются к возможности того, что могло быть несколько центров одомашнивания лошади, и не только в пределах степного пояса Евразии. «Одомашнивание диких лошадей могло происходить всюду, где человек встречался с табунами диких лошадей и охотился на них» (Федотов, 1981, с. 11). С. Пиготт приводит высказывание одного из палеозоологов (Van Winjgaarden-Bakker), что главная работа по теме о ранней доместикации лошади проводилась теми, кто склонен «ограничивать их исследования Центральной и Восточной Европой и не входит в такие детали, которые касаются послеледниковых западно-европейских диких лошадей. Небольшие локальные популяции диких лошадей были определенно представлены в Западной Европе в мезолите и неолите» (цит. по: Piggott, 1983, p. 88). Это предоставляло возможности для независимой доместикации, сравнимой с ситуацией в южно-российских степях. Возможность местной доместикации популяций диких лошадей за пределами Карпат вскоре после 3000 до н.э. совершенно очевидно должна быть признана. Нет доказательств, что эти ранние доместицированные лошади служили целям иным, чем обеспечение альтернативным источником пищи, но их присутствие в III тыс. до н.э. рядом с быками, используемыми как тягловые животные для плуга и колесных повозок, делало их потенциальными кандидатами для подобного использования, даже если это не подтверждается находками средств искусственного контроля (ibid., p. 88). С.П. Нестеров высказал предположение, что и в Центральной Азии, судя по собственным названиям домашних лошадей в алтайской семье языков, отличным от индоевропейского, происходил самостоятельный процесс одомашнивания местного вида дикой лошади, хотя он и не был завершен (Нестеров, 1990, с. 107). Степи Центральной Азии были населены лошадью Пржевальского, которой, как известно, многие палеозоологи отказывают в чести быть предковой формой для домашней лошади. Но есть и противоположные мнения. Так Ш. Бёкёни пишет: «у нас нет причин для предположения о том, что другой вид дикой лошади раннего голоцена – таки или лошадь Пржевальского – не подвергался доместикации. Хотя ее показатель хромосом (2n=66) отличается от показателя хромосом домашних лошадей (2n=64), тем не менее, такая разница может быть объяснена как результат новейшего развития, поскольку в результате скрещивания с домашними лошадьми получаются гибриды-производители, к тому же в строении черепов некоторых азиатских домашних лошадей наблюдается разительное сходство с лошадью Пржевальского. Известно, что открытие нескольких археологических пунктов ранней доместикации лошади в большой мере зависит от степени археологической изученности территории. Естественно, что обнаружение таких местонахождений ожидается исключительно на территории раннего распространения лошади Пржевальского, в первую очередь, в степной полосе. где одомашниваемые дикие лошади встречаются в максимальном количестве и наличие специализированной охоты предусматривает наиболее успешную доместикацию» (Бёкёни, 1984, с. 11).

Вернемся в Минусинскую котловину. Думается, что утверждение Н.М. Ермоловой: «Домашняя лошадь, появившись поздно на территории Южной Сибири, генетически не связана с дикой формой лошади этого региона, которая исчезла здесь если не в конце плейстоцена, то в начале голоцена» (Ермолова, 1983а, с. 189) – излишне категорично. Оно основано на данных раскопок и не учитывает изобразительных источников. Не исключено, что дикая лошадь существовала в Минусинской котловине и после палеолита. Изображения диких лошадей, входящие в круг изображений так называемого минусинского стиля – древнейших среди петроглифов Енисея, есть на скалах Оглахты, на Шалаболинской и Потрошиловской писаницах. Этот пласт изображений – несомненно, не позднее IV тыс. до н.э., но насколько глубоко он уходит в древность, сказать невозможно. В принципе не исключается и их палеолитический возраст (Шер, 1980, с. 190–193; Советова, Миклашевич, 1999, с. 53–55). Изображения лошадей сохраняются и в петроглифах более позднего «ангарского сти-

ля», датировка которого также неясна, но по некоторым косвенным данным «его место в хронологической колонке уверенно можно определить между "минусинским стилем" и "окуневскими изображениями"» (Советова, Миклашевич, 1999, с. 53–56). Рисунки эти очень реалистичны, и потому уверенно можно говорить, что представлены лошади, отличающиеся по экстерьеру от лошади Пржевальского – с сухими головами, на стройных ногах, с вытянутыми туловищами. Не могли ли они быть возможными предковыми формами для одомашнивания? Кроме того, очень вероятно, что параллельно с лошадью в Южной Сибири в энеолите и даже в эпоху бронзы обитали другие виды эквидов. Упоминания о нахождении костей куланов и ослов иногда встречаются при описании некоторых памятников этого времени. Возможно, что на Большом фризе Суханихи изображены именно куланы.

Свидетельства того, что дикие эквиды обитали еще в III–II тыс. до н.э. имеются и на соседних территориях. Скорее всего, именно дикие лошади изображены в сцене охоты на каменном сосуде из с. Лаптев Лог в Алтайском крае, отнесенном к елунинской культуре (конец III – первая половина II тыс. до н.э.) (Кирюшин, 2002, с. 58–59, 96, рис. 132–136). Большинство исследователей считает, что на серии каменных жезлов с головой коня и на навершиях ножей сейминско-турбинского типа, происходящих с территории Западной Сибири и Восточного Казахстана, изображены лошади Пржевальского. Дикие или одомашненные, сказать трудно, во всяком случае, узда на них не показана. В публикациях последнего времени стали появляться высказывания, в которых пересматриваются сложившиеся представления о некоторых лошадях как домашних. Так, П.Ф. Кузнецов в лошади на знаменитом ноже из Ростовки видит тарпана (другой дикий вид рода equus), а вся композиция интерпретируется им как сцена охоты на него (Кузнецов, 2002), а не езды на лыжах вслед за одомашненной лошадью. Альтернативный анализ морфометрических данных остатков лошадей показал, что «кости из ботайско-терсекских и постботайских памятников принадлежат диким лошадям» (Косинцев, 2002, с. 50).

Вообще, простые определения «дикий» и «домашний» явно недостаточны для адекватного описания статуса животных в сложном спектре их возможных взаимоотношений с человеком (Bahn, 1978, p. 183–184). Как отмечает М. Левин, типы взаимоотношений человека и лошади намного более разнообразны. Лошади могут быть дикими, одичавшими или одомашненными; на диких и одичавших человек может охотиться, может приручать как домашних животных или как вьючных; одомашненных он может разводить для использования в качестве верховых или тягловых животных, для получения мяса, молока и других продуктов. Кроме того, даже в рамках одного общества эти типы могут сосуществовать в самых разных комбинациях (Levine, 1999, p. 19). «Различие между приручением диких лошадей и последующим их одомашниванием заключается в том, что приручение всегда начиналось с отдельных особей и часто прекращалось на них, а доместикация характеризовалась массовостью и непрерывностью процесса, требующего смены нескольких поколений животных в популяциях» (Свечин и др., 1984, с. 27). Отличительная черта доместикации, по мнению М. Левин, заключается в том, что она подразумевает владение, собственность, и поэтому выходит на абсолютно другой социальный уровень, чем охота. Приручение лошади тоже подразумевает владение, но из исторических и этнографических источников мы знаем, что социальные и экономические аспекты приручения были поверхностными и исчезали со смертью животного, в то время как доместикация имела глубокое влияние на общество в целом. Поэтому наша цель не просто идентифицировать по археологическим данным использование лошади как верховой, как тягловой, как источника мяса или молока, но, в дополнение к этому, найти свидетельства разведения и укрощения лошади. Сами по себе они археологических следов не оставляют, тем не менее, кое-что можно выяснить косвенно, через исследование структуры популяции, археологического контекста и других характеристик (Levine, 1999, p. 20). Как бы то ни было, интерес представляют все аспекты взаимоотношений человека с лошадью, начиная с охоты на нее и первых попыток приручения.

Способы контроля или управления пойманными дикими или прирученными лошадьми довольно разнообразны. Это и накидывание петли на шею (так, вероятно, изображена лошадь из могильника Лебяжье), и различные варианты недоуздков и «намордников». Эти приспособления были известны еще охотникам на дикую лошадь в верхнем палеолите. Довольно многочисленные свидетельства существования некоего контроля за пойманными лошадьми отмечались на материалах европейского пещерного искусства еще в XIX в., высказывались даже мнения о возможности доместикации (историографию вопроса см.: Bahn, 1978). Э. Пьетт собрал целую серию объектов мелкой пластики и пещерных гравировок, где на изображениях лошадей можно было проследить нечто вроде «намордников», аналогии которым он видел в лапландской этнографии (подобные намордники использовались для обуздывания северных оленей), и предположил возможность того, что пойманные дикие лошади могли содержаться в загонах (там же). Наиболее показательным образцом из опубликованных им является голова лошади из пещеры Сент-Мишель Д'Аруди (рис. 11, 4), на которой ясно видны линии «намордника» из крученой веревки; опубликованная П. Баном увеличенная фотография этого объекта (ibid., pl. XXVIa) не оставляет никаких сомнений в том, что на морду этой палеолитической лошади надето нечто, сделанное

из веревок. Теория Пьетта была тогда принята «в штыки», особенно Э. Картальяком, его объяснение подобных линий на мордах лошадей как результата стилизации анатомических черт долгое время оставалось догмой, пока вопрос о доместикации лошадей в палеолите вновь не был поднят в 1960-е гг. К этому времени добавились новые данные, как изобразительные источники, так и результаты анализа фаунистических остатков. Как заключает П. Бан, к настоящему моменту фактов так много, что уже невозможно отрицать возможность того, что, начиная с мустьерского времени, отдельные пойманные животные по меньшей мере могли содержаться у жилищ; и если слово «доместикация» применительно к палеолиту слишком настораживает, то может быть легче будет принята идея «палеолитического скотоводства» (ibid., p. 189–190). К нашей теме этот сюжет имеет то отношение, что позволяет сделать следующие выводы: 1) попытки контроля за дикими лошадьми совершались человеком на протяжении многих тысячелетий, совсем не обязательно развиваясь в доместикацию; 2) «намордник» на голове лошади не обязательно означает, что эта лошадь одомашнена; 3) наконец, человек способен был контролировать диких лошадей и надевать на них приспособления для контроля, не будучи верхом на коне.

Кроме «намордников», могли использоваться и другие способы контроля головы лошади, такие, например, как разного вида веревочные или ременные недоуздки, используемые до сих пор, и, видимо, практически не изменившиеся за тысячелетия. Двойные линии на морде лошади, изображенной на плите из Абаканского музея (рис. 11, *5*), поразительно напоминают веревочный недоуздок на современном осле (рис. 11, *6*).

Стреноживание, или связывание путами ног лошади, – другой способ контроля над лошадьми, применявшийся (и применяющийся) при выпасе лошадей, чтобы они не смогли далеко уйти. Как правило, путами связывают обе передние ноги с одной задней (что отразилось в русском названии этого действия: «*тре*ножить»), или только передние. Но в других культурах возможны и другие способы, например, тувинцы связывают также заднюю и переднюю ноги одной стороны, или две задние с одной передней, причем для каждого способа есть специальное название и разные путы (Даржа, 2003, с. 91). Похоже, что стреноженные лошади были частым зрелищем в евразийских степях во II тыс. до н.э., так как этот образ нашел свое воплощение во многих произведениях наскального искусства. Особенно много изображений лошадей со связанными ногами на местонахождениях р. Байконур в Центральном Казахстане (Новоженов, 2002), причем почти всегда это лошади, выполненные в характерной манере, с торчащей челкой, относящиеся к сейминско-турбинской изобразительной традиции (Пяткин, Миклашевич, 1990). В петроглифах Тамгалы в Южном Казахстане есть целая серия изображений лошадей, по всей вероятности, диких, с подчеркнуто торчащими гривами, датируемых А.Е. Рогожинским XIV–XIII вв. до н.э. (Рогожинский, 2004, с. 52–53) (хотя, на наш взгляд, они могут быть датированы и более ранним временем). Лошади эти входят в так называемую группу «петроглифов типа Тамгалы» вместе с изображениями других диких животных – быков-туров, верблюдов, куланов, оленей и др., а также знаменитых «солнцеголовых» и «ряженых» (там же). Важно то, что у некоторых из этих лошадей показаны путы (рис. 11, *8*, *9*): у лошади на рисунке 11, *8* они едва намечены отдельными редкими точками, а у верхней лошади на рисунке 11, *9* выбиты более отчетливо.

Заметно, что во всей серии на этом и других памятниках одни лошади показаны с торчащей гривой, обозначенной отдельными вертикальными черточками (нельзя не отметить сходство этого приема с изображением гривы у обеих лошадей из Лебяжьего и Сулека VII), а другие – со сплошной гривой и челкой надо лбом. Как известно, короткая торчащая грива и отсутствие челки, а также хвост, на репице которого волосы короткие, а ниже длинные, – основные внешние признаки, отличающие дикую лошадь. У домашних лошадей есть челка, грива свисает набок, а хвост покрыт длинными волосами от репицы. Можно предположить, что эти признаки отразились в наскальных изображениях лошадей рассматриваемой эпохи: с торчащими гривами изображены дикие лошади в процессе приручения, а с гладкими гривами и челками – одомашненные лошади. Надо заметить, что прием изображения конской гривы отдельными черточками универсален во времени и пространстве, чаще всего являясь иконографическим признаком лошади вообще, здесь же речь идет о совершенно конкретной группе изображений, где этот признак несет, возможно, дополнительную семантическую нагрузку. Особенно показателен рисунок из Тамгалы (рис. 11, *9*), где изображена пара: одна лошадь с торчащей гривой и связанными ногами, а другая с гладкой гривой и челкой, более пышным хвостом, свободными от пут ногами, и более того, на спине ее показан «отросток», который, возможно, является схематическим изображением всадника. Если это так, то можно предположить, что здесь изображена сцена, в которой участвуют всадник на одомашненной лошади и пойманная им и стреноженная дикая лошадь.

Среди окуневских лошадей, видимо, также показаны как домашние лошади, так и дикие в процессе приручения. Нельзя не заметить удивительного сходства лошади из Лебяжьего с современным зоологическим изображением лошади Пржевальского (рис. 11, *1*, *3*). Есть ли на ней путы, сказать невозможно, так как нижний край плиты обломан, но на ее шее показана двойная веревка или ремень – это явно *пойманная* лошадь. Аналогичные процессы отразились и в наскальном искусстве

Монгольского Алтая, где в комплексе Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур зафиксировано большое количество разновременных изображений лошади (Кубарев, 2004). Среди изображений эпохи бронзы есть как явно дикие виды – куланы и лошади Пржевальского, так и одомашненные лошади. На многих показаны такие признаки, как торчащая грива, путы на ногах, повод, идущий от морды к передней ноге лошади или к руке человека. Здесь, так же как и в Минусинской котловине, в петроглифах предыдущего пласта есть довольно многочисленные изображения дикой лошади, определяемые как «самые древнейшие, может быть, относящиеся к эпохе неолита-энеолита» (там же, с. 12, табл. I). В целом, совершенно ясно, что именно наскальное искусство Центральной Азии может стать ключом к пониманию сложных процессов приручения и доместикации лошадей в этом регионе, при условии целенаправленного поиска соответствующих сюжетов, внимательного копирования всех деталей и тщательного анализа. Наиболее важное значение имеет анализ изображений лошадей «с челкой», выполненных в сейминско-турбинской изобразительной традиции, большие серии которых представлены в памятниках Казахстана, таких как Байконур, Теректы-Аулие и др. Уже сейчас ясно, что наскальное искусство первой половины – середины II тыс. до н.э. показывает тот сложный период, когда в степях Евразии еще обитали дикие эквиды, и были уже одомашненные лошади, когда человек продолжал охотиться на дикую лошадь и пытался ее приручить, контролировал табуны и уже использовал лошадей как упряжных животных, запрягал их в повозки и колесницы и даже начал делать попытки сесть на лошадь верхом.

Контроль за лошадью – это целый комплекс действий и приспособлений. Без контроля лошадь может быть использована только в качестве источника мяса, молока и кожи. Использовать лошадь только таким образом имеет смысл там, где эти животные водятся в изобилии (как, например, это было у ботайцев, где за 100 лет было уничтожено около 1, 4 млн лошадей). Но если лошадь используется как верховое, вьючное или тягловое животное, это означает, что применяется целая система средств воздействия, контроля и управления, основанная на использовании двух основных механизмов подчинения – физическом и психологическом. Первый – это физическое воздействие человека – от мягких поглаживаний до иногда очень жесткого использования рук, ног, веса, кнута, шпор и т.д. Психологический аспект контроля осуществляется постоянно повторяющимся тренингом, что обусловливает повиновение лошади, доведенное до автоматических реакций. Основной физический механизм контроля сосредоточен на голове лошади, используя особую чувствительность области носа и рта. Взнуздывание – главный способ добиться повиновения. Приспособления для контроля могут быть основаны либо на давлении в области рта лошади (узда с удилами и псалиями), либо на давлении в области носа (носовое кольцо с недоуздком или веревкой) (Hyland, 2003, p. 49-60).

Скорее всего, контроль над лошадью «через нос» исторически предшествовал контролю «через рот». Быки, доместицированные ранее лошадей, управлялись с помощью кольца, продетого через носовой хрящ (рис. 12, *4–5*). Это приспособление верно учитывало анатомию животного, поэтому использовалось на протяжении всей истории и продолжает применяться сейчас. В III тыс. до н.э. в повозки, традиционно влекомые быками, начали пробовать запрягать и других животных-эквидов. Это были ослы, онагры или гибриды с лошадьми – мулы. Свидетельствуют об этом ближневосточные изобразительные источники, шумерская клинопись и погребения. В силу известного консерватизма к новым животным, невзирая на некоторые отличия в анатомии, были применены те же способы запряжки, что применялись к быкам (Piggott, 1992, p. 39–40), в том числе и носовое кольцо. Наиболее классический пример этого – изображения эквидов, запряженных в повозку, на штандарте из Ура (рис. 12, *8*). Такие же кольца показаны в носах эквидов из дворца в Мари (рис. 12, *9*). Этот способ продолжал применяться еще несколько веков, уже при запряжке в колесницы (рис. 12, *10–11*), и даже у первых верховых лошадей (рис. 12, *12*). Эхо этого древнего способа контроля над лошадью также дошло из Ассирии, где титул должностного лица *Kaptanny* означал «тот, кто держит нос лошади» (Hyland, 2003, p. 54). Вскоре люди осознали, что анатомия лошади несколько отличается от бычьей, и что контроль «через рот» более удобен и эффективен; дальнейшая работа по совершенствованию механизмов контроля шла по пути разработки узды с удилами и псалиями.

Южная Сибирь не оставалась в стороне от этого процесса: развитие форм управления быками и лошадьми шло здесь, видимо, так же, как и на Ближнем Востоке. На мордах лошадей из Черновой VIII и Лебяжьего изображены «петли» со скрещенными концами, точно такие же, какие известны во множестве на изображениях окуневских быков и являются одной из самых характерных черт окуневской иконографии. От места скрещения концов этих петель и у быков, и у лошадей отходят линии к верхней части головы, у лошади из Черновой VIII изображены еще и боковые линии поводьев. Таким образом, и здесь мы видим древнейший способ управления животными с помощью «кольца в носу». Этот термин (в англоязычной литературе «nasal ring») используется в общем смысле, на самом деле это приспособление выглядело и выглядит в разных историко-географических областях по-разному. В Месопотамии это действительно было кольцо (серебряные кольца найдены в захоронениях с быками и эквидами), на быках из Малой Азии, видимо, изображены веревочные петли (рис. 12, *9*), в Ки-

тае применялись составные предметы из изогнутого металлического прута, концы которого закреплены в горизонтальном бруске, и т.д. У окуневцев этот предмет выглядит очень своеобразно, по петроглифам судить трудно, но можно предположить, что это было что-то вроде «рогульки» – гибкий прут протягивался сквозь носовой хрящ, затем сгибался, а концы его скреплялись вверху. К месту соединения крепился ремень, проходящий по верху головы, и соединяющийся, наверное, с шейным. У быков этот же ремень служил средством управления, а у лошадей, видимо, лишь для фиксации, так как изображены еще и поводья. На каменной голове лошади из Тугужекова изображен скорее всего недоуздок, но у него тоже есть этот верхний ремень. В более поздних изображениях конской узды, когда использовался уже контроль «через рот», такого ремня нет.

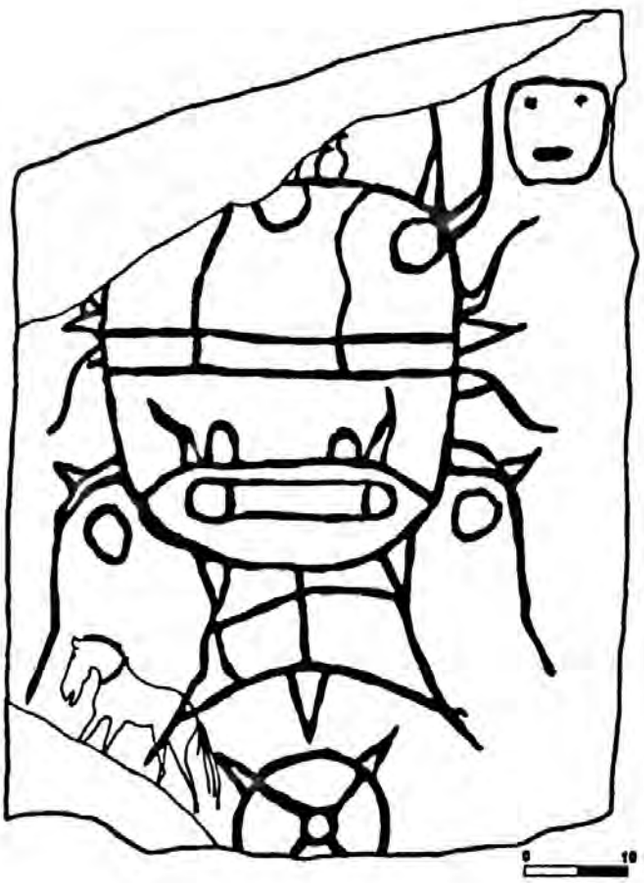
На голове лошади из Черновой VIII показаны поперечные линии, менее выраженные линии есть также у второй лошади из Лебяжьего и из Пора-Тигейской композиции. На головах окуневских быков иногда встречаются похожие косые параллельные линии, трактуемые как линии ритуальной раскраски. У лошадей это скорее нечто вроде «намордников». На многих ближневосточных изображениях с упряжными эквидами можно видеть такие намордники (рис. 12, *8–9*). Это был еще один необходимый аксессуар контроля в раннее время. «Если сейчас кусающаяся лошадь – редкость, так как веками ее отучали от этой привычки, то в древности подобные повадки только поощрялись, особенно во время битв» (Ковалевская, 1977, с. 22). Ранние намордники были плетеными из ремней и веревок, может быть, кожаными или из других материалов. Применение их началось еще в палеолите (рис. 11, *4*) и продолжалось до Средневековья. Функционально они предназначались, чтобы: а) предотвратить кусание лошадьми друг друга или человека; б) держать рот лошади закрытым, чтобы обеспечить действие удил; в) сдерживать ржание (Hyland, 2003, p. 58). Интересно, что подобные поперечные линии есть и на мордах лошадей в изобразительных материалах из синхронных культур – на фрагменте самусьской керамики из Нижнего Притомья (Есин, 2002, рис. 4, *2*) и на каменном сосуде из могильника Аймырлыг в Туве (Мандельштам, 1973).

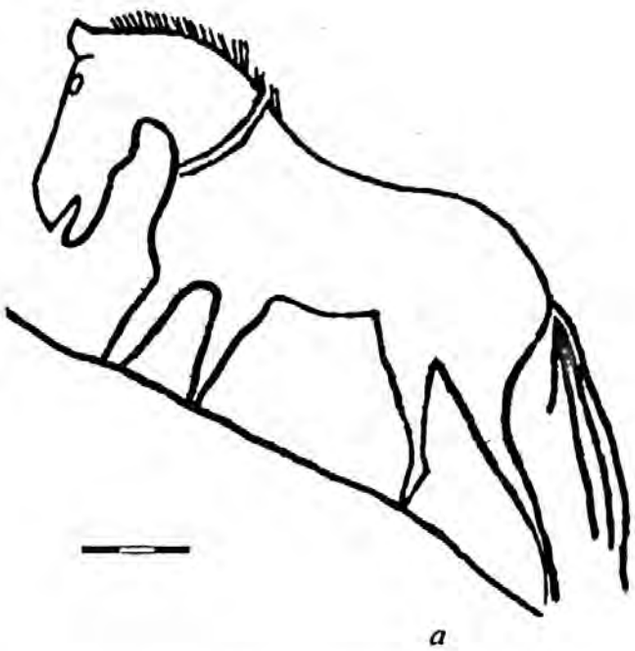
Наличие в той или иной культуре изображений коня, тем более в сочетании с захоронениями головы или шкуры, интерпретируется как существование культа коня. А если существовал культ коня (часто делается вывод), значит, развивалось коневодство. Не будем здесь останавливаться на проблеме культа коня – это отдельная большая и тоже дискуссионная тема (см. об этом: Кузьмина, 1977; Нестеров, 1990; и др.), так же, как и делать преждевременный вывод, что у окуневцев этот культ существовал, но в любом случае, культ коня совсем необязательно свидетельствует о доместикации этого животного. Признаки поклонения коню, лошадиные кости в ритуальной практике, строго говоря, еще не доказательство того, что лошадь была одомашнена. Так, когда говорят о культе оленя или лося, никому в голову не приходит считать, что это были одомашненные животные. Исследовавший проблему «культа коня» С.П. Нестеров пришел к выводу, что под этим «нужно понимать тотемические представления о коне или те религиозные воззрения, в которых конь является объектом культа» (Нестеров, 1990, с. 117). Тотемические представления скорее будут связаны с диким животным, чем с домашним. Археологические свидетельства о том, что в III тыс. до н.э. существовал культ лошади, такие как, например, выкладки из черепов лошадей, черепа и фаланги, окрашенные охрой, обнаруженные на памятниках ботайской культуры (Зайберт, 1993), с таким же успехом могут быть свидетельствами культа *дикой* лошади. Раз дикая лошадь была основой существования этого коллектива, вполне естественна большая ее роль в религиозных представлениях. В целом весь круг изобразительных памятников культур конца III – первой половины II тыс. до н.э., в число которых входила и окуневская, отражает не столько культ коня, сколько процесс его освоения в самой сложной и интересной фазе взаимоотношений человека и лошади, когда охота и приручение диких эквидов шли параллельно с использованием одомашненной лошади.

Для окуневской культуры приведенные источники, хотя их и немного, могут (на уровне предположения) свидетельствовать о том, что: 1) лошадь использовалась в пищу (скорее всего, кости в насыпях курганов – остатки погребальных тризн; фрагменты костей в *све* – также пищевые остатки), неясно, правда, разводились ли они с этой целью или это результат охоты на диких видов (которые явно еще существовали в то время); 2) в это время уже могло происходить разведение лошадей, о чем свидетельствуют изображения длинноногих, изящных лошадей с челкой на лбу на скале Изирих-Тас; 3) лошадей использовали как упряжных животных; по крайней мере, точно были попытки применить для них такие же приспособления («петля в носу»), какие широко использовались для быков; не исключено, что специфическая форма этого приспособления была разработана именно в Минусинской котловине, так как в других регионах она неизвестна; 4) лошадь занимала свое немаловажное место в окуневской мифологии и ритуальной практике; на скалах и плитах, конечно же, изображены не просто бегущие или взнузданные кони, а устойчивые мифологические персонажи.

В заключение необходимо остановиться еще на одном аспекте – выявленные нами изображения лошадей, относящиеся (достоверно или предположительно) к окуневской культуре, удивляют своей «разностильностью». Если собрать их вместе, то человек, не знакомый близко

с окуневским искусством, ни за что не поверит, что это рисунки одной культуры, настолько они стилистически разнообразны. С другой стороны, человек, хорошо знающий окуневское искусство, легко найдет соответствия каждому отдельному изображению и их деталям в канонических образах окуневских быков и фантастических хищников. И, как указывалось при описании объектов, общий контекст либо места находки, либо всей композиции подтверждает в большинстве случаев их окуневскую принадлежность. «Разностильность» может быть связана с недостаточной репрезентативностью выборки изображений лошадей. Из всего массива окуневских изображений быков (личин, хищников) тоже можно выбрать несколько настолько различных экземпляров, что собранные вместе они не будут производить впечатления изображений одной культуры. Или объясняться внутренней хронологией культуры. Так, фигуры лошадей из Лебяжьего, головы из Тугужекова и на плите из Абаканского музея производят впечатление более ранних, а фигуры изирих-тасских бегущих лошадей можно сопоставить с изображениями быков более позднего «разливского» стиля; кроме того, их характерные челки заставляют вспомнить о сейминско-турбинской традиции, проникновение которой в Минусинскую котловину связывается с поздним этапом окуневской культуры (Леонтьев С., 2002). Наконец, это можно объяснить тем, что в отличие от более популярного образа быка, стилистический канон изображения лошади просто еще не сложился. А в целом, видимо, дошедшие до нас изображения лошадей как раз и отражают то взаимодействие разнородных традиций и волны разных культурных влияний, которые определили своеобразие окуневского искусства и культуры (Савинов, 1995; 1997б).

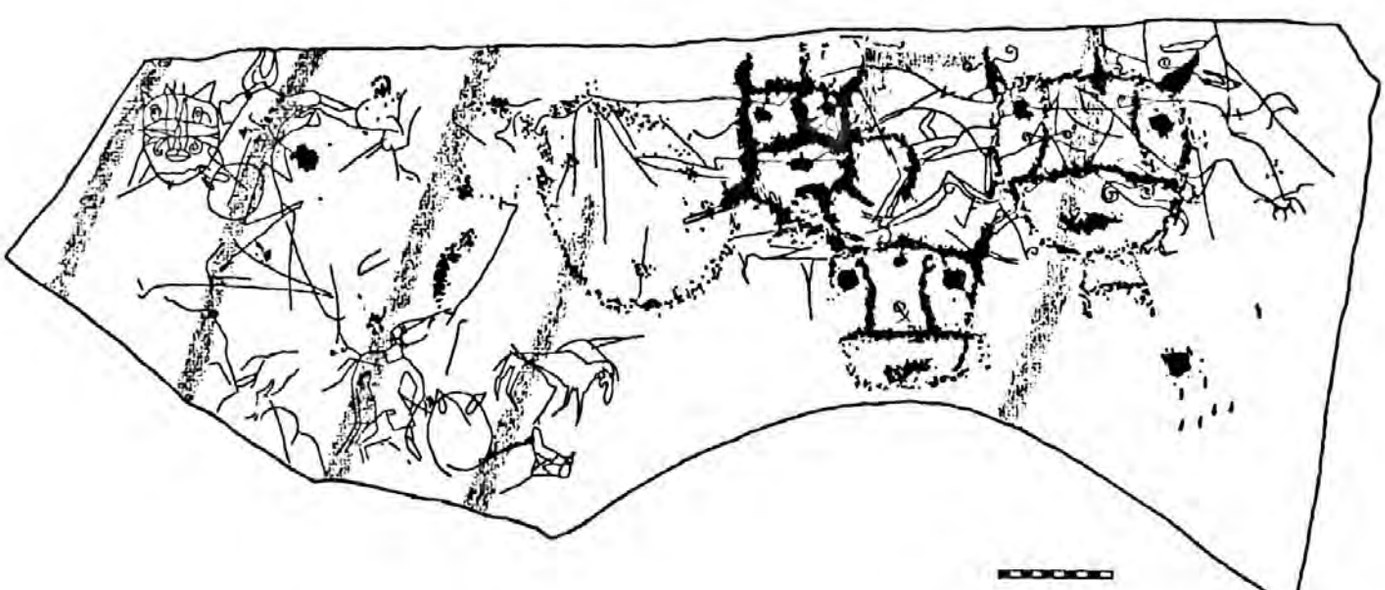

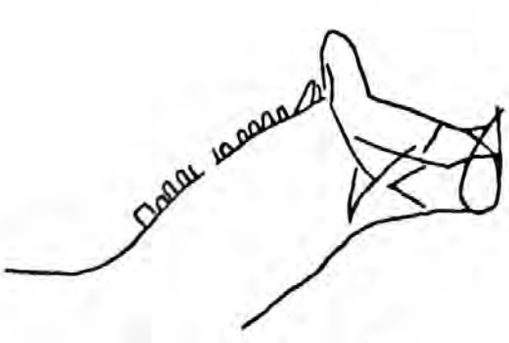

а

Рис. 1 Изображения на плите № 1 из кургана 1 могильника Лебяжье (по Вадецкой, Леонтьеву)

а – фрагмент с изображением лошади

а

Рис. 2 Изображения на плите № 3 из кургана 1 могильника Лебяжье

а – фрагмент с изображением лошади

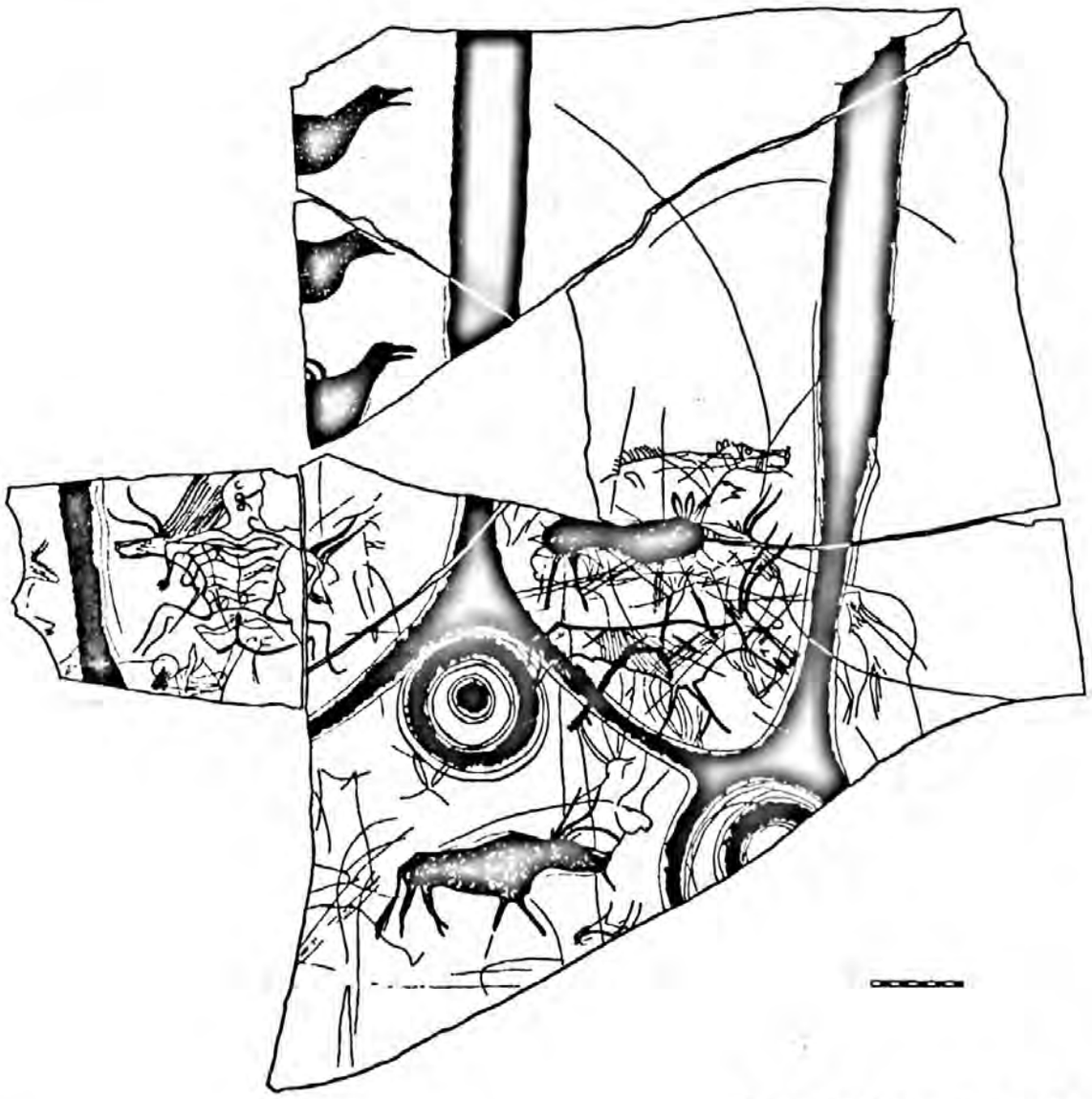
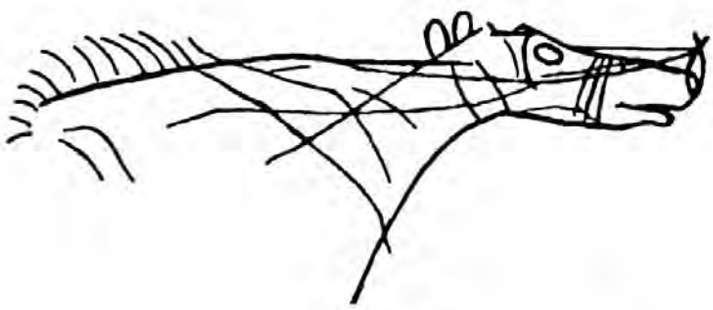

Рис. 3 Изображения на плите из могильника Черновая VIII

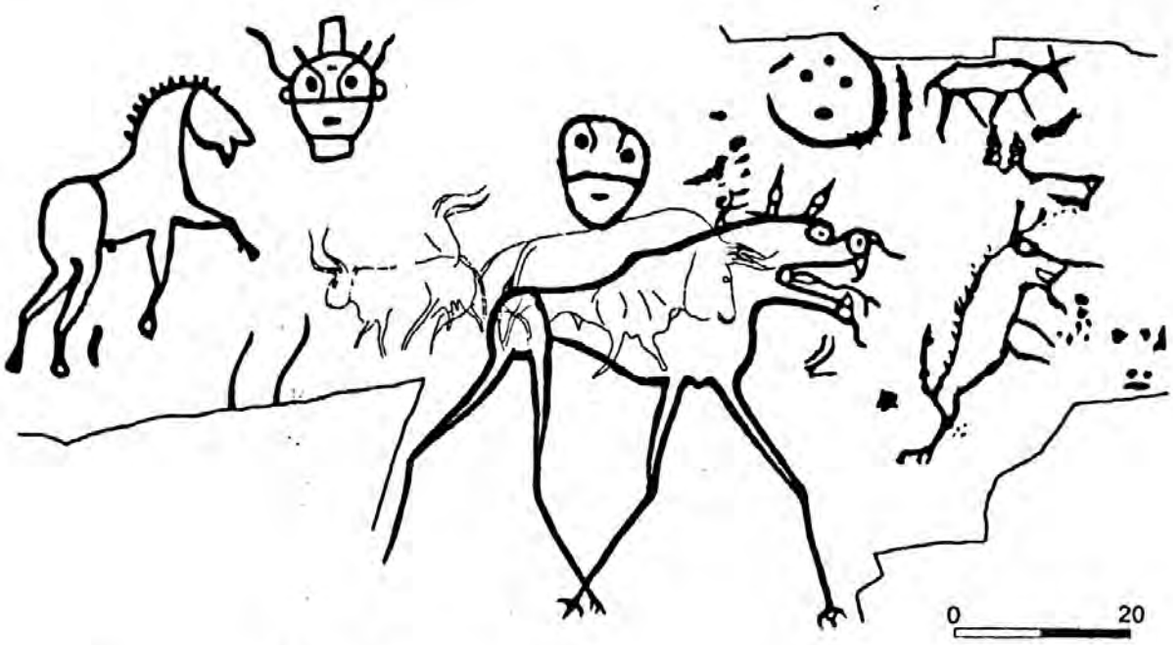
а – фрагмент с изображением лошади

а

Рис. 4 Изображения голов быка и лошади на плите из Хакасского республиканского музея

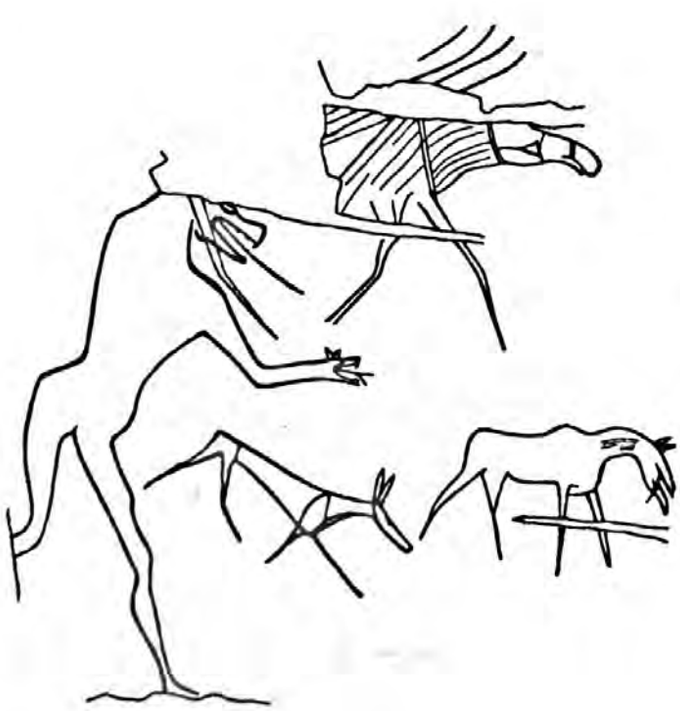

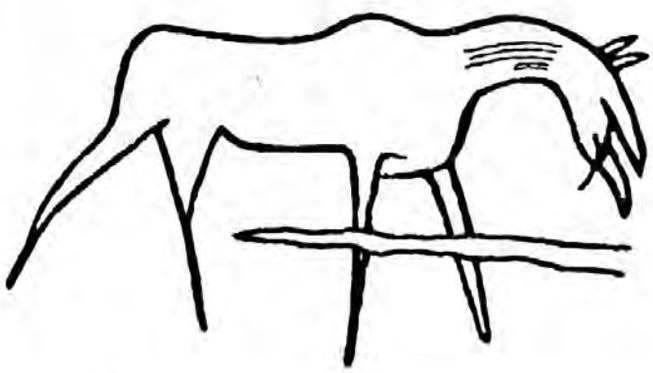

а

Рис. 5 Наскальная композиция
на г. Тюря комплекса Сулек (по Леонтьеву)

а – фрагмент с изображением лошади

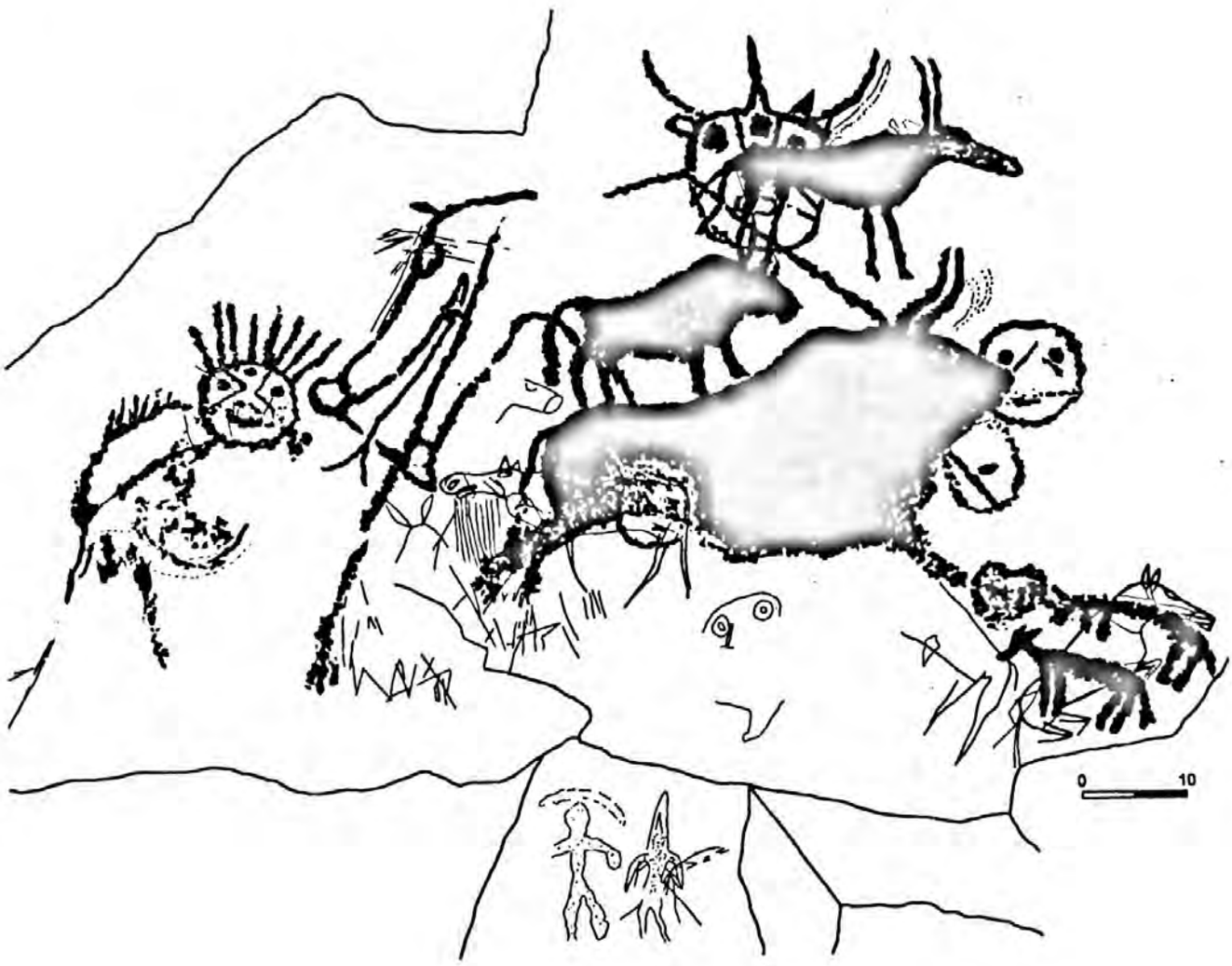

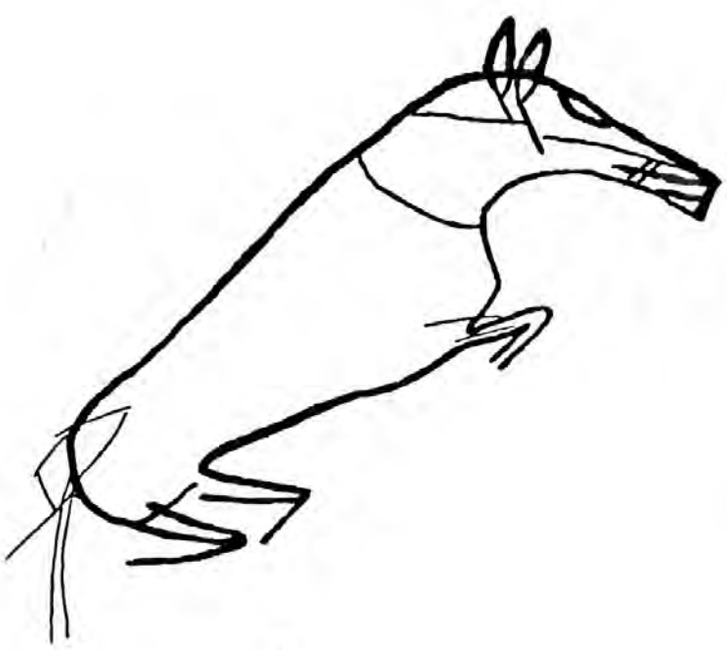

а

Рис. 6 Наскальная композиция
на г. Озерная комплекса Сулек (по Леонтьеву)

а – фрагмент с изображением лошади

а

Рис. 7 Наскальная композиция на г. Пора-Тигей

а – фрагмент с изображением лошади

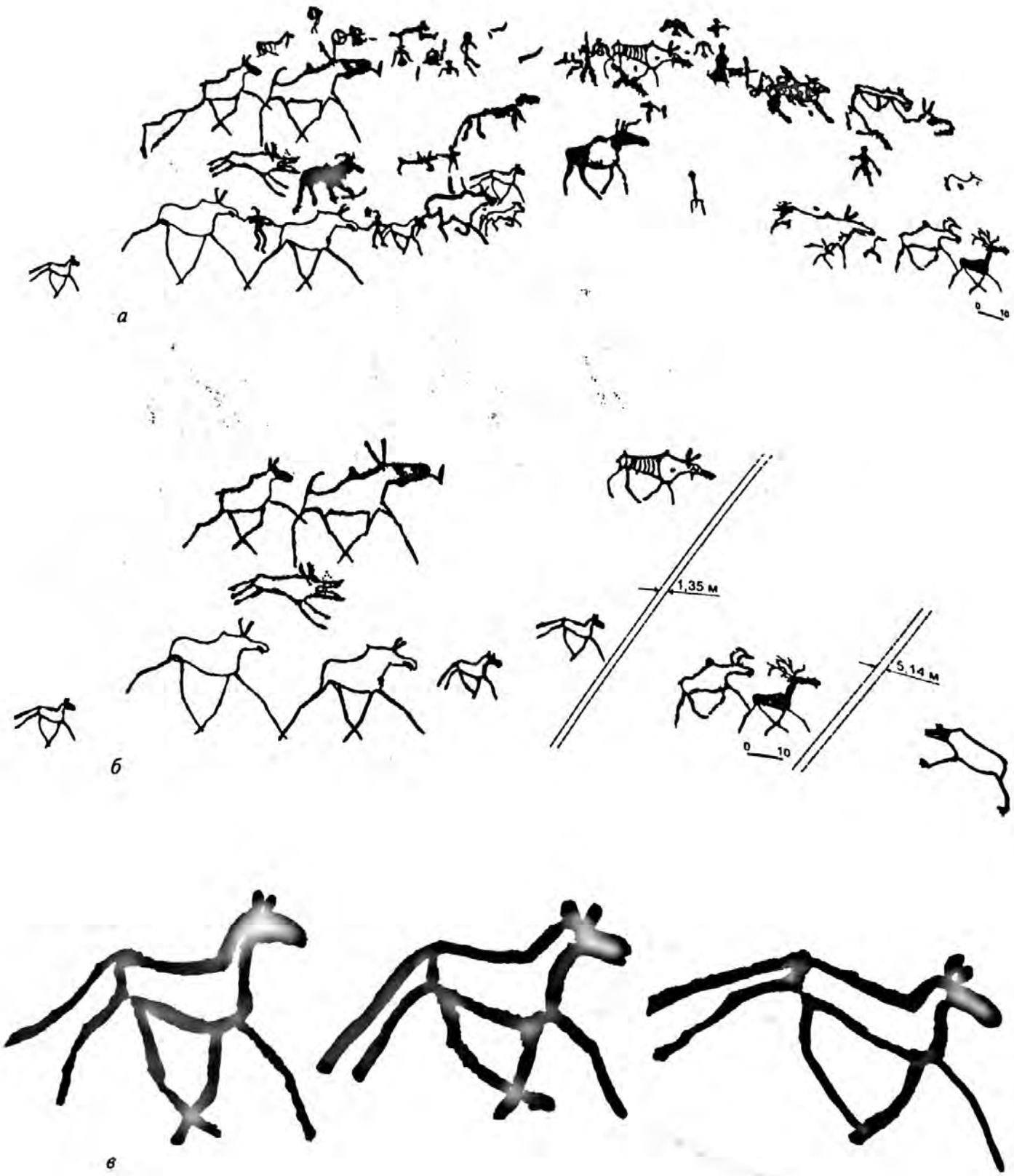
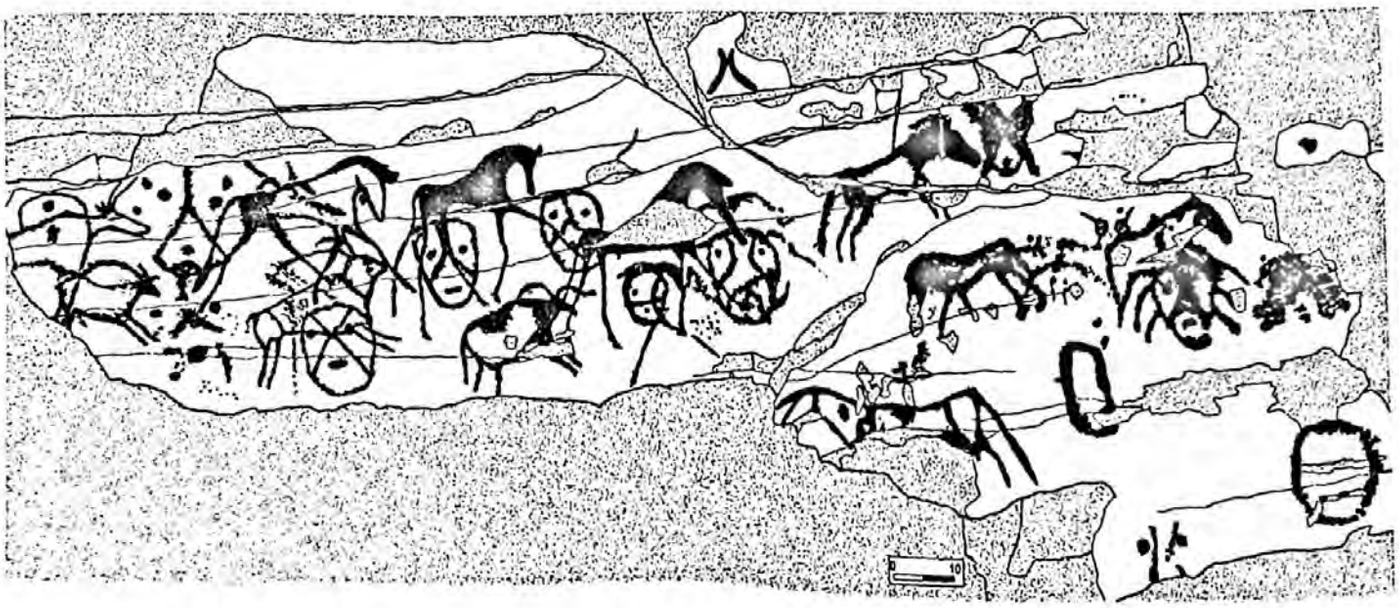

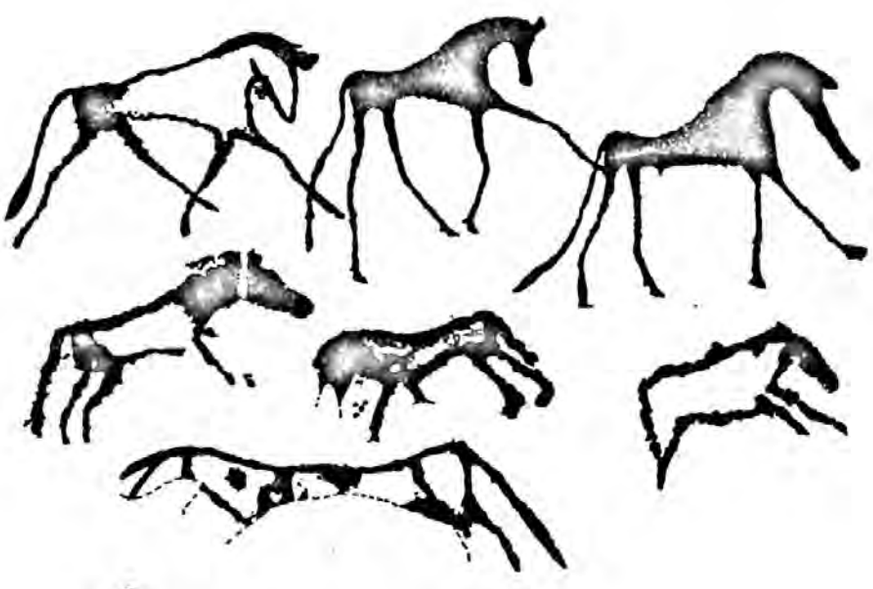
Рис. 8 Наскальные рисунки Большого фриза на г. Суханиха:

а – левая часть композиции с разновременными изображениями;

б – изображения, относящиеся к окуневскому времени;

в – изображения лошадей

а

Рис. 9 Наскальная композиция на г. Изирих-Тас

а – изображения лошадей

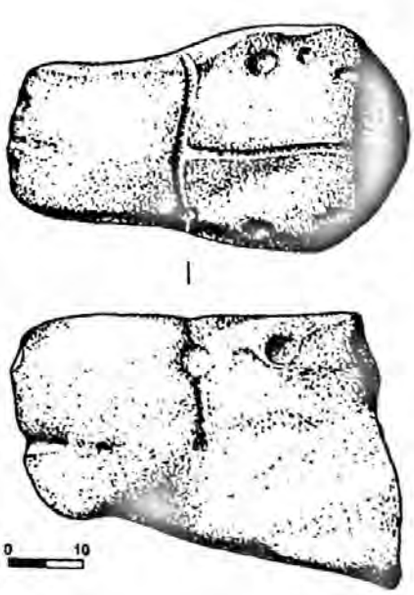

Рис. 10 Скульптурное изображение головы лошади из у. Тугужекова (по Леонтьеву)

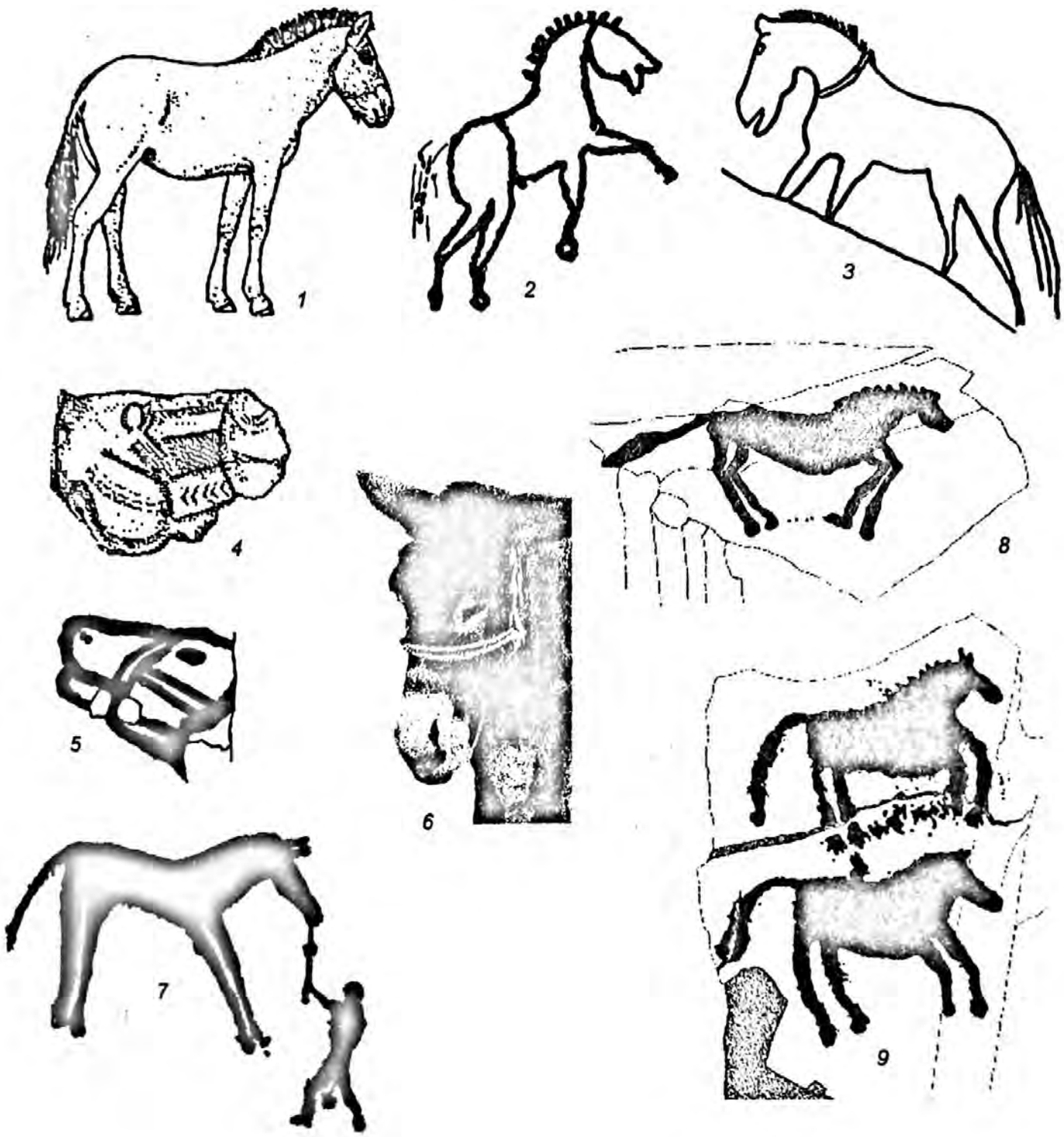

Рис. 11 Дикие лошади и способы их контроля и приручения:
1 – современное изображение лошади Пржевальского; *2* – лошадь из наскальной композиции Сулек VII; *3* – лошадь с ремнем на шее (Лебяжье); *4* – голова лошади в веревочном «намордник» из пещеры Сент-Мишель Д'Аруди, верхний палеолит; *5* – линии узды или недоуздка на морде лошади на плите из Абаканского музея; *6* – веревочный недоуздок на морде осла, современная фотография; *7* – «укрощение лошади», наскальный рисунок из Монгольского Алтая (по Кубареву); *8–9* – изображения стреноженных лошадей, наскальные рисунки из Тамгалы, Казахстан

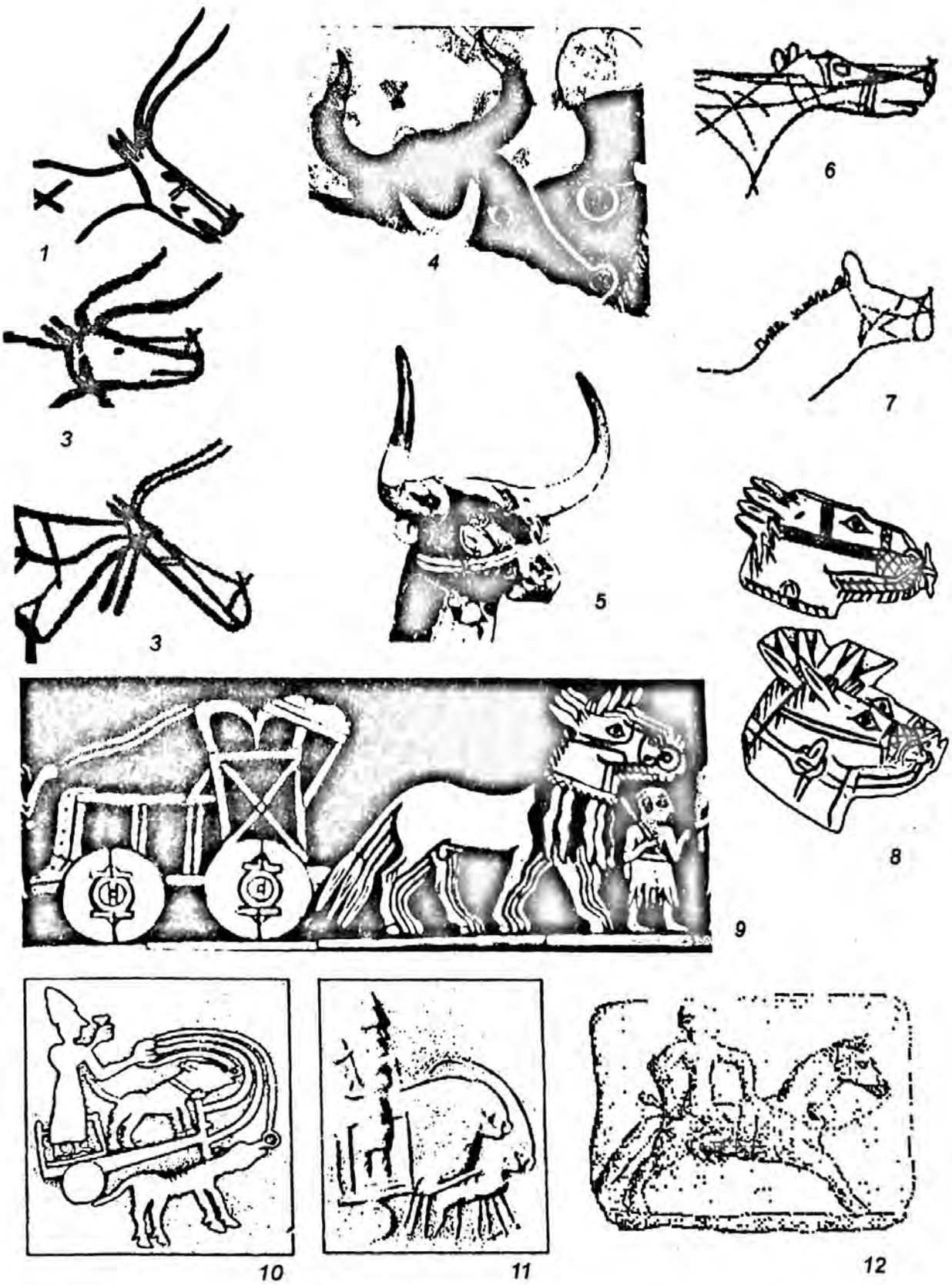

Рис. 12 Кольца в носу как способ управления быками и эквидами:
1–3 – «петли» в носу на изображениях окуневских быков (*1* – Черновая VIII, *2* – Знаменка, *3* – Разлив X); *4* – кольцо в носу быка на фреске из дворца в Мари, 18 в. до н.э. (по: Roaf, 1996); *5* – кольцо в носу быка на терракотовом ритоне из Богазкея, 16 в. до н.э. (по: Aksit, 1987); *6–7* – «петли» в носу на изображениях окуневских лошадей (*6* – Черновая VIII, *7* – Лебяжье); *8* – кольца в носу эквидов, запряженных в повозку, на «штандарте из Ура», XXVI в. до н.э. (по: Roaf, 1996); *9* – кольца в носу эквидов на инкрустации из Мари, нач. III тыс. до н.э. (по: Littauer & Crouwel, 1979); *10–11* – кольца в носу эквидов, запряженных в колесницы, на оттисках печати, Карум Каниш II, Каппадокия, XX–XIX вв. до н.э. (по: Littauer & Crouwel, 1979); *12* – кольцо в носу верховой лошади на терракотовой плакетке из Месопотамии, начало II тыс. до н.э. (по: Littauer & Crouwel, 1979)

Ю.И. Ожередов

Некоторые дополнения к сюжетам двух памятников окуневского искусства

История изучения окуневского искусства (изваяний, гравировок на камне, мелкой пластики) насчитывает почти 300 лет. В 1950 г. М.П. Грязнов своей статьей отметил своеобразный юбилей, подчеркнув, что «каменные бабы Минусинских степей изучаются уже в течение 225 лет» (Грязнов, 1950, с. 128). По мере увеличения интереса ученых к сибирским древностям расширялся круг доступных науке окуневских изобразительных памятников. Начиная с XVIII в. их описывали и зарисовывали участники специальных научных экспедиций, а также краеведы и просто любители старины. С развитием науки, в том числе с появлением более тонкого понимания изобразительного стиля, уже известные изображения пополняются уточнениями и новыми деталями, рисунки становятся все более информативными. Вместе с тем, ряд памятников со временем был утерян, некоторые претерпели невосполнимые утраты. В этой ситуации некогда сделанные зарисовки или фотографии оказываются единственными источниками, визуализирующими древние памятники и их состояние на момент открытия. Поэтому пополнение корпуса такого рода источников необыкновенно важно для адекватной реконструкции прошлого.

В собрании живописи и графики Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета (МАЭС) хранятся два рисунка, на которых изображены окуневские изваяния из д. Знаменка и из долины р. Малая Есь. Публикуемые здесь работы были созданы в конце XIX – начале XX в. и, судя по всему, являются наиболее полными источниками, передающими эти памятники в состоянии максимальной сохранности и сюжетной насыщенности.

Изваяние из д. Знаменка

«Знаменское» изваяние стало известно науке благодаря стараниям А.В. Адрианова, который сообщил о находке в письмах и публикации (Адрианов, 1904, с. 2) и фактически спас памятник, переправив его в Красноярский музей. Обстоятельства открытия и первичного изучения изваяния были изложены М.П. Грязновым: «В марте 1903 г. А.В. Адрианов сообщил в Археологическую комиссию, что в Минусинском музее он нашел акт сотского д. Знаменка. "Из акта видно, что один крестьянин, вырывая подполье, наткнулся на три плиты с какими-то надписями, а под плитами обнаружена каменная кладка из трех вертикальных стенок, внутри которых... найдено свыше 70 медных бус и кости. Раскопка велась в присутствии сотского... Это было в 1899 г." В октябре того же 1903 г. А.В. Адрианов добавляет, что уже из переписки в Абаканском волостном правлении он "узнал, что крестьянин д. Знаменки... наткнулся на три плиты с писаницами. Под плитами оказалась могила, устроенная из плитняка в форме ящика; в могиле он нашел ... 72 медные бусы, медный браслет и горшок; там же лежал костяк головой на Запад"» (Грязнов, 1960, с. 87). В 1904 г., после ознакомления с памятником на месте, А.В. Адрианов пишет: «Кстати, в Знаменке при случайной раскопке крестьянин на своей усадьбе наткнулся на могилу на глубине около 2 арш.; могила была обложена с 3 боков плитами, а сверху покрыта плитой, на узком ребре которой изваяно человеческое лицо, а на одной из широких граней выбиты фигуры птиц, животных и пр. В могиле было найдено до 70 бронзовых бус, бронзовый нож и горшок. К сожалению, могила была уничтожена и на мою долю досталась лишь плита, которую я распорядился вывезти в Красноярск, в Музей; с плиты будут сняты эстампаж и фотографии» (Адрианов, 1904, с. 7). Неизвестно, насколько были исполнены планы исследователя в отношении дальнейшего изучения плиты, но публикация описания и прорисовок изображений не состоялась. Тем не менее, интерес научной общественности стелу не обошел. В 1926 г. в разделе «Научные новости и заметки» журнала «Природа» М.П. Грязнов и Е.Р. Шнейдер дали краткую информацию о знаменской плите (Грязнов, Шнейдер, 1926, с. 100–105), а в 1929 г. в обобщающей статье был «опубликован ее схематический рисунок» (Грязнов, Шнейдер, 1929, табл. III, *21*). В 1955 г. М.П. Грязнов «имел возможность подробно изучить в Красноярском музее краеведения обе половины камня и точно скопировать изображения». Спустя пять лет он опубликовал свои наблюдения и прорисовку изображения (Грязнов, 1960, с. 85, рис. 20). Позднее прорисовка М.П. Грязнова (рис. 1, *1*) была уточнена Б.Н. Пяткиным и Е.А. Миклашевич (рис. 1, 2). Появились дополнения: фигурка человека в повозке, две новые фигуры "тучных" быков и некоторые другие детали (Ковтун, 2001, табл. 82, *3*).

По сообщению А.В. Адрианова могилу перекрывала плита, на поверхности которой имелись «надписи» (точнее «фигуры птиц, животных и пр.»). Кроме того, ясно, что плита была расколота.

А.В. Адрианов пишет о трех плитах, а в первом известии даже о трех бабах (Адрианов, 1904, с. 2). Вероятно, в обоих случаях речь идет о трех фрагментах одной плиты. М.П. Грязнов, по его словам, изучает в музее только два фрагмента (165×95 см). Очевидно, один из трех обломков до Красноярского музея не дошел. Как он выглядел, было неизвестно. Судя по прорисовкам, утрачен верхний фрагмент.

Рисунок[1], обнаруженный в собрании МАЭС ТГУ, позволяет в какой-то мере восполнить существующий пробел, так как на нем плита изображена в полном виде. Более того, художник почему-то изобразил ее установленной вертикально и, видимо для пущей убедительности, отметил горизонт дневной поверхности и контурной линией показал нижнюю часть изваяния, погруженную в землю (рис. 2). Нет никаких сомнений в том, что это окуневская стела, и в том, что изображена именно находка из д. Знаменка, точнее плита, опубликованная М.П. Грязновым. Несмотря на достаточно примитивные стиль и технику исполнения старого рисунка, при сравнении его с более поздними прорисовками убедительно проявляется абрисное, композиционное и детальное их единство. В частности, совпадают место линии разлома плиты и ее направление, повторяется характерная повозка с двумя дышлами и двумя впряженными быками, фигура быка, перекрывающая "солярный знак", своеобразие личины.

Вместе с тем, на старом рисунке отсутствуют некоторые детали, имеющиеся на поздних прорисовках. Так, на месте "тощего" быка и рогатого животного (сайги?), находящихся выше "солярного знака", показан горизонтально вытянутый треугольник. Вероятно, художник не смог разгадать сюжет и, не пожелав его додумывать, отметил таким способом неясное место. При этом автор точно определил общий контур нераспознанных им фигур, которые в совокупности действительно образуют вытянутый треугольник, как это и видно на самой поздней прорисовке (рис. 1, 2). Зафиксированные здесь задние ноги "тощего" быка вместе с его крупом, а также фигура сайги формируют некий контур, левая граница которого выглядит как короткая (вертикальная) сторона треугольника, а туловище и голова быка вписываются в сужающуюся к вершине треугольную фигуру.

1 *2*

Рис. 1 Прорисовка плиты из д. Знаменка: *1* – по М.П. Грязнову, *2* – по Б.Н. Пяткину и Е.А. Миклашевич

Существенное расхождение в изображениях на старом и на новых рисунках заключается прежде всего в размерах и форме верхнего фрагмента «знаменской плиты». На новых копиях плита обрывается неровным ломаным контуром над верхним тощим быком, а на музейном рисунке показано продолжение стелы, плавно сужающейся кверху и завершающейся округлой вершиной, по форме характерной для многих известных окуневских изваяний. Линия разлома в этой части не показана столь явно, как расположенная ниже. Тончайшей линией и слабой тенью художник, вероятно, лишь обозначил на этом месте плотный стык двух фрагментов плиты, верхний из которых позже оказался утраченным.

Предполагаемая линия разлома пересекает отчетливо видные лапы крупной птицы, направленной головой влево. Именно эта фигура оказалась за пре-

[1] Рисунок черно-белый, выполнен простым карандашом на плотной белой бумаге. Лист обрезан неровно, стороны несимметричны, его размеры – 29,3–30×21,3–22,4 см. На лицевой стороне в середине вверху синими чернилами поставлен инвентарный номер под знаком – √ 1271 (перечеркнут двумя неровными чернильными линиями вдоль). В верхнем левом углу синими чернилами проставлено – 258. На обороте в середине штамп Музея истории материальной культуры при ТГУ, с датой регистрации – 6 декабря 1948 г. и инвентарный № 100-5. Местами карандаш размазан по полю рисунка. По центру вверху отверстие как будто от канцелярской кнопки (МАЭС ТГУ. Отдел изобразительного искусства. Инвентарный № 100-5).

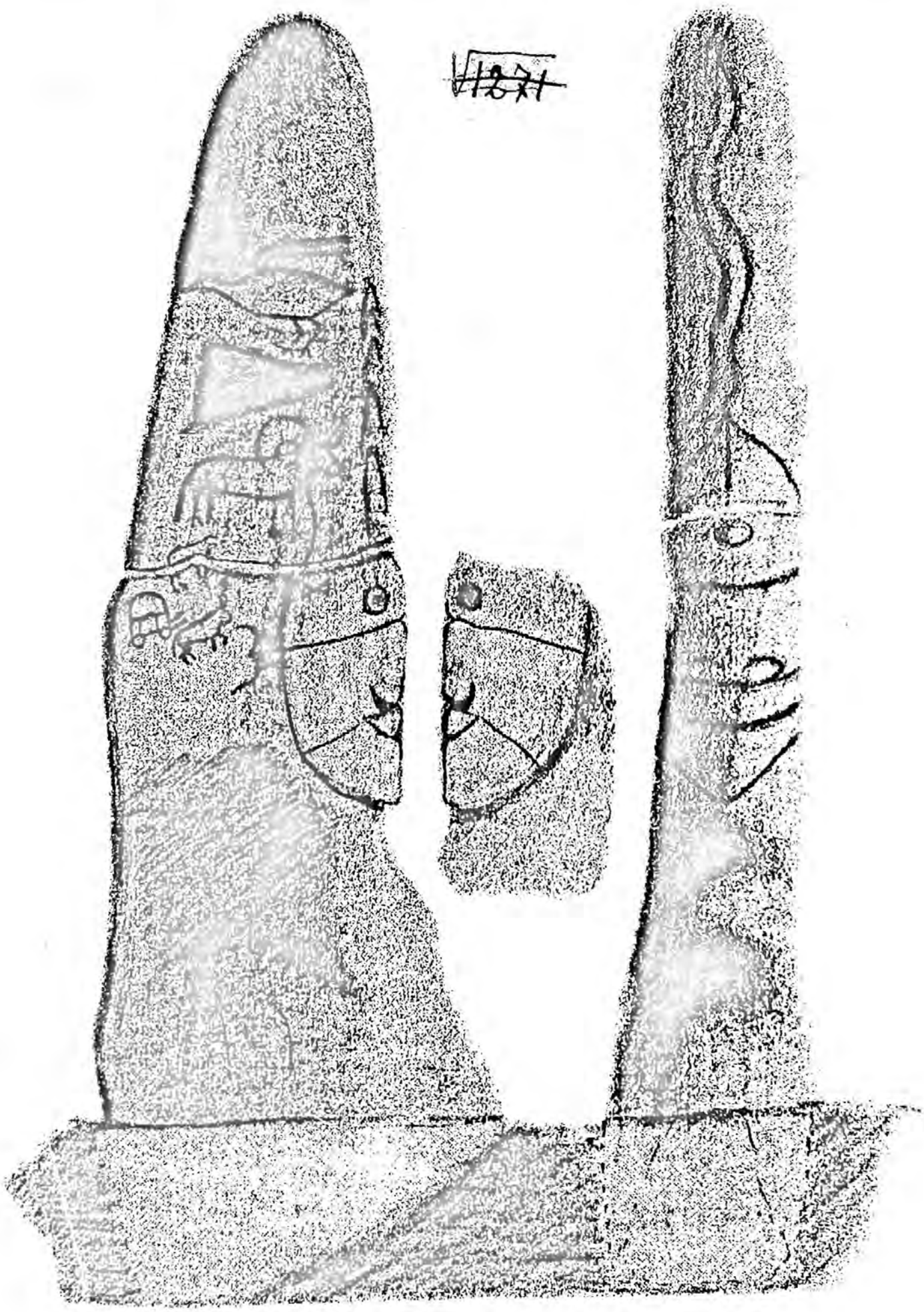

Рис. 2 Рисунок стелы из д. Знаменка из фондов МАЭС ТГУ

делами поздних прорисовок. В то же время ее реальность на «знаменской плите» подтверждается замечанием А.В. Адрианова, о наличии птиц среди замеченных им персонажей. Однако множественное число в данном случае было явным преувеличением, так как других птиц на плите нет. Следовательно, именно эта фигура привлекла внимание исследователя. Стилистическая особенность рассматриваемого рисунка вполне соответствует окуневской изобразительной манере, передающей профильную фигуру крупной птицы со своеобразным раскрытым крылом (крыльями), обозначенным двумя длинными почти параллельными туловищу линиями, одним концом круто загнутыми к спине. Аналогичная форма крыла показана у птицы на рисунке из могильника Черновая VIII (рис. 3 – Вадецкая, 1980, табл. XXX, *10*). Особенностью знаменской птицы является форма туловища (в случае верной ее передачи), напоминающего шестиугольную сотовую ячейку. Любопытно, что такую же форму удлиненного шестиугольника имеет туловище птицы, изображенной на керамическом сосуде, который был найден томским археологом Е.А. Васильевым во рву городища эпохи бронзы Малый Атлым на Нижней Оби (сосуд хранится в Государственном музее Природы Человека г. Ханты-Мансийска – устная информация Е.А. Васильева). В это время на данной территории как нигде широко был распространен так называемый сотовый орнамент, мотивы которого сформированы из разного рода сочетаний знаков-сот. Не вдаваясь в серьезнейшую проблему генезиса зауральских культур, замечу только, что тема крупной птицы одинаково настойчиво повторяется не только в Нижнем, но и в Среднем Приобье на сосудах самусьской культуры (Ковтун, 2001, табл. 59, *6*, *7*), тем самым замыкая географически цепочку орнитоморфной "идеи" от Минусы и Хакасии до Нижнего Приобья. При этом в облике самусьских птиц наблюдается некоторая близость со "знаменской" птицей в форме крыльев, а в одном случае заметен и "сотовый" характер формы туловища (см.: Ковтун, 2001, табл. 59, *7*). Не исключено, что наблюдаемое сходство не случайно и не конвергентно, а основано на каких-то единых идеологических посылах широко круга культур эпохи бронзы восточной части Евразии. Бытование образа сакральной птицы с туловищем «сотового» облика у народов Приобья зарегистрировано вплоть до этнографического времени, что свидетельствует об устойчивости и универсальности идеи священной птицы и о древности ее изобразительного канона (Руденко, 1929, табл. VII, *1*, *4*; VIII, *1*, *2*; XIII, *4*; Каннисто, 1999, с. 34–37, fig. 44–51).

Другим недостающим элементом на поздних прорисовках является полоса из двух линий, змеевидно извивающаяся от "головного убора" к вершине изваяния по узкой лицевой грани. На них фиксируется только ее начало (рис.1, *2*; 2).

К сожалению, старый рисунок не имеет масштаба, что затрудняет оценку изначальных линейных параметров изваяния. Судя по общим пропорциям, утраченная часть составляет чуть менее ¼ его высоты. Вместе с тем, на поздних прорисовках нижний ее фрагмент выглядит короче, чем об этом можно судить по старому рисунку. Если это действительно так, то, очевидно, стела была обломана и в нижней части. Возможно, это было сделано намеренно при ее перевозке в музей. Нижняя часть, судя по рисунку, значительно шире и толще верхней, а значит, много тяжелей, но не несет изображений и с этой точки зрения не представляет ценности. Поэтому вполне резонным решением для перевозчиков было оставить ее на месте.

Рис. 3 Изображение птицы (Черновая VIII, кург. 5, мог. 3, по Э.Б. Вадецкой)

Пока не удалось установить, чьей руке принадлежит данный рисунок. Скорее всего, это можно будет сделать при изучении круга лиц, входивших в окружение прежнего владельца рисунка. Предположительно, на эту роль подходят две кандидатуры – А.В. Адрианова и И.П. Кузнецова-Красноярского, в те времена тесно связанных с изучением памятников прошлого Хакасско-Минусинской котловины. Научные собрания, рукописи и документы того и другого оседали в МАЭС начиная с 80-х годов XIX в. и существенно пополнились после смерти ученых. Учитывая изложенные выше факты, на эту роль, казалось бы, более подходит первый. Но если вернуться к планам А.В.Адрианова относительно стелы, то речь шла о съемке на фото и эстампаже, чем, собственно, он постоянно и пользовался при фиксации памятников искусства. Что касается имеющихся в МАЭС рисунков на тему минусинской археологии, то все они связаны с именем И.П. Кузнецова-Красноярского и вместе с другими документами и коллекциями были переданы ТГУ О.И. Иваницкой после кончины ученого. Принадлежность большинства из них подтверждена его подписями или оттисками штампа с его именем. В том числе имеется фотография зарисовки окуневской стелы из долины р. Немир, стилистически близкой нашему рисунку, которую А.А. Спицин использовал в своей публикации с указанием, что она доставлена ему И.П. Кузнецовым (Спицын, 1915, с. 8, рис. 14). При сравнении опубликованной и хранящейся в МАЭС фотографий видно, что они изготовлены с одного негатива. Некоторым подтверждением такой реконструкции событий может быть и отмеченная на рисунке ситуативная неувязка: стела изображена вкопанной в землю, несмотря на то, что она была найдена в качестве перекрытия могилы. В этой связи уместно вспомнить, что И.П. Кузнецов-Красноярский практиковал установку фигур, извлеченных из земли. Например, в 1911 г. им была вкопана стела, найденная около улуса Ефимова и устья р. Базы (Вадецкая, 1980, с. 85). Судя по изображению деталей установленной стелы, художник, вероятно, сам присутствовал при этой процедуре и потому знал, как выглядит ее подземная часть и на-

сколько сильно она заглублена в землю. Не исключено, что самостоятельно или вместе с ученым он побывал в д. Знаменка еще до отправки стелы в Красноярск.

Плита из долины р. Малая Есь

Фрагмент стелы, изготовленной из красного песчаника, был найден около кургана на левом берегу р. Малая Есь выше улуса Кызлас. В конце XIX в., как пишет ряд авторов, он был вывезен в Томский университет, где впоследствии утрачен (Вадецкая, 1980, с. 85). Обстоятельства этой находки в литературе не освещены. Памятник стал известен по публикациям А.А. Спицына (Спицын, 1915, с. 8, рис. 17), а позднее – М.П. Грязнова (Грязнов, 1950, рис.1, 2). Однако, как выясняется, опубликованные рисунки существенно отличаются друг от друга. Вместе с тем, все последующие исследователи, как можно видеть из публикаций, пользовались только второй прорисовкой, не подозревая о существовании первой или забывая о нем. В том числе и авторы монографии, обобщающей окуневские памятники, которым была известна работа А.А. Спицына, о чем можно судить по наличию ее в их списке использованной литературы (Вадецкая, Леонтьев, Максименков,1980, с. 90).

Две прорисовки стелы различаются не только потому, что А.А. Спицин опубликовал фотографию рисунка И.П. Кузнецова-Красноярского, а М.П. Грязнов использовал собственный рисунок. Главное их отличие состоит в том, что в первом случае плита показана в более полном состоянии, чем во втором. А.А. Спицин писал (за редкостью издания с данной работой приведу текст полностью): «15. Каменная плита с изображением головы мохнатого чудовища, найденная около улуса А.М. Квазыласова (так у автора – *Ю.О.*), в верховьях р. Еси Минусинского у. Снимок доставлен И.П. Кузнецовым. Весьма интересна сама по себе, а особенно по отличной фигуре быка между рогами чудовища, напоминающего лучшие наскальные изображения края» (Спицын, 1915, с. 8). На прорисовке М.П. Грязнова (рис. 4, *1*) правая часть плиты отломана; никакого быка нет.

Сравнивая рисунок из МАЭС и фото в работе А.А. Спицина, нетрудно увидеть их идентичность. И это не удивительно, так как И.П. Кузнецов передал автору публикации фотографию рисунка, о котором сейчас идет речь. В силу того, что публикация А.А. Спицина оказалась в научной сфере не востребованной, имеет смысл вторично ввести этот рисунок в научный оборот в издании более доступном для современных исследователей, нежели предшествующее (рис. 4, *2*).

Судя по дате на лицевой стороне, рисунок был выполнен 21 июля 1890 года, когда плита еще не подверглась новым разрушениям и художник видел на ней значительно больше, чем М.П. Грязнов, сделавший прорисовку, скорее всего, уже в Томске. Именно там он мог изучать плиту, с которой, возможно, был знаком с 1920-х гг., когда был студентом Томского университета и работал в археологической экспедиции под руководством С.А. Теплоухова и С.И. Руденко.

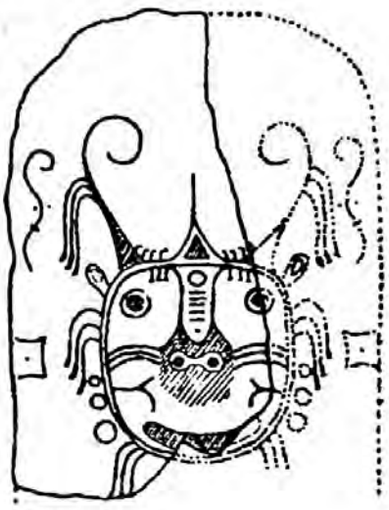
Тщательность, с которой изображена плита, лишний раз убеждает в том, что рисунок[2] выполнен очень умелым художником, владевшим сложной техникой акварели, не терпящей исправлений. Уверенно и точно отображены контуры плиты, фактура камня, цветовые переходы и собственно нанесенные на камень рисунки. На профессионализм указывают и такие детали, как довольно замысловатая аббревиатура, сочетающая кириллицу и латиницу, и своеобразная манера подписываться с левым наклоном. Понятно, что все это черты профессионала, который, вероятно, работал рука об руку с человеком, хорошо понимавшим стилевые особенности окуневского искусства. В противном случае автор должен был сам совмещать все необходимые качества, послужившие созданию работы столь скрупулезной по технике, а также выразительной в достоверности передачи мельчайших деталей древнего памятника. Все перечисленные в рисунке мелочи не дают ни малейшего повода к сомнению в подлинности сюжета, изображенного на ныне публикуемом рисунке.

При сравнении старого и нового рисунков (рис. 4, *1*, *2*) очевидна их формальная и содержательная разница, обусловленная прежде всего различной степенью сохранности плиты. Фрагмент, известный по М.П. Грязнову, во всех отношениях менее полон, так как несет большее число сколов: он обломан снизу и справа. На старом рисунке стела выглядит иначе, так как здесь еще присутствует правая половина плиты, а слом имеется только снизу. Таким образом, оказывается, что линейные параметры плиты (140×60 см), известные из публикаций, не верны. Судя по старому рисунку, изначально она была шире на $^1/_3$ а местами даже более того, что вполне справедливо отражено на прорисовке М.П. Грязнова в виде реконструкции[3] (Грязнов, 1950, рис. 1, 2). Но, достоверно реконструируя

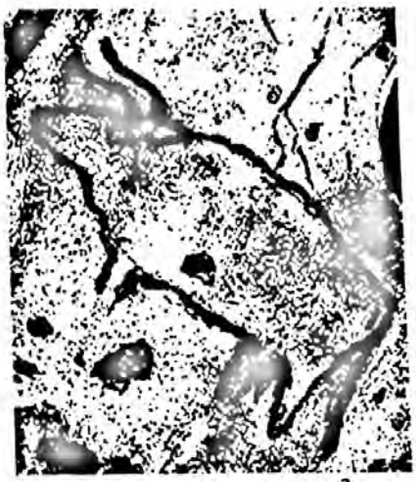
---

[2] Цветной рисунок на плотной желтоватой бумаге (16,1×24,5 см). Карандаш, акварель. Набросок контуров сделан карандашом. Рисунок выполнен в серо-коричневых тонах, напоминающих цвет скальной породы. В верхнем правом углу стоит № 4627. В нижнем левом углу надпись – Дол. рч. М. Еси. В нижнем правом строка с наклоном влево – аббревиатура из трех букв ЛСS, перечеркнутых в средней части тонкой поперечной линией, далее дата – 1890 Jul 21 (вероятно, инициалы художника и дата исполнения 21 июля 1890 г. – *Ю.О.*). Надписи в левом и правом углах сделаны разными почерками. На фотографии из собрания МАЭС по углам и в центре вверху видны отверстия, видимо, от канцелярских кнопок, которыми рисунок крепился при его фотосъемке (МАЭС ТГУ. Отдел изобразительного искусства. Инвентарный № 99-23.

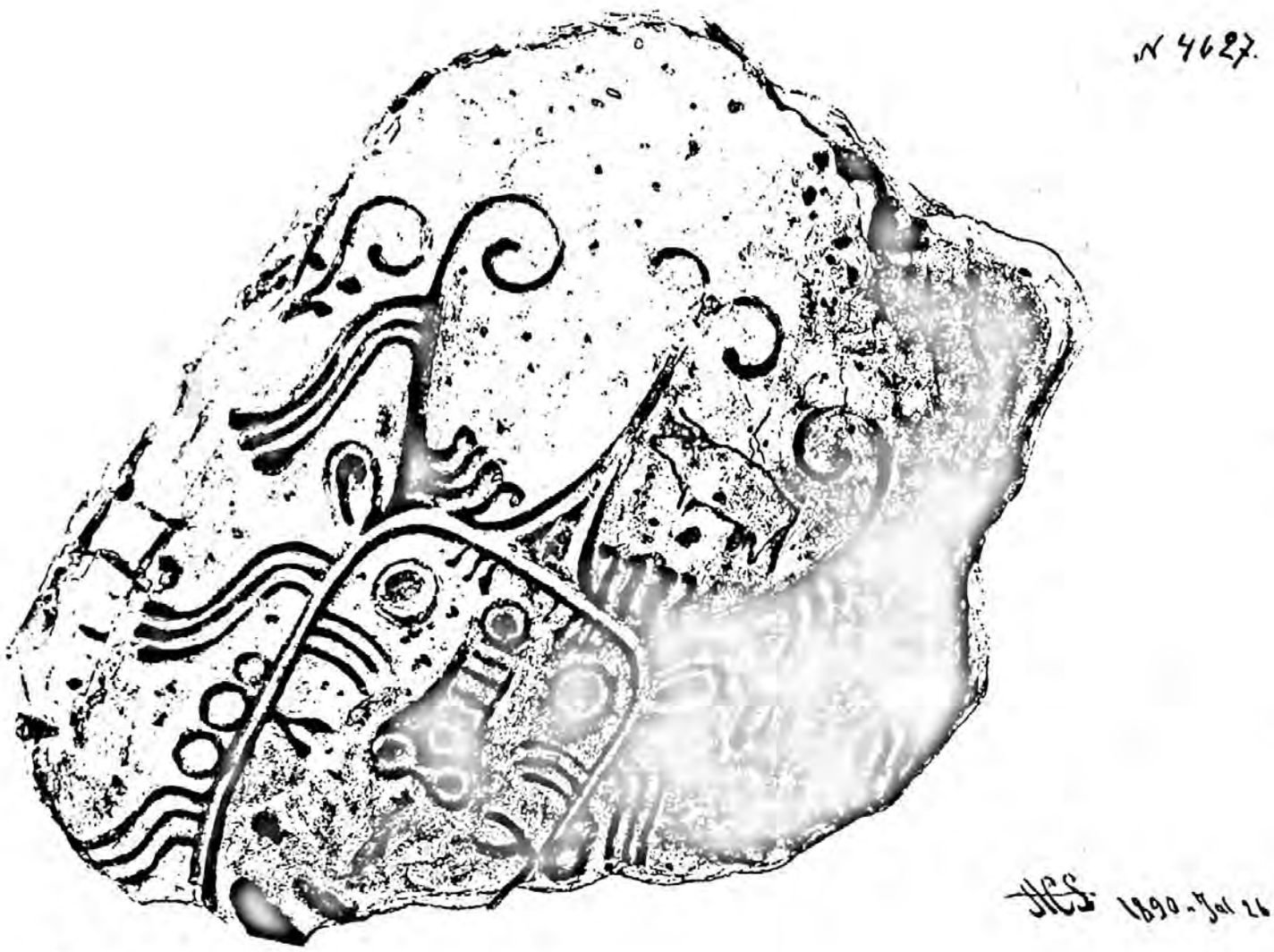
[3] Следует отметить, что тот же рисунок повторяется и в последнем издании свода окуневских стел (Leont'ev, Kapel'ko, 2002, Taf. 32, *91*). – *Прим. ред.*

1

3

2

Рис. 4 Изваяние из долины р. Малая Есь:
1 – прорисовка М.П. Грязнова;
2 – рисунок в из фондов МАЭС ТГУ;
3 – фигура быка (фрагмент рисунка)

форму, исследователь не мог столь же верно восстановить содержание утраченной части. Теперь о нем можно говорить увереннее, опираясь на данные, зафиксированные на старом рисунке. Думаю, что каждая из деталей крайне важна для последующих интерпретаций, поэтому перечислю все замеченные случаи расхождения в старом и новом рисунках.

Прежде всего следует отметить некоторое несоответствие в форме личины, которая по старому рисунку имеет несколько более удлиненную и приостренную книзу форму. Кроме того, наблюдаются различия в деталях лицевой части и ее окружения. Так, на старом рисунке иначе изображен нос: слева имеется контур от переносицы до ноздрей, а напротив "третьего глаза", находящегося на переносице, имеется точно такой же "глаз" со "зрачком" на кончике носа. Поперечных линий на спинке носа здесь всего 4, а не 5, как у М.П. Грязнова. Пятая полоска является верхним краем кольца, в которое вписан "зрачок". Необходимо уточнить, что, вопреки прорисовке М.П. Грязнова, на старом рисунке все три "глаза" (как и четвертый – на кончике носа) изображены одинаково, в виде кольца со "зрачком" в центре. На правой щеке отмечена крупная точка, подобная "зрачкам", под ноздрями показана слабая волнистая вертикальная полоса, а ниже – два (на рисунке М.П. Грязнова – один) изогнутых поперечных желобка. Нижний изображает рот. Значение верхнего, судя по рисунку, менее выраженного, непонятно: это нечто другое, имеющее, возможно, связь с точкой на щеке (в том случае, если изображение этого желобка не мазок акварели, оттеняющий неровности на поверхности камня, как, впрочем, и вышеупомянутая точка, и вертикальная полоса под носом). На рисунках по-разному показаны V-образные значки на щеках личины. На старом – это "вилка" закрытого типа, концы ее даже слегка загибаются внутрь. На новом, напротив, она открыта, причем нижние отростки круто отогнуты книзу. Современные исследователи называют такие элементы "уголками" и отводят им роль маркера для акцентирования рта (Подольский М., 1997, с. 192). Возможно, это действительно так, но вместе с тем, их отсутствие не означает, что личина лишена рта. У личин из Верх. Аскиза I уживаются рты и с "уголками" и без таковых, но линия рта ни с чем другим все же не ассоциируется (Ковалев, 1997, табл. VII). Поэтому выбор значений для их интерпретации, видимо, еще не исчерпан.

Не менее существенным дополнением оказывается наличие на старом рисунке у вершины центрального стержня-"побега" на "головном уборе", именуемом "короной", двух расходящихся в стороны завитков, аналогичных завиткам боковых "побегов". В таком виде композиция "короны" выглядит более завершенной и логичной. Еще одно расхождение заключается в различной трактовке отдельно расположенных по сторонам "побегов", или волют. На позднем рисунке один из них воспроизведен по реальной ситуации, второй реконструирован по симметрии. Старый рисунок подтверждает их парность, но содержит некоторые интересные детали. В частности, отходящие от них три струящиеся линии, точно такие же, как у боковых лучей "короны". На старом рисунке они очень хорошо прописаны справа, но также заметны их следы слева, где линии попали в обрез плиты и, должно быть, оказались стертыми или сколотыми. Ниже художник пропустил точку в центре "солярного знака", позже подмеченную М.П. Грязновым. Еще одно замечание: М.П. Грязнов, видимо, не решился в полной мере реконструировать на правой половине плиты три струящиеся линии, отходящие от подбородка, скопировав их с левой части, а лишь наметил их. Хотя, как показывает старый рисунок, другие симметрично расположенные элементы композиции совершенно идентичны.

Самой невосполнимой потерей стала утрата изображения так называемого тучного быка с S-образными рогами, помещенного между центральным и правым лучами "короны" (рис. 4, *3*). Именно на его оригинальность и высокое качество исполнения обратил в свое время внимание А.А. Спицин (Спицин, 1915, с. 8). Действительно, профильная фигура быка, стоящего головой влево, нанесена контурной линией в очень реалистичной манере, резко контрастирующей со стилистикой "тощих" быков и даже "тучных" их собратьев на других окуневских памятниках. Единственным отступлением от натуры стало то, что у животного показаны только две ноги, причем "обрубленные" примерно наполовину. Во всем другом художник необыкновенно подробен. Он очень детально и точно передал анатомию животного: голову, рога, линию спины, форму крупа, длинный хвост. Не забыты и более мелкие элементы: ухо, глаз, рот, половой орган, складки кожи на холке и на груди.

Что касается вопроса о принадлежности данного рисунка к научному наследию И.П. Кузнецова-Красноярского, то в нем не было ни малейших сомнений уже при начале работы, поэтому нет смысла к этому возвращаться. Стоит лишь заметить, что в МАЭС хранится дубликат фото плиты, отправленного И.П. Кузнецовым-Красноярским А.А. Спицыну для публикации.

В заключение хочется сказать, что наследие старых археологов до сих пор таит материалы, по праву сохраняющие звание первоисточников, к которым полезно возвращаться каждый раз, начиная то или иное исследование. Небольшой опыт работы с публикуемыми здесь рисунками отчетливо показал, что часто новое – это не более чем забытое старое.

С.В. Студзицкая

Специфические черты мелкой пластики окуневской культуры

Уникальность окуневской культуре придают ее изобразительные памятники, которые отличаются богатством форм и своеобразием художественного самовыражения. Наряду с монументальными каменными изваяниями, разнообразными изображениями на найденных в могилах плитах, многочисленными петроглифами и нанесенными краской рисунками на скалах, окуневцы создали очень выразительные памятники искусства малых форм. Особое место среди них занимают антропоморфные фигурки, сделанные из камня и кости.

Антропоморфные изображения в эпоху бронзы выдвигаются на первый план в изобразительном творчестве сибирских племен, отражая тем самым новый этап развития первобытной идеологии. В этот период важным объектом познания становится человек и именно через его образ происходит осмысление тех социально-экономических отношений, которые были связаны с освоением производства металла в конце III – начале II тыс. до н. э.

Считая окуневскую культуру явлением инородным, но при этом истинно сибирским, Г.А. Максименков попытался рассмотреть ее на фоне синхронных культур, с целью выделить в них общие черты. (Максименков, 1970; 1975, с. 15–21). Одной из таких культур является глазковская в Прибайкалье. Выявляя общие черты окуневской и глазковской культур, Максименков обращается, в частности, к изобразительным памятникам: «Несомненно сходство и в антропоморфных изображениях, хотя глазковские передают полную фигуру человека, а окуневские – только лицо. Они сближаются распространением у окуневцев костяных пластинок с изображением лица, способом изображения лица, сходством головки из Аносова с каменными головками окуневской культуры, парностью находок этих изображений в могилах… Наблюдается характерное разделение инвентаря на мужской и женский, выделяются могилы с необычным инвентарем, которые можно определить, как погребения шаманов. Все это позволяет говорить об их хронологической близости, близком уровне развития общества (общность отдельных черт в обряде). А сходство культовых вещей в шаманских погребениях – о близости их представлений» (Максименков, 1970, с. 70).

Исходя из этого, задачей данной статьи является выявление локальной специфики каждой из этих групп изображений и определение степени их родства.

Глазковские антропоморфные скульптурки занимают особое место в мелкой пластике лесной зоны Евразии в конце III – начале II тыс. до н. э. Все они происходят из погребальных комплексов, отличавшихся обилием и специфическим набором инвентаря. Большая часть их была найдена в могильнике Усть-Уда (Окладников, 1955; 1975; Студзицкая, 1970; 1987а). Поскольку все фигурки были достаточно полно описаны в литературе, то остановимся только на характеристике их общих стилистических особенностей, определяющих специфику этой группы изображений в целом.

Вырезанные из бивня мамонта или рога глазковские фигурки односторонни, и считать их скульптурами можно лишь условно. Композиция изображения в значительной степени предопределена самой формой костяной пластины и пространство «организовано на основе геометрически строгой срединной линии» (Окладников, 1975, с. 142). Некоторую объемность изображениям придает выпуклая лицевая поверхность предмета, которая зашлифована. Устойчивый набор признаков свидетельствует о существовании у глазковцев строго выработанного общепринятого канона в трактовке образа человека: перед нами изображения en face, в полный рост, с тщательно проработанными деталями лица. Эталонными образцами прибайкальской изобразительной традиции в моделировке лица антропоморфных фигур являются, на наш взгляд, изображения из погребений 2 и 4 Усть-Удинского могильника (рис. 1, *II*).

Голова занимает треть высоты всей фигуры. Акцентируя выпуклые скулы и глаза, показанные узкими миндалевидными отверстиями в овальных выпуклостях, резчик стремился подчеркнуть специфические черты монголоидного физического типа. Длинный рельефный нос, занимающий большую часть лица, расширяясь внизу, заканчивается поперечным срезом. Рот оформлен так же, как и глаза. Вытянутое прямоугольное туловище, суженное в середине, расширяется в бедрах. Руки расположены вдоль тела, иногда отделены от него совсем, а чаще – только узкими глубокими желобками. Ноги-колышки широко расставлены. Фигурки снабжены сквозными отверстиями (иногда двумя в подмышечных впадинах, иногда дополнительно еще и на бедрах).

Выработанная глазковскими резчиками по кости стилистическая манера воспроизведения человеческого лица была полностью воспринята древними литейщиками, которые изготовляли так называемые шаманские изображения, бытовавшие у прибайкальского населения конца I тыс. до н. э. (Окладников, 1948, с. 202, 218, 219). С глазковскими фигурками это культовое антропоморфное литье сближает также односторонняя моделировка.

Эта изобразительная традиция четко прослеживается и в этнографическом материале. Стилистически глазковские фигурки сопоставимы с пятым за-

падносибирским типом антропоморфных скульптур (по классификации С.В. Иванова), распространенным у эвенков, южных хантов, нганасан и кетов. Причем в эвенкийской скульптуре этот тип антропоморфных изображений преобладает над всеми остальными (как в дереве, так и в металле). Например, значительная часть железных изображений, изготовлявшихся эвенками для шаманских костюмов, по своей моделировке очень сходна с древними костяными фигурками (Иванов, 1970, с. 190–191, рис. 152, 153, 159). Их сближают поза, всегда строго фронтальная с симметрично расположенными руками и ногами, непропорционально большая по отношению ко всей фигуре голова и, наконец, подробная передача деталей лица. На некоторых изображениях рот и глаза показаны посредством рельефных овалов, то есть в традициях глазковской скульптуры. Известны в эвенкийской пластике и костяные антропоморфные фигурки, выполненные в той же стилистической манере. Таково, например, исключительное по своей выразительности костяное изображение духа Мугды (там же, с. 222).

Обращение к этнографическим материалам народов Северной Сибири, и в особенности к эвенкам, вполне правомерно, поскольку выявлены фактические основания, позволяющие связывать древнюю культуру глазковцев с эвенкийской XVII-XVIII вв. (Окладников, 1950; 1955 и др.). Это обстоятельство позволяет более обоснованно говорить, с одной стороны, о времени появления данной традиции в эвенкийской культовой скульптуре, а с другой – рассматривать Прибайкалье как возможную ее прародину. Наличие деревянной культовой скульптуры у эвенков дает основание предполагать существование ее и у глазковцев.

В антропоморфной пластике глазковских племен можно усмотреть и ряд черт, свойственных антропоморфной скульптуре уральских типов (1-й уральский тип, по классификации С.В. Иванова – Иванов, 1970, с. 284). Древнейшими «предками» этих типов можно, по-видимому, считать деревянных идолов из Горбуновского торфяника (Эдинг, 1940; Студзицкая, 1987). Наиболее ярко уральские черты прослеживаются в моделировке лиц антропоморфных фигурок из погребения 5 Усть-Удинского могильника и погребения 38 из могильника Шумилиха (рис. *1*, *6*, *7*). Специфика изобразительного приема, с помощью которого оформлены лица этих изображений, заключается в акцентировании массивного носа и резко выступающих надбровий. Глаза и щеки передаются неразделенной плоскостью, уходящей под выступы бровей. Этот прием оформления лица, как полагают исследователи (Окладников, 1955, с. 294; Мошинская, 1976, с. 53–54; Столяр, 2001, с. 188–190), первоначально возник в дереве, а затем уже был перенесен на рог и кость. С уральскими типами некоторые глазковские фигурки сближает также их «безрукость» и остроголовость (рис. 1, *9*). Сравнивая усть-удинскую группу антропоморфных изображений с подобными фигурками из других мест Прибайкалья (Семеновка, Братск, Шумилиха и др.), можно констатировать, что различия в деталях не меняют единства образа в целом.

В глазковскую группу антропоморфной скульптуры входят и изображения человека из погребальных комплексов Верхней Лены (Окладников, 1955, 1978; Студзицкая, 1970).

Заканчивая обзор глазковской антропоморфной пластики, следует упомянуть еще и о костяных подвесках в виде головы человека (Усть-Уда, погребение 9; Усть-Илга, погребение 2 – Окладников, 1955, рис. 142), а также об уникальной маске-личине из погребения 38 могильника Шумилиха (Горюнова, 1974; Студзицкая, 2002, с. 144, рис. 1, *5*). По моделировке лица все эти изображения полностью вписываются в глазковскую изобразительную традицию.

Следует особо подчеркнуть, что для изготовления антропоморфных изображений глазковцы предпочитали использовать бивень мамонта, несмотря на то, что обработка его была сопряжена со значительными трудностями (Герасимов, 1944). Этнографы отмечают важную роль мамонта в сибирском культовом искусстве (Рычков, 1917, с. 93; Иванов, 1949). Традиция изготовления культовых предметов из мамонтовой кости доживает у тунгусских народов вплоть до XIX в. (эвенки, долгане). Вероятно, в глазах древних охотников и рыболовов Прибайкалья бивень мамонта как материал играл особую, сакральную роль. Назначение фигурок, по-видимому, определяло этот выбор, подтверждая тем самым тезис, что «материал должен удовлетворять не только физическим, но и символическим требованиям» (Байбурин, 1998, с. 4–5).

Анализ глазковской антропоморфной пластики выявляет истоки того специфического культового искусства народов севера Сибири, которое доживает до начала XX в. По свидетельству С.В. Иванова, именно в скульптурных памятниках сохраняется древняя семантика, утраченная большей частью в рисунках (Иванов, 1949, с. 162).

Сопоставляя глазковские изображения с этнографическими материалами (прежде всего со скульптурой эвенков – Иванов, 1970), можно предположить, что они олицетворяли собой духов-предков родовых или семейных шаманов, поскольку есть все основания рассматривать погребения, где они были найдены, как шаманские.

По данным А.Ф. Анисимова, у эвенков также существовали антропоморфные изображения, связанные с представлениями о семейных духах-«охранителях» (Анисимов, 1950, с. 165). У гольдов существовал идол «аджеха» с остроконечной головой, которого они всегда носили привязанным к поясу, когда отправлялись на промысел. У гольдских шаманов на груди во время камлания обычно прикреплялась пара идолов-супругов «аджеха» (Лопатин, 1922, с. 224, табл. XVII-XVIII, *46*). В погребальных комплексах глазковские фигурки находились либо на груди костяка, либо у пояса. Наличие специальных

отверстий позволяет думать, что они крепились на одежду или головной убор, наподобие якутского «эмегет» – знака шаманского достоинства, который некоторые шаманы, умирая, «уносят» с собой, становясь при этом небесными духами (Михайловский, 1892, с. 7).

В тех случаях, когда скульптурки были найдены в глазковских погребениях парами (Усть-Уда, погребение у с. Кода, погребение у д. Семеновки и др.), они различаются только размерами. Нам кажется, что первоначальная точка зрения А.П. Окладникова (Окладников, 1955, с. 290), усматривающего в парных фигурках мужчину и женщину, более правильна, чем его более позднее предположение о том, что в них материализуется характерный для лесных охотников культ близнецов (Окладников, 1970, с. 12). В этом отношении представляют интерес парные фигурки из погребения Усть-Кода (рис. 1, *12*). Они могут быть сопоставлены с изображениями предков «Нитарма» (Иванов, 1970, рис. 74). Последние изображают супругов предков «Нитарма» (мужа и жену) (рис. 1, *10*), которые были вырезаны в честь предка-охотника и рассматривались ненцами как помощники в промысле.

Подводя итог стилистического анализа антропоморфной скульптуры глазковцев, можно констатировать наличие у них двух изобразительных традиций: собственно прибайкальской и так называемой уральской. Смешение этих традиций мы наблюдаем в моделировке фигурок из погребения Братский камень I (рис. 1, *9*) и погребения 24 могильника Шумилиха. Одновременно этот анализ подтверждает мнение о том, что в свете современного изучения китойской культуры, глазковскую антропоморфную пластику нельзя рассматривать как дальнейшее развитие китойской изобразительной традиции в передаче образа человека. Сопоставление двух этих групп изображений показывает, что стилистически они резко отличны друг от друга, несмотря на общую для них условность в передаче образа (Студзицкая, 1970; 1987а; 1993). Отличны они, очевидно, и в функциональном отношении.

Зарождение в собственно глазковской (прибайкальской) традиции оформления человеческого лица следует относить, скорее всего, ко времени расцвета серовской неолитической культуры в Прибайкалье. Свидетельство тому – моделировка антропоморфных головок на фантастическом существе из погребения 12 Серовского могильника (Окладников, 1976, табл. 65).

В окуневской культуре человек изображался как в памятниках монументального искусства, так и в малых формах. В отличие от глазковской антропоморфной скульптуры, в мелкой пластике окуневцев образ человека представлен миниатюрными скульптурными женскими головками с тщательно моделированными лицами, вырезанными из камня или кости (Вадецкая, 1980). Пестикообразные фигурки из камня (агальматалита) невелики по размерам (от 1,7 см до 5,2 см) и единообразны по своей иконографии (Arpelgren-Kivalo, 1931, с. 242; Кызласов, 1956, с. 19; Дэвлет, 1962, рис. 1; Вадецкая, 1980, табл. XXIV). Черты продолговатого с низким лбом, расширенного в верхней части и суженного книзу лица проработаны с особой тщательностью. Подчеркнуты широкие скулы, рельефно выделены длинный нос и выступающий вперед подбородок. Гравировкой показаны брови, миндалевидные глаза и рот. Мелкими колечками обозначены серьги. Резными линиями показаны прямые волосы, доходящие до шеи, а спереди подстриженные челкой. У некоторых фигурок на затылке прочерчены один или два концентрических круга, от которых идут в стороны штрихи-волосы. (Вадецкая, 1980, с. 70–71) (рис.1, *4–5*). Часть изображений имеет внизу сквозное отверстие. Э.Б. Вадецкая полагает, что фигурки скрывались под своеобразными одеждами и только голова торчала наружу.

По мнению антропологов, наблюдаемая у окуневцев деформация свода черепа, которая придавала голове специфическую форму (скошенный затылок), нашла свое отражение и в оформлении головы у каменных фигурок (Беневоленская, Громов, 1997, с. 293, рис. 3).

В плоской резьбе по кости преобладают односторонние пластинки с женскими лицами. Их детали изображены неглубоким рельефом или гравировкой. Костяные головки по стилистическому оформлению сближаются с каменными – та же тщательность в проработке деталей удлиненного лица с острым подбородком (рис. 1, *1–3*). Короткими насечками переданы брови, глаза, нос и рот. Всегда обозначены крупные кольчатые серьги. Особое внимание уделено длинным, расчесанным на прямой пробор волосам, спадающим до плеч, выполненным в большинстве случаев тонкими параллельными резными линиями. Встречаются прически, сделанные как бы гребенчатым штампом. Длина пластинок от 6–7 до 11,5 см. (Вадецкая, 1980, табл. XXIV; Левашова, 1975; Хаврин, 1997, с. 67, рис. 1; Лазаретов, 1997, с. 29, табл. XIV, *8–9*; Ковалев, 1997, с. 88, рис. 1; Готлиб, 2002, с. 131, рис. 3).

Аналогом костяным изображениям может служить Усть-Есинская Кыс-Таш, где с двух сторон каменной стелы гравировкой реалистично показано женское лицо с длинными волосами, спускающимися до плеч (Грязнов, 1950; Кызласов, 1986, рис. 198). Женские фигуры с длинными распущенными волосами изображены на внутренней стороне одной из плит юго-восточной стенки ящика могилы 1 Разлив X (Пшеницына, Пяткин, 1993, рис. 1).

Особенность окуневской антропоморфной пластики – подчеркнутое внимание к изображению головы с подробно выписанными деталями лица. Эта традиция, как считает Ю.И. Михайлов, своими корнями уходит еще в неолитическую эпоху (Михайлов, 2001, с. 25). Тенденция детализировать лицо характерна и для глазковских изображений, но для этого использованы другие изобразительные приемы. В архаических культурах «голова рассматривалась (и это одна из мифологических универсалий древних

верований) как вместилище исключительно плодотворной жизненной силы, способной к возрождению, изобилию и обеспечивающей непрерывность, бесконечность рода» (Чиндина, 1999, с. 188). Это положение органически вписывается в гипотезу о семантике окуневских скульптурок. Все они происходят из детских погребений или погребений молодых женщин с детьми. При этом обращается внимание на тот факт, что в нетронутых погребениях скелеты младенцев как правило лежали на костях левой руки погребенных женщин (Михайлов, 2001, с. 6). Удается установить, как пишет Михайлов, связь мифо-ритуального образа левой руки с миром мертвых и идеей возрождения. Это наблюдение подтверждает и местоположение костяных пластинок с изображениями женских лиц в погребальных комплексах. Они всегда находятся у левой руки погребенного (Хаврин, 1997, с. 73).

То обстоятельство, что на костяных пластинках и каменных скульптурках представлены женские образы и что в могилах они находились по нескольку экземпляров (Черновая VIII, к. 9, мог. 7; Верхний Аскиз, кург. 1, мог. 9), дает еще больше оснований видеть в них олицетворение женских духов-покровителей, по своим функциям напоминавших алтайских эмегендеров (Дыренкова, 1937, с. 139). Последние, как известно, выступали в роли родоначальниц, заботящихся о благополучии рода и влияющих на увеличение потомства. Эмегендеры передавались по женской линии. Аналогичные изображения и связанные с ними представления мы находим и у других народов Сибири (Иванов, 1957, с. 149; Богораз-Тан, 1939, с. 70). Например, у бурят существовали онгоны, называвшиеся «хоринскими девицами», которые изображали предков по линии матери, охранявших семью и детей и одновременно выступавших покровительницами охоты (Иванов, 1957, с. 137, рис. 25). С.В. Иванов рассматривает эти представления как одни из древнейших. Э.Б. Вадецкая отмечает, что окуневские фигурки могли служить и своеобразными временными «вместилищами» для душ или одной души недавно умершего родственника, ожидавшей своего возрождения в новорожденном. В этой связи следует отметить тот факт, что в моделировке этих изображений большое внимание уделено длинным волосам. Важность этой детали для древних резчиков несомненна. Этнографией зафиксированы многочисленные представления, бытовавшие у первобытных народов, которые были связаны с магической силой человеческих волос. Например, эскимосы полагали, что душа человека находится в его волосах. А потому после смерти близкого человека они изготавливали специальную куклу, в голове которой делали углубление, куда помещали срезанные волосы умершего. Там они должны были находиться до тех пор, пока душа этого человека не «возродится во вновь рожденном» (Иванов, 1949, с. 170).

Антропоморфные костяные фигурки из окуневского памятника Черновая XI отличаются от классических окуневских изображений и по ряду признаков, вероятно, представляют собой дальнейшую ступень их развития. По мнению автора, эти скульптурки по своей стилистике обнаруживают значительное сходство с гравировками женщин на гальках карасук-лугавского поселения Торгажак (Леонтьев С., 2001), подтверждая тем самым уже высказанное предположение о генетической связи гравировок из Торгажака с окуневскими пластинками (Савинов, 1996, с. 42). Что касается стеатитового стержня с головкой человека, найденного в том же погребении, то, на наш взгляд, он полностью вписывается в соответствующую группу окуневских изображений. Однако исследователь высказывает иную точку зрения, считая, что окуневские стерженьки представляют мужской персонаж, а не женский. Поэтому С.Н. Леонтьев рассматривает всю эту группу изображений, как «предковую» для торгажакских пестикообразных предметов, имеющих четко выраженную фаллическую форму.

Особняком стоит антропоморфная скульптурка, вырезанная из гальки мягкого камня, как полагает С.Н. Леонтьев, в той же стилистической манере, «что и предыдущие миниатюрки». Фигурка уникальна для окуневской серии антропоморфных изображений, и в ее оформлении улавливаются черты другой изобразительной традиции (сейминско-турбинской?).

Завершая обзор окуневской антропоморфной пластики, остановим внимание на так называемом ритоне, который происходит из погребения 21 кургана 8 могильника Черновая VIII. Д.Г. Савинов рассматривает его как антропоморфное изображение окуневской культуры, но своеобразно выполненное (Савинов, 2000, с. 198–199). Г.А. Максименков (Максименков, 1980, с. 24, табл. XXIII, *2*) трактует этот предмет как роговой сосуд с коническим углублением, интенсивно окрашенным охрой. Поверхность «ритона» орнаментирована. По описанию Максименкова, по верхнему краю идут два рельефных валика, под которыми – фриз из стилизованных изображений глаз, рогов и ушей быка (самый популярный мотив на окуневских стелах). Посередине – еще два рельефных валика, под ними – полулунная фигура (рис. 2, *2а, б*). Как пишет автор, «нижний конец сосуда был оформлен в виде скульптурного изображения, но что конкретно там было, неясно из-за плохой сохранности. Длина его – 18 см». Орнамент на «ритоне» выполнен рельефно. Л.Р. Кызласов рассматривает его как фаллический предмет, применявшийся в соответствующих ритуальных обрядах (Кызласов, 1986, с. 288).

Д.Г. Савиновым была предложена реконструкция «ритона». Он определяет его, как головной убор переносного изваяния, основная («корпусная») часть которого, состоящая, видимо, из каких-то органических материалов, не сохранилась (рис. 2, *2в*). Автор аргументирует свое предположение достаточно убедительно, привлекая в качестве аналогий «загадочные» персонажи в конических головных уборах, известные в гравировках и красочных изображениях окуневской культуры (росписи на скале Кантегир II, Шалаболинская писаница, камень 53) (Леонтьев Н.,

1985; Пяткин, 1980, рис. 1). По мнению Савинова, верхняя часть «ритона» была оформлена не фаллическим образом, а была раздвоена наверху, как это показано на рисунках (дополнительная деталь – украшение).

Известно, что в традиционных культурах головному убору придавалось особое сакральное значение и на определенном этапе он олицетворял высшее светлое начало в космической вертикали мироздания (Чиндина, 1999, с. 188).

Определение «ритона» как навершия головного убора хорошо согласуется с общим набором ритуальных предметов в этом особом погребении («жезл» с изображением сцены заглатывания фантастическим зверем травоядного животного – своеобразный символ нижнего мира (подробнее см. Студзицкая, 1997, с. 256), лунница, каменные плитки со следами охры, пестик). И если рассматривать «ритон», как остатки антропоморфного мобильного изваяния, тогда здесь, так же, как и в погребении № 38 могильника Шумилиха, находит свое выражение мировоззренческая концепция шаманизма, связанного прежде всего с представлениями о «модели мира».

Сравнительный анализ обеих групп антропоморфных изображений позволяет выявить значительное стилистическое своеобразие трактовки образа человека в каждой из них. И если в наскальных рисунках значительно больше улавливаются восточносибирские истоки (в частности «ангарская» традиция в изображении лосей), то в антропоморфной пластике этого не наблюдается. По мнению Д.А. Мачинского, окуневская группа антропоморфных изображений значительно отличается от «ликов» на скалах и плитах. Он также подчеркивает своеобразную трактовку головы у стеатитовых фигурок – срезанность и скошенность верхней части, в результате чего «очертания лица приобретают приближенность к равнобедренному треугольнику с основанием наверху» (Мачинский, 1997, с. 271). Эта специфика моделировки отражает реально существовавшую деформацию черепа, выраженную в уплощенности его свода, о чем говорилось выше.

Исследователи отмечают, что одно из выразительных средств, создающих своеобразие окуневской манеры трактовки образа человека – это нарочитый вертикализм – вытянутое лицо, острый подбородок, удлиненный нос, ниспадающие пряди волос и т.д. (Шер, 1980, с. 227, 269; Подольский М., 1997, с. 87). По мнению М.Л. Подольского, «вертикаль – доминанта в пространстве». Она придает образу внутреннюю напряженность, определенный динамизм. Вертикализм присущ и глазковским изображениям.

Как для глазковской, так и для окуневской костяной скульптуры характерны такие черты, как фронтальность, строгая симметрия, геометризация форм, статичность. Это те признаки, которые, по наблюдению В.Б. Мириманова, присущи вообще архаической скульптуре (Мириманов, 1996, с. 154). Если же говорить о специфике изобразительных приемов в трактовке образа человека в целом, то представляется, что привлечение материалов антропоморфной пластики для обоснования «родства» глазковской и окуневской культур вряд ли обоснованно. Окуневские фигурки в погребениях отнюдь не всегда встречаются попарно. Наоборот, их может быть и три (могильник Верх. Аскиз I, курган 2, могила 11), и шесть (Верх. Аскиз I, кург. 1, могила 9), и семь (Черновая VIII, кург. 9, могила 7).

Что касается уникальной фигурки из погребения 2 у д. Аносово (Окладников, 1955, с. 197, рис. 148, *1*, 2), то и здесь большого стилистического сходства с окуневскими изображениями не наблюдается. Изобразительные элементы, моделирующие лицо фигурки, характерны для глазковской скульптуры (рис. 1, *8*).

Учитывая современный взгляд на китойскую культуру в целом (Георгиевская, 1989; Студзицкая, 1993), можно полагать, что китойские стерженьки со схематическим изображением головы человека на одном конце (Студзицкая, 1970, рис. 6) также не могут служить прототипом каменных окуневских стерженьков. Отличительная черта китойской антропоморфной пластики – схематизм и декоративность. Акцент переносится на орнамент, который, несомненно, несет семантическую нагрузку. Большинство китойских антропоморфных фигурок были найдены в погребениях в сопровождении большого количества зубов и челюстей диких животных. Учитывая, что в мифологии сибирских народов постоянно подчеркивается охранительная сила зубов и челюстей, можно предполагать, что китойские фигурки могли служить также амулетами, способствующими удаче на промысле, вроде маленького человечка без рук «Бэлляй» или «Бараляк» у эвенков (Анисимов, 1949, с. 165).

Говоря о стиле изображений, следует помнить, что «они являются медиатором между структурой и функцией. Он формирует и формулирует концепцию образа. Сюжет его только называет» (Мириманов, 1996, с. 148).

И если у глазковцев и окуневцев «план содержания» общий (изображение человека), то «план выражения, расчлененный на элементы» (Шер, 1980, с. 42), демонстрирует явно разные изобразительные тенденции. По мнению Я.А. Шера, для выявления этнической специфики «сопоставлять следует не общий облик, а дробные стилистические элементы, из устойчивых сочетаний которых и образуется тот или иной стиль» (Шер, 1980, с. 228; Бледнова, Шер, 2001, с. 84).

Для всей окуневской мелкой пластики характерно использование в оформлении образов сочетание рельефа и гравировки. Эти приемы, как мы видели, характерны для антропоморфных изображений, они также четко прослеживаются в моделировке фантастического зверя и «ритона», ряда бытовых предметов и, наконец, в изготовлении каменных сигарообразных стержней-жезлов, один конец которых венчают головы животных, чаще всего быка. Мы присоединяемся к тем исследователям, которые относят эти изделия к памятникам окуневской культуры.

(Максименков, 1970, с. 72; Леонтьев Н, 1975, с. 63; Кызласов, 1986, с. 288–290). В этом убеждает нас и находка каменной пластины из Тарлашкына (Тува). Она имеет сигарообразную форму со скульптурно оформленной головой лося на одном конце (Маннай-Оол, 1963, с. 245, табл. III, *14*, *15*). Голова зверя исполнена в традиции базаихских скульптур: открытый рот, окаймленный валиком, рельефом показаны уши, прижатые к голове, глаз – выпуклость, обрамленная желобком. Моделировка односторонняя. Голова отделена от стержня врезанной линией (рис. 2, *4*).

Иконография сигарообразных жезлов с головой быка, реже барана, чрезвычайно устойчива. Н.В. Леонтьев относит их к 1-й группе по своей классификации (Леонтьев Н., 1975, с. 63). Опущенные вниз и отогнутые назад рога переданы рельефом. Рельефом же оформлены и прижатые уши. Глаза даны выпуклостями, окруженными концентрическими резными желобками. Поверхность «жезлов» тщательно зашлифована. По мнению М.Д. Хлобыстиной, эти «жезлы» сопоставимы со стеатитовыми антропоморфными фигурками, поскольку последние имеют вид стержня и сходны по характеру исполнения – сочетание рельефной моделировки и резных линий (Хлобыстина, 1971а, с. 72). Стилистика оформления каменных сигарообразных «жезлов» с помощью рельефа и резных линий полностью совпадает с моделировкой предметов из кости и рога (фантастический зверь, «ритон» и др.). Именно характер моделировки этих предметов дает основание считать сигарообразные жезлы изделиями окуневцев.

Находки сигарообразных жезлов немногочисленны. Большая их часть происходит из Минусинской котловины, где в начале II тысячелетия до н.э. обитали окуневцы (большинство жезлов венчает голова быка, оформленная, как уже говорилось, в характерной для окуневцев изобразительной традиции. Бык – второй после женского образ, который красной линией проходит через все изобразительное творчество окуневских племен и в материализованной форме отражает их мировоззрение. Тема семантической связи женщины-матери, прародительницы рода, с быком была детально проанализирована М.Д. Хлобыстиной (Хлобыстина 1971; 1978), рассматривающей эту связь как отражение тотемного брака. Сюжет этот широко представлен как в монументальной скульптуре окуневцев, так и в гравировках и росписях на каменных плитах могильных сооружений. Своеобразное отражение эта тема нашла и в мелкой пластике в виде сигарообразных жезлов, которые несомненно связаны с тотемно-фаллическим культом и женскими фигурками (Хлобыстина, 1971, с. 171, 172). М.Д. Хлобыстина сопоставляет функционально сигарообразные жезлы с восточносибирскими пестами с головой медведя.

Основное направление в изобразительной деятельности как у окуневцев, так и у глазковцев выразилось в приоритете антропоморфных изображений над всеми другими сюжетами. Различие в стилистическом оформлении глазковской и окуневской антропоморфной скульптуры на наш взгляд вполне закономерно, поскольку не следует забывать, что глазковцы были охотниками-рыболовами, а окуневцы – скотоводами-охотниками. У последних через все формы изобразительной деятельности красной нитью проходит образ женщины-матери, хранительницы, покровительницы рода. Мировоззренческие представления, как известно, во многом определяют и стиль изображений (Фурсикова, 2002, с. 250).

Сопоставление глазковской и окуневской антропоморфной пластики убедительно показывает, что памятники этой категории значительно различаются между собой и не могут быть привлечены для доказательства близкого родства этих двух культур.

Говоря о различных трактовках образа человека, мы совсем не исключаем наличия в изобразительном творчестве окуневцев более ранних сибирских истоков. Очень выпукло это показано в специальной работе Д.Г. Савинова (Савинов, 1997б). Эти истоки отчетливо прослеживаются в моделировке фантастического зверя на известном роговом жезле из могильника Черновая VIII (Студзицкая, 1997). С одной стороны – медвежья морда, ассоциирующаяся с образом, господствовавшим в мировоззрении таежных охотников, а с другой – бычьи рога на голове второго зверя, которого как бы «заглатывает» или «извергает» предыдущий персонаж. Наличие рогов – деталь достаточно характерная для изображений фантастического зверя, например, на камне 53 Шалаболинской писаницы (Пяткин, 1980, рис. 1; Пяткин, Мартынов, 1985, с. 54–56, рис. 68). Как известно, культ медведя господствовал в западносибирской скульптуре начиная с эпохи энеолита (Студзицкая, 1987а).

В пластике глазковских племен это животное практически не представлено. Известны лишь два изображения с территории Нижней Ангары – контактной зоны между Прибайкальем и Средним Енисеем. Одно из них – небольшая костяная фигурка, другое – каменный, тщательно заполированный пест (2-й тип жезлов, по классификации Н.В. Леонтьева). Он найден близ Братска (Окладников, 1950; Студзицкая, 1987а, рис. 137, *1*). Моделировка медвежей головы, венчающей этот пест, выполнена полностью в традиции западносибирской зооморфной скульптуры эпохи бронзы. Датировка этого предмета серовским временем не корректна, поскольку в оформлении головы медведя прослеживается ряд специфических признаков, характерных для каменной скульптуры эпохи бронзы. Форма песта отлична от окуневских жезлов, но сопоставима с подобным каменным изделием, найденным в окрестностях оз. Иткуль на Алтае (Студзицкая, 1969, рис. 2, *2*). Они принадлежат к тотемно-фаллическим предметам и сходны как функционально, так и по оформлению. Песты-жезлы из Восточной Сибири, по мнению А.П. Окладникова, связаны с культом плодородия и «символизируют активное мужское начало» в представлениях лесных охотников (Окладников, 1950, с. 311).

Стилистический анализ мелкой пластики окуневской культуры позволяет, на наш взгляд, говорить о том, что как набор сюжетов (медведь, птица), так и трактовка образов отражают очевидную связь с урало-западносибирской изобразительной традицией. Обосновывая эту точку зрения (Студзицкая, 1973), мы привлекали главным образом материалы из лесостепной зоны в окрестностях Красноярска (Базаиха, Ключ Гремячий и др.). Именно эти материалы легли в основу концепции Г.А. Максименкова о происхождении окуневской культуры. И хотя А.А. Формозов включает территорию Среднего Енисея в Прибайкальскую зону первобытного искусства (Формозов, 1967, с. 70), по нашему мнению, изобразительные памятники этих мест, обладая некоторыми чертами сходства с прибайкальскими, специфичны по своей манере исполнения и отличны от прибайкальских, в частности, глазковских. Наоборот, они подчеркивают наличие в окуневской культуре заметного древнейшего урало-сибирского пласта.

Завершая обзор мелкой пластики окуневской культуры, следует еще раз повторить мнение М.Д. Хлобыстиной о том, что изобразительный комплекс окуневской культуры следует рассматривать «во всем многообразии генетических и культурных связей не только в Минусинской котловине, но и на более широкой территории» (Хлобыстина, 1971, с. 34–35).

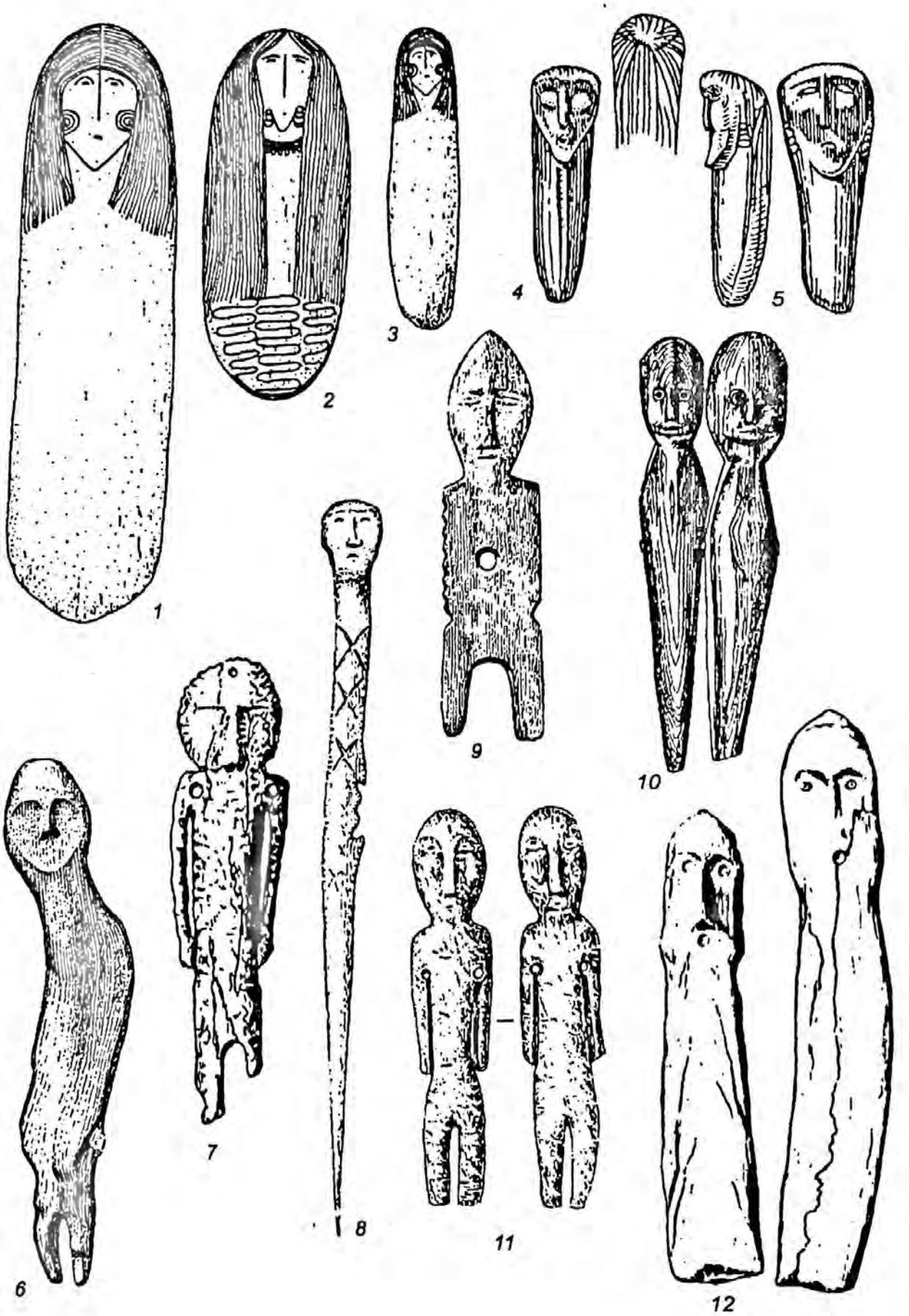

Рис. 1 Антропоморфные изображения: *1*, *3* – Верх. Аскиз I, кург. 1, мог. 9; *2* – Верх. Аскиз I, кург. 2, мог. 11; *4* – р. Таштып; *5* – Черновая VIII, кург. 10, мог. 5; *6* – Шумилиха, погр, 38; *7* – Усть-Уда, погр. 5; *8* – Аносово, погр. 2; *9* – Братский камень, погр. 1; *10* – «Нитарма»; *11* – Усть-Уда, погр. 6; *12* – Усть-Кода (*1–3*, *6–9*, *11–12* – кость; *4–5* – камень; *10* – дерево)

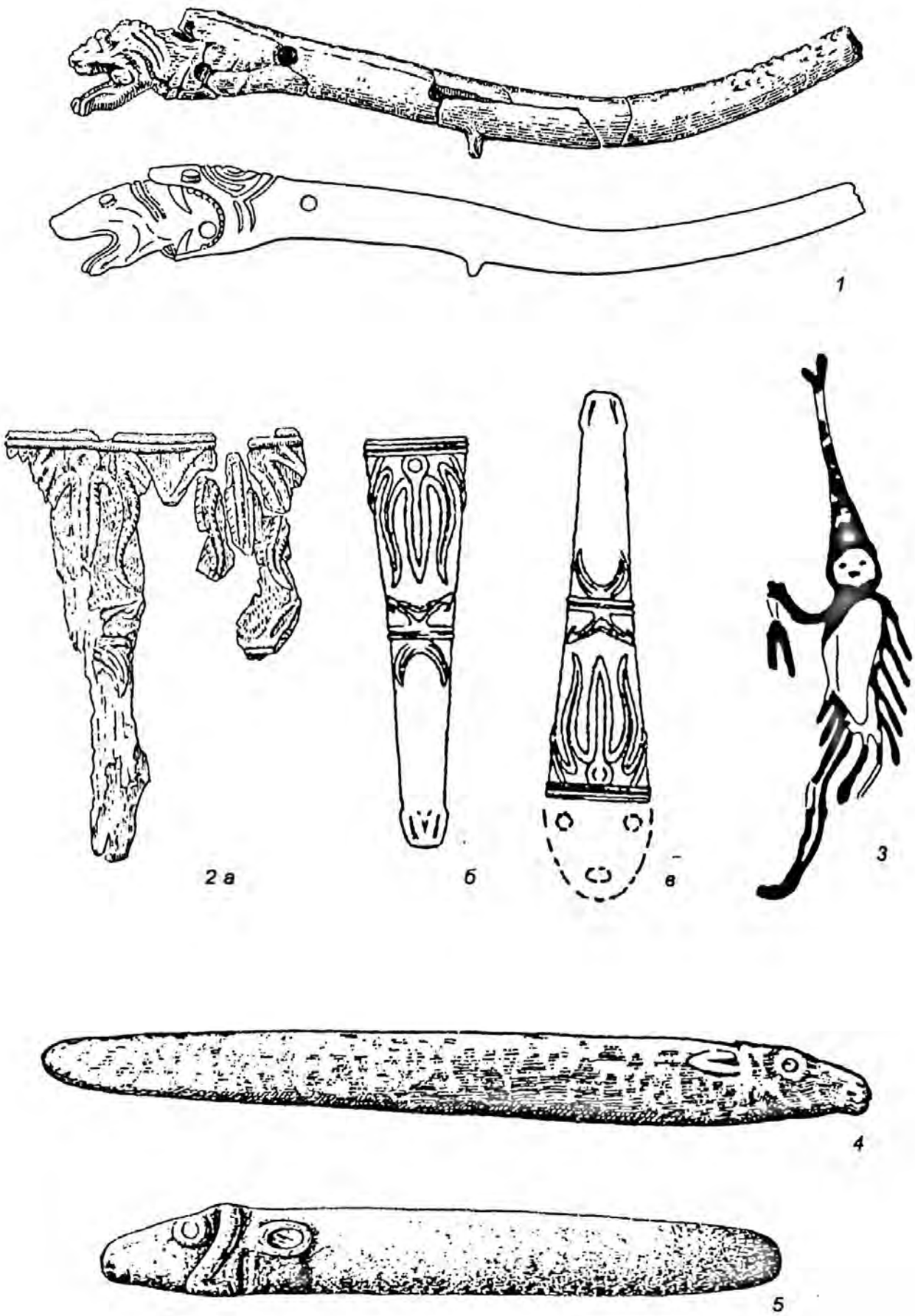

Рис. 2 Предметы мелкой пластики: *1* – фантастический зверь (Черновая VIII, по Г.А. Максименкову); *2* – ритон (Черновая VIII, *а*, *б* – по Г.А. Максименкову, *в* – реконструкция Д.Г. Савинова); *3* – антропоморфное изображение (Кантегир I, по Н.В. Леонтьеву); *4* – жезл с головой лося (Тарлашкын, по М.Х. Маннай-Оолу); *5* – жезл с головой быка (Абакан, по Л.Р. Кызласову)

Н.В. Леонтьев, С.Н. Леонтьев

Материалы эпохи бронзы Казыро-Кизирского междуречья

Изучение памятников археологии Хакасско-Минусинского региона до сих пор было ограничено, в основном, его степной и, в меньшей степени, лесостепной ландшафтными зонами. Горно-таежное обрамление котловины пока остается «белым пятном» на археологической карте Среднего Енисея.

С 2000 г. силами сотрудников Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова при финансовой поддержке Германского археологического института осуществляются работы по поиску, выявлению и изучению памятников культуры древнего и средневекового населения бассейнов Кизира и Казыра – горных таежных рек, верхней и средней составляющих р. Тубы. Сейчас здесь уже открыто свыше десятка местонахождений поселенческого характера (рис. 1), а полученные на них материалы представляют все эпохи – от палеолита до позднего Средневековья. На двух из этих памятников был встречен вещевой инвентарь, относящийся к окуневской культуре.

Первый памятник, Таяты 3, расположен на ровном слабо залесенном участке надпойменной террасы левого берега р. Казыр в 2 км к ССВ от с. Таяты Каратузского района Красноярского края. Он представляет собой группу разновременных поселений, находящуюся на территории развалин сгоревшей скотоводческой фермы АСК «Тесь». Здесь при проведении разведочных работ был встречен фрагментированный сосуд окуневского типа (рис. 2, *1*), обломки которого, величиной до 56 см^2, залегали разрозненно на площади около 3 квадратных метров.

Это слабопрофилированная усеченно-коническая «банка» высотой около 25 см с диаметром устья 27 см. Сосуд был изготовлен из рыхлого, комковатого и очень тощего теста с интенсивной (до 40%) примесью дресвы. Он был моделирован с устья скульптурной ленточной лепкой. Дно, изначально округлое, было уплощено прижатием к плоскости. Толщина стенок около 0,9 см. Емкость доработана выбивкой в технике колотушки и наковаленки и, после дополнительной обмазки изнутри, тщательно затерта орудием типа щепы. Внешняя поверхность сосуда слабо залощена и целиком, включая дно, декорирована частыми отступающими оттисками ребра палочки, сгруппированными в диагонально-наклонные ряды. Тем же орнаментиром нанесены глубокие вдавления по уплощенному и имеющему слабый скос наружу верхнему срезу венчика, придавшие ему волнистый рельеф. Шейка выделена двумя рядами «жемчужника». Обжиг сосуда низкотемпературный, с длительной экспозицией, равномерно-окислительный, цвет поверхности и излома темно-коричневый. Внутренняя и, частично, внешняя сторона поверхности покрыты слоем интенсивного черного нагара толщиной до 0,4 миллиметра.

Второй памятник, Таяты 4, расположен в 0,5 км к северо-востоку от предыдущего и в 2,5 км к ССВ от с. Таяты. Он представляет собой многослойную стоянку древних рыболовов и охотников. Здесь, при проведении раскопок, были найдены три фрагментированных сосуда окуневского типа.

Обломки первого сосуда (рис. 2. 2), величиной до 9 см^2, залегали разрозненно на участке свыше 6 м^2. Сосуд, вероятно, имел форму слабопрофилированной «банки» с устьем диаметром около 12 см и неясной конструкцией дна. Он был изготовлен из плотного, комковато-зернистого тощего теста с примесью дресвы. Способ его формовки неясен. Емкость замыта с обеих сторон и изнутри тщательно затерта. Внешняя поверхность сосуда декорирована частыми горизонтальными рядами концевых оттисков палочки; венечная зона выделена горизонтальным зигзагом «ложной гребенки». Обжиг сосуда низкотемпературный, с длительной экспозицией, равномерно-окислительный, цвет поверхности и излома красновато-коричневый. Внутренняя сторона сосуда в приустьевой зоне покрыта слоем темного буроватого нагара.

Здесь же, на площади 5,5 м^2, были встречены крупные (до 40–45 см^2) фрагменты еще одного сосуда (рис. 2, *3*), точная форма и размеры которого не реконструируются из-за сильной эрозии обломков. Вероятно, это была крупная «банка» с диаметром устья около 25 см и слабо профилированными стенками. Она изготовлена из рыхлого, комковатого и очень тощего теста с интенсивной (до 50%) примесью непросеянной аллювиальной дресвы. Сосуд был моделирован скульптурной ленточной лепкой. Ширина лент достигала 5 см при толщине стенок 0,9–1 см. Венчик сосуда уплощен прижатием его к плоскости. Поверхность с обеих сторон замыта и тщательно затерта шпателем. Внешняя поверхность декорирована монотонными рядами частых вдавлений палочки со скругленным концом. Обжиг сосуда низкотемпературный, равномерно-окислительный, с длительной экспозицией. Цвет поверхности и излома ровный красновато-

коричневый. Внутренняя приустьевая сторона стенок покрыта слоем буроватого нагара.

Третий сосуд (рис. 2, *4*), крупные (до 50 см^2) фрагменты которого были рассеяны на площади 6 м^2, имел несколько необычную для окуневской традиции форму закрытой слабопрофилированной круглодонной «банки» высотой около 33 см и диаметром устья 28 см. Он был изготовлен из рыхлого, комковатого и очень тощего теста с интенсивной (50%) примесью аллювиальной дресвы и моделирован с устья скульптурной ленточной лепкой. Ширина лент достигала 8 см при толщине стенок до 0,9 см. Венчик уплощен прижатием его к плоскости. Поверхность с обеих сторон замыта и тщательно затерта. Внешняя поверхность, исключая неорнаментированное дно, декорирована монотонными рядами частых вдавлений палочки со скругленным концом. Подвенечная зона выделена пояском «жемчужин» с низким рельефом. Обжиг сосуда низкотемпературный, равномерно-окислительный, с длительной экспозицией. Цвет поверхности и излома ровный красновато-коричневый. Внутренняя приустьевая сторона покрыта слоем бурого нагара.

Помимо описанных выше сосудов, на памятнике Таяты 4 встречены и другие предметы, которые правомерно отнести к окуневскому культурному комплексу. Это, в первую очередь, каменные наконечники стрел (рис. 3, *1–3*) (один из них находился прямо в эпицентре развала сосуда), имеющие многочисленные аналогии в поселенческих и погребальных памятниках окуневской культуры степной и лесостепной зон, а также два глиняных брусковидных предмета (рис. 3, *4-5*), внешне напоминающие сланцевые «оселки», иногда встречающиеся на поселениях.

Указанные материалы были обнаружены вне связи с остатками каких-либо бытовых сооружений (жилища, очага, кострища). Они были оставлены своими хозяевами на территории недолговременных промысловых стоянок.

К окуневскому времени относится и ранее опубликованный «клад» сейминско-турбинских бронз (рис. 3, *6–8*), найденный на территории д. Верхняя Мульга в бассейне р. Кизир и интерпретированный нами как инвентарь кенотафа XV–XIV вв. до н. э. (Леонтьев С., 2002а, с. 181–183). При проведении здесь в 2000 г. разведочных работ вблизи от места находки «клада» были встречены единичные мелкие фрагменты толстостенной красноглиняной керамики, изготовленной из тощего теста и декорированной печатными оттисками гребенчатого штампа, сопоставимые с посудой черновского типа окуневской культуры.

Малочисленность описанных артефактов не позволяет делать какие-либо значительные выводы. Вместе с тем, можно констатировать факт, что окуневское население проникает на территорию среднего течения Казыра не позднее времени создания в степи памятников типа Уйбат I и Уйбат III – именно с их керамическими комплексами обнаруживают наибольшее сходство сосуды из окрестностей с. Таяты. От ранее опубликованных материалов их отличают лишь незначительные черты в орнаментике (двойной «жемчужник» у сосуда из Таяты 3 и «ложная гребенка» на небольшом сосуде из Таяты 4) и морфологии (закрытая круглодонная форма большого сосуда из Таяты 4). «Окуневцы» в тайге Восточного Саяна не были коренным населением и едва ли просуществовали здесь значительно дольше, чем в степи. Для обоснования последнего утверждения следует кратко охарактеризовать встреченные здесь же материалы предыдущей и последующей эпох.

Коллекция керамики Казыро-Кизирского междуречья, датируемой нами временем неолита-энеолита, довольно велика. Наибольший интерес представляют две ее группы.

Первая представлена сосудами, по своим технологическим, морфологическим и орнаментальным характеристикам близкими к посуде карасевского (екатерининского) типа приенисейской лесостепи. На памятниках Таяты 3 и Таяты 4 были встречены обломки сосудов, которые уверенно могут быть отнесены к его раннему (неолитическому) и позднему (энеолитическому) вариантам. От «классического» карасевского типа керамики их существенно отличает лишь отсутствие в декоре ямочных наколов-разделителей.

Вторая группа керамики предокуневского времени может быть охарактеризована на примере трех фрагментированных сосудов, встреченных на памятнике Таяты 3. Один из них – большой сосуд профилированной закрытой баночной формы с максимальным расширением стенок примерно на середине их высоты (рис. 4, *1*). Он был изготовлен из плотного тонко отмученного теста средней пластичности с примесью мелкозернистой дресвы. Сосуд формован скульптурной лоскутно-ленточной лепкой и доработан последующей уплотняющей выбивкой в технике колотушки и наковаленки. Толщина стенок около 0,5 см. Обжиг качественный, равномерно-окислительный, с длительной экспозицией. Цвет поверхности и излома красновато-коричневый с темными пятнами. Внутренняя сторона в приустьевой зоне имеет следы нагара. Внешняя залощенная поверхность стенок этого сосуда покрыта сплошным монотонным орнаментом в виде вертикальной «елочки», образованной частыми оттисками длинного и узкого мелкозубчатого штампа. Слабо выделенная шейка декорирована широким (около 2 см) налепным валиком.

Второй сосуд имел слабо профилированную баночную форму с плоским или уплощенным днищем (рис. 4, *2*). Ему присущи те же технологические характеристики, что и описанному выше. Его орнаментация имеет выраженную зональность: подвенечная часть украшена тремя рядами коротких зерновидных оттисков палочки, направленных скругленными вершинами вправо и вверх, ниже

помещены три узкие прорезные каннелюры с мелким «жемчужником» между ними, а тулово декорировано рядами длинных зерновидных оттисков палочки, направленных скругленными вершинами влево и вниз. Третий сосуд – слабо профилированная прямостенная «банка» с теми же технологическими характеристиками, что у двух предыдущих, – был орнаментирован монотонной вертикальной «елкой», выполненной частыми оттисками ребра палочки (рис. 4. *3*).

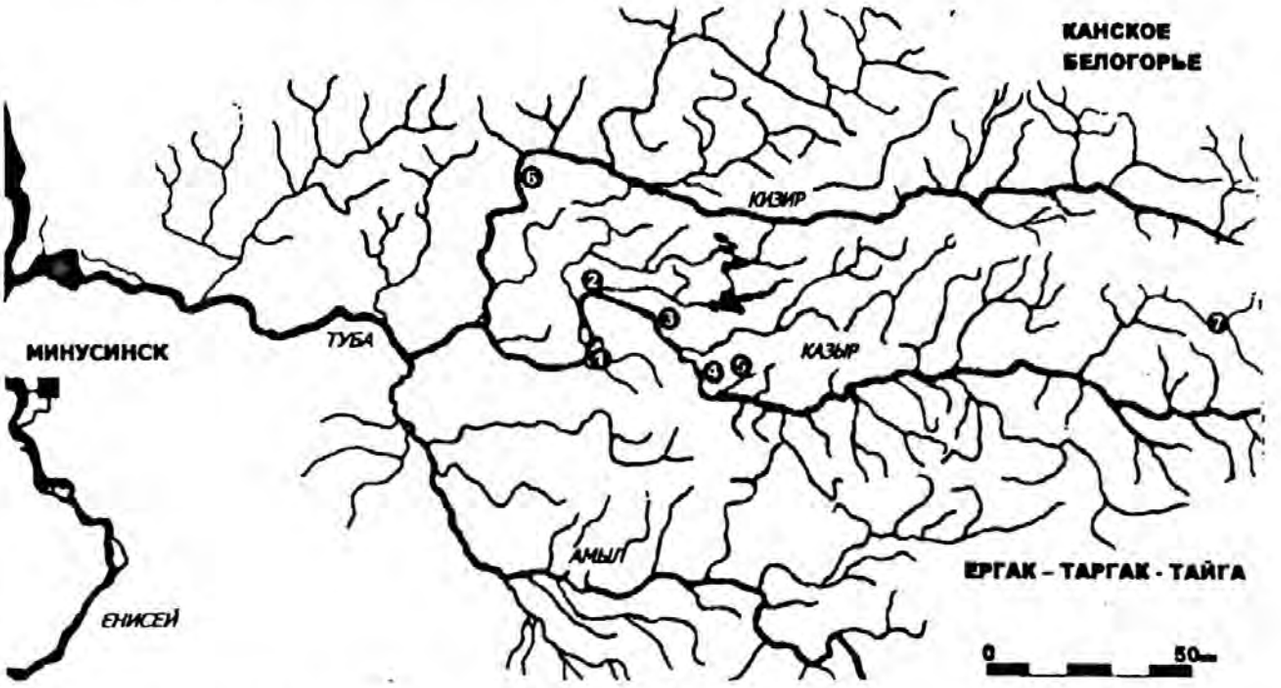
Описанные сосуды находят близкие аналогии в керамике шестого и седьмого (раннего и позднего «окуневских») слоев поселения Тоора-Даш в Туве (рис. 4, *4–5* – Семенов, 1992, с. 42–49, табл. 29–33). Если учесть, что в районе с. Таяты были встречены и единичные обломки посуды верхнеенисейского неолитического облика, то можно уверенно предположить, что бассейн среднего течения р. Казыр входил в ареал формирования «окуневской» культуры Саянского каньона Енисея и Тоджи. Характеризующая ее керамика по своим технологическим, морфологическим и орнаментальным особенностям едва ли может считаться собственно окуневской. Более вероятно, что она маркирует самобытную культуру автохтонного населения данных районов. В какой-то период времени, вероятно на рубеже эпох неолита и палеометалла, сюда из Хакасско-Минусинской котловины проникают племена носителей карасевской керамической традиции, а вслед за ними и «окуневцы».

Эпоха средней бронзы исследуемого района характеризуется керамикой совершенно иного типа. Так, на памятнике Таяты 4, помимо единичных нерепрезентативных обломков, были найдены два фрагментированных сосуда этого времени. Первый, с раздутым туловом и низкой слабо изогнутой шейкой (конструкция дна не ясна), был изготовлен из плотного, слоистого и очень тощего теста с интенсивной примесью мелкозернистой дресвы дробленого аллювия. Он был моделирован лоскутной или лоскутно-ленточной лепкой с последующим выколачиванием стенок. Их толщина варьирует от 0,4 до 0,7 см. Венчик уплощен по торцу подрезкой. Способ обработки поверхности неясен из-за сильной звездчатой растресканности. Обжиг качественный, равномерно-окислительный, с длительной экспозицией. Цвет поверхности и излома ровный, темно-красный, внутренняя часть покрыта слабым нагаром. Орнамент выполнен оттисками гребенчатого штампа с прямоугольными зубцами. По венчику идет горизонтальный ряд косых заштрихованных треугольников, перекрывающих разреженный «жемчужник» с низким рельефом. Ниже помещен фриз из четырех каннелюр, выполненных протаскиванием палочки. По плечикам гребенкой нанесен узор типа меандра, ограниченный снизу фризом каннелюр. По тулову гребенчатым штампом выполнен неясный геометрический декор (рис. 5. *1*).

Второй – миниатюрный сосуд сильно профилированной горшковидной формы с диаметром устья около 10 см (рис. 5, *2*). Он изготовлен из плотного, зернистого и тощего теста с примесью дресвы аллювия. Сосуд был, вероятно, выдавлен из цельного куска глины на плоской подставке. Толщина стенок около 0,3 см, их внешняя поверхность сплошь (исключая лишь днище) покрыта узкими каннелюрами, идущими через каждые 1,5–2 см и выполненными протаскиванием палочки со спрямленным концом. Обжиг сосуда равномерно-окислительный, цвет поверхности и излома светлый красновато-коричневый, следов нагара нет.

Оба описанных сосуда обнаруживают близкие аналогии в керамике андроновского типа. Первый – за счет своей «ковровой» орнаментации, практически копирующей декор «парадных» федоровских горшков. Второй – из-за формы и орнамента, делающих его тождественным некоторым андроновским сосудам Алтая (Кирюшин, Лузин, 1993, рис. 4, *8*). Вместе с тем, едва ли они могли быть оставлены самими «андроновцами». На это указывают как особенности их технологии, так и то, что следов проникновения носителей андроновской керамической традиции не только в Саянскую тайгу, но и в южные районы Хакасско-Минусинской котловины сегодня не выявлено. В связи с этим следует отметить, что больший из рассматриваемых сосудов за счет сочетания «парадного» декора, дополненного «жемчужником», и раздутой горшковидной формы с низкой слабо изогнутой шейкой обнаруживает также родство и с посудой еловско-ирменской культуры Западной Сибири (Матющенко 1974, с. 31–40). По своей же технологии он ближе всего «окуневской» керамике тоджинско-тоорадашенского типа.

Таким образом, история окуневских племен на территории Казыро-Кизирского междуречья и, вероятно, всей таежной зоны Хакасско-Минусинского региона не была продолжительнее, чем в приенисейских степях. До них, а возможно и совместно с ними, здесь проживали носители своеобразной керамической традиции, близкородственной «окуневской» Тоора-Даша и Тоджи, позже – население, создававшее посуду андроноидного типа. «Окуневцы» проникали в горно-таежные области с прилегающих степных и лесостепных территорий, видимо, лишь с целью промысловой охоты и, возможно, добычи металла. В других таежных районах Среднего Енисея присутствие окуневских племен фиксируется по единичным наскальным изображениям джойского типа (Леонтьев Н., 1969, с. 247–248; 1978, с. 97), которые пока не найдены в бассейнах Казыра и Кизира, но известны в устье р. Тубы, образующейся после их слияния (Шер, 1980, рис. 116, *1–4*).

условные обозначения:

❶ - памятники Таяты 1-5;

❷ - местонахождение Тюхтяты;

❸ - местонахождение Гуляевский порог;

❹ - стоянка Жаровск;

❺ - местонахождение Убинское;

❻ - памятники Верхняя Мульга 1-2;

❼ - местонахождение Пик Грандиозный

Рис.1 Казыро-Кизирский историко-географический район

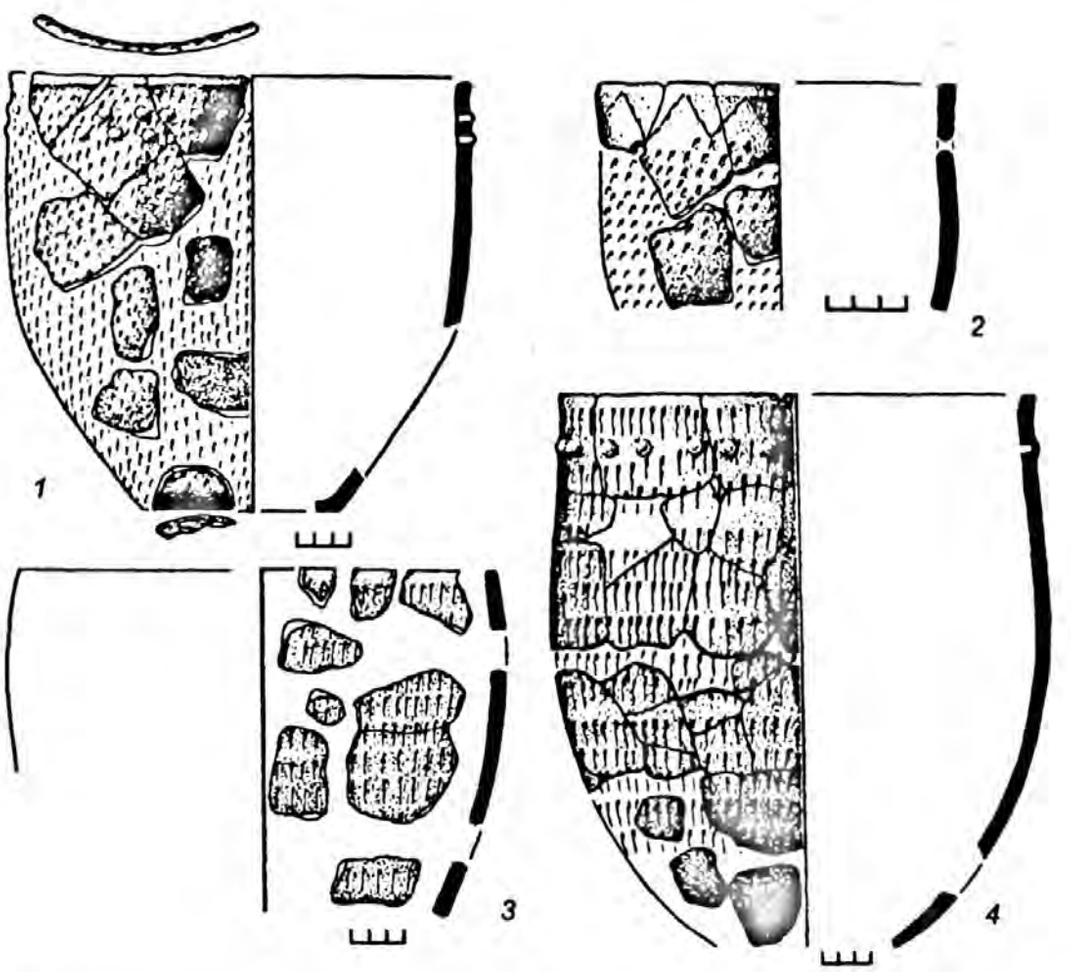

Рис. 2 Керамика окуневской культуры Казыро-Кизирского междуречья: *1* – Таяты 3, *2–4* – Таяты 4

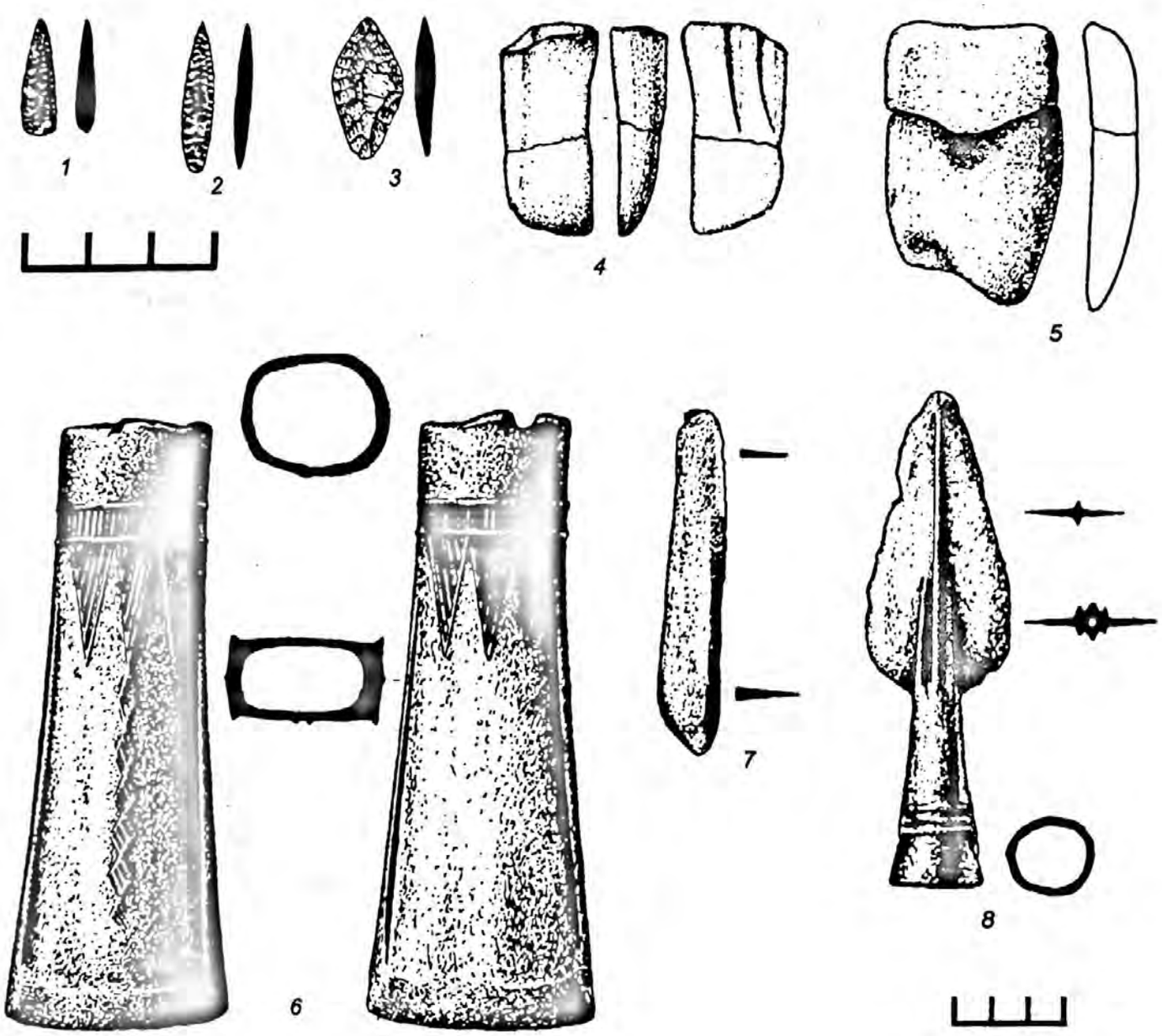

Рис. 3 Материалы окуневского времени Казыро-Кизирского междуречья:
1–5 – Таяты 4, *6–8* – Верхняя Мульга 1 (*1–3* – камень, *4–5* –глина, *6–8* – бронза)

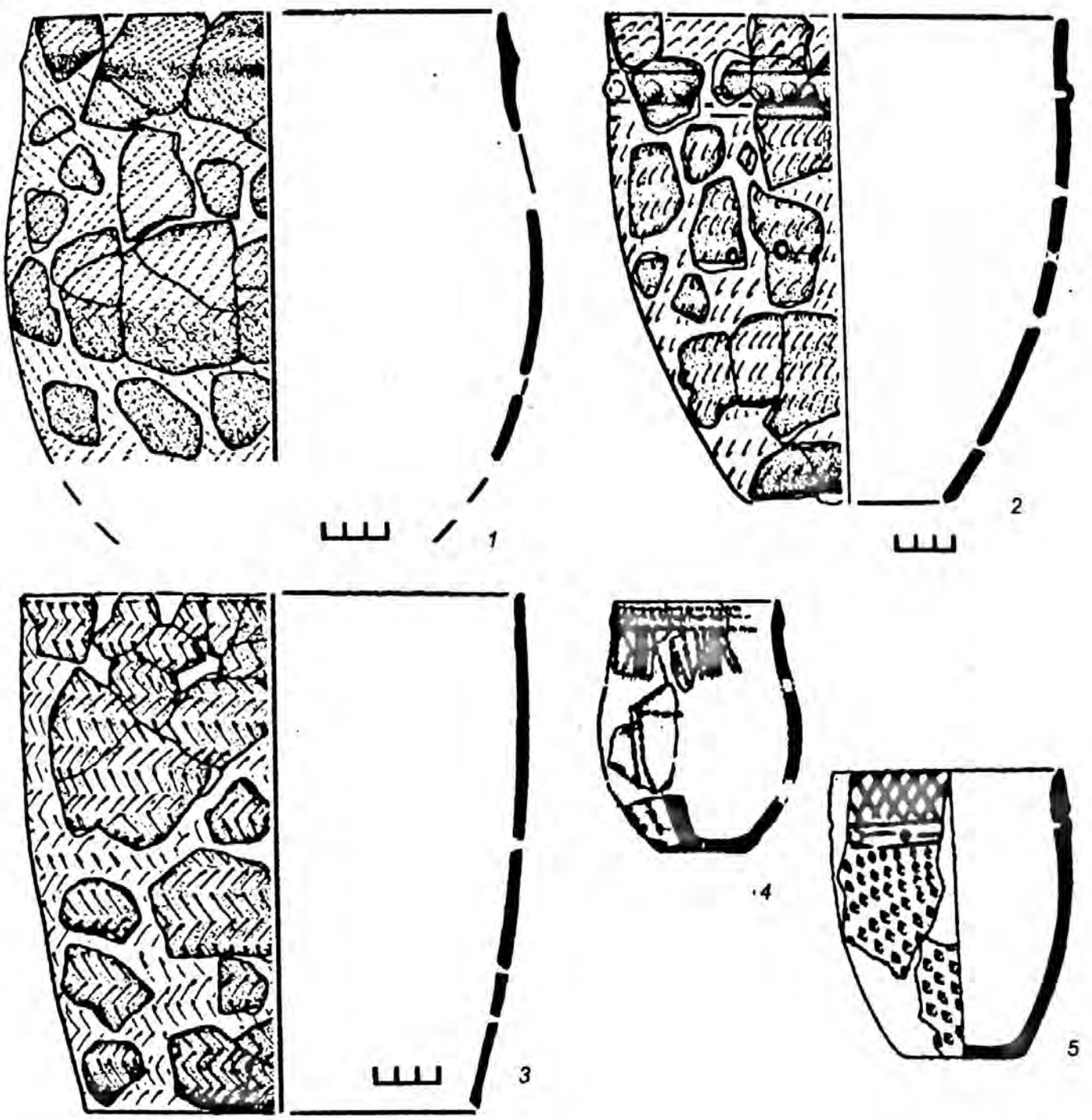

Рис. 4 Керамика предокуневского времени Казыро-Кизирского междуречья:
1–3 – Таяты 3, *4–5* – Тоора-Даш

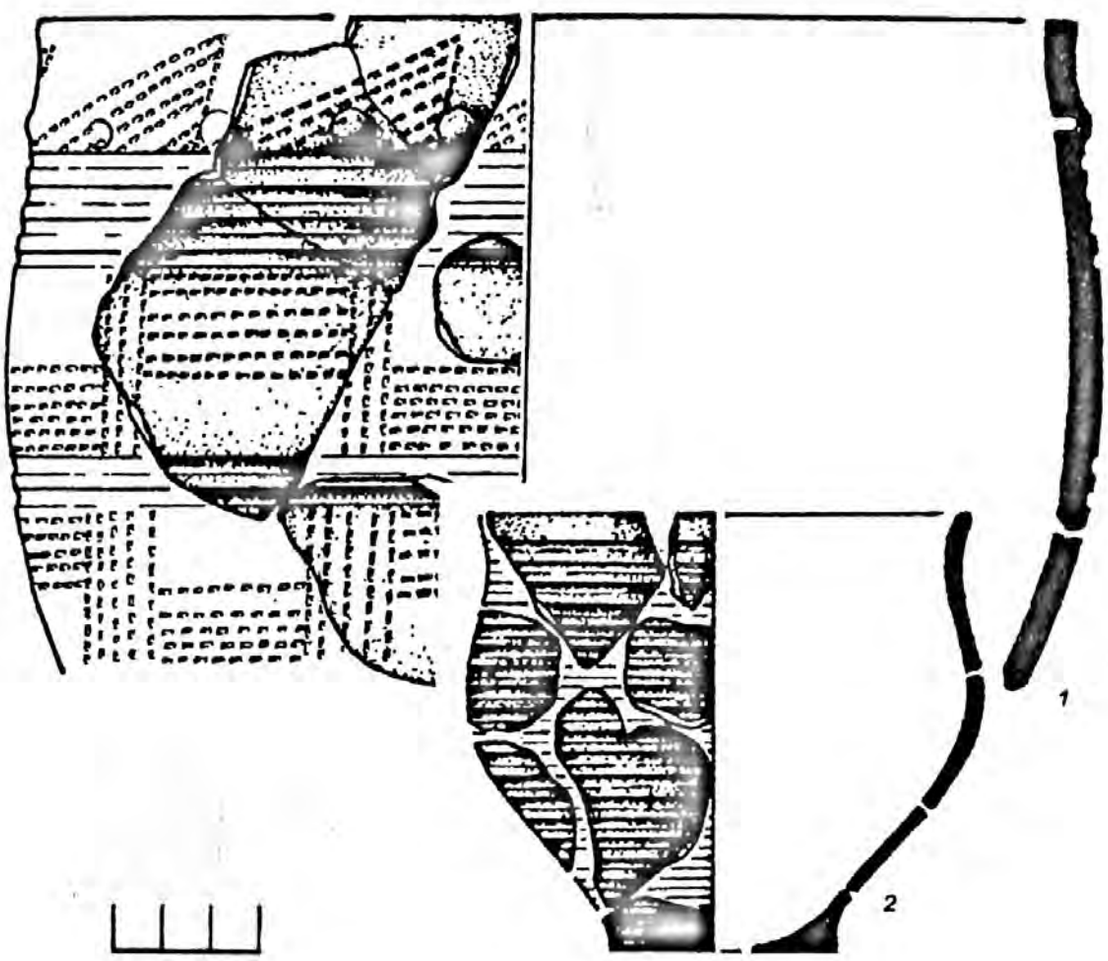

Рис. 5 Керамика постокуневского времени Казыро-Кизирского междуречья: *1–2* – Таяты 4

С.В. Красниенко, А.В. Субботин

Окуневские памятники на территории Назаровской котловины

История изучения археологических памятников Назаровской котловины в общих чертах напоминает последовательность археологических открытий в степях Среднего Енисея. Внимание археологов первоначально было обращено на яркие и широко известные элементы исторического ландшафта: курганные могильники и наскальные изображения. Тщательное и углубленное изучение территории позволило выявить иные типы памятников, относящиеся к разным археологическим эпохам. Наряду с другими, были открыты памятники окуневской культуры (XVIII–XIII вв. до н.э.), сейчас уже более двух десятков. Правильнее будет сказать, что здесь среди находок предметов разных эпох встречаются и находки, относящиеся к окуневскому времени.

Степень изученности этих памятников различна. Немногие подверглись раскопкам. В течение 90-х годов к двум ранее открытым могильникам – на оз. Большое (Савинов, 1981) и на р. Береш (Синючиха; Вадецкая, Гультов, 1984), поселению Кадат VI, открытому и исследованному на северном берегу водохранилища Кадатской ГЭС (Курочкин, 1983), а также разнокультурным памятникам (курганные могильники Кадатское поле, Ашпыл, Соколовский разъезд, поселения Инголь и Ашпыл), содержащим среди прочего и окуневский материал (фрагменты керамики, каменные и бронзовые орудия), прибавились новые объекты. Речь идет о пунктах, где был собран подъемный материал. Эти памятники были интерпретированы как поселения. Ниже дается их краткая характеристика. Некоторые из этих памятников еще не прошли процесс паспортизации и не имеют окончательных названий.

Памятники, содержащие артефакты окуневской культуры можно условно объединить в несколько микрорегионов (табл. I):

1. Северный. Включает находки, сделанные на северо-западном склоне Кузнецкого Алатау и в ближайших окрестностях. С точки зрения гидрографической привязки эта территория отхватывает междуречье рек Урюп и Береш. Помимо открытых ранее и уже упомянутых памятников Кадат VI, Инголь, Кадатское поле, в этом микрорегионе открыты поселенческие памятники Дубинино VI (на левом берегу реки Береш, южнее поселка Дубинино); Сорокино I (в 2-х км к востоку от деревни Сорокино; здесь были обнаружены фрагменты трех(?) сосудов, орнаментированных, включая дно, отступающей палочкой); Меловой лог (на террасе реки Береш, к западу от разреза «Березовский»; найдено более 10 фрагментов керамики); местонахождение на правом берегу ручья Отножка (3 км к востоку от поселка Дубинино). Среди подъемного материала, собранного на поселении Объюл I, исследовавшемся Н.Л. Членовой, и опубликованного Г.А. Максименковым (Максименков, 1978), встречались фрагменты керамики окуневского времени (как минимум два сосуда).

2. Шарыповский. Включает памятники на территории города Шарыпово и к востоку от него, до подножий так называемых Шушинских гор (северо-восточных отрогов Кузнецкого Алатау). К ним относятся поселения у железной дороги Красноярск-Шарыпово, в 9 км от города Шарыпово (Шарыпово X; среди находок большая часть – фрагменты окуневской керамики, меньшая – андроновской); в 10 км к востоку от г. Шарыпово, на реке Ожа (Ожинское III и Ожинское IV); в 1 км от восточной окраины г. Шарыпово (Шарыпово IX; до 10 % фрагментов керамики или, предположительно, 5 сосудов – окуневские); на территории старой части Шарыпово (Шарыпово VI; керамика, орнаментированная "волнами", в том числе в зонах с противоположным направлением, орнаментированные днища; всего 40 фрагментов); поселение Гляден VIII.

3. Темринский. Здесь объединены памятники южной части долины, простирающейся между двумя северными отрогами Кузнецкого Алатау, в окрестностях деревень Темра и Косые Ложки. Среди найденных здесь: памятник Развилка II (на правом берегу реки Береш; в окружении многочисленных предметов кремневой индустрии, в основном, отходов, найдены фрагменты более чем 5 сосудов, орнаментированных отступающей палочкой); в окрестностях деревни Темра (поселение Темра VI); в 8 км южнее г. Шарыпово, на берегу озера Согринское (поселение Согринское II; собрано несколько фрагментов окуневской керамики); в 1 км к востоку от озера Согринское, в седловине и на склоне невысокой гряды (поселение Темра XIV; среди карасукской керамики встречаются фрагменты окуневского облика); в 2,5 км к северо-западу от деревни Косые Ложки (поселение Косые Ложки XV; фрагменты двух окуневских сосудов).

4. Большеозерский. На берегах озера Большое (Божье) и вблизи него обнаружено несколько па-

мятников, содержащих артефакты окуневской культуры. К западу от деревни Большое Озеро – поселение Большое Озеро XIII (среди афанасьевской и тагарской керамики найдены фрагменты двух, возможно, окуневских сосудов). Поселение Большое Озеро X в 2-х км к юго-западу от одноименной деревни (подобраны фрагменты керамики, возможно, окуневской). В южной части деревни Большое Озеро, на берегу реки Колба (поселение Большое Озеро XV; найдены 2 фрагмента такой же керамики). Окуневская керамика обнаружена на западном берегу Большого озера (в деревне Сартачуль, на берегу одноименного ручья), на полуострове Стрелка, вблизи памятника, исследованного в 1975 г. Д.Г. Савиновым.

Два памятника открыты вне пределов сформировавшихся микрорегионов. В деревне Ораки (бывший улус Оракский) на левом берегу ручья Окунёвый найдены фрагменты керамики, в равной пропорции относящиеся к окуневской, андроновской, каменноложской и таштыкской культурам. На западном берегу второго из больших озер Назаровской котловины – Белого – также было отмечено присутствие керамики окуневской культуры. Возможно, дальнейшее обследование территории позволит увеличить количество находок окуневского времени и здесь.

На протяжении нескольких полевых сезонов (1999–2000, 2002, 2004 гг.) были произведены небольшие раскопки трех из перечисленных выше памятников – поселения Гляден VIII, Дубинино VI, Шарыпово VI.

Гляден VIII. Практически разрушенный земляными работами памятник обследовался в 1998–2000 гг. Среди находок керамики, относящейся в основном к афанасьевской культуре, выделяются 12 фрагментов стенок одного сосуда. Сосуд изготовлен в смешанной окуневско-афанасьевской технике. Формовка сосуда осуществлялась послойным (в два слоя) наращиванием, что характерно для некоторых окуневских сосудов. В то же время и внешняя, и внутренняя стороны обработаны расчесами мелкозубчатого штампа, что характерно для афанасьевской технологии. В тесте – примесь хорошо просеянного и равномерно промешанного песка. Обжиг восстановительный: черепок черного цвета с просветлением к внешней поверхности. Орнамент, по всей видимости, покрывал все тулово сосуда. Он представляет собой ряды слегка изогнутого короткого (1 см) штампа. Отпечаток штампа представляет собой мелкозубчатую поверхность. Возможно, это фрагмент раковины или мелкоскрученная веревочка. Толщина стенок – 1,1 см. Один фрагмент (из придонной части сосуда), возможно, относящийся к раннему периоду окуневской культуры, украшен параллельными рядами штампа, образующего елочку. Штамп с такой силой вдавливался в поверхность сосуда, что ее неорнаментированная часть выступает в виде валиков. Этот фрагмент содержит в тесте небольшое количество песка, тесто плохо промешано, обжиг, вероятно, костровой с внутренней полосой недожога. К смешанной окуневско-афанасьевской технике относится и еще один фрагмент керамики. Он орнаментирован с лицевой стороны гладким штампом, нанесенным в виде елочки. На внутренней поверхности – расчесы мелкозубчатого штампа. Кроме керамики особый интерес представляет фрагмент медного (практически 100% меди, согласно анализу, проведенному С.В. Хавриным) кинжала(?) (Красниенко, 2002).

Дубинино VI. Собранный подъемный материал и полученные в результате раскопок материалы – фрагменты глиняной курильницы и другой глиняной посуды (в том числе, 18 фрагментов верхней части баночного сосуда), оббитый каменный топор, наконечник стрелы и отщепы кремнистой породы – могут быть отнесены к окуневской культуре (табл. IV). Тесто, из которого сделан сосуд, плохого качества, с большим количеством дресвы. Формовка ленточная. Венчик сосуда скругленный. Орнамент начинается под венчиком и состоит из параллельных полос вдавлений ногтевидного штампа, а также ряда жемчужин (некоторые из них со сквозными отверстиями). Этому же сосуду принадлежит и один фрагмент плоского дна с орнаментом.

Орнамент из вдавлений ногтевидного штампа в различных вариантах (в виде горизонтально, вертикально и наклонно поставленных оттисков) и жемчужин – встречается и на других фрагментах. Жемчужины нанесены орудиями с рабочим концом подтреугольной конической формы. Кроме того, имеются фрагменты, украшенные гребенчатым штампом, в том числе в виде елочки, косыми насечками, наколами подтреугольной или неопределенной формы, покрытые расчесами мелкозубчатого гребенчатого штампа, поверх которых нанесен орнамент из рядов овальных вдавлений. Иногда штамп ставился нечетко, в ряде случаев просто замят пальцами. Орнамент найденной керамики находит аналогии среди неолитических материалов Западной Сибири (Косарев, 1974).

Шарыпово VI. На данном поселении все фрагменты керамической посуды сплошь орнаментированы (табл. II). Кроме отпечатков гребенки присутствуют: прочерченный орнамент в виде гребенки, шагающая гребенка, отступающая гребенка, вертикально поставленные отпечатки зубчатого штампа (надавливание под углом, больший упор к верхней части сосуда), ямочные вдавления с внешней и внутренней стороны сосуда и соответственно с противоположной стороны жемчужины, отступающая палочка, личиночный (двух- и трехзубые штампы), в виде капли (уголковое вдавление палочкой). Средняя часть тулова сосудов украшена полосами косо поставленного штампа, образующего узор из прямоугольных или ромбических зон, расположенных углами (вершинами) вверх и соединенных углами. Верх венчика орнаментирован, часто тем же штампом, что и стенки сосуда, но

пальцами гончара изменялась форма отпечатков. Заглаживание стенок внутри сосудов осуществлялось, видимо, пальцами или ладонью, иногда щепкой. Кроме орнамента на стенках сосудов отмечены каплевидные вдавления палочкой на дне.

Помимо керамики следует упомянуть найденные здесь же многочисленные изделия из кремня (табл. II, *9–10*; III), в том числе несколько кремневых ножей, напоминающих сейминские (табл. III, *13*).

С 1964 г., со времени выделения самусьской (М.Ф. Косарев) и окуневской (Г.А. Максименков) культур, существует проблема их соотношения. Анализ точек зрения, имеющихся по этому поводу, произведен в недавней работе Ю.Н. Есина (Есин, 2002). Сопоставляя две керамические традиции, автор отмечает среди самусьских находок фрагменты керамики с характерным окуневским орнаментом: наклонные ряды овальных оттисков, покрывающих все тулово сосуда; треугольники вершинами вверх, исполненные оттисками острой или округлой палочки, гусеничным штампом. Вместе с тем среди характерных черт орнаментации самусьской керамики М.Ф. Косарев (Косарев, 1987, с. 272–273) выделяет горизонтальную елочку, образованную двумя рядами мелких насечек. Ниже нее расположены один или два ряда аккуратных круглых ямок, у баночных сосудов располагающихся на границе шейки и тулова. Остальная часть боковой поверхности украшалась волнистыми или прямыми линиями, сплошными взаимопроникающими треугольными зонами или псевдоплетенкой. Узоры выполнялись отступающей гребенкой или отступающей палочкой. Гребенчатый штамп не характерен. Днища украшались концентрическими окружностями, спиральными узорами, псевдоплетенкой или другими несложными рисунками. Кроме особенностей орнамента для самусьских сосудов характерны примесь песка или дресвы в тесте и довольно сильно отогнутый наружу венчик у горшковидных сосудов.

Итак, анализ полученных материалов позволил установить, что на исследуемой территории представлены как минимум три керамические традиции раннего бронзового века: синкретическая окуневско-афанасьевская, самусьская и окуневская. На поселениях Инголь и Ашпыл среди других уже встречались и фрагменты керамики с орнаментом, характерным для племен самусьской археологической культуры: с горизонтальной мелкой елочкой, с орнаментированными дном и придонной частью, со спиралевидным узором на дне. При украшении сосудов были использованы штампы: отступающая гребенка, ложная веревочка, отступающая палочка в виде волны. Встречаются украшенные по верху и изнутри венчики, найден фрагмент с отпечатком ткани(?).

Вопреки мнению, высказанному авторами в 1997 г. (Красниенко, Субботин 1997), этнокультурные процессы протекали, по-видимому, следующим образом. Как и в более южных регионах, окуневцы появились здесь на поздней стадии существования афанасьевской культуры, о чем свидетельствует наличие керамики, выполненной в смешанной окуневско-афанасьевской технике. Однако позднее сюда проникали как собственно «окуневцы», то есть население периферии Минусинских котловин, так и, вероятно, родственные им западносибирские «самусьцы», бытовавшие в эпоху ранней бронзы на Оби в районе современного Томска.

К моменту появления тех и других этнокультурный тип каждой группы уже сформировался: данных, позволяющих проследить истоки этих культур в рассматриваемом регионе, не обнаружено. Распространение артефактов этого времени на территории Назаровской котловины иллюстрирует соотношение северного и южного этнических компонентов в формировании палеокультурной картины этого региона. Не исключено, что и зафиксированные в Шарыповском районе (в южной его части) три каменные крепости также могут относиться к окуневской культуре.

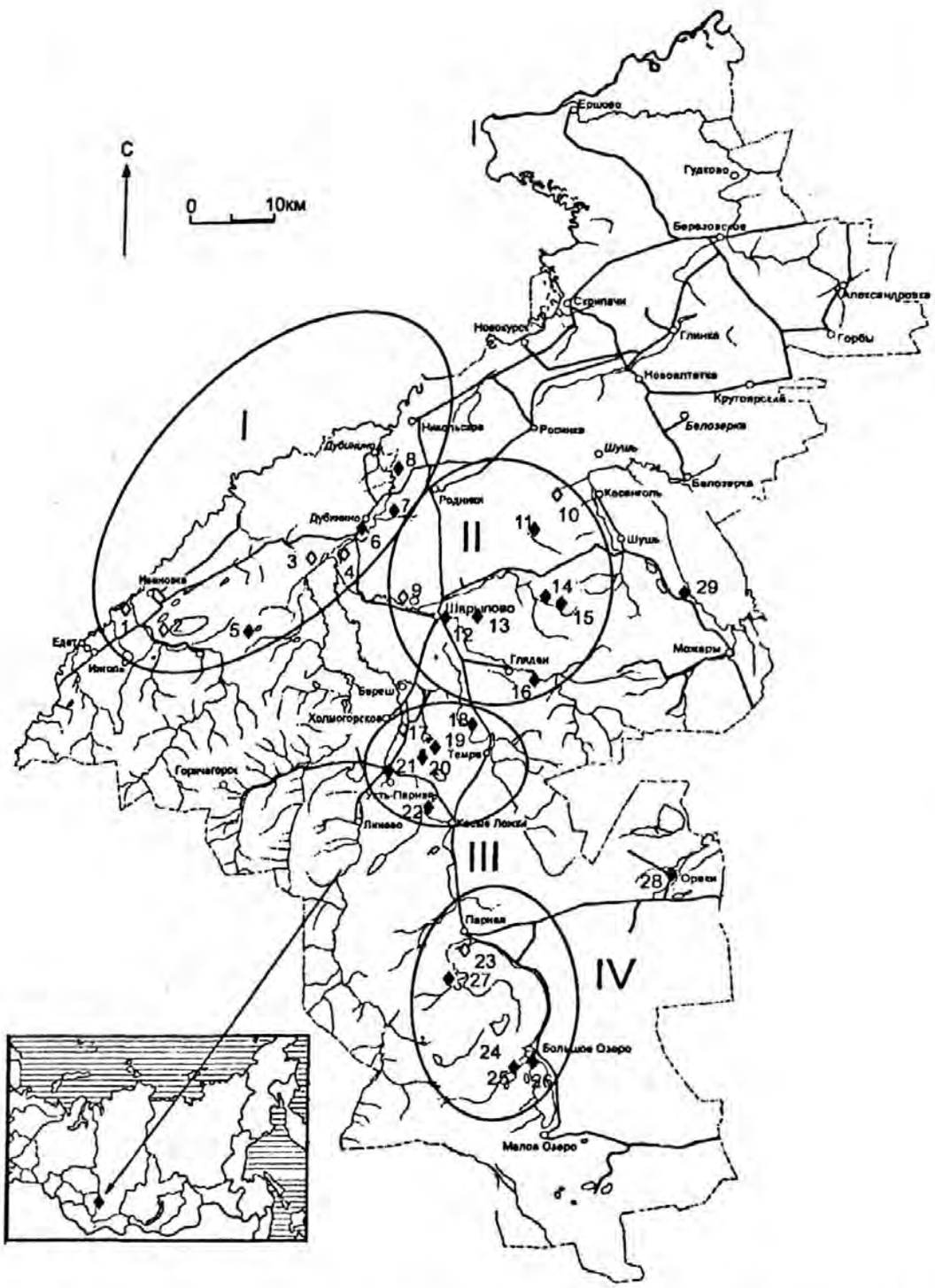

Табл. I Памятники окуневского времени на юго-западе Красноярского края (Шарыповский район). Микрорегионы и памятники.

I – *Северный*: *1* – Объюл I, *2* – Инголь, *3* – Кадатское поле, *4* – Кадат VI, *5* – Сорокино I , *6* – Дубинино VI, *7* – Отножка, *8* – Меловой лог;

II – *Шарыповский*: *9* – Ашпыл, *10* – Соколовский разъезд, *11* – Шарыпово X, *12* – Шарыпово VI, *13* – Шарыпово IX, *14* – Ожинское III, *15* – Ожинское IV, *16* – Гляден VIII;

III – *Темринский*: *17* – Синючиха, *18* – Темра VI, *19* – Темра XIV, *20* – Согринское II, *21* – Развилка II, *22* – Косые ложки XV;

IV – *Большеозерский*: *23* – Стрелка, *24* – Большое озеро XIII, *25* – Большое озеро X, *26* – Большое озеро XV, *27* – Сартачуль;

V – Вне микрорегионов: *28* – Ораки, *29* – Известковый лог

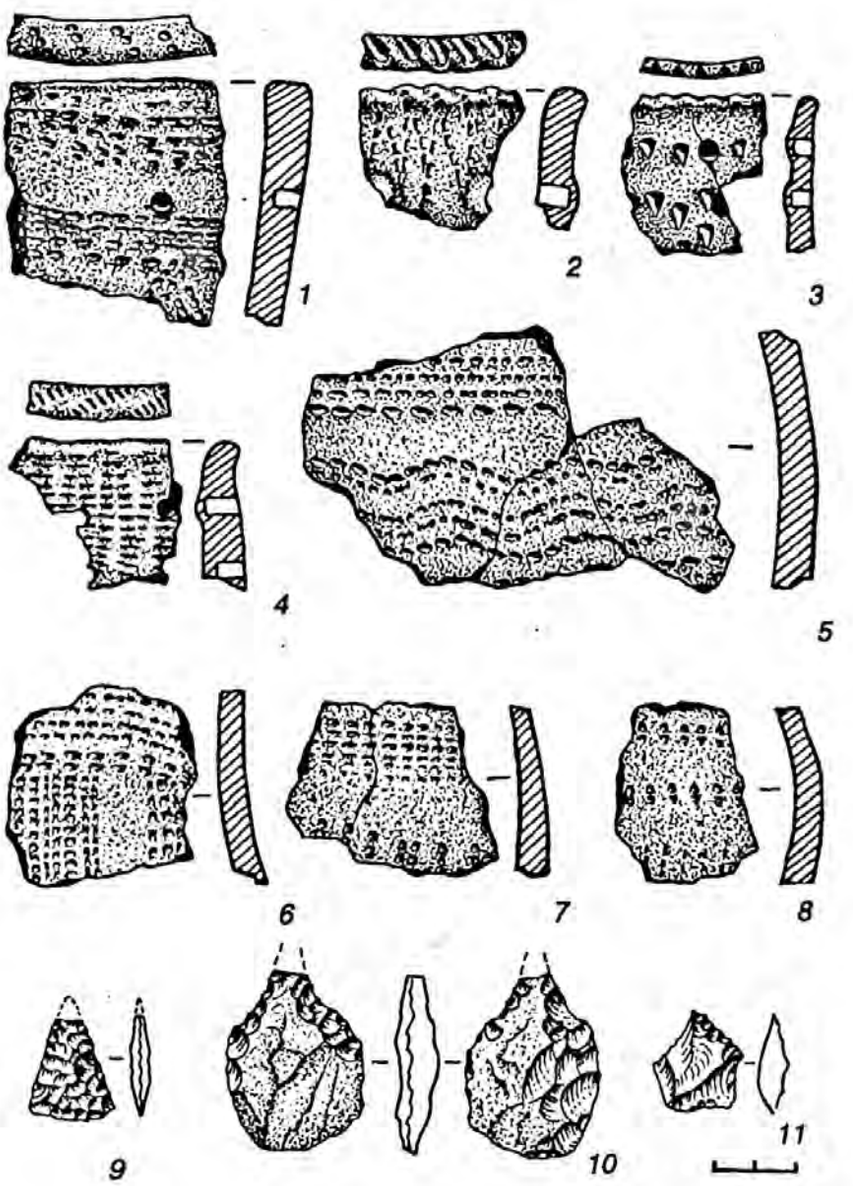

Табл. II Поселение Шарыпово VI: *1–8* – керамика; *9–11* – изделия из кремня: *9* – наконечник стрелы, *10* – проколка (сверло), *11* – отщеп

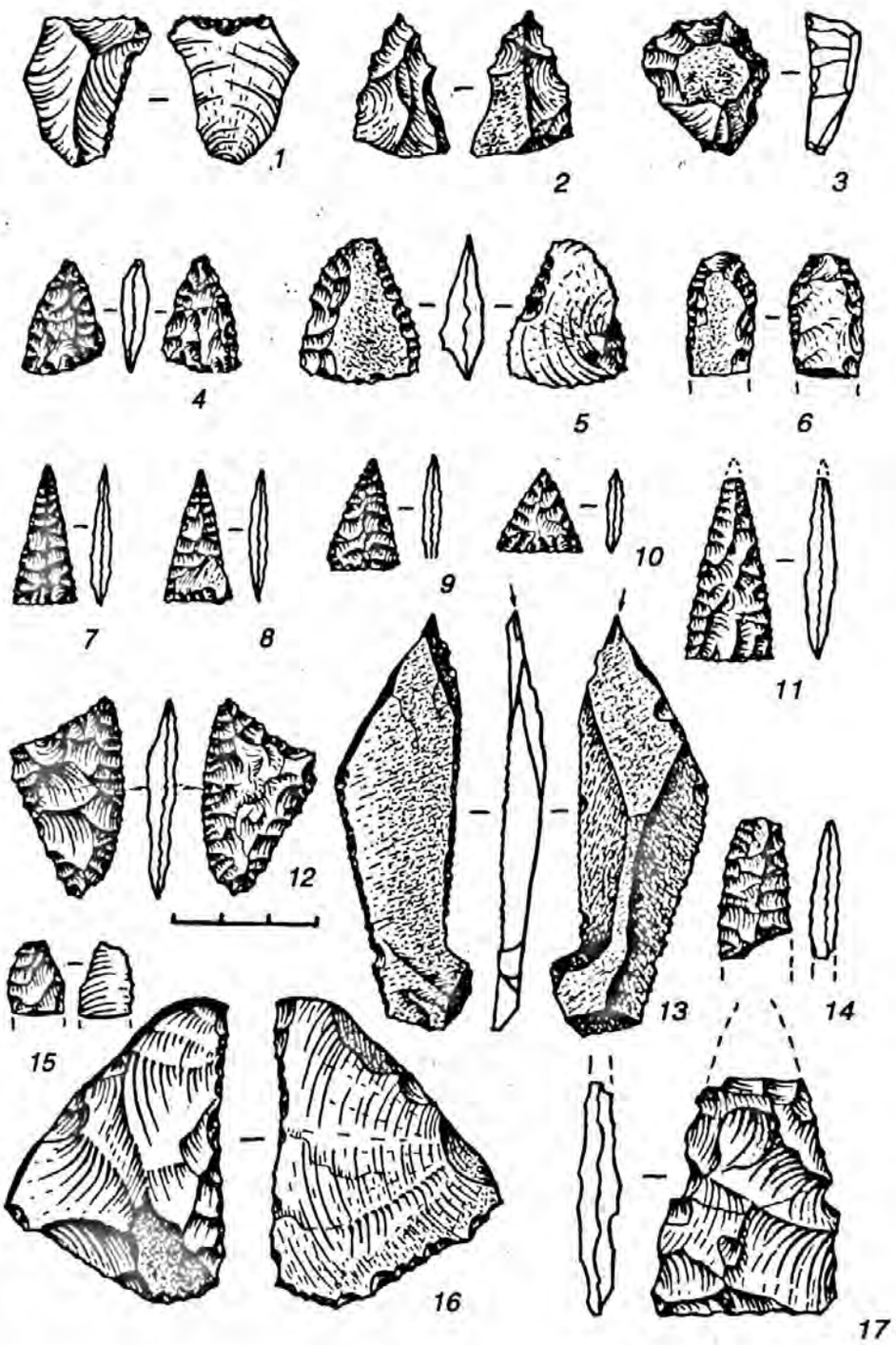

Табл. III Поселение Шарыпово VI. Изделия из кремня: *1*, *3* – скребки; *2* – проколка; *4–5*, *7–11* – наконечники стрел; *6*, *12*, *14–15* – вкладышевые орудия; *13* – нож сейминского типа; *16* – скобель; *17* – наконечник дротика

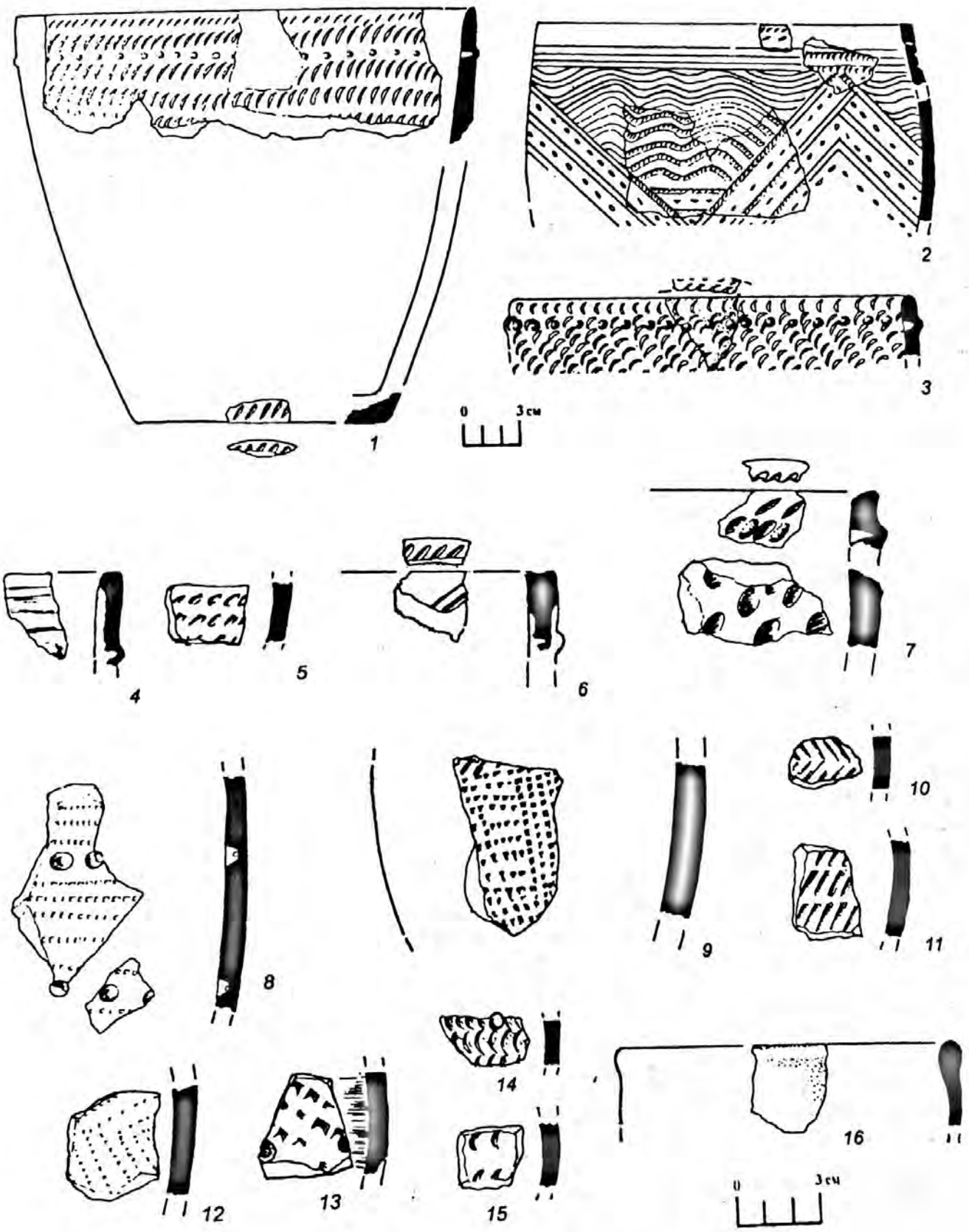

Табл. IV Поселение Дубинино VI. Керамика

С.В. Хаврин

Металлические изделия окуневской культуры

В прошлых работах, посвященных окуневскому металлу, я высказывал сожаление, что в самом важном исследовании Минусинских древних бронз, проведенных Б.Н. Пяткиным, отсутствуют таблицы данных спектрального анализа (Пяткин, 1977; Хаврин, 1995, с. 68). В настоящее время есть возможность опубликовать результаты количественного спектрального анализа, проведенного в 1969 году в Лаборатории археологической технологии ЛОИА (табл. 1). Эти данные были обнаружены в бумагах Бориса Николаевича и любезно переданы мне Е.А. Миклашевич, за что, пользуясь случаем, выражаю ей искреннюю благодарность.

За последнее десятилетие в исследовании окуневской культуры произошли существенные изменения. Выделен пласт памятников раннеокуневского или уйбатского типа (к которым относятся материалы погребений Уйбат-Тибик, Уйбат I, Уйбат III, к. 1, Уйбат V, к. 1, Усть-Бюрь, Карасук II, Карасук VIII, Пристань I, Мохов VI), отличающихся от классических окуневских (позднеокуневских) памятников черновского типа (Лазаретов, 1997). Бронз в памятниках уйбатского типа найдено немного, но имеется возможность сравнить их с черновскими, а именно такие и были проанализированы Б.Н. Пяткиным. Изменения коснулись также и технической базы исследований металла – в Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа появился новый прибор для рентгенофлюоресцентного анализа (РФА) ArtTAX, обладающий значительно большей чувствительностью по сравнению с предыдущим, на котором были сделаны определения спектрального состава бронз, представленные мной около 10 лет назад (Хаврин, 1995, 1997). Кроме того, возросло количество исследованных окуневских бронз.

К настоящему моменту проанализирована достаточно представительная серия черновских бронз из могильников Сыда V, Черновая VIII, Барсучиха IV, Уйбат V (к. 2, к. 4), Верхний Аскиз, «у пикета 94 км»[1] (табл. 1, 2). К этой же группе можно отнести результаты анализа височного кольца из окуневского погребения в Абакане, проведенного И.В. Богдановой-Березовской (Богданова-Березовская, 1963, табл. 4, № 411). Увеличение серии вдвое подтверждает выводы, сделанные Б.Н. Пяткиным – примерно половина изделий выполнена из оловянистых бронз, остальные из меди (Пяткин, 1977, с. 28). Предварительно можно сказать и о том, что прослеживается определенная зависимость между типом изделия и составом сплава: все исследованые игольники выполнены из меди, почти все кольца – из бронзы, а ножи и шилья в равной степени изготавливались из меди и бронзы.

Серия металлических изделий из памятников уйбатского типа значительно скромнее – проанализировано 7 предметов, из которых один является слитком черновой меди и одно колечко, выполненное из серебра (табл. 3). Оставшиеся 5 предметов (украшения и ножи) изготовлены из практически чистой, по-видимому, самородной меди, с незначительным количеством естественных примесей. Лишь в маленькой бляшке с отверстием, найденной в насыпи кургана 1 могильника Уйбат V, содержится незначительное количество олова. Столь же незначительное содержание олова определено Н.Ф. Сергеевой в предметах из Тас Хазаа и капельках меди, прикипевших вместе со шлаковой коркой к фрагменту придонной части окуневского сосуда, найденного Я.И. Сунчугашевым в 1967 г. на руднике Узун-Жуль (Сунчугашев, 1975, с. 20–21, Сергеева, 1981, табл. Е).

Следующая серия окуневских металлических изделий, которую интересно рассмотреть, – это находки из комплексов, пока не получивших однозначной оценки специалистов. К проанализированным ранее материалам могильников Бельтыры и Тас Хазаа (Сергеева, 1981, табл. Е; Богданова-Березовская, 1963, табл. 4; сведенные данные см.: Хаврин, 1997) добавились результаты РФА предметов из могильников Большое кольцо (Камыштa), Пистах, Черемушный Лог III (мог. 3)[2] и Узунчул 37 (табл. 4). Среди почти двух десятков предметов лишь один, височное кольцо (серьга) из Тас Хазаа, оказался легированным оловом, остальные – медные[3], с обычными для Саяно-Алтая рудными примесями.

[1] Материалы окуневского погребения в кургане «у пикета 94 км» опубликованы в этом сборнике.

[2] Материалы кургана Черемушный Лог III опубликованы в этом сборнике.

[3] О происхождении еще одного из проанализированых И.В. Богдановой-Березовской височных колец, выполненного из свинца с примесью серебра и меди, известно только то, что оно из Абаканского музея и найдено либо в афанасьевском, либо в окуневском кургане (Богданова-Березовская, 1963, с. 130, табл. 4, № 410).

Совсем небольшая группа окуневских бронз происходит из Тувы, но почти по всем имеются данные спектрального анализа (табл. 5). Оба ножа из окуневского культурного слоя стоянки Тоора-Даш, нож, а также три скрепляющие разбитый каменный сосуд скобки из окуневских погребений могильника Аймырлыг XIII выполнены из меди с естественными примесями, главными из которых являются мышьяк и сурьма, но в несколько более значительном количестве, чем в Хакасии. Небольшое количество олова содержит лишь шило из ящика 1.

Проведенные исследования окуневского металла Хакасско-Минусинской котловины и Тувы позволяют установить, что для него характерно присутствие небольшого количества естественных примесей, особенно для предметов из памятников уйбатского типа, что их объединяет как с памятниками, в которых сочетаются афанасьевские и окуневские черты, так и с собственно афанасьевскими. В бронзах памятников черновского типа количество естественных примесей чуть больше, но главным отличительным признаком становится наличие (примерно в половине изделий) в качестве легирующей добавки олова. На данном этапе изучения окуневского металла интересно было бы провести сравнение его состава из соседних регионов, но материалы Горного Алтая в этом плане еще не изучены, а окуневские бронзы Тувы, к сожалению, пока весьма немногочисленны.

Табл. 1 Результаты количественного спектрального анализа предметов из могильников Сыда V, Черновая VIII, Окунев улус, Барсучиха IV (архив Б.Н. Пяткина)

М-к, кург, мог.		Предмет	As	Sn	Pb	Sb	Zn	Ni	Прочие
Сыда V/3/5		Нож	-	0,03	-	0,2	-	0,03	Bi
Черновая VIII	1/6	Нож	-	**2**	+	0,07	-	0,01	Ag, Bi
	1/7	Нож	-	+	-	-	0,01	-	Ag
		Игольник	-	+?	-	-	-	-	Ag
		Он же (?)	0,2	0,01	+	0,9	0,01	0,02	Ag=0,3, Bi
	2/1	Шило	-	0,3	+	0,08	-	0,03	Ag=0,5, Bi ?
		Нож	-	0,03	-	-	0,02	0,01	Ag=0,2, Bi ?
	3/9	Нож	-	0,5	+	-	0,01 ?	-	Ag
		Височное кольцо	-	**7**	+	0,07	0,01 ?	0,01	Ag, Bi ?
	3/15	Нож	-	0,03	-	-	-	-	Ag, Bi ?
	4/5	Нож	-	**8**	1	0,05	?	0,02	Ag
	?	Шило	-	**2**	+	-	-	-	Ag
	8/8	Кольцо	-	**10**	+	0,01	-	0,01	Bi, Ag, Au
	8/15	Шило	-	0,01	+?	0,02	-	0,01	Ag=1, Bi
		Кольцо	-	0,5	-	-	-	-	Ag
	8/20	Нож	-	+	-	-	-	-	Ag
	8/21	Игольник	-	+	?	-	-	-	Ag, Bi ?
		Нож	-	**5**	+	0,1	-	0,02	Ag, Bi
		Нож	-	**9**	0,3	-	0,01	0,01	Ag, Bi
	10/2	Кольцо	-	0,01	-	-	-	0,01	Ag=0,5, Bi
	11/6	Нож	0,1	**7**	1	0,04	0,01	0,01	Ag, Bi
Окунев улус	м. 1	Височное кольцо	-	**8**	0,3	0,01	-	0,01	Ag, Bi
	м. 7	Нож	-	**9**	0,4	0,05	0,3	0,01	Ag, Bi
		Шило	-	**8**	0,5	0,02	0,01	0,01	Ag, Bi
		Игольник	-	0,01	+	-	-	0,01	Ag
Барсучиха IV, к. 22, м. 2		Шило	2	-	+	0,6	-	0,02	Ag=0,1, Bi
		Нож	2	-	+	0,6	-	0,02	Ag, Bi
-		Нож	0,2	**12**	0,3	-	0,02	0,01	Ag=0,2, Bi

Табл. 2 Результаты РФА предметов из могильников черновского типа

Курган/мог.		Предмет	As	Sn	Pb	Sb	Zn	Ni	Прочие
Верхний Аскиз	1/ около мог. 19	Капля металла	-	-	-	-	-	Сл.	Bi<0,3, Ag
		Капля металла	-	-	-	-	-	-	Bi =1-3
		Капля металла	-	-	-	-	-	-	Bi<0,3
	1/1	Нож	<0,2	-	-	-	-	-	Ag
	1/6	Височное кольцо	Сл.	4-6	Сл.	-	Сл.	-	
		Височное кольцо	Сл.	4-7	Сл.	-	Сл.	-	
	1/9	Нож	?	-	-	-	-	-	
		Шило	Сл.	4-5	-	-	-	Сл.	Ag
		Фр-ты предмета	Сл.	3-7	-	-	-	Сл.	
		Вис.кольцо	~1	4-7	?	<0,3	?	-	
		Вис.кольцо	1-2	5-6	-	-	-	Сл.	Ag
		Нож	-	-	-	Сл.	Сл.	-	
	1/14	Шило (?)	<0,5	3-6	-	Сл.	-	-	
	1/15	Нож	Сл.	-	-	-	-	-	
	2/11	Игольник	Сл.	-	-	-	<2	Сл.	
	2/?	Игольник	-	-	-	-	-	-	
Уйбат V	2/1	Пронизка	< 0,3	7-9	< 1	-	-	-	Ag
	4/1	Височное кольцо	Сл.	8-10	?	-	-	-	
		Височное кольцо	Сл.	8-12	Сл.	-	-	-	
		Височное кольцо	-	8-10	-	-	-	-	
	4/4	Шило	Сл.	3-4	-	Сл.	-	-	Ag
	4/6	Височное кольцо	Сл.	12-18	Сл.	Сл.	-	-	
	4/13	Шило	< 1	10-15	1-2	-	-	-	
	4/15	Игольник	-	-	-	-	-	-	
		Нож	1-2	6-8	<1	-	-	-	Ag
		Шило	< 0,4	8-12	< 0,5	-	-	-	
Курган «у пикета 94 км», мог. 4		Игольник	-	-	-	-	-	-	Ag
		Пластина	Сл.	6-8	< 0,4	-	-	-	
		Шило	< 0,3	6-9	< 1	-	-	-	Ag
Барсучиха IV 22/2		Шило	1-2	-	Сл.	<0,4	-	Сл.	

Табл. 3. Результаты РФА предметов из курганов уйбатского типа Уйбат III и V

М-к/кург./ мог.	Предмет	As	Sn	Pb	Sb	Zn	Ni	Прочие
Уйбат III/1	Слиток	<0,5	-	0,1-4	<0,2	1-15	<1	Fe<20, Ag<1, Bi<3
Уйбат III/1/1	Нож с ручкой	~ 1	-	-	Сл.	-	-	
	Нож с ручкой	~ 1	-	-	-	-	-	Ag
Уйбат V/1	Бляшка	<0,6	<1	-	< 0,4	-	-	
Уйбат V/1/3	Колечко	Ag>99%, Cu<0,3%						
Уйбат V/1/5	Проволочка	-	-	-	-	-	-	
Уйбат V/1/8	Нож с орн. ручкой	Сл.	-	-	-	-	Сл.	

Табл. 4. Результаты РФА предметов из курганов Большое кольцо (Камыштa), Пистах, Узунчул 37, Черемушный Лог III (мог. 3)

Памятник	Предмет	As	Sn	Pb	Sb	Zn	Ni	Прочие
Большое кольцо	Нож	1-2	-	<0,4	<0,4	-	?	Ag
	Игольник	<0,5	-	<0,5	Сл.	-	?	Ag
Пистах	Нож широкий	<0,5	-	-	-	-	-	
	Шило	<1	-	-	Сл.	-	-	
Узунчул 37	Нож	<0,5	-	-	<0,4	-	-	
Черемушный лог III	Пластина	<1	-	Сл.	<1	-	Сл.	Ag

Табл. 5. Результаты РФА предметов из окуневских памятников Тувы

Памятник		Предмет	As	Sn	Pb	Sb	Zn	Ni	Прочие
Аймырлыг XIII	П.2	Нож с черенком	1-2	-	Сл.	<0,3	-	Сл.	Bi
	П.4	Три скобки на сосуде	0,5-1	-	-	0,7-1	-	-	
Аймырлыг, карьер, ящик 1		Шило	1-2	1-2	-	<0,4	-	Сл.	
Тоора-Даш, слой 7		Нож	4-7	-	-	<0,3	-	Сл.	Ag <0,4
		Нож	2-4	-	<0,5	-	-	Сл.	Ag<0,4

А.В. Громов

Об особом типе детских погребений в могильниках черновского этапа окуневской культуры

Одной из характерных черт погребального обряда на позднем (черновском) этапе окуневской культуры является небольшая длина могил. В такие могилы, как правило, невозможно уложить погребенного в вытянутом положении. Вследствие этого обычным для данного типа памятников является положение погребенного с согнутыми коленями. Тем не менее, несмотря на несоответствие размеров могил и роста погребенных, традиционно могилы небольшого размера считаются детскими, а более крупного – могилами взрослых людей (см. напр. Максименков, 1980; Хаврин, 1997). Учитывая, что далеко не всегда окуневские погребения содержат костные остатки, вследствие ограбления в древности, зависимость размеров могил от роста погребенных (и, соответственно, возраста в случае детских погребений) представляет существенный интерес для палеодемографических исследований. Установление такой зависимости и явилось основной целью данного исследования.

Материалом для данной работы послужили результаты раскопок двух крупных памятников черновского этапа окуневской культуры: Черновая VIII (раскопки Г.А. Максименкова в 1962–63 гг.) и Верх. Аскиз I (раскопки С.В. Хаврина и А.А. Ковалева в 1991 г.). В первом могильнике раскопано 110 могил, во втором – 63. В качестве размерной характеристики использованы длины могил в сантиметрах, приведенные в соответствующих публикациях (Максименков, 1980; Хаврин, 1997; Ковалев, 1997).

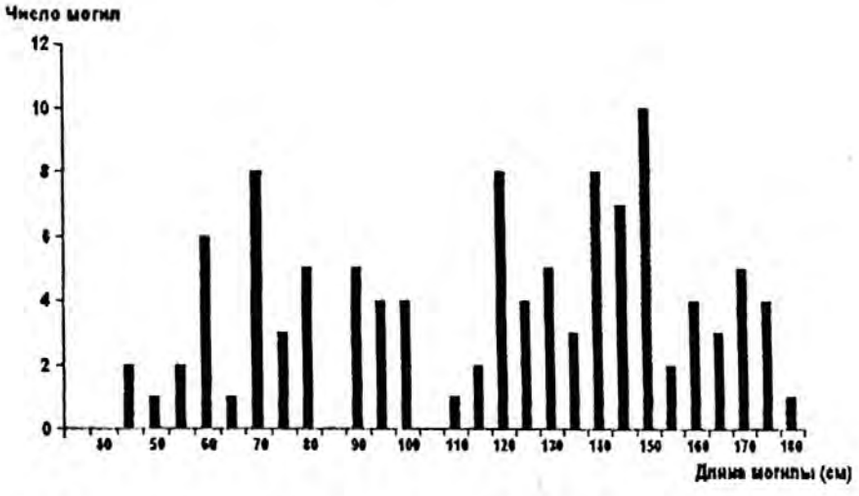

Рис. 1 Частота встречаемости могил разной длины в могильнике Черновая VIII

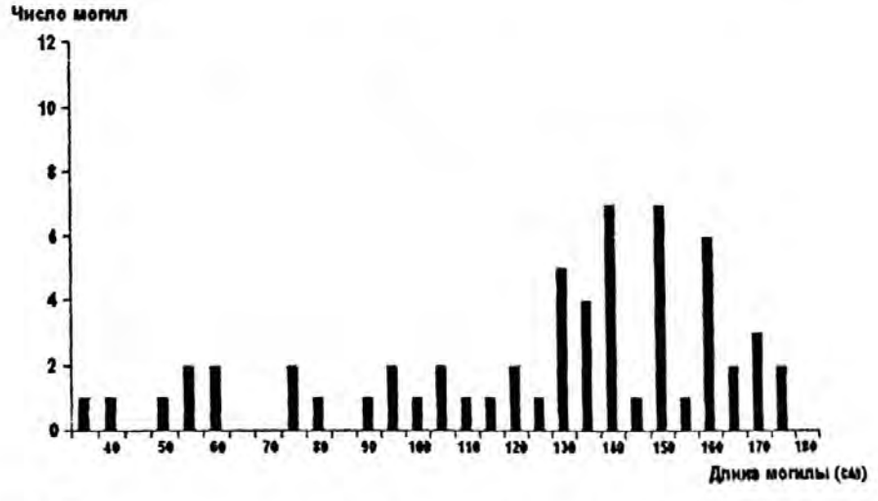

Рис. 2 Частота встречаемости могил разной длины в могильнике Верх. Аскиз I

Частоты встречаемости могил разной длины в этих памятниках приведены на рис 1 и 2. На первый взгляд эти частоты распределены довольно хаотично. Тем не менее, следует отметить практически одинаковый верхний предел длины могил – 175–180 см. Могила длиной 180 см всего одна – в Черновой VIII, а вот величина 175 см встречается довольно часто. Нижняя граница вариации этого размера в указанных могильниках различается сильнее (45 см в Черновой VIII и 35 см в Верх. Аскизе I). Однако верхнеаскизское погребение длиной 35 см несколько выпадает из общей серии. Это каменный ящичек, в который был поставлен сосуд, занимавший его практически целиком (Хаврин, 1997). Если исключить это погребение, то разница составит 5 см и в целом можно говорить об одинаковом диапазоне длин могил в памятниках черновского типа.

При анализе распределения частот встречаемости могил разной длины в Черновой VIII видны два пика частот; в Верх. Аскизе I первый пик неотчетлив, а второй примерно совпадает с черновским. Логично было бы связать эти две группы с детскими и взрослыми погребениями, однако, помня о своеобразной традиции погребений окуневцев в тесных могилах, к такой интерпретации следует подойти с большой осторожностью.

С целью выявить связь длины могил с возрастом погребенных были проанализированы все могилы из этих двух памятников, для которых имелись половозрастные определения, сделанные на основании изучения костного материала. В случае Черновой VIII использовались определения В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца, приводимые Г.А. Максименковым (Максименков, 1980), возраст погребенных в Верх. Аскизе I был определен автором. Автором были также просмотрены материалы из Черновой VIII, хранящиеся в фондах отдела антропологии Института этнологии и антропологии РАН. Однако, к сожалению, значительная часть костей посткраниального скелета из этого могильника утрачена. Маркировка сохранившихся костей зачастую не совпадает с материалами публикации Г.А. Максименкова. В результате дополнить сведения, приведенные в этой работе, удалось лишь в единичных случаях. Определение «младенец», часто приводимое там, принималось соответствующим определению «ребенок до 1 года». В случае коллективных погребений их принадлежность определялась по старшему из погребенных, что, строго говоря, не вполне корректно. Однако далеко не всегда можно установить последовательность погребений в могиле, равно как и замысел людей, осуществлявших эти погребения.

Всего удалось привлечь к анализу 81 погребение из Черновой VIII и 52 погребения из Верх. Аскиза I. Распределены они по возрастам довольно неравномерно. При этом наблюдается отчетливая разница между длиной погребений детей до года и длиной всех остальных погребений (рис. 3). В Верх. Аскизе I трансгрессия отсутствует. Максимальная длина могил детей до года составляет 80 см. В Черновой VIII могилы детей до года также имеют длину не более 80 см. Однако там имеется группа погребений детей от 1 до 2-х лет, длина могил которых также попадает в указанные пределы (см. рис. 3). Это три могилы, в двух из которых возраст погребенных определен в 1–2 года, видимо, вследствие плохой сохранности, то есть их нельзя достоверно исключить из группы детей до года. И лишь один погребенный имеет точно определенный возраст – 1,5 года. В остальном для Черновой VIII также характерна минимальная трансгрессия между длинами могил детей до года и указанной выше группы из трех могил и длинами всех

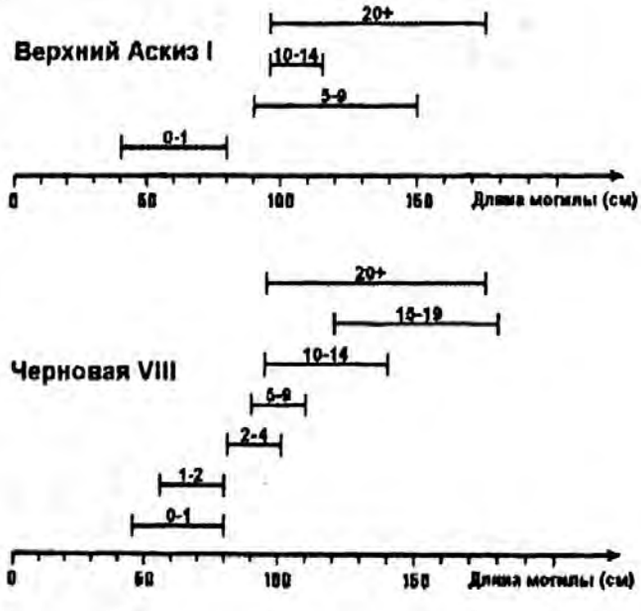

Рис. 3 Распределение длины могил в зависимости от возраста для реальных возрастных групп в могильниках окуневской культуры

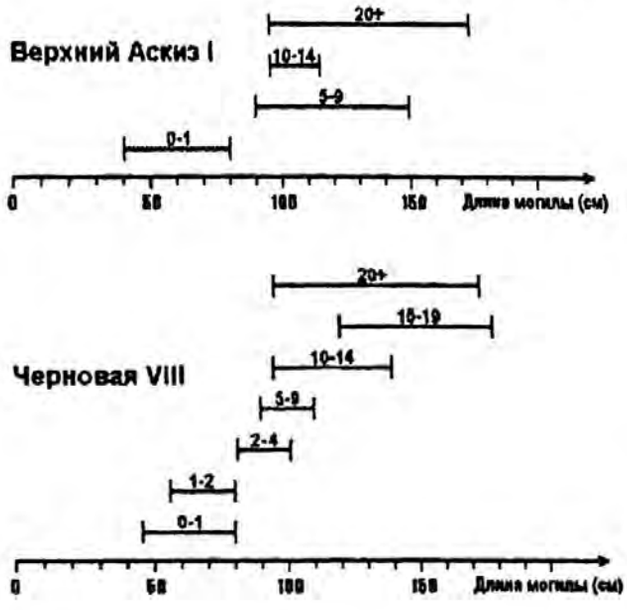

Рис. 4 Распределение длины могил в зависимости от возраста для возрастных когорт в могильниках окуневской культуры

остальных могил. Она приходится на пограничный размер – 80 см.

Проверка достоверности различий длин могил детей до года и могил, где погребены люди более старшего возраста показала высокую достоверность этих различий даже в случае включения в «старшую» группу погребений детей возрастной группы 1–2 года. Так, величина t-критерия для Черновой VIII составляет 5.890 (достоверно, $p<0.001$), для Верх. Аскиза I – 7.698 (достоверно, $p<0.001$), для суммарной серии – 9.296 (достоверно, $p<0.001$). Более подходящий для данного случая непараметрический критерий Манна-Уитни также дает достоверные различия: 3,324 – для Черновой VIII ($p<0,0008879$), 3,647 – для Верх. Аскиза I ($p<0,0002656$) и 4,963 – для суммарной серии ($p<0,0000007$). Таким образом, совпадение размеров могил детей до года в двух памятниках, расположенных в разных частях ареала окуневцев, не случайно, а является отражением особенностей погребального обряда на данном этапе развития окуневской культуры.

Группировка материала по возрастным когортам, обычно используемым для демографического анализа (младшая возрастная когорта рассматривается более дробно), демонстрирует значительные различия между памятниками в распределении длины могил (рис. 4). В Черновой VIII наблюдается постепенное увеличение длины детских могил вплоть до двадцатилетнего возраста. Длина же могил взрослых варьирует в широких пределах. В Верх. Аскизе I нет такой четкой картины, частично, видимо, вследствие отсутствия когорты «15–19 лет». Однако пределы вариаций длин могил взрослых в обоих памятниках полностью совпадают (95–175 см). Если вспомнить о наличии коллективных могил, то возникает вопрос, не являются ли могилы меньшей длины первоначально сделанными для детей или подростков и лишь вторично использованными для взрослых? Исключение коллективных могил, в которых наряду с костяками взрослых имеются остатки детей в возрасте более одного года, дает для Черновой VIII те же пределы вариации. В случае Верх. Аскиза I нижний предел длины могил взрослых незначительно повышается (до 105 см). Такая большая вариативность длины могил взрослых окуневцев не позволяет достоверно отличить их от могил детей в возрасте более одного года.

Таким образом, результаты анализа зависимости длины могил черновского этапа окуневской культуры от возраста погребенных позволяют выделить отдельную группу могил длиной менее 80 см, которые принадлежат детям до одного года. Высокая степень достоверности отличий этой группы могил позволяет учитывать их в демографических исследованиях, даже если в результате ограбления в этих могилах отсутствуют костные останки.

Четкая дифференциация могил детей раннего возраста позволяет предположить, что дети, погребенные в могилах длиной менее 80 см, имели какой-то особый статус. По всей видимости, речь идет о детях «колыбельного возраста». С точки зрения краниоморфологии, в случае черновского этапа окуневской культуры особое значение этого возраста состоит в том, что именно в это время проходил процесс деформирования головы ребенка (Беневоленская, Громов, 1997; Громов, 1995, 1998, 2004). По окончании колыбельного периода ребенок, возможно, получал другой социальный статус, что сопровождалось изменением погребального обряда в случае его смерти.

Я.А. Шер

Была ли окуневская культура?

Формулировка вопроса, поставленного в заголовке, с первого взгляда кажется вызывающей. За последние 40 лет окуневская культура стала такой же неотъемлемой частью археологии Южной Сибири, какой, например, является античная культура для Северного Причерноморья. Печатаются специальные сборники, посвященные памятникам и проблемам изучения окуневской культуры. Многие книги и статьи по археологии Южной и Западной Сибири эпохи бронзы полны ссылками на окуневские памятники, поисками аналогий с этими памятниками, попытками исторических сопоставлений и объяснений тех или иных аспектов окуневской и иных соседних во времени и пространстве культур.

Стереотипы устойчивы, в том числе и научные. Если столько уважаемых исследователей видят в словах «окуневская культура» не условное понятие археологической классификации, а реальные следы жизни и деятельности реальной этнокультурной группы людей, трудно ожидать, что они сразу согласятся отказаться от своих представлений, складывавшихся в течение 40 лет. Автор этих заметок готов к «решительной отповеди» со стороны уважаемых коллег. Вместе с тем тлеет надежда, что кто-то, кто близок к самим коллекциям материалов, найденных при раскопках, и к их первичной документации, обратится к этим материалам непредвзято и попытается разделить предметы, объекты и памятники, объединенные в этом виртуальном пространстве под названием «окуневская культура».

Вряд ли целесообразно напоминать основные этапы изучения окуневских памятников. От этого избавляет обстоятельный историографический обзор, опубликованный сравнительно недавно (Савинов, 1997, с. 7–18). Достаточно сказать, что интерес к ним проявил еще Д.-Г. Мессершмидт. Первые материалы, впоследствии названные окуневскими, известны достаточно давно (Грязнов, Шнейдер, 1929; Комарова, 1947; Грязнов, 1950; Липский, 1961; Кызласов, 1962 и др.). Однако свое нынешнее место в научной периодизации памятников Южной Сибири они заняли после очень результативных раскопок Г.А. Максименкова, особенно в долине речки Черновой в Хакасии.

Весьма яркая для своей эпохи, окуневская культура, как это нередко случается, была воспринята как некий этноисторический монолит (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980). В научный оборот вошел определенный стереотип: окуневцы – загадочные минусинские таежные охотники, культура которых сложилась на местной сибирской основе (Максименков, 1975). При этом они располагали такими весьма продвинутыми элементами культуры, как колесный транспорт (Леонтьев Н., 1980, с. 66), а также высокоразвитое символическое мышление и мифология. Последнее с наибольшей полнотой отразилось в особом типе каменных изваяний и петроглифов, которые встречаются только в долине Енисея и его притоков от Саянского каньона и, примерно, до Назаровской котловины.

За 40 лет накопилось много новых материалов. Оказалось, что некоторые из них, подобные найденным в курганах на р. Черновой, встречались в Минусинской котловине и раньше, но не были атрибутированы. Теперь их атрибуция стала возможной. В последующие годы было обнаружено и исследовано довольно много памятников, атрибутированных как окуневские, не только в долине Енисея, но и на Алтае, и за Саянами, и в предгорьях Кузнецкого Алатау, хотя ни окуневских изваяний, ни «типично окуневских» петроглифов в этих районах найдено не было.

До открытий Г.А. Максименкова, когда еще не существовало понятия «окуневская культура», высказывались сомнения относительно однородности наиболее примечательных материалов, вошедших позднее в состав окуневской культуры, – каменных изваяний (Киселев, 1962, с. 58; Липский, 1962). Другие же, менее выразительные окуневские находки (керамика, некоторые предметы погребального инвентаря) считались раннеандроновскими или афанасьевскими (Комарова, 1947; Липский, 1961). Высказывались такие сомнения и после того, как окунево вошло в номенклатуру археологических культур (Формозов, 1969, с. 197–201; Шер, 1980, с. 216–229, 1991). Ответов на них не последовало.

Не имея возможности обратиться к исходным материалам и их документации, конечно, невозможно придти к каким-то определенным выводам. Задача данных заметок состоит в том, чтобы, исходя из опубликованных данных, вновь вернуться к аргументации, на основе которой была сформулирована идея единой окуневской культуры. Для дальнейших рассуждений нужна некая опора, а для этого необходимо отделить несомненные данные от сомнительных. Как бы мы ни дискутировали о понятии «археологическая культура», несомненно то, что одна культура должна зримо отличаться от другой по достаточно представительному набору материальных признаков. Конечно, границы между культурами размыты. Тем не менее, мы уверенно отличаем памятники ямной культуры от

катакомбных, последние от срубных, срубные от андроновских и т.д. Даже при сравнении ямной культуры с афанасьевской, при практически неотличимых антропологических данных, различия между ними заметны.

«Эталонным» памятником окуневской культуры считается могильник на р. Черновой (Максименков, 1980). Само понятие «эталонный памятник» бессмысленно, поскольку никто не может гарантировать, что завтра не будет найден еще более «эталонный» объект. В самом деле, через несколько лет были открыты и исследованы не менее интересные могильники с аналогичным материалом (Лебяжье, Аскиз, Стрелка и др.). Эпитетом «эталонный» исследователи льстят сами себе. Никакого другого смысла он не содержат. Однако основное сопоставление новых находок происходит именно по набору инвентаря в Черновой VIII, и каким бы бессмысленным ни казалось автору этих строк понятие «эталонный памятник», оно действует в реальной практике.

Среди находок в курганах на Черновой было 16 целых или почти целых сосудов и 19 фрагментов, позволяющих иногда угадать форму сосуда. Кроме того, в публикациях представлены каменные и костяные орудия труда и охоты, украшения, амулеты и другие предметы, не имеющие явно выраженных этнокультурных особенностей. Главным основанием для атрибуции находок и памятников в целом послужила керамика. Она оказалась сопоставимой с горшками из Окунева улуса, что позволило сделать первую хронологическую привязку. Один многогранный сосуд аналогичен подобным сосудам из энеолитического поселения Самусь IV, что также послужило основанием для датировки. Датировку и атрибуцию по не очень выразительной керамике и неспецифическим вещам вряд ли можно считать достаточно обоснованными. Это – первое, но далеко не главное основание усомниться в правомерности подхода к окуневским памятникам как к особой археологической культуре.

Формы окуневской керамики и ее орнаменты, каменные, костяные и роговые изделия не имеют каких-то особенностей, отличающих их от керамики, орнаментов и других предметов, распространенных довольно широко в энеолитических и раннебронзовых памятниках Южной и Западной Сибири, и поэтому не могут служить признаками своеобразия культуры. «Окуневская культура, возможно и оставалась бы в ряду многочисленных степных культур эпохи бронзы явлением, ничем не выдающимся, если бы не связанные с ней уникальные памятники изобразительного искусства: монументальные каменные изваяния, изображения на плитах из окуневских могильников, петроглифы и красочные рисунки на скалах, изящные предметы мелкой пластики и тончайшие гравировки» (Савинов, Подольский, 1997, с. 5). К этой фразе практически нечего добавить. Такие же сосуды, как в окуневских могилах, и такие же предметы встречаются и в других, не окуневских памятниках, особенно на Алтае и в других районах Южной Сибири. Показательно, что первооткрыватель окуневской культуры отказался от «...аргументации в пользу выделения некоторых окуневских могил из афанасьевских могильников, так как такая работа представляет собой самостоятельную тему исследования...» (Максименков, 1965, с. 169). Это, конечно, верно, но почему-то никто в последующие 40 лет не взялся за подобную задачу. Все, кто находил курганы с подобным инвентарем, охотно сопоставляли их с «эталоном» и пополняли корпус окуневской культуры.

Вместе с не очень выразительными и широко распространенными предметами в окуневскую культуру были включены очень яркие и специфические изобразительные памятники. Их можно разделить на три-четыре вида: многочисленные петроглифы, каменные изваяния-стелы и плиты со сложными наборами изображений; миниатюрные объемные фигурки в виде стержня с головой человека на конце; костяные пластинки с гравированными изображениями женской головы с ниспадающими на плечи волосами. Правда, их нельзя считать уникальными, то есть единственными и неповторимыми. Около 300 изваяний и изображений на плитах (Leont'ev, Kapel'ko, 2002) содержат, в общем, не очень большой репертуар образов, которые многократно повторяются в разных вариантах и сочетаниях. Это – изображение реального человеческого лица; антропоморфная личина с прочерченными полосами раскраски или татуировки; хищник с оскаленной пастью и раздвоенным языком; солярные и некоторые другие знаки. В целом на 300 изваяний приходится не более десятка таких изобразительных элементов, из которых формируется общий фигуративный облик изваяния.

Сама изобразительная структура большинства изваяний тоже не очень разнообразна и довольно устойчива. Еще 25 лет назад (Шер, 1980, с. 221) было показано, что для большой группы стел («сложная нереалистическая», по Э.Б. Вадецкой) характерна подчеркнутая вертикальность в структуре расположения изобразительных элементов. Они как бы нанизываются на одну мысленную вертикальную ось. Наряду с этим для этой группы характерна четко различимая трехчастность: наверху – объемное изображение головы человека или животного (барана, лося), в середине – «сложная нереалистическая» личина, внизу – хищник с оскаленной пастью.

Одним из оснований для окуневской атрибуции минусинских изваяний было сопоставление личин на стелах с изображениями на костяных пластинках и стеатитовых фигурках, найденных в окуневских могилах. На самом же деле стилистическое подобие обнаруживается только в двух случаях: 1) между изображениями на костяных пластинках и изображением на плите усть-есинской «Кыс-Таш» и 2) между миниатюрным резным изображением личины (Вадецкая, 1967, рис. 21) и некоторыми личинами среди петроглифов. Этих аналогий совершенно недостаточно, чтобы все остальные изваяния атрибутировать как окуневские.

Среди находок в могилах есть несколько предметов действительно уникальных, поскольку они пока больше нигде не встречались: жезл, «ритон», миниатюрное изваяние и др. Жезл, например, сопоставим с предметами савроматского мира, несомненно, намного более поздними. О нем, как об одном из прототипов предметов скифо-сибирского стиля уже шла речь в других публикациях (Sher, 1988; Шер, 1998).

Несомненны совпадения между целой серией изображений на могильных плитах с изображениями на скалах, то есть с петроглифами. К ним принадлежат некоторые личины, образы фантастического хищника, а также «поджарые» быки и коровы с атрибутами домашних животных (петли, бубенцы) и с «расписными» мордами и корпусами. Эти совпадения наблюдаются систематически, не только по материалам Г.А. Максименкова и М.П. Грязнова (Черновая VIII, Лебяжье, Сыда), но и по результатам последующих раскопок А.А. Ковалева, С.В. Хаврина, И.П. Лазаретова. Однако в большинстве случаев, когда плиты с изображениями найдены в могилах, они в обломках и являются предметами вторичного использования – как строительный материал для сооружения могил, то есть их сакральный характер давно утрачен. Об этом же говорят и случаи, когда поверх одних изображений выбиты другие, иной техникой и в иной стилистической манере.

Таким образом, уникальными являются не монументальные памятники. Уникален окуневский культурный комплекс, в котором совершенно неестественно объединились маловыразительный погребальный инвентарь с богатой изобразительной традицией. Все сказанное позволяет сформулировать гипотезу о более сложном составе окуневской культуры и о необходимости пересмотра ее соотношения с афанасьевской культурой. В частности, большая часть изваяний, считающихся окуневскими, не могла принадлежать таежным охотникам, поскольку воплощает в себе иконографические элементы ритуально-мифологической системы совершенно иной, скотоводческой культуры.

На некоторых изваяниях, могильных плитах и стилистически близких петроглифах встречаются изображения колесных повозок (Знаменка, Красный камень, Суханиха и др.). По общепринятым среди специалистов критериям эти изображения датируются III – началом II тыс. до н.э. Если следовать представлению об окуневской культуре как местной, сибирской, таежной, не имеющей западных и южных культурных связей, эти изображения необъяснимы, поскольку нет никаких оснований считать приенисейскую тайгу местом независимого изобретения колеса и повозки. Так же нет оснований думать о заимствовании колесного транспорта окуневцами, этими таежными охотниками и рыболовами, которым просто негде и незачем было пользоваться колесными повозками.

Единственной близкой по времени культурой, к которой изображения колесных повозок на стелах могут быть отнесены без какого-либо насилия над фактами, является афанасьевская культура. Последняя не имеет корней в местном материале и обнаруживает много сходства с ямной культурой, как по антропологическому типу, так и по набору инвентаря. Для ямной культуры колесные повозки – обычное явление. Для таежных охотников-окуневцев остаются непонятными не только изображения колесных повозок, но практически и все остальные сюжеты, без особого труда объяснимые мировоззрением скотоводов, в основе которого лежит общеиндоевропейский миф.

При такой интерпретации подлинно окуневские памятники тоже находят свое место в общей хронологической схеме. Нужно только немного скорректировать исходную посылку: вместо строгой последовательности смены одних культур другими допустить возможность синхронного их существования в разных экологических нишах. Тогда все становится на свои места. Пойма Енисея во все исторические времена была очень удобным местом для охотничье-рыболовческого образа жизни. Даже в середине XX в. здесь было изобилие птицы и рыбы, копытные животные приходили на водопой, а хищники подстерегали их на протоптанных тропах. В этой экологической нише и жили в эпоху энеолита охотники и рыболовы с монголоидной примесью в антропологическом типе. Их хоронили на прибрежных террасах. В их могилах (типа Черемушного лога; см. Хлобыстин, Шер, 1966) находят амулеты из костей диких животных и птиц, им принадлежат многие петроглифы и рисунки на плитах. В то же время степная часть долины заселялась приходящими с запада скотоводами, передвигавшимися на повозках, запряженных быками (стела из Знаменки). Их сосуществование могло быть вполне мирным, поскольку они эксплуатировали разные, хотя и расположенные в непосредственной близости, экологические ниши. Мало того, нельзя исключить взаимовыгодное сотрудничество, обмен, в том числе и обмен женщинами, что нашло свое отражение в так называемых впускных окуневских могилах в афанасьевских курганах.

Данная интерпретация вполне согласуется с общей теорией антропогеоценозов В.П. Алексеева и являет собой типичный пример симбионтного антропогеоценоза. Это – популяции, которые живут в состоянии необходимых экономических связей. «Один из антропогеоценозов производит продукты и предметы, нужные другому, и наоборот... Примеры таких симбиотических антропогеоценозов многочисленны» (Алексеев, 1984, с. 372–373).

Подводя итог и отвечая на вопрос, поставленный в заголовке, можно сказать, что окуневская культура была, если под этим названием иметь в виду памятники местных монголоидных племен, населявших пойму Енисея и его притоков. А основная масса каменных стел, особенно тех, которые имеют трехчастную структуру, относится к культуре степных скотоводов – скорее всего, афанасьевцев.

Л.А. Соколова

Типология погребальных сооружений окуневской культуры

Типология погребальных сооружений окуневской культуры пока не являлась предметом специального изучения. В автореферате диссертации «Окуневская культура» на соискание ученой степени д. и. н. Г.А. Максименкова содержится краткое описание классических окуневских оград: «Ограды обычно квадратной формы с длиной сторон от 8 до 14 метров. В оградах производили последовательные захоронения, а над каждой могилой поверх плиты перекрытия возводили земляное или каменное сооружение... Окуневские могилы представлены каменными ящиками, реже грунтовыми ямами, и в нескольких случаях ямами с небольшими подбоями» (Максименков,1975, с. 8). Как следует из приведенного отрывка, конструктивные особенности погребальных памятников были очевидны, но специально автором не анализировались.

В сводной работе Э.Б. Вадецкой «Археологические памятники в степях Среднего Енисея» окуневские погребальные памятники описываются так: «Ограды всегда четырехугольные, чаще квадратные, сооруженные из вкопанных на ребро плит песчаника или сложенные из глыб булыжника. Низкие, высотой до 50 см, размером от 2,5×3 до 40×40 м. В некоторых оградах по 1 могиле в центре, в других – 3–15, а в одной 22 могилы» (Вадецкая, 1986, с. 28). Более обстоятельное описание памятников содержится в работах И.П. Лазаретова, обобщившего новую информацию из могильников на р. Уйбат (Лазаретов, 1995; 1997). Здесь обозначены признаки ранних памятников, доказано наличие курганных насыпей на Уйбатских курганах, отмечено, что центральная могила не всегда сооружалась первой. Однако не все положения И.П. Лазаретова можно принять без корректировки; подробнее об этом будет сказано ниже, после описания предлагаемой типологии погребальных сооружений окуневской культуры.

Типы курганных сооружений (табл. 1)

Тип I – объединяет курганы с квадратной оградой из глыб гранита или крупных песчаниковых блоков, уложенных на горизонте или вкопанных в грунт. Могила в центре ограды. Включает три подтипа, которые отличаются вариантами дополнительных конструкций.

Тип I-а. Планиграфия – квадратная ограда с одной основной могилой в центре. Ограда – гранитные блоки или плиты песчаника, вкопанные в материк, ориентирована углами по сторонам света (Уйбат III/1; Черновая VIII, к. 2). Могила – грунтовая яма глубиной до 2 м от уровня погребенной почвы (тип I-а). Курганы могут иметь дополнительные конструкции, например крепиду вокруг могильной ямы.

Тип I-б. Планиграфия – квадратная ограда с одной основной могилой в центре. Ограда – плиты песчаника, вкопанные в материк, ориентирована углами по сторонам света. Могила – грунтовая яма, глубиной до 1,5 м от уровня погребенной почвы (типы I-б, I-в). Насыпь перекрывает все пространство внутри ограды. Дополнительные конструкции – диагональные каменные выкладки поверх насыпи (Карасук II; Карасук VIII).

Тип I-в. Планиграфия – квадратная ограда с одной основной могилой в центре. Ограда – плиты песчаника, вкопанные в материк, ориентирована углами по сторонам света. Могила – грунтовая яма, глубиной до 1,5 м от уровня погребенной почвы (тип I-в). Насыпь занимает все пространство внутри ограды. Дополнительные конструкции – каменный панцирь, перекрывающий всю насыпь внутри ограды (Мохов-6; Усть-Бюрь, ограда 5).

Тип II – объединяет курганы с круглыми оградами.

Тип II-а. Планиграфия – квадратная ограда из плит, врытых в грунт, ориентированная углами по сторонам света. Могила – грунтовая яма, глубиной до 1,5 м от уровня погребенной почвы (тип I-в). Насыпь занимает все пространство внутри ограды. Дополнительные конструкции – круглая выкладка или крепида в центре ограды под каменным панцирем, перекрывающим насыпь (могильник Пистах – Подольский М., 1997а).

Тип II-б. Планиграфия – небольшая округлая ограда из плит, уложенных на горизонте. Могила – грунтовая яма, глубиной до 1,5 м от уровня погребенной почвы (тип I-в). Насыпь перекрывает все пространство внутри ограды (Красный Яр; Потрошилово).

Тип II-в. Планиграфия – круглая ограда из плит, врытых в материковый грунт. Центральная могила – грунтовая яма (тип I-в); дополнительные могилы, располагающиеся вокруг центральной могилы, как грунтовые, так и каменные ящики, вкопанные в дно могильной ямы (типы I-в, II-в). Насыпь перекрывает все пространство внутри ограды.

Тип III объединяет курганы с квадратной оградой, сложенной из плит на горизонте или из плит, вкопанных в грунт, с глубокими могилами. Центральная могила (грунтовая или в виде каменного

ящика, вкопанного в глубокую яму – типы I-в, II-в), окружена дополнительными могилами. Центральная могила ориентирована на запад, дополнительные – со свободной ориентировкой. Тип III включает два подтипа, отличающиеся схемами размещения могил.

Тип III-а. Планиграфия – квадратная ограда из плит, врытых в грунт, ориентированная углами по сторонам света. Центральная могила – грунтовая яма (тип I-в), ориентированная углами по сторонам света. Четыре дополнительные могилы расположены в углах ограды (Уйбат-Тибик – Леонтьев Н., 1995). Насыпь перекрывает все пространство внутри ограды.

Тип III-б. Планиграфия – квадратная ограда из плит, врытых в грунт; стены ориентированны по сторонам света. В одном случае в углах ограды зафиксированы ямы от угловых камней (Уйбат V, к. 1). Могилы – каменные ящики, врытые в дно могильной ямы (типы II-в, II-г). Дополнительные могилы располагаются вокруг центральной, ориентированной на запад. Насыпь перекрывает все пространство внутри ограды (Уйбат V, к. 1; Лебяжье, к. 1–4).

Тип IV объединяет курганы с квадратной оградой из плит, вкопанных в грунт. Планиграфия – множество могил, заполняющих все пространство внутри ограды за исключением восточного сектора. Могилы – каменные ящики, впущенные в верхний почвенный слой (типы II-г, II-д). Тип IV включает 2 подтипа, отличающиеся схемами размещения могил.

Тип IV-а. Планиграфия – квадратная ограда из плит, врытых в грунт; стены ориентированы по сторонам света. Центральная могила ориентирована на запад, остальные – длинными осями параллельно ближнему борту ограды. Могилы – каменные ящики, впущенные в верхний почвенный слой (типы II-г, II-д). Насыпь – возможно, индивидуальные насыпи над каждой могилой (Уйбат V, к. 4; Черновая VIII, к. 1, 3, 8, 12).

Тип IV-б. Планиграфия – квадратная ограда из плит, врытых в грунт, ориентированная углами по сторонам света. В углах ограды выделяются высокие камни. Могилы, ориентированные на запад, – каменные ящики, впущенные в верхний почвенный слой (типы II-г, II-д). Насыпь – возможно, индивидуальные насыпи над каждой могилой (Черновая VIII, к. 5, 9–11, 14; Верх. Аскиз, к. 1–2; Уйбат V, к. 2, 4).

Тип V – отдельные погребения, не имеющие ни насыпи, ни ограды (Черемушный лог I; Стрелка; Под горой). Можно предположить, что на заключительном этапе курганная традиция деградирует и сводится к одиночным каменным ящикам (Савинов, 1981). Однако нельзя исключить, что одиночные захоронения могли совершаться на всех этапах развития окуневской культуры.

Предлагаемая типология погребальных сооружений охватывает большинство известных на сегодня вариантов окуневских погребальных сооружений.

В процентном отношении выделенные типы погребальных сооружений представлены весьма неоднородно. Примерно 80% всех памятников относятся к типам IV-а, IV-б. Курганы типов I-а, II-а, II-в – единичны.

Типология могильных конструкций (табл. 2)

Окуневские могилы можно подразделить на две неравные группы: I – грунтовые ямы (сравнительно редкий вариант, тяготеющий к ранним этапам окуневской культуры); II – каменные ящики (90% всех известных окуневских погребений совершены в разного вида каменных ящиках).

Грунтовые ямы (тип I) представлены четырьмя подтипами.

Тип I-а. Обширная грунтовая яма с ярусными захоронениями. Нижняя малая камера была предназначена для одиночного захоронения, верхняя подквадратная – для коллективного. Данная конструкция на сегодня предствалена единственной могилой Уйбат III курган 1 (3,5×2,8×1,6 м – Лазаретов, 1997). Впрочем, здесь не исключено простое перекрывание могилы типа I-в коллективной могилой типа I-б.

Тип I-б. Грунтовая могила в виде подквадратной, прямоугольной или овальной ямы глубиной более 0,8 м (0,65×1,50×1 м, Есино IV – Паульс, 1997; 2×1×1 м, Пистах, к. 3 – Подольский М., 1997а).

Тип I-в. Грунтовые могилы различной конфигурации глубиной менее 0,8 м (0,9×0,5×0,5 м; Уйбат V, к. 4, м. 3, 9, 11–14, 21 – Лазаретов, 1997; Верх. Аскиз I, к. 1, м. 4, 22 – Хаврин, 1997; Верх. Аскиз I: к. 2, м. 3, 17, 26–28, 37, 39 – Ковалев, 1997).

Тип I-г. Грунтовая могила с подбоем (Уйбат-Тибик – Леонтьев Н., 1995; Уйбат III, Уйбат V – Лазаретов, 1997).

Каменные ящики (тип II) представлены пятью подтипами.

Тип II-а. Обширная каменная гробница (2,00×1,60×0,95 м, Тас Хазаа, м. 4 – Хлобыстина, 1973). Стенки сложены из крупных камней и облицованы песчаниковыми плитами. Перекрытие из бревен, опирающееся на стенки каменного ящика.

Тип II-б. Каменный ящик из массивных плит, установленных или вкопанных в дно могильной ямы. Размер ямы превосходит размер каменного ящика (2,35×1,65×1,8 м, Уйбат V, к. 1, м. 1 – Лазаретов, 1997; 1,4×0×1,7, Лебяжье, к. 3, м. 9 – Максименков, 1981). Пространство между блоками и стенками ямы заложено камнями или засыпано материковой галькой. Перекрытие из каменных плит опирается на стенки ящика.

Тип II-в. Каменный ящик из плит песчаника, вкопанных вплотную к стенкам глубокой могильной ямы (яма 1,5×0,85×1,4 м, Мохов-6 – Киргинеков, 1997). Каменные плиты перекрытия опираются на стенки ящика.

Тип II-г. Каменный ящик, вкопанный в верхний почвенный слой (Окунев Улус, Абакан Церковь, Черновая VIII, Сыда V, Черемушный лог I, Верх. Аскиз, Черновая XI). Перекрытие лежит как на стенках ящика, так и на погребенной почве.

Тип II-д. Каменный ящик, вкопанный в насыпь. Перекрытие лежит на древнем горизонте, выше уровня погребенной почвы.

Типы II-в, II-г и II-д часто имеют дополнительные детали: а) трапециевидная форма ящика; б) вымостка дна каменными плитами; в) членение каменного ящика на отсеки; г) плиты под головами умерших – так называемые подушки; д) понижение дна могильной ямы к ногам.

Могилы типов I-в, II-г, II-д в курганах часто являются впускными, также встречаются вне курганных сооружений в качестве отдельных погребений.

Положение погребенных

Примерно 98% всех установленных поз в погребениях относятся к *позе 1* – на спине с согнутыми ногами и поднятыми коленями. Укороченная конструкция могил и каменных ящиков уже предполагает погребение в скорченной позе. Высота стенок каменного ящика немного превышает высоту поднятых коленей.

Подтипы *позы 1* определяются положением ног.

Поза 1-а – ноги сильно согнуты, пяточные кости практически соприкасаются с тазовыми. *Поза 1-б* – ноги слабо согнуты; *поза 1-в* – ноги, согнутые в коленях, уложены вбок. Ноги могут упасть вбок в связи с разложением связок, однако известны случаи, когда в коллективных погребениях ноги, согнутые в коленях, намеренно укладывали набок, чтобы положить сверху еще одного покойника (Уйбат V, к. 2, м. 4).

Поза 2 – положение на боку. Довольно часто тела погребенных слегка заваливались набок при разложении тканей и связок, но есть случаи намеренного укладывания покойного на правый или левый бок (Тас Хазаа, п.1, б; Уйбат III, к. 1, м. 2; Уйбат V, к. 1, м. 2, 6; Мохов-6, м. 1, нижний ярус). Первоначальную позу можно установить по положению костей таза и стоп, так как естественные смещения не могут развернуть эти кости из фронтального положения в профильное. В связи с этим не всегда можно согласиться с описаниями, которые противоречат чертежам (Лебяжье, к. 3, м. 9 – Максименков, 1981, с. 93).

Поза 3 – на спине вытянуто. Достоверно не установлен ни один случай погребения взрослого человека вытянуто на спине. Данная поза характерна только для детей младшего (колыбельного) возраста (Уйбат V, к. 2, м. 2; Уйбат V, к. 1, м. 7). Э.Б. Вадецкая отнесла к окуневской культуре грунтовое погребение из Черемушного лога (Вадецкая, 1986, с. 38); однако, скорее всего, в промежуток между оградами (5 м) попала инокультурная могила. Погребенный был уложен вытянуто на спине и сопровождался большим количеством инвентаря неолитического облика: костяная основа вкладышевого ножа, сланцевый топор, нефритовый топор, сланцевые тесла (Байкалово – Хлобыстин, Шер, 1966). Подобный инвентарный набор не характерен для окуневских погребений и находит яркие аналогии в коллекции неолитического поселения Унюк. То же самое касается и трех грунтовых могил у Подгорного озера (раскопки Г.А. Максименкова, 1968 г.).

Поза 4 – скорченно ничком. Один зафиксированный случай – Тас Хазаа, п. 1-в.

Поза 5 – сидя. Один зафиксированный случай – Разлив X, м. 2.

Таким образом, ритуальные позы окуневцев отличаются поразительной устойчивостью и не отражают ни хронологических, ни этнических различий, так как позы 2–5 представлены единичными.

Положение рук.

Позы 1-а, 1-б (на спине, с согнутыми ногами): а) руки вытянуты вдоль тела (Черновая VIII – 23 случая; Верх. Аскиз, к. 1 – 3; Верх. Аскиз, к. 2 – 9; Уйбат V, к. 2 – 5; Уйбат V, к. 4 – 8; Сыда V – 5); б) руки согнуты в локтях и положены на груди или на крестце (Черновая VIII – 2 случая; Пистах – 1; Верх. Аскиз, к. 1 – 1; Верх. Аскиз, к. 2 – 2; Уйбат III – 1; Уйбат V, к. 1 – 2; Уйбат V, к. 4 – 3; Сыда V – 1).

Поза 2 (скорченно на боку): в) руки уложены перед лицом (Узунчул 37 – 1 случай; Уйбат III – 1; Уйбат V, к. 1 – 2; Тас Хазаа – 1).

Исходя из проведенного анализа, можно констатировать, что 99% погребений относится к ритуальным позам I–а и I-б с различным положением рук.

* * *

Анализ погребальных сооружений окуневской культуры позволил выявить несколько отчетливых тенденций:

1 – прослеживается последовательное развитие единой культурной традиции (что не исключает участия в формировании культуры внешних импульсов).

2 – развитие идет от ограды для одной могилы до небольшого кладбища внутри одной курганной ограды.

3 – погребальные памятники с круглыми оградами (типы II-а и II-б), находившиеся среди афанасьевских курганов, но с окуневским инвентарем; их появление можно объяснить близким контактом окуневского населения с афанасьевским; по всей видимости, он имел характер родственных связей.

4 – в начале развития окуневской курганной планиграфии выделяется центр ограды (крепида, диагональные выкладки), так как в центре находилась единственная могила; в конце – окуневцы приходят к практике установки высоких угловых камней.

5 – в ходе эволюции окуневской культурной традиции происходит формирование пространст-

венных представлений – если на ранних этапах западная ориентировка погребенных не является обязательной, то тип курганов IV-б демонстрирует, что у окуневцев запад стал четко ассоциироваться с миром мертвых.

6 – конструкции могил проходят 3 этапа развития: глубокие грунтовые могилы, которые уступают место каменным ящикам, вкопанным в дно глубоких могильных ям, и, наконец, ящики выходят почти на поверхность в верхние почвенные слои.

7 – в каменных ящиках поздней генерации (II-г, II-д) появляются новые конструктивные детали – вымостка дна ящиков плитами песчаника, перегородки внутри ящиков.

8 – ритуальные позы окуневцев отличаются поразительной устойчивостью и сводятся практически к одному варианту – на спине с согнутыми ногами и поднятыми коленями.

Несколько замечаний по поводу типологических разработок И.П. Лазаретова. В статье о раскопках могильников Уйбат III и V (Лазаретов, 1997: с. 19–64) могилы с подбоем называются катакомбами. В данном случае этот термин вряд ли оправдан, поскольку катакомба – особая конструкция могильной ямы с входом, дромосом и погребальной камерой. Погребальное сооружение без дромоса называется могилой с подбоем (по классификации Кияшко, 1990). Дромоса нет ни в одной из окуневских могил, а это значит, что первые исследователи этих памятников – Н.В. Леонтьев и Г.А. Максименков – были совершенно правы, называя их могилами с подбоями. Так же необоснованно, на мой взгляд, введение Лазаретовым термина «ямы с заплечиками» для могил типов II-б и II-в. Яма с заплечиками – это тип грунтовой могильной ямы с уступами в ее верхней трети, которые использовались как опора для перекрытия. Могилы типов II-б и II-в – это ящики из каменных плит, вкопанных в дно могильных ям, с перекрытием, которое опиралось на стенки ящика. Как видно из материалов раскопок самого автора, контуры могильных ям и оформление пространства между стенками ящика и ямы бывают самыми разными и не диктуются четкими обрядовыми или конструктивными требованиями.

Вопрос о так называемых катакомбах решается при обращении к конкретной ситуации, в которой эти погребения зафиксированы. Все 5 погребений с подбоем были выкопаны в непосредственной близости от ограды так, чтобы подбой уходил под плиты ограды или крепиды (как в случае с могилой 3 кургана 1 могильника Уйбат III). С другой стороны, каждая из этих могил находится в непосредственной близости к какому-либо погребению, совершенному по обычному обряду. В кургане 1 могильника Уйбат III погребение с подбоем ориентировано на центральную могилу. Погребение 6 кургана 1 могильника Уйбат V ориентировано входной ямой на могилу 7 и заходит подбоем под плиты ограды. Погребение 4 в том же кургане входной ямой непосредственно стыкуется с могилой 3. Ключ к объяснению ситуации дают, на мой взгляд, погребения кургана Уйбат I (Леонтьев Н., 1995). Здесь была обнаружена большая центральная могила, содержавшая останки трех погребенных. В углах ограды были сооружены четыре дополнительные могилы, что совершенно не типично для традиционной планиграфии окуневских курганов. Две из этих могил (детские) – с подбоями. Мы вправе предположить, что данные погребения имеют характер закладных или сопроводительных. А это может означать, что и другие подбойные захоронения совершались для того, чтобы выразить идею некоей социальной зависимости, а не являются свидетельством происхождения «окуневцев» от «катакомбников». В любом случае, конструкция могильной ямы не может являться достаточным основанием для доказательства генетической связи столь далеких этносов. Принимая во внимание черты, общие для всех подбойных могил, и учитывая их приуроченность к долине реки Уйбат, можно сделать вывод о том, что в этом районе в раннем хронологическом диапазоне фиксируется особое разнообразие типов курганов и погребений. Конструкция этих погребений и частичный выход подбоя за пределы ограды связаны, скорее всего, со сложным комплексом пространственных представлений.

Могилы с заплечиками тем более не могут рассматриваться как серьезный аргумент по той простой причине, что на самом деле таковой может считаться только одна могила – Уйбат III, к. 1, м. 1 (при этом мы должны учитывать, что здесь вполне возможно и простое перекрывание одиночной могилы более обширной коллективной). Во всех других случаях под могилой с заплечиками автор понимает глубокую грунтовую яму с каменным ящиком, вкопанным в дно могилы.

Тезис И.П. Лазаретова о том, что «возникновение в этой (местной, неолитической, – *Л.С.*) среде идеи кургана-ограды как замкнутого сакрализованного пространства, предназначенного для многочисленных последовательных захоронений, маловероятно и едва ли возможно в принципе» (Лазаретов, 1997, с. 39), не вызывает никаких возражений. Подобные «идеи» не характерны не только для сибирского неолита, но и для степного неолита вообще. Зато интенсификация социальной жизни в энеолите порождает сложные погребальные сооружения. В этом отношении окуневская культура с ее социальной стратификацией при надлежащем уровне исследований может стать эталонной. Что касается возможности проследить возникновение идеи «кургана-ограды», то мне представляется, что возможности эти весьма ограничены, поскольку ограда или есть, или ее нет. В свою очередь тот факт, что в ранних памятниках мы наблюдаем известное разнообразие курганных и погребальных конструкций, говорит о процессах развития данной погребальной традиции, а не о привнесении ее извне в готовом виде.

Хронологические группы керамики

Анализ окуневской керамики и работа над ее типологией (Соколова, 2002, с. 230–236) позволили выделить 4 хронологические группы окуневской культурной традиции. Здесь эти данные излагаются в самом кратком виде. Прилагаемая таблица публикуется впервые (табл. 3).

I хронологическая группа включает в себя керамику, происходящую из курганов типов I (а, б, в) и III (а, б). Она наиболее близка к неолитическим образцам (пос. Усть-Белая, Унюк), что неоднократно отмечалось в литературе (Комарова, 1981;Виноградов, 1982а; Соколова, 2002).

II *хронологическая группа* включает керамику из памятников типов II (а, б, в) и III (а, б). Она, в свою очередь, подразделяется на две подгруппы. Одна представляет собой чисто окуневскую керамику с индивидуальным наколом как в первой группе, но с ярко выраженным «усеченно-коническим» профилем, как в классическом варианте. Другая подгруппа совмещает признаки окуневской и афанасьевской керамических традиций. Эта же тенденция отразилась и в гибридных формах погребальных сооружений – тип II (а, б, в).

III *хронологическая группа* – керамика, происходящая из курганов типа IV (а, б). Она демонстрирует формирование развитого керамического стандарта – появляется многорядная нарезка под венчиком и у дна, центральное орнаментальное поле формируется не единичным наколом, как раньше, а рядами отступающей гребенки, поставленной прямо или наклонно. Появляется слегка отогнутый тюльпановидный венчик.

IV *хронологическая группа* – керамика, отмеченная общим огрублением и облегчением орнаментации, происходит из памятников типа IV-б и V. В конечном итоге логика развития керамического комплекса приводит к освобождению от орнаментации нижней трети сосуда.

Керамические хронотипы коррелируют с типами погребальных сооружений, что можно представить уже на следующем, заключительном этапе как хронотипологию окуневских погребальных сооружений (табл. 4).

В заключение надо отметить, что анализ погребальной и керамических традиций окуневской культуры продемонстрировал стройную систему признаков и тенденций, которые предстают в развитии и сложном взаимодействии. В то же время необходимо помнить, что выявленные тенденции отмечают появление новых признаков, которые сочетаются с архаичными чертами, и потому не могут укладываться в схему, жестко разделяющую время, пространство и во многом еще неясные отношения человеческих коллективов.

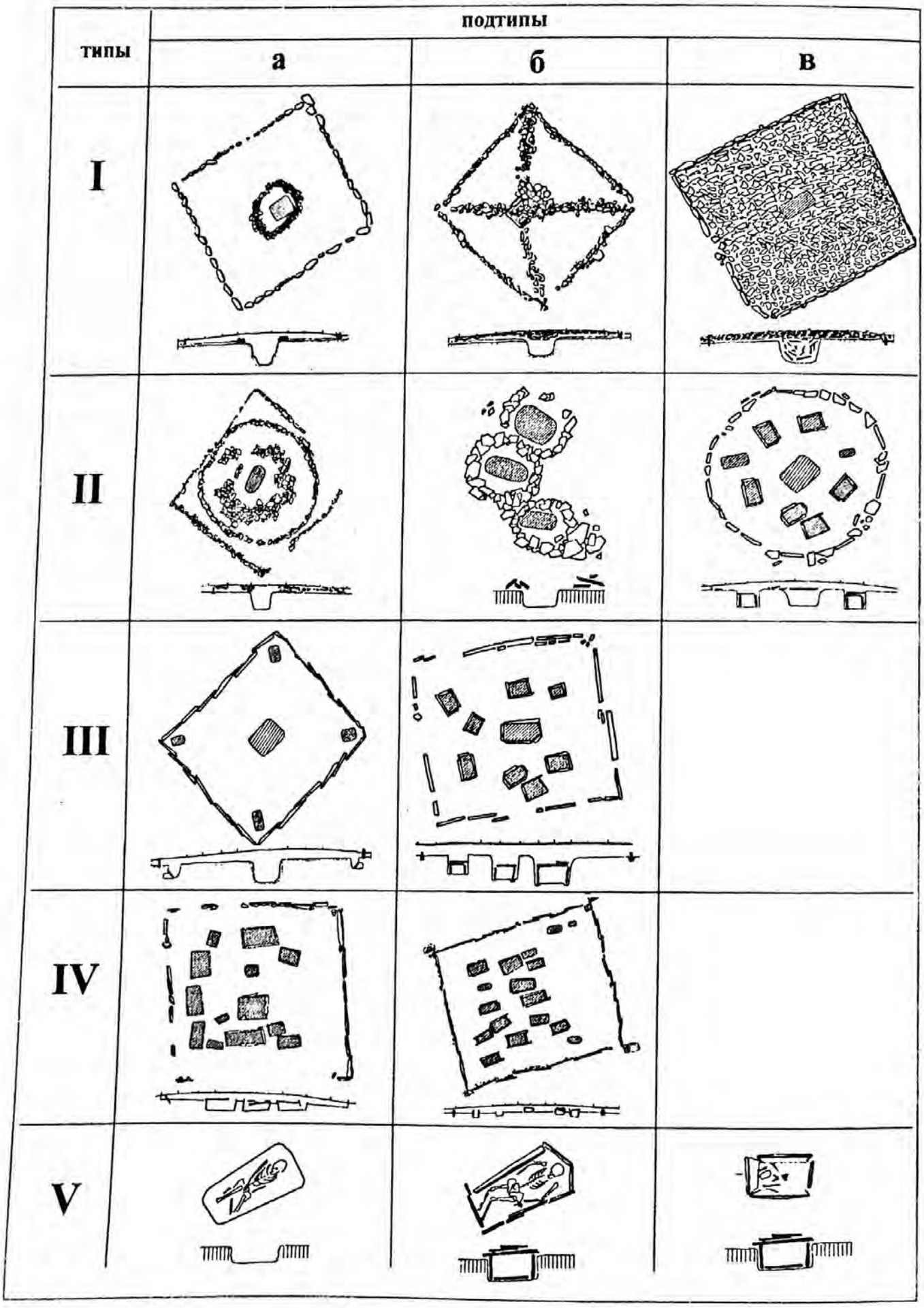

Табл. I Типология курганных сооружений окуневской культуры

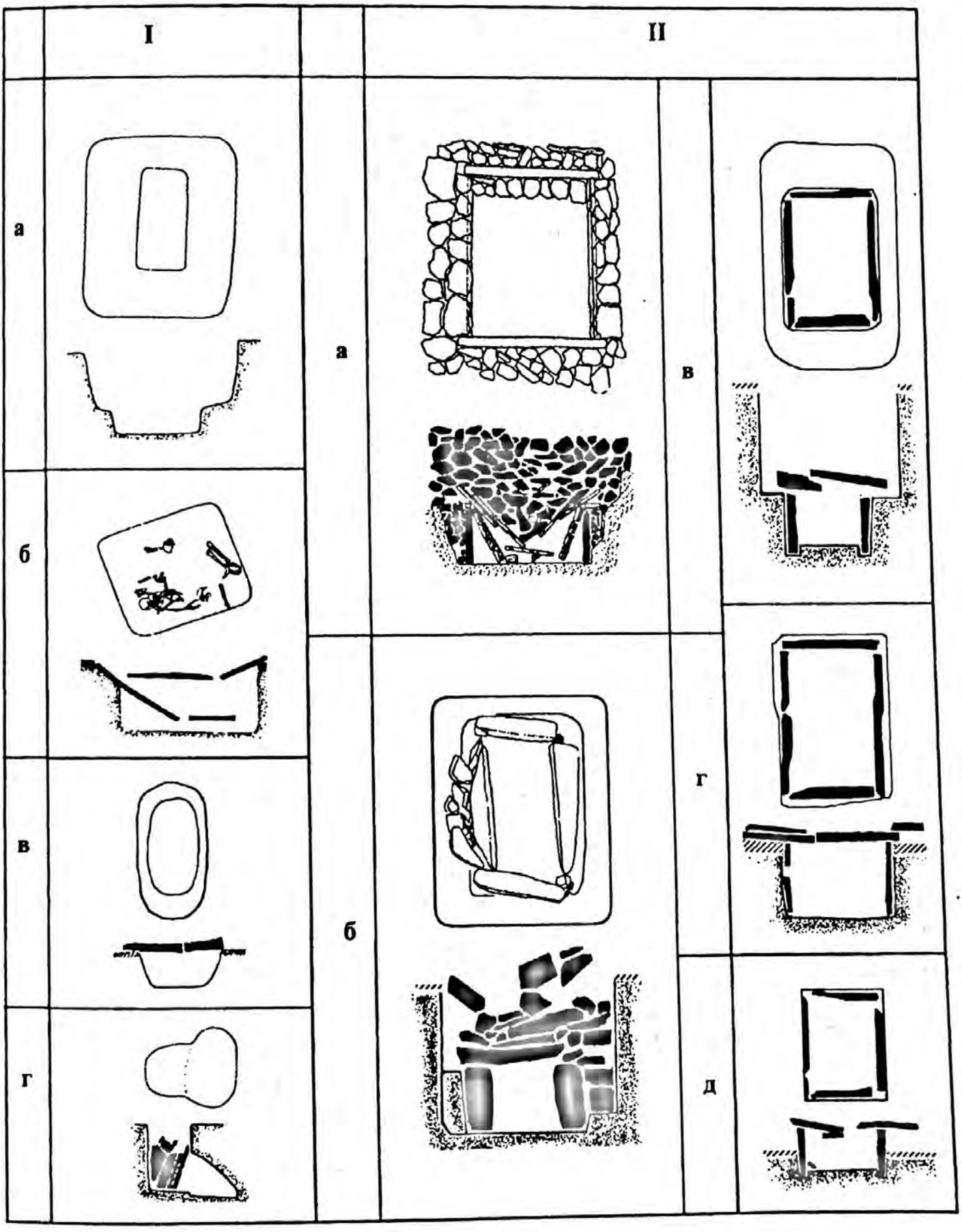

Табл. 2 Типы погребений окуневской культуры

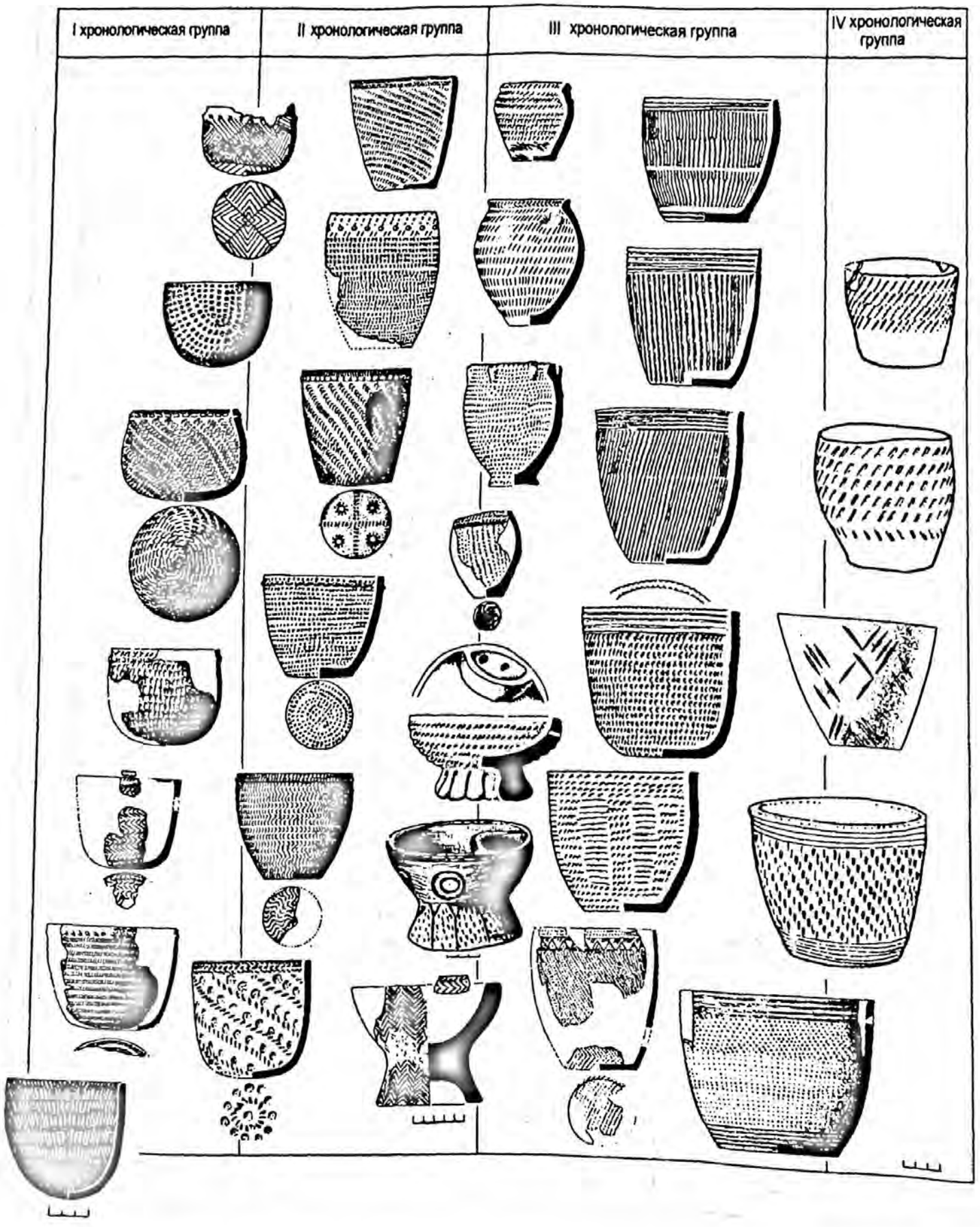

Табл. 3 Хронотипология окуневской керамики

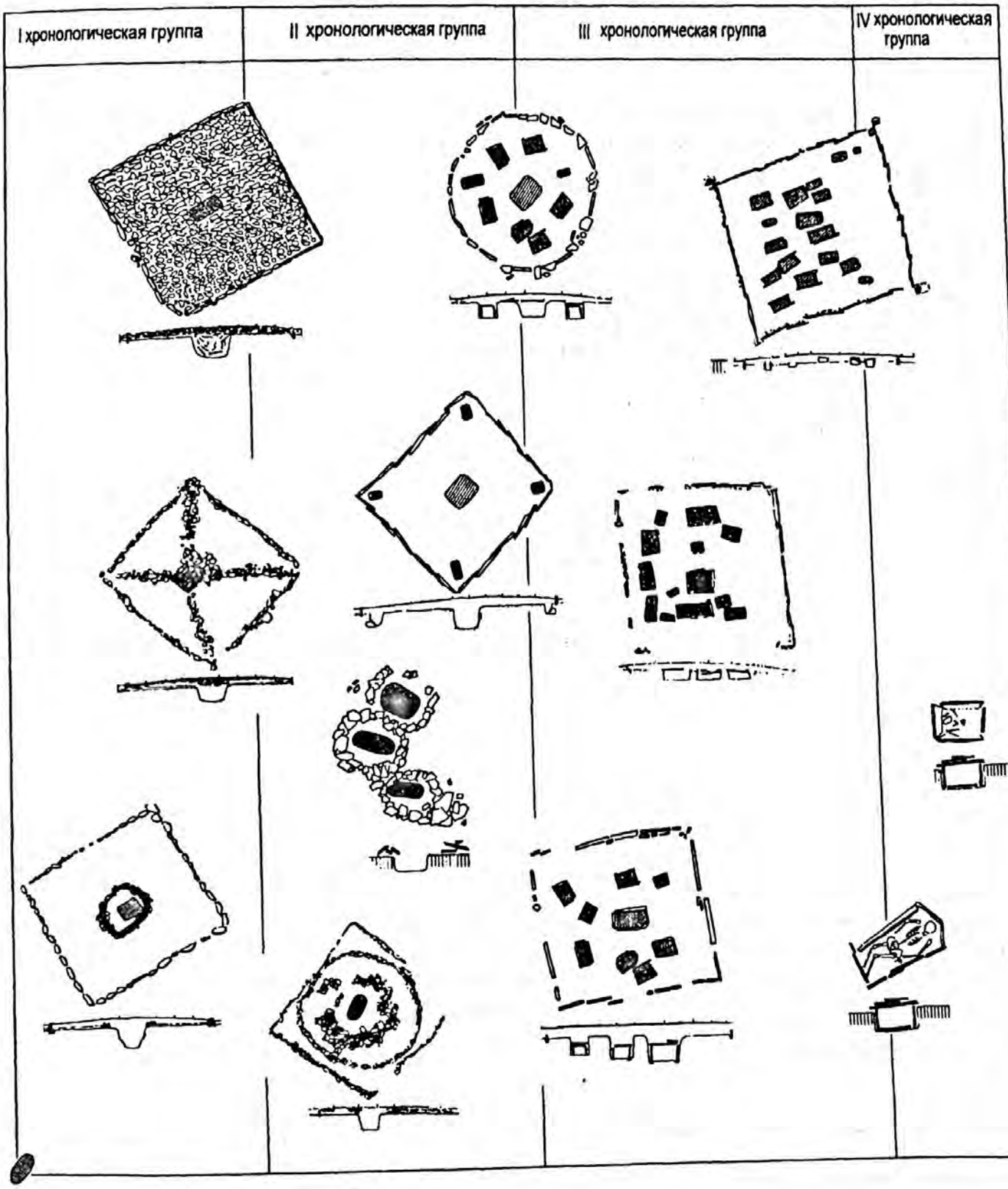

Табл. 4 Хронотипология окуневских погребальных сооружений

С.Н. Леонтьев

К вопросу о керамической традиции окуневской культуры Среднего Енисея

Решение проблем происхождения и внутренней периодизации археологических культур происходит на основе анализа массового материала, каким в первую очередь является керамика. В отношении окуневской культуры Среднего Енисея этот вопрос до настоящего времени остается открытым. Первая типология окуневской посуды и схема ее генезиса, предложенные Г.А. Максименковым (Максименков, 1981, с. 105), оказались предельно упрощенными. Более обоснованно и развернуто свои представления о становлении и развитии окуневской керамической традиции изложил И.П. Лазаретов (Лазаретов, 1997, с. 31–36). Но и в этом случае процесс эволюции форм сосудов и приемов их декорирования убедительно прослежен не был (Подольский М., 1997а, с. 122). В 2002 г. Л.А. Соколова предложила свою типологию окуневской керамики (Соколова, 2002), которую использовала для обоснования гипотезы о восточном происхождении окуневского материального комплекса. Преследуя эту цель, Соколова проигнорировала все многообразие морфологии и орнаментики окуневской керамики ранних этапов, акцентировав внимание лишь на восемнадцати (преимущественно фрагментированных) сосудах из могилы 1 Уйбата III, а также на нескольких сосудах, искусственно вычлененных ею из более поздних комплексов. Полученная в результате схема генезиса керамической традиции окуневской культуры оказалась искаженной. Следует добавить, что бесперспективность возведения истоков окуневского материального комплекса лишь к местным неолитическим традициям, пусть и испытавшим культурное влияние неких более прогрессивных мигрантов с иных территорий, неоднократно подчеркивалась другими исследователями (Подольский М., 1997, с. 122; Лазаретов, 1997, с. 39).

М.Л. Подольский вообще отрицает возможность использования керамики для построения внутренней периодизации окуневской культуры, поскольку она «не дает оснований выстраивать соответствующие комплексы в хронологическую цепочку» (Подольский М., 1997а, с. 122). Согласно его точки зрения, окуневская культура распадается не на этапы, а на два «монолитных массива» – уйбатский и черновской, являющие собой «цельные и обособленные культурные явления, не вытекающие один из другого» и, очевидно, сосуществующие (Подольский М., 1999, с. 8). Остальные памятники, в частности Тас Хазаа, Камышта, Новоселовская Пристань и Карасук II, оказываются «археологическим фоном», синхронным этим «массивам» (там же). При таком подходе окуневская культура оказывается «расплывчатой», а само ее выделение в качестве самостоятельной археологической культуры – искусственным (Sher, 1999, p. 43). Данные представления, впрочем, были бы вполне оправданны, если окуневская культура рассматривалась в качестве явления не археологического, а этнографического порядка. Действительно, «окуневцы», возникшие в результате ассимиляции малочисленных групп неких европеоидных мигрантов монголоидами разных популяций (Громов, 1997), едва ли на каком-либо этапе своей истории (а тем более на начальном) являли собой этнический «монолит». Процесс унификации культурных традиций и этнической консолидации стоящих за ними разноплеменных группировок не мог быть одномоментным. Подобными процессами в это время была охвачена большая часть территории Западной Сибири (Генинг, 1989, с. 158–159), что, помимо прочего, нашло свое отражение и в сходных тенденциях развития керамических традиций («огрубление» посуды, ее технологическая, морфологическая и орнаментальная разнородность) (Молодин, Ламина, 1989, с. 104). Вместе с тем, давно и убедительно доказано, что нельзя безоговорочно отождествлять археологические культуры с этническими общностями. Поэтому указанные обстоятельства не могут служить основанием для расчленения окуневской культуры на ряд самостоятельных «микрокультур», каждая из которых представлена тремя – пятью крупными памятниками.

Ранее нами уже высказывалось предположение о том, что на начальном этапе своего развития окуневский керамический комплекс сложился в результате взаимовлияния нескольких сосуществовавших на Среднем Енисее разнокультурных и разноэтничных традиций (Леонтьев С., 2002). К сожалению, предложенная типология раннеокуневской посуды оказалась не совсем верной. При ее создании были использованы чужие и, как выяснилось позже, не вполне точные прорисовки сосудов из Тас Хазаа и нескольких других памятников. Знакомство же с ними «вживую» вызвало необходимость в корректировке ранее высказанных взглядов. Так, неправомерным оказалось выделение тасхазинской посуды в отдельный тип. По своим основным характеристикам она должна быть отнесена к новоселовской группе раннеокуневской керамики.

В настоящее время можно выделить три основные группы ранней окуневской керамики: новосе-

ловскую, бельтыро-камыштинскую и уйбатско-лебяжинскую.

НОВОСЕЛОВСКАЯ ГРУППА (рис. 1) впервые была выделена М.Н. Комаровой на материалах памятников Карасук II и VIII, а также Новоселовская пристань, атрибутированных ею как предафанасьевские (Комарова, 1981, с. 90). К тем же выводам, но уже на основе анализа поселенческих материалов, пришел и А.В. Виноградов (Виноградов, 1982, с. 123; 1982а, с. 8). Согласно его мнению, новоселовская группа керамики «раннебронзового времени отлична как от неолитической (унюкской и карасевской), так и от известной раннебронзовой (афанасьевской и окуневской) по орнаментальным и технологическим признакам. Это служит еще одним важным аргументом для выделения особого – новоселовского типа керамики», который явился непосредственной генетической основой становления окуневского керамического комплекса (Виноградов, 1982, с. 8–9). Сегодня принадлежность данной группы посуды к окуневскому керамическому комплексу несомненна, благодаря раскопкам погребений Уйбата III (Лазаретов, 1997). Сюда же должна быть отнесена и часть посуды из некрополя Тас Хазаа (раскопки А.Н. Липского, 1954 г.) и Потрошилово (раскопки В.М. Старущенко (Зиминой), 1959 г.). Помимо этого, к новоселовской группе относятся небольшие серии керамики с поселений Карасево, Малый Кызыкуль и *све* Шишка (сборы Н.В. Леонтьева).

Керамика новоселовского типа отличается особенностями своей археологизации. Так, на поселениях Карасево и Малый Кызыкуль она составляет лишь 20% от всего окуневского комплекса, а на поселении Вьюжное-1 к ней принадлежало 33% встреченных обломков посуды раннебронзового времени. При этом каждый сосуд оказывается представлен одним-двумя фрагментами, размер которых варьирует от 1,5 до 10 см^2 (черепки керамики с гребенчатой орнаментацией на тех же памятниках составляют от 70 до 90% материала, а каждый сосуд этого типа представлен в среднем 10–15 фрагментами, размер которых варьирует от 2–2,5 до 20–25 см^2). Все это указывает на более длительный процесс археологизации керамики новоселовского типа в условиях открытого ее залегания на дневной поверхности, а значит, и на ее более ранний возраст по сравнению с присутствующей здесь же посудой черновского типа.

Подавляющее большинство керамических фрагментов имеет тонкозернистую фактуру поверхности и излом с выраженной плотной зернисто-ровной или комковато-обломочной структурой[1]. Из них 55% имели тесто средней пластичности, 33% – тощее и 12% – очень тощее. Во всех фрагментах в качестве основной отощающей примеси использованы мелкозернистый «мягкий» песок или дресва дробленого крупнозернистого аллювия. В обоих случаях доминируют фракции кварца и палево-шпатных пород, величина которых варьирует от 0,3 до 4 мм и более. В ряде случаев вместе с песком в тесто был добавлен и шамот в виде округлых комков сухой глины диаметром около 3 мм. Доля отощителя составляет от 20 до 60% общего объема формовочной массы.

Сосуды, относимые нами к новоселовскому типу, были моделированы, вероятно, с устья скульптурной ленточной лепкой. Ленты имели ширину в среднем 4–5 см (при толщине стенки сосуда от 0,6 до 1,3 см) и примазывались друг к другу «внахлест» без предварительной подработки спая. Сосуды имеют вид прямостенных или слабо профилированных «банок» с округлым днищем, которое могло вторично уплощаться путем прижатия к плоскости. Донная часть формовалась отдельно от емкости. Она изготавливалась из таких же лент или выдавливалась из цельного куска глины и первоначально имела форму чашечки с невысокими краями.

После соединения емкости с днищем сосуды новоселовской группы расформовывались уплотняющей выбивкой в технике колотушки и наковаленки. В качестве последней, судя по следам на внутренней поверхности сосудов и их фрагментов, использовались небольшие уплощенные гальки диаметром приблизительно 5–7 см. Подсохшая поверхность стенок сосудов замывалась и часто покрывалась обмазкой. В результате этой процедуры крупные фракции отощителя оказывались скрытыми под тонким слоем глиняной суспензии и на поверхности сосуда не прослеживались. Внутренняя и внешняя сторона сосуда тщательно затиралась в продольном или продольно-поперечном направлениях. Следы от затирания в подавляющем большинстве случаев имеют вид упорядоченных полос сплошных параллельных тонких штрихов и редких неглубоких бороздок, примерно равнозначных по своим размерам, что указывает на применение твердых (деревянных или каменных) шпателей, в ряде случаев обернутых грубой тканью. Подсушенная внешняя поверхность стенок готовых керамических изделий лощилась орудием с прямым рабочим краем шириной 1,5–3 см или часто оставлялась не лощеной.

Обжиг керамики новоселовского типа в большинстве случаев низкотемпературный окислительный. Цвет поверхности серый или коричневый разных оттенков, излом часто двухцветный (с черной и красноватой прослойками).

По технике нанесения орнамента новоселовская группа раннеокуневской керамики разделяется на две составляющие ее подгруппы. *Первая*, собственно новоселовская, характеризуется монотонным декором (часто охватывающим и дно сосуда), выполненным концевыми вдавлениями палочки, глад-

[1] Для анализа технологии были привлечены коллекции керамики окуневской культуры Минусинского регионального и Хакасского республиканского музеев. Приношу свою глубокую благодарность дирекции Хакасского республиканского краеведческого музея и моим коллегам И. Грачеву и Э. Киргинекову за оказанную ими помощь.

кого или гусеничного штампа. Последние сгруппированы в «плетенку», горизонтальные или диагональными ряды. Подвенечная зона сосудов не обособлена или выделена узким фризом из имеющих иное направление отпечатков того же орнаментира (рис. 1, *1*, 2, *4*). *Вторая* подгруппа, представленная посудой из некрополя Тас Хазаа и мог. 2 кург. 24 могильника Потрошилово, декорирована сгруппированными в горизонтальные ряды концевыми вдавлениями палочки или гладкого штампа в сочетании с прорезными линиями. Подвенечная часть выделена широкой (до одной трети высоты сосуда) полосой узора, отличного от основного орнамента (рис.1, *3*).

Происхождение керамики новоселовской группы обычно связывают с генезисом местных неолитических культур. Так А.В. Виноградов, отмечая, что «керамика новоселовского типа по ряду дифференциальных признаков близка к керамике карасевского типа» (Виноградов, 1982а, с. 8), предположил, что «в русле общих западных тенденций керамика карасевского типа трансформируется в новоселовскую» (там же, с. 14). Л.А. Соколова, напротив, связала становление раннеокуневской посуды новоселовского облика с конвергентным эволюционным развитием унюкской неолитической традиции (Соколова, 2002). Эта точка зрения представляется менее обоснованной, поскольку унюкская керамика, изготовленная жгутовой или ленточно-жгутовой лепкой из жирного теста, расслаивающегося в изломе на плотные и тонкие продольные пластинки, и декорированная в отступающе-накольчатой технике оттисками палочки, лопаточки или короткого зубчатого гребенчатого штампа, с рассматриваемой группой раннеокуневской посуды проявляет лишь весьма отдаленное внешнее сходство в своей морфологии и некоторых приемах орнаментации. Точка зрения Виноградова основана на том, что он, на наш взгляд неоправданно, к карасевскому типу отнес и гребенчато-ямочную керамику екатерининского облика (Молодин, 2001, с. 27), и родственную ей по технологии изготовления посуду с накольчато-ямочным декором. Последняя также, видимо, имеет свои истоки в западносибирском неолите и по характеру орнаментации наиболее близка к новоселовской. Вместе с тем следует отметить, что указанная керамика не знает в своем декоре прорезных линий, да и орнаментальная схема типа «плетенки» для нее не характерна.

Реминисценции новоселовской традиции в морфологии и орнаментике сосудов прослеживаются на протяжении всего существования окуневского керамического комплекса. Ярче всего они проявлены в посуде из уйбатских памятников и из могильников Лебяжье и Батени-Ярки.

БЕЛЬТЫРО-КАМЫШТИНСКАЯ ГРУППА раннеокуневского керамического комплекса (рис. 2) представлена посудой из афанасьевских могильников Бельтыры (Хлобыстина, 1979), Камышта – «Большое кольцо» (там же), кург. 2 Верх. Аскиза (там же, рис. 10. *6*), кург. 6 мог. 3 Красного Яра II (раскопки В.П. Левашевой, 1930 г.), мог. 6 и 26 Афанасьевой горы (Грязнов, 1999, рис. 5, *7*; 11, *5*) и мог. 1 кург. 5 Потрошилово (В. М. Старущенко (Зимина), 1959 г.). Она находилась в окуневских погребениях, впущенных в ямы афанасьевских могил, либо в захоронениях со смешанным афанасьевско-окуневским инвентарем. Помимо этого к данной группе относится незначительная часть фрагментированных сосудов из сборов на территории поселений Карасево и Малый Кызыкуль, а также сосуд, случайно найденный в г. Минусинске в начале XX века.

В поселенческих материалах керамика бельтыро-камыштинской группы представлена даже в меньшем количестве, чем новоселовская. Она отсутствует на «све» Шишка и не отмечена в случайных находках. На Вьюжном-1 не было найдено ни одного обломка этой посуды. На сопредельном Карасево и на Малом Кызыкуле фрагменты керамики данного типа единичны, хотя их размеры достаточно велики – от 2,5 до 13 см^2. Таким образом, можно предполагать, что керамика бельтыро-камыштинской группы, прошедшая длительный процесс археологизации в условиях открытого залегания на дневной поверхности, имела более ранний возраст, чем присутствующие здесь же фрагменты посуды черновского облика и, возможно, была синхронна новоселовской.

Фактура керамики бельтыро-камыштинского типа в подавляющем большинстве грубозернистая, излом зернисто-ровный или комковато-обломочный. Все сосуды изготовлены из комковатого тощего теста с примесью дресвы дробленого аллювия, иногда с добавлением измельченной каменной породы. Величина фракций отощителя колеблется от 0,4 мм («пыль») до 5 мм. Доля отощителя составляет от 30 до 60% от общего объема формовочной массы.

Емкостная часть сосудов моделировалась с устья широкими – до 5,5 см – лентами, соединявшимися друг с другом «внахлест». Днище формовалось отдельно в виде первоначально округлой чашечки с невысокими бортами и после соединения с емкостью уплощалось путем прижатия к ровной подставке. В результате ось симметрии некоторых сосудов оказывалась смещенной.

Все сосуды имеют слабо профилированную усеченно-яйцевидную форму закрытого типа с диаметром устья, равняющимся $^1/_2$ их высоты. Единично встречены и горшки тех же пропорций. Емкостная часть их расформовывалась уплотняющей выбивкой в той же технике, что и у посуды новоселовской группы. Толщина стенок сосудов варьирует в пределах 0,5–0,7 см. Их подсушенная поверхность всегда подвергалась дополнительной рельефной обработке. Следы, четко прослеживаемые на внутренней стороне стенок, носят характер однонаправленного неупорядоченного распределения разноразмерных царапин, бороздок и штрихов,

свидетельствующих о применении какого-то орудия, типа щепы, или шпателя с неровным рабочим краем. Внешняя поверхность почти всей посуды слабо залощена. Придонная часть и днище сосудов дополнительной обработке часто не подвергались.

Обжиг керамики бельтыро-камыштинского типа преимущественно низкотемпературный неравномерно-окислительный и лишь в единичных случаях – восстановительный. Внешняя сторона стенок сосудов пятнистая, красновато-коричневая, коричневато-серая или темно-серая, а внутренняя поверхность и излом часто окрашены в темно-серые или черные тона.

По характеру орнаментации данная посуда также разделяется на две подгруппы. *Первую* подгруппу составляют сосуды, декорированные вертикально и (или) горизонтально направленной шагающей гребенкой (с длиной шага от 2,2 до 5 см). Зона венчика всегда выделена зерновидными вдавлениями, иногда в сочетании с прорезными линиями, и мелким «жемчужником» (рис. 2, *3*). На сосуде из могильника Потрошилово гребенчатый декор заменен двойной косой решеткой, выполненной тонкими прорезными линиями. Ко *второй* подгруппе относится посуда с туловом, орнаментированным частыми горизонтальными или диагональными оттисками (в ряде случаев – с элементами протаскивания) длинного (около 3,5–5 см) мелкозубчатого гребенчатого штампа; зона венчика выделена вертикальным или наклонным направлением отпечатков того же орнаментира и мелким «жемчужником» (рис. 2, *1*, *2*, *4*). Переходный между этими подгруппами вариант орнаментации демонстрируют сосуды из Верх. Аскиза (рис. 2, *5*) и из мог. 6 Афанасьевой Горы. Декор днища у посуды обеих подгрупп не отличается от орнамента тулова, а срез венчика почти всегда бывает украшен косо направленными концевыми оттисками гребенчатого штампа.

Происхождение данной керамической традиции обычно связывают с влиянием носителей афанасьевской культуры (Иванова, 1970, с. 8, 10; Леонтьев С., 2002, с. 95). Этому, казалось бы, не противоречит и орнаментация сосудов шагающей гребенкой (способ декорирования, более присущий скорее афанасьевской, чем окуневской посуде), и их нахождение во впущенных в афанасьевские кольца могилах. Вместе с тем, есть обстоятельства, ставящие под сомнение справедливость подобной точки зрения. Так, посуда первой подгруппы обнаруживает гораздо большее родство с энеолитическим сосудом, не так давно найденным В.С. Зубковым[2] во фрагментах на стоянке Туманное. По форме он близок к профилированной усеченно-яйцевидной «банке» и целиком, включая вторично уплощенное дно, декорирован вертикально-направленной шагающей мелкозубчатой гребенкой. Подвенечная зона этого сосуда выделена мелким «жемчужником», а срез венчика украшен косо направленными концевыми оттисками гребенчатого штампа. От окуневской керамики бельтыро-камыштинской группы его существенно отличает лишь тонкостенность (около 0,4 см), наличие «ушек» и несколько иная технология изготовления. Находка эта на сегодня уникальна и потому пока не позволяет делать какие-либо однозначные выводы.

Сосуды второй выявленной подгруппы по своей технологии, морфологии и орнаментации наиболее близки некоторым типам кротовской керамики могильника Сопка II (рис. 3, *1–3*) (Молодин, Ламина, 1989, с. 108–110, рис. 6). Убедительные аналогии можно найти и в орнаментальных схемах елунинской керамики (рис. 3, *4*, *5*). Указанные совпадения едва ли можно объяснить лишь эпохальной близостью трех культур (окуневской, кротовской и елунинской).

Характерные черты бельтыро-камыштинской посуды (усеченно-яйцевидная форма сосудов и их орнаментация длинной мелкозубчатой гребенкой, часто в технике шагания), казалось бы, полностью исчезают задолго до черновского этапа, не оказав существенного влияния на развитие окуневской керамической традиции. Вместе с тем, «бельтыро-камыштинский» орнамент украшает сосуды с морфологией позднего типа из мог. 1 могильника База Минторга (Nagler, 1999, рис. 10, 2) и из сборов на Лебяжьем (Максименков, 1981, рис. 5, *11*). Шагающей гребенкой декорирована и фрагментированная плоскодонная «банка» из объекта 4 в могильник под г. Суханихой (раскопки Российско-Германско экспедиции, 1995 г.). Пограничным между новосе ловской и бельтыро-камыштинской группами по форме сосудов и их декору является комплекс посуды из могильника Потрошилово. Переходный тип между бельтыро-камыштинской и более поздней черновской группой демонстрирует горшок «тюльпановидной» формы, декорированный частыми горизонтальными отпечатками протащенного гребенчатого штампа из погребения у с. Усчуль (раскопки А. Н. Липского, 1949 г.). Край его венчика украшен концевыми вдавлениями того же орнаментира, а вся внутренняя поверхность покрыта хаотичными расчесами гребенкой. Данный сосуд, равно как и посуда бельтыро-камыштинской группы, в своей технологии, морфологии и орнаментике демонстрирует родство с кротовской керамикой. Более чем вероятно также, что происхождение гребенчатой орнаментации, выполненной оттисками длинного и прямого зубчатого штампа, обычной для более поздней окуневской посуды, связано с дальнейшим развитием «бельтыро-камыштинских» традиций.

Новоселовская и бельтыро-камыштинская группы окуневской керамики резко обособлены друг от друга как по технологии и внешним дифференцирующим признакам, так и по условиям нахождения. Можно уверенно предположить, что они

[2] Приношу глубокую благодарность В.С. Зубкову за предоставленную возможность ознакомиться с данным материалом.

маркируют собой два различных этноса, взаимная ассимиляция которых и унификация их культурных традиций, вероятно, началась ко времени создания памятников типа Уйбат I и Уйбат III.

Уйбатско-лебяжинская группа раннеокуневской керамики наиболее многочисленна. Ее составляет посуда из окуневских могильников Батени-Ярки (сборы нач. XX в.), Лебяжье (Максименков, 1981), Уйбат I (раскопки Н. В. Леонтьева, 1966), Уйбат III и V (Лазаретов, 1997) и из целого ряда других, менее значительных погребальных памятников, а также из поселений Малый Кызыкуль, Быстрая, *све* Шишка и, единично, Карасево (рис. 4).

Поверхность этих сосудов в 78% случаев имеет тонкозернистую фактуру, в 22% – грубозернистую. Посуда изготовлена из плотного тощего (50%), очень тощего (36%) или средней пластичности (14%) теста с примесью «пыли» мягкого песка, часто в сочетании с дресвой дробленного аллювия или измельченной каменной породы. Величина фракций отощителя варьирует от 0,3 до 4 мм и более. Шамот почти не встречается.

Формовка велась скульптурной ленточной лепкой, при которой край верхней ленты мог примазываться к нижней как снаружи, так и изнутри. В первом случае моделировка емкости велась с устья (первая формовочная программа). Дно, изначально округлое и вылепленное из одного куска или отдельных лент (в нескольких случаях – внутри шаблона – рис. 4, *4*, *8*), могло вторично уплощаться прижатием к ровной плоскости, в результате чего ось симметрии некоторых сосудов оказывалась смещенной (рис. 4, *3*). Во втором случае моделировка емкости сосуда велась со дна, которое раскатывалось из одного куска на подставочке (часто – с подсыпкой) (вторая формовочная программа). При этом первая лента емкости устанавливалась на внутренний край днища и лишь иногда обертывалась вокруг него (рис. 4, *6*, *7*).

Стенки сосудов подвергались дополнительной уплотняющей выбивке в технике колотушки и наковаленки и тщательно заглаживались твердым шпателем, часто обернутым тканью или сухой травой. Внешняя поверхность в большинстве случаев слабо лощилась. Обжиг в 75% случаев низкотемпературный окислительный, в 25% – восстановительный. Многие сосуды после обжига дополнительно окрашивались разведенной на воде красной охрой.

По характеру орнаментации рассматриваемые сосуды разделяются на две неравнозначные подгруппы. *Первая*, наиболее многочисленная характеризуется радиально-концентрическими или диагонально-линейными орнаментальными композициями, покрывающими всю внешнюю поверхность стенок, а во многих случаях – и дно. Они выполнены в той же технике, что и декор посуды новоселовской группы (рис. 4, *1–4*, *6*). Иногда палочку сменяет гладкий или короткий зубчатый штамп (рис. 4, *8*), а дно декорируется прорезными линиями. Существенное отличие от новоселовской орнаментальной традиции проявляется здесь лишь в оформлении подвенечной части, которая в подавляющем большинстве случаев выделена пояском выдавленных изнутри емкости «жемчужин». Им нередко бывает придана подквадратная или овальная форма (рис. 4, *3*, *8*). Подобный декор характерен для сосудов, изготовленных по обеим формовочным программам. *Вторая* подгруппа представлена единичными сосудами, встреченными в тех же памятниках. Они всегда изготовлены по второй формовочной программе, а их орнаментация выполнена оттисками гребенчатого штампа длиной около 3–5 см, иногда – в технике шагания. Оформление же венчиков и днищ у сосудов данной подгруппы такое же, как и у предыдущей (рис. 4, *5*, *7*).

Уйбатско-лебяжинская группа керамики, маркируя начальный этап генезиса единой окуневской керамической традиции, демонстрирует смешение различных технологических и орнаментальных приемов, которые едва ли могли произойти непосредственно один из другого. Практику изготовления сосудов первой орнаментальной подгруппы по первой формовочной программе правомерно связать с дальнейшим продолжением «новоселовской» традиции, а появление собственно плоскодонных сосудов (вторая формовочная программа) и их гребенчатой орнаментации – с воздействием бельтыро-камыштинской группы западносибирского происхождения (рис. 5).

В декоре посуды уйбатско-лебяжинского типа появляются новые орнаментальные композиции, которые вряд ли могли являться результатом лишь ее конвергентного эволюционного развития. Условно они разделяются на три блока.

Первый блок включает орнаментальные мотивы, представляющие собой упрощенное воспроизведение графем, фигурирующих в изобразительных схемах изваяний и стел. Сюда относятся косые кресты и стилизованные «солярные знаки», украшающие днища сосудов (единожды оба этих символа оказались совмещены), «чешуйчатый» узор, треугольники, фланкированные «бычьими рогами», схематизированные изображения змей в сопровождении кружков и т. п. (рис. 6). Эти примеры демонстрируют процесс трансляции сакрально значимых символов изобразительных «текстов» в утилитарное прикладное искусство.

Второй блок включает орнаментальные схемы, находящие полные аналогии в предшествующей афанасьевской керамической традиции и, вероятно, напрямую заимствованные из нее и адаптированные к морфологии окуневских сосудов (рис. 7). Подобные примеры достаточно многочисленны, чтобы предположить возможность сосуществования населения этих культур на Среднем Енисее вплоть до времени создания уйбатских памятников и могильника у с. Лебяжье. Примечательно, что данные заимствования касались исключительно декора посуды и не сопровождались новациями в ее морфологии или технологии изготовления. Видимо, здесь имела место не передача гончарных приемов, а своеобразная «интеграция

моды» на оформление изделий керамического производства, подкрепленная, очевидно, и заимствованиями некоторых религиозно-мифологических представлений.

Третий блок включает элементы декора окуневских сосудов, восходящие к орнаментам керамики западносибирских культур доандроновской эпохи, в первую очередь – кротовской и самусьской. К ним относятся оформление подвенечной зоны ямочными вдавлениями (вместо традиционных «жемчужин» или же в сочетании с ними), выполненная в разной технике «волна» на тулове некоторых сосудов и декор, состоящий из чередующихся оттисков вертикальной и наклонной гребенки. Подобные случаи хоть и единичны, но достаточно устойчивы и фиксируются на керамике вплоть до черновского времени. Их появление, вероятно, вызвано спорадическими контактами окуневского населения с носителями родственных культур сопредельных территорий. Такая возможность подтверждается и западносибирскими материалами (Косарев, 1981, с. 74; Матющенко, 1970, с. 98; Генинг и др., 1970, с. 107).

Указанные выше черты (реминисценции предшествующих традиций и новации, связанные с инокультурными влияниями) у разных коллективов окуневского населения проявлялись неодинаково, что и обусловило ярко выраженную вариативность форм и орнаментики посуды.

В соответствии со взглядами большинства исследователей, дальнейшее развитие окуневской керамической традиции шло по пути эволюции морфологии сосудов (вытеснение круглодонных и уплощенодонных форм плоскодонными) и переоформления их декора (замена «жемчужин» ямками, резными линиями и геометрическими фигурами, установление господства орнаментов, выполненных гребенчатым штампом и т. д.). Вместе с тем, с точки зрения М.Л. Подольского, различия между черновским и уйбатским (или, по нашей классификации, уйбатско-лебяжинским) керамическими комплексами столь велики, что не позволяют напрямую выводить их один из другого (Подольский М., 1999, с. 8). Действительно, в декоре окуневской керамики черновского типа, наряду с длинным и узким гребенчатым штампом (применявшимся в орнаментации посуды бельтыро-камыштинской и более поздней уйбатско-лебяжинской групп) и гладким штампом в форме ромба, овала или серпика (восходящего к новоселовской группе), появляются короткий зубчатый штамп, оставляющий узкие подтреугольные отпечатки, и гладкий штамп той же формы. Они образуют на тулове сосудов монотонный узор из горизонтальных рядов прямых или наклонных (справа вниз налево) оттисков или «елочку». Эти орнаментиры и выполненный ими декор не имеют аналогов в раннеокуневской керамике и более всего характерны для екатерининской традиции и ее карасевского варианта на Среднем Енисее (Петров, 1980, с. 9, 11–13; Виноградов, 1982а, с. 8). А.В. Виноградов считал непосредственной генетической основой окуневской керамики в первую очередь именно карасевскую неолитическую традицию (Виноградов, 1982а, с. 8–9). Основанием для этого утверждения послужил проведенный им анализ орнаментации архаичной посуды с поселений у оз. Карасева, с одной стороны, и керамики черновского типа – с другой. Выявленные исследователем черты их родства, на наш взгляд, несомненны. Вместе с тем неясно, как, фактически минуя уйбатский этап, они могли проявиться на позднеокуневской посуде. На уровне предположения можно выдвинуть нижеследующее объяснение данного факта.

История носителей екатерининской (карасевской) керамики в Хакасско-Минусинском регионе сегодня совершенно неизвестна. Не изучена и основная территория их расселения – ленточные боры правобережья Енисея и подтаежная зона. В то же время, ареал распространения посуды карасевского облика был весьма велик – от р. Няши под Красноярском (Виноградов, 1982а, с. 13) до среднего течения Казыра на Саянах (раскопки автора). Данные обстоятельства не позволяют категорично утверждать, что «карасевцы» исчезают с наступлением эпохи бронзы, растворяясь в конгломерате иных лесных охотников и рыболовов. Более вероятным представляется, что, вытесненные из лесостепи племенами скотоводов вначале афанасьевской, а позднее раннеокуневской культур, они продолжали заселять окраины Хакасско-Минусинской котловины. Их возможные контакты со степью и проникновение отдельных групп носителей окуневской культуры в таежную зону привели к тому, что ко времени создания памятников типа Черновой VIII часть окуневского населения восприняла от «посткарасевцев» ряд новаций в оформлении своей керамической утвари. Подтверждением данного предположения могут служить комплексы посуды со *све* Чебаки, в орнаментации которой карасевские (екатерининские) черты проявляются наиболее ярко, и поселения Карасево, где наглядно прослеживается смешение «позднекарасевской» и окуневской технологических традиций.

Процесс становления и развития окуневского керамического комплекса (как, видимо, и всей этой археологической культуры) не имел линейного эволюционного характера. Начавшись с взаимной «ассимиляции» разнородных и разноэтничных традиций предшествующего времени, на всем своем протяжении он испытывал различные инокультурные влияния, которые воспринимались, адаптировались к требованиям окуневского прикладного искусства и в конечном итоге определили неповторимость как каждого конкретного сосуда, так и керамического комплекса в целом.

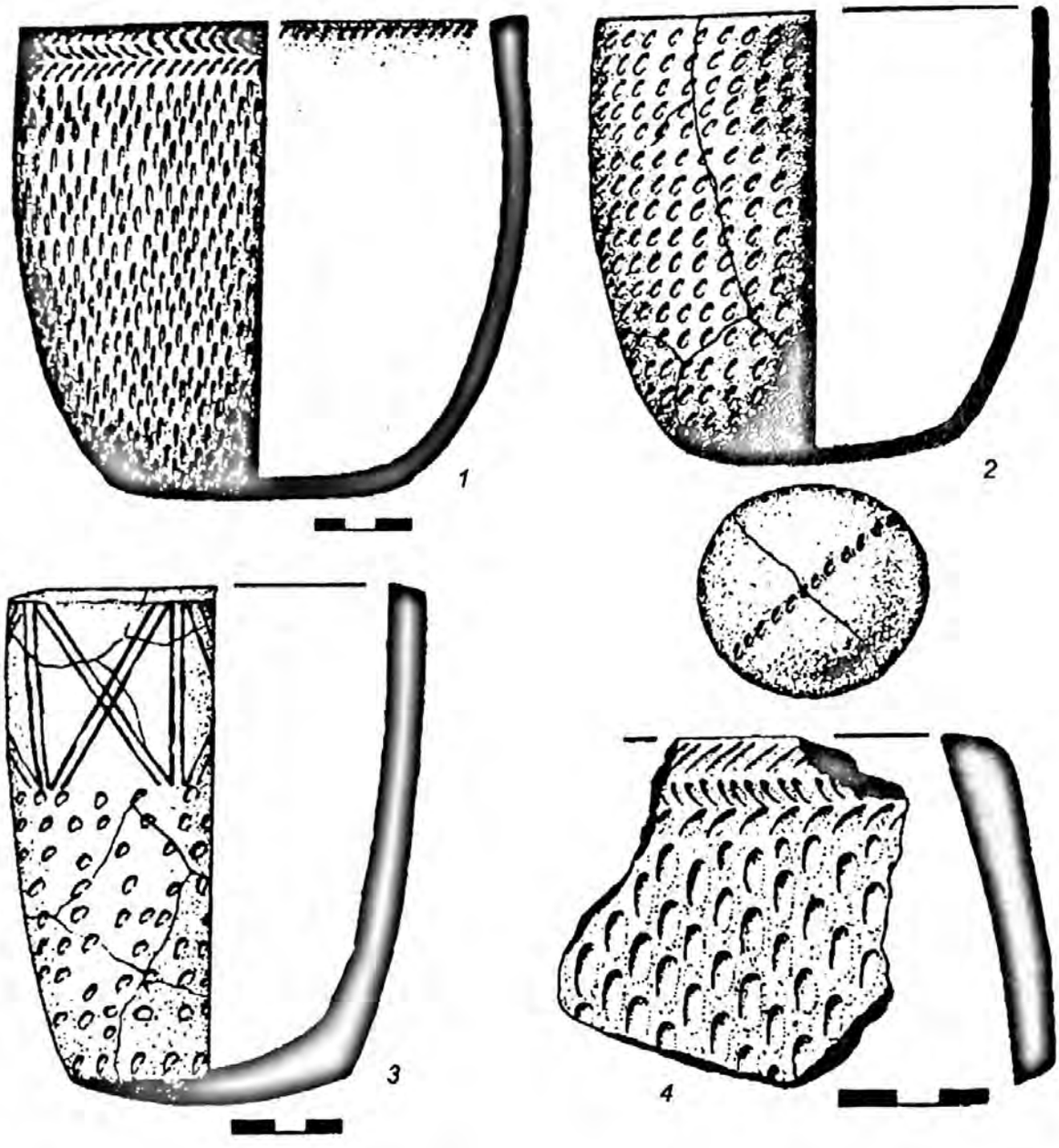

Рис. 1 Керамика новоселовской группы:
1 – Карасук II, мог. 3; *2* – Новоселовская Пристань I, мог. 2; *3* – Потрошилово, кург. 24, мог. 2; *4* – Шишка, сборы (*1–2* – по М.Н. Комаровой; *3–4* – рисунки автора)

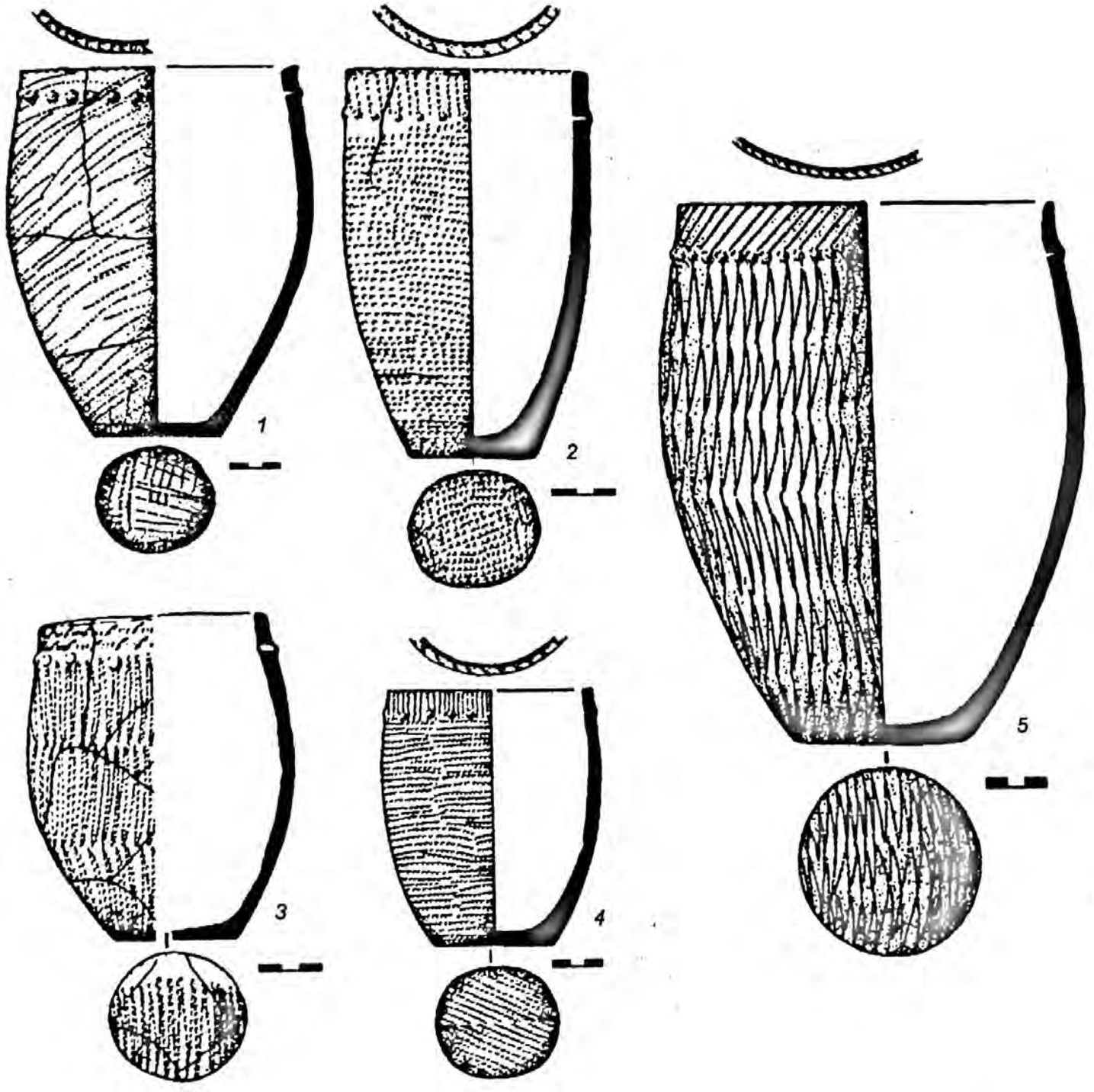

Рис. 2 Керамика бельтыро-камыштинской группы:
1, 4 – Бельтыры, огр. 6; *2* – Камышта – «Большое кольцо», мог. 2; *3* – Красный Яр II, кург. 6, мог. 3; *5* – Верх. Аскиз (рисунки автора)

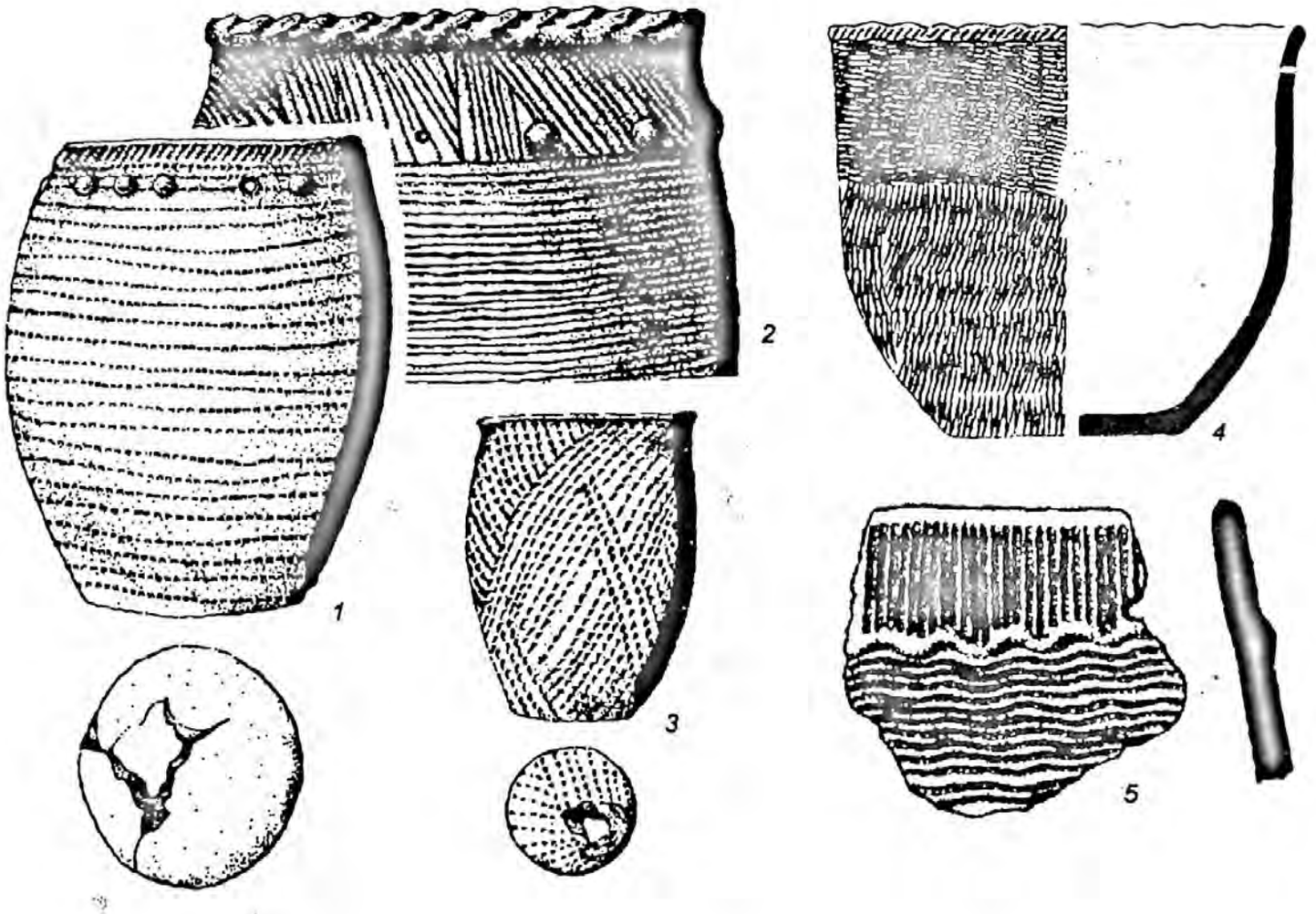

Рис. 3 Западносибирские параллели керамике бельтыро-камыштинской группы:
1–3 – керамика кротовской культуры из могильника Сопка-2 (по В. И. Молодину, Е. В. Ламиной);
4–5 – керамика елунинской культуры из могильника Телеутский Взвоз 1;
(по Ю.Ф. Кирюшину, А.А. Тишкину, С.П. Грушину)

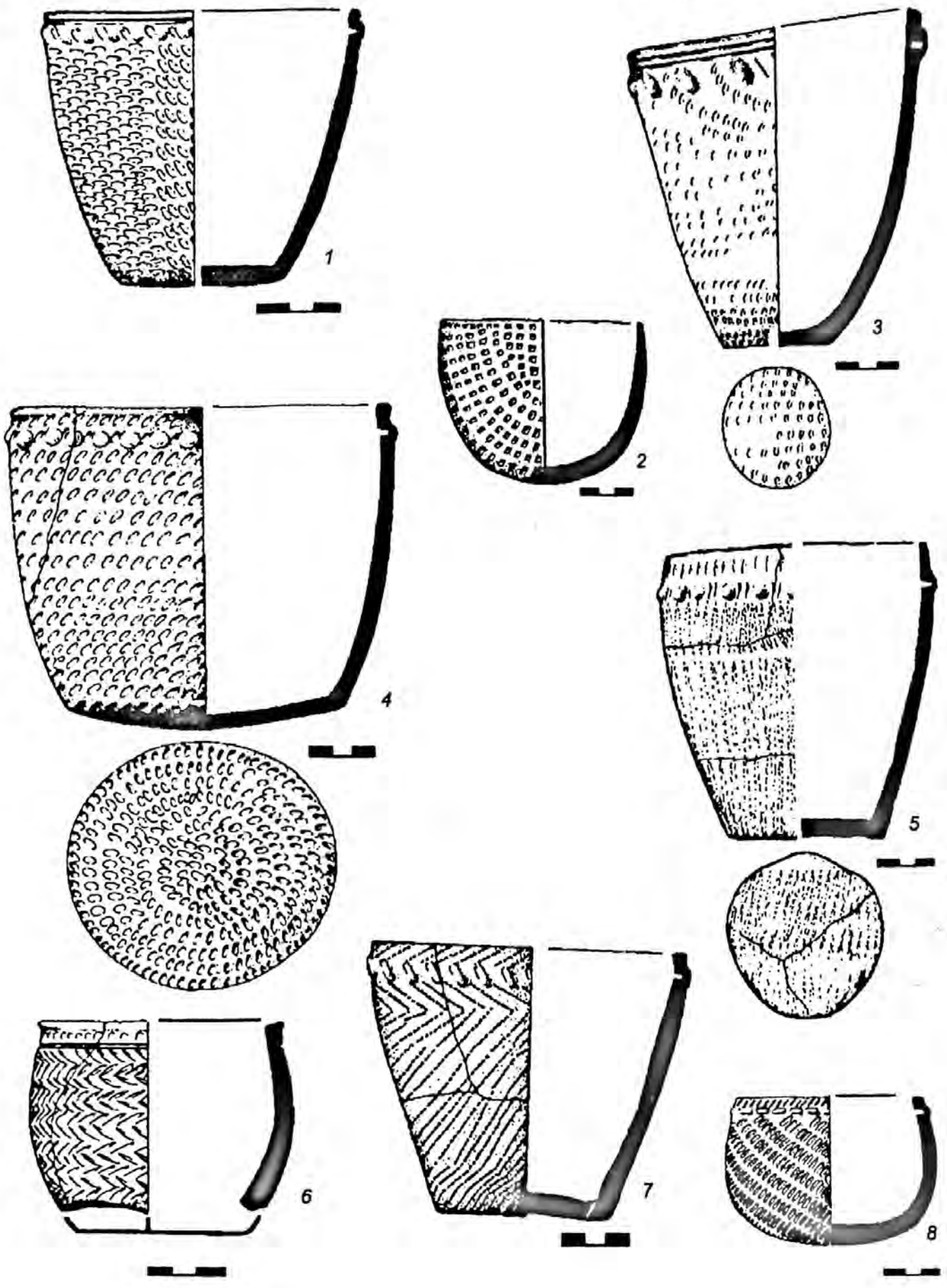

Рис. 4 Керамика уйбатско-лебяжинской группы:
1, 3–4, 6–7 – Батени–Ярки, сборы; *2* – Уйбат III, кург. 1, мог. 6; *5* – База Минторга, мог. 1;
8 – Уйбат I, кург. 1, мог. 3 (*2* – по И.П. Лазаретову, остальное – рисунки автора)

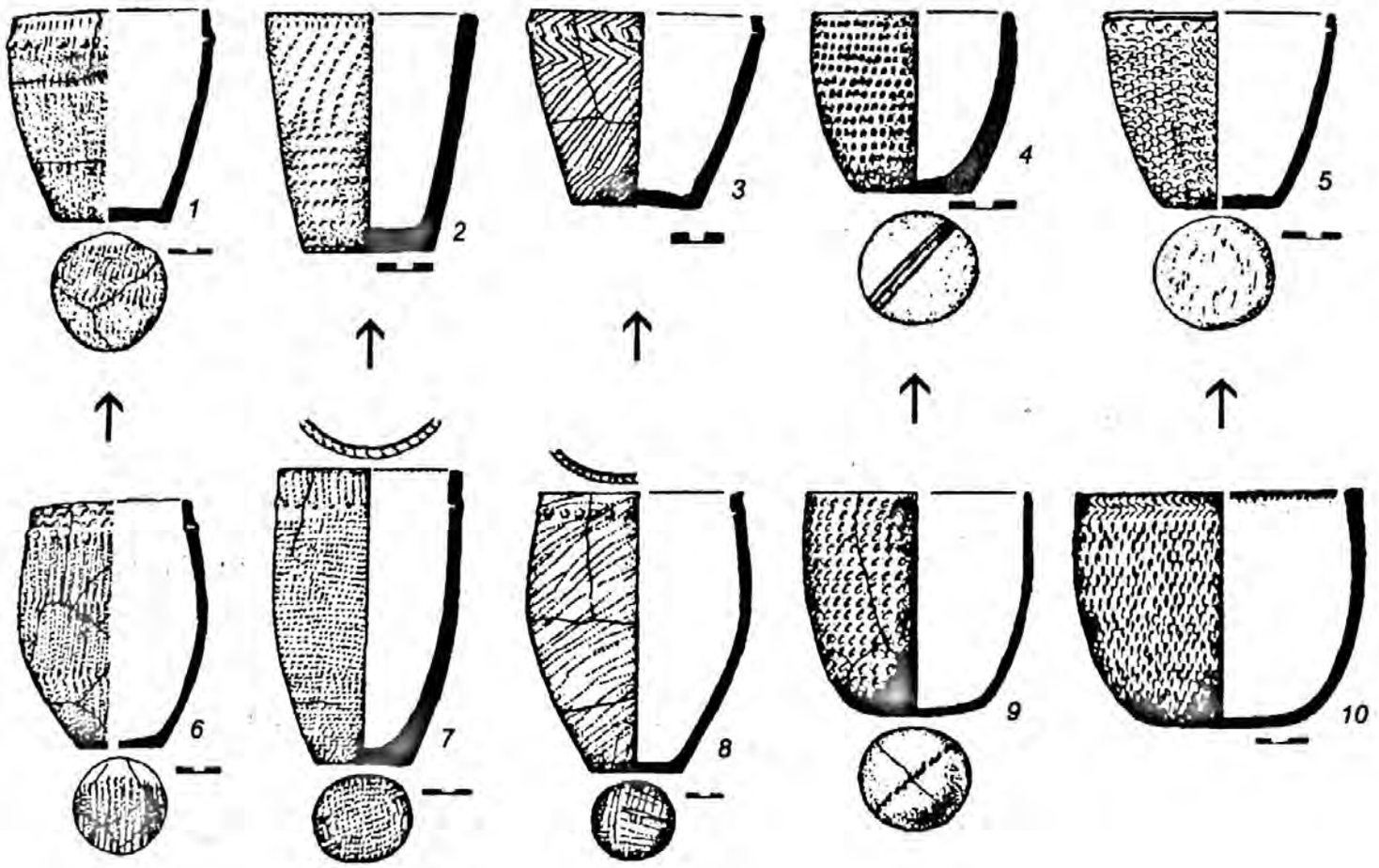

Рис. 5 Примеры взаимосвязей керамики уйбатско-лебяжинской (*1–5*), бельтыро-камыштинской (*6–8*) и новоселовской групп (*9–10*)

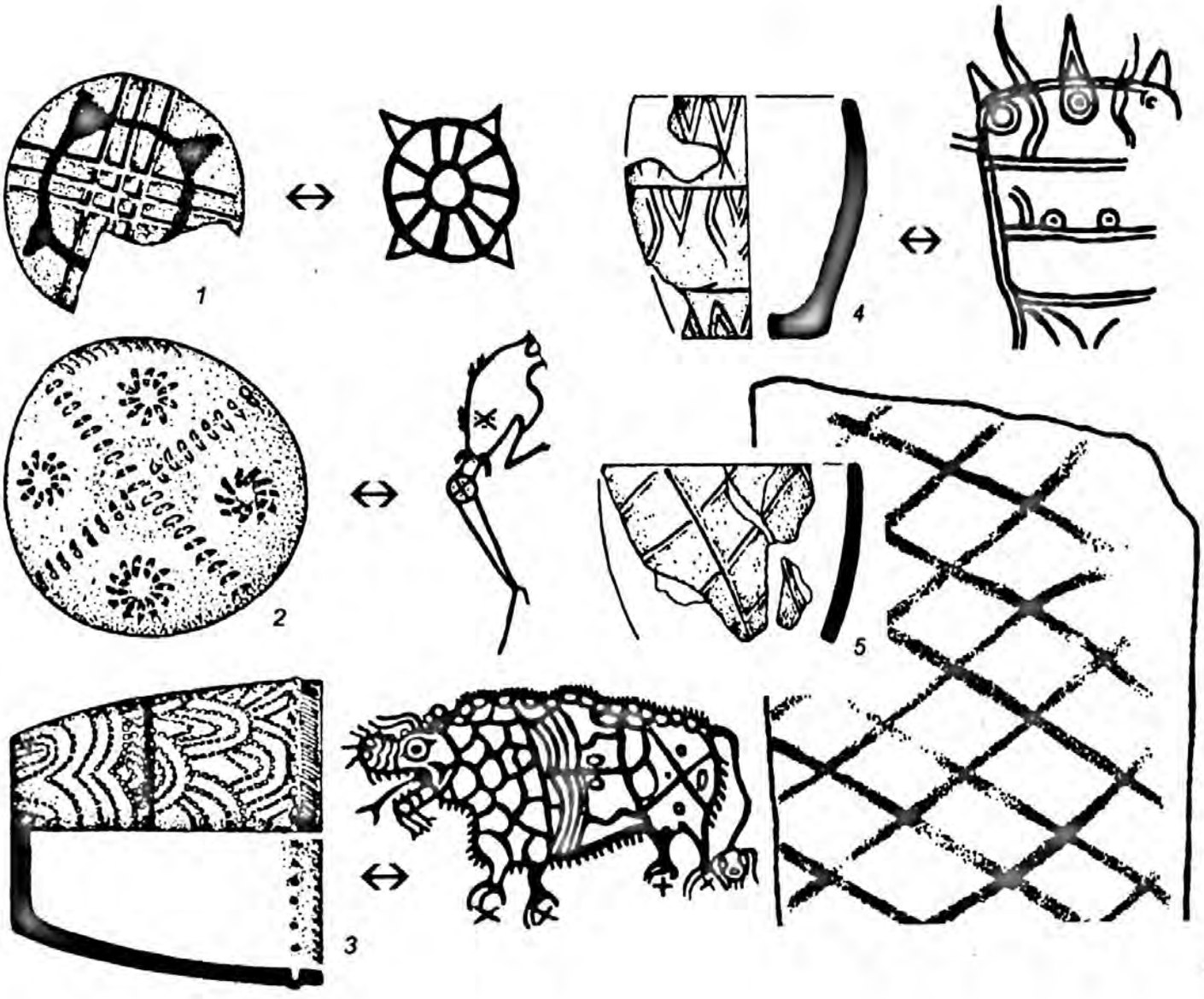

Рис. 6 Примеры аналогий в декоре сосудов и изобразительном искусстве окуневской культуры:
1, 3, 5 – Лебяжье, сборы; *2* – Уйбат V, кург. 1, м. 5; *4* – Уйбат V, к. 2, м. 1
(*1, 3, 5* – по Н.В. Леонтьеву; *2, 4* – по И.П. Лазаретову)

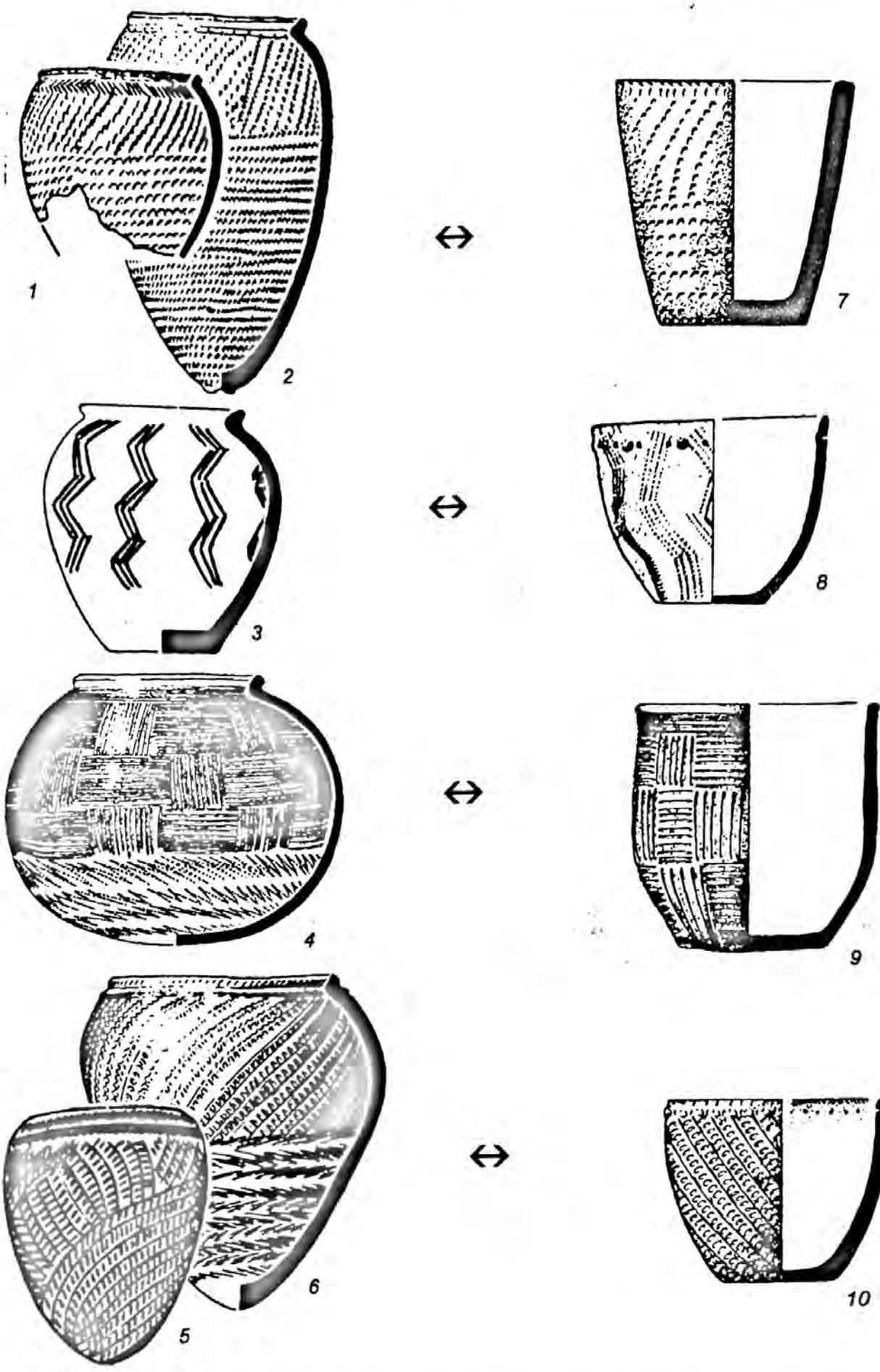

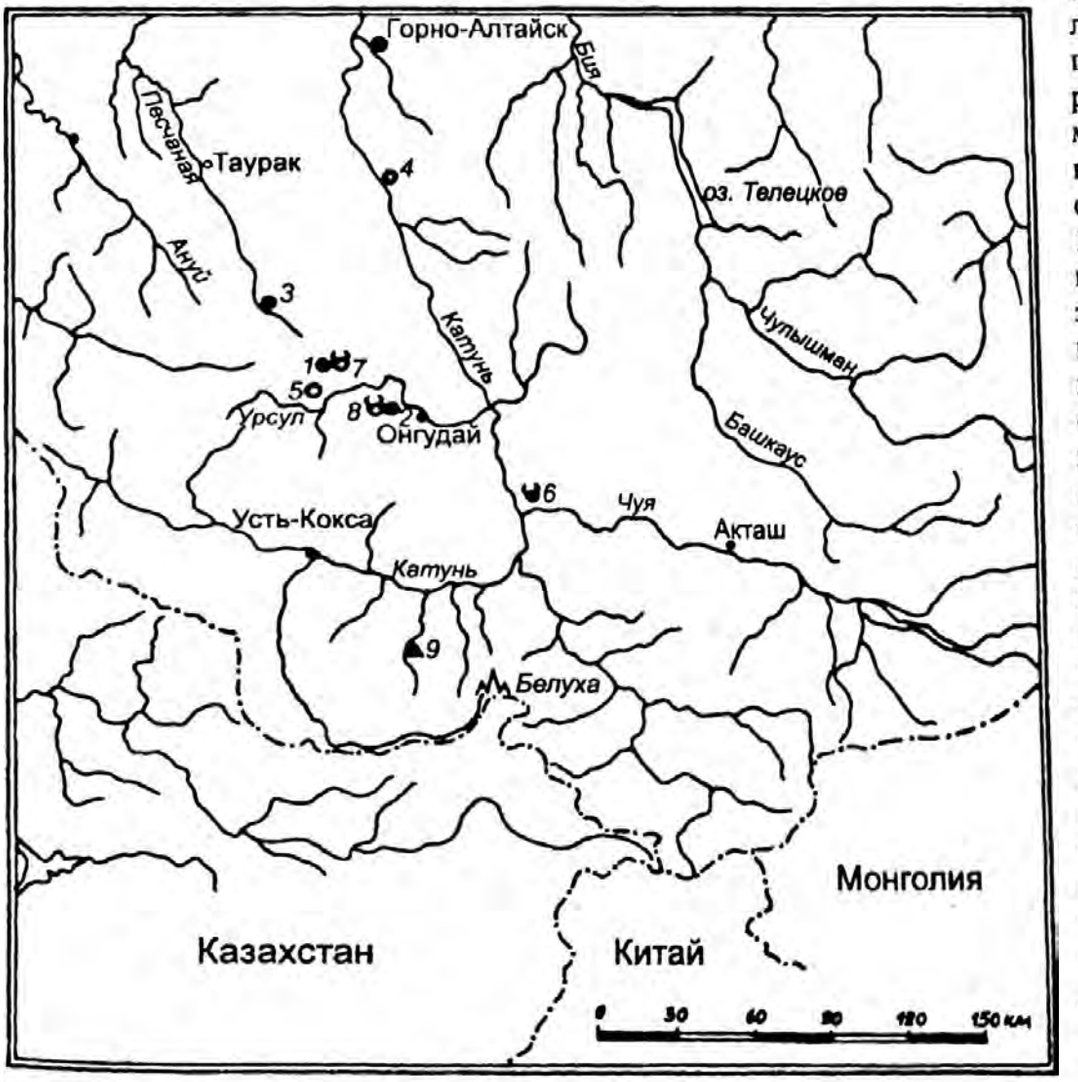
Рис. 7 Примеры аналогий в декоре сосудов афанасьевской (*1–6*) и окуневской (*7–10*) культур:
1 – Карасук-3; *2* – Красный Яр, огр. 14, мог. 3; *3* – Сыда-1, кург. 2; *4* – Сыда-1, кург. 9, мог. 1;
5 – Афанасьева гора, мог. 6; *6* – Саргов, мог. 3; *7, 10* – Лебяжье, сборы;
8 –Красный Яр, огр. 11, мог. 1; *9* – Черновая VIII, кург. 8, мог. 20
(*1, 3–6* – по М. П. Грязнову; *2* – по Э. Б. Вадецкой; *7, 9, 10* – по Г. А. Максименкову)

В.И. Молодин

Каракольская культура

Каракольская культура эпохи бронзы Горного Алтая была открыта благодаря раскопкам А.П. Погожевой могильника у с. Озерное (Погожева, Кадиков, 1979) и В.Д. Кубарева у с. Каракол (Кубарев, 1986) в Онгудайском районе Республики Алтай. Как особая археологическая культура выделена автором (Молодин, 1991). Более подробно характеристика каракольской культуры была дана мною в двух обобщающих работах, вышедших у нас в стране (Молодин, 2002) и за рубежом (Molodin, 2001), а также в монографии В.Д. Кубарева, посвященной Каракольскому могильнику (Кубарев, 1988).

Сейчас количество известных памятников каракольской культуры несколько возросло, хотя, к сожалению, все они представлены разрушенными могильниками и погребениями, поэтому могильник Каракол, исследованный В.Д. Кубаревым, по-прежнему остается базовым памятником.

● - могильник каракольской культуры
○ - могильник предположительно каракольской культуры
Ʊ - наскальные рисунки каракольской культуры
▲ - культовый комплекс предположительно каракольской культуры

1 - Озерная; *2* - Каракол; *3* - Беш-Озек; *4* - Усть-Куюм; *5* - Кара-Коба; *6* - Калбак-Таш; *7* - Озерная; *8* - Торгун; *9* - Кучерла-1 (Куйлю)

Рис. 1 Горный Алтай. Памятники каракольской культуры

Вместе с тем, за последние годы пополнилась информация, касающаяся абсолютных датировок каракольских памятников (Кубарев, 1995) и их антропологического осмысления (Чикишева, 1995), появились и еще некоторые источники, позволяющие сделать попытку связать их с данной культурой. Кроме того, существенно пополнилась источниковая база по окуневской культуре, соседствующей с каракольской, проблемам которой была посвящена специальная конференция «Проблемы изучения окуневской культуры» проходившая на кафедре археологии СПбГУ (Савинов, 1996а), а затем издан прекрасный тематический сборник (Окуневский сборник, 1997). Все это, по-видимому, предопределило обращение редакторов настоящего сборника с просьбой дать обобщающую статью, посвященную каракольской культуре.

Памятники каракольской культуры локализованы в центральной части Горного Алтая (рис. 1), что позволяет надежно связывать территорию ее распространения с этой

горной областью. Ниже мы даем краткое описание известных на сегодня объектов, относящихся к данной культуре.

Озерное. Первое погребение на могильнике обнаружено строителями. В каменном ящике покоился взрослый мужчина, лежавший на спине в вытянутом положении, головой на запад. Здесь же обнаружен баночный плоскодонный сосуд, обломок медной пластины и створка каменной литейной формы. Вышеназванные предметы были впоследствии опубликованы (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, рис. 4, *1*, *2*; Суразаков 1982, рис. 6, *1*).

Рис. 2 Изображение на каменном ящике из могильника Озерное (раскопки А.П. Погожевой – Погожева, Кадиков, 1979)

Погребения 2, 3, 4 были исследованы А.П. Погожевой. Погребение 2 представляло собой каменный ящик, частично разрушенный. На дне его обнаружены следы дерева и охры. В восточных углах ящика лежало по 5 когтей медведя. От умершего сохранилось лишь несколько костей, сильно пропитанных охрой.

Погребение 3 оказалось полностью разрушенным. До нас дошли лишь плиты саркофага и кости ребенка.

Погребение 4 представляло собой небольшой каменный ящик. Покойник первоначально был завернут в бересту. От самого погребенного сохранились только разрозненные кости скелета. Вероятно, захоронение младенца было потревожено норами грызунов. На восточной торцевой плите было обнаружено аморфное пятно охры. На западной торцевой плите выявлено антропоморфное изображение, выполненное сухой охрой (рис. 2 – Погожева, Кадиков, 1979, с. 80–84).

Впоследствии, усилиями В.Д. Кубарева, В.И. Соенова и А.В. Эбеля в с. Озерное были выявлены новые объекты каракольской культуры, которые, к сожалению, оказались сильно разрушенными (Кубарев, Соенов, Эбель, 1992, с. 49–51; Кубарев, 1992). Тем не менее, благодаря этим работам удалось установить еще одну важную конструктивную особенность сооружения каракольского некрополя, а именно, возведение прямоугольной или квадратной каменной ограды размерами приблизительно 10×10 м. Сохранились четыре погребения в каменных ящиках, помещенные в центре и по бокам ограды.

Погребение № 1 (центральное) сильно потревожено. По данным строителей погребенный был завернут в бересту, в могилу был помещен в полусидячем положении (вероятно на спине, с поднятыми вверх коленями), головой на ЗСЗ, обильно посыпан охрой. На внутренней стенке ящика красной охрой выполнено изображение рожающей женщины (рис. 3).

Погребение № 2 также представляло собой каменный ящик. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СЗС, сильно окрашен красной охрой, вокруг глазниц черная краска, завернут в бересту. В заполнении ящика обнаружены фрагменты неорнаментированной керамики. Присутствуют следы огня. На внутренних сторонах двух продольных плит – следы несохранившихся рисунков, выполненных охрой. По верхнему торцу каменного ящика нанесена красная полоса шириной 6–7 см.

Погребение № 3 представлено небольшим каменным ящиком, в котором обнаружены разрозненные кости ребенка. В могиле также присутствовала береста, охра и следы огня. На внутренней стороне западной плиты ящика – рисунок, выполненный красной охрой и напоминающий рог оленя или схематичное изображение лодки с людьми.

Погребение № 4 оказалось полностью разрушенным, однако на двух сохранившихся плитах, кроме обрамляющей верх полосы охры обнаружена полихромная живопись, выполненная эскизной гравировкой, красной и черной красками и протиркой, дающей белый цвет. Изображены антропоморфные фигуры в головных уборах, с ластовидными предметами в обеих руках.

Рис. 3 Изображение на каменном ящике из могильника Озерное (раскопки В.Д. Кубарева, В.И. Соенова и А.В. Эбеля – Кубарев, 1995)

Кроме этих четырех погребений на разрушенном памятнике были собраны многочисленные плиты, в том числе с чашечными углублениями, а также обнаружены кострища, имеющие, по мнению авторов раскопок, несомненное отношение к некрополю (Кубарев, Соенов, Эбель, 1992, с. 51).

Каракол. Погребения Каракольского могильника детально охарактеризованы исследователем памятника В.Д. Кубаревым в специальной монографии (1988). Данное обстоятельство избавляет меня от необходимости подробного их описания. Я ограничусь лишь предельно краткой характеристикой погребений, уместной в контексте данной работы.

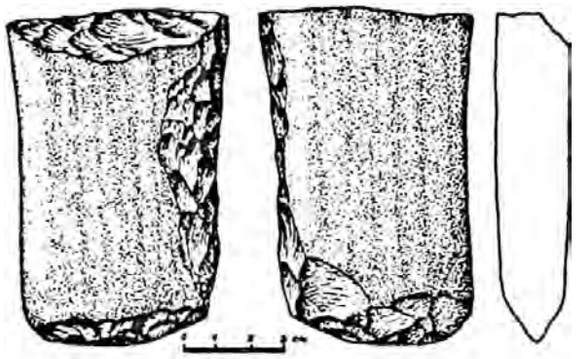

Рис. 4 Заготовка каменного тесла из второго погребения могильника Каракол (раскопки В.Д. Кубарева – Кубарев, 1988)

С курганом № 2 было связано четыре захоронения. Курган представлял собой каменно-земляную насыпь около 20 м в диаметре. Судя по приводимому рисунку, прослеживалась каменная ограда (Кубарев, 1988, рис. 4).

Погребение № 1, расположенное в центре сооружения, отличалось по обряду и инвентарю от остальных (каракольских), к тому же найденный в нем сосуд относится к афанасьевской культуре. Это позволяет предполагать, что афанасьевская ограда была вторично использована каракольцами, что подтверждает захоронение № 4, расположенное за оградой.

Погребение № 2 представляло собой каменный ящик, впущенный в яму. Погребен мужчина, который лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. На черепе следы черной, красной и серебристой краски. В западной части ямы найдено каменное тесло (рис. 4). На всех плитах ящика сохранились рисунки, выполненные гравировкой, выбивкой и краской (рис. 5). Торец ящика изнутри оконтурен красной полосой.

Погребение № 3. Представляло собой каменный ящик, впущенный в яму. На дне ящика, выло-

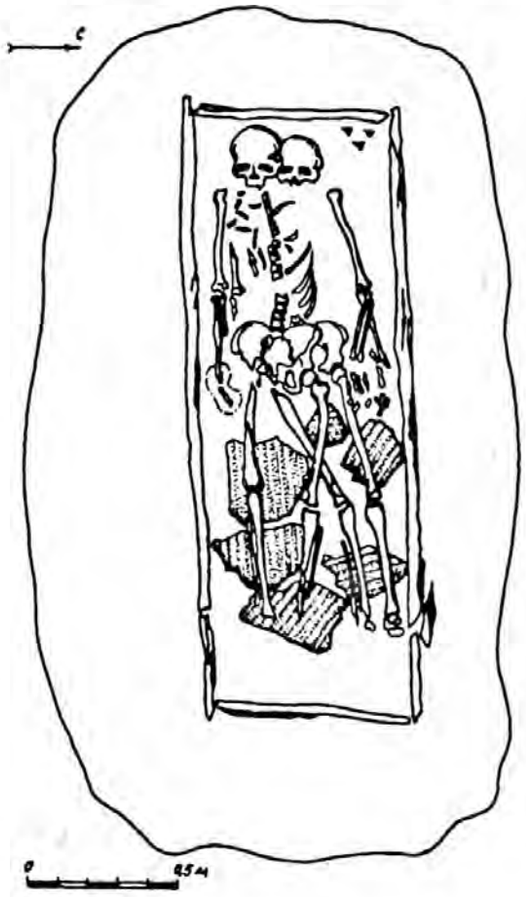

Рис. 6 Погребение № 3 могильника Каракол (раскопки В.Д. Кубарева – Кубарев, 1988)

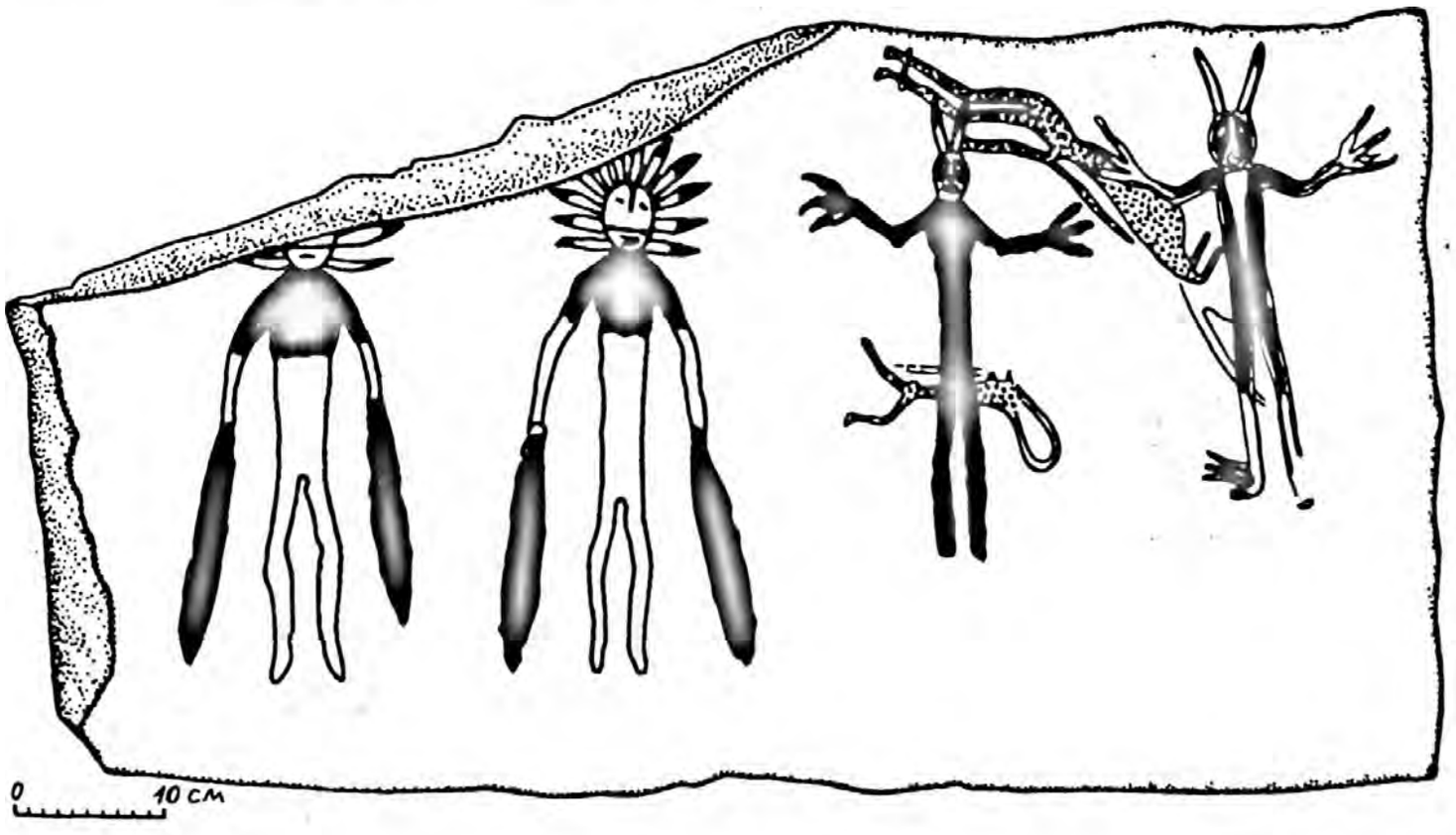

Рис. 5 Изображения на каменном ящике из могильника Каракол (раскопки В.Д. Кубарева – Кубарев, 1988)

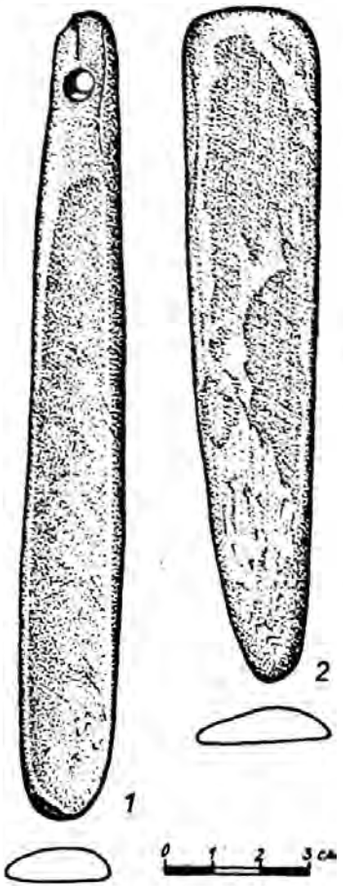

Рис. 7 Каменные орудия из погребения могильника Беш-Озек: *1* – осслок; *2* – тесловидный предмет (раскопки А.Е. Суразакова и О.В. Ларина – Суразаков, Ларин, 1994)

женного сланцевыми плитами, находилось двухъярусное погребение двух взрослых мужчин (рис. 6). Оба лежали на спине в вытянутом положении, головой за запад. В могиле присутствовала охра. На черепе нижнего погребенного следы черной и серебристой краски. Выбитые рисунки обнаружены на боковой и торцевой стенках плит. По периметру торцевая плита оконтурена красной полосой охры.

Погребение № 4 находилось за пределами насыпи и отнесено к нему условно. Каменный ящик вписан в грунтовую яму. Скелет ребенка лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад. Череп окрашен охрой.

Погребение № 5, частично разрушенное, но также несомненно относящееся к каракольской культуре, было обнаружено случайно. Наземное сооружение отсутствовало. Исследованная уцелевшая часть конструкции представляла собой каменный ящик, вписанный в яму. Взрослый человек лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад. На черепе отмечены следы черной, серебристой и красной краски. На внутренних стенках ящика сохранились изображения, выполненные выбивкой, гравировкой и красной охрой.

Беш-Озек. В центре одноименного села было обнаружено погребение каракольской культуры, исследованное А.С. Суразаковым и О.В. Лариным (Кубарев, Ларин, Суразаков, 1992, с. 45–47). Какие-

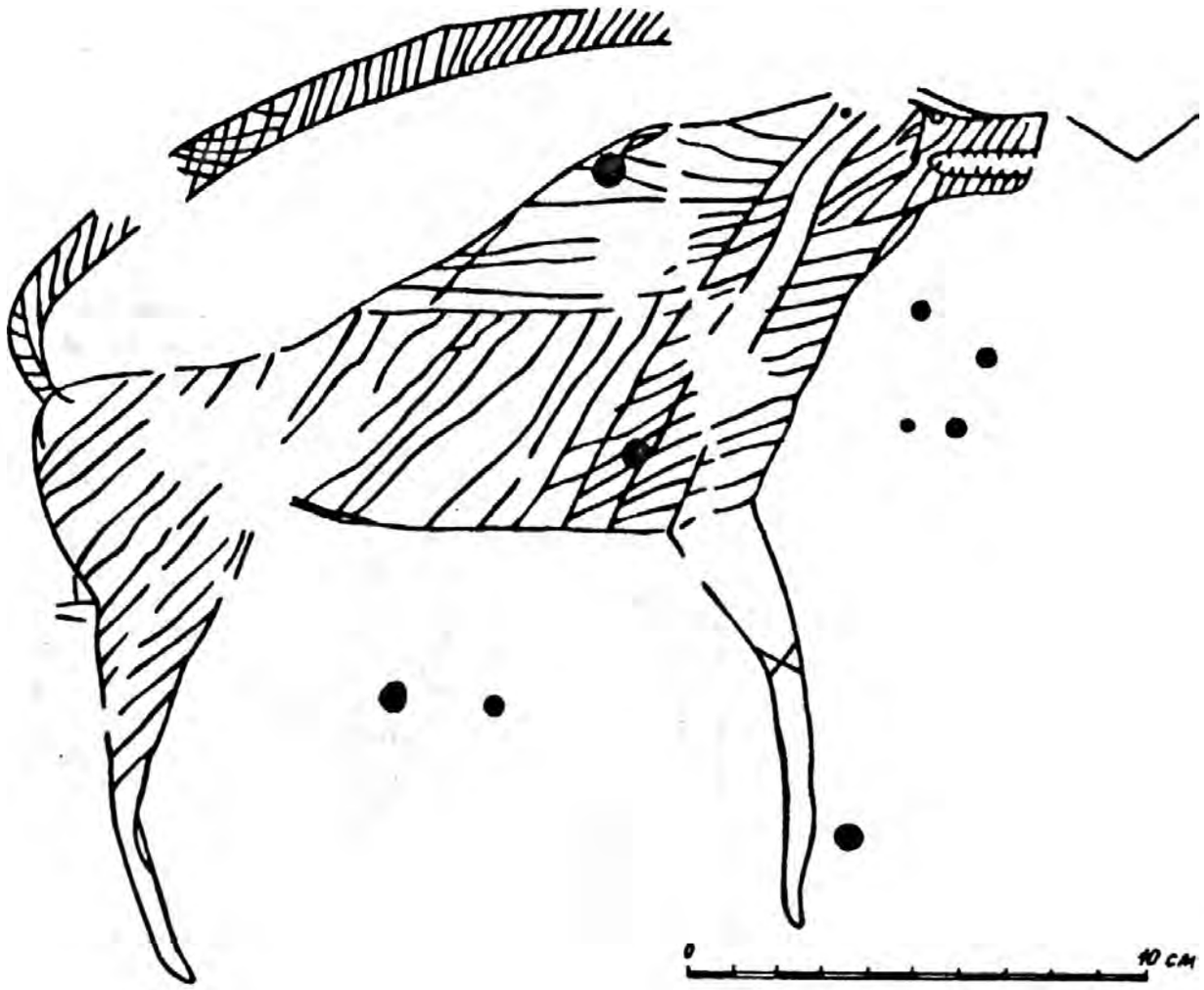

Рис. 8 Изображение на каменном ящике из могильника Беш-Озек (раскопки А.С. Суразакова и О.В. Ларина – Суразаков, Ларин, 1994)

либо надмогильные сооружения не выявлены. В каменном ящике обнаружено захоронение взрослого человека, который лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Около тазовых костей найден комок охры, обломок лезвия бронзового ножа, каменный оселок с отверстием на одном конце (рис. 7, *1*), продолговатая каменная пластина (рис. 7, 2) с заточенной рабочей частью (Кубарев, 1998, рис. 1; Суразаков, Ларин, 1994). На трех плитах каменного ящика сохранились разнообразные рисунки, выполненные гравировкой, выбивкой, протиркой и красной охрой. Это антропоморфные фигуры и изображение собаки (рис. 8) (Суразаков, Ларин, 1994; Кубарев, 1998, рис. 1).

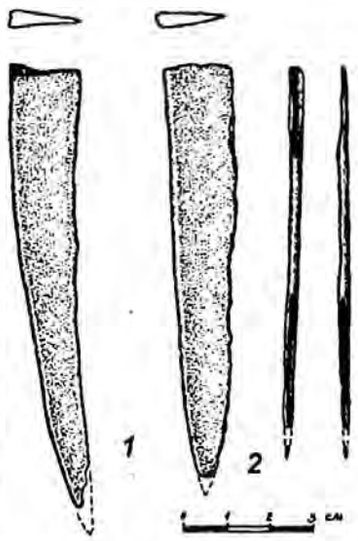

Рис. 9 Усть-Куюм. Бронзовые орудия: *1* – обломок ножа из погребения № 25; *2* – обломок ножа и острие из погребения № 26 (раскопки Е.М. Берс – Берс, 1974)

Кроме этих могильников, несомненно каракольских, можно назвать еще несколько объектов, которые со значительной долей вероятности следует отнести к этой культуре.

Усть-Куюм. Могильник расположен на левом берегу р. Куюм близ впадения ее в Катунь. Часть памятника исследована в тридцатых годах XX в. С.М. Сергеевым и Г.П. Сосновским, в шестидесятых годах раскопки были продолжены Е.М. Берс. Она ввела в научный оборот неопубликованные ранее материалы (Берс, 1974, с. 18–31). Я уже писал, что часть захоронений этого памятника можно отнести к каракольской культуре (Молодин, 2002). Приведем их краткое описание.

Погребение № 1 (раскопки С.М. Сергеева). Вероятно наличие каменного ящика. Взрослый человек лежал на спине, головой на СЗ. Скелет засыпан красной охрой. В заполнении – фрагменты керамики.

Погребение № 2 (раскопки С.М. Сергеева) представлено полностью разграбленным захоронением в каменном ящике.

Погребение № 10 (раскопки Е.М. Берс) представлено парным захоронением в каменном ящике. Взрослый человек лежал на спине, с поднятыми вверх коленями, ребенок – вытянуто на спине, головой на юго-запад. В засыпке ящика – охра.

Погребение № 11 (раскопки Е.М. Берс). Разграбленное погребение в каменном ящике. Найдены обломки сосуда с ямочным орнаментом.

Погребение № 20 (раскопки Е.М. Берс). В каменном ящике обнаружены лежавшие в полном беспорядке кости двух подростков. Встречена охра. Найдены две костяные бусинки.

Погребение № 25 (раскопки Е.М. Берс). В каменном ящике – захоронение ребенка, положенного в скорченном положении, на правом боку, череп присыпан охрой. В погребении, судя по описанию, обнаружены уникальные предметы. Во-первых, костяная рукоять ножа с навершием в виде головы волка (Берс 1974, рис. 10, *5*) и обломок бронзового однолезвийного ножа (рис. 9, *1*). Кроме того, как пишет Е.М. Берс: «У угла северо-западной стенки ящика в выкладку воткнута стела из валуна длиной 46 см. На одной ее стороне выбито лицо человека в шапке, на другой – рыба таймень» (там же, с. 31). К сожалению, прорисовка этой уникальной находки Е.М. Берс не опубликована.

Погребение № 26 (раскопки Е.М. Берс). В каменном ящике обнаружено скорченное захоронение ребенка. В погребении найдены острие из бронзы и фрагмент бронзового ножа (рис. 9, 2).

Важно, как отмечает Е.М. Берс, что эти захоронения с литыми бронзовыми предметами, вероятно, более поздние, чем доминирующие на могильнике – афанасьевские (там же, с. 31).

Кроме того, на памятнике, к сожалению, вне погребального комплекса, была обнаружена каменная пряжка – голова медведя (рис. 10). Елизавета Михайловна считала ее льячкой (Берс 1974, рис. 6). Находки in situ абсолютно аналогичных предметов, изготовленных из капа, в погребениях кротовской культуры не оставляют сомнений в том, что это поясная пряжка, к тому же, несомненно, более поздняя, чем афанасьевская культура (Молодин, 1994, с. 82–86).

Кара-Коба-1. С.В. Цыб исследовал ограду размерами приблизительно 5×5 м – четыре соору-

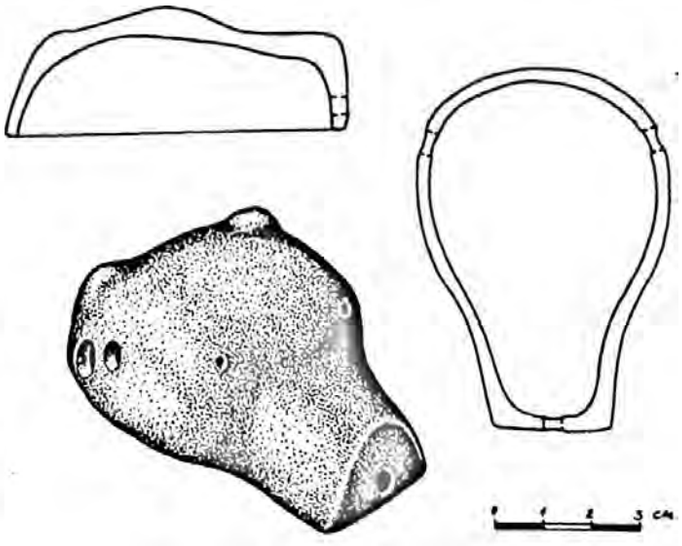

Рис. 10 Каменная поясная пряжка в виде головы медведя (раскопки Е.М. Берс – Молодин, 1994)

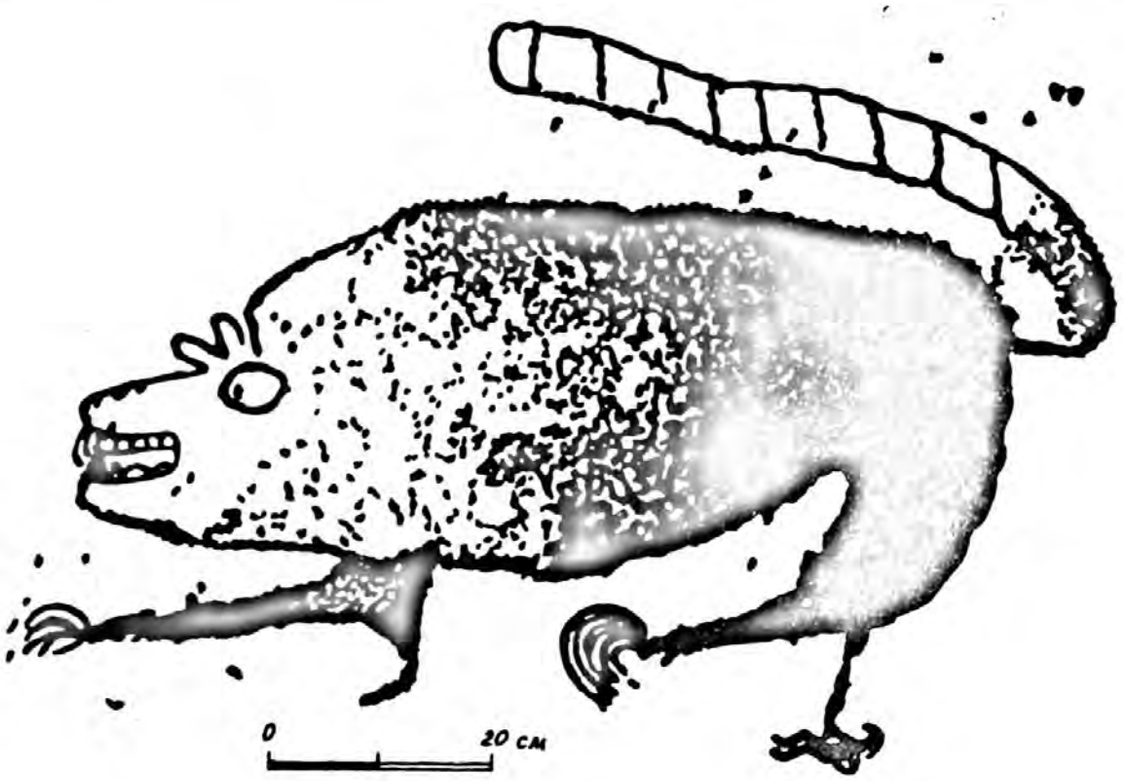

Рис. 11 Фантастический хищник. Петроглифы Калбак-Таш (исследования В.Д. Кубарева – Kubarev, Jacobson, 1996)

жения из вертикально поставленных плит. В центре ограды – грунтовая могила, в которой сооружен каменный ящик. Погребен ребенок, завернутый в бересту. Положение и ориентация умершего не установлены (Степанова 1994, с. 49–50). Представляется, что отнесение данного комплекса к каракольской культуре вполне допустимо.

В конце восьмидесятых годов на могильнике *Улита* близ села Куюм было раскопано погребальное сооружение эпохи бронзы (Мамадаков, Цыб, 1991, с. 57–59). Впоследствии ему было посвящено специальное исследование (Цыб, Мамадаков, Степанова, 1998), где авторы однозначно пишут о том, что если этот комплекс и имеет отношение к каракольской культуре, то не более чем как к локальному варианту последней (Цыб, Мамадаков, Степанова, 1998, с. 25). По-видимому, это замечание справедливо, и от отнесения данного комплекса к каракольской культуре следует пока воздержаться.

Таковы памятники, открытые и исследованные на сегодня в Горном Алтае, которые следует относить к каракольской культуре.

Кроме того, уместно отметить, что в Центральной части Горного Алтая можно предполагать наличие еще двух могильников каракольской культуры. Один из них находится практически в черте с. Онгудай и представляет собой цепочку земляных курганов, отношение которых к каракольской культуре весьма вероятно. Первооткрывателем этого могильника был В.Т. Петрин, который и указал автору на его своеобразие. Столь же вероятно, по моему мнению, отнесение к каракольской культуре крупного земляного кургана Башадарского могильника у с. Кулада, где пазырыкские памятники были исследованы С.И. Руденко (1960). Сергей Иванович приводит в своей монографии план этого могильника, где данный курган обозначен (Руденко, 1960). Этот объект практически не потревожен до нашего времени.

Очевидно, что целенаправленный поиск могильников каракольской культуры в описываемом регионе даст новые материалы.

Кроме погребальных комплексов к каракольской культуре несомненно относится ряд наскальных изображений, выделяемых на основе их иконографического тождества с рисунками на стенках погребальных ящиков, имеющих непосредственное отношение к захоронениям.

Прежде всего это изображение хищника из Калбак-Таша (Кубарев, 1992, с. 47–48; Кубарев, Маточкин, 1992; Kubarev, Jacobson, 1996), (рис. 11), а также наскальные изображения Озерная и Торгун, расположенные в непосредственной близости от каракольских могильников у с. Озерное и Каракол (Миклашевич, 2000, рис. на с. 41, позиция 2) и другие изображения.

Весьма вероятно, что к этой культуре относится плита с изображением животных из окрестностей того же села Озерное (Молодин, Погожева, 1990), а также стелы окуневского типа в Куруузеке, каменная «голова» с р. Елангаш и обломок изваяния из окрестностей р. Ини в Онгудайском районе. В.Д. Кубарев справедливо датирует эти памятники доскифским временем и приводит аналогии второму изваянию на окуневских стелах (Кубарев, 1979, с. 9, рис. 1, 2; 1988, с. 88–90).

Таким образом, можно сказать, что памятники каракольской культуры представлены на сегодня погребальными комплексами, петроглифами и, возможно, стелами.

Имеющиеся в нашем распоряжении каракольские могильники дошли до нас в очень плохом состоянии, что существенно осложняет задачу по характеристике обрядовой практики. Тем не менее, определенные ее черты установить все-таки возможно. Очевидно, что для носителей культуры было характерно возведение каменно-земляных курганов над захоронением или погребениями, как это было зафиксировано в Озерном (Погожева, Кадиков, 1980) и в Караколе (Кубарев, 1988). Очевидно, существование грунтовых могильников, обнесенных каменной четырехугольной оградкой, как это было зафиксировано в могильниках Озерное (Кубарев, Соенов, Эбель, 1992) и Каракол (Кубарев, 1988). Очевидно, также существование обычая подхоранивания каракольцев в афанасьевские курганы. Проявление этого обычая мы видим в каракольском могильнике (курган 2) (Кубарев, 1988), возможно, в могильнике Межелик-1, где захоронения в каменных ящиках впущены в центр афанасьевских сооружений (Кирюшин, Абдулганеев, Цыб, 1986), и, вероятно, в Усть-Куюме (Берс, 1974). Следует отметить, что все эти черты погребальной практики характерны для окуневской культуры.

Погребения представляют собой грунтовые ямы, в которые вставлялись каменные прямоугольные ящики. Количество плит, из которых сооружался ящик, не было принципиальным. Плиты подпрямоугольные, тщательно подогнаны друг к другу. В отдельных случаях погребение сделано из плоских блоков, края которых выступают за пределы ящика. Некоторые ящики изнутри были покрыты изображениями, нанесенными краской, гравировкой и выбивкой, что зафиксировано на ряде могильников (Погожева, Кадиков, 1979; Кубарев, 1988; Суразаков, Ларин, 1994). Могильные ямы ориентированы по линии запад-восток. В заполнении могил обнаружены остатки дерева и бересты, а также охра. Типичен обряд трупоположения. Погребенные лежат на спине, в вытянутом положении, головой на запад (Кубарев, 1988). В Каракольском могильнике обнаружено ярусное погребение двух взрослых мужчин (Кубарев, 1988). На черепах погребенных зафиксированы следы красной, черной и серебристой краски. Инвентарь, помещаемый в могилу, крайне беден и маловыразителен. Не исключено, что он сводился прежде всего к одежде и поэтому не сохранился.

Предметы, обнаруженные в могилах, пока крайне малочисленны и при этом они часто происходят из разрушенных комплексов. Тем не менее, они дают представление, по крайней мере, об эпохе, к которой следует относить каракольскую культуру.

Керамика каракольской культуры представлена прежде всего сосудом (рис. 12) из могильника

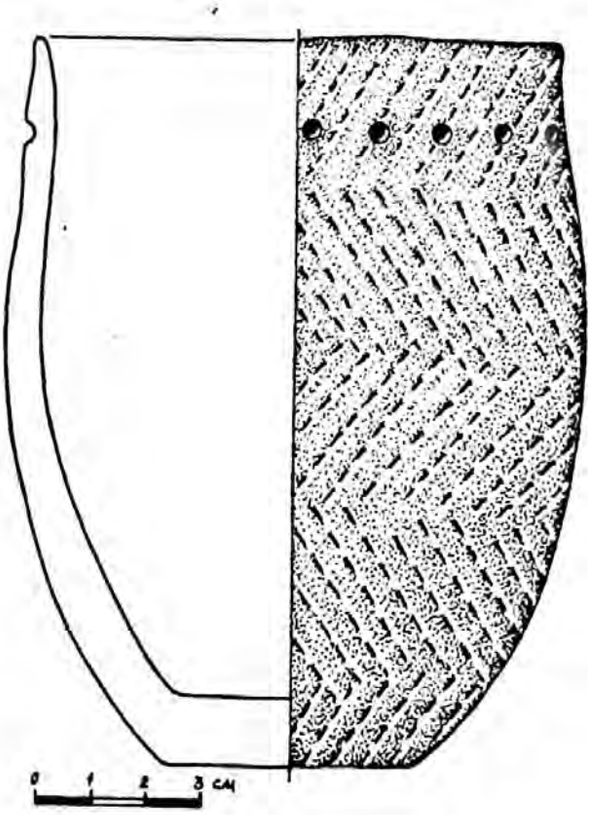

Рис. 12 Сосуд из могильника Озерное. Случайная находка (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982)

Озерное (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982). Он небольших размеров, плоскодонный, баночной формы, с несколько одутловатым в нижней части туловом. Венчик украшен горизонтальным рядом ямочных наколов, а все тулово – поясками из горизонтальных елочных зигзагов. По-видимому, аналогичный сосуд баночной формы, орнаментированный ямочным узором по всей поверхности, включая дно, с рядом жемчужин под венчиком, обнаружен автором при исследовании рыхлых отложений жертвенника Кучерла 1 (Куйлю) на одноименной реке (Молодин, Ефремова, 2001). К сожалению, культурный слой стратиграфически выделить не удалось, тем не менее, керамический комплекс типологически весьма выразителен и более всего сопоставим с сосудом из Озерного.

В настоящее время в погребальных и поселенческих памятниках Горного Алтая выделяется комплекс баночной посуды, напоминающей, по мнению исследователей, баночную андроновскую керамику, и это действительно так (Ларин, 1988; Степанова, 1990; 1994; Кирюшин Ю., Кунгуров, Долинин, Кирюшин К., 1992; Цыб, Мамадаков, Степанова, 1998). Говорить же однозначно о возможной принадлежности этой посуды к каракольской культуре пока не приходится. Слишком мала информация (всего один сосуд, да и то из разрушенной могилы), позволяющая выделить характерные черты каракольской керамики. Вместе с тем, керамический и вещественный комплекс из Денисовой пещеры (Деревянко, Молодин, 1994) можно не смешивать с каракольским, а однозначно отнести к елунинской культуре.

Эпохальную близость к сосуду из Озерного демонстрирует погребальная посуда кротовской культуры могильника Сопка-2 (Молодин, Ламина, 1989), а также посуда из архитектурно-фортификационных сооружений *све* окуневской эпохи Чебаки (Готлиб, 1997, табл. V, *14*, *15*, *17*, *23* и др.) и окуневских могильников (Лазаретов, 1997, табл. XXII, *5*; Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, табл. XXVII, *8*; XXIX, *6*). В погребении могильника Озерное вместе с выше охарактеризованным сосудом была обнаружена створка литейной формы для отливки бронзового кельта-лопатки (рис. 13). Ближайшей аналогией этому предмету является створка формы из поселения Самусь IV (Черных, Кузьминых, 1989.рис. 80, *7*), а также кельт из Семипалатинска, отлитый в близкой по параметрам литейной форме (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 22, *5*). Вообще говоря, подобные формы редки. Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых отмечают, что эти предметы тяготеют к орудиям, распространенным в предгорьях Алтая, Тянь-Шаня, Памира, и выделены Е.Е. Кузьминой в особый (второй) тип ее классификации (Черных, Кузьминых, 1989, с. 154; Кузмина, 1966, с. 24, 25). Эта ориентация может быть крайне важной в плане определения вектора направления культурных связей носителей каракольской культуры.

Каменное тесло (рис. 4), обнаруженное в каракольском могильнике, а также шлифованное тесловидное орудие из Беш-Озека (рис. 7, *2*) в пространственно-временном отношении встречаются достаточно широко, в том числе в комплексах ранней и развитой бронзы. В принципе, то же самое можно сказать и о точильном камне с отверстием для подвешивания из Беш-Озека (рис. 7, *1*). Очевидно, такие орудия труда появляются в связи началом широкого использования бронзы. Аналогичное орудие известно на поселении Самусь IV, синхронном каракольской культуре (Матющенко, 1973, рис. 4, *3*).

Три обломка бронзовых ножей обнаружены в Озерном и Усть-Куюмском (рис. 9, *1–2*) могильниках; возможно, сюда же следует отнести и фрагмент бронзового изделия из Беш-Озека. Все они были, по-видимому, однолезвийные, с острым концом. Ареал их распространения, как в пространстве, так и во времени, достаточно широк. К сожалению, мы не имеем рукояток этих орудий, дабы в полной мере оценить их форму и определить наиболее близкие параллели. Однозначно можно сказать, что на памятниках развитого (Матющенко, 1973, рис. 3, *3*; Черных, Кузьминых, 1989, рис. 56, *13–15*) и даже раннего бронзового века (Молодин, 1977) однолезвийные ножи присутствуют.

То же самое можно сказать и о бронзовом острие из Усть-Куюма (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 71, *10*, *11*).

Когти медведя, найденные в могильнике Озерное, несомненно являются атрибутами культа, которые имеют достаточно широкое распространение в Сибирских культурах. Находка эта очень важна в плане семантического осмысления обрядовой практики культуры, поскольку на рисунках на стенках саркофагов демонстрируются персонажи с когтями на руках и ногах (Кубарев, 1988).

На каменных плитах саркофагов могильников Озерное, Каракол и Беш-Озек обнаружены великолепные образцы первобытного искусства. Это композиции и отдельные изображения животных (лосей, козлов, собаки), птиц, антропоморфных "солнцеголовых", "быкоголовых", "фаллосоголовых" фигур, а также людей в масках. Изображения выполнены точечной выбивкой и гравировкой. Впервые в Сибири встречены чрезвычайно яркие образцы полихромной живописи. Корреляция отдельных деталей изображений (например, бычьих рогов), фигур, выполненных в различной технике, иконографическая близость изображений, наконец, сочетание разных техник исполнения (гравировка + живопись или гравировка + выбивка) позволяют отнести все эти изображения к единому культурно-хронологическому пласту. Как справедливо отмечает В.Д. Кубарев, полихромные композиции, вероятно, были нанесены в последний момент перед погребением (Кубарев, 1988), о чем свидетельствует красная полоса, идущая по краю внутренней поверхности ящика. Ее наличие делает несомненной связь полихромной живописи с погребением (Молодин, 1993).

Последнее сближает каракольскую культуру с окуневской, для которой характерны изображения на каменных ящиках в могилах (Вадецкая, 1965а). На семантическую близость изображений этих двух культур исследователи уже обращали внимание. Ее следует дополнить идентичными мифологическими персонажами: антропоморфными, с бычьими рогами (Кубарев, 1988; Савинов, 1997б) и солнцеголовыми, с характерным для окуневского искусства изображением горизонтальной полосы на лице. Надо подчеркнуть и существование общего, с моей точки зрения, стилистического канона – нанесение изображений на каменных стенках погребальных ящиков в разных плоскостях, порой разным способом, где рисунки зачастую перекрывают друг друга. Эти палимпсесты наносились в одно время. Вероятно, за этим явлением может стоять стремление показать динамику развивающегося мифологического сюжета, когда художнику было важно продемонстрировать именно развитие его, что мы наблюдали порой даже в попытке передать в движении отдельного персонажа (Суразаков, Ларин, 1994). Мне уже приходилось отмечать наличие такой особенности в палеолитическом художественном творчестве. М.Л. Подольский характеризует, с искусствоведческой точки зрения, специфическое восприятие окуневской изобразительной поверхности, «которую естественно назвать наскальной... У нее нет центра и периферии, верха и низа. Соответственно, исключены иерархические отношения между различными фигурами... Фигуры могут распола-

гаться под произвольным углом или накладываться одна на другую...» (Подольский М., 1997, с. 170). Если развивать эту мысль, то возможно, что разной техникой исполнения на одной композиции автор опять-таки демонстрирует динамику мифологического сюжета.

Наряду с преобладанием мифологических образов в каракольском (как и окуневском) искусстве, имеют место изображения животных (лось, козел, собака), переданных в реалистической манере (Кубарев, 1988).

Семантике изображений каракольского искусства посвящена довольно обширная специальная литература. Еще большее количество "прочтений" мифотворчества посвящено искусству окуневской культуры. Следует констатировать здесь определенные успехи, стремление к сдержанной и доказательной оценке отдельных сюжетов, однако, к сожалению, куда больше фантастических, слабо аргументированных построений. Очевидно, проблема семантики как каракольского, так и окуневского искусства нуждается в особом исследовании, которое надо начинать (как это было блестяще предпринято Д.Г. Савиновым в плане изучения окуневской культуры в целом – Савинов, 1997) с историографического анализа.

Это, несомненно, особая, весьма сложная проблема, нуждающаяся в специальном рассмотрении.

Исследования, проводимые на территории Горного Алтая в последние десятилетия, существенно расширили наши представления об эпохе бронзы этого региона, которые еще недавно ограничивались, по существу, лишь материалами афанасьевской культуры. Сегодня очевидно, что просматривается целая свита образований эпохи развитой бронзы, и первостепенная задача ближайшего времени, стоящая перед исследователями, – определить их пространственно-временные взаимоотношения. Кроме каракольской культуры, которой посвящена данная работа, можно согласиться с выделением Н.Ф. Степановой группы памятников Арагольского типа (Степанова, 1994). В северо-западной части Горного Алтая в 10-м слое Денисовой пещеры обнаружен специфический комплекс с керамикой, аналогичной посуде кротовско-елунинского времени (Деревянко, Молодин, 1999). Елунинская посуда обнаружена на Средней Катуни (Кирюшин Ю., Кунгуров, Долинин, Кирюшин К., 1992). Я уже писал о том, что проникновение в Горный Алтай елунинцев (или кротовцев?) следует связывать с давлением пришлого на равнинный Алтай населения носителей андроновской культуры (Молодин, 1992, с. 25–33). Наконец, на юге Горного Алтая выявлены погребальные комплексы Бертек-56 (Молодин, 1993, с. 17–20), погребение у горы Жалгыз-Тобе (Кубарев, 2000, с. 31–35). Уже отмечалось своеобразие культурного комплекса Бертек-56 (Молодин, Полосьмак, Новиков и др., 2004, с. 205–206) в сравнении с его окружением. По данным Т.А. Чикишевой, погребенные здесь европеоиды отличаются как от представителей афанасьевской и андроновской культур, так и от синхронных им носителей каракольской культуры Центрального Алтая (Чикишева, 1996, с. 250). Не следует забывать и о новых открытиях в прилегающем к Алтаю Центральноазиатском регионе, где А.А. Ковалевым сделана попытка выделения в Синьцзяне и на прилегающих территориях чемурчекской культуры эпохи бронзы (Kovalev, 2000, s. 135–178).

Выделяя особую каракольскую культуру (Молодин 1991), мы отдавали себе отчет в многоплановых параллелях, доходящих порой до тождества, между окуневскими и каракольскими памятниками, их особо подчеркивает в своих исследованиях В.Д. Кубарев (Кубарев, 1986; 1998). С появлением исследования Т.А. Чикишевой антропологической серии могильника Каракол вероятность отношения ее к окуневской культуре еще более усилилась. «Если и существует археологическая аргументация принадлежности этих памятников к разным культурам, то антропологическая близость оставившего их населения несомненна», пишет Татьяна Алексеевна (Чикишева, 1995, с. 106).

Тем не менее, своеобразие каракольских комплексов столь велико, что выделение особого культурного образования выглядит вполне оправданным. Прежде всего, имеют место отличия в погребальной практике. Каракольцы помещали своих умерших на спине, в вытянутом положении, головой на запад, что отличает их от окуневцев. Погребальный обряд каракольской культуры выглядит более устойчивым в сравнении с сильной вариабельностью окуневского обряда. Кроме того изображения на погребальных ящиках каракольской культуры (как и наличие полихромных изображений) по своему содержанию существенно отличаются от окуневских (несмотря на наличие тождественных персонажей). Эти существенные отличия позволяют, на мой взгляд, говорить об особой каракольской культуре, хотя во многом сходной с окуневской.

Хронологически каракольская культура, вероятно, моложе афанасьевской, хотя проблема окуневско-афанасьевских, как и каракольско-афанасьевских памятников до настоящего времени не решается однозначно (Савинов, 1997). Пока мы располагаем лишь одним датирующим предметом, происходящим из комплекса. Это створка литейной формы кельта-лопатки, хотя весь остальной набор предметов как из Озерного, Каракола и Бешозека (несомненно каракольских), так и из Усть-Куюма (вероятно каракольских) также эпохально датируем. Учитывая последние наработки в области изучения хронологии сейминско-турбинского феномена, каракольскую культуру следует датировать в рамках первой половины II тыс. до н.э. или XVIII-XVI вв. до н.э. (Черных, Кузьминых, 1989, с. 260–262).

В.Д. Кубаревым опубликованы радиоуглеродные даты, полученные по могильнику Каракол. Первая дата – 2720 г. до н.э. вторая – 1990 г. до н.э. (Кубарев, 1995, с. 24). В данном случае настораживает большой разброс (более 700 лет!) датировок, что, конечно же, сомнительно в масштабах такого небольшого памятника, как каракольский могильник. Какая из этих дат верна, а какая ошибочна, говорить не приходится, поэтому правильнее, на мой взгляд, эту проблему считать пока открытой, по крайней мере, до получения новых данных в высокорейтинговых лабораториях.

Следует иметь в виду, что в последнее время получены данные о существенном удревнении времени появления культур эпохи ранней бронзы в Западносибирском регионе, уходящих в конец V тыс. до н.э. (Молодин, 2001). В связи с этим не исключено, что изменится наше представление (в сторону удревнения) о свите культур эпохи развитой бронзы, в том числе и каракольской, но для этого, опять-таки, необходимы принципиально новые данные.

Столь же дискуссионным, как и проблемы хронологии, выглядит сегодня вопрос происхождения каракольской культуры. Пока ни одна из гипотез, связанных с миграционной или автохтонной сутью происхождения культуры, не подкреплена серьезными доказательствами, поэтому и данную проблему следует считать открытой.

Таким образом, главной задачей изучения каракольской культуры является получение новых фактов. Нужен целенаправленный поиск и квалифицированные раскопки новых памятников культуры. Это несомненно даст исследователям материалы, которые позволят существенно продвинуться в решении означенных проблем.

Что же касается изучения семантики каракольского искусства, то здесь уже сейчас имеют место серьезные источники, которые достаточно качественно опубликованы. Исследователи демонстрируют различные подходы к их интерпретации (Кубарев, 1988; Суразаков, Ларин, 1994 и др.). Однако, думается, эта проблема еще далека от окончательного решения.

О.А. Митько

Памятники «окуневского круга» в долине р. Ус (Западные Саяны)

Окуневская культура, начиная со времени ее открытия, по степени интереса со стороны специалистов самых разных научных направлений, пожалуй, не имеет себе равных среди южносибирских археологических культур. Помимо решения традиционных вопросов происхождения, хронологии и истории развития, во многом еще спорных и неоднозначных, главным итогом исследований стало понимание общего характера культуры, органично сочетающей в себе традиции местного неолитического населения и пришлых групп скотоводов. Феномен окуневской культуры, несущий в себе колоссальный заряд духовной энергии и творческого потенциала ее создателей, нельзя рассматривать лишь в рамках ярко выраженного, но все же изолированного культурного комплекса, ограниченного территорией Минусинской котловины. Его надо изучать во всем многообразии генетических и культурных связей, составлявших ее своеобразное «культурное поле» или «археологический фон» (Хлобыстина, 1971, с. 34–35; Подольский М., 1995, с. 9; Савинов, Подольский, 1997, с. 6). В этой связи особое значение приобретает введение в научный оборот материалов археологических памятников горно-таежных районов Саяно-Алтая, рассматриваемых в качестве возможных территорий формирования культур «окуневского круга».

Одной из таких территорий является небольшая по площади межгорная Усинская котловина, остепненная часть которой составляет около 15 тыс. га. Она образована р. Ус, правым притоком Енисея, и является одной из немногих долин в системе Западного Саяна, имеющих равнинные участки. Ограниченная с северного, южного и западного направлений хребтами и Саянским каньоном, Усинская долина, несмотря на свою замкнутость, начиная с самых ранних исторических этапов являлась своеобразным «коридором» между южносибирскими и центрально-азиатскими степями, по которому шли миграционные потоки.

Освоение этой территории охотничьими коллективами началось в период позднего палеолита, к числу памятников которого относится ряд палеолитических стоянок (Кургол, Ак-Кем и Нижний Иджир I), расположенных в приустьевой части долины реки. Материалы позволяют датировать их временем более 17 тыс. лет назад и определить проникновение людей на эту территорию с юга, из Тувы (Астахов, 1981, с. 165; 1982, с. 184).

Следующий исторический этап связан со стоянкой на р. Теплая, открытой в среднем течении р. Ус и отнесенной к периоду «бескерамического неолита» (Васильев, 1992, с. 10). Материалы ранней бронзы представлены находками керамики, сплошь покрытой трубчатым орнаментом. Она была зафиксирована на уровне древней поверхности под насыпью скифского кургана Баданка IV на р. Теплой, левом притоке р. Ус (Боковенко, 1986, с. 227). Такая же керамика была найдена и на средневековом могильнике Мутная I, расположенном на правом берегу реки. Ее фрагменты встречались по всей площади памятника, исследованном сплошным раскопом: в заполнении могильных ям средневековых курганов, на уровне древнего горизонта вместе с керамикой более позднего скифского времени, также обнаруженной на могильнике. Дисперсный характер ее расположения (не зафиксировано ни одного крупного скопления) и отсутствие культурного слоя, с которым могли быть соотнесены эти находки, позволяют сделать вывод об очень непродолжительном пребывании малочисленного коллектива на небольшом по площади мысовидном выступе надпойменной террасы реки.

Всего было найдено 69 фрагментов керамики, из них 25 от тонкостенных (толщина 0,5–0,6 см) и 44 от толстостенных (толщина 1–1,3 см) сосудов. Первые встречались под насыпями и в заполнении могильных ям средневекового кургана, к которому примыкал могильник. Судя по состоянию фрагментов, сосуды были хорошего качества, с простым слабо выпуклым профилем, в качестве отощителя использовался песок, цвет от светло-коричневого до черного, на стенках заметны следы нагара. Диаметр тонкостенных сосудов – до 20 см, они имели прямые венчики, края которых были слегка приострены с помощью неширокой, возможно, деревянной палочки. На двух из четырех фрагментов венчиков с внутренней стороны прослеживается орнамент в виде ряда кружков. Они оттиснуты неглубоко, скорее слегка обозначены, поскольку край венчика очень тонкий. Остальные фрагменты с внутренней стороны не орнаментированы, что позволяет говорить по меньшей мере о двух тонкостенных сосудах, внешняя поверхность которых была украшена сплошным орнаментом, нанесенным, возможно, трубчатой костью птицы. Диаметр трубки – 0,8 см, толщина стенки – чуть более 1 мм. Оттиски достаточно глубокие и четкие, орнамент наносили горизонтальными рядами, в

отдельных местах кружки налегали краями друг на друга (рис. 1, *1–4*).

Аналогичным способом нанесен орнамент и на фрагментах толстостенного сосуда. Оттиски также четкие и глубокие, хотя заметно, что они выполнены не столь тщательно: ряды неровные, иногда не стыкуются. Диаметр трубки такой же, но ее стенки толще – около 2 мм. На двух фрагментах с внутренней стороны прослеживаются небольшие вдавления, образующие «жемчужины». Сделанные до нанесения орнамента, они являются одним из элементов общего декора сосуда, хотя, почти не выделяясь, выглядят невыразительно. Еще на одном фрагменте обнаружено сквозное отверстие – возможно, следы ремонта, либо при выдавливании «жемчужины» стенку сосуда проткнули насквозь. Венчик прямой, край слегка скошен, с внутренней стороны идет орнаментальный поясок в виде косых крестов (рис. 2). Диаметр сосуда по венчику – около 27 см. Дно, возможно, было плоское, так как на одном из участков керамики орнамент оказался разглажен. Вероятно, это произошло, когда сосуд еще до обжига стоял на плоской поверхности.

За пределами Усинской долины мелкие фрагменты тонкостенного сосуда, орнаментированные аналогичным образом, были найдены под насыпью средневекового кургана № 1 могильника Малиновка в соседней Уюкской котловине, с которой Усинскую долину связывает конная тропа, идущая вдоль русла р. Теплая. Близкий облик имеет и керамика стоянки на р. Туран, открытой еще С.А. Теплоуховым. Вся поверхность обнаруженных на стоянке фрагментов украшена оттисками трубчатой «сдавленной кости» так, что сосуд кажется покрытым «чешуйчатым» рельефным узором. Л.Р. Кызласов счел возможным отнести находки в Малиновке и на р. Туран к неолиту, как и Вл.А. Семенов, обнаруживший подобную керамику в третьем культурном слое на стоянке Хадынных I в Енисейском каньоне, где было найдено около 150 фрагментов трех сосудов, имеющих диаметр от 22 до 35 см (Кызласов, 1979, с. 19, рис. 10, *2*, *3*; Астахов, Семенов, 1980, с. 28; Семенов, 1982, с. 100–101). Однако после раскопок многослойной и хорошо стратифицированной стоянки Тоора-Даш, ставшей опорным памятником для неолита–бронзы Тувы, стало ясно, что к эпохе неолита керамику с орнаментацией трубчатой костью относить нельзя. Ее прямых аналогий на Тоора-Даш нет, но в шестом и седьмом слоях, датируемых вторым этапом окуневской культуры, обнаружены фрагменты, орнаментированные половиной трубки, серповидным или ногтевым орнаментом. Это позволяет, по мнению Вл.А. Семенова, сопоставить ту и другую керамику между собой, включив в круг ее распространения и случайные находки, собранные С.Н. Астаховым на р. Ангачи и К.В. Чугуновым на развеянной стоянке Этекшил (Семенов, 1992, с. 56, табл. 49).

Очевидно, к этому списку следует добавить и керамику с площади могильника Мутная I, а также обратить внимание еще на один памятник, открытый Сибирской археологической экспедицией Санкт-Петербургского университета и Усинским отрядом Средне-Енисейской экспедиции ЛО ИА РАН в 1984 г. в устье р. Федоровка, протекающей всего в 3 км выше по течению от р. Мутная. Это расколотая каменная плита из красного девонского песчаника с выбитым в точечной технике изображением двух личин, расположенных по принципу полюсной (противостоящей) симметрии. По мнению Н.А. Боковенко, данный антропоморфный сюжет является типичным элементом искусства окуневской культуры (Боковенко, 1995, с. 32–34, рис. 1). Ближайшие аналогии можно обнаружить среди изображений Мугур-Саргола, Чинге, Догээ-Баары, а также Хербис и Ангор-Хову в Туве (Дэвлет, 1976; Чугунов, 1997, рис. 1; Килуновская, 2003, рис. 2, 3).

Находки однотипной керамики в долине р. Ус и на соседних территориях Тувы пока немногочисленны, но тем не менее они маркируют ареал распространения памятников «окуневского круга» и позволяют провести их корреляцию с минусинскими комплексами, среди которых, хотя и не часто, но встречаются отпечатки, выполненные полой трубочкой (Лазаретов, 1997, с. 34). Наибольшее сходство прослеживается с сосудом, обнаруженным в верхнем ярусе могилы окуневского кургана у с. Мохов в Хакасии. Судя по опубликованным материалам, его венчик украшен «жемчужинами», между которыми двумя вдавлениями нанесены косые кресты, а тулово покрыто кружками, сделанными торцом полой трубки (Киргинсков, 1997, с. 131, рис. 4, 2).

В горно-таежных районах Саяно-Алтая наиболее полно исследован Енисейский каньон, где в последние годы открыты стоянки неолита и бронзового века. Полученные материалы позволили выделить ряд последовательно связанных между собой исторических этапов и синхронизировать их с минусинскими культурами (Астахов, Васильев, 2001, с. 154). Наряду с этим по-прежнему актуальной остается задача поиска погребальных памятников «окуневского круга» за южными пределами Минусинской котловины. По мнению Вл.А. Семенова, в настоящее время к первому этапу существования окуневской культуры можно отнести лишь погребение под каменной выкладкой на стоянке Азас II в Тодже. Погребальные памятники второго этапа известны на территории Тувы в трех пунктах: исследованное С.И. Вайнштейном в 1954 г. в Уюкской котловине, на р. Тарлышкин в Эрзинском районе и на могильнике Аймырлыг, где захоронения совершались в каменных ящиках или узких грунтовых ямах (Семенов, 1992, с. 78–79; 1997, с. 155, рис. 2; материалы могильника Аймырлыг публикуются в настоящем сборнике – см. статью Э.У. Стамбульник

и К.В. Чугунова). Возможно, в круг данных памятников следует включить и детское погребение в одиночной оградке Ус, о котором в печати были приведены лишь самые общие сведения (Митько, 2002, с. 451–452).

Небольшая по размерам каменная оградка была обнаружена на одной из вершин отрога хребта, близко подходящего к руслу р. Ус. Стоит отметить, что ее высота достигает около 50 м от уровня береговой линии реки и с нее открывается красивый вид на всю долину. К тому же вершина имеет достаточно крутые склоны, и археологический объект, расположенный на ней, виден лишь с более высоких и в то же время труднодоступных возвышенностей. До раскопок на поверхности просматривалась округлая в плане оградка, сооруженная из вертикально установленных плит. Она была хорошо задернована, западина не прослеживалась, хотя, со слов местных жителей, в начале 80-х годов XX в. ее самовольно раскапывали в поисках «золотого клада».

Все внутреннее и часть внешнего пространства оградки было заполнено плоскими камнями крупных и средних размеров, уложенных в 1–3 слоя. С их помощью плиты, стоящие по периметру, удерживались в вертикальном положении. Кладка была очень плотная, но бессистемная. Небольшое пространство в центральной части оказалось свободным от камней, но их отсутствие на этом участке свидетельствует, вероятно, о деятельности местных «кладоискателей» (рис. 3). Диаметр конструкции составлял 3–3,5 м, высота отдельных вертикально стоявших плит, которые не вкапывались, а были установлены на уровне древнего горизонта, достигала 0,6 м. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы была ориентирована по линии ЮЗ–СВ, ее заполнение состояло из земли, суглинка с вкраплениями песка и камней крупных и средних размеров (рис. 4).

Размеры могильной ямы 1,5×0,8 м, глубина – от 0,58 м (в северо-восточной части) до 0,23 м (юго-западная часть). Дно неровное, перепад уровня составлял более 30 см. Это связано с тем, что при сооружении погребальной ямы ее строители наткнулись на выход коренных пород, не стали углубляться в них и не смогли (или не стремились) выровнять дно.

Погребение оказалось потревоженным: череп лежал входным отверстием вверх, позвонки, ребра и кости рук смещены, так что кости скелета занимали северо-восточную часть могильной ямы, а остальное пространство оказалась свободным. При разборе погребения не удалось установить позы умершего, многие из костей позвоночника, положение которых позволило бы дать более точное определение, были смещены. Оно было ориентировано, вероятнее всего, головой на северо-восток, ноги поджаты (рис. 5). По определению сотрудника ИАЭ СО РАН Е.Г. Шпаковой, в оградке был погребен ребенок 7 (± 2) лет. На нижнем отделе лобной и затылочной кости прослеживаются следы неполной деформации, возможно, от тугой налобной повязки. На внутренней поверхности черепа заметны пальцевидные вдавления – результат повышенного внутричерепного давления, на зубах (верхних резцах и нижних молярах) присутствуют признаки восточного направления, а также нарушение развития эмали, что может быть следствием болезни или голода.

Краниологическими исследованиями установлено, что для окуневских черепов из могильников Окунев улус и Черновая VIII характерна искусственная деформация. Однако у них прослеживается совершенно иной тип деформации, при которой усиленное давление приходится на область соединения теменных и затылочных костей, что приводит к уплощенности свода черепа (Громов, 1995, с. 70–74; Беневоленская, Громов, 1997, с. 288–293).

В погребении в районе груди погребенного ребенка было обнаружено каменное изделие – узкий и длинный предмет, хорошо обработанный и со следами шлифовки. Создалось впечатление, что данная находка сохранилось in situ. Под костями скелета, особенно в районе черепа, также были обнаружены многочисленные мелкие украшения: бусы, подвески и «пуговицы» округлой формы с зубчатым краем (рис. 6, *1–24*).

Материал, из которого изготовлен каменный предмет – сургучная яшма темно-красного цвета. В результате трассологического анализа поверхности изделия с помощью бинокулярного микроскопа, проведенного д. и. н. П.В. Волковым, на его поверхности зафиксировано два дистальных участка со следами заглаженности и заполировки, образованных от контакта с мягкими органическими материалами. Предположительно этот предмет использовался в качестве орудия для обработки мягкой слабо просушенной кожи. На основе анализа характерной дислокации следов износа, интенсивность которого может быть охарактеризована как относительно средняя, и направленности отмечаемых линейных следов, изделие могло использоваться в качестве инструмента для вязки ременных узлов или плетения ленточных кожаных изделий (рис. 6, *25*).

К яшмоидам относятся и две бусины коричневого цвета. Более крупная имеет цилиндрическую форму, бусина меньших размеров овальная в сечении, одна из торцевых сторон без следов подработки. Сверление обеих бусин проводилось с одной стороны (рис. 6, *1–2*). Еще три бусины светло-серого цвета имеют правильную цилиндрическую форму. Они изготовлены из магнезита, как и 9 «пуговиц» с зубчатым краем и 2 нашивки, форма которых близка известным по литературе «рыбковидным» нашивкам (рис. 6, *3–5, 6–8, 9–17*). Еще 7 «пуговиц» с зубчатым краем и третья нашивка изготовлены из ангидрида, одной из разновидностей

гипса (рис. 6, *18–24*). В отличие от украшений из магнезита, они слегка повреждены, поскольку во влажной среде крошатся и легко разрушаются[1].

«Пуговицы» и нашивки украшали, возможно, головной убор (головную повязку?) или одежду. Изначально им придавалась округлая форма, на всех экземплярах зубцы по краю пропиливались каким-то орудием, а затем тщательно сглаживались. При однотипности формы и способа изготовления все предметы отличаются по размерам и исполнению отдельных деталей; у одной из «пуговиц» край обломан еще в древности. Особенно индивидуализированы «пуговицы», изготовленные из магнезита. Центральная часть внешней стороны оформлена по-разному: есть экземпляры с четко выраженным «умбоном», приостренным либо слегка приплюснутым. Обратная сторона имеет незначительную выпуклость. Подобная форма позволила осуществить довольно необычный и технологически сложный принцип крепления пуговиц, при котором отверстия для пришивания сверлились с двух сторон под углом более чем 140° относительно друг друга. Очевидно, пришить подобные пуговицы можно было лишь с помощью изогнутой под соответствующим углом иглы. Костяные и бронзовые иглы в комплекте с игольниками часто встречаются в окуневских памятниках, но они, как правило, прямые (Левашева, 1975, рис. 3, *8*; Лазаретов, 1997, табл. XIV, *10–13*; Хаврин, 1997, табл. V, *2, 3*). «Пуговицы», изготовленные из ангидрида, более стандартизованы, они близки по размерам и форме: внешняя сторона выпуклая, задняя ровная, зубцы по краю «стерты» гораздо сильнее.

В качестве наиболее близких формальных аналогий этим украшениям можно отметить нашивные округлые бляшки с радиальными насечками, изготовленные из крупной раковины, из погребения в Норовлин-уул в Монголии. Там же были обнаружены и три бляшки, наружный край которых обрамлен зубчатыми, а в верхней части прямоугольным выступами (Волков, 1975, рис. 2). 30 округлых подвесок с отверстиями для подвешивания и мелкими резными зубчиками по краю, изготовленных из пластинок яшмы, входили в состав погребального инвентаря позднеолитического захоронения на р. Аять в Среднем Зауралье (Берс, 1976, рис. 7, *1–7, 24*). Определенная близость прослеживается с каменным зубчатым колечком, украшенным геометрическим орнаментом из могилы 4 кургана № 4 могильника Уйбат V (Лазаретов, 1997, табл. XIV, *2*).

«Рыбковидные» нашивки, как и «пуговицы» изготовлены из разного материала и при общей моделируемой форме также имеют ряд незначительных индивидуальных отличий. По своим морфологическим характеристикам они ближе всего к нашивкам, украшавшим костюм умершей женщины из пещеры Каминной на Алтае. В этом погребении, датированном серединой IV тыс. до н. э., зафиксировано 2122 украшений, из которых 536 составляли «подвески в виде стилизованных рыбок», изготовленные из перламутра. Их длина от 5 до 10 мм, ширина от 4 до 7 мм. В отличие от усинских нашивок, у них слегка обозначено треугольное окончание. Вместе с резцами сурка, костяными и перламутровыми кольцами они украшали куртку умершей, сшитую из тонкой ткани или кожи (Маркин, 2000, табл. 1, рис. 3, *17–18*, 5, 6, 7). Причем «рыбки» были нашиты в районе груди, где образовывали продольно-поперечный орнамент, а также концентрировались на левой поле куртки и на левом рукаве. По мнению С.В. Маркина, одежда умершей носила ритуальный характер и была предназначена для погребения (там же, с. 62). Ареал распространения раковин моллюсков, послуживших материалом для изготовления украшений, включает в себя реки со спокойным течением, характерным для предгорий Алтая и Западной Сибири. В этом регионе известны еще два погребальных памятника, в состав инвентаря которых входили украшения в виде моделей «рыбок», но изготовлены они были не из раковин, а из кости.

Один из них – погребение № 4 могильника Усть-Иша, датируемого серединой – второй половиной IV тыс. до н. э. Основную часть украшений одежды захороненного мужчины составляли рыбковидные нашивки (Кирюшин, Кунгуров, Кадиков, 2000, с. 11, 54). По сравнению с горно-алтайскими они чуть бо́льших размеров (длина колеблется от 1,3 до 2 см) и имеют несколько иные пропорции. Все нашивки находились на левой половине костяка, занимая область от ключицы до верхней трети тазовых костей. В их расположении фрагментарно улавливаются отдельные короткие ряды, образованные четырьмя-пятью последовательно расположенными нашивками, в основном сориентированными хвостиками вверх (там же, с. 18–19, рис. 5, 6, 24, *5*).

Второй погребальный памятник, в сопроводительном инвентаре которого присутствуют стилизованные «рыбки», расположен на площади неолитического могильника Большой Мыс на оз. Иткуль в северной предгорной зоне Алтая. В парном погребении № 17 среди большого количества украшений, которые, видимо, были нашиты на одежду, находилось и 19 подвесок, аналогичных усть-ишинским (Молодин, 1999, рис. 2, *3*). На костяке мужчины они располагались в верхней части тела, в районе шеи, плеч и груди и были, по-видимому, нашиты на куртку. На женском костяке подвески украшали нижнюю часть верхней одежды. По мнению В.И. Молодина, подвески специфической

[1] Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность сотрудникам Института археологии и этнографии СО РАН Е.Г. Шлаковой и д. и. н. П.В. Волкову, а также научным сотрудникам геологического музея НГУ и ОИГГМ СО РАН И.А. Лабекиной и В.Ю. Жираковскому за помощь при подготовке данной статьи.

формы в виде стилизованных рыбок связывают между собой три неолитических памятника – пещеру Каминная, могильники Усть-Иша и Большой Мыс и позволяют считать их одновременными (там же, с. 48).

Наибольшая близость усинских украшений, прежде всего по форме и размерам, прослеживается с нашивками из пещеры Каминной, что, тем не менее, оставляет важнейший для характеристики памятника вопрос о его датировке открытым. На фоне рассмотренных аналогий комплекс сопроводительного инвентаря детского погребения выглядит архаичным, но при этом не содержит достаточных оснований для его однозначной хронологической и культурной атрибуции. Отмеченная близость с украшениями из неолитических захоронений Зауралья, Алтая и Монголии, как, впрочем, и с «каменным зубчатым колечком» из окуневского погребения на могильнике Уйбат V, носит скорее формальный характер, и о ней можно говорить лишь на уровне существования общего морфологического типа. Но даже акцентируя внимание исключительно на типогенезе рассматриваемых украшений, нельзя не отметить, что за их «архаическим» обликом могут скрываться связи с местным «неолитическим субстратом».

Вместе с тем, в погребальном обряде и особенно в конструкции оградки прослеживается развитая традиция строительства каменных погребальных сооружений, начало которой в Южной Сибири было положено в эпоху ранней бронзы. Определенную близость можно усмотреть с устройством афанасьевских оград могильника Первый Межелик I в Горном Алтае, которые были сложены из вертикально поставленных плит и заполнены рваным камнем, уложенным в 2–3 слоя (Владимиров, Мамадаков, Цыб, Степанова, 1999, рис. 1–5). Однако отсутствие керамики или изделий из металла не позволяет более категорично отнести одиночную оградку на р. Ус к этому времени или связать ее с погребениями тувинского варианта окуневской культуры, выделяемого Вл.А. Семеновым (Семенов, 1992, с. 78–79; 1997, с. 156). Не находят соответствия конструктивные особенности оградки и среди достаточно специфичных и легко узнаваемых памятников монгун-тайгинского типа, хронологические рамки которых еще детально не очерчены, но принадлежность к периоду поздней бронзы подтверждается хотя и немногочисленной, но весьма показательной серией бронзовых колец, аналогичных карасукским (Чугунов, 1992, с. 32). Очевидно, до тех пор, пока в ходе новых открытий не будет преодолен «информационный дефицит», отнесение одиночной оградки из долины р. Ус к памятникам «окуневского круга» может носить лишь условный характер.

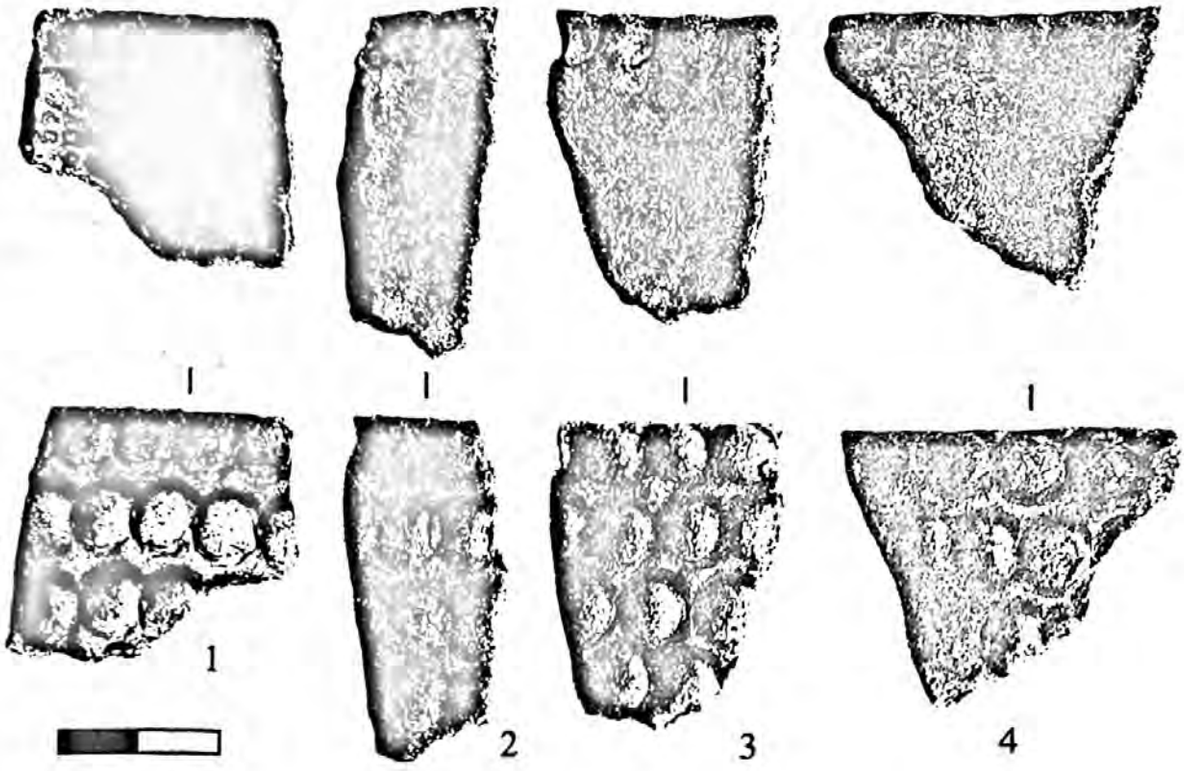

Рис. 1 Фрагменты керамических тонкостенных сосудов (внешняя и внутренняя стороны) с площади могильника Мутная I

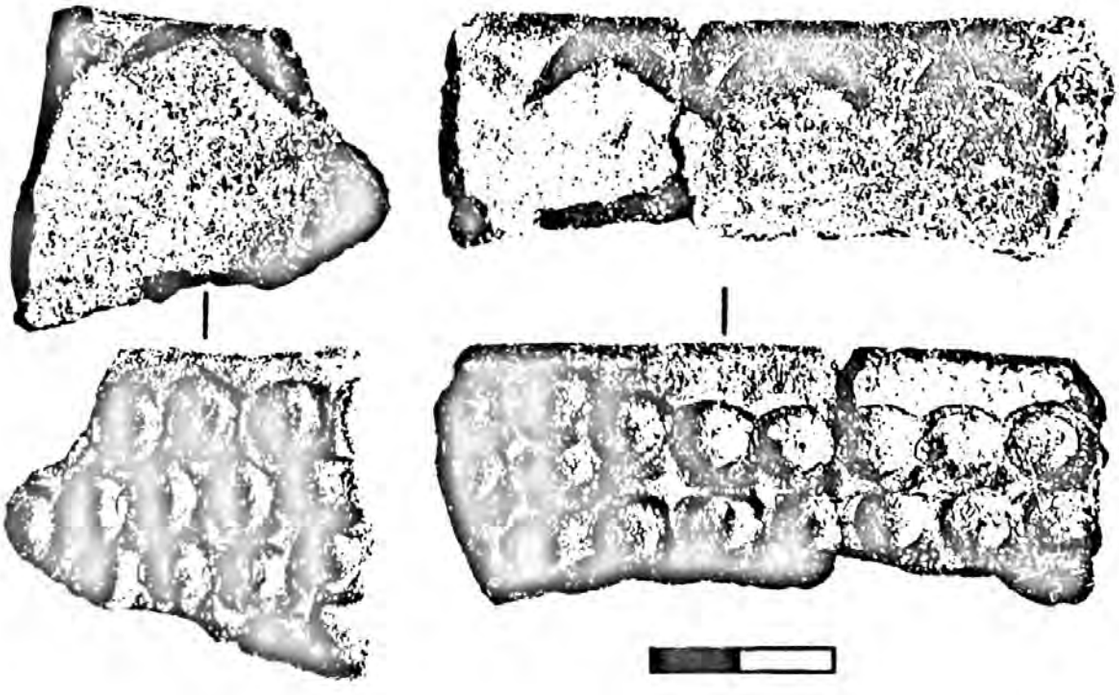

Рис. 2 Фрагменты керамических толстостенных сосудов (внешняя и внутренняя стороны) с площади могильника Мутная I

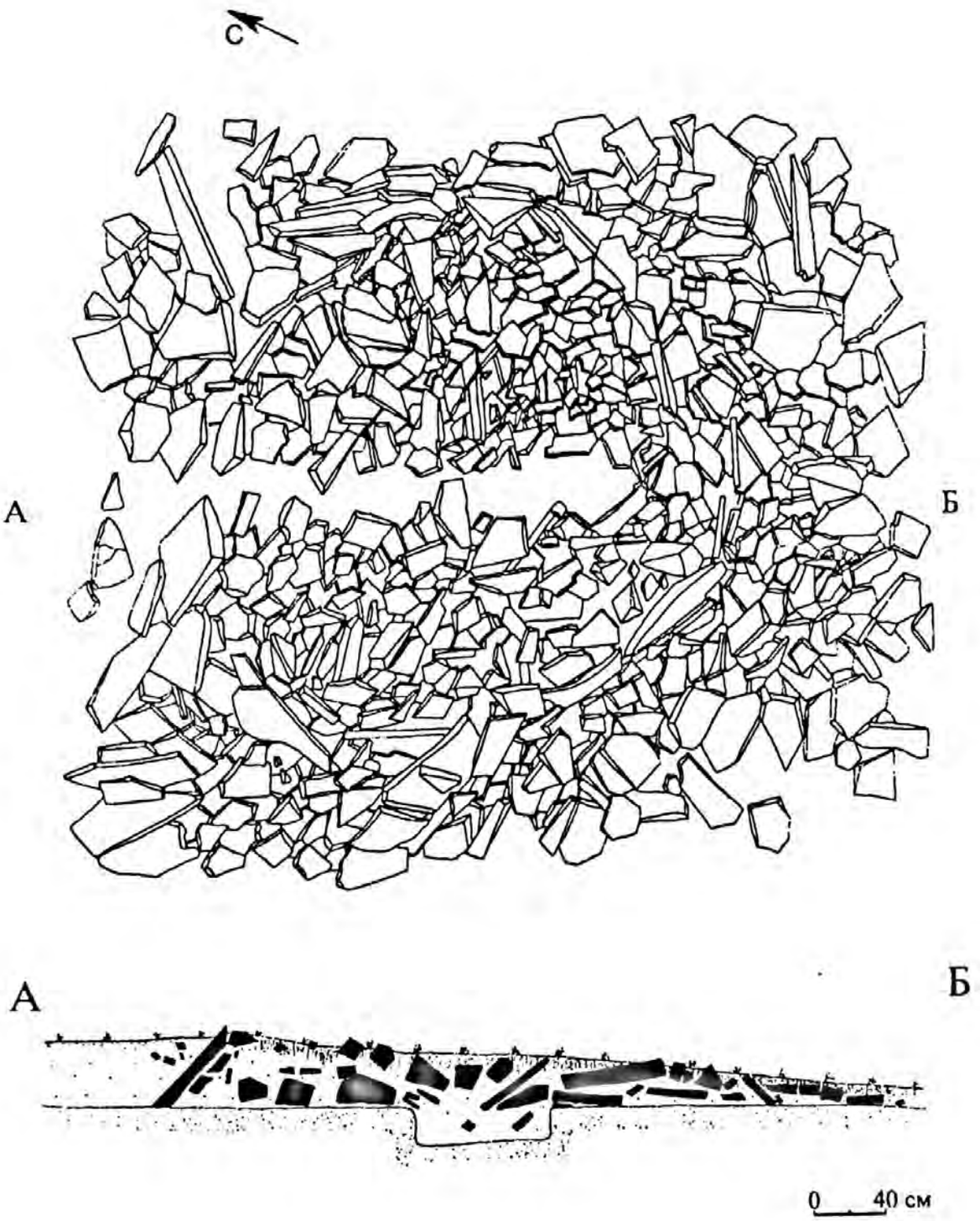

Рис. 3 Одиночное погребение Ус, горизонт I, разрез

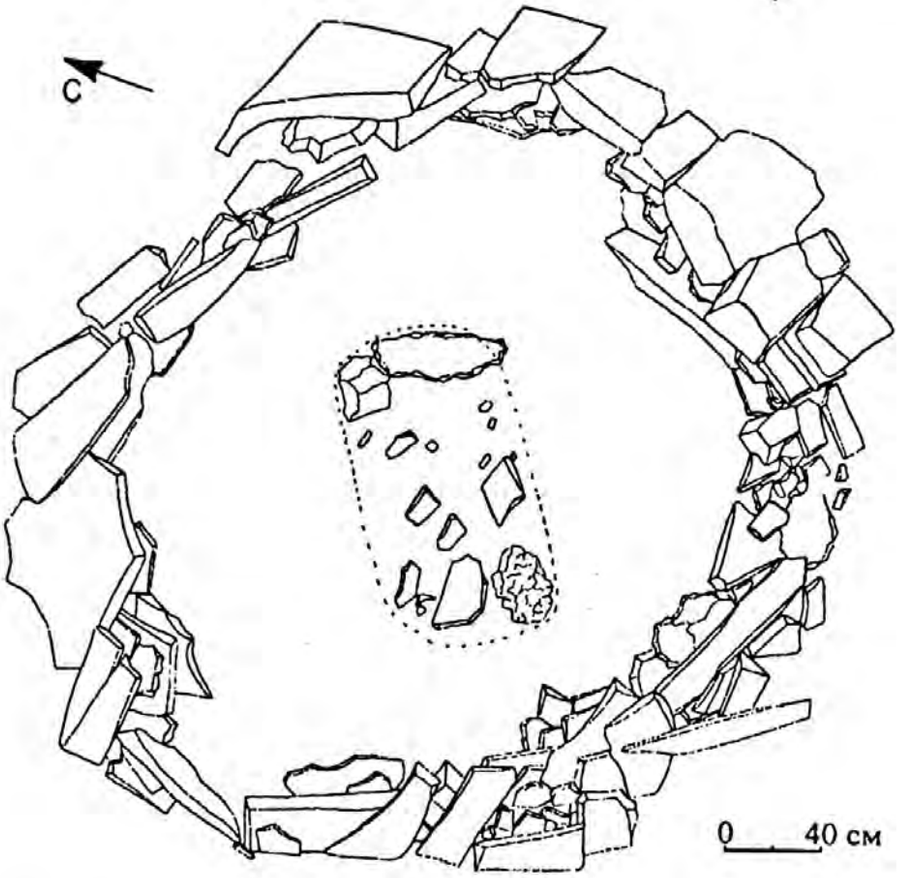

Рис. 4 Одиночное погребение Ус, горизонт II

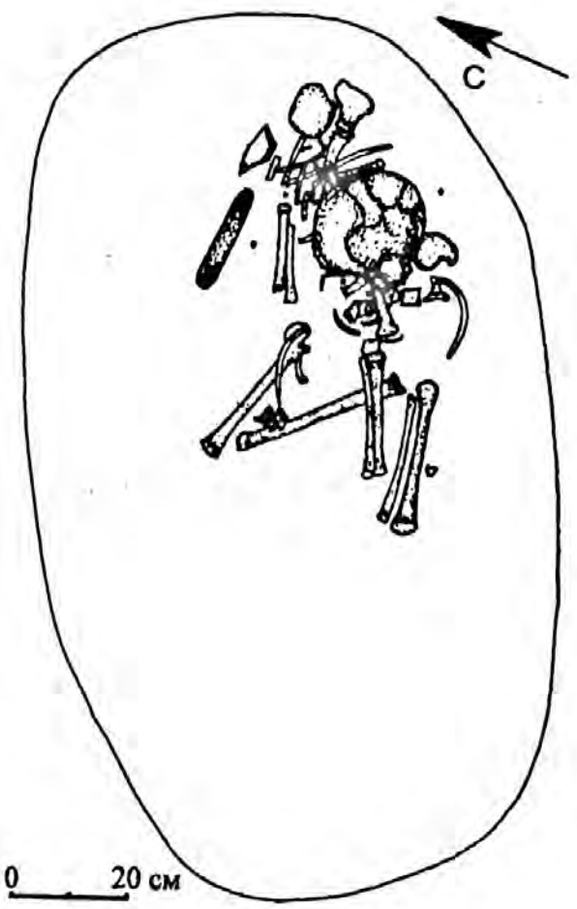

Рис. 5 Одиночное погребение Ус, дно могилы

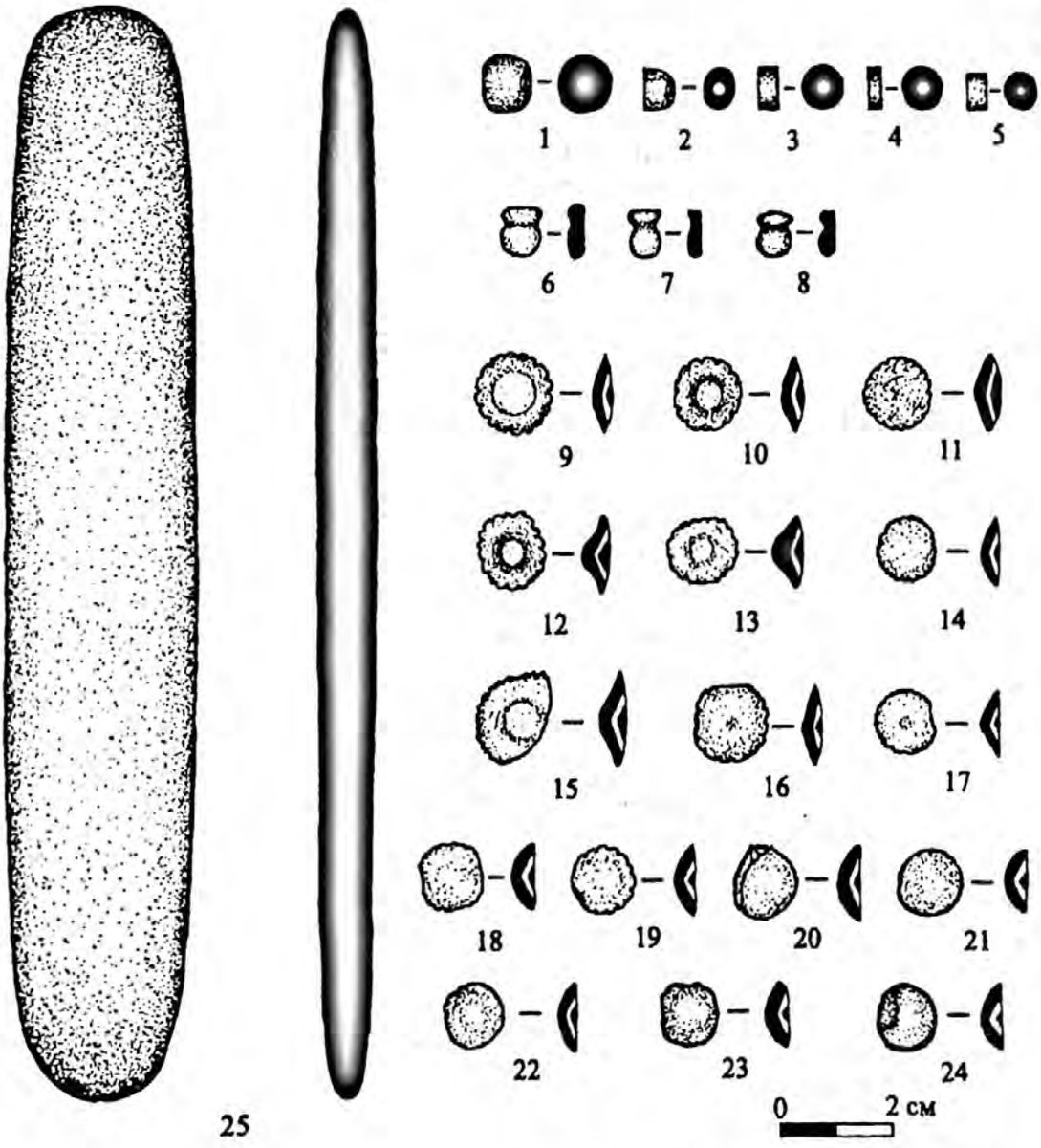

Рис. 6 Одиночное погребение Ус, погребальный инвентарь:
1–5 – бусы; *6–8* – «рыбковидные» нашивки; *9–24* – «пуговицы»; *25* – каменное орудие
(*1–2* – яшма; *25* – сургучная яшма; *3–5, 7–17* – магнезит; *6, 18–24* – ангидрид)

Э.У. Стамбульник, К.В. Чугунов

Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг

Левый берег реки Чаа-Холь от северного склона горы Карабей до восточных отрогов горы Мом на сегодня представляет собой наиболее изученный в археологическом отношении микрорайон Тувы. Здесь, на могильном поле Аймырлыг, начиная с 1968 г. до конца 1980-х годов, проводил раскопки второй отряд Саяно-Тувинской археологической

Рис. 1 Расположение памятников эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг

экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством А.М. Мандельштама, а после его кончины в 1983 г., Э.У. Стамбульник. За этот период были исследованы сотни погребальных памятников разных эпох и получены уникальные материалы по древней культуре населения Центральной Тувы.

Однако судьба этой коллекции оказалась непростой. Анатолий Максимилианович не успел завершить полную обработку всего материала, сосредоточившись на памятниках скифского времени. Между тем, на Аймырлыге были открыты редчайшие для Тувы погребальные комплексы эпохи бронзы. До этих раскопок в бассейне Верхнего Енисея было известно только одно случайно обнаруженное захоронение с орнаментированным горшком, доисследованное С.И. Вайнштейном и отнесенное им к этому периоду (Вайнштейн, 1954, с. 142). Краткое упоминание о памятниках, исследованных на Аймырлыге, было дано лишь в обзорной статье (Мандельштам, Стамбульник, 1980, с. 45). Культура, оставившая эти захоронения, была охарактеризована как «во многом близкая» окуневской культуре Минусинской котловины и датирована первой половиной II тыс. до н.э. («а возможно и позднее»). Обработан и опубликован только антропологический материал из двух исследованных групп (Гохман, 1980, с. 21–34), вызвавший большой интерес и ожидания специалистами полного издания этих комплексов. Однако, к сожалению, памятники эпохи бронзы из Аймырлыга до сих пор не были введены в научный оборот.

После передачи всех материалов раскопок А.М. Мандельштама из ИИМКа на хранение в Государственный Эрмитаж стало очевидно, что коллекция требует большой работы по разборке вещей, соотнесения их с комплексами, реставрации, зарисовке и т.п. В процессе многочисленных переездов из одного помещения в другое, происходивших в ИИМКе в последние годы в связи с ликвидацией многих лабораторий, некоторая часть предметов, вероятно, была утрачена. На ряде вещей отсутствуют шифры. Полевая документация и имеющиеся рисунки иногда позволяют заполнить эти лакуны, но иногда – нет. В отчетах о полевых исследованиях приведены далеко не полные данные и воспроизведены лишь единичные фотографии находок, а материалы одной группы погребений, разрушенной карьером и доисследованной в 1978 г., не вошли в отчет. Поэтому подготовка настоящей публикации потребовала определенных усилий. В тех случаях, когда соотнесение того или иного предмета с конкретным комплексом вызывает у авторов статьи сомнения, это особо оговорено. Тем не менее, авторы уверены, что даже в таком виде материалы эпохи бронзы могильного поля Аймырлыг необходимо опубликовать.

Группа XIII могильника Аймырлыг, где в течение двух полевых сезонов в 1972 и 1973 гг. исследованы первые погребения эпохи бронзы, расположена на небольшом останце, примыкающем западной своей частью к левобережной террасе р. Чаа-Холь. В результате размыва в его южной части обнажились края вертикально установленных плит нескольких каменных ящиков. Раскопками выявлены десять таких сооружений различной степени сохранности. Погребения образовывали две компактные группы: № 1–6 располагались в западной половине останца, № 7–10 сосредоточены в его южной части. В рукописном архиве ИИМК РАН удалось обнаружить план еще одного захоронения, исследованного в 1972 г. На полевом чертеже оно обозначено как

погребение 1 группы XII. Судя по всему, эта могила располагалась западнее группы XIII на склоне террасы.

Погребение XII-1 (рис. 2) сохранилось лишь частично. Вероятно, большинство плит каменного ящика и часть скелета утрачены при эрозии террасы. Сохранились две вертикально вкопанных плиты западной стенки могильной конструкции, ориентированной меридионально. Две плиты, очевидно от восточной стенки, зафиксированы уже

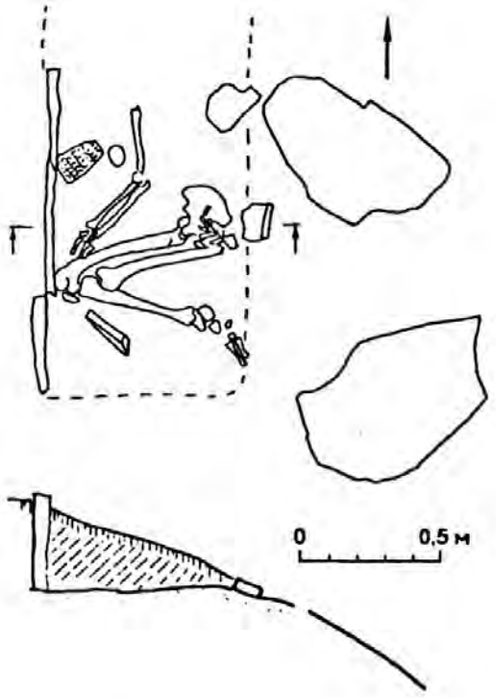

Рис. 2 Аймырлыг XII. Погребение 1

в перемещенном положении. На дне могилы расчищены остатки погребения. Сохранившие первоначальное положение кости ног, тазовые и кости правой руки позволяют реконструировать положение погребенного – на правом боку, с согнутыми ногами, головой на север. Правая рука была вытянута к коленям, фаланги кисти левой руки зафиксированы на тазовых костях. Между правой плечевой костью и стенкой каменного ящика на плане обозначен орнаментированный керамический сосуд удлиненных пропорций с плоским дном, лежащий на боку. Рядом с его дном – округлая фигура, которая может изображать камень, но, возможно, является небольшим каменным сосудом. Предметов, имеющих соответствующий шифр, в коллекции не обнаружено. Однако после разбора всей совокупности материала с этим погребением можно соотнести один из двух целых сосудов, не имеющих шифра. По изображению очертаний горшка на плане могилы это может быть банка закрытой формы, украшенная зубчатым штампом в виде горизонтальной елочки (рис. 3). На дне – оттиски такого же орнаментира, расположенные свастикообразно. Верхняя часть сосуда была обломана в древности и подрезана неровно. При этом частично срезан ряд жемчужных выступов, от

Рис. 3 Керамический сосуд, предположительно происходящий из погребения XII-1

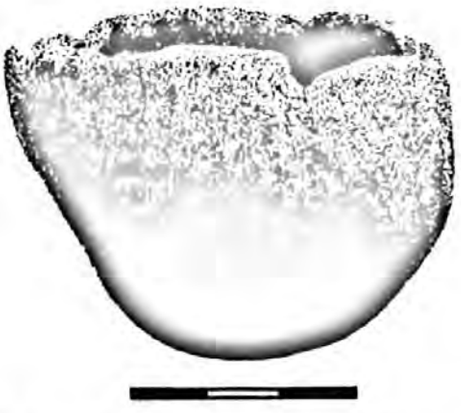

Рис. 4 Каменный сосуд, предположительно происходящий из погребения XII-1

которого сохранились шесть жемчужин, расположенных на уровне десятой полосы елочки с интервалом в 4 см. Кроме того, если наше предположение о находке здесь каменного сосуда верно, то с этим погребением можно соотнести небольшую асимметричную чашечку, выточенную из известняка (рис. 4).

Погребение XIII-1 (рис. 5, *1*) совершено в прямоугольном каменном ящике площадью 0,95×0,65 м, высотой 0,3 м, ориентированном по оси ЮЗ–СВ. Северо-восточная и большая часть юго-восточной стенки ящика не сохранились. Большая плита, лежавшая рядом с могилой, могла относиться к остаткам незафиксированного перекрытия или являться перемещенной стенкой. На дне расчищен скелет взрослого человека, уложенного на правом боку с сильно согнутыми ногами, головой на СВ. Череп раздавлен, часть костей смещена. Около

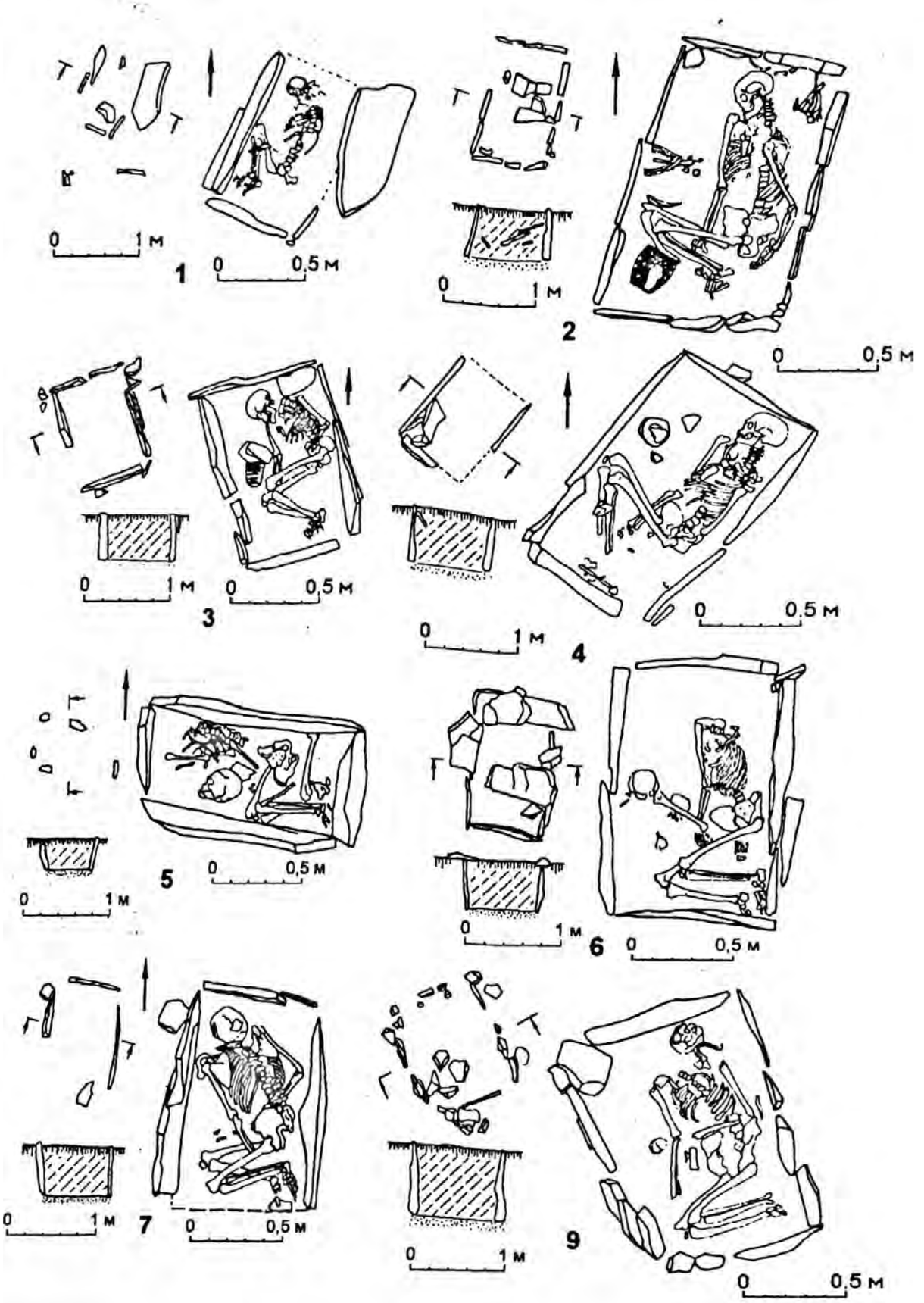

Рис. 5 Погребения 1–7 и 9 могильника Аймырлыг XIII

черепа, ближе к СЗ углу могилы, найден развал небольшого керамического сосуда с диагональным прочерченным орнаментом на тулове и свастикообразным – на дне. Сосуд в коллекции отсутствует, но в архиве найден его рисунок[1] (рис. 6).

Погребение XIII-2 (рис. 5, 2) совершено в прямоугольном каменном ящике размерами в плане 1,60×0,95 м, высотой 0,5 м, ориентированном по оси ЮЗ–СВ. В заполнении зафиксированы остатки

[1] В научном отчете 2-го отряда СТЭ АН за 1972 г. на рисунке 115 приведены фотографии двух сосудов из погребений № 1 и 3. Однако подписи перепутаны: на рис.115-1 фото сосуда из могилы 1 и, соответственно, на рис. 115-2 – из могилы 3.

просевших плит перекрытия. На дне расчищен скелет мужчины[2], уложенного на правом боку с сильно согнутыми ногами, головой на СВ. Руки

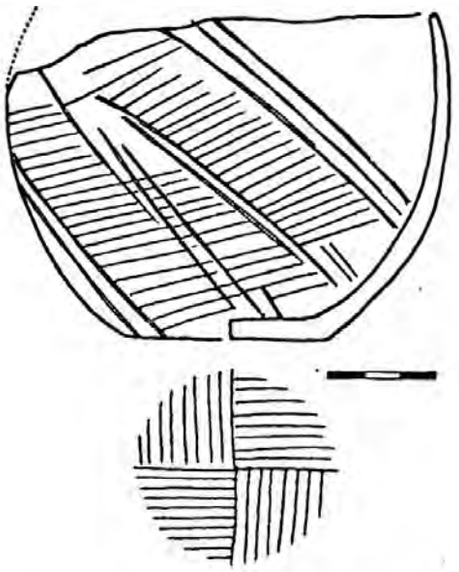

Рис. 6 Керамичсский сосуд из погребения XIII-1

погребенного вытянуты вдоль позвоночника, правое запястье – под бедренными костями, кисти – с обеих сторон от таза.

За черепом погребенного в северо-восточном углу каменного ящика найдены следующие предметы: сильно окисленный бронзовый (или медный?) нож (рис. 8), костяной игольник с остатками металлического (медного?) шила, каменный диск с отвер-

Рис. 7 Костяной игольник и каменный диск из погребения XIII-2

Рис. 8 Нож и шило из погребения XIII-2

стием (рис. 7), каменный предмет (?) и трубчатые кости животного. Перед грудной клеткой зафиксированы ребра животного и рядом с ними – окислившийся медный (?) предмет. На запястье левой руки погребенного найден мелкий каменный бисер[3]. В юго-западном углу каменного ящика лежал крупный керамический сосуд баночной формы, сплошь орнаментированный зубчатым штампом. Под венчиком – одна полоса из отпечатков вертикально

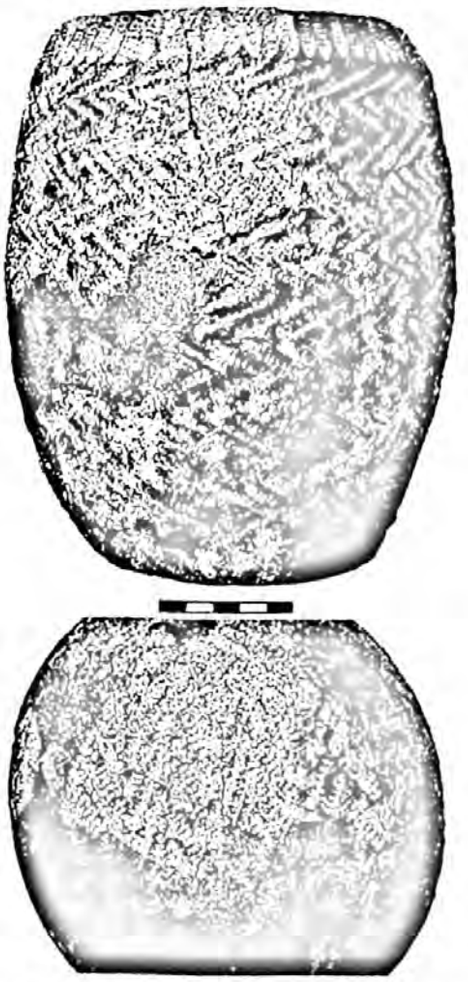

Рис. 9 Керамический сосуд из погребения XIII-2

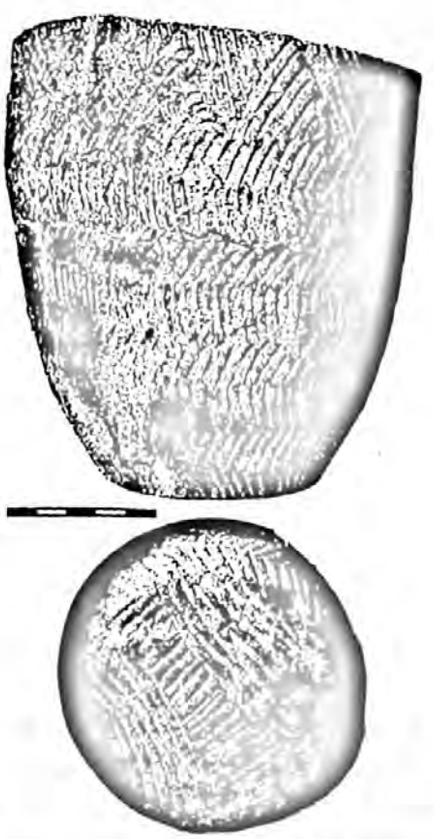

Рис. 10 Керамический сосуд из погребения XIII-3

[2] Антропологические определения, где они присутствуют, даны по: Гохман, 1980, табл. 4.

[3] Находки из этого погребения (за исключением керамического сосуда) воспроизводятся по зарисовкам из полевой описи и фотографиям из отчета, где они ошибочно обозначены как происходящие из могилы 1.

установленного орнаментира. Остальная поверхность, включая дно, покрыта штампом, образующим горизонтальную «елочку» (рис. 9).

Погребение XIII-3 (рис. 5, *3*) совершено в каменном ящике 1,05×0,75×0,5 м, ориентированном по длине меридионально с небольшим отклонением к ССЗ. На дне расчищен скелет женщины, лежащий на правом боку с согнутыми ногами, головой на СЗ. Левая рука вытянута, кости кисти залегают под коленями, правая – согнута в локте. Около коленей, под западной стенкой ящика лежал орнаментированный керамический сосуд (рис. 10). Он определен среди не имеющих шифра сосудов по фотографии и плану могилы, а также зарисовке в полевой описи. Сосуд баночной формы с плоским дном и прямо срезанным венчиком. Декор, выполненный гладким орнаментиром, покрывает все тулово и дно. Под венчиком расположен ряд взаимопроникающих заштрихованных треугольников, ниже – восемь горизонтальных рядов оттисков гладкого штампа, расположенных елочкой. На дне – две симметричные полукруглые фигуры и заштрихованная полоса между ними.

Погребение XIII-4 (рис. 5, *4*) располагалось в прямоугольном каменном ящике 1,45×0,9×0,6 м, ориентированном по оси ЮЗ–СВ. На дне расчищен женский скелет, лежавший на правом боку с согнутыми ногами, головой на СВ. Кости правой руки вытянуты вдоль позвоночника, причем предплечье залегает под бедренными. Кости левой руки смещены. На правой голени зафиксированы окислы меди. Под северо-западной стенкой ящика лежал разбитый каменный сосуд, отремонтированный при помощи отверстий и заливок медью. Он изготовлен из магматической породы и в древности был расколот на две части. Для ремонта в его стенках и дне

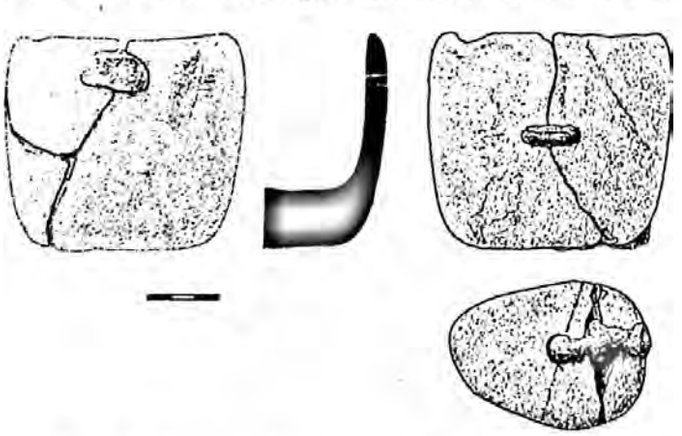

Рис. 11 Каменный сосуд из погребения XIII-4

были просверлены три пары отверстий. Они были залиты медью, которая не только скрепила две части сосуда, но и частично заполнила трещины. Уже после помещения в могилу фрагмент стенки откололся еще раз, причем одна из заливок выпала.

Погребение XIII-5 – прямоугольный каменный ящик 1,3×0,7×0,4 м, ориентированный широтно с небольшим отклонением к СЗ содержал сильно нарушенный скелет. По сохранившимся на месте костям можно утверждать, что погребенный был уложен на правом боку с согнутыми ногами, головой на ЗСЗ (рис. 5, *5*).

Погребение XIII-6 (рис. 5, *6*) было исследовано в каменном ящике 1,40×0,90×0,50 м, вытянутом по оси С–Ю. На стенках и в заполнении могилы сохранились остатки перекрытия из горизонтально уложенных плит. На дне – скелет погребенного, уложенного на правый бок с согнутыми ногами, головой на север. Череп разбит и перемещен, кости левой руки также смещены. Рядом с правой рукой, вытянутой к ногам, зафиксированы истлевшие кости младенца. Над ними под западной стенкой найден керамический сосуд с налепами под венчиком и орнаментом в виде вертикальных оттисков зубчатого штампа. Плоское дно не орнаментировано (рис. 12).

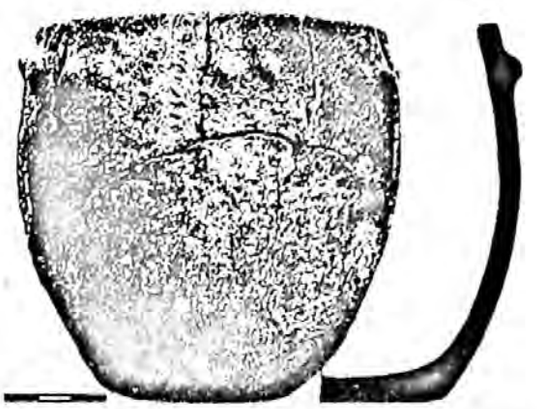

Рис. 12 Керамический сосуд из погребения XIII-6

Рис. 13 Каменный сосуд из погребения XIII-7

Погребение XIII-7 совершено в каменном ящике 1,60 х 0,8 х 0,60 м, ориентированном с юга на север. Южная стенка ящика не сохранилась. На дне зачищен скелет погребенного, лежавшего первоначально на правом боку с сильно согнутыми ногами головой на СЗ и завалившегося на живот. Кости левой руки вытянуты, правая согнута в локте. Под левым плечом найден уплощенный каменный сосуд с боковой ручкой-выступом (рис. 13). Он изготовлен из серого известковистого песчаника. Небольшая круглая по венчику чаша моделирована точечной выбивкой. Рукоять оформлена такой же выбивкой и

Рис. 14 Аймырлыг XIII. Погребение 8

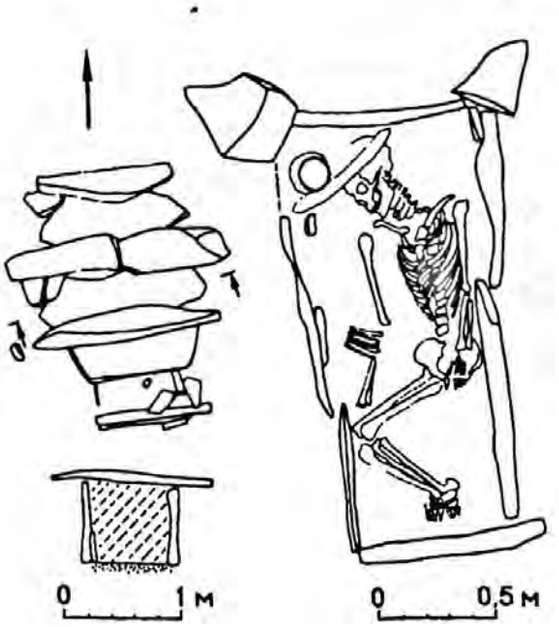

Рис. 15 Аймырлыг XIII. Погребение 8

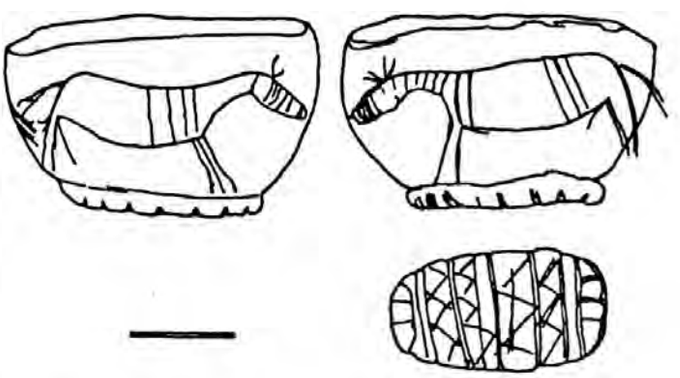

Рис. 16 Каменный сосуд из погребения XIII-8

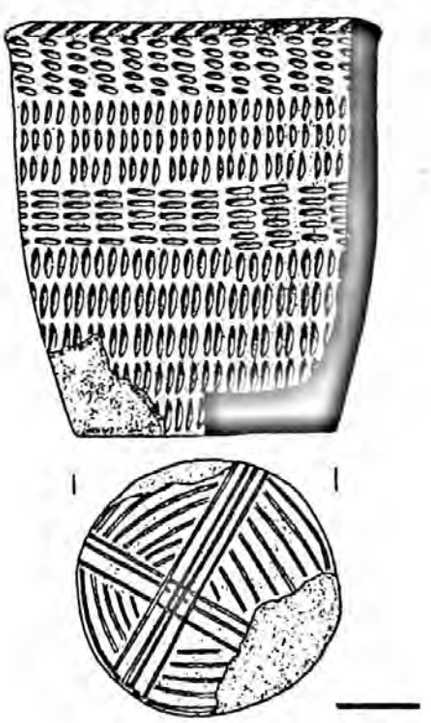

Рис. 17 Керамический сосуд, происходящий предположительно из погребения XIII-8

приострена на конце двумя сколами. На дне и одной из стенок – следы забитости.

Погребение XIII-8 единственное сохранило перекрытие из массивных продолговатых плит, уложенных поперек длинной оси каменного ящика, ориентированного меридионально (рис. 14, 15). Отсутствовала только плита на южной стенке погребальной камеры. Размеры каменного ящика – 1,85×1,00×0,7 м. На дне зачищен скелет мужчины, уложенного на правом боку с согнутыми ногами, головой на ССЗ. Руки погребенного, слегка согнутые в локтях, вытянуты вдоль тела. Перед черепом, в СЗ углу стоял керамический сосуд и лежала на боку небольшая каменная чашечка (рис. 16) с гравированными изображениями животных на стенке и геометрическим узором на дне[4]. Здесь же находился массивный каменный предмет, имеющий длину около 0,5 м. С одного конца он уплощен, второй конец – округлый, постепенно сужающийся. Этот каменный стержень лежал плоским концом на дне могилы между керамическим и каменным сосудами, другим – опирался на череп погребенного. Можно предположить, что первоначально он мог быть прислонен к западной плите каменного ящика, т.е. установлен вертикально. К сожалению, в переданной коллекции этот предмет отсутствует. Что касается керамического сосуда, то с некоторой долей вероятности с ним можно соотнести еще один из

[4] Этот каменный сосуд, к сожалению, в коллекции отсутствует. Его фотография приведена в отчете 2-го отряда СТЭ АН за 1972 год, а изображение одной из его сторон было опубликовано (Вайнштейн, 1974; Дэвлет, 1980, рис. 21-4). В нашей публикации воспроизводится прорисовка обеих сторон и дна, выполненная на основе протирки изображений, обнаруженной в архиве автора раскопок.

двух не зашифрованных горшков, присутствующих в коллекции (рис. 17). Это открытая банка, стенки которой декорированы оттисками гладкого штампа. По плоскому, слегка развернутому наружу краю венчика – насечки такого же штампа. На дне сосуда – прочерченный орнамент в виде асимметричного креста и косых полос.

Погребение XIII-9 (рис. 5, *9*) содержало каменный ящик 1,50×1,00×0,8 м, ориентированный меридионально с небольшим отклонением к СЗ. На дне расчищено захоронение человека, уложенного на правый бок с согнутыми ногами, головой на ССЗ.

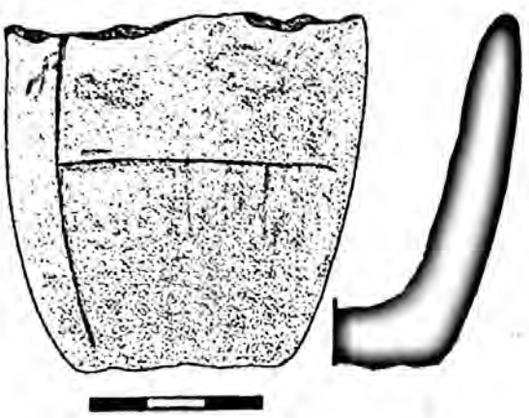

Рис. 18 Каменный сосуд из погребения XIII-9

Некоторые кости скелета, включая череп, смещены. Кости правой руки вытянуты к коленям, левая согнута в локте. Около правого локтя найден небольшой каменный сосуд с прочерченным схематичным изображением животного (рис. 18). Изготовлен из магматической породы (габбро?).

Погребение XIII-10 (рис. 19) представляло собой остатки каменного ящика 0,9×0,6×0,4 м, многие плиты которого отсутствовали или были смещены. Могила ориентирована длинной осью по линии С–Ю. На дне в северной половине обнаружены обломки черепа.

Судьба остальных материалов эпохи бронзы, происходящих с территории могильного поля Аймырлыг, оказалась печальной. Большинство их было обнаружено в 1978 г. в результате разрушения, вероятно, такой же группы могил при разработке карьера. Тем не менее, ряд предметов, переданных в Эрмитаж, можно сгруппировать по комплексам. На некоторых полевых шифрах, присутствующих вместе с вещами, значится «карьер, ящик №...», что, вероятно, говорит о наличии остатков каменных конструкций могил, которые были доисследованы. Отсюда же происходит и антропологический материал, измерения которого были произведены И.И. Гохманом и опубликованы в упомянутой выше статье под наименованием «Аймырлыг, группа XXVII». Однако эта группа, судя по документации раскопок, относится к скифскому времени. В архивах и отчетах не удалось найти никаких ссылок на обнаруженные здесь погребения эпохи бронзы. Поэтому мы оставляем за этими комплексами наименование «Аймырлыг-карьер».

Карьер, могила 1. Наиболее многочисленный по составу комплекс предметов, включающий керамический сосуд, изделия из меди, камня и кости.

Форму горшка можно условно определить как яйцевидную (рис. 20). У него уплощенное дно и чуть приостренный венчик. Орнамент, выполненный гладким орнаментиром, нанесен на тулове горизонтальными рядами в «елочном» порядке. Под венчиком оттиски такого же штампа образуют ряд заштрихованных треугольников, в придонной части – два ряда из вертикальных оттисков. На дне – также семь оттисков, расположенных без видимого порядка. Вероятно, поверхность сосуда была слегка заглажена после нанесения орнамента.

В комплексе присутствует два медных предмета – двулезвийный черешковый нож и четырехгранное в сечении шило (рис. 21 – *11*, *12*). У шила сохранилась деревянная рукоять, перевязанная в одном месте сухожильной нитью.

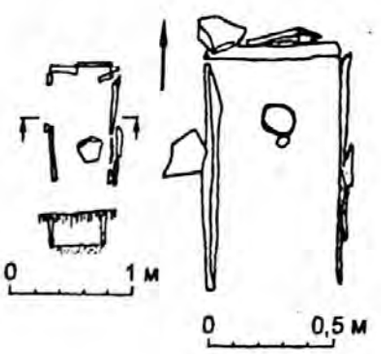

Рис. 19 Аймырлыг XIII. Погребение 10

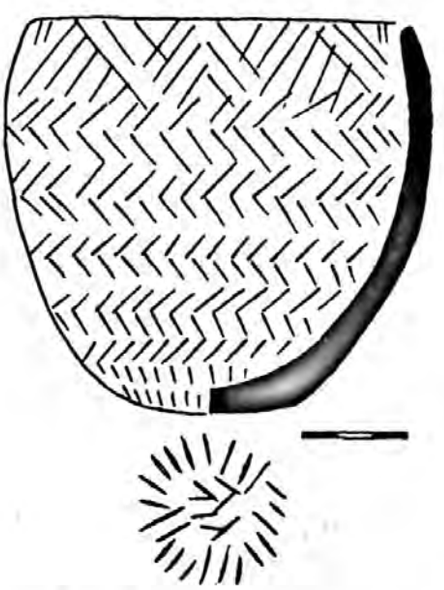

Рис. 20 Аймырлыг-карьер, мог. 1. Керамический сосуд

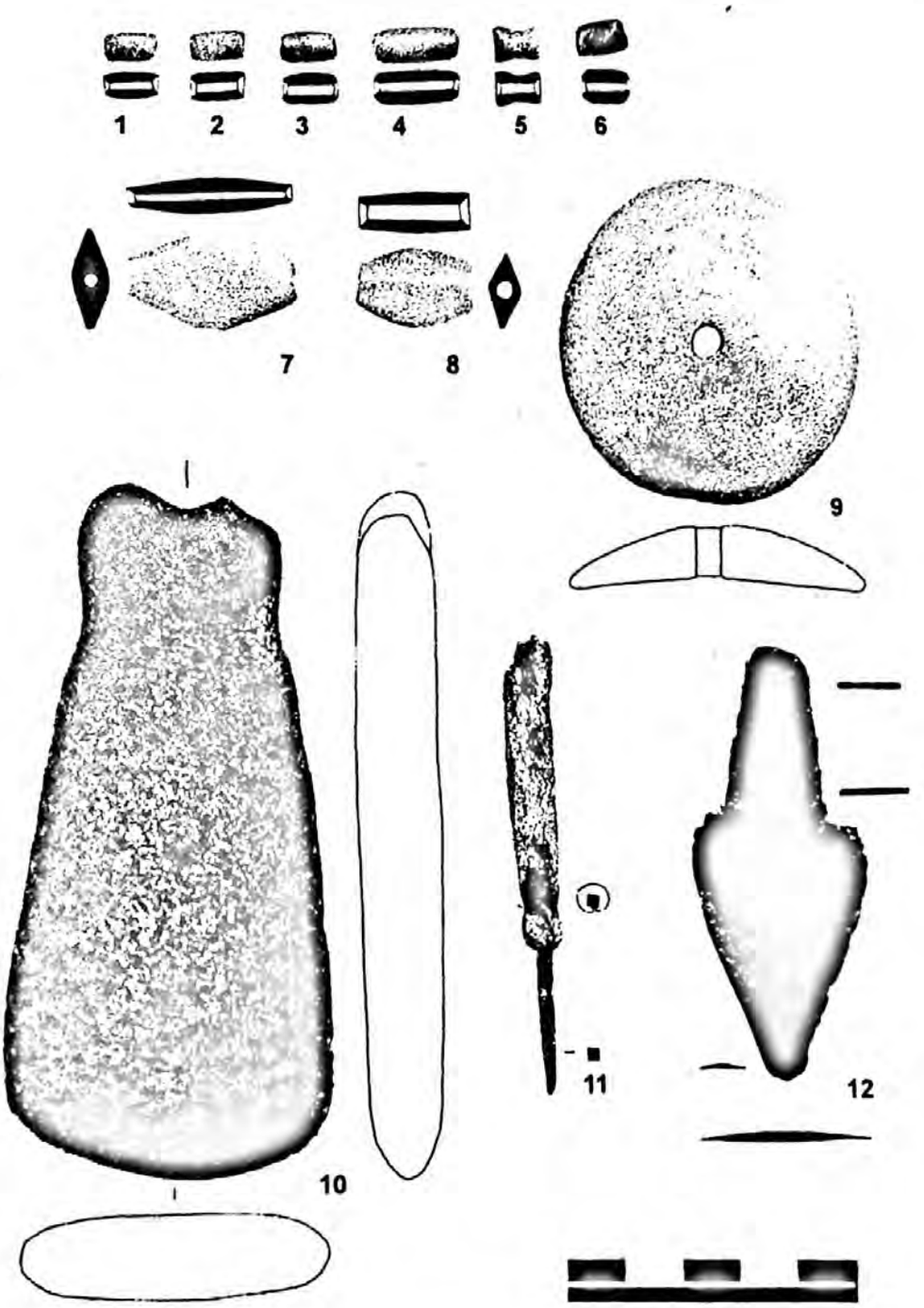

Рис. 21 Аймырлыг-карьер, мог. 1. Каменные и металлические изделия.
11 – медь, дерево; *12* – медь; остальное - камень

Каменные изделия разнообразны. Украшения представлены шестью цилиндрическими бусинами (рис. 21, *1–6*) из стеатита (?). Одна из бусин имеет перехват в средней части. Две пронизи имеют ромбические очертания и четырехгранное сечение (рис. 21, *7*, *8*). Одна из них, более крупная, изготовлена из того же материала, что и бусы. Вторая – из зеленого камня. Круглый сегментовидный в разрезе диск с отверстием в центре выточен из серого мелкозернистого песчаника (рис. 21, *9*). Оселок, представленный в коллекции вещей этого комплекса, изготовлен из яшмовидной породы темно-красного цвета с включениями кристаллов кварца (рис. 21, *10*). Этот предмет, вероятно, долго использовался, о чем свидетельствуют многочисленные следы на его поверхности. Кроме того, можно предположить, что первоначально он имел отверстие в более узкой своей части, которое в древности обломилось. После этого края слома были обработаны и на оселке сделаны выемки для крепления ремня.

В комплексе имеются пять сколов кремнистого сланца. Три из них собираются между собой (рис. 22). На некоторых участках двух камней прослеживается ретушь, но определить их как орудия нет оснований. Маленькая полушаровидная галька диаметром около 2 см не имеет следов какого-либо воздействия человека и могла попасть в комплекс случайно, благодаря своей правильной форме.

Костяные изделия представлены тремя обоймами и проколкой. Последняя изготовлена из осколка трубчатой кости. Рабочее окончание ее приострено дополнительным сколом. Обоймы вырезаны из ребра какого-то крупного животного. Торцы их тщательно подрезаны. Изделия имеют полукруглое

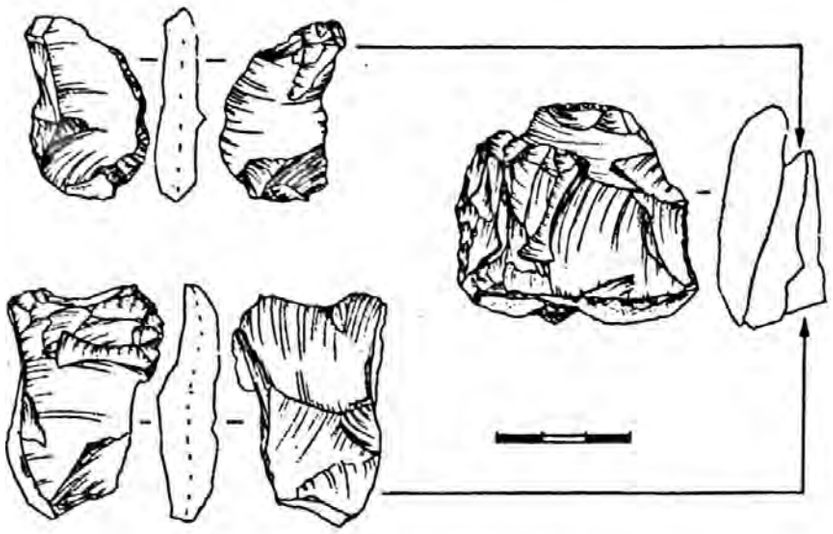

Рис. 22 Аймырлыг-карьер, мог. 1. Кремневые сколы (благодарим С.М. Осташинского за прорисовку)

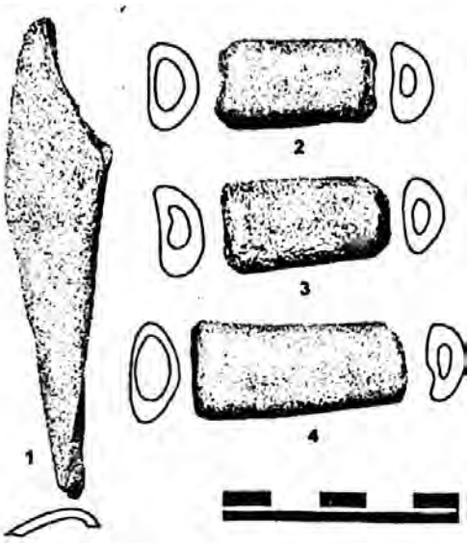

Рис. 23 Аймырлыг-карьер, мог. 1. Изделия из кости

сечение, обусловленное естественной формой заготовки (рис. 23). Кроме этих предметов в комплексе присутствуют еще пять астрагалов без следов обработки.

Карьер, могила 2. Под этим номером в коллекции обозначен разбитый керамический сосуд закрытой формы. Дно плоское. Вся поверхность сосуда, за исключением дна, орнаментирована горизонтальными рядами оттисков овального штампа, имеющего четыре округлых выступа. Орнаментир устанавливался вертикально или чуть наклонно.

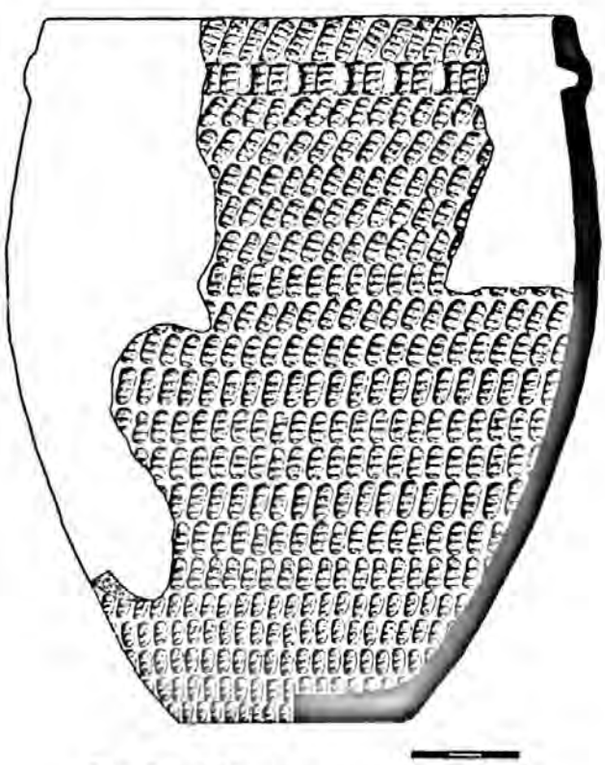

Рис. 24 Аймырлыг-карьер, мог. 2. Керамический сосуд

Ряд оттисков под венчиком отличается от остальных более длинными отпечатками с шестью выступами. Под верхним рядом – жемчужины, выдавленные изнутри. Между ними оттиски такого же штампа, придающие жемчужинам вытянутые очертания. Интересной особенностью этого сосуда является то, что внутри него в придонной части на поверхности видны отчетливые следы затертости (рис. 24).

Карьер, могила 3. Отсюда происходят фрагменты от стенок и дна керамического сосуда. Поверхность их орнаментирована мелким гребенчатым штампом, образующим горизонтальный «елочный» декор на стенках. Дно украшено тем же штампом без видимой системы. Фрагменты венчика отсутствуют (рис. 25).

Карьер, могила 6. В коллекции – собранные фрагменты большого керамического сосуда (рис. 26). Верхняя часть горшка закрытой формы реконструируется. По верху венчика проходит желобок, отогнувший его внешний край наружу. Внешнее ребро венчика украшено овальными вдавлениями, расположенными чуть наклонно. Под отогнутым краем – пять горизонтальных желобков. Ниже по тулову идут наклонные ряды зубчатого штампа. Наклон штампа чередуется: два ряда влево, два – вправо.

Рис. 25 Аймырлыг-карьер, мог. 3. Фрагменты сосуда

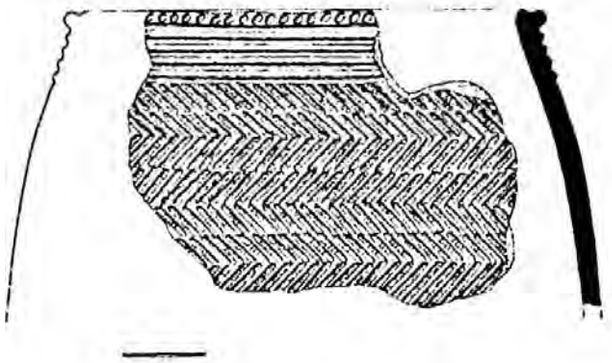

Рис. 26 Аймырлыг-карьер, мог. 6. Фрагменты сосуда

В коллекции также присутствует небольшой каменный сосуд, имеющий шифр **«Карьер II, ящик 5»**. Он изготовлен из небольшой гальки серого цвета с прожилками более плотной породы. Абрис сосуда по венчику овальный, по дну – яйцевидный. Одна стенка имеет асимметричный скос, внутри сосуда прожилка плотной породы образовала уступ, пересекающий дно (рис. 27).

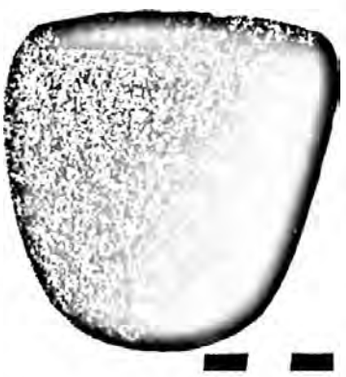

Рис. 27 Аймырлыг-карьер II, ящик 5. Каменный сосуд

Кроме этих материалов вместе с другими предметами из Аймырлыга в Эрмитаж переданы несколько керамических сосудов и их фрагментов, не имеющие в настоящий момент шифров. Как уже говорилось, два целых горшка соотносятся с могилами XII-1 (рис. 3) и XIII-8 (рис. 17). Фрагмент венчика профилированного сосуда, украшенного горизонтальными желобками по шейке, насечками по прямо срезанному венчику и наклонными линиями по тулову (рис. 28), возможно, происходит из разрушенных комплексов.

Керамический сосуд обнаружен в погребении, исследованном в 1979 году недалеко от могильника гунно-сарматского времени **Аймырлыг XXXI**. Чертежей могилы обнаружить не удалось и в научный отчет материалы не вошли. Известно лишь, что захоронение было совершено в каменном ящике, и скелет лежал в скорченном положении[5]. Баночный сосуд с соответствующим шифром, представленный в коллекции, орнаментирован зубчатым штампом, образующим на тулове горизонтальный елочный узор. Под приостренным венчиком – несколько полос оттисков такого же штампа, расположенных почти горизонтально, с небольшим наклоном вправо. На дне – параллельные отпечатки того же орнаментира.

Рис. 28 Фрагмент керамического сосуда без номера

Публикуя материалы эпохи бронзы могильника Аймырлыг, нельзя не привести еще одну яркую находку, связанную с разрушенным погребальным комплексом и уникальную для территории центрально-азиатского региона в целом. Речь идет о двух бронзовых браслетах, случайно обнаруженных вместе с костями рук на выдуве в колее грунтовой дороги (рис. 30). Об остатках захоронения известно, что руки погребенного были сильно согнуты в локтях. Раскопки на месте находки и рядом с ним не дали никаких результатов. Пластинчатые браслеты относятся к хорошо известному типу андроновских (федоровских) украшений, распространенных в ареале этой культуры (Аванесова, 1991, рис. 54). У обоих предметов слегка выгнутые пластины заканчиваются коническими спиральными конусами. При этом изделия незначительно отличаются как размерами, так и оформлением окончаний. У браслета чуть меньшего диаметра конусы образованы пятью спиралями и отходят от противоположных сторон

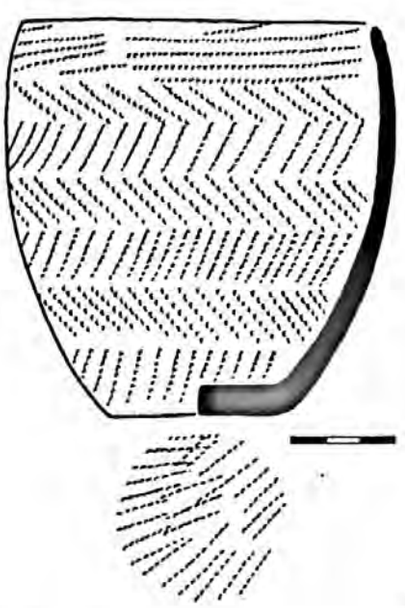

Рис. 29 Аймырлыг XXXI. Керамический сосуд

[5] Информация получена от Е.Д. Паульса, который непосредственно принимал участие в раскопках этого погребения.

пластины по принципу обратной симметрии. У второго изделия один конус состоит из семи завитков, второй обломан по пятому завитку спирали. Композиция окончаний зеркальна – спирали закручены в противоположные стороны и отходят от одной стороны пластины браслета.

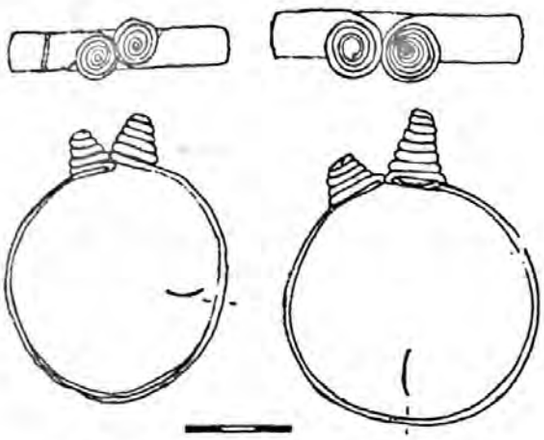

Рис. 30 Аймырлыг. Бронзовые браслеты

Подводя итог публикации материалов эпохи бронзы, происходящих из погребальных комплексов могильного поля Аймырлыг. можно сделать несколько самых общих замечаний о культуре оставившего их населения.

Из погребений и разрушенных комплексов происходит довольно представительная серия керамических сосудов, включающая девять целых форм и три фрагментированных горшка. Как декор, так и формы сосудов очень разнообразны. Здесь представлены банки закрытых и открытых форм, а также горшки, очертание которых близко яйцевидному. В одном случае (Карьер, могила 2) зафиксированы следы затертости на внутренней поверхности сосуда, характерные для афанасьевской керамической традиции Минусинской котловины. Все сосуды орнаментированы. В серии керамики из Аймырлыга примерно равное соотношение зубчатого и гладкого штампа. Несмотря на многообразие композиций, можно отметить преобладание елочного орнамента – он встречен на восьми сосудах. Тем не менее, почти все элементы декора находят аналогии в материалах окуневской культуры, где «индивидуальность каждого сосуда – характерная и характеризующая черта» (Максименков, 1980, с. 22).

Два медных ножа из тувинских комплексов также аналогичны изделиям из окуневских могил. Однако заметим, что черешковый нож соответствует материалам раннего окуневского комплекса Уйбат III (Лазаретов, 1997, табл. XIII, 1, 2), а пластинчатый экземпляр из могилы 2 XIII группы Аймырлыга аналогичен многочисленным находкам в памятниках Черновского этапа культуры. Отметим также совершенно идентичные тувинским предметам каменные диски с отверстием, костяные игольники, шилья и оселок с перехватом в верхней части.

Яркая категория инвентаря тувинских погребений, не встреченная в материалах окуневской культуры Минусинской котловины – каменные сосуды. Наличие их в захоронениях может считаться особенностью материального комплекса именно этих памятников. Ближайшей аналогией этим предметам является каменный сосуд с гравированными изображениями животных и лучника из Угловского района Алтайского края (Кирюшин, Симонов, 1997, с. 176–171). Ю.Ф. Кирюшин относит эту случайную находку к елунинской культуре, распространенной в эпоху ранней бронзы преимущественно на территории предгорно-равнинной зоны Алтая (Кирюшин, 2002, с. 58–59). Интересно, что некоторые изображения на алтайском сосуде стилистически перекликаются с рисунками лошадей на каменной чашечке из могилы 8 Аймырлыга XIII. В частности, совершенно аналогичны небольшие отростки на головах зверей, а также ноги, показанные двойными линиями. Кроме того, отверстие в елунинском сосуде было залито свинцом, как и сосуд из могилы 4 отремонтирован заливкой меди. Форма последнего также близка находке из Угловского района. Параллели с елунинскими материалами на этом не заканчиваются. Из разрушенного погребения могильника Шипуново 5 происходят четыре каменных жезла, которые стояли вертикально вдоль борта могилы вниз навершиями (Кирюшин, 2002, с. 56). Помимо изделий с зооморфными навершиями здесь присутствует изделие в виде длинного (45 см) стержня со скошенной уплощенной вершиной (там же, рис. 130). Конфигурация и, главное, расположение в погребальном комплексе аналогично находке такого же предмета в одном из каменных ящиков Аймырлыга XIII. О чем говорят эти соответствия, пока сказать сложно, но то, что они не случайны – вне всякого сомнения. А.А. Ковалев сопоставил елунинский каменный сосуд и некоторые другие находки из памятников этой культуры с чемурчекской культурной традицией, носители которой, возможно, приняли участие в формировании европеоидных культур эпохи ранней бронзы Центральной Азии и Алтая (Ковалев, 2005, с. 178–184). Однако тувинские материалы пока слишком малочисленны и фрагментарны, чтобы рассматривать на их основании вопросы культурогенеза. Представляется, что современное состояние источников пока не позволяет решить вопросы относительной хронологии этих древностей и, следовательно, установить взаимосвязи культур на широкой территории. Несомненно одно – культура окуневского типа в Туве отличается определенным своеобразием. Вероятно, она имела свою судьбу, отличную от судьбы окуневских племен Минусинской котловины.

К.В. Чугунов, А. Наглер, Г. Парцингер

Аржан-2: материалы эпохи бронзы

Российско-германская археологическая экспедиция проводила раскопки на погребально-поминальном комплексе Аржан-2 в Турано-Уюкской котловине на севере Тувы с 2000 по 2004 гг. Основной целью являлось исследование элитного захоронения раннескифского времени и связанных с ним конструкций. Однако на памятнике был сделан ряд находок, непосредственно не связанных с погребальным комплексом. В процессе работы выяснилось, что курган и окружающие его ритуальные сооружения были возведены на месте более древнего поселения, культурный слой которого частично сохранился под памятником. Кроме того, при разборке кладки наземного сооружения найдены плиты с петроглифами, некоторые из которых относятся к доскифской эпохе. Настоящая статья посвящена публикации этих материалов.

Современная топографическая ситуация местонахождения памятника – на южном пологом склоне отрогов Куртушибинского хребта, в 3 км к северу от слабосоленого Белого озера. Растительный покров представлен степными и засоленными лугами, горные склоны покрывают степи. Высотные отметки – около 830 м над уровнем моря. Отсутствие поблизости источников пресной воды, однако, не означает, что их не было в древности. Палинологические и геохимические исследования осадочных накоплений Белого озера, проведенные группой российских и голландских ученых, показали, что в течение голоцена климат в Турано-Уюкской котловине неоднократно менялся. Здесь, как и во многих регионах Евразии, 4500–3500 лет назад прошел экологический кризис, который привел к постепенному опустыниванию ландшафтов, деградации почвенного покрова, исчезновению малой и средней гидрологической сети (Zaitseva, van Geel et al, 2004, p. 267–271). Соответственно можно предположить, что до этого периода Белое озеро было пресноводным и проточным, соединяясь руслами с рекой Уюк. Площадь его была намного больше. Вероятно, водой были покрыты все заболоченные в настоящее время территории к востоку от горы Кошпей (рис. 1). Таким образом, поселение, зафиксированное под памятником раннескифского времени, вполне могло находиться на берегу пресноводного озера.

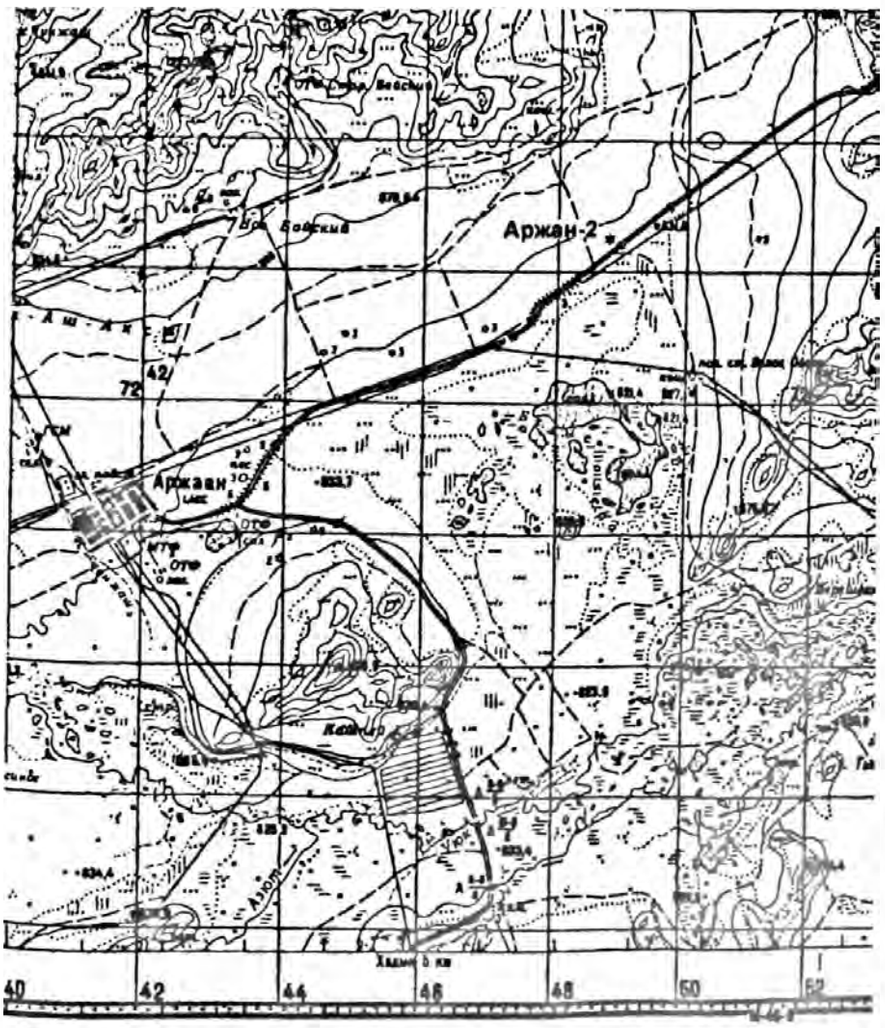

Рис. 1 Местонахождение памятника Аржан-2

Фрагменты орнаментированной керамики были обнаружены уже в первый год раскопок во время исследования кольцевых оград и первых рекогносцировочных раскопок кургана. Тогда культурный слой выявлен не был, так как под ритуальными сооружениями погребенная почва не выражена. Под кладкой кургана его удалось проследить. Слой залегает в нижней части погребенной почвы и фиксируется по тонкой прослойке дресвы. Вероятно, с ним связаны аморфные гумусированные пятна на площади кургана, прослеженные в плане, однако никаких конструкций и жилых комплексов, безусловно относящихся к поселению, выявить не

удалось. Исключение – несколько небольших ям, исследованных под конструкцией кургана и, вероятно, одна ямка с костями ягненка в кольцевой ограде к западу от него. Всего в процессе исследований было вскрыто около 3 500 кв. м площади культурного слоя (свыше 2 500 кв. м под курганом и около 1 000 кв. м на периферии комплекса раннескифского времени).

Образец погребенной почвы из горизонта древнего поселения был подвергнут датированию в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. Полученная дата (Ле-6219) – 3000±20 BP при калибровке показывает достаточно широкие календарные интервалы возраста культурного слоя от XIV до конца XII в. до н.э. (рис. 2). Тем не менее, эта датировка свидетельствует о том, что между поселением и последующим устройством на его месте погребального памятника прошло не менее пяти столетий.

В целом, слой слабо насыщен находками и

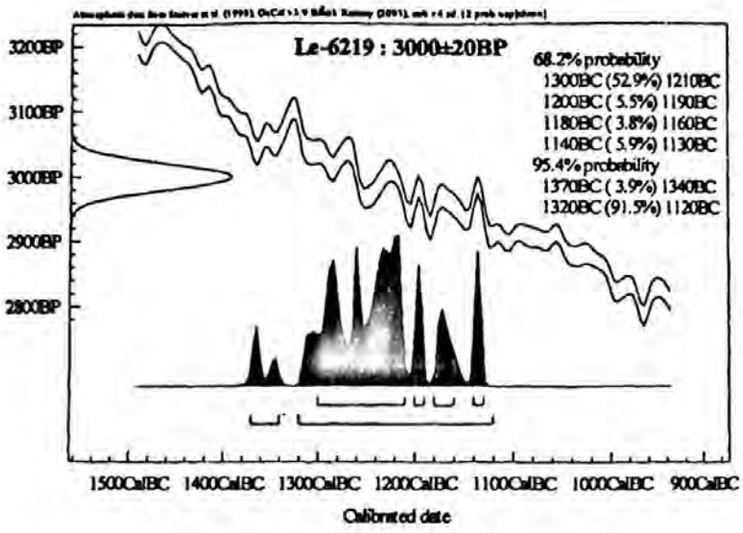

Рис. 2 Калиброванная радиоуглеродная дата образца погребенной почвы из культурного слоя

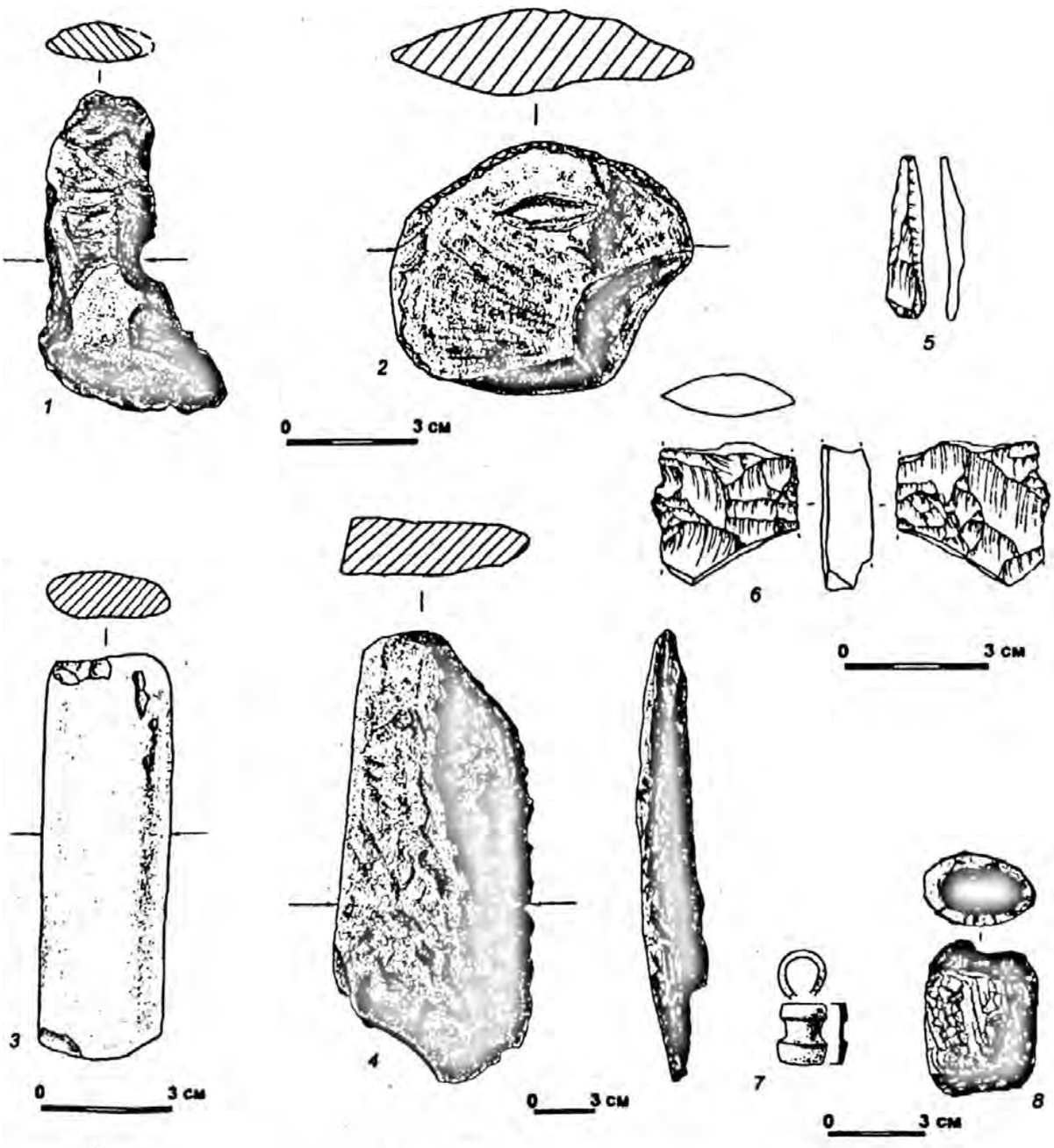

Рис. 3 Находки из культурного слоя (*1–6* – камень, *7* – кость, *8* – рог)

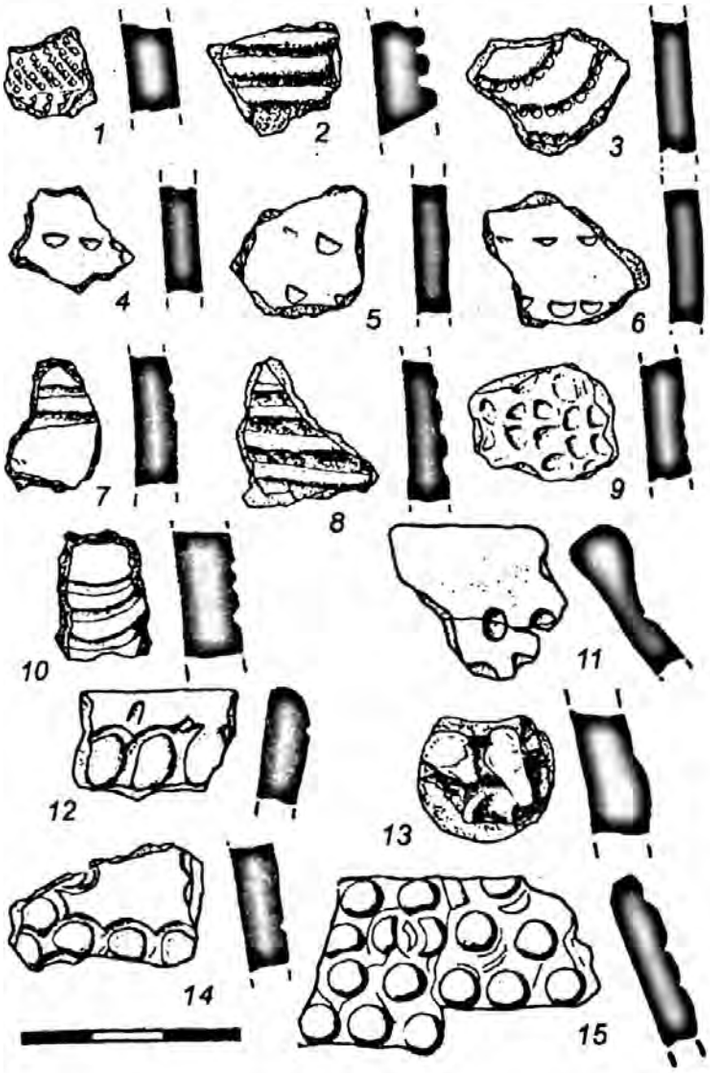

Рис. 4 Керамика из культурного слоя

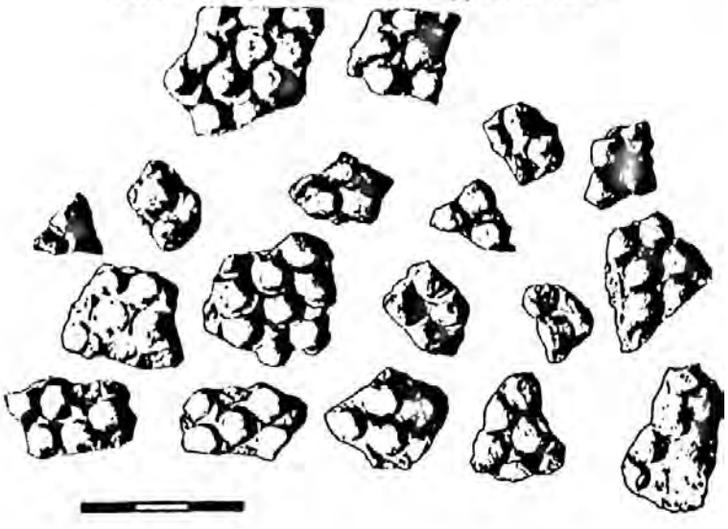

Рис. 5 Фрагменты керамического сосуда, орнаментированного трубчатым штампом

культурными остатками. Помимо фрагментов керамики, встречены сработанные нуклеусы, отщепы и сколы камня, кости животных. Из сланцевой плитки изготовлен крупный нож (рис. 3, *4*). Другой нож, тоже из сланца, относится к категории жатвенных. Он сломан по сверленому отверстию (рис. 3, *1*). Скребловидное орудие из мелкозернистого кварцита, изготовленное на отщепе, имеет ретушь по острому краю (рис. 3, *2*). Возможно, из культурного слоя происходит обломанный оселок из красной яшмы (рис. 3, *3*), найденный в разрушенной и размытой дождями части памятника. Вызывает интерес обломок двусторонне обработанного, линзовидного в сечении орудия из кремнистой породы (рис. 3, *6*). Возможно, это фрагмент наконечника дротика. В небольшом количестве встречены мелкие кремневые отщепы, из которых наиболее выразительным является торцевой скол (рис. 3, *5*). Из индивидуальных находок можно отметить заготовку изделия из рога (рис. 3, *8*) и фрагментированную костяную поделку в виде катушкообразной муфты (рис. 3, *7*).

На площади памятника найдены фрагменты стенок и венчиков от разных сосудов с орнаментом. Встречены неорнаментированные мелкие обломки горшков. Наиболее распространенным декором керамического комплекса памятника является орнамент, выполненный трубчатой костью. Фрагменты сосудов, стенки которых сплошь покрыты оттисками полой трубчатой кости, встречены повсеме-

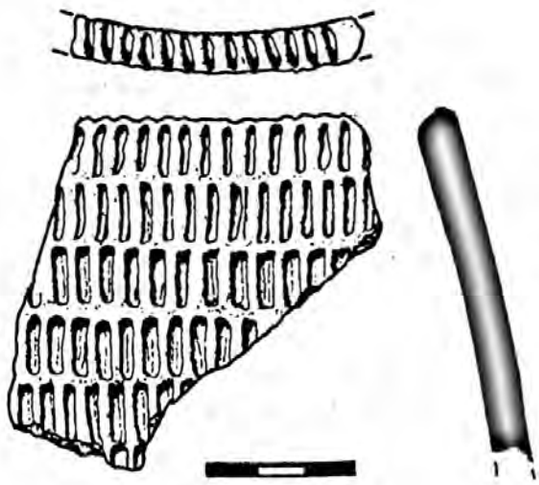

Рис. 6 Фрагмент керамического сосуда (диаметр венчика – 36 см)

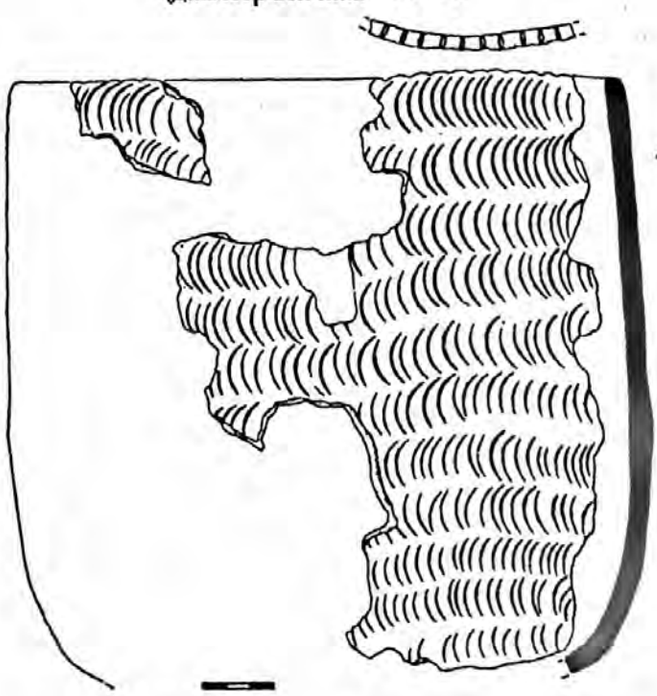

Рис. 7 Керамический сосуд

стно (рис. 4, *12–15*; 5). Чаще всего кость отпечатывалась под прямым углом к стенке, однако имеются фрагменты, покрытые наклонными оттисками, находящими один на другой. Скопление обломков, вероятно, от одного сосуда, покрытого трубчатым штампом, зафиксировано в юго-восточной части комплекса при исследовании ритуальных сооружений. Некоторые фрагменты имеют свободные от орнамента зоны. К сожалению, найденные обломки не позволяют реконструировать форму горшка (рис. 5).

Единичны находки фрагментов керамических сосудов, орнаментированных гребенчатым штампом (рис. 4, *1*, *3*), эпифизом фаланги ягненка (рис. 4, *9*), а также, возможно, оттисками шнура[1] (рис. 4, *2*, *7*, *8*). Встречена орнаментация в виде рядов сегментовидных в плане наколов (рис. 4, *4–6*) и ямок, расположенных под утолщенным и слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 4, *11*).

При раскопках кольцевых оград к северо-западу от кургана зафиксировано скопление фрагментов сосуда, орнаментированного горизонтальными рядами оттисков прямого штампа (рис. 6). В качестве орнаментира использована обрезанная кость ребра животного. Однако и здесь целая форма не восстанавливается.

Единственный компактный развал керамического сосуда с орнаментом расчищен в юго-восточной части кургана. В лаборатории реставрации керамики Эрмитажа его большие фрагменты удалось собрать. Горшок имеет прямые стенки, плавно скругляющиеся к дну, и ровно срезанный венчик, орнаментированный насечками. К сожалению, дно сосуда реконструировать не удалось, и было ли оно уплощенным или же округлым, осталось неясно. Орнамент в виде горизонтальных рядов вертикального арочного штампа покрывает всю поверхность горшка (рис. 7). С большой долей вероятности можно полагать, что штамп был нанесен костяным орнаментиром.

Таким образом, на памятнике получена небольшая, но представительная коллекция материалов, относящихся к наименее изученному периоду в археологии Тувы – эпохе бронзы. Несмотря на то, что керамический комплекс представлен в основном мелкими фрагментами, разнообразие орнаментального декора и методов его нанесения представляет несомненный интерес. В целом почти все мотивы орнамента имеют аналогии в седьмом культурном слое стоянки Тоора-Даш (Семенов, 1992, с. 44–49). На этом ключевом для Тувы многослойном памятнике именно в этом горизонте встречены обломки сосудов с отпечатками прямого и полукруглого штампа, образующими на стенках горизонтальные ряды (там же, табл. 31, *1*, *5*, *8*; 32, *4*, *6*; 34, *12*, *14* и др.). Фрагменты сосудов, стенки которых сплошь декорированы оттисками трубчатой кости, обнаружены Вл.А. Семеновым на стоянке Хадынных-1 (там же, табл. 40). Они залегали в третьем культурном слое этого памятника, где найдены и фрагменты с «серповидным узором» и прямым вертикальным штампом (там же, с. 56; табл. 39, *3*, *9*, *10*). Автор раскопок относит эти находки, как и седьмой слой Тоора-Даша, ко второму этапу окуневской культуры Тувы. Абсолютная датировка этого этапа XV–XII вв. до н.э., предложенная Вл.А. Семеновым (там же, с. 84), основана прежде всего на стратиграфической последовательности культурных напластований стоянки Тоора-Даш. Отметим практически полное ее совпадение с радиоуглеродной датой культурного слоя, обнаруженного под курганом Аржан-2.

Вместе с тем, такая датировка показывает отличие культурного комплекса окуневского типа Тувы от хорошо изученных районов бассейна Среднего Енисея, где в это время существовала карасукская культура. Интересно, что именно в VII слое Тоора-Даша найдены плитки с процарапанным геометрическим орнаментом. Они находят аналогии в материалах карасукского поселения Торгажак на юге Хакасии (Савинов, 1996). Очень показательно найденное здесь же изваяние с простейшей личиной, что говорит о продолжении существования окуневских традиций в среде карасукского населения и на этой территории.

Вопрос сравнительно позднего появления культуры окуневского типа в Туве или ее длительного переживания, а также участия окуневского компонента в формировании на этой территории раннескифского культурного комплекса неоднократно поднимался (Мандельштам, Стамбульник, 1980, с. 53; Мандельштам, 1983, с. 8; Савинов, 1994, с. 82; Семенов, 1997, с. 160; Чугунов, 1997, с. 239). Материалы двух предскифских слоев, перекрывающих седьмой культурный горизонт Тоора-Даша, пока не имеют в Туве прямых аналогий и, соответственно, культурно не атрибутируются. Между тем, эти слои демонстрируют наличие некоего временного промежутка между древностями окуневского круга и эпохой ранних кочевников. С другой стороны, сравнительно поздняя, вплотную примыкающая к времени финальной бронзы датировка VII слоя стоянки также очевидна.

На доживание в Туве традиций эпохи бронзы до раннескифского времени указывает и другая категория находок, сделанных на памятнике, рассматриваемая ниже. Это плиты девонского песчаника с нанесенными на них изображениями, составляющие в комплексе Аржана-2 особый пласт находок. Большинство из них попало в наземное сооружение кургана вместе с камнями, привезенными для строительства памятника из каменоломни, расположенной в 2 км к северо-востоку. Можно предположить, что добыча плитняка началась с разборки скального останца с петроглифами, так как камни с изображе-

[1] Авторы выражают признательность ст. научн. сотр. Государственного Эрмитажа И.В. Калининой за консультации по технологии орнаментации керамики.

Рис. 8 Плита 02-04

Рис. 9 Плита 03-03

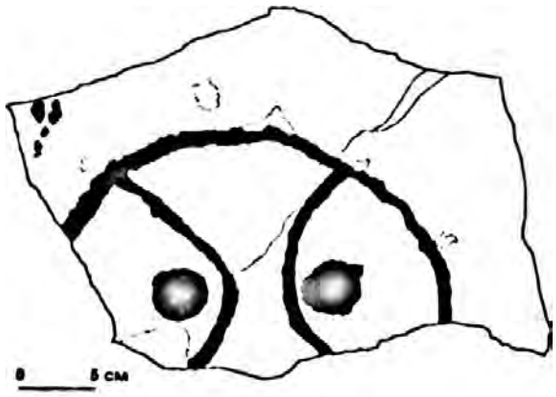

Рис. 10 Плита 21-02

Рис. 11 Плита 04-04

ниями зафиксированы в основании первоначальных элементов конструкции кургана. Вместе с тем следует учитывать, что однозначно определить, когда выбивались эти рисунки, невозможно. Верхним временным рубежом для них является датировка сооружения погребально-поминального комплекса – вторая половина VII века до н.э. Однако большинство найденных петроглифических изображений может быть либо синхронно кургану, либо относиться к начальному этапу раннескифской эпохи – времени постройки кургана Аржан-1. На это указывает и ярко выраженная стилистика рисунков (так называемый аржано-майэмирский стиль), и композиционное размещение фигур животных на плите (когда крупное изображение зверя занимает всю плоскость камня), и сознательное размещение рисунков на камнях конструкции (на облицовке кромлеха или на плитах погребальной камеры).

Однако некоторые из найденных плит с изображениями с большей или меньшей степенью вероятности относятся к доскифскому времени. Рассмотрим эти находки.

Несколько обломков плит с рисунками возможно соотнести с культурным слоем, так как они найдены ниже уровня поверхности погребенной почвы. Интересно, что выбитые на них фигуры животных стилистически напоминают изображения раннескифского времени. Одна такая плитка, получившая номер 02-04[2], обнаружена при разборке кромлеха кургана (рис. 8). Она лежала на борту небольшой ямки, связанной, вероятно, с культурным слоем стоянки. Никакого материала, кроме небольших угольков, в яме не обнаружено. Плиты облицовки ограды были установлены сверху, когда плита уже была в земле. На камне, обколотом со

[2] На памятнике принята следующая нумерация плит с петроглифами: первое число обозначает порядковый номер плиты, второе – год раскопок.

Рис. 12 Плита 11-02

всех сторон, сохранился фрагмент фигуры животного, изображенной контурно, точечной выбивкой. Еще одна небольшая плитка (рис. 9, плита 03-03) с выбитой в той же манере фигурой стоящего кабана, повернутой влево, обнаружена в слое погребенной почвы при зачистке следов кострища в юго-восточном секторе около ограды. Ситуация расположения этой находки не столь очевидна, однако можно утверждать, что она залегала ниже поверхности погребенной почвы.

Особый интерес представляет плита 21-02, найденная в двух фрагментах при зачистке ограды под профилем кургана в его западной части (рис. 10). На ней, несмотря на фрагментарность, хорошо просматривается изображение личины окуневского типа, имеющей округлый контур и две дуги, отделяющие глаза. Еще одна плита 04-04 с изображением лица (рис. 11) обнаружена, к сожалению, в отвале. Верхняя часть контура утрачена. Лицо имеет приостренный подбородок, на одной из скул слабо просматривается полоса, примыкающая к контуру. Прямой, слегка расширяющийся в нижней части нос и рот овальной формы, как и контур всего изображения, показаны четкой точечной выбивкой. Слегка асимметрично расположенные глаза образованы более глубокими коническими ямками. Через них проходит слабо заметная горизонтальная полоса, намеченная отдельными точечными ударами по камню. На этой же плите, по обе стороны от ребра, на двух плоскостях выбиты почти симметричные дуги и ямка рядом с одной из них – возможно, незаконченное схематичное изображение личины. Такие изображения известны как в Туве, так и за ее пределами (Дэвлет, 1997). Несмотря на то, что продолжаются дискуссии о времени их бытования, хронологическое определение большинства выбитых на скалах личин периодом, предшествующим скифской эпохе, признается большинством специалистов (обзор см.: Дэвлет, 1998, с. 142–156).

Среди камней кладки кургана найден небольшой обломок плитки с нанесенными глубокой выбивкой линиями, образующими геометрический узор (рис. 12, плита 11-02). Камень сильно оббит и его поверхность заизвесткована. В одной из треугольных фигур, образованных линиями, выбита ямка. Строго говоря, отнесение этой находки к какому-либо периоду затруднительно. Можно лишь утверждать, что камень попал в наземное сооружение в качестве строительного материала уже сильно фрагментированным.

Некоторые плиты с петроглифами, вероятно, доскифского времени были сознательно использованы строителями кургана при сооружении облицовки его кромлеха. В юго-западной части памятника около ограды найден камень с выполненными точечной выбивкой рисунками (рис. 13, плита 06-02). На его поверхности изображены криволинейные змееподобные и орнитоморфные фигуры, ямки округлой и продолговатой формы, расположенные без видимого порядка. Среди них уверенно распознается профильный рисунок верблюда, выполненный в той же технике. Одно изображение в левой части плиты можно трактовать как фигуру антропоморфного персонажа в головном уборе, с раскинутыми руками и обозначенным фаллосом. Выше этого рисунка выбитые ямки и полосы можно трактовать как парциальную личину без контура, аналогичную встреченным на святилище Мугур-Саргол (Дэвлет, 1980, с. 226, рис. 10, *1*).

Рис. 13 Плита 06-02

Обломок еще одной плиты (рис. 14, плита 14-02) зафиксирован *in situ* в ряду плит с изображениями в аржано-майэмирском стиле, установленных в юго-восточной части кромлеха. Центральную позицию на сохранившемся участке поверхности камня занимает фигура верблюда, показанного головой вправо. Сразу за ним изображен человек с согнутыми в коленях ногами и с луком в руках. Стрела, заложенная в оружие, направлена на верблюда. Над ними контурной линией выбита фигура горного козла. Перед верблюдом сохранились фрагменты

Рис. 14 Плита 14-02

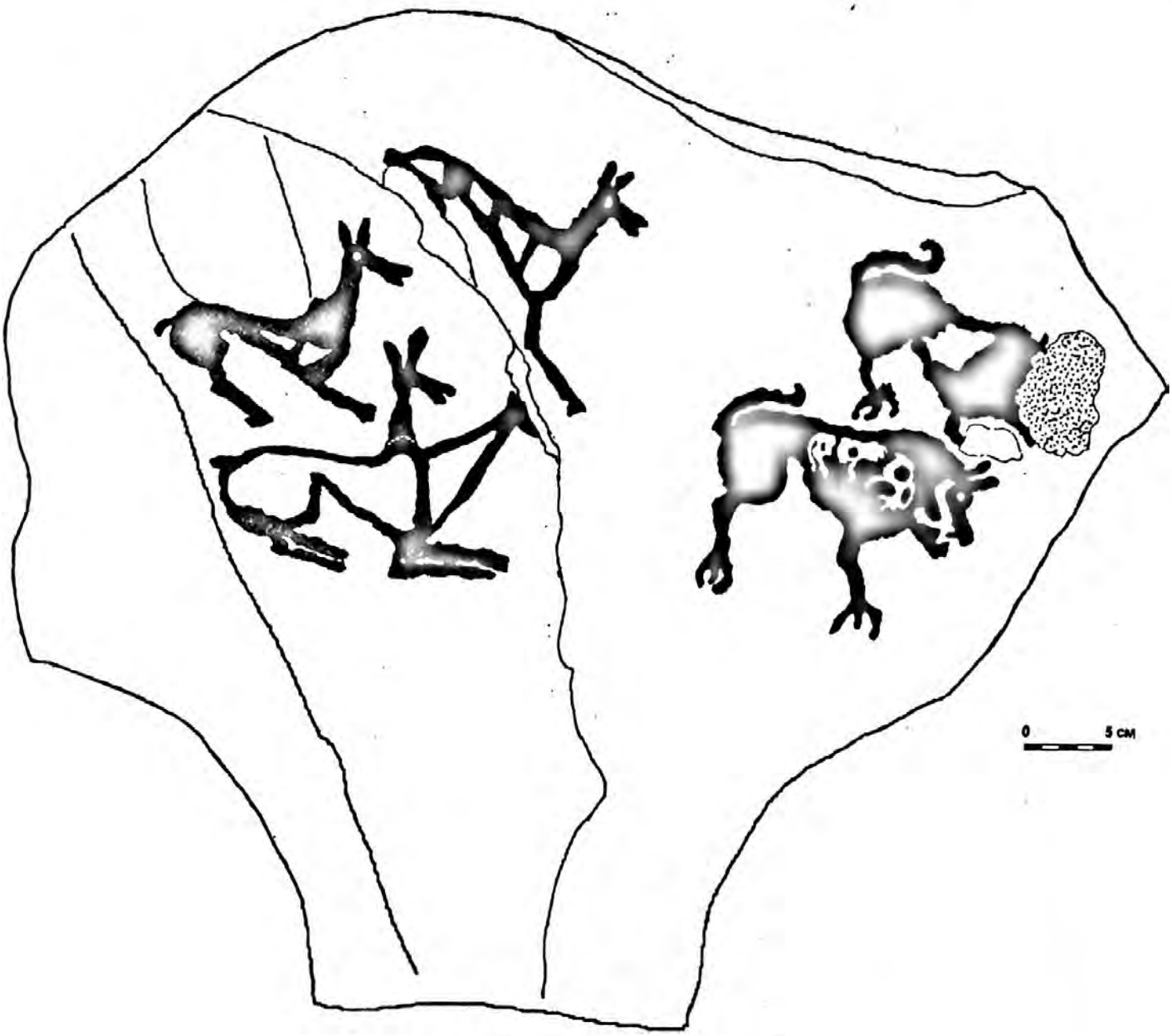

Рис. 15 Плита 01-02

еще двух изображений животных, обломанные в древности. Одно из них – копытное, показанное в профиль вправо. Второе, от которого сохранились лишь ноги с когтями, вероятно, хищник. Отнесение этой плиты к эпохе бронзы возможно на основании, прежде всего, трактовки фигуры лучника. Несмотря на определенное своеобразие рисунка, изображения людей в профиль с согнутыми в коленях ногами характерны именно для этого периода.

Еще один камень с изображениями животных, в том числе двух хищников, найден вблизи центра кургана (рис. 15, плита 01-02). Поверхность плиты частично покрыта карбонатной коркой, которая местами закрывает рисунки. Кое-где верхний слой камня утрачен. Тем не менее, профильные фигуры двух хищников и трех копытных, показанные головами вправо, хорошо различимы. Они выполнены в технике точечной выбивки. Звери изображены двумя группами. Два хищника расположены один над другим в правой части камня. У верхней фигуры карбонатными натеками покрыта голова и сколота передняя лапа. Тело поджарое. Круп и плечо изображены сплошной выбивкой. Хвост закинут за спину, задняя лапа оканчивается тремя когтями. Нижний зверь сохранился лучше. У него хорошо видна раскрытая пасть с зубами и острым языком, круглый глаз и два торчащих вверх уха. Две направленные вниз слегка согнутые ноги оканчиваются трехпалыми когтистыми лапами. Хвост, как и у верхнего зверя, закинут за спину. Интересно, что на теле животного оставлены свободные от выбивки участки, которые образуют хорошо различимую фигуру животного с длинным хвостом. Этот рельефный абрис зверя дополнен двумя ямками и разделен на две части вертикальной полосой. Перед его мордой располагается еще один рельефный участок, который не интерпретируется столь определенно.

На некотором расстоянии от хищников, за их спинами располагаются изображения копытных, также размещенные друг над другом. Морды животных показаны в одном стиле – с вытянутыми клювовидными очертаниями, круглым глазом и торчащими вверх ушами. Две верхние фигуры имеют опущенные вниз слегка согнутые ноги с обозначенными

копытами. Тело их разделено вертикальными полосами, слегка намечен характерный горбик на спине. Нижний зверь несет следы более поздней доработки. У него позднее была «дорисована» еще одна голова, отходящая от горбика на спине. Возможно, к этому времени первоначальное изображение было повреждено. Ноги у этого зверя также показаны иначе – двойными линиями, параллельно спине.

В самом начале работ на памятнике при разборке кладки в южной разрушенной части кургана была найдена плита 01-00 с многочисленными изображениями на одной из сторон (рис. 16). Камень лежал на уровне погребенной почвы и был обращен рисунками к ее поверхности. Изображения фигур животных и людей на плите выполнены в технике контррельефа и контурно. Все звери показаны головой вправо. Центральный персонаж – крупная фигура хищника с зубастой пастью и высунутым языком – заключает внутри себя рельефные силуэты животных. Пара их расположена на крупе, пара – на теле и еще два мелких силуэта выделяются на шее перед пастью зверя. У хищника показан длинный хвост, закинутый за спину, повторяющий ее абрис и оканчивающийся у основания шеи кольцом. Четыре полусогнутые лапы опущены вниз и раздваиваются на концах когтями. Глаз имеет каплевидную форму, внутри него намечен зрачок. От глаза вверх отходит сегментовидное ухо.

Под хищником выбиты шесть контурных фигур копытных животных, из которых видовому определению поддаются только две – изображение козла, рог которого сливается с окончанием когтистой лапы рассмотренного выше персонажа, и олень с ветвистым рогом и опущенными вниз четырьмя ногами. Фигура зверя, расположенного сразу над хищником, забита грубыми точечными ударами. Позади этого изображения, по каким то причинам поврежденного, выбиты еще пять фигур зверей. Их отличает сплошная забивка поверхности внутри контура. Верхнее животное по изображенному

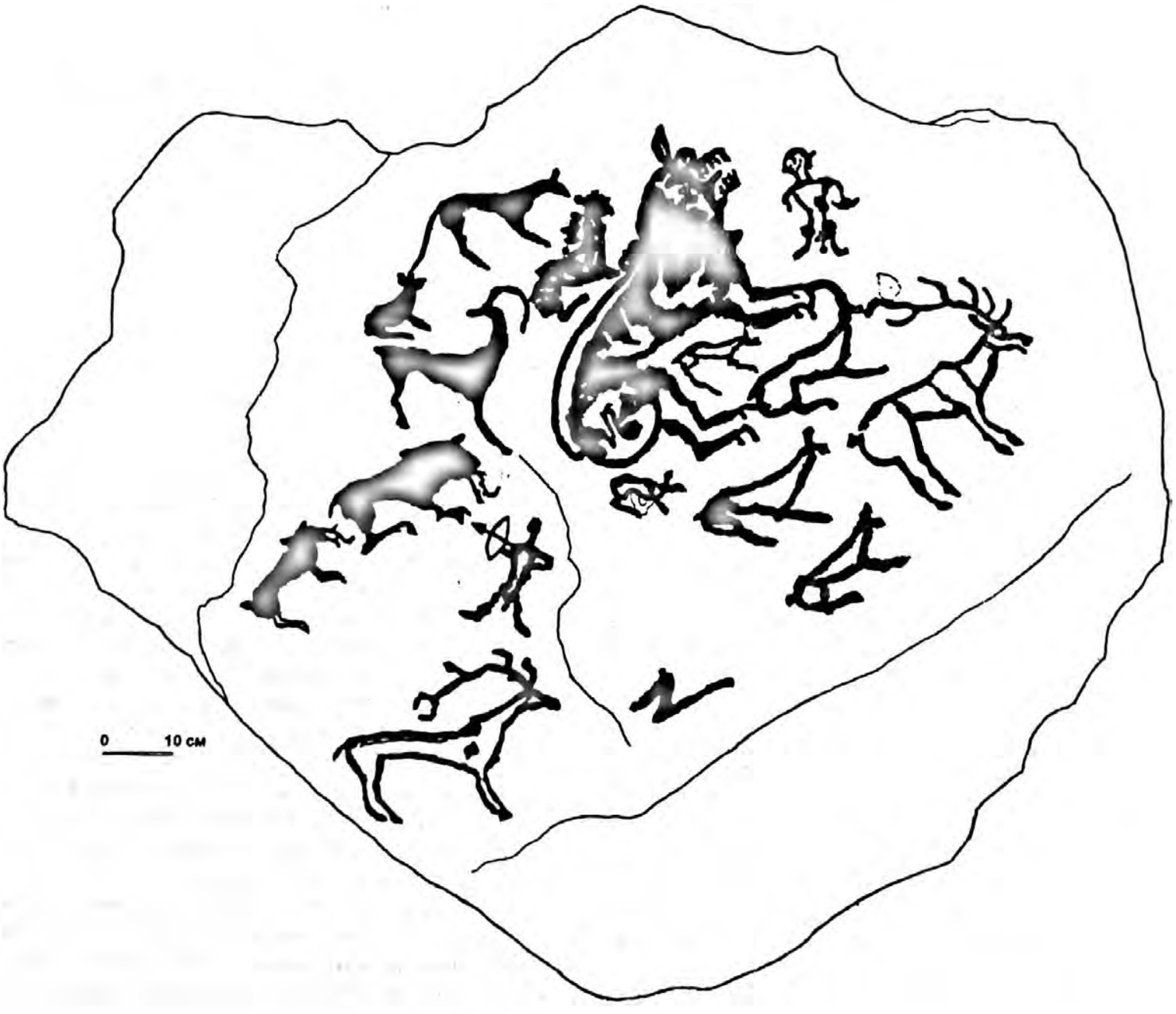

Рис. 16 Плита 01-00

длинному тонкому хвосту сопоставимо с хищником кошачьей породы. Под ним выбит силуэт козла с повернутой назад головой. Между ними – небольшая фигура неопределимого зверя. Ниже козла изображены два кабана, расположенные один за другим.

Еще одна контурная фигура оленя выбита ниже кабанов. От первой ее отличает менее искусная манера исполнения и отсутствие поперечных линий на теле. Над передней ногой – ямочное углубление, абрис спины продублирован более тонкой линией.

Очень интересны две человеческие фигуры, выбитые на камне. Один человек изображен прямо перед зубастой пастью центрального персонажа. Фигура показана анфас; торс, шея и голова переданы контурными линиями, ноги и руки несоразмерно короткие. Между ног с обозначенными ступнями показан фаллос. Внутри грушевидного абриса головы небольшими ямками изображено лицо – глаза, рот и нос, линия которого сливается с контуром в области макушки. По обе стороны головы контур утолщен – возможно, так обозначены уши. В левой руке человека нарисован некий серповидный предмет, который он держит за рукоять в средней вогнутой его части.

Второй человек, изображенный на плите, – лучник. Его ноги широко расставленны, одна рука держит натянутый лук с заложенной в него стрелой, имеющей треугольный наконечник, вторая – согнута в локте. Голова, в отличие от предыдущего персонажа, только намечена в виде утолщения на длинной шее. Между ног также изображен фаллос. Наконечник стрелы направлен на фигуру переднего кабана.

Датировка этой плиты доскифским временем, как и большинства рассмотренных выше, конечно, не безусловна. Тем не менее, можно привести некоторые аргументы в пользу такого хронологического определения отдельных рисунков на этом камне. Прежде всего, манера изображений антропоморфных персонажей не имеет аналогий в памятниках скифского времени. В руках лучника не «скифский» сигмовидный, а простой сегментовидный лук. По мнению исследователей, эта изобразительная традиция присуща петроглифам эпохи бронзы. У другого персонажа показано лицо, что также не характерно для эпохи ранних кочевников. Трактовка этого образа напоминает одну из антропоморфных фигур урочища Алды-Мозага на берегу Енисея (Дэвлет, 1998, с. 157, рис. 6, *9*).

Однако наибольшие ассоциации с наскальным искусством эпохи бронзы вызывает фигура крупного хищника с разверстой зубастой пастью и высунутым треугольным языком. Упомянутые признаки характерны для изображений тигров, во множестве найденных в горах Хэланьшань в китайской провинции Нинся. В последние годы исследователи обратили на эти рисунки пристальное внимание, прежде всего, в связи с вопросами происхождения и распространения оленных камней (Ковалев, 2000, с. 153–158; Варенов, 2005, с. 47–51). Исследователи датируют их достаточно узко: IX–VIII вв. до н.э. Заметим, что именно в этой местности зафиксированы изображения личин и солярных символов, сходных с рисунками святилища Мугур-Саргол в Туве (Дэвлет, 1997, табл. II, *3*; IV, *3–15*). Вместе с тем, образ зубастого хищника с высунутым языком известен и в окуневском искусстве Минусинской котловины (Ковалев, 1997, с. 88, табл. IX, *1*; Вадецкая 1980, табл. LII, *117*). Следовательно, мы можем констатировать появление этой изобразительной традиции на территории Саяно-Алтая не позднее времени существования окуневской культуры. Находка в конструкции Аржана-2 двух плит с хищниками, выбитыми в одной манере, также указывает на распространение этого образа в Туве.

Подводя итог публикации материалов эпохи бронзы, полученных при исследовании кургана Аржан-2, отметим, что здесь представлены два независимых пласта источников. У нас нет достаточно твердых оснований связывать найденные плиты с петроглифами со стоянкой. Радиоуглеродная дата, полученная для образца культурного слоя, не имеет отношения к датировке рисунков. Однако сам памятник имеет надежное определение времени постройки кургана в рамках второй половины VII века до н.э. Петроглифы, найденные в закрытом комплексе, не могли быть выполнены позже этого времени. Это дает возможность сравнительного анализа публикуемых рисунков с другими произведениями наскального искусства для более точной датировки последних. Кроме того, на наш взгляд, материалы доскифского времени из Аржана-2 еще раз демонстрируют участие изобразительных традиций эпохи бронзы в формировании звериного стиля раннескифского времени на территории Тувы.

В.И. Матющенко †

О северо-западных границах самусьско-окуневской общности

В настоящее время хорошо известна близость окуневской и самусьской культур, о чем речь шла в литературе неоднократно (Вадецкая, 1969; Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980; Максименков, 1968; Матющенко, 1973 и др.). Эта близость проявляется по большому ряду элементов культуры, главным из которых является керамика. Достаточно сравнить керамику самусьской культуры (рис. 1, *1–20*) и окуневской (рис. 4, *1–13*; 5, *1–9*), чтобы эта близость стала очевидной. Подобное сопоставление мелкой пластики Самусь IV (рис. 2, *1–8*) и окуневских каменных изваяний (рис. 6, *1–5*) только подкрепляет это наблюдение. Есть и другие факты. Так, лунницы известны в комплексах Самусь IV (Матющенко, 1973, с. 23, рис. 3, *1*, *3–4*, *6*), Кротово (Молодин, 1985, рис. 18, *7–13*), Окунево (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, табл. XXIII, *3*). Или еще. Каменные шары (булавы) со сквозным отверстием известны в Самусь IV (Матющенко, 1973), в Кротово, Сопка II (Молодин, 1985, рис. 19, *5*) и в Окунево (Максименков, 1965, рис. 2, *14*; Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, табл. XXI, *10*). Известны они и в материалах Десятовского поселения (Косарев, 1974, рис. 33, *33*). Можно добавить, что и формы многих других каменных изделий (наконечников стрел, дротиков, каменных дисков – рис. 3, *10*, *12*, *13*) также сближают эти две культуры, обнаруживая некоторый общий культурный фон.

Керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом эпохи неолита в пределах Западной Сибири в основном охватывает таежную зону, но вплоть до эпохи энеолита ее ареал охватывает и Хакасско-Минусинскую котловину (Виноградов, 1982), и степные районы Верхнего и Среднего Прииртышья (Чалая, 1972; Глушков, Петров, 1984; Петров, 1984; 1987).

Некоторое представление о типах керамики и орнаментов севернее и северо-западнее самусьско-окуневской общности дают материалы Тух-Эмтор IV (рис. 7, *1*, *2*).

Такой же широкий ареал обнаруживает керамика, орнаментированная в отступающей технике. Эта черта, как известно, не является специфичной для изучаемого региона, но она известна в Приишимье, Притоболье и далее на западе в европейской части России. Мы не будем более обстоятельно рассматривать проблему ареалов печатно-гребенчатой и отступающей техники, которая требует специального изучения. Укажем только на то обстоятельство, что техника отступающей орнаментации близка той, что есть на территории юга Западной Сибири и Саяно-Алтайского нагорья, хорошо известна и в пределах Северного Китая и Приморья.

Ареалы печатно-гребенчатой и отступающе-прочерченной орнаментации в пределах юго-западной части Западной Сибири, Северного и Восточного Казахстана, а также Саяно-Алтая эпохи неолита и перехода к эпохе бронзы в известной мере накладываются, обнаруживая факт большей древности печатно-гребенчатой орнаментации в сравнении с отступающе-прочерченной. Эти наблюдения над орнаментацией позволяют нам предполагать принадлежность самусьской и окуневской групп памятников какой-то более обширной культурно-исторической общности, о чем в литературе уже неоднократно шла речь.

Кроме области Верхнего Енисея, в частности, Хакасско-Минусинской котловины, и другие регионы (Верхнее Приобье, Верхнее и Среднее Прииртышье) обнаруживают свою общность по большому кругу элементов культуры (помимо тех, на которые указывают исследователи, изучающие близость окуневских и самусьских памятников).

Мы сознательно в настоящий момент исключаем различного рода наблюдения, свидетельствующие о серьезном миграционном компоненте как в окуневском, так и в самусьском комплексах культур. В данном случае нас интересует не проблема происхождения этих феноменов сибирской археологии, а только их несомненная близость. И эта близость самусьской и окуневской культур, вероятнее всего, проступает на основе того, что в составе окуневской культуры был один (если не главный) компонент, восходящий к палеоазиатскому пласту, своими генетическими корнями связанный с далеким по времени доокуневским пластом, который в свою очередь имеет прямое отношение и к досамусьскому пласту. Эта близость, на наш взгляд, такова, что мы можем говорить об известной общности этих культур, о так называемой самусьско-окуневской общности. Доказательства этой общности проступают во многих сторонах культуры. Так, самусьская керамика (рис. 1) чрезвычайно близка окуневской (рис. 4, 5). Об очень большой близости мелкой пластики этих культур уже говорилось неоднократно.

Не ставя своей задачей всесторонний анализ близости обеих культур, – эта проблема достаточ-

но обширна и требует специального исследования, – обратим внимание только на один ее аспект, а именно, на вопрос, как далеко на северо-восток распространяются элементы этой общности.

В связи с намечающейся северо-западной границей самусьско-окуневской общности интересно также обратить внимание на своеобразие мелкой антропоморфной пластики в таежной части Западной Сибири; эта пластика несопоставима с окуневской и самусьской. В настоящее время мы знаем две таких антропоморфных статуэтки. Одна происходит из поселения Ларьяк II на р. Вах (рис. 7, *3*). Эту находку сделал В.А. Посредников (Посредников, 1973), затем она была вторично опубликована В.И. Мошинской (Мошинская, 1976, с. 32–35, табл. 1, *а*, *б*). Это изделие из плохо обожженной глины, высотою 5 см, небрежно и схематично моделировано; не обозначены руки и ноги. Нет деталей тела и одежды. Только лицо грубо обработано: нос в виде выступающего защипа; ямками намечены глаза и рот; уши намечены углублениями. В целом фигурка имеет особую позу: согнутая спина и наклоненная вперед голова.

В.И. Мошинская попробовала обстоятельно проанализировать место большеларьякской статуэтки (там же, с. 35–37), учитывая многочисленные публикации подобных изделий, сосредоточенных в таежной полосе Восточной Европы (Студзицкая, 1985; Янитс, 1959 и др.). Такого рода антропоморфные статуэтки можно уверенно связывать с зоной печатно-гребенчатой керамики Восточной Европы. Разнообразные трактовки таких изображений иногда допускают принадлежность их к фаллическим изображениям (Брюсов, 1940; Айлио, 1909).

Существенно дополняет наши представления о месте таких статуэток находка еще одной подобной поделки на поселении Мергень 6 в Приишимье (Зах, Скочина, 2004). Изделие выполнено из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка. Поверхность фигурки в основном оранжево-серая с редкими темными пятнами. Хорошо обожжена. Фигурка эмбрионовидная, изгиб тела около 120°. Длина 7,1 см, ширина в средней части – 1,9 см. Один конец изображает голову с двумя ямками-глазами, по бокам чуть ниже головы небольшие выступы, видимо, обозначающие руки. Поверхность покрыта лентами гребенчатого орнамента. Авторы первой публикации предполагают, что ленты орнамента имитируют поверхность спеленутого младенца (там же, с. 118).

Несомненно, мы должны поставить находку из Мергени в один ряд с большеларьякской и другими подобными изделиями. Вероятнее всего, можно говорить о том, что эти две находки обозначают юго-восточную границу ареала подобных и близких им находок Восточной Европы. Это, конечно, не значит, что такая граница будет обозначена очень четко. Так, например, А.П. Окладников приводит антропоморфную находку из Базаихи на Верхнем Енисее, которую он сопоставляет с глиняными фигурками из Кубенино и Хонканиеми (Окладников, 1957, с. 47), сейчас мы можем добавить: эту статуэтку можно сравнить и с большеларьякской, и из Мергени.

Интересно отметить, что самым северным и самым западным пунктом распространения мелкой пластики, аналогичной окуневской, является находка на Андреевских озерах под Тюменью (Мошинская, 1976, рис. 5). Глиняная антропоморфная статуэтка с обозначенными чертами лица (рис. 7, *4*) удивительно напоминает окуневские изделия из камня. Эта антропоморфная статуэтка находилась в глиняном горшке, который вполне можно рассматривать как окуневский или самусьский.

В пределах Урала известна еще одна находка, своими чертами уходящая в мир самусьско-окуневский. Это находка на аятском поселении Палатки II (Панина, 1980; 1988; Шорин, 2004) – миниатюрная каменная стела, удивительно напоминающая подобную вещь из Самусь IV (рис. 2, *6*) и некоторые изваяния окуневской культуры (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, табл. XXXII, *4*, *8*; XXX, *18*; XXXV, *30*; XXXVI, 37). Иначе говоря, самусьско-окуневские мотивы проникают, в свою очередь, и на территорию ямочно-гребенчатой керамики.

Эту же границу подтверждает еще один интересный факт, а именно: орнитоморфные изображения на керамике. Они хорошо известны на посуде Самусь IV, исполненные обычной для Самусь IV техникой прочерчивания и техникой нанесения контура рисунка оттисками четырехгранной палочки (Матющенко,1973, рис. 63; Есин, 2004, приложение, табл. 4). Ближайшие, но не очень близкие аналогии этим изображениям известны на Васюганье на пос. Тух-Сигат IV (Кирюшин, Малолетко, 1979; Кирюшин, 1983; Кирюшин, 2004, рис. 122, *1*). Нам неизвестны подобные изображения птиц на керамике южнее Самусь IV, но они хорошо известны в лесной полосе Восточной Европы и Урала в большом числе. Интересно, что все эти изображения птиц исполнены гребенкой. Район орнитоморфных изображений на сосудах к северо-западу от окуневско-самусьской общности интересен и тем, что там хорошо известна мелкая орнитоморфная пластика (ручки сосудов, ковшей и т.п.).

В связи с изложенным интересен еще один момент. В последнее время в литературе опять возник интерес к проблеме возраста бронзовых литых изделий, найденных нами на поселении Самусь IV в 1972 г. (Матющенко, 1973; 1974, рис. 9). Известно, что аналогичные находки происходят и из других комплексов, в том числе и из комплексов самусьской культуры: Завьялово 1А (Молодин, 1977, табл. LXXX, 1). Ряд исследователей склонны датировать эти находки кулайским временем, другие относят их к самусьскому комплексу (Матющенко, 1973; 1974), предполагая начало формиро-

вания в самусьскую эпоху кулайского бронзового литья.

К этому же надо добавить факт неоднократных находок бронзовых зооморфных изображений (медведя) и антропоморфной фигурки из Крохалевки I (Молодин, Глушков, 1989, рис. 18, *1*), Крохалевки 13 (Троицкая, Дураков, Савин, 2001, рис. 3; 4, *1*), Завьялово 1А (Троицкая, Новиков, 1998, рис. 18, *15*).

В последнее время найдена бляха с антропоморфным изображением из могилы 1 могильника Курма XI, открытая О.И. Горюновой и А.В. Вебер (Горюнова, Вебер, 2002; 2003; Горюнова, 2004). Бляха находилась в берестяном чехле на груди погребенного. Интересно то, что этот предмет был в погребальном комплексе глазковского времени, вместе с выразительным инвентарем этой культуры. Бляха особенно близка экземпляру из Завьялово 1А (Молодин, 1977, табл. LXXX, 1; 1992). Этот факт интересен прежде всего тем, что находки из Самусь IV, Завьялово безусловно можно уверенно датировать эпохой бронзы, в частности, временем Самусь IV, Окунево и Глазково. Это во-первых. Во-вторых, стилистическая близость находок из Прибайкалья и Приобья говорит о том, что этот огромный мир в древности имел разные линии культурно-исторических связей, о чем нам уже приходилось писать в свое время.

Эти находки не выходят за пределы самусьско-окуневской общности. Самая северная аналогия им известна с пос. Напас на р. Тым; наиболее восточная из Курмы XI, она бесспорно принадлежит глазковскому кругу памятников, которые, как известно, являются очень близкими окуневским.

Интересно обратить внимание на распространение в Западной Сибири в эпоху бронзы фаллических изображений. Следует отметить, что в литературе сюжеты фаллических изображений Сибири никогда не привлекали особого внимания, так как достаточно устойчиво было мнение об отсутствии развитого фаллического культа в таежной полосе Сибири. Он был вполне естественен в среде земледельческо-скотоводческих обществ, где фаллос как символ плодородия был органично включен в общий контекст мировоззрения. Однако некоторые сведения о наличии фаллического культа у таежного населения Сибири были известны уже давно. Особенно интересна серия фаллических предметов мелкой пластики с поселения Самусь IV и других памятников самусьской культуры (рис. 3, *2*, *5*, *7–9*, *11*). К кругу таких изделий относятся жезлы, увенчанные головами лошадей из погребения у пос. Шипуново (Кирюшин, 2002, рис. 127), головой барана (там же, рис. 128), жезл оттуда же, увенчанный рельефной моделировкой на одном конце (там же, рис. 129).

Фаллические мотивы присутствуют в многочисленных каменных жезлах из памятников окуневской культуры; на одном конце такого жезла моделирована голова быка или какого-то иного животного (Леонтьев, 1975; Цыганков, 1926; Окладников, 1950; Липский, 1961; Студзицкая, 1969). Такого рода жезлы известны не только в окуневских памятниках, но и в целом в южных районах Сибири.

Фаллический смысл, наверное, имеют также известные каменные жезлы, увенчанные головами медведя. Понятно, этот тип фаллических изображений трудно сопоставлять с самусьскими фаллосами; однако и самусьские, и южносибирские (включая и окуневские) подобные изображения образуют свою общность на фоне находок в таежной части Западной Сибири и Северо-Востока Европы. На всей этой территории нет подобных фаллических изображений. Если же принять давнюю точку зрения А.Я. Брюсова (Брюсов, 1940) или еще более давнюю Ю. Айлио (Айлио, 1909), что уже описанные выше эмбриональные фигурки имеют отношение к фаллическому культу, то станет ясным, что этот мир фаллического культа совершенно иной в сравнении с самусьско-окуневским или южносибирским.

Суммируя изложенные факты, необходимо признать, что в пределах Западной Сибири, примерно на широтах Тюмени и Ваха, находилась граница самусьско-окуневской общности и общности культур таежного мира, уходившего и на север (Сургут, Ханты-Мансийск), и на запад (Урал, Приуралье и далее). Разумеется, эта граница была очень зыбкой, нечеткой. Она отражала фактическое (иногда чересполосное) расселение носителей этих культур в пограничных областях.

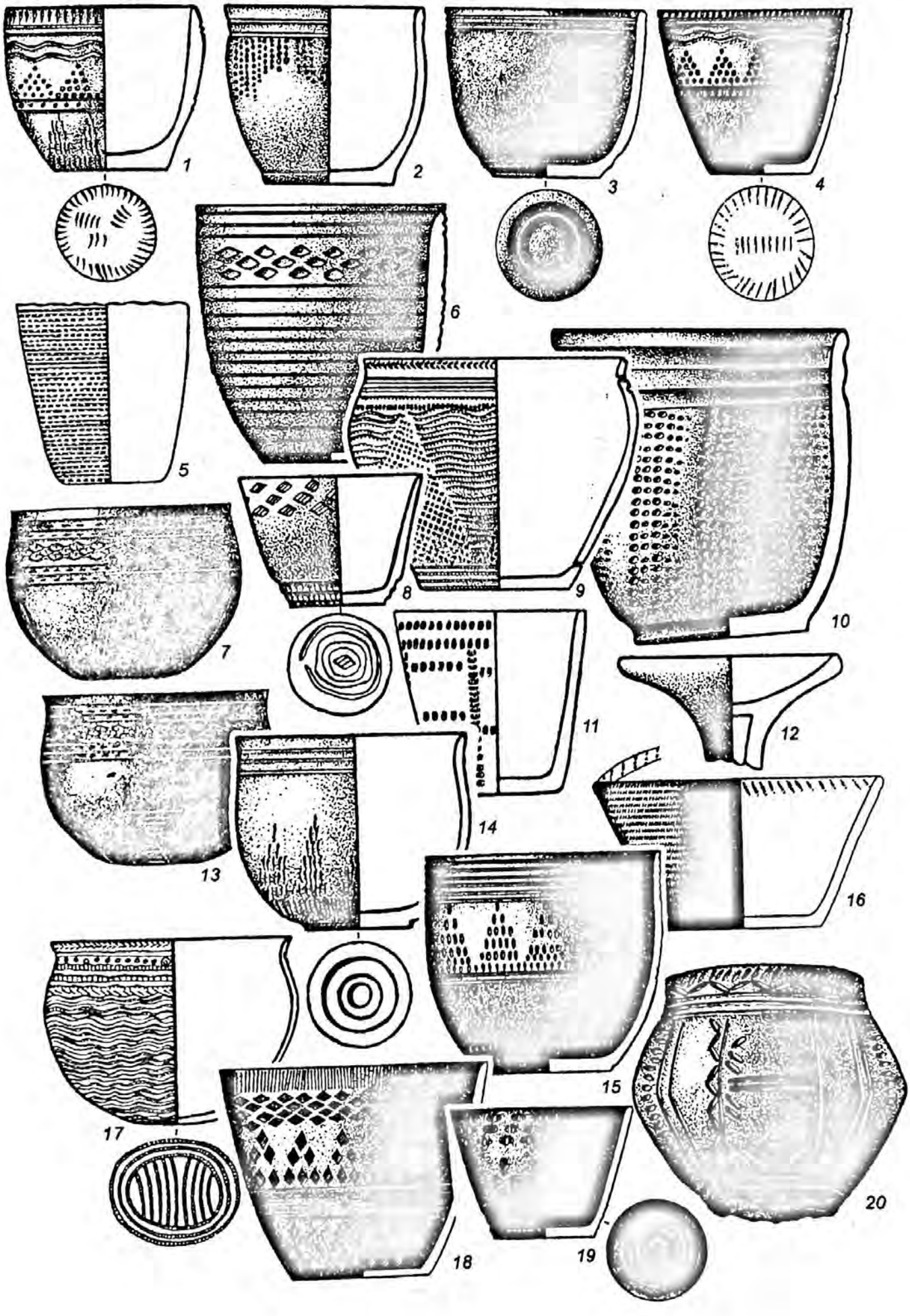

Рис 1 Керамика поселения Самусь IV (без масштаба)

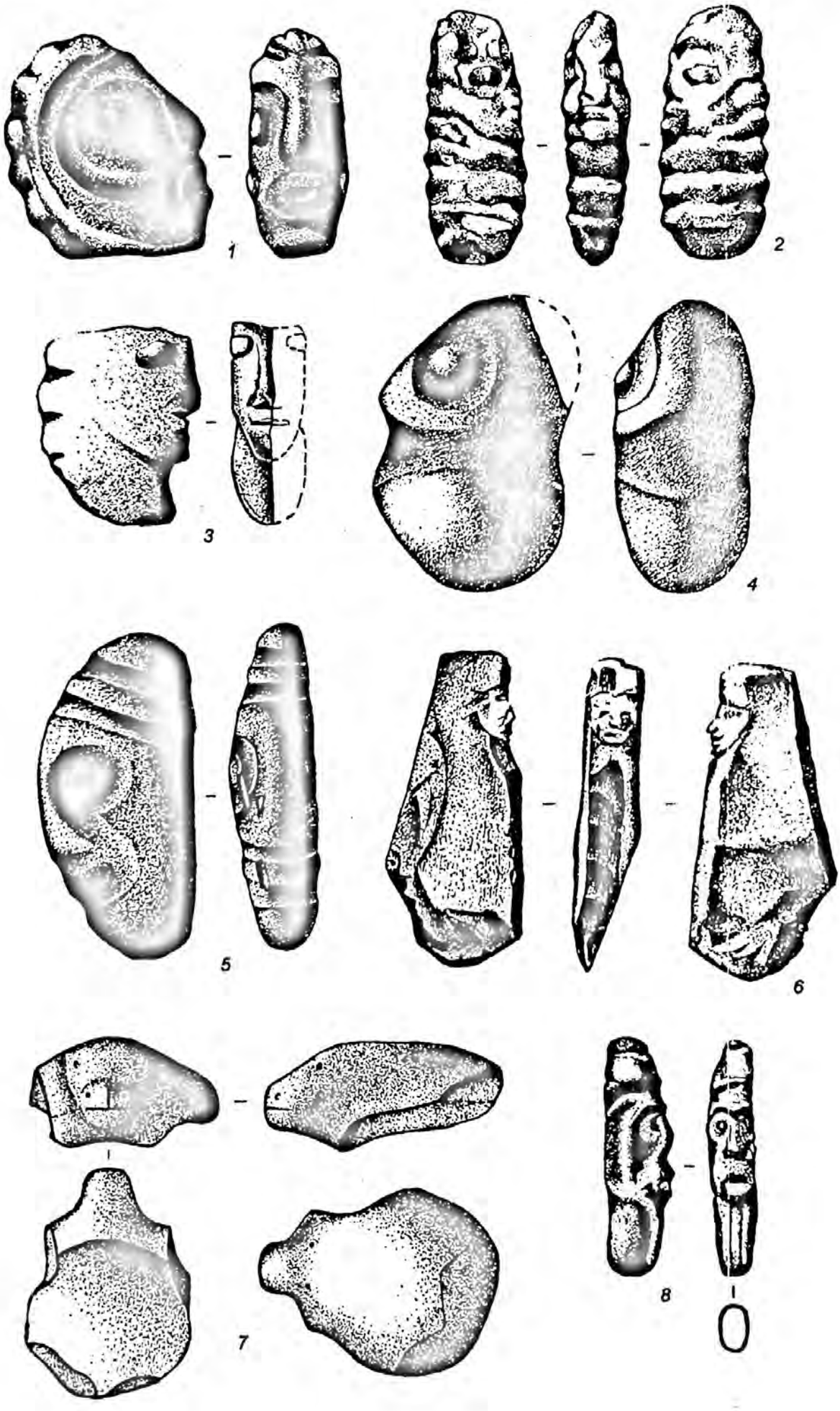

Рис 2 Мелкая пластика поселения Самусь IV (без масштаба)

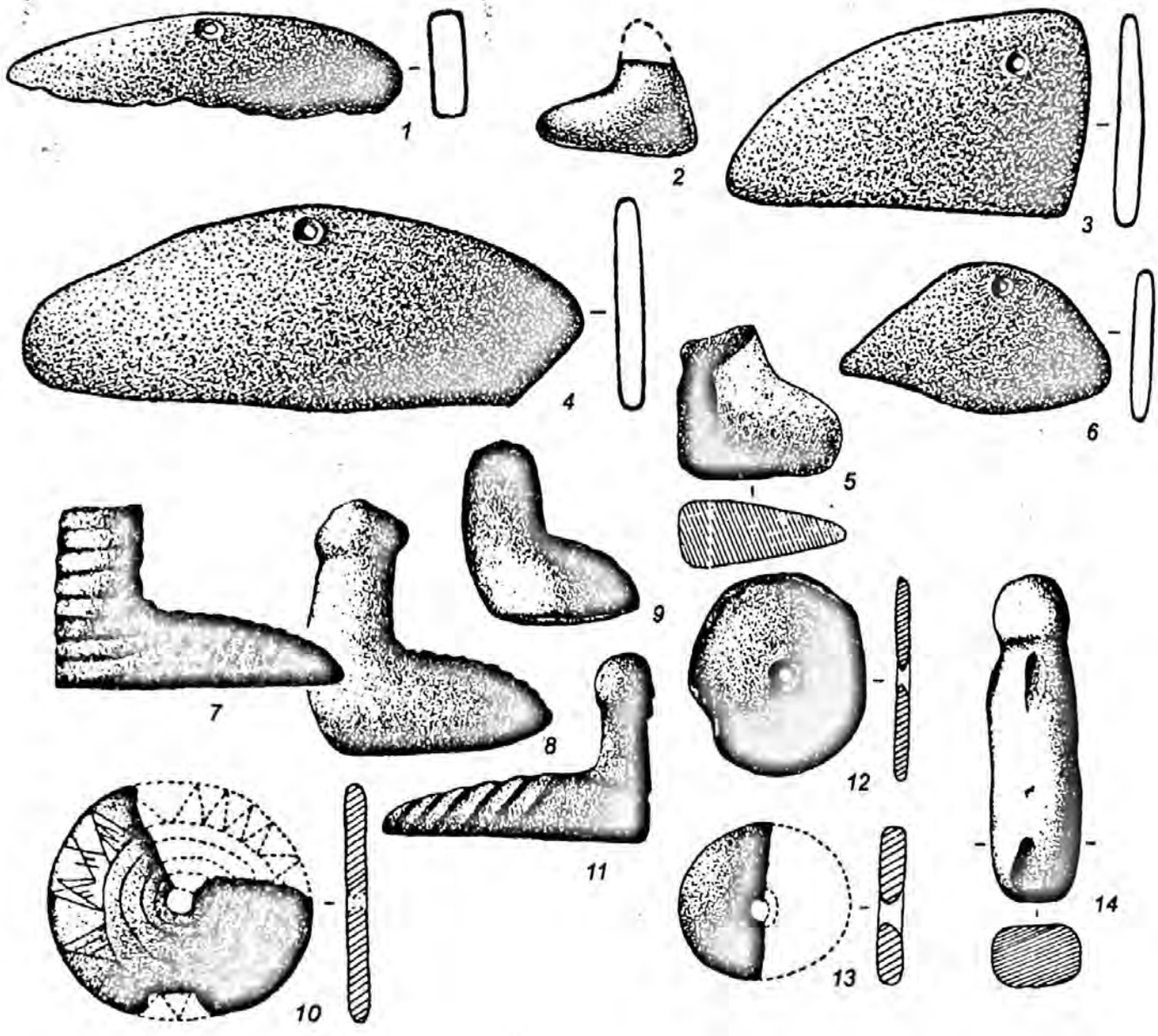

Рис. 3 Находки из поселений Самусь IV (*1–8, 10–14*) и Завьялово Ia (*9*). Без масштаба

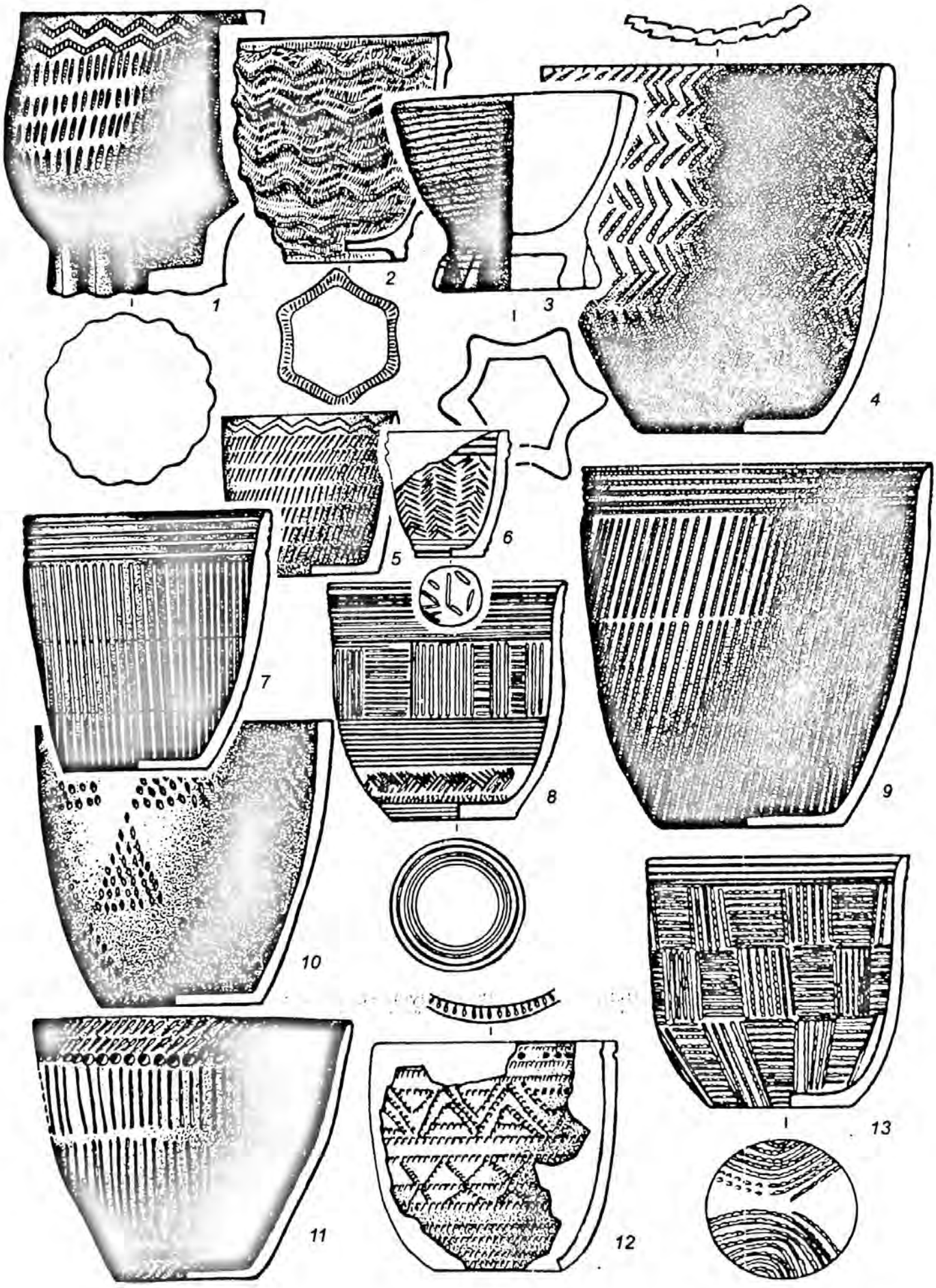

Рис. 4 Керамика окуневской культуры: Черновая VIII (*1*, *4–9*, *12–12*); Черновая IV (*2*); Верх. Аскиз I (*3*, *10–11*). Без масштаба

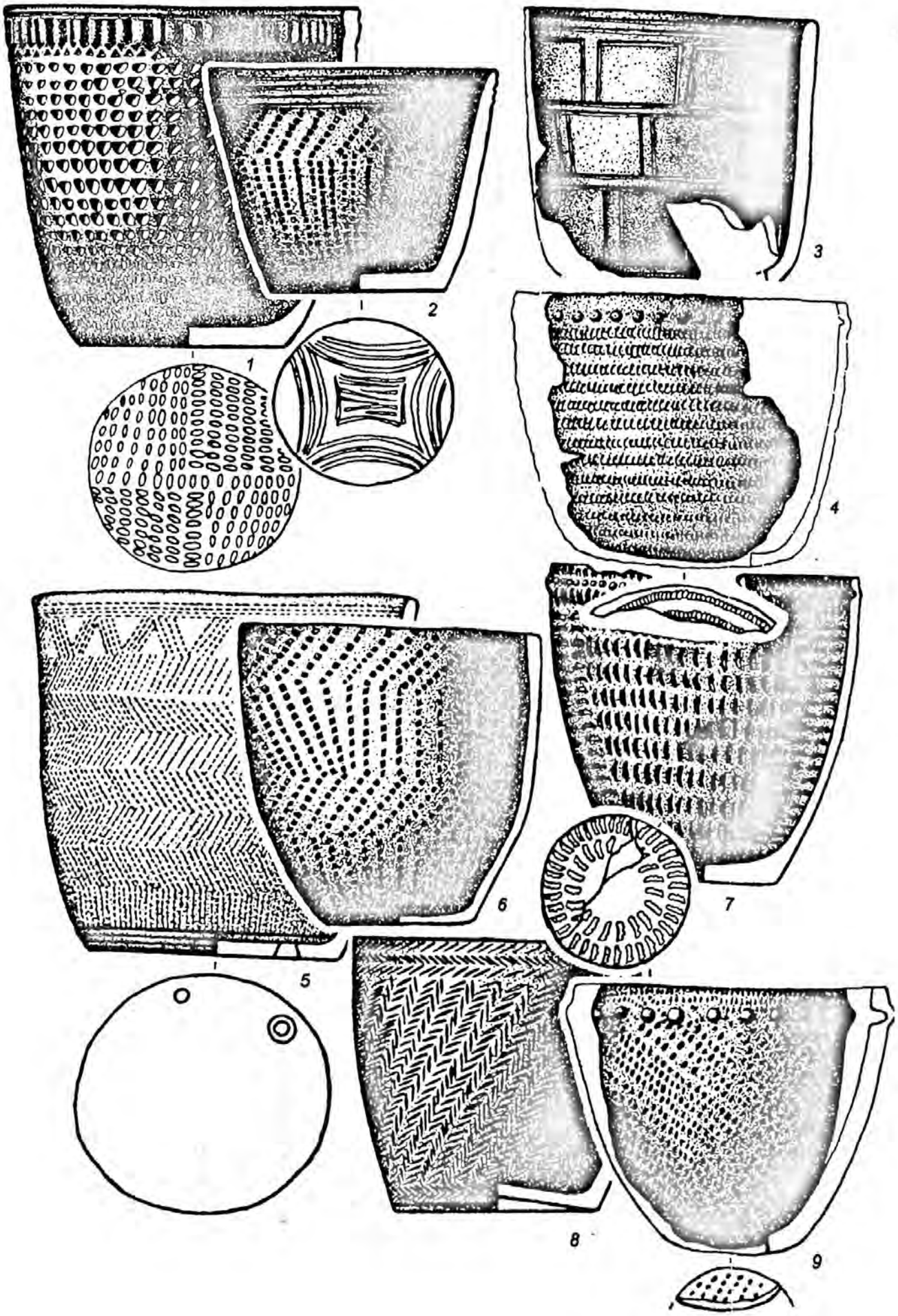

Рис. 5 Керамика окуневской культуры: Уйбат V (*1–3, 5–9*); Уйбат III (*4*). Без масштаба

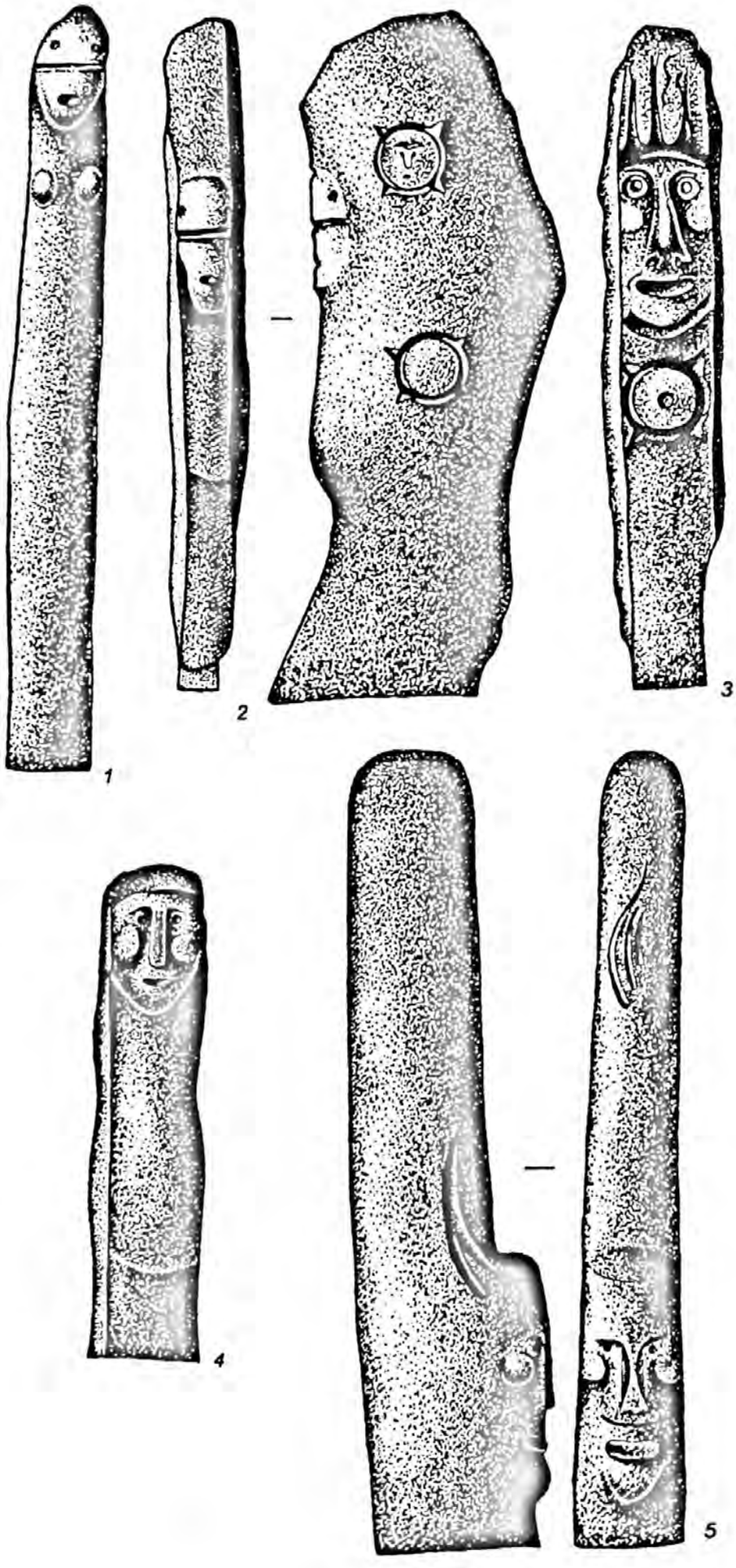

Рис. 6 Каменные изваяния окуневской культуры (по Э.Б Вадецкой):
1 – изваяние 18, *2* – изваяние 25, *3* – изваяние 13, *4* – изваяние 23, *5* – изваяние 42 (без масштаба)

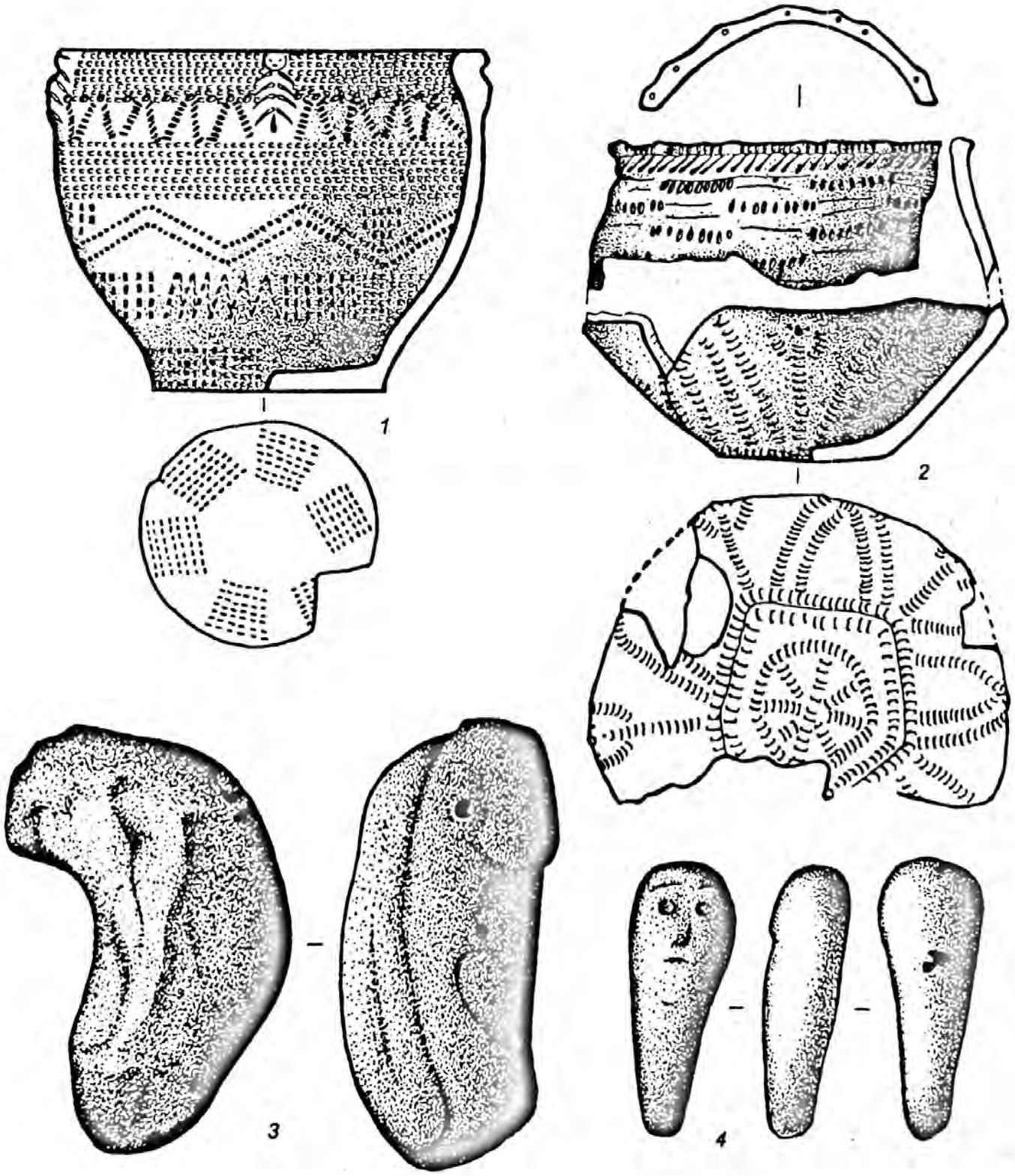

Рис. 7 Некоторые находки из памятников Западной Сибири:
1–2 – Тух-Эмтор IV (по Ю.Ф. Кирюшину); *3* – Ларьяк II (по В.А. Посредникову); *4* – окрестности г. Тюмени (без масштаба)

В.В. Бобров

Окуневские реминисценции в культуре поздней бронзы Кузнецкой котловины

Окуневская культура – одно из самых ярких и до сих пор загадочных явлений в древней истории Южной Сибири. С момента ее открытия исследовано значительное количество разнообразных памятников (могильники, писаницы и петроглифы, изваяния), и каждый из них ставит перед исследователями новые проблемы. Не случайно М.Л. Подольский определяет это культурное явление как феномен (Подольский, 1995, с. 7–10). Нет необходимости говорить здесь о состоянии окуневской проблематики в сибирской археологии. Оно исчерпывающе освещено в историографической статье Д.Г. Савинова (Савинов, 1997, с. 7–18). Он же отметил, что в числе подлежащих решению проблем наиболее неисследованной остается проблема исторической судьбы носителей окуневской культуры. В его редакции – это сохранение окуневских традиций после прекращения существования культуры (Савинов, 1995, с. 5–6). Открытие и исследование поселения Торгажак очень четко показало, что на юге Минусинской котловины традиции окуневской культуры существовали вплоть до карасукского времени (Савинов, 1996). Очевидно, на современном уровне знаний о древностях этого региона следует отказаться от концепции однолинейного развития культур эпохи бронзы. И подходить к решению обозначенной в статье проблемы необходимо, исходя из нового взгляда на время существования и развития окуневской культуры.

В связи с тем, что мы рассматриваем материалы западных районов, которые, по моему мнению, имеют отношение к окуневской традиции, целесообразно отметить проблему окуневско-самусьских контактов. Она активно обсуждалась специалистами. Достаточно напомнить дискуссию по поводу определения окуневского в самусьском и наоборот (Максименков, 1968; Вадецкая, 1969; Матющенко, 1973; 1977; Косарев, 1974; 1981 и др.). Нами была высказана гипотеза, имеющая определенные аргументированные основания, о том, что свита культур развитой бронзы Южной Сибири и Обь-Иртышья (каракольская, чаахольская, окуневская, самусьская и, вероятно, кротовская) формировалась с участием культуры мигрантов из юго-западных районов Азии (Бобров, 1994). Причем степень этого участия была различной. Эпицентр данного процесса скорее всего был связан с территорией Горного Алтая и Среднего Енисея (локализован на юге Хакасии). При дальнейшем развитии этих культур осуществлялся контакт населения, который находит отражение в самусьских и окуневских материалах. Это объясняется не только общностью происхождения, но и близостью границ ареалов этих культур. Зоной контактов этих двух этнокультурных образований была Ачинско-Мариинская лесостепь, о чем свидетельствуют как отдельные памятники, так и находки, в частности, керамики окуневского и самусьского типов, особенно в северных районах предгорий Кузнецкого Алатау. За Енисеем и Восточными Саянами начинался иной историко-культурный мир. Вряд ли он был востребован окуневским скотоводческим населением. Но контакты, вероятно, были. Возможно, на это указывают реплики окуневской изобразительной традиции в восточно-сибирских археологических материалах. При этом надо отметить, что в широкой трактовке местный неолитический компонент, явившийся субстратом формирования окуневской культуры, также имел отношение к восточным районам (Максименков, 1975, с. 36–37; Матющенко, 1988; Соколова, 1995, с. 20–24). Тем не менее, западная ориентация контактов, особенно на позднем этапе развития окуневской культуры, была, вероятно, предпочтительной.

В Кузнецкой котловине, в предгорьях Салаирского кряжа (экологическая ситуация близка среднеенисейским районам), Кузбасской археологической экспедицией ИАЭ СО РАН – КемГУ был

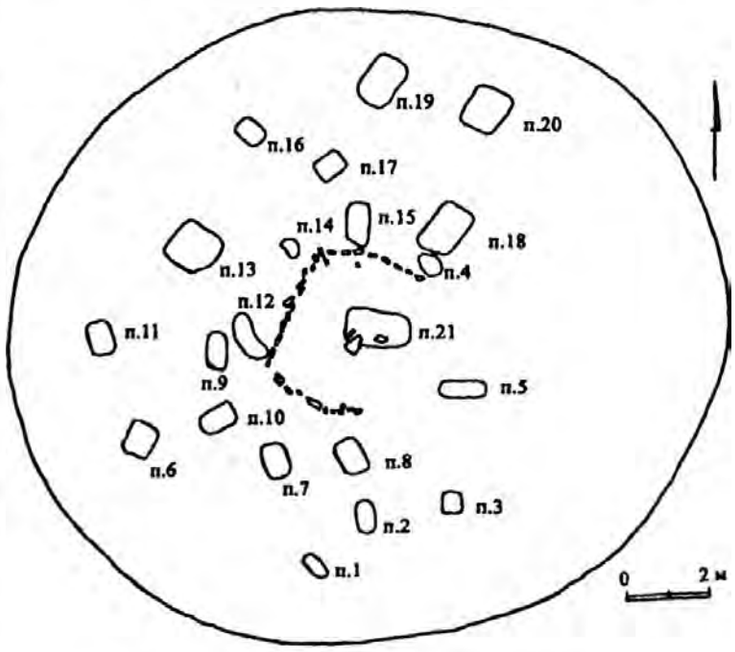

Рис. 1 Могильник Танай-12. План кургана 9

исследован курганный могильник Танай-12. Он включал погребения развитой бронзы, андроновской культуры и постандроновского времени (корчажкинская культура?). В погребениях восточной части памятника, где были расположены захоронения развитой бронзы и постандроновского времени, зафиксирован ряд археологических фактов, которые не находят объяснения среди материалов верхнеобского региона.

Первый факт. Нетрадиционная планиграфия могил зафиксирована в кургане 9 (рис. 1), который по всем признакам был датирован эпохой поздней бронзы. Он представлял собой овальную распаханную насыпь высотой 0,3 м и размерами 16 м (север-юг) на 20 м (запад-восток). В центре была сооружена каменная ограда прямоугольной формы из вертикально установленных сланцевых плит. Ее размеры 4×4 м. Внутри ограды находилась могила, в которой был похоронен ребенок. Сверху ограду и могилу перекрывал слой золистой супеси. Остальные 20 могил были размещены с восточной, северной и южной сторон от ограды. Они располагались бессистемно, с нарушением ориентации, традиционной для погребений культур эпохи поздней бронзы Верхней Оби. Западная часть кургана оставалась свободной от могил. Только одна могила связана с захоронением взрослого человека, в остальных погребены дети (16) и подростки (4).

В погребальной практике населения лесостепных районов Западной Сибири и Алтая сейминско-турбинской эпохи и предшествовавшего времени традиционным является расположение могил в ряд (Молодин, 2001; Гришин, 2002, с. 11; Грушин, 2002, с. 9; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003, с. 27). Этот принцип сохраняется и в последующие хронологические периоды. Единственную линию аналогий нетрадиционной планиграфии рассматриваемого кургана в пределах сибирского и центральноазиатского пространства можно провести с погребальной практикой окуневской культуры. Она прослеживается *в наличии свободного пространства на площади кургана (в окуневских курганах, где погребено много детей, занята вся площадь), но с восточной стороны; в большом количестве детских захоронений; в нарушении ориентировки могил.* Возможно, близкая (трансформированная) танайской ситуация была зафиксирована в кургане 22 могильника Журавлево-4, расположенном в этом же археологическом микрорайоне. В нем 11 погребений были смещены к юго-западу от центра, но формировали относительный порядок. В могилах были похоронены одна пожилая женщина, три молодых и семь детей (Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 72–75). Захоронения детей в ирменских погребальных памятниках Кузнецкой котловины крайне редки и обычно не превышают двух. Их могилы помещали по краям ряда. Большое количество детских погребений в курганах, о которых идет речь, – исключительные случаи в ареале ирменской культуры.

Второй факт. В ряду могил постандроновского времени памятника Танай-12 с восточного края было обнаружено круглое сооружение из каменных плит, поставленных наклонно внутрь. В центре огороженного пространства находился каменный ящик с остатками захоронения взрослого человека в скорченном положении на левом боку, головой на север (погребение 15), типичном для погребений культур постандроновского времени (рис. 2). В могилу был поставлен баночный плоскодонный сосуд, сплошь орнаментированный го-

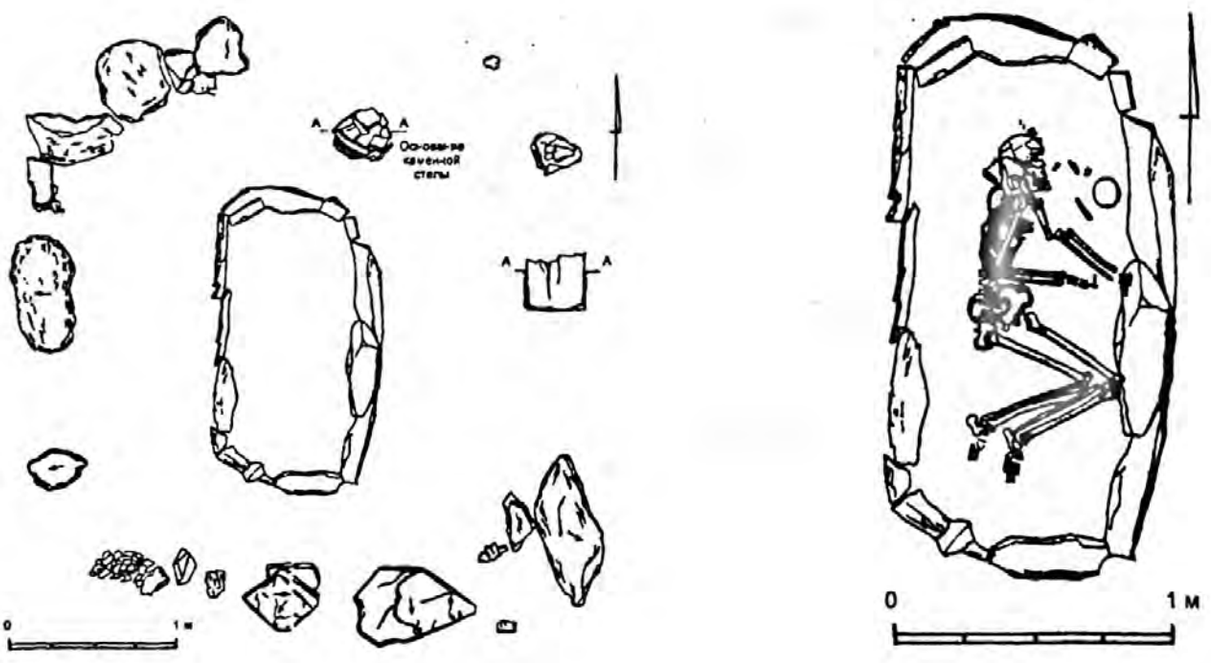

Рис. 2 Могильник Танай-12. Комплекс 15: *1* – каменная конструкция, *2* – погребение

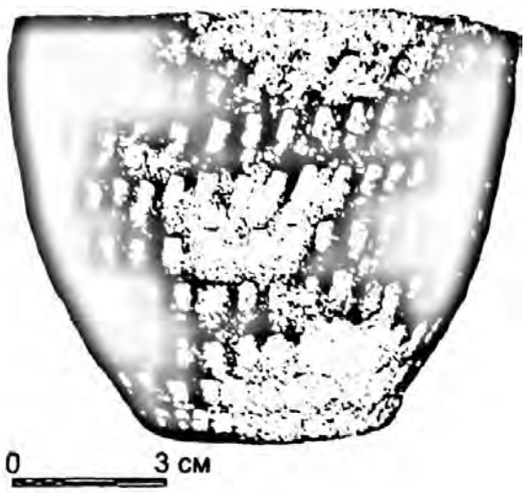

Рис. 3 Могильник Танай-12, сосуд из погребения 15

ризонтальными рядами отступающих оттисков широкого трехзубчатого штампа (рис. 3, *1*), и положены обломок бронзового ножа, отжимник, створка раковины, астрагал, подвеска из зуба животного, коготь совы, костяная застежка и два камня необычной формы с полосчатой цветовой структурой. Камни находились под черепом погребенного, видимо, в мешочке. Еще одной из особенностей этого захоронения являлось то, что с севера от могилы внутри кольца стоял каменный столб или что-то иное, установленное вертикально (рис. 2). Во время распашки этот объект был уничтожен, но сохранилась его вкопанная часть.

Комплекс погребения 15 могильника Танай-12 по всем признакам относится к самусьско-сейминской эпохе. Но, во-первых, это сооружение органично вписывалось в ряд погребений постандроновского времени, что ставит под сомнение датировку по обряду и сопроводительному инвентарю; во-вторых, среди памятников эпохи развитой и поздней бронзы на территории Западной Сибири подобные сооружения неизвестны. Некоторые аналогии ему можно найти в погребальных комплексах окуневской культуры. В частности, окуневская антропоморфная стела была встроена в сооружение кургана 1 могильника Уйбат III. Возможно, такая же ситуация была в кургане 1 памятника Уйбат V (Лазаретов, 1997, с. 35). Дополняет окуневские параллели сосуд из танайского сооружения (рис. 3, *1*). До сих пор не было ни одного случая находки подобного сосуда баночной формы в погребальных памятниках постандроновского времени Кузнецкой котловины. Более того, для западносибирского ареала не характерен крупный штамп для нанесения орнамента. Но именно эта особенность свойственна орнаментальной традиции окуневской культуры.

Третий факт. В могиле 18 кургана 9 могильника Танай-12 был найден игольник из трубчатой кости крупной птицы, украшенный рельефными бугорками по одной из сторон (рис. 3, *2*). Игольник по размерам и декору типичен для окуневской культуры (Максименков, 1980, с. 23). При этом обряд погребения, форма происходящего из могилы сосуда и его орнаментация характерны для постандроновского времени бассейна Верхней Оби.

Рис. 4 Могильник Танай-12, могила 18 кургана 9 игольник (кость)

Интерпретировать указанные факты чрезвычайно сложно. Если принять во внимание современный уровень знаний о культуро-генетических процессах в Минусинской котловине, основу которых составляет поликультурная ситуация (с окуневского времени до появления тагарского населения), то возможно следующее объяснение. Сохранение традиций окуневской культуры на юге Среднего Енисея до карасукского времени не могло не оставить следов в материальной и духовной культуре населения последующих историко-хронологических периодов, в отличие от культур сейминской эпохи Западной Сибири, уничтоженных андроновской экспансией. Соответственно, вполне закономерно предположить существование каких-то контактов поздних окуневцев за пределами их ареала с населением эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири. В западных районах (Кузнецкая котловина) проявления окуневских традиций зафиксированы впервые. Причем такие, которые вряд ли можно объяснить только культурным влиянием. Не исключена возможность инфильтрации незначительной части окуневского населения на запад, за пределы Кузнецкого Алатау, в экологически привычную для него среду.

М.А. Дэвлет, Е.Г. Дэвлет

Антропоморфные личины как маркеры путей древних миграций[1]

Великий пояс азиатских степей и предгорий с древних времен был дорогой контактов между Западом и Востоком. В нашем представлении «Запад» ассоциируется не только с географическим понятием, но также с европеоидной расой, подобно тому как «Восток» в значительной мере с представлениями о монголоидах. Как показали работы антропологов, в древности граница между ареалами протомонголоидной и протоевропеоидной рас проходила по территории, занимаемой современной Монголией (Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987). Здесь пересекались и смыкались культурные традиции Востока и далекого Запада. Видимо, этим обстоятельством в какой-то мере могут объясняться столь широкие культурные контакты древнего населения данного региона. Необъятная степь была транслятором духовных и художественных ценностей, по ней пролегали пути культурных связей населения регионов, удаленных друг от друга на многие сотни и тысячи километров. Взаимовлияние, взаимообогащение различных культур наиболее полно и отчетливо фиксируется в эпоху раннего железного века, в так называемое скифское время, когда пояс степей «соединил Восточную Европу и Северную Азию единством материальной культуры и художественных идей» (Киселев, 1951, с. 303). Однако местом контактов центральноазиатская степь была уже в бронзовом веке. Общие черты культурно-исторического развития достаточно определенно проявляются в разных регионах, находят отражение в различных археологических памятниках, в произведениях искусства, изготовленных из разнообразных материалов.

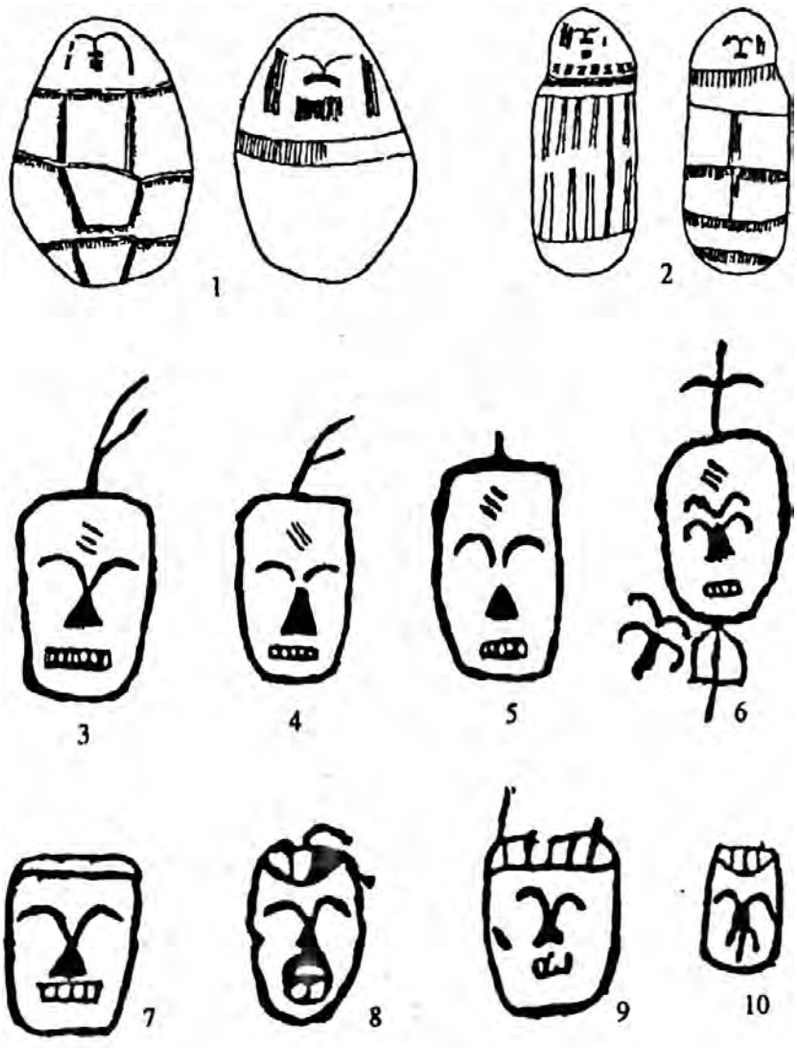

Табл. 1 Гравировки на сланцевых плитках и наскальные изображения личин:
1, 2 – о-в Кадиак, по Асееву, 1998; *3–10* – горы Иньшань, Внутренняя Монголия, по Гай Шаньлиню, 1986

Специфическими археологическими памятниками являются наскальные изображения. Своеобразие этого исторического источника состоит, прежде всего, в том, что изображения, неразрывно связанные со скальной поверхностью, недвижимы. Стилистические и сюжетные совпадения, в тех случаях, когда они наблюдаются на памятниках, значительно удаленных друг от друга, нельзя объяснить перемещением в пространстве самих произведений наскального творчества, как это бывало, к примеру, с портативными образцами мелкой пластики. Передвигались люди, их создававшие. Однако появление схожих сюжетов могло быть обусловлено не только продвижением творцов петроглифов, а проникновением в новую среду, быть мо-

[1] Работа публикуется в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

жет, даже эстафетным путем, идеологических воззрений, мифологии, верований, обрядности.

Из глубинных районов Центральной Азии, как из огромного кипящего котла, выплескивались в разных направлениях, в том числе и в северном, волны мигрантов. Изображения личин-масок были маркерами на пути их движения. Носители художественных традиций, продвигаясь в новые регионы, нередко оставляли на скалах по пути следования свои «визитные карточки» – изображения антропоморфных личин. По материалам петроглифов исследователи имеют возможность попытаться проследить направления и характер культурных контактов в те далекие времена.

Во Внешней Монголии, судя по публикациям Э.А. Новгородовой, в бассейне р. Чулуут первоначально были найдены единичные экземпляры личин, не более трех-четырех (Новгородова, 1984, 1989). Рисунок одной из чулуутских масок сомнителен. Похоже, что здесь представлен палимпсест, возможно, что рога принадлежат изображению оленя, которое перекрывает маску, если этот рисунок действительно представляет собою маску, в чем уверенности нет (Новгородова, 1989, с. 95). Среди чулуутских масок бесспорна одна. У нее скальной коркой обозначены линии контура, бровей, глаз, носа, рта, а все остальное внутреннее пространство внутри абриса «забито». На голове

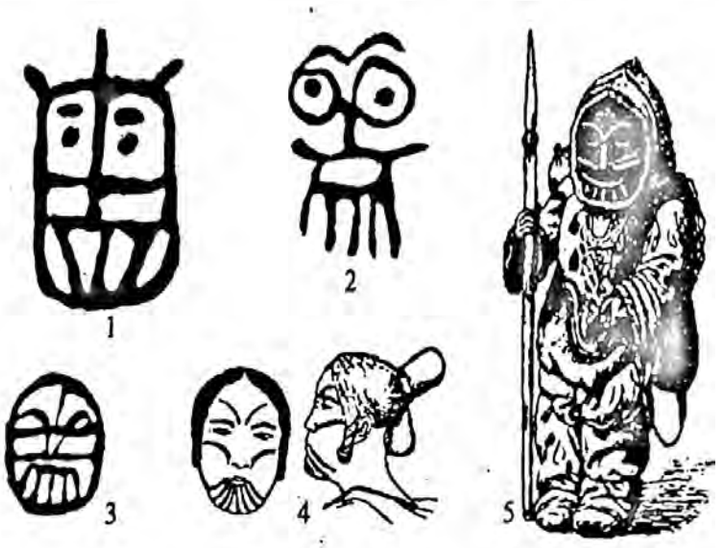

Табл. 2 Изображения антропоморфных личин с линиями на подбородке (*1–3*), татуировки (*4*) и маски эскимосов (*5*): *1–3* – Иньшань, по Гай Шаньлиню, 1986; *4–5*, по Асееву, 1998

тройная развилка (Новгородова, 1984, с. 55), напоминающая подобный атрибут на макушке одной из наиболее поздних масок Алды-Мозага (Дэвлет М., 1998). В результате новейших исследований количество изображений личин-масок в Монголии значительно возросло (Санжмятав, 1995; Цэвээндорж, 1999; Jacobson, Kubarev, Tsev-

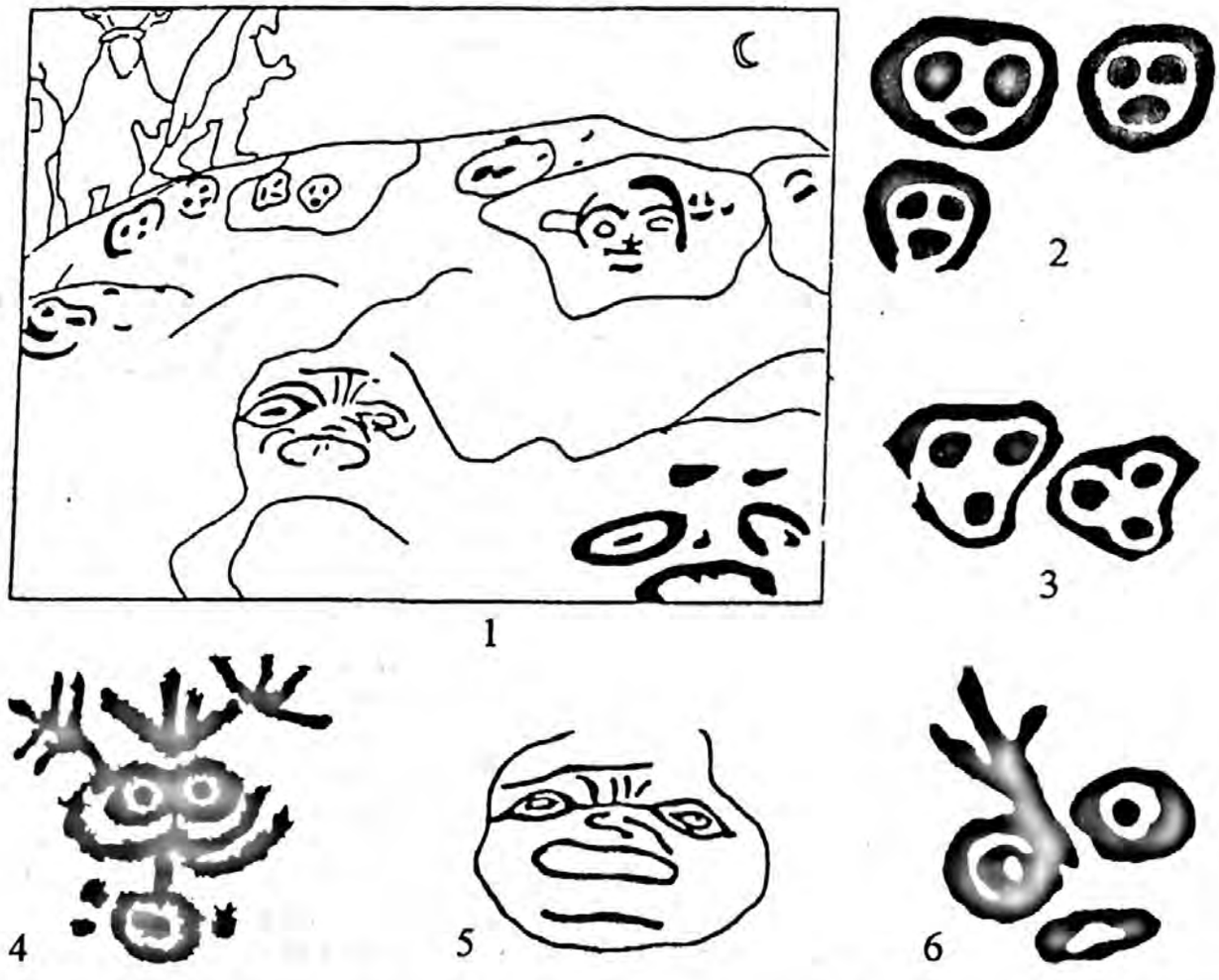

Табл. 3 Изображения антропоморфных личин: *1* – прорисовка картины Н.К. Рериха «Заклятие земное», 1907 г.; *2* – Форт Руперт, по Окладниковой, 1979; *3* – Сакачи-Алян, по Окладникову, 1971; *4* – Кейп Мьюдж, по Окладниковой, 1979; *5* – Форт Руперт, по Маточкину, 1985; *6* – Ивашкин Ключ, Ангара, по Заике, 2003

eendorj, 2001; Цэвээндорж, Цэрэндагва, Гунчинсурэн, Гарамжав, 2004). На местонахождениях петроглифов в долинах рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур В.Д. Кубарев насчитывает около 20 подобных изображений. Однако, как нам представляется, подавляющая часть этих петроглифов вряд ли может быть идентифицирована в качестве масок (Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, рис. 690, 757, 748).

Табл. 4 Изображения разноглазых личин:
1 – Сакачи-Алян, по Окладникову, 1971;
2 – Иньшань, по Гай Шаньлиню, 1986

Интереснейшие комплексы личин обнаружены в одном из регионов Северного Китая – Внутренней Монголии в горах Иньшань и др. Эти петроглифы известны отечественным исследователям первоначально по предварительным публикациям китайских ученых, а теперь по монографиям Гай Шаньлиня и др. (Gai Shanlin, 1986; 1989; Jiang Zhenming, 1991; Xu Cheng, Wei Zhong, 1993; Gai Shanlin, Lou Yudong, 1993; Anati, 1994).

Исследования петроглифов в горах Иньшань, что в переводе означает «Лунные горы», начались в 1976 г. В восточной части горной цепи, протянувшейся с востока на запад приблизительно на 1000 км, климат влажный, растительность буйная. В западной части климат засушливый, растительность редкая. Именно здесь в местности, носящей название Ланшань, что в переводе означает «Волчьи горы», на обнаженных скальных выходах и валунах сосредоточены петроглифические памятники. Они были известны местному населению с давних пор. Так, китайский географ Линь Даоюань в книге «Комментарии к трактату о водах» писал, что еще в древности эту территорию называли «нарисованными горами». Здесь китайские исследователи провели широкомасштабные работы по фиксации петроглифов.

Среди множества наскальных рисунков, опубликованных Гай Шаньлинем и др., видное место занимают изображения личин-масок, отличающиеся разнообразием форм, условностью, вычурной стилизацией. Некоторые личины имеют странный, причудливый облик. Они снабжены фантастическими дополнениями внутри контура в виде скобок, полос, передающих, вероятно, устрашающую раскраску или татуировку на лицах, возможно также ритуальные лицевые шрамы. Буйная фантазия творцов петроглифов породила множество индивидуальных форм. При всем многообразии вариантов значительная их часть все же объединяется в определенные серии. Хронологическое разделение личин из Внутренней Монголии затруднительно. Ясно одно: эти изображения разновременны. По всей вероятности, наиболее древние из них восходят к энеолиту. Верхняя дата определяется, скорее всего, концом эпохи бронзы – началом железного века, то есть рубежом второго – началом первого тысячелетия до н.э. Отдельные экземпляры могли быть созданы и в более позднее время.

Табл. 5 Изображения антропоморфных личин:
1–9 – Ангара, по Окладникову, 1966; 1978

Мы уже обращали внимание на личины из Внутренней Монголии с двумя, тремя или четырьмя косыми параллельными черточками на лбу (Дэвлет М., 1990). Это не изображения человеческого лица, хотя бы и мертвого, а скорее изображение черепа: на месте носа – треугольный провал, на месте рта – частокол из зубов, глаза отсутствуют, обозначены лишь надбровные дуги (табл. 1, *3–9*). Эти личины семантически перекликаются с череповидными личинами Северной Азии, прежде всего района нижнего Амура, хотя у них внешний контур имеет не сердцевидные, а подпрямоугольные очертания. Такая же «зубастая» личина выбита на туловище лошади из Сакачи-Аляна (Окладников, 1971, табл. 28).

Примечательно, что на лбу личин из Внутренней Монголии имеются параллельные черты, подобные тем, которые встречаются на оленных камнях. Эти линии на личинах-масках, изображающих лица покойников, вероятно, должны были оградить живых от нежелательного общения с обитателями потустороннего мира – умершими сородичами. Во всяком случае, представляется очевидным, что знаки в виде трех параллельных косых линий на петроглифах и на оленных камнях семантически однородны. По всей вероятности они отражали реально проведенные линии на лицах покойников и связаны с культом умерших предков (Савинов, 1977).

Личины из Внутренней Монголии находят иконографическое соответствие в гравировках на сланцевых пластинах с острова Кадиак на Аляске (Асеев, 1998, рис. 3). Арочные линии передают брови персонажей, прямая вертикальная – нос, горизонтальная – рот (табл. 1, *1–2*). Вертикальные линии на подбородке могут обозначать бороду или, принимая во внимание изображения маски эскимоса на табл. 2, татуировку.

Представляется, что в глубинных районах Азиатского материка можно найти исходные формы тех личин, которые были изображены Н.К. Рерихом в картине «Заклятие земное» и которые Е.П. Маточкин сопоставил с американскими петроглифами из Форта Руперт (Маточкин, 1985). Это антропоморфные личины, над переносицей которых помещены развилки, состоящие из трех или четырех расходящихся отростков (табл. 3), а также трехточечные личины. Элемент древней знаковой системы, так называемая трехточечная личина, была использована Н.К. Рерихом не только в картине 1907 г. «Заклятие земное», но и в символике Знамени Мира. Примечательно, что трехточечные личины в наскальном искусстве Центральной Азии и Америки являются своего рода иллюстрацией того провидения, предвосхищения будущего, которое характеризует творчество Н.К. Рериха. Известны случаи, когда художник прозорливо создавал в своих произведениях образы, с конкретными прототипами которых он сталкивался в реальной жизни лишь впоследствии (Дэвлет Е., 2000; 2002).

Изображения в горах Иньшань сближает с личинами Сакачи-Аляна на нижнем Амуре наличие «разноглазых» экземпляров. Это совершенно преднамеренное разноглазие и не является оплошностью или недоработкой древнего художника (табл. 4).

Ангарские антропоморфные фигуры и личины стали известны благодаря работам А.П. Окладникова (табл. 5). Лишь в конце прошлого столетия их фонд пополнился новой серией, полученной в результате работ красноярских археологов и прежде всего неутомимого разведчика памятников наскального искусства А.Л. Заики (Дроздов, Заика, Макулов, 1996; Журавков, Заика, 2001; Заика, 2003, 2003а; 2004; Заика, Петрович, 2000; Мельникова, Николаев, Мандрыка, 2000). А.Л. Заика, по его собственному свидетельству, на нижней Ангаре учел 155 личин (Заика, 2003, с. 14), правда, подавляющую их часть составляют трехточечные изображения.

Личины «каменского» типа, выделенные А.Л. Заикой, имеют, выражаясь его словами, межглазной прогиб, характерный для сердцевидных личин, а также разветвленный вертикальный отросток надо лбом, вертикальные линии на подбородке. Мы приводим таблицу изображений личин «каменского» типа из нижнего Приангарья и Внутренней Монголии (табл. 6). Они обнаруживают разительное сходство.

Представляется, что, направляясь из Центральной Азии на север, переселенцы следовали вдоль Тихоокеанского побережья и долиной Ангары в таежные районы и на Енисей. Здесь имеются в виду находки антропоморфных фигур на местонахождении петроглифов Островки III (Мельникова, Николаев, Мандрыка, 2000). Памятник открыт В.П. Мандрыкой в 1995 г., в настоящее время это самое северное местонахождение петроглифов в долине Енисея (табл. 7,1). На Ангаре, как и во Внутренней Монголии, известны личины и антропоморфные фигуры с древовидными отростками на макушке. Они находят близкие аналогии среди сибирских этнографических материалов.

Говоря о наскальных рисунках личин, нельзя не упомянуть замечательную находку В.И. При-

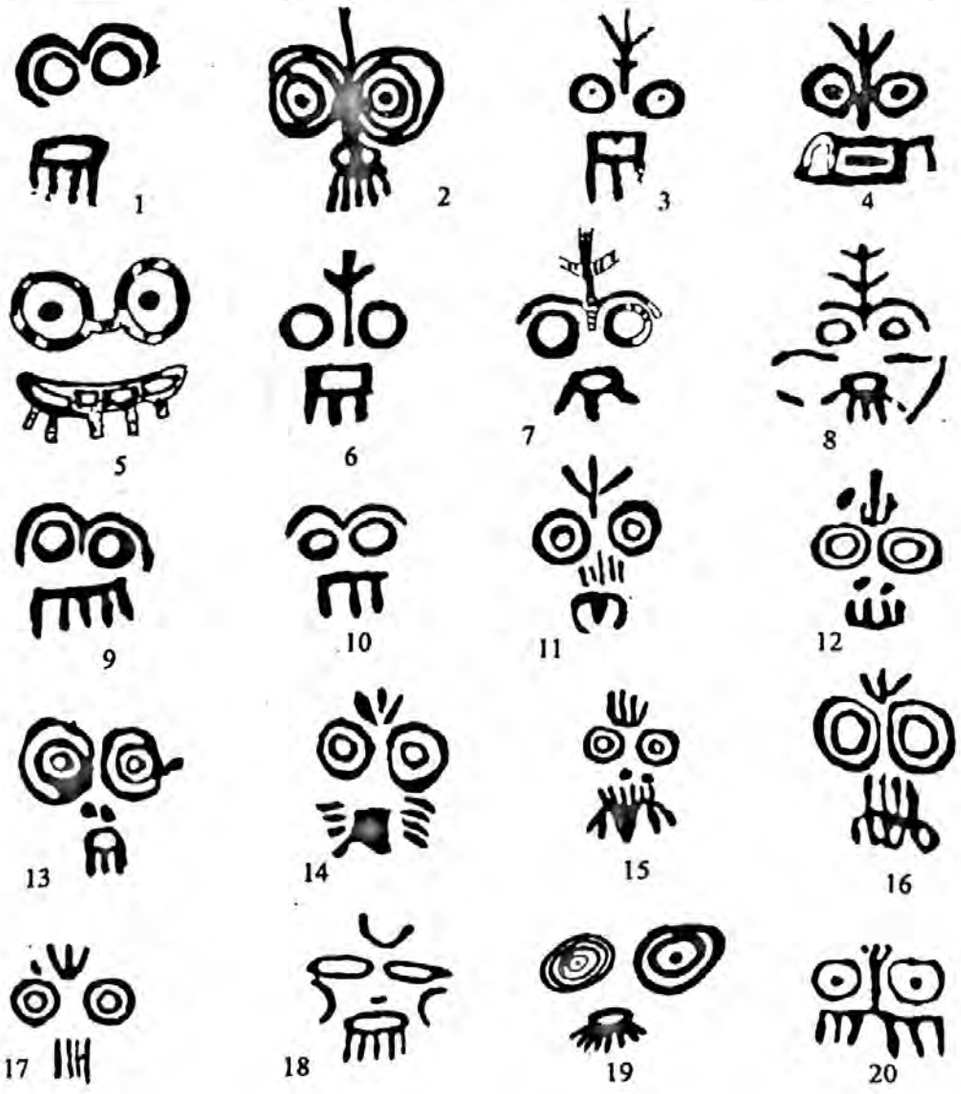

Табл. 6 Изображения антропоморфных личин с линиями на «подбородке»:
1–8 – Нижняя Ангара, по Заике, 2003;
9–18, 20 – горы Иньшань, по Гай Шанълиню, 1986;
19 – «Бичигтийн усны» хад, по Санжмятаву, 1995

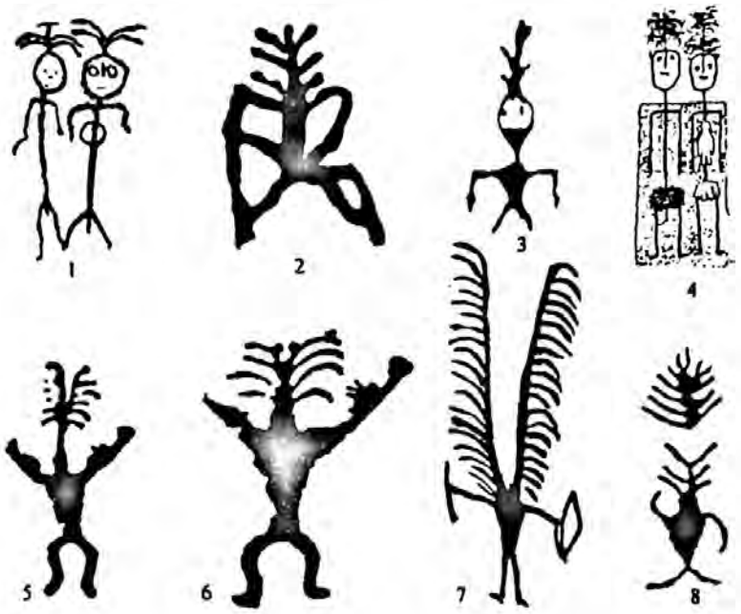

Табл. 7 Изображения антропоморфных фигур с древовидными отростками на голове: *1* – Островки III, Казачинский порог на Енисее, по Мельниковой и др., 2000; *2* – Ак-Дабан, Средняя Лена, по Окладникову, 1972; *3* – Нижняя Ангара, по Заике, 2003; 4 – фигуры на онгонах, буряты, по Иванову, 1954; *5–8* – провинция Юньнань, южный Китай (*5–7* – по Ли фу шуну, 1995, 1998; *8* – по Чен Фу, 2004)

валихина в погребении 1 могильника Капонир в низовьях Ангары (табл. 8). Это антропоморфная рогатая личина, изображенная на стенке сосуда в технике нанесения оттисков концом отступающей лопаточки (Привалихин, 1992; 1993; Васильевский, Березин, Привалихин, 1996). Она очень напоминает, благодаря наличию рогов, ушей и отростка-ручки под подбородком, личины мугур-саргольского типа (Дэвлет М., 1980). От классических мугур-саргольских эту личину-маску отличает отсутствие антенны на макушке и ромбический контур лица (табл. 9). Такие же ромбовидные головы встречаются у антропоморфных фигур ангарских петроглифов.

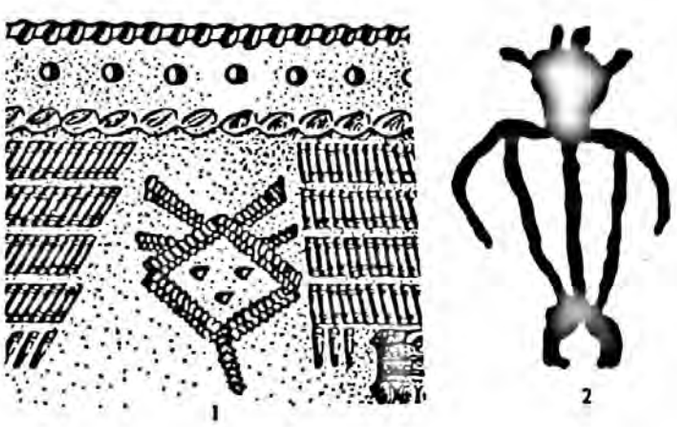

Табл. 8. Изображение головных уборов с рогами и ушками: *1* – стоянка Капонир, северное Приангарье, обломок сосуда, по Привалихину, 1992; *2* – Третий Каменный остров, Ангара, по Окладникову, 1966

При определении направления движения сюжета в пространстве закономерно возникают трудности, зачастую неразрешимые. К примеру, в монгольском Жавхланте обнаружено изображение «солнцеголового» антропоморфного существа (Цэвээндорж, Цэрэндагава, Гунчинсурэн, Гарамжав, 2004, с.195), трактованного так же, как и его многочисленные аналоги из Средней Азии (Марьяшев, Горячев, 2002, табл. II, *15*). Встает вопрос: чем объяснить столь очевидное сходство? Предпочтительнее считать, что этот сюжет проник в Монголию с запада, вряд ли он связан с движением переселенцев в противоположном направлении. Примечательно несомненное сходство данного персонажа с антропоморфной фигурой из Южной Америки (табл. 10).

Исследователи неоднократно отмечали сходство сюжетов наскального искусства Тихоокеанского побережья Азии и Америки (Окладникова, 1979). Прототипы ряда личин североамериканского побережья, по всей видимости, находятся среди петроглифов северного Китая. В древности мигранты из Внутренней Монголии продвигались на север, надо полагать, несколькими волнами. Следы их пребывания прослеживаются в виде изображений личин, выбитых на скалах нижнего Амура и северного Приангарья.

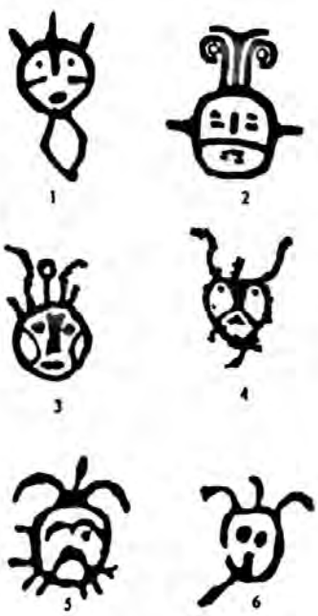

Табл. 9 Изображения антропоморфных личин с рогами и «антенной»: *1* – Выдумский Бык, Нижняя Ангара, по Заике, 2003; *2* – Аплинский порог, Ангара, по Привалихину, 1992; *3,4* – Мугур-Саргол, по М. Дэвлет, 1980; *5, 6* – Иньшань, по Гай Шаньлиню, 1986

Табл. 10 Изображения солнцеголовых антропоморфных персонажей: *1* – Тамгалы, по Марьяшеву, Горячеву, 2002; *2* – Жавхлант, по Цэвээндоржу и др., 2004; *3* – Колумбийское плато, по Марьяшеву, Горячеву, 2002

А.Л. Заика

Антропоморфные личины Нижней Ангары в контексте развития наскального искусства Азии

Исследования петроглифов Нижней Ангары имеют длительную историю (около 300 лет). Тем не менее, к концу XX в. они оставались недостаточно изученными. Материалы полевых исследований последних лет дают исчерпывающую (на сегодня) информацию о 42 памятниках наскального искусства, на которых было зафиксировано 155 антропоморфных образов – личин. Большинство из них расположено на береговых утесах, реже – на береговых валунах и на скальных останцах в глубине берега. Основная масса изображений сконцентрирована в центральной части региона (комплексы Манзя, Ивашкин ключ, Каменка, Выдумский Бык, местонахождение "Геофизик"). Единичные рисунки встречаются на восточном и западном участках Нижней Ангары.

Пограничное положение региона между Восточной и Западной Сибирью, Средним и Нижним Енисеем (табл. 1, 2) во многом определило мозаичность этнокультурных процессов на территории Нижнего Приангарья в древности, что нашло свое отражение в наскальном искусстве. На примере рассматриваемой категории антропоморфных образов можно проследить во времени культурные взаимодействия местного населения на восточном, западном и южном направлениях.

По результатам проведенного стилистического анализа и статистических подсчетов автором определены основные классификационные подразделения наскальных личин и антропоморфных фигур в масках-личинах, а также выделен специфичный для региона особый вид личин "каменского" типа.

С южным влиянием окуневской изобразительной традиции связано появление среди петроглифов Ангары "рогатых" круглых и полукруглых личин с горизонтальной "татуировкой", "трехглазых" неоконтуренных личин, а также их сюжетное сочетание с копытными животными, среди которых присутствуют быки и козлы. Необходимо отметить, что неоконтуренные "трехглазые" личины появились позже личин "каменского" типа[1]. По мнению А.П. Окладникова, "антропоморфные личины в наскальном искусстве Ангары – явное свидетельство определенных контактов древнего населения Приангарья с культурами, в круг которых входят писаницы окуневской культуры в Туве" (Окладников, 1978, с. 183).

Контактами с самусьской культурой Западной Сибири объясняется присутствие на писаницах Ангары антропоморфных фигур в параболоидных масках-личинах с хорошо обозначенной шеей (в подобных петроглифах окуневской культуры голова, как правило, "утопает" в плечи). Причем, в ряде случаев наблюдается их более позднее появление по отношению к рисункам собственно окуневского типа. Схожие образы на писаницах Байкала и Якутии, по всей видимости, являются следствием дальнейшего распространения этой изобразительной традиции по Ангаре на восток.

Сердцевидные личины (табл. 3), являясь доминирующим мотивом в петроглифах лесной полосы Северной Азии, судя по археологическим источникам Дальнего Востока, известны с эпохи неолита[2]. Наличие их на скалах Нижней Ангары может объясняться как автохтонным стадиальным явлением, так и трансляцией этого образа с Дальнего Востока через Амур, Байкал и Ангару в западном направлении. Единичные рисунки на самусьской керамике сменяются позже устойчивыми образами сердцевидного облика в художественной

---

[1] Наиболее ярко влияние окуневских изобразительных традиций прослеживается на примере "рогатых" круглых и полукруглых масок-личин с горизонтальной "татуировкой" (наиболее близкие аналогии этим личинам находятся в тасхазинской группе петроглифов, выделенной Н.В. Леонтьевым в качестве наиболее архаичной в окуневском искусстве (Леонтьев, 1978), и неоконтуренных личин с "третьим глазом". Но, в отличие от окуневских, у полукруглых масок-личин Нижней Ангары четко обозначена шея, что сближает их с антропоморфными образами на самусьской керамике и в петроглифах Восточной Сибири (Саган-Заба, бухта Ая, Мая и др.). В отличие от классических окуневских изображений черновского типа (по классификации Н.В. Леонтьева), ангарские личины не имеют контура, сложных деталей внутреннего и внешнего оформления, все три глаза у них расположены практически по одной линии.

[2] По мнению многих исследователей, данные изображения связаны с окуневскими изобразительными традициями и относятся к эпохе энеолита. По свидетельству М.А. Дэвлет, в этот период «изображения личин с сердцевидным абрисом встречаются на памятниках, протянувшихся полосой в широтном направлении с Урала до Нижнего Амура. Вместе с тем, – продолжает она, – условная граница находок изображений сердцевидных личин проходит севернее собственно окуневского ареала...» (Дэвлет, 1997, с. 240–241; табл. 1). Наиболее ранние изображения зафиксированы на обломке неолитического сосуда из Вознесеновки (табл. 3, *12*).

пластике эпохи раннего железного века и средневековья Западной Сибири и Урала (табл. 4). С влиянием древних культур тихоокеанского региона связано появление на Нижней Ангаре личин череповидного облика (табл. 5).

Личины с ромбовидным контуром известны в энеолитических петроглифах Монголии. Наряду с манерой решетчатого оформления нижней части тела антропоморфных фигур, этот мотив мог проникнуть через Прибайкалье на северо-запад и сохраниться в Нижнем Приангарье и сопредельных территориях Западной и Средней Сибири в наскальном искусстве и в декоре керамики до эпохи раннего железа (табл. 6, 7). Срединное положение Прибайкалья на этом пути подтверждается недавними находками на территории глазковского могильника на побережье Малого моря оз. Байкал. На поверхности одного из сосудов здесь выявлен ряд антропоморфных фигур в ромбовидных маскахличинах (Горюнова, Вебер, 2003). Сходство монгольских, байкальских и ангарских петроглифов в свое время отметил А.П. Окладников (Окладников, 1966, с. 139). Устойчивостью юго-восточных связей объясняется ряд стилистических, иконографических и сюжетных аналогий личин "каменского" типа с древним искусством Китая (Заика, 2001). Опираясь на опубликованные материалы, Е.Г. Дэвлет предположила, что это сходство объясняется прямым перемещением населения. По ее мнению, мигранты из Внутренней Монголии в древности продвигались на север несколькими волнами, достигнув Нижнего Амура и Северного Приангарья (Дэвлет Е., 1999; 2000).

Рассматривая данные факты в контексте конкретно-исторических событий, можно прийти к выводу о прямом проникновении или частичной инфильтрации носителей окуневской культуры под давлением пришлого андроновского населения на север (до сих пор существует концепция о вытеснении окуневского населения в южные районы Саяно-Алтая), что могло произойти примерно в XIII в. до н. э. Возможно, перемещение носителей ранних форм окуневской культуры или доокуневского населения началось гораздо раньше – в III тыс. до н. э. Радикальная смена стиля, сюжетов, иконографии рисунков зафиксирована в петроглифах, традиционно соотносимых с окуневскими, на Шалаболинской писанице. Первоначальные композиции с целью подготовки плоскости для нанесения новых рисунков преднамеренно уничтожались путем скобления и шлифовки поверхности скалы. Подобные факты могут объясняться как ритуальной практикой, так и варварским отношением со стороны пришлого населения, насаждавшего новые приоритеты в духовной культуре, что можно рассматривать как свидетельство перемещения отдельных этнических групп в северные районы. Интересно, что в серовском погребении на территории культового комплекса Каменка-1 на Нижней Ангаре под черепом находилась каменная «подушка», что характерно для погребальной практики окуневской культуры. Продвижение населения, скорее всего, осуществлялось по левобережным притокам Ангары (Бирюса, Тасеева), где зафиксированы петроглифы окуневского типа (Заика, 2002, 2003; Ключников, Заика, 2002).

Вместе с тем, формирование и развитие наскального творчества в Нижнем Приангарье нельзя объяснить только влиянием извне. Культурные контакты не были односторонними.

На примере териоморфных образов многие исследователи констатируют присутствие в доокуневских и окуневских петроглифах Южной Сибири "ангарской" традиции (Подольский Н., 1973; Шер, 1980; Пяткин, Мартынов 1985; Молодин, 1993; Советова, Миклашевич, 1999 и др.). Существует мнение, что данная изобразительная традиция зародилась на Ангаре в эпоху неолита и была принесена по Енисею в Минусинскую котловину ко времени распространения там афанасьевской культуры, то есть в конце III тыс. до н. э. (Подольский Н., 1973; Шер, 1980). Антропоморфные образы окуневской культуры также несут ряд черт, характерных для личин "каменского" типа: неоконтуренность при наличии внешней атрибутики и разветвленный головной убор присутствуют у личин "джойского" типа; тройной или многолучевой пучок линий завершает вертикальные головные уборы у личин "тасхазинского" типа (табл. 8, *2–4*, *6*, *10*, *15*). Фронтально-симметричные фигуры в маскахличинах, фигуры адорантов, встречающиеся в петроглифах окуневской культуры и на самусьской керамике, являются характерным сюжетом прежде всего наскального искусства Ангары и Прибайкалья (табл. 9).

В наскальном искусстве (как и в любом другом виде творчества) необходимо также учитывать возможности ренессанса. Процесс реанимации (возрождения) того или иного сюжета в петроглифах определяется не только фактором времени, но и пространственными характеристиками, замкнутостью (закольцованностью) траектории движения образа на определенной территории[3]. Примером подобной реверсивности образов, "вернувшихся" в петроглифы Нижней Ангары, является геометризированная фигура «шамана» на писанице Манзя (табл. 9, *16*). Данный персонаж, не теряя исходных принципов в плане иконографии (фронтальная симметричность, раскинутые в стороны верхние и сведенные вместе нижние конечности), несет черты строго стилизованных образов, известных по изображениям на керамике

[3] Например, ключевой образ в культуре некой этнической группы, которая веками вырабатывала для него определенные графические каноны, воспринимается населением смежной территории. Там он, не теряя своего содержания, приобретает несколько видоизмененные формы, соответствующие местным изобразительным традициям, и в этом виде возвращается на исходную территорию, где по своим эстетическим параметрам воспринимается местным населением.

самусьской культуры. Соразмерность фигуры, узкие плечи, строгость изгибов линий, формирующих образ, третий «рог», параболоидный контур головы с обозначенной шеей, развернутые в стороны кисти рук, отсутствие стоп, наличие парных линий по обе стороны туловища – вот набор признаков, характерных для самусьских изображений (табл. 9, *17*). Казалось бы, в данном случае логично констатировать факт влияния именно самусьской культуры на наскальное искусство смежной территории Нижней Ангары. Но нельзя забывать, что базовые позиции в иконографии самусьских образов (фронтальная симметричность, раскинутые в стороны верхние и сведенные вместе нижние конечности) наиболее характерны, как уже говорилось, для петроглифов Ангаро-Байкальского региона. Не исключено, что центром формирования данной изобразительной традиции являлось Прибайкалье, которое географически и в коммуникативном плане занимает срединное положение между Западной, Восточной и Южной Сибирью.

Отличительной особенностью личин Нижней Ангары по отношению к другим регионам (Саяно-Алтай, Минусинская котловина, Внутренняя Монголия, Якутия, Дальний Восток, Западная Сибирь) является практически полное отсутствие в них солярной символики (солнечные символы появляются здесь только в эпоху раннего железа). Однако в ангарских петроглифах зафиксировано удвоение округлого контура личины, а также глаз(?) солярного облика (табл. 10, *5*, *6*, *21*, *22*). Аналогии этим единичным образам прослеживаются в петроглифах Нижнего Амура, Северного Китая, Средней Азии, Среднего Енисея и на самусьской керамике (табл. 10).

Многообразие сюжетов и образов в наскальном искусстве Нижнего Приангарья объясняется его межрегиональным, пограничным положением, а также наличием удобных коммуникаций в виде развернутой гидросистемы. Повышенная концентрация в петроглифах Нижней Ангары антропоморфных образов в виде личин (в отличие от других исследованных районов Приангарья) – не столько явление стадиальное в развитии местных культур, сколько следствие прямых или опосредованных взаимодействий с культурами сопредельных регионов.

Иконография и стилистические особенности антропоморфных образов петроглифов Нижней Ангары маркируют присутствие изобразительных традиций неолитических культур Дальнего Востока, энеолитических культур Западной и Внутренней Монголии, окуневской и самусьской культур в эпоху ранней бронзы, карасукской – в эпоху поздней бронзы, культур скифского круга – в эпоху раннего железа. Местное население, воспринимая художественные элементы других культур, гармонично сочетало их с традиционными образами и, комбинируя их, создавало принципиально новые.

Доминирующие позиции местной художественной культуры в наскальном искусстве Нижней Ангары проявляются на примере личин "каменского" типа, у которых основные элементы образа консервативно сохраняются с эпохи неолита до раннего железного века; в отсутствии у большинства личин солярной символики; в преобладании вертикальной татуировки антропоморфных образов, а также разветвленного головного убора. Влияние ангарских изобразительных традиций прослеживается в доокуневских и окуневских петроглифах Среднего Енисея, и изображениях на керамике самусьской культуры.

Выявленный представительный комплекс петроглифов обозначает Нижнее Приангарье как один из культурных центров древнего искусства, заметно повлиявших на развитие наскального творчества населения соседних регионов Сибири и Дальнего Востока.

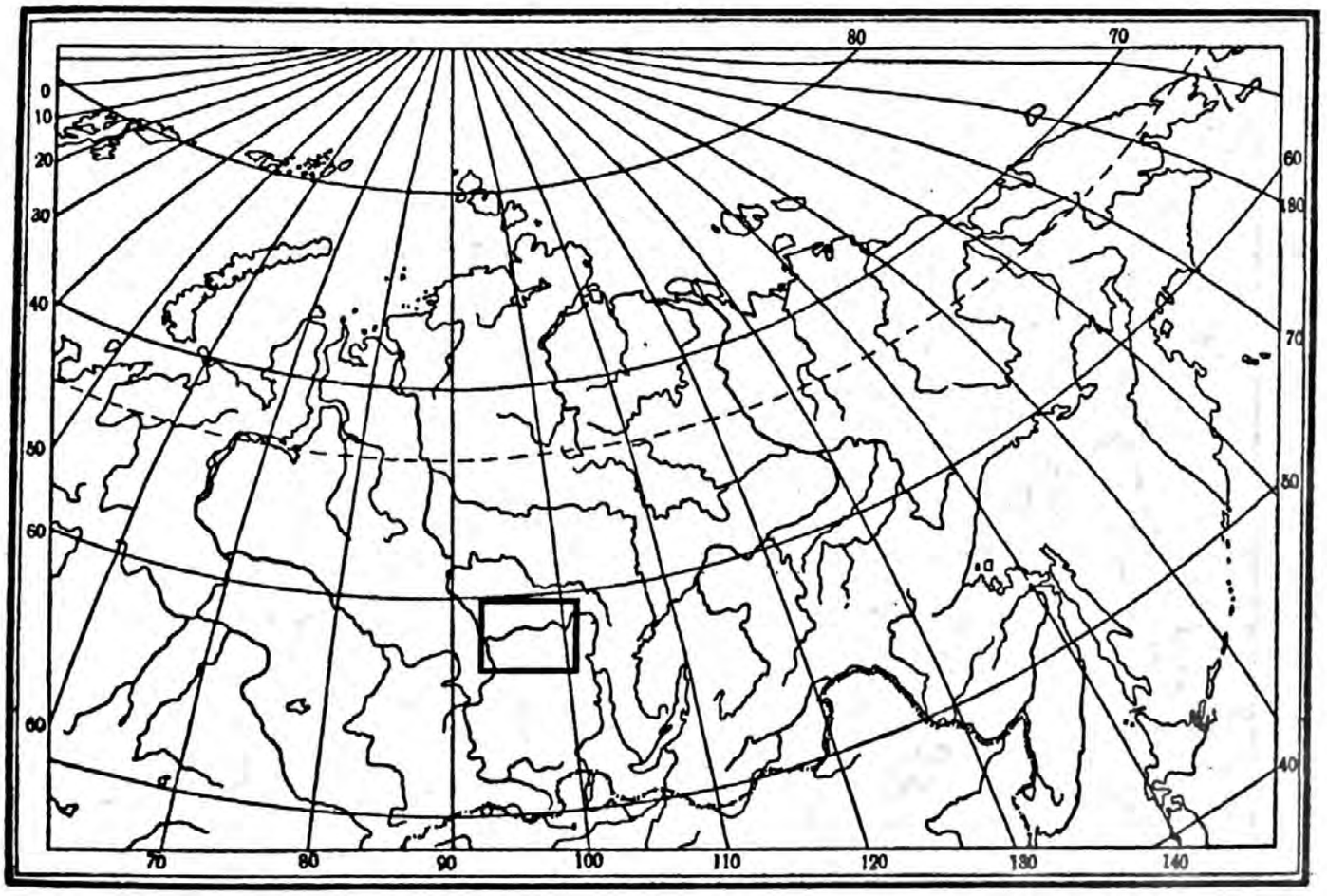

Табл. 1 Район археологических исследований на Нижней Ангаре

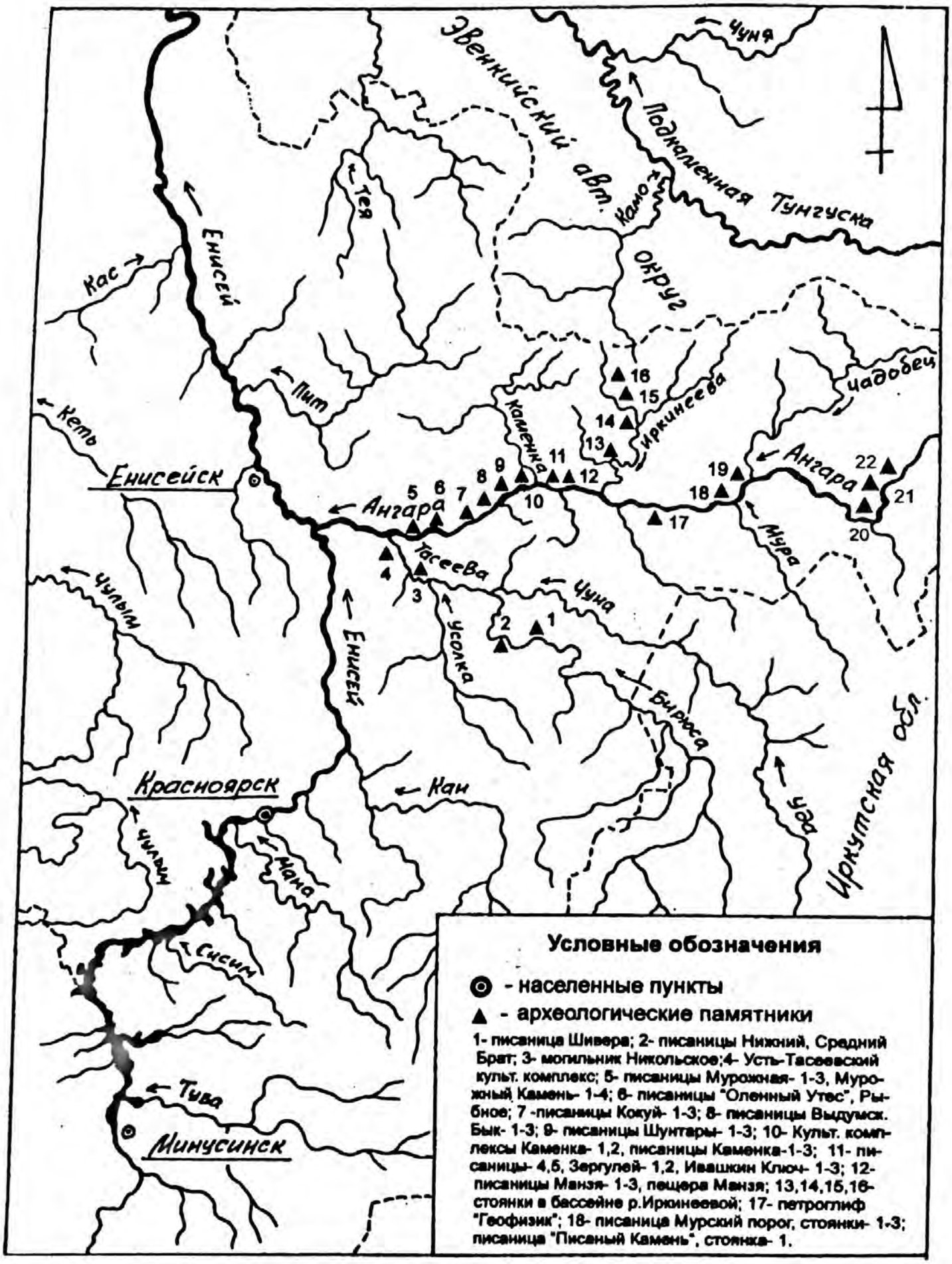

Табл. 2 Карта-схема местонахождений петроглифов в Нижнем Приангарье

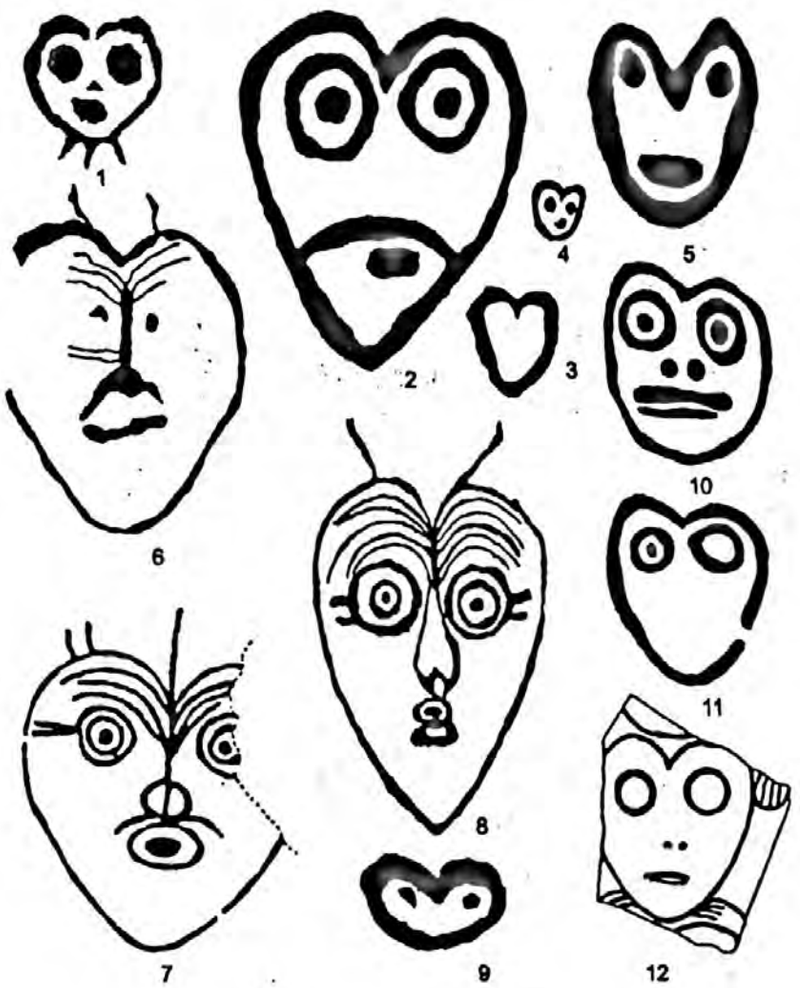

Табл. 3 Личины с сердцевидным контуром:
1 – писаный камень на р. Вишере (по В.Н. Чернецову); *2–5* – Томская писаница (по А.П. Окладникову, А.И. Мартынову); *6–8* – Долгий порог на Средней Ангаре (по А.П. Окладникову); *9* – Суруктах-Аян на Средней Лене (по А.П. Окладникову); *10*, *11* – Сакачи-Алян на Нижнем Амуре (по А.П. Окладникову); *12* – Вознесеновка, личина на обломке неолитического сосуда (по А.П. Окладникову)

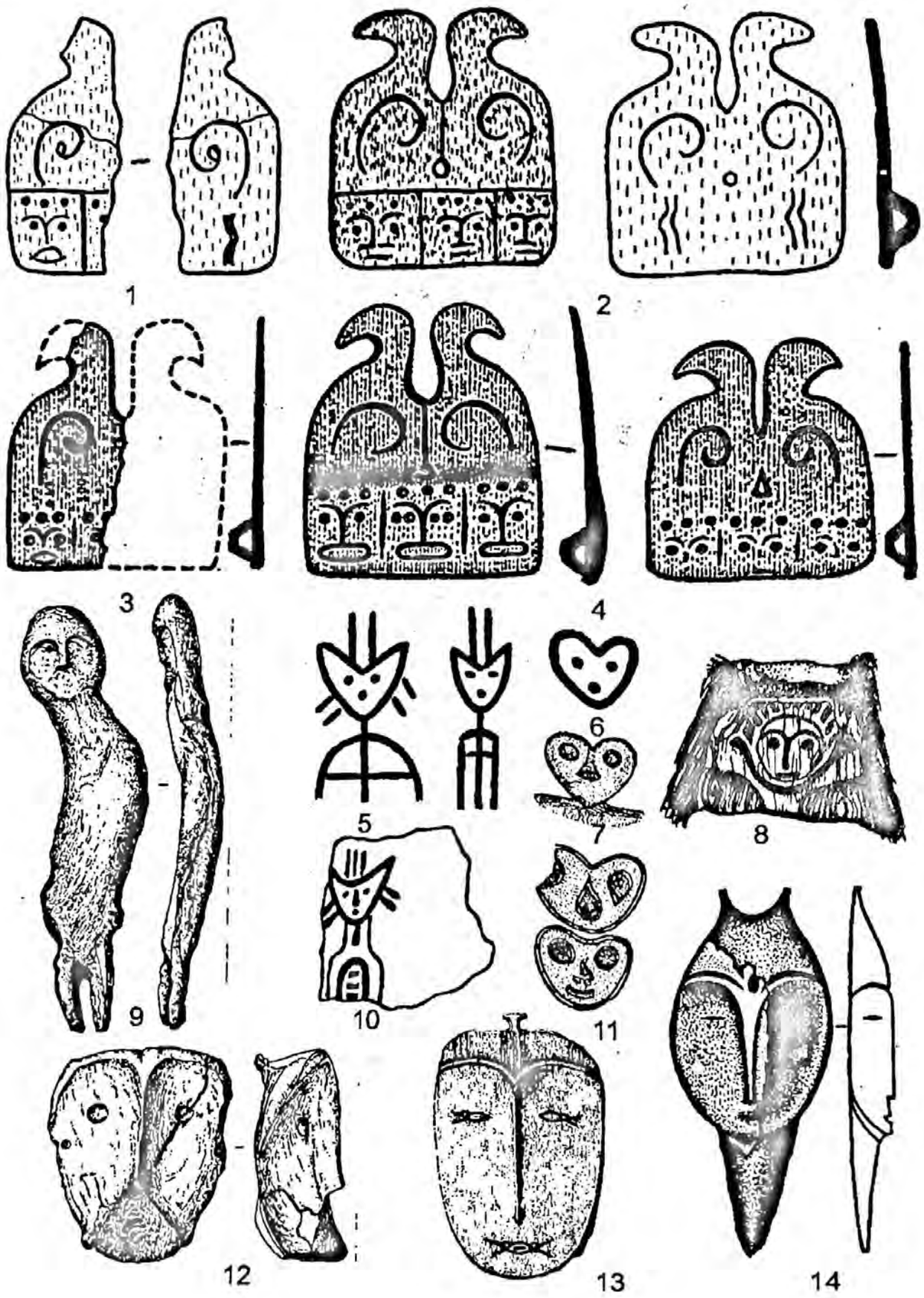

Табл. 4 Сердцевидные личины в искусстве Азии:
1–4 – случайные находки на Енисее и Ангаре (по В.И. Привалихину, В.П. Леонтьеву); *5, 6, 10* – поселение Самусь IV (по М.Ф. Косареву, И.Г. Глушкову); *7* – японское догу; *8* – колотушка эвенкийского бубна (по А.И. Мазину); *9, 12* – могильник Шумилиха (по О.И. Горюновой); *11* – Вознесеновка (по А.П. Кондратенко); *13* – Парабельское культовое место (по Н.В. Полосьмак); *14* – могильник Отика (по В.И. Привалихину) (*1–4, 13* – бронза; *5–7, 10, 11* – керамика; *8* – дерево; *9, 12, 14* – кость)

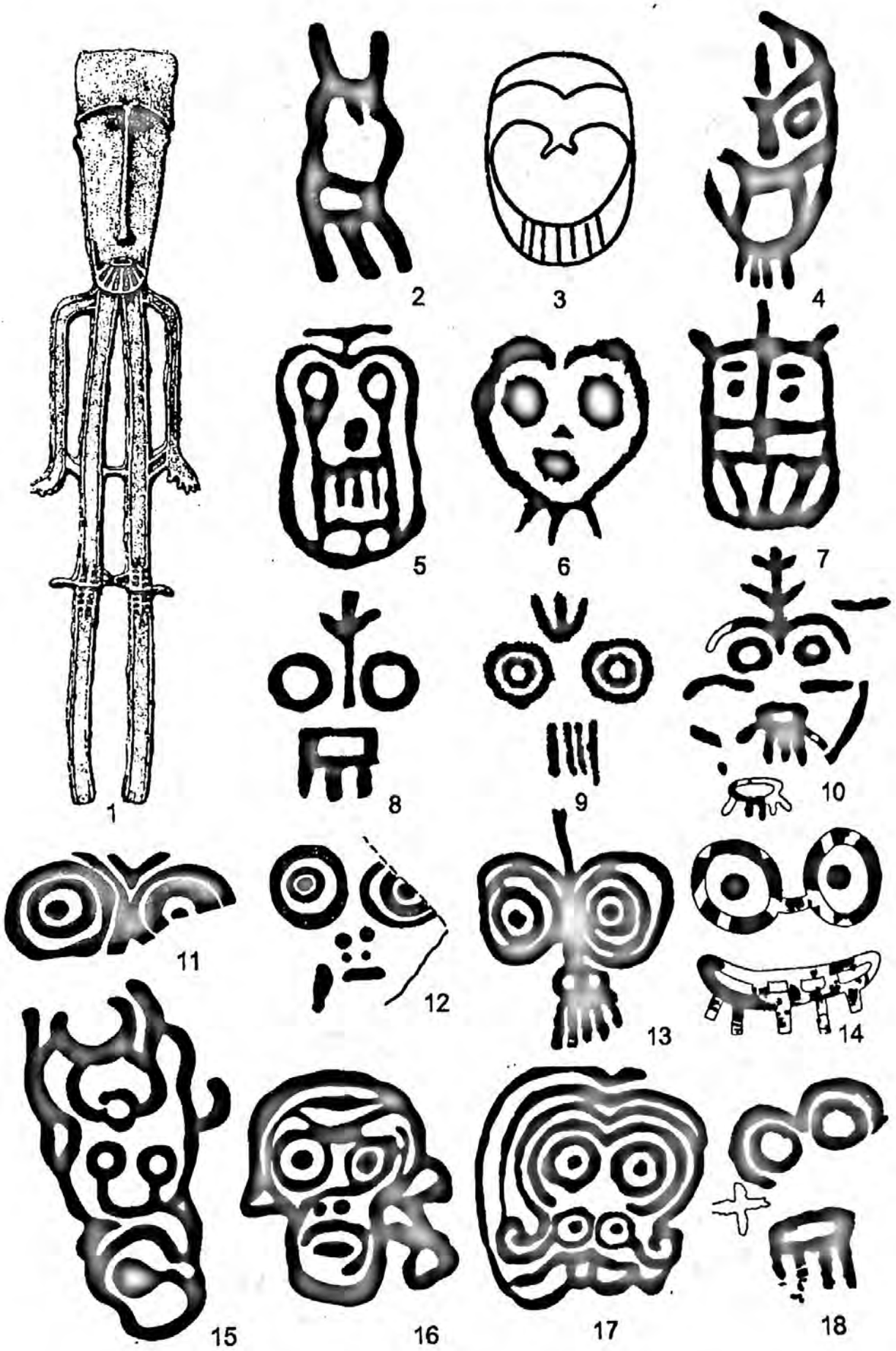

Табл. 5 Личины череповидного облика с "полосатым" оформлением рта в древнем искусстве Азии:
1 – Западная Сибирь; *2* – р. Мана; *3, 4, 11, 12, 16, 17* – Нижний Амур;
5, 7, 9 – Китай; *6* – р. Вишера; *8, 10, 15, 18* – Нижняя Ангара

Табл. 6 Ромбовидные личины в петроглифах Азии:
1–3 – Чулут; 4–8, *10*, *12–16* – Нижняя Ангара; *9* – гора Укыр; *11* – поселение Торгажак
(*1–3* – по Э.А. Новгородовой; *4–8*, *10*, *12–16* – по А.Л. Заике; *9* – по П.П. Хороших; *11* – по Д.Г. Савинову)

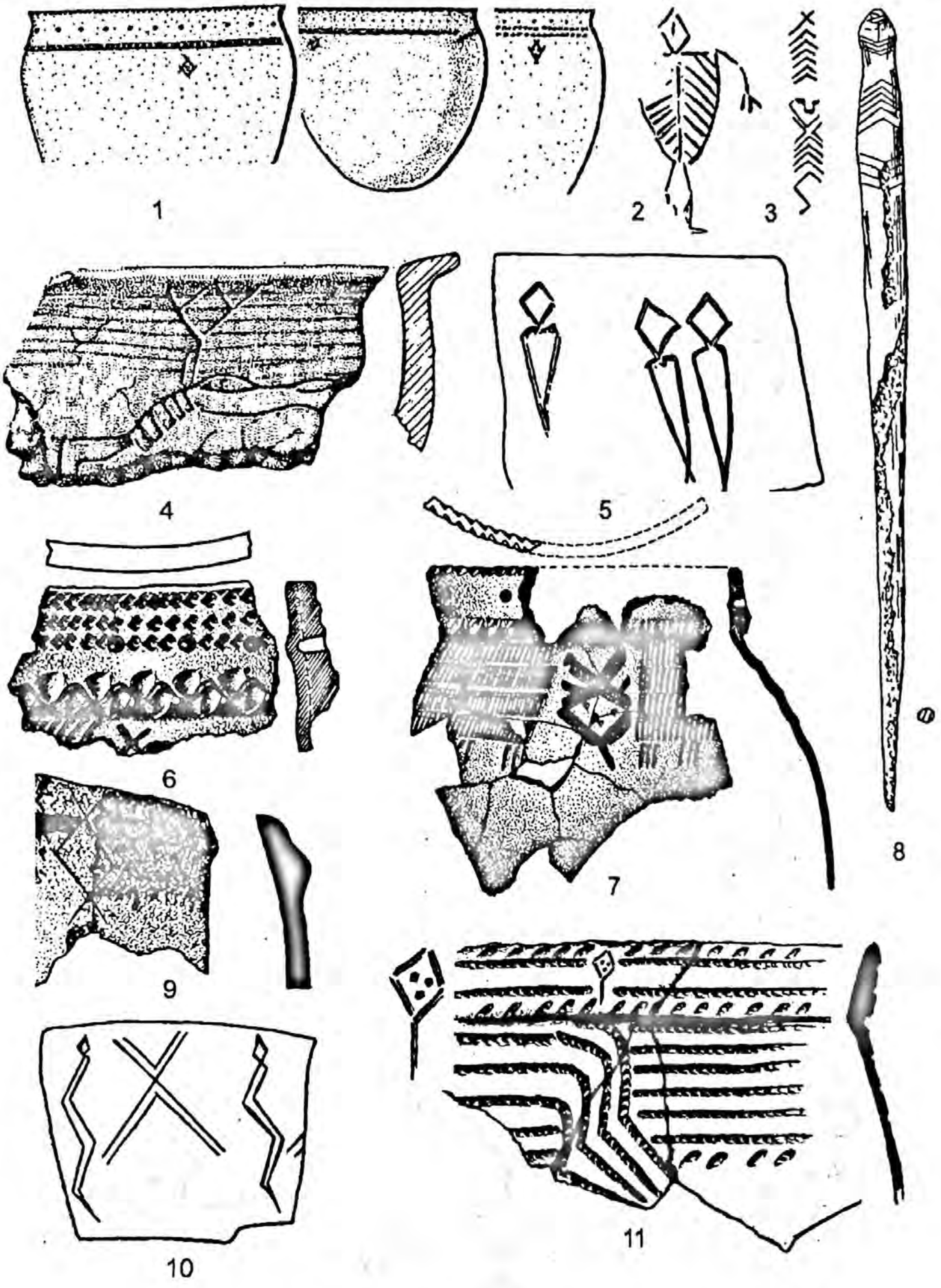

Табл. 7 Ромбовидные личины на керамике и в мелкой пластике древних культур Сибири:
1 – поселение У-Шилка; *2* – поселение Волвонча; *3* – Шигирский могильник; *4* – Кижировское поселение; *5* – Верхняя Лена; *6* – стоянка У-Карабула; *7* – могильник Капонир; *8* – У-Белая; *9* – стоянка Стрелка; *10* – Улан-Хада; *11* – поселение Язаевка
(*1, 9, 11* – Средний Енисей; *2, 3, 4* – Урал, Западная Сибирь; *5, 8, 10* – Восточная Сибирь; *6, 7* – Нижняя Ангара; *1, 11* – по П.В. Мандрыке; *2, 3* – по С.Ф.Кокшарову; *4* – по Н.В. Полосьмак; *5, 8, 10* – по А.П.Окладникову; *6, 7* – по В.И. Привалихину; *9* – по С. Фокину)

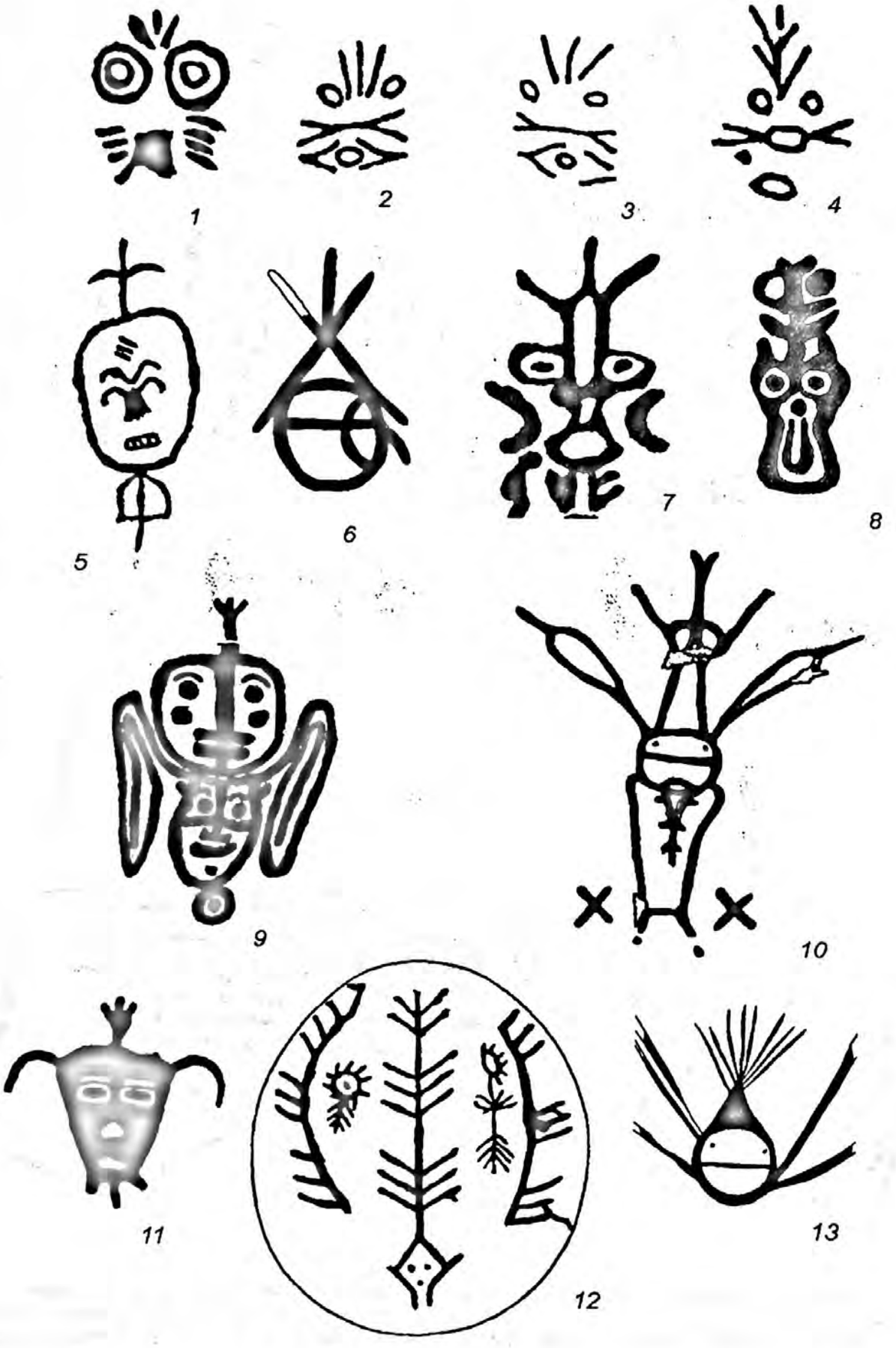

Табл. 8 Ветвистое оформление верхней части антропоморфных фигур в искусстве Азии

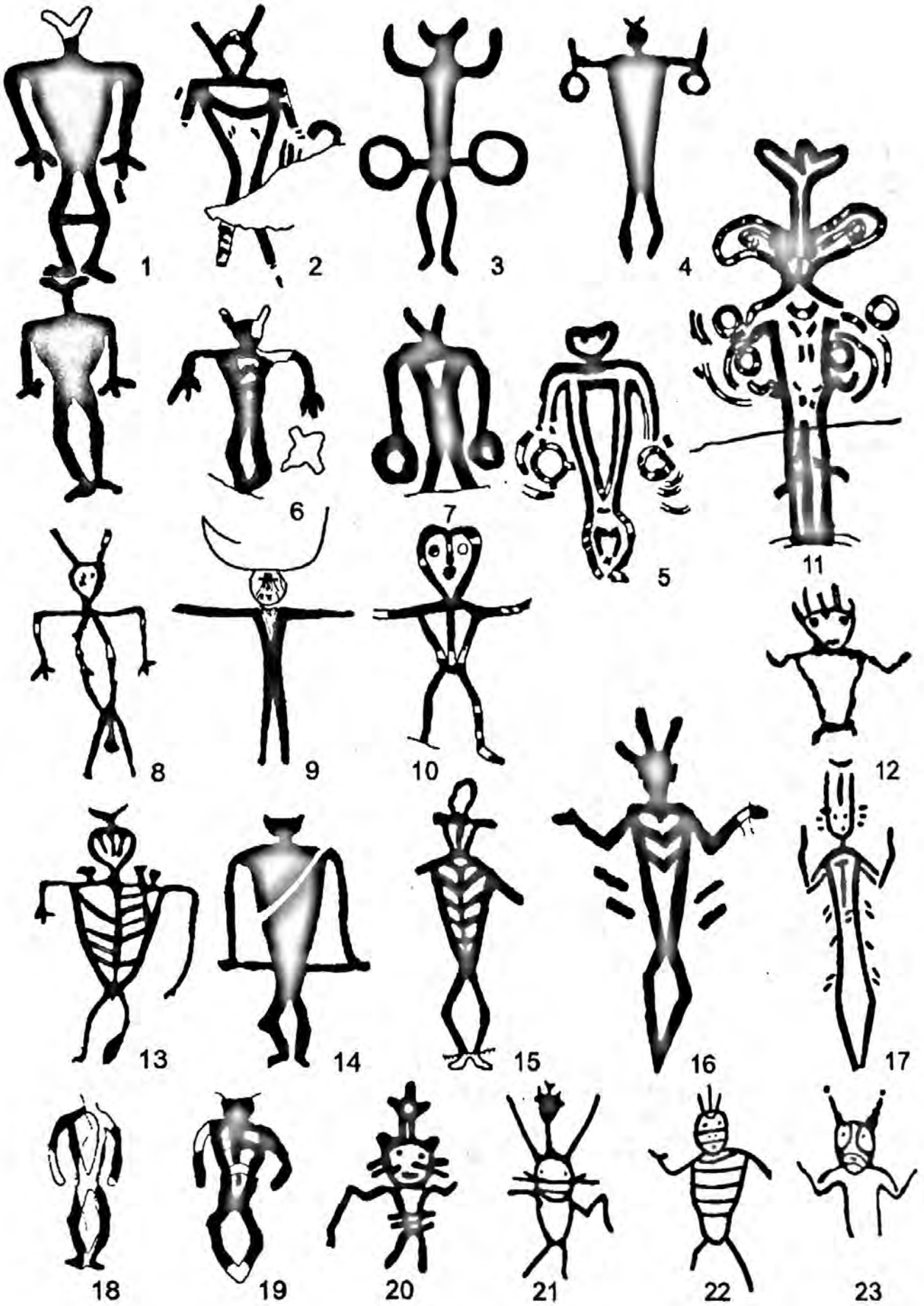

Табл. 9 Фронтально-симметричные антропоморфные фигуры в искусстве Северной Азии:
1, 2, *5–7*, *10*, *11*, *16*, *18*, *19* – Нижняя Ангара (по А.Л. Заике); *3*, *5*, *13–15* – Прибайкалье (по А.П. Окладникову); *8* – Тинная (Средняя Лена; по Н.Н. Кочмару); *9* – Каракол (Алтай; по В.Д. Кубареву); *17* – Самусь IV (по С.В. Студзицкой); *12*, *20–23* – Минусинская котловина (по Э.Б. Вадецкой, Н.В. Леонтьеву)

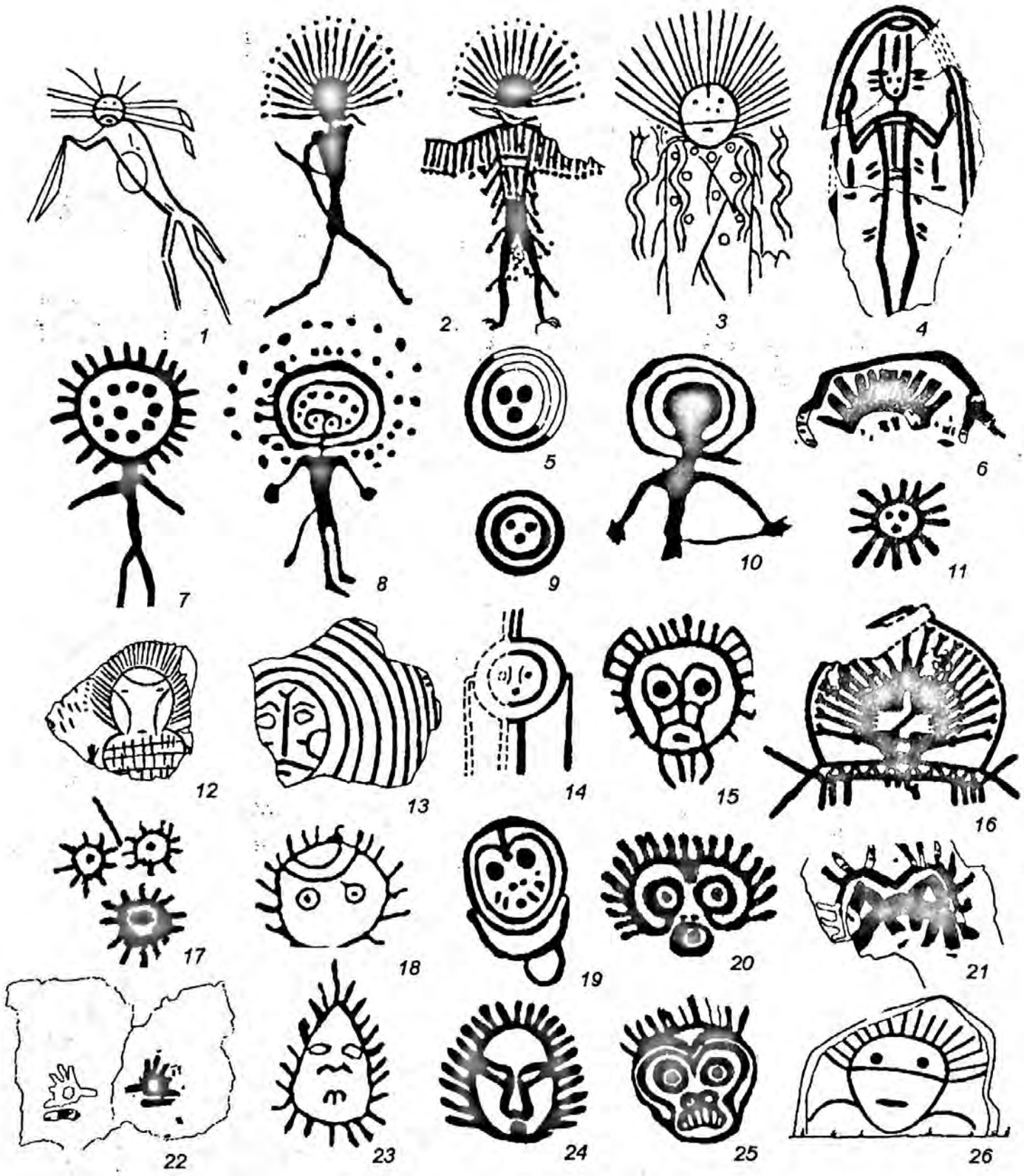

Табл. 10 Солярная символика антропоморфных личин в древнем искусстве Азии:
1, 3, 12, 16, 17, 26 – Минусинская котловина; *2* – Алтай (Каракол); *4, 13, 14* – Западная Сибирь (Самусь IV);
5, 6, 21, 22 – Нижняя Ангара; *7, 8, 10* – Средняя Азия (Тамгалы, Саймалы-Таш);
9, 11, 15, 18, 19, 23 – Внутренняя Монголия (горы Иньшань); *20, 24, 25* – Нижний Амур
(*1, 3, 26* – по Л.Р. Кызласову; *2* – по В.Д. Кубареву; *4, 13, 14* – по И.Г. Глушкову;
5, 6, 17, 21, 22 – по А.Л. Заике; *7, 8, 10, 11, 15, 18, 19, 23* – по М.А. Дэвлет; *9, 11* – по В.Е. Ларичеву;
12 – по Е.Д. Паульсу; *16* – по Б.Н. Пяткину, А.И. Мартынову; *20, 24, 25* – по А.П. Окладникову)

Н.Ю. Кузьмин

Окуневский код в семантике тесинско-таштыкской раскраски масок

Наличие окуневских традиций в культурах Минусинской котловины последующего времени, вплоть до таштыкской – то есть на протяжении более чем двух тысячелетий – является феноменом, требующим более подробного изучения.

По предположению Г.А. Максименкова, местное окуневское население было вытеснено из Минусинской котловины на соседние территории пришлыми афанасьевскими племенами, но затем вернулось обратно. Этот процесс он определил как «первобытную реконкисту» (Максименков, 1975, с. 36–37). О сохранении окуневских элементов культуры до предскифского времени в Туве свидетельствуют материалы раскопок многослойной стоянки Тора-Даш (Семенов 1992, 132, рис. 49). В горных районах Тувы, по наблюдениям А.М. Мандельштама, окуневские погребальные традиции заметны и в скифскую эпоху (Мандельштам, 1983, с. 7–8).

Присутствие окуневского компонента на Алтае в скифское время подтверждается выводами антропологов. «Что касается монголоидного компонента, то, по нашим данным, его вклад в формирование антропологического состава пазырыкского населения в целом и его укокской популяции в частности осуществлялся из двух «источников»: автохтонного населения – носителей каракольской культуры с монголоидными особенностями в строении черепа, генетически связанного с мощным пластом носителей культур окуневского круга, и представителей тех монголоидных племен, на основе которых в степях Монголии и Забайкалья формировался гуннский племенной союз» (Феномен алтайских мумий, с. 189).

В Минусинской котловине окуневская культура просуществовала до появления карасукской, а возможно, судя по последним данным раскопок "све", и до каменноложского времени (Готлиб, 1997, с. 143). Очевидно, что окуневское наследие не исчезло бесследно. Собранные к настоящему времени материалы позволяют говорить о том, что и окуневские изобразительные традиции проявлялись в культурах более позднего времени. Изваяние окуневского типа обнаружено в нише одного из жилищ карасукского поселения Торгажак (Савинов, 1997, с. 215). Во время раскопок раннетагарского кургана у горы Багульная отмечено осмысленное использование стел с окуневскими изображениями в качестве угловых и промежуточных камней ограды, что позволило включить эти изображения в общий контекст погребального памятника (Кузьмин, 1995, с. 55–57). В стилистике изобразительного творчества скифского времени прослежены окуневские черты (Пяткин, 1987, с. 79–83; Шер, 1989).

К настоящему времени накоплено значительное количество фактов, позволяющих говорить о возрождении многих утраченных, казалось бы, навсегда, элементов окуневской культуры в хуннское время.

Э.Б. Вадецкая первой заметила, что в тесинских грунтовых могильниках встречаются элементы окуневской культуры (Вадецкая 1983, с. 20–23; 1986, с. 100). «Те и другие имели монголоидную примесь, хоронили покойников в каменных ящиках, дно которых настилали плитками. Окуневцы клали покойников с поднятыми вверх коленями и приподнятой головой. То же встречается у инокультурного [то есть тесинского – *Н.К.*] населения. Среди всех древних племен только окуневцы лепили геометрические сосудики и клали в могилы астрагалы косули» (Вадецкая, 1999, с. 181). Окуневские черты в тесинских могильниках, по мнению Вадецкой, подкрепляют гипотезу о принадлежности грунтовых могильников пришлому инокультурному населению.

В тесинских курганах-склепах также находятся многогранные сосуды, есть сосуды с внутренней перегородкой, напоминающие окуневские курильницы. Специфической особенностью погребального обряда окуневцев является трепанация черепов. В тесинское время до захоронения в курганах-склепах производились операции по мумификации трупов, включающие трепанацию и очистку черепов. На окуневских черепах сохраняются следы охры – предположительно, остатки раскраски лиц. Расположение следов охры на черепах позволило прийти к выводу о возможности соотнесения элементов этой раскраски с изображениями окуневских личин на писаницах и каменных стелах (Максименков, 1968, с. 168; Вадецкая, 1980, с. 59). В тесинских склепах черепа погребенных покрывали глиной, моделировали гипсом и раскрашивали. Более того, судя по последним исследованиям, антропологически тесинцы, похороненные в грунтовых могилах, ближе к европеоидному населению тагарской культуры, чем общая серия, включающая и погребенных в склепах (Громов, 2002, с. 36). Это может означать только одно: монголоидные черты в большей степени присутствуют в

антропологическом материале из склепов. В связи с последним представляется актуальным проведение отдельного исследования антропологических материалов из тесинских склепов, тем более, что фактическая база для этого создана еще в 1980-е годы.

Э.Б. Вадецкая проследила окуневские традиции, сохраняющиеся в карасукском искусстве и проявляющиеся в таштыкском. В частности, отмечено, что в таштыкской раскраске масок встречаются элементы, характерные для окуневских личин: горизонтальные полосы и знаки на лбу (Вадецкая, 2000, с. 47). В этой же работе высказано предположение о существовании в таштыкское время групп населения, связанных своим происхождением с окуневцами (там же, с. 50). Несомненно, что изображения окуневских личин на писаницах, отдельно стоящих стелах или на плитах, переиспользованных в качестве угловых и простеночных камней в оградах тагарских курганов, в большем количестве и в лучшем состоянии (чем дошедшие до настоящего времени) сохранялись в тесинское и таштыкское время. Они могли быть реальными образцами для подражания и творческой переработки.

Суммируя приведенные факты и некоторые отмеченные ниже данные, представляется возможным сделать несколько предварительных выводов:

1. Судя по наличию трепанационных отверстий на черепах, захоронениям отдельных черепов, присутствию в могилах намеренно отчлененных частей трупов, в окуневское время практиковался обычай искусственных операций с телами умерших (Вадецкая, 1986, с. 29; Ковалев, 1997, с. 98–99). Производилась раскраска лиц умерших, соответствующая основным (семантически значимым) элементам личин, изображенных на камнях и стелах.

2. Отдельные группы окуневского населения проживали на Алтае и в Туве до скифского времени. Окуневская составляющая в культурах скифской эпохи этих регионов фиксируется в антропологическом составе населения (монголоидная примесь) и в некоторых особенностях погребального обряда (Мандельштам, Стамбульник, 1980, с. 53–54).

3. Как выяснилось в последние годы, в скифскую эпоху на Алтае производилась мумификация тел представителей не только высшего («царского») сословия, но и других социальных слоев общества (Полосьмак, 2001, с. 241). Отдельные случаи мумификации тел умерших в скифское время отмечены в Туве (Савинов, 2002, с. 118; Чугунов, 1999). Судя по результатам палеопатологического обследования костных остатков из могильника Аймырлыг, обычай искусственных операций с телами умерших был распространен в этом регионе достаточно широко (Мерфи, 2001, с. 125–150). Не следует ли рассматривать данное явление на Алтае и в Туве как продолжение и усложнение (бальзамирование) обычая посмертных операций с телами умерших, возникшего в окуневское время?

4. В пазырыкское время на Алтае, помимо трепанации черепов, в одном случае зафиксированы остатки обмазки лица (черепа?) из глины с примесью воска (Полосьмак, 2001, с. 245). Раскраска на ней не сохранилась, но, судя по татуировке на коже тела, обмазка, заменяющая ткани лица, могла быть ранее покрыта росписью.

5. В Минусинской котловине обычай искусственных операций с телами умерших (частичная мумификация), трепанация черепов, глиняные и гипсовые покрытия с раскраской на лицевой части широко распространяются в раннетесинское время в склепах и позднее появляются в грунтовых могильниках. Вероятнее всего, распространение подобной практики связано с миграцией отдельных групп населения в начале хуннской эпохи из Алтая и Тувы в Минусинскую котловину (Кузьмин, 1989, с. 26–27).

6. Можно предположить, что обычай искусственных операций с телами умерших, включавший раскраску лиц, возник в окуневское время, сохранялся и усложнялся (мумификация) на Алтае и в Туве в скифскую эпоху, а в хуннское время проник на территорию Минусинской котловины, где также претерпел значительные изменения (куклы-манекены, обмазка черепов глиной, раскраска).

7. Существовали ли окуневские элементы в раскраске лиц или глиняных покрытий черепов в скифское время, неизвестно. В связи с совпадением отдельных элементов окуневской и тесинско-таштыкской раскраски возникают два основных вопроса. Следует ли рассматривать символику раскраски тесинского и таштыкского времени как результат сохранения окуневского «кода» в культурной памяти потомков скифской эпохи и позднее – хуннской? Или же она появляется вторично в результате мощного эмоционально-психологического воздействия изображенных на камнях личин на религиозное сознание местного и пришлого населения, в процессе которого по-новому воспринимались (или ассоциативно оживали в глубинах подсознания) древние образы, знаки, символы? Возможно, сочетались оба эти фактора.

Дальнейший сравнительный анализ основан на двух положениях: неслучайном характере сходства элементов окуневских изображений и символов в тесинско-таштыкской раскраске, а также определенном семантическом единстве тех и других.

Большая часть материалов для изучения тесинской раскраски была получена при раскопках курганов-склепов среднего периода тесинской культуры (середина I в. до н.э. – I в н.э.), среди которых, по количеству сохранившихся черепов с обмазкой, выделяется курган Новые Мочаги (Кузьмин, 1985, с. 216–217). Факты, полученные во время расчистки и разборки скелетов, позволили реконструировать искусственные операции, проводимые до похорон с телами умерших, и определить

специфику погребального обряда не только в данном склепе, но и в других тесинских курганах (Кузьмин, Варламов, 1988, с. 146–155). Особенности раскраски в данной реконструкции отдельно не рассматривались и заслуживают специального взимания.

На отдельных черепах, обмазанных глиной, дополнительный слой гипса не обнаружен, на других – кусочки гипса, раскрашенные красной краской, сохранились поверх глины на глазах и губах, но чаще всего лицевая часть и шея поверх глины покрывалась слоем (или слоями) гипсовидной массы, которой окончательно детализировались черты лица. После одновременной расчистки всех черепов, покрытых глиной и гипсом, было очевидно, что моделировка и раскраска делались индивидуально, а не по одному шаблону. Глиняные покрытия раскрашивались черной и красной красками. Видимо позднее, на лицевую часть некоторых из глиняных голов наносился гипсовый слой (слои), который после подсыхания также раскрашивался. Сохранность раскраски на глине плохая: краски выцвели, орнамент плохо различим и фиксируется только по остаткам цветных пятен. Лучше сохранилась краска на гипсе. Во время полевых исследований были отмечены два основных типа раскраски. Судя по предварительному определению пола погребенных, сделанному в поле, у мужчин покрытие полностью тонировалось кроваво-красной краской, по красному фону наносились поперечные черные полосы, у женщин по белому, светло-серому или желтому фону красной краской наносили более сложные орнаменты в виде трилистника, выше переносицы и ближе к вискам рисовали кружки, глаза и губы подкрашивали.

Отметим два случая, с учетом антропологических определений М.Б. Медниковой (Медникова, 2001, с. 218–219). *Череп 46*. Мужчина 35 лет (там же). Череп трепанирован в области левой височной кости, обмазан глиной, покрыт гипсом и тонирован красной краской. *Череп 34*. Женщина? adultus. Череп трепанирован в области левой височной кости, обмазан глиной. Лицевая часть и шея покрыты гипсом. В этом случае наиболее полно характеризуется женский тип раскраски. По белому гипсу на обеих щеках красной краской был нанесен узор в виде зигзага. В верхних углах он заканчивается так называемыми трилистниками (точнее тремя соприкасающимися кружками), в нижних – кружками, более крупными, чем верхние. От этих кружков вверх (внутрь углов) идут короткие отростки, а вниз проведены линии, также заканчивающиеся трилистниками. Не исключено, что «трилистники» являются схематичным изображением лотоса. Над носом, на лбу нанесено красное пятно каплевидной формы. Выше глаз, ближе к вискам – по одному красному кружку (рис. 1, *7*). Идентичный орнамент в виде трилистников (цветков лотоса?) был нанесен красной краской на левой щеке (правая обращена к земле) гипсового покрытия черепа скелета 31, предварительно определенного в поле как женский. Выше левой надбровной дуги, ближе к виску сохранилось красное пятно округлой формы (рис. 1, *8*).

Подобные орнаменты были нанесены на гипсовые покрытия двух женских черепов из исследованного Я.А. Шером могильника Каменка. Рисунок покрытия одного черепа из могилы 71Б (Каменка III) опубликован Э.Б. Вадецкой (Вадецкая 1999, рис. 85). Для подтверждения сходства приводим этот рисунок (рис. 1, *11*). Различия незначительны: по-разному нарисован орнамент ниже зигзагов, на гипсовом лице из Каменки на лбу между глаз пятно не каплевидной, а подтреугольной формы, но сходны округлые кружки на висках. На одном из хорошо сохранившихся гипсовых лиц кургана Новые Мочаги (ск. 34) конец подбородка разрушен, на лице из Каменки в этом месте нарисован трилистник (лотос?).

Таким образом, материалы склепа (Новые Мочаги) и грунтового могильника (Каменка III) подтверждают существование двух типов раскраски в тесинское время. Мужской тип: общий красный тон и поперечные полосы – между носом и ртом (рис. 1, *1*– *2*) и, реконструктивно (по мелким фрагментам обмазки), – выше глаз и через все лицо поперек носа. Женская раскраска наносилась по белому, светло-серому и желтому общему тону. Основные элементы раскраски: красная точка между бровей и еще две ближе к вискам, «трилистники» на щеках и подбородке, подкраска глаз и губ (рис. 1, *7*– *8*, *11*).

Таштыкские маски продолжают и семантически усложняют орнаментацию тесинских глиняных и гипсовых покрытий. Также как и в тесинское время, различается раскраска мужских и женских масок. Лучше всего это заметно на отреставрированных масках, покрывавших два черепа мумий из могилы 4 могильника Оглахты I, раскопанной Л.Р. Кызласовым в 1969 г. (Кызласов, 1970). Обе хранятся в Гос. Эрмитаже. Фотографии и рисунки масок опубликованы (Завитухина, 1976, с. 107, рис. на стр. 86; Вадецкая, 1992, табл. 100, *1*–*2*; 1999, рис. 6, *1*–*2*; 2004б, рис. 3). Мужская маска покрывает переднюю часть черепа, включая подбородок и налепные уши. В теменной части маски сделан прямоугольный вырез, где начинается коса из каштановых волос. Под маской на черепе сохранилась ткань зеленого цвета, череп трепанирован в области левой височной кости. Маска покрыта красной краской. Выше бровей нанесена черной краской полоса, истончающаяся ближе к вискам. От правого виска к носу проходит одна черная полоса, от левого – еще одна, с дополнительными отростками ниже глаза. Видимо, эти две линии – остатки одной, ранее пересекавшей нос (рис. 1, *3*). Женская маска облегает переднюю часть черепа, включая теменную часть и подбородок, уши прилеплены отдельно. Череп трепанирован в теменной

части, сохранились каштановые волосы. Общий фон маски – белый, лоб, щеки, нос, губы и уши окрашены красной краской, красные завитки нанесены у носа. Линии прорезанных глаз подведены черной краской. По красной краске в верхней части лба прочерчена спираль, слева от виска начинается еще одна, справа – прочерчены завитки, напоминающие растительный орнамент. Орнамент на верхней части маски несимметричен (рис. 1, *12*). Маска с лица подростка из раскопок А.В. Адрианова в Оглахтах в 1903 г. хранится в Историческом музее в Москве. Она полностью покрыта красной краской, выше глаз проведена черная полоса. Видимо, маска покрывала лицо умершего мальчика (рис. 1, *4*).

С.В. Киселев разделил таштыкские маски на четыре типа: « I – маска лица; II – маска передней половины головы (с ушами); III – маска передней половины головы с шеей и IV – маска-бюст». При этом он отметил, что в позднетагарских курганах (то есть тесинских) встречены только два первых типа (Киселев, 1949, с. 251). О раскраске на масках сообщается следующее: «Линии, образовывавшие на лбу меандр, на висках и на щеках спирали, наносились двумя красками рядом – красной и синевато-черной. Этими же красками расписывались какими-то узорами и шея и грудь бюстов. Кроме того, при росписи щек применялась голубая и зеленая краски. Несомненно, эта раскраска передает татуировку, память о которой (а, может быть, и она сама) отразилась в позднейшем сообщении китайской хроники о том, что енисейские хакасы (кыргызы) красят себе грудь и шею» (там же, с. 250). Киселев провел также сравнение масок из таштыкских грунтовых могильников и склепов: «В таштыкских грунтовых могилах были обнаружены маски, сохранявшие натуральный белый цвет, окрашенные сплошь красным и раскрашенные узором, нанесенным красной краской на белый фон. Изучение узора убеждает в его полном сходстве с росписью масок из таштыкских склепов. Установлены те же спирали и «лабиринты» на лбу, полудиски под глазами и т.п.» (Киселев, 1949, с. 222).

Э.Б. Вадецкая опубликовала некоторые предварительные выводы исследования масок (Вадецкая, 1999, с. 93–102; 2004; 2004а). В отличие от С.В. Киселева, она выделяет только два типа: маски, покрывавшие головы кукол, и маски-бюсты. Их раскраска приведена суммарно: «...преобладают маски со следами красного вещества... синей (голубой, черной) краской окрашивали прорези глаз, а также края маски: за ушами, нижние части скул и щек, края шеи. Иногда голубой (синей) краской окрашены верхние края маски, создавая впечатление «бордюра». Красной краской окрашены: лоб, виски, щеки, уши, нос и губы. У многих масок на лбу, висках и у носа имеются криволинейные узоры: круги, волюты, спирали. Они либо нарисованы красной краской по светлому фону, либо процарапаны по красному фону...» (Вадецкая, 2004а, с. 319).

Вопрос о различии мужских и женских раскрасок на масках и бюстах из склепов подробно не рассматривался. Тем не менее, традиция нанесения поперечных полос по сплошному красному фону (мужской тип раскраски) и криволинейных красных орнаментов по белому фону (женский тип) сохраняется. Женский тип орнамента в виде спирали или лабиринта, иногда дополненный завитками слева и справа от него, встречен в склепах, расположенных в разных местах: Барсучиха IV, Сыры, у горы Тепсей (рис. 1, *9*, *13*), Уйбат (рис. 1, *10*, *14*) и др. (Вадецкая, 1999, рис. 48, *4–5*; 49, *4–5*; 53, *2*; 54, *4–5*; 2004а, рис. 7, *1*, *3–5*). Примером предположительно мужского типа раскраски (с горизонтальными полосами) могут быть маска с полосой выше бровей из склепа 2 у г. Тепсей (рис. 1, *5*) и маска с двумя полосами (выше бровей и поперек носа) из Уйбата (рис. 1, *6*; Вадецкая, 1999, рис. 53, *1*; 2004а, рис. 7, *2*). Однако не исключено, что такой семантически сложный элемент орнамента как спираль на лбу мог появиться в позднее время и на мужских масках.

В целом, раскраска таштыкских масок и масок-бюстов достаточно устойчива и восходит к тесинской. Сохраняется мужской тип раскраски – красный фон и поперечные полосы. Эволюционирует женская раскраска: исчезает «трилистник», щеки закрашиваются красной краской; на месте тесинской точки между бровей находится начало раскручивающейся на лбу спирали; вместо еще двух точек, расположенных слева и справа от центральной, ближе к бровям, появляется сначала растительный орнамент, превращающийся позднее в симметрично расположенные волюты или спирали. Дополнительно подкрашиваются губы и глаза, появляются завитки на носу. Основные краски – белая, красная, черная, но применяются и другие (зеленая и голубая).

Наиболее близкие аналогии основным элементам тесинско-таштыкской раскраски находятся в памятниках эпохи бронзы, в первую очередь в материалах окуневской культуры, сложившейся в Минусинской котловине в начале II тыс. до н.э. На окуневских личинах находятся соответствия почти всем элементам тесинско-таштыкской раскраски: «третий глаз», три поперечные полосы – выше глаз, поперек носа, между носом и ртом. Дугообразной линией выделен подбородок (в тесинской раскраске – трилистник на подбородке). Третий глаз часто показан двумя концентрическими кружками с точкой посередине (в таштыкской раскраске – спираль) (Вадецкая, 1980, рис. 5–6). Дополнительные два кружка на висках (соответствующие тесинским точкам) наносились только на некоторых объемных личинах, продолжающихся на боковых гранях. От них начинаются «рога» (там же, табл. XXXVI, изваяние 35; XLIX, изваяние 103; L, изваяние 108). Не совсем ясен прототип тесин-

ского орнамента на щеках: на окуневских личинах часто от горизонтальной линии под носом, около ноздрей начинаются отростки, заходящие на щеки. Иногда на щеках нанесены три параллельные дугообразные линии. Судя по остаткам охры в бороздках на камнях, в ряде случаев углубленные бороздки на окуневских изображениях личин закрашивались.

Определить различия в окуневских изображениях по половому принципу сложно, так как только на некоторых из них имеются женские признаки (грудь и выпуклый живот), на других их нет, поэтому они могут быть и женскими и мужскими. М.П. Грязнов все личины считал женскими, однако, основываясь на случаях, когда на одной стеле сочетаются образы зверя (мужское начало) с женскими изображениями, сделал вывод о том, что изображение предка-покровителя (родовое божество) было двуполо – то есть содержало и женское и мужское начало (Грязнов, 1950, с. 131, 155). Э.Б. Вадецкая, как и Грязнов, все личины относит к женским изображениям, мужскими считает фигурки в масках или наголовниках разного типа. Женские личины интерпретируются ею как изображения женских предков-покровителей рода, возможно шаманок (Вадецкая, 1980, с. 67–70, 76). Некоторые из личин, помещенные в верхней части стел, Л.Р. Кызласов считает мужскими (Кызласов, 1986, с. 224–225). Н.В. Леонтьев отметил связь отдельных типов личин с изображением мужского божества – «Трибога» (Леонтьев, 1997, с. 222–236).

Вопрос разделения окуневских личин на мужские и женские не решен окончательно. Это не позволяет определить возможные истоки отличий тесинско-таштыкской раскраски по половому принципу. При этом предварительно можно высказать одно наблюдение: личины двух типов, связанные, по мнению Н.В. Леонтьева, с мужским божеством «Трибогом» (с дугами, отделяющими глаза, и антропоморфные изображения в верхней части стел), лишены «третьего глаза» (Леонтьев, 1997, рис. 17; Вадецкая, 1980, с. 124, изваяния 15, с. 125, изваяние 23, с. 127, изваяние 37, с. 141, изваяние 107).

Дополнительные сведения по рассматриваемому вопросу содержатся в материалах исследований на Алтае и в Туве. Исключительное значение имеют материалы, полученные В.Д. Кубаревым во время раскопок могил окуневского времени у села Каракол на Алтае. Здесь впервые появляется возможность сравнить особенности раскраски черепов (лиц) погребенных с полихромными изображениями «периода шаманов», нанесенными, по мнению автора, на плиты каменных ящиков специально для погребения (Кубарев, 1988).

На черепах погребенных сохранились следы краски. Погребение 2 (мужчина) – на черепе, ниже глазниц, пятна красной охры, на надбровных дугах – следы черной краски. Погребение 3 (двое мужчин): на обломках одного из черепов – следы черной краски. Погребение 4 (ребенок): череп окрашен красной охрой. Погребение 5 (пол ?): на лбу и макушке черепа – следы красной охры, вокруг глазниц, на скулах и на лбу – следы черной краски. (там же, с. 12–19, 56). Из описания видно, что на мужских черепах встречаются сочетания красной и черной краски (на надбровных дугах), детский череп окрашен красной краской. По мнению Кубарева, раскраска лиц умерших красной и черной краской повторяла «иконографию масок каракольских персонажей», изображенных на плитах (там же, с. 134).

Полихромные фигуры на плитах каменных ящиков, синхронные погребениям, наносились по искусственно очищенному камню (белый фон) красной и черной краской. Встречены фигуры, раскрашенные только черной или красной краской, а также сочетающие эти два цвета на белом фоне. Все фигуры изображены в зооантропоморфных масках, иногда в звериных шкурах. Судя по композиции рисунков и присутствующим персонажам в масках, по мнению автора, на плитах изображены сцены проведения погребальных обрядов, при которых «проигрывалась» одна из соответствующих мифологем. Семантика образов и сцен раскрывается при сравнении с «...изображениями зооантропоморфных божеств первых древневосточных государств» (там же, с. 118–119).

Типы масок различны, но, что является примечательным, на них отсутствует изображение «третьего глаза». В интересующем нас аспекте важно то, что в двух случаях на изображениях масок присутствуют элементы, возможно, повторяемые при раскраске лиц погребенных. На плите 1 из погребения 2 изображены две пары похожих фигур (там же, рис. 18–19). На масках двух фигур, изображенных слева (одна повреждена), по белому фону искусственно очищенного камня овал лица, глаза и рот нарисованы красной краской. Между глаз до верха лба проведена короткая вертикальная красная линия, переходящая выше черепа в направленный вверх луч (Кубарев трактует ее как нос), горизонтальная линия нанесена красной краской выше рта. От головы отходят 12 лучей-перьев, нарисованных черной краской. На масках другой пары фигур, помещенной справа, очертания лиц и ушей сделаны красной контурной линией, затем лица и кончики ушей заполнены черной краской. Белыми на лицах оставлены глаза, рот и две сходящиеся на лбу дугообразные линии, отделяющие глаза.

Все три выделенных элемента встречены на личинах Минусинской котловины и, возможно, соответствовали особенностям раскраски лиц умерших. Подобные элементы раскраски личин окуневского типа известны на Верхнем Енисее в Туве, в частности, в урочище Мугур-Саргол и на правом берегу реки Чинге (Дэвлет, 1976). М.А. Дэвлет предположила, что рисунки личин повторяли реально существовавшие ранее маски,

раскраска которых соответствовала раскраске лиц или татуировке (там же, с. 6–16). В.Д. Кубарев заметил, что дугообразные линии, отделяющие глаза на лицах фигур из Каракола, встречаются и на личинах-масках урочища Мугур-Саргол (Кубарев, 1988, с. 117; Дэвлет 1976, рис. 4, *29*; 6, *8*, *17* и др.).

Сходство элементов раскраски можно продолжить: на некоторых личинах из Мугур-Саргола видны поперечные линии, проведенные выше глаз (Дэвлет, 1976, рис. 5, *7*, *14*; 6, *5*, *20*, *23* и др.), поперек лица через нос (там же, рис. 5, *18*), между носом и ртом (там же, рис. 5, *40*). На личинах из Мугур-Саргола «третий глаз» отчетливо не выделен, но на ряде изображений линия носа продолжена выше глаз и заканчивается утолщением треугольной или округлой формы (там же, рис. 4, *1*, *2–3*, *8* и др.; 5, *15–16*, *27*, *29*, *31*, *40* и др.; 6, *2–4*, *16*, *18* и др.). На этих личинах (кроме парциальных – то есть неполных) показан отросток-«антенна», выступающий из теменной части головы, иногда в сочетании с рогами, или рогами и ушами (там же, рис. 5, *6*). Если утолщение носа выше глаз является схематичным изображением "третьего глаза", то необходимо подчеркнуть, что верхний отросток-«антенна» на этих личинах с ним не связан. На других личинах линия носа продлена до теменной части головы и переходит в «антенну». Отростки-«антенны» на тех и других личинах заканчиваются наверху круглой точкой, кружком, Ф-образной фигурой или фигурками, напоминающими человечков или птиц (там же, рис. 5, *6*).

Все эти особенности раскраски заметны и на минусинских личинах: иногда вместо «третьего глаза» проведена вверх вертикальная линия, продолжающаяся выше головы (Вадецкая, 1980, с. 125, изваяние 21), «третий глаз» может быть заменен каплевидным значком, выступающим острой частью выше головы и иногда переходящим в «антенну» (там же, с. 126, изваяние 33, с. 128, изваяние 40, с. 137, изваяние 87). Крайне важным является место начала «антенны». При наличии «третьего глаза» она начинается либо от дуги, помещенной над ним (там же, с. 132, изваяния 62–63 и др.), либо от угла треугольника на темени (там же, с. 125, изваяние 26, с. 131, изваяние 59 и др.). Последний тип («третий глаз» и «антенна» на темени) является, видимо, исходным и ясно показывает, что акцентируются две точки: одна выше носа на лбу и другая на темени. Остальные указанные случаи (с эквивалентами «третьего глаза) можно рассматривать как варианты основного типа.

Вопросы семантики окуневских изображений рассматривались в ряде работ М.Л. Подольского. Объяснение символики представленных образов автор находит в мифологии ведических индоариев (Подольский М., 1985, 1987, 1988, 1997).

Яркая и образная концепция, включающая типологию, хронологию и интерпретацию окуневского искусства предложена Д.А. Мачинским. Анализ письменных свидетельств античной традиции привел автора к заключению о том, что в III – середине I тыс. до н.э. в Хакасско-Минусинской котловине существовал древнейший сакральный центр, откуда юные девы несли «начатки плодов», отправляясь на Делос в святилища Артемиды и Апполона. Носителей сакральных знаний, исходя из письменной традиции, Мачинский отождествляет с гипербореями (Мачинский, 1997, с. 265–287) (в данном случае мы не затрагиваем обоснование Мачинским афанасьевской принадлежности сложных личин и окуневской – упрощенных).

Объясняя скрытый смысл основных элементов окуневских личин (яйцевидность лика, «третий глаз», вертикальные полосы, солярные знаки и др.), автор обращается к ведической мифологии и индотибетской эзотерической традиции. В основе интерпретации лежит гипотеза о знакомстве окуневцев с «...системой представлений об энергетике космоса и человека, которая позднее станет преимущественно достоянием индо-тибетской традиции...», в частности с представлениями о чакрах – энергетических центрах человеческого тела и многослойной ауре, окружающей его. Исходя из этих представлений, «третий глаз» трактуется как изображение чакры аджна (мудрость, ясновидение), а место начала уходящей вверх линии на темени («антенна), как «...брахма-рандхра или чакра сахасрара («тысячелетний лотос»), место выхода «души» из физического тела при экстазе или смерти просветленного» (там же, с. 273–279, табл. VI, VII). Помимо этих двух чакр иногда дополнительно изображаются две-три нижние (вишудра, анахата, манипура).

Д.А. Мачинский наметил и отличия пола изображенных: «рогатые девы» имеют груди, у «мужей» нижние части трактуются в виде хищника, полосы, выходящие из головы, оканчиваются упрощенным ликом (там же, с. 274–275, табл, II, *5–7*). Выявление отличий мужских и женских образов требует дальнейшей разработки, но предварительно можно отметить, что по крайней мере на двух явно женских изображениях есть полоса, проходящая поперек носа, но нет полосы между носом и ртом (там же, табл. II, *5–6*).

Интересную цепочку сопоставлений, помогающих понять семантику отдельных элементов личин окуневского типа Тувы, предложила М.А. Дэвлет (Дэвлет, 1997, с. 240–250). Одна линия основана на применении тибето-монгольских терминов сакральности: «Для объяснения особенностей очертания личин серцевидной формы, а именно заглубления и тем самым акцентирования макушки (или же теменной части) можно привлечь сакральное понятие, обозначаемое в старинных текстах термином "отверстие Брахмы" или же "край (того, что) пропускает свет"... Возможно, на серцевидных личинах углублением показано теменное отверстие, в котором, по представлениям древних, была сосредоточена жизненная сила. Это сакральное место, спустя тысячелетия, и получило

название "отверстие Брахмы"». Исходя из тибетского термина, означающего «сакральную субстанцию, связывающую царя с небом» и представления в традиции бонпо о светящемся тросе, осуществляющем эту связь, трактуется смысл изображения «антенны» (там же, с. 242).

Вторая линия аналогий уводит к персонажам ламаистской мистерии цам, имеющей древние добуддийские корни. В частности, на голове одного из них («владыка ада докшит Чойджал») помимо рогов находится «эмблема буддизма, семантический заменитель божества» – ваджра (санскрит) или очира (монгольск.), похожая на "антенны" Ф-образной формы на голове тувинских личин-масок (там же, с. 242–243). Третье направление связано с выявлением семантики рогов на личинах-масках при их сопоставлении с изображениями бычьих рогов на налобных повязках тувинских шаманов и представлениями о назначении рогов в шаманских мистериях. Анализируя опубликованные тувинские шаманские песнопения и записи этнографов, Дэвлет определяет: «Рога помогали шаману в его путешествиях между верхним, средним и нижним мирами. Благодаря им он преодолевал препятствия, поражал врагов» (Дэвлет, 1997, с. 242).

Подводя итог краткому экскурсу в область окуневского изобразительного творчества, с целью выявления возможных окуневских реминисценций в тесинско-таштыкское время, в частности в раскраске масок, выделим блок базовых положений, обосновывающих правомерность и плодотворность такого сравнения.

1. Окуневское изобразительное искусство превышает хронологические границы окуневской культуры: а) часть окуневских личин создана, видимо, в более раннее афанасьевское время; б) окуневские традиции сохраняются, безусловно, до скифской эпохи, являются одной из составляющих скифского искусства и возрождаются, наряду с другими элементами культуры, в эпоху хунну. Одна из возможных причин последнего – существование остатков этнических групп, несущих окуневские культурные традиции, в горах Саяно-Алтая и их инфильтрация на территорию Минусинской котловины в начале хуннской эпохи.

2. Наиболее ранние окуневские изображения находят соответствие в искусстве древневосточных государств (индо-европейский пласт). Иконография других (более поздних?) окуневских образов становится понятной при привлечении для сравнительного анализа религиозно-мифологических представлений ведических индоариев. Определенные параллели религиозно-мифологическим представлениям окуневцев, отраженным в сюжетах и образах их изобразительного творчества, прослеживаются вплоть до этнографической современности, в индо-тибетской эзотерической традиции, культах и верованиях последователей добуддийской религии бонпо, ламаистской мистерии цам, шаманистских представлениях населения Саяно-Алтая и, в основном, очерчивают круг культур, в религии которых сохранились отголоски окуневских традиций.

3. Ряд окуневских канонических образов на стелах и плитах представляют собой, несомненно, изображения основных божеств окуневского пантеона. В других случаях изображались либо ряженые – люди в звериных шкурах, наголовниках и масках, имитирующие эти божества в процессе проведения различных церемоний и обрядов (в том числе и погребальных), либо только маски.

4. Раскраска лиц умерших (окуневцев) точно не реконструирована, но некоторые данные дают возможность предположить, что она соответствовала раскраске реальных масок, а значит и изображениям этих масок-личин на камнях. Иконография ликов божеств повторяется в изображениях на масках, их близость позволяет привлекать те и другие для семантического анализа.

5. Раскраска тесинско-таштыкских погребальных масок, вероятнее всего, соответствовала раскраске масок-наголовников, использовавшихся при проведении обрядов, и, возможно, воспроизводила посмертную раскраску лиц, но вряд ли, как это часто предполагают, прижизненную татуировку.

6. Наиболее значимые элементы раскраски лиц окуневских личин изображены и на тесинско-таштыкских масках, отсутствуют только детали рисунков, находившиеся выше головы. Но на головах тесинских манекенов, таштыкских мумий и кукол, возможно, были головные уборы, где недостающие элементы могли быть представлены в виде вышивок или аппликаций. Совпадает и цветовая символика окуневской и тесинско-таштыкской раскраски, где основные цвета – белый, красный и черный.

Таким образом, имеются все основания для привлечения семантики основных элементов окуневской раскраски (лица, маски, личины) при анализе символики орнамента на тесинско-таштыкских масках.

Исходя из всего сказанного, можно предложить следующую семантику основных элементов раскраски тесинско-таштыкских масок.

Две поперечные полосы на лице, отделяющие органы чувств (рот, ноздри, глаза) – структурирование по вертикали (верх, центр, низ) в соответствии с представлениями о трех мирах – нижний, средний, верхний. Имеются на окуневских личинах (рис. 1, *1*), присутствуют в тесинской (рис. 1, *1–2*) и таштыкской (рис. 1, *3–6*) раскраске.

«Третий глаз» – изображение чакры аджна, божественный глаз мудрости и ясновидения (Мачинский, 1997). В Тибете будущим ламам искусственно открывали «третий глаз», просверливая в черепе отверстие (Лобсанг Рампа, 1991). Отмечен на окуневских личинах (рис. 1, *1*). В тесинской раскраске место маркируется красной точкой на лбу

этом месте начинается спираль, скручивающаяся на лбу (рис. 1, *9–10*, *12–14*).

Изображения спиралей и лабиринтов, обнаруженные на мелких плитках при раскопках тесинского могильника Есино III, Д.Г. Савинов связывает с представлениями о продвижении души в потустороннем мире (Савинов, 1995а, с. 22–32). Такая интерпретация применима, с одним дополнением, и к сходным по сути таштыкским изображениям. Кажется возможным предположить, что спирали и лабиринты в верхней части таштыкских масок являются прежде всего символическим отображением главного события, происходящего после смерти: выхода души через отверстие в теменной части головы умершего и затем уже ее блуждания в иных мирах. Древнейшие представления, обычаи и обряды, связанные с этими событиями, ярко описаны в «Тибетской книге мертвых» (здесь же «Психологический комментарий» К.-Г. Юнга, 1992).

Дополнительная третья поперечная линия, проведенная на лбу выше глаз, встречается не всегда, отделяет «божественный третий глаз» от двух «нормальных». На окуневских личинах вместо третьей полосы иногда эту роль выполняют две дугообразные линии. Встречена и в тесинско-таштыкской раскраске (рис. 1, *3–6*).

Вертикальная линия – «антенна», начинается на окуневских личинах в теменной части, в месте расположения чакры сахасрара. В тибетском ламаизме это место выхода из головы «астрального тела» (души) во время сна, медитации и после смерти. «Астральное тело» соединено с головой серебряной нитью, после смерти человека, спустя какое-то время, нить пропадает. После смерти человека лама произносил два опасных для живых словосочетания и на темени умершего, в месте расположения родничка, отскакивал фрагмент черепа, образовывалось отверстие, через которое душа покидала тело (Лобсанг Рампа, 1991; Давид-Неэль, 1991).

На одном из черепов в кургане Новые Мочаги, помимо трепанации в височной части, было сделано трепанационное отверстие на темени. В тесинской раскраске это место не отмечено, в таштыкской – вероятнее всего, спираль или лабиринт на лбу отмечает именно верхнюю чакру и место выхода души из тела (рис. 1, *9–10*, *12–14*). Расположение спирали на лбу связано с тем, что теменной части на масках просто нет.

Две красные точки у висков в тесинской раскраске (рис. 1, *8*) модифицируются в таштыкское время в ***волюты***, напоминающие ***растительный орнамент***, или ***спирали*** (рис. 1, *9–10*, *12–14*). На окуневских личинах иногда в этих местах выбиты кружки, от них вверх отходят ***«рога»*** с отростками, что в целом напоминает ***древовидный орнамент*** (рис. 1, *1*). Смысловую нагрузку изображений рогов быка на окуневских личинах М.Л. Подольский определяет, рассматривая роль «души» мифического быка в Ригведе и Авесте, как посредничество между землей и небом (Подольский М., 1997, с. 185). Предназначение рогов в шаманских камланиях – помощь в путешествиях между мирами, оружие против врагов (Дэвлет, 1997, с. 242–243).

Трилистник на подбородке в тесинской женской раскраске (рис. 1, *7–8*, *11*) можно сопоставить с одной-двумя дугообразными линиями на подбородках окуневских личин (рис. 1, *1*). Смысл этих элементов раскраски пока неясен.

Орнамент в виде зигзага с «трилистниками», нанесенный на щеки в раскраске женского типа тесинского времени (рис. 1, *7–8*, *11*), заменяется на таштыкских масках тонированием щек красной краской (рис. 1, *9–10*, *12–14*). На окуневских личинах часто на щеки заходят S-образные отростки, начинающиеся от полосы, проведенной под носом (рис. 1, *1*). Символика данного элемента тесинского орнамента также неясна, но если предположить, что «трилистник» – это схематическое изображение цветка лотоса, круг возможных аналогий может быть значительно расширен (см. например: Руденко, 1960, с. 256–258, рис. 132-а и др.).

Предложенный опыт раскрытия семантики основных элементов тесинско-таштыкской раскраски на основе сравнения с соответствующими семантически значимыми элементами окуневских личин является первым и, видимо, не совсем совершенным. Тем не менее, перспективность данного направления исследований кажется очевидной.

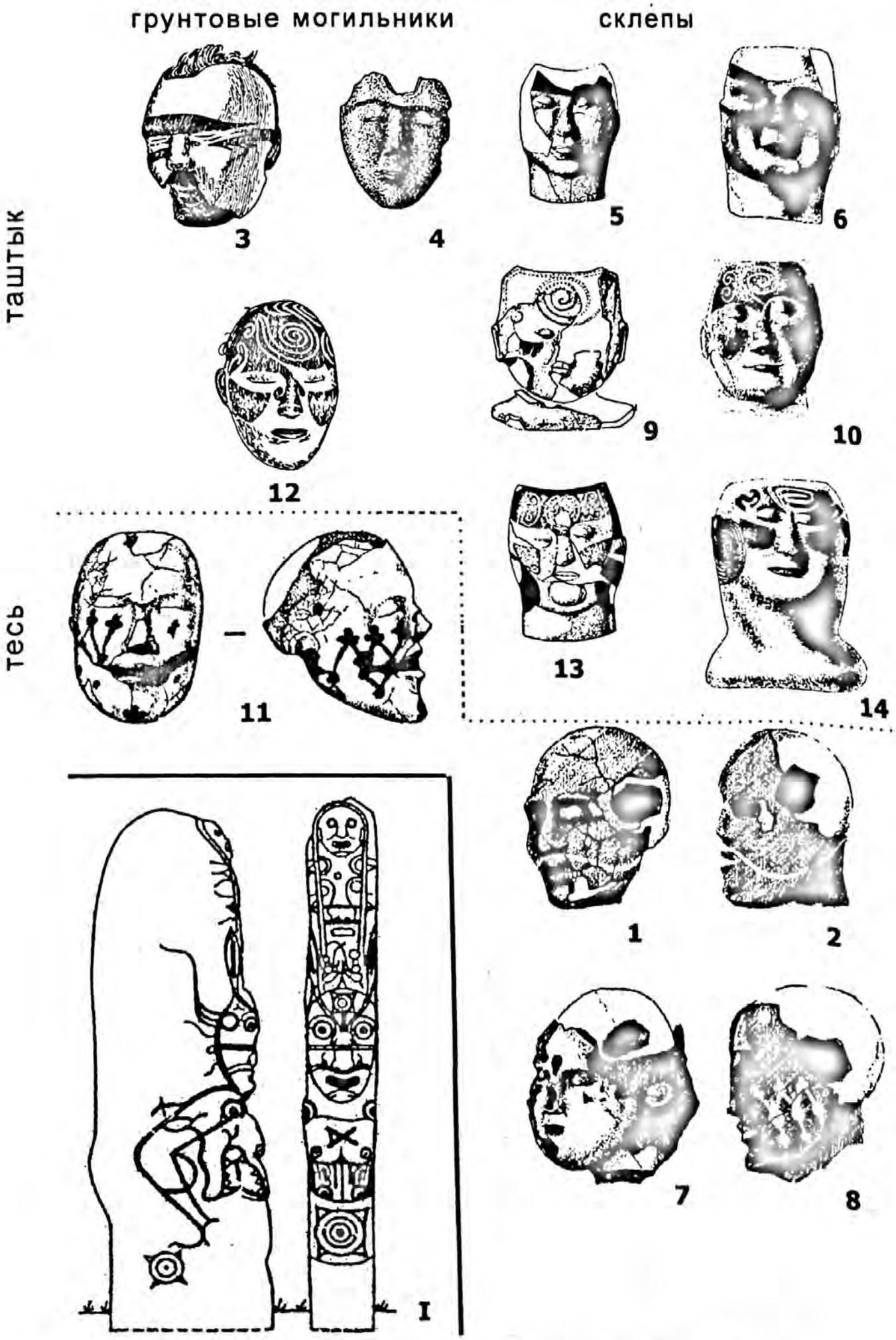

Рис. 1 Эволюция тесинско-таштыкской раскраски погребальных масок.
I – окуневское изваяние (Вадецкая, 1980, табл. XLIX, *103*);
1, *2*, *7*, *8* – **тесинские склепы** (Новые Мочаги);
11 – **тесинские грунтовые могильники** (Каменка);
5, *6*, *9*, *10*, *13*, *14* – **таштыкские склепы** (*5*, *9*, *13* – Тепсей III, склеп 2; *6*, *10*, *14* – Уйбат I, склеп 11);
3, *4*, *12* – **таштыкские грунтовые могильники** (Оглахты)

Литература

Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982 – *М.Т. Абдулганеев, Ю.Ф Кирюшин, Б.Х. Кадиков.* Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982

Абдулганеев, Ларин, 1992 – *М.Т. Абдулганеев, О.В. Ларин* О соотношении афанасьевской и майэмирской культур // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий (материалы научн. конф.). Горно-Алтайск, 1992

Аванесова, 1991 – *Н.А. Аванесова.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991

Адрианов, 1904 – *А.В. Адрианов.* Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (отдельный выпуск). СПб., 1904

Адрианов, 1910 – *А.В. Адрианов.* Отчет по обследованию писаниц Минусинского края А.В. Адрианова // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом этнографическом отношениях. Вып. 10. СПб., 1910

Алексеев, 1961 – *В.П. Алексеев.* Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник III (Сб. МАЭ, н. с., т. LXXI). М.–Л., 1961

Алексеев, 1961а – *В.П. Алексеев.* О брахикральном компоненте в составе населения афанасьевскля культуры // СЭ, № 3, 1961

Алексеев, 1984 – *В.П. Алексеев.* Становление человечества. М., 1984

Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987 – *В.П. Алексеев, И.И. Гохман, Д. Тумэн.* Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азиии (каменный век – эпоха железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987

Альбедиль, 2003 – *М.Ф. Альбедиль.* Центр мира // Теория и методология архаики. I. Стратиграфия культуры. II. Что такое архаика? СПб., 2003

Анисимов, 1949 – *А.Ф. Анисимов.* Представления эвенков о «шингкэнах» и проблема происхождения первобытной религии // Сб. МАЭ, т. XII, М.,–Л., 1949

Анисимов, 1950 – *А.Ф. Анисимов.* Семейные «охранители» у эвенков и проблема генезиса культа предков // СЭ, № 3, 1950

Асеев, 1998 – *И.В. Асеев.* Аналоги в первобытном искусстве Сибири и Аляски на примере гравированных галек // Гуманитарные науки в Сибири, серия: Археология и этнография, № 3, 1998

Астахов, 1981 – *С.Н. Астахов.* Новые памятники каменного века на Енисее // АО 1980 года. М., 1981

Астахов, 1982 – *С.Н. Астахов.* Работы Третьего отряда Саяно-Тувинской экспедиции // АО 1981 года. М., 1982

Астахов, Васильев, 2001 – *С.Н. Астахов, С.А. Васильев.* Памятники неолита – бризового века в Саянском каньоне Енисея // Евразия сквозь века (к 60-летию Д.Г. Савинова). СПб., 2001

Астахов, Семенов, 1980 – *С.Н. Астахов, Вл.А. Семенов.* Палеолит и неолит Тувы (по материалам Саяно-Тувинской экспедиции) // Новейшие исследования по археологии и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980

Байбурин, 1998 – *А.К. Байбурин.* Проблемы изучения прагматики в архаической культуре // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. М., 1998

Беневоленская, Громов, 1997 – *Ю.Д. Беневоленская, А.В. Громов.* Морфология затылочно-теменной области черепов окуневской культуры // Окуневский сборник. СПб., 1997

Бёкёни, 1984 – *Ш. Бёкёни.* Роль степей Евразии в распространении коневодства // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник. Кемерово, 1984

Берс, 1974 – *Е.М. Берс.* Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куюм // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974

Берс, 1976 – *Е.М. Берс.* Позднеэнеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье // СА, № 4, 1976

Бледнова, Шер, 2001 – *Н.С. Бледнова, Я.А. Шер.* Стиль в палеолитическом искусстве (современное состояние проблемы) // Сб. МИФ, вып. 7. София, 2001

Бобров, 1992 – *В.В. Бобров.* Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы (автореф. докт. дисс.). Новосибирск, 1992

Бобров, 1994 – *В.В. Бобров.* К проблеме миграции европеоидного населения на территории Южной Сибири в сейминскую эпоху // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье (тезисы докладов международн. научн. конф.). Барнаул, 1994

Бобров, Пяткин, 1977 – *В.В.Бобров, Б.Н. Пяткин.* Информация о полевых работах Кемеровского государственного университета в 1977 году // Археология Южной Сибири (ИЛАИ), вып. 9, Кемерово, 1977

Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993 – *В.В.Бобров, Т.А. Чикишева, Ю. И. Михайлов.* Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск, 1993

Богданова-Березовская, 1963 – *В.И. Богданова-Березовская.* Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины // Новые методы в археологических исследованиях. М.-Л., 1963

Богораз-Тан, 1939 – *В.Г. Богораз-Тан.* Чукчи, ч. II (Религия). Л., 1939

Боковенко, 1986 – *Н.А. Боковенко.* Раскопки курганов на юге Красноярского края // АО 1985 года. М., 1986

Боковенко, 1986 – *Н.А. Боковенко.* Новые петроглифы личин окуневского типа в Центральной Азии // ПИОК, СПб., 1995

Брюсов, 1940 – *А.Я. Брюсов.* История Древней Карелии // Тр. ГИМ, вып. 9. М., 1940

Вадецкая, 1965 – *Э.Б. Вадецкая.* Каменные изваяния эпохи бронзы на Енисее (автореф. канд. дисс.). Л., 1965

Вадецкая, 1965а – *Э.Б. Вадецкая.* О каменных стелах эпохи бронзы в Хакасско-Минусинской котловине // СА, № 4, 1965

Вадецкая, 1965б – *Э.Б. Вадецкая.* Изображение "зверя-божества" из Хакасии // Новое в советской археологии (МИА, № 130). М., 1965

Вадецкая, 1967 – *Э.Б. Вадецкая.* Древние идолы Енисея. Л., 1967

Вадецкая, 1969 – *Э.Б. Вадецкая.* О сходстве самусьских и окуневских антропоморфных изображений // СА, № 1, 1969

Вадецкая, 1980 – *Э.Б. Вадецкая.* Изваяния окуневской культуры // Э.Б. Выдецкая, Н.В. Леонтьев, Г.А. Максименков. Памятники окуневской культуры. Л., 1980

Вадецкая, 1981 – *Э.Б. Вадецкая.* Афанасьевский могильник Красный Яр // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск.,1981

Вадецкая, 1983 – *Э.Б. Вадецкая.* Поиски "самодийцев" на Енисее // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов (сб. трудов научн. конф.). Омск, 1983

Вадецкая, 1986. – *Э.Б. Вадецкая.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея, Л., 1986

Вадецкая, 1986а – *Э.Б. Вадецкая.* Сибирские курильницы // КСИА, вып.185, 1986

Вадецкая, 1989 – *Э.Б. Вадецкая.* Археологический комплекс под горой Оглахты // Памятники истории и культуры Красноярского края, вып. 1. Красноярск, 1989

Вадецкая, 1990 – *Э.Б. Вадецкая.* Современные представления о состоянии источников по неолиту Минусинской котловины // КСИА, № 199, 1990

Вадецкая, 1992 – *Э.Б. Вадецкая.* Таштыкская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время ("Археология СССР"). М., 1992

Вадецкая, 1999 – *Э.Б. Вадецкая.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999

Вадецкая, 2000 – *Э.Б. Вадецкая.* Окуневские традиции в таштыкском искусстве // Исторический ежегодник (к 70-летию В.И. Матющенко). Омск, 2000

Вадецкая, 2004 – *Э.Б. Вадецкая* Новые факты о таштыкских погребальных масках // Археология, этнография и антропология Евразии, № 1 Новосибирск, 2004.

Вадецкая, 2004а – *Э.Б. Вадецкая.* Сибирские погребальные маски (предварительные итоги и задачи исследования) // АВ, № 11, СПб., 2004.

Вадецкая, 2003–2004 – *Э.Б. Вадецкая.* Рисунки на плитах окуневского могильника у с. Лебяжье на правом берегу Енисея // Вестник САИПИ, выпуск №№ 6–7 Кемерово, 2003–2004

Вадецкая, Гультов, 1986 – *Э.Б. Вадецкая, С.Б. Гультов.* Исследования в Красноярском крае в 1982-1984 гг. // КСИА, вып. 188, 1986

Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980 – *Э.Б. Вадецкая, Н.В. Леонтьев, Г.А. Максименков.* Памятники окуневской культуры. Л., 1980

Вайнштейн, 1954 – *С.И. Вайнштейн.* Археологические раскопки в Туве в 1953 году // УЗ ТНИИЯЛИ, вып. II, Кызыл, 1954

Вайнштейн, 1974 – *С.И. Вайнштейн.* История народного искусства Тувы. М., 1974

Вайнштейн, 2003 – *С.И. Вайнштейн.* Романтика и трагедии в судьбе Альберта Николаевича Липского // Репрессированные этнографы. Вып.2, М., 2003

Варенов, 2005 – *А.В. Варенов.* Уточнение датировки некоторых образов наскального искусства гор Хэланьшань и их аналогий в Китае и за его пределами // Мир наскального искусства (Сб. докладов международн. конф.). М., 2005

Васильев, 1992 – *С.А. Васильев.* Освоение человеком каменного века Западного Саяна // РА, № 1, 1992

Васильевский, Березин, Привалихин, 1996 – *Р.С. Васильевский, Д.Ю. Березин, В.И. Привалихин.* Стоянка и могильник Капонир // Гуманитарные науки в Сибири, серия: Археология и этнография, № 3, 1996

Виноградов, 1982 – *А. В. Виноградов.* Вьюжное I – новый памятник неолита и ранней бронзы в Минусинской котловине. - Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. Иркутск, 1982

Виноградов, 1982а – *А.В. Виноградов.* Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины (автореф. канд. дисс.) Л., 1982

Владимиров, Мамадаков, Цыб, Степанова, 1999 – *В.В. Владимиров, Ю.Т. Мамадаков, С.В. Цыб, Н.Ф. Степанова.* Раскопки афанасьевского могидбника Первый Межелик-1 в Онгудайском районе // Древности Алтая (Известия лаборатории археологии, № 4). Горно-Алтайск, 1999

Волков, 1975 – *В.В. Волков.* Погребение в Норовлин уул (Монголия) // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975

Генинг, 1989 – *В. Ф. Генинг.* К вопросу об археологической интерпретации «кетской проблемы» // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989

Генинг, Гусенцев, Кондратьев, Стефанов, Трофименко, 1970 – *В.Ф. Генинг, Т.М. Гусенцев, О.М. Кондратьев, В.И. Стефанов, В.С Трофименко.* Периодизация поселений неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири (тезисы докладов Всесоюзн. научн. конф.). Томск, 1970

Георгиевская, 1989 – *Г.М. Георгиевская.* Китойская культура Прибайкалья. Новосибирск, 1989

Герасимов, 1944 – *М.М. Герасимов.* Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // МИА, № 2, 1944

Глушков, Петров, 1984 – *И.Г. Глушков, А.И. Петров.* Памятники самусьско-сеймииской эпохи в лесном Прииртышье // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (тезисы докладов научн. конф.). Омск, 1984

Горюнова, 1974 – *О.И. Горюнова.* Антропоморфная и зооморфная скульптура древнего могильника Усть-Белая II // Древняя история народов юга Восточной Сибири, вып. 2. Иркутск, 1974

Горюнова, 2004 – *О.И. Горюнова.* Антропоморфные изображения в искусстве глазковской культуры Прибайкалья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, 2004

Горюнова, Вебер 2002 – *О.И. Горюнова, А.В. Вебер.* Раскопки Российско-Канадской экспедиции на могильнике Курма XI (оз. Байкал) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий (материалы годичной сессии ИАЭ СО РАН, т. VIII). Новосибирск, 2002

Горюнова, Вебер 2003 – *О.И. Горюнова, А.В. Вебер.* Комплекс с ажурной бляхой из погребения могильника бронзового века Курма XI (оз. Байкал) // Археология, этнография и антропология Евразии, № 4. Новосибирск, 2003

Готлиб, 1997 – *А.И. Готлиб.* Горные архитектурно-фортификационные сооружения окуневской эпохи в Хакасии // ОС, Спб., 1997

Готлиб, 2002 – *А.И. Готлиб.* Горные сооружения-"све" – новый вид археологических памятников в Минусинской котловине // Степи Евразии в древности и средневековье (к 100-летию со д. р. М.П. Грязнова). Кн. 1. СПб., 2002

Готлиб, Паульс, Подольский, 1996 – *А.И. Готлиб, Е.Д. Паульс, М.Л. Подольский.* Архитектурная организация сакрального пространства (горные сооружения типа "све" эпохи бронзы в Минусинской котловине) // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции (тезисы докл. научн. тематическ. конф.). СПб., 1996

Гохман, 1980 – *И.И. Гохман.* Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сб. МАЭ, вып.36, 1980

Гришин, 2002 – *А.Е. Гришин.* Погребальный обряд кротовской культуры: типология погребальной практики (по материалам могильника Сопка-2). Автореф. канд. дисс., Новосибирск, 2002

Громов, 1995 – *А.В. Громов.* Антропологические особенности населения окуневской культуры // ПИОК. СПб., 1995

Громов, 1998 – *А.В. Громов.* К вопросу об искусственной деформации черепов окуневской культуры // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума), т. 1. Новосибирск, 1998

Громов, 2002 – *А.В. Громов.* К вопросу об антропологическом составе и происхождении тесинского населения юга Хакасии // Степи Евразии в древности и средневековье (к 100-летию со д. р. М.П. Грязнова). Кн. I. СПб., 2002

Громов, 2004 – *А.В. Громов.* Теменная и затылочно-теменная деформация у древнего населения среднеенисейских степей: морфология и обряд // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии, вып. 3. М., 2004

Грушин, 2002 – *С.П. Грушин.* Культура населения эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая (автореф. канд. дисс.). Барнаул, 2002

Грязнов, 1950 – *М.П. Грязнов.* Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА, № XII, 1950

Грязнов, 1960 – *М.П. Грязнов.* Писаница эпохи бронзы из д. Знаменки в Хакассии // КСИИМК, вып. 80, 1960

Грязнов, 1999 – *М.П. Грязнов.* Афанасьевская культура на Енисее. СПб, 1999

Грязнов, Комарова, 1980 – *М.П. Грязнов, М.Н. Комарова.* Афанасьевская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1980

Грязнов, Шнейдер, 1926 – *М.П. Грязнов, Е.Р. Шнейдер.* Каменные изваяния Минусинских степей // «Природа», № 11–12, 1926

Грязнов, Шнейдер, 1929 – *М.П. Грязнов, Е.Р. Шнейдер.* Древние изваяния Минусинских степей // МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929

Давид-Неэль, 1991 – *А. Давид-Неэль.* Мистики и маги Тибета. М., 1991

Даржа, 2003 – *В. Даржа.* Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл, 2003

Деревянко, Молодин, 1999 – А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Денисова пещера, т. 1. Новосибирск, 1999

Дроздов, Заика, Макулов, 1996 – *Н.И. Дроздов, А.Л. Заика, В.И. Макулов.* Древнее искусство Нижнего Приангарья (итоги пятилетних исследований) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири (материалы IV годичной сессии ИАЭ СО РАН). Новосибирск, 1996

Дыренкова, 1937 – *Н.П. Дыренкова.* Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков // Сб. памяти В.Г. Богораза. Л., 1937

Дэвлет Е., 1999 – *Е.Г. Дэвлет.* Некоторые орнитоморфные и антропоморфные изображения: Американо-Азиатские параллели // Международн. конф. по первобытному искусству, т. 1, Кемерово, 1999

Дэвлет Е., 2000 – *Е.Г. Дэвлет.* Н.К. Рерих и использование культурного наследия // Рериховские чтения 1997 года (материалы конф.). Новосибирск, 2000

Дэвлет Е., 2002 – *Е.Г. Дэвлет.* Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. М., 2002

Дэвлет Е., Дэвлет М., 2005 – *Е.Г. Дэвлет, М.А. Дэвлет.* Мифы в камне. Мир наскального искусства в России. М., 2005

Дэвлет М., 1962 – *М.А. Дэвлет.* Каменные фигурки андроновского времени // СА, № 2, 1962

Дэвлет М., 1976 – *М.А. Дэвлет.* Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976

Дэвлет М., 1980 – *М.А. Дэвлет.* Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980

Дэвлет, М., 1982 – *М.А. Дэвлет.* Бегущие звери на скалах г. Суханиха на Среднем Енисее // КСИА, вып. 169, 1982

Дэвлет М., 1990 – М.А. Дэвлет. О сакрально-магических знаках на петроглифах и оленных камнях // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990

Дэвлет, М., 1997 – *М.А. Дэвлет.* Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // ОС, СПб., 1997

Дэвлет М., 1998 – *М.А. Дэвлет.* Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М., 1998

Ермолова, 1983 – *Н.М. Ермолова.* Новые данные по истории охоты и скотоводства на юге Сибири // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983

Ермолова, 1983а – *Н.М. Ермолова.* К вопросу о сибирском «центре» одомашнивания лошади // Изыскания по неолиту СССР. Л., 1983

Есин, 2002 – *Ю.Н. Есин.* К проблеме соотношения самусьской и окуневской культур // Тр. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ, т. 1. Томск, 2002

Есин, 2004 – *Ю.Н. Есин.* Искусство самусьской культуры (автореф. канд. дисс.). Новосибирск, 2004

Есин, 2005 – *Ю.Н. Есин.* Семантика изображения копья в искусстве окуневской культуры // Мир наскального искусства (сборник докладов международн. конф.). М., 2005

Журавков, Заика, 2001 – *С.П. Журавков, А.Л. Заика.* Тема «космической охоты» в наскальном искусстве Нижней Ангары // Народы Приенисейской Сибири. История и современность (Материалы научн.-практ. конф.). Красноярск, 2001

Завитухина, 1976 – *М.П. Завитухина.* Таштыкская культура на Енисее (I в. до н. э. – V в. н. э.) // Древняя Сибирь: путеводитель по выставке «Культура и искусство древнего населения Сибири». Л., 1976

Заика, 2001 – *А.Л. Заика.* Юго-восточные мотивы в наскальном искусстве Нижней Ангары // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных территорий. Томск,2001

Заика, 2002 – *А.Л. Заика.* О полиэйконичности антропоморфных изображенийв петроглифах Нижней Ангары // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002

Заика, 2003 – *А.Л. Заика.* Антропоморфные личины в наскальном искусстве Нижней Ангары (автореф. канд. дисс.). Барнаул, 2003

Заика, 2003а – *А.Л. Заика.* Вопросы семантики и хронологии антропоморфных изображений в виде личин (по

материалам петроглифов Нижней Ангары) // Древности Приенисейской Сибири, вып. II. Красноярск, 2003

Заика, 2003б – *А.Л. Заика*. Проблемы этногенеза и развитие мировоззрения народов Нижней Ангары // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем (материалы Всеросс.археолого-этнографич. конф.). Томск, 2003

Заика, 2004 – *А.Л. Заика*. Антропоморфные личины в поздних петроглифах Нижней Ангары // Этносы Сибири: прошлое, настоящее, будущее. Красноярск, 2004

Заика, Петрович, 2000 – *А.Л. Заика, Е.В. Петрович*. Антропоморфные личины Нижнего Приангарья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии, т. 1. Новосибирск, 2000.

Зайберт, 1993 – *В.Ф. Зайберт*. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993

Зах, Скочина, 2004 – *А.В. Зах, С.Н. Скочина*. Глиняная скульптура из комплекса с гребенчато-ямочной посудой с поселения Мергень-6 // Археология, этнография и антропология Евразии, № 4, Новосибирск, 2004

Зимина, 1966 – *В.М. Зимина*. Афанасьевское погребение с р. Тубы (Минусинская котловина) // Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966

Иванов, 1949 – *С.В. Иванов*. О значении двух уникальных женских статуэток американских эскимосов // Сб. МАЭ, т. XI, 1949

Иванов, 1954 – *С.В. Иванов*. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. // ТИЭ, нов. сер., т. 22, 1951

Иванов, 1957 – *С.В. Иванов*. К семантике изображений на старинных бурятских онгонах // Сб. МАЭ, т. XVII, 1957

Иванов, 1970 – *С.В. Иванов*. Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX вв. Л., 1970

Иванова, 1966 – *Л.А. Иванова*. Брахикранный компонент афанасьевской культуры // СЭ № 3, 1966

Иванова, 1970 – *Л.А. Иванова*. Опыт выделения и палеоэтнографической характеристики афанасьевской культуры (автореф. канд. дисс.). Л., 1970

Ивочкина, 2003 – *Н.В. Ивочкина*. Культурно-исторические корни китайских денег // Теория и методология архаики. I. Стратиграфия культуры. II. Что такое архаика? СПб., 2003

Каннисто, 1999 – *А. Каннисто*. О татуировке у обско-угорских народов // Статьи по искусству обских угров. Томск, 1999

Капелько, 1987 – *В.Ф. Капелько*. Открытие наскальных изображений в Хакасии // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока (сб. научн. трудов). Новосибирск, 1987

Килуновская, 2003 – *М.Е. Килуновская*. Наскальные изображения на горе Хербис (Пий-Хемский кожуун Республики Тыва) // В кн.: Вл.А. Семенов. Суглуг-Хем и Хайракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб., 2003

Киргиреков, 1997 – *Э.Н. Киргинеков*. Окуневский курган у с. Мохов // ОС. СПб., 1997

Кирюшин, 1983 – *Ю.Ф. Кирюшин*. Изображения птиц и животных на керамической посуде из южно-таежного Приобья // Первобытное искусство. Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск, 1983

Кирюшин, 2002 – *Ю.Ф. Кирюшин*. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002

Кирюшин, 2004 – *Ю.Ф. Кирюшин*. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул, 2004

Кирюшин, Абдулганеев, Цыб, 1986 – *Ю.Ф. Кирюшин, М.Т. Абдулганеев, С.В. Цыб*. Раскопки могильника Первый Межелик-1 // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986

Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003 – *Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин, А.А. Тишкин*. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул, 2003

Кирюшин Ю., Кунгуров, Долинин, Кирюшин К., 1992 – *Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров, Е.В. Долинин, К.Ю. Кирюшин*. К вопросу о бронзовом веке средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии (материалы конф.). Горно-Алтайск, 1992

Кирюшин, Кунгуров, Кадиков, 2000 – *Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров, Б.Х. Кадиков*. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул, 2000

Кирюшин, Лузин, 1993 – *Ю.Ф.Кирюшин, С.Ю.Лузин*. Андроновский могильник Подтурино // Культуры народов Евразийских степей в древности. Барнаул, 1993

Кирюшин, Малолетко, 1979 – *Ю.Ф. Кирюшин*, А.М. Малолетко. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979

Кирюшин, Симонов, 1997 – *Ю.Ф. Кирюшин, Е.В. Симонов*. Каменный сосуд из Угловского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края, вып. VIII, Барнаул, 1997

Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2001 – *Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин, С.П. Грушин*. Некоторые планиграфические наблюдения на погребально-поминальных комплексах Верхнего Приобья эпохи ранней бронзы // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001

Киселев, 1949 – *С.В. Киселев*. Древняя история Южной Сибири // МИА, № 9. М.–Л., 1949

Киселев, 1951 – *С.В. Киселев*. Древняя история Южной Сибири. М., 1951

Киселев, 1962 – *С.В. Киселев*. К изучению минусинских каменных изваяний // Историко-археологический сборник. М., 1962

Кисленко, Levine, 2002 – *А. Кисленко, M. Levine*. К вопросу о доместикации лошади в энеолите Урало-Казахстанских лесостепей // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2002

Кияшко, 1990 – *А.В. Кияшко*. Ранний этап катакомбной культуры на Нижнем Дону (автореф. канд. дисс.). Л., 1990

Ключников, Заика, 2002 – *А.Л. Заика, Т.А. Ключников*. Анималистические изображения эпохи бронзы в наскальном искусстве Нижней Ангары // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002

Ковалев, 1997 – *А.А. Ковалев*. Могильник Верх. Аскиз I, курган 2 // ОС, СПб., 1997

Ковалев, 2000 – *А.А. Ковалев*. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеэкология и палеодемогрфия Евразии. М., 2000

Ковалев, 2005 – *А.А. Ковалев*. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности (к 60-летию Ю.Ф. Кирюшина). Барнаул, 2005

Ковалев, Резепкин, 1995 – *А.А. Ковалев, А.Д. Резепкин*. Курильница из дольмена в урочище Клады и проблема происхождения курильниц афанасьевской культуры // ПИОК, СПб., 1995

Ковалевская, 1977 – *В.Б. Ковалевская*. Конь и всадник. Пути и судьбы. М., 1977

Ковтун, 2001 – *И.В. Ковтун.* Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. Новосибирск, 2001

Ковтун, 2005 – *И.В. Ковтун.* Изобразительное искусство Северо-Западной Азии в эпоху бронзы (иконография стилей и взаимодействие традиций) (автореф. докт. дисс.). Новосибирск, 2005

Кожин, 1970 – *П.М. Кожин.* О псалиях из афанасьевских могил // СА, № 4, 1970

Комарова, 1947 – *М.Н. Комарова.* Погребения Окунева улуса. К вопросу о хронологическом разделении памятников андроновской культуры Минусинского края // СА, № IX, 1947

Комарова, 1981 – *М.Н. Комарова.* Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981

Косарев, 1964 – *М.Ф. Косарев.* Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья (автореф. канд. дисс.). М., 1964

Косарев, 1974 – *М.Ф. Косарев.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974

Косарев, 1981 – *М.Ф. Косарев.* Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981

Косарев, 1987 – *М.Ф. Косарев.* Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока. // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР ("Археология СССР"). М., 1987

Косинцев, 2002 – *П.А. Косинцев.* Лошади Ботая и Синташты: сравнительная и морфометрическая характеристика // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2002

Красниенко, 2002 – *С.В. Красниенко.* Памятники афанасьевской культуры на юго-западе Красноярского края // Степи Евразии в древности и средневековье (к 100-летию со д. р. М.П. Грязнова). Кн. I. СПб., 2002

Красниенко, Субботин, 1997 – *С.В. Красниенко, А.В. Субботин.* Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб., 1997

Кубарев, 1979 – *В.Д. Кубарев.* Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск, 1979

Кубарев, 1986 – *В.Д. Кубарев.* О локальном варианте окуневской культуры на Алтае // Скифская эпоха Алтая (тезисы докл. конф.). Барнаул, 1986.

Кубарев, 1988 – *В.Д. Кубарев.* Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988.

Кубарев, 1992 – *В.Д. Кубарев.* Два новых памятника каракольской культуры в Горном Алтае // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск, 1992

Кубарев, 1992а – *В.Д. Кубарев.* Каракольские сюжеты в новых петроглифах Алтая // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии (материалы конференции). Горно-Алтайск, 1992

Кубарев, 1992б – *В.Д. Кубарев.* Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992

Кубарев, 1995 – *В.Д. Кубарев.* О происхождении и хронологии каракольской культуры Алтая // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур, т. II (археология, этнография). Новосибирск, 1995

Кубарев, 1998 – *В.Д. Кубарев.* Древние росписи Бешозека // Гуманитарные науки в Сибири, № 3. Новосибирск, 1998

Кубарев, 1998а – *В.Д. Кубарев.* Окуневско-каракольские памятники Хакассии и Алтая (корреляция и хронология) // Международн. конф. по первобытному искусству (тезисы докладов). Кемерово 1998

Кубарев, 2000 – *В.Д. Кубарев.* Погребение эпохи бронзы у горы Жалгыз-Тобе // Обозрения 94–96. Новосибирск, 2000

Кубарев, 2002 – *В.Д. Кубарев.* Наскальное искусство Алтая. Новосибирск, 2002

Кубарев, 2004 – *В.Д. Кубарев.* Лошади и колесницы в петроглифах Монгольского Алтая // Древности Алтая, № 12. Горно-Алтайск, 2004

Кубарев, Ларин, Суразаков, 1992 – *В.Д. Кубарев, О.В. Ларин, А.С. Суразаков.* Новый памятник каракольской культуры в с. Беш-Озек // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии (материалы конф.). Горно-Алтайск, 1992

Кубарев, Маточкин, 2002 – *В.Д. Кубарев, Е.П. Маточкин.* Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992

Кубарев, Соенов, Эбель, 1992 – *В.Д. Кубарев, В.И. Соенов, А.В. Эбель.* О новых памятниках каракольской культуры в с. Озерном // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии (материалы конф.). Горно-Алтайск, 1992

Кузнецов, 2002 – *П.Ф. Кузнецов.* Образы коня в бронзовом веке и еще одна интерпретация ростовкинской композиции // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002

Кузьмин, 1985 – *Н.Ю. Кузьмин.* Раскопки тесинского погребального комплекса на юге Хакасии // АО 1983 г. М., 1985

Кузьмин, 1989 – *Н.Ю. Кузьмин.* Военно-политические события и высшая власть ранних кочевников Саяно-Алтая // Скифо-сибирский мир (социальная структура и общественные отношения). Часть 1. Кемерово, 1989

Кузьмин, 1995 – *Н.Ю. Кузьмин.* О вторичном использовании окуневских изваяний // ПИОК, СПб., 1995

Кузьмин, Варламов, 1988 – *Н.Ю. Кузьмин, О.Б. Варламов.* Особенности погребального обряда племен Минусинской котловины на рубеже нашей эры. Опыт реконструкции // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск, 1988.

Кузьмина, 1966 – *Е.Е. Кузьмина.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ, вып. В4–9, 1966

Кузьмина, 1977 – *Е.Е. Кузьмина.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977

Курочкин, 1983 – *Г.Н. Курочкин.* Поселение эпохи ранней бронзы на Кадатском водохранилище // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983

Курочкин, 1995 – *Г.Н. Курочкин.* Изображение фантастического хищника из Быркановa (по материалам раскопок 1989 года) // ПИОК, СПб., 1995

Кызласов И., 1984 – *И.Л. Кызласов.* Древние изваяния и менгиры Хакасии (к методике полевых исследований) // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984

Кызласов Л., 1956 – *Л.Р. Кызласов.* Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии // КСИИМК, № 63, 1956

Кызласов Л., 1962 – *Л.Р. Кызласов.* Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь // СА, № 2 , 1962

Кызласов Л., 1970 – *Л.Р. Кызласов.* Раскопки в Оглахтах // АО 1969 года. М., 1970

Кызласов Л., 1979 – *Л.Р. Кызласов.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979

Кызласов Л., 1986 – *Л.Р. Кызласов.* Древнейшая Хакасия. М., 1986

Лазаретов, 1995 – *И.П. Лазаретов.* Изображения на плитах могильника Бырганов V (Хакасия) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995

Лазаретов, 1995а – *И.П. Лазаретов.* К вопросу о ямно-катакомбных связях окуневской культуры // ПИОК, СПб., 1995

Лазаретов, 1997 – *И.П. Лазаретов.* Окуневские могильники в долине реки Уйбат // ОС, СПб., 1997

Ларин, 1988 – *О.В. Ларин.* Новые материалы эпохи ранней бронзы из Горного Алтая // Проблемы изучения древней культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988

Левашова, 1975 – *В.П. Левашова.* Раскопки могильника окуневской культуры в Абакане в 1945 г. // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975

Леонтьев Н., 1969 – *Н.В. Леонтьев.* Кундусукские росписи // СА, № 4, 1969

Леонтьев Н., 1975 – *Н.В. Леонтьев.* Каменные фигурные жезлы Сибири // Первобытная археология Сибири (к 70-летию М.П. Грязнова). Л., 1975

Леонтьев Н., 1978 – *Н.В. Леонтьев.* Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы антропологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1978

Леонтьев Н., 1979 – *Н.В. Леонтьев.* Работы в Минусинском районе // АО 1978 г. М., 1979

Леонтьев Н., 1980 – *Н.В. Леонтьев.* Гравированные изображения животных в могильнике Черновая VIII // Э.Б. Вадецкая, Н.В. Леонтьев, Г.А. Максименков. Памятники окуневской культуры. Л., 1980

Леонтьев Н., 1980а – *Н.В. Леонтьев.* Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980

Леонтьев Н., 1985 – *Н.В. Леонтьев.* Писаницы устья р. Кантегир // Рериховские чтения, Новосибирск, 1985

Леонтьев Н., 1995 – *Н.В. Леонтьев.* Два окуневских кургана долины реки Уйбат // ПИОК, СПб, 1995

Леонтьев Н., 1997 – *Н.В. Леонтьев.* Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // ОС, СПб., 1997

Леонтьев С., 2000 – *С.Н. Леонтьев.* Мелкая пластика // Вест. САИПИ, № 3, 2000

Леонтьев С., 2001 – *С.Н. Леонтьев.* Памятник окуневской культуры Черновая XI // Археология, этнография и антропология Евразии, № 4. Новосибирск, 2001

Леонтьев С., 2002 – *С.Н. Леонтьев.* К вопросу о дифференциации керамического комплекса окуневской культуры // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002

Леонтьев С., 2002а – *С.Н. Леонтьев.* К вопросу о сейминско-турбинской традиции на Среднем Енисее // Степи Евразии в древности и средневековье (к 100-летию со д. р. М.П. Грязнова). Кн. 1. СПб., 2002

Ли фу шун, 1995 – *Ли фу шун.* Датировка наскальных изображений (на китайск. яз.) // Наскальное искусство. Пекин, 1995

Липский, 1949 – *А.Н. Липский.* Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 году // КСИИМК, вып. 25, 1949

Липский, 1951-54 – *А.Н. Липский.* Отчет о раскопках афанасьевских памятников за 1951-1954гг. // Архив ИИМК, ф. 1, № 1362

Липский, 1952 – *А.Н. Липский.* Афанасьевские погребения в Хакасии // КСИИМК, вып. 47, 1952

Липский, 1954 – *А.Н. Липский.* Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи // КСИИМК, вып. 64, 1954

Липский, 1957 – *А.Н. Липский.* Раскопки 1953 г. в Хакасии // КСИИМК, вып. 70, 1957

Липский, 1959 – *А.Н. Липский.* Афанасьевский могильник у улуса Верхний Аскиз, Аскизского района // Архив ИА, ф. Р-1, д. 2119

Липский, 1961 – *А.Н Липский.* Новые данные по афанасьевской культуре // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока, Новосибирск,1961

Липский, 1962 – *А.Н. Липский.* О че рассказывают памятники старины // Советская Хакасия, Абакан, 3 июля

Липский, 1963 – *А.Н. Липский.* Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963

Липский, 1970 – *А.Н. Липский.* К вопросу о семантике солнцеобразных личин Енисея // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970

Липский, 1970а – *А.Н. Липский.* Енисейские изваяния (путеводитель). Абакан, 1970

Лобсанг Рампа, 1991 – *Т. Лобсанг Рампа.* Третий глаз. Л., 1991

Лопатин, 1922 – *И.А. Лопатин.* Гольды, амурские, уссурийские и сунгарские. Владивосток, 1922

Максименков, 1964 – *Г.А. Максименков.* Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине // КСИА, вып. 101, 1964

Максименков, 1965 – *Г.А. Максименков.* Окуневская культура в Южной Сибири // Новое в советской археологии (МИА № 130) М., 1965

Максименков, 1965а – *Г.А. Максименков.* Впускные погребения окуневского этапа в афанасьевских курганах // СА, № 4, 1965

Максименков, 1968 – *Г.А. Максименков.* Окуневская культура и ее соседи на Оби // История Сибири, т. 1. Л., 1968.

Максименков, 1970 – *Г.А. Максименков.* Окуневская культура и ее окружение // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири (тезисы докл. Всесоюзн. научн. конф.). Томск, 1970

Максименков, 1975 – *Г.А. Максименков.* Окуневская культура (авторсф. докт. дисс.). Новосибирск, 1975.

Максименков, 1978 – *Г.А. Максименков.* Андроновская культура на Енисее. Л., 1978

Максименков, 1980 – *Г.А. Максименков.* Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Э.Б. Вадецкая, Н.В. Леонтьев, Г.А. Максименков. Памятники окуневской культуры. Л., 1980

Максименков, 1981 – *Г.А. Максименков.* Могильник окуневской культуры у села Лебяжье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981

Мамадаков, Цыб, 1991 – *Ю.Т. Мамадаков, С.В. Цыб.* К вопросу о периодизации бронзового века Центрального Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири (тезисы докладов Всесоюзн. научн. конф.). Барнаул, 1991

Манай-Оол, 1963 – *М.Х. Манай-Оол.* Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. // УЗ ТНИИЯЛИ, вып. X. Кызыл, 1963

Мандельштам, 1983 – *А.М. Мандельштам.* Раскопки могильника Аймырлыг // АО 1972 г. М., 1973

Мандельштам, 1983 – *А.М. Мандельштам.* О некоторых результатах новых археологических исследований в Центральной Туве // Инф. Бюлл. МАИКЦА, вып. 4. М., 1983

Мандельштам, Стамбульник, 1980 – *А.М. Мандельштам, Э.У. Стамбульник.* О некоторых проблемах истории

ранних кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980

Маркин, 2000 – *С.В. Маркин.* Неолитическое погребение северо-западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии, № 2, Новосибирск, 2000

Марьяшев, Горячев, 2002 – *А.Н. Марьяшев, А.А. Горячев.* Наскальные изображения Семиречья. Алматы, 2002

Маточкин, 1985 – *Е.П. Маточкин.* Каменный век в творчестве Рериха // Рериховские чтения, 1984 г. Новосибирск, 1985

Матющенко, 1970 – *В.И. Матющенко.* О некоторых культурно-хронологических комплексах II тысячелетия до н. э. в Томском Приобье // Проблемы хронологии и культурной приналлежности археологических памятников Западной Сибири (тезисы докладов Всезоюзн. конф.). Томск, 1970

Матющенко, 1973 – *В.И. Матющенко.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья, ч. II. Самусьская культура // Из истории Сибири, вып. 10. Томск, 1973

Матющенко, 1973а – *В.И. Матющенко.* Некоторые материалы самусьской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973

Матющенко, 1974 – *В.И. Матющенко.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья, ч. IV. Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири, вып. 12. Томск, 1974

Матющенко, 1977 – *В.И. Матющенко.* О южном компоненте в составе самусьской культуры // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977

Матющенко, 1983 – *В.И. Матющенко.* Окуневские комплексы на поселении Самусь IV // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983

Матющенко, 1988 – *В.И. Матющенко.* Западная Сибирь и Саяно-Алтайское нагорье в эпоху неолита и бронзы // Эпоха камня и палеометалла Азиатской части СССР. Новосибирск, 1988

Мачинский, 1997 – *Д.А. Мачинский.* Уникальный сакральный центр III – середины I тыс. до н. э. в Хакасско-Минусинской котловине // ОС, СПб., 1997

Медникова, 2001 – *М.Б. Медникова.* Трепанация у древних народов Евразии. М., 2001

Мельникова, Николаев, Мандрыка, 2000 – *Л.В. Мельникова, В.С. Николаев, В.П. Мандрыка.* Петроглифы Казачинского порога на Енисее // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 годах. Новосибирск, 2000.

Мерфи, 2001 – *А.М. Мерфи.* Обзор результатов палеопатологического анализа погребений скифского периода на могильнике Аймырлыг (Тува) // АВ, № 8. СПб., 2001

Миклашевич, 2000 – *Е.А. Миклашевич.* Петроглифы долины реки Урсул (некоторые результаты стилистического и хронологического анализа) // Обозрение 94–96. Новосибирск, 2000

Миклашевич, 2002 – *Е.А. Миклашевич.* Осколки плит – фрагменты мифов (или о точности копирования и возможностях интерпретации окуневского искусства) // Степи Евразии в древности и средневековье (к 100-летию со д. р. М.П. Грязнова). Кн. I. СПб., 2002

Миклашевич, 2003–2004 – *Е.А. Миклашевич.* Некоторые дополнительные материалы в связи с публикацией плит из могильника Лебяжье // Вестник САИПИ, выпуск №№ 6–7, Кемерово, 2003–2004

Миклашевич, 2004 – *Е.А. Миклашевич.* Памятники Минусинской котловины (Республика Хакасия, Красноярский край) // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы, 2004

Мириманов, 1996 – *В.Б. Мириманов.* Универсалии дописьменного искусства // Гуманитарная наука в России: соровские лауреаты (филология, литературоведение, культурология, лингвистика, искусствознание). М., 1996

Митько, 2002 – *О.А. Митько.* Работы в Красноярском крае // АО 2001 года. М., 2002

Мифологический словарь. М., 1990

Михайлов, 2001 – *Ю.М. Михайлов.* Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири. Эпоха Бронзы. Кемерово, 2001

Михайловский, 1892 – *В.М. Михайловский.* Шаманство. М., 1892

Молодин, 1977 – *В.И. Молодин.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977

Молодин, 1985 – *В.И. Молодин.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1995

Молодин, 1991 – *В.И. Молодин.* Развитая бронза Горного Алтая // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа, 1991

Молодин, 1992 – *В.И. Молодин.* Древнее искусство Западной Сибири (Обь-Иртышская лесостепь). Новосибирск, 1992

Молодин, 1992а – *В.И. Молодин.* Бронзовый век Южной Сибири – современное состояние проблемы // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992

Молодин, 1993 – *В.И. Молодин.* Основные итоги археологических исследований Северо-Азиатской комплексной экспедиции на плоскогорье Укок летом 1992 года // Altaika, № 2, Новосибирск, 1993

Молодин, 1993а – *В.И. Молодин.* Еще раз о датировке Турочакской писаницы (некоторые проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993

Молодин, 1994 – *В.И. Молодин.* Оригинальные поясные бляшки эпохи развитой бронзы из Горного Алтая и Западно-Сибирской лесостепи // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Новосибирск, 1994

Молодин, 1999 – *В.И. Молодин.* Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных комплексов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. Барнаул, 1999

Молодин, 2001 – *В.И. Молодин.* Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск, 2001

Молодин, 2002 – *В.И. Молодин.* Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай. Древность и средневековье. Горно-Алтайск, 2002

Молодин, Глушков, 1989 – *В.И. Молодин , И.Г. Глушков.* Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск, 1989

Молодин, Ефремова, 2001 – *В.И. Молодин, Н.С. Ефремова.* Керамика эпохи бронзы в материалах культового комплекса Кучерла–1 (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (материалы годичной сессии ИАЭ СО РАН, т. VIII). Новосибирск, 2001

Молодин, Ламина, 1989 – *В.И. Молодин, Е.В. Ламина.* Керамика могильника Сопка-2 // Керамика как исторический источник. – Новосибирск, 1989

Молодин, Погожева, 1990 – *В.И. Молодин, А.П. Погожева.* Плита из Озерного (Горный Алтай) // СА, № 1, 1990

Молодин, Полосьмак, Новиков, Слюсаренко, Богданов, Черемисин, 2004 – *В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, А.В. Новиков, И.Ю. Слюсаренко, Е.С. Богданов, Д.В. Черемисин.* Историко-культурные процессы на плоскогорье Укок // Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск, 2004

Мошинская, 1976 – *В.И. Мошинская.* Древняя культура Урала и Западной Сибири. М., 1976

МСЭ, т. 1 – Малая Советская Энциклопедия, 3-е изд., т. 1

Наглер, 2002 – *А. Наглер.* К вопросу о типе хозяйства носителей окуневской культуры // Первобытная археология. Человек и искусство (к 70-летию Я.А. Шера). Новосибирск, 2002

Народы и религии мира (энциклопедический словарь) – http://www.cbook.ru/peoples/index/welcome.shtml

Нестеров, 1990 – *С.П. Нестеров.* Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990

Нефёдкин, 2001 – *А.К. Нефёдкин.* Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н.э.). СПб., 2001

Новгородова, 1984 – *Э.А. Новгородова.* Мир петроглифов Монголии. М., 1984

Новгородова, 1989 – *Э.А. Новгородова.* Древняя Монголия. М., 1989

Новожснов, 2002 – *В.А. Новоженов.* Петроглифы Сары-Арки. Алматы, 2002

Носов, 2003 – *К.С. Носов.* Русские крепости и осадная техника VII–XVI вв. М., 2003

Окладников, 1948 – *А.П. Окладников.* Древние шаманские изображения из Восточной Сибири // СА, № X, 1948

Окладников, 1950 – *А.П. Окладников.* Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири // СА, № XII, 1950

Окладников, 1950а – *А.П. Окладников.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I, II // МИА, № 18,1950

Окладников, 1955 – *А.П. Окладников.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III // МИА, № 43, 1955

Окладников, 1957 – *А.П. Окладников.* Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (к вопросу о происхождении самодийских племен) // СА, № 1, 1957

Окладников, 1964 – *А.П. Окладников.* Олень золотые рога. М.,–Л., 1964

Окладников, 1966 – *А.П. Окладников.* Петроглифы Ангары. М.,—Л., 1966

Окладников, 1970 – *А.П. Окладников.* Неолит Сибири и Дальнего Востока // Каменный век на территории СССР. МИА, № 166, 1970

Окладников, 1971 – *А.П. Окладников.* Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971

Окладников, 1975 – *А.П. Окладников.* Неолитические памятники Средней Ангары. Новосибирск, 1975

Окладников, 1975а – *А.П. Окладников.* Миниатюрные изваяния Минусинской степи // Первобытная археология Сибири (к 70-летию М.П. Грязнова). Л., 1975

Окладников, 1976 – *А.П. Окладников.* Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск, 1976

Окладников, 1978 – *А.П. Окладников.* Верхоленский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1978

Окладников, 1978а – А.П. Окладников. Новые наскальные рисунки на Дубынинском – Долгом пороге (Ангара) // Древние культуры Приангарья. Новосибирск, 1978

Окладников, Запорожская, 1972. – А.П. Окладников, В.Д. Запорожская. Петроглифы Средней Лены. Л., 1972

Окладников, Молодин, 1978 – *А.П. Окладников, В.И. Молодин.* Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бия) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978

Окладникова, 1979 – *Е.А. Окладникова.* Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск, 1979

Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997

Панина, 1980 – *С.Н. Панина.* Экспедиция Свердловского краеведческого музея // АО 1979 года. М., 1980

Панина, 1988 – *С.Н. Панина.* Палатки II – поселение аятской культуры на р. Исеть // Материальная культура древнего населения Урала и западной Сибири (ВАУ № 19), Свердловск, 1988

Паульс, 1997 – *Е.Д. Паульс.* Два окуневских кургана на юге Хакасии // ОС, СПб, 1997

Петров, 1980 – *А.И. Петров.* Екатерининский тип керамики на памятниках Среднего Прииртышья (предварительное сообщение). - Археология Прииртышья. Томск, 1980

Петров, 1984 – *А.И. Петров.* К вопросу средне-иртышской неолитической культуре // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984

Петров, 1987 – *А.И. Петров.* Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в Среднем Прииртышье // Источники по истории Западной Сибири: история и археология. Омск, 1987

Погожева, Кадиков, 1979 – *А.П. Погожева, Б.Х. Кадиков.* Могильник эпохи бронзы у пос. Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979

Подольский М., 1985 – *М.Л. Подольский.* Древние личины-маски Енисея // Декоративное искусство СССР, № 3, 1985

Подольский М., 1987 – *М.Л. Подольский.* Окуневские изваяния и оленные камни // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987

Подольский М., 1988 – *М.Л. Подольский.* «Душа быка» на окуневских стелах // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988

Подольский М., 1995 – *М.Л. Подольский.* Становление скотоводства на Саяно-Алтае и окуневская проблема // ПИОК, СПб., 1995

Подольский М., 1997 – *М.Л. Подольский.* Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // ОС, СПб., 1997

Подольский М., 1997а – *М.Л. Подольский.* Два окуневских памятника на реке Узунжул // ОС, СПб., 1997

Подольский М., 1998 – *М.Л. Подольский.* Композиционная специфика таштыкской гравюры на дереве // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербурга (к 70-летию со д. р. А.Д. Грача). СПб., 1998

Подольский М., 1999 – *М.Л. Подольский.* Становление степного скотоводства на Саяно-Алтае // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2 ("Горизонты Евразии"). Новосибирск, 1999

Подольский М., 2000 – *М.Л. Подольский.* Курган или ритуальный комплекс? (к вопросу об архитектурно-композиционной цельности некоторых памятников) // Святилища: археология ритуала и во-

просы семантики (материалы научн. конф.). СПб., 2000

Подольский М., 2001– *М.Л. Подольский. Све* Чиланныг тах на северс Хакасии // Евразия сквозь века (к 60-летию Д.Г. Савинова). СПБ. 2001

Подольский М., 2001а – *М.Л. Подольский.* Курганы в истории Хаксии (популярный очерк) // В кн.: С.В. Александров, Е.Д. Паульс, М.Л. Подольский. Древности Аскизского района Хакасии. СПб., 2001

Подольский Н., 1973 – *Н.Л. Подольский.* О принципах датировки наскальных изображений. По поводу книги А.А. Формозова «Очерки по первобытному искусству» // СА, № 3, 1973

Полосьмак, 2001 – *Н.В. Полосьмак.* Всадники Укока. Новосибирск, 2001

Посредников, 1973 – *В.А. Посредников.* Большеларьякское поселение II – археологический памятник Сургутского Приобья // Из истории Сибири, вып. 5. Томск, 1973

Привалихин, 1992 – *В.И. Привалихин.* О наличии головного убора с рожками и ушками у таежного населения Северного Приангарья в раннем железном веке // Проблемы археологии, краеведения и этнографии Приенисейского края, т. II, Красноярск, 1992

Привалихин, 1993 – *В.И. Привалихин.* Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура). Автореф. канд. дисс.. Кемерово, 1993

Пшеницына, 1974 – *М.Н. Пшеницына.* Курганы и могилы на дне Красноярского водохранилища // АО 1973 г. М., 1974

Пшеницына, Завьялов, Пяткин, 1975 – *М.Н. Пшеницына, В.А. Завьялов, Б.Н. Пяткин.* Раскопки на территории Красноярского водохранилища // АО 1974 г., М., 1975

Пшеницына, Пяткин, 1993 – *М.Н. Пшеницына, Б.Н. Пяткин.* Памятники окуневского искусства из кургана Разлив X // КСИА, № 209, 1993

Пяткин, 1977 – *Б.Н. Пяткин.* Некоторые вопросы металлургии эпохи бронзы Южной Сибири // Археология Южной Сибири (ИЛАИ, вып. 9). Кемерово, 1977

Пяткин, 1980 – *Б.Н. Пяткин.* Ранние петроглифы Шалаболинских скал // Археология Южной Сибири (ИЛАИ, вып. 11). Кемерово, 1980

Пяткин, 1987 – *Б.Н. Пяткин.* Происхождение окуневской культуры и истоки звериного стиля ранних кочевников // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова (тезисы докладов конф.). Омск, 1987

Пяткин, 1992 – *Б.Н. Пяткин.* Вклад М.П. Грязнова в изучение окуневского искусства в свете современного состояния проблемы // Северная Евразия от древности до Средневековья (к 90-летию со д. р. М.П. Грязнова). СПб., 1992

Пяткин, Мартынов, 1985 – *Б.Н. Пяткин, А.И. Мартынов.* Шалаболинские петроглифы. Красноярск, 1985

Пяткин, Миклашевич, 1990 – *Б.Н. Пяткин, Е.А. Миклашевич.* Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990

Радлов, 1888 – *В.В. Радлов.* Сибирские древности. Т. 1, вып. 1. СПб., 1888

Ранов, 1960 – *В.А. Ранов.* Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир) // Известия Отд. общ. наук АН Таджикской ССР, вып. 1 (22), 1960

Рогожинский, 2004 – *А.Е. Рогожинский.* Тамгалы. Классификация петроглифов: репертуар, исполнение, периодизация // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы, 2004

Руденко, 1929 – *С.И. Руденко.* Графическое искусство остяков и вогулов // Материалы по этнографии России, т. IV, вып. 2. СПб., 1929

Руденко, 1960 – *С.И. Руденко.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л., 1960

Рычков, 1917 – Енисейские тунгусы // Землеведение, вып. 1-2. М., 1917

Рычков, 1922 – Енисейские тунгусы // Землеведение, вып. 3-4. М., 1922

Савинов, 1977 – *Д.Г. Савинов.* О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.

Савинов, 1981 – *Д.Г. Савинов.* Окуневские могилы на севере Хакасии. // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981

Савинов, 1994 – *Д.Г. Савинов.* Тува раннескифского времени на "перекрестке" культурных традиций (алды-бельская культура) // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит – средневековье). СПб., 1994

Савинов, 1995 – *Д.Г. Савинов.* Окуневская проблема и некоторые подходы к ее решению // ПИОК, Спб., 1995

Савинов, 1995а – *Д.Г. Савинов.* Тесинские лабиринты (по материалам могильника Есино III) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995

Савинов, 1996 – *Д.Г. Савинов.* Древние поселения в Хакасии. Торгажак. СПб., 1996

Савинов, 1996а – *Д.Г. Савинов.* Тематическая научная конференция "Проблемы изучения окуневской культуры" // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации (Материалы Пленума ИИМК РАН). СПб., 1996

Савинов, 1997 – *Д.Г. Савинов.* Проблемы изучения окуневской культуры (в историографическом аспекте) // ОС, СПб., 1997

Савинов, 1997а – *Д.Г. Савинов.* Антропоморфные изваяния из южной части Аскизской степи // ОС, СПб., 1997

Савинов, 1997б – *Д.Г. Савинов.* К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // ОС, СПб., 1997

Савинов, 1998 – *Д.Г. Савинов.* Образ фантастического хищника в древнем искусстве Евразии (в свете переднеазиатской теории М.И. Артамонова) // История и культура древних и средневековых обществ (к 100-летию со д. р. М.И. Артамонова). Проблемы археологии, вып. 4. СПб., 1998

Савинов, 2000 – *Д.Г. Савинов.* Изобразительные памятники и ритуал (по материалам эпохи бронзы Южной Сибири) // Международн. конф. по первобытному искусству, т. II. Кемерово, 2000

Савинов, 2002 – *Д.Г. Савинов.* Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб., 2002

Савинов, 2003 – *Д.Г. Савинов.* Торгажакские гальки (основные аспекты изучения, интерпретация) // Археология, этнография и антропология Евразии, № 2. Новосибирск, 2003

Савинов, 2004 – *Д.Г. Савинов.* О стиле "тощих быков" в окуневской изобразительной традиции // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции (материалы научн. тематическ. конф.). СПб., 2004

Савинов, 2005 – *Д.Г. Савинов.* К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований, вып. 1. Барнаул, 2005

Савинов, Бобров, 1983 – *Д.Г. Савинов, В.В. Бобров.* Устинкинский могильник // Археология Южной Сибири (ИЛАИ, вып. 12). Кемерово, 1983

Савинов, Подольский, 1995 – *Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский.* Две окуневские плиты из ограды тагарского кургана Есино IX // ПИОК, СПб., 1995

Савинов, Подольский, 1997 – *Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский.* Предисловие // ОС, СПб, 1997

Санжмятав, 1995 – Т.Санжмятав. Монголын хадны зураг (на монгольск. яз.). Улаанбаатар, 1995

Свечин, Бобылев, Гопка, 1984 – К.Б. Свечин, И.Ф. Бобылев, Б.М. Гопка. Коневодство. М., 1984

Семенов, 1982 – *Вл.А. Семенов.* Керамика стоянки Хадынных 1 в Западном Саяне // КСИА, вып. 169, 1982

Семенов, 1992 – *Вл.А. Семенов.* Неолит и бронзовый век Тувы. СПб., 1992

Семенов, 1997 – *Вл.А. Семенов.* Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительная характеристика и хронология) // ОС, СПб., 1997

Сергеева, 1981 – *Н.Ф. Сергеева.* Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск, 1981

Советова, Миклашевич, 1999 – О.С. Советова, Е.А. Миклашевич. Хронологические и стилистические особенности Среднеениссейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999

Соколова, 1995 – *Л.А. Соколова.* Проблема сложения окуневской культуры // ПИОК, СПб., 1995

Соколова, 2001 – *Л.А. Соколова.* Стела из Черновой VIII со знаменитыми быками и неизвестными повозками // Евразия сквозь века (к 60-летию Д.Г. Савинова). СПБ. 2001

Соколова, 2002 – *Л.А. Соколова.* Характеристика и типология окуневского керамического комплекса // Степи Евразии в древности и средневековье (к 100-летию со д. р. М.П. Грязнова). Кн. I. СПб., 2002

Соколова, 2004 – *Л.А. Соколова.* Методика работы с сериями изображений – "концентрация изображений по выделенному признаку" (на примере окуневского искусства) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции (материалы научн. тематическ. конф.). СПб., 2004

Спицын, 1915 – *А.А. Спицын.* Археологический альбом // ЗОРСА, т. XI, 1915

Степанова, 1990 – Н.Ф. Степанова. Поселение Малый Дуган – памятник эпохи бронзы Горного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири (сб. научн. трудов), Барнаул, 1990

Степанова, 1994 – Н.Ф. Степанова. Поселение Узнезя-1 // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994

Степанова, 1994а – Н.Ф. Степанова. Эпоха бронзы Горного Алтая: погребальный обряд и керамика // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье (тезисы докл. международн. научн. конф.). Барнаул, 1994

Столяр, 2001 – *А.Д. Столяр.* Архаичные антропоморфные монументальные идолы // Археология в пути или путь археолога. Ч. 1. СПб., 2001

Студзицкая, 1969 – *С.В. Студзицкая.* Образ зверя в мелкой пластики сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы // Экспедиции ГИМ. М., 1969

Студзицкая, 1970 – *С.В. Студзицкая.* Изображение человека в искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и ранней бронзы (мелкая пластика) // СА, №. 1, 1970

Студзицкая, 1973 – *С.В. Студзицкая.* Искусство енисейских племен в эпоху неолита и ранней бронзы // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973

Студзицкая, 1985 – *С.В. Студзицкая.* Изображение человека в мелкой пластике неолитических племен лесной зоны Европейской части СССР // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. Тр. ГИМ, вып. 60. М., 1985

Студзицкая, 1987 – *С.В. Студзицкая.* Изображение человека в искусстве древнего населения Урало-Западносибирского региона (эпоха бронзы) // Первобытное искусство. Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987

Студзицкая, 1987а – *С.В. Студзицкая.* Искусство Восточной Сибири в эпоху бронзы // Эпоха бронзы лесной полосы СССР (Археология СССР). М.,1987

Студзицкая, 1993 – *С.В. Студзицкая.* Китойская изобразительная традиция в древнем искусстве Прибайкалья (по материалам мелкой пластики) // Ad Polus. Памяти Л.П. Хлобыстина (Археологические изыскания, вып. 10). СПб., 1993

Студзицкая, 1997 – *С.В. Студзицкая.* Тема космической охоты и образ фантастического зверя в изобразительных памятниках окуневской культуры // ОС, СПб., 1997

Студзицкая, 2002 – *С.В. Студзицкая.* Семантика культовых предметов из погребения Шумилиха // Первобытная археология. Человек и искусство (к 70-летию Я.А. Шера). Новосибирск, 2002

Сунчугашев, 1969 – *Я.И. Сунчугашев.* Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. М., 1969

Сунчугашев, 1975 – *Я.И. Сунчугашев.* Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М. 1975

Сунчугашев, 1985 – *Я.И. Сунчугашев.* Два изваяния окуневской культуры // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1985

Теплоухов, 1927 – *С.А. Теплоухов.* Древние погребения в Минусинском крае // МЭ, т. III, вып.2, Л., 1927

Теплоухов, 1929 – *С.А. Теплоухов.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ, т. IV, вып. 2, Л., 1929

Тибетская книга мертвых. СПб., 1992

Токарев, 1965 – *С.А. Токарев.* Религии в истории народов мира. М., 1965

Топоров, 1972 – *В.Н. Топоров.* К происхождению некоторых поэтических символов // Ранние формы искусства. М., 1972

Тураев, 1935 – *Б.А. Тураев.* История Древнего Востока. Т. 1 Л., 1935

Федотов, 1981 – *П.А. Федотов.* Коневодство. М., 1981

Феномен алтайских мумий, 2000 – Феномен алтайских мумий (колл. авторов; отв. ред. акад. А.П. Деревянко, акад. В.И. Молодин). Новосибирск, 2000

Формозов, 1967 – *А.А. Формозов.* О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее // СЭ, № 3, 1967

Формозов, 1969 – *А.А. Формозов.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969

Фурсикова, 2002 – *Е.Г. Фурсикова.* О стилистических параллелях в окуневском и скифо-сибирском искусстве // Степи Евразии в древности и средневековье (к 100-летию со д. р. М.П. Грязнова). Кн. I. СПб., 2002

Хаврин,1995 – *С.В. Хаврин.* Окуневские бронзы // ПИОК, СПб., 1995

Хаврин, 1997 – *С.В. Хаврин.* Могильник Верх. Аскиз I, курган 1 // ОС. СПб., 1997

Хаврин, 1997а – *С.В. Хаврин.* Спектральный анализ окуневского металла // ОС, СПб., 1997

Хлобыстин, Шер, 1966 – *Л.П. Хлобыстин, Я.А. Шер.* Неолитическое погребение близ дер. Байкалово на Енисее // КСИА, вып. 106, 1966

Хлобыстина, 1971 – *М.Д. Хлобыстина.* Древнейшие мифы в памятниках окуневского искусства // Первобытное искусство. Новосибирск, 1971

Хлобыстина, 1971а – *М.Д. Хлобыстина.* Могильник Черемушный Лог и эпоха раннего металла на Среднем Енисее // СА, № 4, 1971

Хлобыстина, 1972 – *М.Д. Хлобыстина.* Палеосоциологические проблемы южносибирского энеолита // СА, № 2, 1972

Хлобыстина, 1973 – *М.Д. Хлобыстина.* Происхождение и развитие культуры ранней бронзы в Южной Сибири // СА, № 1, 1973

Хлобыстина, 1978 – *М.Д. Хлобыстина.* Тотемно-космогонические образы в искусстве южносибирской бронзы // У истоков творчества (первобытное искусство). Новосибирск, 1978

Хлобыстина, 1979 – *М.Д. Хлобыстина.* Культура раннескотоводческих племен бассейна реки Абакан // Археология Южной Сибири (ИЛАИ, вып. 10). Кемерово, 1979

Цыб, Мамадаков, Степанова, 1998 – *С.В. Цыб, Ю.Т. Мамадаков, Н.Ф. Степанова.* Погребальное сооружение эпохи бронзы из Горного Алтая //Древности Алтая (Известия лаборатории археологии, № 3) Горно-Алтайск, 1998

Цыганков, 1926 – *С.Р. Цыганков.* Некоторое уникаты археологических коллекций в Минусинском Музее // Ежегодник Музея им. Н.М. Мартьянова. Т. 1, вып.1. Минусинск, 1926

Цэвээндорж, 1999 – *Д. Цэвээндорж.* Монголын эртний урлагийн тҮҮх. Улаанбаатар, 1999

Цэвээндорж, Цэрэдагва, Гунчинсурэн, Гарамжав, 2004 – *Д. Цэвээндорж, Я. Цэрэдагва, Б. Гунчинсурэн, Д. Гарамжав.* Жавхлант хайрханы хадны зураг (на монгольск. яз.). Улаанбаатар, 2004

Чалая, 1972 – *Л.В. Чалая.* Озерные стоянии Павлодарской области Пеньки 1, 2 // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972

Ченченкова, 2004 – *О.П. Ченченкова.* Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла (III-I тыс. до н.э.). Екатеринбург, 2004

Черных, Кузьминых, 1989 – *Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых.* Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989

Чикишева, 1995 – *Т.А. Чикишева.* Некоторые новые палеоантропологические материалы эпохи неолита и ранних этапов эпохи бронзы с территории Сибири // Третья итоговая сессия ИАЭ СО РАН (ноябрь 1995 года). Новосибирск, 1995

Чикишева, 1996 – *Т.А. Чикишева.* К воросу о формировании антропологического состава населения пазырыкской культуры Горного Алтая // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996

Чиндина, 1999 – *Л.А. Чиндина.* Головные уборы в художественном металле кулайского времени // Труды международной конференции по первобытному искусству, т. I. Кемерово, 1999

Чугунов, 1992 – *К.В. Чугунов.* Некоторые данные по материальной культуре племен эпохи поздней бронзы Тувы // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Т. II, Красноярск, 1992

Чугунов, 1997 – *К.В. Чугунов.* Новые находки личин в верховьях Енисея // ОС, СПб., 1997

Чугунов, 1999 – *К.В. Чугунов.* Некоторые итоги исследования могильника Догээ-Баары II // Круг знания. Научно-информационный сборник, вып. 2, Кызыл, 1999

Шер, 1980 – *Я.А. Шер.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980

Шер, 1989 – *Я.А. Шер.* Об истоках звериного стиля // Маргулановские чтения (сборник материалов конф.). Алма-Ата, 1989

Шер, 1991 – *Я.А. Шер.* О соотношении между афанасьевской и окуневской культурами // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири (тезисы докладов Всесоюзн. научн. конф.). Барнаул, 1991

Шер, 1998 – *Я.А. Шер.* О возможных истоках скифосибирского звериного стиля // Вопросы археологии Казахстана, вып. 2. Алма-Ата, 1998

Шер, 2004 – *Я.А. Шер.* Стиль в первобытном искусстве // Изобразительные памятники: стиль, эпохи, композиции (материалы научн. тематическ. конф.). СПб., 2004

Широков, 1974 – *В.П. Широков* (отв. ред.). Формирование берегов Красноярского водохранилища. Новосибирск, 1974

Шорин, 2004 – *А.Ф. Шорин.* Аятская культура: возможности анализа археологических источников и реконструкции истории ее населения // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004

Эдинг, 1940 – *Д.Н. Эдинг.* Резная скульптура Урала. Тр. ГИМ, вып. X. М., 1940

Янитс, 1959 – *Л.Ю. Янитс.* Неолитическое поселение Валма // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959

Ailios, 1909 – *Ailios.* Dit Sfinezeitliche Wohnplatzfunde in Finland. Helsingfors, 1909

Aksit, 1987 – *I. Aksit.* Ancient Treasures of Turkey. Istanbul, 1987

Anati, 1994 – E. *Anati.* Helan Shan. Art rupestre della China. Capo di Ponte, 1994

Anthony & Brown, 1991 – *D.W. Anthony & D.R. Brown.* The origins of horseback riding // Antiquity, 65, 1991

Appelgren-Kivalo, 1931 – *H. Appelgren-Kivalo.* Alt-Altaische Kunstdenkmaler Briefe und Bildermaterial von I R Aspelin Reisen in Sibirien und der Mongolei. (1887-1889) Helsingfors, 1931

Bahn, 1978 – *P. Bahn.* The 'unacceptable face' of the West European Upper Palaeolithic // Antiquity, LII, 1978

Chen Zhao Fu, 2004. – *Chen Zhao Fu.* Chinese Rock Art Research in the Twentieth Century // The Future of Rock Art – a World Review. Stockholm, 2004

Gai Shanlin, 1986 – *Gai Shanlin.* Petroglyphs in the Yinshan mountains (на китайск. яз.). Beijing, 1986

Gai Shanlin, 1989 – *Gai Shanlin.* Petroglyphs in the Wulanchabu Grasslang (на китайск. яз.). Beijing, 1989

Gai Shanlin, Lou Yudong, 1993. – *Gai Shanlin, Lou Yudong.* Breif Account of Rock Paintings in China // The rock art of China. Beijing, 1993

Gotlib, 1999 – *A. Gotlib.* Bronzezeitliche Bergfestungen ("Svc") in Khakassien // Eurasia Antiqua. Band 5, 1999

Hyland, 2003 – *A. Hyland.* The Horse in the Ancient World. Sutton Publishing, 2003

Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2001 – *E. Jacobson, V. Kubarev, D. Tseevendorj.* Mongolie du Nord-Ouest Tsagaan Salaa/Baga Oigor // Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. No 6. Mémoires de la Mission archéologique Française en Asie Centrale. Planches. T.V. 6. Paris, 2001

Jiang Zhenming, 1991 – *Jiang Zhenming. Timeless.* History. The Rock Art of China. Beijing, 1991

Kovalev, 1999 – *A. Kovalev.* Die altesten Stelen am Ertix. Das Kultur phanomen Xemirxek // Eurasia Antiqua. Band 5, 1999

Kubarev, Jacobson, 1996 – *V. Kubarev, E. Jacobson.* Répertoire des pétroglyphes d'Asie Central. Sibérie du Sud 3: Kalbak –Tash (Republique l'Altai). Paris, 1996

Leont'ev, Kapel'ko, 2002 – *N.V. Leont'ev, V.F. Kapel'ko.* Steinstelen der Okunev-kultur // Archäologie in Eurasien, band 13, Mainz, 2002

Levine, 1999 – *M. Levine.* The Origins of Horse Husbandry on the Eurasian Steppes // Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe. Cambridge, 1999

Li Fushun, Liang Yan, 1998 – *Li Fushun, Liang Yan.* Sun-god worship as seen in Chinese rock art // International newsletter on rock art, № 19, 1998

Littauer & Crouwel, 1979 – *M.A. Littauer & J.H. Crouwel.* Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East. Leiden/Köln, 1979

Miklashevich, Pyatkin, 1998 – *E.A. Miklashevich & B.N. Pyatkin.* The petroglyphs at Sukhanikha Mountain (Middle Yenisei) // International Newsletter On Rock Art, № 21, 1998

Molodin, 2001 – *V.I. Molodin.* Bronzezeit im Berg-Altai // Eurasia Antiqua. Band 7, 2001

Nagler, 1999 – *A. Nagler.* Waren die Träger der Okunev-Kultur Nomaden // Eurasia Antiqua. Band 5, 1999

Piggott, 1983 – *S. Piggott.* The Earliest Wheeled Transport from the Atlantic Coast to the Caspian Sea. Thames and Hudson, 1983

Pigott, 1992 – *S. Piggott,* Wagon, Chariot and Carriage. Symbol and status in the history of transport. Thames and Hudson, 1992

Piotrovsky, Smirnova, Joffroy, 1979 – *B.B. Piotrovsky, G.P. Smirnova, R. Joffroy.* Avant les Scythes: Prehistoire de l'art en URSS, 1979

Roaf, 1996 – *M. Roaf.* Cultural Atlas of Mesopotamia and the Ancient Near East. Oxford, 1996

Sher, 1988 – *J.A. Sher.* On the sources of the Scythic Animal Stile // Arctic Antropology, vol. 25, No. 2, Illinois University Press, 1988

Sher, 1999 – *J.A. Sher.* Répertoire des pétroglyphes d'Asie Central. Fasc. 4. Sibérie du Sud 4: Cheremushny Log, Ust'-Kulog (Russie, Khakassie). Paris, 1999

The Sacred Books of the East, 1900 – *The Sacred Books of the East,* vol. XIV, Oxford, 1900

Xu Cheng, Wei Zhong, 1993 – *Xu Cheng and Wei Zhong.* Helan Mountains Petroglyphs in Ningxia Hui Autonomous Region, China (на китайск. яз.). Beijing, 1993

Zaitseva, van Geel, Bokovenko, Chugunov, Dergachev, Dirksen, Koulkova, Nagler, Parzinger, van der Plicht, Burova, Lebedeva, 2004 – *O. Zaitseva, B. van Geel, N.A. Bokovenko, K.V. Chugunov, V.A. Dergachev, V.G. Dirksen, M.A. Koulkova, A. Nagler, H. Parzinger, J. van der Plicht, N.D. Burova, L.M. Lebedeva.* Chronology and possible links between climatic and cultural change during the first millennium BC in Southern Siberia and Central Asia // Radiocarbon. V. 46, No. 1, 2004

Список сокращений:

АВ	Археологические Вести
АО	Археологические открытия
ВАУ	Вопросы археологии Урала
Вест. САИПИ	Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства
ЗОРСА	Записки Отдела русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИАЭ СО РАН	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИЛАИ	Известия Лаборатории археологических исследований
КСИА	Краткие сообщения Института Археологии АН
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИКЦА	Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ	Материалы по этнографии
ОС	Окуневский сборник
ПИОК	Проблемы изучения окуневской культуры
РА	Российская археология
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
Сб. МАЭ	Сборник Музея антропологии и этнографии
СЭ	Советская этнография
Тр. ГИМ	Труды Государственного исторического музея
УЗ ТНИИЯЛИ	Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Annotation

Die Okunev-Kultur, eine der interessantesten und geheimnisvollsten Kulturen der Bronzezeit des Minusinsker Beckens, wird im Wesentlichen anhand von zwei Denkmalstypen dargestellt. Es sind Grabkomplexe und großartigen Kunstwerke (Standbilder, Gravierungen auf den Grabplatten, Felszeichnungen und Gegenstände der Kleinplastik). Die Okunev-Kultur wird auf Mitte - dritten Viertel des 2 Jt. v. Chr. datiert, aber es ist jedoch klar, dass einige ihrer Komponenten bereits schon früher erschienen sind, und die Traditionen der Okunev-Zeit in der Folgezeit weiter existierten.

Es sind bereits zahlreiche Publikationen erschienen, die sich mit den Veröffentlichungen der Neufunde, den chronologischen Fragen, der Genese und Interpretation der Denkmäler der Okunev-Kultur befassen. Darunter eine Monografie von E.B. Vadeckaja, N.V. Leont'ev und G.A. Maksimenkov (Pamjatniki okunevskoj kultury. Leningrad, 1980), ein von D.G. Savinov und M.L. Podolskij herausgegebener Okunev-Sammelband (Okunevskij sbornik: kultura, iskusstvo, antropologija. Sankt-Peterburg, 1997). Von besonderer Bedeutung ist der Katalog der okunevzeitlichen Stelen von N.V. Leont'ev und V.F. Kapel'ko (Steinstelen der Okunev-Kultur. Archäologie in Eurasien. Band 13. 2002), der mit Unterstützung der Eurasien-Abteilung des Deutschen Archäologischen Instituts verfasst werden konnte.

Die drei oben genannten Publikationen schließen eine Reihe der wichtigsten Quellen zur Erforschung der Okunev-Kultur.

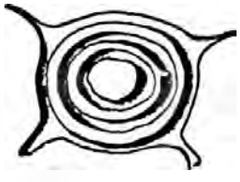
Der vorliegende Okunev-Sammelband 2 ist ein weiterer Schritt in der Erforschung des Phänomens der Okunev-Kultur.

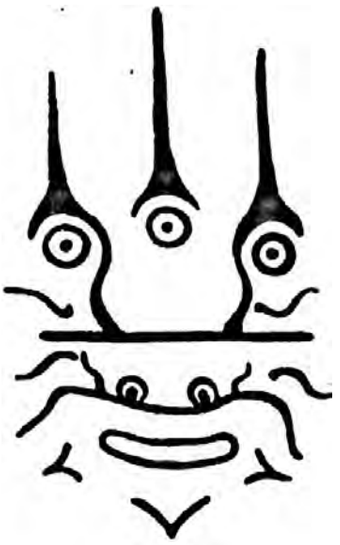
Die Aufsätze sind inhaltlich in zwei Teile einzugliedern. Der erste Teil umfasst die Veröffentlichungen der zwar schon bekannten jedoch bis heute nur teilweise publizierten Denkmäler der Okunev-Kultur. Einige davon, wie Tas-Chasa, Beltyry, Syda V, Razliv X u.a., die 1950-1970 entdeckt wurden, können als „klassische" bezeichnet werden. Von nicht geringerer Bedeutung ist die Publikation, die sich mit den in den letzten Jahren entdeckten okunevzeitlichen Bestattungen befasst, wie Kurgane in der Nähe von Minusink und in der Ujbat-Steppe. Als ein neuer Typ der Denkmäler der Okunev-Kultur sind die bronzezeitlichen Bergfestungen, sogenannte „sve". In einigen Aufsätzen handelt es sich um die Okunev-Kunst, die Typologie der Grabanlagen und Keramik sowie die Wirtschaftsformen (Domestizierung), die Metallurgie und die Paläoanthropologie der Okunev-Kultur. Diese Aufsätze spiegeln den gegenwärtigen Stand der Forschung zu Okunev-Kultur und Kunst wider.

Der zweite Teil enthält die Aufsätze, in denen die Funde und Befunde der „Umgebung" der Okunev-Kultur im Sajan-Altai-Gebiet sowie in anderen Regionen Zentralasiens analysiert werden. Die in diesem Sammelband publizierten Denkmäler sind von großer Bedeutung für die Rekonstruktion der Prozesse der Kulturgenese, die in den Steppen Eurasiens in 2 Jt v. Chr. stattfanden und die schließlich zur Entstehung der Okunev-Kultur mit ihrer einzigartigen Kunst führten.

Unter den Autoren sind Spezialisten aus Moskau, Sankt-Petersburg, Berlin, Novosibirsk, Barnaul, Kemerovo, Tomsk, Omsk, Krasnojarsk, Minusinsk.

Solch eine enge Zusammenarbeit der Wissenschaftler verschiedener Institutionen lässt auf weitere Ergebnisse in der Erforschung der Okunev-Kultur hoffen.

Подписано в печать 25.04.06
Формат 60x90 1/8. Печ. л. 45,75. Тираж 300 экз.
Заказ № 176

Издательство «Элексис Принт»
Санкт-Петербург, ул. Гороховая, д. 70
тел. 325-96-46

Отпечатано в типографии ООО «Элексис Принт»,
Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, д. 10.,
тел.274-83-82